

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

Полное собрание сочинений. Том 36.
Произведения 1904—1906

Государственное издательство
«Художественная литература», 1936

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:
[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 36-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
[Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, сообщите нам на
report.tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с главным партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

LÉON TOLSTOÏ

OEUVRES COMPLÈTES

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE de

V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:

K. CHOKHOR-TROTSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,

N. PIKSANOFF, N. RODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY,

A. TOLSTAÏA et M. TSIAVLOVSKY

SANCTIONNÉ PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:

V. BONICH-BROUÏEVITCH, J. LOUPPOL et M. SAVELIEFF

PREMIÈRE SÉRIE

O E U V R E S

TOME

36

ÉDITION D'ÉTAT

MOSCOU—LÉNINGRAD

1936

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
А. В. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДЗИЯ, Н. П. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
М. С. РОДНОНОВА, П. П. САКУЛИНА, В. П. СРЕЗНЕВСКОГО, А. Л. ТОЛСТОЙ
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ В СОСТАВЕ
В. Д. ВОНЧ-ВРУБНИЧА, И. К. ДУПНОЛА и М. А. САВЕЛЬЕВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

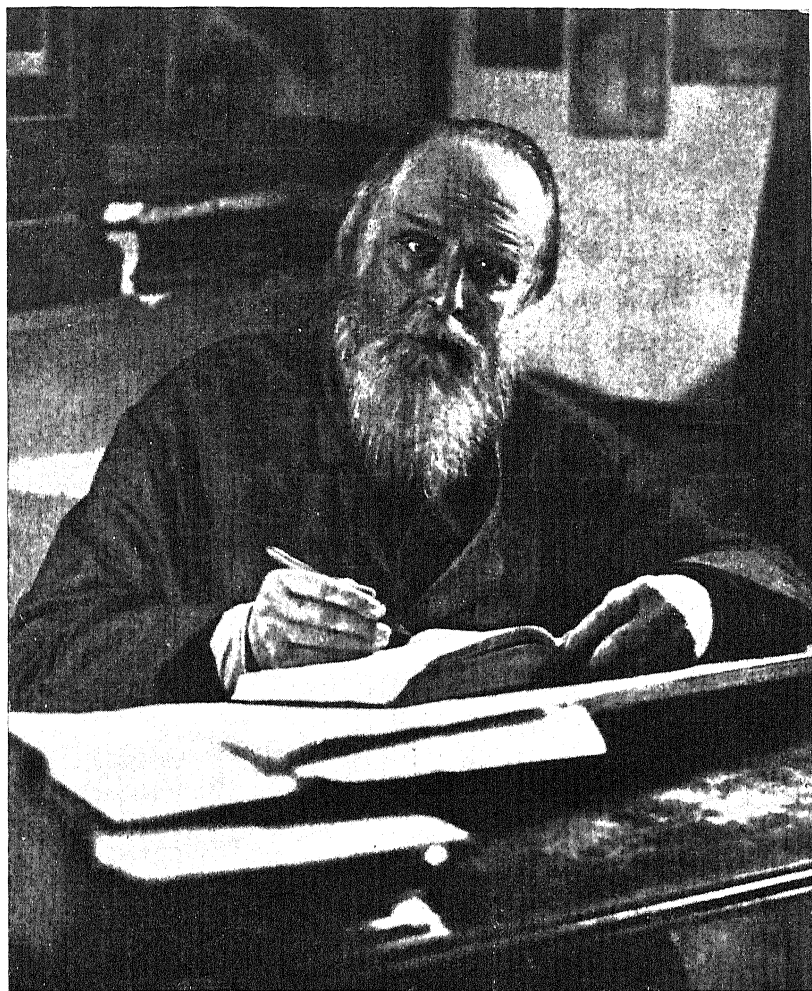
Т О М

36

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1986

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕРТКОВ
Род. 4 ноября 1854 г., ум. 9 ноября 1936 г.

Фотография А. Я. Эйдинова

Государственная Редакционная Комиссия, Редакторский Комитет и Государственное издательство „Художественная Литература“ с глубокой скорбью сообщают, что 9/XI 1936 г. в Москве на 83-м году жизни скончался

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕРТКОВ

главный редактор настоящего издания и ближайший друг великого писателя Льва Николаевича Толстого, завещавшего Черткову опубликование всего своего литературного наследства.

В. Г. Чертков был утвержден Советом Народных Комиссаров Союза ССР главным редактором первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Под общей редакцией В. Г. Черткова при его жизни подготовлено к печати 72 тома. Общая редакционная работа по остальным томам также проходила в значительной степени под его руководством.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1904 — 1906 гг.

**РЕДАКТОР
Н. Е. ГУДВИЙ**

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904—1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого — «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мипшиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, *печатавшихся при жизни Толстого*, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гроздовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, *непечатавшихся при жизни Толстого*, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетянька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ный», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспро-

изводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» — лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв; замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсут-

ствующие тире; двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

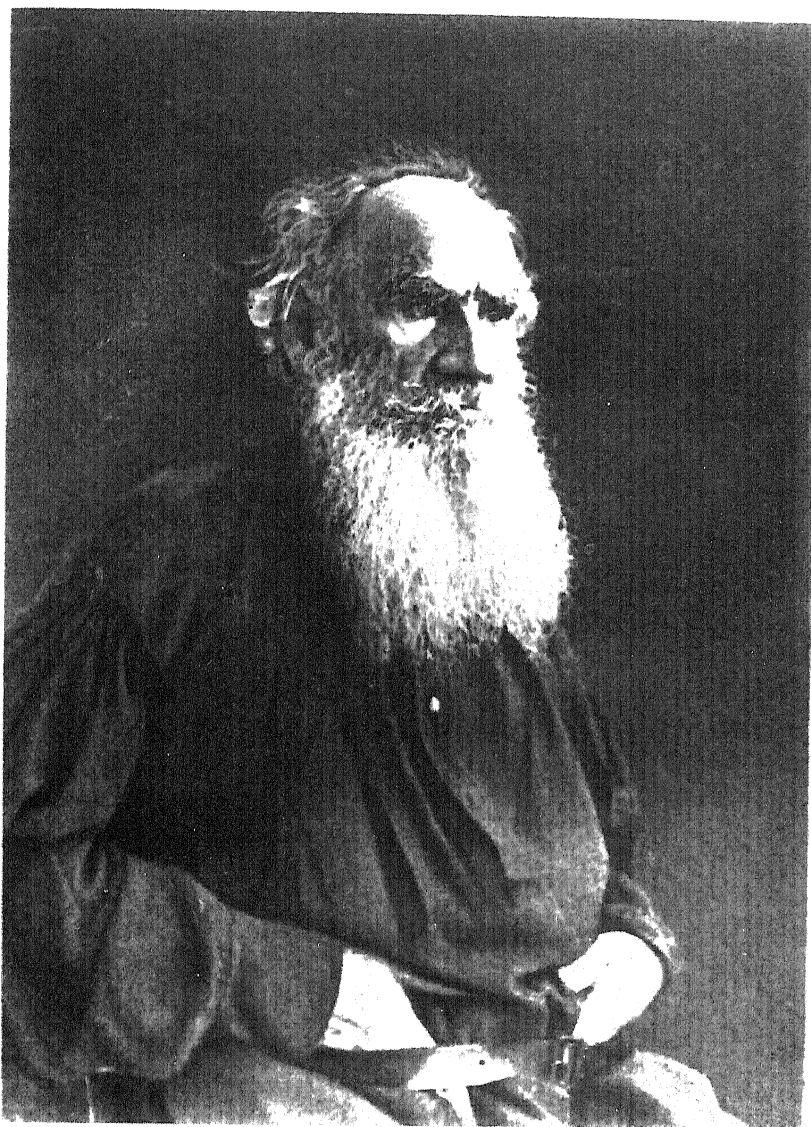
При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях — с оговоркой в сноске: *Абзац редактора.*

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, * *, * * * в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте; как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * — что печатается впервые, ** — что напечатано после смерти Толстого, * * * — что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и * * * — что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 г.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1904 — 1906 гг.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(ПРИ ЖИЗНИ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ, НЕОТДЕЛАННЫЕ
И НЕЗАКОНЧЕННЫЕ)**

** ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Федор Михайлович Смоковников, председатель казенной палаты, человек неподкупной честности, и гордящийся этим, и мрачно либеральный и не только свободномыслящий, но ненавидящий всякое проявление религиозности, которую он считал остатком суеверий, вернулся из палаты в самом дурном расположении духа. Губернатор написал ему преглупую бумагу, по которой можно было предположить замечание, что Федор Михайлович поступил нечестно. Федор Михайлович очень озлобился и тут же написал бойкий и колкий ответ.

Дома, Федору Михайловичу казалось, всё делалось ему наперекор.

Было без 5 минут 5 часов. Он думал, что сейчас же подадут обедать, но обед не был еще готов. Федор Михайлович хлопнул дверь и ушел в свою комнату. В дверь постучался кто-то. «Кой черт еще там», подумал он и крикнул:

— Кто там еще?

В комнату вошел гимназист пятого класса, пятнадцатилетний мальчик, сын Федора Михайловича.

— Зачем ты?

— Нынче первое число.

— Что? Деньги?

Было заведено, что каждое первое число отец давал сыну жалованья на забавы 3 рубля. Федор Михайлович нахмурился, достал бумажник, поискал и вынул купон в 2¹/₂ рубля, потом достал штучку с серебром и отсчитал еще 50 копеек. Сын молчал и не брал.

— Папа, пожалуйста, дай мне вперед.

— Что?

— Я не просил бы, да я занял на честное слово, обещал. Я, как честный человек, не могу... мне надо еще три рубля, право, не буду просить... не то что не буду просить, а просто... пожалуйста, папа.

— Тебе сказано...

— Да папа, ведь один раз...

— Ты получаешь жалованья 3 рубля, и всё мало. Я в твои года не получал и 50 копеек.

— Теперь все товарищи мои больше получают. Петров, Ивановичий 50 рублей получают.

— А я тебе скажу, что если ты так поведешь себя, ты будешь мошенник. Я сказал.

— Да что же сказали. Вы никогда не войдете в мое положение, я должен буду подлецом быть. Вам хорошо.

— Пошел вон, шалопай. Вон.

Федор Михайлович вскочил и бросился к сыну.

— Вон. Сечь вас надо.

Сын испугался и озлобился, но озлобился больше, чем испугался, и, склонив голову, скорым шагом пошел к двери. Федор Михайлович не хотел бить его, но он был рад своему гневу и долго еще кричал, провожая сына, бранные слова.

Когда пришла горничная и сказала, что готово обедать, Федор Михайлович встал.

²⁰ — Наконец, — сказал он. — Мне уже и есть не хочется.

И насупившись пошел к обеду.

За столом жена заговорила с ним, но он так буркнул сердито короткий ответ, что она замолчала. Сын тоже не подымал глаз от тарелки и молчал. Поели молча и молча встали и разошлись.

После обеда гимназист вернулся в свою комнату, вынул из кармана купон и мелочь и бросил на стол, а потом снял мундир, надел куртку. Сначала гимназист взялся за истрепанную латинскую грамматику, потом запер дверь на крючок, смел рукой со стола в ящик деньги, достал из ящика гильзы, насыпал одну,³⁰ заткнул ватой и стал курить.

Просидел он над грамматикой и тетрадами часа два, ничего не понимая, потом встал и стал, топая пятками, ходить по комнате и вспоминать всё что было с отцом. Все ругательные слова отца, особенно его злое лицо, вспоминались ему, точно он сейчас слышал и видел его. «Шалопай. Сечь надо». И что больше он вспоминал, то больше злился на отца. Вспомнил он, как отец сказал ему: «Вижу, что из тебя выйдет — мошенник. Так и знай». — «И выйдешь мошенником, если так. Ему хорошо. Он забыл, как был молод. Ну, какое же я сделал преступление? Просто поехал в театр, не было денег, взял у Пети Грушецкого. Что же тут дурного? Другой бы пожалел, расспросил, а этот только ругаться и об себе думать. Вот когда у него чего-нибудь нет — это крик на весь дом, а я мошенник. Нет, хоть он и отец, а не люблю я его. Не знаю, все ли так, но я не люблю».

В дверь постучалась горничная. Она принесла записку.

— Велели ответ непременно.

В записке было написано: «Вот уже третий раз я прошу тебя возвратить взятые тобой у меня 6 рублей, но ты отвали-

ваешь. Так не поступают честные люди. Прошу немедленно прислать с сим посланным. Мне самому нужна дозарезу. Неужели же ты не можешь достать?

Твой, смотря по тому, отдашь ты или не отдашь, презирующий или уважающий тебя товарищ

Грушецкий».

«Вот и думай. Экая свинья какая. Не может подождать. Попытаюсь еще».

Митя пошел к матери. Это была последняя надежда. Мать его была добрая и не умела отказывать, и она, может быть, и помогла бы ему, но нынче она была встревожена болезнью меньшого, двухлетнего Пети. Она рассердилась на Митю за то, что он пришел и зашумел, и сразу отказала ему.

Он что-то проворчал себе под нос и пошел из двери. Ей стало жалко сына, и она воротила его.

— Постой, Митя, — сказала она. — У меня нет теперь, но завтра я достану.

Но в Мите всё еще кипела злоба на отца.

— Зачем мне завтра, когда нужно нынче? Так знайте, что я пойду к товарищу.

Он вышел, хлопнув дверью.

«Больше делать нечего, он научит, где часы заложить», подумал он, ощупывая часы в кармане.

Митя достал из стола купон и мелочь, надел пальто и пошел к Махину.

II.

Махин был гимназист с усами. Он играл в карты, знал женщин, и у него всегда были деньги. Он жил с теткой. Митя знал, что Махин нехороший малый, но, когда он был с ним, он невольно подчинялся ему. Махин был дома и собирался в театр: в грязной комнатке его пахло душистым мылом и одеколоном.

— Это, брат, последнее дело, — сказал Махин, когда Митя рассказал ему свое горе, показал купон и пятьдесят копеек и сказал, что ему нужно девять рублей. — Можно и часы заложить, а можно и лучше, — сказал Махин, подмигивая одним глазом.

— Как лучше?

— А очень просто. Махин взял купон. —

— Поставить единицу перед 2 р. 50, и будет 12 р. 50.

— Да разве бывают такие?

— А как же, а на тысячерублевых билетах. Я один спустил такой.

— Да не может быть?

— Так что ж, валить? — сказал Махин, взяв перо и расправив купон пальцем левой руки.

— Да ведь это нехорошо.

— И, вздор какой.

«И точно», подумал Митя, и ему вспомнились опять ругательства отца: мошенник. «Вот и буду мошенником». Он посмотрел в лицо Махину. Махин смотрел на него, спокойно улыбаясь.

— Что же, валить?

— Вали.

Махин старательно вывел единицу.

— Ну, вот теперь пойдем в магазин. Вот тут на углу: фото-
10 графические принадлежности. Мне кстати рамка нужна, вот на эту персону.

Он достал фотографическую карточку большеглазой девицы с огромными волосами и великолепным бюстом.

— Какова душка? А?

— Да, да. Как же...

— Очень просто. Пойдем.

Махин оделся, и они вместе вышли.

III.

В входной двери фотографического магазина зазвонил коло-
20 кольчик. Гимназисты вошли, оглядывая пустой магазин с полками, установленными принадлежностями, и с витринами на прилавках. Из задней двери вышла некрасивая с добрым лицом женщина и, став за прилавком, спросила, что нужно.

— Рамочку хорошенькую, мадам.

— На какую цену? — спросила дама, быстро и ловко перебирая руками в митенках, с опухшими сочленениями пальцев, рамки разных фасонов. — Эти на 50 копеек, а эти подороже. А вот это очень миленький, новый фасон, рубль двадцать.

— Ну, давайте эту. Да нельзя ли уступить? Возьмите рубль.

30 — У нас не торгуются, — достойно сказала дама.

— Ну, Бог с вами, — сказал Махин, кладя на витрину купон.

— Давайте рамочку и сдачу, да поскорее. Нам в театр не опоздать.

— Еще успеете, — сказала дама и стала близорукими глазами рассматривать купон.

— Мило будет в этой рамочке. А? — сказал Махин, обращаясь к Мите.

— Нет ли у вас других денег? — сказала продавщица.

40 — То-то и горе, что нету. Мне дал отец, надо же разменять.

— Да неужели нет рубля двадцати?

— Есть 50 копеек. Да что же, вы боитесь, что мы вас обманываем фальшивыми деньгами?

— Нет, я ничего.

— Так давайте назад. Мы разменяем.

— Так сколько вам?

— Да стало-быть, одиннадцать с чем-то.

Продавщица пощелкала на счетах, отперла конторку, достала 10 рублей бумажкой и, пошевелив рукой в мелочи, собрала еще 6 двугривенных и два пятака.

— Потрудитесь завернуть, — сказал Махин, неторопливо взяв деньги.

— Сейчас.

Продавщица завернула и завязала бечевкой.

Митя перевел дыхание только, когда колокольчик входной двери зазвенел за ними, и они вышли на улицу.

— Ну вот тебе 10 рублей, а эти дай мне. Я тебе отдам.

И Махин ушел в театр, а Митя пошел к Грушецкому и рассчитался с ним.

IV.

Через час после ухода гимназистов хозяин магазина пришел домой и стал считать выручку.

— Ах, дура косолапая! Вот дура-то, — закричал он на свою жену, увидав купон и тотчас же заметив подделку. — И зачем брать купоны.

— Да ты сам, Женя, брал при мне, и именно двенадцатирублевые, — сказала жена, сконфуженная, огорченная и готовая плакать. — Я и сама не знаю, как они меня обморочили, — говорила она, — гимназисты. Красивый молодой человек, казался такой коммифотный.

— Коммифотная дура, — продолжал браниться муж, считая кассу. — Я беру купон, так знаю и вижу, что на нем написано. А ты, я чай, только рожу гимназистов рассматривала на старости лет.

Этого не выдержала жена и сама рассердилась.

— Настоящий мужчина! Только других осуждать, а сам проиграешь в карты 54 рубля — это ничего.

— Я — другое дело.

— Не хочу с тобой говорить, — сказала жена и ушла в свою комнату и стала вспоминать, как в ее семье не хотели выдавать ее замуж, считая мужа ее гораздо ниже по положению, и как она одна настояла на этом браке; вспомнила про своего умершего ребенка, равнодушие мужа к этой потере и возненавидела мужа так, что подумала о том, как бы хорошо было, если бы он умер. Но, подумав это, она испугалась своих чувств и поторопилась одеться и уйти. Когда ее муж вернулся в квартиру, жены уже не было. Она, не дожидаясь его, оделась и одна уехала к знакомому учителю французского языка, который звал нынче на вечер.

V.

У учителя французского языка, русского поляка, был парадный чай с сладкими печениями, а потом сели за несколько столов в винт.

Жена продавца фотографических принадлежностей села с хозяином, офицером и старой, глухой дамой в парике, вдовой содержателя музыкального магазина, большой охотницей и мастерицей играть. Карты шли к жене продавца фотографических принадлежностей. Она два раза назначила шлем. Подле нее стояла тарелочка с виноградом и грушей, и на душе у нее было весело.

— Что же Евгений Михайлович не идет? — спросила хозяйка с другого стола. — Мы его пятым записали.

— Верно, увлекся счетами, — сказала жена Евгенья Михайловича, — нынче расчеты за провизию, за дрова.

И вспомнив про сцену с мужем, она нахмурилась, и ее руки в митенках задрожали от злобы на него.

— Да вот легок на помине, — сказал хозяин, обращаясь к ходившему Евгенью Михайловичу. — Что запоздали?

²⁰ — Да разные дела, — отвечал Евгений Михайлович веселым голосом, потирая руки. И, к удивлению жены, он подошел к ней и сказал:

— А знаешь, я купон-то спустил.

— Неужели?

— Да, мужику за дрова.

И Евгений Михайлович рассказал всем с большим негодованием, — в рассказ его включала подробности его жена, — как надули его жену бессовестные гимназисты.

— Ну-с, теперь за дело, — сказал он, усаживаясь за стол, ³⁰ когда пришел его черед, и тасуя карты.

VI.

Действительно, Евгений Михайлович спустил купон за дрова крестьянину Ивану Миронову.

Иван Миронов торговал тем, что покупал на дровяных складах одну сажень дров, развозил ее по городу и выкладывал так, что из сажени выходило 5 четверок, которые он продавал за ту же цену, какую стоила четверть на дровяном дворе. В тот несчастный для Ивана Миронова день он рано утром вывез осьмушку и, скоро продав, наложил другую еще осьмушку и надеялся ⁴⁰ продать, но провозил до вечера, добываясь покупателя, но никто не купил. Он всё попадал на опытных городских жителей, которые знали обычные проделки мужиков, продающих дрова, и не верили тому, что он привез, как он уверял, дрова из деревни. Сам он проголодался, иззяб в своем вытертом полушубке и рва-

ном армяке; мороз к вечеру дошел до 20 градусов; лошаденка, которую он не жалел, потому что собирался продать ее драчам, совсем стала. Так что Иван Миронов готов был даже с убытком отдать дрова, когда ему встретился ходивший за табаком в магазин и возвращавшийся домой Евгений Михайлович.

— Возьмите, барин, задешево отдам. Лошаденка стала совсем.

— Да ты откуда?

— Мы из деревни. Свои дрова, хорошие, сухие.

— Знаем мы вас. Ну, что возьмешь?

Иван Миронов запросил, стал сбавлять и, наконец, отдал 10 за свою цену.

— Только для вас, барин, что близко везти, — сказал он.

Евгений Михайлович не очень торговался, радуясь мысли, что он спустит купон. Кое-как, сам подтягивая за оглобли, Иван Миронов ввез дрова во двор и сам разгрузил их в сарай. Дворника не было. Иван Миронов сначала замялся брать купон, но Евгений Михайлович так убедил его и казался таким важным баринком, что он согласился взять.

Войдя с заднего крыльца в девичью, Иван Миронов перекрестился, оттаял сосульки с бороды и, заворотив полу каф-²⁰тана, достал кожаный кошелек и из него 8 рублей 50 копеек и отдал сдачу, а купон, завернув в бумажку, положил в кошелек.

Поблагодарив, как водится, барина, Иван Миронов, разгоняя уж не кнутом, но кнутовищем насилу передвигавшую ноги, обшидевешшую, обреченную на смерть клячонку, пороженем погнал к трактиру.

В трактире Иван Миронов спросил себе на 8 копеек вина и чая и, отогревшись и даже распотевши, в самом веселом расположении духа беседовал с сидевшим у его же стола двор-³⁰ником. Он разговорился с ним, рассказал ему все свои обстоятельства. Рассказал, что он из деревни Васильевского, в 12 верстах от города, что он отделенный от отца и братьев и живет теперь с женой и двумя ребятами, из которых старший только ходил в училище, а еще не помогал ничего. Рассказал, что он здесь стоит на фатере и завтра пойдет на конную продаст своего одра и присмотрит, а если и придется — купит лошадку. Рассказал, что у него набралось теперь без рубля четвертная и что у него половина денег в купоне. Он достал купон и показывал дворнику. Дворник был безграмотный, но сказал, что он ¹⁰менивал для жильцов такие деньги, что деньги хорошие, но бывают поддельные, и потому советовал для верности отдать здесь у стойки. Иван Миронов отдал половому и велел принести сдачи, но половой не принес сдачу, а пришел лысый, с глянце-
витым лицом приказчик с купоном в пухлой руке.

— Деньги ваши не годятся, — сказал он, показывая купон, но не отдавая его.

— Деньги хорошие, мне барин дал.

— То-то что не хорошие, а поддельные.
— А поддельные, так давай их сюда.
— Нет, брат, вашего брата учить надо. Ты с мошенниками подделал.

— Давай деньги, какую ты имеешь полную праву?

— Сидор! клиньи-ка полицейского, — обратился буфетчик к половому.

Иван Миронов был выпивши. А выпивши он был неспокоен. Он схватил приказчика за ворот и закричал:

10 — Давай назад, я пойду к барину. Я знаю, где он.

Приказчик рванулся от Ивана Миронова, и рубаха его затрепала.

— А, ты так. Держи его.

Половой схватил Ивана Миронова, и тут же явился городской. Выслушав, как начальник, в чем дело, он тотчас же решил его.

— В участок.

Купон городской положил себе в портмоне и вместе с лошастью отвел Ивана Миронова в участок.

20

VII.

Иван Миронов переночевал в участке с пьяными и ворами. Уже около полудня его потребовали к околоточному. Околоточный допросил его и послал с городовым к продавцу фотографических принадлежностей. Иван Миронов запомнил улицу и дом.

Когда городской вызвал барина и представил ему купон и Ивана Миронова, утверждавшего, что этот самый барин дал ему купон, Евгений Михайлович сделал удивленное и потом строгое лицо.

30 — Что ты, видно с ума спятил. В первый раз его вижу.

— Барин, грех, умирать будем, — говорил Иван Миронов.

— Что с ним сделалось? Да ты, верно, заспал. Ты кому-нибудь другому продал, — говорил Евгений Михайлович. — Впрочем, постойте, я пойду у жены спрошу, брала ли она вчера дрова.

Евгений Михайлович вышел и тотчас же позвал дворника, красивого, необыкновенно сильного и ловкого щеголя, веселого малого Василья, и сказал ему, что если у него будут спрашивать, где взяты последние дрова, чтобы он говорил, что в складе, 40 а что у мужиков дров не покупали.

— А то тут мужик показывает, что я ему фальшивый купон дал. Мужик бестолковый, Бог знает что говорит, а ты человек с понятием. Так и говори, что дрова мы покупаем только в складе. А это я тебе давно хотел дать на куртку, — прибавил Евгений Михайлович и дал дворнику 5 рублей.

Василий взял деньги, блеснул глазами на бумажку, потом на лицо Евгения Михайловича, тряхнул волосами и слегка улыбнулся.

— Известно, народ бестолковый. Необразованность. Не извольте беспокоиться. Я уж знаю, как сказать.

Сколько и как слезно ни умолял Иван Миронов Евгения Михайловича признать свой купон и дворника подтвердить его слова, и Евгений Михайлович и дворник стояли на своем: никогда не брали дров с вozов. И городской свел назад в участок Ивана Миронова, обвиняемого в подделке купона. ¹⁰

Только по совету сидевшего с ним пьяного писаря, отдав пятерку околоточному, Иван Миронов выбрался из-под караула без купона и с семью рублями вместо двадцати пяти, которые у него были вчера. Иван Миронов пропил из этих семи рублей три и с разбитым лицом и мертвецки пьяный приехал к жене.

Жена была беременная на сносях и больная. Она начала ругать мужа, он оттолкнул ее, она стала бить его. Он, не отвечая, лег брюхом на нары и громко заплакал.

Только на другое утро жена поняла, в чем было дело, и, поверив мужу, долго кляла разбойника барина, обманувшего ее Ивана. И Иван, протрезвившись, вспомнил, что ему советовал мастеровой, с которым он шел вчера, и решил идти к аблакату жаловаться. ²⁰

VIII.

Адвокат взялся за дело не столько из-за денег, которые он мог получить, сколько из-за того, что поверил Ивану и был возмущен тем, как бессовестно обманули мужика.

На суд явились обе стороны, и дворник Василий был свидетелем. На суде побитоелось то же. Иван Миронов поминал про Бога, про то, что умирать будем. Евгений Михайлович, ³⁰ хотя и мучался сознанием гадости и опасности того, что он делал, не мог уже теперь изменить показания и продолжал с внешне спокойным видом всё отрицать.

Дворник Василий получил еще 10 рублей и с улыбкой спокойно утверждал, что видом не видал Ивана Миронова. И когда его привели к присяге, хотя и робел внутренне, наружно спокойно повторил за вызванным старичком священником слова присяги, на кресте и святом Евангелии клянясь в том, что будет говорить всю правду.

Дело кончилось тем, что судья отказал Ивану Миронову ⁴⁰ в иске, положил взыскать с него 5 рублей судебных издержек, которые Евгений Михайлович великодушно простил ему. Отпуская Ивана Миронова, судья прочел ему наставление о том, чтобы он вперед был осторожнее в взведении обвинений на почтенных людей и был бы благодарен за то, что ему простили судебные издержки и не преследуют его за клевету, за которую он отсидел бы месяца три в тюрьме.

— Благодарим покорно, — сказал Иван Миронов и, покачивая головой и вздыхая, вышел из камеры.

Всё это, казалось, кончилось хорошо для Евгения Михайловича и дворника Василья. Но это только казалось так. Случилось то, чего никто не видел, но что было важнее всего того, что люди видели.

Василий уже третий год ушел из деревни и жил в городе. С каждым годом он подавал отцу всё меньше и меньше и не выписал к себе жену, не нуждаясь в ней. У него здесь, в городе, ¹⁰ жен, и не таких, как его нехалыва, было сколько хочешь. С каждым годом Василий всё больше и больше забывал деревенский закон и осваивался с городскими порядками. Там всё было грубо, серо, бедно, неурядливо, здесь всё было тонко, хорошо, чисто, богато, всё в порядке. И он всё больше и больше уверялся, что деревенские живут без понятия, как звери лесные, здесь же — настоящие люди. Читал он книжки хороших сочинителей, романы, ходил на представления в народный дом. В деревне и во сне того не видишь. В деревне старики говорят: живи в законе с женой, трудись, лишнее не ешь, не щеголай, а ²⁰ здесь люди умные, ученые — значит, знают настоящие законы, — живут в свое удовольствие. И всё хорошо. До дела с купоном Василий всё не верил, что у господ нет никакого закона насчет того, как жить. Ему всё казалось, что он не знает их закона, а закон есть. Но последнее дело с купоном и, главное, его фальшивая присяга, от которой, несмотря на его страх, ничего худого не вышло, а, напротив, вышло еще 10 рублей, он совсем уверился, что нет никаких законов, и надо жить в свое удовольствие. Так он и жил, так и продолжал жить. Сначала он пользовался только на покупках жильцов, но этого [было] ³⁰ мало для всех его расходов, и он где мог стал таскать деньги и ценные вещи из квартир жильцов и украл кошелек Евгения Михайловича. Евгений Михайлович уличил его, но не стал подавать в суд, а расчел его.

Домой Василию идти не хотелось, и он остался жить в Москве с своей любезной, отыскивая место. Место нашлось дешевое к лавочнику в дворники. Василий поступил, но на другой же месяц попался в краже мешков. Хозяин не стал жаловаться, а побил Василья и прогнал. После этого случая места уже не находилось, деньги проживались, потом стала проживаться ⁴⁰ одежда, и кончилось тем, что остался один рваный пиджак, штаны и опорки. Любезная бросила его. Но Василий не утратил свое бодрое, веселое расположение и, дождавшись весны, пошел пеший домой.

IX.

Петр Николаевич Свентицкий, маленький, коренастый человек в черных очках (у него болели глаза, ему угрожала

полная слепота), встал, по обыкновению, до света и, выпив стакан чаю, надел крытый, отороченный мерлушкой полушубочек и пошел по хозяйству.

Петр Николаевич был таможенным чиновником и нажил там 18 тысяч рублей. Лет 12 тому назад он вышел в отставку не совсем по своей воле и купил именьеце промотавшегося юноши-помещика. Петр Николаич был на службе еще женат. Жена его была бедная сирота старого дворянского рода, крупная, полная, красивая женщина, не давшая ему детей. Петр Николаич во всех делах был человек основательный и настойчивый. Ничего не зная о хозяйстве (он был сын польского шляхтича), он так хорошо занялся хозяйством, что разоренное имение в 300 десятин через 10 лет стало образцовым. Все постройки у него, от дома до амбара и навеса над пожарной трубой, были прочные, основательные, крытые железом и во-время крашенные. В инструментном сарае стояли порядком телеги, сохи, плуги, бороны. Сбруя была вымазана. Лошади были не крупные, почти всё своего завода — саврасой масти, сытенькие, крепенькие, одна в одну. Молотилка работала в крытой риге, корм убирался в особенном сарае, навозная жижа стекала в мощеную яму. Коровы были тоже своего завода, не крупные, но молочные. Свиньи были аглицкие. Был птичник и особенно ноской породы куры. Сад фруктовый был обмазан и подсажен. Везде всё было хозяйственно, прочно, чисто, исправно. Петр Николаич радовался на свое хозяйство и гордился тем, что всего этого он достигал не притеснением крестьян, а, напротив, строгой справедливостью к ним. Он даже среди дворян держался среднего, скорее либерального, чем консервативного, взгляда и всегда перед крепостниками защищал народ. Будь с ними хороши, и они будут хороши. Правда, он не спускал промахов и ошибок рабочих, иногда и сам поталкивал их, требовал работы, но зато помещения, харчи были самые хорошие, жалованье всегда было выдано во-время, и в праздники он подносил водку.

Ступая осторожно по талому снегу, — это было в феврале, — Петр Николаич направился мимо рабочей конюшни к избе, где жили рабочие. Было еще темно; еще темнее от тумана, но в окнах рабочей избы был виден свет. Рабочие вставали. Он намеревался поторопить их: по наряду им надо было на шестером ехать за последними дровами в рощу.

«Это что?» подумал он, увидав отворенную дверь в конюшню.

— Эй, кто тут?

Никто не отозвался. Петр Николаич вошел в конюшню.

— Эй, кто тут?

Никто не отзывался. Было темно, под ногами мягко, и пахло навозом. Направо от двери в стойле стояла пара молодых саврасых. Петр Николаич протянул руку — пусто. Он тронул ногой. Не легла ли? Нога ничего не встретила. «Куда ж

они ее вывели?» подумал он. Запрягать — не запрягали, сани еще все наружи. Петр Николаич вышел из двери и крикнул громко:

— Эй, Степан.

Степан был старший рабочий. Он как раз выходил из рабочей.

— Юу! — откликнулся весело Степан. — Это вы, Петр Николаич? Сейчас ребята идут.

— Что у вас конюшня отперта?

10 — Конюшня? Не могу знать. Эй, Прошка, давай фонарь. Прошка прибежал с фонарем. Вошли в конюшню. Степан сразу понял.

— Это воры были, Петр Николаич. Замок сбит.

— Врешь?

— Свели, разбойники. Машки нет, Ястреба нет. Ястреб здесь. Пестрого нет. Красавчика нет.

Трех лошадей не было. Петр Николаич ничего не сказал. Нахмурился и тяжело дышал.

— Ох, попался бы мне. Кто караулил?

— Петька. Петька проспал.

20 Петр Николаич подал в полицию, к становому, земскому начальнику, разослал своих. Лошадей не нашли.

— Поганый народ! — говорил Петр Николаич, — что сделали. Я ли им добро не делал. Погоди же ты. Разбойники, все разбойники. Теперь я не так с вами поведу дело.

Х.

А лошади, тройка саврасых, были уже на местах. Одну, Машку, продали цыганам за 18 рублей, другого, Пестрого, променяли мужику за 40 верст, Красавчика загнали и зарезали. Продали шкуру за 3 рубля. Всему делу этому был 30 руководчиком Иван Миронов. Он служил у Петра Николаича и знал порядки Петра Николаича и решил вернуть свои денжки. И устроил дело.

После своего несчастья с фальшивым купоном Иван Миронов долго пил и пропил бы всё, если бы жена не спрятала от него хомуты, одежду и всё, что можно было пропить. Во время пьянства своего Иван Миронов не переставая думал не только о своем обидчике, но о всех господах и господишках, которые только тем живут, что обирают нашего брата. Пил один раз Иван Миронов с мужиками из-под Подольска. И мужики доро- 40 гой, пьяные, рассказали ему, как они свели лошадей у мужика. Иван Миронов стал ругать конокрадов за то, что они обидели мужика. — «Грех это, — говорил он, — у мужика лошадка всё равно брат, а ты его обездолишь. Коли уводишь, так у господ. Эти собаки того стоят». Дальше, больше, разговорились, и подольские мужики сказали, что у господ свести лошадей

хитро. Надо знать ходы, а без своего человека нельзя. Тогда Иван Миронов вспомнил про Свентицкого, у которого он жил в работниках, вспомнил, что Свентицкий не додал при расчете полтора рубля за сломанный шкворень, вспомнил и про саврасеньких лошадок, на которых он работал.

Иван Миронов сходил к Свентицкому как будто наниматься, а только затем, чтобы высмотреть и узнать всё. И узнав всё: что караульщика нет, что лошади в денниках, в конюшне, — подвел воров и сделал всё дело.

Поделив с подольскими мужиками выручку, Иван Миронов с пятью рублями приехал домой. Дома делать нечего было: лошади не было. И с той поры Иван Миронов стал водиться с конокрадами и цыганами.

ХІ.

Петр Николаич Свентицкий из всех сил старался найти вора. Без своего не могло быть сделано дело. И потому он стал подозревать своих и, разузнав у рабочих, кто не ночевал в эту ночь дома, узнал, что не ночевал Прошка Николаев — молодой малый, только что пришедший из военной службы солдат, красивый, ловкий малый, которого Петр Николаич брал для выездов вместо кучера. Становой был приятель Петра Николаича, он знал и исправника, и предводителя, и земского начальника, и следователя. Все эти лица бывали у него в именины и знали его вкусные наливки и соленые грибки — белые, опенки и грузди. Все жалели его и старались помочь ему.

— Вот, а вы записываете мужиков, — говорил становой. — Правду я говорил, что хуже зверей. Без кнута и палки с ними ничего не поделаешь. Так вы говорите, Прошка, тот, что с вами кучером ездит?

— Да, он.

— Давайте его сюда.

Прошку привали и стали допрашивать:

— Где был?

Прошка тряхнул волосами, блеснул глазами.

— Дома.

— Как же дома, все рабочие показывают, что тебя не было.

— Воля ваша.

— Да не в моей воле дело. А где ты был?

— Дома.

— Ну, хорошо же. Сотский, сведи его в стан.

— Воля ваша.

Так и не сказал Прошка, где был, а не сказал потому, что ночь он был у своего дружка, у Параша, и обещал не выдавать ее, и не выдал. Улик не было. И Прошку выпустили. Но Петр Николаич был уверен, что это всё дело Прокофья, и вознена-

видел его. Один раз Петр Николаич, взяв Прокофья за кучера, выслал его на подставу. Прошка, как и всегда делал, взял на постоялом дворе две меры овса. Полторы скормил, а на полмеры выпил. Петр Николаич узнал это и подал мировому судье. Мировой судья приговорил Прошку на 3 месяца в острог. Прокофий был самолюбив. Он считал себя выше людей и гордился собой. Острог унижил его. Ему нельзя было гордиться перед народом, и он сразу упал духом.

Из острога Прошка вернулся домой не столько озлобленный против Петра Николаича, сколько против всего мира.

Прокофий, как говорили все, после острога опустился, стал лениться работать, стал пить и скоро попался в воровстве одежды у мещанки и попал опять в острог.

Петр же Николаич узнал об лошадях только то, что была найдена шкура с саврасого мерина, которую Петр Николаич признал за шкуру Красавчика. И эта безнаказанность воров еще больше раздражила Петра Николаича. Он не мог теперь без злобы видеть мужиков и говорить про них и где мог старался прижать их.

XII.

Несмотря на то, что, спустив купон, Евгений Михайлович перестал думать о нем, жена его Мария Васильевна не могла простить ни себе, что поддавалась обману, ни мужу за жестокие слова, которые он сказал ей, ни, главное, тем двум мальчишкам-негодяям, которые так ловко обманули ее.

С того самого дня, как ее обманули, она приглядывалась ко всем гимназистам. Раз она встретила Махина, но не узнала его, потому что он, увидав ее, сделал такую рожу, которая совсем изменила его лицо. Но Митю Смоковникова она, столкнувшись с ним нос с носом на тротуаре недели две после события, тотчас же узнала. Она дала ему пройти и, повернувшись, следом пошла за ним. Дойдя до его квартиры и узнав, чей он сын, она на другой день пошла в гимназию и в передней встретила законоучителя Михаила Введенского. Он спросил, что ей нужно. Она сказала, что желает видеть директора.

— Директора нет, он нездоров; может быть, я могу исполнить или передать ему?

Мария Васильевна решила всё рассказать законоучителю.

Законоучитель Введенский был вдовец, академик и человек очень самолюбивый. Еще в прошлом году он встретился в одном обществе с отцом Смоковникова и, столкнувшись с ним в разговоре о вере, в котором Смоковников разбил его по всем пунктам и поднял на смех, решил обратить особенное внимание на сына и, найдя в нем такое же равнодушие к Закону Божию, как и в неверующем отце, стал преследовать его и даже провалил его на экзамене.

Узнав от Марии Васильевны про поступок молодого Смоковникова, Введенский не мог не почувствовать удовольствия, найдя в этом случае подтверждение своих предположений о безнравственности людей, лишенных руководства церкви, и решил воспользоваться этим случаем, как он старался себя уверить, для показания той опасности, которая угрожает всем отступающим от церкви, — в глубине же души для того, чтобы отомстить гордому и самоуверенному атеисту.

— Да, очень грустно, очень грустно, — говорил отец Михаил Введенский, поглаживая рукой гладкие бока наперсного креста. — Я очень рад, что вы передали дело мне; я, как служитель церкви, постараюсь не оставить молодого человека без наставлений, но и постараюсь как можно более смягчить наказание.

«Да, я сделаю так, как подобает моему званию», говорил себе отец Михаил, думая, что он, совершенно забыв недоброжелательство к себе отца, имеет в виду только благо и спасение юноши.

На следующий день на уроке Закона Божия отец Михаил рассказал ученикам весь эпизод фальшивого купона и сказал, что это сделал гимназист.

— Поступок дурной, постыдный, — сказал он, — но запирательство еще хуже. Если, чему я не верю, это сделал один из вас, то лучше ему покаяться, чем скрываться.

Говоря это, отец Михаил пристально смотрел на Митю Смоковникова. Гимназисты, следя за его взглядом, тоже оглядывались на Смоковникова. Митя краснел, потел, наконец расплакался и выбежал из класса.

Мать Мити, узнав про это, выпытала всю правду у сына и побегала в магазин фотографических принадлежностей. Она заплатила 12 рублей 50 копеек хозяйке и уговорила ее скрыть имя гимназиста. Сыну же велела всё отрицать и ни в каком случае не признаваться отцу.

И действительно, когда Федор Михайлович узнал о том, что было в гимназии, и призванный им сын отперся от всего, он поехал к директору и, рассказав всё дело, сказал, что поступок законоучителя в высшей степени предосудителен и он не оставит этого так. Директор пригласил священника, и между ним и Федором Михайловичем произошло горячее объяснение.

— Глупая женщина вклепалась в моего сына, потом сама отреклась от своего показания, а вы не нашли ничего лучшего, как оклеветать честного, правдивого мальчика.

— Я не клеветал и не позволю вам говорить так со мной. Вы забываете мой сан.

— Наплевать мне на ваш сан.

— Ваши превратные понятия, — дрожа подбородком, так что тряслась его редкая борода, заговорил законоучитель. — Известны всему городу.

— Господа, батюшка, — старался успокоить спорящих директор. Но успокоить их нельзя было.

— Я по долгу своего сана должен заботиться о религиозно-нравственном воспитании.

— Полноте притворяться. Разве я не знаю, что вы ни в чох, ни в смерть не верите?

— Я считаю недостойным себя говорить с таким господином, как вы, — проговорил отец Михаил, оскорбленный последними словами Смоковникова в особенности потому, что он знал, что они справедливы. Он прошел полный курс духовной академии и потому давно уже не верил в то, что исповедывал и проповедывал, а верил только в то, что все люди должны принуждать себя верить в то, во что он принуждал себя верить.

Смоковников не столько был возмущен поступком законоучителя, сколько находил, что это хорошая иллюстрация того клерикального влияния, которое начинает проявляться у нас, и всем рассказывал про этот случай.

Отец же Введенский, видя проявления утвердившегося нигилизма и атеизма не только в молодом, но старом поколении, всё больше и больше убеждался в необходимости борьбы с ним. Чем больше он осуждал неверие Смоковникова и ему подобных, тем больше он убеждался в твердости и неизбежности своей веры и тем меньше чувствовал потребности проверять ее или согласовать ее с своей жизнью. Его вера, признаваемая всем окружающим его миром, была для него главным орудием борьбы против ее отрицателей.

Эти мысли, вызванные в нем столкновением с Смоковниковым, вместе с неприятностями по гимназии, происшедшими от этого столкновения, — именно, выговор, замечание, полученное от начальства, — заставили его принять давно уже, со смерти жены, манившее его к себе решение: принять монашество и избрать ту самую карьеру, по которой пошли некоторые из его товарищей по академии, из которых один был уже архиереем, а другой архимандритом на вакансии епископа.

К концу академического года Введенский покинул гимназию, постригся в монахи под именем Мисаила и очень скоро получил место ректора семинарии в поволжском городе.

XIII.

Между тем Василий дворник шел большой дорогой на юг.

День он шел, а на ночь десятский отводил его на очередную квартиру. Хлеб ему везде давали, а иногда и сажали за стол ужинать. В одной деревне Орловской губернии, где он ночевал, ему сказали, что купец, снявший у помещика сад, ищет молодцов караульных. Василью надоело нищенствовать, а домой идти не хотелось, и он пошел к купцу-садовнику и наваялся караульщиком за пять рублей в месяц.

Жизнь в шалаше, особенно после того, как стала поспевать грушевка и с барского гумна караульщики принесли большие вязанки свежей, из-под молотилки, соломы, была очень приятна Василью. Лежи целый день на свежей, пахучей соломе подле кучек, еще более, чем солома, пахучих падали ярового и зимового яблока, поглядывай, не забрались ли где ребята за яблоками, посвистывай и распевай песни. А песни петь Василий был мастер. И голос у него был хороший. Придут с деревни бабы, девки за яблоками. Пошутят с ними Василий, отдаст, как какая приглянется, побольше или поменьше яблок за яйца или копейки — и опять лежи; только сходи позавтракать, пообедать, поужинать.

Рубаха на Василье была одна розовая ситцевая, и та в дырах, на ногах ничего не было, но тело было сильное, здоровое, и, когда котелок с кашей снимали с огня, Василий съедал за троих, так что старик-караульщик только дивился на него. По ночам Василий не спал и либо свистал, либо покрикивал и, как кошка, далеко в темноте видел. Раз забрались с деревни большие ребята трести яблоки. Василий подкрался и набросился на них; хотели они отбиться, да он расшвырял их всех, а одного привел в шалаш и сдал хозяину.

Первый шалаш Василья был в дальнем саду, а второй шалаш, когда грушевка сошла, был в 40 шагах от барского дома. И в этом шалаше Василью еще веселее было. Целый день Василий видел, как господа и барышни играли, едиди кататься, гуляли, а по вечерам и ночам играли на фортепяно, на скрипке, пели, танцевали. Видел он, как барышни с студентами сидели на окнах и ласкались и потом одни шли гулять в темные липовые аллеи, куда только полосами и пятнами проходил лунный свет. Видел он, как бегали слуги с едой и питьем и как повара, прачки, приказчики, садовники, кучера — все работали только затем, чтобы кормить, доить, веселить господ. Заходили иногда молодые господа и к нему в шалаш, и он отбирал им и подавал лучшие, наливные и краснобокие яблоки, и барышни тут же, хрустя зубами, кусали их и хвалили и что-то говорили — Василий понимал, что об нем — по-французски и заставляли его петь.

И Василий любовался на эту жизнь, вспоминая свою московскую жизнь, и мысль о том, что всё дело в деньгах, всё больше и больше западала ему в голову.

И Василий стал всё больше и больше думать о том, как бы сделать, чтобы сразу захватить побольше денег. Стал он вспоминать, как он прежде пользовался, и решил, что не так надо делать, что надо не так, как прежде, ухватить где плохо лежит, а вперед обдумать, вызнать и сделать чисто, чтобы никаких концов не оставить. К рождеству богородицы сняли последнюю антоновку. Хозяин попользовался хорошо и всех караульщиков и Василья расчел и отблагодарил.

Василий оделся — молодой барин подарил ему куртку и шляпу — и не пошел домой, очень тошно ему было думать о мужицкой, грубой жизни, — а вернулся назад в город с пьющими солдатиками, которые вместе с ним караулили сад. В городе он решил ночью взломать и ограбить ту лавку, у хозяина которой он жил и который прибил его и прогнал без расчета. Он знал все ходы и где были деньги, солдатика приставил караулить, а сам взломал окно со двора, пролез и вынул все деньги. Дело было сделано искусно, и следов никаких не нашли. Денег вынул 370 рублей. 100 рублей Василий дал товарищу, а с остальными уехал в другой город и там кутил с товарищами и товарками.

XIV.

Между тем Иван Миронов стал ловким, смелым и успешным конокрадом. Афимья, его жена, прежде ругавшая его за плохие дела, как она говорила, теперь была довольна и гордилась мужем, тем, что у него тулуп крытый и у ней самой полушалок и новая шуба.

В деревне и в округе все знали, что ни одна кража лошадей не обходилась без него, но доказать на него боялись, и, когда и бывало на него подозрение, он выходил чист и прав. Последняя кража его была из ночного в Колотовке. Когда мог, Иван Миронов разбирал, у кого красть, и больше любил брать у помещиков и купцов. Но и у помещиков и купцов было труднее. И потому, когда не подходили помещичьи и купеческие, он брал и у крестьян. Так он и захватил в Колотовке из ночного каких попало лошадей. Сделал дело не он сам, но подговоренный им ловкий малый Герасим. Мужики хватились лошадей только на заре и бросились искать по дорогам. Лошади же стояли в овраге, в казенном лесу. Иван Миронов намеревался продержать их тут до другой ночи, а ночью махнуть за 40 верст к знакомому дворнику. Иван Миронов проведаль Герасима в лесу, принес ему пирога и водки и пошел домой лесной тропинкой, где надеялся никого не встретить. На беду его он столкнулся с сторожем-солдатом.

— Али по грибы ходил? — сказал солдат.

— Да нет ничего нынче, — отвечал Иван Миронов, показывая на лукошко, которое он взял на всякий случай.

— Да, нынче не грибное лето, — сказал солдат, — нешто постом пойдут, — и прошел мимо.

Солдат понял, что тут что-то неладно. Незачем было Ивану Миронову ходить рано утром по казенному лесу. Солдат вернулся и стал шарить по лесу. Около оврага он услышал лошадиное фырканье и пошел потихоньку, к тому месту, откуда слышал. В овраге было притоптано, и был лошадиный помет.

Дальше сидел Герасим и ел что-то, а две лошади стояли привязанные у дерева.

Солдат побежал в деревню, взял старосту, сотского и двух понятых. Они с трех сторон подошли к тому месту, где был Герасим, и захватили его. Гераська не стал запыраться и тотчас же спяна во всем сознался. Рассказал, как его напоил и подговорил Иван Миронов и как обещался нынче прийти за лошадьми в лес. Мужики оставили лошадей и Герасима в лесу, а сами сделали засаду, выжидая Ивана Миронова. Когда смерклось, послышался свист. Герасим откликнулся. Только Иван Миронов стал спускаться с горы, на него набросились и повели в деревню. На утро перед старостиной избой собралась толпа.

Ивана Миронова вывели и стали допрашивать. Степан Пелагеюшкин, высокий, сутуловатый, длиннорукий мужик, с орлиным носом и мрачным выражением лица, первый стал допрашивать. Степан был мужик одинокий, отбывший воинскую повинность. Только что отошел от отца и стал справляться, как у него увели лошадь. Проработав год в шахтах, Степан опять справил двух лошадей. Обоих увели.

— Говори, где мои кони, — мрачно глядя то в землю, то в лицо Ивана, заговорил, побледнев от злости, Степан.

Иван Миронов отперся. Тогда Степан ударил его в лицо и разбил нос, из которого потекла кровь.

— Говори, убью!

Иван Миронов молчал, сгибая голову. Степан ударил своей длинной [рукой] раз, другой. Иван всё молчал, только откидывал то туда, то сюда голову.

— Все бей! — закричал староста.

И все стали бить. Иван Миронов молча упал и закричал:

— Варвары, черти, бейте на смерть. Не боюсь вас.

Тогда Степан схватил камень из заготовленной сажени и разбил Ивану Миронову голову.

XV:

Убийц Ивана Миронова судили. В числе этих убийц был Степан Пелагеюшкин. Его обвинили строже других, потому что все показали, что он камнем разбил голову Ивана Миронова. Степан на суде ничего не таил, объяснил, что когда у него увели последнюю пару лошадей, он заявил в стану, и следы по цыганам найти можно было, да становой его и на глаза не принял и не искал вовсе.

— Что ж нам с таким делать? Разорил нас.

— Почему ж другие не били, а вы? — сказал обвинитель.

— Неправда, все били, мир порешил убить. А я только прикончил. Что ж понапрасну мучить.

Судей поразило в Степане выражение совершенного спокойствия, с которым он рассказывал про свой поступок и про то, как били Ивана Миронова и как он прикончил его.

Степан действительно не видел ничего страшного в этом убийстве. Ему на службе пришлось расстреливать солдата, и, как тогда, так и при убийстве Ивана Миронова, он не видал ничего страшного. Убили, так убили. Нынче его, завтра меня.

Степана приговорили легко, к одному году тюрьмы. Одежду мужицкую с него сняли, положили под номером в цехгауз, а на него надели арестантский халат и коты.

Степан никогда не имел уважения к начальству, но теперь он вполне убедился, что всё начальство, все господа, все, кроме царя, который один жалел народ и был справедлив, все были разбойники, сосущие кровь из народа. Рассказы ссыльных и каторжных, с которыми он сошелся в тюрьме, подтверждали такой взгляд. Один ссылался в каторгу за то, что обличал начальство в воровстве, другой — за то, что ударил начальника, когда стал занапрасно описывать крестьянское имущество, третий — за то, что подделал ассигнации. Господа, купцы, что ни делали, всё им сходило с рук, а мужика-бедняка за всё про всё посылали в остроги вшей кормить.

В остроге посещала его жена. Без него ей и так плохо было, а тут еще сгорела и совсем разорилась, стала с детьми побираться. Бедствия жены еще больше озлобили Степана. Он и в остроге был вол со всеми и раз чуть не зарубил топором кашевара, за что ему был прибавлен год. В этот год он узнал, что жена его померла и что дома его нет больше...

Когда Степану вышел срок, его позвали в цехгауз, достали с полочки его одежду, в которой он пришел, и дали ему.

— Куда же я пойду теперь? — сказал он, одеваясь, каптенармусу.

— Известно, домой.

— Дома нет. Должно, на дорогу итти надо. Людей грабить.

— А будешь грабить, опять к нам попадешь.

— Ну, это как придется.

И Степан ушел. Направился он всё-таки к дому. Больше итти некуда было.

Не доходя до дома, зашел он ночевать в знакомый постоянный двор с кабаком.

Двор держал толстый владимирский мещанин. Он знал Степана. И знал, что попал он в острог по несчастью. И оставил Степана у себя ночевать.

Мещанин этот богатый отбил у соседнего мужика жену и жил с ней как с работницей и женой.

Степан знал всё это дело — как обидел мещанин мужика, как эта скверная бабенка ушла от мужа и теперь разъелась и потная сидела за чаем и из милости угостила чаем и Степана. Проезжих никого не было. Степана оставили ночевать на кухне.

Матрена убрала всё и ушла в горницу. Степан лег на печке, но спать не мог и всё трещал по лучинам, которые сохли на печке. Не выходило у него из головы толстое брюхо мещанина, торчавшее из-под пояса ситцевой мытой-перемытой, слинявшей рубахи. Всё ему в голову приходило ножом полоснуть это брюхо, сальник выпустить. И бабенке тоже. То он говорил себе: «ну, чорт с ними, уйду завтра», то вспоминал Ивана Миронова и опять думал о брюхе мещанина и белой, потной глотке Матрены. Уж убить, так обоих. Пропел второй петух. Делать, так теперь, а то рассветет. Нож он приметил с вечера и топор. Он сполз с печи, взял топор и нож и вышел из кухни. Как раз он вышел, и за дверью щелкнула щеколда. Мещанин вышел в двери. Он сделал не так, как хотел. Ножом не пришлось, а он взмахнул топором и рассек голову. Мещанин повалился на притолку и наземь.

Степан вошел в горницу. Матрена вскочила и в одной рубахе стояла у кровати. Степан тем же топором убил и ее.

Потом зажег свечу, вынул деньги из конторки и ушел.

XVI.

В уездном городе в отдалении от других строений жил в своем доме старик, бывший чиновник, пьяница, с двумя дочерьми и зятем. Замужняя дочь тоже пила и вела дурную жизнь, старшая же, вдова Мария Семеновна, сморщенная, худая, пятидесятилетняя женщина, одна только содержала всех: у ней была пенсия в 250 рублей. На эти деньги кормилась вся семья. Работала же в доме только одна Мария Семеновна. Она ходила за слабым, пьяным стариком отцом и за ребенком сестры, и готовила, и стирала. И, как это всегда бывает, на нее же наваливали все дела, какие нужны были, и ее же все трое и ругали и даже бил зять в пьяном виде. Она всё переносила молча и с кротостью, и, тоже как всегда бывает, чем больше у ней было дела, тем больше она успевала делать. Она и бедным помогала, отрезывая от себя, отдавая свои одежды, и помогала ходить за больными.

Работал раз у Марии Семеновны хромой, безногий портной деревенский. Перешивал он поддевку старику и покрывал сукном полушубок для Марии Семеновны — зимой на базар ходить.

Хромой портной был человек умный и наблюдательный, по своей должности много видавший разных людей и, вследствие своей хромоты, всегда сидевший и потому расположенный думать. Прожив у Марии Семеновны неделю, не мог надивиться на ее жизнь. Один раз она пришла к нему в кухню, где он шил, застирать полотенцы и разговорилась с ним об его житье, как брат его обижал, и как он отделился от него.

— Думал — лучше будет, а всё то же, нужда.

— Лучше не менять, а как живешь, так и живи, — сказала Мария Семеновна.

— Да я и то на тебя, Мария Семеновна, дивлюсь, как ты всё одна да одна во все концы на людей хлопочешь. А от них добра, я вижу, мало.

Мария Семеновна ничего не сказала.

— Должно, ты по книгам дошла, что награда за это будет на том свете.

— Про это нам неизвестно, — сказала Мария Семеновна, — а только жить так лучше.

— А в книгах это есть?

— И в книгах есть, — сказала она и прочла ему нагорную проповедь из Евангелия. Портной задумался. И когда рассчитался и пошел к себе, всё думал о том, что видел у Марии Семеновны и что она сказала и прочла ему.

XVII.

Петр Николаич изменился к народу, и народ изменился к нему. Не прошло и года, как они срубили 27 дубов и сожгли не застрахованную ригу и гумно. Петр Николаич решил, что жить с здешним народом нельзя.

В это же время Ливенцовы искали управляющего на свои имения, и предводитель рекомендовал Петра Николаича, как лучшего хозяина в уезде. Именья Ливенцовские, огромные, не давали ничего дохода, и крестьяне пользовались всем. Петр Николаич взялся привести всё в порядок и, отдав свое имение в аренду, переехал с женой в дальнюю поволжскую губернию.

Петр Николаич и всегда любил порядок и законность, а теперь тем более не мог допустить того, чтобы этот дикий, грубый народ мог бы, противно закону, завладеть не принадлежащей им собственностью. Он был рад случаю поучить их и строго взялся за дело. Одного крестьянина он за покражу леса засудил в острог, другого собственноручно избил за то, что тот не свернул с дороги и не снял шапку. О лугах, про которые шел спор и крестьяне считали своими, Петр Николаич объявил крестьянам, что если они выпустят на них скотину, то он заарестует ее.

Пришла весна, и крестьяне, как они делали это в прежние года, выпустили скотину на барские луга. Петр Николаич собрал всех работников и велел загнать скотину на барский двор. Мужики были на пахоте, и потому работники, несмотря на крики баб, загнали скотину. Вернувшись с работы, мужики, собравшись, пришли на барский двор требовать скотину. Петр Николаич вышел к ним с ружьем за плечами (он только что вернулся с объезда) и объявил им, что скотину он отдаст не иначе, как по уплате 50 копеек с рогатой и 10 с овцы.

Мужики стали кричать, что луга ихние, что их и отцы и деды ими владали и что нет таких правов забирать чужую скотину.

— Отдай скотину, не то худо будет, — сказал один старик, наступая на Петра Николаича.

— Что худо будет? — весь бледный, подступая к старику, закричал Петр Николаич.

— От греха отдай. Шаромыжник.

— Что? — крикнул Петр Николаич и ударил в лицо старика.

— Ты драться не смеешь. Ребята, бери силом скотину.

Толпа надвинулась. Петр Николаич хотел уйти, но его не пускали. Он стал пробиваться. Ружье выстрелило и убило одного из крестьян. Сделалась крутая свалка. Петра Николаича смяли. И через пять минут изуродованное тело его стащили в овраг.

Над убийцами назначили военный суд, и двоих приговорили к повешению.

XVIII.

В селе, из которого был портной, пять богатых крестьян снимали у помещика за 1100 рублей 105 десятин пахотной, черной, как деготь, жирной земли и раздавали ее мужичкам же, кому по 18, кому по 15 рублей. Ни одна земля не шла ниже двенадцати. Так что барыш был хороший. Сами покупщики брали себе по пяти десятин, и земля эта приходилась им даром. Умер у этих мужиков товарищ, и предложили они хромому портному итти к ним в товарищи.

Когда стали наемщики делить землю, портной не стал пить водку, и, когда речь зашла о том, кому сколько земли дать, портной сказал, что обложить всех надо поровну, что не надо брать лишнего с наемщиков, а сколько придется.

— Как так?

— Да али мы нехристи. Ведь это хорошо господам, а мы крестьяне. По-божьему надо. Такой закон Христов.

— Где же закон такой?

— А в книге, в Евангелии. Вот приходи воскресенье, я прочитаю и потолкуем.

И [в] воскресенье пришли не все, но трое к портному, и стал он им читать.

Прочел пять глав Матвея, стали толковать. Все слушали, но принял только один Иван Чуев. И так принял, что стал во всем жить по-божьему. И в семье его так жить стали. От земли лишней отказался, только свою долю взял.

И стали к портному и к Ивану ходить, и стали понимать, и поняли, и бросили курить, пить, ругаться скверными словами, стали друг другу помогать. И перестали ходить в церковь

и снесли попу иконы. И стало таких дворов 17. Всех 65 душ. И испугался священник и донес архиерею. Архиерей подумал, как быть, и решил послать в село архимандрита Мисаила, бывшего законоучителем в гимназии.

ХІХ.

Архиерей посадил Мисаила с собой и стал говорить о том, какие новости проявились в его епархии.

— Всё от слабости духовной и от невежества. Ты человек ученый. Я на тебя надеюсь. Поезжай, созови и при народе разъясни.

— Если владыка благословит, буду стараться, — сказал отец Мисаил. Он был рад этому поручению. Всё, где он мог показать, что он верит, радовало его. А обращая других, он сильнее всего убеждал себя, что он верит.

— Постарайся, очень я страдаю за свою паству, — сказал архиерей, неторопливо принимая белыми, пухлыми руками стакан чая, который подавал ему служка.

— Что ж одно варенье, принеси другого, — обратился он к служке. — Очень, очень мне больно, — продолжал он речь к Мисаилу.

Мисаил был рад себя заявить. Но, как человек небогатый, попросил денег на расходы поездки и, опасаясь противодействия грубого народа, попросил еще распоряжения губернатора о том, чтобы местная полиция в случае надобности оказывала ему содействие.

Архиерей всё устроил ему, и Мисаил, собравши с помощью своего служки и кухарки погребец и провизию, которою нужно было запастись, отправляясь в глухое место, поехал к месту назначения. Отправляясь в эту командировку, Мисаил испытывал приятное чувство сознания важности своего служения и притом прекращения всяких сомнений в своей вере, а напротив, совершенную уверенность в истинности ее.

Мысли его были направлены не на сущность веры, — она признавалась аксиомой, — а на опровержение тех возражений, которые делались по отношению ее внешних форм.

ХХ.

Священник села и попадья приняли Мисаила с большим почетом и на другой день его приезда собрали народ в церкви. Мисаил в новой шелковой рясе, с крестом наперсным и расчесанными волосами, вошел на амвон, рядом с ним стал священник, поодаль дьячки, певчие, а у боковых дверей полицейские. Пришли и сектанты — в засаленных, корявых полушубках.

После молебна Мисаил прочел проповедь; увещевая отпадших вернуться в лоно матери церкви, угрожая муками ада и обещая полное прощение покаявшимся.

Сектанты молчали. Когда их стали спрашивать, они отвечали.

На вопрос о том, почему они отпали, они отвечали, что в церкви почитают деревянных и рукотворенных богов и что в писании не только не показано это, но в пророчествах показано обратное. Когда Мисаил спросил Чуева, правда ли то, что они святые иконы называют досками, Чуев отвечал: «Да ты переверни, какую хочешь икону, сам увидишь». Когда их спросили, почему они не признают священство, они отвечали, что в писании сказано: «даром получили, даром и давайте», а попы только за деньги свою благодать раздают. На все попытки Мисаила опереться на священное писание портной и Иван спокойно, но твердо возражали, указывая на писание, которое они твердо знали. Мисаил рассердился, пригрозил властью мирской. На это сектанты сказали, что сказано: «Меня гнали — и вас будут гнать».

Кончилось ничем, и всё бы прошло хорошо, но на другой день у обедни Мисаил сказал проповедь о зловредности совратителей, о том, что они достойны всякой кары, и в народе, выходящем из церкви, стали поговаривать о том, что стоило бы проучить безбожников, чтобы они не смущали народ. И в этот день, в то время как Мисаил закусывал семгой и сигом с благочинным и приехавшим из города инспектором, в селе сделалась свалка. Православные столпились у избы Чуева и ожидали их выхода, чтобы избить их. Сектантов было человек 20 мужчин и женщин. Проповедь Мисаила и теперь сборище православных и их угрожающие речи вызвали в сектантах злое чувство, которого не было прежде. Завечерело, пора было бабам коров доить, а православные всё стояли и ждали и вышедшего было малого побили и загнали опять в избы. Толковали, что делать, и не соглашались.

Портной говорил: терпеть надо и не обороняться. Чуев же говорил, что если так терпеть, они всех перебьют и, захватив кочергу, вышел на улицу. Православные бросились на него.

— Ну-ка, по закону Моисея, — крикнул он и стал бить православных и вышиб одному глаз, остальные выскочили из избы и вернулись по домам.

Чуева судили и за соращение и за богохульство приговорили к ссылке.

Отцу же Мисаилу дали награду и сделали архимандритом.

XXI.

Два года тому назад из земли Войска Донского приехала в Петербург на курсы здоровая, восточного типа, красивая

девушка Турчанинова. Девушка эта встретила в Петербурге с студентом Тюриным, сыном земского начальника Симбирской губернии, и полюбила его, но полюбила она не обыкновенной женской любовью с желанием стать его женой и матерью его детей, а товарищеской любовью, питавшейся преимущественно одинаковым возмущением и ненавистью не только к существующему строю, но и к людям, бывшим его представителями, и [сознанием] своего умственного, образовательного и нравственного превосходства над ними.

Она была способна учиться и легко запоминала лекции и сдавала экзамены и, кроме того, поглощала новейшие книги в огромном количестве. Она была уверена, что и призвание ее не в том, чтобы рожать и воспитывать детей, — она даже с гадливостью и презрением смотрела на такое призвание, — а в том, чтобы разрушить существующий строй, сковывающий лучшие силы народа, и указать людям тот новый путь жизни, который ей указывался европейскими новейшими писателями. Полная, белая, румяная, красивая, с блестящими черными глазами и большой черной косой, она вызывала в мужчинах чувства, которых она не хотела, да и не могла разделять, — так она была вся поглощена своей агитационной, разговорной деятельностью. Но ей всё-таки было приятно, что она вызывала эти чувства, и потому она хоть и не наряжалась, не пренебрегала своей наружностью. Ей приятно было, что она нравится, а на деле может показать, как она презирает то, что так ценится другими женщинами. В своих взглядах на средства борьбы с существующим порядком [она] шла дальше большинства своих товарищей и своего друга Тюрина и допускала, что в борьбе хороши и могут быть употребляемы все средства, до убийства включительно. А между тем эта самая революционерка Катя Турчанинова была в душе очень добрая и самоотверженная женщина, всегда непосредственно предпочитавшая чужую выгоду, удовольствие, благосостояние своей выгоде, удовольствию, благосостоянию и всегда истинно радовавшаяся возможности сделать кому-нибудь — ребенку, старику, животному — приятное.

Лето Турчанинова проводила в приволжском уездном городе, у товарки своей, сельской учительницы. В этом же уезде у отца жил и Тюрин. Все трое, вместе с уездным врачом, часто выдались, обменивались книгами, спорили и возмущались. Именье Тюриных было рядом с тем именем Ливенцовых, куда управляющим поступил Петр Николаич. Как скоро приехал Петр Николаич и взялся за порядки, молодой Тюрин, видя в ливенцовских крестьянах самостоятельный дух и твердое намерение отстаивать свои права, заинтересовался ими и часто ходил в село и разговаривал с крестьянами, развивая среди них теорию социализма вообще и в частности национализации земли.

Когда случилось убийство Петра Николаича и наехал суд, кружок революционеров уездного города имел сильный

повод для возмущения судом и смело высказывал его. То, что Тюрин ходил в село и говорил с крестьянами, было выяснено на суде. У Тюриня сделали обыск, нашли несколько революционных брошюр, и студента арестовали и свезли в Петербург.

Турчанинова уехала за ним и пошла в тюрьму для свидания, но ее не пустили в обыкновенный день, а допустили только в день общих свиданий, где она виделась с Тюриним через две решетки. Свидание это еще усилило ее возмущение. Довело же до крайнего предела ее возмущение ее объяснение с красавцем жандармским офицером, который, очевидно, готов был на снисхождение в случае ее принятия его предложений. Это довело ее до последней степени негодования и злобы против всех начальствующих лиц. Она пошла к начальнику полиции жаловаться. Начальник полиции сказал ей то же, что говорил и жандарм, что они ничего не могут, что на это есть распоряжение министра. Она подала докладную записку министру, прося свидания; ей отказали. Тогда она решилась на отчаянный поступок и купила револьвер.

XXII.

Министр принимал в свой обыкновенный час. Он обошел трех просителей, принял губернатора и подошел к черноглазой, красивой, молодой женщине в черном, стоявшей с бумагой в левой руке. Ласково-похотливый огонек загорелся в глазах министра при виде красивой просительницы, но, вспомнив свое положение, министр сделал серьезное лицо.

— Что вам угодно? — сказал он, подойдя к ней.

Она, не отвечая, быстро вынула из-под пелеринки руку с револьвером и, уставив его в грудь министра, выстрелила, но промахнулась.

Министр хотел схватить ее руку, она отшатнулась и выстрелила другой раз. Министр бросился бежать. Ее схватили. Она дрожала и не могла говорить. И вдруг расхохоталась истерически. Министр не был даже ранен.

Это была Турчанинова. Ее посадили в Дом Предварительного Заключения. Министр же, получив поздравления и соболезнования от самых высокопоставленных лиц и даже самого государя, назначил комиссию исследования того заговора, последствием которого было это покушение.

Заговора, разумеется, никакого не было; но чины тайной и явной полиции старательно принялись за разыскивание всех нитей несуществовавшего заговора и добросовестно заслуживали свое жалованье и содержание: вставая рано утром, в темноте, делали обыск за обыском, переписывали бумаги, книги, читали дневники, частные письма, делали из них на прекрасной бумаге прекрасным почерком экстракты и много раз допрашивали

Турчанинову и делали ей очные ставки, желая выведать у нее имена ее сообщников.

Министр был по душе добрый человек и очень жалел эту здоровую, красивую казачку, но он говорил себе, что на нем лежат тяжелые государственные обязанности, которые он исполняет, как они ни трудны ему. И когда его бывший товарищ, камергер, знакомый Тюриных, встретился с ним на придворном бале и стал просить его за Тюрина и Турчанинову, министр пожал плечами, так что сморщилась красная лента на белом жилете, и сказал:

— Je ne demanderais pas mieux que de lâcher cette pauvre fillette, mais vous savez — le devoir. ¹

А Турчанинова между тем сидела в доме Предварительного Заключения и иногда спокойно перестукивалась с товарищами и читала книги, которые ей давали, иногда же вдруг впадала в отчаяние и бешенство, билась о стены, визжала и хохотала.

XXIII.

Получила раз Мария Семеновна в казначействе свою пенсию и, возвращаясь назад, встретила знакомого учителя.

— Что, Мария Семеновна, казну получили? — прокричал он ей с другой стороны улицы.

— Получила, — ответила Мария Семеновна, — только дыры заткнуть.

— Ну, денег много, и дыры заткнете, останется, — сказал учитель и, прощаясь, прошел.

— Прощайте, — сказала Мария Семеновна и, глядя на учителя, совсем столкнулась с высоким человеком с очень длинными руками и строгим лицом.

Но, подходя к дому, она удивилась, увидав опять этого же длиннорукого человека. Увидав, как она вошла в дом, он постоял, повернулся и ушел.

Марии Семеновне стало сначала жутко, потом грустно. Но когда она вошла в дом и раздала гостинцы и старику и маленькому золотушному племяннику Феде и приласкала визжавшую от радости Трезорку, ей опять стало хорошо, и она, отдав деньги отцу, взялась за работу, которая никогда не переводилась у ней.

Человек, с которым она столкнулась, был Степан.

Из постоянного двора, где Степан убил дворника, он не пошел в город. И удивительное дело, воспоминание об убийстве дворника не только не было ему неприятно, но он по нескольку раз в день вспоминал его. Ему было приятно думать, что он

¹ [— Я очень рад был бы отпустить эту бедную девочку, но вы понимаете — долг.]

может сделать это так чисто и ловко, что никто не узнает и не помешает это делать и дальше и над другими. Сидя в трактире за чаем и водкой, он приглядывался к людям всё с той же стороны: как можно убить их. Ночевать он зашел к земляку, ломовому извозчику. Извозчика дома не было. Он сказал, что подождет, и сидел, разговаривая с бабой. Потом, когда она повернулась к печи, ему пришлось в голову убить ее. Он удивился, покачал на себя головой, потом достал из голенища нож и, повалив ее, перерезал ей горло. Дети стали кричать, он убил и их и ушел, не ночуя, из города. За городом, в деревне, он вошел в трактир и там выпался.

На другой день он пришел опять в уездный город и на улице слышал разговор Марии Семеновны с учителем. Ее взгляд испугал его, но всё-таки он решил забраться в ее дом и взять те деньги, которые она получила. Ночью он взломал замок и вошел в горницу. Первая услышала его меньшая, замужняя дочь. Она закричала. Степан тотчас же зарезал ее. Зять проснулся и сцепился с ним. Он ухватил Степана за горло и долго боролся с ним, но Степан был сильнее. И, покончив с вятем, Степан, взволнованный, возбужденный борьбой, пошел за перегородку. За перегородкой лежала в постели Мария Семеновна и, поднявшись, смотрела на Степана испуганными, кроткими глазами и крестилась. Взгляд ее опять испугал Степана. Он опустил глаза.

— Где деньги? — сказал он, не поднимая глаз.

Она молчала.

— Где деньги? — сказал Степан, показывая ей нож.

— Что ты? Разве можно? — сказала она.

— Стало быть, можно.

Степан подошел к ней, готовясь ухватить ее за руки, чтобы она не мешала ему, но она не подняла рук, не противилась и только прижала их к груди и тяжело вздохнула и повторила:

— Ох, великий грех. Что ты? Пожалей себя. Чужие души, а пуще свою губишь... О-ох! — вскрикнула она.

Степан не мог больше переносить ее голоса и взгляда и полоснул ее ножом по горлу. — «Разговаривать с вами». — Она опустилась на подушки и захрипела, обливая подушку кровью. Он отвернулся и пошел по горницам, собирая вещи. Обобрать, что нужно было, Степан закурил папирску, посидел, почистил свою одежду и вышел. Он думал, что и это убийство сойдет ему, как прежние, но, не дойдя до ночлега, вдруг почувствовал такую усталость, что не мог двинуть ни одним членом. Он лег в канаву и пролежал в ней остаток ночи, весь день и следующую ночь.

I.

Лежа в канаве, Степан не переставая видел перед собой кроткое, худое, испуганное лицо Марии Семеновны и слышал ее голос: «Разве можно?», говорил ее особенный, ее шепелявящий жалостный голос. И Степан опять переживал всё то, что он сделал с нею. И ему становилось страшно, и он закрывал глаза и мотал своей волосатой головой, чтоб вытряхнуть из нее эти мысли и воспоминания. И на минутку он освобождался от воспоминаний, но на место их являлся ему сначала один, другой черный, и за другим шли еще другие черные с красными глазами и делали рожи, и все говорили одно: «с ней покончил — и с собой покончи, а то не дадим покоя». И он открывал глаза и опять видел ее и слышал ее голос, и ему становилось жалко ее и гадко и страшно на себя. И он опять закрывал глаза, и опять черные.

К вечеру другого дня он поднялся и пошел в кабак. Насилу добрал до кабака и стал пить. Но сколько ни пил, хмель не брал его. Он молча сидел за столом и пил стакан за стаканом. В кабак пришел урядник.

— Ты чей будешь? — спросил его урядник.

— А тот самый, я вчерась у Добротворова всех перерезал.

Его связали и, продержав день при становой квартире, отправили в губернский город. Смотритель тюрьмы, узнав в нем прежнего своего арестанта буяна и теперь великого злодея, строго принял его.

— Смотри, у меня не шалить, — нахмури свои брови и выставив нижнюю челюсть, прохрипел смотритель. — Если только замечу что — заporю. От меня не убежишь.

— Что мне бегать, — отвечал Степан, опустив глаза, — я сам в руки дался.

— Ну, со мной не разговаривать. А когда начальство говорит, смотри в глаза, — крикнул смотритель и ударил его кулаком под челюсть.

Степану в это время опять представилась она и слышался ее голос. Он не слышал того, что говорил ему смотритель.

— Чаво? — спросил он, опомнившись, когда почувствовал удар по лицу.

— Ну, ну — марш, нечего прикидываться.

Смотритель ждал буйства, переговоров с другими арестантами, попыток к бегству. Но ничего этого не было. Когда ни заглядывал в дырку его двери вахтер или сам смотритель, Степан сидел на набитом соломенной мешке, подперев голову руками, и всё что-то шептал про себя. На допросах следователя он тоже был не похож на других арестантов: он был рассян, не слушал вопросов; когда же понимал их, то был так правдив,

что следовательно, привыкший к тому, чтобы бороться ловкостью и хитростью с подсудимыми, здесь испытывал чувство подобное тому, которое испытываешь, когда в темноте на конце лестницы поднимаешь ногу на ступень, которой нету. Степан рассказывал про все свои убийства, нахмутив брови и устремив глаза в одну точку, самым простым, деловитым тоном, стараясь вспомнить все подробности: «Вышел он, — рассказывал Степан про первое убийство, — босой, стал в дверях, я его, значит, долбанул раз, он и захрипел, я тогда сейчас взялся за бабу» и т. д. При обходе прокурором камер острога у Степана спросили, не имеет ли он жалоб и не нужно ли чего. Он отвечал, что ему ничего не нужно и что его не обижают. Прокурор, пройдя несколько шагов по вонючему коридору, остановился и спросил у сопутствующего ему смотрителя, как себя ведет этот арестант?

— Не надивлюсь на него, — отвечал смотритель, довольный тем, что Степан похвалил обращение с ним. — Второй месяц он у нас, примерного поведения. Только боюсь, не задумывает ли чего. Человек отважный и силы непомерной.

II.

Первый месяц тюрьмы Степан не переставая мучался всё тем же: он видел серую стену своей камеры, слышал звуки острога — гул под собой в общей камере, шаги часового по коридору, стук часов и вместе с [тем] видел ее — с ее кротким взглядом, который победил его еще при встрече на улице, и худой, морщинистой шеей, которую он перерезал, и слышал ее умильный, жалостный, шепелявый голос: «*Чужие души и свою губишь. Разве это можно?*» Потом голос затихал, и являлись те трое — черные. И являлись всё равно, закрыты или открыты были глаза. При закрытых глазах они являлись явственнее. Когда Степан открывал глаза, они смешивались с дверями, стенами и понемногу пропадали, но потом опять выступали и шли с трех сторон, делая рожи и приговаривая: покончи, покончи. Петлю можно сделать, зажечь можно. И тут Степана прохватывала дрожь, и он начинал читать молитвы, какие знал: Богородицу, Вотче, и сначала как будто помогало. Читая молитвы, он начинал вспоминать свою жизнь: вспоминал отца, мать, деревню, Волчка-собаку, деда на печке, скамейки, на которых катался с ребятами, потом вспоминал девок с их песнями, потом лошадей, как их увели и как поймали конокрада, как он камнем добил его. И вспоминался первый острог, и как он вышел, и вспоминал толстого дворника, жену извозчика, детей и потом опять вспоминал ее. И ему становилось жарко, и он, спустив с плеч халат, вскакивал с нары и начинал, как зверь в клетке, скорыми шагами ходить взад и вперед по корот-

кой камере, быстро поворачиваясь у запотелых, сырых стен. И он опять читал молитвы, но молитвы уже не помогали.

В один из длинных осенних вечеров, когда в трубах свистел и гудел ветер, он, набегавшись по камере, сел на койку и почувствовал, что бороться больше нельзя, что черные одолели, и он покорился им. Он давно уже приглядывался к отдушнику печи. Если обхватить его тонкими бечевками или тонкими лентами полотна, то не соскользнет. Но надо было это умно устроить. И он взялся за дело и два дня готовил полотняные ленты из мешка, на котором спал (когда входил вахтер он накрывал койку халатом). Ленты он связывал узлами и делал их двойные, чтобы они не оборвались, а сдержали тело. Пока он готовил всё это, он не мучался. Когда всё было готово, он сделал мертвую петлю, надел ее на шею, влез на кровать и повесился. Но только что стал высовываться у него язык, как ленты оборвались, и он упал. На шум вошел вахтер. Позвали фельдшера, и свели его в больницу. На другой день он совсем оправился, и его взяли из больницы и поместили уже не в отдельную, а в общую камеру.

В общей камере он жил среди двадцати человек, как будто был один, никого не видел, ни с кем не говорил и всё так же мучался. Особенно тяжело ему было, когда все спали, а он не спал и попрежнему видел ее, слышал ее голос, потом опять являлись черные с своими страшными глазами и дразнили его.

Опять, как прежде, он читал молитвы и, как прежде, они не помогали.

Один раз, когда, после молитвы, она опять явилась ему, он стал молиться ей, ее душеньке, о том, чтоб она отпустила, простила его. И когда он к утру повалился на примятый мешок, он крепко заснул, и во сне она, с своей худой, сморщенной, перерезанной шеей пришла к нему.

— Что ж, простишь?

Она посмотрела на него своим кротким взглядом и ничего не сказала.

— Простишь?

И так до трех раз он спросил ее. Но она всё-таки ничего не сказала. И он проснулся. С тех пор ему легче стало, и он как бы очнулся, оглянулся вокруг себя и в первый раз стал сблизиться и говорить с своими товарищами по камере.

III.

В одной камере с Степаном сидел Василий, опять попавшийся в воровстве и приговоренный к ссылке, и Чуев, тоже приговоренный на поселение. Василий всё время или пел песни своим прекрасным голосом или рассказывал товарищам свои похо-

ждения. Чуев же или работал, что-нибудь шил из платья или белья, или читал Евангелие и Псалтырь.

На вопрос Степана о том, за что его ссылали, Чуев объяснил ему, что его ссылали за истинную веру Христову, за то, что обманщики-попы духа тех людей не могут слышать, которые живут по Евангелию и их обличают. Когда же Степан спросил Чуева, в чем евангельский закон, Чуев разъяснил ему, что евангельский закон в том, чтобы не молиться рукотворенным богам, а поклоняться в духе и истине. И рассказал, как они эту настоящую веру от безногого портного узнали на дележке земли.

— Ну, а за дурные дела что будет? — спросил Степан.

— Всё сказано.

И Чуев прочел ему:

«Когда же придет сын человеческий во славе своей и все святые ангелы с ним, тогда сядет на престоле славы своей, и соберутся пред ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит овец по правую сторону свою, а козлов — по левую. Тогда скажет царь тем, которые по правую сторону его: «Придите, благословенные Отца моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили меня; был странником, и вы приняли меня, был наг, и вы одели меня, был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и вы пришли ко мне». Тогда праведники скажут ему в ответ: «Господи! когда мы видели тебя алчущим и накормили, или жаждущим и напоили? когда мы видели тебя странником и приняли, или нагим и одели? когда мы видели тебя больным или в темнице и пришли к тебе?» И царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне». Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его: ибо алкал я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили меня; был странником, и не приняли меня; был наг, и не одели меня; болен и в темнице, и не посетили меня». Тогда и они скажут ему в ответ: «Господи! когда мы видели тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили тебе?» Тогда скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали мне». И пойдут сии в муку вечную, а праведники — в жизнь вечную». (Матф. XXV, 31—46.)

Василий, присевший на полу против Чуева и слушавший чтение, одобрительно кивнул своей красивой головой.

— Верно, — решительно проговорил он, — идите, мол, проклятые, в муку вечную, никого не кормили, а сами жрали. Так им и надо. Ну-ка дай, я почитаю, — прибавил он, желая похвастаться своим чтением.

— Ну, а прощение разве не будет? — спросил Степан, молча: опустив свою мохнатую голову, слушавший чтение.

— погоди, помолчи, — сказал Чуев Василью, который всё приговаривал о том, как богатые ни странника не накормили, ни в темнице не посетили. — погоди, что ль, — повторил Чуев, перелистывая Евангелие. Найдя то, что искал, Чуев расправил большой, побелевший в остроге, сильной рукой листы.

«И вели с ним, с Христом, значит, — начал Чуев, — на смерть и двух злодеев. И, когда пришли на место, называемое лобное, там распяли его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону.

«Иисус же говорил: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают»... И стоял народ и смотрел. Намекались же вместе с ними и начальники, говоря: «Других спасал, пусть спасет себя самого, если он Христос, избранник Божий». Так же и воины ругались над ним, подходя и поднося ему уксус и говоря: «Если ты царь иудейский, спаси себя самого». И была над ним надпись, надписанная словами греческими, римскими и еврейскими: «Сей есть царь иудейский». Один из повешенных злодеев злословил его и говорил: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Другой же, напротив, унимал его и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а он ничего худого не сделал». И сказал Иисусу: «Помни меня, Господи, когда придешь во царствие твое». И сказал ему Иисус: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со мной в раю». (Луки XXIII, 32—43.)

Степан ничего не сказал и сидел задумавшись, как будто слушаая, но он ничего не слышал уже из того, что дальше читал Чуев.

«Так вот она в чем истинная вера, — думал он. — Спасутся только те, кто кормил, поил бедных, посещал заключенных, а в ад пойдут, кто не делал этого. А всё-таки разбойник только на кресте покаялся, а и то пошел в рай». Он не видел тут никакого противоречия, а напротив, одно подтверждало другое: что милостивые пойдут в рай, а немилостивые — в ад, значило то, что всем надо быть милостивыми, а что разбойника Христос простил, значит, что и Христос был милостив. Всё это было совершенно ново для Степана; он только удивлялся, зачем это до сих пор было скрыто от него. И он всё свободное время проводил с Чуевым, спрашивая и слушая. И слушая, он понимал. Ему открылся общий смысл всего учения в том, что люди — братья и им надо любить и жалеть друг друга, и тогда всем хорошо будет. И когда он слушал, то воспринимал, как что-то забытое и знакомое, всё, что подтверждало общий смысл этого учения, и пропускал мимо ушей то, что не подтверждало его, приписывая это своему непониманию.

И с этого времени Степан стал другим человеком.

IV.

Степан-Пелагеюшкин и прежде был смирен, но в последнее время он поражал и зрителя, и вахтеров, и товарищей прошедшей в нем переменной. Он без приказанья, вне очереди, совершал все самые тяжелые работы, в том числе и очищение параша. Но, несмотря на эту свою покорность, сотоварищи уважали и боялись его, зная его твердость и большую физическую силу, особенно после случая с двумя бродягами, которые напали на него, но от которых он отбилсЯ, сломав одному из них руку. Бродяги эти взялись обыгрывать молодого богатенького арестанта и отобрали у него всё, что у него было. Степан вступился за него и отнял у них выигранные деньги. Бродяги стали его ругать, потом бить, но он осилил их обоих. Когда же зритель дознавался, в чем ссора, бродяги объявили, что Пелагеюшкин стал бить их. Степан не оправдывался и покорно принял наказание, состоящее в трехдневном карцере и в перемещении в одиночную камеру.

Одиночная камера была для него тяжела тем, что разлучила его с Чуевым и Евангелием, и, кроме того, он боялся, что возвратятся опять видения ее и черных. Но видений не было. Вся душа его была полна новым, радостным содержанием. Он бы был рад своему уединению, если бы он мог читать и у него было бы Евангелие. Евангелие дали бы ему, но читать он не мог.

Мальчиком он начал учиться грамоте по-старинному: аз, буки, веди, но не пошел по непонятливости дальше азбуки и никак не мог понять тогда складов и так и остался безграмотным. Теперь же он решил выучиться и попросил у вахтера Евангелие. Вахтер принес ему, и он взялся за работу. Буквы он узнавал, но сложить ничего не мог. Сколько он ни бился, чтобы понять, как из букв складываются слова, ничего не выходило. Он ночи не спал, всё думал, есть не хотелось, и от тоски на него такая вошь [напала], что он не мог отгрестись от нее.

— Что ж, всё не дошел? — спросил его раз вахтер.

— Нет.

— Да ты Отче знаешь?

— Знаю.

— Ну вот читай ее. Вот она, — и вахтер показал ему Отче наш в Евангелии.

Степан стал читать Отче, сличая знакомые буквы с знакомыми звуками. И вдруг ему открылась тайна сложения букв, и он стал читать. Это была большая радость. И с тех пор он стал читать, и выделявшийся понемногу смысл из трудно составляемых слов получал еще большее значение.

Одиночество теперь уже не тяготило, но радовало Степана.

Он был весь полон своим делом и не обрадовался, когда его, для того чтобы освободить камеры для вновь прибывших политических, перевели опять в общую камеру.

V.

Теперь уже не Чуев, а Степан часто в камере читал Евангелие, и одни арестанты пели похабные песни, другие слушали его чтение и его разговоры о прочитанном. Так слушали его молча и внимательно всегда двое: каторжник, убийца, палач Махоркин и Василий, который попался в воровстве и, ожидая суда, сидел в том же остроге. Махоркин два раза во время своего содержания в тюрьме исполнял свои обязанности, оба раза в отъезде, так как не находилось людей, которые бы исполняли то, что присуживали судьи. Крестьяне, убившие Петра Николаича, были судимы военным судом, и два из них были приговорены к смертной казни через повешение.

Махоркина потребовали в Пензу для исполнения его обязанностей. В прежние времена он в этих случаях тотчас же писал — он был хорошо грамотен — бумагу губернатору, в которой объяснял, что он командирован для исполнения своих обязанностей в Пензу, и потому просил начальника губернии о назначении ему причитающихся суточных кормовых денег; теперь же он, к удивлению начальника тюрьмы, объявил, что он не поедет и не будет больше исполнять обязанности палача.

— А плети забыл? — крикнул начальник тюрьмы.

— Что ж, плети — так плети, а убивать закона нет.

— Что ж это ты, от Пелагеюшкина набрался? Нашелся пророк острожный, погоди же ты.

VI.

Между тем Махин, тот гимназист, который научил подделывать купон, кончил гимназию и курс в университете по юридическому факультету. Благодаря его успеху у женщин, у бывшей любовницы старика товарища министра, его совсем молодым назначили судебным следователем. Он был нечестный человек в долгах, соблазнитель женщин, картежник, но он был ловкий, сметливый, памятливый человек и умел хорошо вести дела.

Он был судебным следователем в том округе, где судился Степан Пелагеюшкин. Еще на первом допросе Степан удивил его своими ответами простыми, правдивыми и спокойными. Махин бессознательно чувствовал, что этот стоящий перед ним человек в кандалах и с бритой головой, которого привели и караулят и отведут под замок два солдата, что это человек вполне свободный, нравственно недосыгаемо высоко стоящий над ним

И потому, допрашивая его, он беспрестанно подбадривал себя и подстегивал, чтобы не смущаться и не путаться. Поражало его то, что Степан говорил про свои дела, как про что-то давно прошедшее, совершенное не им, а каким-то другим человеком.

— И тебе не жалко было их? — спрашивал Махин.

— Не жалко. Я не понимал тогда.

— Ну, а теперь?

Степан грустно улыбнулся.

— Теперь на огне меня жги, того бы не сделал.

— Отчего же?

— Оттого что понял, что все люди братья.

— Что же, и я тебе брат?

— А то как же.

— Как же, я брат, а сужу тебя в каторгу?

— От непонятия.

— Что же я не понимаю?

— Не понимаете, коли судите.

— Ну, продолжаем. Потом ты куда пошел?..

Больше же всего поразило Махина то, что он узнал от смотрителя о влиянии Пелагеюшкина на палача Махоркина, который, рискуя быть наказанным, отказался от исполнения своей обязанности.

VII.

На вечере у Еропкиных, где были две барышни — богатые невесты, за которыми обеими ухаживал Махин, после пения романсов, в котором особенно отличался очень музыкальный Махин, — он и вторил прекрасно и аккомпанировал, — он рассказал очень верно и подробно — у него была прекрасная память — и совершенно безучастно про странного преступника, который обратил палача. Махин потому так хорошо и помнил и мог передать всё, что он всегда был совершенно безучастен к тем людям, с которыми имел дело. Он не входил, не умел войти в душевное состояние других людей и потому-то и мог так хорошо запоминать всё, что происходило с людьми, что они делали, говорили. Но Пелагеюшкин заинтересовал его. Он не вошел в душу Степана, но невольно задался вопросом: что у него в душе, и, не найдя ответа, но чувствуя, что это что-то интересное, рассказал на вечере всё дело: и совращение палача, и рассказы смотрителя о том, как странно ведет себя Пелагеюшкин, и как читает Евангелие, и какое сильное влияние имеет на товарищей.

Всех заинтересовал рассказ Махина, но больше всех меньшую Лизу Еропкину, восемнадцатилетнюю девушку, только что вышедшую из института и только что опомнившуюся от

темноты и тесноты ложных условий, в которых она выросла, и точно вынырнувшую из воды, страстно вдыхавшую в себя свежий воздух жизни. Она стала расспрашивать Махина о подробностях и о том, как, почему произошла такая перемена в Пелагеюшкине, и Махин рассказал то, что он слышал от Степана о последнем убийстве, и как кротость, покорность и бестрашие смерти этой очень доброй женщины, которую он последнюю убил, победили его, открыли ему глаза и как потом чтение Евангелия докончило дело.

Долго в эту ночь не могла Лиза Еропкина заснуть. В ней уже несколько месяцев шла борьба между светской жизнью, в которую увлекала ее сестра, и увлечением Махиным, соединенным с желанием исправить его. И теперь последнее взяло верх. Она и прежде слышала про убитую. Теперь же, после этой ужасной смерти и рассказа Махина со слов Пелагеюшкина, она до подробностей узнала историю Марии Семеновны и была поражена всем тем, что узнала о ней.

Лизе страстно захотелось быть такой Марией Семеновной. Она была богата и боялась, что Махин ухаживает за ней из-за денег. И она решила раздать свое имение и сказала об этом Махину.

Махин рад был случаю выказать свое бескорыстие и сказал Лизе, что он любит ее не из-за денег, и это, как ему казалось, великодушное решение тронуло его самого. У Лизы, между тем, началась борьба с ее матерью (имение было отцовское), не позволявшей раздавать имение. И Махин помогал Лизе. И чем больше он поступал так, тем больше он понимал совсем другой, чуждый ему до тех пор мир духовных стремлений, который он видел в Лизе.

VIII.

Всё утихло в камере. Степан лежал на своем месте на нарах и не спал еще. Василий подошел к нему и, дернув его за ногу, мигнул ему, чтобы он встал и вышел к нему. Степан сполз с нар и подошел к Василью.

— Ну, брат, — сказал Василий, — ты уж потрудись, пособи мне.

— В чем пособить-то?

— Да вот бежать хочу.

И Василий открыл Степану то, что у него всё готово, чтоб бежать.

— Завтра я их избаламучу, — он указал на лежащих. — На меня скажут. Переведут в верхние, а уж там я знаю как. Только ты мне пробой из мертвецкой вышатай.

— Это можно. Куда пойдешь-то?

— А куда глаза глядят. Разве мало народу плохого?

— Это, брат, так, только не нам судить их.

— Да что ж, я разве душегуб какой. Я ни одной души не погубил, а что воровать? Что ж тут плохого? Разве они неграбят нашего брата?

— Это их дело. Они отвечать будут.

— Да что ж им в зубы-то смотреть? Ну вот я церковь обобрал. Кому от этого худо? Я теперь хочу так сделать, чтобы не лавчонку, а хватить казну и раздавать. Добрым людям раздавать.

В это время поднялся с нар один арестант и стал прислушиваться. Степан и Василий разошлись.

На другой день Василий сделал, как хотел. Он стал жаловаться на хлеб, что сыр, подбил всех арестантов звать к себе зрителя, заявить претензию. Зритель пришел, обругал всех, и узнав, что затейщик всего дела Василий, велел посадить его отдельно в одиночную камеру верхнего этажа.

Этого только и нужно было Василью.

IX.

Василий знал ту верхнюю камеру, в которую его посадили. Он знал пол в ней и как только попал туда, так стал разбирать пол. Когда можно было пролезть под пол, он разобрал потолочины и спрыгнул в нижний этаж, в мертвецкую. В этот день в мертвецкой лежал на столе один мертвый. В этой же мертвецкой были сложены мешки для сенников. Василий знал это и на эту камеру рассчитывал. Пробой в этой камере был вытасен и вложен. Василий вышел из двери и пошел в строящийся нужник в конце коридора. В этом нужнике была сквозная дыра с третьего этажа до нижнего, подвального. Ощупав дверь, Василий вернулся в мертвецкую, снял с холодного, как лед, мертвеца полотно (он коснулся его руки, когда снимал), потом взял мешки, связал их узлами так, чтобы сделать из них веревку, и снес эту веревку из мешков в нужник; там привязал веревку к перекладине и полез по ней вниз. Веревка не доставала до пола. Много ли, мало она не хватала — он не знал, но делать нечего было, он повис и прыгнул. Ноги отбил, но ходить мог. В подвальном этаже было два окна. Пролезть можно бы, но вделаны железные решетки. Надо было выломать их. Чем? Василий стал шарить. В подвальном этаже лежали отрезки досок. Он нашел один отрезок с острым концом и стал им выворачивать кирпичи, державшие решетки. Долго он работал. Петухи второй раз уже цели, а решетка держалась. Наконец одна сторона вышла. Василий подsunул отрезок и понапер, решетка выворотилась вся, но упал кирпич и загремел. Часовые могли услышать. Василий замер. Всё тихо. Он полез в окно. Вылез. Бежать ему надо было через стену. В углу двора была пристройка. Надо было влезть на эту пристройку и с нее через

стену. Надо взять с собой отрезок доски. Без него не влезешь. Василий полез назад. Опять выпола с отрезком и замер, слушая, где часовой. Часовой, как он и рассчитал, ходил по другой стороне квадрата двора. Василий подошел к пристройке, поставил отрезок, полез. Отрезок соскользнул, упал. Василий был в чулках. Он снял чулки, чтобы цепляться ногами, поставил опять отрезок, вскочил на него и ухватился рукой за желоб. — Батюшка, не оторвись, выдержи. — Он схватился за желоб, и вот коленка его на крыше. Часовой идет. Василий лег и замер. Часовой не видит и опять отходит. Василий вскакивает. Железо трещит под ногами. Еще шаг, два, вот стена. До стены легко достать рукой. Одна рука, другая, вытянулся весь, и вот на стене. Только бы не расшибиться, спрыгивая. Василий переворачивается, виснет на руках, вытягивается, пускает одну руку, другую, — Господи, благослови! — На земле. И земля мягкая. Ноги целы, и он бежит.

В предместьи Маланья отпирает, и он залезает под стеганое из кусочков теплое, пропитанное запахом пота одеяло.

Х.

Крупная, красивая, всегда спокойная, бездетная, полная, как яловая корова, жена Петра Николаича видела из окна, как убили ее мужа и потащили куда-то в поле. Чувство ужаса при виде этого побоища, которое испытала Наталья Ивановна (так звали вдову Петра Николаича), как это всегда бывает, было так сильно, что заглушило в ней все другие чувства. Когда же вся толпа скрылась за оградой сада и гул голосов затих, и босая Маланья, прислуживавшая им девка, с выпяченными глазами прибежала с известием, точно это было что-то радостное, что Петра Николаича убили и бросили в овраге, из-за первого чувства ужаса стало выделяться другое: чувство радости освобождения от деспота с закрытыми черными очками глазами, которые 19 лет держали ее в рабстве. Она сама ужаснулась этому чувству, сама себе не призналась в нем, а тем более не высказала его никому. Когда обмывали изуродованное желтое, волосатое тело и одевали и укладывали в гроб, она ужасалась, плакала и рыдала. Когда приехал следователь по особо важным делам и как свидетельницу допрашивал ее, она видела тут же, в квартире следователя, двух закованных крестьян, признанных главными виновниками. Один был уже старый с длинной белокурой бородой в завитках, с спокойным и строгим, красивым лицом, другой был цыганского склада, не старый человек с блестящими черными глазами и курчавыми, взъерошенными волосами. Она показывала, что знала, признала в этих самых людях тех, которые первые схватили за руки Петра Николаича, и, несмотря на то, что похожий на

дыгана мужик, олестья и поводя глазами из-под движущихся бровей, укоризненно сказал: «Грех, барыня! Ох, умирать будем», несмотря на это, ей нисколько не жалко было их. Напротив, во время следствия в ней поднялось враждебное чувство и желание отомстить убийцам мужа.

Но, когда через месяц дело, переданное в военный суд, было решено тем, что 8 человек были приговорены к каторжным работам, а двое, белобородый старик и черномазый цыганок, как его звали, были приговорены к повешению, она почувствовала что-то неприятное. Но неприятное сомнение это, под влиянием торжественности суда, скоро прошло. Если высшее начальство признает, что надо, то, стало быть, это хорошо.

Казнь должна была совершиться в селе. И, вернувшись в воскресенье от обедни, Маланья, в новом платье и новых башмаках, доложила барыне, что строят виселицу и к середине ждут палача из Москвы и что воют семейные не переставая, по всей деревне слышно.

Наталья Ивановна не выходила из дома, чтобы не видеть ни виселиц, ни народа, и одного желала: чтобы поскорее кончилось то, что должно быть. Она думала только о себе, а не о приговоренных и их семьях.

XI.

Во вторник к Наталье Ивановне заехал знакомый становой. Наталья Ивановна угостила его водкой и солеными грибами ее приготовления. Становой, выпив водки и закусив, сообщил ей, что казни завтра еще не будет.

— Как? Отчего?

— Удивительная история. Палача не могли найти. Один был в Москве, и тот, рассказывал мне сын, начитался Евангелия и говорит: не могу убивать. Сам за убийство приговорен к каторжным работам, а теперь вдруг — не может по закону убивать. Ему говорили, что плетью сечь будут. Секите, говорит, а я не могу.

Наталья Ивановна вдруг покраснела, вспотела даже от мыслей.

— А нельзя их простить теперь?

— Как же простить, когда приговорены судом. Один царь простить может.

— Да как же царь узнает?

— Имеют право просить о помиловании.

— Да ведь их за меня казнят, — сказала глупая Наталья Ивановна. — А я прощаю.

Становой засмеялся.

— Что ж, просите.

— Можно?

- Известно, можно.
- Да ведь теперь не успеешь?
- Можно телеграммой.
- К царю?
- Что ж, и к царю можно.

Известие о том, что палач отказался и готов пострадать скорее, чем убивать, вдруг перевернуло душу Натальи Ивановны, и то чувство сострадания и ужаса, которое просилось несколько раз наружу, прорвалось и захватило ее.

— Голубчик, Филипп Васильевич, напишите мне телеграмму. Я хочу просить [у] царя помилования.

Становой покачал головой.

— Как бы нам не влетело за это?

— Да ведь я в ответе. Я про вас не скажу.

«Эка добрая баба, — подумал становой, — хорошая баба. Кабы моя такая была, рай бы был, а не то, что теперь».

И становой написал телеграмму царю: «Его Императорскому Величеству Государю Императору. Верноподданная Вашего Императорского Величества, вдова убитого крестьянами коллежского асессора Петра Николаевича Свентицкого, припадая к священным стопам (это место телеграммы особенно понравилось составлявшему ее становому) Вашего Императорского Величества, умоляет Вас помиловать приговоренных к смертной казни крестьян таких-то, такой-то губернии, уезда, волости, деревни».

Телеграмма была послана самим становым, и на душе у Натальи Ивановны было радостно, хорошо. Ей казалось, что если она, вдова убитого, прощает и просит помиловать, то царь не может не помиловать.

XII.

Лиза Еропкина жила в непрерывном восторженном состоянии. Чем дальше она шла по открывшемуся ей пути христианской жизни, тем увереннее она была, что это путь истинный, и тем радостнее ей становилось на душе.

У ней были теперь две ближайшие цели: первая обратить Махина или, скорее, как она говорила это себе, вернуть к себе, к своей доброй, прекрасной натуре. Она любила его, и при свете своей любви ей открывалось божественное его души, общее всем людям, но она видела в этом общем всем людям начале жизни его ему одному свойственную доброту, нежность, высоту. Другая цель ее была в том, чтобы перестать быть богатой. Она захотела освободиться от имущества, для того чтобы испытать Махина, а потом для себя, для своей души — по слову Евангелия захотела сделать это. Сначала она начала раздавать, но ее остановил отец, и еще больше, чем отец, толпа нахлынув-

ших личных и письменных просителей. Тогда она решила обратиться к старцу, известному своей святой жизнью, с тем, чтобы он взял ее деньги и поступил с ними, как найдет нужным. Узнав это, отец рассердился и в горячем разговоре с ней назвал ее сумасшедшей, психопаткой и сказал, что он примет меры к тому, чтобы оградить ее, как сумасшедшую, от самой себя.

Сердитый, раздраженный тон отца передался ей, и она не успела опомниться, как злобно расплакалась и наговорила отцу грубостей, называя его деспотом и даже корыстолюбцем.

Она просила прощенье у отца, он сказал, что не сердится, но она видела, что он был оскорблен и в душе не простил ее. Махину она не хотела говорить про это. Сестра, ревновавшая ее к Махину, совсем отдалилась от нее. Ей не с кем было поделиться своим чувством, не перед кем покаяться.

«Богу надо покаяться», сказала она себе и, так как был великий пост, решила говеть и на исповеди сказать всё духовнику и попросить его совета о том, как ей поступать дальше.

Недалеко от города был монастырь, в котором жил старец, прославившийся своей жизнью, поучениями и предсказаниями и исцелениями, которые приписывали ему.

Старец получил письмо от старого Еропкина, предупреждающее его о приезде дочери и об ее ненормальном, возбужденном состоянии и выражающее уверенность в том, что старец наставит ее на путь истинный — золотой середины, доброй христианской жизни, без нарушения существующих условий.

Усталый от приема, старец принял Лизу и стал спокойно внушать ей умеренность, покорность существующим условиям, родителям. Лиза молчала, краснела и потела, но, когда он кончил, она с слезами, стоящими в глазах, начала говорить, сначала робко, о том, что Христос сказал: «оставь отца и мать и иди за мной», потом, всё больше и больше одушевляясь, высказала всё то свое представление о том, как она понимала христианство. Старец сначала чуть улыбался и возражал обычными поучениями, но потом замолчал и стал вздыхать, только повторяя: «О, Господи».

— Ну, хорошо, приходи завтра исповедываться, — сказал он и сморщенной рукой благословил ее.

На другой день он исповедывал ее и, не продолжая вчерашний разговор, отпустил ее, коротко отказавшись взять на себя распоряжение ее имуществом.

Чистота, полная преданность воле Бога и горячность этой девушки поразили старца. Он давно уже хотел отречься от мира, но монастырь требовал от него его деятельности. Эта деятельность давала средства монастырю. И он соглашался, хотя смутно чувствовал всю неправду своего положения. Его делали святым, чудотворцем, а он был слабый, увлеченный успехом человек. И открывшаяся ему душа этой девушки открыла

ему и его душу. И он увидал, как он был далек от того, чем хотел быть и к чему влекло его его сердце.

Скоро после посещения Лизы он заперся в затвор и только через три недели вышел в церковь, служил и после службы сказал проповедь, в которой каял себя и уличал мир в грехе и призывал его к покаянию.

Каждые две недели он говорил проповеди. И на проповеди эти съезжалось всё больше и больше народа. И слава его, как проповедника, разглашалась всё больше и больше. Было что-то особенное, смелое, искреннее в его проповедях. И от этого он так сильно действовал на людей.

XIII.

Между тем Василий сделал всё, как хотел. С товарищами он ночью пролез к Краснопузову, богачу. Он знал, как он скуп и развратен, и залез в бюро и вынул деньгами 30 тысяч. И Василий делал, как хотел. Он даже пить перестал, а давал деньги бедным невестам. Замуж отдавал, из долгов выкупал и сам скрывался. И только то и забота была, чтобы хорошо раздать деньги. Давал он и полиции. И его не искали.

Сердце у него радовалось. И когда всё-таки взяли его, он на суде смеялся и хвалился, что деньги у толстопузого дурно лежали, он и счета им не знал, а я их в ход пустил, ими добрым людям помогал.

И защита его была такая веселая, добрая, что присяжные чуть не оправдали его. Приговорили его в ссылку.

Он поблагодарил и вперед сказал, что уйдет.

XIV.

Телеграмма Свентицкой к царю не произвела никакого действия. В комиссии прошений сначала решили даже не докладывать о ней царю, но потом, когда за завтраком у государя зашла речь о деле Свентицкого, завтракавший у государя директор доложил про телеграмму от жены убитого.

— *C'est tres gentil de sa part,*¹ — сказала одна из дам царской фамилии.

Государь же вздохнул, пожал плечами с эполетами и сказал: «Закон» и подставил бокал, в который камер-лакей наливал шипучий мозельвейн. Все сделали вид, что удивлены мудростью сказанного государем слова. И больше о телеграмме не было речи. И двух мужиков — старого и молодого — повесили с помощью выписанного из Казани жестокого убийцы и скотоложника, татарина-палача.

¹ [— Это очень мило с ее стороны,]

Старуха хотела одеть тело своего старика в белую рубаху, белые онучи и новые бахилки, но ей не позволили, и обоих закопали в одной яме за оградой кладбища.

— Мне говорила княгиня Софья Владимировна, что он удивительный проповедник, — сказала раз мать государя, старая императрица своему сыну: — *Faites le venir. Il peut prêcher à la cathédrale.*¹

— Нет, лучше у нас, — сказал государь и велел пригласить старца Исидора.

В дворцовой церкви собралось всё генеральство. Новый, необыкновенный проповедник был событием.

Вышел старичок седенький, худенький, оглянул всех: «Во имя отца и сына и святого духа», и начал.

Сначала шло хорошо, но что дальше, то хуже. «*Il devenait de plus en plus agressif*»,² как сказала потом императрица. Он громил всех. Говорил о казни. И приписывал необходимость казни дурному правлению. Разве в христианской стране можно убивать людей?

Все переглядывались, и всех занимало только неприличие и то, как неприятно это было государю, но никто не выказал этого. Когда Исидор сказал: «Аминь», к нему подошел митрополит и попросил его к себе.

После беседы с митрополитом и обер-прокурором старичка отправили тотчас же назад в монастырь, но не в свой, а в Суздальский, где настоятелем и комендантом был отец Михаил.

XV.

Все сделали вид, что ничего неприятного не было от проповеди Исидора, и никто не упоминал про нее. И царю казалось, что слова старца не оставили в нем никакого следа, но раза два в продолжение дня он вспоминал о казни крестьян, о помиловании которых просила телеграммой Свентицкая. Днем был парад, потом выезд на гулянье, потом прием министров, потом обед, вечером театр. Как обыкновенно, царь заснул, как только донес голову до подушки. Ночью его разбудил страшный сон: в поле стояли виселицы, и на них качались трупы, и трупы высовывали языки, и языки тянулись дальше и дальше. И кто-то кричал: «Твоя работа, твоя работа». Царь проснулся в поту и стал думать. В первый раз стал думать об ответственности, которая лежала на нем, и все слова старичка вспомнились ему...

¹ [— Пригласите его. Он может проповедывать в соборе.]

² [Он становился всё более и более агрессивным,]

Но он видел в себе человека только издалека и не мог отдаться просто м требованиям человека из-за требований, со всех сторон предъявляемых к царю; признать же требования человека более обязательными, чем требования царя, у него не было сил.

XVI.

Отбыв второй срок в остроге, Прокофий, этот бойкий, самолюбивый щеголь-малый, вышел оттуда совсем конченным человеком. Трезвый он сидел, ничего не делал и, сколько ни ругал его отец, ел хлеб, не работал и, мало того, норовил стащить что-нибудь в кабак, чтобы выпить. Сидел, кашлял, харкал и плевал. Доктор, к которому он ходил, послушал его грудь и покачал головой.

— Тебе, брат, надо того, чего у тебя нет.

— Это известно, всегда надо.

— Пей молоко, не кури.

— Ныне и так пост, да и коровы нет.

Раз весною он всю ночь не спал, тосковал, хотелось ему выпить. Дома нечего захватить было. Надел шапку и вышел. Прошел по улице, дошел до попов. У дьячка борона наружу стоит прислонена к плетню. Прокофий подошел, вскинул борону на спину и понес к Петровне в корчму. «Авось, даст бутылочку». Не успел он отойти, как дьячок вышел на крыльцо. Уж совсем светло, — видит, Прокофий несет его борону.

— Эй, ты что?

Вышел народ, схватили Прокофья, посадили в холодную. Мировой судья присудил на 11 месяцев в тюрьму.

Была осень. Прокофья перевели в больницу. Он кашлял и всю грудь разрывал. И не мог согреться. Кто посильнее был, те всё-таки не дрожали. А Прокофий дрожал и день и ночь. Смотритель загонял экономию дров и не топил больницу до ноября. Больно страдал Прокофий телом, но хуже всего страдал духом. Всё ему противно было, и ненавидел он всех: и дьячка, и смотрителя за то, что не топил, и вахтера и соседа по койке с раздутой красной губой. Возненавидел и того новенького каторжного, которого привели к ним. Каторжный этот был Степан. Он заболел рожей на голове, и его перевели в больницу и положили рядом с Прокофьем. Сначала Прокофий возненавидел его, но потом полюбил его так, что ждал только того, когда поговорить с ним. Только после разговора с ним утишалась тоска в сердце Прокофья.

Степан всегда всем рассказывал свое последнее убийство, и как оно подействовало на него.

— Не то что закричать или что, — говорил он, — а вот на, режь. Не меня, мол, себя пожалей.

— Ну, известно, душу загубить страшно, я и барана раз

взялся резать, сам не рад был. А вот никого не загубил, а за что они меня, злодеи, погубили. Никому худого не сделал...

— Что ж, это тебе все зачтется.

— Где там?

— Как где? А Бог?

— Что-то не видать Его; я, брат, не верю, — думаю, помрешь — трава вырастет. Вот и вся.

— Как же думаешь? Я сколько душ загубил, а она, сердечная, только людям помогала. Что же, думаешь, мне с ней одно будет? Нет, погоди...

— Так, думаешь, помрешь, душа останется?

— А то как же. Это верно.

Тяжело было Прокофью умирать, задыхался он. Но в последний час вдруг легко стало. Позвал он Степана.

— Ну, брат, прощай. Видно, пришла смерть моя. И вот боялся, а теперь ничего. Только скорей хочется.

И Прокофий помер в больнице.

XVII.

Между тем дела Евгения Михайловича шли всё хуже и хуже. Магазин был заложен. Торговля не шла. В городе открылся другой магазин, а проценты требовали. Надо было занимать опять за проценты. И кончилось тем, что магазин и весь товар были назначен к продаже. Евгений Михайлович и его жена бросались повсюду и нигде не могли достать тех 400 рублей, которые нужны были, чтобы спасти дело.

Была маленькая надежда на купца Краснопузова, любовница которого была знакома с женой Евгения Михайловича. Теперь же по всему городу было известно, что у Краснопузова украли огромные деньги. Рассказывали, что украли полмиллиона.

— И кто ж украл? — рассказывала жена Евгения Михайловича. — Василий, наш бывший дворник. Говорят, он швыряет теперь этими деньгами, и полиция подкуплена.

— Негодяй был, — сказал Евгений Михайлович. — Как он тогда легко на клятвопреступление пошел. Я никак не думал.

— Говорят, он заходил к нам на двор. Кухарка говорила, что он. Она говорит, что он четырнадцать бедных невест замуж отдал.

— Ну, они выдумают.

В это время какой-то странный пожилой человек в казинетовой куртке вошел в магазин.

— Что тебе?

— Вам письмо.

— От кого?

— Там написано.

— Что же, ответа не надо? Да подожди.

— Нельзя.

И странный человек, отдав конверт, торопливо ушел.

— Чудно!

Евгений Михайлович разорвал толстый конверт и не верил своим глазам: сторублевые бумажки. Четыре. Что это? И тут же безграмотное письмо Евгению Михайловичу: «По Евангелию говорится, делай добро за зло. Вы мне много зла исделали с купоном и мужичка я дюже обидел, а я вот тебя жилею. На, возьми 4 екатеринки и помни своего дворника Василья».

— Нет, это удивительно, — говорил Евгений Михайлович, говорил и жене и сам себе. И когда вспоминал об этом или говорил об этом жене, слезы выступали у него на глаза, и на душе было радостно.

XVIII.

В Суздальской тюрьме содержалось четырнадцать духовных лиц, всё преимущественно за отступление от православия; туда же был прислан и Исидор. Отец Михаил принял Исидора по бумаге и, не разговаривая с ним, велел поместить его в отдельной камере, как важного преступника. На третьей неделе пребывания Исидора в тюрьме отец Михаил обходил содержащихся. Войдя к Исидору, он спросил: не нужно ли чего?

— Мне многое нужно, не могу сказать при людях. Дай мне случай говорить с тобою наедине.

Они взглянули друг на друга, и Михаил понял, что ему бояться нечего. Он велел привести Исидора в свою келью и, когда они остались одни, сказал:

— Ну, говори.

Исидор упал на колени.

— Брат! — сказал Исидор. — Что ты делаешь? Пожалей себя. Ведь хуже нет злодея тебя, ты поругал всё святое...

Через месяц Михаил подал бумаги об освобождении, как раскаявшихся, не только Исидора, но и семерых других и сам попросился в монастырь на покой.

XIX.

Прошло 10 лет.

Митя Смоковников кончил курс в техническом училище и был инженером с большим жалованьем на золотых приисках в Сибири. Ему надо было ехать по участку. Директор предложил ему взять каторжника Степана Пелагеюшкина.

— Как каторжника? Разве не опасно?

— С ним не опасно. Это святой человек. Спросите у кого хотите.

— Да за что он?

Директор улыбнулся.

— Шесть душ убил, а святой человек. Уж я ручаюсь.

И вот Митя Смоковников принял Степана, плешивого, жудого, загорелого человека, и поехал с ним.

Дорогой Степан ходил, как он ухаживал за всеми, где мог, как за своим детищем, за Смоковниковым и дорогой рассказал ему всю свою историю. И то, как и зачем и чем он живет теперь.

И удивительное дело. Митя Смоковников, живший до тех пор только питьем, едой, картами, вином, женщинами, задумался в первый раз над жизнью. И думы эти не оставили его, а разворачивали его душу всё дальше и дальше. Ему предлагали место, где была большая польза. Он отказался и решил на то, что у него было, купить имение, жениться и, как сумеет, служить народу.

XX.

Он так и сделал. Но прежде приехал к отцу, с которым у него были неприятные отношения за новую семью, которую завел отец. Теперь же он решил сблизиться с отцом. И так и сделал. И отец удивлялся, смеялся над ним, а потом сам перестал нападать на него и вспомнил многие и многие случаи, где он был виноват перед ним.

** АЛЕША ГОРШОК.

Алешка был меньшей брат. Прозвали его Горшком за то, что мать послала его снести горшок молока дьяконице, а он споткнулся и разбил горшок. Мать побила его, а ребята стали дразнить его «Горшком». Алешка Горшок — так и пошло ему прозвище.

Алешка был малый худощавый, лопухий (уши торчали, как крылья), и нос был большой. Ребята дразнили: «У Алешки нос, как кобель на бугре». В деревне была школа, но грамота не далась Алеше, да и некогда было учиться. Старший брат жил у купца в городе, и Алешка сызмальства стал помогать отцу. Ему было 6 лет, уж он с девчонкой сестрой овец и корову стерег на выгоне, а еще подрос, стал лошадей стеречь и в денном и в ночном. С двенадцати лет уж он пахал и возил. Силы не было, а хватка была. Всегда он был весел. Ребята смеялись над ним; он молчал, либо смеялся. Если отец ругал, он молчал и слушал. И как только переставали его ругать, он улыбался и брался за то дело, которое было перед ним.

Алеше было 19 лет, когда брата его взяли в солдаты. И отец поставил Алешу на место брата к купцу в дворники. Алеше дали сапоги братнины старые, шапку отцовскую и поддевку и повезли в город. Алеша не мог нарадоваться на свою одежду, но купец остался недоволен видом Алеши.

— Я думал, и точно человека заместо Семена поставишь, — сказал купец, оглянув Алешу. — А ты мне какого сопляка привел. На что он годится?

— Он всё может — и запречь, и съездить куда, и работать лютой; он только на вид как плетень. А то он жилист.

— Ну уж, видно, погляжу.

— А пуще всего — безответный. Работать завистливый.

— Что с тобой делать. Оставь.

И Алеша стал жить у купца.

Семья у купца была небольшая: хозяйка, старуха-мать, старший сын женатый, простого воспитания, с отцом в деле был, и другой сын ученый, кончил в гимназии и был в университете,

да оттуда выгнали, и он жил дома, да еще дочь девушка гимнастка.

Сначала Алешка не понравился — очень уж он был мужиковат и одет плохо, и обхожденья не было, всем говорил «ты», но скоро привыкли к нему. Служил он еще лучше брата. Точно был безответный, на все дела его посылали, и всё он делал охотно и скоро, без останова переходя от одного дела к другому. И как дома, так и [у] купца на Алешу наваливались все работы. Чем больше он делал, тем больше все на него наваливали дела. Хозяйка, и хозяйская мать, и хозяйская дочь, и хозяйский сын, и приказчик, и кухарка, все то туда, то сюда посылали его, то то, то это заставляли делать. Только и слышно было: «Сбегай, брат», или: «Алеша, ты это устрой. — Ты что ж это, Алешка, забыл, что ль? — Смотри, не забудь, Алеша». И Алеша бегал, устраивал, и смотрел, и не забывал, и всё успевал, и всё улыбался.

Сапоги братнины он скоро разбил, и хозяин разбил его за то, что он ходил с махрами на сапогах и голыми пальцами, и велел купить ему новые сапоги на базаре. Сапоги были новые, и Алеша радовался на них, но ноги у него были всё старые, и они к вечеру ныли у него от беготни, и он сердился на них. Алеша боялся, как бы отец, когда придет за него получить деньги, не обиделся бы за то, что купец за сапоги вычтет из жалованья.

Вставал Алеша зимой до света, колот дров, потом выметал двор, задавал корм корове, лошади, поил их. Потом топил печи, чистил сапоги, одежду хозяевам, ставил самовары, чистил их, потом либо приказчик звал его вытаскивать товар, либо кухарка приказывала ему месить тесто, чистить кастрюли. Потом посылали его в город, то с запиской, то за хозяйской дочерью в гимназию, то за деревянным маслом для старушки. «Где ты пропадаешь, проклятый», говорил ему то тот, то другой. «Что вам самим ходить Алеша сбегает. Алешка! А Алешка!» И Алеша бегал.

Завтракал он находу, а обедать редко поспевал со всеми. Кухарка ругала его за то, что он не со всеми ходит, но всё-таки жалела его и оставляла ему горячего и к обеду и к ужину. Особенно много работы бывало к праздникам и во время праздников. И Алеша радовался праздникам особенно потому, что на праздники ему давали на чай хоть и мало, собиралось копеек 60, но всё-таки это были его деньги. Он мог истратить их, как хотел. Жалованья же своего он и в глаза не видал. Отец приезжал, брал у купца и только выговаривал Алешке, что он сапоги скоро растрепал.

Когда он собрал 2 рубля этих денег «начайных», то купил, по совету кухарки, красную вязаную куртку и когда надел, то не мог уж свести губы от удовольствия.

Говорил Алеша мало и когда говорил, то всегда отрывисто

коротко. И когда ему что приказывали сделать или спрашивали, может ли он сделать то и то, то он всегда без малейшего колебания говорил: «Это всё можно» и сейчас же бросался делать и делал.

Молить он никаких не знал; как его мать учила, он забыл, а всё-таки молился и утром и вечером — молился руками, крестясь.

Так прожил Алеша полтора года, и тут, во второй половине второго года, случилось с ним самое необыкновенное в его жизни событие. Событие это состояло в том, что он к удивлению своему узнал, что кроме тех отношений между людьми, которые происходят от нужды друг в друге, есть еще отношения совсем особенные: не то чтобы нужно было человеку вычистить сапоги, или снести покупку, или запретить лошадь, а то, что человек так, ни за чем нужен другому человеку, нужно ему послужить, его приласкать, и что он, Алеша, тот самый человек. Узнал он через кухарку Устинью. Устюша была сирота, молодая, такая же работающая, как и Алеша. Она стала жалеть Алешу, и Алеша в первый раз почувствовал, что он, сам он, не его услуги, а он сам нужен другому человеку. Когда мать жалела его, он не замечал этого, ему казалось, что это так и должно быть, что это всё равно, как он сам себя жалеет. Но тут вдруг он увидал, что Устинья совсем чужая, а жалеет его, оставляет ему в горшке каши с маслом и, когда он ест, подпершись подбородком на засученную руку, смотрит на него. И он взглянет на нее, и она засмеется, и он засмеется.

Это было так ново и странно, что сначала испугало Алешу. Он почувствовал, что это помешает ему служить, как он служил. Но всё-таки он был рад и, когда смотрел свои штаны, ватопанные Устиньей, покачивал головой и улыбался. Часто за работой или на ходу он вспоминал Устинью и говорил: «Ай да Устинья!» Устинья помогала ему где могла, и он помогал ей. Она рассказала ему свою судьбу, как она осиротела, как ее тетка взяла, как отдала в город, как купеческий сын ее на глупость подговаривал и как она его осадилла. Она любила говорить, а ему приятно было ее слушать. Он слышал, что в городах часто бывает: какие мужики в работниках — женятся на кухарках. И один раз она спросила его, скоро ли его женят. Он сказал, что не знает и что ему не охота в деревне брать.

— Что ж, кого приглядел? — сказала она.

— Да я бы тебя взял. Пойдешь, что ли?

— Вишь, горшок, горшок, а как изловчился сказать, — сказала она, ударив его ручником по спине. — Отчего же не пойти?

На масленице старик приехал в город за деньгами. Купцова жена узнала, что Алексей задумал жениться на Устинье, и ей не понравилось это. «Забеременеет, с ребенком куда она годится!» Она сказала мужу.

Хозяин отдал деньги Алексею отцу.

— Что ж, хорошо живет мой-то? — сказал мужик. — Я говорил — безответный.

— Безответный-то безответный, да глупости задумал. Жениться вздумал на кухарке. А я женатых держать не стану. Нам это не подходяще.

— Дурак, дурак, а что вздумал, — сказал отец. — Ты не думай. Я прикажу ему, чтоб он это бросил.

Придя в кухню, отец сел, дожидаясь сына, за стол. Алеша бегал по делам и запыхавшись вернулся.

— Я думал, ты путный. А ты что задумал? — сказал отец.

— Да я ничего.

— Как ничего. Жениться захотел. Я женю, когда время подойдет, и женю на ком надо, а не на шлюхе городской.

Отец много говорил. Алеша стоял и вздыхал. Когда отец кончил, Алеша улыбнулся.

— Что ж, это и оставить можно.

— То-то.

Когда отец ушел и он остался один с Устиньей, он сказал ей (она стояла за дверью и слушала, когда отец говорил с сыном): — Дело наше не того, не вышло. Слышала? Рассерчал, не велит.

Она заплакала молча в фартук.

Алеша щелкнул языком.

— Как не послушаешь-то. Видно, бросать надо.

Вечером, когда купчиха позвала его закрыть ставни, она сказала ему:

— Что ж, послушал отца, бросил глупости свои?

— Видно, что бросил, — сказал Алеша, засмеялся и тут же заплакал.

С тех пор Алеша не говорил больше с Устиньей об женитьбе и жил по-старому.

Постом приказчик послал его счищать снег с крыши. Он полез на крышу, счистил весь, стал отдирать примерзлый снег у желобов, ноги покатались, и он упал с лопатой. На беду упал он не в снег, а на крытый железом выход. Устинья подбежала к нему и хозяйская дочь.

— Ушибся, Алеша?

— Вот еще ушибся. Ничего.

Он хотел встать, но не мог и стал улыбаться. Его снесли в дворницкую. Пришел фельдшер. Осмотрел его и спросил, где больно.

— Больно везде, да это ничего. Только что хозяин обидится. Надо батюшке послать слух.

Пролежал Алеша двое суток, на третьи послали за попом.

— Что же, али помирать будешь? — спросила Устинья.

— А то что ж? Разве всё и жить будем? Когда-нибудь надо, — быстро, как всегда, проговорил Алеша. — Спасибо, Устюша, что жалела меня. Вот оно и лучше, что не велели жениться, а то бы ни к чему было. Теперь все похорошему.

Молился он с попом только рук[ами] и сердцем. А в сердце у него было то, что как здесь хорошо, коли слушаешь и не обижает, так и там хорошо будет.

Говорил он мало. Только просил пить и всё чему-то удивлялся. Удивился чему-то, потянулся и помер.

****ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ СТАРЦА ФЕДОРА КУЗМИЧА,**

**УМЕРШЕГО 20 ЯНВАРЯ 1864 ГОДА В СИБИРИ БЛИЗ ТОМСКА НА
ЗАЙМКЕ КУПЦА ХРОМОВА.**

Еще при жизни старца Федора Кузмича, появившегося в Сибири в 1836 году и прожившего в разных местах 27 лет, ходили про него странные слухи о том, что это скрывающий свое имя и звание, что это не кто иной как император Александр первый; после же смерти его слухи еще более распространились и усилились. И тому, что это был действительно Александр первый, верили не только в народе, но и в высших кругах и даже в царской семье в царствование Александра третьего. Верил этому и историк царствования Александра первого, ученый Шильдер.

Поводом к этим слухам было, во-первых, то, что Александр умер совершенно неожиданно, не болев перед этим никакой серьезной болезнью, во-вторых, то, что умер он вдали от всех в довольно глухом месте, Таганроге, в-третьих, то, что когда он был положен в гроб, те, кто видели его, говорили, что он так изменился, что нельзя было узнать его и что поэтому его закрыли и никому не показывали, в-четвертых, то, что Александр неоднократно говорил, писал (и особенно часто в последнее время), что он желает только одного: избавиться от своего положения и уйти от мира, в-пятых, обстоятельство мало известное, то, что при протоколе описания тела Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красные, что никак не могло быть на измененном теле императора.

Что же касается до того, что именно Кузмича считали скрывшимся Александром, то поводом к этому было, во-первых, то, что старец был ростом, сложением и наружностью так похож на императора, что люди (камер-лакеи, признавшие Кузмича Александром), выдавшие Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство, и один и тот же возраст, и та же характерная сутуловатость; во-вторых, то, что Кузмич, выдававший себя за непомнящего родства бродягу, знал

иностранные языки и всеми приемами своими величавой ласковости обличал человека, привыкшего к самому высокому положению; в-третьих, то, что старец никогда никому не открыл своего имени и звания, а между тем невольно прорывающимися выражениями выдавал себя за человека, когда-то стоявшего выше всех других людей; и в-четвертых, то, что он перед смертью уничтожил какие-то бумаги, из которых остался один листок с шифрованными странными знаками и инициалами А. и П.; в-пятых, то, что, несмотря на всю набожность, старец никогда не говел. Когда же посетивший его архиерей уговаривал его исполнить долг христианина, старец сказал: «Если бы я на исповеди не сказал про себя правды, небо удивилось бы; если же бы я сказал, кто я, удивилась бы земля».

Все догадки и сомнения эти перестали быть сомнениями и стали достоверностью вследствие найденных записок Куамича. Записки эти следующие. Начинаются они так:

I.

Спаси Бог бесценного друга Ивана Григорьевича¹ за это восхитительное убежище. Не стою я его доброты и милости Божией. Я здесь спокоен. Народа ходит меньше, и я один с своими преступными воспоминаниями и с Богом. Постараюсь воспользоваться уединением, чтобы подробно описать свою жизнь. Она может быть поучительна людям.

Я родился и прожил сорок семь лет своей жизни среди самых ужасных соблазнов и не только не устоял против них, но упивался ими, соблазнялся и соблазнял других, грешил и заставлял грешить. Но Бог оглянулся на меня. И вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать перед собой и сваливать на других, наконец открылась мне во всем своем ужасе, и Бог помог мне избавиться не от зла — я еще полон его, хотя и борюсь с ним, — но от участия в нем. Какие душевные муки я пережил и что совершилось в моей душе, когда я понял всю свою греховность и необходимость искупления (не веры в искупление, а настоящего искупления грехов своими страданиями), я расскажу в своем месте. Теперь же опишу только самые действия мои, как я успел уйти из своего положения, оставив вместо своего трупа труп замученного мною до смерти солдата, и приступлю к описанию своей жизни с самого начала.

Бегство мое совершилось так. В Таганроге я жил в том же безумии, в каком жил все эти последние 24 года. Я вели-

¹ Иван Григорьевич Латышев — это крестьянин села Краснореченского, с которым Федор Куамич познакомился и сошелся в 39 году и который после разных перемен места жительства построил для Куамича в стороне от дороги, в горе, над обрывом в лесу келью. В этой келье и начал Куамич свои записки.

чайший преступник, убийца отца, убийца сотен тысяч людей на войнах, к которым я был причиной, гнусный развратник, злодей, верил тому, что мне про меня говорили, считал себя спасителем Европы, благодетелем человечества, исключительным совершенством, un heurieux hasard,¹ как я сказал это m-me Staël. Я считал себя таким, но Бог не совсем оставил меня, и недремлющий голос совести не переставая грыз меня. Всё мне было нехорошо, все были виноваты. Один я был хорош, и никто не понимал этого. Я обращался к Богу, молился то православному Богу с Фотием, то католическому, то протестантскому с Парротом, то иллиуминатскому с Крюденер, но и к Богу я обращался только перед людьми, чтоб они любили меня мною. Я презирал всех людей, а эти-то презренные люди, их мнение только и было для меня важно, только ради его я жил и действовал. Одному мне было ужасно. Еще ужаснее с нею, с женою. Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная и вся притворство, она хуже всего отравляла мою жизнь. Nous étions censés² проживать нашу новую lune de miel,³ а это был ад в приличных формах, притворный и ужасный.

Один раз мне особенно было гадко, я получил накануне письмо от Аракчеева об убийстве его любовницы. Он описывал мне свое отчаянное горе. И удивительное дело: его постоянная тонкая лесть, не только лесть, но настоящая собачья преданность, начавшаяся еще при отце, когда мы вместе с ним, тайно от бабушки, присягали ему, эта собачья преданность его делала то, что я если любил в последнее время кого из мужчин, то любил его. Хотя и неприлично употреблять это слово «любил», относя его к этому извергу. Связывало меня с ним еще и то, что он не только не участвовал в убийстве отца, как многие другие, которые именно за то, что они были участниками моего преступления, мне были ненавистны. Он не только не участвовал, но был предан моему отцу и предан мне. Впрочем, про это после.

Я спал дурно. Странно сказать, убийство красавицы, злой Настасьи (она была удивительно чувственно красива), вызвало во мне похоть. И я не спал всю ночь. То, что через комнату лежит чахоточная, постылая жена, не нужная мне, злило и еще больше мучало меня. Мучали и воспоминания о Мари (Нарышкиной), бросившей меня для ничтожного дипломата. Видно, и мне и отцу суждено было ревновать к Гагариным. Но я опять увлекаюсь воспоминаниями. Я не спал всю ночь. Стало рассветать. Я поднял гардину, надел свой белый халат и кликнул камердинера. Все еще спали. Я надел сюртук, штатскую шинель и фуражку и вышел мимо часовых на улицу.

¹ [счастливым случаем.]

² [Мы предполагали]

³ [медовый месяц.]

Солнце только что поднималось над морем, был свежий осенний день. На воздухе мне сейчас же стало лучше. Мрачные мысли исчезли, и я пошел к игравшему местами на солнце морю. Не доходя угла с зеленым домом, я услышал с площади барабан и флейту. Я прислушался и понял, что на площади происходила экзекуция: прогоняли сквозь строй. Я, столько раз разрешавший это наказание, ни когда не видал этого зрелища. И странное дело (это, очевидно, было дьявольское влияние), мысли об убитой чувственной красавице Настасье и об рассекаемых шпипрутенами телах солдат сливались в одно раздражающее чувство. Я вспомнил о прогнанных сквозь строй семеновцах и о военнопоселенцах, сотни которых были загнаны на смерть, и мне вдруг пришла странная мысль посмотреть на это зрелище. Так как я был в штатском, я мог это сделать.

Чем ближе я шел, тем явственнее слышалась барабанная дробь и флейта. Я не мог ясно рассмотреть без лорнета своими близорукими глазами, но видел уже ряды солдат и движущуюся между ними высокую, с белой спиной фигуру. Когда же я стал в толпе людей, стоявшей позади рядов и смотревшей на зрелище, я достал лорнет и мог рассмотреть всё, что делалось. Высокий человек с привязанными к штюку обнаженными руками и с голой, кое-где алевшей уже от крови, рассеченной белой сутуловатой спиной шел по улице сквозь строй солдат с палками. Человек этот был я, был мой двойник. Тот же рост, та же сутуловатая спина, та же лысая голова, те же баки, без усов, те же скулы, тот же рот и те же голубые глаза, но рот не улыбающийся, а раскрывающийся и искривляющийся от вскрикиваний при ударах, и глаза не умильные, ласкающие, а страшно выпяченные и то закрывающиеся, то открывающиеся.

Когда я взгляделся в лицо этого человека, я узнал его. Это был Струменский, солдат, левофланговый унтер-офицер 3-й роты Семеновского полка, в свое [время] известный всем гвардейцам по своему сходству со мною. Его шутя называли Александром II.

Я знал, что он был вместе с бунтовавшими семеновцами переведен в гарнизон, и понял, что он, вероятно, здесь в гарнизоне сделал что-нибудь, вероятно, бежал, был пойман и вот наказывался. Как я потом узнал, так это и было.

Я стоял, как заколдованный, глядя на то, как шагал этот несчастный и как его били, и чувствовал, что что-то во мне делается. Но вдруг я заметил, что стоявшие со мной люди, зрители, смотрят на меня, одни сторонятся, другие приближаются. Очевидно, меня узнали. Увидав это, я повернулся и быстро пошел домой. Барабан всё бил, флейта играла; стало быть, казнь всё продолжалась. Главное чувство мое было то, что мне надо было сочувствовать тому, что делалось над этим двойником моим. Если не сочувствовать, то признавать, что делается то, что должно — и я чувствовал, что я не мог. А между

тем я чувствовал, что если я не признаю, что это так и должно быть, что это хорошо, то я должен признать, что вся моя жизнь, все мои дела— всё дурно, и мне надо сделать то, что я давно хотел сделать: всё бросить, уйти, исчезнуть.

Чувство это охватило меня, я боролся с ним, я то признавал, что это так и должно быть, что это печальная необходимость, то признавал, что мне надо было быть на месте этого несчастного. Но, странное дело, мне не жалко было его, и я, вместо того чтобы остановить казнь, только боялся, что меня узнают, и ушел домой.

Скоро перестало быть слышно барабаны, и, вернувшись домой, я как-будто освободился от охватившего меня там чувства, выпил свой чай и принял доклад от Волконского. Потом обычный завтрак, обычные, привычные тяжелые, фальшивые отношения с женой, потом Дибич и доклад, подтверждавший сведения о тайном обществе. В свое время, описывая всю историю своей жизни, опишу, если Богу будет угодно, всё подробно. Теперь же скажу только, что и это я внешним образом принял спокойно. Но это продолжалось только до конца обеда. После обеда я ушел в кабинет, лег на диван и тотчас же заснул.

Едва ли я проспал пять минут, как толчок во всем теле разбудил меня, и я услышал барабанную дробь, флейту, звуки ударов, вскрикивания Струменского и увидел его или себя, я сам не знал, он ли был я, или я был я, увидел его страдающее лицо и безнадежные подергивания и хмурые лица солдат и офицеров. Затмение это продолжалось недолго: я вскочил, застегнул сюртук, надел шляпу и шпагу и вышел, сказав, что пойду гулять.

Я знал, где был военный госпиталь, и прямо пошел туда. Как всегда, все засуетилось. Запыхавшись прибежал главный доктор и начальник штаба. Я сказал, что хочу пройти по палатам. Во второй палате я увидел плешивую голову Струменского. Он лежал ничком, положив голову на руки, и жалобно стонал. «Был наказан за побег», доложили мне.

Я сказал: «А!», сделал свой обычный жест того, что слышу и одобряю, и прошел мимо.

На другой день я послал спросить: что Струменский. Мне сказали, что его причастили, и он умирает.

Это был день именин брата Михаила. Был парад и служба. Я сказал, что нездоров после крымской поездки, и не пошел к обедни. Ко мне опять пришел Дибич и докладывал опять о заговоре во 2-й армии, напоминая то, что говорил мне об этом граф Витт еще до крымской поездки, и донесение унтер-офицера Шервуда.

Тут только, слушая доклад Дибича, приписывавшего такую огромную важность этим замыслам заговора, я вдруг почувствовал всё значение и всю силу того переворота, который произошел во мне. Они делают заговор, чтобы изменить образ правления, ввести конституцию, то самое, что я

хотел сделать 20 лет тому назад. Я делал и разделявал конституции в Европе, и что и кому от этого стало лучше? И главное, кто я, чтобы делать это? Главное было то, что вся внешняя жизнь, всякое устройство внешних дел, всякое участие в них — а уж я ли не участвовал в них и не перестраивал жизнь народов Европы — было не важно, не нужно и не касалось меня. Я вдруг понял, что всё это не мое дело. Что мое дело — я, моя душа. И все мои прежние желания отречения от престола, тогда с рисовкой, с желанием удивить, опечалить людей, показать им свое величие души, вернулись теперь, но вернулись с новой силой и с полной искренностью, уже не для людей, а только для себя, для души. Как-будто весь этот пройденный мною в светском смысле блестящий круг жизни был пройден только для того, чтобы вернуться к тому юношескому, вызванному раскаянием, желанию уйти от всего, но вернуться без тщеславия, без мысли о славе людской, а для себя, для Бога. Тогда это были неясные желания, теперь это была невозможность продолжать ту же жизнь.

Но как? Не так, чтобы удивить людей, чтобы меня хвалили, а, напротив, надо было уйти так, чтобы никто не знал и чтобы пострадать. И эта мысль так обрадовала, так восхитила меня, что я стал думать о средствах приведения ее в исполнение, все силы своего ума, своей, свойственной мне, хитрости употребил на то, чтобы привести ее в исполнение.

И удивительное дело, исполнение моего намерения оказалось гораздо более легким, чем я ожидал. Намерение мое было такое: притвориться больным, умирающим и, подговорив и подкупив доктора, положить на мое место умирающего Струменского и самому уйти, бежать, скрыв от всех свое имя.

И всё делалось, как бы нарочно, для того, чтобы мое намерение удалось. 9-го я, как нарочно, заболел лихорадкой. Я проболел около недели, во время которой я всё больше и больше укреплялся в своем намерении и обдумывал его. 16-го я встал и чувствовал себя здоровым.

В этот день я, по обыкновению, сел бриться и, задумавшись, сильно обрезался около подбородка. Пошло много крови, мне сделалось дурно, и я упал. Прибежали, подняли меня. Я тотчас же понял, что это может мне пригодиться для исполнения моего намерения, и хотя чувствовал себя хорошо, притворился, что я очень слаб, слег в постель и велел позвать себе помощника Виллие. Виллие не пошел бы на обман, этого же молодого человека я надеялся подкупить. Я открыл ему свое намерение и план исполнения и предложил ему восемьдесят тысяч, если он сделает всё то, что я от него требовал. План мой был такой: Струменский, как я узнал, в это утро был при смерти и должен был кончиться к ночи. Я ложился в постель и, притворившись радраженным на всех, не допускал к себе никого, кроме под-

купленного врача. В эту же ночь врач должен был привести в ванне тело Струменского и положить его на мое место и объявить о моей неожиданной смерти. И удивительное дело, всё было исполнено так, как мы предполагали. И 17 ноября я был свободен.

Тело Струменского в закрытом гробу похоронили с величайшими почестями. Брат Николай вступил на престол, сослав в каторгу заговорщиков. Я видел потом в Сибири некоторых из них, я же пережил ничтожные в сравнении с моими преступлениями страдания и незаслуженные мною величайшие радости, о которых расскажу в своем месте.

Теперь же, стоя по пояс в гробу, семидесятидвухлетним стариком, понявшим тщету прежней жизни и значительность той жизни, которой я жил и живу бродягой, постараюсь рассказать повесть моей ужасной жизни.

МОЯ ЖИЗНЬ.

12 декабря 1849.

Сибирская тайга близ Красноярска.

Сегодня день моего рождения, мне 72 года. Семьдесят два года тому назад я родился в Петербурге, в зимнем дворце, в покоях моей матери императрицы — тогда великой княгини Марьи Федоровны.

Спал я сегодня ночью довольно хорошо. После вчерашнего нездоровья мне стало несколько легче. Главное, прекратилось сонное духовное состояние, возобновилась возможность всей душой обращаться с Богом. Вчера ночью в темноте молился. Ясно сознал свое положение в мире: я — вся моя жизнь — есть нечто нужное Тому, Кто меня послал. И я могу делать это нужное ему и могу не делать. Делая нужное ему, я содействую благу своему и всего мира. Не делая этого, лишаюсь своего блага — не всего блага, а того, которое могло быть моим, но не лишаю мир того блага, которое предназначено ему (миру). То, что я должен бы был сделать, сделают другие. И Его воля будет исполнена. В этом свобода моей воли. Но если Он знает, что будет, если всё определено Им, то нет свободы? Не знаю. Тут предел мысли и начало молитвы, простой, детской и старческой молитвы: «Отче, не моя воля да будет, но Твоя. Помогите мне. Прииди и вселися в ны». Просто: «Господи, прости и помилуй, да, Господи, прости и помилуй, прости и помилуй. Словами не могу сказать, а сердце Ты знаешь, Ты сам в нем».

И я заснул хорошо. Просыпался, как всегда, по старческой слабости раз пять и видел сон о том, что купаюсь в море и плаваю и удивляюсь, как меня вода держит высоко, так, что я совсем не погружаюсь в нее, и вода зеленоватая, красивая, и

какие-то люди мешают мне, и женщины на берегу, а я нагой, и нельзя выйти. Смысл сновидения тот, что мешает мне еще крепость моего тела, но выход близок.

Встал до рассвета, высек огня и долго не мог зажечь серничка. Надел свой лосиный халат и вышел на улицу. Из-за осыпанных снегом лиственниц и сосен краснела красно-оранжевая заря. Внес вчера наколонные дрова и затопил, и стал еще колоть. Рассвело. Поел размоченных сухарей, печь истопилась, закрыл трубу и сел писать.

Родился я ровно 72 года тому назад, 12 декабря 1777 года в Петербурге, в зимнем дворце. Имя дано мне было, по желанию бабки, Александра, в предзнаменование того, как она сама говорила мне, чтобы я был столь же великим человеком, как Александр Македонский, и столь же святым, как Александр Невский. Крестили меня через неделю в большой церкви зимнего дворца. Несла меня на глазетовой подушке герцогиня курляндская; покрывало поддерживали высшие чины, крестной матерью была императрица, крестным отцом был император австрийский и король прусский. Комната, в которую поместили меня, была так устроена по плану бабушки. Я ничего этого не помню, но знаю по рассказам.

В обширной комнате этой, с тремя высокими окнами, по середине ее, среди четырех колонн прикреплен к высокому потолку бархатный балдахин с шелковыми занавесами до полу. Под балдахином поставлена кровать железная с кожаным тюфячком, подушечкой и легким английским одеялом. Кругом балдахина балюстрада в два аршина вышины, так, чтобы посетители не могли близко подходить. В комнате никакой мебели, только позади балдахина постель кормилицы. Все подробности моего телесного воспитания были обдуманы бабушкой. Запрещено было меня укачивать, пеленали особенным образом, ноги были без чулок, купали сначала в теплой, потом в холодной воде, одежда была особенная, надевалась сразу, без швов и завязок. Как только я начал ползать, так меня клали на ковер и предоставляли самому себе. Первое время мне рассказывали, что бабушка часто сама садилась на ковер и играла со мной. Я ничего этого не помню, не помню и кормилицу.

Кормилицей моей была жена садовника молодца, Авдотья Петрова из Царского Села. Я не помню ее. Я увидел ее в первый раз, когда мне было 18 лет и она в Царском подошла ко мне в саду и назвала себя. Было это в то мое хорошее время моей первой дружбы с Чарторижским и искреннего отвращения ко всему тому, что делалось при обоих дворах, как несчастного отца, так и ставшей мне ненавистной тогда бабки. Я был еще человеком тогда, и даже не дурным человеком, с добрыми стремлениями. Я шел с Адамом по парку, когда из боковой аллеи вышла хорошо одетая женщина, с необыкновенно добрым, очень белым, приятным, улыбающимся и ввол-

нованным лицом. Она быстро подошла ко мне и, упав на колени, схватила мою руку и стала целовать ее.

— Батюшка, ваше высочество. Вот когда Бог привел.

— Кто вы?

— Кормилка ваша, Авдотья, Дуняша, одиннадцать месяцев кормила. Привел Бог взглянуть.

Я насилу поднял ее, спросил, где она живет, и обещал зайти к ней. Милый *intérieur*¹ ее чистенького домика; ее милая дочка, совершенная русская красавица, моя молочная сестра, [которая] была невестой берейтора придворного, отец ее, садовник, такой же улыбающийся, как и жена, и куча детей, тоже улыбающихся, все они точно осветили меня в темноте. «Вот настоящая жизнь, настоящее счастье», думал я. «Так всё просто, ясно, никаких интриг, зависти, ссор».

Так вот эта милая Дуняша и кормила меня. Главной няней моей была немка Софья Ивановна Бенкендорф, а няней англичанка Гесслер. Софья Ивановна Бенкендорф, немка, была толстая, белая, прямоносая женщина, с величественным видом, когда она распоряжалась в детской, и удивительно униженной, низкопоклонной, низкоприседающей при бабушке, которая была на голову ниже ее ростом. Она ко мне относилась особенно раболепно и вместе с тем строго. То она была царщей, в своих широких юбках и [с] своим величественным прямоносым лицом, то вдруг делалась притворяющейся девочкой.

Прасковья Ивановна (Гесслер), англичанка, была длиннолицая, рыжеватая, всегда серьезная англичанка. Но зато, когда она улыбалась, она расслаивалась вся, и нельзя было удержаться от улыбки. Мне нравилась ее аккуратность, ровность, чистота, твердая мягкость. Мне казалось, что она что-то знает такого, чего не знал никто, ни маменька, ни батюшка, даже сама бабушка.

Мать свою я помню сначала как какое-то странное, печальное, сверхъестественное и прелестное видение. Красивая, нарядная, блестящая бриллиантами, шелком, кружевами и обнаженными полными, белыми руками, она входила в мою комнату и с каким-то странным, чуждым мне, не относящимся ко мне грустным выражением лица ласкала меня, брала на свои сильные, прекрасные руки, подносила к еще более прекрасному лицу, откидывала густые, пахучие волосы, и целовала меня и плакала, и раз даже спустила меня с рук и упала в дурноте.

Странное дело, внушено ли мне это было бабушкой, или таково было обхождение со мною матери, или я детским чутьем проник ту дворцовую интригу, которой я был центром, но у меня не было простого чувства, даже никакого чувства любви к матери. Что-то натянутое чувствовалось в ее обращении ко мне. Она как будто что-то выказывала через меня, забывая меня,

¹ [обстановка]

и я это чувствовал. Так это и было. Бабка отняла меня от родителей, взяла в свое полное распоряжение для того, чтобы передать мне престол, лишив его ненавидимого ею сына, моего несчастного отца. Я, разумеется, долго ничего не знал этого, но с первых же дней сознания я, не понимая причин, сознавал себя предметом какой-то вражды, соревнования, игрушкой каких-то замыслов и чувствовал холодность и равнодушие к себе, к своей детской душе, не нуждавшейся ни в какой короне, а только в простой любви. И ее-то и не было. Была мать, всегда грустная в моем присутствии. Один раз она, поговорив о чем-то по-немецки с Софьей Ивановной, расплакалась и выбежала почти из комнаты, заслышав шаги бабушки. Был отец, который иногда входил в нашу комнату и к которому потом водили меня с братом. Но отец этот, мой несчастный отец, еще больше и решительнее, чем мать, при виде меня выражал свое неудовольствие, сдержанный гнев даже.

Помню, как раз нас с братом Константином привели на их половину. Это было перед отъездом его в путешествие за границу в 1781 году. Он вдруг отстранил меня рукой и с страшными глазами вскочил с кресла и, задыхаясь, заговорил что-то обо мне и бабушке. Я не понял что, но помню слова:

— Après 62 tout est possible...¹

Я испугался, заплакал. Матушка взяла меня на руки и стала целовать. И потом поднесла ему. Он быстро благословил меня и, стуча своими высокими каблуками, почти выбежал из комнаты. Уже долго потом я понял значение этого взрыва. Они с матушкой ехали путешествовать под именем Comte и Comtesse du Nord.² Бабушка хотела этого. И он боялся, чтобы в его отсутствие он бы не был объявлен лишенным права на престол и я признан наследником...

Боже мой, Боже мой! И он дорожил тем, что погубило телесно и духовно и его, и меня, и я, несчастный дорожил тем же. Кто-то стучится, произнося молитву «Во имя отца и сына». Я сказал: «аминь». Уберу писание; пойду отопру. И если Бог велит, буду продолжать завтра.

13 декабря.

Спал мало и видел нехорошие сны: какая-то женщина неприятная, слабая, жметесь ко мне, и я не ее боюсь, не греха, а боюсь, что увидит жена. И будут опять упреки. Семьдесят два года, и я всё еще не свободен... Наяву можно себя обманывать, но сновидение дает верную оценку той степени, до которой ты достиг. Видел еще — и это опять подтверждение той низкой степени нравственности, на которой я стою, — что кто-то принес мне здесь во мху конфеты, какие-то необыкновенные кон-

¹ [— После 1762 года всё возможно...]

² [граф и графиня Северные.]

феты, и мы разобрали их из моха и роздали. Но после раздачи остались еще конфеты, и я выбираю их для себя, а тут мальчик в роде сына турецкого султана, черноглазый, неприятный, тянется к конфетам, берет их в руки, и я отталкиваю его и между тем знаю, что ребенку гораздо свойственнее есть конфеты, чем мне, и всё-таки не даю ему и чувствую к нему недоброе чувство и в то же время знаю, что это дурно.

И странное дело, наяву со мной нынче случилось это самое. Пришла Марья Мартемьяновна. Вчера стучался от нее посол с запросом, может ли она побывать. Я сказал, что можно. Мне тяжелы эти посещения, но я знаю, что ее огорчил бы отказ. И вот нынче она приехала. Половья издалека слышно было, как визжали по снегу. И она, войдя в своей шубе и платках, внесла кульки с гостинцами и такой холод, что я оделся в халат. Она привезла оладей, масла постного и яблок. Она приехала спросить о дочери. Свагатается богатый вдовец. Отдавать ли? Очень мне тяжело это их представление о моей прозорливости. Всё, что я говорю против, они приписывают моему смирению. Я сказал, что всегда говорю, что целомудрие лучше брака, но, по слову Павла, лучше жениться, чем разжигаться. С ней вместе приехал ее зять Никанор Иванович, тот самый, который звал меня поселиться в его доме, и потом не переставая преследовал меня своими посещениями.

Никанор Иванович—это великое для меня искушение. Не могу преодолеть антипатии, отвращения к нему. «Ей, Господи, даруй мне зрети прегрешения моя и не осуждать брата моего». А я вижу все его согрешения, угадываю их с пронизательностью злости, вижу все его слабости и не могу победить антипатии к нему, к брату моему, к носителю, так же как и я, божественного начала.

Что значат такие чувства? Я в моей долгой жизни не раз испытывал их. Но самые сильные мои две антипатии это были Лудовик XVIII, с его животом, горбатым носом, противными белыми руками, с его самоуверенностью, наглостью, тупостью (вот я сейчас уже начинаю ругать его), и другая антипатия—это Никанор Иванович, который вчера два часа мучал меня. Всё мне, от звука его голоса до волос и ногтей, вызывало во мне отвращение. И я, чтоб объяснить свою мрачность Марье Мартемьяновне, солгал, сказав, что мне нездоровится. После них стал на молитву и после молитвы успокоился. Благодарю Тебя, Господи, за то, что одно, единственное одно, что нужно мне, в моей власти. Вспомнил, что Никанор Иванович был младенцем и будет умирать, тоже вспомнил и о Лудовике XVIII, зная, что он уже умер, и пожалел, что Никанора Ивановича уже не было, чтобы я мог выразить ему мое доброе к нему чувство.

Марья Мартемьяновна привезла много свечей, и я могу писать вечером. Вышел на двор. С левой стороны потухли яркие

звезды в удивительном северном сиянии. Как хорошо, как хорошо! Итак, продолжаю.

Отец с матерью уехали в заграничное путешествие, и мы с братом Константином, родившимся два года после меня, перешли на всё время отсутствия родителей в полное распоряжение бабки. Брата назвали Константином в ознаменование того, что он должен был быть греческим императором в Константинополе.

Дети всех любят, особенно тех, которые любят и ласкают их. Бабка ласкала, хвалила меня, и я любил ее, несмотря на отталкивающий меня дурной запах, который, несмотря на духи, всегда стоял около нее; особенно когда она меня брала на колени. И еще неприятны мне были ее руки, чистые, желтоватые, сморщенные, какие-то склизкие, глянцевоитые, с пальцами, загибающимися внутрь, и далеко, неестественно оттянутыми, обнаженными ногтями. Глаза у нее были мутные, усталые, почти мертвые, что вместе с улыбающимся беззубым ртом производило тяжелое, но не отталкивающее впечатление. Я приписывал это выражение глаз (о котором вспоминаю теперь с омерзением) ее трудам о своих народах, как мне внушили это, и я жалел ее за это томное выражение глаз. Видел я раза два Потемкина. Этот кривой, косой, огромный, черный, потный, грязный человек был ужасен. Особенно же ужасен он мне был тем, что он один не боялся бабки и говорил своим трескучим голосом громко при ней и смело, хотя и называл меня высочеством, ласкал и тормошил меня.

Из тех, кого я видел у нее в это мое первое время детства, был еще Ланской. Он всегда был с ней, и все замечали его, все ухаживали за ним. Главное, сама императрица беспрестанно оглядывалась на него. Я не понимал, разумеется, тогда, что такое был Ланской, и он очень нравился мне. Нравилась мне его букли, нравились обтянутые в лосины красивые ляжки и икры, нравилась его веселая, счастливая, беззаботная улыбка и бриллианты, которые повсюду блестели на нем.

Время это было очень веселое. Нас возили в Царское. Мы катались на лодках, копались в саду, гуляли, катались на лошадях. Константин, толстенький, рыженький, un petit Vaschus,¹ как его называла бабушка, веселил всех своими шутками, смелостью и выдумками. Он всех передразнивал, и Софью Ивановну и даже саму бабушку.

Важным событием за это время была смерть Софьи Ивановны Бенкендорф. Случилось это вечером в Царском, при бабушке. Софья Ивановна только что привела нас после обеда и что-то говорила улыбаясь, как вдруг лицо ее стало серьезно, она зашаталась, прислонилась к двери, скользнула по ней и тяжело упала. Сбежались люди, нас увели. Но на другой день мы

¹ [маленький Вах.]

увзнали, что она умерла. Я долго плакал и скучал и не мог опомниться. Все думали, что я плакал об Софье Ивановне, а я плакал не о ней, а о том, что люди умирают, что есть смерть. Я не мог понять этого, не мог поверить тому, чтобы это была участь всех людей. Помню, что тогда в моей детской пятилетней душе восстали во всем своем значении вопросы о том, что такое смерть, что такое жизнь, кончающаяся смертью. Те главные вопросы, которые стоят перед всеми людьми и на которые мудрые ищут и не находят ответы и легкомысленные стараются отстранить, забыть. Я сделал, как это свойственно ребенку и особенно в том мире, в котором жил; я отстранил от себя эту мысль, забыл про смерть, жил так, как-будто ее нет, и вот дожид до того, что она стала страшна мне.

Другое важное событие в связи с смертью Софьи Ивановны был переход наш в мужские руки и назначение к нам в воспитатели Николая Ивановича Салтыкова. Не того Салтыкова, который, по всем вероятностям, был нашим дедом, а Николая Ивановича, служившего при дворе отца, маленького человечка с огромной головой, глухим лицом и всегдашней гримасой, которую удивительно представлял маленький брат Костя. Переход этот в мужские руки был для меня горем разлучения с милой Прасковьей Ивановной, прежней няней.

Людам, не имевшим несчастья родиться в царской семье, я думаю, трудно представить себе всю ту извращенность взгляда на людей и на свои отношения к ним, которую испытывали мы, испытывал я. Вместо того естественного ребенку чувства зависимости от взрослых и старших, вместо благодарности за все блага, которыми пользуешься, нам внушалась уверенность в том, что мы особенные существа, которые должны быть не только удовлетворяемы всеми возможными для людей благами, но которые одним своим словом, улыбкой не только расплачиваются за все блага, но награждают и делают людей счастливыми. Правда, от нас требовали учтвого отношения к людям, но я детским чутьем понимал, что это только видимость и что это делается не для них, не для тех, с кем мы должны быть учтивы, а для себя, для того, чтобы еще значительно было свое величие.

Какой-то торжественный день, и мы едем по Невскому в огромном, высоком ландо: мы два брата и Николай Иванович Салтыков. Мы сидим на первом месте. Два напудренных лакея в красных ливреях стоят сзади. Весенний яркий день. На мне расстегнутый мундир, белый жилетик и по нем голубая андреевская лента, так же одет и Костя, на головах шляпы с перьями, которые мы то и дело снимаем и кланяемся. Народ везде останавливается, кланяется, некоторые бегут за нами. — *On vous salue*, — повторяет Николай Иванович. — *A droite*.¹ Проезжаем мимо гауптвахты, и выбегает караул.

¹ [— Вас приветствуют. Направо.]

Этих я всегда вижу. Любовь к солдатам, к военным экзерцициям у меня была с детства. Нам внушали — особенно бабушка, та самая, которая менее всех верила в это, — что все люди равны и что мы должны помнить это. Но я знал, что те, кто говорят так, не верят в это.

Помню, раз Саша Голицын, игравший со мной в бары, толкнул меня и сделал больно.

— Как ты смеешь!

— Я нечаянно. Что за важность!

Я чувствовал, как кровь прилила мне к сердцу от оскорбления и злости. Я пожаловался Николаю Ивановичу, и мне не было стыдно, когда Голицын просил у меня прощения.

На нынче довольно. Свеча догорает. И надо еще нащепать лучины. А топор туп и наточить нечем, да и не умею.

16 декабря.

Три дня не писал. Был нездоров. Читал Евангелие, но не мог вызвать в себе того понимания его, того общения с Богом, которое испытывал прежде. Прежде много раз думал, что человек не может не желать. Я всегда желал и желаю. Желал прежде победы над Наполеоном, желал умиротворения Европы, желал освобождения себя от короны, и все желания мои или исполнялись и, когда исполнялись, переставали влечь меня к себе или делались неисполнимы, и я переставал желать. Но пока эти исполнялись или становились неисполнимыми прежние желания, зарождались новые, и так шло и идет до конца. Теперь я желал зимы, она настала, желал уединения, почти достиг этого, теперь желаю описать свою жизнь и сделать это наилучшим образом, так, чтобы принести пользу людям. И если исполнится и если не исполнится, явятся новые желания. Вся жизнь в этом.

И мне пришло в голову, что если вся жизнь в зарождении желаний и радость жизни в исполнении их, то нет ли такого желания, которое свойственно бы было человеку, всякому человеку, всегда, и всегда исполнялось бы или, скорее, приближалось бы к исполнению? И мне ясно стало, что это было бы так для человека, который желал бы смерти. Вся жизнь его была бы приближением к исполнению этого желания; и желание это наверное исполнилось бы.

Сначала это мне показалось странным. Но вдумавшись, я вдруг увидал, что это так и есть, что в этом одном, в приближении к смерти, разумное желание человека. Желание не в смерти, не в самой смерти, а в том движении жизни, которое ведет к смерти. Движение же это есть освобождение от страстей и соблазнов того духовного начала, которое живет в каждом человеке. Я чувствую это теперь, освободившись от большей части того, что скрывало от меня сущность моей души, ее единство с Богом, скрывало от меня Бога. Я пришел к этому бессозна-

тельно. Но если бы я поставил своим высшим благом (а это не только возможно, но так и должно быть), считал бы своим высшим благом освобождение от страстей, приближение к Богу, то всё, что придвигало бы меня к смерти: старость, болезни, было бы исполнением моего единого и главного желания. Это так, и это я чувствую, когда я здоров. Но когда я, как вчера и третьего дня, болею желудком, я не могу вызвать этого чувства и хотя и не противлюсь смерти, не могу желать приближаться к ней. Да, такое состояние есть состояние сна духовного. Надо спокойно ждать.

Продолжаю вчерашнее. То, что я пишу про свое детство, я пишу больше по рассказам, и часто то, что мне про меня рассказывали, перемешивается с тем, что я испытал, так что я не знаю иногда, что я пережил и что слышал от людей.

Жизнь моя, вся, от рождения моего и до самой теперешней старости, напоминает мне местность, всю покрытую густым туманом, или даже после сражения под Дрезденом, когда всё скрыто, ничего не видно, и вдруг тут и там открываются островки, *des éclaircies*,¹ в которых видишь ни с чем не соединенных людей, предметы, со всех сторон окруженные непроницаемой завесой. Таковы мои детские воспоминания. Эти *éclaircies* в детстве только редко, редко открываются среди бесконечного моря тумана или дыма, потом чаще и чаще, но даже и теперь у меня есть времена, не оставляющие ничего в воспоминании. В детстве же их чрезвычайно мало, и чем дальше назад, тем меньше.

Я говорил об этих просветах первого времени: смерти Бенкендорфши, прощанья с родителями, передразнивань Кости, но и еще несколько воспоминаний того времени теперь, когда я думаю о прошедшем, открываются передо мной. Так, например, я совершенно не помню, когда появился Костя, когда мы стали жить вместе, а между тем живо помню, как мы раз, когда мне было не более семи, а Косте пяти лет, мы после все-нощной накануне Рождества пошли спать и, воспользовавшись тем, что все вышли из нашей комнаты, соединились в одной кровати. Костя в одной рубашке перелез ко мне и начал какую-то веселую игру, состоящую в том, чтобы шлепать друг друга по голому телу. И хохотали до боли живота и были очень счастливы, когда вдруг вошел в своем расшитом кафтане с орденами Николай Иванович с своей огромной напудренной головой и, выпучив глаза, бросился на нас и с каким-то ужасом, которого я никак не мог объяснить себе, разогнал нас и гневно обещал наказать нас и пожаловаться бабушке.

Другое памятное мне воспоминание, уже несколько позже — мне было около девяти лет, — это происшедшее у бабушки почти при нас столкновение Алексея Григорьевича Орлова

¹ [просветы.]

с Потемкиным. Было это незадолго до поездки бабушки в Крым и нашего первого путешествия в Москву. Как обыкновенно, Николай Иванович приводит нас к бабушке. Большая, с лепным и расписным потолком комната полна народом. Бабушка уже причесанная. Волосы ее зачесаны кверху надо лбом и как-то особенно искусно заложены на темени. Она сидит в белом пудроманте перед золотым туалетом. Горничные ее стоят над нею и убирают ее голову. Она улыбаясь смотрит на нас, продолжая говорить с большим, высоким, широким генералом с андреевской лентой и страшно развороченной щекой ото рта до уха. Это Орлов, Le balafre.¹ Я тут в первый раз видел его. Около бабушки Андерсоны, левретки. Моя любимица Мими вскакивает с подола бабушки и вскакивает на меня лапами и лижет в лицо. Мы подходим к бабушке и целуем ее белую, пухлую руку. Рука переворачивается, и загнутые пальцы ловят меня за лицо и ласкают. Несмотря на духи, я чувствую неприятный бабушкин запах. Но она продолжает глядеть на Balafre и говорит с ним.

— Какоф маладец, — говорит она, указывая на меня. — Вы ипо не витали его, граф?² — говорит.

— Молодцы оба, — говорит граф, целуя руку мою и Костину.

— Карашо, карашо, — говорит она горничной, надевающей ей на голову чепец. Горничная эта — Марья Степановна, набеленная, нарумяненная, добродушная женщина, которая всегда ласкает меня.

— Où est ma tabatière?²

Ланский подходит, подает открытую табакерку. Бабушка нюхает и улыбаясь глядит на подходящую шутиху Матрену Даниловну.

¹ [человек со шрамом.]

² [— Где моя табакерка?]

** ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...

I.

— Она как дочь не существует для меня; пойми, не существует, но не могу же я оставить ее на шее чужих людей. Сделаю так, чтобы она могла жить как она хочет, но знать ее я не могу. Да, да. Никогда в голову не могло прийти что-нибудь подобное... Ужасно, ужасно!

Он пожал плечами, встряхнул головой и поднял глаза кверху. Говорил это шестидесятилетний князь Михаил Иванович III. своему младшему брату, князю Петру Ивановичу, пятидесятишестилетнему губернскому предводителю в центральном губернском городе.

Разговор происходил в губернском городе, куда приехал старший петербургский брат, узнав, что бежавшая из его дома год назад тому [дочь] поселилась с ребенком в этом самом городе.

Князь Михаил Иванович был красивый, бело-седой, свежий, высокий старик с гордым и привлекательным лицом и приемами. Семья его состояла из раздражительной, часто ссорившейся с ним из-за всяких пустяков, вульгарной жены, сына не совсем удачного, мота и кутилы, но вполне «порядочного», как понимал отец, человека, и двух дочерей, из которых одна, старшая, хорошо вышла замуж и жила в Петербурге, [и] меньшая любимая дочь Лиза, та самая, которая почти год тому назад исчезла из дома и только теперь нашлась с ребенком в дальнем губернском городе.

Князь Петр Иванович хотел спросить брата: как, при каких условиях ушла Лиза, кто мог быть отцом ребенка, но не мог решиться спросить. Еще сегодня утром, когда жена Петра Ивановича стала выражать сочувствие деверю, князь Петр Иванович видел, какое страдание выразилось на лице брата и как он старательно скрыл то страдание под выражением неприступной гордости и стал расспрашивать невестку о цене ее квартиры. За завтраком, при всех семейных и гостях, он, как всегда, был

ядовито и остроумно насмешлив. Со всеми, кроме детей, с которыми он был как-то почтительно ласков, он со всеми был неприступно надменен. И притом был так естественен, что все как будто признавали за ним право быть надменным.

Вечером брат составил ему партию в винт. Когда он ушел в приготовленную ему комнату, он только что взялся вынимать фальшивые зубы, как в дверь слегка постучались двумя ударами.

— Кто там?

— C'est moi, Michel. ¹

Князь Михаил Иванович узнал голос невестки, поморщился, вставил назад зубы и проговорил про себя «чего ей нужно» и громко:

— Entrez. ²

Невестка была тихое, кроткое существо, безропотно покорявшаяся мужу, но чудачка, как ее называли (некоторые считали ее даже дурочкой), хотя и хорошенькая, всегда растрепанная, неряшливо, небрежно одетая, всегда рассеянная и с самыми странными, неподходящими к предводительше, не аристократическими мыслями, которые она вдруг выражала к удивлению всех, и знакомых и мужа.

— Vous pouvez me renvoyer, mais je ne m'en irai pas, je vous le dis d'avance, ³ — начала она свою речь с свойственной ей нелогичностью.

— Dieu preserve, ⁴ — отвечал деверь, с своей обычной, несколько преувеличенной учтивостью подвигая ей кресло. — Ça ne vous dérange pas? ⁵ — сказал он, вынимая папиросу.

— Вот что, Мишель, я не буду говорить ничего неприятного, я только хотела сказать об Лизаньке.

Михаил Иваныч вздохнул, очевидно от боли, но тотчас же справился и, улыбаясь усталой улыбкой, сказал.

— Разговор с тобой может быть для меня об одном предмете, именно о том, о котором ты хочешь говорить, — сказал он, не глядя на нее и, очевидно, избегая даже названия предмета разговора.

Но толстененькая, кругленькая, миловидная невестка не смутилась и, тем же добрым умоляющим взглядом своих голубых глаз продолжая смотреть на Михаила Ивановича, сказала, так же и еще более, чем он, тяжело вздыхая:

— Мишель, mon bon ami, ⁶ пожалейте ее. — Она, как всегда, говоря с деверем, сбивалась на «вы». — Ведь она человек.

— Я никогда не сомневался в этом, — с неприятной улыбкой отвечал Михаил Иванович.

¹ [— Это я, Мишель.]

² [— Войдите.]

³ [— Вы можете меня прогнать, но я не уйду, говорю это вам вперед.]

⁴ [— Боже сохрани.]

⁵ [— Вас это не беспокоит?]

⁶ [друг мой,]

— Она дочь.
— Была. Да. Но, милая Алин, к чему эти разговоры?
— Мишель, милый, повидайте ее. Я хотела сказать вам только то, что тот, кто виноват во всем...

Князь Михаил Иванович вспыхнул, лицо его стало страшно.

— Ради Бога, не будем говорить. Довольно я перестрадал. Теперь ничего нет для меня, кроме желания поставить ее в такое положение, чтобы она никому не была в тягость, чтобы ей не нужно было входить ни в какие сношения со мной, чтобы она могла жить своей отдельной жизнью и мы с семьей своей жизнью, не зная ее. Я не могу иначе.

— Мишель, всё «я». Ведь она ~~уже~~ «я».

— Это несомненно, но, милая Алин, пожалуйста, оставим это. Мне слишком тяжело.

Александра Дмитриевна помолчала, покачала головой.

— И Маша (жена Михаила Ивановича) так же смотрит?

— Совершенно так же.

Александра Дмитриевна пощелкала языком.

— *Brisons la-dessus. Et bonne nuit*,¹ — сказал он.

Но Александра Дмитриевна не уходила. Она помолчала.

— Петя мне говорил, что вы хотите оставить деньги той женщине, у которой она живет. Вы знаете адрес?

— Знаю.

— Так не делайте это через нас, а съездите сами. Вы только посмотрите, как она живет. Если вы не захотите видеть ее, то наверное не увидите. Его там нет, никого нет.

Михаил Иванович вдрогнул всем телом.

— Ах, за что, за что вы меня мучаете? Это негостеприимно.

Александра Дмитриевна встала и с слезами в голосе, умиляясь сама над собой, проговорила:

— Она такая жалкая и такая хорошая.

Он встал и стоял, дожидаясь, пока она кончит. Она протянула ему руку.

— Мишель, это нехорошо, — сказала она и вышла.

Долго после нее ходил Михаил Иванович по ковру комнаты, превращенной для него в спальню, и морщился, и вздрагивал, и вскрикивал: «Ох, ох!» и, услышав себя, пугался и замолкал.

Мучала его оскорбленная гордость. Его дочь, выросшего в доме своей матери, знаменитой Авдотьи Борисовны, принимавшей посещения императриц, его, знакомство с которым считалось за великую честь, его, прошедшего свою жизнь рыцарем без страха и упрека... То, что у него был побочный сын от французенки, которого он устроил за границей, не уменьшало в нем его высокого мнения о себе. И вот, его дочь, для которой он не только сделал всё, что может и должен сделать отец: дал прекрасное воспитание, дал ей возможность выбирать себе партию

¹ [— Оставим это. Покойной ночи,]

в высшем и лучшем русском обществе, но не только та дочь, которой он дал всё то, чего только может желать девушка, но которую он прямо любил, которой любовался, гордился, эта дочь опозорила его, сделала с ним то, что он не может смотреть в глаза людям, что ему стыдно всех.

И он вспоминал те времена, когда он не только относился к ней как к своей дочери, к члену его семьи, но когда он нежно любил ее, радовался на нее, гордился ею. Он вспоминал ее такую она была, когда ей было 8, 9 лет: умненькая, всё понимающая, живая, быстрая, грациозная девочка, с черными, блестящими глазами и распущенными русыми волосами на костлявой своей спинке. Вспоминал он, как она вскакивала к нему на колени и обнимала за шею и щекотала его, заливаясь хохотом, и, несмотря на его крик, не переставала и потом целовала в рот, в глаза, в щеки. Он был враг всякой экспансивности, но эта экспансивность умиляла его, и он иногда отдавался ей и вспоминал теперь, как было приятно ласкать ее.

И это-то когда-то милое существо могло сделаться тем, что оно стало теперь, — существом, про которое он не мог думать без отвращения.

Он вспоминал теперь тоже то время, когда она становилась женщиной, и то особенное чувство страха и оскорбления, которое он испытывал к ней, когда замечал, что мужчины смотрят на нее как на женщину. Он вспоминал об этом своем ревнивом отношении к дочери, когда она с кокетливым чувством, зная, что она хороша, приходила к нему в бальном платье и когда он видал ее на балах. Он боялся нечистых взглядов на нее, а она не только не понимала этого, но радовалась этому. «Да, — думал он, — какое суеверие чистота женщин. Напротив, они не знают стыда, у них нет стыда».

Он вспомнил, как она, непонятно для него почему, отказала двум очень хорошим женихам и как, продолжая ездить в свет, всё больше и больше увлекалась не кем-нибудь, но увлекалась своим успехом. Но успех этот не мог продолжаться долго. Прошли год, два, три. Все пригляделись к ней. Она была красива, но уже не первой молодости, стала как бы обычным аксессуаром балов. Михаил Иванович вспоминал, как он видел, что она засидится, и желал для нее одного — выдать поскорее замуж, хоть не так хорошо, как можно было прежде, но хоть как-нибудь прилично. Но она как-то особенно вызывающе-гордо держала себя, ему казалось, и, вспоминая это, еще более злое чувство поднялось в нем против нее. Отказала стольким порядочным людям, чтобы потом этот ужас! — О, ох! — опять застонал он и, остановившись, закурил папиросу и хотел думать о другом, как он перешлет ей деньги, не допустив ее до себя, но опять встало воспоминание о том, как она уже недавно — ей было уже больше двадцати лет — затеяла какой-то роман с четырнадцатилетним мальчиком, пажем, гостившим у них

в деревне, как она довела мальчика до сумасшествия, как он разливался-плакал, и как она серьезно, холодно и даже грубо отвечала отцу, когда он, чтобы прекратить этот глухой роман, велел мальчику уехать; и как с тех пор у него и прежде довольно холодные отношения к дочери стали совсем холодными и с ее стороны. Она как будто считала себя чем-то оскорбленной.

«А как я был прав,—думал он теперь.—Это бесстыдная и недобрая натура».

И вот опять последнее ужасное воспоминание письма из Москвы, в котором она писала, что она не может вернуться домой, что она несчастная, погибшая женщина, просит простить и забыть ее, и ужасные воспоминания о разговорах с женой и догадках, пинических догадках, перешедших наконец в достоверность, что несчастие случилось в Финляндии, куда ее отпустили гостить к тетке и что виновник его ничтожный студент-швед, пустой, дрянной человек и женатый.

Всё это он вспоминал теперь и ходил, ходил взад и вперед по ковру комнаты, вспоминая и прежнюю свою любовь к ней, гордость за нее и ужасаясь на это непонятное для него падение и ненависть ее за ту боль, которую она ему сделала. Он вспоминал то, что говорила ему невестка, и старался представить себе, как бы он мог простить ее, но стоило ему только вспомнить «его», и ужас, отвращение, оскорбленная гордость наполняли его сердце. И он вскрикивал: — Ох, ох, — и старался думать о другом.

«Нет, это невозможно. Отдам Пете деньги, чтобы он давал ей ежемесячно. А у меня нет, нет дочери...»

И он попал опять на прежнюю колею того странного, смешанного чувства, которое не переставая мучало его: чувства умиления перед воспоминанием о его любви к ней и чувства мучительной злобы за то, что она могла сделать ему так больно.

II.

Лиза в этот один последний год пережила без всякого сравнения больше, чем она пережила во все прежние 25 лет. В этот год ей вдруг открылась вся пустота ее прежней жизни: ясна стала вся низменность, вся гадость той жизни, которую она вела в своем богатом петербургском обществе и доме, где она вместе со всеми играла животной жизнью, касаясь только верхов ее, пользуясь всеми прелестями ее, но не спускаясь до глубины ее. Хорошо было год, два, три, но когда это: вечера, балы, концерты, ужины, балльные платья, прически, выставляющие красоту тела, молодые и немолодые ухаживатели, все одинакие, все что-то как будто знающие, имеющие как будто право всем пользоваться и надо всем смеяться, когда летние месяцы на дачах с такой же природой, тоже только

дающей верхи приятности жизни, когда и музыка и чтение, тоже такие же — только задирающие вопросы жизни, но не разрешающие их, — когда всё это продолжалось 7, 8 лет, не только не обещая никакой перемены, но, напротив, всё больше и больше теряя прелести, она пришла в отчаяние, и на нее стало находить состояние отчаяния, желания смерти. Подруги направили ее на деятельность благотворительности. Она увидела, с одной стороны, нищету, настоящую, отталкивающую, и притворную, еще более жалкую и отталкивающую, и увидела страшную холодность дам патронесс, приезжающих на своих тысячных экипажах и в тысячных нарядах, и ей становилось всё тяжелее и тяжелее. Хотелось чего-нибудь настоящего, хотелось жизни, а не игры с ней, не снимания пенок. И не было никакой. Лучшее из ее воспоминаний была любовь к кадету Коко, как его звали. То было хорошее, честное, прямое, но ничего подобного теперь не было и не могло быть. — Она всё больше и больше тосковала и в этом тоскливом положении поехала к тетке в Финляндию. Новая обстановка, новая природа, новые люди, какие-то особенные, показались ей особенно привлекательны.

Как и когда это началось, она не могла дать себе отчета. У тетки гостил швед. Он говорил о своих работах, о своем народе, о новом шведском романе, и она сама не знает, как и когда началось это страшное заражение взглядами и улыбками, смысл которых нельзя было выразить словами, но которые имели значение, как ей казалось, превосходящее всякие слова. Эти взгляды и улыбки открывали друг другу их души, не только их души, но какие-то общие всему человечеству, великие и самые важные тайны. Всякое сказанное ими слово получало от этих улыбок величайшее и блаженнейшее значение. Такое же значение получала музыка, когда они слушали ее вместе или пели дуэты. Такое же значение получали слова читаемых вслух книг. Иногда они спорили, каждый отстаивал свое мнение, но стоило им встретиться глазами и блеснуть улыбке, и спор оставался где-то внизу, а они поднимались над ним в какой-то возвышенной, доступной только им области.

Как это сделалось, как, когда из-за этих взглядов и улыбок выступил дьявол, в одно и то же время схвативший их, она не могла бы сказать, но когда она почувствовала страх перед дьяволом, невидимые нити, связывающие их, были уж так переплетены, что она чувствовала свое бессилие вырваться из них и всю надежду возлагала уже на него, на его благородство. Она надеялась, что он не воспользуется своей силою, но и смутно не желала этого.

Бессилие ее в борьбе усиливалось еще тем, что ей не за что было держаться. Жизнь ее светская, с своей поверхностностью и фальшью, опротивела ей. Мать свою она не любила, отец, как ей казалось, оттолкнул ее от себя, и ей страстно хотелось

не игры с жизнью, а самой жизни, и в любви, в совершенной женской любви к мужчине, она предчувствовала эту жизнь. И страстная, здоровая натура влекла ее туда же. И эта жизнь представлялась ей в нем, в его высокой, сильной фигуре, в его белокурой голове и белых поднятых усах, из-под которых [сияла] притягивающая, всемогущая улыбка. [В этом] она видела обещание чего-то самого лучшего, что есть на свете. И вот улыбки и взгляды, надежды и обещания чего-то невозможно прекрасного привели к тому, к чему они должны были привести, но чего она боялась и чего смутно, бессовнительно ожидала. И вдруг всё прекрасное, духовное, радостное, полное надежд на будущее, вдруг всё стало отвратительным, животным и не только печальным, но отчаянным.

Она смотрела в глаза ему, старалась улыбаться, старалась притвориться, что она не боится ничего, что это так и должно быть, но она в глубине души знала, что теперь всё пропало, что в нем нет того, чего она искала, что было в ней, что было в Коко. Она сказала ему, что он должен написать теперь ее отцу, прося ее руки. Он сказал, что сделает это. Потом, при втором свидании, сказал, что не может сделать этого сейчас. В глазах его было что-то робкое, неясное, и она еще больше усумнилась в нем. На другой день он прислал ей письмо, в котором объявил, что он женат, что жена давно оставила его, что он погиб теперь в ее глазах, что он виноват, умоляет ее о прощении.

Она позвала его и на словах сказала ему, что она любит его и, всё равно, женат он был или нет, чувствует себя навеки связанной с ним и не оставит его.

В следующее свидание он сказал, что у него ничего нет, что родители его бедные и что он может предложить ей только самую бедную жизнь. Она сказала, что ей ничего не нужно и что она сейчас же готова ехать с ним, куда он хочет.

Он отговаривал ее, советовал подождать. Она согласилась. Но жизнь с скрыванием от домашних, с случайными свиданиями и тайной перепиской была ей мучительна, и она настаивала на отъезде и бегстве.

Когда она переехала в Петербург, он писал ей, обещая приехать, потом перестал писать и исчез. Она попыталась жить попрежнему, но не могла. Она стала болеть. Ее лечили, но положение ее становилось хуже и хуже. Когда же она убедилась, что ей нельзя будет скрыть то, что она хотела скрыть, она решила убить себя. Но как сделать это так, чтобы смерть казалась естественной? Она хотела убить себя, ей казалось, что она окончательно решила это, и достала яду, высыпала его в рюмку и готова была выпить. Она и выпила бы его, если бы в это время не вбежал к ней пятилетний племянник, сын сестры, показывая ей подаренную бабушкой игрушку. Она остановилась, приласкала мальчика и вдруг расплакалась. Ей пришла мысль, что она могла бы быть матерью, если бы он не был женат,

и мысль о материнстве в первый раз заставила ее вернуться в себя, думать не о том, что подумают и скажут о ней другие, а о своей, настоящей своей жизни. Убить себя ради мнения других людей казалось легко, но убить себя для себя было невозможно. Она вылила яд и перестала думать о самоубийстве, а стала жить сама в себе, и жизнь эта была мучительна, но была жизнь, она не хотела и не могла расстаться с нею. Она стала молиться, чего она давно уже не делала, но это не облегчало: она страдала не за себя, а за страдания отца, которые она понимала, и жалела его, но знала, что страдания эти будут, и она виной их. Несколько месяцев так шла ее жизнь, и вдруг с ней случилось событие никому незаметное, даже ей почти незаметное, но такое, которое уже совсем перевернуло ее жизнь. Она вдруг, сидя за работой, — она взяла одеяло, — почувствовала странное ощущение движения... в себе.

— Да нет, не может быть. — Она замерла с крючком и одеялом в руках. И вдруг опять то же удивительное колебание. Неужели это он или она? И она, забыв про всё, про его гадость и ложь, про раздражительность матери, про горе отца, про сияла улыбкой, но не той гнусной улыбкой, которой она отвечала на такие же улыбки его, а светлой, чистой, радостной улыбкой.

Она ужасалась теперь мысли, что она могла думать убить его вместе с собой, и теперь все свои мысли направила на то, как уйти из дома, куда, и где сделаться матерью, несчастной, жалкой матерью, но всё-таки матерью. И она всё это придумала и устроила, и ушла и поселилась в далеком губернском городе, где никто бы не мог найти ее, и где она думала быть вдали от своих, и где, на ее беду, был назначен губернатором брат ее отца, чего она никак не ожидала.

Она жила у акушерки Марьи Ивановны уже 4-й месяц и, узнав о том, что ядья в том же городе, собиралась уехать куда-нибудь дальше.

III.

Михаил Иванович проснулся рано и в это же утро, войдя в кабинет брата, отдал ему приготовленный чек на деньги, которые он оставлял брату, прося его помесечно выдавать их дочери, и спросил, когда отходит в Петербург курьерский. Поезд отходил в 7 часов вечера, так что Михаил Иванович мог успеть пообедать ранним обедом до отъезда. Напившись кофе с невесткой, которая ничего не говорила больше о том, что так было тяжело ему, а только робко взглядывала на него, он, по своей обыкновенной гигиенической привычке, пошел сделать обычную прогулку.

Александра Дмитриевна проводила его до передней.

— Вы пройдите, Мишель, в городской сад, там прекрасно ходить и от *всего* близко, — сказала она, жалостно глядя ему в сердитое лицо.

Михаил Иванович послушался ее совета и пошел в городской сад, откуда было всё близко, и с досадой думал о глупости, упорстве и бессердечности женщин. «Ей не жалко меня, — думал он о невестке. — Она и понять не может моих страданий. А она? — он подумал о дочери. — Она знает, что это для меня, какая это мука. Какой ужасный удар, в конце жизни, которую укоротит наверное она же. Ну, да и лучше конец, чем эти мучения. И всё это *pour les beaux yeux d'un chepapan*». ¹ — О-о-о, — громко протонал он, и такое чувство ненависти и злобы поднялось в нем при мысли о всем том, что теперь будут говорить в городе, когда все узнают (наверно все уже знают), такое чувство злобы поднялось в нем против нее, что захотелось всё сказать ей, дать ей понять всё значение того, что она сделала. «Они не понимают».

«Оттуда всё близко», подумал он и, достав записную книжку, прочел ее адрес: Кухонная улица, дом Абрамова, Вера Ивановна Селиверстова. Она жила под этим именем. Он подошел к выходу и кликнул извозчика.

— Вам кого, господин? — спросила его Марья Ивановна, акушерка, когда он вошел на узкую площадку крутой, вонючей лестницы.

— Госпожа Селиверстова здесь?

— Вера Ивановна? Здесь, пожалуйста. Она вышедши, в лавочку пошла, должно, сейчас придет.

Михаил Иванович вошел за толстой Марьей Ивановной в маленькую гостиную, и его, как ножом, резнул, как ему показалось, отвратительный, злой крик ребенка из соседней комнатки.

Марья Ивановна извинилась, ушла в комнатку, и слышно было, как успокаивала ребенка. Ребенок затих, и она вышла.

— Это ее ребеночек. Она сейчас придет. Вы кто ж будете?

— Я знакомый, да я лучше после приду, — сказал Михаил Иванович, готовясь уйти. Так мучительно ему было готовиться к встрече с ней и так невозможно казалось какое бы то ни было объяснение.

Он только повернулся и хотел уйти, как по лестнице послышались легкие, быстрые шаги, и он узнал голос Лизы.

— Марья Ивановна! что, не кричал без меня... А я...

И она вдруг увидала отца. Кулек, который она держала в руке, выпал у нее из рук.

— Папа?! — вскрикнула она и, вся бледная и трясущаяся всем телом, остановилась в дверях.

Он смотрел на нее и не двигался с места. Она похудела, глаза стали больше, нос заострился, руки тонкие, костлявые. И не

¹ [ради прекрасных глаз негодяя.]

знал, что сказать и что сделать. Он забыл теперь всё то, что думал о своей сраме, и ему только жалко, жалко было ее, жалко и за ее худобу, и за ее плохую, простую одежду, и, главное, за жалкое лицо ее с умоляющими о чем-то, устремленными на него глазами.

— Папа, прости, — сказала она, подвигаясь к нему.

— Меня, — проговорил он, — меня прости, — и он захлопал, как ребенок, целуя ее лицо, руки и обливая их слезами.

Жалость к ней открыла ему самого себя. И увидав себя, какой он был действительно, он понял, как он виноват перед ней, виноват за свою гордость, холодность, даже злобу к ней. И он рад был тому, что виноват, что ему нечего прощать, а самому нужно пощение.

Она повела его в свою комнату, рассказала ему, как она живет, но не показывала ему ребенка и ничего не говорила о будущем, зная, что это было бы мучительно для него. Он сказал ей, что ей надо устроиться иначе.

— Да, если бы в деревне, — сказала она.

— Мы всё обдумаем это, — сказал он.

Вдруг за дверью сначала запищал, а потом закричал ребенок. Она открыла широко глаза и, не спуская их с отца, замерла в нерешительности.

— Что ж, тебе кормить надо, — сказал Михаил Иванович, шевеля бровями от явного внутреннего усилия.

Она поднялась, и ей вдруг пришла безумная мысль показать тому, кого она так давно любила, того, кого она теперь любила больше всего на свете. Но, прежде чем сказать то, что хотела, она взглянула в лицо отца. Рассердится он или нет?

Лицо отца выражало не сердитость, но одно страдание.

— Да иди, иди, — сказал он. — Слава Богу. Да, я завтра приду опять, и мы решим. Прощай, голубушка. Да, прощай. — И опять ему трудно было удержать поднявшийся комок в горле.

Когда Михаил Иванович вернулся к брату, Александра Дмитриевна тотчас же спросила его:

— Ничего?

— Да ничего.

— Видели? — спросила она, по лицу его догадываясь, что что-то случилось.

— Да, — скороговоркой проговорил он и вдруг заплакал. — Да, и глуп и стар стал, — сказал он, успокоившись.

— Нет, умен, очень умен.

Михаил Иванович простил дочь, совсем простил, и ради прощенья победил в себе весь страх перед славой людской. Он

устроил дочь у сестры Александры Дмитриевны, жившей в деревне, и видался с дочерью и любил ее не только попрежнему, но еще больше, чем прежде, и часто приезжал к ней и гостил у нее. Но ребенка он избегал видеть и не мог победить в себе чувства отвращения, омерзения к нему. И это было источником страданий дочери.

13 Ноября 1906.

** ОТЕЦ ВАСИЛИЙ

I.

Была осень. И еще не рассветало, когда к небольшому, крытому соломой дому в две связи священника Василия Давыдыча, гремя по замерзшим колчужкам, подъехала телега. Из телеги вышел мужик в кафтане с поднятым воротником и шапке и, завернув лошадь, стал стучаться кнутовищем в окно одной из связей, там, где, он знал, живут работница и кухарка.

— Кто тут?

— К батюшке.

— Чего надо?

— К боли.

— Да ты чей будешь?

— Из Воздрема.

Работник засветил огонь, вышел в сени и на двор и впустил мужика в ворота.

Из горницы в кацавейке, платке и валенках вышла матушка, толстая, приземистая женщина, и заговорила сердитым, хриплым голосом:

— Это еще кого нелегкая принесла?

— За батюшкой приехал.

— А вы чего дрыхнете. И печь не затапливали.

— Разве время?

— Я бы не говорила, коли не время.

Воздремский мужик вошел в людскую избу, перекрестился на иконы, поклонился матушке и сел у двери на лавке.

Жена его долго мучалась в родах, родила мертвого и теперь сама помирала.

Мужик сидел и, глядя на то, что делалось в избе, думал о том, как он повезет попа: прямо, или через Косое, как он сюда сжал, или в объезд. «Уж очень плохо под селом. Ручей замерз, а не держит. Насилу выбрался». Вошел работник и, свалив вязанку березовых дров у печи, попросил мужика наколоть лучину из сухого полена. Мужик разделся и стал работать.

Священник проснулся, как он всегда просыпался, веселый и бодрый. Еще лежа на постели, перекрестился и прочел свою любимую молитву «Царю небесный» и несколько раз проговорил: «Господи помилуй». Потом, спустив ноги, обулся, умылся, расчесал длинные волосы, надел старый подрясник и стал перед иконами на молитву. В середине чтения «Отче наш», на словах «и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим», он остановился и вспомнил отца дьякона, который вчера, в пьяном виде, встретив его, бормотал, но так, что было слышно: «Фарисей, лицемеры». Слова «фарисей, лицемеры» особенно обидели Василия Давыдовича именно потому, что он считал себя подверженным всяким порокам, но только не лицемерию. И он был сердит на дьякона. «Да, оставляем,— проговорил он в душе,— Бог с ним», и продолжал дальше. При словах «не введи нас во искушение» он вспомнил, как вчера после домашней всенощной, которую он служил у богатого помещика Молчанова, ему было приятно пить чай с ромом.

II.

Помолившись, он посмотрелся в кривящее лицо зеркальце, расправил на обе стороны растущие вокруг уже большой лысины расчесанные белокурые волосы, с удовольствием взглянул на свое широкое, доброе, с редкой бородкой, моложавое, несмотря на его 42 года, лицо и вышел в зальцо, в которое матушка только что поспешно, с трудом вносила готовящийся уйти самовар.

— Что же ты сама. А Фекла?

— Что же сама? — передразнила матушка. — А то кому ж?

— Что же рано так?

— Приехали за тобой из Воздрема к боли. Женщина умирает.

— Давно?

— Да еще даве.

— Что ж вы меня не разбудили.

Отец Василий напился постного чаю (была пятница), взял дары, надел шубу, шапку и вышел твердой походкой в сенцы. Возремский мужик ждал его в сенях.

— Здорово, Митрий, — сказал отец Василий и, поддерживая рукав, перекрестил мужика и дал поцеловать свою небольшую, твердую руку с коротко обстриженными ногтями и вышел на крыльцо.

Солнце взошло, но его не видно было из-за низко нависших туч. Мужик вывел из ворот телегу и подал к крыльцу. Василий Давыдыч легко поднялся с чеки заднего колеса на телегу и сел на обернутое дерюжкой сено на сиденье. Митрий сел рядом, тронул утробистую, лопоухую кобылу, и телега загремела по замерзшим колчам. Попаркивал снежок.

III.

Семейство Василья Давыдовича Можайского состояло из жены, ее матери, старой попадьи, и трех детей: двух сыновей и дочери. Старший сын кончал курс в семинарии и готовился в студенты, второй, любимец матери, меньшей, пятнадцатилетний Алеша, был еще в духовном училище, дочь Лёня, шестнадцати лет, жила дома, плохо помогала матери и тяготилась своей жизнью. Сам Можайский в свое время учился в семинарии так хорошо, что, окончив курс в 1840-м году одним из первых, готовился в академию и мечтал и о профессорстве и об архиерействе. Но мать его, вдова дьячка, с одним сыном-пьяницей и тремя дочерьми, была в великой нужде. И то решение, которое он тогда принял, незаметно дало направление жертвы и самоотречения всей его жизни. Чтобы не огорчать старуху-мать, он решил бросить мечты об академии и поступить в сельские священники. Он сделал это из любви к матери, но сам себе он совсем не так объяснял свой поступок: он объяснял себе его своей ленью и нелюбовью к науке.

Место священника было в небольшом селе и получалось при условии женитьбы на дочери прежнего священника. Место было небогатое, и прежний священник был беден, и бедно было семейство из вдовы и двух дочерей. Та Анночка, с которой было связано получение места, была некрасивая, но очень бойкая девица и в истинном смысле слова пленила Василья Давыдовича, заставила его без размышления жениться на себе.

Василий Можайский женился и стал отцом Василием, сначала с короткими, а потом с длинными волосами, и счастливо прожил с своей женой Анной Тихоновной двадцать два года и теперь, несмотря на короткое романическое увлечение Анны Тихоновны студентом, сыном прежнего дьякона, всё так же был добр к ней, как и прежде, как будто еще нежнее любил ее за то недоброе чувство, которое он имел к ней во время ее увлечения. Увлечение это было для него поводом такого же чувства самоотречения и забвения себя, вследствие которого он отказался от академии, и дало ему такую же незаметную внутреннюю, тихую радость.

IV.

Сначала поп и мужик ехали молча. Да и дорога по жилью была такая колчеватая, что, несмотря на то, что ехали шагом, телегу бросало из стороны в сторону, и поп то и дело съезжал с сиденья и поправлялся и запахивался.

Только, когда выехали за село и, переехав через перекоп, мужик поехал лугом, поп заговорил.

— Что ж, или очень плоха хозяйка-то? — спросил он.

— Не чаем живой быть, — неохотно ответил мужик.

— Божью власть не руками скласть. Божья воля, — сказал поп. — Что же делать? Терпеть надоть.

Мужик поднял голову и взглянул в лицо попа. Он, видно, хотел сказать что-то сердитое. Но, увидав ласково смотревшее на него лицо, смягчился, мотнул головой и только проговорил:

— Божья воля-то воля. Да уж джоже трудно, батюшка. Один ведь. Что с ребятами станешь делать.

— А ты не впадай духом, Бог поднимет.

Мужик не отвечал и только обругал кобылу, перешедшую с рыси на шаг, и задергал вожжами.

Вехали в лес, где развезженная во все стороны дорога была везде одинаково дурна. И долго ехали молча, выглядывавая места, где лучше проехать. Только когда выехали на дорогу, шедшую яркими, уключившимися зелеными, поп опять заговорил:

— Хороши зеленя, — сказал он.

— Ничего, — сказал мужик и больше не отвечал на заговариванья попа.

В ранний завтрак подъехали к двору больной.

Баба была еще жива. Страдания кончились, и она, бессильная поворотиться, лежала на кровати и только движением глаз проявляла присутствие жизни. Она призывающе смотрела на священника, и только на священника. Старуха стояла подле нее. Дети были на печке. Старшая, десяти лет, в одной рубашонке, простоволосая, стояла у столба, точно большая, подпершись правой рукой, поддерживаемой левой, молча смотрела на мать.

Поп подошел к больной, прочел молитвы, дал причастие, перекрестил ее и помолился на иконы.

Старуха подошла к умирающей, поглядела на нее, покачала головой и накрыла полотном лицо умирающей. От умирающей она подошла к попу и подала ему в руку монетку. Он знал, что это был пятак, и взял его.

Хозяин вошел в избу.

— Кончилась? — спросил он.

— Кончается, — сказала старуха.

Услыхав это, девочка завyla, что-то приговаривая. Заревели в три голоса и дети на печке.

Мужик перекрестился, подошел к жене и, открыв полотно, посмотрел на нее. Бескровное лицо было спокойно и неподвижно. Мужик постоял над умершей минуты две, потом осторожно накрыл лицо опять полотном и, опять перекрестившись несколько раз, повернулся к попу и сказал:

— Что ж, ехать, что ль?

— Что ж, поедем.

— Ладно. Попойть кобылу надо.

И мужик вышел из избы.

Старуха причитала и голосила, поминая о сиротах без родимой магушки, о том, что некому накормить, одеть их, что как пташечки выпали из гнездышка, так и детушки без родимой матушки. И за каждым стихом причитанья она с шумом втягивала в себя воздух и, слушая себя, всё больше и больше расходилась. Поп слушал, и ему становилось грустно и жалко детей и хотелось что-нибудь сделать для них. Он нащупал кошелек в кармане подрясника и вспомнил, что у него остался в кошелке полтинник, полученный вчера за всюнощную у Молчанова. Он не успел передать его жене, как он делал со всеми деньгами, и, не думая о последствиях, достал полтинник и, указав старухе, положил его на окно.

Хозяин вошел раздетый и сказал, что попросил кума свезти батюшку, а сам пойдет разживаться тесу на домовище.

V.

Кум Митрия, везший домой Василья Давыдовича, был бородатый, рыжий здоровенный мужик, общительный и веселый. Он по случаю проводов сына уже выпил и был в особенно веселом расположении духа.

— Митюхина кобыла вовсе стала, — сказал он. — Что ж человеку не пособить. Пожалеть надо. Верно я говорю? — Но, ты, милоч, — крикнул он на гнедого меринка с круто подвязанным хвостом, настегивая его.

— А ты полегче, — сказал Василий Давыдович, трясясь по колчам дороги.

— Что ж, можно и полегче. Что ж, померла?

— Да, кончилась, — сказал поп.

Рыжему хотелось и пожалеть, хотелось и посмеяться.

— Что ж, бабу взял, девку даст, — сказал он, поддаваясь голосу веселья.

— Нет, жалко сердечного, — сказал поп.

— Как не жалко. Беднота. Один. Пришел, говорит: свези попа, моя кобыла стала. Что ж, пожалеть надо. Так я говорю, батюшка?

— А ты, я вижу, уже выпил. А? Это напрасно, Федор. Нынче будни.

— Разве я на чужие? Я на свои. Сына провожал. Прости, батюшка, Христа ради.

— Мне что прощать? Я только к тому, что лучше не пить.

— Известно, лучше, да как же быть? Кабы я какой-нибудь, а то ведь живем, слава Богу. Перед людьми нельзя. А я Митрия жалею. Как не жалеть! Летось у него же мерина увел какой-то. Тоже народ нынче стал.

И Федор стал рассказывать длинную историю, как с ярманки

лошадей угнали, как одну зарезали на шкуру, а другую перехватили мужики.

— И уж били, так били, — с удовольствием рассказывал Федор.

— Что ж бить-то, зачем?

— А что ж его, гладить, что ли?

В таких разговорах доехали до дома Василия Давыдовича.

Василий Давыдович надеялся отдохнуть, но на его несчастье без него была получена бумага от благочинного и письмо от сына. Бумага от благочинного была неважная, но письмо сына вызвало семейную бурю, усиленную еще тем, что попадья потребовала от него деньги за вчерашнюю всенощную, а полтинника не было. Потеря этого полтинника только усилила гнев жены, но главная причина гнева было письмо сына и невозможность исполнить его желание, невозможность, причину которой попадья видела в беззаботности своего мужа.

СТАТЬИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОЙ БИОГРАФИИ ГАРРИСОНА, СОСТАВЛЕННОЙ В. Г. ЧЕРТКОВЫМ И Ф. ХОЛА,

Очень благодарю вас за присылку мне биографии Гаррисона.

Читая ее, я вновь пережил свою весну пробуждения к истинной жизни. Читая речи и статьи Гаррисона, я живо вспомнил ту духовную радость, которую испытал 20 лет тому назад, узнав о том, что тот закон непротивления, к которому я был неизбежно приведен признанием христианства во всем его значении и который открыл мне великий, радостный идеал осуществления христианской жизни, был еще в сороковых 10 годах не только признан и провозглашен Гаррисоном (о Баллу я узнал после), но и поставлен им в основу его практической деятельности освобождения рабов.

Радость эта тогда была соединена с недоумением о том, каким образом эта великая евангельская истина, 50 лет тому назад разъясненная Гаррисоном, могла быть так замолчана, что мне пришлось, как что-то новое, высказывать ее.

Недоумение мое усиливалось в особенности тем, что не только люди враждебные движению вперед человечества, но и самые передовые, прогрессивные люди были или совершенно равнодушны или даже враждебны к проповеди 20 этого закона, лежащего в основе всякого истинного прогресса.

Но чем больше проходило времени, тем мне яснее и яснее становилось, что то общее равнодушие и враждебность, которые выразились тогда и продолжают выражаться и теперь, преимущественно в среде политических деятелей, к закону непротивления, есть только признак великого значения этого закона.

«Девизом нашим, писал Гаррисон в середине своей деятельности, — с самого начала нашей нравственной борьбы было: *Отечество наше — это мир, соотечественники наши — всё человечество*. Мы верим, что это будет девизом, начертанным и на нашей могиле. Другим своим девизом мы избрали: *Всеобщее освобождение*. До сих пор приложение нашего девиза мы ограничивали лишь теми людьми, которые собраны в этой стране южными рабовладельцами, как рыночная ценность, как товар, скот, хозяйственный инвентарь. С этих же пор мы
10 будем пользоваться нашим девизом в самом широком смысле: освобождение всей нашей расы от господства человека, от порабощения себя, от власти грубой силы, от порабощения грехом и подчинение людей только власти Бога, контролю их собственной совести и управлению законом любви».

Гаррисон, как человек просвещенный светом христианства, начав с практической цели — борьбы с рабством, — очень скоро понял, что причина рабства не случайное, временное завладение южанами несколькими миллионами негров, но
20 давнишнее и всеобщее, противное христианскому учению признание права насилия одних людей над другими. Поводом к признанию этого права всегда было то зло, которое люди считали возможным искоренить или уменьшить грубой силой, т. е. злом же. И, поняв это, Гаррисон выставил против рабства не страдания рабов, не жестокость владельцев, не гражданскую равноправность людей, а вечный христианский закон непротivления злу насилieм: non-resistance.¹ Гаррисон понимал то, чего не понимали самые передовые борцы против рабства: что единственным неопровержимым доводом против рабства было отрицание права одного человека на сво-
30 боду другого, при каких бы то ни было условиях.

Аболиционисты старались доказать, что рабство незаконно, невыгодно, жестоко, развращает людей и т. п.; но сторонники рабства в свою очередь доказывали несвоевременность, опасность и вредные последствия, могущие произойти от освобождения. И ни те, ни другие не могли убедить друг друга. Гаррисон же, понимая, что рабство негров было только частным случаем всеобщего насилия, выставил общий принцип, с которым нельзя было не согласиться, — тот, что ни один человек ни под каким

¹ [непротivление.]

предлогом не имеет права властвовать; т. е. употреблять насилие над себе подобными. Гаррисон не столько настаивал на праве рабов быть свободными, сколько отрицал право какого бы то ни было человека или собрания людей принуждать к чему-нибудь силою другого человека. Для борьбы с рабством он выставил принцип борьбы со всем злом мира.

Выставленный Гаррисоном принцип этот был неопровержим, но он затрогивал, разрушал даже все основы установившегося порядка, и потому люди, дорожащие своим положением при существующем порядке, испугались провозглашения, тем более 10 приложения к жизни этого принципа, старались замолчать, обойти его, надеялись достигнуть своей цели без провозглашения и приложения к жизни принципа непротivления злу насилием, разрушающего, как им казалось, всякое благоустройство человеческой жизни. И последствием этого уклонения от признания незаконности насилия была та братоубийственная война, которая, решив вопрос внешним образом, внесла новое, едва ли не большее зло развращением, сопутствующим всякой войне, в жизнь американского народа.

Сущность же вопроса осталась неразрешенной, и тот же 20 вопрос, только в новой форме, стоит теперь перед народом Соединенных Штатов. Тогда вопрос был в том, как освободить негров от насилия рабовладельцев; теперь вопрос в том, как освободить негров от насилия всех белых и белых от насилия всех черных.

И разрешение этого вопроса в новой форме совершится, конечно, не линчеванием негров и не какими-либо искусными и либеральными мерами американских политиков, а только приложением к жизни того же принципа, который полвека тому назад был провозглашен Гаррисоном. 30

На-днях в одном из самых передовых журналов я прочел с полной уверенностью в своей справедливости выраженное мнение образованного и умного писателя о том, что признание мною принципа непротivления злу насилием есть печальное и отчасти комическое заблуждение, которое, принимая во внимание мою старость и некоторые заслуги, можно обходить только снисходительным молчанием.

Точно такое же отношение к этому вопросу я встретил и в моей беседе с замечательно умным и передовым американцем Брайяном. Он, точно так же с очевидным намерением мягко 40

и учтиво показать мне мое заблуждение, спросил у меня о том; как я объясню свое странное положение о непротивлении злу насиллием, и, как всегда, привел всем кажущийся неотразимым довод о разбойнике, убивающем или насилующем ребенка. Я сказал ему, что я признаю непротивление злу насиллием потому, что, прожив 75 лет, я ни разу, кроме как в рассуждениях, не встретил того фантастического разбойника, который на моих глазах желал убить или изнасиловать ребенка, но не переставая видел и вижу не одного, а миллионы разбойников, насилующих и детей, и женщин, и взрослых, и стариков, и старух, и всех рабочих людей во имя допущенного права насилия над себе подобными. Когда я сказал это, мой милый собеседник со свойственной ему быстротой понимания, не дав мне договорить, засмеялся и признал мой аргумент удовлетворительным.

Фантастического разбойника никто не видел, а стонущий от насилия мир — перед глазами всех. А между тем никто не видит, не хочет видеть того, что борьба, которая может освободить человечество от насилия, не есть борьба с фантастическим разбойником, а с теми реальными разбойниками, которые насилуют людей.

Непротивление злу насиллием ведь означает только то, что средство взаимодействия разумных существ друг на друга должно состоять не в насиллии, которое можно допустить только по отношению низших организмов, лишенных рассудка, а в разумном убеждении; и что к этой замене насилия разумным убеждением и должны стремиться все люди, желающие служить благу человечества.

Казалось бы, совершенно ясно, что убито в прошлом столетии 14 миллионов людей и теперь тратятся труды и жизни миллионов людей на никому ненужные войны, и что вся земля находится в руках неработающих на ней, и что все произведения труда людей поглощаются теми, которые не работают, что все обманы, царствующие в мире, существуют только потому, что допущено насиллие ради подавления того, что известным людям представляется злом, и что поэтому надо стараться заменить насиллие убеждением. А для того чтобы это возможно было, надо прежде всего отказаться от права насилия.

Но, удивительная вещь, самые передовые люди нашего круга

считают, что опасно отрицать право насилия и стараться заменить его убеждением. Эти люди, решив, что невозможно убедить разбойника не убивать ребенка, не считают возможным убедить и рабочих не отнимать землю и плоды своих трудов у тех, кто не работает, и потому считают нужным силою принуждать их к этому.

И потому, как ни грустно это сказать, единственное объяснение непонимания значения принципа непротivления злу насил-
ием состоит в том, что условия жизни людской до такой степе-
ни извращены, что те, кто судят о принципе непротivления, 10
полагают, что приложение его к жизни и замена насилия
убеждением уничтожит всякую возможность благоустройства
общества и тех удобств жизни, которыми они пользуются.

Но принцип непротivления не есть принцип насилия, а
согласия и любви и потому не может быть сделан насиль-
ственно обязательным для людей. Принцип непротivления
злу насил-ием, состоящий в замене грубой силы убеждением,
может быть только свободно принят. И в той мере, в которой
он свободно принимается людьми и прилагается к жизни, т. е.
в той мере, в которой люди отрекаются от насилия и уста- 20
навливают свои отношения на разумном убеждении, только
в той мере и совершается истинный прогресс в жизни чело-
вечества.

И потому, хотят или не хотят этого люди, только во имя
этого принципа могут освободиться они от порабощения и угне-
тения друг друга. Хотят или не хотят они этого, принцип этот
лежит в основе всех совершавшихся и имеющих совершиться
истинных усовершенствований в жизни людей.

Гаррисон первый провозгласил этот принцип, как правило
для устройства жизни людей. В этом его великая заслуга. 30
Если он тогда и не достиг мирного освобождения рабов в Аме-
рике, он указал на путь освобождения всех людей вообще от
власти грубой силы.

И потому Гаррисон навсегда останется одним из величайших
деятелей и двигателей истинного человеческого прогресса.

Думаю, что издание этой краткой биографии будет полезно
многим.

Лев Толстой.

«ОДУМАЙТЕСЬ!»

«Ныне ваше время и власть тьмы».

Лука, XXII, 53.

I.

«Только беззакония ваши были средостением между вами и Богом вашим, и грехи ваши закрыли лицо его от вас, чтобы он не слышал; потому что руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконием; уста ваши говорят ложь; язык ваш произносит неправду. Никто не поднимает голоса за правду и никто не судится по истине; уповают на пустое и говорят ложью, зачинают беду и рождают беззаконие. Дела их суть дела греховные, и руки их производят насилие; ноги их бегут ко влу и спешат проливать невинную кровь; помышления их — помышления греховные; опустошение и гибель на пути их; они не знают пути мира, и нет правосудия на стезях их, они сами искривили свои пути; никто ходящий по ним не знает мира. Потому то и далеко от нас правосудие, и правда не доходит до нас; мы ожидаем света, но вот тьма; ждем сияния, но ходим во мраке; ощупываем стену, как слепые, и ощупью ходим, как безглавые, в полдень спотыкаемся, как в сумерки, в темноте, как мертвецы».

Исаия, LIX 2—4, 6—10.

«Ограничимся тем, что напомним, что различные государства Европы накопили долг в 130 миллиардов, из которых около 110 сделано в продолжение одного века, и что весь колоссальный долг этот сделан исключительно для расходов по войне, что европейские государства держат в мирное время в войске более 4 миллионов людей и могут довести это число до 110 миллионов в военное время; что две трети их бюджетов поглощены процентами на долг и содержанием армий сухопутных и морских».

Моллинари.

«Но война более уважаема, чем когда-либо. Искусный артист этого дела, гениальный убийца г-н Мольтке, такими странными словами отвечал делегатам мира:

— Война свята, божественного учреждения, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все вели-

кие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость; одним словом, спасает людей от отвратительного материализма.

Так что, соединиться в стада четырехсот тысяч человек, без отдыха ходить день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не научиться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнить в нечистоте, спать в грязи, жить как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потом, встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченными, быть разможженными без пользы для кого бы то ни было и наконец издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают от голода, — это называется спасать людей от отвратительного материализма».

Гию де Мопассан.

Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность.

Еще можно понять, что оторванный от своего поля, бедный, неученый, обманутый японец, которому внушено, что буддизм не состоит в сострадании ко всему живому, а в жертвоприношениях идолам, и такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый, которому внушено, что христианство состоит в поклонении Христу, Богородице, святым и их иконам, — можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире — убийства братьев — доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут так называемые просвещенные люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней, и, что ужаснее всего, не подвергаясь опасностям войны, возбуждать к ней, посылать на нее своих несчастных, обма-

нутых братьев? Ведь не могут же эти так называемые просвещенные люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещенными людьми, что они знают всё это. Большинство из них сами писали или говорили об этом. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваление Гаагской конференции, о всех книгах, брошюрах, газетных статьях, речах, трактующих о возможности разрешения международных недоразумений международными судилищами, все просвещенные люди не могут не знать того, что всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или к всеобщему банкротству, или к тому и другому вместе; не могут не знать, что кроме безумной, бесцельной траты миллиардов рублей, т. е. трудов людских на приготовления к войнам, в самых войнах гибнут миллионы самых энергических, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни (войны прошлого столетия погубили 14 000 000 людей). Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну (за освобождение негров истрачено в много раз больше того, что стоил бы выкуп всех негров юга). Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей. Все знают неубедительность доводов, приводимых в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Мольтке и другие, так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческом можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершались. Все так называемые просвещенные люди знают всё это. И вдруг начинается война, и всё это мгновенно забывается, и те самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безумие войн, нынче думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как

можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, одевают, содержат тех самых мнимо-просвещенных людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела.

II.

«И Микромегас сказал:

— О, вы, разумные атомы, в которых вечное Существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ».

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что, за исключением малого числа мало уважаемых жителей, всё остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

— В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, — сказал он. — Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведется с незапамятных времен по всей земле.

— Из-за чего же ссорятся эти маленькие животные?

— Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, — отвечал философ, — и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой не видал этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал того животного, ради которого они режутся.

— Несчастные, — воскликнул Сириец, — можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

— Не трудитесь делать этого, — отвечали ему. — Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это Бога».

Вольтер.

«Безумие современных войн оправдывается династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью. Этот последний мотив самый дикий, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя всеми преступлениями и постыдными поступками, нет ни одного, который не испытал бы всевозможных унижений. Ежели же и существует честь в народах, то какой же странный

способ поддерживать ее войной, то есть всеми теми преступлениями, которыми бесчестит себя честный человек: поджигательством, грабежами, убийством...»

Анатоль Франс.

«Дикий инстинкт военного убийства так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся, что пустил глубокие корни в мозгу человеческого. Надо надеяться однако, что лучшее, чем ваше, человечество, сумеет освободиться от этого ужасного преступления.

10

Но что подумает тогда это лучшее человечество о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся?

А почти то же, что мы думаем о древне-мексиканском народе и его канибализме в одно и то же время воинственном, набожном и животном».

Летурно.

«Иногда один властелин нападает на другого из страха, чтобы тот не напал на него. Иногда начинают войну потому, что неприятель слишком силен, а иногда потому, что слишком слаб; иногда наши соседи желают того, чем мы владеем или владеют тем, что нам недостает. Тогда начинается война до тех пор, покауда они захватят то, что им нужно, или отдадут то, что нужно нам».

20

Джонатан Свифт.

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости.

Русский царь, тот самый, который призывал все народы к миру, всенародно объявляет, что, несмотря на все заботы свои о сохранении дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшиеся захватом чужих земель и усилением войск для защиты этих захваченных земель), он, вследствие нападения японцев, повелевает делать по отношению японцев то же, что начали делать японцы по отношению русских, т. е. убивать их; и объявляя об этом призыве к убийству, он поминает Бога, призывая Его благословение на самое ужасное в свете преступление. То же самое по отношению русских провозгласил японский император. Ученые юристы, господа Муравьев и Мартенс, старательно доказывают, что в призыве народов ко всеобщему миру и возбуждении войны из-за захватов чужих земель нет
30
40
никакого противоречия. И дипломаты на утонченном французском языке печатают и рассылают циркуляры, в которых подробно и старательно доказывают, — хотя и знают, что никто им не верит, — что только после всех попыток установить мирные отношения (в действительности, всех попыток обмануть другие государства) русское правительство вынуждено прибегнуть к единственному средству разумного разреше-

ния вопроса, т. е. к убийству людей. И то же самое пишут японские дипломаты. Ученые, историки, философы, с своей стороны сравнивая настоящее с прошедшим и делая из этих сопоставлений глубокомысленные выводы, пространно рассуждают о законах движения народов, об отношении желтой и белой расы, буддизма и христианства, и на основании этих выводов и соображений оправдывают убийство христианами людей желтой расы, точно так же как ученые и философы японские оправдывают убийство людей белой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять друг друга и не останавливаясь ни перед какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы и слабы и дурны во всех отношениях все японцы, а также дурны и все те, которые враждебны или могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению русских доказывается японцами и их сторонниками.

И не говоря уже о военных, по своей профессии готовящихся к убийству, толпы так называемых просвещенных людей, ничем и никем к этому не побуждаемых, как профессора, земские деятели, студенты, дворяне, купцы, выражают самые враждебные, презрительные чувства к японцам, англичанам, американцам, к которым они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царем, к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, верит и благодарит и благословляет на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он еще с меньшим правом может называть своими. Все подносят друг другу безобразные иконы, в которые не только никто из просвещенных людей не верит, но которые безграмотные мужики начинают оставлять, все в землю кланяются перед этими иконами, целуют их и говорят высокопарно-живые речи, в которые никто не верит.

Богачи жертвуют ничтожные доли своих безнравственно

нажитых богатств на дело убийства или на устройство помощи в деле убийства, и бедняки, с которых правительство собирает ежегодно два миллиарда, считают нужным делать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства. И по всей России, от дворца до последнего села, пастыри церкви, называющей себя христианской, призывают того Бога, который велел любить врагов, Бога-Любовь на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству.

И одуренные молитвами, проповедями, воззваниями, процессиями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысяч людей однообразно одетые, с разнообразными орудиями убийства, оставляя родителей, жен, детей, с тоской на сердце, но с напущенным молодечеством, едут туда, где они, рискуя смертью, будут совершать самое ужасное дело: убийство людей, которых они не знают и которые им ничего дурного не сделали. И за ними едут врачи, сестры милосердия, почему-то полагающие, что дома они не могут служить простым, мирным, страдающим людям, а могут служить только тем людям, которые заняты убийством друг друга. Остающиеся же дома радуются известиям об убийстве людей и, когда узнают, что убитых японцев много, благодарят за это кого-то, кого они называют Богом.

И всё это не только признается проявлением высоких чувств, но люди, воздерживающиеся от таких проявлений, если они пытаются образумить людей, считаются изменниками, предателями и находятся в опасности быть обруганными и избитыми озверевшей толпой людей, не имеющих в защиту своего безумия и жестокости никакого иного орудия, кроме грубого насилия.

III.

«Война образует людей, перестающих быть гражданами и делающихся солдатами. Их привычки выделяют их из общества, их главное чувство есть преданность начальнику, они в лагерях приучаются к деспотизму, к тому, чтобы достигать своих целей насилием и играть правами и счастьем ближних; их главное удовольствие — бурные приключения, опасности. Мирные труды им противны.

Война сама собой производит войну и продолжает ее без конца. Победивший народ, опьяненный успехом, стремится к новым победам; пострадавший же народ, раздраженный поражением, спешит восстановить свою честь и свои потери.

Народы, овлабленные друг против друга взаимными обидами, желают друг другу унижения, разорения. Они радуются тому, что болезни, голод, нужда, поражения постигают враждебную страну.

Убийство тысяч людей вместо сострадания вызывает в них восторженную радость: города освещаются иллюминациями, и вся страна празднует.

Так огрубевает сердце человека и воспитываются его худшие страсти. Человек отрекается от чувств симпатии и гуманности.

Чаннинг.

«Наступил возраст военной службы, и всякий молодой человек должен подчиняться не имеющим объяснения приказанием негодная или невежды; он должен поверить, что благородство и величие состоит в том, чтобы отказаться от своей воли и сделаться орудием воли другого, рубить и быть 20
рубимым, страдать от голода, жажды, дождя и холода, быть искалеченным, не зная зачем, без другого вознаграждения, как чарка водки в день сражения и обещание неосязаемой и фиктивной вещи — бессмертия после смерти и славы, которую дает или в которой отказывает газетчик своим пером, сидя в теплой комнате.

Выстрел. Он раненый падает. Товарищи доканчивают его, топчя ногами. Его вакапывают полуживого, и тогда он может наслаждаться бессмертием. Товарищи, родные забывают его; тот, кому он отдал свое счастье, свое страдание 30
и свою жизнь, никогда не знал его. И после нескольких лет кто-нибудь отыскивает его побелевшие кости и из них делает черную краску и английскую ваксу, чтобы чистить сапоги его генерала».

Альфонс Карр.

„Они берут человека во всей силе, в лучшую пору молодости, дают ему в руки ружье, на спину ранец, а голову его отмечают кокардой, потом говорят ему: «Мой собрат, 40
государь такой-то дурно обошелся со мной, и потому ты должен нападать на всех его подданных; я объявил им, что ты такого-то числа явишься на их границу, чтобы убивать их...»

«Ты, может быть, по неопытности подумаешь, что наши враги — люди, но это не люди, а пруссаки, французы (японцы); ты будешь отличать их от человеческой породы по цвету их мундира. Постарайся исполнить как можно лучше твою обязанность, потому что я, оставаясь дома, буду наблюдать за тобой. Если ты победишь, то, когда вы возвратитесь, я выйду к вам в мундире и скажу: солдаты, я доволен вами. В случае если ты останешься на поле сражения, что весьма 50
вероятно, я пошлю сведения о твоей смерти твоему семейству, чтобы оно могло оплакивать тебя и наследовать после тебя. Если ты лишишься руки или ноги, я заплачу тебе, что они стоят. Если же ты останешься жив и будешь уже негоден, чтобы носить ранец, я дам тебе отставку, и ты можешь идти издыхать где хочешь, это до меня не касается».

Клод Тилле.

«И я понял дисциплину, именно то, что капрал всегда прав, когда он говорит о солдате, сержант, когда он говорит о капрале, унтер-офицер, когда он говорит с сержантом, и т. д., до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два — пять! Сначала это трудно понять, но пониманию этого помогает то, что в каждой казарме висит табличка, и ее прочитывают, чтобы уяснить свои мысли. На этой табличке написано всё то, что может желать сделать солдат, как, например, возвратиться в свою деревню, отказаться от исполнения службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за всё это обозначены наказания: смертная казнь или пять лет каторжной работы».

10

Эркман-Шатриан.

«Я купил негра, он мой. Он работает, как лошадь; я плохо кормлю его, так же одеваю и бью его, когда он не слушается. Что же тут удивительного? Разве мы лучше обращаемся с своими солдатами? Разве они не лишены свободы так же, как этот негр? Разница только в том, что солдат стоит гораздо дешевле. Хороший негр стоит теперь по крайней мере 500 эку, хороший солдат стоит едва 50. Ни тот, ни другой не может уйти с того места, где их держат; и того и другого бьют за малейшую ошибку; жалование почти одинаковое, но негр имеет преимущество перед солдатом в том, что не подвергает опасности свою жизнь, а проводит ее «своей женой и детьми».

20

(Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs, Art. Esclavage.)

Точно как будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотен других писателей, с большой силой обличавших бессмысленность, ненужность войны и изображавших ее жестокость, безнравственность, дикость и, главное, точно как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и людям.

30

Вспомнишь всё это и посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, — перед сознанием бессилия человеческого разума.

То, что единственно отличает человека от животного, то, что составляет его достоинство — его разум, оказывается ненужным, бесполезным, даже не бесполезным, а вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, в роде как узда, сбившаяся с головы лошади и путающаяся в ее ногах и только раздражающая ее.

40

Понятно, что язычник грек, римлянин, даже средневековой христианин, не знавший Евангелия и слепо веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или

даже неверующий; но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которым воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, как может такой человек взять ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше?

Ассирияне, римляне, греки могли быть уверены, что, воюя, поступают не только согласно с своей совестью, но совершают даже доброе дело. Но ведь, хотим мы или не хотим этого, мы христиане, и христианство, как бы оно ни было извращено, 10
общий дух его, не мог не поднять нас на ту высшую ступень разума, с которой уже мы не можем не чувствовать всем существом своим не только безумия, жестокости войны, но совершенной противоположности всему, что мы считаем хорошим и должным. И потому мы не можем делать того же не только уверенно, твердо и спокойно, но без сознания своей преступности, без отчаянного чувства того преступника-убийцы, который, начав убивать свою жертву и сознавая в глубине души преступность начатого дела, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть в состоянии докончить ужасное дело. Всё это не- 20
естественное, лихорадочное, горячее, безумное возбуждение, охватившее теперь праздные верхние слои русского общества, есть только признак сознания преступности совершаемого дела. Все эти наглые, лживые речи о преданности, обожании монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), все эти обещания отстаивания грудью чужой земли, все эти бессмысленные благословения друг друга разными стягами и безобразными иконами, все эти молебны, все эти приготовления простынь и бинтов, все эти отряды сестер милосердия, все эти жертвы на флот и Крас- 30
ный Крест, отдаваемые тому правительству, прямая обязанность которого в том, чтобы, имея возможность собирать с народа сколько ему нужно денег, объявив войну, завести нужный флот и нужные средства перевязки раненых, все эти славянские напыщенные, бессмысленные и кощунственные молитвы, про произнесение которых в разных городах газеты сообщают, как про важную новость, все эти шествия, требования гимна, крики «ура», вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличения, потому что всеобщая, газетная ложь, всё это одурение и оверение, в котором находится теперь русское общество и 40

которое передается понемногу и массам, — всё это есть только признак сознания преступности того ужасного дела, которое делается.

Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровержимым доводом в пользу войны то, что дело начато. Война начата, и потому надо продолжать ее. Так это представляется самым простым, заблудшим, 10 неученым людям, действующим под влиянием мелких страстей и одурения, которому они подверглись. И точно так же рассуждают самые ученые люди нашего времени, доказывая то, что человек не имеет свободы воли, и потому, если бы он и понял, что начатое им дело нехорошо, он не может остановиться.

И опалевшие, оверевшие люди продолжают ужасное дело.

IV.

«Удивительно, до какой степени, благодаря дипломатии и 20 журналам, может самое ничтожное несогласие превратиться в священную войну. Когда Англия и Франция объявили войну России в 1856 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться в дипломатических архивах, чтобы понять эту причину. А вместе с тем последствиями этого странного недоразумения была смерть 500 тысяч добрых людей и израсходование от 5 до 6 миллиардов.

В сущности, причины были, но такие, в которых не признаются. Наполеон III хотел посредством союза с Англией и 30 счастливой войны утвердить свою преступного происхождения власть; русские хотели захватить Константинополь; англичане хотели утвердить могущество своей торговли и помешать влиянию русских на Востоке. Под одним или другим видом это всегда тот же дух завоевания и насилия».

Рише.

«Может ли быть что-нибудь нелепее того, что человек имеет право убить меня, потому что он живет на той стороне реки и что его государь в ссоре с моим, хотя я и не ссорился с ним?»

Паскаль.

«Обитатели земной планеты находятся еще в таком состоя- 40 нии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в журналах цивилизованных стран осуждение дипломатических отношений глав государств, имеющих целью союзы против предполагаемого врага, приготовление войн, при которых народы позволяют своим руководителям рас-

полагать ими как скотом, ведомым на бойню, как будто и не подозревая того, что жизнь каждого человека есть его личная собственность.

Обитатели этой странной планеты все воспитаны в убеждении, что есть народы, границы, знамена, и все имеют такое слабое сознание человечности, что это чувство совершенно исчезает перед представлением отечества... Правда, что если бы мыслящие люди сумели согласиться, это положение изменилось бы, так как лично никто не желает войны... Но есть такие политические сцепления, вследствие которых могут существовать миллионы паразитов». 10

Фламарион.

«Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различные деятельности человеческие, то нельзя воздержаться от следующего печального размышления: сколько тратится жизни для продолжения на земле царства зла и как этому злу содействует больше всего учреждение постоянных армий.

Удивление и чувство печали увеличиваются еще при мысли о том, что всё это ненужно и что это зло, принимаемое так благодушно огромным большинством людей, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют относительно малому числу людей искусных и развращенных эксплуатировать себя». 20

Патрис Ларрок.

Спросите у бросившего старых родителей, жену, детей солдата-рядового, ефрейтора, унтер-офицера, зачем он готовится убивать неизвестных ему людей, — он сначала удивится вашему вопросу. Он солдат, присягал и должен исполнять приказания начальства. Если же вы скажете ему, что война, т. е. убийство людей, не сходится с заповедью «не убий», то он скажет: «А как же, коли на наших нападают? За царя, за веру православную». (Один на мой вопрос сказал мне: — А как же, коли он на святыню нападет? — На какую? — На знамя.) Если же вы попытаетесь объяснить такому солдату, что заповедь Бога важнее не только знамени, но всего на свете, то он замолчит или рассердится и донесет начальству. 30

Спросите офицера, генерала, зачем он идет на войну, — он скажет вам, что он военный, а что военные необходимы для защиты отечества. То же, что убийство не сходится с духом христианского закона, не смущает его, потому что он или не верит в этот закон или, если и верит, то не в самый закон, а в то разъяснение, которое дано этому закону. Главное же то, что он, так же как и солдат, на место вопроса личного, что ему делать, всегда подставляет вопрос общий о государстве, отечестве. «В теперешнее время, когда отечество в опасности, надо действовать, а не рассуждать», скажет он. 40

Спросите дипломатов, которые своими обманами подготавливают войны, зачем они делают это. Они скажут вам, что цель их деятельности в установлении мира между народами и что цель эта достигается не идеальными, неосуществимыми теориями, а дипломатической деятельностью и готовностью к войне. И точно так же, как военные вместо вопроса о своей жизни поставят вопрос общий, так и дипломаты будут говорить об интересах России, о недобросовестности других держав, об европейском равновесии, а не о своей жизни и деятельности.

10 Спросите журналистов, зачем они своими писаниями возбуждают людей к войне, — они скажут, что войны вообще необходимы и полезны, в особенности же теперешняя война, и подтвердят это свое мнение неясными патриотическими фразами и, точно так же как военные и дипломаты, на вопрос о том, почему он, журналист, определенная личность, живой человек, поступает известным образом, будет говорить об общих интересах народа, государстве, цивилизации, белой расе.

20 Точно так же объяснят свое участие в деле войны все подготавливатели ее. Они, пожалуй, согласны в том, что желательно было бы уничтожить войну, но теперь это невозможно, теперь они, как русские и как люди, занимающие известные положения предводителя, земца, врача, деятеля Красного Креста, призваны действовать, а не рассуждать. Некогда рассуждать и о себе думать, скажут они, когда есть великое общее дело.

То же скажет кажущийся виновником всего дела царь. Он, так же как солдат, удивится вопросу о том, нужна ли теперь война. Он не допускает даже мысли о том, что можно было бы теперь прекратить войну. Он скажет, что он не может не исполнять того, что требует от него весь народ, что, хотя он и признает войну великим злом и употреблял и готов употреблять все средства для уничтожения ее, в данном случае он не мог не объявить ее и не может не продолжать ее. Это необходимо для блага и величия России.

Все эти люди на вопрос о том, почему он, такой-то, Иван, Петр, Николай, признавая для себя обязанность христианского закона, запрещающего не только убийство ближнего, но требующего любви к нему, служения ему, позволяют себе участие в войне, то есть в насилии, в грабеже, убийстве, — одинаково всегда ответят тем, что поступают они так во имя или

отечества, или веры, или присяги, или чести, или цивилизации, или будущего блага всего человечества, вообще чего-то отвлеченного и неопределенного. Кроме того, все эти люди всегда так усиленно заняты или приготовлениями к войне, или распоряжениями, или рассуждениями о ней, что в свободное время могут только отдыхать от своих трудов и не имеют времени заниматься рассуждениями о своей жизни, которые они считают праздными.

V.

«Мысль о ужасе останавливается перед неизбежно ожидающей нас в конце века катастрофой, и надо приготовиться к ней. В продолжение 20 лет (теперь уже более 40) все усилия знания истощаются на то, чтобы изобрести орудия разрушения, и скоро будет достаточно нескольких пушечных выстрелов, чтобы уничтожить целую армию; под ружьем теперь уже не так, как прежде, несколько тысяч продажных бедняков, но народы, целые народы готовятся убивать друг друга. Для того чтобы приготовить их к убийству, разжигают их ненависть, уверяя их, что они ненавидимы, и кроткие люди верят этому, и вот-вот толпы мирных граждан, получив нелепое приказание убивать друг друга, Бог знает из-за какого смешного распределения границ или каких-нибудь торговых, колониальных интересов, бросятся друг на друга с жестокостью диких зверей.

И пойдут они, как бараны, на бойню, зная, куда они идут, зная, что они оставляют своих жен, что дети их будут голодать; но они будут идти, до такой степени опьяненные звучными и лживыми словами, до такой степени обманутые, что, воображая, что бойня составляет их обязанность, будут просить Бога благословить их кровавые дела. И будут они идти, растапывая урожаи, которые они сеяли, сжигая города, которые они строили, с восторженным пением, криками радости, праздничной музыкой, будут идти без возмущения, покорные и смиренные, несмотря на то, что в них сила и что, если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смысл и братство вместо диких хитростей дипломатов».

Э. Род.

«Очевидец рассказывает, что он в нынешнюю русско-японскую войну увидал, войдя на палубу Баряга. Зрелище было ужасно. Везде кровь, обрывки человеческого мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всех пострадала. Гранату разорвало на ее вершине и убило молодого офицера, который руководил наводной. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент. Из четырех людей, бывших с командиром, два были разорваны в куски, два другие сильно ранены (это те, о которых я рассказывал и которым отрезали обе ноги и потом должны были еще раз отрезать их); командир отделался ударом осколка в висок.

И это не всё. Нейтральные не могут принять на свои пароходы раненых, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойные госпитальные заражения составляют вместе с голодом, пожаром, разорениями, болезнями, тифом, оспой тоже часть военной славы, — такова война.

А между тем Жозеф Местр так воспевал благоденствия войны: «Когда человеческая душа вследствие изнеженности теряет свою упругость, становится неверующей и усваивает гнилостные пороки, которые следуют за излишками цивилизации, она может быть восстановлена только в крови».

Господин Вогюе, академик, так же как и г. Брюнетьер, говорят почти то же самое.

Но бедняки, из которых делается пушечное мясо, имеют право не соглашаться с этим.

К несчастью, они не имеют мужества своих убеждений. От этого всё зло. Привыкнув издавна позволять убивать себя ради вопросов, которые они не понимают, они продолжают это делать, воображая, что всё идет очень хорошо.

От этого-то теперь там лежат трупы, которые под водой поедают морские раки.

В то время когда картечь разбивала всё вокруг них, едва ли они рады были думать, что всё это делается для их блага, чтобы восстановить душу их современников, потерявшую свою упругость от излишка цивилизации.

Несчастные, вероятно, не читали Жозефа Местра. Я советую раненым читать его между двумя перевязками.

Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости».

«В «Русских Ведомостях» я прочла рассуждение о том, что выгода России в том, что у нее неистощимый человеческий материал.

Для детей, у которых убьют отца, у жены — мужа, у матери — сына, материал этот истощается скоро».

Hardouin.

(Из частного письма русской матери. Март, 1904 г.)

«Вы спрашиваете, необходима ли еще война между цивилизованными народами. Я отвечаю: не только *уже* не необходима, но никогда и не была необходима, никогда. Она всегда нарушала правильное историческое развитие человечества, нарушала право, задерживала прогресс.

Если последствия войн иногда и бывали выгодны для общей цивилизации, то вредных последствий было гораздо больше. Мы обманываемся потому, что только часть вредных последствий тотчас же очевидна. Большая часть их, и самых важных, незаметны нам. И потому мы не можем допустить слово «еще». Допущение этого слова дает право защитникам войны утверждать, что спор между нами есть дело только временного соответствия и личной оценки, и равногласие наше тогда сведется к тому, что мы считаем войну бесполезной, тогда как они считают ее еще полезной. Они охотно согласятся с нами, с такой постановкой вопроса, и скажут, что война, действительно, может сделаться бесполезной и даже вредной, но только завтра, но не нынче; нынче же они считают нужным произвести над народом те страшные кровопускания, называемые войнами, которые

совершаются только для удовлетворения личных честолюбивей самого малого меньшинства.

Потому что такова была и такова теперь единственная причина войн: власть, почести, богатства малого числа людей в ущерб массам, естественное легковерие которых и пред-
рассудки, вызываемые и поддерживаемые этим меньшин-
ством, дают эту возможность».

Гастон Мос.

Люди нашего христианского мира и нашего времени подобны человеку, который, пропустив настоящую дорогу, чем дальше 10
едет, тем всё больше и больше убеждается в том, что едет не
туда, куда надобно. И чем больше он сомневается в верности
пути, тем быстрее и отчаяннее гонит по нем, утешаясь мыслью,
что куда-нибудь да выедет. Но приходит время, когда стано-
вится совершенно ясно, что путь, по которому он едет, никуда
не приведет, кроме как к пропасти, которую он начинает уже
видеть перед собой.

В таком положении находится теперь христианское челове-
чество нашего времени. Ведь совершенно очевидно, что если мы
будем продолжать жить так же, как теперь, руководясь как 20
в частной жизни, так и в жизни отдельных государств одним
желанием блага себе и своему государству, и будем, как теперь,
обеспечивать это благо насилем, то, неизбежно увеличивая
средства насилия друг против друга и государства против
государства, мы, во-первых, будем всё больше и больше разо-
ряться, перенося ббльшую часть своей производительности
на вооружение; во-вторых, убивая в войнах друг против друга
физически лучших людей, будем всё более и более вырождаться
и нравственно падать и развращаться.

Что это так будет, если мы не изменим нашей жизни, это 30
так же верно, как математически верно то, что две непараллель-
ные линии должны встретиться. Но мало того, что это теоре-
тически верно: в наше время это становится верно уже не для
одного рассудка, но и для чувства. Пропасть, к которой мы
идем, уже становится видна нам, и самые простые, не фило-
софствующие, неученые люди не могут не видеть того, что,
всё больше и больше вооружаясь друг против друга и истре-
бля друг друга на войнах, мы, как пауки в банке, ни к чему
иному не можем прийти, как только к уничтожению друг
друга. 40

Искреннему, серьезному, разумному человеку нельзя уже
утешать себя мыслью о том, что дело может исправить, как

это думали прежде, всемирная монархия Рима, Карла Великого, Наполеона, средневековая духовная власть папы, или священные союзы, или политическое равновесие европейского концерта и мирные международные судилища, или, как думали некоторые, увеличение военных сил и вновь изобретенные могущественные орудия истребления.

Устроить всемирную монархию или республику с европейскими штатами невозможно, потому что различные народы никогда не захотят соединиться в одно государство.

10 Устроить международные судилища для решения международных споров? Но кто же заставит подчиниться решению судилища тяжущегося, у которого под ружьем миллионы войска? Разоружиться? Никто не хочет и не может начинать. Придумать еще более ужасные средства истребления: баллоны с начиненными удушливыми газами бомбами, снарядами, которыми люди будут посыпать друг друга? Что бы ни придумали, все государства заведутся такими же орудиями истребления, пушечное же мясо, как после холодного оружия шло под пули и после пуль покорно шло под гранаты, бомбы, даль-

20 бойные орудия, картечицы, мины, пойдет и под высыпаемые из баллонов бомбы, начиненные удушливыми газами.

Ничто очевиднее речей господина Муравьева и профессора Мартенса о том, что японская война не противоречит Гаагской конференции мира, ничто очевиднее этих речей не показывает, до какой степени среди нашего мира извращено орудие передачи мысли — слово и совершенно потеряна способность ясного, разумного мышления. Мысль и слово употребляются не на то, чтобы служить руководством человеческой деятельности, а на то, чтобы оправдывать всякую деятельность, как бы

30 она ни была преступна. Последняя бурская война и теперь японская, которая всякую минуту может перейти во всеобщую бойню, без малейшего сомнения доказали это. Все антимилитаристические рассуждения так же мало могут содействовать прекращению войны, как самые красноречивые, убедительные, обращенные к грызущимся собакам доводы о том, что им выгоднее разделить тот кусок мяса, за который они грызутся, чем перекусать друг друга и лишиться куска мяса, который унесет прохожая, неучаствующая в драке собака.

Мы разогнались к пропасти и не можем остановиться и летим

40 в нее.

Для всякого разумного человека; думающего о том положении, в котором находится теперь человечество, и о том, к которому оно неизбежно приближается, не может не быть очевидно, что практического выхода из этого положения нет никакого, что нельзя придумать никакого такого устройства, учреждения, которое спасло бы нас от той гибели, к которой мы неудержимо стремимся.

Не говоря уже об экономических неразрешимых и всё усложняющихся и усложняющихся опасностях, взаимные отношения вооружающихся друг против друга держав, всякую минуту готовые разразиться и разражающиеся войнами, ясно указывают на ту неизбежную гибель, к которой влечется всё так называемое цивилизованное человечество.

Так что же делать?

VI.

«Заканчивая свою миссию, Иисус установил основание нового общества. До него народы принадлежали одному или многим господам, как стада принадлежат своим хозяевам... Князья и сильные давили народ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбия. Иисус кладет конец этому неустройству, поднимает согбенные головы, освобождает рабов. Он научает их тому, что, будучи равными перед богом, люди свободны друг перед другом, что никто не может иметь сам по себе власти над своими братьями, что равенство и свобода — божественные законы человеческого рода — ненарушаемы; что власть не может быть правом, что в общественном устройстве она есть должность, служение, некоторого рода рабство, свободно принятое на себя в виду общего блага. Таково общество, которое устанавливает Иисус. Это ли мы видим в мире? Это ли учение царствует на земле? 20 Слуги или господа князья народов в нашем мире? В продолжение 18 веков поколение за поколением передают друг другу учение Христа и говорят, что верят в него; а что же изменилось в мире? Народы, раздавленные и страдающие, все ждут обещанного освобождения, и не оттого, чтобы слово Христа было неверно или недействительно, но оттого, что народы или не поняли, что осуществление учения должно совершиться их собственными усилиями, их твердой волей, или, заснувши в своем унижении, не сделали того одного, что дает победу, — не готовы были умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди них; они слышат уже голое, который говорит: спасение близко».

Ламена.

«Нельзя не признать того, что XIX век стремится ступить на новый путь. Люди этого века начинают понимать, что должны существовать законы и суды и для народов и что преступления народа против народа, хотя и совершаемые

в великих размерах, не менее ненавистны, чем преступление человека против человека».

Кетля.

«Все люди одного происхождения, подлежат одному закону и все предназначены к одной цели.

И потому у вас должна быть одна вера, одна цель поступков, одно знамя, под которым все должны сражаться. Поступки, слезы и мученичество есть общий всему человечеству язык, который понимают все».

Иосиф Мадвини.

«...Нет, призываю в свидетели возмущение совести всякого человека, который видел, как текла кровь его сограждан, или был причиной этого, — недостаточно одной головы, чтобы нести тяжесть стольких убийств. Надо было бы столько же голов, сколько есть сражающихся. Для того чтобы быть ответственными за закон крови, который они устанавливают, нужно бы было, чтобы они по крайней мере понимали его. Но лучшие учреждения, о которых здесь идет речь, будут всё-таки только временными, потому что, повторяю еще раз, армии и войны должны кончиться; несмотря на слова софиста, которого я опровергал в другом месте, неправда, чтобы война даже против чужеземца была священна, неправда, чтобы земля *алкала крови*. Война проклята Богом и даже теми людьми, которые в ней участвуют и которые испытывают от нее тайный ужас. Земля же просит у неба воды своих рек и чистой росы ее облак».

Альфред де Виньи.

«Человек так же мало сотворен для того, чтобы принуждать, как и для того, чтобы повиноваться. Люди взаимно портятся от этих двух привычек. Тут одурение, там наглость, и нигде истинного человеческого достоинства».

Консидеран.

«Если бы мои солдаты начали думать, ни один не остался бы в войске».

Фридрих II.

Две тысячи лет тому назад Иоанн Креститель и за ним Христос говорили людям: «исполнилось время и приблизилось царство Божие, одумайтесь (*metanoete*) и веруйте в Евангелие» (Марка I, 15). И «если не одумаетесь, все погибнете» (Луки XIII, 5).

Но люди не послушали его. И та гибель, которую он предсказывал, уже близка. И мы, люди нашего времени, не можем не видеть ее. Мы погибаем уже и потому не можем пропустить мимо ушей того, старого по времени, но нового для нас, средства спасения. Мы не можем не видеть того, что кроме всех других бедствий, происходящих из нашей дурной, неразумной жизни, одни военные приготовления и неизбежные вследствие них

войны неминуемо должны погубить нас. Мы не можем не видеть, что все придумываемые людьми практические средства избавления от этих зол оказываются и должны оказываться бессильными и что бедственность положения народов, вооружающихся друг против друга, не может не идти всё усиливаясь и усиливаясь. И потому слова Христа, больше чем когда-нибудь и к кому-нибудь, относятся к нам и нашему времени.

Христос говорил: одумайтесь, т. е. каждый человек остановись в своей начатой деятельности и спроси себя: кто ты? откуда ты взялся и в чем твое назначение? И, ответив на эти 10 вопросы, соответственно ответу реши, свойственно ли твоему назначению то, что ты делаешь. И стоит только каждому человеку нашего мира и времени, то есть человеку, знающему сущность христианского учения, на минуту остановиться в своей деятельности, забыть то, чем его считают люди: императором, солдатом, министром, журналистом, и серьезно спросить себя: кто он и в чем его назначение, — чтобы усумниться в полезности, законности, разумности своей деятельности. Прежде чем я император, солдат, министр, журналист, — должен ответить себе всякий человек нашего времени и христиан- 20 ского мира, — прежде всего я человек, т. е. ограниченное существо, посланное высшей волей в бесконечный по времени и пространству мир для того, чтобы, пробыв в нем мгновенье, умереть, т. е. исчезнуть из него. И потому все те личные, общественные и даже общечеловеческие цели, которые я могу ставить себе и которые ставят мне люди, вследствие краткости моей жизни, так же как и вследствие бесконечности жизни мира, все ничтожны и должны быть подчинены той высшей цели, для достижения которой я послан в мир. Конечная цель эта, вследствие моей ограниченности, недоступна 30 мне, но она есть (как должна быть цель всего существующего), и мое дело в том, чтобы быть орудием ее, то есть назначение мое в том, чтобы быть работником Бога, исполнять Его дело. И поняв так свое назначение, всякий человек нашего мира и времени, от императора до солдата, не может не посмотреть иначе на те обязанности, которые он сам или люди наложили на него.

Прежде чем меня короновали, признали императором, — должен сказать себе император, — прежде чем я обязался исполнять свои обязанности главы государства, я тем самым, что живу, обещался исполнить то, чего требует от меня та 40

высшая воля, которая послала меня в жизнь. Требования эти я не только знаю, но чувствую в своем сердце. Они состоят в том, как это выражено в христианском законе, который я исповедую, чтобы я покорялся воле Бога и исполнял то, чего она хочет от меня, любил бы ближнего, служил ему, поступал бы с ним, как я хочу чтобы поступали со мной. То ли я делаю, управляя людьми, предписывая насилия, казни и самое ужасное дело — войны?

Люди говорят мне, что я должен делать это. Бог же говорит, что я должен делать совершенно другое. И потому, сколько бы мне ни говорили, что я, как глава государства, должен руководить насилиями, сборами податей, казнями и, главное, войной, т. е. убийством ближнего, я не хочу и не могу этого делать.

И то же самое должен сказать себе солдат, которому внушено, что он должен убивать людей, и министр, считавший своей обязанностью приготовления к войне, и журналист, возбуждающий к войне, и всякий человек, задавший себе вопрос о том, что он такое, в чем его назначение в жизни. А как только глава государства перестанет распоряжаться войной, солдат перестанет воевать, министр готовить средства к войне, журналист возбуждать к ней, так без всяких новых учреждений, приспособлений, равновесия, судилищ, само собою уничтожится то безвыходное положение, в которое поставили себя люди не только по отношению к войне, но и ко всем тем бедствиям, которые они сами наносят себе.

Так что, как ни странно это кажется, самое верное и несомненное избавление людей от всех бедствий, которые они сами наносят себе, и от самого ужасного из них — от войны достигается не какими-либо внешними общими мерами, а только тем простым обращением к сознанию каждого отдельного человека, которое 1900 лет тому назад предлагал Христос, — тем, чтобы каждый человек одумался, спросил себя: кто он? зачем он живет и что ему должно и что не должно делать?

VII:

«Существует распространенное мнение, что религия не составляет постоянного элемента человеческой природы. Многие говорят нам, что это только один из фазисов мысли и чувства, свойственный людям в ранний и сравнительно некультурный период жизни людей; что это нечто такое, из

чего человек постепенно вырастает и должен оставить повади себя.

Мы можем смотреть спокойно на этот вопрос, потому что если религия есть только суеверие, то, очевидно, мы должны вырасти из нее. Если же религия свойственна высшей и лучшей человеческой жизни, то христианское исследование этого вопроса должно показать нам это. Если вы на каждой монете находите отпечаток, и отпечаток этот один и тот же, то вы должны быть уверены, несомненно убеждены, что то, что кладет отпечаток на каждую монету, есть нечто действительно существующее. Так что везде, где вы находите всеобщее и постоянное характеристическое свойство в человеческой природе или природе какого-либо другого существа, вы можете быть совершенно уверены, что в мире есть нечто соответствующее этому, что вызвало это свойство. Вы находите человека всегда и везде религиозным существом. Вы находите его везде верующим в то, что его окружает неведомый мир. На основании какой бы теории вы ни смотрели на весь мир, мир сделал нас тем, что мы есмь, и если мир не есть обман, то и то, что соответствует этому миру в нас, — есть тоже действительность, потому что действительный мир вывал в нас эти свойства».

Саведж.

«Религия есть высший и благороднейший деятель в воспитании человека, величайшая сила цивилизации, между тем как внешние проявления веры и политическая эгоистическая деятельность суть главные препятствия прогресса человечества. Деятельность и духовенства и государства противоположны религии. Наше исследование показало, что сущность религии, вечная и божественная, одинаково наполняет сердце человека везде, где только оно чувствует и бьется. Логический вывод наших исследований указывает нам на единую основу всех великих религий, на единое учение, развивающееся с самого начала жизни человечества до настоящего дня...»

«В глубине всех вер течет поток единого, вечного откровения, *единой религии* слова Божьего, обращенного к человеку.

Пускай парсы носят свои таавиды, евреи свои филактерии, христиане свой крест, мусульмане свой полумесяц, но пусть все они помнят, что это только формы и эмблемы, тогда как основная сущность всех религий — любовь к ближнему — одинаково требуется Ману, Зороастром, Буддой, Моисеем, Сократом, Гиллелем, Иисусом, Павлом, Магометом».

Морис Флюгель.

„Ни одно общество не может существовать без общей веры и общей цели; политическая деятельность есть приложение, религия устанавливает принцип. Где нет этой общей веры, там правит воля большинства, состоящая в постоянной переменчивости и угнетении остальных. Без Бога можно при- нуждать людей, но нельзя убедить. Без Бога большинство будет тираном, а не воспитателем людей...»

То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век для того, чтобы найти выход из той грязи эгоизма, сомнения и отрицания, в которые он погружен, — это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыскании личных целей, могли бы все идти вместе, призывая

одно происхождение, один закон, одну цель. Всякая сильная вера, которая возникнет на развалинах старых, изжитых верований, изменяет существующий общественный порядок, так как каждая сильная вера неизбежно прилагается ко всякой отрасли человеческой деятельности...

Человечество повторяет в различных формулах и различных степенях слова молитвы Господней: «да придет царство Твое на земле, как и на небе»⁴.

Мадагиси.

10

«Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днем, он может рассматривать себя и как члена семьи и как члена общества, народа, живущего веками, может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечет его разум) рассматривать себя как часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек всегда устанавливал, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному по времени и пространству и потому непостижимому для него миру, понимая его как одно целое. И такое установление отношения человека к тому непостижимому целому, которого он чувствует себя частью и из которого он выводит руководство в своих поступках, и есть то, что называлось и называется религией. И потому религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустранимым условием в жизни разумного человека и разумного человечества».

20

«Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками».

30

Л. Толстой.

«Религия (рассматриваемая объективно) есть признание всех наших обязанностей заповедями Бога.

Есть только одна истинная религия, хотя может быть много разных вер.

Кант.

Зло, от которого страдают люди нашего времени, происходит оттого, что большинство их живет без того, что одно дает разумное руководство человеческой деятельности — без религии, не той религии, которая состоит в вере в догматы, в исполнение обрядов, доставляющих приятное развлечение, утешение, возбуждение, а той религии, которая устанавливает отношение человека ко Всему, к Богу, и потому дает общее высшее направление всей деятельности человеческой, без которой люди становятся на уровень животных и даже ниже их. Зло это, ведущее людей к неизбежной гибели, проявилось с особенной силой в наше время, потому что, утратив разумное руководство в жизни и направив все свои усилия на открытия и усовершенствования в области знаний преимущественно

прикладных, люди нашего времени выработали себе огромную власть над силами природы; не имея же руководства для разумного приложения этой власти, они естественно стали употреблять ее на удовлетворение своих самых низких, животных побуждений.

Лишенные религии люди, обладая огромной властью над силами природы, подобны детям, которым дали бы для игры порох или гремучий газ. Глядя на то могущество, которым пользуются люди нашего времени, и на то, как они употребляют его, чувствуется, что по степени своего нравственного разви- 10 тия люди не имеют права не только на пользование железными дорогами, паром, электричеством, телефонами, фотографиями, беспроводными телеграфами, но даже простым искусством обработки железа и стали, потому что все эти усовершенствования и искусства они употребляют только на удовлетворение своих похотей, на забавы, разврат и истребление друг друга.

Что же делать? Отбросить все те усовершенствования жизни, всё то могущество, которое приобрело человечество? Забыть то, что оно узнало? Невозможно. Как ни зловредно употребляются эти умственные приобретения, они всё-таки приобретения, 20 и люди не могут забыть их. Изменить те соединения народов, которые образовались веками и установить новые? Придумать такие новые учреждения, которые помешали бы меньшинству обманывать и эксплуатировать большинство? Распространить знания? Всё это испробовано и делается с большим усердием. Все эти мнимые приемы исправления составляют главное средство самозабвения, отвлечения себя от сознания неизбежной гибели. Изменяются границы государств, изменяются учреждения, распространяются знания, но люди в других пределах, с другими учреждениями, с увеличенными знаниями 30 остаются теми же зверями, готовыми всякую минуту разорвать друг друга, или теми рабами, какими всегда были и будут, пока будут руководиться не религиозным сознанием, а страстями, рассудком и посторонними внушениями.

Человеку нет выбора: он должен быть рабом наиболее бессовестного и наглого, чем другие, раба или — Бога, потому что для человека есть только одно средство быть свободным: это соединение своей воли с волей Бога. Лишенные религии люди, одни, отрицающие самую религию, другие, признающие религией те внешние, уродливые формы, которые заменили ее, 40

и руководимые только своими личными похотями, страхом, человеческими законами и, главное, взаимным гипнозом, не могут перестать быть животными или рабами, и никакие внешние усилия не могут вывести их из этого состояния, потому что только религия делает человека свободным.

А большинство людей нашего времени лишено ее.

VIII.

10 «Не делай того, что осуждает твоя совесть, и не говори того, что несогласно с правдой. Соблюдай это самое важное, и ты исполнил всю задачу своей жизни...»

«Никто не может насиловать твою волю, на нее нет ни вора, ни разбойника; не желай неразумного, желай общего блага, а не личного, как большая часть людей. Задача жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы не попасть в ряды умалишенных...»

20 «Помни, что есть Бог, который хочет не хвалы или славы людской от людей, созданных им по подобию своему, а того, чтобы они, руководясь данным им разумением, поступками своими уподоблялись ему. Ведь смоковница верна своему делу, собака, пчела также. А человек неужели не исполнит своего призвания? Но увы, эти великие святые истины меркнут в памяти твоей: суета ежедневной жизни, война, неразумный страх, немощь духа и привычка быть рабом заглушают их...»

30 «Ветвь, отрезанная от своего оучка, тем самым отделилась и от целого дерева. Человек при раздоре с другим человеком отрывается от всего человечества. Но ветвь отокается посторонней рукой, человек же сам отчуждает себя от ближнего своего ненавистью и влобой, не ведая, правда, что он тем самым отрывает себя от всего человечества. Но божество, призвавшее людей, как братьев, к жизни общей, одарило их свободой после раздора снова примиряться между собой».

Марк Аврелий.

40 «Просвещение есть выход человека из своего, им же самим поддерживаемого ребячества. *Ребячество* состоит в его неспособности пользоваться своим разумом без руководства другого. *Им же самим поддерживается это ребячество* тогда, когда причина его лежит не в недостатке разума, но в недостатке решительности и мужества пользоваться им без руководства другого. Sapere aude.¹

Имей мужество пользоваться собственным разумом. Это девиз просвещения».

Кант.

«Нужно высвободить ту религию, которую исповедывал Иисус, от той религии, предмет которой есть Иисус. И когда

¹ [Имей мужество быть мудрым.]

мы узнаем состояние сознания, составляющую основную ячейку и начало вечногo Евангелия, надо будет держаться его.

Как жалкие плашки деревенской иллюминации или маленькие свечи процессии потухают перед великим чудом света солнца, так же потухнут ничтожные, местные, случайные и сомнительные чудеса перед законом жизни духа, перед великим зрелищем человеческой истории, руководимой Богом».

Амиель. 10

«Я признаю следующее положение не нуждающимся ни в каком доказательстве: всё, что человек думает делать угодного Богу, кроме доброй жизни, есть только религиозное заблуждение и суеверие».

Кант.

«В сущности есть только одно средство почитания Бога — это исполнение своих обязанностей и поведение согласно с законами разума».

Лизтенберг.

Но для того чтобы уничтожилось то зло, от которого мы 20 страдаем, скажут люди, увлеченные различными житейскими деятельностями, необходимо не несколько людей, а чтобы все люди одумались и чтобы, одумавшись, одинаково поняли назначение своей жизни в исполнении воли Бога и служении ближнему.

Возможно ли это?

Не только возможно, — отвечу я, — но невозможно; чтобы этого не было.

Невозможно людям не одуматься, то есть не поставить себе каждому человеку вопрос о том, кто он такое и зачем живет, 30 потому что человек, как разумное существо, не может жить, не зная зачем он живет, и всегда ставил себе этот вопрос и всегда по мере степени своего развития отвечал на него в религиозном учении; в наше же время внутреннее противоречие, в котором чувствуют себя люди, с особенной настоятельностью вызывает этот вопрос и требует на него ответа. Невозможно же людям нашего времени ответить на этот вопрос иначе, как признанием закона жизни в любви к людям и служении им, потому что это единственный разумный для нашего времени 40 ответ о смысле человеческой жизни, и ответ этот 1900 лет тому назад выражен в христианской религии и точно так же известен огромному большинству всего человечества.

Ответ этот в скрытом состоянии живет в сознании всех людей христианского мира нашего времени, но явно не выражается

и не служит руководством нашей жизни только потому, что с одной стороны люди, которые пользуются наибольшим авторитетом, так называемые ученые, находясь в грубом заблуждении о том, что религия есть временная ступень развития человечества, пережитая им, и что люди могут жить без религии, внушают это заблуждение начинающим образовываться людям из народа; с другой стороны, потому что люди, имеющие власть, сознательно и часто бессознательно (находясь сами в заблуждении о том, что церковная вера есть христианская религия) стараются поддерживать и вызывать в народе грубые суеверия, выдаваемые за христианскую религию.

Только бы уничтожились эти два обмана, и та истинная религия, которая в скрытом состоянии уже живет в людях нашего времени, стала бы явной и обязательной.

Для того чтобы это совершилось, нужно, чтобы, с одной стороны, люди ученые поняли, что положение о братстве всех людей и правило о делании другим того, чего себе хочешь, не есть случайное, одно из многих человеческих рассуждений, которое может быть подчинено каким-либо другим соображениям, а есть несомненное, стоящее выше других соображений положение, вытекающее из неизменного отношения человека к бесконечному, к Богу, и есть религия и вся религия, и потому всегда обязательно.

С другой стороны, — чтобы те люди, которые сознательно и бессознательно проповедают под видом христианства грубые суеверия, поняли, что все те догматы, таинства, обряды, которые они поддерживают и проповедают, не только не безразличны, как они думают, а в высшей степени вредны, скрывая от людей ту единую религиозную истину, которая выражена в исполнении воли Бога, братстве людей, служении людям, и что правило о том, чтобы поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобой, не есть одно из предписаний христианской религии, а вся практическая религия, как это и сказано в Евангелии.

Для того чтобы люди нашего времени одинаково поставили себе вопрос о смысле жизни и одинаково ответили на него, нужно только людям, считающим себя просвещенными, перестать думать и внушать другим поколениям, что религия есть атавизм, пережиток прошедшего дикого состояния, и что для хорошей жизни людей достаточно распространения образования,

то есть самых разнообразных знаний, которые как-то приведут людей к справедливости и нравственной жизни; а понять, что для доброй жизни людей необходима религия и что религия эта есть уже и живет в сознании людей нашего времени; людям же, умышленно и неумышленно одурачившим народ церковными суевериями, перестать делать это и признать, что важно и обязательно в христианстве не крещение, причастие, исповедание догматов и т. п., а только любовь к Богу и ближнему и исполнение заповеди о том, чтобы поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобой, что в этом весь закон и пророки.

Если бы только поняли это как лжехристиане, так и люди науки и проповедывали бы и детям и неученым эти простые, ясные и нужные истины так же, как они проповедуют теперь свои сложные, путанные и ненужные положения, все люди одинаково понимали бы смысл своей жизни и признавали бы одни и те же вытекающие из него обязанности.

IX.

Письма крестьянина, отказавшегося от военной службы.

«1895 года Октября 15-го дня я был призван к отбыванию 20
воинской повинности. Когда пришла очередь мне тянуть жребий, я сказал, что жребия тянуть не буду. Чиновники посмотрели на меня, потом поговорили друг с другом и спросили меня, почему я не буду тянуть.

Я отвечал, что это потому, что я ни присягать, ни ружья брать не буду.

Они сказали, что это дело будет после, а жребий тянуть надо.

Я опять отказался. Тогда велели тянуть старосте жребий. Староста вытянул; оказался № 674. Записали. 30

Входит воинский начальник, вызывает меня в канцелярию и спрашивает: кто тебя всему этому научил, что ты не хочешь присягать?

Я ответил: сам научился, читая Евангелие.

Он говорит: не думаю, чтобы ты сам понял так Евангелие, ведь там всё непонятно; чтобы понимать, для этого надо много учиться.

На это я сказал, что Христос учил не мудрости, потому что самые простые, неграмотные люди, и те понимали его 40
учение.

Тогда он сказал солдату, чтобы отправил меня в команду. С солдатом мы пошли на кухню, там пообедали.

После обеда стали спрашивать меня, почему не присягал?

Я сказал: потому что в Евангелии сказано: «Не клянись вовсе».

Они удивились; потом спросили: да разве это есть в Евангелии? А ну, найди.

Я нашел, прочитал, они послушали.
— Хотя и есть, а всё-таки нельзя не присягать, потому что замучат.

Я сказал на это: кто погубит земную жизнь, тот наследует жизнь вечную».

«20-го числа меня поставили в ряд с другими молодыми солдатами и рассказали нам солдатские правила. Я им сказал, что я ничего этого делать не буду. Они спросили: почему?

10

Я сказал: потому что, как христианин, не буду носить оружия и ващиться от врагов, потому что Христос велел любить и врагов. Они сказали: да разве только ты один христианин? Ведь мы же все христиане. Я сказал: про других я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христос говорил делать то, что я делаю.

Воинский начальник сказал: если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною в тюрьме.

На это я сказал: что хотите, то и делайте со мной, а слушать я не буду».

20

«Сегодня смотрела комиссия. Генерал говорит офицерам: «Какие убеждения находит этот молокосос, что отказывается от службы? Какие-нибудь миллионы служат, а он один отказывается, его выпороть хорошо розгами, тогда он оставит свои убеждения».

30

«Ольховика отправили на Амур. На пароходе все говели, он отказался. Солдаты спрашивали его почему. Он объяснил. В разговор вмешался солдат Кирилл Середа. Он раскрыл Евангелие и начал читать 5-ю главу Матвея. Прочитавши, начал говорить: вот Христос запрещает клятву, суды и войну, а у нас всё это делается и считается за законное дело. Тут стояли, столпившись кучей, солдаты и заметили, что у Середы нет на шее креста. Его спросили: а где твой крест?

Он говорит: в сундуке.

Они опять спрашивали: почему же ты его не носишь на шее?

Он говорит: потому что я люблю Христа, а потому и не могу носить того орудия, на котором распят Христос.

Потом вошли два ефрейтора, стали говорить с Середой. Они сказали ему: почему же ты говел недавно, а теперь сбросил крест?

40

Он отвечал так: потому что я тогда был темный, не видел света, а теперь начал читать Евангелие и узнал, что всё это не нужно делать по-христиански.

Они опять спросили: значит, и ты служить не будешь, как и Ольховик?

Он сказал, что не будет.

Они спросили: почему?

Он сказал: потому что я христианин, а христиане не должны вооружаться против людей.

50

Середу арестовали и вместе с Ольховиком сослали в Якутскую область, где они и теперь находятся».

Из книги «Письма П. А. Ольховика».

«27-го Января 1894 года в больнице Воронежской тюрьмы умер от воспаления легких некто Дрожжин, бывший сельский учитель, Курской губернии. Тело его брошено в могилу на острожном кладбище, как кидают туда тела всех пре-

ступников, умирающих в тюрьме. Между тем это был один из самых святых, чистых и правдивых людей, какие бываю**т** в жизни.

В августе 1891 года он был призван к отбыванию воинской повинности, но, считая всех людей братьями и признавая убийство и насилие самым большим грехом, противным совести и воле Бога, он отказался быть солдатом и носить оружие. Точно так же, признавая грехом отдавать свою волю во власть других людей, могущих потребовать от него дурных поступков, он отказался и от присяги. Люди, жизнь которых основана на насилии и убийстве, заключили его сначала на год в одиночное заключение в Харькове, а потом перевели в Воронежский дисциплинарный батальон, где в течение 15 месяцев мучили его холодом, голодом и одиночным заключением. Наконец, когда у него от непрерывных страданий и лишений развилась чахотка и он был признан негодным к военной службе, его решили перевести в гражданскую тюрьму, где он должен был отсиживать еще 9 лет заключения. Но при доставлении его из батальона в тюрьму в сильно морозный день полицейские служители, по небрежности своей, повели его без теплой одежды, долго стояли на улице у полицейского дома и поэтому так простудили его, что у него сделалось воспаление легких, от которого он умер через 22 дня.

За день до смерти Дрожжин сказал доктору: «Жил я хотя не долго, но умираю с сознанием, что поступил по своим убеждениям, согласно с своей совестью. Конечно, об этом лучше могут судить другие. Может быть.... нет, я думаю, что я прав», сказал он утвердительно».

Из книги «Жизнь и смерть Дрожжина».

«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных.

Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противустать в день влчй и, всё преодолевши, устоять.

И так станьте, препоясавшие чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности».

Послание Павла к Эфессянам.

Но как же поступить теперь, сейчас? — скажут мне, — у нас в России в ту минуту, когда враги уже напали на нас, убивают наших, угрожают нам, — как поступить русскому солдату, офицеру, генералу, царю, частному человеку? Неужели предоставить врагам разорять наши владения, захватывать произведения наших трудов, захватывать пленных, убивать наших? Что делать теперь, когда дело начато?

Но ведь прежде чем начато дело войны, кем бы оно ни было начато, — должен ответить всякий одумавшийся человек, — прежде всего начато дело моей жизни. А дело моей жизни

не имеет ничего общего с признанием прав на Порт-Артур китайцев, японцев или русских. Дело моей жизни в том, чтобы исполнить волю Того, кто меня послал в эту жизнь. И воля эта известна мне. Воля эта в том, чтобы я любил ближнего и служил ему. Для чего же я, следуя временным, случайным требованиям, неразумным и жестоким, отступлю от известного мне вечного и неизменного закона всей моей жизни? Если есть Бог, то Он не спросит меня, когда я умру (что может случиться всякую секунду), отстоял ли я Юнампо с его лесными складами, или Порт-Артур, или даже то сцепление, называемое русским государством, которое Он не поручал мне, а спросит у меня: что я сделал с той жизнью, которую Он дал в мое распоряжение, употребил ли я ее на то, на что она была предназначена и под условием чего она была вверена мне? Исполнял ли я закон Его?

Так что на вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему свое назначение, какое бы я ни занимал положение, не может быть другого ответа, как тот, что никакие обстоятельства, — начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отнят ли не только Порт-Артур, но Петербург и Москва, — я не могу поступить иначе как так, как того требует от меня Бог, и потому я, как человек, не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней, участвовать в войне, *не могу, не хочу и не буду*. Что будет сейчас или вскоре из того, что я перестану делать то, что противно воле Бога, я не знаю и не могу знать, но верю, что из исполнения воли Бога не может выйти ничего, кроме хорошего, для меня и для всех людей.

Вы с ужасом говорите о том, что бы было, если бы мы, русские, сейчас перестали воевать и уступили бы японцам всё то, что они хотят от нас.

Но если справедливо то, что спасение человечества от озверения, самоистребления только в одном: установлении в людях истинной религии, требующей любви к ближнему и служения ему (в чем нельзя не согласиться), то всякая война, всякий час ее и мое участие в ней только делает более трудным и отдаленным осуществление этого единственно возможного спасения. Так что даже становясь на вашу шаткую точку зрения — определения поступков по предполагаемым их последствиям, и тогда уступка японцам со стороны русских всего того, чего они хотят от нас, кроме несомненного блага прекращения

разорения и убийства, было бы приближением к единственному средству спасения человечества от его гибели, тогда как продолжение войны, чем бы она ни кончилась, было бы отдалением от единственного средства спасения.

Но если это и так, говорят на это, то прекратиться войны могут только тогда, когда все люди или большинство их откажется от участия в них. Отказ же одного человека, будет ли он царь или солдат, только напрасно, без всякой пользы для кого бы то ни было погубит его жизнь. Откажись теперь русский царь от войны, его свергли бы с престола, может быть, убили бы, чтобы избавиться от него; откажись от военной службы обыкновенный человек, его отдадут в дисциплинарный батальон, а может быть, и расстреляют. Для чего же без всякой пользы губить свою жизнь, могущую быть полезной обществу?— говорят обыкновенно люди, не думавшие о значении всей своей жизни и потому не понимающие его.

Но не то чувствует и говорит человек, понимающий назначение своей жизни, то есть человек религиозный. Такой человек руководится в своей деятельности не предполагаемыми последствиями своих поступков, а сознанием своего назначения в жизни. Фабричный рабочий идет на фабрику и делает на ней предписанное ему дело без соображения о том, какие будут последствия его работ. Так же поступает солдат, исполняя волю начальства. То же делает религиозный человек, делая то дело, которое предписано ему Богом, не рассуждая о том, что именно выйдет из его работы. И потому для религиозного человека нет вопроса о том, много или мало людей поступают так же, как он, и что с ним может случиться, если он сделает то, что должно. Он знает, что кроме жизни и смерти ничего не будет, а что жизнь и смерть в руках Бога, которому он повинется.

Религиозный человек поступает так, а не иначе, не потому, что он хочет поступить так, или потому, что это выгодно ему или другим людям, а потому, что он, веруя в то, что жизнь его в воле Бога, не может поступить иначе.

В этом особенность деятельности религиозных людей.

И потому-то и спасение людей от тех бед, которые они причиняют сами себе, произойдет только в той мере, в которой они будут руководиться в своей жизни не выгодой, не рассуждениями, а религиозным сознанием.

Х.

«...Божьи люди это та таинственная соль, которая сохраняет мир, так как вещи мира сохраняются только постольку, поскольку божественная соль не теряет своей силы. «Потому что если соль потеряет свою силу, чем посолят ее? Она не может олужить ни для земли, ни для навова, но ее выбросят вон. Кто имеет уши слышать, да слышит». Что касается нас, то мы преследуемы, когда Бог дает искустителю власть нас преследовать, но когда Он не хочет нас подвергать страданиям, мы пользуемся чудесным спокойствием даже среди этого мира, который нас ненавидит, и мы полагаемся на покровительство Того, Кто сказал: «имейте доверие, я победил мир».

Цельзий говорит еще, что «невозможно, чтобы все жители Азии, Европы и Ливии, как греки, так и варвары, согласились бы следовать одному и тому же закону. Думать так, — говорит он, — значит ничего не понимать». Мы же скажем, что это не только возможно, но что придет день, когда все разумные существа соединятся под одним законом. Потому что Слово или Разум покорит себе все разумные существа и преобразит их в свое собственное совершенство.

Есть болезни и раны телесные, которые не может исцелить никакое врачевание; но не то о недугах души: нет такого зла, излечение которого не было бы возможно для высшего Разума, который и есть Бог».

Ориген против Цельзия.

«Я сознаю в себе силу, которая современным преобразит мир. Она не толкает и не давит, но я чувствую, как она понемногу и неудержимо влечет меня.

И я вижу, что меня что-то притягивает так же, как я бессознательно притягиваю других.

Я увлекаю их, и они увлекают меня, и мы сознаем стремление к новому соединению. Стань в прикосновение с центральным магнитом, и ты сам станешь магнитом; и чем больше мы все сознаем свое назначение и свои силы, тем очевиднее образовывается новый мир. Мы становимся законодателями божественного закона, получая его от самого Бога, и человеческие законы вянут и ссыхаются перед нами.

И я спросил ту силу, которая была во мне: кто ты?

И она отвечала: я — Любовь, владыка неба, и хочу быть Любовью — владыкой земли.

Я — могущественнейшая из всех сил небесных, и я пришла, чтобы образовать государство будущего».

Кросби.

«Можно с полным основанием сказать, что пришло к нам Царство Божие уже тогда, когда где-нибудь открыто укоренился принцип постепенного перехода церковной веры во всеобщую разумную религию, хотя бы полное осуществление этого царства было бы от нас бесконечно удалено, потому что в этом принципе, как в развивающемся и потом равножающемся вародыше, содержится уже всё то, что должно просветить мир и овладеть им.

В жизни мира тысячи лет, как один день. Мы должны терпеливо работать над этим осуществлением и ждать его».

Кант.

«Когда я говорю тебе о Боге, то ты не думай, что я говорю тебе о каком-нибудь предмете, сделанном из золота или серебра. Тот Бог, о котором я тебе говорю, то ты его чувствуешь в своей душе. Ты носишь его в самом себе и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь его образ в своей душе. Перед идолом золотым, которого ты почитаешь за Бога, ты сстерегаешься делать что-либо непристойное, а перед лицом того Бога, который в тебе самом всё видит и слышит, ты даже не краснеешь, когда предаешься своим гнусным мыслям и поступкам».

10

«Если бы только мы постоянно помнили, что Бог в нас свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы перестали бы грешить, и Бог бы неотлучно пребывал в нас. Давайте же вспоминать Бога, думать и беседовать о нем как можно чаще».

Эпиктет.

Но как же быть с врагами, которые нападают на нас?

«Любите врагов ваших, и не будет у вас врага»; сказано в «Учении Двенадцати Апостолов». И ответ этот — не одни слова, как это может казаться людям, привыкшим думать, что предписание любви к врагам есть нечто иносказательное и означает не то, что сказано, а что-то другое. Ответ этот есть указание очень ясной и определенной деятельности и ее последствий.

Любить врагов, японцев, китайцев, тех желтых людей, к которым заблудшие люди теперь стараются возбудить в нас ненависть, любить их — значит не убивать их для того, чтобы иметь право отравлять их опиумом, как делали это англичане, не убивать их для того, чтобы отнимать у них земли, как делали это французы, русские, немцы, не закапывать их живыми в землю в наказание за повреждение дороги, не связывать косами и не топить в Амуре, как делали это русские.

«Ученик не бывает выше учителя... Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его».

Любить желтых людей, которых мы называем врагами, значит не учить их под именем христианства нелепым суеве- риям грехопадения, искупления, воскресения и т. п., не учить их искусству обманывать и убивать людей, а учить их справедливости, бескорыстию, милосердию, любви, и не словами, а примером нашей доброй жизни.

И что же мы делали и делаем с ними?..

Так что если бы мы точно любили врагов, хотя бы теперь начали так любить врагов японцев, у нас не было бы врага.

И потому, как ни странно это может показаться людям, занятым военными планами, приготовлениями, дипломати-

ческими соображениями, административными, финансовыми, экономическими мерами, революционными, социалистическими проповедями и различными ненужными знаниями, которыми они думают избавить человечество от его бедствий, — избавление людей не только от бедствий войн, но и от всех тех бедствий, которые сами себе причиняют люди, сделается не теми императорами, королями, которые будут учреждать союзы мира, не теми людьми, которые свергнут императоров, королей, или ограничат их конституциями или заменят монархии республиками, не конференциями мира, не осуществлением социалистических проектов, не победами и поражениями на суше и на море, не библиотеками, университетами, не теми праздными умственными упражнениями, которые теперь называются наукой, а только тем, что будет всё больше и больше тех простых людей, которые, как духоборы, Дрожжины, Ольховики в России, назарены в Австрии, Гутодье во Франции, Тервей в Голландии и другие, поставив себе целью не внешние изменения жизни, а наилучшее исполнение в себе воли Того, кто послал их в жизнь, на это исполнение направят все свои силы. Только эти люди, осуществляя царствие Божие в себе, в своей душе, установят, не стремясь непосредственно к этой цели, то внешнее царство Божие, которого желает всякая душа человеческая.

Спасение произойдет только одним этим, а не каким-либо другим путем. И потому то, что делается теперь, как теми, которые, управляя людьми, внушают им религиозные и патриотические суеверия, возбуждая их к исключительности, ненависти и человекоубийству, или теми, которые, для избавления людей от порабощения и угнетения, призывают их к насильственным, внешним переворотам или думают, что приобретение людьми очень многих, случайных, большей частью ненужных знаний само собою приведет их к доброй жизни, — всё это, отвлекая людей от того, что им одно нужно, только отдаляет их от возможности спасения.

Зло, от которого страдают люди христианского мира, — в том, что они временно лишились религии.

Одни люди, убедившись в несответствии существующей религии и степени умственного и научного развития человечества нашего времени, решили, что религии вообще совсем не нужно никакой, живут без религии и проповедуют бесполез-

ность всякой, какой бы то ни было религии; другие же, держась той извращенной формы христианской религии, в которой она проповедует теперь, точно так же живут без религии, исповедуя пустые, внешние формы, не могущие служить руководством жизни людей.

А между тем религия, отвечающая требованиям нашего времени, есть и известна всем людям и в открытом состоянии живет в сердцах людей христианского мира. И потому, для того чтобы религия эта стала явной и обязательной для всех людей, нужно только то, чтобы ученые люди, руководители 10 масс, поняли, что религия нужна людям, что без религии не могут жить люди доброй жизнью и что то, что они называют наукой, не может заменить религии; люди же, власть имеющие и поддерживающие старую, пустую форму религии, поняли бы, что то, что они поддерживают и проповедают под видом религии, есть не только не религия, но главное препятствие к тому, чтобы люди усвоили ту истинную религию, которую они уже знают и которая одна может спасти их от их бедствий.

Так что единственно верное средство спасения людей состоит только в том, чтобы перестать делать то, что мешает 20 людям усвоить истинную религию, которая живет в сознании людей.

XI.

«Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки прорекают ложь, и священники господствуют посредством их, и народу моему нравится это. Но что станете делать в будущем?»

Иеремия V, 30, 31.

«Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их».

Иоан. XII, 40.

«Самое прекрасное оружие есть неблагословенное оружие. И потому разумный человек не полагается на него. Он больше всего дорожит спокойствием. Он побеждает, но не радуется. Радоваться победе — значит радоваться убийству людей; тот, кто радуется убийству людей, не может достигнуть цели».

Лао-Тзе.

«Если бы путешественник увидал на каком-нибудь отдаленном острове людей, дома которых были бы обставлены 40 варяженными орудиями и вокруг этих домов ходили бы днем

и ночью часовые, он не мог бы не подумать, что на острове живут одни разбойники. Разве не то же с европейскими государствами?

Как же мало влияния имеет на людей религия, или каковы мы еще далеки от истинной религии!»

Литтенберг.

Я кончал эту статью, когда пришло известие о гибели шестисот невинных жизней против Порт-Артура. Казалось бы, бесполезные страдания и смерть этих несчастных, обманутых, ни за что погибших ужасной смертью людей должны бы образумить тех, которые были причиной этой гибели. Я не говорю о Макарове и других офицерах — все эти люди знали, что и зачем они делают, и добровольно, из-за выгод, из-за честолюбия, прикрываясь очевидной, но не обличаемой только потому, что она всеобщая, ложью патриотизма, делали то, что делали; я говорю о тех несчастных, собранных со всей России людях, которых с помощью религиозного обмана и под страхом наказания, оторвав от их честной, разумной, полезной, трудовой, семейной жизни, загнали на другой конец света, посадили на жестокую и нелепую машину убийства и, разорвав в клочки, потопили вместе с этой глупой машиной в далеком море, без всякой нужды и какой бы то ни было возможности пользы от всех тех лишений, усилий, страданий и смерти, которая их постигла.

В 1830 году, во время польской войны, посланный от Хлопицкого в Петербург адъютант Вылежинский в разговоре с Дибичем, шедшем на французском языке, на поставленное Дибичем условие, чтобы русские войска вступили в Польшу, Вылежинский сказал:

— Monsieur le Maréchal, je crois que de cette manière il est de toute impossibilité que la nation polonaise accepte ce manifeste...

— Croyez-moi, l'Empereur ne fera pas de concessions.

— Je prévois donc qu'il y aura guerre malheureusement, qu'il y aura bien du sang répandu, bien de malheureuses victimes.

— Ne croyez pas cela, tout au plus dix mille hommes qui périront des deux côtés et voilà tout. ¹ «Tis mille hommes et

¹ [— Господинъ маршалъ, я думаю, что при этихъ условіяхъ совершенно невозможно, чтобы польскій народъ согласился принять этотъ манифестъ.

⁴⁰ — Повѣрьте, императоръ не сдѣластъ уступокъ.

foilà dout» — сказал своим немецким акцентом Дибич, вполне уверенный, что он, вместе с другим, столь же жестоким и чуждым, как и он, русской и польской жизни человеком, Николаем Павловичем, имеет полное право приговорить или не приговорить к смерти десятки, сотни тысяч русских и польских людей.

Не верится тому, что это могло быть, так это нелепо и ужасно, а между тем это было: 60 тысяч жизней кормильцев семей погибло по их воле. И теперь происходит то же самое.

Для того чтобы не пустить Японцев в Манчжурию и выбить их из Кореи, понадобится по всем вероятностям не 10, а 50 и более тысяч. Не знаю, говорят ли словами Николай II и Куропаткин, как Дибич, что для этого нужно *не более 50 тысяч жизней с одной русской стороны и только*, но они это думают, не могут не думать, потому что дело, которое они делают, говорит за себя: тот не переставший поток везомых теперь тысячами на Дальний Восток несчастных, обманутых русских крестьян, — это те самые *не более 50 тысяч* живых русских людей, которых Николай Романов и Алексей Куропаткин решили убить и будут убивать ради поддержания тех глупостей, грабительств и всяких гадостей, которые делали в Китае и Корею безнравственные, тщеславные люди, сидящие теперь спокойно в своих дворцах и ожидающие новой славы и новых выгод и барышей от убийства этих 50 000 ни в чем не виноватых, ничего не приобретающих своими страданиями и смертями, несчастных, обманутых русских рабочих людей. Из-за чужой земли, на которую русские не имеют никакого права, которая грабительски захвачена у законных владельцев и которая в действительности и не нужна русским, да еще из-за каких-то темных дел аферистов, хотевших в Корею наживать деньги на чужих лесах, тратятся огромные миллионы денег, то есть большая часть трудов всего русского народа, закабаляются в долги будущие

— Тогда я предвижу, что, кь несчастью, будеть война, много будеть пролитю крови, много несчастныхъ жертвъ.

— Напрасно вы думаете такъ, самое большое погибнетъ съ обѣихъ сторонъ 10 000 человекъ, только всего].

Вылежинскій прибавляетъ отъ себя: «Фельдмаршалъ не думалъ тогда, что болѣе 60 000 только русскихъ погибнетъ въ этой войнѣ, не столько отъ непріятельскаго огня, сколько отъ болѣзней, и что онъ самъ будеть въ томъ числѣ.

поколения этого народа, отнимаются от труда его лучшие работники и безжалостно обрекаются на смерть десятки тысяч его сынов. И погубель этих несчастных уж начинается. Мало того, война ведется теми, которые затеяли ее, так дурно, небрежно: всё так не предвидено, не приготовлено, что, как и говорит одна газета, главный шанс успеха России в том, что у нее неистощимый человеческий материал. На это и рассчитывают те, которые посылают на смерть десятки тысяч русских людей.

10 Прямо говорится: прискорбные неудачи нашего флота должны быть возмещены на суше. По-русски это значит то, что если начальство дурно распоряжалось на море и погубило своей небрежностью не только народные миллионы, но тысячи жизней, то мы наверстаем это тем, что приговорим к смерти на суше еще несколько десятков тысяч.

Пешая саранча переходит реки так, что нижние слои тонут до тех пор, пока из потонувших образуется мост, по которому пройдут верхние. Так распоряжаются теперь и с русским народом.

20 И вот первый нижний слой уж начинает топиться, показывая путь другим тысячам, которые все так же погибнут.

И что же, начинают понимать свой грех, свое преступление зачинщики, распорядители и возбудители этого ужасного дела? Нисколько. Они вполне уверены, что исполняли и исполняют свою обязанность, и гордятся своей деятельностью.

Толкуют о потере храброго Макарова, который, как все согласны, мог очень искусно убивать людей, сожалеют о потонувшей хорошей машине убийства, стоявшей столько-то миллионов рублей, рассуждают о том, какого найти другого, 30 столь же искусного, как бедный, заблудший Макаров, убийцу, придумывают новые, еще более действительные орудия убийства, и все виновники этого страшного дела, от царя до последнего журналиста, все в один голос вызывают к новым безумствам, жестокостям, к усилению зверства и человеконенавистничества.

«Макаров не один в России, и каждый поставленный на его место адмирал пойдет по его следам и будет продолжать план и мысль честно в бою погибшего Макарова», пишет «Новое время».

40 «Будем тепло молиться Богу о положивших души свои за святую родину, ни минуты не сомневаясь в том, что она же,

родина наша, даст нам новых, столь же доблестных сынов для дальнейшей борьбы и найдет в них неисчерпаемый запас сил для достойного окончания дела», пишут «Петербургские ведомости».

«Зрелая нация не сделает другого вывода из поражения, хотя бы и неслыханного для нее, как тот, что надо продолжать, развить и закончить борьбу. Найдем же в себе новые силы; явятся новые витязи духа», пишет «Русь». И т. п.

И с еще большим остервенением продолжают убийства и всякого рода преступления. Восторгаются воинственным духом охотников, которые, застав врасплох 50 своих ближних, перерезали их всех, или заняли селение и перерезали всё население, или повесили, расстреляли обвиняемых в шпионстве, т. е. в том самом деле, которое считается необходимым и не переставая делается с нашей стороны. И о таких злодеяниях доносится торжественными телеграммами главному распорядителю их, царю, который посылает своим доблестным войскам благословение на продолжение таких дел.

Разве не ясно, что если есть спасение из этого положения, то только одно: то, которое проповедует Христос.

Ищите Царствия Божия и правды Его (того, которое внутри вас) и *остальное*, то есть всё то практическое благо, к которому может стремиться человек, само собою осуществится.

Таков закон жизни: практическое благо достигается не тогда, когда человек стремится к этому практическому благу — такое стремление, напротив, большей частью отдаляет человека от достижения того, чего он ищет, — а только тогда, когда человек, не думая о достижении практического блага, стремится к наисовершенному исполнению того, что он перед Богом, перед Началом и Законом своей жизни считает должным. Только тогда, попутно, достигается и практическое благо.

Так что истинное спасение людей одно: исполнение воли Бога каждым отдельным человеком в себе, т. е. в той части мира, которая одна подлежит его власти. В этом главное, единственное назначение каждого отдельного человека, и это вместе с тем единственное средство воздействия на других каждого отдельного человека; и потому на это, и только на это, должны быть направлены все усилия каждого человека.

ХII.

Только что отослал последние листы статьи о войне, как пришло ужасное известие о новом злодеянии, совершенном над русским народом теми легкомысленными, опалевшими от власти людьми, которые присвоили себе право распоряжаться им. Опять наряженные в разные пестрые наряды, раболепные и грубые рабы рабов, разных сортов генералы, из-за желанья отличиться или насолить один другому, или заслужить право присоединить к своим дурацким пестрым нарядам еще звез-
10 дочку, побрягушку или ленточку, или по глупости, или по неряшеству, — опять эти ничтожные, жалкие люди погубили в страшных страданиях несколько тысяч тех почтенных, добрых, трудолюбивых рабочих людей, которые кормят их. И опять это злодеяние не только не заставляет задуматься или покаяться виновников этого дела, но и слышишь и читаешь только о том, как бы поскорее еще искалечить и убить побольше людей и еще больше разорить семей и русских и японских.

Мало того: чтобы приготовить людей к новым таким же злодеяниям, виновники этих преступлений не только не признают
20 того, что всем очевидно, что для русских это было даже с их патриотической, военной точки зрения постыдным поражением, но стараются внушить легковерным людям, что эти, как скотина на бойню, заведенные в баладню несчастные русские рабочие люди, которых перебили и искалечили несколько тысяч только потому, что один генерал не понял того, что сказал другой генерал, — совершили геройский подвиг тем, что те из них, которые не могли убежать, были убиты, а те, которые убежали, остались живы. То же, что один из этих ужасных, безнравственных, жестоких людей, величаемых генералами и адмиралами,
30 потопил множество мирных японцев, расписывается также как великий, доблестный подвиг, долженствующий радовать русских людей. И во всех газетах перепечатывается ужасное воззвание к убийству:

«Пусть две тысячи убитых на Ялу русских солдат вместе с искалеченными «Ретвизаном» и его собратьями, с нашими погибшими миноносцами научат наши крейсера, с какими разгромами им надо обрушиться на берега низкой Японии. Она послала своих солдат проливать русскую кровь, и не должно быть ей пощады; теперь вельвя, теперь грешно сентименталь-

ничать, надо воевать, надо наносить такие тяжелые удары; чтобы воспоминание о них веяло холодом на коварные сердца японцев. Теперь-то и время крейсерам выйти в море, чтобы испепелить города Японии, чтобы пронестись ужасным несчастьем вдоль ее красивых берегов.

Довольно сентиментальничать».

И начатое ужасное дело продолжается. Продолжаются грабежи, насилия, убийство, лицемерие, воровство и, главное, ужаснейшая ложь: извращение религиозных учений, как христианского, так и буддийского.

19

Царь, главное ответственное лицо, продолжает делать парады войскам, благодарить, награждать, поощрять, издает указ о сборе запасных. Верноподданные вновь и вновь повергают к стопам называемого ими обожаемым монарха свои имущества и жизни, но на словах только. Сами же, желая отличиться друг перед другом на деле, а не на словах, отрывают отцов, кормильцев от осиротевших семейств, приготовливая их к отправке на бойню. Газетчики, чем хуже положение русских, тем бессовестнее лгут, переделывая постыдные поражения в победы, зная, что никто их не опровергнет, и спокойно собирают деньги за подписку и продажу. Чем больше идет на войну денег и трудов народа, тем больше грабят всякие начальники и аферисты, зная, что никто их не обличит, потому что все грабят. Военные, воспитанные для убийства, прошедшие десятки лет в школе бесчеловечности, грубости и праздности, радуются, несчастные, тому, что, кроме прибавки содержания, убитые открывают вакансию для их повышения. Христианские пастыри продолжают призывать людей к величайшему преступлению, продолжают кощунствовать, прося у Бога помощи делу войны, и не только не осуждают, но оправдывают и восхваляют того из таких пастырей, который с крестом в руках поощрял людей к убийству на самом месте преступления. И то же происходит в Японии. Еще с большим рвением, вследствие своих побед, набрасываются на убийство подражающие всему скверному в Европе, заблудшие японцы. Так же делает парады, награждает Микадо. Так же храбрятся разные генералы, воображая себе, что они, научившись убивать, научились просвещению. Так же стонет несчастный рабочий народ, отрываемый от полезного труда и семей. Так же лгут и радуются подписке газетчики, и так же, вероятно (так как там, где убийство

20

21

22

возведено в доблесть, должны процветать всякие пороки), так же, вероятно, наживают деньги всякие начальники и аферисты, и японские богословы и религиозные учителя, не отстающие, как их военные в технике вооружения, и в технике религиозного обмана и кощунства от европейцев, извращают великое буддийское учение, не только допуская, но оправдывая запрещенное Буддой убийство.

Буддийский ученый, начальствующий над 800 монастырями, Соён Шаку объясняет, что, хотя Будда и запретил убийство, он сказал, что он не будет спокоен до тех пор, пока все существа не будут соединены в бесконечном, любящем сердце, а потому, чтобы привести находящиеся в беспорядке вещи в порядок, нужно воевать и убивать людей.¹

И как будто никогда не существовало христианского и буддийского учения о единстве человеческого духа, о братстве людей, о любви, сострадании, о неприкосновенности жизни человеческой. Люди, уже просвещенные светом истины, и японцы и русские, как дикие звери, хуже диких зверей, бросаются друг на друга с одним желанием уничтожить как можно

¹ В статье сказано: «Тройной мир принадлежит мне. Все вещи в нем мои дети... Все они только отражения моего Я. Все из одного источника... Все части моего тела. Поэтому я не могу быть покоен до тех пор, пока малейшая часть существующего не будет доведена до своего назначения...»

Таково отношение Будды к миру, и мы, его смиренные последователи, должны идти по его пути.

Почему же мы сражаемся?

Потому что мир не таков, каким должен быть, потому что есть извращенные существа, ложные мысли, дурно направленные сердца, вследствие невежественной субъективности. И потому буддисты никогда не перестанут воевать со всеми произведениями невежества, и война их продолжится до горького конца. (To the bitter end.) Они не помилуют. (They will show no quarter.) Они уничтожат корни, из которых вытекают несчастья жизни.

Чтобы достигнуть этого, они не пощадят своих жизней».

Дальше идут, так же как у нас, путанные рассуждения о самоотвержении и незлобивости, о переселении душ и многое другое, всё только для того, чтобы закрыть ту простую и ясную заповедь Будды о том, чтобы не убивать.

Далее говорится: «Рука, поднятая для удара, и глаз, берущий прицел, не принадлежат личности, а суть орудия, которыми пользуется Начало, стоящее выше преходящей жизни» и т. д. («The Open Court», May, 1904. Buddhist Views of War. The Right Rev. Soyon Shaku).

больше живней. Тысячи несчастных уже стонут и корчатся от жестоких страданий и мучительно умирают в японских и русских лазаретах, с недоумением спрашивая себя, зачем сделали над ними это ужасное дело, и другие тысячи гниют в земле и над землей или плавают по морю, распухая и разлагаясь. И десятки тысяч жен, отцов, матерей, детей оплакивают своих ни за что погубленных кормильцев. Но всего этого мало, и готовятся все новые и новые жертвы. Главная забота начальников убийства в том, чтобы с русской стороны поток пушечного мяса — трех тысяч человек в день, обреченных на погибель, ни на минуту не прерывался. И о том же озабочены и японцы. Пешую саранчу не переставая гонят в реку, чтобы задние ряды прошли по тем, которые затонут...

Да когда же это кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: «да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов». Ведь сказать это так естественно теперь, когда у нас в России идет плач и вой сотен тысяч матерей, жен, детей, от которых отбирают их кормильцев, так называемых запасных. Ведь эти самые люди, большинство запасных, знают грамоте: они знают, что такое Дальний Восток; знают, что война идет не из какого-нибудь сколько-нибудь нужного русским людям дела, а за какую-то чужую, *арендовую*, как они говорят, землю, в которой выгодно было строить дорогу и делать свои дела каким-то гадким аферистам; знают или могут знать и то, что их будут бить, как овец на бойне, потому что у японцев последние усовершенствованные орудия убийства, а у нас нет их, так как русское начальство, которое посылает их на смерть, не догадалось вовремя завести таких же орудий, как у японцев. Ведь так естественно, зная всё это, сказать: «да идите вы, те, кто затеял это дело, все вы, кому нужна война и кто оправдывает ее, идите вы под японские пули и мины, а мы не пойдем, потому что нам не только не нужно этого, но мы не можем понять, зачем это кому-нибудь может быть нужно».

Но нет, они не говорят этого, идут и будут идти, не могут не идти до тех пор, пока будут бояться того, что губит тело, а не того, что губит тело и душу.

«Убьют ли, искалечат ли в этих каких-то Юнампо, куда тонят нас, — рассуждают они, — еще неизвестно, может быть и целы выйдем, да еще с наградами и торжеством, как те моряки, которых так чествуют теперь по всей России за то, что бомбы и пули японцев попали не в них, а в других; а отказаться, наверное посадят в тюрьму, будут морить голодом, сечь, сошлют в Якутскую область, а то и убьют сейчас же». И с отчаянием в сердце, оставляя добрую, разумную жизнь, жен, детей, они идут.

40 Вчера я встретил провожаемого матерью и женой запасного. Они втроем ехали на телеге. Он был немного выпивши, лицо жены распухло от слез. Он обратился ко мне:

— Прощай, Лев Николаевич, на Дальний Восток.

— Что же, воевать будешь?

— Надо же кому-нибудь драться.

— Никому не надо драться.

Он задумался.

— Как же быть-то? *Куда же денешься?*

Я видел, что он понял меня, понял, что то дело, на которое 30 посылают его, дурное дело.

«*Куда же денешься?*» Вот точное выражение того душевного состояния, которое в официальном и газетном мире переводится словами: «За веру, царя и отечество». Те, которые, бросая голодные семьи, идут на страдания и смерть, говорят то, что чувствуют: «*Куда же денешься?*» Те же, которые сидят в безопасности в своих роскошных дворцах, говорят, что все русские готовы пожертвовать жизнью за обожаемого монарха, за славу и величие России.

Вчера я получил от знакомого мне крестьянина одно за дру- 30 гим два письма.

Вот первое:

«Дорогой Лев Николаевич.

— Ну вот, сегодня я получил явочную карту о призыве на службу, завтра должен явиться на сборный пункт. Вот и всё, а там дальше на Дальний Восток под японские пули.

«Про мое и горе моей семьи я вам не говорю, вам ли не понять всего ужаса моего положения и ужасов войны. Всем этим вы давно уже переболели и всё понимаете. А как мне всё хотелось у вас побывать, с вами поговорить. Я было написал вам большое 40 письмо, в котором изложил муки моей души, но не успел пере-

писать, как получил явочную карту. Что делать теперь моей жене с четырьмя детьми? Как старый человек, вы, разумеется, не можете интересоваться судьбой моей семьи, но вы можете попросить кого-либо из ваших друзей, ради прогулки, навестить мою осиротелую семью. Я вас прошу душевно, что если моя жена не выдержит муки своего сиротства с кучей ребят и решится пойти к вам за помощью и советом — вы примите ее и утешьте: она хоть вас и не знает лично, но верит в ваше слово, а это много значит.

«Противиться призыву я не мог, но я наперед говорю, что 14
через меня ни одна японская семья сиротой не останется. Господи, как всё это ужасно, как тяжело и больно бросать всё, чем живешь и интересуешься».

Второе письмо такое:

«Милый Лев Николаевич,

Вот, миновал только день действительной службы, а я уже пережил вечность самой отчаянной муки. С 8 часов утра до 9 часов вечера нас толкли и канителили на казарменном дворе, как стадо животных. Три раза повторялась комедия телесного 20
смотра, и все, заявлявшие себя больными, не получили к себе и по 10 минут внимания и были отмечены: «годен». Когда нас, этих годных, 2000 человек, погнали от воинского начальника в казармы, по улице чуть ли не в версту длиной стояла толпа — тысячи родственников, матерей, жен с детьми на руках, и если бы вы слышали и видели, как они цеплялись за своих отцов, мужей, сыновей, и, тащась на их шеях, отчаянно рыдали. Я вообще веду себя сдержанно и владею своими чувствами, но я не выдержал и также плакал...» (На газетном языке это самое выражается так: подъем патриотизма огромный.) «Где 24
та мера, чтобы измерить всё это огульное горе, которое распространится теперь чуть ли ни на одну треть земного шара? А мы, мы теперь пушечное мясо, которое в недалеком будущем не замедлят подставить жертвами богу мщения и ужаса...

«Я никак не могу установить внутреннего равновесия. О, как я ненавижу себя за эту двойственность, которая мешает мне служить одному господину и Богу...»

Человек этот недостаточно еще верит в то, что страшно не то, что погубит тело, а то, что погубит и тело и душу, и потому и не может отказаться; но, покидая семью, вперед обещается, что через него не осиротится ни одна японская семья. Он верит 46

в главный закон Бога, закон всех религий: поступать с другими так, как хочешь чтобы поступали с тобой. И таких людей в наше время, более или менее сознательно признающих этот закон, не в одном христианском, но и в буддийском, магометанском, конфуцианском, браминском мире не тысячи, а миллионы.

Есть истинные герои — не те, которых чувствуют теперь за то, что они, желая убивать других, сами не были убиты, а истинные герои, сидящие теперь по тюрьмам и в Якутской области за то, что они прямо отказались итти в ряды убийц и предпочли мученичество отступлению от закона Христа. Есть и такие, как тот, который пишет мне, которые пойдут, но не будут убивать. Но и то большинство, которое идет, не думая, стараясь не думать о том, что оно делает, в глубине души уже чувствует теперь, что делает дурное дело, повинуюсь властям, отрывающим их от труда и семьи и посылающим их на ненужное, противное их душе и вере смертоубийство; но идут только потому, что они так опутаны со всех сторон, что *«куда же денешься?»*

Те же, которые остаются, не только чувствуют, но знают и выражают это. Вчера я встретил на большой дороге порожнем возвращавшихся из Тулы крестьян. Один из них, идя подле телеги, читал листок.

Я спросил:

— Что это, телеграмма?

Он остановился.

— Это вчерашняя, а есть и нынешняя.

Он достал другую из кармана. Мы остановились. Я читал.

— Что вчера на вокзале было, — начал он, — страсть. Жены, дети, больше тысячи; режут, обступили поездов, не пускают. Чужие плакали, глядучи. Одна тульская женщина ахнула и тут же померла; пять человек детей. Распихали по приютам, а его всё же погнажи... И на что нам эта какая-то Манчжурия? Своей земли много. А что народа побили и денег загубили...

Да, совсем иное отношение людей к войне теперь, чем то, которое было прежде, даже недавно в 77 году. Никогда не было того, что совершается теперь.

Газеты пишут, что при встречах царя, разъезжающего по России гипнотизировать людей, отправляемых на убийство, проявляется неопикуемый восторг в народе. В действительности же проявляется совсем другое. Со всех сторон слышатся рас-

сказы о том, как там повесилось трое призванных запасных, там еще двое, там оставшаяся без мужа женщина принесла детей в воинское присутствие и оставила их там, а другая повесилась во дворе воинского начальника. Все недовольны, мрачны, озлоблены. Слова: «за веру, царя и отечество», гимны и крики «ура» уже не действуют на людей, как прежде: другая, противоположная волна сознания неправды и греха того дела, к которому призываются люди, всё больше и больше захватывает народ.

Да, великая борьба нашего времени не та, которая идет теперь между японцами и русскими, или та, которая может разгореться между белой и желтой расами, не та борьба, которая ведется минами, бомбами, пулями, а та духовная борьба, которая не переставая, шла и теперь идет между готовым к проявлению просвещенным сознанием человечества и тем мраком и тяжестью, которые окружают и давят его.

Христос, тогда еще, в свое время томился ожиданием и говорил: «Огонь пришел низвесть я на землю, и как желал бы, чтобы он возгорелся». (Лука XII, 49.)

Чего желал Христос, совершается. Огонь возгорается. Не будем же противиться, а будем служить ему.

30 Апреля 1904 г.

Я никогда бы не кончил своей статьи о войне, если бы продолжал включать в нее всё то, что подтверждает ее главную мысль. Вчера получено известие о затоплении японских броненосцев, и в так называемых высших сферах русского знатного, богатого, интеллигентного общества без всякого зазрения совести радуются гибели тысячи человеческих жизней. Нынче же я получил от рядового матроса, человека, стоящего на самой низшей ступени общества, следующее письмо:

«Писмо отъ матроса (следует имя, отчество и фамилия). Многа уважаемаму Леву Николаевичу кланеюсь и Вамъ низающае Почтение низкае Поклонъ слюбовью многуважаемае Левъ некалаевичъ Вотъ и четаль ваше соченение оно для мене очень была четать Прейтна я очень Любитель Былъ четать ваше соченение такъ Левъ некалаевичъ унасъ теперь Военная дество какъ Припишите Мне пожалуста Угодна оно Богу ил нетъ что нась началства заставляеть убевать Прашу я Васъ левъ некалаевичъ Припишите мена Пожалуста что есть теперя

на свѣти Правда ил неть Припишите мнѣ Левъ некалаевичъ
унасъ уцеркви Идетъ Малитва Священникъ поминаеть Христа-
любимае военства Правда эта или неть что Богъ Узлюбелъ
Воену Працу я васъ левъ некалаевичъ нетли унасъ такихъ
книжекъ чтобъ и увидалъ естъ насвѣти Правда или неть Приш-
лите мне такихъ книжекъ сколка это будетъ стоеть я заплачу
Прашу я васъ левъ некалаевичъ неаствае мое прозби когда
книжакъ неть то пришлите Мне писмо я очень Буду радъ
какъ я Получу ать васъ Писмо Снетерпениемъ буду аждать
10 ать васъ Писма Теперь да сведане остаюсъ живъ издаровъ
итого вамъ желаю ота Госпада Бога добраго здорове вделахъ
вашихъ хорошаго успеха».

Следует адрес: Порт-Артур, название судна, на котором
служит пишущий, звание, имя, отчество, фамилия.

Прямо словами я не могу ответить этому милому, серьезному
и истинно просвещенному человеку. Он в Порт-Артуре, с кото-
рым уже нет сообщения ни письменного, ни телеграфного.
Но у нас с ним всё-таки есть средство общения. Средство это
есть тот Бог, в которого мы оба верим и про которого мы оба
20 знаем, что военное «действие» не угодно Ему. Возникшее в его
душе сомнение есть уже и разрешение его.

И сомнение это возникло и живет теперь в душах тысяч и
тысяч людей, не только русских и не только японских, но и
всех тех несчастных людей, которые насиліем принуждаемы
к исполнению самого противного человеческой природе дела.

Гипноз, которым одуряли и теперь стараются одурять людей,
скоро проходит, и действие его всё слабеет и слабеет; сомнение
же о том, *«угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставля-
ет убивать»*, становится всё сильнее и сильнее, ничем не
30 может быть уничтожаемо и всё более и более распространяется.

Сомнение о том, угодно ли Богу или нет, что нас начальство
заставляет убивать, это искра того огня, который Христос
низвел на землю и который начинает возгораться.

И знать и чувствовать это — великая радость.

8 Мая 1904 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ В. Г. ЧЕРТКОВА «О РЕВО- ЛЮЦИИ».

Владимир Григорьевич,

Прочел вашу статью и, кроме того, что я вполне согласен с высказанным в ней, мне еще вот что хочется сказать о ней.

«Нет более безнадежно глухих, как те, которые не хотят слышать».

Революционеры говорят, что цель их деятельности — разрушение того насильственного строя, который угнетает и развращает людей. Но ведь для того чтобы разрушить этот насильственный строй, нужно прежде всего иметь средства; для этого нужно, чтобы было хоть какое-нибудь вероятие в успехе такого разрушения.

Такого же вероятия нет ни малейшего. Существующие правительства давно уже узнали своих врагов и те опасности, которые им угрожают, и потому давно уже приняли и теперь неусыпно принимают все меры к тому, чтобы сделать невозможным разрушение того строя, на котором они держатся. Мотивы же и средства для этого у правительств самые сильные, какие только могут быть: чувство самосохранения и дисциплинированное войско.

Попытка революции 14-го декабря происходила в самых выгодных условиях случайного междуцарствия и принадлежности к военному сословию большинства членов, и что же? В Петербурге и в Тульчине восстание без малейшего усилия было задавлено покорными правительству войсками, и наступило грубое, глупое, развратившее людей тридцатилетнее царствование Николая. Все же последующие попытки русских недворцовых революций, начиная от походов десятка молодых

мужчин и женщин, намеревавшихся, вооружив русских крестьян тридцатью револьверами, победить миллионную правительственную армию, и до последних шествий рабочих с флагами и криками: «Долой самодержавие!», легко разгоняемых десятками будочников и казаков с нагайками, так же как и те взрывы и убийства семидесятых годов, кончившиеся первым марта, — все эти попытки кончились и не могли не кончиться ничем иным, как только гибелью многих хороших людей и все большим и большим усилением и озверением правительства. То же самое продолжается и теперь. На место Александра II — Александр III, на место Боголепова — Главов, на место Сипягина — Плеве, на место Бобрíkова — Оболенский. Не успел еще дописать этого, как нет уже и Плеве, и на место его готовится еще кто-то, наверное еще вреднее Плеве, потому что после убийства Плеве правительство должно сделаться еще жесточе.

Нельзя не признавать молодечества и самоотвержения людей, как Халтурин, Рысаков, Михайлов и теперь убийц Бобрíkова и Плеве, которые прямо жертвовали своими жизнями для достижения недостижимой цели; так же как и тех, которые с величайшими лишениями, рискуя, свободой и часто жизнью, идут в народ, чтобы бунтовать его, или печатают и развозят революционные брошюрки; но нельзя не видеть того, что деятельность этих людей не могла и не может привести ни к чему иному, как к гибели их самих и к ухудшению общего положения.

Только тем, что в революционной деятельности есть доля вадора, борьбы, прелести риска своей свободой, жизнью, — что всегда привлекает молодежь, — можно объяснить то, что люди умные, нравственные могли и могут предаваться такой явно бесполезной деятельности. Жалко видеть, когда энергия сильных и способных людей тратится на то, чтобы убивать животных, пробегать на велосипедах большие пространства, скакать через канавы, бороться и тому подобное; и еще более жалко, когда эта энергия тратится на то, чтобы тревожить людей, вовлекать их в опасную деятельность, разрушающую их жизнь, или, еще хуже, — делать динамит, взрывать или просто убивать какое-нибудь почитаемое вредным правительственное лицо, на место которого готовы тысячи еще более вредных.

Более же всего жалко то, когда видишь, что лучшие, высоко-
нравственные, самоотверженные, добрые люди, каковы были
Перовская, Осинский, Лизогуб и многие другие (я говорю
только про умерших), увлеченные задором борьбы, доведены
не только до траты своих лучших сил на достижение недости-
жимого, но и до допущения противного всей их природе пре-
ступления — убийства, до содействия ему, участия в нем.

Революционеры говорят, что цель их деятельности — сво-
бода людей. Но для того чтобы служить свободе, надо ясно
определить то, что понимается под словом свобода. 16

Под свободой революционеры понимают то же, что под этим
словомразумеют и те правительства, с которыми они борются,
а именно: огражденное законом (закон же утверждается наси-
нием) *право каждого делать то, что не нарушает свободу дру-*
гих. Но так как поступки, нарушающие свободу других, опре-
деляются различно, соответственно тому, что люди считают
неотъемлемым правом каждого человека, то свобода в этом
определении есть не что иное, как разрешение делать всё то,
что не запрещено законом; или, строго и точно выражаясь,
свобода, по этому определению, есть одинаковое для всех, 20
под страхом наказания, запрещение совершения поступков,
нарушающих то, что признано правом людей. И потому то,
что по этому определению считается свободой, есть в большей
мере случаев нарушение свободы людей.

Так, например, в нашем обществе признается право прави-
тельства распоряжаться трудом (подати), даже личностью
(военная повинность) своих граждан; признается за некоторыми
людьми право исключительного владения землей; а между тем
очевидно, что эти права, ограждая свободу одних людей, не
только не дают свободу другим людям, но самым очевидным 30
образом нарушают ее, лишая большинство людей права рас-
поряжаться произведениями своего труда и даже своей лич-
ностью. Так что определение свободы правом делать всё то,
что не нарушает свободу других, или всё то, что не запрещено
законом, очевидно не соответствует понятию, которое приписы-
вается слову «свобода».

Оно и не может быть иначе, потому что, при таком определе-
нии понятию свободы приписывается свойство чего-то поло-
жительного, тогда как свобода есть понятие отрицательное.
Свобода есть отсутствие стеснения. Свободен человек только 40

тогда, когда никто не воспрещает ему известные поступки под угрозой насилия. И потому в обществе, в котором так или иначе определены права людей и требуются и запрещаются под страхом наказания известные поступки, люди не могут быть свободными. Истинно свободны могут быть люди только тогда, когда они все одинаково убеждены в бесполезности, незаконности насилия и подчиняются установленным правилам не вследствие насилия или угрозы его, а вследствие разумного убеждения.

10 «Но такого общества нет, и потому нигде не может быть истинной свободы», скажут мне. Правда, что нет такого общества, в котором не признавалась бы необходимость насилия. Но есть различные степени признания этой необходимости насилия. Вся история человечества есть всё большая и большая замена насилия разумным убеждением. Чем яснее сознается в обществе неразумность насилия, тем более приближается общество к истинной свободе.

Ведь это так просто и должно бы было быть всем так ясно, если бы не было столько давно установившейся среди людей
20 инерции насилия и умышленной, для поддержания этого выгодного властвующим людям насилия, путаницы понятий. Людям, как разумным существам, свойственно воздействовать друг на друга разумным убеждением на основании общих для всех законов разума. Такое добровольное подчинение всех законам разума и поступание каждого с другими, как он хочет, чтобы поступали с ним, — свойственно разумной, общей всем, природе человека. Такое отношение людей друг к другу, осуществляя высшую справедливость, проповедуется всеми религиями, и к такому состоянию не переставая приближалось
30 и приближается человечество.

И потому очевидно, что достигается всё большая и большая свобода людей никак не внесением новых форм насилия, как делают это революционеры, пытаясь новым насилием уничтожить прежнее, а только распространением между людьми сознания незаконности, преступности насилия, возможности замены его разумным убеждением и всё меньшим и меньшим каждым отдельным человеком применением насилия и пользво-
ванием им.

Для распространения же этого сознания и воздержания от
40 насилия у всякого человека есть всегда доступное ему и могу-

ществнейшее средство: уяснение этого сознания в самом себе, то есть в той части мира, которая одна подчиняется его мыслям и, вследствие такого сознания, устранение себя от всякого участия в насилии и ведение такой жизни, при которой насилие становится ненужным.

Думай серьезно, пойми и определи смысл своей жизни и свое назначение, — религия укажет тебе его, — старайся, насколько возможно, осуществить жизнью то, что ты считаешь своим человеческим назначением. Не участвуй в том зле, которое ты сознаешь и осуждаешь; живи так, чтобы тебе не нужно было насилие, — и ты будешь самым действительным средством содействовать распространению сознания преступности, ненужности насилия и, поступая так, будешь самым верным путем достигать той цели освобождения людей, которую ставят себе искренние революционеры.

«Но мне не позволяют говорить то, что я думаю, и жить так, как я считаю нужным».

Никто не может заставить тебя говорить то, что ты не считаешь нужным, и жить так, как ты не хочешь. Все же усилия тех, которые будут насилловать тебя, только послужат усилению воздействия твоих слов и поступков.

Но не будет ли такой отказ от внешней деятельности признаком слабости, трусости, эгоизма? Не будет ли такое отстранение себя от борьбы содействовать усилению зла?

Такое мнение существует и распространяется революционными руководителями. Но мнение это не только несправедливо, оно недобросовестно. Пусть только каждый человек, желающий служить общему благу людей, попробует жить, не прибегая ни в каком случае к ограждению своей личности или своей собственности насилием, пусть попробует не подчиняться требованиям лицемерного почитания религиозных и государственных суеверий, пусть ни в каком случае не участвует ни в суде, ни в администрации, ни в какой-либо другой службе государственному насилию, пусть не пользуется в каком-либо виде деньгами, насильно собираемыми с народа, пусть, главное, не участвует в военной службе, — корне всех насилий, — и человек этот на опыте узнает, как много нужно истинного мужества и самопожертвования для такой деятельности.

Один отказ от податей или воинской повинности на основании того закона религиозного и нравственного, которого не

могут не признавать правительства, один такой твердый и явный отказ подтачивает те основы, на которых держатся существующие правительства, в тысячу раз сильнее и вернее, чем самые продолжительные стачки, чем миллионы распространенных социалистических брошюр, чем самые успешно организованные бунты или самые отчаянные политические убийства. И правительства знают это: они по чувству самосохранения верно знают, где и в чем их главная опасность. Они не боятся попыток насилия, потому что в их руках непобедимая сила; но против разумного убеждения, подтвержденного примером жизни, они знают, что бессильны.

Духовная деятельность есть величайшая, могущественнейшая сила. Она движет миром. Но для того чтобы она была движущей миром силой, нужно, чтобы люди верили в ее могущество и пользовались ею одною, не примешивая к ней уничтожающие ее силу внешние приемы насилия, — понимали бы, что разрушаются все самые кажущиеся непоколебимыми оплоты насилия не тайными заговорами, не парламентскими спорами или газетными полемиками, а тем менее бунтами и убийствами, а только уяснением каждым человеком для самого себя смысла и назначения своей жизни и твердым, без компромиссов, бесстрашным исполнением во всех условиях жизни требований высшего, внутреннего закона жизни.

Я очень желал бы, чтобы статья ваша приобрела побольше читателей, в особенности среди молодежи, с тем чтобы молодые люди, у которых нет связывающего их прошедшего и которые искренно хотят служить благу людей, поняли бы, что привлекающая их революционная деятельность не только не достигает той цели, к которой они стремятся, но, напротив, отвлекающая их лучшие силы от того направления, в котором они действительно могут служить Богу и людям, производит большей частью обратное действие; поняли бы, что цель эта достигается только ясным сознанием каждым отдельным человеком своего человеческого назначения и достоинства и, вследствие этого твердой религиозно-нравственной жизнью, не допускающей ни в словах, ни на деле никаких сделок с тем злом насилия, которое осуждаешь и желаешь уничтожить.

Если бы хоть сотая доля той энергии, которая тратится теперь революционерами на достижение внешних недостижимых целей, тратилась бы на такую внутреннюю духовную работу, давно

уже, как снег на летнем солнце, растаяло бы то зло, с которым так боролись и тщетно борются теперь революционеры.

Вот те мысли, которые вызвала во мне ваша статья.

Если найдете нужным, напечатайте это письмо в виде предисловия.

Ясная Поляна.

22 Июля 1904 г.

Лев Толстой.

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ.

Два месяца тому назад я получил телеграмму с оплаченным на сто слов ответом от Северо-Американской газеты, спрашивающей меня о том, что я думаю *о значении, цели и вероятных последствиях земской агитации*. Так как я имел и имею очень определенное и несогласное с мнением большинства мнение об этом предмете, я счел нужным его высказать.

Я ответил так:

«Цель агитации земства — ограничение деспотизма и установление представительного правительства. Достигнут ли вожаки агитации своих целей или будут только продолжать волновать общество, — в обоих случаях верный результат всего этого дела будет отсрочка истинного социального улучшения, так как истинное социальное улучшение достигается только религиозно нравственным совершенствованием отдельных личностей. Политическая же агитация, ставя перед отдельными личностями губительную иллюзию социального улучшения посредством изменения внешних форм, обыкновенно останавливает истинный прогресс, что можно заметить во всех конституционных государствах, Франции, Англии и Америке».

Содержание этой телеграммы не вполне точно было напечатано в «Московских ведомостях», и вслед за этим я стал получать и получаю до сих пор письма с упреками за выраженную мною мысль и кроме того запросы от американских, английских и французских газет о том, что я думаю о совершающихся теперь в России событиях. Я хотел было не отвечать ни на те, ни на другие, но после Петербургского злодеяния и тех сложных чувств негодования, страха, озлобления и ненависти, которые это злодеяние вызвало в обществе, я счел своей обязанно-

стью высказать с большей подробностью и определенностью то же, что вкратце было высказано мною в ста словах американской газеты. Может быть то, что я имею сказать, поможет хотя некоторым людям освободиться от тех мучительных чувств осуждения, стыда, раздражения, ненависти и желания борьбы и мести и сознание своей беспомощности, которые испытывает теперь большинство русских людей, и направит их энергию на ту внутреннюю, духовную деятельность, которая одна дает истинное благо как личностям, так и обществу, и которая теперь тем более необходима, чем сложнее и тяжелее совершающиеся 18 события.

Думаю я о совершающихся событиях вот что:

Не только русское, но всякое правительство я считаю сложным, освященным преданием и обычаем учреждением для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений, убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации народа богатыми и властвующими; и потому полагаю, что все усилия людей, желающих улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобождение себя от правительств, зло и, главное, ненужность которых 20 становятся в наше время всё более и более очевидными. Достигается, по моему мнению, эта цель одним, только *одним единственным средством: внутренним религиозно нравственным совершенствованием отдельных лиц.*

Чем выше в религиозно-нравственном отношении будут люди, тем лучше будут те общественные формы, в которые они сложатся, тем меньше будет правительственного насилия и совершаемого им зла. И наоборот, чем ниже в религиозно нравственном отношении будут люди известного общества, тем могущественнее будет правительство и тем больше то зло, которое оно 22 совершает.

Так что зло, испытываемое людьми от злодеяний правительств, всегда пропорционально религиозно-нравственному состоянию общества, какую бы — ту или иную — форму ни приняло это общество.

Между тем некоторые люди, видя всё то зло, которое совершает в настоящее время русское, особенно жестокое, грубое, глупое и лживое правительство, думают, что происходит это оттого, что русское правительство не так устроено, как они думают, что оно должно бы было быть устроено, — по образцу 24

других существующих правительств (таких же учреждений для безнаказанного совершения всякого рода преступлений над своими народами); и для этого употребляют все находящиеся в их власти средства, воображая, что изменение внешних форм может изменить содержание.

Деятельность такую я считаю *нецелесообразной, неразумной, неправильной* (то есть что люди приписывают себе права, которых они не имеют) и *вредной*.

Нецелесообразной я считаю такую деятельность потому, что
10 борьба силою и вообще внешними проявлениями (а не одной духовной силою) ничтожной горсти людей с могущественным правительством, отстаивающим свою жизнь и имеющим для этого в своей власти миллионы вооруженных, дисциплинированных людей и миллиарды денег, — только смешна с точки зрения возможности успеха и жалка с точки зрения гибели тех несчастных увлеченных людей, которые гибнут в этой неравной борьбе.

Неразумной я считаю эту деятельность потому, что, допустив самое невероятное, то есть что люди, борющиеся теперь с существующим правительством, восторжествуют, — положение людей
20 не может от этого улучшиться.

Теперешнее насильническое правительство таково ведь только оттого, что общество, над которым властвует правительство, состоит из нравственно слабых людей, из которых одни, руководимые честолюбием, корыстью, гордостью, не стесняясь совестью, всеми средствами стараются захватить и удержать власть, а другие из страха, тоже корысти, тщеславия или вследствие одурения помогают первым и подчиняются. И потому,
30 как бы ни перемещались эти люди, в какую бы форму ни складывались, из таких людей всегда сложится такое же, столь же насильническое правительство.

Неправильной же я считаю эту деятельность потому, что люди, теперь в России борющиеся против правительства, — либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революционеры и несколько тысяч оторванных от народа и опропагандированных рабочих, называя и считая себя представителями народа, не имеют на это звание никакого права. Люди эти предъявляют правительству во имя народа требование свободы печати, свободы совести, свободы собраний, отделения церкви
40 от государства, восьмичасового рабочего дня, представитель-

ства и т. п. А спросите народ, большую массу, сто миллионов крестьянства о том, что они думают об этих требованиях, и настоящий народ, крестьяне, будут в затруднении отвечать, потому что требования эти и свободы печати, и свободы собраний, отделения церкви от государства, даже восьмичасового дня — для большей массы крестьянства не представляют никакого интереса.

Ему не нужно ничего этого, ему нужно другое: то, чего он давно ждет и желает, о чем не переставая думает и говорит, и то, о чем нет ни одного слова во всех либеральных адресах ¹⁶ и речах и чуть мельком упоминается в революционных, социалистических программах, — он ждет и желает одного: освобождения земли от права собственности, общности земли. Когда земля не будет отнята у него, его дети не пойдут на фабрики, а если и пойдут, сами установят себе часы и цену.

Говорят: дайте свободу, и народ выскажет свои требования. Это неправда. В Англии, Франции, Америке полная свобода печати, но об освобождении земли не говорят ни в парламентах, ни в прессе, и вопрос об общем праве всего народа на землю всё больше и больше отходит на задний план. ¹⁷

И потому либеральные и революционные деятели, составляющие программы требований народа, не имеют никакого права считать себя представителями народа: они представляют только себя, и народ для них недобросовестное знамя.

Так, по моему, нецелесообразна, неразумна и неправильна эта деятельность; вредна же она тем, что отвлекает людей от той единственной деятельности — нравственного совершенствования отдельных лиц, посредством которой и только посредством которой достигаются те цели, к которым стремятся люди, борющиеся с правительством. ¹⁸

Скажут: «одно не мешает другому». Но это неправда. Нельзя делать двух дел зараз: нельзя нравственно совершенствоваться и участвовать в политических делах, вовлекающих людей в интриги, хитрости, борьбу, озлобление, доходящее до убийств. Деятельность политическая не только не содействует освобождению людей от насилий правительств, но, напротив, делает людей всё более и более неспособными к той единственной деятельности, которая может освободить их.

До тех пор пока люди будут неспособны устоять против соблазнов страха, одурения, корысти, честолюбия, тщеславия, ¹⁹

которые порабощают одних и развращают других, они всегда сложатся в общество насилующих, обманывающих и насилуемых и обманываемых. Для того чтобы этого не было, каждому человеку надо сделать нравственное усилие над самим собой. Люди сознают это в глубине души, но им хочется как-нибудь помимо усилия достигнуть того, что достигается только усилием.

Выяснить своими усилиями свое отношение к миру и держаться его, установить свое отношение к людям на основании вечного закона делания другому того, что хочешь чтобы тебе 10 делали, подавлять в себе те дурные страсти, которые подчиняют нас власти других людей, не быть ничьим господином и ничьим рабом, не притворяться, не лгать ни ради страха, ни выгоды, не отступать от требований высшего закона своей совести — всё это требует усилий; вообразить же себе, что установление известных форм каким-то мистическим путем приведет всех людей, в том числе и меня, ко всякой справедливости и добродетели, и для достижения этого, не делая усилий мысли; повторять то, что говорят все люди одной партии, суетиться, спорить, 20 лгать, притворяться, браниться и драться, — всё это делается само собою и для этого не нужно усилия.

Людам так хочется, чтобы это было, что они уверяют себя, что это и есть. И вот является такая теория, по которой доказывается, что люди могут без усилия достигнуть плодов усилия. Теория совершенно подобная той, по которой молитвы о своем совершенствовании, вера в искупление грехов кровью Христа или в благодать, передаваемую таинствами, могут заменить личное усилие. На этой же психологической иллюзии основана и та удивительная теория об улучшении общественной жизни 30 посредством изменения внешних форм, которая произвела и производит такие ужасные бедствия и более всего другого задерживает истинный прогресс человечества.

Люди сознают, что в их жизни что-то нехорошо и что что-то надо улучшить. Улучшать же человек может только то одно, что в его власти, — самого себя. Но для того чтобы улучшать самого себя, надо прежде всего признать, что я нехорош; а этого не хочется. И вот всё внимание обращается не на то, что всегда в своей власти, — не на себя, а на те внешние условия, которые не в нашей власти, и изменение которых так же мало может 40 улучшить положение людей, как взбалтывание вина и пере-

ливание его в другой сосуд не может изменить его качества. И начинается, во-первых, праздная, а во-вторых, вредная, гордая (мы исправляем других людей) и злая (можно убить людей, мешающих общему благу), развращающая деятельность.

«Перестроим общественные формы, и общество будет благоденствовать». Хорошо бы было, если бы так легко достигалось благо человечества. К несчастью, или скорее к счастью (потому что если бы одни люди могли устраивать жизнь других, эти другие были бы самые несчастные люди), — к счастью это не так: жизнь человеческая изменяется не от изменения внешних форм, а только от внутренней работы каждого человека над самим собой. Всякое же усилие воздействия на внешние формы или на других людей, не изменяя положения других людей, только развращает, уменьшает жизнь того, кто, — как все те политические деятели, короли, министры, президенты, члены парламентов, всякого рода революционеры, либералы, — отдается этому губительному заблуждению.

Поверхностно судящие, легкомысленные люди, особенно взволнованные совершившейся на днях в Петербурге братоубийственной бойней и всеми сопровождавшими это злодеяние событиями, думают, что главная причина этих событий в деспотизме русского правительства и что если бы самодержавная, монархическая форма русского правительства была заменена конституционной или республиканской, такие события не могли бы повториться.

Но ведь главное (если вникнуть во всё его значение) бедствие, от которого страдает теперь русский народ, это не петербургские события, а затеянная десятком безнравственных людей бессмысленная, постыдная и жестокая война. Война эта уже погубила и искалечила сотни тысяч русских людей, угрожает уничтожить и искалечить еще столько же; разорила и разоряет не только людей настоящего времени, но накладывает еще огромный, в виде долгов, налог на труд будущих поколений и губит души людей, развращая их. То, что было в Петербурге 9-го января, ничто в сравнении с тем, что делается там. Там в один день убиваются и калечатся в сто раз большее число людей, чем то, которое погибло 9-го января в Петербурге. И погибель этих людей там не только не возмущает общество, как убийства в Петербурге, но общество равнодушно, а часть его даже сочувственно смотрит на то, что новые и новые тысячи

людей гонятся туда для такого же бессмысленного, бесцельного уничтожения.

Бедствие это ужасно. И потому, если уж говорить о бедствиях русского народа, то главное бедствие — это война, а петербургские события — только невольное, сопутствующее большому бедствию обстоятельство, и если отыскивать средства избавления от бедствий, то надо найти такие, которые избавляли бы от обоих бедствий. Перемена же деспотической формы правления на конституционную или республиканскую не избавит
10 Россию ни от того, ни от другого бедствия. Все конституционные государства точно так же, как и русское, не переставая бессмысленно вооружаются и точно так же, как и русское, когда это вздумается нескольким людям, имеющим власть, посылают свои народы на братоубийства. Абиссинская, Бурская, Испанские войны с Кубой, Филиппинами, Китай, Тибет, войны с Африканскими народами — всё это войны, веденные самими конституционными и республиканскими правительствами, и точно так же все эти правительства, когда находят это нужным, подавляют вооруженной силой те восстания и проявления воли
20 народов, которые они считают нарушением законности, то есть того, что эти правительства в данную минуту считают законом.

Когда в государстве, с какой бы то ни было конституцией, существует организация насильнической власти, которая теми или иными приемами может быть захвачена несколькими людьми, всегда происходят, в той или иной форме, такие же события, как те, которые происходят теперь в России — и войны и подавления восстаний.

Так что значение происходивших в Петербурге событий совсем не в том, как это думают легкомысленные люди, что события эти показали нам особенную зловредность русского деспотического правительства и что поэтому надо постараться изменить русское деспотическое правительство конституционным.
30 Значение этих событий гораздо важнее: оно заключается в том, что по действиям особенного глупого и грубого русского правительства нам яснее, чем по действиям других более приличных правительств, зловредность и ненужность не такого или иного, а всякого правительства, т. е. собрания людей, имеющих возможность заставлять подчиняться своей воле большинство народа.

43 В Англии, Америке, Франции, Германии зловредность пра-

вительств так замаскирована, что люди этих народов, указывая на события в России, наивно воображают, что то, что делается в России, делается только в России, а что они пользуются совершенной свободой и не нуждаются ни в каком улучшении своего положения, то есть находятся в самом безнадежном состоянии рабства — рабства рабов, не понимающих того, что они рабы, и гордящихся своим положением рабов.

Положение нас, русских, в этом отношении и тяжелее (в том отношении, что совершаемые насилия грубее) и лучше в том, что нам легче понять, в чем дело. 10

Отношение, положение и настроение русских людей и европейских и в особенности американских совершенно такое, как описывается отношение, положение и настроение двух людей, вошедших в храм, про которых рассказывается в Евангелии Луки, гл. XVIII, ст. 10, 11, 13 (фарисей и мытарь).

Дело в том, что всякое насильническое правительство по существу своему ненужное, великое зло и что по этому дело, как нас, русских, так и всех людей, поработенных правительствами, не в том, чтобы заменять одну форму правительства другой, а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, уничтожить его. 20

Так что мнение мое о совершающихся теперь в России событиях такое: русское правительство, как всякое правительство, есть ужасный, бесчеловечный и могущественный разбойник, зловердная деятельность которого не переставая проявлялась и проявляется точно так же, как зловердная деятельность всех существующих правительств: американского, французского, японского, английского. И потому всем разумным людям надо всеми силами стараться избавиться от всяких правительств, и русским людям от русского.

Для того же, чтобы избавиться от правительств, надо не бороться с ними внешними средствами (до смешного ничтожными в сравнении с средствами правительств), а надо только не участвовать в них и не поддерживать их. Тогда они будут уничтожены. 30

Для того же, чтобы не участвовать в правительствах и не поддерживать их, надо быть свободным от тех слабостей, по которым люди попадают в сети правительств и делаются рабами или участниками их.

А быть свободным от тех слабостей, которые делают людей рабами и участниками правительств, может только человек, 40

установивший свое отношение ко Всему, к Богу, и живущий по единому, высшему закону, вытекающему из этого отношения, то есть человек, религиозно-нравственный.

И потому чем яснее видят и чувствуют люди зло правительств, — как теперь мы, русские люди, особенно ясно, болезненно чувствуем зло глушого, жестокого и лживого русского правительства, погубившего уже сотни тысяч людей, разоряющего и развращающего миллионы людей и начинающего уже вызывать русских людей на убийство друг друга, — тем напряженнее должны мы стараться установить в себе ясное и твердое религиозное сознание и тем неуклоннее исполнять вытекающий из этого сознания закон Бога, не требующий от нас исправления существующего правительства или установления такого общественного устройства, которое по нашим ограниченным взглядам обеспечивает общее благо, а требующий от нас только одного: нравственного самосовершенствования, то есть освобождения себя от всех тех слабостей и пороков, которые делают нас рабами правительств и участниками их преступлений.

Я кончил эту заметку и был в нерешительности — публиковать или не публиковать ее, когда получил замечательное, не подписанное письмо.

Вот это письмо:

«Который день не могу справиться с собою.

«Когда кто начинает говорить о рабочих, начинаю его ненавидеть, и делается физически скверно.

«Были и груды трупов, и женщины, и дети, которых окровавленных везли на извозчиках. Но разве *это* страшно? Страшны солдаты с своими обыкновенными, не думающими и не понимающими добрыми лицами, как они припрыгивают на морозе и ждут команды в кого-то стрелять. Страшна публика тоже с обыкновенными, любопытными лицами. Даже самые добрые люди идут, чтобы увидеть самим или от других узнать про что-нибудь «ужасное» — окровавленные, разрубленные трупы и т. д. ...Точно может быть что-нибудь страшнее этих солдат, которые *как всегда*, и этих добрых людей, которым хочется одного — чтобы нервы содрогнулись от чего-нибудь ужасного.

«Я не могу определить, что тут самое страшное; кажется, го, что они *не понимают* и что у них *обыкновенные* лица, несмотря на то, что через час будут убитые люди и везде на камнях кровь.

Кажется, самое страшное ощущать, что между людьми *нет* никакой связи; кажется, это самое страшное.

«Из той же деревни, только одни в серой шинели, а другие в черном пальто, и никак не можешь понять, почему серые шутят о морозе и мирно поглядывают на идущих мимо них черных людей, когда они не только знают, что у каждого из них патронов на десять выстрелов, но знают и то, что через час, два все эти патроны будут истрачены. И черные люди смотрят на них, точно так тому и быть должно. Об этом *разобщающем* людей читаешь в книгах, говоришь и не чувствуешь, как это 10 страшно; а когда всё вокруг тебя и, как эти дни, на время всё другое перестало существовать, а есть *только* это одно: серые шинели, черные пальто и нарядные шубы, и все они заняты *одним*, но все *по разному*, никого это не удивляет, никто из них не знает, почему одни стреляют, другие падают, а третьи смотрят. И в другое время — та же страшная и непонятная жизнь, где в порядке вещей убивать по команде без всякой вражды и ненависти; но эти дни всё остальное остановилось на время, и осталось только это страшное. Такое чувство, точно от каждого человека тебя отделяет пропасть, и ее не перейти, хоть 20 ты и совсем близко. Это чувство невыносимо.

«Раз пять принималась писать вам и бросала и в конце концов всё-таки пишу. Может быть просто потому, что непереносимо молчать изо дня в день. Все говорят о помощи рабочим и сочувствуют будто бы. Но ужасно не положение рабочих, и помощь нужна не им, а тем, кто стрелял и топтал людей, и тем, кто на другой день гулял и смотрел на разбитые стекла, фонари, на следы пуль и не видел замерзшей крови на тротуаре и шаркал по ней ногами».

Да, всё дело в том, что есть что-то, что разобщает людей, 30 и что нет связи между людьми. Всё дело в том, чтобы устранить то, что разобщает людей, и поставить на это место то, что соединяет их. Разобщает же людей *всякая* внешняя, насильническая форма правления, соединяет же их одно: отношение к Богу и стремление к Нему, потому что Бог один для всех и отношение всех людей к Богу одно и то же.

Хотят или не хотят признавать это люди, перед всеми нами стоит один и тот же идеал высшего совершенствования, и только стремление к нему уничтожает разобщение и приближает нас друг к другу.

«ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ».
О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

«Итак, смотри, свет, который
есть в тебе, не есть ли тьма».

Мф. VI, 23.

«Народ сей ослепил глаза свои
и окаменил сердце свое, да не ви-
дят глазами, и не уразумеют серд-
цем, и не обратятся, чтобы я исце-
лил их».

Иоан. XII, 40.

«Однако ж знайте, что приблизи-
лось к вам царствие Божие».

Лука X, 2.

I.

Уже второй год продолжается на Дальнем Востоке война. На войне этой погибло уже несколько сот тысяч человек. Со стороны России вызвано и вызываются на действительную службу сотни тысяч человек, числящихся в запасе и живших в своих семьях и домах. Люди эти все с отчаянием и страхом или с наущенным, поддерживаемым водкой, молодечеством бросают семьи, садятся в вагоны и беспрекословно катятся туда, где, как они знают, в тяжелых мучениях погибли десятки тысяч таких же, как они, свезенных туда в таких же вагонах людей. И навстречу им катятся тысячи изуродованных калек, поеха-
вших туда молодыми, целыми, здоровыми.

Все эти люди с ужасом думают о том, что их ожидает, и всё-таки беспрекословно едут, стараясь уверить себя, что это так надо.

Что это такое? Зачем люди идут туда?

Что никто из этих людей не хочет делать того, что они делают, в этом не может быть никакого сомнения. Все эти люди не только не нуждаются в этой драке и не хотят участвовать в ней, но не могут даже себе объяснить, зачем они делают это. И не только они, те сотни, тысячи, миллионы людей, которые непосредственно и посредственно участвуют в этом деле, не могут объяснить себе, зачем всё это делается, но никто в мире не может объяснить этого, потому что разумного объяснения этого дела нет и не может быть *никакого*.

Положение всех людей, участвующих в этом деле и смотрящих на него, подобно тому, в котором были бы люди, из которых одни сидели бы в длинном караване вагонов, катящихся по рельсам под уклон с неудержимой быстротой прямо к разрушенному мосту над пропастью, а другие беспомощно смотрели бы на это.

Люди, миллионы людей, не имея к этому никакого ни желания, ни повода, истребляют друг друга и, сознавая безумие такого дела, не могут остановиться.

Говорят, что из Маньчжурии возят каждую неделю сотни сумасшедших. Но ведь туда ехали и едут не переставая сотни тысяч совершенно безумных людей, потому что человек в здравом уме не может ни под каким давлением итти на отвратительное ему самому и безумное и страшно опасное и губительное дело — убийство людей.

Что же это такое? Отчего это делается? Что или кто причиной этого?

Сказать, что причиной этого те солдаты, русские и японские, которые стараются как можно больше убить, искалечить неизвестных и ничего не сделавших им людей, никак нельзя, потому что солдаты эти не только не чувствовали и не чувствуют никакой враждебности друг против друга, но год назад не имели ни малейшего понятия о существовании друг друга, а когда сходятся теперь, то дружелюбно общаются друг с другом.

Сказать, что виной этого офицеры, генералы, ведущие солдат, или разные чиновники, военные и штатские, пригото- 40

тели орудий, снарядов, амуниций, крепостей, — тоже нельзя. Все они, эти офицеры, генералы, чиновники поставлены своей нуждой, своими слабостями, всем своим прошедшим в такое положение, в каком находится запряженная лошадь, которую сзади стегают и которой правят вожжами, или в положении голодной собаки, которую заманивают в конуру и ошейник кусочком сала, водят ей перед носом.

Все эти офицеры, генералы, чиновники, дипломаты, все так с детства запутаны, заверчены, что они не могут не делать того маленького, нехорошего дела, из которого слагается то большое, ужасное дело, которое совершается теперь. И потому нельзя и их назвать причиной: они не виноваты.

Кто же причина и кто же виноват? Микадо? Николай II? Так сначала представляется потому, что этих, кажется, уж нельзя ни принудить, ни приманить чем бы то ни было. Представляется, что стоило только Николаю II не приказывать, не позволять делать всего того, что делалось в Манчжурии и в Корее, стоило ему согласиться на требования Японии, и войны бы не было; стоит ему теперь предложить условия мира, и война кончится. Всё как будто от него. Но это только так кажется. Про микадо я не знаю, но по тому, что знаю вообще о главах правительств, уверен, что он в тех же условиях, как и другие; про Николая же II я знаю, что это самый обыкновенный, стоящий ниже среднего уровня, грубо суеверный и непросвещенный человек, который поэтому никак не мог быть причиной тех огромных по своему объему и последствиям событий, которые совершаются теперь на Дальнем Востоке.

Разве может быть то, чтобы деятельность миллионов людей была направлена противно их воле и интересам только потому, что этого хочет один человек, во всех отношениях стоящий ниже умственного и нравственного среднего уровня всех тех людей, которые гибнут как будто по его воле?

Почему же кажется, что причина войны Николай и микадо?

А это кажется потому же, почему кажется, что минированный город взорван тем, кто пустил искру, воспламенившую мину, которая подведена под него.

Не Николай и не микадо сделали и делают войну, а делает это то устройство людей, при котором микадо и Николай могут причинить несчастья миллионов людей. Виноваты не они,

а та машина, при которой это возможно; следовательно, виноваты те, кто устраивает машину.

Что же это за машина и кто ее устраивает?

II.

Машина эта давно известна миру и давно известны дела ее: Это та самая машина, посредством которой в России властвовали, избивая и мучая людей, то душевно больной Иоанн IV, то зверски жестокий, пьяный Петр, ругающийся с своей пьяной компанией над всем, что свято людям, то ходившая по рукам безграмотная, распутная солдатка Екатерина первая, то немец Бирон, только потому, что он был любовник Анны Иоанновны, племянницы Петра, совершенно чуждой России и ничтожной женщины, то другая Анна, любовница другого немца, только потому, что некоторым людям выгодно было признать императором ее сына, младенца Иоанна, того самого, которого потом держали в тюрьме и убили по распоряжению Екатерины II. Потом захватывает машину незамужняя развратная дочь Петра Елизавета и посылает армию воевать против пруссаков; умерла она — и выписанный ею немец, племянник, посаженный на ее место, велит войскам воевать за пруссаков. Немца этого, своего мужа, убивает самого бессовестно-распутного поведения немка Екатерина II и начинает со своими любовниками управлять Россией, раздаривает им десятки тысяч русских крестьян и устраивает для них то греческий, то индийский проекты, ради которых гибнут жизни миллионов. Умирает она — и полумный Павел распоряжается, как может распоряжаться сумасшедший, судьбами России и русских людей. Его убивают с согласия его родного сына. И этот отцеубийца царствует 25 лет, то дружка с Наполеоном, то воюя против него, то придумывая конституции для России, то отдавая презираемый им русский народ во власть ужасного Аракчеева. Потом царствует и распоряжается судьбами России грубый, необразованный, жестокий солдат Николай; потом неумный, недобрый, то либеральный, то деспотичный Александр II; потом совсем глупый, грубый и невежественный Александр III. Попал нынче по наследству малоумный гусарский офицер, и он устраивает со своими клеветами свой манчжуро-корейский проект, стоящий сотни тысяч жизней и миллиарды рублей.

Ведь это ужасно. Ужасно, главное, потому, что если и кончится эта безумная война, то завтра может новая фантазия с помощью окружающих его негодяев взбрести в слабую голову властвующего человека, и человек этот может завтра устроить новый африканский, американский, индийский проект, и начнут опять вытягивать последние силы из русских людей и погонят их убивать на другой край света.

И происходило и происходит это не в одной России, а везде, где существовало и существует правительство, т. е. такая организация, при которой малое меньшинство может заставлять большое большинство исполнять свою волю. Вся история европейских государств — история бешеных, всходящих один за другим на престол, глухих, развратных людей, убивающих, разоряющих и, главное, развращающих свой народ.

Вступает в Англии на престол бессовестный, жестокий негодяй, развратник Генрих VIII и ради того, чтобы прогнать жену и жениться на своей б..., выдумывает свое мнимо христианское исповедание, заставляя весь народ принять эту его выдуманную веру, и миллионы людей истреблены в борьбе за и против этого выдуманного исповедания.

Завладевает машиной величайший лицемер и злодей Кромвель и казнит другого, такого же, как он, лицемера Карла I и безжалостно губит миллионы жизней и уничтожает ту самую свободу, за которую он будто бы боролся.

Владеют во Франции машиной разные Людовики и Карлы, и всё их царствования такой же ряд злодейств: убийства, казни, избиения, разорения народа, бессмысленные войны. Казнят, наконец, одного из них, и тотчас же Мараты и Робеспьеры захватывают машину и творят еще ужаснейшие преступления, губя не только людей, но великие истины, провозглашенные людьми того времени. Захватывает власть Наполеон и губит миллионы людей во всей Европе. То же происходит в Австрии, Италии, Пруссии. Такие же глухие, безнравственные властители и такие же жестокие, губительные для народа дела их. И всё это не только дела прошедшего, не то, что происходило когда-то и больше уже не повторится, — всё это происходит теперь, сейчас, везде, в самых мнимо свободных конституционных государствах и республиках, точно так же как и в деспотических, и в Англии, и в Турции, и в Германии, и в Абиссинии, и во Франции, и в России, и в Соседиенных

Штатах Америки, и в Марокко, и везде, где только действует машина, называемая правительством.

Везде, несмотря ни на какие конституции, без всякой внутренней надобности, только по разным сложным отношениям лиц, партий начинаются войны, как последние войны то французов, то англичан с Китаем, то англичан с бурами, то с Тибетом, то с Египтом, то Италии с Абиссинией, то России, Франции, Англии, Америки, Японии с Китаем, то теперь России с Японией.

Везде, где существует такое учреждение, посредством которого меньшинство может заставлять большинство делать всё то, что это меньшинство назовет законом или правительственными распоряжениями, везде каждый человек большинства всегда в опасности того, что на него и его семью могут обрушиться самые ужасные бедствия — и не стихийные бедствия, независимые от воли людской, а бедствия, происходящие от людей, тех нескольких людей, которым он добровольно отдался в рабство.

III.

Вот что писал об этом предмете еще в XVI веке французский писатель Лабоэти:

«Разумно — любить добродетели, уважать подвиги, признавать добро, откуда бы мы его ни получали, и даже лишиться своего удобства для славы и выгоды того, кого любим и кто того заслуживает: таким образом, если жители страны нашли такое лицо, которое показало им большую мудрость, чтобы охранять их, большую храбрость, чтобы их защищать, и великую заботу, чтобы управлять ими, и если вследствие этого они привыкли повиноваться ему так, чтобы предоставить ему некоторые выгоды, то я не думаю, чтобы это было неразумно...

Но боже мой! как назовем мы то, когда видим, что большое число людей не только повинуются, но служат, не только подчиняются, но раболепствуют перед одним человеком, и раболепствуют так, что не имеют ничего своего: ни имущества, ни детей, ни даже самой жизни, которые бы они считали своими, и терпят грабежи, жестокости не от войска, не от варваров, но от одного человека, и не от Геркулеса или Самсона, но от человека большей частью самого трусливого и жеманного из всего народа.

Как назовем мы это?

Скажем ли мы, что такие люди трусы?

Если бы два, три, четыре не защищались от одного, это было бы странно, но всё-таки возможно, и можно было бы сказать, что это от недостатка мужества: но если сто тысяч людей, сто, тысяча деревень и городов,

миллион людей не нападают на того одного, от которого все страдают, будучи его рабами, как мы назовем это? Трусость ли это?

Во всех пороках есть известный предел: двое могут бояться одного и даже десять, но тысяча, но миллионы, но тысяча деревень, если они не защищаются против одного, то это не трусость, она не может дойти до этого; так же как и храбрость не может дойти до того, чтобы один вял крепость, напал на армию и завоевал государство. Итак, какой же это уродливый порок, не заслуживающий даже названия трусости, порок, которому нельзя найти достаточно скверного названия, который противен природе и который язык отказывается назвать...

Мы удивляемся храбрости, которую внушает свобода тем, кто ее защищает. Но то, что совершается во всех странах, со всеми людьми. всякий день, именно то, что один человек властвует над ста тысячами деревень, городов и лишает их свободы; кто бы поверил этому, если бы только слышал, а не видел это? И если бы это можно было видеть только в чужих и отдаленных землях, кто бы не подумал, что это скорее выдуманно, чем справедливо? Ведь того одного человека, который угнетает всех, не нужно побеждать, не нужно от него защищаться, он всегда побежден, только бы народ не соглашался на рабство. Не нужно ничего отнимать у него, нужно только ничего не давать ему. Стране не нужно ничего делать, только бы она ничего не делала против себя, и народ будет свободен. Так что сами народы отдают себя во власть государям; стоит им перестать рабствовать, и они станут свободны. Народы сами отдают себя в рабство, перерезают себе горло. Народ, который может быть свободным, отдает сам свою свободу, сам надевает себе на шею ярмо, сам не только соглашается со своим угнетением, но ищет его. Если бы ему стоило чего-нибудь возвращение своей свободы, и он не искал бы ее, этого самого дорогого для человека и естественного права, отличающего человека от животного, то я понимаю, что он мог бы предпочесть безопасность и удобство живя в борьбе за свободу. Но если для того, чтобы получить свободу, ему нужно только пожелать ее, то неужели может быть народ в мире, который бы считал ее купленной слишком дорогой ценой, раз она может быть приобретена одним желанием? Человек, при помощи одного желания, может возвратить благо, за которое стоит отдать жизнь, — благо, утрата которого делает жизнь мучительной и смерть спасительной, может, но не желает этого. Как огонь от одной искры делается большим и все усиливается, чем больше он находит дров, и тухнет сам собой, сам себя уничтожает, теряет свою форму и перестает быть огнем, если только дров не подкладывают; так же и властители; чем больше они грабят, чем больше требуют, чем больше раворают и уничтожают, чем больше им дают и им служат, тем они становятся сильнее и жаднее к уничтожению всего; тогда как если им ничего не дают, не слушаются их, то они без борьбы, без битвы становятся голы и ничтожны, становятся ничем, так как дерево, не имея соков и лищи, становится сухой, мертвою веткою.

Чтобы приобрести желаемое благо, смелые люди не боятся опасности. Если трусливые и не умеют переносить страдания и приобретать благо, то желание иметь его остается при них, хотя они и не стремятся к нему, вследствие своей трусости. Это желание свойственно и мудрым и нера-

еумным, и храбрым и трусам. Все они желают приобрести то, что может сделать их счастливыми и довольными; но я не знаю, почему люди не желают только одного: свободы; свобода — это великое благо; утрата ее влечет за собою все другие бедствия; без нее даже и те блага, которые остаются, теряют свой вкус и свою прелесть. И это-то великое благо, для получения которого достаточно одного: пожелать его, люди не желают приобрести, как бы только потому, что оно слишком легко достижимо.

Бедные, несчастные люди, бессмысленные народы, упорные в своем зле, слепые к своему добру, вы позволяете отбирать от вас лучшую часть вашего похода, грабить ваши поля, ваши дома, вы живете так, как будто все это принадлежит не вам. И все эти бедствия и разорения происходят не от врагов, но от врага, которого вы сами себе создаете, за которого вы мужественно идете на войну, за величие которого вы не отказываетесь идти на смерть. Тот, кто так властвует над вами, имеет только два глаза, две руки, одно тело и ничего не имеет, чего бы не имел ничтожнейший человек из бесчисленного количества ваших братьев; преимущество, которое он имеет перед вами, — только то право, которое вы даете ему: истреблять вас. Откуда бы взял он столько глаз, чтобы следить за вами, если бы вы не давали их ему? Где бы он достал столько рук, чтобы бить вас, если бы он не брал их у вас? Или откуда взялись бы у него ноги, которыми он попирает ваши села? Откуда они у него, если они не ваши? Откуда бы была у него власть над вами, если бы вы не давали ее ему? Как бы мог он нападать на вас, если бы вы не были заодно с ним? Что бы он мог сделать вам, если бы вы не были укрывателями того вора, который вас грабит, участниками того убийцы, который убивает вас, если бы вы не были изменниками самим себе? Вы сеете для того, чтобы он уничтожал ваши посевы, вы наполняете и убираете ваши дома для его грабежей; вы воспитываете ваших детей с тем, чтобы он вел их на свои войны, на бойню, чтобы он делал их исполнителями своих похотей, своих мщений; вы надываетесь в труде для того, чтобы он мог наслаждаться удовольствиями и гваздаться в грязных и гадких удовольствиях; вы ослабляете себя для того, чтобы сделать его сильнее и чтобы он мог держать вас в узде. И от этих ужасов, которых не перенесли бы и животные, вы можете освободиться, если постараетесь даже не освободиться, но только пожелать этого.

Решитесь не служить ему более и вы свободны. Я не хочу, чтобы вы бились с ним, нападали на него, но чтобы вы только перестали поддерживать его, и вы увидите, что он, как огромная статуя, из под которой вынули основание, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги.

Сочинение это было написано четыре века тому назад и, несмотря на всю ту ясность, с которой было в нем показано, как безумно люди губят свою свободу и жизнь, отдаваясь добровольно рабству, люди не последовали совету Лабюэти, — только не поддерживать правительственное насилие, чтобы оно разрушилось, — не только не последовали его совету, но скрыли от всех значение этого сочинения, и во французской литературе до последнего времени царствовало мнение, что

Лабовти не думал того, что писал, а что это было только упражнение в красноречии.

Как ни очевидно должно бы быть людям, что главные их бедствия происходят от того устройства, которое держит их в рабстве, люди продолжают поддерживать это устройство и отдаваться тем людям, которые стоят во главе его.

И каким людям? Людям таким отвратительным, как Екатерина, Людовик XI, как Яков английский, испанский Филипп, как Наполеоны I и III.

10

IV.

Ведь еще можно было бы как-нибудь оправдывать подчинение целого народа нескольким людям, если бы эти властвующие люди, уже не говорю, были самые хорошие люди, а хоть только не худшие люди; если бы хоть изредка властвовали не лучшие, но порядочные люди; но ведь этого нет, никогда не было и не может быть. Властвуют всегда наиболее дурные, ничтожные, жестокие, безнравственные и, главное, лживые люди. И то, что это так, не есть случайность, а общее правило, необходимое условие власти. Вот что говорит Маккиавелли, человек, 20 который знает, в чем состоит правительственная власть, как надо приобретать и поддерживать ее:

«Война, военное искусство и дисциплина должны составлять главнейший предмет забот каждого государя. Все его мысли должны быть направлены к изучению и усовершенствованию военного искусства и ремесла; он не должен увлекаться ничем другим, так как в этом искусстве вся тайна силы власти государя, и, благодаря ему, не только наследственные государи, но даже и обыкновенные граждане могут достигать верховного управления. Презирать военное искусство значит идти к погибели, владеть им в совершенстве, значит обладать возможностью приобретения верховной 30 власти...

Ни один государь, следовательно, не должен ни на минуту забывать о военном деле и в особенности должен постоянно упражняться в нем, в мирное время...

Страсть к завоеваниям — дело, без сомнения, весьма обыкновенное и естественное: завоеватели, умеющие достигать своих целей, достойны скорее похвалы, нежели порицания, но создавать планы, не будучи в состоянии их осуществлять, — и неблагоприятно, и нелепо.

Завоеватель может тремя способами удержать за собою покоренные страны, управляющиеся до этого собственными законами и пользовавшиеся 40 свободными учреждениями. Первый способ: разорить и обессилить их; второй: лично в них поселиться, и третий: оставить неприкосновенными

существующие в них учреждения, обложив только жителей данью и учредив у них управления с ограниченным личным составом для удержания жителей в верности и повиновении...

Государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение за собою верховной власти, так как, изучив подробно разные обстоятельства, легко понять, что существуют добродетели, которые ведут к гибели лица, обладающего ими, и есть пороки, усвоивая которые, государи только могут достигнуть безопасности и благополучия...

Государи, когда дело идет о верности и единстве их подданных, не должны бояться прослыть жестокими. Прибегая в отдельных случаях к жестокостям, государи поступают милосерднее, нежели тогда, когда от избытка снисходительности допускают развиваться беспорядкам, ведущим к грабежу и насилию, потому что беспорядки составляют бедствие целого общества, а казни поражают только отдельных лиц...

Я нахожу, что желательнее было бы, чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно, и государям обыкновенно приходится выбирать, что в видах личной их выгоды, замечу, что полезнее держать подданных в страхе. Люди, говоря вообще, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны; если государи осыпают их благодеяниями, они прикидываются приверженными к ним до самоотвержения и, как я уже выше говорил, если опасность далека, предлагают им свою кровь, средства и жизнь свою и детей своих; но, едва наступает опасность, — бегут не прочь от измены. Государь, слишком доверяющий подобным обещаниям и не принимающий никаких мер для своей личной безопасности, обыкновенно погибает, потому что привязанность подданных, купленных податками, а не величием и благородством души, хотя и легко приобретает, но не прочна, и, в минуты необходимости, нельзя на нее полагаться. Кроме того, люди скорее бывают готовы оскорблять тех, кого любят, чем тех, кого боятся; любовь обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности, и люди, вообще злые, пользуются первым предложением, чтобы в видах личного интереса, изменить ей; боязнь же основывается на страхе наказания, никогда не оставляющем человека...

В военное время, вообще располагая значительными армиями, государи могут быть жестокими без боязни, так как без жестокости трудно поддерживать порядок и повиновение в войсках...

Возвращаясь в вопросу, что выгоднее для государей, то ли, когда подданные их любят, или когда они их боятся, я заключаю, что так как в первом случае они бывают в зависимости от подданных, возбуждая же боязнь, бывают самостоятельны, то для мудрого правителя гораздо выгоднее утвердиться на том, что зависит от него, нежели на том, что зависит от других. При этом однако же, как я уже сказал, государи должны стараться не возбуждать к себе ненависти...

Существуют два способа действия для достижения целей: путь закона и путь насилия. Первый способ — способ человеческий; второй — способ диких животных; но так как первый способ не всегда удается, то люди прибегают иногда и ко второму. Государи должны уметь пользоваться обоими способами.

Государь, действуя грубой силой, подобно животным должен соединять в себе качества льва и лисицы. Обладая качествами только льва, он не будет уметь остерегаться и избегать западни, которую будут ему ставить; будучи же только лисицею, он не будет уметь защищаться против врагов, так что, для избежания сетей и возможности победы над врагами, государи должны быть и львами и лисицами.

Те, которые захотят щеголять одной только львиной ролью, выкажут этим лишь крайнюю свою неумелость.

Предусмотрительный государь не должен, следовательно, исполнять своих обещаний и обязательств, раз такое исполнение будет для него вредно, и если все мотивы, вынудившие его обещание, устранены. Конечно, если бы все люди были честны, — подобный совет можно было бы счесть за безнравственный, но так как люди обыкновенно не отличаются честностью, и подданные относительно государей не особенно заботятся о выполнении своих обещаний, то и государям относительно их не для чего быть щекотливыми. Для государей же не трудно всякое свое клятвопреступление прикрывать благовидными предложениями. В доказательство этого можно привести бесчисленные примеры из современной истории, можно указать на множество мирных трактатов и соглашений всякого рода, нарушенных государями или оставшихся мертвой буквою за неисполнением их. При этом станет очевидно, что в больших барышах оставались те государи, которые лучше умели подражать в своих действиях лисицам. Необходимо, однако же, последний способ действий хорошо скрывать под личиной честности, *государи должны обладать великим искусством притворства и обурлачивания, потому что люди бывают обыкновенно до того слепы и туманены своими насущными потребностями, что человек, умеющий хорошо лгать, всегда найдет достаточно легковерных людей, охотно поддающихся обману...*

Государям, следовательно, нет никакой надобности обладать в действительности... хорошими качествами... но каждому из них необходимо показывать вид, что он всеми ими обладает. Скажу больше — действительное обладание этими качествами вредно для личного блага государя, притворство же и личина обладания ими — чрезвычайно полезны. Так, для государей очень важно уметь выказываться милосердными, верными своему слову, человеколюбивыми, религиозными и откровенными; быть же такими на самом деле не вредно только в таком случае, если государь с подобными качествами сумеет в случае надобности, заглушить их и выказать совершенно противоположные.

Едва ли кто-нибудь станет сомневаться в том, что государям, особенно только-что получившим власть или управляющим вновь возникающими монархиями, бывает невозможно согласовать свой образ действий с требованиями нравственности: весьма часто для поддержания порядка в государстве они должны поступать против законов совести, милосердия, человеколюбия, и даже против религии. Государи должны обладать гибкой способностью изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам и как я сказал выше, если возможно, не избегать честного пути, но в случае необходимости, прибегать и к бесчестным средствам.

Государи должны усиленно заботиться о том, чтобы каждая фраза, исходящая из их уст, представлялась продиктованной совместно всеми

пятью перечисленными мною качествами. чтобы слушающему государя особа его представлялась самою истинною, самим милосердием, самым человеколюбием, самою искренностью и самым благочестием. Особенно важно для государей притворяться благочестивыми; в этом случае люди, судящие по большей части только по одной внешности, так как способность глубокого суждения дана не многим, — легко обманываются. Личина для государей необходима, так как большинство судят о них по тому, чем они кажутся, и только весьма немногие бывают в состоянии отличать кажущееся от действительного; и если даже эти немногие поймут настоящие качества государей, они не дерзнут высказать свое мнение, противное мнению большинства, да и побоятся посягнуть этим на достоинство верховной власти, представляемой государем. Кроме того, так как действия государей неподсудны трибуналам, то подлежат осуждению одни только результаты действий, а не самые действия. Если государь сумеет только сохранить свою жизнь и власть, то все средства, какие бы он ни употреблял для этого, будут считаться честными и похвальными».

Все эти истины известны были не только государям, к которым обращается Маккиавелли, но и всем людям, которые властвовали и теперь властвуют над людьми в какой бы то ни было форме: в форме ли деспотического монарха, президента, первого министра или собрания законодателей и управителей, все, особенно те, которые имели и имеют наибольший успех и, не читая Маккиавелли, всегда в точности исполняли и исполняют его правила.

В сущности, стоит только вдуматься в то, в чем состоит власть, чтобы понять, что не может быть иначе.

Власть над другим человеком есть не что иное как признанное право не только предавать других людей мучениям и убийствам, но и заставлять людей мучить самих себя. А достигнуть того, чтобы люди по воле начальствующего мучили и убивали друг друга, нельзя иначе, как обманами, ложью, коварством и, главное, жестокостью. Так всегда поступали и не могут не поступать все властители.

V.

Прочтите или вспомните историю европейских христианских народов со времен реформации. Это непрерывный перечень самых ужасных, бессмысленно-жестоких преступлений, совершаемых правительственными людьми против своих и чужих народов и друг против друга: неперестающие войны, грабежи, уничтожения или подавления народностей, истребление целых

народов, разорение мирных жителей ради корыстолюбия, тщеславия, зависти или под предлогом установления религиозной истины, неперестающие костры, на которых сжигаются среди тысяч рядовых людей и лучшие люди своего времени, измены, лжи, коварства, захваты чужих имуществ, пытки, тюрьмы, казни и разврат, ужасающий, неестественный разврат, который можно увидеть только среди этих несчастных властителей. И это не одни Карлы IX, Генрихи VIII, Иоанны Грозные, но восхваляемые Людовики французские, Елизаветы английские, 10 Екатерины, и Петры, и Фридрихи, все они делают только это. Современные правительства, то есть люди, составляющие правительство теперь (всё равно в неограниченной, ограниченной монархии, в республике) делают то же самое, не могут не делать, потому что в этом их дело.

Дело ведь их в том, чтобы посредством насилия, в виде пода-тей прямых и косвенных, отбирать большую часть имущества у трудящегося народа и употреблять эти средства по своему усмотрению, то есть всегда для достижения партийных или своих личных, корыстных, честолюбивых, тщеславных целей. Во-вторых, в том, чтобы насилием поддерживать право одних 20 людей владения землею, отнятой у всего народа. В-третьих, составлять наймом или призывом войско, то есть профессиональных убийц, и посылать этих убийц по своему усмотрению на убийства и грабежи тех или других людей. Или, наконец, составлять законы, которые оправдывали бы и освящали все эти злодеяния. И это самое делают теперешние Рузвельты, Николай II, Чемберлены и Вильгельмы с своими помощниками и парламентами. В этом их дело. И потому дело это могут 30 делать только самые безнравственные люди. Стоит только вдуматься в сущность того, в чем состоит употребление правительственной власти, для того чтобы понять, что управляющие народами люди должны быть жестокими, безнравственными и непременно стоять ниже среднего нравственного уровня своего времени и общества. Не только нравственная, но не вполне безнравственная личность не может быть на престоле или министром или законодателем, решителем и определителем судьбы целых народов. Нравственный, добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как нрав-40 ственная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник.

Деятельность всякого правительства есть ряд преступлений.

Так это представляется, когда рассматриваешь самую эту деятельность; но это еще очевиднее, когда рассматриваешь положение каждого отдельного человека, подлежащего власти правительства.

Огромное большинство людей, рождающихся на планете земле, тотчас же со дня своего рождения оказываются лишенными права пользоваться той землей, на которой они родились, — не только пользоваться тем, что есть на поверхности и внутри земли, но даже и права находиться на ней, не платя за это своим трудом тем, которым государственная власть передает право владеть землей как собственностью, защищая такой грабеж как священное право. Лишенный таким образом самого естественного и законного права на пользование землей, на которой он родился, такой человек отыскивает какое-либо другое средство существования и, чтобы насколько возможно улучшить положение свое и своей семьи, иметь досуг учиться, думать, отдыхать, общаться с людьми, он работает изо всех сил, отдавая узаконенную дань грабителю за право жить на земле и пользоваться ею; но его не оставляют в покое. С него прямыми или косвенными путями берут еще подати для оплаты чиновников, духовенства, в которых он может не нуждаться, или для учреждения дворцов, памятников и содержания двора и сановников, в которых он уже наверное совсем не нуждается, на содержание таможен, в которых он не только не нуждается, но которые вредны ему, на уплату процентов по государственным займам, совершенным за сотни лет до его рождения для войн, в которых не нуждались его предки, и на приготовления к войнам и на самые войны, которые не только не нужны, но губительны для него и для его близких. Он покоряется, потому что все эти требования поддерживаются насилием, т. е. угрозой убийства, и платит все эти подати, но правительственная машина и тут не оставляет его. В большинстве государств он должен, достигнув двадцатилетнего возраста, идти на военную службу, т. е. в самое жестокое рабство; в государствах же, где нет воинской повинности, должен платить для этого усиленные подати и, во всяком случае, быть готовым на все те бедствия, которые несут с собою войны.

Таковы те материальные бедствия, которые совершенно неизбежно претерпевает всякий человек от правительственной

власти. Но это далеко не всё. Самое ужасное зло, совершаемое правительствами, это — умственное и нравственное развращение, которому они подвергают свои народы. Родится ребенок, и его тотчас же причисляют к вере, установленной государственной властью. Так это всегда было и так это и теперь в большинстве государств. Там же, где этого нет, ему от этого не легче. Как только он возрастет, его обязательно посылают в школу, учрежденную правительством. И в школе этой его неизменно учат тому, что правительство с своей властью вообще есть необходимое условие его жизни и что то самое правительство, среди которого он родился, есть наилучшее правительство в мире, будет ли это правительство русского царя, или турецкого султана, или правительство английское с своим Чемберленом и колониальной политикой, или правительство Северо-Американских Штатов с своим покровительством трестам и империализмом. Такова низшая, обязательная школа и таковы и все высшие школы, в которые может поступить возросший гражданин русского, турецкого, английского, французского или американского государства. Но не только в школе, — в литературе, в собраниях, в памятниках, на улицах, в прессе, или подкупленной правительствами, или угождающей правительству, или принадлежащей богачам, опирающимся на правительство, — везде гражданин какого бы то ни было государства будет подвергаться тому развращающему внушению правительств о том, что власть вообще и его государство в особенности со своими цепями, тюрьмами, виселицами, войсками есть необходимое условие жизни его и его близких, есть почтенная, прекрасная, достойная всякого уважения и почестей деятельность, в которой каждый человек должен считать себя счастливым, если может участвовать, и представителей которой он должен почитать, преклоняться перед ними и подражать им.

Человек лишен всех своих самых естественных прав, большая часть его труда отнята от него в пользу дела зла, он незаметно для себя так запутан в расставленных со всех сторон сетях, что он такой же раб правительства, каковы были рабы рабовладельцев, с той только разницей, что рабы рабовладельцев могли быть рабами добрых и нравственных хозяев, правительственные же рабы — всегда рабы самых развращенных, жестоких и лживых людей.

И, что хуже всего, что будучи такими рабами самых жестоких и дурных людей, правительственные рабы не только не знают того, что они рабы, и не желают свободы, но и воображают, особенно в конституционных и республиканских государствах, что они совершенно свободные люди, и гордятся своим рабством.

VI.

«Что такое в наше время правительства, без которых людям кажется невозможным существовать?»

Если было время, когда правительства были необходимое ¹⁰ и меньшее зло, чем то, которое происходило от незащитности против организованных соседей, то теперь правительства стали ненужное и гораздо большее зло, чем всё то, чем они пугают свои народы.

Правительства, не только военные, но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю — полезны, но безвредны, только в том случае, если бы они состояли из непогрешимых, святых людей, как это и предполагается у китайцев. Но ведь правительства по самой деятельности своей, состоящей в со- ²⁰ вершении насилий, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей.

Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение.

Правительство, в самом широком смысле, включая в него и капиталистов и прессу, есть не что иное, как такая органи- ³⁰ зация, при которой большая часть людей находится во власти стоящей над ними меньшей части; эта же меньшая часть подчиняется власти еще меньшей части, а эта еще меньшей и т. д., доходя, наконец, до нескольких людей или одного человека, которые посредством военного насилия получают власть над всеми остальными. Так что всё это устройство подобно конусу, все части которого находятся в полной власти тех лиц или того лица, которое находится на вершине его.

Вершину же этого конуса захватывают те люди или тот человек, который более хитер, дерзок и бессовестен, чем другие, или случайный наследник тех, которые более дерзки и бессовестны.

Нынче Борис Годунов, завтра Григорий Отрепьев, нынче распутная Екатерина, удушившая со своими любовниками мужа, завтра Пугачев, после завтра безумный Павел, Николай, Александр III.

Нынче Наполеон, завтра Бурбон или Орлеанский, Буланже или компания панамистов; нынче Гладстон, завтра Сольсбери, Чемберлен, Родс.

И таким-то правительствам предоставляется полная власть не только над имуществом, жизнью, но и над духовным и нравственным развитием, над воспитанием, религиозным руководством всех людей.

Устроят себе люди такую страшную машину власти, предоставляя захватывать эту власть кому попало (а все шансы за то, что захватит ее самый нравственно дрянной человек), и рабски подчиняются и удивляются, что им дурно. Боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями...

Старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог со всеми ими делать всё, что захочет; потом конец веревки, связывающей их, бросят болтаться, предоставляя первому негодню или дураку захватить ее и делать с ними всё, что им нужно.

Ведь что же, как не это самое, делают народы, подчиняясь, учреждая и поддерживая организованное с военной властью правительство?»¹

«Но разве можно жить без правительства? Без правительства будет хаос, анархия, погибнут все успехи цивилизации, и люди вернутся к первобытной дикости. Только троньте существующий порядок вещей, — говорят обыкновенно не только те, которым этот порядок вещей выгоден, но и те, которым он явно невыгоден, но которые так привыкли к нему, что не могут себе представить жизни без правительственного насилия, — уничтожение правительства произведет величайшие несчастья: буйства, грабежи, убийства, в конце которых будут царствовать все дурные и будут в порабощении все хорошие люди, — говорят они».²

¹ «Патриотизм и правительство». Гл. VI, стр. 14 и 15. Изд. «Свободного слова».

² «Рабство нашего времени». Гл. XIII, стр. 54. Изд. «Свободного слова».

«Все люди, находящиеся во власти, утверждают, что их власть нужна для того, чтобы злые не насильствовали добрых, подразумевая под этим то, что они-то и суть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых.

Но ведь властвовать — значит насильствовать, насильствовать — значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насилие; следовательно, властвовать — значит делать другому то, чего мы не хотим чтобы нам делали, то есть делать злое. 10

Покоряться, значит предпочитать терпение насилию. Предпочитать же терпение насилию — значит быть добрым или хоть менее злым, чем те, которые делают другим то, чего не желают себе.

И потому все вероятия за то, что властвовали всегда и теперь властвуют не более добрые, а, напротив, более злые, чем те, над которыми они властвуют. Могут быть злые и среди тех, которые подчиняются власти, но не может быть того, чтобы более добрые властвовали над более злыми». ¹

«И потому, не говоря уже о том, что всё это, т. е. буйства, грабежи, убийства, в конце которых наступит царство злых и порабощение добрых, — что всё это уже было и теперь есть, не говоря уже об этом, предположение о том, что нарушение существующего устройства произведет смуты и беспорядки, не доказывает того, чтобы порядок этот был хорош. 20

Только троньте существующий порядок, — и произойдут величайшие бедствия».

Только троньте один кирпич из тысяч кирпичей, сложенных в высокий, в несколько сажень, узкий столб, — и развалится и разобьются все кирпичи. Но то, что всякий вынутый кирпич и всякий толчок разрушат такой столб и все кирпичи, никак не доказывает того, чтобы разумно было держать кирпичи в неестественном и неудобном положении. Наоборот, это показывает то, что кирпичи не надо держать в таком столбе, а надо разложить их так, чтобы они твердо держались и можно было ими пользоваться, не разрушая всего устройства. То же 30

¹ «Царство Божие внутри вас». Гл. X, стр. 89. Изд. «Свободного слова».

и с теперешним государственным устройством. Государственное устройство есть устройство весьма искусственное и шаткое, и то, что малейший толчок разрушает его, не только не доказывает того, что оно необходимо, но, напротив, показывает то, что если оно и было когда-нибудь нужно, то теперь оно вовсе не нужно и потому вредно и опасно.

Оно вредно и опасно потому, что при этом устройстве всё то зло, которое существует в обществе, не только не уменьшается и не исправляется, а только усиливается и утверждается. Усиливается и утверждается оно потому, что оно или оправдывается и облекается в привлекательные формы или скрывается.

Всё то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилием, так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только видимость — фикция. Всё, что может нарушить внешнее благообразие, все голодные, больные, безобразно развращенные, все попрытаны по таким местам, где их нельзя видеть, но то, что они не видны, не доказывает того, что их нет; напротив, их тем больше, чем больше они скрыты, и тем жесточе к ним те, которые их производят. Правда, что всякое нарушение, а тем более прекращение правительственной деятельности, то есть организованного насилия, нарушит такое внешнее благообразие жизни, но это нарушение произведет не расстройство жизни, а только обнаружит то, которое было скрыто, и даст возможность исправления его.

Люди думали и верили до последнего времени, до конца нынешнего столетия, что они не могут жить без правительства. Но жизнь идет, условия жизни и взгляды людей изменяются. И, несмотря на усилия правительств, направленные к тому, чтобы удержать людей в этом детском состоянии, в котором обиженному человеку кажется легче, если есть кому пожаловаться, люди, в особенности рабочие люди, не только в Европе, но и в России, всё больше и больше выходят из ребячества и начинают понимать истинные условия своей жизни.

«Вы говорите нам, что без вас нас завоюют соседние народы: китайцы, японцы, — говорят теперь люди из народа, — но мы читаем газеты и знаем, что никто не угрожает нам войною, а что только одни вы, правители, для каких-то непонятных нам целей, озлобляете друг друга и потом, под предлогом защиты своих

народов, разоряя нас податями на содержание флотов, вооружений, стратегических железных дорог, нужных только для вашего честолюбия и тщеславия, затеваете войны друг с другом, как теперь вы это устроили с миролюбивыми китайцами. Вы говорите, что вы для нашего блага ограждаете земельную собственность, но ваше ограждение делает то, что вся земля или перешла или переходит во власть не работающих компаний, банкиров, богачей, а мы, огромное большинство народа, обезземелены и находимся во власти не работающих. Вы со своими законами о земельной собственности не ограждаете 10 земельную собственность, а отнимаете ее у тех, кто работает. Вы говорите, что ограждаете за всяким человеком произведения его труда, а между тем делаете как раз обратное: все люди, производящие ценные предметы, благодаря вашему мнимому ограждению, поставлены в такое положение, что никогда не только не могут получать стоимости своего труда, но вся жизнь их находится в полной зависимости и власти не работающих людей...»

Говорят, что без правительств не будет тех учреждений: просветительных, воспитательных, общественных, которые 20 нужны для всех.

Но почему же предполагать это? Почему думать, что неправительственные люди не сумеют сами для себя устроить свою жизнь так же хорошо, как ее устраивают не для себя, а для других правительственные люди?

Мы видим, напротив, что в самых разнообразных случаях жизни в наше время люди устраивают сами свою жизнь без сравнения лучше, чем ее устраивают для них правящие ими люди. Люди без всякого вмешательства правительства, и часто несмотря на вмешательство правительства, составляют всякого 30 рода общественные предприятия — союзы рабочих, кооперативные общества, компании железных дорог, артели, синдикаты. Если для общественного дела нужны сборы, то почему же думать, что без насилия свободные люди не сумеют добровольно собрать нужные средства и учредить всё то, что учреждается посредством податей, если только эти учреждения для всех полезны? Почему думать, что не могут быть суды без насилия? Суд людей, которым доверяют судящиеся, всегда был и будет и не нуждается в насилии. Мы так извращены долгим рабством, что не можем себе представить управление без насилия. 40

Но это неправда. Русские общины, переселяясь в отдаленные края, где наше правительство не вмешивается в их жизнь, устраивают сами свои сборы, свое управление, свой суд, свою полицию и всегда благоденствуют до тех пор, пока правительственное насилие не вмешивается в их управление...

Десятки тысяч десятин леса, принадлежащих одному владельцу, тогда как тысячи людей рядом не имеют топлива, нуждаются в ограждении насилием. Так же нуждаются в ограждении заводы, фабрики, на которых несколько поколений рабочих были ограблены и продолжают ограбляться. Еще более нуждаются в ограждении сотни тысяч пудов хлеба одного владельца, дождавшегося голода, чтобы продавать его втридорога голодающему народу...

Обыкновенно говорят: попробуйте уничтожить право собственности земли и предметов труда — и никто, не будучи уверен в том, что у него не отнимут то, что он сработает, не станет трудиться. Надо сказать совершенно обратное: ограждение насилием права незаконной собственности, практикующееся теперь, если не уничтожило вполне, то значительно ослабило в людях естественное сознание справедливости по отношению пользования предметами, то есть естественного и прирожденного права собственности, без которого не могло бы жить человечество и которое всегда существовало и существует в обществе...

Понятно, что можно сказать, что лошадям и быкам нельзя жить без насилия над ними разумных существ — людей; но почему людям нельзя жить без насилия над ними — не каких-либо высших существ, а таких же, какие они сами? Почему люди должны покоряться насилию именно тех людей, которые в данное время находятся во власти? Что доказывает, что эти люди — люди более разумные чем те, над которыми они совершают насилие?

То, что они позволяют себе делать насилие над людьми, показывает то, что они не только не более разумны, но менее разумны, чем те, которые им покоряются...

Говорят: как могут люди жить без правительств, т. е. без насилия? Надо сказать напротив: как могут люди, разумные существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насилие, а не разумное согласие?

Одно из двух: или люди разумные или неразумные существа. Если они неразумные существа, то они все неразумные существа, и тогда всё между ними решается насиллием, и нет причины одним иметь, а другим не иметь права насиллия. И насиллие правительства не имеет оправдания. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны на разуме, а не на насиллии людей, случайно захвативших власть»... ¹

«Люди и говорят, что... уничтожение государственной формы повлекло бы за собой уничтожение всего того, что выработало ¹⁰ человечество, что государство как было, так и продолжает быть единственной формой развития человечества, и что всё то зло, которое мы видим среди народов, живущих в государственной форме, происходит не от этой формы, а от злоупотреблений, которые могут быть исправлены без уничтожения, и что человечество, не нарушая государственной формы, может развиваться и дойти до высокой степени благосостояния. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им неопровержимыми и философские, и исторические, и даже религиозные доводы. Но есть люди, полагающие обратное, именно ²⁰ то, что так как было время, когда человечество жило без государственной формы, то форма эта временная, и должно наступить время, когда людям понадобится новая форма, и что время это наступило теперь. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им тоже неопровержимыми и философские, и исторические, и религиозные доводы.

Можно написать томы в защиту первого мнения (они уже и давно написаны и всё еще пишутся), но можно написать (и ³⁰ тоже, хотя и недавно, но много и блестяще написано) и многое против него.

И нельзя доказать того, как это утверждают защитники государства, что уничтожение государства повлечет за собой общественный хаос, взаимные грабежи, убийства и уничтожение всех общественных учреждений и возвращение человечества к варварству... Еще меньше можно доказать это опытом, так как вопрос состоит в том, следует или не следует делать

¹ «Рабство нашего времени». Гл. XIII, стр. 54—60. Изд. «Свободного слова».

опыт. Вопрос о том, наступило или не наступило время упразднения государства, был бы неразрешимым, если бы не существовал другой жизненный способ неоспоримого решения его.

Совершенно независимо от чьего бы то ни было суждения о том, созрели ли птенцы настолько, чтобы вылупиться из яиц, или еще не созрели для этого, неоспоримым решителем вопроса будут птенцы, когда они, уже не уместяясь более в яйцах, начнут пробивать их клювом и сами выходить из них.

То же с вопросом о том, наступило ли или не наступило для людей время уничтожения государственной формы и замены ее новой. Если человек, вследствие выросшего в нем высшего сознания, не может уже более исполнять требований государства, не уместяется уже более в нем и вместе с тем не нуждается более в ограждении государственной формой, то вопрос о том, созрели ли люди для отмены государственной формы или не созрели, решается совсем с другой стороны и так же неоспоримо, как и для птенца, вылупившегося из яйца, в которое уже никакие силы мира не могут вернуть его, — самими людьми, выросшими уже из государства и никакими силами не могут быть возвращенными в него.

«Очень может быть, что государство было нужно и теперь нужно для всех тех целей, которые вы приписываете ему, — говорит человек, усвоивший христианское жизнепонимание, — знаю только то, что с одной стороны, *мне* не нужно более государство, с другой, я не могу более совершать те дела, которые нужны для существования государства. Устраивайте для себя то, что нужно вам для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общего вреда государства; я знаю только то, что мне нужно и не нужно, что мне можно и нельзя. Я знаю про себя, что *мне* не нужно отделение себя от других народов, и потому я не могу признавать своей исключительной принадлежности к какому-либо народу и государству и подданства какому-либо правительству; знаю про себя, что *мне* не нужны все те правительственные учреждения, которые устраиваются внутри государств, и потому я не могу, лишая людей, нуждающихся в моем труде, отдавать его в виде подати на ненужные мне и, сколько я знаю, вредные учреждения; я знаю про себя, что *мне* не нужны ни управления, ни суды, произво-

димые насиллием, и потому я не могу участвовать ни в том, ни в другом; я знаю про себя, что *мне* не нужно ни нападать на другие народы, убивая их, ни защищаться от них оружием в руках, и потому я не могу участвовать в войнах и приготовлениях к ним. Очень может быть, что есть люди, которые не могут не считать всего этого нужным и необходимым; я не могу спорить с ними, я знаю только про себя, зато несомненно знаю, что мне этого не нужно»... ¹

Людей таких уже очень много; но люди эти все-таки продолжают подчиняться государству и поддерживать его. Отчего это? ¹⁰

VII.

Причина этого, я думаю, такая: среди народов христианского мира ослаблена, затемнена, если не совершенно отсутствует в огромном большинстве главная движущая сила народа: религия. Какова бы ни была религия народа, как бы грубо она ни была выражена, всегда только на основании религии народа устанавливается тот или иной склад его жизни, и только на основании изменений, происходящих в религии народа, изменяется и склад его жизни. ²

Это так, потому что главное направление и склад жизни ²⁰ каждого человека обуславливается тем назначением, которое он призывает за собой в жизни, а так как определяет назначение человека только религия, то ясно, что как для отдельных личностей, так и для народов (как ни разнообразен склад жизни каждого народа) направление и склад жизни определяется

¹ «Царство Божие внутри вас». Гл. X, стр. 87, 88. Изд. «Свободного слова».

² Знаю я, что существует самое распространенное между учеными нашего времени мнение о том, что обуславливается жизнь народа не внутренними духовными причинами, а внешними, преимущественно экономическими. Опровергать такое мнение считаю излишним, так как здравый смысл, историческая действительность и, главное, нравственное чувство показывают совершенную несправедливость его. Мнение это возникло и утвердилось среди людей ограниченных и, главное, лишенных высшей, отличающей человека от животного способности чувствовать необходимость установления своего отношения к миру, т. е. религиозного сознания; и потому стараться убедить таких людей в том, что существует то, чего они не испытывают и не могут оцупать руками, совершенно бесполезно,

преимущественно его религией. Само собой разумеется, что на склад жизни всякого народа, кроме религии, влияют и другие причины, но главное изменение и переход от низшего, менее совершенного состояния к высшему, более совершенному, обусловливается всегда только религией. Европейские народы перешли от низшего состояния к высшему, когда приняли христианство; также перешли на высшую степень развития арабы и турки, став магометанами, и народы Азии, приняв буддизм, конфуцианство или таосизм.

10 Совершившееся изменение в религиозном сознании народа неизбежно влечет за собою изменение и во внешних формах жизни народа. Так это всегда было, так это и теперь. Но бывают времена, когда в религиозном сознании людей произошло уже изменение, а между тем изменение это еще не успело выразиться во внешних формах жизни, и продолжается прежняя жизнь общества, сложившаяся на основании религиозного сознания, уже не признаваемого людьми этого общества. Происходит это оттого, что уяснение, очищение, изменение, рост религиозного сознания совершается непрерывно, незаметно; 20 формы же жизни изменяются менее постепенно, несоответственно незаметному приросту сознания, изменяются порывами. Зародыш зерна растет непрерывно, оболочка же разрывается. То же и с сознанием и формой общественной жизни.

Нечто подобное испытывает каждый человек, переходя из одного возраста в другой. То, что совершается в жизни отдельного человека, совершается и в жизни целого общества. В сознании ребенка, переходящего в юношу, и юноши, переходящего в мужа, и мужа — в старика, совершаются изменения сознания, постепенные, незаметные, но, переходя из одного возраста 30 в другой, человек продолжает иногда долго еще жить мирозерпанием прежнего возраста. Не веря же тому, чему верил прежде, и не установив еще и нового отношения к миру, человек живет в такие периоды времени без всякого руководства.

И как отдельные люди в такие переходные времена часто живут особенно неразумной, мучительной, бурной жизнью, так это бывает в целых обществах людей, когда формы их жизни не отвечают уже их сознанию.

Таково, я думаю, время, которое переживают теперь христианские народы.

40 Религиозное сознание, на основании которого сложились

существующие формы жизни, пережито человечеством, новое же религиозное понимание жизни еще не создано, и люди нашего времени живут без всякого определенного понимания смысла, назначения своей жизни и внутреннего руководства в поступках.

Одна, большая часть людей нашего мира исповедует различно извращенную, но всегда извращенную христианскую веру, под именем которой разумеется составленный за 1600 лет тому назад соборами свод утверждающих величайшие нелепости догматов. И эта прямо противоречащая всем современным знаниям и здравому смыслу мнимо христианская вера, не дающая никаких основ поведения, кроме слепой веры и послушания тем лицам, которые называют себя церковью, занимает то место, которое всегда занимала и должна занимать истинная религия, дающая объяснение смысла жизни и выведенное из этого смысла жизни руководство поведения.

Другая, меньшая часть людей, называющая себя просвещенными, образованными людьми, находится в положении еще более невыгодном для ведения доброй и разумной жизни. Люди эти, освободившиеся от обмана мнимо христианской веры, находятся под властью другого, еще худшего, чем церковное христианство, обмана, так называемого научного мировоззрения, из которого не может быть выведено никакого разумного руководства поведения. Мировоззрение это состоит в отказе от главного свойства жизни человеческой природы, отличающего человека от животного, — уяснения своего положения и назначения в мире, от того, что составляет сущность религиозного сознания, и в замене этого сознания собранием случайных, ничем не связанных между собою, ненужных наблюдений и знаний о самых разнообразных предметах. По мировоззрению этому (если можно так назвать отсутствие мировоззрения) всякая религия по существу своему есть заблуждение, и нет никакой надобности искать разумного объяснения смысла жизни и вытекающего из него руководства поведения, так как совершенно достаточное руководство поведения дает наука вообще и в особенности мнимая наука социологии, по законам которой движется человечество. Но так как наука эта только в будущем определит все законы жизни, то в действительности люди этого мировоззрения живут или бессознательно под внушением прежних религиозных правил или вовсе без всякого руководства,

беспрепятственно предаваясь своим страстям и похотям и даже «научно» оправдывая их. Таково жалкое заблуждение меньшинства людей, считающих себя передовыми людьми общества.

Третья же часть людей нашего времени самая большая. Это люди всех родов, всех сословий, всех степеней образования, которые, совершенно освободившись от всякого стеснения церковной веры и из научного суеверия усвоив себе только то, что религии не должно быть, — не только живут, как животные, одной эгоистической, похотливой жизнью, но даже считают такую жизнь (борьба за существование, сверхчеловечество) последним словом человеческой мудрости.

Из этого-то подобия веры одной, большей части, и ни к чему не обязывающего, самодовольного, низменного мировоззрения или, скорее, отсутствия всякого мировоззрения малой части и из полной нравственной распущенности самой большей части складывается жизнь нашего мира. А так как ни в подобии веры, ни в отрицании ее и замене ее случайным собранием сведений о разных предметах, называемых наукой, ни в нравственной распущенности нет и не может быть ни движущей, ни сдерживающей силы, дающей направление деятельности людей нашего времени и общества, то и идет жизнь без какого бы то ни было руководящего начала, только по инерции прошедшего, всё больше и больше расходясь с смутно сознаваемым, свойственным нашему времени, возрасту общества религиозным сознанием, и потому становится всё более и более бессмысленной и мучительной.

VIII.

Положение нашего христианского мира теперь таково: одна, малая часть людей, владеет большей частью земли и огромными богатствами, которые всё больше и больше сосредоточиваются в одних руках и употребляются на устройство роскошной, изнеженной, неестественной жизни небольшого числа семей. Другая, большая часть людей, лишенная права и потому возможности свободно пользоваться землей, обремененная податями, наложенными на все необходимые предметы, задавленная вследствие этого неестественной, нездоровой работой на принадлежащих богачам фабриках, часто не имея ни удобных жилищ, ни одежд, ни здоровой пищи, ни необходимого для

умственной, духовной жизни досуга, живет и умирает в зависимости и ненависти к тем, которые, пользуясь их трудом, принуждают их жить так.

И те и другие боятся друг друга и, когда могут, насилуют, обманывают, грабят и убивают друг друга. Главная доля деятельности и тех и других тратится не на производительный труд, а на борьбу. Борются капиталисты с капиталистами, рабочие с рабочими и капиталисты с рабочими. Так что, несмотря на доведенное до большого совершенства машинное производство, невознаградиво растрачиваются богатства земли и на поверхности и внутри ее; главное, непроизводительно, мучительно, бесполезно тратятся людские жизни. Самое мучительное в этом состоянии то, что как богатые, так и бедные, знают, что такая жизнь безумна, что гораздо выгоднее было бы и для богатых и для бедных, соединив свои силы, делить труд и производство труда, но ни те ни другие не видят никакой возможности изменить существующее положение и продолжают жить, ненавидя друг друга и вредя друг другу, сознавая при этом всё большее и большее ухудшение своего положения.

Кроме всех этих бедствий, происходит еще напряженная, непрерывающаяся борьба народов с народами, государств с государствами, выражающаяся тратами большей части трудов людских на приготовление к войнам, и почти не переставая происходят и самые войны, в которых погибают сотни тысяч людей в самую цветущую пору их жизни и развращаются миллионы людей. И точно так же как во всех испытываемых бедствиях, люди знают, что всего этого не должно быть и что эти вооружения и войны бессмысленны, губительны, ничем иным не могут кончиться, как разорением и озверением всех, но, несмотря на это, всё больше отдают свои труды и жизни на приготовление к войнам и на самые войны. Все знают, что всего этого не должно быть и может не быть, и все всё-таки делают всё то, что поддерживает и усиливает бедственность такого положения. И это сознание жизни, ведомой против своей выгоды, разума, желанья, до такой степени мучительно, что, не видя выхода из этого противоречия, самые чуткие и горячие из людей разрешают его самоубийством (и таких становится всё больше и больше), другие, точно так же страдая от сознания противоречия своей разумной природы с жизнью, предаются неполному самоубийству — заглушению разума посредством

одурения себя табаком, вином, водкой, опиумом, морфином. Третьи, кроме одурения себя разными наркотиками, стараются еще забыться, предаваясь всякого рода возбуждающим и отуманивающим забавам, зрелищам, чтением, различного рода умствованиям о совершенно бесполезных предметах, которые они называют наукой и искусством. Огромное же большинство, задавленное работой, тоже, не переставая одуряя себя наркотиками, которые предлагают ему его эксплуататоры, не имея времени подумать о своем положении, хотя и чувствуя, что то, что совершается, не то, что должно быть, живет одними животными потребностями.

И как богатые, так и бедные, поколения за поколениями живут и умирают без мысли о том, зачем они жили эту бессмысленную, мучительную жизнь, или с смутным сознанием о том, что вся эта жизнь была какая-то ужасная и жестокая ошибка.

IX.

Положение это ужасно особенно тем, что, живя такой мучительной жизнью, люди в глубине души сознают возможность совершенно другой жизни, жизни разумной, братской, без безумной роскоши одних и нищеты и невежества других, без казней, разврата, без насилия, без вооружений, без войн.

А между тем устройство жизни, основанное на насилии, до такой степени стало привычно людям, что люди не могут себе представить общей жизни без правительственной власти и даже так привыкли к нему, что даже идеалы разумной, свободной, братской жизни стараются осуществить посредством правительственной власти, то есть насилия.

Заблуждение это стоит в основе всей неурядицы, как прошедшей, так и современной и даже будущей жизни христианских народов. Поразительный пример этого заблуждения представляет большая французская революция.

Деятели революции ясно выставили те идеалы равенства, свободы, братства, во имя которых они намеревались перестроить общество. Из принципов этих вытекали практические меры: уничтожение сословий, уравнение имуществ, упразднение чинов, титулов, уничтожение земельной собственности, распускание постоянной армии, подоходный налог, пенсии рабочим, отделение церкви от государства, даже установление

общего всем разумного религиозного учения. Всё это были разумные и благодетельные меры, вытекавшие из выставленных революцией несомненных, истинных принципов равенства, свободы, братства. Принципы эти, так же как и вытекавшие из них меры, как были, так и остались и останутся истинными и до тех пор будут стоять как идеалы перед человечеством, пока не будут достигнуты. Но достигнуты эти идеалы никогда не могли быть насильем. А между тем люди того времени так привыкли к единственному средству воздействия на людей, принуждению, что не видели того противоречия, которое заклю- 10
чается в мысли осуществления равенства, свободы, братства посредством насилия; не видели того, что равенство по существу своему отрицает власть и подчинение, что свобода несовместима с принуждением, и что не может быть братства между повелевающими и подчиняющимися. От этого все ужасы террора.

В ужасах этих виноваты не принципы, как думают многие (принципы, как были, так и останутся истинными), а способ их осуществления. То противоречие, которое так ярко и грубо выразилось в большой французской революции и вместо блага привело к величайшему бедствию, таким же осталось и теперь. 20
И теперь это противоречие проникает все современные попытки улучшения общественного строя. Все общественные улучшения предполагается осуществить посредством правительства, то есть насилия. Мало того, противоречие это проявляется не только в настоящем, оно проявляется даже в представлении самых передовых социалистов, революционеров, анархистов о будущем устройстве жизни.

Люди хотят осуществить идеал разумной, свободной и братской жизни на начале принудительной власти, тогда как принудительная власть, как ни переставляй и ни обставляй ее, 30
есть всегда присвоенное одними людьми право распоряжения другими и, в случае неповиновения, — принуждения посредством крайнего средства — убийства.

Посредством убийства осуществлять идеалы человеческого блага!

Французская большая революция была тем *enfant terrible*,¹ который в своем охватившем весь народ восторге, при сознании великих истин, открытых им, и при инерции насилия,

¹ [бедовым ребенком,]

в самой наивной форме выказал всю нелепость того противоречия, в котором билось тогда, бьется и теперь человечество: *liberté, égalité, fraternité, ou la mort.* ¹

Х.

Причина того странного противоречия, вследствие которого люди пытаются осуществить идеалы равенства, свободы, братства посредством деятельности прямо противоположной этим идеалам и исключаяющей возможность их осуществления, та (как и сказано выше), что людям смутно представляется уже
10 свойственное возрасту человечества религиозное сознание; жизнь же продолжает идти в прежних формах, и люди так привыкли к ним, что не могут себе представить жизни вне форм, выросших из отжитого уже религиозного мировоззрения:

Ребенок стал взрослым, а всё еще по старой привычке хочет, чтобы его кормили, одевали, учили.

Формы жизни уже не соответствуют возрасту, но не усвоено еще сознание, соответственное возрасту. От этого то и все попытки улучшения своего положения люди нашего времени направляют на исправление, изменение, улучшение внешних
20 правительственных форм — того, что по существу своему несовместимо с идеалом разумной, свободной и братской жизни и что не только для осуществления этой жизни, но для возможности приближения к ней, всё должно быть уничтожено.

«Только бы правительство действовало правильно или установлено было вместо дурного хорошее, — думает большинство людей нашего времени, — и всё исправится и будет хорошо, люди будут уравнены, будут свободны и будут жить согласно»: Одни думают, что для этого нужны только не нарушать спокойное течение жизни существующих правительств, нужно под-
30 держивать без изменений существующий, раз установленный порядок, и правительства сами всё устроят, только бы не мешали им. Это те, которые называются консерваторами. Другие думают и говорят, что настоящее дурное положение вещей должно и может быть изменено и исправлено введением новых законов и учреждений, обеспечивающих равенство и свободу людей. Это те, которых называют либералами. Третьи пола-

¹ [свобода, равенство, братство или смерть.]

гают, что теперешнее устройство всё не годится, должно быть всё разрушено и заменено другим, более усовершенствованным, таким, которое устанавливало бы полное равенство, в особенности экономическое, обеспечивало бы свободу и утверждало бы братство всех людей без различия государств. Это те, которые называются революционерами различных оттенков.

Все эти люди, хотя и не согласны между собою, все согласны в одном главном, что только правительственной, т. е. принудительной властью можно улучшить положение людей.

Так думают и говорят люди достаточные, имеющие время 10
обсуживать общие вопросы. (В последнее время таких людей развелось особенно много. Думаю, что не будет преувеличением сказать, что бóльшая половина времени всех достаточных, досужих людей занята рассуждениями и поучениями друг друга и спорами о том, как наилучшим образом поступать правительству и как следует поступать правительству для бóльшего или меньшего осуществления идеалов равенства, свободы, братства.)

Огромное же большинство бедных рабочих людей, не имеющих досуга для обсуждения общих вопросов и поучения друг 20
друга, в сущности думают и говорят то же, а именно то, что улучшение общественного устройства может быть осуществлено только правительством, и не только не желают уничтожения правительства, но все свои надежды возлагают на улучшенную правительственную, настоящую или будущую власть. И не только думают так и богатые и бедные, но так и поступают.

В Китае, Турции, Абиссинии, России поддерживают старое устройство, не изменяя его, но всё идет хуже и хуже; в Англии, Америке, Франции посредством конституций и парламентов стараются улучшить общественное устройство, но идеалы равенства, свободы, братства так же, как прежде, далеки от осуществления. 30

Во Франции, Испании, в южно-американских республиках, теперь в России устраивали и устраиваются революции; но удаются или не удаются революции, после революций, как отогнанная волна, возвращается то же положение, иногда даже и хуже прежнего. Оставляют ли люди прежнюю правительственную власть или изменяют ее, стеснение свободы и вражда между людьми остаются те же. Те же казни, тюрьма, изгнания, та же несвобода покупать без податей то, что произ- 40

водится за известной чертой, или пользоваться орудиями труда), такое же, как при Иосифе прекрасном, повсюду лишение права рабочих людей пользоваться землей, на которой они родились; такая же вражда народов с народами; такие же, как и при Чингис-Хане, набеги на беззащитные народы Африки, Азии и друг на друга; те же жестокости; такие же пытки одиночного заключения и дисциплинарных рот, как и при инквизиции; те же постоянные армии и военное рабство; то же неравенство, какое было между фараоном и его рабами и теперь между Рокфеллерами, Ротшильдами и их рабами.

20 Меняются формы, но сущность отношения людей не изменяется, и потому идеалы равенства, свободы, братства ни на шаг не приближаются к осуществлению. Приближение к осуществлению этих идеалов если и произошло, то не вследствие изменения правительственных форм, а скорее несмотря на задерживающее влияние правительств. Если не так смело теперь грабят в городах, на улицах, то произошло это не от каких-либо новых законов, а от хорошего освещения улиц. Если не так часто умирают люди от голода, то и это происходит не от законов и правительственного устройства, а от путей сообщения. Если перестали сжигать ведьм или употреблять пытку как средство открытия истины или резать носы, языки и уши для осуществления правосудия, то произошло это не от какого-либо нового устройства правительства, а от развития знания и добрых чувств, совершенно независимых от правительственного устройства.

Изменяются внешние формы согласно возрасту человечества, то есть развития умственных сил и власти над природой, но сущность остается та же, в роде как при падении тела оно может 20 изменять свое положение, но линия, по которой будет двигаться центр его тяжести, будет всегда одна и та же.

Бросьте кошку с высоты: она может вертеться или лететь вверх или вниз головой, но центр ее тяжести не выйдет из линии падения. То же и с изменениями внешних форм правительственного насилия.

Казалось, люди, сознавая себя разумными существами, жизнь которых должна быть руководима идеалами разума и добра, должны бы были сделать одно из двух: или отказаться от разумных идеалов, несовместимых с насилием, или отказаться 40 от насилия, перестать учреждать и поддерживать его. Но люди

не делают ни того ни другого, а только всячески видоизменяют насилие, как человек, несущий бесполезную тяжесть, то дает ей иную форму или перекладывает ее со спины на плечи, с плеч на бедра и опять на спину, не догадываясь сделать одного нужного — бросить ее.

И что при этом хуже всего, это то, что озабочиваясь изменением правительственных форм насилия, того, что как бы оно ни изменялось, не может улучшить положения, — люди всё больше и больше отдаляются от той деятельности, которая одна может улучшить их положение.

XI.

Человечество — христианское, может быть даже и всё человечество, стоит теперь на пороге огромного преобразования (в роде того, которое совершается в отдельном человеке, когда он из ребенка переходит в мужа), переворота, совершающегося не веками, но, может быть, тысячелетиями. Переворот этот двоякий: внутренний и внешний. Внутренний состоит в том, что вера, религия, то есть объяснение смысла жизни, во все предшествующие времена (и чем дальше назад, тем больше) представлялась возможной только в форме таинственных, мистических, чудесных откровений и связанных с ними обрядов. Теперь же человечество в своих высших, в особенности христианских представителях, дожило до того, что ему стало не нужно мистическое объяснение смысла жизни посредством чудесных откровений и столь же излишним совершение предписываемых для угождения Богу обрядов, а стало достаточным и еще более убедительным, чем прежнее мистическое, простое разумное объяснение смысла жизни, из которого вместо прежнего исполнения обрядов с большей обязательностью, чем прежде, вытекает исполнение жизненных, нравственных требований.

Таков внутренний переворот, совершившийся в продолжение тысячелетий, совершающийся и теперь, но дошедший до такой степени, при которой большинство людей уже способны усвоить себе это новое религиозное понимание. Взрослый человек начинает чувствовать, что он перестает быть ребенком.

Таков внутренний переворот. Внешний же переворот, связанный с внутренним и вытекающий из него, состоит в изменении

форм общественной жизни, в изменении того начала, которое связывало прежде и теперь еще связывает людей в общественной жизни: в замене насилия разумным убеждением и согласием. Человечество перепробовало все возможные формы насильственного правления, и везде, от самой усовершенствованной республиканской до самой грубой деспотической, зло насилия остается то же самое и качественно и количественно. Нет произвола главы деспотического правительства, есть линчевание и самоуправство республиканской толпы; нет рабства личного, есть рабство денежное; нет прямых поборов и даней, есть косвенные налоги; нет самовластных падишахов, есть самовластные короли, императоры, миллиардеры, министры, партии. Несостоятельность насилия как средства общения людей, несоответствие его с требованиями современной совести слишком очевидно, чтобы существующий порядок мог продолжаться. Но внешние условия не могут измениться без изменения внутреннего, духовного состояния людей.

И потому все усилия людей должны быть направлены на совершение этого внутреннего изменения.

20 Что же нужно для этого? Одно и прежде всего: устранение тех препятствий, которые мешают людям понять свое положение и усвоить те религиозные начала, которые уже смутно живут в их сознании. Препятствия эти в наше время двойные: обман церковный и обман научный.

Первый — в том, что людей уверяют те, которым это выгодно; что религия, для того чтобы служить ответом на главные жизненные вопросы людей и руководством жизни, для того чтобы быть религией, должна быть соединена с мистицизмом, с жречеством, чудесами, обрядами, богослужениями.

30 Второй, научный обман — в том, что тоже люди, которым это выгодно, внушают большинству, что религия вообще есть пережиток древнего периода жизни и что в наше время она может быть вполне заменена изучением законов жизни и общими выведенными и из рассуждения и из опыта правилами поведения.

Обман церковных людей тот, что вместо объяснения смысла жизни они выставляют учение откровения, несогласное с современными знаниями, и вместо руководства поведения дают ряд правил и обрядов, независимых от жизни. Обман людей 40 науки состоит в том, что они считают совершенно излишним

метафизику религии, то есть объяснение смысла жизни, воображая, что возможно руководство поведения без религиозной метафизической основы.

Церковные люди думают и утверждают, что религия, в которую они уже сами не могут верить, может быть полезна для народа. Люди же науки думают и утверждают, что религия, то, чем жило, живет и может двигаться вперед человечество, — есть остаток суеверия, которое должно быть оставлено, и что люди могут быть руководимы мнимыми законами, выводимыми из мнимой науки социологии. 10

Вот эти-то, особенно последние люди, называющие себя людьми науки, и составляют в наше переходное время главное препятствие к вступлению человечества на ту степень и внутреннего сознания и внешнего устройства, которая свойственна его возрасту.

Особенно вредны так называемые люди науки, потому что обман церковных жрецов успел уже так ярко и безобразно проявиться, что большинство людей не верит в него и если держится церковного учения, то только как предания, обычая, приличия, и всё больше и больше освобождается от него. 20

Суеверие же научное находится теперь в самой силе, и люди, освободившиеся от лжи церкви и считающие себя свободными, сами того не замечая, находятся в полной власти этой новой, научной церкви. Проповедники этого учения усиленно стараются, с одной стороны, отвлекать людей от самых существенных, религиозных вопросов, направляя их внимание на разные пустяки, как происхождение видов, исследование состава звезд, свойств радия, теории чисел, допотопных животных и тому подобных неужных глупостей, приписывая им такую же важность, какую прежние жрецы приписывали бессемениному зачатию, двум естествам и т. п. С другой стороны, стараются внушить людям, что религия, то есть установление отношения человека к миру и началу его, — совсем не нужна, что напыщенный набор слов о праве, нравственности, выдуманной, не могущей существовать науке социологии может вполне заменить религию. Люди эти, так же как церковники, уверяют себя и других, что они спасают человечество, и так же верят в свою непогрешимость, так же никогда не согласны между собою и распадаются на бесчисленные толки, и, так же как 40

церкви в свое время, составляют в наше время главную причину невежества, грубости, развращения человечества и потому замедления освобождения человечества от того зла, от которого оно страдает, и того заколдованного круга, в котором вертится. Люди эти сделали то, что сделали строители, о которых говорится в писании: «они отвергли тот камень, который всегда был и будет главою угла, замком свода»; они отвергли то, что одно соединяло и может соединить воедино человечество: его религиозное сознание.

И от этого-то и происходит тот заколдованный круг — замена одного зла другим, в котором бесцельно кружится христианское человечество нашего времени. Люди, лишённые высшего человеческого свойства, религиозного сознания, признают ли они состоящее из суеверий церковное учение или неясные, многосложные и ненужные научные рассуждения, дающие еще менее, чем церковные суеверия, силой, независимой от людских велений деятельности, — не могут не только разрушить существующий строй, но не могут, как бы они ни хотели этого, хоть на сколько-нибудь улучшить положение людей, приблизиться к идеалам равенства, свободы, братства, которые они желали бы осуществить.

У них нет сил для этого.

Осуществить идеалы вечные могут только люди, живущие не одной этой, а вечной жизнью. Только для таких людей возможно то, что для людей, живущих одной этой жизнью, представляется жертвой. Только жертвой благами этой жизни движется вперед человечество.

Жертва же возможна только для человека религиозного, то есть для такого, который считает свою жизнь в мире только частью, проявлением в общей жизни мира, и потому долженствующей подчиняться требованиям, законам этой всеобщей жизни. Для человека же, считающего эту жизнь всей его жизнью, такая жертва не имеет смысла, а не будучи в силах жертвовать, он не может уничтожить, уменьшить зло жизни. Он вечно будет передвигать зло с одного места на другое, но никогда не будет в силах уничтожить его.

И потому избавление людей от того зла, которое они терпят, есть только одно: распространение среди народов того одного истинного, высшего для нашего времени религиозного учения, смутное сознание которого уже живет в людях.

XII.

До тех пор, пока не будет усвоено человечеством (как всегда усваиваются людьми религиозные учения, одними — меньшинством — сознательно, свободно, другими же — большинством — верою, доверием, внушением) общего всем, разумного, соответствующего возрасту человечества вероучения, до тех пор будут изменяться формы жизни, зло же жизни будет не только оставаться то же, но будет всё увеличиваться и увеличиваться.

И такое вероучение давно существует и уже смутно сознается 10 большинством людей нашего общества. Учение это-то есть всем известное, всеми признаваемое христианское учение в его истинном, освобожденном от извращений и лжетолкований значении. Учение это в своих главных, как метафизических, так и этических основах, признается всеми, не только христианами, но и людьми других вер, так как вполне совпадает со всеми великими религиозными учениями мира в их неизвращенном состоянии, — с браминизмом, конфуцианством, таосизмом, еврейством, магометанством, сведенборгианством, спиритуализмом, теософией, даже позитивизмом Кюнта. ■

Сущность этого учения в том, что человек есть духовное существо, подобное своему началу — Богу; что назначение человека — исполнение воли этого начала — Бога; что воля Бога в благе людей; что благо людей достигается любовью; любовь же проявляется в делании другим того, что хочешь чтобы тебе делали. В этом всё учение.

Учение это не есть мистическое откровение о сверхъестественных проявлениях божества и его догматах и постановлениях, как утверждают христианские церкви, и не есть также только нравственное учение о согласной, выгодной для всех и разумной 30 общественной жизни, как понимают христианство нерелигиозные люди науки. Учение это есть разумное объяснение смысла человеческой жизни, такое, при котором руководство поведения не предписывается извне, как правило, а само собою вытекает из того смысла, который человек приписывает своей жизни. Учение это, хотя и не признает ничего сверхъестественного, как его перетолковывают в церкви, не есть однако и рассудочное руководство в общественной жизни, как думают нерелигиозные люди науки. 40

Учение это есть *религия*, т. е. установление отношения человека к миру и началу его. Учение это дает ответы на вопросы: что такое человек по отношению к бесконечности в пространстве и времени, среди которых он появляется, и в чем назначение его жизни, и потому дает людям, признающим это учение, не ряд правил и заповедей, подтверждаемый сверхъестественными чудесами, как это делает церковь, и не сомнительные и желательные, условные и выгодные в данную минуту для общественной жизни правила поведения, выводимые из опыта и рас-
10 суждения, как это делает наука, а дает разумное объяснение смысла жизни каждого человека, из которого сами собою вытекают вечные и во всех условиях одни и те же правила поведения.

Этим отличается истинное христианское учение от церковного христианства с его мистицизмом, чудесами и от того утилитарного, ни на чем не основанного нравственного учения нерелигиозных людей, сами того не замечая берущих из христианского учения, которого они не признают, одни выводы, а не самую сущность.

20 До тех пор, пока это учение не в извращенном (церковном) виде и не лишенное главной его основы — метафизического начала: отношение человека к Богу, — пока это учение не будет признано в его истинном значении людьми христианского мира и не будет распространено между всеми так же, как теперь распространена церковная вера, до тех пор не изменятся и те формы всякого рода, в особенности правительственного насилия, от которого теперь больше всего страдают люди.

Какие же для этого должны быть приняты меры?

30 Мы так привыкли к ложной мысли, что улучшение в жизни людей может быть произведено внешними (и большей частью насильственными) средствами, что и изменение внутреннего состояния людей нам кажется, что может быть достигнуто только внешними мерами, воздействующими на других. Но это не так.

И в том великое счастье людей, что это не так. Если бы это было так, и люди могли бы внешними средствами изменять друг друга, то, во-первых, неразумные, легкомысленные люди могли бы, ошибаясь, изменить людей, портя их и лишая их их блага, а, во-вторых, такая деятельность людей для достижения блага жизни внешними средствами могла бы встретить непреодолимые препятствия.

Но это не так: изменение внутреннего, духовного состояния людей всегда находится во власти каждого отдельного человека, и человек, не ошибаясь, всегда знает, в чем истинное благо его самого и всех людей, и ничто не может остановить или задержать его деятельности для достижения этой цели. Достигает же человек этой цели — блага своего и других людей — только внутренним изменением самого себя, уяснением и утверждением в *себе* разумного, религиозного сознания и *своей* соответственной этому сознанию жизнью. Как только горящее вещество зажигает другие, так только истинная вера и жизнь одного человека, сообщаясь другим людям, распространяет и утверждает религиозную истину. А только распространение и утверждение религиозной истины улучшает положение людей.

И потому средство избавления от всех тех зол, от которых страдают люди, и в том числе от того ужасного зла, которое совершается правительствами (как все теперешние бедствия в России), как это ни кажется странным, только одно — внутренняя работа каждого человека над самим собою.

«Марфа, Марфа, печешесе о мнозем, единое на потребу». 20

ВЕЛИКИЙ ГРЕХ.

Россия переживает важное, долженствующее иметь громадные последствия время.

Близость и неизбежность надвигающегося переворота особенно живо, как это и всегда бывает, чувствуется теми сословиями общества, которые своим положением избавлены от необходимости поглощающего всё их время и силы физического труда и потому имеющими возможность заниматься политическими вопросами. Люди эти — дворяне, купцы, чиновники, врачи, техники, профессора, учителя, художники, студенты, адвокаты, преимущественно горожане, так называемая интеллигенция, — теперь в России руководят происходящим движением и все свои силы направляют на изменение существующего политического строя и на замену его иным, считаемым той или иной партией наиболее целесообразным и обеспечивающим свободу и благо русского народа. Люди эти, постоянно страдая от всякого рода стеснений и насилий правительства, административных ссылок, заточений, запрещений собраний, запрещений книг, газет, стачек, союзов, ограничения прав разных национальностей и вместе с тем живущие совершенно чуждой большинству русского земледельческого народа жизнью, естественно видят в этих стеснениях главное зло и в освобождении от него главное благо русского народа.

Так думают либералы. Так же думают социал-демократы, надеющиеся через народное представительство с помощью государственной власти осуществить соответственно своей теории новое общественное устройство. Так думают и революционеры, предполагая, заменив существующее правительство новым, установить законы, обеспечивающие наибольшие свободу и благо всего народа.

А между тем стоит только на время отрешиться от укоренившейся в нашей интеллигенции мысли о том, что предстоящее России дело есть введение у себя тех самых форм политической жизни, которые введены в Европе и Америке, будто бы обеспечивающих свободу и благо всех граждан, а просто подумать о том, что нравственно дурно в нашей жизни, чтобы совершенно ясно увидеть, что то главное зло, от которого не переставая жестоко страдает весь русский народ, зло, которое он живо сознает и о котором не переставая заявляет, не может быть устранено никакими политическими реформами, как оно не устранено до сих пор никакими политическими реформами в Европе и Америке. Зло это, основное зло, от которого страдает русский народ точно так же как народы Европы и Америки, есть лишение большинства народа несомненного, естественного права каждого человека пользоваться частью той земли, на которой он родился. Стоит только понять всю преступность, греховность этого дела, для того чтобы понять, что пока не будет прекращено это постоянное, совершаемое земельными собственниками злодеяние, никакие политические реформы не дадут свободы и блага народу, а что, напротив, только освобождение большинства людей от того земельного рабства, в котором оно находится, может сделать политические реформы не игрушкой и орудием личных целей в руках политиканов, а действительным выражением воли народа.

Вот эту-то мою мысль мне хотелось сообщить в этой статье тем людям, которые в эту важную для России минуту хотят искренно служить не своим личным целям, а истинному благу русского народа.

I.

Иду в вербную субботу по большой дороге в Тулу. Народ обозами едет на базар, с телегами, курами, лошадьми, коровами (некоторых коров везли на телегах — так они худы). Сморщенная старушка ведет худую, облезшую корову. Я знаю старуху и спрашиваю, зачем ведет корову.

— Да без молока, — говорит старуха, — надо бы продать да купить с молоком. Небось, красненькую приложить надо, а у меня всего пятерка. Где возьмешь? За зиму муки на 18 рублей купили, а добытчик один. Живу одна с невесткой, четверо внучат, сын в дворниках в городе.

— Отчего же сын дома не живет?

— Не при чем жить. Какая наша земля? На квас.

Идет мужик, портки в рудокопной глине, худой, бледный.

— По какому делу в город? — спрашиваю.

— Лошаденку купить; пахать время, а лошади нет. Да дороги, сказывают, лошади.

— А ты за окольцо хочешь купить?

— Да по деньгам.

— За много ль?

10 — Да 15 рублей сколотил.

— Чего нынче на 15 рублей купишь? На шкуру, — вступаете другой мужик. — У кого руду работаешь? — спрашивает он, глядя на растянутые в коленках, выкрашенные красной глиной портки.

— У Комарова, у Ивана Масеича.

— Что ж мало выработал?

— Да ведь исполу работал, ему половину.

— А много ль зарабатывали? — спрашиваю я.

— В неделю рубля два обгонял, а то и меньше. Что станешь 20 делать? Хлеба до Рождества не хватило. Не накупишься.

Немного дальше молодой мужик ведет лошадку ладную, сытую продавать.

— Хороша лошадка, — говорю я.

— Надо бы лучше, да некуда, — отвечал он, думая, что я покупатель. — И пахать и в езде.

— Так зачем же продаешь?

— Да не к чему. Что ж, две земли. Я на одной (лошади) ухожу (землю), а на зиму пустил и сам не рад. Съела скотину на отделку. Да и деньги нужны за ренду платить.

30 — А вы у кого арендуете?

— Да у Марьи Ивановны; спасибо, отдала. А то бы нам мат-петля.

— Почему берете?

— По 14 рублей дерет. А куда же денешься? Берем.

Едет женщина с мальчиком в картузике. Она меня знает, слезает и предлагает взять мальчика в услужение. Мальчик крошка совсем, с умными, быстрыми глазами.

— Он так только видится мал, а он всё может, — говорит она.

40 — Зачем же ты такого маленького отдаешь?

— Да что, барин, хоть с хлеба долой. У меня четверо да сама, а земля одна. Верите Богу, не емши сидим. Прсят хлебца, а дать нечего.

С кем ни поговорить, все жалуются на нужду, и все одинаково с той или другой стороны приходят к единственной причине. Хлеба не хватает, а хлеба не хватает оттого, что земли нет.

Но это случайные встречи по дороге; но пройдите по всей России, по крестьянскому миру, и взгляните во все ужасы нужды и во все страдания, происходящие от очевидной причины: у земледельческого народа отнята земля. Половина русского крестьянства живет так, что для него вопрос не в том, как улучшить свое положение, а только в том, как не умереть с семьей от голода, и только оттого, что у них нет земли.

Пройдите по всей России и спросите у всего работающего народа, отчего ему дурно живется, что ему нужно, и все в один голос скажут одно и то же, то, чего они все не переставая желают и ждут и на что не переставая надеются, о чем не переставая думают.

И они не могут не думать, не чувствовать этого, потому что, не говоря уже о главном, о недостатке земли, чтобы кормиться, большинство из них не может не чувствовать себя в рабстве у тех помещиков, купцов, землевладельцев, которые окружили своими землями их малые, недостаточные наделы, и они не могут не думать, не чувствовать этого, потому что всякую минуту за мешок травы, за охапку дров, без которой им жить нельзя, за ушедшую лошадь с их земли на господскую терпят не переставая штрафы, побои, унижения.

Как-то раз я по дороге разговаривался со слепым крестьянином-нищим. Узнав во мне по разговору грамотного, читающего газеты, но не признав за господина, он остановился и с значительным видом спросил:

— А что, слушок есть?

Я спросил:

— О чем?

— Да об земле об господской.

Я сказал, что ничего не слышал. Слепой покачал головой и больше ничего не стал спрашивать.

— Ну, что говорят о земле? — спросил я недавно у своего бывшего ученика, богатого, степенного и умного, грамотного крестьянина.

— Точно болтает народ.

— Ну, а ты что думаешь?

— Да, должно, *отойдет*, — сказал он.

Из всех совершающихся событий это одно важно и интересно для всего народа. И он верит, не может не верить, что «отойдет».

Он не может не верить в это, потому что ему ясно, что размножающийся народ, живущий земледелием, не может продолжать существовать, когда ему оставлена только малая
10 часть земли, которой он должен кормить себя и всех паразитов, присосавшихся к нему и распложающихся на нем.

II.

«Что такое человек? — говорит Генри Джордж в одной из своих статей.¹ — Прежде всего он есть земное животное, которое не может жить без земли. Всё, что ни производится человеком, берется из земли; весь производительный труд в конечном анализе оказывается состоящим из переработки земли, материалов, взятых из земли, в формы, приспособленные для удовлетворения человеческих нужд или желаний. Да и самое тело
20 человека берется из земли. Мы — дети земли. Из нее мы взяты, и вновь в нее должны мы возвратиться. Отнимите у человека всё, что принадлежит земле, и что останется у вас, кроме бесплотного духа? Потому тот, кто владеет землей, на которой и от которой должен жить другой человек, является господином этого человека, и человек этот есть его раб. Человек, который владеет землей, на которой я должен жить, может распоряжаться моею жизнью и смертью так же свободно, как если бы ему принадлежало мое тело. Мы толкуем об отмене рабства, но мы не отменили рабства, мы отменили лишь более грубую
30 форму его: личное рабство. Теперь нам предстоит отменить более тонкую и предательскую, более проклятую форму его, то промышленное рабство, которое делает человека фактически рабом, превознося в то же время его свободу».

«Одно из самых несообразных и нелепых явлений, которое не удивляет нас только потому, что мы к нему привыкли, — говорит в другом месте тот же Генри Джордж, — состоит в том,

¹ «Речи и статьи Генри Джорджа». Изд. «Посредника», стр. 143 и 144.

что рабочий класс во всех странах цивилизованного мира есть бедный класс. Если бы какое-либо мыслящее существо, еще не бывшее на земле, каким-нибудь чудом явилось бы на нее и вы бы объяснили ему нашу жизнь, объяснили бы, как создаются трудом дома, пища, одежда и все вообще предметы, нужные нам для жизни, то существо это, конечно, подумало бы, что те люди, которые производят всё это, и суть как раз те самые люди, которые живут в самых лучших домах и имеют всего более того, что создается трудом. На деле же в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, везде, даже в средних городах, именно рабочие-то люди и живут в самых бедных домах».

То же самое происходит еще в большей степени в деревнях, прибавил бы я. Люди праздные живут в роскошных домах, просторных, красивых жилищах. Трудящиеся живут в темных, грязных домишках.

«Удивительное явление это стоит того, чтобы над ним задуматься. Мы невольно презираем бедность. И на самом деле ее следовало бы презирать. Природа вознаграждает лишь труд и только труд. Никакой предмет богатства не может быть произведен без участия труда, и при естественном порядке вещей человек, работающий добросовестно и умело, должен быть богатым, а не работающий — бедным. Мы перевернули этот порядок природы, и у нас рабочие люди бедны, а праздные богаты. Отчего это?

Оттого, что мы принуждаем людей, которые работают, платить другим людям за позволение работать. Вы покупаете сюртук, лошадь, дом; вы платите за произведение труда, за труд, затраченный продавцом или купленный им у других людей. Но за что вы платите человеку, когда вы платите ему за землю? Вы платите ему за то, чего не производил никто из людей, что существовало ранее, чем явился человек, за ценность, которая была создана не каким-либо человеком лично, а обществом, часть которого вы составляете».

От этого и богат тот, кто захватил землю и владеет ею, и беден тот, кто работает на ней или над ее произведениями.

«Мы толкуем о перепроизводстве. Но какое же может быть перепроизводство в то время, когда народ нуждается в самом необходимом? Народу нужны те предметы, которые оказываются произведенными в излишке. Почему же он не приобретает их? Не потому, чтобы он не желал их, а потому, что у него

нет средств купить их. Почему же у него нет средств? Потому что он зарабатывает слишком мало. А зарабатывает он слишком мало потому, что отдает часть своей работы тем, кто владеет землей. И потому не диво, что великое множество разных товаров остается непроданным, когда огромной массе людей приходится работать в среднем за один доллар 40 центов в день в Америке», и за 50 копеек в России.

«Почему же этим людям приходится работать за такую низкую плату? Потому что если бы они потребовали высшей платы, то их было бы кем заменить. Всегда стоит наготове множество безработного люда, и именно эта масса безработных и понижает заработную плату до одной только возможности существования. Но почему есть люди, которые не могут найти для себя работы? Разве не странно звучат эти слова, что люди не могут найти для себя работы? Адам не испытывал затруднения в отыскании работы, не испытывал его и Робинзон Крузо; отыскание работы было самым последним делом, о котором они заботились.

Если люди не могут найти для себя работодателя, то почему же они сами не сделаются своими работодателями? Да просто потому, что они отрезаны от того, без чего немислим никакой труд; люди принуждены конкурировать между собою из-за заработной платы, выдаваемой хозяином, потому что они насильственно лишены естественных удобств, пользуясь которыми они могли бы быть своими собственными хозяевами, потому что для них нет места в Божьем мире, где они могли бы работать, не платя другим каким-то человеческим существам за то, что те позволяют им работать».

«Люди молят Бога о том, чтобы Он облегчил бедность. Но бедность происходит не от божьих законов; сказать это — значило бы произнести самую гнусную хулу на Бога. Бедность происходит от человеческой несправедливости к ближнему. Допустим, что молитва людей была бы услышана Всемогущим; но как Он мог бы исполнить их просьбу, сохраняя установленные Им же законы такими, каковы они есть? Ведь Бог ничего не дает нам из того, что составляет богатство. Он дает нам только сырой материал, который перерабатывает человек, произведя богатство. А разве теперь Он мало дает нам этого сырого материала? И если бы Он стал давать его еще более, как мог бы Он облегчить бедность? Пусть была бы услышана молитва,

и Он увеличил бы силу солнца или плодородие почвы, сделал бы растения более плодородными и заставил быстрее бы размножаться животных. Кому всё это было бы на пользу в стране, в которой земля захвачена частными владельцами? Только одним собственникам земли. И даже если бы Бог в ответ на просьбы людей стал прямо посылать с неба те предметы, какие нужно людям, то и тогда это было бы на пользу одним собственникам земли.

В Ветхом завете рассказывается, как израильтяне, странствуя в пустыне, терпели голод и как Бог послал им с неба манну. Ее было достаточно для всех, все брали ее и были сыты. Но допустим, что пустыня признавалась бы частною собственностью. Какая польза была бы от манны для народа, если бы одни израильтяне владели квадратными милями земли, а другие не имели ни одной пяди? Сколько бы Бог ни посылал манны, манна эта делалась бы собственностью землевладельцев; они занимали бы кое-кого собирать ее для них в кучи и продавали бы ее своим голодающим братьям. И покупка и продажа манны продолжались бы до тех пор, пока большинство израильтян не проело бы всё, что у них было. А потом они начали бы голодать, в то время как манна лежала бы в огромных кучах и землевладельцы жаловались бы на ее перепроизводство. Было бы как раз то самое явление, какое мы видим в настоящее время».

«Всё это я говорю не с тем, чтобы, покончив с этой основной несправедливостью, мы могли спокойно сложить руки; но я говорю, что вопрос о праве владения землей лежит в основе всех других общественных вопросов. Я говорю то, что мы можем делать всё, что угодно, можем вводить какие угодно реформы, но мы не избавимся от повсеместной бедности до тех пор, пока то, с чего должны жить все люди, — земля — будет оставаться частною собственностью некоторых лиц; что до тех пор будут бесплодны все усилия улучшить положение людей. Преобразовывайте механизм управления, сокращайте до минимума налоги, стройте железные дороги, заводите кооперативные магазины, делите прибыль, как хотите, между предпринимателями и рабочими, и что же будет в результате? В результате будет то, что земля будет повышаться в своей ценности, только это будет в результате и ничего больше. Опыт показывает нам это.

Разве все улучшения не увеличивают только ценности земли, того, что должны платить одни люди другим за право существования на свете?»

То же самое, прибавлю я, мы не переставая видим в России. Все землевладельцы жалуются на бездоходность, убыточность имений, а цена на земли не переставая растет. Она не может не расти, потому что население увеличивается, а земля для него — вопрос жизни и смерти.

И потому народ отдает всё, что может, не только свой труд, но и свои жизни за землю, которую удерживают от него.

III.

Было людоедство, были человеческие жертвы, была религиозная проституция, были убийства слабых детей и девочек, была кровавая месть, были убийства целых населений, судебные пытки, четвертования, сжигания на кострах, кнут, были на нашей памяти исчезнувшие шпицрутены, рабство. Но если мы пережили эти ужасные обычаи и учреждения, то это не показывает того, чтобы среди нас не было таких же, ставших столь же противными для просветлевших разума и совести учреждений и обычаев, как и те, которые в свое время были уничтожены и стали для нас ужасным воспоминанием. Путь совершенствования человечества бесконечен, и в каждую минуту исторической жизни есть суеверия, обманы, вредные, злые учреждения, уже пережитые людьми, ставшие прошедшими, есть такие, которые представляются нам в далеком тумане будущего, и такие, которые мы в настоящем переживаем, которые составляют задачу нашей жизни. Таковы в наше время смертная казнь и вообще наказания, такова проституция, таково мясоедение, таково дело милитаризма, война, и таково самое близкое и настоящее дело — частная земельная собственность.

Но как и от всех, ставших привычными несправедливостей люди освобождались не вдруг, не тотчас же после того, как наиболее чуткие люди признавали их зловредность, но порывами, остановками, возвратами и опять новыми порывами освобождения, подобными потугам родов, как это было недавно с уничтожением рабства, так это происходит теперь с частной земельной собственностью.

На зло и несправедливость частной земельной собственности за тысячу лет тому назад указывали пророки и мудрецы древности. Потом всё чаще указывали на это зло передовые мыслители Европы; особенно ясно это высказывали деятели французской революции. В последнее же время, вследствие увеличения населения и захвата богатыми людьми большого количества свободных земель, вследствие общего образования и смягчения нравов, несправедливость эта стала до такой степени очевидной, что не только передовые люди, но все самые рядовые люди не могут уже не видеть и не чувствовать ее. Но люди, в особенности те, которые пользуются преимуществами земельной собственности, сами собственники и те, которые связаны своими выгодами с этим учреждением, так привыкли к этому положению вещей, так долго пользовались им, так нуждаются в нем, что часто сами не видят его несправедливостей и употребляют все возможные средства, для того чтобы скрыть от самих себя и других людей всё ярче и ярче выступающую истину: замять, загасить ее, извратить, а если это не действует, то замолчать ее.

Поразительна в этом отношении судьба деятельности появившегося в конце прошлого столетия необыкновенного человека — Генри Джорджа, посвятившего все свои огромные духовные силы на разъяснение неправды и жестокости земельной собственности и на указание средств исправления этой неправды при существующем теперь во всех народах государственном устройстве. Он сделал это своими книгами, статьями и речами с такой необыкновенной силой и ясностью, что человеку без предвзятых мыслей, прочтя его книги, невозможно не согласиться с его доводами, не видеть того, что никакие реформы не могут улучшить положения народа до тех пор, пока не будет уничтожена эта основная несправедливость, и что средства, предлагаемые им для ее уничтожения, разумны, справедливы и удобоприменимы.

И что же? Несмотря на то, что английские сочинения Джорджа в первое время их появления очень скоро распространились между англо-саксонским миром и не могли не быть оценены по своим высоким достоинствам и казалось, что истина должна восторжествовать и найти форму выражения, — очень скоро оказалось, что в Англии, даже в Ирландии, где особенно резко проявлялась вся вопиющая несправед-

ливость частной земельной собственности, большинство самой влиятельной интеллигенции, несмотря на всю убедительность доводов Джорджа и удобоприменимость предлагаемого им средства, стало против его учения. Радикальные деятели, как Парнелль, сначала сочувствовавшие проекту Джорджа, очень скоро отступили от него, считая более важным политические реформы. В Англии были против него почти все аристократы и, между прочим, знаменитый Тойнби, Гладстон и Герберт Спенсер, который сначала и высказал в своей «Статике» самым определенным образом всю несправедливость земельной собственности, потом отказался от этого своего мнения и скупал свои старые издания с тем, чтобы исключить из них всё, что было сказано о несправедливости земельной собственности.

В Оксфорде студенты устроили во время лекции Джорджа враждебную ему манифестацию. Католическая же партия считала учение Генри Джорджа прямо греховным и безнравственным, опасным и противным учению Христа. Точно так же восстала против учения Джорджа и ортодоксальная наука политической экономии. Ученые профессора с высоты своего величия опровергали это учение, не понимая его, преимущественно за то, что оно не принимало основных положений их мнимой науки. Враждебны были и социалисты, признавшие важнейшим вопросом времени не земельный вопрос, а полное уничтожение частной собственности. Главными же орудиями против учения Генри Джорджа было то средство, которое всегда употребляется против неопровержимых и совершенно ясных истин. Средство это, употребляемое и до сих пор по отношению к Джорджу, было замалчивание. Это замалчивание производилось так успешно, что член английского парламента Лабушер мог публично сказать, не встретивши возражения, что «он не такой фантазер, как Генри Джордж, что он не предложит отбирать земли у помещиков, чтобы отдавать ее затем в аренду; он будет требовать только установления налога с ценности земель». То есть, приписывая Джорджу то, чего он никак не мог говорить, Лабушер, в виде исправлений этих мнимых фантазий, высказал то, что действительно говорил Джордж.

Так что, благодаря совокупным усилиям всех людей, заинтересованных отстаиванием учреждения земельной собственности, неотразимо убедительное по своей простоте и ясности

учение Джорджа остается почти неизвестным и последние годы всё менее и менее обращает на себя внимание.

Кое-где в Шотландии, в Португалии, в Новой Зеландии вспоминают о нем, и среди сотен ученых является один, который знает и защищает учение Джорджа. В Англии же и Соединенных Штатах число его сторонников становится всё меньше и меньше, во Франции его учение почти неизвестно, в Германии оно проповедуется в очень маленьком кружке и везде заглушается шумным учением социализма, так что среди большинства так называемых образованных людей оно известно 10 только по имени.

IV.

С учением Джорджа не спорят, а просто не знают его. (Иначе и нельзя поступать с учением Джорджа, потому что тот, кто узнает его, не может не согласиться с ним.)

Если же вспоминают про него, то или приписывая ему то, чего оно не говорит, или вновь утверждая то, что опровергнуто Джорджем, или, главное, отвергают его только потому, что оно не сходится с теми педантическими, произвольными, легкомысленными положениями так называемой политической эконо- 20 мии, которые признаются непоколебимыми истинами.

Но, несмотря на это, истина о том, что земля не может быть предметом собственности, до такой степени выяснилась самой жизнью современных людей, что для того чтобы продолжать удерживать устройство жизни, при котором признается право частной земельной собственности, есть только одно средство: не думать об этом, игнорировать эту истину и заниматься другими, захватывающими делами. Так это и делают люди современного мира.

Политические деятели Европы и Америки занимаются для 30 блага своих народов всякого рода делами: тарифами, колониями, подоходными налогами, военными и морскими бюджетами, социалистическими союзами, товариществами, синдикатами, избраниями президентов, дипломатическими сношениями, всем, только не тем одним, без чего не может быть никакого истинного улучшения положения народа, — восстановлением нарушенного права всех людей на пользование землей. И хоть политические деятели христианского мира в

глубине души и чувствуют, не могут не чувствовать, что вся их деятельность, как промышленной борьбы, которой они заняты, так и военной борьбы, на которые они вкладывают все свои силы, не может ни к чему привести, кроме как к всеобщему истощению сил народов, они, не заглядывая вперед, а отдаваясь требованиям минуты, как бы с одним желанием забыться, продолжают кружиться в заколдованном круге, из которого нет выхода.

Как ни странно это временное ослепление в политических деятелях Европы и Америки, оно объясняется тем, что в Европе и Америке люди уже зашли слишком далеко по ложному пути, так что большая доля их населения уже оторвана от земли (в Америке никогда не жила на земле), а живет или на фабриках или наемным сельским трудом и желает и требует только одного — улучшения своего положения наемного рабочего. Понятно поэтому, что политическим деятелям Европы и Америки, внимая требованиям большинства, может казаться, что главное средство улучшения положения народа заключается в тарифах, трестах, колониях; но русским людям для России, где земледельческое население составляет 80 процентов всего народа, где весь этот народ просит только одного — чтобы ему дали возможность оставаться в этом состоянии, казалось бы, должно быть ясно, что для улучшения положения народа нужно нечто другое.

Люди Европы и Америки находятся в положении человека, уже так далеко зашедшего по дороге, которая сначала казалась настоящей, но которая чем дальше он шел по ней, тем более удаляла его от цели, что ему страшно признаваться в своей ошибке. Но русские всё стоят на дороге до поворота и могут, по мудрой пословице, стоя на дороге, о дороге спрашивать.

И что же делают все русские люди, которые хотят или, по крайней мере, говорят, что хотят устраивать хорошую жизнь народа?

Во всем рабски подражают тому, что делается в Европе и Америке.

Для устройства хорошей жизни народа они заботятся о свободе печати, о веротерпимости, о свободе союзов, о тарифах, об условном наказании, об отделении церкви от государства, о кооперативных товариществах, о будущем обобществлении орудий труда и, главное, о представительстве, о том самом

представительстве, которое давно существует в европейских и американских государствах, но существование которого несколько не содействовало и не содействует не только разрешению, но даже постановке того одного, разрешающего все затруднения земельного вопроса. Если же русские политические деятели и говорят про земельное злоупотребление, которое они почему-то называют *аграрным вопросом*, вероятно полагая, что это глупое слово скроет сущность дела, то говорят об этом не в том смысле, что частная земельная собственность есть зло, которое должно быть уничтожено, а в том смысле, чтобы как-нибудь, разными заплатами, паллиативами замазать, замаять, обойти эту главную, стоящую на очереди уничтожения не только в России, но во всем мире старую, жестокую, очевидную, вопиющую несправедливость. 18

В России, где 100-миллионная масса людей не переставая страдает от захвата земли частными владельцами и не переставая вопит об этом, отношение людей, мнимо отыскивающих везде, но только не там, где оно находится, средство улучшения народного быта, совершенно напоминает то, что бывает на сцене, когда все зрители прекрасно видят того, кто спрятался, и актеры должны бы видеть, но притворяются, что не видят, нарочно отвлекают внимание друг друга и видят всё, но только не то, что одно нужно, но чего они не хотят видеть. 20

• V.

Люди загнали в загородку стадо коров, молочными произведениями которых они кормятся. Коровы подъели и сбили корм в загородке, голодают, пережевали себе хвосты, мычат и режут, просясь из-за загородки на пастбище. Но люди, питающиеся молоком коров, устроили вокруг ограды мятные, красивые, табачные плантации, развели цветы, устроили скаковой круг, парк, лаун-теннис и не выпускают коров, чтобы они не испортили их устройство. Но коровы режут, худеют, и люди начинают бояться, чтобы коровы не перестали доиться, и придумывают различные средства улучшения коровьего положения. Они придумывают навесы над коровами, вводят обтирание коров мокрыми щетками, золотят им рога, изменяют часы доения, заботятся о призоре и лечении больных и старых коров, придумывают новые усовершенствованные приемы 30

доедения, ожидают, что вырастет какая-то необыкновенно питательная трава, которую они посеяли в загородке, спорят об этих и многих других различных предметах; но не делают, не могут сделать, не нарушив всего, устроенного ими вокруг загородки, одного простого и нужного как для коров, так и для них самих, — того, чтобы сломать загородку и предоставить коровам свойственную им свободу пользоваться в изобилии окружающими их пастбищами.

Поступая так, люди поступают неблагоразумно, но есть объяснение их поступка: им жалко всего того, что они устроили
10 вокруг загородки. Но как назвать тех людей, у которых нет ничего вокруг загородки, но которые из подражания тем, которые не выпускают коров ради всего устроенного ими вокруг нее, также держат коров в ограде и утверждают, что они делают это ради блага их коров?

Именно так поступают русские люди, как правительственные, так и антиправительственные, устраивая для не переставая страдающего от недостатка земли русского народа всякие европейские учреждения, забывая и отрицая главное —
20 то, что одно ему нужно: освобождение земли от частной собственности, установление для всех людей одинаковых прав на землю.

Понятно, что европейские паразиты, живущие не прямо и непосредственно трудами своих английских, французских, немецких рабочих, а трудами колониальных рабочих, производящих тот хлеб, который они выменивают на свои фабричные произведения, могут, не видя трудов и страданий тех рабочих, которые кормят и содержат их, придумывать в будущем социалистическое устройство, к которому будто бы они подготовляют людей, между тем с спокойным духом забавляться избирательными кампаниями, борьбами партий, парламентскими прениями, установлениями и нарушениями министерств и еще всякими другими забавами, называемыми ими науками и искусствами.

Настоящие кормильцы европейских паразитов это — рабочие в Индии, Африке, Австралии, отчасти в России; они не видят их. Но не то для нас, русских. У нас нет колоний, где бы невидные нам рабы кормили нас за наши промышленные произведения. Наши кормильцы, страдающие, голодающие,
40 всегда перед нами, и нам нельзя перенести неправды нашей

жизни на отдаленные от нас колонии, чтобы тамошние рабы кормили нас.

Наши грехи всегда перед нами.

И тут-то мы, вместо того чтобы вникнуть в нужды наших кормильцев и услышать их вопль и постараться ответить на него, мы вместо того, под предлогом служения им, точно так же готовим по европейскому образцу социалистическое устройство в будущем, а покамест занимаемся делами, которые забавляют и развлекают нас и как будто бы направлены на благо того народа, у которого вытягивают последние силы, для того чтобы содержать нас, его паразитов.

Для блага народа мы стараемся уничтожить цензуру книг, административную ссылку, устроить везде школы, простые и агрономические, увеличить число больниц, отменить паспорта, выкупы, устроить строгую инспекцию на фабриках, вознаграждать увечных, размежевать земли, содействовать через банки крестьянским покупателям земель и многое другое.

Только вникнуть в те неперестающие страдания миллионов людей народа: вымирание от нужды стариков, женщин, детей и от непосильной работы и от недостатка пищи, только вникнуть в ту закабаленность, те унижения, в те бесполезные траты сил, в то развращение, во все ужасы ненужных бедствий русского сельского народа, которые все происходят от недостатка земли, — и станет совершенно ясно, что все эти меры уничтожения цензуры, административных ссылок и т. п., которых добиваются мнимые заступники народа, если бы и были осуществлены, составят только ничтожнейшую каплю в море той нужды, от которой страдает народ.

Но мало того, что люди, озабоченные благом народа, придумывая ничтожные, неважные и качественно и количественно изменения, оставляют сто миллионов народа в неперестающем рабстве от захвата земли; мало того, многие из этих людей, самые передовые из них, желают, чтобы страдания этого народа, всё усиливаясь и усиливаясь, довели бы его до необходимости, оставив на своем пути миллионы жертв, погибших от нужды и разврата, переменить свою счастливую, привычную, любимую им, разумную земледельческую жизнь на ту усовершенствованную фабричную жизнь, которую они придумали для него.

Русский народ по своему земледельческому положению, по своей любви к этой форме жизни, по тому, что он почти один

из европейских народов продолжает быть земледельческим народом и желает оставаться им, как будто умышленно поставлен исторической судьбой так, чтобы с разрешения того, что называется рабочим вопросом, стать во главе истинно прогрессивного движения человечества. И вот этот-то русский народ приывается его мнимыми представителями и руководителями к тому, чтобы идти в хвосте вымирающих и запутавшихся европейских и американских народов и как можно скорее развратиться и отречься от своего призвания, для того чтобы быть
10 похожим на Европейца.

Удивительна бедность мысли этих людей, не думающих своим умом и только рабски повторяющих то, что говорят их европейские образцы, но еще удивительнее сухость сердца, жестокость и лицемерие этих людей.

VI.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты.

Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония». Мф. XXIII, 27, 28.
20

Было время, когда во имя Бога и истинной веры в Него губили людей, мучили, казнили, избивали десятки, сотни тысяч людей. Мы с высоты величия смотрим теперь на тех людей, которые делали это.

Но мы неправы. Среди нас есть точно такие же люди. Разница только в том, что те люди делали это тогда во имя Бога, ради истинного служения ему, теперь же люди, делающие такое же зло среди нас, делают это во имя «народа», ради истинного служения ему. И как среди тех людей были люди
30 безумно, самоуверенно убежденные, что они знают истину, и были лицемеры, устраивающие свое положение под предлогом служения Богу, и была толпа, без рассуждения следующая за более бойкими и смелыми, так и теперь люди, делающие зло во имя служения народу, состоят из людей безумно, самоуверенно убежденных, что они одни знают истину, из лицемеров и толпы. Много сделали зла в свое время самозванные служители Бога, благодаря учению, которое они называли богословием; но служители народа, благодаря учению, кото-

рое они называют наукой, если сделали менее, то только потому, что еще не успели, но уже и на их совести лежат реки крови и великое разделение и озлобление людей.

И те же признаки той и другой деятельности.

Первый: распущенная, дурная жизнь большинства служителей как Богу, так и служителей народу. (Их звание исключительных служителей Бога и народа, по их понятиям, освобождает их от стеснения себя в своем поведении.)

Второй признак: совершенное отсутствие интереса, внимания, любви к тому, чему они хотят служить. Как Бог для 10 служителей Его был и есть только знамя, в сущности же эти служители Его и не любили Его, не искали общения с Ним, не знали и не хотели знать Его, так точно и для многих служителей народа народ только знамя, и они не только не любят его, не ищут общения с ним и не знают его, но в глубине души с презрением, гадливостью и страхом смотрят на него.

Третий признак: как те, так и другие, озабоченные одни служением всё одному и тому же Богу, а другие служением 20 всё одному и тому же народу, не только не согласны между собою в средствах этого служения, но признают деятельность всех несогласных с ними ложною, зловредною и требующею насильственного прекращения. Отсюда костры, инквизиции, побоища первых и казни, заточения, революции, смертоубийства вторых.

И, наконец, главный, самый характерный признак тех и других — совершенное равнодушие, игнорирование того, чего хочет, требует, о чем заявлял и заявляет тот, кому они служат. Бог, которому они так усердно служили и служат, прямо и ясно высказал в том, что они признают Божественным Откровением, что служить ему нужно только тем, чтобы любить 30 ближнего, поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобою. Но они не это признавали средством служения Богу, а требовали совершенно другого, того, что они сами выдумали и выдавали за требования Бога. Точно так же поступают и служители народа; они совершенно не признают того, чего хочет и что ясно высказывает народ, и хотят служить ему тем, чего он не только не просит от них, но о чем не имеет ни малейшего понятия, но что служители народа для него выдумали, но только не тем одним, чего не переставая ждет и о чем не переставая заявляет. 40

VII.

Из всех необходимых изменений форм общественной жизни есть в жизни всего мира одно наиболее назревшее, такое, без которого не может быть совершено ни одного шага вперед к улучшению жизни людей. Необходимость этого изменения очевидна для всякого человека, свободного от предвзятой теории. И изменение это не есть дело одной России, а дело всего мира. Все бедствия человечества нашего времени связаны с этим делом. Мы в России находимся в том счастливом положении, что огромное большинство нашего народа, живя земельным трудом, не признает земельной частной собственности и желает и требует уничтожения этого старого злоупотребления и не перестает высказывать этого.

Но никто не видит этого, не хочет видеть этого.

Отчего это странное заблуждение? Отчего добрые, хорошие, умные люди, каковых много среди либералов, социалистов, революционеров, не исключая даже и правительственных лиц, — отчего эти люди, желая блага народу, не видят того одного, что ему нужно, того, к чему он не переставая стремится и без чего не переставая страдает, а озабочены многими и самыми разнообразными делами, но исполнение которых без исполнения того, чего желает народ, ни в каком случае не может содействовать его благу? Вся деятельность как правительственных, так антиправительственных служителей народа подобна тому, что бы делал человек, который, желая помочь завязшей в трясине лошади, сидел бы на возу и перекладывал бы с места на место находящуюся на возу клажу, воображая, что этим он поможет делу.

Отчего это?

20 Ответ на этот вопрос тот же, как и на все вопросы о том, почему люди нашего времени, могущие жить хорошо и счастливо, живут дурно и бедственно.

Происходит это оттого, что люди, как правительственные, так и антиправительственные, устраивающие благо народа, не имеют религии. А без религии человек не может жить сам разумной жизнью и тем менее может знать, что хорошо, что дурно, что нужно и что ненужно для других людей. Только от этого люди нашего времени вообще, и люди русской интеллигенции в особенности, совершенно лишены религиозного

сознания и прямо с гордостью заявляющие об этом, так превратно понимают жизнь и требования того народа, которому они хотят служить, и требуют для него самых разнообразных вещей, но только не того одного, что ему нужно.

Без религии нельзя истинно любить людей. А не любя людей, нельзя знать, что им нужно, что более, что менее нужно. Только нерелигиозные люди, и потому не любящие истинно, могут придумывать ничтожные улучшения в быте народа, не видя того главного зла, от которого страдают люди и которое они сами отчасти производят. Только такие люди могут проповедывать более или менее искусно построенные, отвлеченные теории, долженствующие осчастливить народ в будущем, и не видеть тех страданий, которые несет народ в настоящем и которые требуют немедленного и возможного облегчения. В роде того, что бы делал человек, отнявший у голодного пищу, давая ему советы (и советы очень сомнительные) о том, как ему жить в будущем, не считая нужным сейчас уделить ему часть своего избытка от отнятой у него пищи.

К счастью, великие, благотворные движения в человечестве совершаются не паразитами, питающимися народными соками, как бы они ни называли себя: правительствами, революционерами, либералами, а людьми религиозными, т. е. людьми серьезными, простыми, трудящимися, живущими не для своей корысти, своего тщеславия, честолюбия, не для достижения внешних результатов, а для того, чтобы исполнить перед Богом свое человеческое назначение.

Такие люди, и только такие, своей не шумной, но твердой деятельностью двигают вперед человечество. Такие люди не будут, стараясь отличиться перед людьми, придумывают такие или иные улучшения народного быта (таких улучшений может быть бесчисленное количество, и все они ничтожны, если не сделано главного), а будут стараться жить согласно с законом Бога, с совестью и, стараясь жить так, естественно наткнутся на наиболее явное нарушение этого закона и будут искать для себя и для других средств избавиться от него.

На-днях знакомый мне врач, дожидаясь поезда на большой железнодорожной станции в третьем классе, читал газету. Сидевший подле крестьянин спросил о новостях. В номере газеты была статья об «аграрном» съезде. Врач перевел по-русски смешное слово «аграрный», и, когда стало понятно, что

дело идет о земле, крестьянин попросил прочесть. Врач стал читать, подошли еще крестьяне. Собралась кучка: одни лежали на спинах других, некоторые сидели на полу, лица у всех были сосредоточенно торжественные. Когда чтение кончилось, один из задних, старик, глубоко вздохнул и перекрестился. Человек этот, наверное, ничего не понял из того путанного жаргона, которым написана статья и который трудно понимать даже человеку, умеющему разговаривать на этом жаргоне. Он ничего не понял из того, что написано в статье, но понял, что
10 дело идет о великом, давнишнем грехе, от которого страдали его предки, страдает и он; понял, что люди, совершающие грех, начинают сознавать его. И, поняв это, он обратился мысленно к Богу и перекрестился. И в этом одном движении руки этого человека больше смысла и содержания, чем во всей той болтовне, которая наполняет теперь столбцы газет. Человек этот понимает, как понимает весь народ, что захват земли неработающими людьми есть великий грех, от которого страдали и гибли телесно его предки, страдает телесно и он и его ближние, страдали всё время духовно те, которые совершали
20 этот грех, и те, которые теперь совершают его, и что этот грех, как всякий грех, как на его памяти грех крепостного права, должен быть, не может не быть развязан. Он знает и чувствует это и потому не может не обратиться к Богу при мысли о приближении развязки.

VIII.

«Великие общественные преобразования, — говорит Мадвини, — всегда были и будут лишь следствием великих религиозных движений».

И таково то религиозное движение, которое предстоит теперь
30 русскому народу — всему русскому народу, как рабочему народу, лишенному земли, так в особенности крупным, средним и мелким землевладельцам и всем тем сотням тысяч людей, хотя и не владеющих прямо землей, но занимающих выгодное положение благодаря вынужденным трудам обезземеленного народа.

Религиозное движение, предстоящее теперь русскому народу, состоит в том, чтобы развязать тот великий грех, который давно уже мучает и разделяет людей не в одной России, но во всем мире.

Развязать же этот грех могут не политические реформы, не социалистические проекты в будущем, не революции в настоя-

щем, ни еще менее филантропические пожертвования или правительственные учреждения для покупки и раздачи земель крестьянам. Такие паллиативные меры только отвлекают внимание от сущности вопроса и этим самым задерживают разрешение его. Не нужно никаких жертв, никакой заботы о народе, нужно только сознание своего греха всеми людьми, совершающими его или участвующими в нем, и желание избавления от него.

Надо, чтобы та несомненная истина, которую всегда знали и знают лучшие люди народа, что земля не может быть исключительной собственностью некоторых и что недопущение к земле тех, которым она нужна, есть грех, стало общим сознанием всех людей, чтобы людям стало совестно удерживать землю от тех, которые хотят кормиться на ней, чтобы совестно было так или иначе участвовать в этом удержании земли от нуждающихся, чтобы совестно было владеть землей, совестно было бы пользоваться трудами людей, принужденных работать только потому, что от них отнято их законное право на землю. Нужно, чтобы было то, что было с крепостным правом, когда владеть крепостными стало совестно дворянам, помещикам, стало совестно правительству поддерживать эти несправедливые и жестокие узаконения, когда самим крестьянам стало явно, что над ними совершается ничем не оправдываемое беззаконие. То же самое должно быть и с земельной собственностью. И нужно это не для какого-нибудь одного сословия, как бы многочисленно оно ни было, а нужно это для всех сословий, не только для всех сословий и людей одного государства, а для всего человечества.

IX.

«Общественная реформа — писал Генри Джордж, — не может быть достигнута шумом и криком, жалобами и оговорами, образованием партий и устройством революций; она может быть достигнута лишь пробуждением мысли и поступательным движением в мире идей. Пока нет правильной мысли, не может быть и правильного действия, а когда есть правильная мысль, правильное действие уже само собою будет вытекать из нее.

Потому-то величайшее дело каждого человека и каждой организации людей, стремящихся улучшить общественные условия, бывает распространение идей. Всё прочее может быть полезно

только постольку, поскольку оно помогает этому делу. А в этом деле может участвовать всякий мыслящий человек, сначала выработывая для себя правильные понятия, затем пытаясь пробудить мысль в людях, с которыми он приходит в столкновение».

Это совершенно справедливо, но для того чтобы услужить этому великому делу, кроме мыслей, должно быть и другое — религиозное чувство, то чувство, вследствие которого прошлым столетием владельцы крепостных признавали себя виноватыми и искали средства, несмотря на личный ущерб, даже разорение, избавиться от греха, который тяготил их.

Вот это чувство по отношению земельной собственности должно пробудиться в людях достаточных классов для того, чтобы совершилось великое дело освобождения земли, пробудиться в той степени, чтобы люди готовы были жертвовать всем, только чтобы избавиться от того греха, в котором они жили и живут.

Владея сотнями, тысячами, десятками тысяч десятин, торгуя землями, пользуясь так или иначе земельной собственностью и живя роскошно благодаря задавленности народа, происходящей от этой жестокой и явной несправедливости, толковать в разных комитетах и собраниях об улучшении крестьянского быта без жертвы своим исключительно выгодным положением, вытекающим из этой несправедливости, — есть не только не доброе, но гадкое, вредное дело, одинаково осуждаемое здравым смыслом и честностью и христианством. Не придумывать нужно хитроумные средства улучшения положения людей, лишенных их законного права на землю, но понять свой грех перед ними и прежде всего перестать участвовать в нем, чего бы это ни стоило. Только такая внутренняя нравственная деятельность каждого человека может и будет содействовать разрешению предстоящего человечеству вопроса.

Освобождение крестьян в России совершено не Александром II, а теми людьми, которые поняли грех крепостного права и старались, независимо от своей выгоды, избавиться от него; преимущественно же совершено такими людьми, как Новиков, Радищев, декабристы, теми людьми, которые готовы были страдать и страдали сами (не заставляя никого страдать) ради верности тому, что они признавали правдой.

То же должно совершиться и по отношению к освобождению земли.

Я верю, что такие люди есть теперь и что они сделают то великое, не одно русское, а всемирное дело, которое предстоит русскому народу.

Земельный вопрос дошел в настоящее время до такой степени зрелости, до которой дошел вопрос крепостного права 50 лет тому назад. Повторяется совершенно то же. Как тогда люди искали средства исправления того всеобщего недомогания, недовольства, которое чувствовалось в обществе, и предлагали всякие внешние, правительственные средства, и ничто не помогало и не могло помочь, пока оставался назревающий и не разрешенный вопрос рабства личного, так точно теперь никакие внешние меры не помогают и не могут помочь, пока не будет разрешен назревший вопрос земельного рабства. Точно так же как теперь предлагаются меры прирезок земли посредством банков и т. п., тогда предлагались и принимались паллиативные меры, инвентари, правила о трехдневной барщине и мн. др. Точно так же как теперь владельцы земли говорят о несправедливости прекращения преступного владения, говорили тогда о незаконном отнятии крепостных. Точно так же как тогда церковь оправдывала крепостное право, теперь (то, что занимает место церкви) наука оправдывает земельную собственность. Так же как тогда рабовладельцы, более или менее чувствуя свой грех, старались разными средствами, не развязывая, смягчить его и переводили с барщины на оброк, уменьшали поборы, так точно и теперь наиболее чуткие землевладельцы, чувствуя свою вину, стараются искупить ее, отдавая землю крестьянам на наиболее льготных условиях, продавая ее через банки, устраивая для народа школы, смешные увеселительные дома, волшебные фонари и театры.

Совершенно то же и равнодушное отношение правительства к вопросу. И как тогда вопрос разрешен был не теми людьми, которые придумывали хитроумные средства облегчения, улучшения быта крепостных, а, признавая настоятельность решения, не откладывали его в будущее, не предвидели особенной трудности его, а сейчас, сразу старались прекратить зло и не допускали мысли о том, что могут быть такие условия, при которых сознанное зло должно продолжаться, и брали то решение, которое при данном положении представлялось наилучшим, — то же и теперь с земельным вопросом.

Вопрос будет решен не теми людьми, которые будут

стараться смягчить зло или придумывать облегчения народу или откладывать дело в будущее, а теми, которые поймут, что, сколько не смягчай неправды, она останется неправдой и что безумно придумывать облегчения человека, которого мы мучаем, и нельзя откладывать, когда люди страдают, а надо сейчас брать наилучший способ решения и сейчас прилагать к делу. И тем более должно быть так, что способ решения земельного вопроса выработан Генри Джорджем до такого совершенства, что *при существующем государственном строе и обязательных по-*
19 *датах* невозможно придумать какого-либо другого лучшего, более справедливого, практического и мирного решения.

«Чтобы уничтожить или заглушить истину, которую я пытался выяснить, — пишет Генри Джордж, — себялюбие будет искать поддержки в невежестве. Однако в истине этой заключается чудная сила прорастания, а в воздухе уже чувствуется веяние весны... Земля вспахана, семя брошено, вырастет доброе дерево. Оно еще так мало, но глаза верующего уже видят его».

И я думаю, что Генри Джордж прав, что разрешение греха земельной собственности близко, что движение, вызванное
20 Генри Джорджем, было последней потугой и что роды вот-вот должны наступить: должно совершиться освобождение людей от тех страданий, которые они несли так долго. Кроме того, я думаю (и мне хочется и хотелось бы хоть чем-нибудь содействовать этому), что разрешение этого великого, всемирного греха, разрешение, которое будет эрой в истории человечества, предстоит именно русскому, славянскому народу, по своему духовному и экономическому складу, предназначенному для этого великого, всемирного дела, — что русский народ не опролетариться должен, подражая народам Европы
20 и Америки, а, напротив, разрешит у себя земельный вопрос упразднением земельной собственности и укажет другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни вне промышленного, фабричного, капиталистического насилия и рабства, что в этом его великое историческое призвание.

Хочется мне думать, что мы, русские паразиты, вскормленные и получившие досуг для умственной работы трудами народа, пойдем наш грех и независимо от своей личной выгоды, во имя правды, которая осуждает нас, постараемся развязать его.

* * *
КОНЕЦ ВЕКА.
* * *

«Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в высшем смысле этого слова — не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства».

Чаннинг.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Иоан. VIII, 32.

I.

Конец века, уничтожение старого. Признаки и причины.

Век и конец века на евангельском языке не означает конца и начала столетия, но означает конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало другого мировоззрения, другой веры, другого способа общения. В Евангелии сказано, что при таком переходе от одного века к другому будут всякие бедствия: предательства, обманы, жестокости и войны, и по причине беззакония охладает любовь. Я понимаю эти слова не как сверхъестественное пророчество, а как указание на то, что когда та вера, тот склад жизни, в котором жили люди, будут заменяться иным, когда будут отпадать отжившее старое и замещаться новым, неизбежно должны будут происходить большие волнения, жестокости, обманы, предательства, всякого рода беззакония, и вслед-

ствие этих беззаконий должна охладеть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство.

Это самое и совершается теперь не только в России, но во всем христианском мире: в России оно только проявилось более ярко и открыто, во всем же христианском мире происходит то же самое, только в скрытом (латентном) состоянии.

Я думаю, что теперь, именно теперь, жизнь христианских народов находится близко к той черте, которая разделяет кончающийся старый век от начинающегося нового. Думаю, что
10 теперь, именно теперь, начал совершаться тот великий переворот, который готовился почти 2000 лет во всем христианском мире, переворот, состоящий в замене извращенного христианства и основанной на нем власти одних людей и рабства других — истинным христианством и основанным на нем признанием равенства всех людей и истинной, свойственной разумным существам свободой всех людей.

Внешние признаки этого я вижу в напряженной борьбе сословий во всех народах, в холодной жестокости богачей, в озлоблении и отчаянии бедных; в безумном, бессмысленном,
20 всё растущем вооружении всех государств друг против друга; в распространении неосуществимого, ужасающего по своему деспотизму и удивительного по своему легкомыслию учения социализма; в ненужности и глупости возводимых в наиважнейшую духовную деятельность праздных рассуждений и исследований, называемых наукой; в болезненной развращенности и бессодержательности искусства во всех его проявлениях; главное же, не только в отсутствии в имеющих наибольшее влияние на других какой бы то ни было религии, но в сознательном отрицании всякой религии и замене ее признанием
30 законности подавления слабых сильными и потому в полном отсутствии каких бы то ни было разумных руководящих начал в жизни.

Таковы общие признаки наступающего переворота или, скорей, той готовности к перевороту, в которой находятся христианские народы. Временные же исторические признаки или тот толчок, который должен начать переворот, — это только что окончившаяся русско-японская война и одновременно с нею вспыхнувшее и никогда прежде не проявлявшееся революционное движение среди русского народа.

40 Причину разгрома японцами русской армии и флота видят

в несчастных случайностях, в злоупотреблении русских правительственных лиц; причину революционного движения в России видят в дурном правительстве, в усиленной деятельности революционеров; последствием же этих событий представляется как русским, так и иностранным политикам ослабление России и перестановка центра тяжести в международных отношениях и изменение образа правления русского государства. Я же думаю, что эти события имеют гораздо более важное значение. Разгром русской армии и флота, разгром русского правительства не есть только разгром армии, флота и русского правительства, а признак начинающегося разрушения русского государства. Разрушение же русского государства есть, по моему мнению, признак начала разрушения всей лжехристианской цивилизации. Это конец старого и начало нового века.

То, что привело христианские народы к тому положению, в котором они теперь находятся, началось уже давно. Оно началось с тех пор, как христианство было признано государственной религией.

Такое учреждение, как государство, держащееся на насилии, требующее для своего существования полного повиновения своим законам преимущественно перед законом религиозным, учреждение, не могущее существовать без казней, войн и войн, учреждение, приписывающее почти божеское значение своим правителям, учреждение, возвеличивающее богатство и могущество, — такое учреждение принимает в лице своих правителей и подданных христианскую религию, провозглашающую полное равенство и свободу всех людей, полагающую один закон Бога выше всех других законов, принимает религию, не только отрицающую всякое насилие, всякое возмездие, казни и войны, но и предписывающую любовь к врагам, религию, возвеличивающую не могущество и богатство, а смирение и нищету, — это-то учреждение в лице своих языческих правителей принимает эту христианскую религию. И правители и их советники, большею частью совсем не понимая сущности истинного христианства, совершенно искренно возмущаются против людей, исповедующих и проповедующих христианство в его истинном значении, и с спокойной совестью казнят, изгоняют их и запрещают им проповедывать христианство в его истинном смысле. Духовенство запрещает чтение Евангелия и признает только за собой право толковать священное писание,

придумывает сложные софизмы, оправдывающие невозможное соединение государства и христианства, и устраивает торжественные обряды, гипнотизирующие народ. И большинство людей веками живет, считая себя христианами, не подозревая даже сотой доли значения истинного христианства.

Но как ни велик был престиж государства, как ни продолжительно было торжество его, как ни жестоко подавлялось христианство, раз высказанную истину, открывающую человеку его душу, составляющую сущность христианства, нельзя было заглушить. Чем дольше продолжалось такое положение, тем яснее становилось противоречие между христианским учением смирения и любви и государством — учреждением гордости и насилия. Величайшая плотина в мире не может задерживать источника живой воды. Вода неизбежно найдет себе путь или через плотину, или размыв или обойдя ее. Дело только во времени. Так это было с скрытым государственной властью истинным христианством. Государство долго удерживало его живую воду, но пришло время, и христианство разрушает задерживающую его плотину и увлекает за собой ее остатки.

Внешние признаки того, что время это пришло именно теперь, я вижу в легко одержанной японцами победе над Россией и в тех волнениях, которые одновременно с этой войной охватили все сословия русского народа.

II.

Значение поведеы японцев.

Как всегда бывало и бывает при всех поражениях, так и теперь причину поражения русских стараются объяснить ошибками побежденного: дурным устройством русского военного дела, злоупотреблениями и промахами начальников и т. п.

Но главное не в этом. Причина успехов японцев не столько в дурном управлении Россией или в дурном устройстве русских войск, сколько в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле. Япония победила не потому, что русские слабы, а потому что Япония теперь едва ли не самая могущественная в мире на суше и на море военная держава; и это так, во-первых, потому, что все те научные технические усовершенствования, которые давали преимущество в борьбе

христианским народам над нехристианскими, усвоены японцами (вследствие их практичности и той важности, которую они приписывают военному делу) много лучше, чем то было сделано народами христианскими; во-вторых, потому, что японцы по природе своей более храбры и равнодушны к смерти, чем теперь христианские народы; в-третьих, потому, что тот воинственный патриотизм, совершенно несогласный с христианством, который с таким усилием вводился и поддерживался христианскими правительствами среди своих народов, живет до сих пор во всей своей нетронутой силе среди японцев; в-чет- 10
вертых, потому, что, рабски подчиняясь деспотической власти обожествляемого микадо, сила японцев более сосредоточена и объединена, чем силы народов, переросших свое рабское подчинение деспотизму. Одним словом, японцы имели и имеют огромное преимущество: то, что они не христиане.

Как ни извращено среди христианских народов христианство, оно, хотя смутно, но всё же живет в их сознании, и люди-христиане, во всяком случае лучшие из них, не могут уже отдавать все свои духовные силы на изобретение и приготовление орудий убийства, не могут не относиться более или менее 20
отрицательно к воинственному патриотизму, не могут, как японцы, распарывать себе животы, только бы не отдаться в плен врагу, не могут взрываться на воздух вместе с неприятелем, как это было прежде, не ценят уже, как прежде, военных доблестей, военного геройства, всё менее и менее уважают военное сословие, не могут уже без сознания оскорбления человеческого достоинства рабски подчиняться власти и, главное, не могут уже, по крайней мере большинство, равнодушно совершать убийства.

Всегда и в мирных деятельности, несогласных с духом 30
христианства, христианские народы не могли бороться с нехристианами. Так это было и продолжает быть в борьбе денежной с нехристианами. Как бы плохо и превратно ни толковалось христианство, христианин (и чем более он христианин, тем более) сознает, что богатство не есть высшее благо, и потому не может положить на него все свои силы, как делает это тот, у кого нет никаких идеалов выше богатства, или тот, для кого богатство есть благословение божие.

То же и в области нехристианской науки и искусства. И в этих областях позитивной, опытной науки и искусства, 40

ставящего себе целью удовольствие, первенство принадлежало и принадлежит и всегда будет принадлежать наименее христианским людям и народам.

То, что мы видим в проявлении деятельности мирной, то тем более должно было быть в деле войны, прямо отрицаемой истинным христианством. Вот это-то необходимое превосходство в военном деле нехристианских народов над христианскими с полной очевидностью проявилось в блестящей победе японцев над русскими.

10 И в этом неизбежном и необходимом превосходстве нехристианских народов над христианскими и заключается огромное значение японской победы.

Значение победы японцев заключается в том, что победа эта самым очевидным образом показала не только побежденной России, но и всему христианскому миру, всю ничтожность внешней культуры, которой так гордились христианские народы, показала, что вся эта внешняя культура, которая казалась им каким-то особенно важным результатом вековых усилий христианского человечества, есть нечто очень неважное и
20 столь ничтожное, что никакими особенными высшими духовными свойствами не отличающийся японский народ, когда ему понадобилось, в несколько десятков лет усвоил себе всю научную мудрость христианских народов, с бактериями и взрывчатыми веществами включительно, и так хорошо сумел практически применить эту мудрость к практическим целям, что стал в применении этой мудрости к военному делу и в самом военном деле, столь высоко ценимом христианскими народами, выше всех христианских народов.

Христианские народы веками под предлогом самозащиты
30 придумывали одно перед другим самые действительные способы истребления друг друга (способы, тотчас же применяемые всеми другими противниками) и пользовались этими способами и для угрозы друг другу и для приобретения всякого рода выгод среди нецивилизованных народов в Африке и Азии. И вот среди нехристианских народов появляется народ воинственный, ловкий и перемчивый, который, увидав угрожающую ему вместе с другими нехристианскими народами опасность, с необыкновенной легкостью и быстротой усвоил ту простую истину, что если тебя бьют толстой, крепкой дубиной,
40 то надо взять точно такую же или еще более толстую и креп-

кую дубину и бить ею того, кто тебя бьет. Японцы очень скоро и легко усвоили эту мудрость и вместе с тем и всю ту технику войны и, пользуясь сверх того всеми выгодами религиозного деспотизма и патриотизма, проявили такое военное могущество, которое оказалось сильнее самой могущественной военной державы. Победа японцев над русскими показала всем военным державам, что военная власть больше не в их руках, а перешла или вскоре должна перейти в другие, нехристианские руки, так как всем нехристианским, угнетаемым христианами народам в Азии и Африке совсем не трудно, по примеру Япо- 10 нии, усвоив себе военную технику, которой мы так гордимся, не только освободиться, но и стереть с лица земли все христианские государства.

Так что христианские правительства исходом этой войны самым очевидным образом приведены к необходимости еще усиливать и так задавившие своими расходами их народы военные приготовления и, удвоив эти вооружения, всё-таки сознавать, что со временем подавленные ими языческие народы, так же как японцы, обучившись военному искусству, свергнут их иго и отомстят им. Уже не по рассуждениям, а на горьком опыте 20 подтвердилось этой войной не только для русских, но и для всех христианских народов, та простая истина, что насилие ни к чему, кроме как к увеличению бедствий и страданий, приведи не может

Победа эта показала, что, занимаясь увеличением своей военной силы, христианские народы делали дело не только противное тому христианскому духу, который живет в них, но и безнравственное и глупое дело, такое, в котором они, как христианские народы, должны всегда быть превазойдены и побеждены нехристианскими народами. Победа эта показала христианским 30 народам, что всё то, на что их правительства направляли свою деятельность, было губительно для них и напрасным истощением их сил и, главное, приготовлением для себя более могущественных врагов среди нехристианских народов.

Война эта самым очевидным образом показала, что сила христианских народов никак не может быть в противном духу христианства военном могуществе и что если христианские народы хотят оставаться христианскими, то усилия их должны быть направлены никак не на военное могущество, а на нечто другое: на такое устройство жизни, которое, вытекая из 40

христианского учения, давало бы наибольшее благо людям не посредством грубого насилия, а посредством разумного согласия и любви.

В этом великое для христианского мира значение победы японцев.

III.

Сущность революционного движения в России.

Японская победа показала всему христианскому миру неверность того пути, по которому шли и идут христианские народы. Русским же людям война эта с своими ужасными, бессмысленными страданиями и тратами трудов и жизней миллионов людей показала, кроме общего для всех христианских народов противоречия между христианским и насильническим государственным устройством, ту страшную опасность, в которой постоянно находятся эти народы, повинувшись своему правительству.

Без всякой надобности, для каких-то темных, личных целей, для каких-то ничтожных лиц, находящихся во главе управления, русское правительство ввергло свой народ в бессмысленную войну, которая ни в каком случае не могла иметь никаких, кроме вредных для русского народа, последствий. Потеряны сотни тысяч жизней, потеряны миллиарды денег, произведения трудов народа, потеряна для тех, которые гордились ею, слава России. И виновники всех этих злодеяний не только не чувствуют своей вины, но упрекают других во всем случившемся и, оставаясь в том же положении, завтра могут ввергнуть русский народ в еще худшие бедствия.

Всякая революция начинается тогда, когда общество выросло из того мировоззрения, на котором основывались существующие формы общественной жизни, когда противоречие между жизнью, какая она есть, и той, какая должна и может быть, становится настолько ясным для большинства людей, что они чувствуют невозможность продолжения жизни в прежних условиях. Начинается же революция в том народе, в котором наибольшее число людей сознают это противоречие.

Что же касается до средств, употребляемых революцией, то средства эти зависят от той цели, к которой стремится революция.

В 1793 году сознание противоречия между идеей равенства людей и деспотичной властью королей, духовенства, дворян, чиновников чувствовалось не только страдающими от своего угнетения народами, но и лучшими людьми властвующих сословий во всем христианском мире. Но нигде эти сословия не были так чутки к этому неравенству и нигде сознание народа не было так мало забито рабством, как во Франции, и потому революция 1793 года началась именно во Франции. Средством же осуществления равенства естественно представлялось тогда отнятие силою того, что имели властвующие, и потому деятели той революции старались осуществить свои цели насильем. 10

В нынешнем, 1905 году, противоречие между сознанием возможности и законности свободной жизни и неразумностью и бедственностью повиновения насильническим властям, произвольно отбирающим от людей произведения их трудов для немогущих иметь конца вооружений, властям, всякую минуту могущим заставить народы участвовать в бессмысленных и смертоубийственных войнах, чувствуется не только страдающими от этого насилия народами, но и лучшими людьми властвующих сословий. Нигде же противоречие это не чувствуется так резко, как в русском народе. Чувствуется это противоречие теперь особенно резко в русском народе и вследствие нелепой и постыдной войны, в которую русский народ был вовлечен правительством, и вследствие удержавшегося еще среди русского народа земледельческого быта и, главное, вследствие особенно живого, христианского сознания этого народа. 20

Поэтому я и думаю, что революция 1905 года, имеющая целью освобождение людей от насилия, должна начаться и начинается уже теперь именно в России. 30

Средства же осуществления цели революции, состоящей в освобождении людей, очевидно должны быть иные, чем то насилье, которым до сих пор люди пытались осуществить равенство.

Людям великой революции, желавшим достигнуть равенства, можно было заблуждаться, когда они думали, что равенство достигается насильем, хотя и казалось бы очевидным, что равенство не может быть достигнуто насильем, так как насилье есть само по себе самое резкое проявление неравенства. Свобода же, составляющая цель теперешней революции, уже 40

ни в каком случае не может быть достигнута насильем. Казалось бы, что это должно бы быть очевидно.

А между тем люди, производящие теперь революцию в России, думают, что насильем свергнув существующее правительство и насильем же учредив новое — конституционную монархию или даже социалистическую республику, они достигнут цели совершающейся революцией — свободы.

Но история не повторяется. Насильническая революция отжила свое время. Всё, что она могла дать людям, она уже дала им и вместе с тем показала, чего она не может достигнуть. Начинаясь теперь революция в России среди совсем особенного по своему складу стомиллионного народа, и не в 1793 году, а в 1905, никак не может иметь тех целей и осуществиться теми же средствами, как революции, бывшие 60, 80, 100 лет тому назад среди совершенно иного духовного склада германских и романских народов.

Русскому земледельческому стомиллионному народу, в котором собственно и заключается весь народ, нужна не дума и не дарование каких-то свобод, перечисление которых очевидно всего показывает отсутствие простой, истинной свободы, не учредительное собрание и замена одной насильнической власти другою, а настоящая, полная свобода от всякой насильнической власти.

Значение начинающейся в России и предстоящей всему миру революции не в установлении подоходных или иных налогов, не в отделении церкви от государства или присвоении государством общественных учреждений, не в организации выборов и мнимого участия народа во власти, не в учреждении республики самой демократической, даже социалистической, с всеобщей подачей голосов, а в действительной свободе.

Действительная же свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не какими бы то ни было новыми насильническими учреждениями, а только прекращением повиновения людям.

IV.

Основная причина предстоящего переворота.

Основная причина предстоящего переворота, как и всех бывших и будущих революций, — религиозная.

Под словом религия обыкновенно принято понимать или некоторые мистические определения невидимого мира, или известные обряды, культ, поддерживающий, утешающий, возбуждающий людей в их жизни, или объяснения происхождения мира, или нравственные, санкционированные божеским повелением правила жизни; но истинная религия есть прежде всего открытие того высшего, общего всем людям закона, дающего им в данное время наибольшее благо.

Еще до христианского учения среди разных народов был выражен и провозглашен высший, общий всему человечеству 10 религиозный закон, состоящий в том, что люди для своего блага должны жить не каждый для себя, а каждый для блага всех, для взаимного служения (буддизм, Исаия, Конфуций, Лао-Тзе, стоики). Закон был провозглашен, и те люди, которые знали его, не могли не видеть всей его истинности и благотворности. Но установившаяся жизнь, основанная не на взаимном служении, но на насилии, до такой степени проникла во все учреждения и нравы, что, признавая благотворность закона взаимного служения, люди продолжали жить по законам 20 насилия, которые они оправдывали необходимостью возмездия. Им казалось, что без возмездия зло за зло общественная жизнь невозможна. Одни люди брали на себя обязанность для установления благоустройства и исправления людей применять законы насилия и повелевали, другие повиновались. И повелевающие развращались той властью, которой они пользовались. Будучи же сами развращены, они, вместо исправления людей, передавали им свой разврат. Повинующиеся же развращались участием в насилиях власти и подражанием властителям и рабской покорностью.

Тысяча девятьсот лет тому назад появилось христианство. 30 Христианство с новой силой подтвердило закон взаимного служения и сверх того разъяснило причины, по которым закон этот не исполнялся.

Христианское учение с необыкновенной ясностью показало, что причиной этого было ложное представление о законности, необходимости насилия, как возмездия. И с разных сторон, разъяснив неразумность, зловредность возмездия, оно показало, что главное бедствие людей происходит от насилий, которые, под предлогом возмездия, производятся одними 40 людьми над другими. Христианское учение показало, что един-

ственное средство избавления от насилия есть покорное, без борьбы перенесение его.

«Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся».

- 10 Учение это указывало на то, что если судьей того, в каких случаях допустимо насилие, будет человек, совершающий насилие, то не будет пределов насилию, и потому, чтобы не было насилия, надо, чтобы *никто ни под каким предлогом не употреблял насилие, в особенности же под самым употребительным предлогом возмездия.*

Учение это подтверждало ту простую, само собой понятную истину, что влом нельзя уничтожить зло, что единственное средство уменьшения зла насилия — это воздержание от насилия.

- 20 Учение это было ясно выражено и установлено. Но ложное понятие о справедливости возмездия и о необходимости угрозы, как необходимого условия жизни людей, так укоренилось и так много людей не знало христианского учения или знало его только в извращенном виде, что люди, принявшие закон Христа, продолжали жить по закону насилия.

- Руководители людей христианского мира думали, что можно принять учение взаимного служения без учения о непротиплении, составляющего замък (в смысле свода) всего учения о жизни людей между собой. Принять же закон взаимного служения, не приняв заповеди непротипления, было всё равно, что, сложив свод, не укрепить его там, где он смыкается.
- 30

- Люди-христиане, воображая, что, не приняв заповеди непротипления, они могут устроить жизнь лучше языческой, продолжали делать не только то, что делали нехристианские народы, но и гораздо худшие дела, и всё больше и больше удалялись от христианской жизни. Сущность христианства, вследствие неполного принятия его, всё больше и больше скрывалась, и христианские народы дошли, наконец, до того положения, в котором находятся теперь, а именно — до превраще-
- 40 ния христианских народов во вражеские войска, отдающие все

свои силы на вооружения друг против друга и готовых всякую минуту растерзать друг друга; и дошли до того положения, что не только вооружились друг против друга, но вооружили и вооружают против себя и ненавидящие их и поднявшиеся против них нехристианские народы; дошли, главное, до полного в жизни отрицания не только христианства, но какого бы то ни было высшего закона.

Извращение высшего закона взаимного служения и заповеди непротивления, данной христианством для возможности осуществления этого закона, — в этом основная религиозная причина предстоящего переворота. 10

V.

Последствия непринятия заповеди непротивления.

Мало того, что христианское учение показывало, что мщение и воздаяние злом за зло невыгодно и неразумно, увеличивая зло, — оно показывало и то, что непротивление злу насилием, перенесение всякого насилия без борьбы с насилием было единственное средство достижения той истинной свободы, которая свойственна человеку. Христианское учение показывало, что как только человек вступал в борьбу с насилием, он этим самым лишал себя свободы, так как, допуская насилие для себя против других, он этим самым допускал насилие и против себя и потому мог быть покорен тем насилием, с которым боролся, и если даже оставался победителем, то, вступая в область внешней борьбы, был всегда в опасности в будущем быть покоренным более сильным. 20

Учение христианское показывало, что свободен может быть только человек, целью своей ставящий исполнение высшего, общего всему человечеству закона взаимного служения, для которого не может быть препятствий. Учение это показывало, что единственное средство как для уменьшения в мире насилия, так и для достижения полной свободы, есть только одно: покорное, без борьбы, перенесение какого бы то ни было насилия. 30

Христианское учение провозглашало закон полной свободы человека, но при необходимом условии подчинения высшему закону, во всем его значении.

«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. X, 28).

Принявшие это учение во всем его значении, повинуюсь высшему закону, были свободны от всякого другого повиновения. Они покорно переносили насилие от людей, но не повиновались людям в делах, не согласных с высшим законом.

И так поступали первые христиане, когда они были в малом числе среди языческих народов.

10 Они отказывались от повиновения правительствам в делах, не согласных с высшим законом, который они называли законом Бога; они были гонимы и казнимы за это, но не повиновались людям и были свободны.

Когда же целые народы, жившие в установленном и поддерживаемом насилием государственном устройстве, были посредством внешних обрядов крещения признаны христианами, отношение христиан к власти совершенно изменилось. Правительства с помощью покорного им духовенства внушали своим подданным, что насилие и убийства могут быть совершаемы, когда употребляются для справедливого возмездия и для защиты угнетенных и слабых. Кроме того, заставляя людей присягать властям, то есть клясться перед Богом, что они будут беспрекословно исполнять всё, что будет предписано властью, правительства довели своих подданных до того, что люди, считавшие себя христианами, перестали считать запрещенным насилие и убийства. Совершая же насилие и убийства, они естественно подчинялись и тем насилиям, которые совершались над ними.

И сделалось то, что люди-христиане, вместо свободы, провозглашенной Христом, вместо того чтобы считать, как это и было прежде, своим долгом переносить всякое насилие, но не повиноваться никому, кроме Бога, и быть свободными, стали понимать свои обязанности совершенно обратно: стали считать для себя позорным переносить без борьбы насилие (честь) и считать священной обязанностью повиноваться власти правительств и стали рабами. Воспитываемые в этих преданиях, они не только не стыдились своего рабства, но гордились могуществом своих правительств, как всегда рабы гордятся величием своих господ.

40 В последнее же время из этого извращения христианства

вырос еще новый обман, закрепивший христианские народы в их порабощении. Обман этот состоит в том, что посредством сложного устройства выборов представителей в правительственные учреждения людям известного народа внушается, что, избирая того, кто далее будет вместе с другими избирать того или другого из десятка неизвестных ему кандидатов или избирая прямо своих представителей, они делаются участниками правительственной власти и потому, повинаясь правительству, повинуются сами себе и потому будто бы свободны. Обман этот, казалось бы, должен быть очевиден и теоретически и 10 практически, так как при самом демократическом устройстве и при всеобщей подаче голосов народ не может выразить свою волю. Не может выразить ее, во-первых, потому, что такой общей воли всего многомиллионного народа нет и не может быть, а во-вторых, потому, что если и была бы такая общая воля всего народа, большинство голосов никак не может выразить ее. Обман этот, не говоря уже о том, что выбранные люди, участвующие в правлении, составляют законы и управляют народом не в виду его блага, а руководствуясь по большей 20 части единственной целью среди борьбы партий удержать свое значение и власть, — не говоря уже о производимом этим обманом развращении народа всякого рода ложью, одурением и подкупами, — обман этот особенно вреден тем самодовольным рабством, в которое он приводит людей, подпавших ему. Люди, подпавшие этому обману, воображая, что они, повинаясь правительству, повинуются сами себе, уже никогда не решаются ослушаться постановлений человеческой власти, хотя бы они и были противны не только их личным вкусам, 30 выгодам, желаниям, но и высшему закону и их совести.

А между тем действия и распоряжения правительства таких 30 мнимо самоуправляющихся народов, обуславливаемые сложной борьбой партий и интриг, борьбой честолюбия и корыстолюбия, так же мало зависят от воли и желания всего народа, как и действия и распоряжения самых деспотических правительств. Люди эти подобны заключенным в тюрьмах, воображающим, что они свободны, если имеют право подавать голос при выборе тюремщиков для внутренних хозяйственных распоряжений тюрьмы.

Член самого деспотического дагомейского народа может быть вполне свободен, хотя и может подвергнуться жестокому наси- 40

лиям от власти, которую не он устанавливал; член же конституционного государства всегда раб, потому что, воображая, что он участвовал или может участвовать в своем правительстве, он признает законность всякого совершаемого над ним насилия, повинуется всякому распоряжению власти.

Так что люди конституционных государств, воображая, что они свободны, именно вследствие этого воображения утрачивают даже понятие о том, в чем состоит истинная свобода. Такие люди, воображая, что они освобождают себя, всё более и более отдаются в всё большее и большее рабство своим правительством.

Ничто так ясно не показывает того всё большего и большего стремления к порабощению народов, как распространение и успех социалистических теорий, то есть стремление ко всё большему и большему порабощению.

Хотя русские люди в этом отношении и находятся в более выгодных условиях, так как они до сих пор никогда не участвовали во власти и не развращались этим участием, но и русские люди, как и другие народы, подвергались всем обманам возвеличения власти, клятвы, присяги, престижу величия государства, отечества и также считают своей обязанностью во всем повиноваться правительству.

В последнее же время легкомысленные люди русского общества стараются привести русский народ и к тому конституционному рабству, в котором находятся европейские народы.

Так что главным последствием непринятия заповеди непротивления, кроме бедствия всеобщего вооружения и войн, было еще всё большее и большее лишение свободы людей, исповедующих извращенный закон Христа.

Первая внешняя причина предстоящего переворота:

Извращение учения Христа с непризнанием заповеди непротивления привело христианские народы к взаимной вражде и к вытекающим из нее бедствиям и всё усиливающемуся рабству, и люди христианского мира начинают чувствовать тяжесть этого рабства. В этом основная, общая причина предстоящего переворота. Частные же, временные причины, сделавшие то, что переворот этот начинается именно теперь, заключаются,

во-первых, в особенно обличившемся в японской войне безумии всё растущего милитаризма народов христианского мира и, во-вторых, во всё увеличивающихся бедственности и недовольстве рабочего народа, происходящих от лишения этого народа его законного и естественного права пользования землей.

Две причины эти общи всем христианским народам, но, по особенным историческим условиям жизни русского народа, они резче, живее других народов чувствуются русским народом, и именно теперь. Бедственность своего положения, вытекающая из повиновения правительству, особенно ясна стала русскому народу, я думаю, не только вследствие той ужасной, нелепой войны, в которую он был вовлечен своим правительством, но и потому, что русский народ всегда иначе относился к власти, чем европейские народы. Русский народ никогда не боролся со властью и, главное, никогда не участвовал в ней, не развращался участием в ней.

Русский народ всегда смотрел на власть не как на благо, к которому свойственно стремиться каждому человеку, как смотрит на власть большинство европейских народов (и как, к сожалению, смотрят уже некоторые испорченные люди русского народа), но смотрел всегда на власть как на зло, от которого человек должен устраниваться. Большинство людей русского народа поэтому всегда предпочитало нести телесные бедствия, происходящие от насилия, чем духовную ответственность за участие в нем. Так что русский народ в своем большинстве подчинялся и подчиняется власти не потому, что не может свергнуть ее, чему хотят научить его революционеры, и не принимает в ней участия не потому, что не может добиться этого участия, чему хотят научить его либералы, а потому, что всегда в своем большинстве предпочитал и предпочитает подчинение насилию борьбе с ним или участию в нем. От этого установилось и держалось в России всегда деспотическое правление, то есть простое насилие сильного и желающего бороться над слабым или же желающим бороться.

Легенда о призвании варягов, составленная, очевидно, после того, как варяги уже завоевали славян, вполне выражает отношение русских людей к власти даже до христианства. «Мы сами не хотим участвовать в грехах власти. Если вы не считаете это грехом, приходите и властвуйте». Этим же отношением к власти объясняется та покорность русских людей самым

жестоким и безумным, часто даже не русским самодержцам.

Так в старину смотрел русский народ на власть и свои отношения к ней. Так в своем большинстве смотрит он на нее и теперь. Правда, что, как и в других государствах, те же обманы внушения, посредством которых христианских людей заставляли незаметно не только подчиняться, но и повиноваться ей в делах, противных христианству, произведены были и над русским народом. Но обманы эти захватили только верхние, испорченные слои народа, большинство же его удержало тот взгляд на власть, при котором человек считает лучшим нести страдания от насилия, чем участвовать в нем.

Причина такого отношения русского народа к власти, я думаю, заключается в том, что в русском народе, больше чем в других народах, удержалось истинное христианство, как учение братства, равенства, смирения и любви, то христианство, которое делает резкое различие между подчинением насилью и повиновением ему. Истинный христианин может подчиняться, даже не может не подчиняться без борьбы всякому насилью, но не может повиноваться ему, то есть признавать его законность.

Как ни старались и ни стараются правительства вообще, и русское в особенности, заменить это истинное христианское отношение к власти православно-государственным учением, требующим повиновения, христианский дух и различие между подчинением и повиновением власти продолжает жить в огромном большинстве русского рабочего народа.

Несогласие правительственного насилия с христианством никогда не переставало чувствоваться большинством русских людей. В особенности же сильно и определенно чувствовалось это противоречие наиболее чуткими христианами, не принадлежавшими к извращенному учению православия, между так называемыми сектантами. Эти разных наименований христиане, все одинаково, не признавали законности власти правительства. Большинство ради страха покорялось признаваемым ими незаконными требованиям правительства, некоторые же, малая часть, разными хитростями обходили эти требования или убегали от них. Когда же введением общей воинской повинности государственное насилие как бы бросило вызов всем истинным христианам, требуя от всякого человека готовности

к убийству, многие православные русские люди начали понимать несогласие христианства с властью. Христиане же не православные, самых различных вероисповеданий, стали прямо отказываться от солдатства. И хотя таких отказов было немного (едва ли один на тысячу призываемых), значение их было велико тем, что отказы эти, вызвавшие жестокие казни и гонения правительства, открывали глаза уже не одним сектантам, а всем русским людям на нехристианские требования правительства, и огромное большинство людей, прежде не думавших о противоречии закона божеского и человеческого, увидели это противоречие. И среди большинства русского народа началась та невидимая, глухая, не подлежащая взвешиванию работа освобождения сознания.

Таково было положение русского народа, когда возникла жестокая, не имеющая никаких оправданий японская война.

И вот эта-то война, при развитии грамотности, при всеобщем недовольстве и, главное, при необходимости вызова в первый раз сотен тысяч рассеянных по всей России пожилых, отрываемых от семей и разумного труда людей (запасных), для явно безумного и жестокого дела — война эта была тем толчком, который превратил невидную, глухую, внутреннюю работу в явное сознание незаконности требований правительства.

И сознание это выразилось и выражается теперь в самых разнообразных и значительных явлениях: в сознательных отказах запасных от вступления в войска, в таких же сознательных отказах стрелять и драться, особенно в отказах стрелять в своих при усмирении возмущений, а, главное, в всё учащающихся и учащающихся отказах от присяги и солдатства.

Таковы сознательные проявления незаконности и ненужности повиновения правительству. Бессознательные же проявления этого же самого — это всё то, что творится теперь как революционерами, так и их врагами: таковы бунты моряков в Черном море, Кронштадте, военные бунты в Киеве и других местах, погромы, самоуправства, крестьянские бунты. Prestиж власти разрушен, и перед русскими людьми нашего времени, перед огромным большинством их, возник во всем великом значении вопрос о том, должно ли, следует ли повиноваться правительству.

В этом возникшем в русском народе вопросе — одна из причин предстоящего, а может быть и начавшегося великого всемирного переворота.

VII.

ВТОРАЯ ВНЕШНЯЯ ПРИЧИНА ПРЕДСТОЯЩЕГО ПЕРЕВОРОТА:

Вторая внешняя причина предстоящего переворота в том, что рабочий народ лишен своего естественного, законного права пользования землей и что это лишение довело народы христианского мира до всё увеличивающейся и увеличивающейся бедственности рабочего народа и всё увеличивающейся озлобленности его против пользующихся его трудами условий.

Причина эта особенно живо чувствуется в России потому, что только в России большинство рабочего народа живет еще земледельческой жизнью и русские люди только теперь, вследствие увеличения населения и недостатка земли, поставлены в необходимость или оставлять ту привычную им земледельческую жизнь, в которой одной они полагают возможным осуществление христианского общежития, или перестать повиноваться правительству, которое удерживает за частными владельцами отнятую у народа землю.

Обыкновенно думают, что самое жестокое рабство есть рабство личное, когда один человек может сделать над другим всё, что хочет: истязать, изуродовать, убить его и что то, что мы даже не называем рабством — лишение человека возможности пользоваться землей, — есть только некоторое, не совсем справедливое экономическое учреждение.

Но мнение это совершенно несправедливо.

То, что сделал Иосиф с египтянами, что делали все завоеватели над завоеванными народами, что делают теперь люди над людьми, лишая их возможности пользоваться землей, — есть самое ужасное и жестокое порабощение. Раб личный — раб одного, человек же, лишенный права пользоваться землей, — раб всех.

Но не в этом главное бедствие раба земельного. Как ни жесток мог быть хозяин личного раба, он, в виду своей выгоды, чтобы не лишиться раба, не заставлял его не переставая ра-

ботать; не мучил, не морил его голодом; лишенный же земли раб часто должен через силу работать, мучиться, голодать и никогда ни минуты не может быть вполне обеспеченным, т. е. свободным от произвола людей и преимущественно от произвола недобрых, корыстных людей, во власти которых он находится.

И в этом еще не главное бедствие земельного раба. Главное его бедствие в том, что он не может жить нравственной жизнью. Не живя трудами с земли, не борясь с природой, он должен неизбежно бороться с людьми: силой или хитростью стараться отбирать у них то, что они приобрели от земли и от трудов других людей.

Земельное рабство не есть, как думают даже и те, которые признают лишение людей земли рабством, одна из остающихся форм рабства, а есть коренное, основное рабство, из которого вырастает и выросло всякое рабство и которое несравненно мучительнее личного рабства.

Личное рабство есть только один из частных случаев злоупотребления земельным рабством, так что освобождение людей от личного рабства без освобождения их от земельного рабства есть не освобождение, а только прекращение одного из злоупотреблений рабства и во многих случаях, как это было в России при освобождении крепостных с малым количеством земли, только обман, на время скрывающий от рабов их положение.

Русский народ понимал это всегда при крепостном праве, говоря: «мы ваши, а земля наша», и при освобождении не переставая всем народом требовал и ожидал освобождения земли. Народ поманили, дав ему при освобождении от крепостного права немного земли, и он на время затих, но при увеличившемся населении, при той же земле вопрос возник для него вновь и в самой ясной и определенной форме.

Пока народ был крепостной, он пользовался землею в тех размерах, которые были необходимы ему для существования. О распределении же увеличивающегося населения заботилось правительство и помещики, и народу не чувствительна была основная несправедливость захвата земель частными лицами. Но как скоро снято было крепостное право, уничтожилась забота правительства и помещиков об экономическом, земледельческом хотя не благосостоянии, а возможности существо-

вания народа. Количество земли, которым крестьяне могли владеть, было раз навсегда определено без возможности его увеличения, а население увеличивалось, и народ всё живее и живее чувствовал тяжесть своего положения. И он ждал, что правительство отменит законы, лишавшие его земли. Ждал 10, 20, 30, 40 лет, а земля всё больше и больше захватывалась частными владельцами, и народу был поставлен выбор: голодать, не размножаться или совсем бросать сельскую жизнь и образовывать поколения грабарей, ткачей, слесарей.

10 Прошло полстолетия, положение народа всё ухудшалось и ухудшалось и дошло, наконец, до того, что стал разрушаться тот строй жизни, который он считает необходимым для христианской жизни: и правительство, мало того что не дает ему земли, а, отдавая ее своим слугам и удерживая ее за ними, внушает народу, чтобы он не надеялся на свободу земли, и устраивает ему, по европейскому образцу, с фабричными инспекторами, промышленную жизнь, которую он считает дурной и греховной.

Лишение народа его законного права на землю — главная 20 причина бедственного положения русского народа. И та же причина лежит в основе бедственности и недовольства своим положением рабочего народа Европы и Америки. Разница только в том, что отъем земли у европейских народов признанием законности частной земельной собственности совершился так давно, столько новых отношений легло сверх этой несправедливости, что люди Европы и Америки не видят истинной причины своего положения и ищут ее везде: в отсутствии рынков, в тарифах, в неправильном обложении, в капитализме, во всем; только не в том, в чем она действительно заключается, — 30 в отнятии у народа права на землю.

Русским же людям эта основная несправедливость, еще не вполне совершенная над ними, ясно видна.

Русские люди, живя на земле, видят ясно то, что хотят сделать с ними, и не могут примириться с этим.

Бессмысленные и губительные вооружения и войны и лишение народа общего права на землю — таковы, по моему мнению, две ближайшие внешние причины предстоящего всему христианскому миру переворота. Начинается же этот переворот не где-нибудь, а именно в России, потому, что нигде, 40 как в русском народе, не удержалось в такой силе и чистоте

христианское мировоззрение, и нигде, как в России, не удержалось еще земледельческое состояние большинства народа.

VIII.

Каково будет положение людей, отказавшихся от повиновения?

Русский народ раньше других народов христианского мира, благодаря своим особым свойствам и условиям жизни, приведен к сознанию бедственности, происходящей от повиновения насильнической государственной власти. И в этом сознании и стремлении освободиться от насилия этой власти заклю- 10
чается, по моему мнению, сущность того переворота, который предстоит не только русскому народу, но и всем народам христианского мира.

Людам, живущим в государствах, основанных на насилии, кажется, что уничтожение власти правительств неизбежно повлечет за собой величайшие бедствия.

Но ведь утверждение о том, что та степень безопасности и блага, которыми пользуются люди, обеспечивается государственной властью, совершенно произвольно. Мы знаем те бедствия и те блага, если они есть, которыми пользуются люди, 20
живущие в государственном устройстве, но не знаем того положения, в котором бы были люди, упразднившие государство. Если же принять в соображение жизнь тех небольших общин, которые случайно жили и живут вне больших государств, то такие общины, пользуясь всеми благами общественного устройства, не испытывают одной сотой тех бедствий, которые испытывают люди, повинующиеся государственной власти.

О невозможности жить без государственного устройства ведь говорят преимущественно те самые люди правящих классов, 30
для которых выгодно государственное устройство. Но спросите у тех людей, которые несут только тяжести государственной власти, у земледельцев, у 100 миллионов крестьян в России, и они скажут, что чувствуют только тяжесть ее и не только не считают себя обеспеченными государственной властью, но совершенно не нуждаются в ней.

Я много раз, во многих писаниях своих старался показать, что то, чем пугают людей, а именно тем, что без правительственной власти восторжествуют худшие люди, лучшие же

будут угнетены, — что именно это самое давно уже совершилось и совершается во всех государствах, так как везде власть в руках худших людей, что и не может быть иначе, потому что только худшие люди могут делать все те хитрости, подлости, жестокости, которые нужны для участия во власти; много раз я старался показать, что все главные бедствия, от которых страдают люди, как накопление огромных богатств у одних людей и нищета большинства, захват земли неработающими на ней, непереставшие вооружения и войны и раз-
10 вращение людей, — происходят только от признания законности правительственного насилия; старался показать, что для того чтобы ответить на вопрос о том, хуже или лучше будет положение людей без правительств, надо прежде решить вопрос о том, из кого состоит правительство. Хуже или лучше среднего уровня людей люди, составляющие правительство? Если эти люди лучше среднего уровня, то правительство будет благотворно, если же хуже, то вредно. А то, что эти люди — Иоанны IV, Генрихи VIII, Мараты, Наполеоны, Аракчеевы, Меттернихи и Талейраны — хуже общего уровня,
20 показывает история.

Я старался показать, что во всяком обществе людей всегда есть люди властолюбивые, бессовестные, жестокие, готовые для своей выгоды совершать всякого рода насилия, грабежи, убийства; и что в обществе без правительства эти люди будут разбойниками, сдерживаемыми в своих поступках отчасти борьбой с ними оскорбленных ими людей (самосуд, линчеванье), отчасти, и преимущественно, могущественнейшим орудием воздействия на людей — общественным мнением. В обществе же, управляемом насильнической властью, эти самые люди
30 захватят власть и будут пользоваться ею, не только не сдерживаемые общественным мнением, а, напротив, поддерживаемые, восхваляемые, возвеличиваемые подкупленным и искусственно вызванным ими общественным мнением.

Говорят: как могут люди жить без правительств, т. е. насилия? Надо сказать напротив: как могут люди, разумные существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насилие, а не разумное согласие?

Одно из двух: разумные или неразумные существа люди? Если они неразумные существа, то всё между ними может и
4) должно решаться насильем, и нет причины одним иметь, а дру-

гим не иметь права насилия. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны не на насилии, а на разуме.

Казалось, довод этот должен бы быть убедителен для людей, признающих себя разумными существами. Но люди, защищающие государственную власть, не думают о человеке, о его свойствах, об его разумной природе; они говорят об известном соединении людей, которому они придают какое-то сверхъестественное, мистическое значение.

«Что станет с Россией, Францией, Британией, Германией, — говорят они, — если люди перестанут повиноваться правительствам?»

Что станет с Россией? Россия? Что такое Россия? Где ее начало, где конец? Польша? Остзейский край? Кавказ со всеми своими народами? Казанские татары? Ферганская область? Амур? Всё это не только не Россия, но всё это чужие народы, желающие освобождения от того соединения, которое называется Россией. То, что эти народы считаются частью России, есть случайное, временное явление, обусловливаемое в прошедшем целым рядом исторических событий, преимущественно насилий, несправедливостей и жестокостей; в настоящем же соединении это держится только той властью, которая распространяется на эти народы.

На нашей памяти Ницца была Италия, вдруг стала Францией; Эльзас был Франция, стал Пруссией; Приморская область была Китай, стала Россией; Сахалин был Россия, стал Японией. Нынче власть Австрии распространяется на Венгрию, Богемию, Галицию, а английского правительства — на Ирландию, Канаду, Австралию, Египет и мн. др., русского правительства на Польшу, Грузию и т. д. Но завтра власть эта может прекратиться. Единственная сила, связывающая воедино все эти России, Австрии, Британии, Франции, — это власть. Власть же есть произведение людей, которые, противно своей разумной природе и закону свободы, открытому Христом, повинуются людям, требующим от них дурных дел насилия. Стоит только людям сознать свою, свойственную разумным существам свободу и перестать делать по требованию власти дела, противные их совести и закону, и не будет этих искусственных, кажущихся столь величественными соединений России, Британий, Германий, Франций, того самого,

во имя чего люди жертвуют не только своей жизнью, но и свойственной разумным существам свободой.

Стоит только людям перестать повиноваться власти ради тех нигде не существующих, кроме как в их воображении, кумиров единой России, Франции, Британии, Соединенных Штатов, Австрий, и сами собою исчезнут эти ужасные кумиры, которые теперь губят телесное и душевное благо людей.

Принято говорить, что образование больших государств из мелких, постоянно борющихся между собой, заменяя внешней, 10 большой границей мелкие разграничения, уменьшило тем самым борьбу и кровопролитие и зло борьбы. Но утверждение это совершенно произвольно, так как никто не взвесил количества зла и в том и в другом положении. И трудно думать, что все войны удельного периода в России, Бургундии, Фландрии, Нормандии, во Франции стоили столько жертв, сколько войны Наполеона, Александра, сколько японская, только-что окончившаяся война.

Единственное оправдание увеличения государства — это образование всемирной монархии, при существовании которой 20 уничтожилась бы возможность войн. Но все попытки образования такой монархии, от Александра Македонского и Римской империи до Наполеона, никогда не достигали цели умиротворения, а, напротив, были причиной величайших бедствий для народов. Так что умиротворение людей никак не может быть достигнуто увеличением и усилением государств. Достигнуто это может быть только обратным: уничтожением государств с их насильнической властью.

Были и жестокие и губительные суеверия, людские жертвы, костры за колдовство, войны за веру, пытки. . . Но ведь люди 30 освободились от этих суеверий. Суеверие же государства, отечества, как чего-то священного, продолжает властвовать над людьми, и суеверию этому приносятся едва ли не более жестокие и губительные жертвы, чем всем прежним. Сущность этого суеверия в том, что людей разных местностей, прав, интересов уверяют, что они все составляют одно целое, потому что одно и то же насилие употребляется над всеми ими, и люди верят в это и гордятся своей принадлежностью к этому соединению.

Суеверие это существует так давно и так усиленно поддер- 40 живается, что не только все те люди, которые пользуются этим

суеверием: короли, министры, генералы, военные, чиновники, уверены в том, что существование, утверждение и увеличение этих искусственных единиц составляет благо тех людей, которые захвачены этими соединениями, но и эти самые люди так привыкают к этому суеверию, что гордятся своей принадлежностью к России, Франции, Германии, хотя эта принадлежность ни на что им не нужна и ничего, кроме зла, не доставляет им.

И потому уничтожение искусственных соединений больших государств вследствие того, что люди покорно, без борьбы, ¹⁰ подчиняясь всякому насилию, перестанут повиноваться правительству, не представляет ничего страшного, и если и когда совершится, сделает только то, что среди таких людей, не признающих своей принадлежности к государству, будет меньше насилия, меньше страданий, меньше зла и что таким людям будет легче жить согласно тому высшему закону взаимного служения, который уже столько веков тому назад был открыт людям и понемногу всё более и более входит в сознание человечества.

IX.

29

КАКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ БУДЕТ СОДЕЙСТВОВАТЬ ПРЕДСТОЯЩЕМУ ПЕРЕВОРОТУ.

Переворот, предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повиновения человеческой власти. И так как сущность этого переворота совсем иная, чем сущность всех прежде бывших в христианском мире революций, то и деятельность людей, участвующих в этом перевороте, не может не быть совсем иная, чем деятельность участников прежних революций.

Деятельность участников прежних революций состояла в ³⁰ насильственном свержении власти и захвате ее. Деятельность участников теперешнего переворота должна и может состоять только в прекращении потерявшего смысл повиновения какой бы то ни было насильнической власти и в устроении своей жизни независимо от правительства.

Мало того, что деятельность участников предстоящего переворота иная, чем деятельность участников прежних переворотов, но и главные участники этого переворота совсем другие,

и место, где он должен происходить, иное, и количество участников иное.

Участники прежних революций — это преимущественно люди высших, освобожденных от физического труда профессий и руководимые этими людьми городские рабочие; участники же предстоящего переворота должны быть и будут преимущественно народные земледельческие массы. Места, в которых начинались и происходили прежние революции, были города; местом теперешней революции должна быть преимущественно деревня. Количество участников прежних революций — 10, 20 процентов всего народа; количество участников теперешней совершающейся в России революции должно быть 80, 90 процентов.

И потому вся деятельность волнующихся городских людей в России, которые, подражая Европе, собираются в союзы, делают стачки, демонстрации, бунты, придумывают новые формы правления, не говоря уже о тех несчастных, свзревших людях, которые совершают смертоубийства, думая этим служить начинающемуся перевороту, — вся деятельность этих людей не только не соответствует имеющему совершиться перевороту, но гораздо действительнее, чем правительства (они, сами не зная того, самые верные помощники правительства), останавливает ход имеющего совершиться переворота, ложно направляет и тормозит его.

Опасность, угрожающая теперь русскому народу, не в том, что не будет свергнуто силою существующее насильническое правительство и не будет поставлено на его место другое, также насильническое, какое бы то ни было демократическое или даже социалистическое, а в том, что эта борьба с правительством вовлечет народ в насильническую деятельность. Опасность в том, что русский народ, по своему особенному положению призванный к указанию мирного и верного пути освобождения, вместо этого будет вовлечен людьми, не понимающими всего значения совершающегося переворота, в рабское подражание прежде бывшим революциям и, бросив тот спасительный путь, на котором он стоит теперь, пойдет по тому ложному пути, по которому к своей верной гибели идут остальные народы христианского мира.

Для того чтобы избавиться от этой опасности, русским людям надо прежде всего быть самими собою, не справляться

о том, как поступать и что делать, у европейских и американских конституций или в социалистических проектах, а спрашивать и спрашивать совета только у своей совести. Русским людям, для того чтобы исполнить то великое дело, которое предстоит им, надо не только не заботиться о политическом управлении России и об обеспечении свободы граждан русского государства, но прежде всего освободиться от самого понятия русского государства, а потому и от заботы о правах граждан этого государства. Русским людям в настоящую минуту, для того чтобы достигнуть освобождения, надо не только не предпринимать что-либо, но, напротив, надо воздерживаться от всяких предприятий, как от тех, в которые их втягивает правительство, так и от тех, в которые хотят втянуть их революционеры и либералы.

Русскому народу, большинству его, крестьянам, нужно продолжать жить, как они всегда жили, — своей земледельческой, мирской, общинной жизнью и без борьбы подчиняться всякому, как правительственному, так неправительственному насилию, но не повиноваться требованиям участия в каком бы то ни было правительственном насилии, не давать добровольно податей, не служить добровольно ни в полиции, ни в администрации, ни в таможне, ни в войске, ни во флоте, ни в каком бы то ни было насильническом учреждении. Точно также, и еще строже, надо крестьянам воздерживаться от насилий, к которым возбуждают их революционеры. Всякое насилие крестьян над землевладельцами вызовет борьбу с ответным насилием и во всяком случае кончится установлением такого или другого, но непременно насильнического правительства. А при всяком насильническом правительстве, как это происходит в самых свободных землях Европы и Америки, точно так же объявляются и ведутся бессмысленные, жестокие войны и точно так же земля продолжает быть собственностью богатей. Только неучастие народа ни в каком насилии может уничтожить все насилия, от которых он страдает, может прекратить возможность нескончаемых вооружений и войн и может уничтожить земельную собственность.

Так надо поступать крестьянам-земледельцам, для того чтобы совершающийся переворот принес благие последствия.

Людям же городских сословий: дворянам, кушцам, врачам, ученым, писателям, техникам, фабричным рабочим, которые

теперь заняты революцией, надо прежде всего понять свое ничтожество, хотя бы только численное, — одного против ста — в сравнении с земледельческим народом; понять, что цель совершающегося переворота не может быть и не должна состоять в учреждении нового политического, насильнического строя с каким бы то ни было всеобщим голосованием, с какими бы то ни было усовершенствованными социалистическими учреждениями, а цель эта может и должна состоять только в освобождении всего и в особенности большинства его, стомиллионного земледельческого народа от всякого рода насилия, от военного насилия — солдатства, от податного насилия — пошлин и податей и от земельного насилия — захвата земли землевладельцами и что для этого нужна совсем не та суетливая и недобрая деятельность, которой теперь заняты русские либералы и революционеры, а совсем другое. Люди эти должны понять, что революция не делается нарочно: «дай, мы сделаем революцию», что революцию нельзя делать по готовым образцам, подражая тому, что делалось сто лет тому назад, при совершенно других условиях. Главное же — люди эти должны

10
20

понять, что революция только тогда улучшает положение людей, когда люди, сознав неосновательность и бедственность прежних основ жизни, стремятся к устройению жизни на новых основах, могущих дать им истинное благо.

У людей же, теперь стремящихся сделать в России политическую революцию по образцу европейских революций, нет никаких новых основ. Они стремятся только к тому, чтобы переменить одну старую форму насилия на новую, точно так же осуществляемую насильем и несущую с собой те же бедствия, как и те, которые терпит теперь русский народ, как

30

мы это видим в Европе и Америке, где тот же милитаризм, те же подати, тот же захват земли.

То же, что большинство революционеров выставляет новой основой жизни социалистическое устройство, которое может быть достигнуто только самым жестоким насильем и которое, если бы когда-нибудь и было достигнуто, лишило бы людей последних остатков свободы, показывает только то, что у людей этих нет никаких новых основ жизни.

Идеалом нашего времени не может быть изменение формы насилия, а только полное упразднение его, достигаемое непо-

40

виновением человеческой власти.

Так что если люди городских сословий хотят действительно служить совершающемуся великому перевороту, то первое, что они должны сделать, — это то, чтобы оставить ту жестокую революционную, неестественную, выдуманную деятельность, которой они теперь заняты, и, поселившись в деревне и разделяя труд народа, постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к власти и, главное, трудолюбию, служить ему своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства, не только не возбуждать его, как они это теперь делают, к насилию, а, напротив, удерживать его от всякого участия в насильнической деятельности, от всякого повиновения какой бы то ни было насильнической власти.

Х.

Устройство общества, освободившегося от насильнического правительства.

Но как, в каких формах могут жить люди христианского мира, если они не будут жить в форме государства, повинаясь правительственной власти?

Ответ на этот вопрос дают те самые свойства русского народа, вследствие которых я думаю, что предстоящий переворот начинается и должен совершиться не где-нибудь, а именно в России.

Отсутствие власти в России никогда не мешало правильной и мирной общественной жизни земледельческих общин. Напротив, вмешательство правительственной власти всегда мешало этому внутреннему, свойственному русскому народу устройству.

Русский народ, как и большинство земледельческих народов, естественно складывается, как пчелы в ульи, в определенные общественные отношения, вполне удовлетворяющие требованиям совместной жизни людей. Везде, где только русские люди осаживались без вмешательства правительства, они устанавливали между собой не насильническое, а свободное, основанное на взаимном согласии мирское, с общим владением землей управление, которое вполне удовлетворяло требованиям мирного общежития. Такие общины заселили без помощи правительства все восточные окраины России. Такие общины

уходили в среднюю Азию, в Турцию, как некрасовцы, и, удерживая свое христианское общинное устройство, спокойно жили там поколениями под властью турецкого султана. Такие общины переходили в Китай, не зная того, что занимаемая ими земля принадлежит Китаю, и жили там долгое время, не нуждаясь ни в каком, кроме своего внутреннего управления, правительстве. И точно так же живут русские земледельческие люди, огромное большинство населения в России, не нуждаясь в правительстве, а только терпя его. Правительство для русского народа никогда не было необходимостью, а всегда было тягостью.

Отсутствие правительства, того самого правительства, которое удерживает силу право на пользование землей за неработающими землевладельцами, только может содействовать той общинной земледельческой жизни, которую русский народ считает необходимым условием хорошей жизни, содействовать тем, что, уничтожив власть, поддерживающую земельную собственность, освободит землю и даст на нее одинаковые, равные права всем людям.

И потому русским людям не нужно при упразднении правительства выдумывать те новые формы общежития, которые должны были бы заменить прежние. Такие формы общежития существуют среди русского народа, всегда были свойственны ему и вполне удовлетворяют его требованиям общественной жизни.

Формы эти — это мирское, при равенстве всех членов мира, управление, артельное устройство при промышленных предприятиях и общинное владение землей.

Переворот, который предстоит христианскому миру и который начинается теперь в русском народе, тем и отличается от прежних революций, что прежние разрушали, не ставя ничего на место разрушенного ими или ставя вместо одной формы насилия другую. В предстоящем же перевороте ничего не нужно разрушать, нужно только перестать участвовать в насилии, не вырывать растения, ставя на его место нечто искусственное и неживое, а только устранять всё то, что мешает его росту.

И потому содействовать великому, совершающемуся теперь перевороту будут не те торопливые и самоуверенные люди, которые, не понимая того, что причина зла, с которым они борются, в насилии и, не представляя себе никакой формы жизни

вне насилия, слепо и необдуманно разрушают существующее насилие с тем, чтобы заменить его новым. Содействовать совершающейся революции будут только те люди, которые, ничего не разрушая, ничего не ломая, будут устраивать свою жизнь независимо от правительства, будут без борьбы нести всякое совершаемое над ними насилие, но не будут участвовать в правительстве, не будут повиноваться ему.

Русскому народу, земледельческому народу, огромному большинству, надо, продолжая жить, как он живет теперь, земледельческой, общинной жизнью, *не участвовать в делах 18* правительства и не повиноваться ему.

Чем больше будет держаться русский народ такого свойственного ему общежития, тем менее будет возможно вмешательство в его жизнь правительственной, насильнической власти и тем легче будет упразднена эта власть, всё менее и менее находя поводов к вмешательству и всё менее и менее находя помощников для исполнения своих дел насилия.

И потому на вопрос о том, к каким последствиям приведет людей прекращение повиновения правительствам, можно на-
верное сказать, что последствием этого будет уничтожение того 20
насилия, которое заставляло людей вооружаться и воевать друг с другом и лишало их права пользоваться землей. Освобожденные же от насилия люди, не готовясь более к войне и не воюя друг с другом и имея доступ к земле, естественно вернутся к тому свойственному вообще людям самому радостному, здоровому и нравственному земледельческому труду, при котором усилия человека направлены на борьбу с природой, а не с людьми, к тому труду, на котором виждутся все другие отрасли труда и который может быть оставлен только 20
людьми, живущими насилием.

Прекращение повиновения правительствам должно привести людей к земледельческой жизни, земледельческая же жизнь — к самому естественному при такой жизни общинному устройству небольших, находящихся в одинаковых земледельческих условиях обществ.

Весьма вероятно, что общины эти не будут жить обособленно и войдут между собою, вследствие единства экономических, племенных или религиозных условий, в новые, свободные со-
единения, но совершенно иные, чем прежние — государствен-
ные, основанные на насилии. 40

Отрицание насилия не лишает людей возможности соединений, но соединения, основанные на взаимном согласии, могут образоваться только тогда, когда будут разрушены соединения, основанные на насилии.

Для того чтобы построить новый и прочный дом на месте разрушающегося, надо разобрать старые стены, камень по камню, и вновь строить.

То же и с теми соединениями, которые могут образоваться между людьми после разрушения соединения, основанного на
10 насилии.

XI.

Что станется с цивилизацией?

Но что же станется со всем тем, что выработали люди, что станется с цивилизацией?

«Возвращение к обезьянам», «письмо Вольтера к Руссо о том, чтобы научиться ходить на четвереньках», «возвращение к какой-то естественной жизни», скажут люди, которые так уверены в том, что та цивилизация, которой мы пользуемся, есть великое благо, что они не допускают даже мысли о потере
20 чего-нибудь из того, что выработано цивилизацией.

«Как — грубая, давно пережитая человечеством земледельческая община в деревенской глуши вместо наших городов, с подземными и надземными электрическими дорогами, электрическими солнцами, музеями, театрами, памятниками?» скажут эти люди. Да, и с нищенскими кварталами, с slums¹ Лондона, Нью-Йорка и всех больших городов, с домами терпимости, банками, взрывчатыми бомбами против врагов внешних и внутренних, с тюрьмами, эшафотами, с миллионными войсками, скажу я.

30 «Цивилизация, наша цивилизация — великое благо», говорят люди. Но ведь люди, которые так уверены в этом, — это те немногие люди, которые живут не только в этой цивилизации, но *живут ею*, живут в полном довольстве, живут почти праздно в сравнении с трудом рабочего народа, только потому, что есть эта цивилизация.

¹ [трущобами]

Все эти люди — короли, императоры, президенты, князья; министры, чиновники, военные, землевладельцы, купцы, техники, врачи, ученые, художники, учителя, священники, писатели — знают, наверное знают, что наша цивилизация есть такое великое благо, что нельзя допустить и мысли о том, чтобы она могла не только исчезнуть, но даже измениться. Но спросите у огромной массы земледельческого народа — славянского, китайского, индийского, русского, у девяти десятых человечества — благо или не благо та цивилизация, которая кажется такой драгоценной неземледельческим профессиям? И, странное дело, девять десятых человечества ответят совершенно иначе. Они знают, что им нужна земля, навоз, орошение, солнце, дождь, леса, урожай, некоторые простые орудия труда, которые можно делать, не оставляя земледельческой жизни; но про цивилизацию они или не знают, или, когда она представляется им в виде разврата городов или в виде несправедливых судов с своими тюрьмами и каторгами, или в виде податей и устройства ненужных дворцов, музеев, памятников, или в виде таможен, мешающих свободному обмену произведений, или в виде пушек, броненосцев, войск, разграбляющих страны, — они скажут, что если в этом цивилизация, то она не только не нужна, но очень вредна им.

Люди, пользующиеся благами цивилизации, говорят, что она благо для всего человечества, но ведь они в этом вопросе не судьи и не свидетели, а сторона.

Нет спора в том, что мы далеко ушли по дороге технического прогресса. Но кто ушел по этой дороге? То маленькое меньшинство, которое живет на шее рабочего народа; рабочий же народ, тот, который обслуживает всех людей, пользующихся цивилизацией, продолжает во всем христианском мире жить так, как он жил 5, 6 веков тому назад, пользуясь только изредка отбросами цивилизации. Если он живет и лучше, то расстояние, отделяющее его положение от положения богатых классов, не меньше, а скорее больше, чем то, которое отделяло его от богатых за 6 веков тому назад. Я не говорю, что, поняв, что цивилизация не есть абсолютное благо, как думают многие, мы должны бросить всё, что выработали люди для борьбы с природой; но я говорю, что для того чтобы знать, что выработанное людьми действительно служит их благу, надо, чтоб все люди пользовались этими благами, а не малое

число; надо, чтобы люди не были вынуждены лишаться своего блага для других людей в надежде на то, что эти блага достанутся когда-то и их потомкам.

Мы смотрим на египетские пирамиды и ужасаемся на жестокость и нелепость тех людей, которые приказывали их строить, как и тех, которые исполняли их приказания. Но насколько жесточе, нелепее те 10-ти и 36-тиэтажные дома, которые люди нашего мира строят по городам и гордятся ими. Кругом земля со своими травами, лесами, чистыми водами, чистым воздухом, солнцем, птицами, зверями, а люди со страшными усилиями, загораживая от других солнце, воздвигают качающиеся от ветра 36-тиэтажные дома в месте, где нет ни травы, ни деревьев и где всё, и вода и воздух, загажены, вся пища подделана и испорчена и жизнь трудна, нездорова. Разве это не признак явного умопомешательства целого общества людей, не только совершающих такие безумства, но еще и гордящихся ими? Но это не единственный пример. Взгляните вокруг себя, и вы на каждом шагу увидите всяких родов нелепости, такие же, как эти 36-тиэтажные дома, стоящие египетских пирамид.

Бессознательная, а иногда и сознательная ошибка, которую делают люди, защищающие цивилизацию, состоит в том, что они цивилизацию, которая есть только орудие, признают за цель и считают ее всегда благом. Но ведь она будет благом только тогда, когда властвующие в обществе силы будут добрыми. Очень полезны взрывчатые газы для прокладки путей, но губительны в бомбах. Полезно железо для плугов, но губительно в ядрах, тюремных запорах.

Печать может распространять добрые чувства и мудрые мысли, но еще с большим, как мы это видим, успехом — глупые, развратные и ложные. Вопрос о том, полезна или вредна цивилизация, решается тем, что преобладает в данном обществе — добро или зло. В нашем же христианском мире, где большинство находится в рабском угнетении у меньшинства, она есть только лишнее орудие угнетения.

Пора людям высших классов понять, что то, что они называют цивилизацией, культурой, есть только и средство и последствие того рабства, в котором малая часть нерабочего народа держит огромное большинство работающих.

Пора понять нам, что спасение наше не в продолжении того пути, по которому мы шли, и не в удержании всего того, что

выработали, а в признании того, что мы шли по ложной дороге и зашли в трясины, из которой надо выбраться, и что нам не заботиться надо о том, чтобы удержать то, что мы несем, а, напротив, смело побросать всё то, наименее нужное, что мы тащили на себе, чтобы только как-нибудь (хоть на четвереньках) выбраться до твердого берега.

Разумная и добрая жизнь ведь только в том и состоит, что человек или люди выбирают из многих всегда предстоящих им поступков или путей тот, который более разумен и добр. И христианскому человечеству в его теперешнем положении необходимо, для того чтобы жить разумной жизнью, выбрать одно из двух: или продолжение того пути, при котором существующая цивилизация дает наибольшее благо немногим, удерживая в нужде и рабстве многих, или сейчас, не откладывая это в далекое будущее, отказаться от части или хоть от всех тех благ, которые выработала эта цивилизация для немногих, если только эти блага мешают освобождению большинства людей от их нужды и рабства.

XII.

Свободы и свобода:

То, что люди нашего времени толкуют о каких-то отдельных свободах: свободе слова, печати, совести, свободе таких, а не иных выборов, свободе сходов, союзов, труда и многих других, — очевидно показывает, что такие люди, как теперь наши русские революционеры, имеют очень превратное понятие или вовсе не имеют понятия о свободе вообще, о той простой, понятной всем свободе, которая состоит в том, что над человеком нет такой власти, которая требует от него поступков, противных его желаниям и выгодам.

В этом непонимании того, что есть свобода, и вытекающем из этого непонимания представлении о том, что разрешение какими-то людьми другим людям некоторых поступков есть свобода, заключается большое и чрезвычайно вредное заблуждение. Заблуждение состоит в том, что людям нашего времени кажется, что рабская покорность насилью, в которой они находятся перед правительством, и есть естественное положение, а что разрешение правительственной властью

известных поступков, определенных этой властью, есть свобода; в роде того, как рабы считали бы свободой разрешение по воскресеньям ходить в церковь, или в жаркие дни купаться, или во время свободное от работы на хозяев чинить свою одежду и т. п.

Ведь стоит только, на минуту отрепившись от установленных привычек и суеверий, взглянуть на положение всякого человека, живущего в государстве, к какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству он ни принадлежал, чтобы ужаснуться на ту степень рабства, в котором живут теперь люди, воображая, что они свободны.

Над всяким человеком, где бы он ни родился, существует собрание людей, совершенно неизвестных ему, которые устанавливают законы его жизни: что он должен и чего не должен делать; и чем совершеннее государственное устройство, тем теснее сеть этих законов. Определено, кому и как он должен присягать, то есть обещаться исполнять все те законы, которые будут составляться и провозглашаться. Определено, как и когда он может жениться (он может жениться только на одной женщине, но может пользоваться домами терпимости). Определено, как он может разводиться с женой, как содержать своих детей, каких считать законными, каких незаконными и кому и как наследовать и передавать свое имущество. Определено, за какие нарушения законов и как и кем он судится и наказуется. Определено, когда он сам должен являться в суд в качестве присяжного или свидетеля. Определен возраст, при котором он может пользоваться трудами помощников, работников и даже число часов, которое может работать в день его помощник, пища, которую он должен давать им. Определено, когда и как он должен прививать предохранительные болезни своим детям; определены меры, которые он должен принимать и которым должен подвергаться при такой-то и такой-то болезни, постигшей его или его семейных и животных. Определены школы, в которые он должен посылать своих детей. Определены размеры и прочность дома, который он может строить. Определено содержание его животных: лошадей, собак; как он может пользоваться водой и где может ходить без дороги. Определены наказания за неисполнение всех этих и еще многих других законов. Нельзя перечислить всех законов на законах и правил на правилах, которым он должен под-

чиняться и незнанием которых (хотя и нельзя их знать) не может отговариваться человек самого либерального государства.

При этом человек этот поставлен в такое положение, что при всякой покупке потребляемых им предметов: соли, пива, вина, сукна, железа, керосина, чая, сахара и многого другого он должен отдавать большую часть своего труда для каких-то неизвестных ему дел и для уплаты процентов за долги, которые совершены кем-то во времена его дедов и прадедов. Должен отдавать также часть своего труда и при всяком переезде с места на место, при всяком получении наследства, или какой бы то ни было сделке с ближним. Кроме того, за ту часть земли, которую он занимает или своим жилищем или обработкой поля, с него требуют еще более значительную часть его труда. Так что большая часть его труда, если он живет своим трудом, а не чужим, вместо того, чтобы облегчать и улучшать положения его и положения его семьи, уходит на эти подати, пошлины, монополии.

Мало и этого: человеку этому в одних, в большинстве государств велят, как только он войдет в возраст, поступать на несколько лет в военное, самое жестокое рабство и идти воевать; в других же государствах, Англии и Америке, он должен нанимать людей для этого же дела. И вот люди, поставленные в такое положение, не только не видят своего рабства, но гордятся им, считая себя свободными гражданами великих государств Британии, Франции, Германии, России, гордятся этим так же, как лакеи гордятся важностью тех господ, перед которыми они служат.

Казалось бы естественно человеку с не извращенными и не расслабленными духовными силами, застав себя в таком ужасном и унижительном положении, сказать себе: «да зачем же я буду исполнять всё это? Я хочу наилучшим образом прожить свою жизнь, хочу работать, кормить семью. Оставьте меня в покое с вашей Россией, Францией, Британией. Кому это нужно, те пускай соблюдают эти Британии и Франции, а мне они не нужны. Силою вы можете отобрать у меня всё, что хотите, и убить меня, но сам я не хочу и не буду участвовать в своем порабощении». Казалось бы, естественно поступить так, но никто не говорит этого и никто так не поступает.

Вера в то, что принадлежность к какому-нибудь государству есть необходимое условие жизни человеческой, так сильно укоренилась, что люди не могут решиться поступить так, как велит им их разум, их чувство добра, их прямая польза.

Люди, поддерживая свое рабство ради веры в государство, совершенно подобны тем птицам, которые, несмотря на то что дверь клетки открыта, продолжают сидеть в неволе отчасти по привычке, отчасти не понимая того, что они свободны.

Заблуждение это особенно странно в людях, удовлетворяющих сами своим потребностям, как земледельческие поселения 10 Германии, Австрии, Индии, Канады и др. и в особенности России. Людям этим нет никакой ни нужды, ни выгоды в том рабстве, которому они добровольно подчиняются.

Еще понятно, что городские люди не поступают так, потому что интересы их так переплетены с интересами правящих классов больших государств, что то порабощение, в котором они находятся, выгодно для них. Рокфеллер не может желать отказаться от повиновения законам страны, потому что законы этой страны дают ему возможность наживать и сохранять свои миллиарды в ущерб интересам массы народа; не могут желать 20 отказаться и директора предприятий Рокфеллера, и служащие у этих директоров, и служащие у этих служащих. Так это для городских жителей. Это прежние дворовые по отношению крестьян: порабощение их полезно им. Но для чего покоряться этой ненужной им власти земледельческим народам, большинству русского народа?

Живет семья в Тульской губернии, в Познани, в Канзасе, в Нормандии, в Ирландии, в Канаде. Людям этим нет никакого дела до русского государства с Петербургом, Кавказом, 30 Остзейским краем, с его манчжурскими захватами и дипломатическими хитростями. Точно так же и семье, живущей в Познани, — до Пруссии с Берлином и африканскими колониями; и ирландцу — до Британии с Лондоном и ее египетскими, бурскими и другими делами; и канзасцу — до Соединенных Штатов с своим Нью-Йорком и Филиппинами. А между тем эти семьи должны отдавать определенную часть своих трудов, должны участвовать в приготовлениях к войне и в самой войне, ватеваемой тоже не ими, а кем-то, должны повиноваться установленным не ими, а кем-то законам. Правда, что их уверяют, 40 что, повинувшись во всех этих, имеющих самую большую важ-

ность для их жизни, делах неизвестным им людям, они, вследствие того, что выбрали одного из тысячи неизвестных им представителей, повинуются не другим людям, но сами себе. Но ведь верить этому может только тот, кому хочется и нужно обмануть себя и других.

Принадлежа к государству, человек не может быть свободен. И чем больше государство, тем больше нужно насилия и тем меньше возможна истинная свобода. Для составления одного целого из самых разнообразных народностей и людей, каковы Британия, Россия, Австрия, и удержания их в этом соединении, нужно очень большое насилие. Хотя и меньше насилия нужно для удержания соединений людей в малых государствах, как Швеция, Португалия, Швейцария, но зато в этих малых государствах труднее гражданам уклониться от требований власти, и сумма несвободы, насилия та же, как и в больших государствах.

Как для того, чтобы связать и держать вместе вязанку дров, нужна крепкая веревка и известная степень натянутости ее, так и для того, чтобы держать вместе в одном государстве большое соединение людей, нужна известная степень насилия и приложения его. Разница для дров может быть только в размещении их, в том, что не те, а другие дрова будут непосредственно сжаты веревкой, но сила, удерживающая их вместе, будет, при каком бы то ни было размещении дров, одна и та же. То же и с насильническим государством, какое бы оно ни было: деспотия, конституционная монархия, олигархия, республика. Если соединение людей держится насилием, то есть тем, что устанавливаемые одними людьми законы насилием приводятся другими в исполнение, то всегда будет одинаковое по степени силы насилие одних людей над другими. В одном месте оно будет проявляться грубым насилием, в другом денежной властью. Разница будет только в том, что при одном насильническом государственном устройстве насилие будет давить больше одних людей, при другом устройстве — более других.

Государственное насилие можно сравнить с черной ниткой, на которой свободно нанизаны бусы. Бусы — это люди. Черная нитка — это государство. До тех пор, пока бусы будут на нитке, они не будут иметь возможности свободно перемещаться. Можно сдвинуть их всех в одну сторону, и на этой стороне

не будет видна между ними черная нитка, но зато на другой стороне бóльшая часть нитки будет голая (деспотизм). Можно местами равномерно сдвинуть бусы, оставив между ними соответственные промежутки черной нитки (конституционная монархия). Можно между каждой бусой оставить небольшую часть нитки (республика). Но пока не будут бусы сняты с нитки, пока не будет разорвана нитка, не будет возможности скрыть черную нитку.

Пока будет государство и нужное для его поддержания 10 насилие, в какой бы ни было форме, не будет, не может быть свободы, настоящей свободы, того, что всегда все люди понимали и понимают под этим словом.

«Но как же будут жить люди без государства?» обыкновенно спрашивают люди, так привыкшие к тому, что каждый человек, кроме того, что он сын своих родителей, внук своих дедов и предков, живущий избранным им трудом, и, главное, кроме того, что он человек, еще и француз, или британец, германец, янки, русский, т. е. принадлежит к тому или иному 20 насильническому учреждению, которое называется Францией с своим Алжиром, Аннамом, Ниццей и т. п., или к Британии с ее чуждыми ей населенными Индия, Египта, Австралии и Канады, или к Австрии с ее ничем внутренне не связанными народами, или к такому разноплеменному и огромному государству, как Соединенные Штаты или Россия. Люди так привыкли к этому, что им кажется, что жить, не принадлежа к этим не имеющим никакого внутреннего смысла соединениям, так же невозможно, как казалось людям невозможным тысячи лет тому назад жить без принесения жертв богам и без прорицателей, решающих поступки людей.

30 Как будут жить люди, не принадлежа ни к какому правительству?

Да совершенно так же, как они живут теперь, только не делая тех глупостей и гадостей, которые делают теперь ради этого ужасного суеверия. Будут жить так же, как теперь, не отнимая от своей семьи произведений своих трудов для того чтобы в виде податей и пошлин отдавать их на дурные дела неизвестным им людям, и не участвуя ни в насилии, ни в судах, ни в войнах, устраиваемых этими людьми.

Да, только это, не имеющее в наше время никакого смысла 40 суеверие дает ту безумную, ничем не оправдываемую власть

сотням людей над миллионами и лишает истинной свободы эти миллионы. Не может человек, живущий в Канаде, в Канзасе, в Богемии, в Малороссии, Нормандии, быть свободен, пока он считает себя, и часто гордится этим, британским, североамериканским, австрийским, русским, французским гражданином. Не может и правительство, призвание которого состоит в том, чтобы соблюдать единство такого невозможного и бессмысленного соединения, как Россия, Британия, Германия, Франция, дать своим гражданам действительную свободу, а не подобие ее, как это делается при всяких хитроумных конституциях, монархических, республиканских или демократических. Главная и едва ли не единственная причина отсутствия свободы — суеверие государства. Люди могут быть лишены свободы и при отсутствии государства. Но при принадлежности людей к государству не может быть свободы.

Люди, участвующие теперь в русской революции, не понимают этого. Люди эти добиваются разных свобод для граждан русского государства, воображая себе, что в этом состоит цель совершающейся революции. Но цель и последний результат совершающейся революции гораздо дальше той, которую видят революционеры. Цель эта — освобождение от государственного насилия. И к этому великому перевороту ведет та сложная работа ошибок, злодеяний, совершающихся теперь на загнившей поверхности огромного русского народа, среди малой части его городских сословий, так называемой интеллигенции и фабричных рабочих. Вся эта сложная и большею частью исходящая из самых низких мотивов мести, злобы, честолюбия деятельность имеет для большого русского народа только одно значение: она должна показать народу, чего он не должен делать, и что он может и что должен сделать; должна показать всю тщету замены одной государственной формы насилия и злодеяний другой формой государственного насилия и злодеяний и разрушить в его сознании суеверие и наводнение государственности.

Русский народ, огромное большинство его, глядя на совершающиеся события, на все те новые формы насилия, проявляющиеся в жестокой революционной деятельности: погромы, разорения, стачки, лишающие целые населения пропитания, и, главное, братоубийства, — начинает понимать, что дурно не только то прежнее государственное насилие, под которым он

жил и от которого уже много пострадал, но и то новое государственное же насилие, которое проявляется теперь такими же, но только новыми обманами и злодействами, и что ни то, ни другое ни хуже, ни лучше, а оба худы, и надо избавиться от всякого государственного насилия и что это очень легко и возможно.

Народ, в особенности земледельческий русский народ, огромное большинство его, тот, который жил и живет, решая все свои общественные дела мирским сходом, не нуждаясь в правительстве, глядя на совершающиеся события, должен 10 будет понять, что ему не нужно никакого, ни самого деспотического, ни самого демократического правительства, как не нужны человеку ни медные, ни железные, ни короткие, ни длинные цепи. Народу не нужны никакие отдельные свободы, а нужна одна, настоящая, полная, простая свобода.

И, как всегда бывает, решение кажущихся трудными вопросов 20 бывает самое простое; так и теперь, для достижения не тех или иных свобод, а этой одной, настоящей, полной свободы, нужна не борьба с правительственной властью, не придумывание таких или иных способов представительства, могущих только скрыть от людей их состояние рабства, а только одно: *повиновение людям*.

Пусть только народ перестанет повиноваться правительству, и не будет ни податей, ни отнятий земли, ни всяких стеснений от властей, ни солдатства, ни войн. Это так просто и так кажется легко. Отчего же люди не делали этого до сих пор и теперь еще не делают этого?

А оттого, что для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу, т. е. жить доброй, нравственной 30 ной жизнью.

Только в той мере, в которой люди живут такую жизнь, то есть повинуются Богу, могут они и перестать повиноваться людям и освободиться.

Нельзя сказать себе: «дай я не буду повиноваться людям». Не повиноваться людям можно только тогда, когда повинуешься 40 высшему, общему для всех закону Бога. Нельзя быть свободным, нарушая высший, общий закон взаимного служения, как нарушают его всей своей жизнью люди богатых, городских классов, живущие трудами рабочего, особенно земледельческого народа. Свободен может быть человек только в той мере,

в какой он исполняет высший закон. Исполнение же этого закона не только трудно, но почти невозможно при городском, фабричном устройстве общества. Оно возможно и легко только при земледельческой жизни.

И потому освобождение людей от повиновения правительствам и от признания искусственных соединений государств, отечества должно привести их к естественной, радостной и наиболее нравственной жизни земледельческих общин, подчиняющихся только своим, доступным всем, основанным не на насилии, а на взаимном согласии установлениям. 10

В этом сущность предстоящего христианским народам великого переворота.

Как произойдет этот переворот, какие перейдет ступени, нам не дано знать, но мы знаем, что он неизбежен, потому что он совершается и отчасти уже совершился в сознании людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Жизнь людей только в том и состоит, что время дальше и дальше открывает скрытое и показывает верность или неверность пути, по которому они шли в прошедшем. Жизнь есть уясняющееся сознание ложности прежних основ и установле- 20
ние новых и следование им. Жизнь человечества, так же как отдельного человека, есть вырастание из прежнего состояния в новое. Вырастание же это неизбежно сопровождается сознанием своих ошибок и освобождением от них.

Но бывают времена, когда в жизни как отдельного человека, так и всего человечества, сразу открывается ясно та ошибка, которая сделана была в направлении прошедшего, и выясняется та деятельность, которая должна исправить эту ошибку. Это времена революций. И в таком положении находятся теперь христианские народы. 30

Человечество жило по закону насилия и не знало никакого другого. Пришло время, и передовые люди человечества провозгласили новый, общий всему человечеству закон взаимного служения. Люди приняли этот закон, но не во всем его значении, и, хотя и старались применить его, продолжали жить по закону насилия. Явилось христианство, которое подтвердило людям истину о том, что есть только один закон, общий всем людям, дающий им наибольшее благо, — закон взаимного

служения, и указало на причину, по которой закон этот не был осуществлен в жизни. Он не был осуществлен потому, что люди считали необходимым и благотворным употребление насилия для благих целей и считали справедливым закон возмездия. Христианство показало, что насилие всегда губительно, и возмездие не может быть применяемо людьми. Но христианское человечество, не приняв этого разъяснения общего всем людям закона взаимного служения, хотя и желало жить по этому закону, невольно продолжало жить по языческому закону насилия. Такая противоречивая жизнь всё увеличивала и увеличивала преступность жизни и внешние удобства и роскошь меньшинства, увеличивала и рабство и бедствия большинства в христианских народах.

В последнее время преступность и роскошь жизни одной части и бедствия и рабство другой части людей христианского мира дошли до высшей степени, особенно среди народов, давно уже оставивших естественную жизнь земледелия и подпавших обману мнимого самоуправления. Народы эти, страдая от бедственности своего положения и от сознания противоречия, в котором они находятся, ищут спасения везде: в империализме, милитаризме, социализме, захватах чужих земель, во всякого рода борьбе, в тарифах, технических усовершенствованиях, в разврате, во всем, только не в том одном, что может спасти их, — освобождение себя от суеверия государства, отечества и прекращение повиновения государственной насильнической власти, какая бы она ни была.

Вследствие своей земледельческой жизни, вследствие отсутствия обмана самоуправления, вследствие своей многочисленности и, главное, вследствие удержавшегося в нем христианского отношения к насилию русский народ, после жестокой, ненужной и несчастной войны, в которую он был вовлечен своим правительством, и после неудовлетворения требований о возвращении ему отнятой у него земли, — русский народ прежде других народов почувствовал главные причины бедствий христианского человечества наших времен, и потому именно среди него начнется тот великий переворот, который предстоит всему человечеству и который один может спасти его от его ненужных страданий.

В этом значение начинающейся теперь в России революции. Революция эта не началась еще среди народов Европы и

Америки, но причины, вызвавшие революцию в России, те же для всего христианского мира; та же японская война, показавшая всему миру неизбежное в военном деле преимущество языческих народов перед христианскими, те же дошедшие до последней степени напряжения вооружения больших государств, не могущие никогда кончиться, и то же бедственное положение и всеобщее недовольство рабочего народа вследствие отнятого у него его естественного права на землю.

Большинство русских людей ясно видят, что причина всех претерпеваемых ими бедствий — повиновение власти и что 10 русским людям предстоит одно из двух: или перестать быть разумными, свободными существами или перестать повиноваться правительству.

И то же самое, если и не видят теперь из-за суеты своей жизни и обмана самоуправления, то очень скоро увидят народы Европы и Америки. Участие в насилии правительств больших государств, которое они называют свободой, привело и ведет их к всё большему рабству и к бедствиям, вытекающим из этого рабства. Увеличивающиеся же бедствия неизбежно приведут их к единственному средству избавления от них: 20 прекращению повиновения правительствам и, вследствие прекращения повиновения правительствам, уничтожению государственных насильнических соединений.

Для того чтобы совершился этот великий переворот, нужно только, чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикция, а жизнь и истинная свобода есть реальность; и что поэтому не жизнью и свободой надо жертвовать для искусственного соединения, называемого государством, а ради истинной жизни и свободы — освободиться от суеверия государства и вытекающего из него преступного повиновения людям. 30

В этом изменении отношения людей к государству и власти — конец старого и начало нового века.

***[ЗАМЕТКА К ВОЗЗВАНИЮ И. М. ТРЕГУБОВА.]

Редактору «Слова».

Милостивый государь, г. редактор.

На-днях я получил следующее напечатанное в Полтавской газете воззвание с просьбою содействовать его распространению. Думаю, что вопрос, предлагаемый к обсуждению в этом воззвании, имеет, особенно в наше время, великую важность и потому посылаю его вам с некоторыми моими по этому поводу замечаниями.

10 Вот это воззвание:

Воззвание в защиту современных христианских мучеников.

Мы привыкли думать, что времена христианских мучеников давно прошли, что если у нас в России и возможны были гонения за веру, то они тоже отошли в вечность после манифеста о веротерпимости, изданного 17-го апреля 1905 года. Но, к несчастью, и гонения и мучения за веру Христову, хотя и сократились, но всё еще не прекратились окончательно, и христианские мученики у нас еще не перевелись.

20 В настоящее время, накануне открытия Государственной Думы, мы желали бы обратить внимание ее будущих членов, как и всех вообще русских людей, на это печальное явление и сообщить им недавно полученные нами сведения о заключенном в Новогеоргиевской крепости христианском мученике Антоне Иконникове, бывшем рабочем на Полтавском вокзале Харьково-Николаевской железной дороги. Исповедуя учение Христа, завещавшего любить всех людей, даже своих врагов, Иконников, будучи призван в 1904 году к отбыванию воин-

ской повинности, отказался исполнить ее, считая всякое убийство человека и обучение ему делом противным заповеди Христа о любви к врагам (Матф. 5, 44). За это его судили и посадили в тюрьму, где он и до сих пор томится. И таких мучеников у нас не один Иконников. Очевидно, протекшие со времени Христа 19 веков мало подвинули человечество вперед, если до сих пор возможны подобные гонения за самые высокие душевные стремления и самые благородные поступки.

Неужели люди-христиане не найдут средства прекратить подобные занятия? Неужели нельзя издать такого закона, который давал бы возможность людям, отказывающимся от военной службы по религиозным убеждениям, служить своей родине на другом, согласном с их совестью поприще?

Ведь нашло же возможным наше правительство заменить военную службу службой в другом ведомстве для наших немецких сектантов-менонитов, которые также отказываются от военной службы по религиозным убеждениям. Почему же не сделать этого и для наших русских сектантов? И тогда они будут иметь возможность производительно употреблять свои силы, а не растрчивать их на бесполезное и мучительное сидение по тюрьмам. А не то, по примеру Англии, можно бы прямо уничтожить общеобязательную военную службу, сделав ее вольной.

Это вопрос великой важности, в котором тесно сплетаются вопросы совести и политики, и мы обращаемся к сочувствующим ему политическим партиям с просьбой включить его в свои программы, независимо от вопросов о свободе совести, а к членам Государственной Думы с просьбой как можно скорее разрешить его и тем положить конец гонениям за веру в нашем христианском мире.

А наших выборщиков Полтавской губернии, намеревающихся вручить своим членам Государственной Думы наказ с изложением своих нужд, мы, как жители той же губернии, просим вручить им и это наше воззвание и внести в свой наказ изложенную в нем нашу настоятельную нужду.

В виду того, что этот вопрос, несмотря на всю его важность, не внесен ни в одну из существующих программ наших партий и даже в печати он еще не обсуждается, мы просим все те органы печати, которые сочувственно отнесутся к этому делу, перепечатать у себя это воззвание и тем помочь делу прекращения гонений за веру в самые высокие идеалы человечества».

Примечание. Это воззвание было напечатано в № 23-й газеты «Полтавщина» от 13-го апреля 1906 года и того же числа было прочитано на предвыборном собрании выборщиков Полтавской губернии, которые и внесли изложенную в нем просьбу в свой наказ избранным ими членам Государственной Думы в следующих словах: «Мы требуем, чтобы никто не наказывался за свою веру, чтобы не было принуждения в военной службе для тех христиан, которые по глубокой вере в учение Христа не могут служить родине оружием». Следуют подписи. А еще ниже: «Полтава, 12-го апреля 1906 г.»

Такие случаи, как тот, о котором упоминается в воззвании, повторяются довольно часто. Людей, отказывающихся от военной службы, прежде ссылали в Якутскую область, теперь же их или заключают в крепости или в дисциплинарные батальоны.

Заключение в дисциплинарные батальоны совершается так: начальство считает отказывающегося от военной службы всё-таки зачисленным в солдаты и требует от него исполнения приказаний военного начальства. Призванный отказывается брать ружье. Тогда его за неповиновение военному начальству зачисляют в разряд штрафованных и за повторенное неповиновение отдают в дисциплинарный батальон. Это было с известным мне Гончаренко в Омске, с Сокуром в Карсе, Сиксне в Пскове и со многими другими. Вот что пишет мне один из них:

«Многоуважаемый Лев Николаевич, давно собирался вам написать, но, боясь вас затруднить, постоянно останавливался писать. Но так как мой брат написал вам (брат его мне написал о том, что так как предстоит военный суд, то не могу ли я найти защитника), и вы ему сейчас ответили, и я решил написать вам. Вы моему брату написали, что вы просили адвоката, чтобы он взял на себя труд защиты меня, если защита возможна. Очень благодарю вас за ваши услуги, но я себя считаю недостойным защиты и не могу знать, какая защита возможна надо мной, хотя я совершенно не отказываюсь, а исполняю и делаю, как раб по плоти, то, что не против Иисуса и не против моей совести, но оправдать меня никто не может, потому что я делаю против ихнего закона. Я пришел к убеждению, что война есть зло, почему и отказался взять винтовку и учиться убийству, за что полковой суд меня осудил на 2 года в дисциплинарный батальон, как за умышленное

неисполнение приказа начальника. Командир полка 1 год сбавил. Мое намерение — опять отказаться взять оружие и в дисциплинарном батальоне. Но мое намерение вам писать совсем не об этом, а об другом: хочу обратиться к вам с вопросами и с просьбою, если возможно, ответить.

Мне не пришлось прочесть всех ваших сочинений, почему я не мог прийти к заключению, какого именно вы убеждения о Боге и о воскресении мертвых. А мне желательно узнать, какого вы убеждения о Боге и веруете ли в воскресение когда-то, по преданию Евангелия, всех умерших. Не перепутано ли это в Евангелии: вместо духовно мертвых — в мертвых по плоти?

Прилагаю здесь свои мысли о Боге, чтобы вы могли скорее узнать ход моих мыслей и короче дать ответ. Про свой поступок об отказе считаю лишним писать. Пока я нахожусь на гауптвахте в общем помещении до отправления в дисциплинарный батальон, а когда отправят, еще неизвестно.

Внутри я очень спокоен и готов за истину умереть».

Приложенные к письму «мысли о Боге» показывают в их авторе человека, много думавшего и глубоко религиозного.

И таких людей будут в дисциплинарных батальонах сечь розгами за неисполнение приказаний фельдфебеля!

Да, вопрос отказов от военной службы имеет огромную важность.

Можно притворяться, что не видишь противоречия между войной и христианством до тех пор, пока ничто не указывает на него, но нельзя не видеть его, когда люди своими страданиями заявляют об этом противоречии.

Противоречие существует. И рано или поздно оно должно быть разрешено. Разрешено же оно может быть только двумя путями: уничтожением обязательной военной службы или отречением от христианства.

Наше правительство держится как будто второго пути: отречения от христианства посредством извращения и лжетолкования его и мучительства тех, которые исповедуют его своей жизнью.

Я думаю, что путь этот и ложный и опасный.

Главная, если не единственная причина всех тех ужасов, которые мы переживаем теперь, это самое извращение и

лжетолкование христианства и жестокость правительства. Самое страшное в совершающихся теперь событиях — это озверение людей. Озверение же это произошло от отречения от христианства и от жестокости правительства.

И потому самое лучшее, что может сделать наше правительство как по этому, так и по всем другим поднимающимся теперь вопросам, это то, чтобы все свои силы и внимание употребить не на то, чтобы извращать или скрывать вечную христианскую истину и угрозами и насильем заставлять людей
10 отказываться от нее, а на то, чтобы приводить свою деятельность в согласие с ней.

Л. Толстой.

20 Апреля 1906 г.

Ясная Поляна.

ЕДИНСТВЕННОЕ ВОЗМОЖНОЕ РЕШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА.

I.

Исключительное право одних людей на владение землей, лишаящее других людей возможности пользоваться ею, есть такая же жестокая, вредная для всех несправедливость, какую было в свое время крепостное право.

Несправедливость эта, смутно сознаваемая всеми людьми, всегда особенно живо чувствовалась русским земледельческим народом. В теперешнее же революционное время несправедли- 10
вость эта особенно живо чувствуется, и к уничтожению ее направлены теперь желания и требования русского народа.

Приисканием средств удовлетворения этих требований заняты теперь и правительственные и противоправительственные партии. К сожалению, и те и другие имеют в виду большую частью свои партийные частные цели; а не одну главную, общую и нравственную цель восстановления нарушенной справедливости. Одни думают удовлетворить требования народа прирезкой к крестьянским наделам казенных и части удельных земель; другие — предоставлением крестьянам возможности 20
покупки через банк продаваемых помещичьих земель; третьи — переселениями малоземельных крестьян на свободные земли; четвертые — установлением обязательной наследственной аренды, пятые — отчуждением удельных, монастырских и помещичьих земель и составлением из них фонда для наделения крестьян землею; шестые — национализацией земли, долженствующей послужить началом социалистического устройства; седьмые — признанием всей земли собственностью только земледельцев.

Все эти предположения, в сущности, разделяются на два отдела: правительственные и консервативные деятели ставят своей главной задачей такое изменение земельного устройства, которое не нарушило бы вполне выгоды их положения и так или иначе, хотя бы и с некоторыми уступками, успокоило бы народное волнение; революционеры же большею частью ставят своей главной задачей обратное: поддержание раздражения народа и вовлечение его в ту революционную деятельность, которую они считают полезною для общего блага.

10 До сих пор эти последние достигают всё более и более своей цели. Народ под влиянием их устного и гаветного воздействия всё живей и живей чувствует старую, давно уже измучившую его несправедливость лишения его права пользования землей и, не предвидя возможности уничтожения этой несправедливости правительством, в особенности после роспуска Думы, всё более и более раздражается, готовясь совершать и совершая местами самые несправедливые дела в отместку за так долго претерпеваемую им великую несправедливость.

Народ чувствует, что при теперешнем переустройстве, проис-
20 ходящем в России, он не может и не должен оставаться в прежнем положении, и не довольствуется теми частными временными поправками дела, которые предлагают ему в виде покупки земли через банки, прирезки казенных и удельных земель, переселений или обязательной аренды или земельного фонда. Народ хочет коренного исправления дела, такого, при котором не могли бы одни люди, не работая, а лежа, как собаки на сене, мешать работающим пользоваться землею, хочет, чтобы все люди имели равную возможность пользоваться теми выгодами и удобствами, которые дает земля.

30 И народ совершенно прав в этом желании. Он не прав только в том ложном и распространенном представлении, поддерживаемом заблуждающимися легкомысленными людьми, что для того, чтобы все люди имели равное право пользоваться землею, нужно только отнять от владельцев их земли и разделить их между работающими земледельцами.

Как разделить отчужденную землю? Какую отдать какому обществу? Где ее отвести? Как разделить более ценные земли, луга, леса? Как поступить с мелкими собственниками? Как поступить с безземельными людьми, желающими получить
40 свою долю земли? При тесноте населения кому и куда пересе-

ляться?.. Всё это такие вопросы, которые при отнятии земли у владельцев и разделении ее между земледельцами не могут быть разрешены никакими комиссиями и могут быть только источником бесконечных споров, ссор и, главное, еще худших, чем теперь, несправедливостей. Этого не видят и не могут видеть крестьяне, занятые своими местными вопросами. Но это должны видеть люди, считающие себя призванными решать вопросы с общей для всех справедливой точки зрения.

И такое решение земельного вопроса с общей точки зрения может состоять никак не в отнятии земли от одних владельцев и передаче ее другим, не в произвольных распоряжениях землями, а только в одном: в уничтожении старой неправды земельной собственности, от которой всё зло угнетения и вражды людей. Для решения земельного вопроса нужно не удовлетворения желания тех или других людей, а восстановление нарушенного естественного права всех людей на землю и права каждого человека на все произведения своего труда.

II.

Все люди имеют равное право на землю, и каждый человек имеет неотъемлемое право на свой труд. Оба права эти были нарушены признанием за людьми права собственности на землю и взиманием податей и налогов с произведений труда людей.

Для восстановления этих прав есть только одно средство: установление на землю такого налога, который равнялся бы выгодам, представляемым землей ее владельцу, и замена всех других взимаемых с труда людей податей и налогов Единым земельным налогом. Такое установление Единого налога на всю землю предлагалось в различное время и в различных странах и в последнее время было особенно подробно выяснено американцем Генри Джорджем.

Основания Единого налога следующие:

1) Так как все люди имеют одинаковое право на землю и так как каждый человек имеет неотъемлемое право на все произведения своего труда, то никто не должен иметь преимуществ перед другими на пользование землей, и никто не должен отбирать от трудящегося произведений его труда в виде платы за пользование землей или в виде податей и налогов.

2) Для того чтобы ни то, ни другое право не было нарушено,

нужно, чтобы люди, пользующиеся землями, платили обществу налог соответственно той выгоде, которую в сравнении с другими землями представляет земля, находящаяся в их пользовании, и чтобы люди, не владеющие никакими землями, а занятые промышленностью или другими делами, были свободны от всяких налогов и податей.

При таком устройстве все средства, употребляемые на общественные дела и собираемые теперь с труда, собирались бы с земель, представляющих по своему качеству или положению 10 особенные выгоды их владельцам. Так, земли черноземные или лежащие при путях сообщения, представляя более выгод, чем песчаные, глинистые или удаленные от городов, платили бы больше; земли же, лежащие в городах, у пристаней, в столицах или содержащие ценные руды, платили бы еще больше; люди же, пользующиеся землями, не имеющими никаких преимуществ, или вовсе не владеющие никакими землями, пользуясь всеми удобствами общественного устройства: управлением, путями сообщения, всякого рода общественными учреждениями, не платили бы ничего.

20

III.

Последствием такого устройства было бы, во-первых, то, что землевладельцы, в особенности крупные, не обрабатывающие сами своих земель, при обложении их налогом большею частью отказались бы от владения ими и передали бы их тем землевладельцам, которые нуждаются в земле.

Во-вторых, было бы то, что Единый налог, уничтожив все те налоги, которые платят теперь все люди за предметы, которыми они пользуются: за сахар, керосин, спички, вино и пр., уменьшил бы расходы рабочих людей и увеличил бы тем их 30 благосостояние.

В-третьих, было бы то, что Единый налог, уничтожив ввозные и вывозные пошлины на товары, восстановил бы для того народа, у которого он был бы введен, свободную торговлю со всем миром и дал бы людям того общества или государства возможность беспрепятственно пользоваться всеми произведениями природы, труда и искусства людей других стран или государств.

В-четвертых, Единый налог, дав доступ к земле всем рабочим людям, поставил бы наемных рабочих в такое положение,

при котором они не были бы, как теперь, вынуждены принимать те условия, которые им ставят хозяева, а сами бы для себя устанавливали условия работы. При таком независимом положении рабочих было бы то, что все те облегчающие работу изобретения, которые теперь служат средством порабощения рабочих, стали бы не бедствием, как теперь, а тем, чем они не должны быть, — благом для всех.

В-пятых, было бы то, что введение Единого налога, подняв благосостояние рабочих, сделало бы невозможным обычное теперь перепроизводство предметов, так как рабочие не были бы, как теперь, лишены возможности приобретать изготавливаемые ими предметы, и производилось бы преимущественно и в соответствующих требованиям размерам то, что нужно для большинства рабочих.

В-шестых, и самое главное, введение Единого налога везде, и в особенности теперь в России, сделало бы то, что все законные требования народа были бы удовлетворены даже в большей степени, чем того ожидает народ, так как была бы не только дана возможность каждому человеку пользоваться в равной степени всеми выгодами, даваемыми землей, но люди были бы избавлены и от необходимости платежа податей и налогов с произведений своего труда.

И потому введение Единого налога на землю при какой бы то ни было форме общезжития при теперешних действующих насилиях правительствах так же, как и при идеальном общезжитии, основанном на взаимном соглашении, представляло бы самый верный и практический способ как приобретения независимых от труда людей средств для покрытия нужных для всего общества расходов, так и для самого справедливого упорядочения земельных отношений.

(То, что налога на землю было бы достаточно для замещения всех податей и налогов, исследовано и доказано во многих сочинениях об этом предмете. Лучшие сочинения по вопросу о Едином налоге — это сочинения Генри Джорджа: «Прогресс и бедность», «Речи и статьи», «Общественные задачи» и др.)

IV.

Но скажут: установление Единого налога, подрывающее под корень веками выработанные устои общества, землевладение и подати, может вызвать великие волнения в обществе

и народе и потому, особенно в теперешнее тревожное время; было бы несвоевременно и опасно.

Я же думаю, что, напротив, ни одна из тех мер, которые предлагаются теперь для упорядочения землевладения, не может быть введена с меньшими тревогами, волнениями и раздражением и народа и землевладельцев, как эта мера Единого налога. Введение этой меры я представляю себе так: земли провозглашается общим достоянием всех людей государства и произведения труда каждого человека неотъемлемой собственностью произведшего. Для восстановления этих нарушенных основных человеческих прав и вводится затем Единый налог с ценности земель, заменяющий все другие подати и налоги. Но так как наложение сразу во всем его объеме налога на землю, с уничтожением всех других налогов и податей, было бы разорительно для многих землевладельцев и промышленников, да и введение Единого налога требует правильной оценки земель, которую нельзя сделать тотчас же, то налог этот вводится постепенно. Сначала, в первый год, вводится одна какая-либо часть его (15, 20, 30 или более или менее процентов всей ренты), на следующую 20 год другая такая же часть и так до полного перевода всех податей и налогов на землю, который может быть совершен в более долгий или короткий срок.

Такое постепенное обложение земель налогом и сложение податей с труда не может и не должно произвести ни тревог, ни волнений, так как такая постепенная замена налогов на труд налогом на землю дает возможность землевладельцам и промышленникам постепенно же приспособиться к новым условиям жизни. Такая мера в наше время, кроме того что вела бы к прекращению сознаваемой всеми людьми и особенно живо всем 30 стомиллионным русским народом жестокой несправедливости частной земельной собственности и столь же жестокой, хотя и смутно сознаваемой, несправедливости произвольно накладываемых на его труд податей и налогов, была бы вместе и самым действительным средством успокоения общества и в особенности земледельческого населения, составляющего 0,9 русского народа.

Только такое разрешение вопроса, не частное для одного сословия (хотя бы и самого многочисленного), не местное, временное, каковы все прирезки, покупки, переселения, фонды, 40 а решение общее, основное, нравственное, состоящее в прекра-

щении старой вопиющей несправедливости и устанавливающее равное право как миллионера, так и беднейшего крестьянина на землю и на весь свой труд, только такое решение может успокоить народ.

Люди, составляющие правительство, оправдывают свое существование поддержанием справедливых отношений между управляемыми. Восстановление нарушенной справедливости, и в особенности тогда, когда нарушение это становится явным и всеми признаваемым, должно бы было признаваться ими их первой и неотложной обязанностью. Такой явной и всеми признаваемой несправедливостью было в свое время крепостное право в России, и оно было отмечено тогдашним правительством. В наше время несправедливость земельной собственности сознается еще живее, чем за полстолетие тому назад сознавалась несправедливость крепостного права. И потому люди, составляющие теперешнее правительство в России, если они не обманывают себя и других относительно своего назначения, обязаны перед Богом, перед своим положением, перед народом уничтожить вопиющую и всем народом признаваемую несправедливость. Если они не делают этого, то единственное объяснение этому то, что они боятся по старой привычке подражания Европе предпринять то, что еще нигде не сделано в Европе, забывая, что условия, в которых находится русский народ, совершенно иные, чем те, в которых находятся теперь западные народы, и что не навеки же обречены русские люди подражать Европе, но должно же наступить и для русского народа совершеннолетие, когда он может думать своим умом и поступать сообразно с своими условиями и свойствами.

Людям, составляющим правительство в России, надо теперь особенно помнить это, потому что, поддерживая в настоящее время несправедливость земельной собственности, они не исполняют того, что они признают своею прямою обязанностью, и, становясь виновниками величайших бедствий, вполне обнаруживают свою несостоятельность и ненужность.

10 Сентября 1906 г.

ПИСЬМО К КИТАЙЦУ.

Милостивый государь,

1.

Я получил ваши книги и с большим интересом прочел их, в особенности «*Rarets from a Viceroy's Iamen*». ¹

Жизнь китайского народа всегда в высшей степени интересовала меня, и я старался знакомиться с тем, что из китайской жизни было доступно мне, преимущественно с китайской религиозной мудростью — книгами Конфуция, Ментце, Лаотце и 10 комментариями на них. Читал тоже и о китайском буддизме, и книги европейцев о Китае. В последнее же время, после тех злодеяний, которые были совершены против китайцев европейцами, — в том числе, и в большой степени, русскими, — общее настроение китайского народа особенно живо интересовало и интересуется меня.

Китайский народ, так много потерпевший от безнравственной, грубо эгоистической, корыстолюбивой жестокости европейских народов, до последнего времени на все совершаемые над ними насилия отвечал величественным и мудрым спокойствием, 20 предпочтением терпения в борьбе с насилием. Я говорю про народ китайский, а не про правительство.

И спокойствие и терпение великого и могущественного китайского народа вызывало только всё большую и большую наглость европейских народов, как это всегда бывает с грубыми, эгоистическими людьми, живущими одной животной жизнью, каковы были европейцы, имевшие дело с Китаем.

¹ [«Писания вице-короля Ямена».]

Испытание, которому подвергся и подвергается теперь китайский народ, велико и трудно, но именно теперь-то и важно то, чтобы китайский народ не потерял терпения и не изменил бы свое отношение к насилию, лишив себя этим всех тех великих последствий, которые должно иметь перенесение насилий без отвечания злом на зло.

Только «претерпевый до конца спасен будет», говорится в христианском законе. И я думаю, что это несомненная, хотя и трудно принимаемая людьми, истина. Неотвечание злом на зло и неучастие в зле есть вернейшее средство не только спасения, 10 но и победы над теми, которые творят зло.

Китайцы могли видеть поразительное подтверждение истинности этого закона после уступки ими России Порт-Артура. Самые великие усилия силой оружия защитить Порт-Артур от японцев и русских не достигли бы тех гибельных для России и Японии последствий, как те, которые имела для России и Японии уступка России Порт-Артура, — и материального и нравственного зол. То же неизбежно будет и с уступленными Китаем Англии и Германии Киючаем и Вей-ха-Веем.

Успехи одних грабителей вызывают зависть других грабителей, 20 и захваченная добыча становится предметом раздора и губит самих грабителей. Так это бывает с собаками, так это бывает и с людьми, спускающимися на степеня животных.

2.

И вот поэтому-то я теперь со страхом и горестью слышу и в вашей книге вижу проявление в Китае духа борьбы, желанная силою дать отпор злодеяниям, совершаемым европейскими народами.

Если бы это было так, если бы действительно китайский народ, потеряв терпение и, вооружившись по образцу европейцев, 30 прогнал бы от себя силою всех европейских грабителей, — чего ему очень легко достигнуть с его умом, выдержанностью, трудолюбием и, главное, с его многочисленностью, — то это было бы ужасно. Ужасно не в том смысле, в котором понимал это один из самых грубых и невежественных представителей западной Европы — германский император, не в том смысле, что Китай сделался бы опасен для Европы, а в том смысле, что Китай перестал бы быть оплотом истинной, практической,

народной мудрости, состоящей в том, чтобы жить той мирной, земледельческой жизнью, которой свойственно жить всем разумным людям и к которой рано или поздно должны сознательно вернуться оставившие эту жизнь народы.

Я думаю, что в наше время совершается великий переворот в жизни человечества и что в этом перевороте Китай должен в главе восточных народов играть великую роль.

Мне думается, что назначение восточных народов Китая, Персии, Турции, Индии, России и, может быть, Японии (если она еще не совсем увязла в сетях разврата европейской цивилизации) состоит в том, чтобы указать народам тот истинный путь к свободе, для выражения которой, как вы пишете в вашей книге, на китайском языке нет другого слова, кроме Тао, пути, то есть деятельности, сообразной с вечным основным законом жизни человеческой.

Свобода, по учению Христа, осуществляется тем же путем. «Познаете истину, и истина сделает вас свободными», сказано там. И вот эту-то свободу, которую почти безвозвратно потеряли западные народы, призваны, мне думается, осуществить теперь восточные народы.

3.

Мысль моя такая:

С самых древних времен происходило то, что из среды людей мирных и трудолюбивых выделялись люди хищные, предпочитающие насилие труду, и эти хищные и праздные люди нападали на мирных и заставляли на себя работать. Так это происходило и на западе, и на востоке, у всех народов, живущих государственной жизнью, и так это продолжалось веками и продолжается и теперь. Но в старину, когда завоеватели захватывали большие населенные пространства, они не могли сделать много вреда подвластным: небольшое количество властвующих и большое количество подвластных (особенно при первобытных путях сообщения, на больших пространствах) делало то, что только малая часть людей подвергалась насилиям властителей, большинство же могло жить спокойной жизнью, не приходя в прямое соприкосновение с насильниками. Так это было во всем мире, так это до последнего времени продолжается и среди восточных народов, и в особенности в огромном Китае.

Но такое положение не могло и не может продолжаться по двум причинам. Во-первых, потому, что насильническая власть по самому свойству своему всё более и более развращается; во-вторых, потому, что подвластные люди, всё более и более просвещаясь, всё яснее и яснее видят вред от своего подчинения власти.

Действие этих двух причин усиливается еще и вследствие технических усовершенствований в путях сообщения: дороги, почты, телеграфы, телефоны, вследствие которых властители проявляют свое влияние там, где оно не могло проявляться без путей сообщения, и подвластные, вследствие той же причины теснее общаясь между собою, всё яснее и яснее понимают невыгоды своего положения.

И невыгоды эти со временем становятся так велики, что подвластные чувствуют необходимость так или иначе изменить свое отношение к власти.

И западные народы давно уже почувствовали эту необходимость и давно уже изменили свое отношение к власти одним общим всем западным народам способом: ограничением власти посредством представителей, то есть, в сущности, распространением власти, перенесением ее от одного или нескольких на многих.

В настоящее время, я думаю, что наступил черед и восточных народов, и для Китая, точно так же почувствовать весь вред деспотической власти и отыскивать средства освобождения от деспотической власти, при теперешних условиях жизни ставшей непереносимой.

4.

Знаю я, что в Китае существует учение о том, что главный властитель, богдыхан, должен быть самый мудрый и добродетельный человек и что если он не такой, то подданные могут и должны перестать повиноваться ему. Но я думаю, что учение это есть только оправдание власти, столь же нетвердое, как и распространенное среди европейских народов учение апостола Павла о том, что власть от Бога. Китайский народ не может знать, мудрый ли и добродетельный ли его император, точно так же, как не могли христианские народы знать, что именно этому властителю, а не тому, который боролся с ним, дана власть от Бога.

Эти оправдания власти были годны тогда, когда вред власти был мало чувствителен для народов, но теперь, когда уже большинство людей чувствует все невыгоды и всю неправду власти одного или нескольких над многими, оправдания эти недействительны, и народам так или иначе приходится изменить свое отношение к власти. И западные народы давно уже изменили свое отношение к власти: теперь очередь за восточными. И в таком положении, я думаю, находится теперь и Россия и Персия, Турция и Китай. Все народы эти дожили до того времени, когда они уже не могут долее оставаться в прежнем отношении к своим властителям.

Как верно сказал русский писатель Герцен, Чингис-хан с телеграфами и электрическими двигателями невозможен. Если еще существуют до сих пор на Востоке Чингис-ханы или их подобия, то ясно, что час их настал и что они последние. Они не могут продолжать существовать и потому, что вследствие телеграфов и всего, что называется цивилизацией, их власть становится слишком тяжелой, и потому, что народы, благодаря той же цивилизации, особенно живо чувствуют и сознают, что существование или несуществование этих Чингис-ханов не безразлично для них, как это было в старину, но что почти все бедствия, от которых они страдают, происходят именно от этой власти, которой они подчиняются без всякой выгоды для себя, по одной привычке.

В России это наверно так. Думаю, что так это и для Турции, и для Персии, и для Китая.

Для Китая это в особенности так вследствие миролюбия его народов, дурного устройства его войска, дающего возможность европейцам безнаказанно грабить китайские земли под предлогом разных столкновений и несогласия с китайским правительством.

Китайский народ не может не чувствовать необходимости изменения своего отношения к власти.

И вот я вижу по вашей книге и по другим известиям, что легкомысленные люди Китая, называемые партией реформ, думают, что это изменение должно состоять в том, чтобы сделать то самое, что сделали западные народы, то есть заменить деспотическое

правительство представительным, завести такое же войско, как у западных народов, такую же промышленность. Решение это, кажущееся с первого взгляда самым простым и естественным, есть решение не только легкомысленное, но очень глупое и по всему тому, что я знаю о Китае, совершенно несвойственное мудрому китайскому народу. Завести такую же конституцию, такое же войско, может быть, и такую же общую воинскую повинность, такую же промышленность, как у западных народов, значило бы отречься от всего того, чем жил и живет китайский народ, отречься от своего прошедшего, отречься от разумной, миролюбивой, земледельческой жизни, той жизни, которая составляет истинный и единый путь, Тао, не только для Китая, но для всего человечества. 10

Допустим, что, введя у себя европейское устройство, Китай прогонит европейцев и у него будет конституция, сильное, постоянное войско и такая же промышленность, как и в Европе.

Япония сделала это, ввела конституцию и усилила войско и флот и развила промышленность, и последствия этих всех неразрывно связанных между собою мер уже явны. Положение ее народа всё более и более приближается к положению народов Европы, а положение это очень тяжелое. 20

6.

Государства западной Европы, очень могущественные по внешности, могут теперь раздавить китайское войско. Но положение людей, живущих в этих государствах, не только не может сравниться с положением китайцев, но положение это самое бедственное. Во всех народах этих не переставая идет борьба обездоленного, озлобленного рабочего народа с правительством и богатыми, сдерживаемая только силою обманутых людей, составляющих войско; такая же борьба глухо кипит между государствами, требующая всё больших и больших, не имеющих конца вооружений, борьба, всякую минуту готовая разразиться величайшими бедствиями. 30

Но как ни ужасно это положение, не в этом сущность бедственности западных народов. Главное и основное бедствие их в том, что вся жизнь этих народов, не могущих кормиться своим хлебом, вся поставлена на необходимости насильем и хитростью добывать себе средства пропитания у других народов, живущих

еще, как Китай, Индия, Россия и другие, разумной, земледельческой жизнью.

И этим-то паразитным народам и их деятельности приглашают вас подражать люди партии реформ!

Конституция, покровительственные пошлины, постоянные армии — всё это вместе сделало людей западных народов тем, что они и есть, людьми, покинувшими земледелие и отвыкшими от него и занятыми в городах, на фабриках производством большей частью ненужных предметов и приспособленными со своими армиями только ко всякого рода насилиям и грабежам. Как ни блестяще кажется на первый взгляд их положение, положение это отчаянное, и они неизбежно должны погибнуть, если не изменят всего строя своей жизни, основанного теперь на обмане, развращении и грабеже земледельческих народов.

Подражать западным народам, испугавшись их наглости и силы — это всё равно, что разумному, неиспорченному, трудолюбивому человеку подражать промотавшемуся, отвыкшему от труда, нападающему на нас наглому грабителю, то есть для того, чтобы с успехом противодействовать безнравственному злодею, сделать самому таким же безнравственным злодеем.

Не подражать нужно китайцам западным народам, а пользоваться их примером для того, чтобы не прийти в то же, как и они, отчаянное положение.

Всё, что делают западные народы, может и должно быть примером для восточных народов, но только примером не того, что нужно делать, а того, чего ни в каком случае не должно делать.

7.

Итти по пути западных народов — значит итти на верный путь гибели. Но и оставаться в том положении, в котором находятся русские в России, персы в Персии, турки в Турции и китайцы в Китае, тоже невозможно; для вас, китайцев, это особенно явно невозможно, потому что вы со своим миролюбием, оставаясь в положении государства без войска среди военных держав, не могущих жить самостоятельной жизнью, неизбежно будете подвергаться грабежам и захватам, которые эти державы должны делать для поддержания своего существования.

Что же делать?

Для нас, русских, я знаю, несомненно знаю, чего нам, русским, не надо и что нам надо делать для того, чтобы избавиться от тех зол, от которых мы страдаем, и не впасть в худшие. Не надо нам, русским, прежде всего, повиноваться существующей власти, но также не надо нам и делать того, что затевает у нас, так же как и у вас, партия реформ, неумные люди; не надо, подражая Западу, заменять одну власть другою, учреждая конституцию, какую бы то ни было, монархическую или республиканскую. Этого наверное не нужно делать, потому что это наверное привело бы нас к тому же бедственному положению, в котором 10 находятся западные народы.

Нужно же и можно нам делать только одно, и самое простое: жить мирной, земледельческой жизнью, перенося те насилия, которые могут быть совершены над нами, не противодействуя им силою и не участвуя в них. То же самое, по моему мнению, и еще с большим основанием нужно делать и вам, китайцам, не только для того, чтобы избавиться от тех захватов вашей земли и грабежей, которые делают над вами европейские народы, но и от неразумных требований вашего правительства, требующего от вас дел, противных вашему нравственному учению и 20 сознанию.

Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, то есть Тао, и сами собой уничтожатся все действия, причиняемые вам вашими чиновниками, и станут невозможны угнетения и грабежи европейцев. Освободитесь от своих чиновников тем, что не будете исполнять их требований и, главное, не будете, повинуюсь им, помогать порабощению и ограблению друг друга. Освободитесь от грабежей европейцев тем, что, соблюдая Тао, не будете признавать себя принадлежащими ни к какому государству и ответственными за те дела, которые 30 совершает ваше правительство.

Ведь все захваты и грабежи европейских народов происходят только оттого, что существует правительство, которого вы признаете себя подданными. Не будь китайского правительства, не было бы никакого повода чужим народам совершать свои злодеяния под видом международных отношений.

8.

Для того чтобы избавиться от зла, надо бороться не с последствиями его: злоупотреблениями правительства и захватами и

грабежами соседних народов, а с корнем зла, с тем ложным отношением, в котором находится народ к человеческой власти. Признает народ человеческую власть выше власти Бога, выше закона (Тао), и народ всегда будет рабом, и тем более рабом, чем сложнее будет то устройство власти (как конституционное), которое он учредит и которому подчинится. Свободен может быть только тот народ, для которого закон Бога (Тао) есть единый высший закон, которому должны быть подчинены все другие.

А не будете вы, не повинуюсь своему правительству, содействовать и чужим властям в их насилиях над вами, не будете служить им ни в частной, ни в государственной, ни в военной службе, и не будет всех тех бедствий, от которых вы страдаете.

9.

Люди и общества людей находятся всегда в переходном состоянии от одного возраста к другому, но бывают времена, когда эти переходы и для людей и для общества особенно чувствительны и живо сознаваемы. Как бывает с человеком, который вдруг чувствует, что не может более продолжать ребяческую жизнь, так и в жизни народов наступают периоды, когда общества не могут уже более продолжать жить попрежнему и чувствуют потребность изменить свои привычки, устройство и деятельность. И вот такой период от детства к возмужалости переживают теперь, мне думается, все народы, как восточные, так и западные, живущие государственной жизнью. Переход этот состоит в необходимости освобождения от ставшей непереносимой власти человеческой и установлении жизни на иных, чем человеческая власть, началах.

И это дело, мне кажется, историческое, судьбой предназначено именно восточным народам.

Восточные народы находятся в особенно счастливых условиях для этого. Не оставив земледелия, не развратившись еще военной, конституционной и промышленной жизнью и не потеряв веры в обязательность высшего закона Неба или Бога, они стоят на том распутьи, с которого европейские народы давно уже свернули на тот ложный путь, с которого освобождение от человеческой власти стало особенно трудно.¹

¹ О том, почему это так, я изложил подробно в моем писании под заглавием: «Значение русской революции».

И потому восточным народам, видя всю бедственность западных народов, естественно не пытаться освободиться от зла человеческой власти тем запутанным, искусственным, скрывающим сущность дела средством — мнимым ограничением власти и представительством, которым пытались освободиться западные народы, а решить вопрос власти другим, более коренным и простым способом, и способ этот представляется сам собою людям, не потерявшим еще веры в высший обязательный закон Неба или Бога, в закон Тао, и состоит только в следовании этому закону, исключаяющему возможность повиновения человеческой 10 власти.

Только бы продолжали китайские люди жить так, как они жили прежде, мирной, трудолюбивой, земледельческой жизнью, следуя в поведении основам своих трех религий: конфуцианству, таосизму, буддизму, сходящимся всем трем в своих основах к освобождению от всякой человеческой власти (конфуцианству), неделания другому, чего не хочешь чтобы тебе делали (таосизму), самоотречения и смирения и любви ко всем людям и ко всем существам (буддизму), и сами собой исчезнут все те бедствия, от которых они страдают теперь, и никакие силы не 20 одолеют их.

Дело, предстоящее теперь, по моему мнению, не только Китаю, но и всем восточным народам, не в том только, чтобы избавиться самим от тех зол, которые они терпят от своих правительств и от чужих народов, а в том, чтобы указать всем народам выход из того переходного положения, в котором они все находятся.

И выхода другого нет и не может быть, как освобождение себя от власти человеческой и подчинение власти Божеской.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КНИГИ ГЕНРИ ДЖОРДЖА «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ».

В одной из последних глав своей книги Генри Джордж говорит: «Тому, кто не вник в сущность дела, может показаться смешным то, что я выставляю простое изменение в системе налогов, как величайший переворот в общественных отношениях людей. Но для того, кто следил за ходом моей мысли в предшествующих главах, должно быть ясно, что в этом простом изменении заключается величайший из социальных переворотов — переворот или революция, в сравнении с которой ничтожны как та революция, которая уничтожила деспотизм французской монархии, так и та, которая уничтожила рабство в Соединенных Штатах».

Вот это-то огромное значение революции, предлагаемой Генри Джорджем, до сих пор не понимается и не признается людьми. Главная причина этого та, что мысль его или извращается или замалчивается. Мысль Генри Джорджа представляется большинству людей как одна из систем изменения закона о земельной собственности, понимаемой часто в виде национализации земли в смысле социалистов. Люди, мнящие себя учеными, возражают на понимаемую так узко мысль Генри Джорджа тем, что или смело возражают на то, что никогда не говорил Генри Джордж, или, как доказательство против него, выставляют те неопровержимые, по их мнению, положения существующего порядка, которые самым коренным образом опровергнуты Джорджем. Неученые же люди, люди общества, землевладельцы, и вообще люди достаточные, совершенно не зная Генри Джорджа, только имея смутное понятие о том, что он как-то хочет отнять землю у теперешних собственников, чуя чувством консервативного

самоохранения опасность для них теории Генри Джорджа, смело отрицают ее, не имея о ней никакого или имея о ней самое превратное понятие. «Знаю, знаю! Обложить землю с тем, чтобы земледельцы, и так задавленные налогами, платили бы еще земельный налог». Или: «Знаю, знаю! Это то, чтобы заставить землевладельца платить подать за те улучшения, которые он сделает на своей земле».

И вот тридцать лет со времени ясного, всестороннего и основательнейшего изложения этой великой мысли она остается совершенно неизвестной огромному большинству людей. 19

Оно и не может и не могло быть иначе. Мысль Генри Джорджа, переворачивающая весь склад жизни народов в пользу задавленного, безгласного большинства и в ущерб властвующему меньшинству, выражена так неопровержимо убедительно и, главное, так просто, что нельзя не понять ее. А поняв, нельзя не постараться привести ее в исполнение, и потому одно средство против нее — это извращение ее и замалчивание. И то и другое вот уже более тридцати лет так успешно применяется к теории Генри Джорджа, что трудно побудить людей внимательно прочесть то, что писал Генри Джордж, и подумать об этом. Правда, существуют в Англии, в Канаде, в Соединенных Штатах, в Австралии, в Германии, хотя и очень хорошие, но жалкие по числу подписчиков журнальчики Единого налога; но среди большинства интеллигенции идеи Генри Джорджа во всем мире продолжают быть неизвестными, и равнодушие к ним едва ли не увеличивается. Общество поступает с мыслями, нарушающими его спокойствие, — а такова мысль Генри Джорджа, — так же, как пчела с червями (клични), которые вредны ей, но которых она не в силах уничтожить. Она обмазывает их гнезда клеем, так что черви хотя и не уничтожены, но не могут 20
дальше распространяться и вредить, — так поступают и общества европейских народов с вредными для своего порядка или привычного беспорядка мыслями и в том числе с идеей Генри Джорджа и его сторонников. «Но свет и во тьме светит, и тьма его не объят». Истинная, плодотворная мысль не может быть уничтожена. Как ни заглушай ее, она всё жива, живее всех тех неясных, пустых, педантических мыслей и слов, которыми заглушают ее, и рано или поздно истина прожжет скрывающие ее покровы и засветит всему миру. И такова мысль Генри Джорджа. 30

И мне думается, что именно теперь ее время, именно теперь, и именно в России. Именно теперь, потому что теперь совершается в России революция, серьезная основа которой одна: отрицание всем народом, настоящим народом, земельной собственности. Именно в России потому, что в огромном большинстве русского народа всегда жила и живет до сих пор основная идея Генри Джорджа, состоящая в том, что земля есть общее достояние всех людей и что обкладываться налогами может только земля, а не труд людей.

10 Генри Джордж говорит, что переводение всех налогов на ренту есть не что иное, как сообразование самых важных общественных мероприятий с естественными законами (a conforming of the most important adjustments to natural laws). Он говорит, что мысль о том, что ценность земли (рента) должна быть употребляема на пользу всего общества так же естественно для общества, как естественно для людей ходить на ногах, а не на руках.

И эту-то мысль не только всегда разделял весь русский земледельческий народ, но и всегда приводил в исполнение, 20 пока не мешало ему правительственное насилие.

В семидесятых годах статистик Орлов об отношениях крестьян к земле писал следующее:

«Крестьянский мир не понимает и не различает тех разнообразных предметов обложения, которые значатся в окладных листах. Все разнообразные подати, повинности, волостные и сельские сборы, взимаемые с общества, при мирской раскладке сливаются в одну общую сумму, которая разверстывается между членами общины по числу значащихся за каждым окладных душ, а окладная душа, в понятии крестьян, сливается с известной долей мирского земельного надела. Окладная душа, по 30 своеобразному воззрению крестьян, немислима без земли, мало того — душа то и есть, собственно, известная доля мирской земли, несущая на себе соответствующую долю мирских платежей. Если на вопрос о числе душ один домохозяин отвечает, что за ним числится две души, а другой говорит, что у него три души, то это значит лишь, что у первого домохозяина находится во владении две доли, а у второго три доли мирской земли; с мирской же землей связаны решительно все следующие с общества по окладным листам платежи, какое бы название они ни 40 имели и для какого бы учреждения ни предназначались».

В этих коротких словах сущность отношения русского народа к земле и к податям, и отношение это именно то самое, которое проповедует и предлагает Генри Джордж. Отношение это не в том, как представляют себе обыкновенно теорию Генри Джорджа, что дело только в ином распределении земли, а в том, что обеспечивается за каждым человеком полная неприкосновенность произведений его труда и полная, равная со всеми возможность пользоваться всеми преимуществами, даваемыми землей. Таково воззрение русского народа и на труд и на право на землю. И потому, если понятно, что европейские народы, 10 для которых исполнение мысли Генри Джорджа разрушает весь установленный и выгодный для большей половины населения порядок, должны враждебно относиться к теории Генри Джорджа и замалчивать ее, у нас в России, где больше девяти десятых населения составляют земледельцы и где эта теория есть только сознательное выражение того, что всегда признавалось справедливым всем русским народом, понятно, что у нас, особенно при теперешней перестройке общественных условий, мысль эта должна найти применение и завершить великим делом справедливости столь ложно и преступно направляемую рево- 20 люцию.

Из всех прекрасных книг, речей и статей Генри Джорджа книга эта несомненно лучшая и по краткости и ясности и строгой логичности изложения, и по неотразимости научных доводов, и по красоте языка, и по искреннему и глубокому чувству любви к истине, добру и людям, которыми проникнуто всё изложение.

22 Сентября 1906 г.

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ ЛЮДЯМ.

К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ И НАРОДУ.

Вы боретесь с революционерами хитростями, изворотами и, хуже всего, такими же и даже худшими жестокостями, какие против вас употребляют они. Но из двух борющихся сторон побеждает всегда не та, которая изворотливее, хитрее или злее и жесточе, а та, которая ближе к той цели, к которой движется человечество.

Верно или неверно определяют революционеры те цели, к которым стремятся, они стремятся к какому-то новому устройству жизни; вы же желаете одного: удержаться в том выгодном положении, в котором вы находитесь. И потому вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями. Всё это отжило и не может быть восстановлено. Спасение ваше не в думах с такими или иными выборами и никак не в пулеметах, пушках и казнях, а в том, чтобы признать свой грех пред народом и постараться 20 искупить его, чем-нибудь загладить его, пока вы еще во власти. Поставьте перед народом идеалы справедливости, добра и истины более высокие и более справедливые чем те, которые выставляют ваши противники.

Сделайте только то, что вы обязаны сделать, занимая место правительства, и пока есть время, поставьте своей задачей осуществление действительного народного блага, и вместо того чувства страха и озлобления, которое вы испытываете теперь, вы узнаете радость близости, единения со стомиллионным

русским народом, узнаете то чувство любви и благодарности этого кроткого народа, который не попомнит ваших грехов, а будет любить вас за то добро, которое вы ему сделаете, так же как он любит теперь того и тех, которые избавили его от рабства.

Вспомните, что вы не цари, министры, не сенаторы и губернаторы, а люди, и, сделав это, вы, вместо горя, отчаяния и страха, узнаете радость прощения и любви.

Но для того чтобы это случилось, вам надо не внешним образом и как средство спасения, а искренно, серьезно всеми силами души отдаться этому делу, и вы увидите, какая горячая, разумная и согласная деятельность проявится в лучших слоях общества, выдвинув кверху лучших людей из всех сословий, оправдав и лишив всякого значения тех людей, которые теперь мутят Россию. Сделайте это, и уничтожатся все те ужасные, зверские элементы мести, злобы, корысти, зависти, тщеславия, честолюбия и, главное, невежества, которые теперь выступают наружу и заражают, тревожат и мучают русских людей и в которых вы виноваты.

Да, перед вами, правительственными людьми, теперь только два выхода: братоубийственная бойня и все ужасы революции и притом всё-таки неизбежная, позорная гибель, или мирное осуществление вечного и справедливого требования всего народа и указание другим христианским народам пути и возможности уничтожения той несправедливости, от которой так долго и жестоко страдают люди.

Отжила ли или не отжила та форма общественного устройства, при которой вы пользуетесь властью, пока вы пользуетесь ею, употребите ее не на то, чтобы удесятерить то зло, которое уже совершено вами, и ту ненависть к вам, которую вы уже вызвали в людях, а на то, чтобы сделать великое доброе дело не только для своего народа, но и для всего человечества. Если же эта форма отжила, то пускай последний акт ее будет акт добра и правды, а не лжи и жестокости.

Так бы я сказал правительственным людям.

Революционерам же, вообще интеллигентам тем людям, которые, начиная от самых миролюбивых конституционалистов до самых воинственных революционеров, хотят заменить существующую правительственную власть другою, иначе организованной и составленной из других лиц властью, я бы сказал так.

Вы, революционеры всех оттенков и наименований, считаете

существующую власть вредной и различными способами — устройством разрешенных и неразрешенных правительством собраний, составлением проектов, печатанием статей, произнесением речей, стачками, забастовками, демонстрациями и, в конце концов, как естественное и неизбежное последствие — основа всех этих действий, — убийствами, казнями, вооруженными восстаниями, хотите и стараетесь заменить существующую власть другою, новою.

Несмотря на то что вы все несогласны между собою о том, 10
какая должна быть эта новая власть, вы, для проведения в жизнь предлагаемого каждой из ваших партий устройства, не останавливаетесь ни перед какими преступлениями: убийства, взрывы, казни, междуусобная война.

У вас нет достаточно презрительных слов, чтобы выразить ваше осуждение и презрение к тем правительственным лицам, которые борются с вами. Но ведь все жестокие поступки правительственных лиц, когда они в борьбе с вами совершают их, в их глазах оправдываются тем, что, совершая их, они все, от царя и до последнего городского, воспитанные в безграничном 20
уважении к установленному и освященному давностью и преданием порядку, вполне уверены, что защищая этот порядок, они делают то самое, чего требуют от них миллионы людей, признающих законность существующего порядка и их положения. Так что нравственная ответственность за их жестокие дела ложится не на них одних, а разлагается на множество лиц. Вы же, люди самых разнообразных профессий, — врачи, учителя, техники, студенты, профессора, газетчики, курсистки, железнодорожники, рабочие, адвокаты, купцы, помещики, — до сих пор занимавшиеся не имеющими ничего общего с управ- 30
лением своими специальностями, никем, кроме как самими собой, не призванные и не признанные, вдруг несомненно узнав, какое именно устройство нужно для России, во имя этого будущего общественного устройства, которое каждый из вас определяет по своему, на одних себя берете всю ответственность совершаемых вами самых ужасных поступков: взрываете, разоряете, убиваете, казните.

Убиты тысячи людей, приведены в отчаяние, озлоблены, озверены все русские люди. И всё это ради чего? Всё это ради того, что среди небольшой кучки людей, едва ли одной десяти- 40
тысячной всего народа, некоторые люди решили, что для самого

лучшего устройства русского государства нужно продолжение той думы, которая заседала последнее время, другие, что нужна другая дума с общей, тайной, равной и т. д., третьи, что нужна республика, четвертые — не простая, а социалистическая республика. И ради этого вы возбуждаете междуусобную войну.

Вы говорите, что вы делаете это для народа, что главная цель ваша — благо народа. Но ведь стомиллионный народ, для которого вы это делаете, и не просит вас об этом и не нуждается во всем том, чего вы стараетесь достигнуть такими дурными средствами. Народ не нуждается во всех вас и всегда смотрел и смотрит на вас и не может смотреть иначе как на тех самых дармоедов, которые теми или иными путями отнимают от него его труды и отягощают его жизнь. Только представьте себе ясно этот стомиллионный русский земледельческий народ, который, строго говоря, один составляет тело русского народа, и поймите, что вы все, и профессора, и фабричные рабочие, и врачи, и техники, и газетчики, и студенты, и помещики, и курьезники, и ветеринары, и купцы, и адвокаты, и железнодорожники, те самые, которые так озабочены его благом, что вы все только вредные паразиты этого тела, вытягивающие из него его соки, загнивающие на нем и передающие ему свое гниение.

Только живо представьте себе эти миллионы вечно терпеливо работающих и держащих на своих плечах всю вашу неестественную, искусственную жизнь и прикиньте к этим людям все эти реформы, которых вы добиваетесь, и вы увидите, как чуждо этому наорду всё то, чего вы добиваетесь будто бы для его блага. У него есть другие задачи, он глубже вас видит предстоящую ему цель, он выражает сознание своего назначения не газетными статьями, а всей своей жизнью ста миллионов людей.

Но нет, вы не можете понять этого, вы твердо уверены в том, что этот грубый народ не имеет никаких своих основ и что для него будет великое благо, если вы просветите его той последней статейкой, которую вы прочли, и он делается таким же жалким, беспомощным и развращенным существом, как вы сами.

Вы говорите, что хотите справедливого устройства жизни, но ведь вы можете существовать только при неправильном, несправедливом устройстве жизни. Установись действительно справедливое устройство жизни, в котором нет места высасывающим чужие труды людям, — и вы все, помещики, купцы, врачи, профессора, адвокаты, учителя и также фабричные, фабриканты,

заводчики и техники, учителя, производители пушек, табаку, водки, зеркал, бархата и т. п. вместе с правительственными людьми — вы все умрете с голода.

Вам не только не нужно действительно справедливого устройства жизни, но для вас нет ничего опаснее такого устройства, при котором людям надо будет всем равно трудиться, полезным всем людям трудом.

Только перестаньте обманывать себя, а прямо взгляните на то место, которое вы занимаете в русском народе, и на то, что вы делаете, и вам будет ясно, что ваша борьба с правительством есть борьба двух паразитов на здоровом теле и что для народа одинаково вредны обе борющиеся стороны. И потому говорите о своих интересах, а не о народе, не лгите, говоря о нем, и оставьте его в покое. Боритесь с правительством, если вы не можете удержаться от этого, но знайте, что вы боретесь для себя, а не для народа, и что в этой насильнической борьбе не только нет ничего благородного и хорошего, но что эта борьба есть очень и глупое и вредное и, главное, безнравственное дело.

Ваша деятельность имеет целью, как вы говорите, улучшение общего положения людей. Но для того чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. Это такой же трюизм, как то, что для того, чтобы согрелся сосуд воды, надо, чтобы все капли ее согрелись. Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они всё больше и больше обращали внимания на себя, на свою внутреннюю жизнь. Внешняя же общественная деятельность, в особенности общественная борьба, всегда отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому, всегда неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности, как это происходило везде и как мы это в поразительной степени видим теперь в России. Понижение же уровня общественной нравственности делает то, что самые безнравственные части общества всё больше и больше выступают наверх, и устанавливается безнравственное общественное мнение, разрешающее и даже одобряющее преступления, грабежи, разврат и даже убийства. И устанавливается ложный круг; вызванные общественной борьбой худшие части общества с жаром отдаются соответствующей их низкому уровню нравственности общественной деятельности, деятельность же эта привлекает к себе еще худшие элементы общества. И нравственность всё больше и больше понижается, и героями времени ста-

новятся самые безнравственные люди: Дантоны, Мараты, Наполеоны, Талейраны, Бисмарки. Так что участие в общественной деятельности и борьбе есть не только не возвышенное, полезное, хорошее дело, как это принято думать и говорить теми, кто занимается этой борьбой, а, напротив, самое несомненно глупое, вредное и безнравственное дело.

Подумайте об этом, в особенности вы, молодые люди, еще не завязшие в липкой грязи политической деятельности, стряхните с себя тот ужасный гипнов, под которым вы находитесь, освободитесь от той лжи мнимого служения народу, во имя которой вы считаете себе всё дозволенным, подумайте, главное, о высших свойствах своей души, требующих от вас не равной, тайной и т. д., не вооруженных восстаний или учредительных собраний и тому подобных глупостей и жестокостей, а только одного: вашей доброй и правдивой жизни.

Для вашей же доброй и правдивой жизни вам нужно прежде всего не обманывать себя, не думать, что, отдаваясь своим мелким страстям — тщеславию, честолюбию, зависти, молодечеству, желанию найти выход своим праздным силам или желанию улучшить свое личное положение, вы служите народу, а оглянуться на себя и постараться самим исправить свои недостатки и быть лучше. Если же вы хотите думать об общественной жизни, то подумайте прежде всего о своем грехе перед народом и постарайтесь как можно меньше пользоваться его трудами и если не помогать ему, то, по крайней мере, не путать, не мутить его, не делать того ужасного преступления, которое делают многие из вас — обманывать, раздражать его, вызывать его к грабегам и восстаниям, кончающимся всегда только страданиями и еще большим порабощением этого народа.

Те сложные и трудные обстоятельства, среди которых мы живем теперь в России, требуют от вас именно теперь не статей в газеты, не речей в собраниях, не хождений по улицам с револьверами, не нечестного возмущения крестьян с освобождением себя от ответственности, а открытого, строгого отношения к себе, к своей жизни, которая одна в нашей власти и улучшение которой одно может улучшить общее состояние людей.

Народу же, под которым я разумею весь русский народ, но преимущественно рабочий земледельческий народ, тот, на

трудах которого держится жизнь всех остальных, я бы сказал следующее.

Вы, русский рабочий народ, преимущественно земледельческий, крестьяне, находитесь теперь в России в особенно трудном положении. Как ни трудно было вам жить на малой земле при больших податях и при пошлинах и при войнах, которые затевало правительство, вы жили до самого последнего времени, веря в царя, в то, что без царя и его власти нельзя жить, и покорно повиновались правительству.

10 Как ни дурно правило вами царское правительство, вы покорно повиновались ему до тех пор, пока оно было одно. Но вот теперь, когда сделалось то, что одна часть народа взбунтовалась и перестала повиноваться царскому правительству, стала воевать с ним, когда во многих местах вместо одного правительства стало два и каждое требует себе повиновения, то вам нельзя уже, как прежде, не разбирая, хорошо ли дурно ли управляет вами правительство, покорно повиноваться тому, какое есть, а приходится выбирать, какому из двух повиноваться. Что же вам делать? Не тем десяткам тысяч рабочих,
20 которые суетятся и мечутся по городам, а вам, большому, настоящему, стомиллионному земледельческому народу?

Старое царское правительство говорит вам: «не слушайте бунтовщиков: они обещают много, но обманут вас. Оставайтесь верными мне, и я удовлетворю все ваши нужды». Бунтовщики говорят: «не верьте царскому правительству: как оно всегда мучило вас, так и будет продолжать мучить. Присоединитесь к нам, помогите нам, и мы устроим вам такое же, как в самых свободных государствах, правительство. Тогда вы сами будете выбирать своих правителей, сами управлять собою и сами
30 исправите все свои нужды».

Что же вам делать?

Поддерживать старое правительство? Но ведь старое правительство давно уже обещает заняться вашими нуждами, но не только не облегчает их, но только усиливает ваши главные нужды; нужду земельную, податную, солдатскую.

Пристать к бунтовщикам? Бунтовщики обещают то, что устроят вам такое же выборное правительство, как в самых свободных государствах. Но везде, где устроены такие выборные правительства, в самых свободных государствах, как в фран-
40 цузской и американской республиках, точно так же как и у

нас, не облегчены главные нужды народные: везде, как и у нас, и еще больше, чем у нас, земля в руках богачей; и, точно так же как у нас, не спрашивая народ, обкладывают его податями и пошлинами; и, так же как у нас, не спрашивая его, содержат войска и объявляют войны и воюют, когда это нужно тем, кто властвует. И, кроме того, новое правительство не установилось, и еще неизвестно, каково оно будет.

Но мало того, что вам нет выгоды пристать к тому или другому правительству: вам и нельзя по совести, перед Богом этого сделать. Защищать старое правительство — значит делать то, что делалось в последнее время в Одессе, Севастополе, Киеве, Риге, Кавказе, Москве: ловить, убивать, вешать, жечь живыми, казнить, стрелять по улицам, убивать детей, женщин. Пристать же к революционерам — значит делать то же самое: убивать людей, взрывать, жечь, грабить, воевать с солдатами, казнить, вешать.

И потому вам, рабочему христианскому народу, теперь, когда царское правительство зовет вас воевать против братьев и к тому же зовут вас революционеры, вам уже не для своей выгоды, а перед Богом и своей совестью явно нужно и должно только одно: не приставать ни к старому, ни к новому правительству и не участвовать в нехристианских делах ни того, ни другого.

А не участвовать в делах старого правительства — значит: не служить в солдатах, в полиции, в стражниках, городских, десятских; не служить ни в каких правительственных учреждениях, властях, земствах, собраниях, думах. Не участвовать же в делах революционеров значит: не составлять собраний, союзов, стачек, не жечь и не разорять чужие дома, не присоединяться к вооруженным восстаниям.

Над вами стало теперь два враждебных друг другу правительства, и оба призывают вас к злым, нехристианским делам. Что же вам делать иного, как не отказаться от всякого правительства?

Говорят, что трудно и даже невозможно жить без правительства, но ведь вы, русские рабочие, особенно земледельческие люди, знаете, что когда живете по деревням мирной, трудолюбивой, деревенской жизнью, пользуясь на равных правах землей и решая свои общественные дела миром, правительство вам совсем не бывает нужно.

Вы нужны для правительства, но правительство не нужно вам, русским земледельческим людям. И потому в теперешних трудных обстоятельствах, когда одинаково дурно присоединяться к тому или другому правительству, вам, русским земледельческим людям, и разумно и благодетельно не повиноваться никакому правительству.

Но если это так для земледельческого народа, то что делать фабричным, заводским рабочим, которых во многих краях больше, чем земледельцев, и жизнь которых вся во власти
10 правительства?

То же самое, что и сельским рабочим: не повиноваться никакому правительству и всеми силами стараться ворочаться к земледельческой жизни.

Только перестаньте, городской рабочий народ, так же как и сельский, повиноваться правительству, служить ему — и уничтожится власть правительства, а с уничтожением этой власти сами собою уничтожатся те условия рабства, в котором вы живете, потому что поддерживаются эти условия только насильнической властью правительства. А насильническую власть составляете вы сами. Только эта власть накладывает пошлыны на
20 ввозимые и вывозимые предметы, только она собирает пошлыны с предметов внутреннего производства, только правительственная власть устанавливает законы, поддерживающие монополии частных лиц и право собственности на землю, только эта власть, распоряжаясь войском, которое вы сами поставляете ей, держит вас в постоянной зависимости и покорности от себя и своих помощников — богатых людей.

Только перестаньте, городской рабочий народ, так же как и сельский, повиноваться правительству, и вам, городским рабочим, не будет уже необходимо принимать от хозяев фабрик те
30 условия, которые они будут ставить вам, а вы сами будете ставить им свои условия, или будете сами заводить свои артельные заведения нужных для народа предметов, или будете переходить, при свободной земле, к естественной земледельческой жизни.

«Но если вы не будете повиноваться правительству, не будете давать податей и солдат, придут чужие народы и завоюют вас», говорят еще те люди, которым нужно властвовать над вами. Не верьте этому. Только живите, признавая землю общую,
40 не давая солдат и не платя податей, кроме тех, которые добро-

волью будете давать на общественные дела, и миролюбиво миром решая свои несогласия, — и чужие народы, глядя на такую вашу хорошую жизнь, не пойдут завоевывать вас, а если и пойдут, то, узнав такую вашу добрую жизнь, переймут ее и, вместо того чтобы воевать с вами, присоединятся к вам. Ведь все народы, точно так же как и вы, страдали и теперь страдают от правительств, от борьбы разных правительств между собою — борьбы и военной, и торговой, и промышленной и от борьбы сословий и разных партий. Во всех христианских народах идет внутренняя работа, главная цель которой — освобождение от 18 правительств.

«Правительство нужно, нельзя жить без правительства», говорят люди, в особенности убежденные в этом теперь, когда в народе происходят смуты. Кто же эти люди, так озабоченные целостью правительства? Это те самые люди, которые живут трудами народа и, сознавая свой грех, боятся его обличения и надеются на то, что связанное с ними единством интересов правительство силой защитит их неправду. Этим людям правительство очень нужно, но не вам, народу. Правительство всегда было для вас только тяжестью; теперь же, при своем дурном 20 управлении вызвав бунт и разделение на два правительства, оно стало явным бедствием и великим грехом, от которого вам для вашего телесного и духовного блага необходимо отказаться.

Сразу ли придется вам, русскому рабочему народу, освободиться теперь от повиновения всякому правительству или придется вам, русским рабочим людям, еще пострадать и потерпеть от людей прежнего или нового правительства, может быть, и от правительств чужих народов, вам, рабочим людям русского народа, в настоящее время делать больше нечего, как перестать повиноваться правительству и начать жить без него. 30

Если вам, как сельским, так и городским рабочим, и придется в первое время пострадать за свое неповиновение как от старого, так и от нового правительства, а также и от внутренних несогласий, которые могут возникнуть между вами, то всё-таки все те бедствия, которые могут произойти от этих причин, ничто в сравнении с теми бедствиями и страданиями, которые вы теперь несете от правительства и которые вам придется еще перенести, если вы, повинаясь тому или другому правительству, будете вовлечены в те убийства, казни, междуусобия, которые совершаются теперь и еще долго будет совершаться борющимися 40

правительствами, если только вы не прекратите их своим неучастием в них.

Только поддайтесь тому, чего от вас требует и к чему призывает и то и другое правительство, только вступите, поддерживая старое правительство, в борьбу с революционерами, участвуя в войсках, в полиции, в скопищах черной сотни или поддерживая революционеров, принимая участие в стачках, разгромах, вооруженных восстаниях или в каких бы то ни было союзах, выборах и думах, — и вы, кроме того, что возьмете и много ¹⁹ греха на душу и много пострадаете, не успеете оглянуться, как то или другое правительство, то самое, которое восторжествует, хотя бы вы и помогли его торжеству, затянет на вас опять ту мертвую петлю рабства, в которой вы жили и живете еще.

Только не поддавайтесь и не повинуйтесь ни тем, ни другим, и вы избавитесь от ваших бедствий и будете свободны.

Из теперешних трудных обстоятельств для вас, русского рабочего народа, есть только один выход: отказ от повиновения какой бы то ни было насильнической власти, смиренное и кроткое ²⁰ перенесение насилий, но не участие в них.

Выход этот прост и легок и, несомненно, ведет к благу. Но для того чтобы вы могли поступить так, вы должны признать власть Бога и закон Его.

«Претерпевый до конца спасен будет». И спасение ваше в ваших руках.

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

«Мы живем в важное время. Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в лучшем смысле этого слова, — не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства. Мы не доживем до жатвы, но сеять с верой есть великое счастье».

Чаннинг. 19

«Поклонники пользы не имеют иной нравственности, кроме нравственности выгоды, и иной религии, кроме религии материального блага. Они нашли тело человека изуродованным и истощенным нищетой и в своем необдуманном рвении скавали себе: «давайте, извлечим это тело; когда оно будет сильно, жирно, хорошо упитано, то душа вернется в него». А я говорю, что излечить это тело можно только излечив душу. В ней корень болезни, и телесные недуги являются лишь внешними проявлениями этой болезни. Современное человечество умирает от отсутствия общей веры, общей идеи, связующей землю с небом, вселенную с Богом. От отсутствия этой религии духа, от которой остались лишь пустые формы и безжизненные формулы, от полного отсутствия чувства долга, способности жертвовать собою, человек, подобно дикарю, пал, распростертый во прах, и воздвиг на пустом алтаре идол «выгоде». Деспоты и князья мира сего стали его первосвященниками. От них-то и возникла отвратительная формула 29

морали выгоды, гласящая: «каждый только для своих, каждый только для себя».

Иосиф Мадзини.

«Видя толпы народа, он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря».

Мф. IX, 36.

В России совершается революция, и весь мир с напряженным вниманием следит за ней, угадывая и стараясь предвидеть, к чему ведет и приведет русских людей эта революция.

Предугадать и предвидеть это для посторонних зрителей, наблюдающих русскую революцию извне, может быть, и интересно и важно, — для нас же, русских людей, переживающих эту революцию, совершающих ее, главный интерес не в предугадывании того, что будет, а в наиболее ясном и твердом определении того, что нам, русским, надо делать в то огромной важности для нас, грозное и опасное время, которое мы переживаем.

Всякая революция есть всегда изменение отношения народа к власти.

Такое изменение происходит теперь в России, и изменение это совершаем мы, все русские люди.

И потому, для того чтобы нам знать, как именно мы можем и должны изменить свое отношение к власти, необходимо понять сущность власти, в чем она состоит, как она возникла и какое наилучшее отношение к ней.

I.

Всегда, во всех народах, происходило одно и то же. Среди людей, занятых необходимым, свойственным всем людям делом кормления себя и своих семей либо охотой (звероловы), либо прирученными животными (кочевники), либо земледелием, всегда появлялись люди — иногда своего народа, иногда чужого, которые силою отнимали у трудящихся плоды их трудов: сначала грабили, потом поработали их и требовали с них или работу на себя или дани. Так это происходило в древности, происходит и теперь в Африке и Азии. И всегда и везде трудящиеся, занятые своим привычным, неизбежно необходимым и неотрывным делом борьбы с природой для пропитания себя и возвращения

своих детей, хотя несравненно более многочисленные и всегда более нравственные, чем завоеватели, покорялись завоевателям и исполняли их требования.

Покорялись они потому, что при свойственном всем людям вообще отвращении от борьбы с людьми, в особенности же людям, занятым серьезным трудом с природой для поддержания существования себя и семьи, люди эти предпочитали нести последствия совершаемых над ними насилий отрыванию себя от необходимого привычного и любимого ими дела.

Тут, конечно, не было никаких договоров Гуго Гроция или 19 Руссо, которыми объяснялись отношения подвластных к властвующим. Точно так же не было и не могло быть соглашения людей, как это представляет себе Спенсер в его «Principles of Sociology» о том, как наилучшим способом устроиться в общественной жизни, но всегда выходило самым естественным образом то, что когда одни люди насильовали других, то насильюемые предпочитали не только перенесение многих тяжестей, но часто великих бедствий, заботам и усилиям, нужным для противодействия насильникам, тем более что завоеватели брали на себя обязанность защищать покоренный народ от внутрен- 20 них и внешних нарушителей спокойствия. И потому всегда было то, что большинство людей, занятых необходимым для них, как и для всех животных, трудом прокармливания себя и своих семей, не только без борьбы переносило все неизбежные неудобства, тягости и даже жестокости властителей, но и подчинялось им, признавая своей обязанностью исполнение всех их требований.

Говоря об образовании первоначальных обществ, всегда забывают то, что не только самые многочисленные и самые необходимые, но и самые нравственные члены общества — это 30 всегда те, которые своим трудом поддерживают жизнь всех остальных и что таким людям всегда естественнее, вместо того чтобы отрываться от необходимого дела — поддержания жизни себя и своих семей — для борьбы с насилием, подчиняться насилию и нести все сопряженные с ним тяжести. Так это и теперь, когда мы видим бирманцев, египетских феллахов и буров, подчиняющихся англичанам, бедуинов — французам; так это тем более было в старинные времена.

В последнее время в том весьма распространенном теперь странном учении, которое называется наукой социологии, 40

утверждается, что отношения людей в обществе сложились и складываются на основании экономических условий. Но такое утверждение есть только установка, вместо очевидной и ясной причины явления, одного из его последствий. Причина тех или иных экономических условий всегда была и не может быть ни в чем иным, как только в насилии одних людей над другими; экономические же условия суть последствия насилия и потому никак не могут быть причиной отношений между людьми.

26 Всегда было то, что люди недобрые, любящие правдность и завистливые — Каины нападали на земледельцев — Авелей — и, угрожая убийством и убивая, пользовались трудами работающих людей. Люди же добрые, смиренные и трудолюбивые, вместо того чтобы бороться с насильниками (чего они отчасти не хотели, отчасти не могли сделать, не прекращая труда кормления себя и своих ближних), считали для себя наилучшим повиноваться им. На этих-то насилиях злых над добрыми, а никак не на экономических условиях, и основались, и основываются, и держатся до сих пор все существующие человеческие общества.

II.

20 С самых древних времен и у всех народов мира отношение людей властвующих и подвластных основывалось на насилии. Но отношение это, как и всё в мире, постоянно изменялось и изменяется. Изменяется оно по двум причинам: во-первых, потому, что власть, то есть люди праздные, пользующиеся властью, по мере упрочения и продолжения власти всё более и более развращаются, становятся неразумными и жестокими, и требования их становятся всё более и более вредными для подвластных, и, во-вторых, потому, что одновременно с развращением властителей всё более и более уясняется для под-
20 властных безумие и вред их повиновения развратившейся власти.

Развращаются же властвующие люди всегда, во-первых, потому, что люди эти по самому характеру своему люди безнравственные, предпочитающие праздность и насилие труду, завладев властью и пользуясь ею для удовлетворения своих похотей и страстей, всё более и более отдаются своим страстям и порокам; во-вторых, потому, что похоти и страсти, встречающиеся у обыкновенных людей препятствия для своего удовлетворения,

у властвующих не только не встречаются таких преград и не вызывают осуждения, а, наоборот, восхваляются всеми приближенными. Приближенным большею частью выгодно безумие их властителей, и, кроме того, им приятно думать, что те добродетели и мудрость, которым только и свойственно подчиняться разумным людям, находятся в тех людях, которым они подчиняются, и потому пороки властителей, восхваляемые как добродетели, разрастаются до ужаснейших размеров.

Вследствие этого и доходят коронованные и некоронованные властители народов до тех ужаснейших пределов безумия и порока, до которых доходили Нероны, Карлы, Генрихи, Людовики, Иоанны, Петры, Екатерины, Мараты.

Но не это одно. Если бы властители довольствовались одним личным развратом, пороками, они бы не были так вредны; но правдным, пресыщенным и развращенным людям, каковы бывали и бывают властители, надо жить чем-нибудь, иметь цели, достигать их. Иных же целей у этих людей не может быть, как только цели достижения всё большей и большей славы. Во всех других страстях предел пресыщения наступает очень скоро. Только страсть славолубия не имеет пределов, и потому почти все властители всегда стремились и стремятся к славе и преимущественно военной, как единственно доступной людям развращенным, не знающим настоящего труда и неспособным в нему. Для войн же, которые затевают властители, нужны деньги, войска и, главное, убийство людей. Вследствие же всего этого положение подвластных становится всё тяжелее и тяжелее. И наконец тяжесть эта доходит до такой степени, при которой подвластные уже не могут попрежнему продолжать подчиняться власти и стараются изменить свое отношение к ней.

III.

Такова одна причина изменения отношения властителей и подвластных.

Другая, еще более сильная причина этого изменения в том, что подвластные, признавая над собой право власти и привыкнув подчиняться ей, с распространением просвещения и уяснения нравственного сознания начинают видеть и чувствовать не только всё большую и большую материальную зловредность власти, но и то, что подчинение власти становится безнравственным делом.

Возможно было народам за тысячу, пятьсот лет тому назад, повинуюсь своим властителям, избивать целые населения чужих народов ради завоевания или ради династических или фанатически-религиозных целей: рубить головы, пытать, четвертовать, запира́ть в клетки, истреблять или обращать в рабство целые населения. Но в XIX и XX веках подвластные люди, просвещенные христианством или выросшими из него гуманитарными учениями, уже не могут без укора совести повиноваться власти, требующей участия в убийстве людей, защищающих свою свободу, как китайская война, бурская, филиппинская; не могут уже, как прежде, с спокойной совестью чувствовать себя участниками тех насилий и казней, которые совершаются теперь всеми правительствами в своих государствах.

Так что насильническая власть, по мере своего продолжения, с двух концов уничтожает сама себя: уничтожает себя своей всё увеличивающейся развращенностью властителей и вытекающей из нее всё большей и большей тяжестью для подвластных, и своим всё большим и большим отступлением от всё развивающихся и разъясняющихся нравственных требований подвластных. И потому при существовании насильнической власти неизбежно должен наступить момент, когда отношение народа к власти должно измениться. Момент этот может наступить раньше или позже, смотря по степени и по скорости развращения власти, по степени ее хитрости, по более или менее спокойному или беспокойному темпераменту народа и даже в зависимости от географического положения народа, содействующего или препятствующего общению людей между собою; но рано или поздно момент этот неизбежно наступает и должен наступить для всех народов.

Для западных народов, возникших на развалинах Римской империи, момент этот наступил давно. Борьба народа с властью началась еще в Риме, продолжалась и во всех наследовавших Риму государствах, продолжается и теперь. Для восточных народов: Турции, Персии, Индии, Китая момент этот не наступил еще. Для русского же народа он наступил именно теперь.

Русский народ стоит теперь перед страшным выбором: продолжать ли, несмотря на все претерпеваемые от него бедствия, повиноваться, по примеру восточных народов, своему неразумному и развращенному правительству или, как до сих пор поступали все западные народы, признавшие вред суще-

ствующего правительства, свергнуть его силою и установить новое.

Такой выбор представляется самым естественным людям нерабочих классов русского народа, находящимся в общении с высшими достаточными классами западных народов и считающим благом то военное могущество и успех промышленности, торговли и технических усовершенствований и тот внешний блеск, до которого, при своих измененных управлениях дошли западные народы.

IV.

19

Большинство русских людей нерабочих классов вполне уверено, что русский народ в момент наступившего теперь для него кризиса не может ничего сделать лучшего, как идти по пути, по которому шли и идут западные народы, то есть бороться с властью, ограничивать ее и передавать ее всё более и более в руки всего народа.

Справедливо ли такое мнение и хороша ли такая деятельность?

Достигли ли западные народы, в продолжение сотен лет шедшие по этому пути, того, к чему они стремились? Избавились ли они на этом пути от тех бедствий, от которых они хотели избавиться?

Западные народы, как и все народы, начали с того, что покорились тем властителям, которые требовали от них подчинения, предпочитая подчинение борьбе с властью. Но власть эта, в лице Карлов Великих, Пярых, Филиппов, Людовиков Генрихов VIII, всё более и более развращаясь, дошла до такой степени, при которой западные народы не могли долее переносить ее. Западные народы возмущались в различное время против своих властителей и боролись с ними. Борьба эта проявлялась различно в различные времена и в различных местах, но выражалась она всегда одним и тем же: междоусобными войнами, грабежами, убийствами, казнями и кончалась тем, что свержалась прежняя власть и устанавливалась новая. Но когда и новая власть становилась так же тяжела для народа, как и сверженная, свержалась и эта и устанавливалась еще новая, которая, по тем же неизменным свойствам власти, становилась так же вредна, как и прежняя. Так, например, во Франции в продолжение семидесяти лет было одиннадцать перемен власти: Бурбоны,

Конвент, Директория, Бонапарт, Империя, опять Бурбоны, Республика, Людовик-Филипп, опять Республика, опять Бонапарт, опять Республика. Замена старых властей новыми совершалась и среди других народов, хотя и не с такой быстротой и резкостью, как во Франции. Замены эти большею частью не улучшали положения народов, и потому люди, совершавшие эти замены, не могли не прийти к мысли о том, что бедствия, испытываемые ими, происходят не столько от свойства лиц, пользующихся властью, сколько оттого, что существует власть 10 немногих над многими. И потому люди старались обезвредить власть ограничением ее. И ограничение это в виде выборных сословных палат было введено в различных государствах.

Но люди, ограничивающие произвол власти и составляющие собрания, делаясь обладателями власти, естественно подпадали тому же свойственному власти развращающему влиянию, которому подпадали самодержавные властители. Люди эти, становясь участниками власти, хотя и не единолично, но совокупно или порознь, производили такое же зло и становились 20 так же тяжелы для народа, как и самодержавные властители. Тогда, для того чтобы еще более ограничить произвол власти, среди некоторых народов была уничтожена совершенно монархическая власть и установлено правительство, составленное из людей, избранных от всего народа. Так учредились теперь республики: Франции, Америки, Швейцарии, введены референдум и инициатива, то есть возможность для каждого члена общества вмешиваться и участвовать в законодательстве.

Но все эти меры сделали только то, что граждане этих государств, всё более и более участвуя во власти и отвлекаясь от 30 серьезных занятий, всё более и более развращались. Бедствия же, от которых страдают народы, остались совершенно те же как при конституционных монархических, так и при республиканских правительствах, с референдумами и без них.

Оно и не могло быть иначе, так как мысль ограничить власть участием во власти всех людей, подлежащих власти, в самом корне своем ошибочна и представляет внутреннее противоречие.

Если один человек с помощью своих острудников управляет всеми, то это несправедливо, и все вероятия за то, что управление этого одного будет вредно для народа. То же самое будет и 40 при власти меньшинства над большинством.

Власть же большинства над меньшинством также не обеспечивает справедливого управления, так как нет никаких оснований полагать, что большинство людей, участвующих в управлении, разумнее того меньшинства, которое уклоняется от участия в управлении.

Распространение же участия в управлении *на всех*, как это может сделать еще более распространенное право референдума и инициативы, сделает только то, что все будут бороться со всеми.

Власть одного человека над другим, основанная на насилии, в источнике своем есть зло, и потому никакое устройство, ¹⁹ удерживающее право насилия человека над человеком, не может сделать того, чтобы зло перестало быть злом.

И потому во всех народах, как бы они ни управлялись, самыми деспотическими или самыми демократическими правительствами, одинаково остаются все главные и основные бедствия народов: те же всё возрастающие огромные бюджеты, те же враждебные отношения с соседями, требующие военных приготовлений и войск, те же подати, те же монополии правительственные и частные, и то же лишение народа права пользования землей, отданной в собственность частным землевладельцам; ²⁰ те же порабощенные народности, та же постоянная угроза войн и те же войны, истребляющие жизни людей и подрывающие их нравственность.

V.

Правда, что представительственные правительства Западной Европы и Америки, как конституционно-монархические, так и республиканские, уничтожили некоторые внешние злоупотребления представителей власти, сделали невозможным, как это было при наследственном монархическом правлении, чтобы обладатели власти были такие изверги, каковы были разные ³⁰ Людовики, Карлы, Генрихи, Иоанны. (Хотя и при представительном правлении не только возможен захват власти людьми ничтожными, хитрыми, безнравственными и ловкими, каковы были первые министры и президенты, но устройство правительства таково, что достигнуть власти могут только такие люди.) Правда, представительство уничтожило такие злоупотребления, как *lettres de cachet*, ¹ уничтожило стеснение печати, религиозные

¹ [королевские приказы об изгнании или заточении без суда и следствия]

гонения и насилия, подвергло обсуждению представителей обложения народа податями, сделало гласными и подлежащими обсуждению действия правительства, сделало и то, что во всех этих государствах с особенной быстротой развились разные технические усовершенствования, дающие большие удобства жизни богатым гражданам и большую военную силу государствам. Так что народы с представительным правлением несомненно стали в промышленности, торговле и военном деле могущественнее народов, управляемых деспотической властью, и
10 жизнь нерабочих классов этих народов стала несомненно обеспеченнее, удобнее, приятнее, красивее, чем была прежде. Но стала ли лучше жизнь большинства людей этих народов, обеспеченнее, свободнее и, главное, разумнее и нравственнее?

Я думаю, что нет.

При деспотической единоличной власти число людей, подвергающихся развращению власти и живущих чужими трудами, бывает ограничено и состоит из близких друзей и помощников, прислужников, льстецов, властителей и их помощников. Двор
20 властителей составляет единственный фокус заражения развратной жизнью, от которого оно лучами распространяется во все стороны.

При ограничении же власти, то есть при участии многих во власти, число этих фокусов увеличивается, так как каждый участник власти имеет своих друзей, помощников, прислужников, льстецов и свое потомство.

При всеобщем же избирательном праве число этих центров заразы еще более распространяется. Каждый избиратель становится предметом лести и подкупа. Изменяется и самый характер власти: вместо власти, основанной на прямом насилии, является власть денежная, основанная на том же насилии, но
30 не непосредственно, а через сложную передачу.

Так что при представительном правлении вместо одного или немногих центров разврата является большое количество таких центров, то есть появляется большое количество людей, праздно живущих трудами рабочего народа, появляется тот класс людей, который называется буржуазией, то есть людей, которые под покровительством насилия устраивают себе жизнь, свободную
от тяжелого труда, легкую и приятную.

Но так как для устройства такой легкой и приятной жизни
40 не для одного монарха с его двором, а для тысяч маленьких

парков. нужно много предметов. украшающих и веселящих праздную жизнь, то всегда с переходом власти из деспотического в представительное появляются изобретения, облегчающие доставку предметов удовольствия и ограждения жизни богатых классов.

Для производства же всех этих предметов всё более и более стравываются рабочие от земледелия, и силы их направляются на приготовление для богатых классов и отчасти для самих рабочих ничтожных приятностей. И является сословие городских рабочих, всегда по своему положению находящихся в полной зависимости от людей достаточных классов. Число этих людей по мере продолжения существования власти государств с представительным правлением всё увеличивается, и положение их всё ухудшается. В Соединенных Штатах на 70 миллионов жителей 10 миллионов пролетариев, то же по отношению пролетариев к достаточным классам в Англии, Бельгии, Франции. Так что количество людей, освобождающих себя от труда выработывания предметов первых потребностей для труда приготовления предметов роскоши, в этих государствах всё увеличивается и увеличивается. И потому ясно, что последствием такого хода жизни должно быть всё большее и большее отягощение того уменьшающегося количества людей, которые должны поддерживать роскошь жизни всё увеличивающегося количества людей праздных и роскошествующих. Очевидно, такая жизнь народов не может продолжаться.

Совершается нечто подобное тому, что было бы с человеком, тяжесть туловища которого всё увеличивалась бы и увеличивалась, ноги же, поддерживающие туловище, становились бы всё тоньше и слабее. Туловище должно завалиться, когда нечему будет держать его.

VI.

Западные народы, как и все народы, подчинились власти завоевателей только для того, чтобы избавиться от тревог и греха борьбы. Когда же власть стала тяжела, они, *не переставая подчиняться власти*, признавая ее необходимость, стали бороться с нею. Сначала малая часть людей участвовала в борьбе; потом, когда борьба малой части оказалась неуспешной, всё большая и большая часть людей вступала в борьбу, и кончилось

тем, что вместо освобождения себя от тревог и греха борьбы большая часть людей этих народов приняла участие во власти, в том самом, от чего люди хотели избавиться, допустив власть над собою. И последствием этого было, как и должно было быть, всё большее и большее развращение, свойственное власти, но уже не небольшого количества людей, как это было при единоличной власти, а всех членов общества. (Теперь заботятся о том, чтобы подвергнуть этому развращению и женщин.)

10 При представительном правлении и всеобщих выборах сделалось то, что каждый обладатель частицы власти подвергся всем тем зловредным влияниям власти, которые сопутствуют ей: подкупу, лести, тщеславию, самомнению, праздности и, главное, безнравственному участию в делах насилия. Всякий член парламента подвергается всем этим соблазнам еще в большей степени. Всякий депутат всегда начинает свое вступление во власть подкупом, спаиванием, одурением, обещаниями, которых он знает, что не сдержит, и, заседаая в палате, участвует в составлении законов, приводимых в исполнение насильем. То же
20 со всякими сенаторами, президентами. Существует определенная цена местам в парламенте, существуют дельцы, устраивающие эти сделки кандидата с избирателями. Тот же разврат при выборе президента. Выбор президента в Соединенных Штатах стоит миллионы тем аферистам, которые знают, что выбранный президент будет поддерживать выгодную им систему обложения тех или иных предметов или те или иные монополии, и они сторичей возвратят то, что будет им стоить избрание.

И развращение это со всеми сопутствующими ему явлениями: с желанием избавиться от тяжелого труда и пользоваться выра-
30 ботанными другими удобствами и приятностями жизни, с недостаточными занятому трудом человеку интересами и заботой об общегосударственных делах, с распространением лживых и озлобляющих людей газет и, главное, с враждой народов с народами, сословий с сословиями, людей с людьми, — развращение это росло и дошло в наше время до такой степени, что борьба всех людей друг против друга стала столь обычным явлением, что наука, та наука, которая занята оправданием всех гадостей, делаемых людьми, решила, что борьба и вражда всех против всех есть необходимое и благодетельное условие чело-
40 веческой жизни.

Тот мир, который древним народам, приветствовавшим друг друга словами: «мир вам», представлялся всегда как высшее благо, теперь совершенно исчез среди западных народов, и не только исчез, но люди стараются с помощью науки уверить себя, что не в мире, а в борьбе всех против всех высшее назначение человека.

И в действительности, среди западных народов ведется непереставая промышленная, торговая, военная борьба: борьба государства с государством, сословия с сословием, рабочих с капиталистами, партии с партиями, человека с человеком. ¹⁹

Но этого мало. Главным последствием этого участия во власти всех людей оказалось еще и то, что люди, всё более и более отвлекаясь от прямого труда земледелия и всё более и более вовлекаясь в самые разнообразные приемы пользования чужими трудами, лишились и своей независимости и уже самым положением своим приведены к необходимости безнравственной жизни. Не имея охоты и привычки кормиться трудами с своей земли, западные народы неизбежно должны были приобретать средства для своего существования от других народов. Приобретать же они могли эти средства только двумя путями: обманом, ²⁰ то есть обменом большей частью ненужных и развращающих предметов, как алкоголь, опиум, оружие, на необходимые им предметы питания и насилем то есть грабежом народов Азии, Африки, везде, где они чувствуют возможность безнаказанно грабить.

Таково положение Германии, Австрии, Италии, Франции, Соединенных Штатов и в особенности служащей предметом подражания и зависти других народов Великобритании. Почти все люди этих народов, сделавшись сознательными участниками насилия, отдают свои силы и внимание на деятельность правительственную, промышленную и торговую, имеющую главной целью удовлетворение потребностей роскоши богатых, и становятся людьми — отчасти прямой властью, отчасти деньгами — властвующими над земледельческими народами, которые доставляют им предметы первой необходимости как в своем государстве, так и вне его. ³⁰

Таково в некоторых государствах большинство, в некоторых еще меньшинство; но процент этих живущих чужими трудами людей неудержимо и с большой быстротой увеличивается в ущерб тех, которые еще трудятся разумным земледельческим ⁴⁹

трудом. Так что уже теперь большинство народов западной Европы находятся в том положении (Соединенные Штаты не находятся еще в этом положении, но неудержимо идут к нему), что они не могут кормиться своим трудом на своей земле. Им надо, так или иначе, насильем или обманом, отбирать нужные для существования предметы у других, живущих еще независимо своими трудами народов. Они и делают это либо развращением чужих народов, либо грубым насильем.

При этом происходит (как это и не может быть иначе) то, что
16 промышленность, ставя своей главной целью удовлетворение требований богатых и самого богатого из богатых лица — правительства, главные силы свои направляют не на улучшение труда земледельцев, а на возможность кое-как обрабатывать машинами большие пространства земли, отнятые у народа, на приготовление женских нарядов, роскошных дворцов, конфет, игрушек, автомобилей, табаку, вина, гастрономических предметов, лекарств, огромного количества печатной бумаги, пушек, ружей, пороха, ненужных железных дорог и т. п.

А так как никогда не может быть конца прихотям людским,
26 когда они удовлетворяются не своими, а чужими трудами, то промышленность всё более и более занимается самыми ненужными, глупыми, развращающими людей производствами и всё больше и больше отвлекает людей от разумного труда; и конца этим выдумкам и приготовлениям потех для праздных людей не предвидится никакого, тем более, что чем глупее и развратнее изобретения, как заменяющие ноги и животных автомобили, подъемные на горы железные дороги или блиндированные автомобили с пулеметами, тем более довольны и гордятся ими как изобретатели, так и пользующиеся ими.

По мере продолжительности существования представительства и распространения его западные народы всё более и более оставляли земледелие и отдавали свои умственные и телесные силы на деятельность промышленную и торговую для удовлетворения роскоши богатых классов, для борьбы народа с народом и для развращения неразвращенных людей. Так, в Англии, живущей долее других наций под представительным правлением, теперь уже менее одной седьмой только населения занято

земледелием, в Германии 0,45, во Франции половина; так и в других государствах. Так что в настоящее время положение этих государств таково, что, если бы они могли избавиться от бедствий пролетариата, они не могли бы существовать независимо от других стран. Все народы эти не могут сами кормиться своими трудами и всегда, как пролетарии от достаточных классов, находятся в полной зависимости от тех народов, которые кормят себя и могут продавать им свои избытки, как Индия, Россия, Австралия.

Англия на своей земле в настоящее время прокармливает 10 менее одной пятой своего населения, Германия — менее половины, так же и Франция, так же и другие народы; и положение этих народов с каждым годом становится всё более и более зависимым от средств пропитания, доставляемых им другими народами.

Для того же, чтобы существовать этим народам, им необходимы те обманы и насилия, которые называются на их языке приобретением рынков и колониальной политикой, что они и делают, естественно стремясь всё дальше и дальше закидывать свои поработительные сети на людей, живущих еще разумной 20 трудовой жизнью во всех частях света. Все они, соперничая друг с другом, всё сильнее и сильнее вооружаются и всё хитрее и хитрее под разными предлогами занимают у людей, живущих разумной жизнью, их земли и заставляют их кормить себя.

До сих пор они еще могут делать это. Но предел захвата рынков, обмана покупателей, продажи ненужных и вредных предметов и порабощения далеких народов уже виден. Люди далеких народов начинают уже сами развращаться, научаются делать сами для себя все те предметы, которые им доставляли западные народы, главное же, научаются нехитрой науке так же 30 вооружаться и быть столь же жестокими, как их учителя.

Так что уже виден конец такого безнравственного существования. И люди западных народов видят этот конец и, чувствуя себя не в силах остановиться, спасаются, как это всегда делают люди, губящие свою жизнь и видящие это, — спасаются самообманом и слепой верой. И такая слепая вера всё более и более распространяется среди большинства западных народов. Вера эта состоит в том, что те изобретения, усовершенствования для увеличения удобств жизни богатых людей и все те изобретения средств борьбы с людьми, то есть убийства людей, которые в 40

продолжение нескольких поколений были вынуждены изготавливать порабощенные рабочие, составляют нечто очень важное, почти священное, называемое на языке людей, поддерживающих такую жизнь, культурой или еще важнее *цивилизацией*.

И как у всякой веры была своя наука, так у веры в цивилизацию есть своя наука социология, цель которой одна: оправдание того ложного и безвыходного положения, в котором находятся теперь люди западного мира. Наука эта доказывает, что все те изобретения: броненосцы, телеграфы, нитроглицериновые бомбы, фотографии, электрические дороги и т. п. всякого рода одуряющие народ глупые и гадкие выдумки, предназначенные на увеличение удобств праздных людей и для защиты их силой, представляют из себя не только нечто хорошее, но и священное, предопределенное высшими неизменными законами, и что поэтому самый разврат, который они называют цивилизацией, есть необходимое условие жизни людской и неизбежно должен быть усвоен всем человечеством.

И вера эта так же слепа, как и всякая вера, и так же непоколебима и самоуверенна.

Можно спорить и обсуждать всякие положения, но цивилизация, именно те изобретения и те формы жизни, в которых мы живем, и все те глупости и гадости, которые мы производим, есть несомненное благо, неподлежащее обсуждению. Всё, что нарушает веру в цивилизацию, — ложь; всё, что поддерживает эту веру, — священная истина.

Вот эта-то вера и эта наука этой веры и делают то, что западные люди, идя по своему гибельному пути, не желают видеть и признавать того, что этот путь ведет к неизбежному уничтожению тех, которые идут по нем. Самые же так называемые передовые из них веселят себя при этом мыслью, что они, не сворачивая с этого пути, придут не к гибели, а к величайшему благу. Они уверяют себя, что посредством того же насилия, которое привело их к их гибельному положению, сделается еще и то, что среди людей, стремящихся к наибольшему материальному, животному благу, как-то сами собой, под влиянием учения социализма, вдруг явятся люди, которые, обладая властью, но не развращаясь ею, установят такую жизнь, при которой люди, привыкшие к жадной эгоистической борьбе за свои выгоды, вдруг сделаются самоотверженными и все будут вместе на общую пользу работать и всем равно пользоваться.

Но и это верование, не имея никаких разумных оснований, в последнее время теряет всё больше и больше доверия среди мыслящих людей и держится только в массах рабочего народа, которому оно отводит глаза от бедствий настоящего, давая хоть какую-нибудь надежду на блаженное будущее.

Такова общая большинству западных народов вера, влекущая их к гибели. И влечение это так сильно, что голоса живших среди них мудрых людей, как Руссо, Ламенэ, Карлейль, Рёскин, Чаннинг, Гаррисон, Эмерсон, Герцен, Карпентер, не оставляют никакого следа в сознании людей, бегущих к гибели и не желающих видеть и признавать этого. 10

И вот на этот путь гибели приглашают теперь русский народ европейские политики, радуясь тому, что еще новый народ присоединится к их безвыходному положению. И на тот же путь толкают его легкомысленные русские люди, находящие гораздо более удобным и простым, вместо того чтобы думать своим умом, рабски следовать тому, что в свое время, за сотни лет тому назад, еще не зная того, куда это приведет их, делали западные народы.

VIII.

20

Подчинение насилью привело как восточные, продолжающие повиноваться своим развращенным властителям народы, так и западные народы, распространившие власть и сопутствующее ей развращение среди народных масс, не только к великим бедствиям, но и к неизбежному столкновению западных народов с восточными — столкновению, угрожающему тем и другим народам еще большими бедствиями.

Западные народы, кроме своих внутренних бедствий и развращения большей части своего населения вследствие его участия во власти, приведены к необходимости обманом и насильем отнимать для своего пропитания труды восточных народов, чего они и достигают посредством выработанных ими известных приемов, называемых цивилизацией, дающих им для этого возможность, до тех пор пока восточные народы не научились тому же. Восточные народы, большинство их, до сих пор продолжают повиноваться своим правительствам и, отставая в выработке средств борьбы с западными народами, приведены к необходимости покоряться им. 30

Но некоторые из них уже теперь начинают выучиваться тому разврату цивилизации, которому обучают их европейцы, и, как это показали японцы, легко усваивают всю немудрую хитрость безнравственных и жестоких приемов цивилизации и готовятся теми же средствами, которые употреблялись против них, дать отпор своим угнетателям.

И вот русский народ, стоящий между теми и другими народами, усвоивший себе отчасти приемы запада, но продолжавший до настоящего времени повиноваться своему правительству, 10 самой судьбой поставлен в такое положение, при котором он должен остановиться и задуматься, с одной стороны видя те бедствия, к которым вместе с восточными народами привело его повиновение деспотической власти, а с другой — видя то, что ограничение власти среди западных народов и распространение ее во всем народе не облегчило бедствий народа, а только привело людей этих народов и к развращению и к тому положению, в котором они должны жить обманом и грабежом других народов, русский народ, естественно, должен как-нибудь иначе 1) изменить свое отношение к власти, а не так, как изменяли его 20 западные народы.

Русский народ стоит теперь в положении сказочного богатыря на разделении двух дорог, одинаково ведущих к гибели.

Продолжать повиноваться своему правительству русскому народу уже невозможно: невозможно потому, что, раз освободившись от того престижа, который до сих пор окружал русское правительство, раз поняв, что большинство испытываемых народом бедствий происходит от правительства, русский народ уже не может перестать понимать причину испытываемых им бедствий и не желать освободиться от нее.

30 Не может, кроме того, продолжать повиноваться правительству русский народ еще и потому, что в действительности теперь правительства, такого правительства, которое дает досуг и покойствие народу, уже не существует; есть только две озлобленные борющиеся партии, но того правительства, которому спокойно бы можно было повиноваться, уже нет теперь.

Продолжать теперь русскому народу повиноваться своему правительству — значит продолжать нести не только всё увеличивающиеся и увеличивающиеся бедствия, которые он терпит и терпит: обезземеление, голод, тяжелые подати, бесполезные, 40 жестокие и губительные войны, но и, главное, принимать еще

участие в тех злодеяниях, которые для своей защиты и, очевидно тщегно, совершает теперь это правительство.

Еще менее разумно русскому человеку вступить на путь западных народов, когда погибельность этого пути уже явно обозначилась. Явно неразумно было бы русскому народу поступить так, потому что западные народы могли избрать тот путь, который привел их к сознанию ложности его тогда, когда они не знали еще, к чему он приведет их; русский же народ не может не знать и не видеть этого.

Кроме того, вступая на этот путь, большинство людей запада 19 были преимущественно люди, добывающие свои средства существования промышленностью, обменом, торговлей и рабовладельчеством прямым (неграми) или косвенным, как это происходит и теперь в европейских колониях; русский же народ — народ преимущественно земледельческий. Вступить русскому народу теперь на тот путь, по которому шли западные народы, — значит сознательно совершать те же насилия, какие требует от него его правительство, только не за правительство, а против него, то есть грабить, жечь, взрывать, убивать людей, вести междоусобную войну и, совершая все эти злодеяния, знать, что 20 совершаешь их теперь не по чужой, а по своей воле, и в конце концов достигнуть только того, чтобы, так же как и все западные народы, после вековой борьбы испытывать все те же главные бедствия, от которых он страдает теперь: лишение земли, тяжелые, всё растущие подати, государственные долги, увеличивающиеся вооружения и жестокие бессмысленные войны. И, мало того, лишиться при этом, как и западные народы, своего главного блага — своей привычной, любимой земледельческой жизни, стать в безвыходное положение зависимости от чужих трудов. Да еще стать в это положение при самых невыгодных 30 условиях, то есть бороться с западными народами промышленной и торговой борьбой с полной уверенностью быть побежденными. Погибель на том, погибель и на этом пути.

IX.

Что же делать русскому народу?

Ответ, казалось бы, самый естественный и простой, вытекающий из сущности самого дела; не делать ни того, ни другого, то есть не повиноваться ни своему правительству, которое

довело его до настоящего бедственного состояния, ни устраивать себе по образцу западных народов такое же представительное, насильническое правительство, которое привело эти народы к еще худшему положению.

Ответ этот, самый простой и естественный, особенно свойствен русскому народу вообще и в особенности в его теперешнем положении.

Ведь в самом деле, можно только удивляться, для чего крестьянин-земледелец Тульской, Саратовской, Вологодской, Харьковской губернии, не получая никакой выгоды от своего подчинения правительству и только терпя от этого подчинения всякие бедствия в виде поборов, судов, отнимания земли, солдатчины, до сих пор не только покорялся правительству, но сам, делая противные своей совести дела, содействовал своему порабощению: давал подати, не зная и не спрашивая, на что они употребляются, давал своих сыновей в солдаты, еще менее зная, для чего нужны мучения и смерть этих, с таким трудом вскормленных и так необходимо нужных ему, работников.

Так же или еще более удивительно было бы то, чтобы такой живущий своей мирной независимой жизнью и совершенно не нуждающийся в правительстве земледелец, крестьянин, для того чтобы избавиться от тягостей, претерпеваемых им от насильнической ненужной ему власти, вместо того чтобы просто перестать повиноваться ей, стал посредством того самого насилия, от которого он страдает, заменять прежнюю насильническую власть новою, такую же насильническую, как это делал в свое время французский или английский крестьянин.

Ведь стоит только русским земледельческим людям перестать повиноваться какому бы то ни было насильническому правительству и перестать участвовать в нем, и тотчас уничтожились бы сами собой и подати, и солдатство, и все притеснения чиновников, и земельная собственность, и происходящие от нее бедствия рабочего народа. Уничтожились бы все эти бедствия, потому что некому бы было производить их.

Русский народ находится, для того чтобы поступить так, в исключительно выгодных для этого как исторических, так и экономических и религиозных условиях.

Первое условие то, что русский народ пришел к необходимости изменения своего отношения к власти тогда, когда ошибочность пути, по которому шли западные народы, с которыми он уже

давно находится в самых тесных сношениях, выяснилась вполне.

Власть на западе совершила полный круг; люди западных народов, как и все народы, сначала допустили над собой насильническую власть, для того чтобы избавиться от борьбы, забот и греха власти. Когда же власть эта развратилась и стала тяжела, они захотели облегчить ее тяжесть ограничением ее, то есть участием в ней. Участие это, всё более и более распространяясь, сделало то, что всё большее и большее количество людей стало участвовать во власти. И кончилось тем, что люди, допустившие 16
власть для того, чтобы быть свободными от борьбы и участия во власти, были в большинстве своем приведены к необходимости участия в борьбе и власти и к необходимому последствию, сопутствующему власти, — к развращению.

Выяснилось вполне, что мнимое ограничение власти есть только перемена властителей и увеличение их числа и вследствие этого увеличение развращения, раздражения и озлобления людей. (Власть как была, так и осталась властью немногих худших над большинством лучших людей.) Выяснилось еще 20
и то, что увеличение числа участников власти отвлекло людей от свойственного всем людям труда земледелия и привело их к производству и перепроизводству фабричным трудом предметов ненужных и вредных и принудило большинство западных народов основать свою жизнь на обмане и порабощении других народов.

То, что всё это вполне выяснилось в наше время на жизни западных народов, в этом первое выгодное условие, в котором находится русский народ, только теперь переживающий момент необходимости изменения своего отношения к власти.

Русскому народу идти теперь на тот путь, по которому шли 23
западные народы, всё равно, что путешественнику идти на тот ложный путь, на который сбились его предшественники и с которого уже возвращаются ему навстречу наиболее проныцательные из сбившихся на ложный путь людей.

Второе условие то, что, в то время как все западные народы более или менее оставили уже или оставляют земледелие и живут преимущественно промышленной и торговой жизнью, русский народ приведен к необходимости изменения своего отношения к власти тогда, когда он живет еще в огромном большинстве своем земледельческой жизнью, любит ее, дорожит ею, так что 46

большинство русских людей, оторвавшись от земледельческой жизни, всегда готовы вернуться к ней при первой возможности.

Условие это особенно важно для русских людей при освобождении себя от зла власти, так как при земледельческой жизни люди менее всего нуждаются в правительстве или, скорее, земледельческая жизнь менее всякой другой дает правительству поводы вмешательства в жизнь народа. Я знаю земледельческие общины, которые уходили на дальний восток, селились в таких местах, где не было ясной, определенной границы Китая и России, и, не имея дела ни с каким правительством, жили и благоденствовали, пока не бывали открыты русскими чиновниками.

Люди городские обыкновенно смотрят на земледельческую жизнь как на одно из низших занятий, которым человек может отдавать свои силы. А между тем огромное большинство людей всего мира занято земледелием, и на этом занятии держится возможность существования всех остальных людей. Так что в действительности род человеческий состоит только из земледельцев. Все же остальные люди: министры, слесаря, профессора, плотники, художники, портные, ученые, лекаря, генералы, солдаты — суть только или слуги или паразиты земледельцев. И потому земледелие, кроме того что составляет самое нравственное, здоровое, радостное и нужное занятие, есть и высшее из всех занятий людских и одно дает людям истинную независимость.

Русский народ в своем огромном большинстве живет еще этой самой естественной, самой нравственной и независимой земледельческой жизнью, и это-то и составляет второе, великой важности условие, по которому русскому народу, придя к необходимости изменения своего отношения к власти, возможно и естественно изменить его только в смысле освобождения себя от зла всякой власти посредством простого прекращения повиновения какому бы то ни было правительству.

Таковы два первые условия.

Оба эти условия внешние.

Третье же условие — внутреннее — состоит в той религиозности, которая по данным и русской истории, и по наблюдению иностранцев, изучавших русский народ, и, главное, по собственному внутреннему сознанию всякого русского человека соста-

вляло и составляет исключительную черту характера русского народа.

В западной Европе, вследствие ли того, что Евангелие, печатавшееся на латинском языке, было недоступно народу до реформации и осталось недоступно во всем католическом мире, или вследствие утонченности средств, употребленных папизмом для скрытия от народа истинного христианства, вследствие ли особенного практического характера этих народов, несомненно то, что сущность христианства давно уже не только в католичестве, но и в лютеранстве и тем более в англиканстве перестала 10 быть верой, руководящей в жизни, заменилась или внешними обрядами или в высших сословиях индифферентизмом и полным отрицанием всякой религии. Между тем в русском народе, во всем огромном большинстве его, вследствие ли того, что Евангелие стало доступно ему еще в X столетии, вследствие ли грубости и тупости византийско-русской церкви, неумело и потому неуспешно старавшейся скрыть христианское учение в его истинном смысле, вследствие ли особенных черт характера русского народа и его земледельческой жизни, христианское учение в его приложении к жизни не переставало и до сих пор 20 продолжает быть главным руководителем жизни русского народа в его огромном большинстве.

С самых древних времен и до нашего времени христианское понимание жизни проявлялось и до сих пор проявляется в русском народе самыми разнообразными и только русскому народу свойственными чертами. Проявляется оно и в признании братства и равенства всех людей каких бы то ни было пород и народов, и в полной веротерпимости, и в неосуждении преступников, а в признании их несчастными; и в вошедшем в обычай в известные дни испрашивания друг у друга прощения, даже в обычном выражении: «прощайте» и «простите», и при всяком расставании с человеком; в распространенном среди народа не только милосердии к нищенству, но уважения к нему; в той, часто грубо проявляющейся, готовности полной жертвы всем во имя того, что считается религиозной истиной, как это выражалось и выражается до сих пор и в самосожигателях, и в скопчестве, и даже в недавних случаях зарывания себя живыми в землю. 30

Такое же христианское отношение проявлялось всегда в русском народе и к власти. Народ всегда предпочитал покорность власти участию в ней, всегда считал и считает грехом, а никак не 40

желательным положение властвующих. В этом христианском отношении русского народа к жизни вообще и в особенности к власти и заключается то третье и самое важное условие, по которому русскому народу в его теперешнем положении проще и естественнее всего сделать то, чтобы, продолжая жить своей обычной земледельческой, христианской жизнью, не принимать никакого участия ни в старой власти, ни в борьбе между старой и новой.

Таковы те три особенные от западных народов условия, в которых находится русский народ в теперешнее важное для него время. Условия эти, казалось, должны бы были побудить его к избранию самого простого выхода из своего положения, состоящего в непризнании и неповиновении ни той, ни другой, никакой насильнической власти. А между тем русский народ в теперешнее трудное и важное для него время не только не избирает этого естественного для него выхода, а, колеблясь между тем и другим, правительственными и революционными насилиями, начинает даже в лице своих худших представителей принимать участие в насилиях и как будто готовится идти по тому гибельному пути, по которому шли западные народы.

Отчего это?

Х.

Отчего происходит и произошло такое удивительное явление, что люди, страдая от злоупотреблений власти, которую они сами допускают и поддерживают, не делают того, что самым простым и легким способом избавляет их от всех бедствий власти, — не перестают просто повиноваться ей? И не только не делают этого, но продолжают делать то самое, что лишает их телесного и духовного блага, или продолжая повиноваться существующей власти или устанавливая такую же новую насильническую власть и повинаясь ей?

Отчего это? Люди чувствуют, что бедственность их положения происходит от насилия, смутно сознают, что, для того чтобы им освободиться от своих бед, им нужна свобода, но удивительное дело — для того чтобы избавиться от насилия и приобрести свободу, ищут и употребляют и придумывают самые разнообразные средства: бунты, перемену властителей, переустройство правлений, всякого рода конституции, установление новых

отношений между государствами, колониальную политику, организацию пролетариата, тресты, социалистическое устройство — всё, но только не то одно, что проще и легче всего и наверное избавляет их от всех бедствий: прекращение повиновения власти.

Казалось, должно бы быть совершенно ясно людям, не лишенным рассудка, что насилие производит насилие, что единственное средство избавления от насилия только в неучастии в нем. Средство это, казалось бы, совершенно очевидно. Совершенно очевидно, что люди, большее количество людей, могут быть 10 порабощены малым количеством людей только потому, что порабощенные люди сами участвуют в своем порабощении.

Если народы порабощены, то они порабощены только потому, что они или боролись насилием с насилием или принимали участие в насилии ради своих личных выгод.

Люди, не борющиеся с насилием и не принимающие участия в нем, так же не могут быть порабощены, как не может быть разрезана вода.

Они могут быть ограблены, лишены возможности двигаться, изранены, убиты, но они не могут быть порабощены, то есть 20 принуждены поступать противно своей разумной воле.

Так это с отдельными людьми и то же с народами. Если бы двести миллионов индусов не повиновались бы власти, требующей от них участия в насилиях, всегда связанных с убийством: не шли бы в солдаты, не давали бы податей на дела насилия, не льстились бы на предоставленные им насильниками отобранные от них же выгоды, не повиновались бы вводимым среди них английским законам, то не только пятьдесят тысяч англичан, но и все англичане вместе не могли бы поработить Индию, если бы индусов было не 200 миллионов, а одна тысяча. Точно 30 так же и с поляками, чехами, ирландцами, бедунами и всеми покоренными народами. То же и с рабочими, порабощенными капиталистами. Никакие капиталисты в мире не могли бы поработить рабочих, если бы сами рабочие не помогали им, не содействовали своему порабощению.

Всё это так очевидно ясно, что совестно говорить про это. А между тем разумно рассуждающие во всех других условиях жизни люди не только не видят этого и не делают того, что указывает им разум, а делают всё совершенно противное и разуму и своей выгоде.

«Не могу я начать делать первый то, что никто не делает, — говорит каждый. — Пускай начнут другие, и тогда и я перестану повиноваться власти». И то же говорит и другой, и третий, и все.

Все под предлогом, что никто не может начинать первый, не делают того, что для всех несомненно выгодно, а продолжают делать то, что всем невыгодно и вместе с тем неразумно и противно природе людей.

Никто не хочет перестать повиноваться власти для того, чтобы не подвергнуть себя преследованию власти, зная, что, повинаясь власти, он будет подвергаться на войнах и междоусобиях всякого рода гораздо худшим бедствиям.

Отчего это?

А оттого, что люди, подчиняющиеся власти, не рассуждают, а действуют под влиянием того, что всегда было одним из самых распространенных двигателей поступков людей, того, что особенно подробно исследовано и выяснено в последнее время и называется внушением или гипнозом. Гипноз этот, препятствующий людям делать то, что свойственно их разумной природе и всем им выгодно, и заставляющий их делать неразумное и невыгодное, состоит в признании того, что те насилия, которые совершаются людьми, называющими себя государственной властью, не суть просто безнравственные поступки безнравственных людей, а есть проявление деятельности некоего особенного, таинственного, священного существа, называемого государством, без которого никогда не существовали люди (что совершенно несправедливо) и не могут существовать.

Но как, каким образом могут разумные существа — люди подчиняться такому удивительному, противоположному разуму чувству и выгоде людей внушению?

Ответ на этот вопрос тот, что подлежат гипнозу, внушению не только дети, душевно больные и идиоты, но и все люди в той мере, в которой ослабляется в них религиозное сознание, то есть сознание своего отношения к тому высшему началу, от которого зависит их существование. Большинство же людей нашего времени всё больше и больше становится лишенным этого сознания.

Лишено же в наше время большинство людей этого сознания потому, что люди, раз совершив грех подчинения себя человеческой власти, не признали этого греха грехом, а, стараясь скрыть от самих себя, оправдать эту ошибку, возвеличили ту

власть, которой они подчинялись, и довели ее до того, что власть эта заменила для них закон божеский. Когда же закон человеческий заменил закон божеский, люди лишились религиозного сознания, подпали государственному гипнозу, состоящему во внушенной им иллюзии, что люди, порабащивающие их, не суть просто заблудшие, порочные люди, а суть представители того мистического существа — государства, без которого будто бы не могут жить люди.

Совершился ложный круг: подчинение власти ослабило и отчасти уничтожило в людях религиозное сознание, а ослабление и утрата религиозного сознания подчинили людей человеческой власти.

Начало греха власти было такое: насильники сказали насилуемым: «Исполняйте то, что мы будем требовать от вас: за неисполнение наших велений мы убьем вас. Если же вы будете повиноваться, устроим у вас порядок и защитим вас от других насильников».

И насилуемые, для того чтобы им можно было жить своей привычной жизнью и не бороться ни с этими, ни с другими насильниками, как бы сказали: «Хорошо, мы будем повиноваться вам; устраивайте какие хотите порядки, мы будем поддерживать эти порядки, только бы нам можно было спокойно жить и кормиться с своими семьями».

Насилующие не видали своего греха из-за увеличения и выгод власти. Насилуемые же думали, что не совершают греха, покоряясь насильникам, так как им казалось, что покорность их лучше борьбы. Но в этой покорности был грех, и грех был не менее греха тех, которые производили насилия. Если бы насилуемые переносили все тяжести, поборы, жестокости, не признавая законности власти насильников, не обещаясь повиноваться им, они бы не совершили греха. Но в обещании повиновения власти заключался грех (*а́мартиа* — ошибка, грех), такой же грех, как и грех властвующих.

В обещании повиновения насильнической власти, в признании ее законности был двойной грех, во-первых, тот, что покорившиеся насильникам люди, для того чтобы избавиться от греха борьбы, допускали этот грех в тех, кому они покорялись, и другой грех — тот, что они отрекались от своей истинной свободы, то есть покорности воле Бога, обещаясь во всяком случае повиноваться власти. А такое обещание, включая в себя допу-

щение, при противоречии требований власти с законом Бога; возможность неповиновения Богу, обещание повиновения человеческой власти было отречение от воли Бога, потому что насильническая власть государства, требуя от подчиняющихся участия в убийствах, в войнах, казнях, в законах, утверждающих приготовления к войнам и казням, в основе своей находится в прямом противоречии с волей Бога. И потому люди, повинующиеся власти, этим самым повиновением отрицают свое повиновение закону Божию.

10 Нельзя немножко в одном отступить, а в другом удержать закон Бога. Ясно, что если в одном чем-нибудь закон Божий может быть заменен законом человеческим, то закон Бога уже не закон высший, всегда обязательный; а если он не такой, то и нет его.

Лишаясь же руководства закона Бога, то есть высшего человеческого свойства, люди неизбежно опускаются на ту низшую ступень человеческого существования, при которой мотивами их деятельности становятся только личные страсти и то *внушение*, которому они подвергаются.

20 В таком положении покорности внушению, необходимости повиновения государству находятся все народы, живущие в соединениях, называемых государствами. В таком же положении находится и русский народ.

От этого-то и происходит то кажущееся столь странным явление, что сто миллионов земледельческого русского народа, составляющего такое большинство, что может быть названо всем русским народом, не нуждающихся ни в каком правительстве, не избирают того естественного и наилучшего выхода из своего положения, состоящего в простом прекращении повиновения всякой насильнической власти, а, продолжая участвовать в старом правительстве, всё больше и порабощают сами себя или, борясь с этим правительством, готовят себе новое, такое же как и прежнее, насильническое правительство.

XI.

Часто приходится слышать и читать рассуждения о причинах того раздраженного, непрочного и грозящего всякого рода опасностями положения всех христианских народов и того ужасного положения, в котором находится теперь ошалевший,

Озверевший в некоторых своих частях русский народ. Причины приводятся самые разнообразные. А между тем все причины могут быть сведены к одной. Люди *забыли Бога*, то есть забыли про свое отношение к бесконечному Началу жизни, забыли про вытекающее из этого отношения назначение каждого человека, состоящее прежде всего в исполнении для себя, для своей души закона, положенного этим Началом-Богом. Забыли про это вследствие того, что одни признали за собой право властвовать над людьми посредством угрозы убийства, а другие согласились повиноваться этим людям и участвовать в их властвовании. 10
Признав же это, люди самым делом отреклись от Бога и заменили Его закон законом человеческим.

Забыв же про свое отношение к Бесконечному, люди, несмотря на всю утонченность произведений рассудка, спустились в своем большинстве на низшую степень сознания, на ту степень, на которой они руководимы только животными страстями и стадным внушением.

От этого все бедствия.

И потому избавление от бедствий, которыми сами себя мучают люди, — в одном: в восстановлении в себе сознания 20 своей зависимости от Бога и вытекающего из этого сознания разумного и свободного отношения к себе и своим ближним.

И вот это-то сознательное подчинение Богу и, вследствие его, прекращение греха власти и подчинение ей и предстоит теперь всем народам, страдающим от последствий своего греха.

И возможность и необходимость этого прекращения повиновения человеческой власти и возвращения к закону Бога смутно чувствуется всеми людьми и особенно живо теперь русским народом. И в этом смутном сознании возможности и необходимости 30 восстановления повиновения закону Бога и прекращения повиновения власти человеческой — сущность того движения, которое происходит теперь в России.

То, что совершается теперь в русском народе, не есть, как это представляется многим, восстание народа против своего правительства для замены одного правительства другим, а есть гораздо большее и значительнейшее явление. То, что двигает теперь русским народом, есть смутное сознание незаконности, неразумности всякого насилия, насилия вообще, и возможности и необходимости установления жизни, основанной 40

не на насильнической власти, какой она была до сих пор во всех народах, а на разумном и свободном согласии.

Совершит ли русский народ это великое предстоящее ему дело или, пойдя по пути западных народов, лишится этой возможности и предоставит другому, более счастливому восточному народу быть руководителем людей в предстоящем всему человечеству деле освобождения от подмены божеской власти властью человеческой, но несомненно то, что в наше время всё яснее и яснее сознается всеми народами возможность
10 замены насильнической, безумной и злой жизни жизнью свободной, разумной и доброй. А что есть в сознании, то неизбежно осуществится в действительности. Сознание людей есть проявление воли Бога, а воля Бога должна и не может не совершиться.

XII.

«Но разве возможна общественная жизнь без власти? Без власти люди не переставая грабили бы и убивали друг друга», говорят люди, верующие только в закон человеческий. Такие люди искренно убеждены, что воздерживаются от преступлений и живут добропорядочной жизнью люди только потому,
20 что есть закон, суды, полиция, администрация, войско и что без власти правительства общественная жизнь стала бы невозможной. Людям, разращенным властью, кажется, что так как некоторые совершаемые в государстве преступления сопровождаются карами правительства, то именно эти-то кары и удерживают людей от тех преступлений, которые могли бы еще быть совершены. Но то, что правительство карает некоторые преступления, совсем не доказывает того, что существование судов, полиции, войска, тюрем и казней удерживает людей от всех тех преступлений, которые люди могли бы совершить. То, что количество совершаемых в обществе преступлений
30 совершенно не зависит от карающей деятельности правительства, с полной очевидностью доказывается тем, что при известном настроении общества никакие усиленные карательные меры правительств не могут остановить совершение самых смелых, жестоких и нарушающих безопасность общества преступлений, как это происходило при всех революциях и как это с поразительной очевидностью происходит теперь в России.

Происходит это потому, что люди — большинство народа; весь рабочий народ — воздерживаются от преступлений и живут доброй жизнью не оттого, что есть полиция, войско, казни, а оттого, что существует общее большинству людей нравственное сознание, устанавливаемое общим религиозным пониманием людей и основанное на этом понимании воспитанием, обычаями, общественным мнением.

Только это нравственное сознание, выражаемое общественным мнением, и удерживает людей от преступлений и в городских центрах и в особенности в селах, где живет большинство населения.

Я знаю многие примеры русских земледельческих общин, выселявшихся на дальний восток и живших и благоденствовавших там десятки лет. Общины эти управлялись сами собой, будучи неизвестны правительству, и вне воздействия его, и при открытии их агентами правительства только испытали новые, неизвестные им прежде бедствия и получили новую склонность к преступлениям.

Деятельность правительств не только не удерживает людей от преступлений, а, напротив, всегда распатывая и понижая нравственный уровень общества, увеличивает их количество. И это не может быть иначе, так как правительства всегда и везде по самому призванию своему необходимо должны ставить на место высшего, обязательного для всех, не писанного в книгах, а написанного в сердцах людей вечного, религиозного закона свои, писанные людьми и имеющие целью не общее благо, не справедливость, а вызванные политическими, внутренними и внешними соображениями несправедливые законы.

Таковы все существующие во всех правительствах явно несправедливые основные законы: законы об исключительном праве малой части людей на общую всем землю, законы о праве одних людей на труд других, об обязанности людей давать деньги на цели убийства или самим идти в солдаты и воевать, законы о монополиях на одуряющую отраву, или о запрещении обмениваться предметами труда через известную черту, называемую границей, или о казнях людей за поступки не безнравственные, но такие, которые невыгодны властвующим.

Все эти законы, требования под угрозой насилия исполнения их и публичные казни, совершаемые за неисполнение законов и, главное, требование участия в войнах и обычное

восхваление военных убийств и приготовлений к ним — всё это неизбежно понижает уровень нравственного сознания общества и выражающее его общественное мнение.

Так что правительственная деятельность не только не поддерживает нравственность, а, напротив, трудно придумать более развращающее воздействие на народы, чем то, которое совершалось и совершается всегда и всеми правительствами.

Никогда никаким злодеям из простых людей не могло бы прийти в голову совершать все те ужасы костров, инквизиций, пыток, грабежей, четвертований, вешаний, одиночных заключений, убийств на войнах, ограблений народов и т. п., которые совершались и совершаются всеми правительствами, и совершаются торжественно. Все ужасы Стеньки Разина, Пугачевщины и т. п. суть только последствия и слабые подражания тех ужасов, которые производили Иоанны, Петры, Бироны и которые постоянно производились и производятся всеми правительствами. Если деятельность правительств заставляет воздерживаться — что очень сомнительно — десятки людей от преступлений, то сотни тысяч преступлений совершаются людьми только потому, что люди воспитываются для преступлений правительственными несправедливостями и жестокостями.

Если люди, участвующие в правительствах, торговые, промышленные, городские, тем или иным путем пользующиеся выгодами, даваемыми властью, еще могут верить в благодетельность власти, то люди земледельческие не могут не знать, что правительство причиняет им только всякого рода страдания и лишения, но никогда не было им нужно и только развращало тех из его членов, которые подвергались его влиянию.

Так что доказывать людям, что они не могут жить без правительства и что тот вред, который им сделают воры и грабители, живущие среди них, больше того вреда, как материального, так и духовного, который, угнетая и развращая их, постоянно производят среди них правительства, так же странно, как было странно во время рабства доказывать рабам, что им выгоднее быть рабами, чем свободными. Но как и тогда, несмотря на очевидность для рабов бедственности их положения, рабовладельцы доказывали и внушали, что рабам полезно быть рабами и что им будет хуже, если они будут свободны (иногда и сами рабы поддавались внушению и верили в это), так и теперь правительства и люди, пользующиеся их выгодами, доказывают, что

правительства, грабящие и развращающие людей, необходимы для их блага, и люди поддаются этому внушению.

И люди верят в это, не могут не верить, потому что, не веря в закон божеский, они вынуждены верить в закон человеческий. Для них отсутствие закона человеческого есть отсутствие всякого закона, а жизнь людей, не признающих никакого закона, ужасна, и потому для людей, не признающих закона Бога, отсутствие человеческой власти не может не быть страшно, и они не хотят расстаться с нею.

От этого же неверия в закон Бога и происходит и то кажущееся странным явление, что все теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная от Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровержимо верно и справедливо доказывая неразумность и вред власти, как скоро начинают говорить о возможности устройства общественной жизни без того человеческого закона, который они отрицают, так тотчас же впадают в неопределенность, многословие, неясность, красноречие и совершенно фантастические, ни на чем не основанные предположения.

Происходит это оттого, что все теоретики-анархисты эти не признают того общего всем людям закона Бога, которому свойственно подчиняться всем людям, а без подчинения людей одному и тому же закону — человеческому или божескому — не может существовать человеческое общество.

Освобождение от человеческого закона возможно только под условием признания общего всем людям закона божеского.

XIII.

«Но если и могут первобытные земледельческие общины, в роде теперешних русских, жить без правительства, — скажут на это, — то как же жить тем миллионам людей, которые уже оставили земледелие и живут в городах промышленной жизнью? Не могут же все люди быть земледельцами».

Только земледельцами и могут быть все люди — совершенно верно отвечает на это возражение Генри Джордж.

«Но если бы все люди вернулись теперь к земледельческой жизни и стали жить без правительственной власти, — говорят еще, — то уничтожилась бы та цивилизация, до которой

достигло человечество, а это было бы величайшим бедствием, и потому возвращение к земледельческой жизни было бы не благом, а злом для человечества».

Существует употребительный людьми прием для оправдания своих заблуждений. Прием этот состоит в том, что люди, считая неопровержимой аксиомой то заблуждение, в котором они находятся, самое заблуждение это со всеми происшедшими от него последствиями соединяют в одно понятие и слово и понятию и слову этому приписывают особенное, неопределенное мистическое значение. Таковы понятия и слова: *церковь*, *наука*, *право*, *государство* и *цивилизация*. Так, *церковь* не есть то, что она есть, то есть собрание некоторых людей, подпавших одному и тому же заблуждению, а есть собрание истинно верующих; *право* не есть собрание несправедливых законов, составленных некоторыми людьми, но есть определение тех справедливых условий, при которых только и могут жить люди. *Наука* не есть то, что она есть: случайные рассуждения, которыми в данное время заняты праздные люди, а есть единое истинное знание. Точно так же и *цивилизация* не есть то, что она есть ²⁰ действительно: вытекающая из насилия власти, ложно и вредно направленная деятельность западных народов, подпавших обману освобождения от насилия насилием, а есть несомненно верный путь к будущему благу человечества.

«Если и правда, — скажут защитники цивилизации, — что все те изобретения, технические приспособления, промышленные произведения, которыми пользуются теперь только люди богатых классов, недоступны теперь рабочим людям и потому в настоящем никак не могут рассматриваться как благо для всего человечества, то происходит это только оттого, что ³⁰ эти технические приспособления не достигли еще того совершенства, которого должны достигнуть, и распределены еще не так, как должно. Когда же техника машин еще более усовершенствуется, и рабочие освободятся от власти капиталистов, и все заводы, фабрики будут в их руках, тогда машины будут производить так много всего и так всё это будет хорошо распределено, что все будут пользоваться всем, так что никто ни в чем не будет нуждаться, и все будут благоденствовать».

Но не говоря уже о том, что нет никакой причины предполагать, что те самые рабочие, которые теперь жадно борются ⁴⁰ друг с другом не только за существование, но за большие удоб-

ства, удовольствие и роскошь существования, вдруг сделаются так справедливы и самоотвержены, что будут довольствоваться равной долей благ, предоставляемых им машинами; не говоря об этом, самое предположение о том, что при уничтожении власти правительства и капитала все те заводы с своими машинами, которые могли возникнуть и могли существовать только при власти правительства и капитала, останутся такими же, как они теперь, — самое предположение это совершенно произвольно.

Предполагать, что это так будет, всё равно, что предполагать, 16 что после освобождения крепостных в роскошном барском имении с парком, оранжереями, беседками, домашним театром, оркестром, картинной галлереей, конюшнями, охотами, кладовыми, полными разных одежд, все эти блага будут отчасти разделены освобожденными крестьянами между собою, отчасти сохранены для общественного пользования.

Казалось бы очевидно, что в таком барском имении ни лошади, ни одежды, ни оранжереи богатого барина не могут пригодиться освобожденным крестьянам, и они не станут поддерживать их, так и при освобождении рабочих от власти 20 правительства и капитала не станут рабочие поддерживать то, что возникло при той власти, и освобожденные рабочие не пойдут работать на заводы и фабрики, которые могли возникнуть только при их порабощении, хотя бы эти заведения могли быть и выгодны и приятны для них.

Правда, что жалко будет при освобождении рабочих от их рабства тех хитроумных машин, которые так скоро и много ткут прекрасных материй или делают такие хорошие конфеты и зеркала и т. п., но так же жалко было и при освобождении крепостных прекрасных скаковых лошадей, и картин, 30 и магнолий, и музыкальных инструментов, и театров, но как освобожденные крепостные заводили своих сообразных своей жизни домашних животных и свои нужные им растения, а сами собой уничтожились и скаковые лошади и магнолии, так же и рабочие, освобожденные от власти и правительства и капитала, направят свои силы на совсем другие работы, чем прежде.

«Но ведь гораздо выгоднее печь все хлебы в одной печи, чем каждому топить свою, и гораздо выгоднее ткать в 20 раз скорее на фабрике, чем на домашнем станке», и т. п., — говорят защитники цивилизации, точно как будто бы люди бессловесная 40

скотина, по отношению которой все вопросы решаются пищей, одеждой, жилищем, большим или меньшим трудом.

Австралийский дикарь очень хорошо знает, что выгоднее сгородить один шалашик для себя и для жены, а он городит два, для того чтобы и он и жена могли пользоваться одиночеством. Знает и твердо знает русский крестьянин, что выгоднее жить одним домом с отцом и братьями, а выделяется, строит свою избу и предпочитает терпеть нужду, чем повиноваться старшим или браниться и ссориться. «Щей горшок, да сам большой». Я думаю, и большинство разумных людей предпочтут сами чистить себе платье, сапоги, носить воду и заправлять лампу чем, хоть по одному часу в день идти на фабрику работать обязательную работу для приготовления всех машин, исполняющих эти дела.

Не будет насилия, и от этих прекрасных машин, не только чистящих сапоги и вытирающих посуду, но и прорезывающих туннели и сдавливающих сталь и т. п., едва ли что-нибудь останется. Освобожденные рабочие неизбежно дадут разрушиться всему тому, что возникло на их рабстве, и неизбежно начнут заводить совсем другие машины и приспособления с другими целями и в других размерах и в совершенно другом распределении.

Это так ясно и очевидно, что люди не могли бы не видеть этого, если бы не были одержимы суеверием цивилизации.

Вот это-то распространенное и утвердившееся суеверие и делает то, что всякое указание на то, что тот путь, по которому идет жизнь западных народов, не верен, и всякая попытка вернуть заблудших людей к разумной и свободной жизни не только не принимается, но рассматривается как некоторого рода кощунство или безумие. Эта-то слепая вера в то, что та жизнь, которую мы устроили себе, и есть наилучшая жизнь, и делает то, что все главные деятели цивилизации: государственные люди, ученые, художники, торговцы, фабриканты, писатели, заставляя рабочих поддерживать свою праздную жизнь, не видят своего греха и вполне уверены, что их деятельность не есть то, что она есть в действительности, — деятельность безнравственная и вредная, а, напротив, есть деятельность очень полезная и важная, и что поэтому они очень важные и полезные для всего человечества люди, и что все те пустяки, глупости и гадости, которые производятся под их руководством, как-то:

пушки, крепости, синематографы, храмы, автомобили, разрывные бомбы, фонографы, телеграфы, скоропечатные машины, выпускающие горы бумаги с напечатанными на ней гадостями, лжами и глупостями, останутся такие же и при свободных рабочих и всегда будут составлять великое благо для человечества.

А между тем для людей свободных от суеверия цивилизации не может не быть совершенно ясно, что все те условия жизни, которые у людей западных народов называются теперь цивилизацией, суть не что иное, как уродливые произведения самодурства высших, властвующих классов, каковы были произведения деспотов египетских, вавилонских, римских: пирамиды, храмы, серали; каковы были произведения русских бар: дворцы, крепостные оркестры, театры, пруды, кружева, охоты, парки, устраиваемые рабами для своих господ.

Говорят, что прекращение повиновения правительству и возвращение к земледельческой жизни уничтожить все успехи промышленности, до которых достигли люди, и что поэтому прекращение повиновения власти и возвращение к земледельческой жизни будет дурно. Но нет никакой причины думать, что возвращение людей к безвластию и земледельческой жизни уничтожит все успехи промышленности, действительно полезные людям и не требующие рабства людей. Если же прекращение повиновения власти и возвращение к земледельческой жизни и уничтожит производство того бесконечного количества ненужных, глухих и вредных вещей, которыми занята теперь значительная часть человечества, уничтожит и возможность существования тех праздных людей, которые придумывают все эти ненужные и вредные вещи и оправдывают ими свое безнравственное существование, то уничтожение этих предметов и людей не будет уничтожением *всего*, выработанного человечеством для своего блага. Напротив, уничтожение *всего*, поддерживаемого насильем, выдвинет и вызовет усиленное производство всех тех полезных и нужных технических усовершенствований, которые, не обращая людей в машины и не губя их жизни, могут облегчить труд и украсить жизнь земледельцев.

Разница будет только в том, что при освобождении людей от власти и возвращении к земледельческому труду предметы, производимые искусством и промышленностью, не будут иметь целью, как теперь, потеху богатых людей, праздное любопытство,

приготовление к убийству или сохранение, в ущерб полезных жизней, жизней ненужных и вредных или изобретения машин, посредством которых можно кое-как производить малым числом рабочих большое количество предметов или обрабатывать большие пространства земли, а будут производить только те предметы, которые могут увеличить производительность труда земледельцев, обрабатывающих своими руками свои земельные участки, и могут содействовать улучшению их жизни, не отрывая их от земли и не нарушая их свободы.

Но как же будут жить люди, не повинующиеся человеческой власти? Как они будут заведывать своими общественными делами? Что будет с государствами? Что станет с Ирландией, Польшей, Финляндией, Алжиром, Индией, вообще с колониями? В какие соединения сложатся народы?

Такие вопросы делают люди, привыкшие думать, что условия жизни всех людских обществ определяются волей и распоряжениями нескольких, и потому предполагающие, что знание того, как сложится будущая жизнь общества, доступно людям.
*0 А, между тем, знание это никогда не было и не может быть доступно людям.

Если бы спросили у самого ученого и образованного римского гражданина, привыкшего думать, что жизнь мира определяется решением римского сената и императоров о том, чем будет римский мир через несколько столетий, или если бы он сам задумал написать такую же книгу, как Беллами и подобные ей, то можно наверно сказать, что он никак не мог бы предсказать хоть приблизительно ни варваров, ни феодализм, ни папства, ни распада и обратного соединения народов в
*0 большие государства. Таковы же и те картины с летающими машинами, экс-лучами, электрическими двигателями и социалистическим устройством жизни людей двухтысячного века, которые с такой смелостью рисуют себе Беллами, Моррисы, Анатоли Франсы и др.

Мало того что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества: людям бывает нехорошо оттого, что они думают, что могут знать это. Нехорошо потому, что ничто так не препятствует правильному течению жизни людей,

как именно это мнимое знание о том, какова должна быть будущая жизнь людей. Жизнь и отдельных людей и обществ только в том и состоит, что люди и общества идут к неведомому, не переставая изменяться не вследствие составления рассудочных планов некоторых людей о том, каково должно быть это изменение, а вследствие вложенного во всех людей стремления приближения к нравственному совершенству, достигаемому бесконечно разнообразной деятельностью миллионов и миллионов человеческих жизней. И потому те условия, в которые станут между собою люди, те формы, в которые сложится общество людей, зависят только от внутренних свойств людей, а никак не от предвидения людьми той или иной формы жизни, в которую им желательно сложиться. А между тем люди, неверующие в закон Бога, всегда воображают, что они могут знать, какое должно быть будущее состояние общества, и не только определяют это будущее состояние, но и совершают всякого рода дела, ими же самими признаваемые дурными, для того чтобы общество людей было именно таким, каким они считают, что оно должно быть.

То, что другие люди несогласны с ними и полагают, что жизнь общества должна быть совсем иная, не смущает их, и люди, уверившись в том, что они могут знать, каким должно быть будущее общество, не только отвлеченно решают, но действуют, сражаются, отнимают имущество, запирают в тюрьмы, убивают людей, для того чтобы установить такое устройство общества, при котором, по их мнению, люди будут счастливы.

Старое рассуждение Каиафы: «лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу», неопровержимо для таких людей. Как не убить не только одного человека, но сотни, тысячи людей, если мы твердо уверены, что смерть этих тысяч даст благо миллионам. Люди, не верящие в Бога и закон Его, не могут рассуждать иначе. Такие люди живут, повинувшись только своим страстям, своим рассуждениям и общественному внушению, и никогда не думали о своем назначении в жизни, о том, в чем истинное благо человека; а если и думали, то решили, что знать этого нельзя. И эти-то люди, не зная ничего о том, в чем благо отдельного человека, воображают, что знают, несомненно знают, что нужно для блага всего общества, так несомненно знают, что для достижения этого блага, как они

понимают его, совершают дела насилия, убийства, казней, которые сами признают дурными.

Сначала кажется странным, как это люди, не знающие того, что им нужно для самих себя, воображают себе, что твердо и несомненно знают то, что нужно для всего общества, а между тем именно оттого, что они не знают того, что им нужно для самих себя, они и думают, что знают то, что нужно для всего общества.

То недовольство, которое они смутно испытывают, не имея
10 никакого руководства в жизни, они приписывают не себе, а дурному, не такому, какое они придумали, устройству общества, и в заботах об этом переустройстве видят возможность забвения и спасения от сознания неправильности своей жизни. От этого-то люди, не знающие, что делать с самими собой, всегда особенно твердо знают, что делать с обществом. И чем меньше знают о себе, тем тверже знают об обществе. Таковы большей частью или самые легкомысленные юноши или самые развращенные общественные деятели, как Мараты, Наполеоны, Ни-
колаи, Бисмарки. И от этого-то и полна история народов са-
20 мыми ужасными злодеяниями.

Самое же вредное последствие такого мнимого предвидения того, чем должно быть общество, и направленной на изменение общества деятельности — то, что именно это-то мнимое предвидение и эта-то деятельность и препятствует больше всего движению общества по тому пути, который свойственен ему для его истинного блага.

И потому на вопрос о том, какая сложится жизнь народов, которые перестанут повиноваться власти, мы отвечаем, что мы не только не можем знать этого, но и не должны думать, что
30 кто-нибудь может знать это. Мы не можем знать, в какие условия станут народы, переставшие повиноваться власти, но несомненно знаем, что мы, каждый из нас, должны делать для того, чтобы эти условия жизни народов были наилучшие. Мы несомненно знаем, что, для того чтобы условия эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться от тех дел насилия, которые требует от нас существующая власть, и точно так же и от тех, к которым призывают нас люди, борющиеся с существующей властью для установления новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться
40 не потому, что мы знаем, как сложится наша жизнь вследствие

нашего прекращения повиновения власти, а потому, что повиновение власти, требующей от нас нарушения закона Бога, есть грех. Это мы несомненно знаем, знаем и то, что оттого, что мы не будем нарушать волю Бога, не будем делать греха, ничего, кроме добра, как для нас, так и для всего мира, выйти не может.

XV.

Люди склонны верить в осуществление самых невероятных событий в мире, верят в возможность летать, общаться с планетами, верят в возможность устройства социалистического общества, в спиритические сообщения и многие другие, явно невозможные вещи, но не хотят верить в то, чтобы то мировоззрение, в котором они со всеми окружающими их людьми живут в данную минуту, могло бы измениться.

А между тем такие изменения, и самые удивительные, совершаются беспрестанно и с нами самими, и с нашими ближними, и с целыми обществами и народами, и эти-то изменения и составляют сущность жизни человечества.

Не говоря о всех тех изменениях в общественном сознании народов, которые происходили в исторические времена, на наших глазах теперь в России совершается с необыкновенной быстротой такое кажущееся поразительным изменение сознания всего народа, которое не проявлялось ничем внешним 2—3 года тому назад. Изменение это, кажется нам, совершилось вдруг только потому, что происходившая в духовной области подготовка этого изменения была незаметна нам. То же совершается и теперь в недоступной нашему наблюдению духовной области. Если русский народ, два года тому назад считавший невозможным не только неповиновение существующей власти, но даже осуждение ее, теперь не только осуждает власть, но и готовится не повиноваться ей и установить новую власть на место старой, то почему не предположить, что теперь готовится в сознании русского народа еще иное и свойственное ему изменение своего отношения к власти, состоящее в нравственном, религиозном освобождении себя от нее?

Почему такого рода изменение не могло бы совершиться среди всякого и теперь среди русского народа? Почему, вместо того раздраженного, эгоистического настроения взаимной

борьбы, страха, ненависти, которое теперь охватило все народы, вместо всей той проповеди лжи, безнравственности, насилия, которая теперь газетами, книгами, речами, делами так напряженно распространяется во всех народах, не могло бы так же охватить все народы и в особенности теперь весь русский народ после пережитых им грехов, страданий и ужаса религиозное, человеческое, разумное любовное настроение, которое открыло бы людям весь ужас подчинения власти, в которой они жили, и всю радостную возможность жизни разумной, любовной, без насилия и власти?

Почему, как теперь, десятилетиями влияний в одном и том же направлении, было подготовлено теперешнее проявление этого направления в революции, не могло быть так же подготовлено сознание возможности и необходимости освобождения себя от греха власти и установления среди людей единения, основанного на взаимном согласии и уважении и на любви человека к человеку?

Лет 15 или 25 тому назад даровитый французский писатель Дюма-сын написал обращенное к Зола письмо, в котором он, человек даровитый, умный, но занятый преимущественно вопросами эстетическими и общественными, уже будучи стариком, высказал между прочим поразительные пророческие слова. Вот уже именно дух Божий веет, где хочет.

«Душа всегда в непрерывающем труде, в постоянном развитии и стремлении к свету и истине, — писал он.

До тех пор, пока не получит весь свет и не завоеует всю истину, она будет мучить человека.

И вот она никогда так не занимала, никогда не налагала с такой силой свою власть на человека, как в наше время. Она, так сказать, разлита во всем том воздухе, который вдыхает мир. Те несколько индивидуальных душ, которые отдельно желали общественного пережизнения, мало-по-малу отыскали друг друга, сблизились, поняли себя и составили группу, центр притяжения, к которому стремятся теперь другие души с четырех концов света, как летят жаворонки на зеркало; они составили таким образом общую, коллективную душу, с тем, чтобы люди вперед осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единение и правильный прогресс наций, недавно еще враждебных друг другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю в явлениях, которые кажутся более всего отрицающими ее.

Эти вооружения всех народов, эти угрозы, которые делают друг другу их представители, эти возобновления гонений известных народностей, эти враждебности между соотечественниками суть явления дурного вида, но не дурного предзнаменования. Это последние судороги

того, что должно исчезнуть. Болезнь в этом случае есть только энергическое усилие организма освободиться от смертоносного начала.

Те, которые воспользовались и надеялись еще долго и всегда пользоваться заблуждениями прошедшего, соединяются с целью помешать всякому изменению. Вследствие этого — эти вооружения, эти угрозы, эти гонения, но, если вы взгляните внимательнее, вы увидите, что все это только внешнее. Все это колоссально, но пусто.

Во всем этом уже нет души: она перешла в иное место. Все эти миллионы вооруженных людей, которые каждый день упражняются в виду всеобщей истребительной войны, не ненавидят уже тех, с которыми они должны сражаться, ни один из их начальников не смеет объявить войны. Что касается до упреков, даже заражающих, которые слышатся снизу, то уже сверху начинает отвечать им признающее их справедливость великое и искреннее страдание.

Взаимное понимание неизбежно наступит в определенное время и более близкое, чем мы полагаем.

Я не знаю, происходит ли это от того, что я скоро уйду из этого мира и что свет, исходящий из-под горизонта, освещающий меня, уже затемняет мне зрение, но я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: «любите друг друга», без рассуждения о том, кто сказал эти слова: Бог или человек.

Спиритуалистическое движение, заметное со всех сторон, которым столько самолюбивых и наивных людей думают управлять, будет безусловно человечно. Люди, которые ничего не делают с умеренностью, будут охвачены безумием, бешенством любить друг друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будут недоразумения, может быть, и кровавые: так уж мы воспитаны и приучены ненавидеть друг друга часто теми самыми людьми, которые призваны научить нас любви. Но так как, очевидно, что этот великий закон братства должен когда-нибудь совершиться, я убежден, что наступают времена, в которые мы неудержимо пожелаем, чтобы это совершилось».

Я думаю, что мысль эта, — как ни странно выражение о том, что придет время, когда люди будут охвачены бешенством любви, — мысль эта совершенно справедлива и чувствуется более или менее смутно всеми людьми нашего времени. Не может не прийти время, когда любовь, составляющая основную сущность души, займет в жизни людей то место, которое свойственно ей, и будет главной основой отношений людей между собой.

Время это готовится, время это наступает.

«Мы теперь в предсказанное Христом время, — писал Ламенэ. — От одного конца земли до другого всё расшаталось. Во всех учреждениях, каких бы то ни было, во всех различных системах, на которых основывалась общественная жизнь народов, нет ничего твердого. Все чувствуют, что всё это скоро должно разрушиться, и в этом также

храме не останется камня на камне. Но как разрушение Иерусалима и храма его, из коего удалился Бог живой, предчувствовало и приготовило сооружение нового града и нового храма, куда по своей воле стекутся люди всех колен и всех народов, — так и из развалин нынешних храмов и городов воздвигнется новый город и храм, предназначенный стать всемирным храмом и общей родиной рода человеческого, до того разъединенного враждебными друг другу учениями, делающими братьев чужими и сеющими среди них безбожное ненавистничество и отвратительные войны. Когда придет тот, знаемый одним Богом, час с¹⁹соединения народов в одном храме и в одном граде, тогда наступит вопстину воцарение Христа, окончательное выполнение Его божественной миссии».

То же писал Чаннинг:

«Могущественные силы работают в мире, — писал он. — Никто не может остановить их. Признаки этого: новое понимание христианства, новое уважение к человеку, новое чувство братства и одинакового отношения всех людей к Отцу всех. Мы видим это, мы чувствуем это. И перед этим падут все угнетения. Общество, молчаливо проникнутое этим духом, переменяет свою вечную войну на мир. Могущество²⁹ все захватывающего и кажущегося непобедимым себялюбия уступит этой естественной силе. «На земле мир и в людях благоволение не всегда будет только мечтою».

XVI.

Почему думать, что люди, находящиеся в полной власти Бога, навсегда останутся в том странном заблуждении, что важны и обязательны только законы человеческие, переменчивые, случайные, несправедливые, местные, а не единый вечный, справедливый и общий *всем* людям закон Бога? Почему думать, что учителя человечества постоянно будут проповедывать, как теперь, что такого закона нет и не может быть, а что есть только или у каждого народа, у каждой секты свои законы обрядовые, религиозные, или законы так называемые научные, законы вещества и воображаемые социологические, ни к чему не обязывающие людей, или еще законы гражданские, которые люди сами могут изменять и устанавливать? Такое заблуждение могло быть временным, но почему думать, что люди, которым открыт один и тот же написанный в их душе закон Бога в учениях брамнинов, Будды, Лаотзе, Конфуция, Христа, не последуют, наконец, этой единой основе⁴⁰ всех законов, дающей им и нравственное удовлетворение и радостную общественную жизнь, а всегда будут следовать

той злой и жалкой путанице учений церковных, научных и государственных, отвлекающих их внимание от того, что одно нужно, и направляющих его на то, что не может быть ни на что им нужно, так как не дает никаких доказательств на то, как прожить свою жизнь каждому отдельному человеку.

Почему думать, что люди будут не переставая нарочно мучить себя, одни стараясь властвовать над другими, другие со злобой и завистью повинаясь властвующим и выискивая средства стать самим властвующими? Почему предполагать, что прогресс, которым люди будут гордиться, будет всегда в увеличении населения, в сохранении жизни, а не в нравственном совершенствовании жизни, будет всегда в жалких механических изобретениях, благодаря которым люди будут производить всё больше и больше ненужных и вредных, развращающих предметов, а не будет во всё большее и большее единении друг с другом и необходимым для этого единения покорении своих похотей; почему не предположить, что люди будут радоваться и соревновать не богатством, не роскошью, а простотой, умеренностью и добротой друг к другу? Почему не думать, что люди будут видеть прогресс не в том, чтобы всё больше и больше захватывать, а в том, чтобы всё меньше и меньше брать от других, а всё больше и больше давать другим; не в том, чтобы увеличивать свою власть, не в том, чтобы всё успешнее и успешнее воевать, а в том, чтобы всё больше и больше смиряться и всё теснее и теснее общаться — люди с людьми и народы с народами?

Почему, вместо того чтобы представлять себе людей неудержимо отдающимися похоти и размножающимися, как кролики, и для поддержания своих размножающихся поколений устраивающими себе в городах заводы с приготовлениями химической пищи и живущими среди них без растений и животных, — почему не представить себе людей целомудренных, борющихся с своими похотями, живущих в любовном общении с соседями среди плодородных полей, садов, лесов, с прирученными сытыми друзьями-животными, только с той против теперешнего их состояния разницей, что они не признают землю ничьей отдельной собственностью, ни самих себя принадлежащими какому-либо государству, не платят никому ни податей, ни налогов и не готовятся к войне и ни с кем не воюют, а, напротив, всё больше и больше мирно общаются народы с народами?

И для того чтобы представить себе жизнь людей такую, не нужно ничего выдумывать и в представлении своем изменять или прибавлять к жизни тех земледельческих людей, которых мы все знаем в Китае, России, Индии, Канаде, Алжире, Египте, Австралии.

Для того чтобы представить себе жизнь такую, не нужно представлять себе какое-либо хитрое, мудрое устройство, а нужно только представить себе людей, не признающих никакого иного высшего закона, кроме единого для всех, выраженного ¹⁶ одинаково и в браминской, и буддийской, и конфуцианской, и таосийской, и христианской религии закона любви к Богу и ближнему.

И для того чтобы жизнь была такой, не нужно представлять себе людей какими-либо новыми существами — добродетельными ангелами. Люди будут точно такие же, как теперь, со всеми свойственными им слабостями и страстями, будут и грешить, будут, может быть, и ссориться, и прелюбодействовать, и отнимать имущество, и даже убивать, но всё это будет исключением, а не правилом, как теперь. Жизнь их будет совсем другою ²⁰ уже по одному тому, что они не будут признавать добром и необходимым условием жизни организованное насилие, не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела.

Жизнь людей будет совсем другою уже по одному тому, что не будет более того препятствия к проповеди и воспитанию в духе добра, любви и покорности воле Бога, которое существует теперь при признании необходимости и законности правительственного насилия, требующего противного закону Бога, требующего выставления преступного и дурного в виде законного и доброго.

³⁰ Почему не представить себе, что люди своими страданиями будут доведены до того, что опомнятся наконец от того внушения гипноза, от которого они долго страдали, и вспомнят о том, что они сыны и слуги Бога и потому могут и должны повиноваться только Ему и своей совести? И всё это не только не трудно представить себе, но трудно представить себе, чтобы этого не было.

XVII.

«Аще не будете как дети, не увидите в Царство Божие», относится не только к отдельным людям, но и к обществам

людей. Как человек, испытав все бедствия страстей и соблазнов жизни, сознательно возвращается к простому, любовному ко всем, открытому к добру состоянию, в котором бессознательно бывают дети, возвращается со всем богатством опыта и разума взрослого человека, так точно и общества людей, испытав все бедственные последствия отступления от закона Бога для повиновения человеческой власти и попытки устройства жизни вне земледельческого труда, должны теперь со всем богатством приобретенного во время заблуждения опыта сознательно 10
возвратиться от соблазнов человеческой власти и от попыток
основания жизни на промышленной деятельности к временно оставленному ими повиновению высшему закону Бога и к первобытной земледельческой жизни.

Сознательно возвратиться от соблазна человеческой власти к повиновению одной высшей власти Бога — значит признать обязательность для себя всегда и везде вечного закона Бога, одинаково во всех учениях: браминском, буддийском, конфуцианском, таоссийском, христианском, частью магометанском (бабизме), несовместимого с повиновением 20
человеческой власти.

Жить же сознательной земледельческой жизнью — значит признавать земледельческую жизнь не случайным временным условием жизни, а такую жизнь, при которой человеку легче всего исполнять волю Бога и которая поэтому должна быть предпочтена всякой другой жизни.

И для такого возвращения к сознательному неповиновению власти и к земледельческой жизни, для такого возвращения на верный путь находятся восточные народы, и в том числе и русский народ, в особенно выгодных условиях.

Западным народам, так далеко уже ушедшим по ложному 30
пути видоизмененной организации власти с заменой земледельческого труда промышленным, возвращение это трудно и требует великих усилий. Но рано или поздно всё возрастающая раздраженность и непрочность их положения заставит их вернуться к основанной на своем труде, а не на эксплуатации других народов, разумной, истинно-свободной жизни. Как ни заманчивы внешние успехи промышленности и красота лицевой стороны жизни, наиболее проникательные мыслители западных народов уже давно указывают на гибельность их пути и на необходи- 40
мость обдумать, изменить свое положение, вернуться назад к

той земледельческой жизни, которая была начальной формой жизни всех народов и которая предназначена всем людям для возможности разумной и радостной жизни.

Большинству восточных народов, и в том числе и русским людям, для этого не нужно ничего изменять в своей жизни, нужно только остановиться на том ложном пути, на который они только-что вступили, и привести в сознание то отрицательное отношение к власти и любовное отношение к земледельцу, которое было им всегда свойственно.

10 Нам, восточным народам, надо быть благодарным судьбе за то, что она поставила нас в такое положение, в котором мы можем воспользоваться примером западных народов, — воспользоваться этим примером не в том смысле, чтобы подражать им, а, напротив, в том смысле, чтобы не повторить их ошибок, не делать того, что они делали, не ходить по тому гибельному пути, с которого уж возвращаются или готовы возвращаться нам навстречу так далеко ушедшие по нем западные народы.

Вот в этой-то остановке шествия по ложному пути и указании возможности и необходимости проложения и указания другого, 20 более легкого, радостного и свойственного человеческой природе пути, чем тот, по которому шли западные народы, в этом главное и великое значение совершающейся теперь в России революции.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

«Оставьте вашу святость и ваше благоразуміе и народъ будетъ во сто разъ счастливѣе. Оставьте ваше добродушіе и вашу справедливость, и народъ вернется къ прежней любви между дѣтьми и родителями. Оставьте ваше хитроуміе и ваши расчеты, и не будетъ больше воровъ и разбойниковъ. Достигнуть этихъ трехъ вещей нельзя одной внѣшностью. Для этого нужно быть болѣе простымъ, свободнымъ отъ страстей и менѣе разсуждающимъ». 19

Лао-Тсе.

С месяц тому назад ко мне пришли два молодых человека, прося книжек. Один был в картузе и лаптях, другой в черной, бывшей щегольской шляпе и растрепанных сапогах.

Я спросил у них, кто они. Они с нескрываемой гордостью сообщили мне, что они рабочие, высланы из Москвы, где участвовали в вооруженном восстании. По дороге они нанялись в нашей деревне в сад, где и прожили караульщиками неполный месяц. Вчера хозяин сада расчел их за то, что они будто бы подговаривали крестьян громить сад. Они, улыбаясь, отрицали это, говоря, что они не подговаривали никого, а только по вечерам ходили на деревню и беседовали с товарищами. 20

Оба они, особенно более бойкий, улыбающийся, с блестящими, черными глазами и белыми зубами, были начитаны в революционной литературе и кстати и не кстати употребляли иностранные слова: оратор, пролетариат, социал-демократы, эксплуатация и т. п.

Я спросил у них, что они читали. Черноватый, улыбаясь, сказал, что читал разные брошюры.

Я спросил, какие.

— Читали всякие: «Земля и Воля».

Я спросил их, что они думают о них.

— Там всё правильно, — сказал черноватый.

— То есть что же правильно?

— А то, что жить стало невозможно.

— Почему же невозможно? — спросил я.

— Как почему? Ни земли нет, ни работы, а правительство душит ни за что, ни про что, давит народ.

10 И они, перебивая друг друга, стали рассказывать, как казаки били нагайками народ, как полицейские хватали кого попало, как расстреливали дома ни в чем неповинных людей.

На мои доводы о том, что вооруженное восстание было дурное и неразумное дело, черноватый только улыбался и спокойно говорил:

— А наше не такое убеждение.

Когда я заговорил о грехе убийства, о Боге, они переглянулись, и черноглазый пожал плечами.

— Что же, по закону Бога пускай так и эксплуатируют пролетария? — сказал он. — Это прежде было, а теперь пришли к сознанию, нельзя уже...

Я вынес им книжки — больше религиозного содержания; они взглянули на заглавия и, видимо, остались недовольны.

— Может, вам не нравится, так не берите.

— Нет, отчего же? — сказал черноватый и, сунув их за пазуху, простился со мной.

Хотя я и не читал газет, я по разговорам домашних, по письмам, которые получаю, по рассказам приезжих знал про то, что делается за последнее время в России, знал в особенности 20 хорошо именно потому, что не читал газет, про то поразительное происшедшее изменение за последнее время во взглядах общества и народа, изменение, состоящее в том, что если прежде некоторые люди осуждали некоторые распоряжения правительства, теперь все, за самыми малыми исключениями, считали всю деятельность правительства преступной и незаконной, признавали виной всех беспорядков одно правительство. Такого мнения были и профессора, и почтовые чиновники, и литераторы, и лавочники, и рабочие, и даже полицейские. Настроение это усилилось после распускания Думы. После же 40 тех ежедневных убийств, совершаемых в последнее время

правительством, настроение это дошло до высшей степени.

Я знал это. Но разговор с этими двумя людьми особенно подействовал на меня. Разговор этот, как толчок, вдруг превращающий в лед замерзающую жидкость, вдруг превратил целый ряд прежде полученных мною такого же рода впечатлений в определенное и несомненное убеждение.

После беседы с этими людьми мне стало ясно, что все те преступления, которые совершает теперь правительство с целью подавления революции, не только не подавляют, но еще больше разжигают ее, что если и может революционное движение временно затихнуть вследствие ужаса, производимого злодеяниями правительства, оно не только не уничтожится, но только на время скроется внутрь и неизбежно опять проявится с новой и большей силой, что разгоревшийся пожар находится теперь в том положении, при котором всякое прикосновение к горящему только усиливает горение. Мне стало ясно, что только прекращением со стороны правительства всех и всяких мер противодействия, прекращением не только казней и арестов, но всяких ссылок, гонений и запрещений эта ужасная борьба озверевших людей может быть прекращена.

Я был твердо убежден, что лучшее из всего того, что могло бы сделать теперь правительство, было бы то, чтобы уступить во всем революционерам, предоставить им самим устраиваться, как они найдут лучшим. Но так же твердо я был убежден и в том, что такое предложение, если бы я сделал его, было бы принято только как проявление полного моего сумасшествия. И потому, несмотря на то что для меня было совершенно ясно, что продолжение ужасной деятельности правительства только ухудшает, а не улучшает положение, я не пытался не только писать, но и говорить об этом.

Прошло около месяца, и предположение мое, к несчастью, всё больше и больше подтверждалось. Казней становилось всё больше и больше, также и убийств и грабежей. Я знал это и по рассказам и по случайным заглядываниям в газеты, знал и то, что настроение и народа и общества становилось всё враждебнее и враждебнее правительству.

На-днях во время моей прогулки молодой человек, ехавший на крестьянской телеге по одному со мной направлению, соскочил с телеги и подошел ко мне.

Это был невысокий человек, с небольшими русыми усиками с нездоровым цветом умного и недоброго лица и понурым взглядом.

Одет он был в потертый пиджак и высокие сапоги. На голове у него была синяя с прямой тульей фуражка, как мне объяснили, составляющая модную революционную форму.

Он попросил у меня книжек, очевидно как повод вступления в разговор.

Я спросил, откуда он.

10 Он был крестьянин из недалекого села, из которого недавно приходили ко мне жены мужей, посаженных в тюрьму.

Село это я хорошо знаю. Я вводил там уставную грамоту и всегда любовался особенно красивым и бойким тамошним народом. Из этого же села были у меня в школе особенно даровитые школьники.

Я спросил его о тех крестьянах, которые были в тюрьме. Он с той же исключаяющей всякое сомнение уверенностью, которую я встречал в последнее время у всех, о том, что виною всему одно правительство, сказал мне, что они без всякой вины
20 были схвачены, избиты и посажены в тюрьму.

Только с большим трудом я мог добиться от него объяснения, в чем обвинялись эти люди.

Оказалось, что они были ораторы и собирали митинги, как он произносил, на которых говорилось о необходимости экспроприации земли.

Я сказал, что установление равного права всех на землю может быть достигнуто только тем, чтобы земля вообще перестала быть чьей бы то ни было собственностью, а не отчуждением или какими бы то ни было насильственными мерами.

30 Он не согласился с этим.

— Отчего же, — сказал он, — надо только *организоваться*.

— Как организовать? — спросил я.

— Да уж там видно будет.

— Что же, опять вооруженное восстание?

— Это печальная необходимость.

Я сказал то, что всегда говорю в таких случаях, что злом нельзя победить зло, что победить зло можно только неучастием в насилии.

— Да ведь жить нельзя стало, работы нет и земли нет.
40 Куда же денешься? — сказал он, исподлобья взглянув на меня.

— Я вам в деды гожусь, — сказал я, — и спорить с вами не стану, а одно скажу вам, как молодому человеку, начинающему жить: если дурно то, что делает правительство, то также дурно и то, что делаете вы или собираетесь делать. Вам, как человеку молодому, устанавливающему привычки, одно нужно: жить хорошо, не делать греха, не поступать против закона Бога.

Он недовольно тряхнул головой.

— Бог у каждого свой, миллионы людей — миллионы Богов.

— Всё-таки, — сказал я, — я бы вам советовал перестать 10 заниматься революцией.

— Что же делать? Нельзя же всё терпеть и терпеть, — отвечал он. — Что же делать?

Я почувствовал, что из нашего разговора ничего не выйдет, и хотел отъехать, но он остановил меня.

— Не можете ли вы мне помочь на выписку газеты? — сказал он.

Я отказал ему и с тяжелым чувством отъехал от него.

Это был уже не безработный мастеровой, как те тысячи, которые ходят теперь по России, а это был крестьянин-земледелец, живущий в деревне.

Вернувшись домой, я застал домашних в самом тяжелом настроении. Они только что прочли полученную газету (это было 6-го октября).

— Нынче опять 22 казненных. Это что-то ужасное, — сказала мне дочь.

— И не только ужасно, но нелепо. Они делают только всё хуже и хуже, — сказал я.

— Но что же делать? Ведь нельзя же оставить их безнаказанно убивать и грабить, — сказал кто-то то, что говорится 30 всегда в этих случаях и что я так много раз слышал.

Слова: *Что же делать?* были те же самые, которые говорили мне те два босяка из сада и сегодняшний крестьянин-революционер.

«Нельзя же покорно терпеть те безумные ужасы развратного правительства, губящего и государство и народ. Нам отвратительны меры, которые мы должны употреблять, но *что же делать?*» — говорят одни, революционеры.

«Нельзя же допустить того, чтобы какие-то самозванные устроители захватывали власть и по своему управляли Россией, 40

разращали и губили ее. Разумеется, принятые временно меры тяжелы, но *что же делать?*» — говорят другие — консерваторы.

И мне вспомнились мои близкие люди революционеры, и мои близкие люди консерваторы, и нынешний крестьянин, и те несчастные заблудшие революционеры, которые выписывают, готовят бомбы, убивают, грабят, и такие же несчастные, заблудшие люди, которые разрешают, устраивают полевые суды, заседают в них и расстреливают, вешают, и уверяют себя и те и другие, что они делают то, что должно, и те и другие повторяя одни и те же слова: *что же делать?*

Что же делать? — говорят и те и другие, но говорят это не в смысле вопроса: что мне делать? а в том смысле, что всем будет еще гораздо хуже, если мы перестанем делать то, что делаем.

И все так привыкли к этому странному вопросу, включающему в себя и объяснение и оправдание самых ужасных, безнравственных поступков, что никому и в голову не приходит спросить: «да кто же ты-то, спрашивающий: что делать? ты-то кто такой, для того чтобы считать себя призванным устраивать судьбу других людей посредством поступков, которые все люди, да и ты сам считаешь гадкими и преступными? Почему ты знаешь, что то, что ты хочешь изменить или удержать в том виде, в каком было, должно быть изменено именно так, как это тебе кажется хорошим, или должно быть удержано таким, каким было? Ведь ты знаешь, что есть много людей таких же, как ты, которые считают дурным и вредным то, что ты считаешь хорошим и полезным. И почему ты знаешь, что то, что ты делаешь, произведет ожидаемые тобой последствия, тогда как ты не можешь не знать, что последствия, особенно в делах, касающихся жизни народов, бывают чаще совершенно противоположны той цели, для которой они сделаны. И главное, какое право имеешь ты делать дела противные и закону Бога, если ты признаешь Его, или хотя самым общепринятым во всем мире законам нравственности, если ты ничего не признаешь, кроме общепринятых законов нравственности? По какому праву считаешь ты себя освобожденным от этих самых простых и несомненных общечеловеческих законов, несовместимых ни с твоими революционными, ни с твоими правительственными делами?»

Если же ты ставишь вопрос: что делать? действительно как вопрос, а не как оправдание, и относишь его, как и должно

быть, к себе, то ответ самый простой и ясный представляется сам собой. Ответ в том, что делать тебе надо не то, что ты воображаешь себя обязанным делать в качестве царя, министра, солдата или председателя того или иного революционного комитета или члена бсовой дружины, а делать тебе надо то, что свойственно тебе как человеку, то, чего требует от тебя та сила, которая послала тебя в мир, та сила, которая для каких-то своих целей и дала тебе ясный, определенный закон, записанный и в твоей и всех людей совести.

А стоит дать на вопрос: что же делать? ответ, состоящий 10 в том, что делать людям всем и всегда надо только то, чего от всех и всегда хочет Бог, чтобы мгновенно рассеялся тот нелепый и влекущий к преступлениям туман, под влиянием которого люди воображают, что почему-то они одни из миллионов, едва ли не наиболее запутанные, сбитые с истинного пути жизни люди, именно они-то будто бы и призваны решать судьбу миллионов и для гадательного блага этих миллионов совершать дела, производящие не гадательные, а очевидные бедствия этих самых миллионов.

Существует общий, признаваемый всеми разумными людьми 20 закон, подтверждаемый и преданием, и всеми религиями всех народов, и истинной наукой, и совестью каждого человека. Закон этот состоит в том, что все люди одинаково для исполнения своего призвания и достижения наибольшего блага должны помогать друг другу, любить друг друга, во всяком случае, не посягать на свободу и жизнь друг друга. Но вот являются люди, которые раздают друг другу различные роли: одни считаются королями, министрами, солдатами, другие членами комитетов, организаций, и люди так входят в свои роли, что, забывая свое действительное положение, уверяют себя 30 и других, что совсем не нужно держаться общего людям закона, что есть случаи, когда можно и должно поступать противно ему, и что такие отступления от вечного закона дадут и отдельным людям и обществам людей большее благо, чем следование разумному, высшему общему всем людям закону.

Рабочие на огромном, сложном заводе получили от хозяина ясное и признаваемое ими самими наставление о том, что они должны и чего не должны делать для успешного хода завода и для своего блага. И вот являются люди, не имеющие никакого понятия о том, что и как производит завод, которые уверяют

рабочих, что нужно перестать делать то, что предписано хозяином, а начать делать совершенно обратное, для того чтобы завод действовал правильно и рабочие получили бы наибольшее благо.

Разве не совершенно то же делают эти люди, не имеющие никакой возможности обнять всех тех последствий, которые вытекают из общей деятельности человечества? Они не только не соблюдают те установленные разумом человеческим общие всем и вечные законы для успеха этой деятельности и для блага отдельных лиц, но прямо и сознательно нарушают их в виду мелкой, односторонней, случайной цели, которую ставят себе некоторые из них (большой частью самые заблудшие), воображая себе (несмотря на то, что другие воображают себе совершенно обратное), что они этим достигнут результатов более благодетельных, чем те, которые достигаются при исполнении общего всем людям вечного и согласного с природой человека закона.

Знаю, что для людей, уверовавших в действительность взятых ими на себя ролей, простой и ясный ответ этот покажется отвлеченным и непрактичным. Практичным такие люди считают ответ, состоящий в том, что людям, не могущим ничего знать о последствиях своих поступков, не могущим знать живы ли они будут через час, знающим очень хорошо, что всякое убийство и насилие дурно, нужно всё-таки, под предлогом устройства воображаемого будущего блага других людей, поступать так, как будто они наверное знают, какие последствия производят их поступки, и как будто они ничего не знают о том, что убивать и мучать людей дурно, а знают только то, что нужна такая или иная монархия или такая или иная конституция.

Так это будет для многих людей, потерявших ясное сознание своего человеческого достоинства и призвания, но думаю, что огромное большинство людей, страдающих от всех ужасов и преступлений, совершающихся теперь, поймет, наконец, тот ужасный обман, в котором находятся люди, признавая законность и благотворность насильнической власти человека над человеком, и, поняв этот обман, навсегда освободится от безумия и преступности как участия в насильнической власти, так и подчинения ей. Только бы поняли все люди, что делать всякому человеку всегда надо только одно: исполнять то, чего требует от него то начало, которое управляет миром и требования которого не может не сознавать ни один человек, не лишен-

ный разума и совести, забыв о всяких своих положениях: министров, городских, председателей и членов разных боевых и не боевых партий, и не только не было бы тех ужасов и страданий, которыми полна жизнь человеческая и в особенности теперь жизнь русских людей, но было бы Царстве Божие на земле.

Если же хоть часть людей поступала бы так, то чем больше бы было таких людей, тем всё меньше и меньше становилось бы зла на свете, и всё больше и больше осуществлялось бы то Царство Божие на земле, к которому неудержимо стремятся все 10 сердца человеческие.

Ясная Поляна.
Октябрь 1906 г.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ ТЕКСТА «КОНЦА ВЕКА»:

Варианты текста первого издания «Свободного слова» по сравнению с текстом второго издания.¹

В VI главе вместо: греховности повиновения правительству — в 1-м издании — греховности правительства (*в настоящем издании, стр. 249, строки 22—23* — незаконности требований правительства); *вместо:* в сознательных отказах запасных от вступления в войска, в таких же сознательных отказах стрелять и драться, *стр. 249, строки 25—27*, — в отказах запасных от вступления в войска, в побегах из армии, в отказах стрелять и драться. *Начало предпоследнего абзаца от слов:* Таковы сознательные проявления, *кончая:* Престиж власти разрушен и, *стр. 249, строки 31—37*, — в 1-м издании отсутствует. *В том же абзаце вместо:* следует ли повиноваться правительству, *стр. 249, строки 39—40*, — следует ли перед Богом, перед своей совестью повиноваться правительству, требующему дел противных христианскому закону?

В 1-м издании «Свободного слова» глава XII озаглавлена: Заключение. *Она начинается словами:*

Жизнь человечества есть всё большее и большее уяснение сознания, оставление прежних ложных основ жизни и установление новых и следование им.

Дальнейший текст соответствует тексту «Заключения» во 2-м издании «Свободного слова» от слов: Жизнь человечества, так же, как отдельного человека, *стр. 275, строка 21, кончая:*

¹ Страницы и строки обозначаются по настоящему изданию.

и подпавших обману мнимого самоуправления, *стр. 276, строка 18, со следующим разночтением: вместо: особенно среди народов, стр. 276, строка 16, — что особенно заметно среди народов.*

Дальше в 1-м издании идет текст, начинающийся словами: Вследствие своей земледельческой жизни... Он соответствует тексту «Заключения» 2-го издания от слов: Вследствие своей земледельческой жизни, стр. 276, строка 27, кончая: естественного права на землю, стр. 277, строка 8, со следующим разночтением: вместо: степени напряжения вооружения больших государств, стр. 277, строка 5, — степени напряжения вооружения.

Следующий абзац: Большинство русских людей... — соответствует 1-му, 8-му и части 9-го абзаца «Заключения» во 2-м издании, кончая: а жизнь и истинная свобода есть реальность, со следующими разночтениями: вместо: или перестать быть, стр. 277, строка 11, — или отказаться быть; вместо: Участие в насилии правительств больших государств, стр. 277, строки 16—17, — Участие в насилии правительств; вместо: чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикция, а жизнь и истинная свобода есть реальность, стр. 277, строки 25—26, — чтобы люди поняли, что они свободны, имеют право и должны быть свободны.

Дальше идет текст, начинающийся словами: Ведь стоит только на минуту... Он соответствует тексту напечатанной во 2-м издании XII главы — «Свободы и свобода», начиная со слов Ведь стоит только, стр. 268, строка 6, кончая: так не поступает, стр. 269, строка 40, со следующими разночтениями: вместо: установленных привычек и суеверий, стр. 268, строки 6—7, — установленных обычаев, привычек, суеверий; вместо: всякого человека, живущего в государстве, стр. 268, строки 7—8, — всякого человека христианского мира; вместо: Британии, Франции, Германии, России, стр. 269, строка 26, — Британии, Франции, Германии; вместо: Я хочу наилучшим образом прожить свою жизнь, хочу работать, кормить семью, стр. 269, строки 32—33, — Я хочу прожить наилучшим образом свою жизнь, хочу сам решать, что мне приятно, полезно и должно делать; вместо: но никто не говорит этого и никто так не поступает, стр. 269, строки 39—40, — но никто так не поступает.

Следующий абзац: Одни городские люди... соответствует 11-му абзацу XII главы «Свободы и свобода» во 2-м издании,

начиная со слов: Еще понятно, что городские люди, *стр. 270, строка 14, кончая:* порабощение их полезно им, *стр. 270, строка 24, со следующими разночтениями:* вместо: Еще понятно, что городские люди — Одни, городские люди; *вместо:* Рокфеллер, *стр. 270, строка 17, — Г. Рокфеллер; вместо:* Это прежние дворовые по отношению крестьян, *стр. 270, строка 23, — Это* прежние дворовые, в выгодных должностях при своих господах, по отношению крестьян.

Следующий абзац: Но заблуждение это особенно странно в людях... *соответствует 10-му абзацу XII главы во 2-м издании, со следующими разночтениями:* вместо: Заблуждение это, *стр. 270, строка 9, — Но* заблуждение это; *вместо:* Индии, Канады, *стр. 270, строка 10, —* Индии, Китая.

Следующий абзац: Люди эти, поддерживая свое рабство... *соответствует 9-му абзацу той же главы во 2-м издании, со следующим разночтением:* вместо: Люди, поддерживая свое рабство ради веры в государство, совершенно подобны, *стр. 270, строки 5—6, —* Люди эти, поддерживая свое рабство, совершенно подобны.

Далее следует текст, не находящий себе соответствия во 2-м издании:

В таком положении находится в особенности русский народ, огромное большинство русского народа. Для того чтобы избавиться от всех тех увеличивающихся и увеличивающихся бедствий и войн и голода, от которых он страдает и которым не видно конца, русским людям, огромному большинству их, всем крестьянам, не надо ничего особенного предпринимать, а просто выйти в отворенную дверь клетки, то есть перестать думать о какой-то существующей только в воображении людей России и ее величии и единстве, а жить, добывая из земли свое пропитание, своей естественной, от Бога установленной, доброй, разумной жизнью, не повинаясь никому, кроме своей овести. И русские люди начинают понимать это. Поняв же это, они это и сделают, и то же самое должны сделать и те народы, большинство которых оставило земледельческую жизнь. Людям этим трудно будет перестать повиноваться правительствам, но как ни трудно это будет, они неизбежно будут приведены к этому бедствиями, которые неизбежно будут всё усиливаться и усиливаться до тех пор, пока будут эти люди повиноваться правительствам. Пока будут люди повиноваться правительствам,

будут искусственные соединения единых Франций, Британий, Соединенных Штатов. А будут эти соединения, будет милитаризм, будут войны, подати, будут монополии, тресты, и, несмотря на всевозможные изменения в правлении (социалистическая программа в том числе), будет всё больше и больше усиливаться рабство рабочего народа.

Ведь есть только одно основное, внешнее зло, от которого страдают люди. Зло это — разъединение их: то, что есть господа и рабы. В Индии это называется шатри и парши, в христианском мире, хотя оно никак не называется, есть то же самое. Есть люди обеспеченные, роскошествующие, праздные, правительственными или денежными средствами управляющие другими, и есть люди, большинство, не обеспеченные, над которыми всегда висит нужда, голод, забитые, вечно тяжело трудящиеся и подчиняющиеся или власти или богатству. Зло это чувствуют все. И потому ясно, что если люди хотят улучшить положение людей, то исправить нужно это зло, уничтожив это внешнее разделение людей. Прежние революции думали развязать этот узел насилием, но тщета этого средства уже давно обличилась: никакие изменения политического, экономического строя не могут уничтожить неравенства.

Исправить зло может только свобода, но не мнимая свобода, состоящая в мнимом участии в правлении, а истинная, простая свобода, состоящая в том, что человек не повинуется другому человеку или собранию людей.

Правда, что не всякий человек может не повиноваться людям.

Вслед за этим до конца статьи идет текст, начинающийся словами: Нельзя сказать себе... Он соответствует четырем последним абзацам главы XII во 2-м издании, со следующими разночтениями: вместо: Не повиноваться людям можно только тогда, стр. 274, строки 34—35, — Не повиноваться людям только можно тогда; вместо: подчиняющихся только своим, доступным всем, основанным не на насилии, а на взаимном согласии установлениям, стр. 275, строки 8—10, — подчиняющихся не законам, основанным на насилии и угрозах, а на высшем, признаваемом всеми, религиозном христианском законе взаимного служения, основанном на любви к Богу и ближнему и исключаящем всякое насилие.

Варианты текста второго издания «Свободного слова» по сравнению с текстом настоящего издания (и текстом исправленной Толстым корректуры издательства «Посредник»).¹

Стр. 232, строки 27—28.

в отсутствии в руководящих сферах какой бы то ни было религии,

Стр. 233, строки 9—10.

русского государственного устройства

Стр. 233, строки 10—11.

русского государства,

Стр. 233, строка 16.

началось давно.

Стр. 233, строка 19.

Государство,

Стр. 233, строки 22, 23, 24, 25.

государство,

Стр. 233, строки 28—29.

законов, религию,

Стр. 233, строки 30—31.

предписывающую любовь к врагам, возвеличивающую

Стр. 233, строка 33.

принимает эту христианскую религию, но не в ее истинном смысле, а в том извращенном виде, при котором продолжает быть возможным языческое устройство жизни.

в отсутствии в имеющих наибольшее влияние на других какой бы то ни было религии,

русского правительства

русского правительства,

началось уже давно.

Такое учреждение, как государство,
(поправка И. И. Горбунова).

учреждение,

законов, принимает религию,

предписывающую любовь к врагам, религию, возвеличивающую

принимает эту христианскую религию.

¹ Слева текст 2-го издания «Свободного слова», справа — настоящего издания. Страницы и строки обозначаются по настоящему изданию.

Стр. 234, строки 17—18. удерживало живую воду,	удерживало его живую воду,
Стр. 234, строка 35. на воде	на море
Стр. 235, строка 8. вводился	вводился и поддерживался
Стр. 235, строки 13—14. рабское подчинение.	рабское подчинение деспотизму.
Стр. 236, строки 6—8. превосходство в военном деле нехристианских народов над христианскими, при равных средствах военной техники, с полной очевидностью проявилось	превосходство в военном деле нехристианских народов над христианскими с полной очевидностью проявилось
Стр. 236, строки 21—22. когда ему это понадобилось	когда ему понадобилось
Стр. 236, строки 24—25. сумел применить	сумел практически применить
Стр. 236, строки 38—39. усвоил всё то, что давало военное преимущество христианским народам, и, став сильнее их, поняв ту простую истину,	усвоил ту простую истину
Стр. 237, строка 2. эту технику	ту технику
Стр. 237, строка 18. подавленные	подавленные
Стр. 237, строки 26—28. христианские народы делали не только дурное, безнравственное дело, но дело противное тому христианскому духу, который живет в них, такое дело,	христианские народы делали дело не только противное тому христианскому духу, который живет в них, но и безнравственное и глупое дело, такое,

Стр. 238, строки 11—12. жизней	жизней миллионов людей
Стр. 238, строки 14—15. в которой они постоянно на- ходятся,	в которой постоянно нахо- дятся эти народы,
Стр. 238, строки 22—23. потерины произведения тру- дов народа,	потерины миллиарды денег, произведения трудов народа,
Стр. 238, строка 24. И хуже всего то, что винов- ники	И виновники
Стр. 239, строки 8—9. Ближайшим же средством осуществления равенства	Средством же осуществле- ния равенства
Стр. 239, строки 9—10. представлялось отнятие	представлялось тогда отнятие
Стр. 239, строки 10—11. деятели той революции осу- ществляли	деятели той революции ста- рались осуществить
Стр. 239, строки 17—18. бессмысленных и жестоких смертоубийствах,	бессмысленных и смерто- убийственных войнах,
Стр. 239, строки 21—22. противоречие особенно	противоречие теперь осо- бенно
Стр. 239, строки 23—24. народ вовлечен	народ был вовлечен
Стр. 239, строка 40. составляющая главную цель	составляющая цель
Стр. 240, строки 1—2. не может быть достигнута насилием	не может быть достигнута насилием. Казалось бы, что это должно бы быть очевидно.
Стр. 240, строки 3—7. А между тем теперь люди, производящие революцию в	А между тем люди, произ- водящие теперь революцию в

Россиц, думают, что, проделав всё то, что происходило в европейских революциях, с торжественными похоронными шествиями, разрушениями тюрем, блестящими речами «allez dire à votre maître»,¹ учредительным собранием и т. п., они, свергнув существующее правительство и учредив новую конституционную монархию или даже социалистическую республику, они достигнут той цели, совершающейся революцией.

Стр. 240, строка 21.

не замены

Стр. 240, строки 26—27.

или приобретения государством

Стр. 240, строки 31—33.

Не мнимая, а действительная свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не каким бы то ни было новым, вводимым насильем учреждением, а только прекращением повиновения каким бы то ни было человеческим властям.

Стр. 241, строки 20—21.

необходимостью угрозы возмездия.

Стр. 241, строка 21.

без угрозы и возмездия

Россиц, думают, что, насильем свергнув существующее правительство и насильем же учредив новое — конституционную монархию или даже социалистическую республику, они достигнут цели совершающейся революции — свободы.

не учредительное собрание и замена

или присвоении государством

(поправка И. И. Горбунова).

Действительная же свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не какими бы то ни было новыми насильственными учреждениями, а только прекращением повиновения людям.

необходимостью возмездия.

без возмездия

¹ [«идите и скажите своему господину»,]

- Стр. 241, строка 24.
законы, то есть насилия,
- Стр. 241, строка 25.
Но повелевающие неизбежно развращались
- Стр. 241, строка 37.
разъяснив незаконность,
- Стр. 241, строка 40.
Христианское учение показало не только несправедливость, но зловредность возмездия, показало, что
- Стр. 242, строки 21—22.
о справедливости возмездия, как
- Стр. 243, строки 19—20.
Учение показывало,
- Стр. 243, строка 27.
Учение это
- Стр. 243, строки 29—30.
закона, для которого
- Стр. 243, строка 30.
Учение показывало,
- Стр. 243, строки 32—33.
есть только покорное
- Стр. 244, строка 12.
были гонимы
- Стр. 244, строки 27—28.
подчинялись и тем, которые совершались
- законы насилия;
- И повелевающие развращались
- разъяснив неразумность,
- Христианское учение показало, что
- о справедливости возмездия и о необходимости угрозы, как
- Христианское учение показывало
(поправка И. И. Горбунова).
- Учение христианское
(поправка И. И. Горбунова).
- закона взаимного служения, для которого
- Учение это показывало,
- есть только одно: покорное
- они были гонимы
(поправка И. И. Горбунова).
- подчинялись и тем насильям, которые совершались
(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 248, строки 33—34.
Эти разных наименований
христиане не признавали

Стр. 249, строки 22—23.
незаконности, греховности
повиновения правительству.

Стр. 250, строки 35—38.
Как ни жесток мог быть хо-
зяин личного раба, он, в виду
своей выгоды, не заставлял
раба, чтобы не лишиться его,
не переставая работать

Стр. 251, строка 1.
раб всегда должен

Стр. 251, строки 5—6.
корыстных людей. И в этом
еще

Стр. 251, строка 23.
есть обман, только на время
скрывающийся

Стр. 251, строка 35.
п народу не видна была

Стр. 252, строки 2—3.
и народ всё яснее и яснее
видал, что так жить нельзя.

Стр. 252, строка 9.
положение его

Стр. 252, строка 13.
удерживая за ними,

Стр. 252, строки 18—19.
только не в отнятии

Эти разных наименований
христиане, все одинаково, не
признавали

незаконности требований
правительства.

Как ни жесток мог быть хо-
зяин личного раба, он, в виду
своей выгоды, чтобы не ли-
шиться раба, не заставлял его
не переставая работать,
(поправка И. И. Горбунова).

раб часто должен

корыстных людей, во вла-
сти которых он находится. И в
этом еще

только обман, на время скры-
вающий

и народу не чувствительна
была

и народ всё живее и живее
чувствовал тяжесть своего по-
ложения.

положение народа
(поправка И. И. Горбунова).

удерживая ее за ними,

только не в том, в чем они
действительно заключаются, —
в отнятии

Стр. 252, строки 30—31.

Русским же людям явно видна основная несправедливость, еще не вполне совершенная над ними.

Стр. 252, строки 35—36.

таковы, по моему мнению, причины

Стр. 253, строка 9.

от насилия власти

Стр. 253, строки 24—25.

пользуясь всеми благами общественного устройства, свободные от государственного насилия, не испытывают

Стр. 253, строка 31.

выгодно то государственное устройство.

Стр. 253, строка 33.

они чувствуют

Стр. 253, строка 37.

пугают людей, — тем,

Стр. 254, строка 19.

Меттернихи и Тайлераны, Николай — хуже общего уровня,

Стр. 254, строка 21.

Во всяком обществе людей

Стр. 254, строка 24.

и в обществе

Стр. 254, строки 25—26.

сдерживаемые в своих поступках отчасти борьбой с оскорбленными ими людьми

Русским же людям эта основная несправедливость, еще не вполне совершенная над ними, ясно видна.

таковы, по моему мнению, две ближайшие внешние причины

от насилия этой власти

пользуясь всеми благами общественного устройства, не испытывают

выгодно государственное устройство.

и они скажут, что чувствуют

пугают людей, а именно тем,

Меттернихи и Тайлераны — хуже общего уровня,

Я старался показать, что во всяком обществе людей

и что в обществе

сдерживаемые в своих поступках отчасти борьбой с ними оскорбленных ими людей
(поправка И. И. Горбунова).

Стр. 254, строка 33.
вызванным общественным
мнением.

Стр. 255, строки 24, 25, 26, 27.
Италией, Францией, Кита-
ем, Россией,

Стр. 255, строки 37—38.
делать дела,

Стр. 256, строка 3.
повиноваться властям

Стр. 256, строки 5—6.
Соединенных Штатов,

Стр. 156, строки 30—31.
Суеверие же государства,

Стр. 257, строки 9—19.

И потому, если уничтожатся
искусственные соединения в
большие государства вслед-
ствие того, что люди покорно,
без борьбы, подчиняясь вся-
кому насилию, перестанут по-
вноваться правительству, то
такое уничтожение сделает
только то, что среди таких лю-
дей будет меньше насилия,

Стр. 257, строка 21.
уже 2500 лет

Стр. 257, строки 18—19.
входит в сознание челове-
чества.

Вообще же всему русскому
народу, как городскому, так

вызванным ими обществен-
ным мнением.

Италия, Франция, Китай,
Россия,

делать по требованию вла-
сти дела,

повиноваться власти

Соединенных Штатов, Ав-
стрий,

Суеверие же государства,
отечества,

И потому уничтожение ис-
кусственных соединений боль-
ших государств вследствие то-
го, что люди покорно, без
борьбы, подчиняясь всякому
насилию, перестанут повино-
ваться правительству, не пред-
ставляет ничего страшного, и
если и когда совершится, сде-
лает только то, что среди таких
людей, не признающих своей
принадлежности к государ-
ству, будет меньше насилия,

уже столько веков

входит в сознание челове-
чества.

(В корректуре издательства
«Посредник» абзац: Вообще же

и сельскому населению, надо, главное, в такое важное, решительное время, как теперешнее, не жить чужим опытом, чужими мыслями, понятиями, словами, разными социал-демократиями, конституциями, экспроприациями, бюро, делегатами, кандидатурой, мандатами и т. д.; а думать своим умом, жить своей жизнью, выработывая из своего прошедшего, из своих духовных основ свойственные этому прошедшему и этим основам свои новые формы жизни.

Стр. 258, строка 9.

место теперешней революции

Стр. 258, строка 23.

останавливает его ход

Стр. 258, строка 36.

путь, на котором он стоит, пойдет

Стр. 259, строка 8.

от забот

Стр. 259, строка 13.

в которые могут втянуть

Стр. 259, строка 17.

и без борьбы переносить, то есть подчиняться

Стр. 259, строка 24.

от насилия

Стр. 259, строка 34.

прекратить

всему русскому народу... *отсутствует*).

местом теперешней революции

останавливает ход имеющегося совершиться переворота,

путь, на котором он стоит теперь, пойдет

от заботы

в которые хотят втянуть

и без борьбы подчиняться

от насилий

может прекратить

Стр. 258, строка 40.

техникам и проч.,

Стр. 260, строки 23—24.

дать им истинное благо, когда у людей есть идеалы новой, лучшей жизни.

У людей же

Стр. 260, строки 25—26.

нет ни каких-либо новых основ, ни каких-либо новых идеалов.

Стр. 260, строка 27.

переменить одну старую форму насилия на другую,

Стр. 260, строки 32—33.

выставляет своим идеалом

Стр. 260, строка 37.

нет никаких новых идеалов.

Стр. 260, строки 39—40.

неповиновением человеческой власти.

Ради того, чтобы освободиться от всех зол, удручающих теперь рабочих людей, им нужно, без борьбы, без насилия, перестать повиноваться власти. И это же самое — покорное перенесение насилия и неповиновение власти — нужно и для исполнения того закона, который исповедуют христианские народы. Христианин, как христианин, не может повиноваться, а повинуюсь — невольно участвовать в той власти, которая вся основана на

техникам, фабричным рабочим,

дать им истинное благо.
У людей же

нет никаких новых основ:

переменить одну старую форму насилия на новую,

выставляет новой основой жизни

нет никаких новых основ жизни.

неповиновением человеческой власти.

(В корректуре издательства «Посредник» абзац: Ради того чтобы освободиться... перечеркнут крест-на-крест, и сбоку рукой Толстого написано: ad libitum, т. е. «по желанию».)

насилию, держится насилием и не переставая совершает самые противные христианскому закону насилия: солдатство, войны, тюрьмы, казни, лишение народа возможности пользоваться землею. Так что как телесное благо людей, так и высшее, духовное, достигается только одним: перенесением без борьбы всякого насилия, но — неучастием в нем, *неповиновением власти*.

Стр. 261, строка 3,
это — оставить

Стр. 261, строки 6—14.
постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к пользованию властью и, главное, трудолюбию, не только не возбуждать людей, как они это теперь делают, к насилию, а, напротив, удерживать их от всякого участия в насильнической деятельности, от всякого повиновения какой бы то ни было насильнической власти и служить людям своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства.

Стр. 261, строки 22—23.
переворот должен начаться и должен совершиться

это то, чтобы оставить

постараться, научившись от него его терпению, равнодушию и презрению к власти и, главное, трудолюбию, служить ему своими, если это понадобится, книжными знаниями в разъяснении тех вопросов, которые неизбежно возникнут при упразднении правительства, не только не возбуждать его, как они это теперь делают, к насилию, а, напротив, удерживать его от всякого участия в насильнической деятельности, от всякого повиновения какой бы то ни было насильнической власти.

переворот начинается и должен совершиться

Стр. 261, строки 25—26.

никогда не мешало общественному устройству земледельческих общин.

Стр. 261, строки 34—35.

а основанное на взаимном согласии

Стр. 261, строка 38—стр. 262, строка 1.

Такие общины уходили в Турцию,

Стр. 261, строки 2—3.

спокойно жили и живут там под властью турецкого султана.

Стр. 261, строки 3—5.

Такие общины, сами того не зная, переходили в Китай, в среднюю Азию,

Стр. 261, строка 14.

только будет содействовать

Стр. 261, строка 24.

и удовлетворяли его требованиям

Стр. 261, строка 36.

что мешало его росту.

Стр. 261, строка 38.

не те торопливые, дерзкие и самоуверенные люди,

Стр. 262, строка 9.

надо только продолжать жить,

Стр. 262, строка 10.

но только не участвовать

никогда не мешало правильной и мирной общественной жизни земледельческих общин.

а свободное, основанное на взаимном согласии

Такие общины уходили в среднюю Азию, в Турцию,

спокойно жили там поколениями под властью турецкого султана.

Такие общины переходили в Китай, не зная того, что занимаемая ими земля принадлежит Китаю,
(поправка И. И. Горбунова).

только может содействовать

и вполне удовлетворяют его требованиям

что мешает его росту:

не торопливые и самоуверенные люди,

надо, продолжая жить,

не участвовать

- Стр. 269, строка 21.
заставляло людей воевать заставляло людей воору-
жаться и воевать
- Стр. 263, строки 32—33.
земледельческая же жизнь земледельческая же жизнь—
приведет к самому к самому
- Стр. 264, строка 26.
Нью-Йорка, больших горо- Нью-Йорка и всех больших
дов, городов,
- Стр. 265, строки 9—10.
которая кажется так которая кажется такой дра-
драгоценна гоценной
- Стр. 266, строки 2—3.
достанутся когда-то их по- достанутся когда-то и их по-
томкам. томкам.
- Стр. 266, строка 6.
как и на тех как и тех
- Стр. 266, строки 18—19.
увидите такие же 36-ти этаж- увидите всяких родов не-
ные дома, лепости, такие же, как эти
36-ти этажные дома,
(поправка И. И. Горбунова).
- Стр. 266, строка 19.
египетских пирамид. египетских пирамид.
(Абзац: Защитники цивили-
зации говорят... в корректуре
издательства «Посредник» за-
черкнут.)
- Защитники цивилизации го-
ворят: «мы готовы исправить
дурное, но только чтобы всё
то, что выработало человече-
ство, оставалось нетронутым».
Ведь то же самое говорит док-
тору погубивший дурною жиз-
нью свое положение и здоро-
вье развратник, который го-
тов согласиться на всё то, что
советует ему врач, но только
с тем условием, чтобы ему про-
должать так же развратно

жить. Такому человеку мы говорим, что, для того чтобы ему улучшить свое положение, ему надо перестать жить, как он живет. То же самое пора сказать и понять христианскому человечеству.

Стр. 266, строки 22—23.

признают за цель или результат и считают

Стр. 266, строки 23—24.

будет благом только, когда

Стр. 266, строки 26—27.

но губительно для ядер, тюремных запоров.

Стр. 266, строки 29—30.

но еще с большим успехом—развратные и ложные.

Стр. 266, строки 32—34.

В нашем же обществе, где меньшинство давит большинство, она — великое зло. Она есть только лишнее орудие угнетения большинства властвующим меньшинством.

Стр. 266, строка 39.

Пора понять, что спасение

Стр. 267, строка 3.

то, что мы имеем,

Стр. 267, строки 10—12.

необходимо выбрать одно из двух:

Стр. 267, строка 13.

цивилизация даст

признают за цель и считают

будет благом только тогда, когда

но губительно в ядрах, тюремных запорах.

(поправка И. И. Горбунова).

но еще с большим, как мы это видим, успехом—глупые, развратные и ложные.

В нашем же христианском мире, где большинство находится в рабском угнетении у меньшинства, она есть только лишнее орудие угнетения.

Пора понять вам, что спасение

то, что мы несем,

необходимо для того чтобы жить разумной жизнью выбрать одно из двух:

цивилизация дает

**НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ
И НЕОКОНЧЕННОЕ**

*[ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПРЕДИСЛОВИЯ К СТАТЬЕ
В. Г. ЧЕРТКОВА «О РЕВОЛЮЦИИ».]

Владимиръ Григорьевичъ,

Прочелъ вашу статью, и вотъ что мнѣ хочется сказать о ней. «Нѣтъ болѣе безнадежныхъ глухихъ, какъ тѣ, которые не хотятъ слышать». Противъ такихъ глухихъ ничего не сдѣлаешь. И прочтя вашу статью, я невольно подумалъ про нихъ и пожалѣлъ, что ихъ такъ много.

Одинъ мой знакомый, страстный охотникъ на дикихъ и опасныхъ звѣрей, говорилъ, что когда выведутся такіе звѣри, спортъ можетъ состоять въ томъ, что человѣкъ будетъ становиться съ ружьемъ или пистолетомъ на рельсы лицомъ къ летящему на него локомотиву. Въ локомотивѣ будетъ устроена кнопка, ударъ въ которую пулей остановить поѣздъ. Промახнулся, задавить.

Я думаю, что въ наше время революціонная дѣятельность очень похожа на такой спортъ; она такъ же увлекательна и такъ же бесполезна. Разница только въ томъ, что тамъ, въ случаѣ вѣрнаго выстрѣла, спортсменъ можетъ быть не задавленъ, въ революціонной же дѣятельности онъ всегда навѣрное будетъ задавленъ.

Я не говорю о побудительныхъ причинахъ революціонной дѣятельности. Причины эти самыя разнообразныя: отъ самаго искренняго юношескаго желанія самопожертвованія для служенія людямъ до мелочнаго самолюбія и раздраженія, заставляющихъ избирать революціонную дѣятельность только потому, что она даетъ возможность безъ особеннаго труда сверху внизъ смотрѣть на огромное большинство людей.

Я говорю о томъ характерѣ, который, по ея нецѣлесообразности, всегда въ наше время принимаетъ революціонная дѣятельность.

Только вспомнить русскія попытки недворцовыхъ революцій, начиная съ 14-го Декабря до послѣднихъ дѣлъ несчастнаго Гершуни. Попытка революціи 14-го Декабря, происходившая въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ случайнаго междоцарствія и принадлежности къ военному сословію большинства членовъ и въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ, — и та не имѣла ни малѣйшаго

вѣроятія успѣха, что чувствовали и признавали сами участники ея, и безъ малѣйшаго усилія была задавлена покорными правительству войсками. Всѣ же послѣдующія попытки русскихъ революцій, начиная отъ похищеній десятка молодыхъ мужчинъ и женщинъ, намѣревавшихся, вооруживъ русскихъ крестьянъ находившимися въ ихъ распоряженіи 30-ю револьверами, побѣдить миллионную правительственную армію, и до послѣднихъ шестій рабочихъ съ флагами и криками «дой самодержавіе», легко разгоняемыхъ десятками будочниковъ и казаковъ съ нагайками, также и тѣ отчаянные взрывы и убійства 70-хъ годовъ, кончившіеся 1-мъ Марта, — ни въ какомъ случаѣ не могли кончиться ничѣмъ инымъ, какъ только погибелью многихъ хорошихъ людей и самой жестокой реакціей со стороны правительства.

Невольно любуешься молодечествомъ Жерара, охотника на львовъ, точно такъ же невольно любуешься, независимо отъ послѣдствій ихъ дѣятельности, и молодечествомъ, самоотверженіемъ русскихъ революціонеровъ, ходившихъ въ народъ, такъ же какъ и отчаянной дѣятельностью Халтуриныхъ, Рысаковыхъ, Михайловыхъ и другихъ, но нельзя не видѣть, что главный двигатель дѣятельности этихъ людей былъ тотъ же, какъ и тотъ, который руководилъ Жераромъ. Какъ Жераръ не могъ не видѣть того, что убійствомъ десятка львовъ онъ не избавитъ жителей Африки отъ львиной опасности, такъ же и люди, ходившіе въ народъ, или устраивающіе шествія по улицамъ съ флагами, или убивающіе отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ, не могли и не могутъ не видѣть, что они этими средствами никогда не побѣдятъ русскаго правительства. Такъ что главный двигатель и тѣхъ и другихъ, очевидно, былъ не достиженіе извѣстной цѣли, а избытокъ силъ, борьба съ опасностями, игра своею жизнью.

Когда я былъ охотникомъ, я помню, что несмотря на то, что я былъ въ полномъ обладаніи своихъ умственныхъ способностей, всѣ разсужденія о безуміи того, чтобы скакать сломя голову за ненужнымъ мнѣ зайцемъ или волкомъ, или ѣздить за сотни верстъ, чтобы, увязая въ болотахъ или снѣгу, убить нѣсколько ненужныхъ мнѣ птичекъ или столь же ненужнаго медвѣдя, — всѣ эти разсужденія я пропускалъ мимо ушей и былъ не только увѣренъ въ важности своей дѣятельности, но гордился ею. То же и съ революціонерами.

Только тѣмъ, что революціонная дѣятельность есть спортъ, и можно объяснить то, что люди здравомыслящіе предаются такой явно бесполезной дѣятельности, и то, что никакіе доводы, доказывающіе тщету и даже вредъ ихъ дѣятельности, не дѣйствуютъ на нихъ. Жалко видѣть, когда энергія людей тратится на то, чтобы убивать животныхъ, пробѣгать на велосипедахъ большія пространства, скакать черезъ канавы, бороться и т. п., и еще болѣе жалко, когда эта энергія тратится на то, чтобы

тревожить людей, вовлекать ихъ въ опасную дѣятельность, разрушающую ихъ жизнь, или еще хуже: дѣлать динамитъ, взрывать или просто убивать какое-нибудь почитаемое вреднымъ правительственное лицо, на мѣсто котораго готовы тысячи еще болѣе вредныхъ.

Революціонеры говорятъ, что цѣль ихъ дѣятельности въ томъ, чтобы содѣйствовать улучшенію общей жизни людей посредствомъ освобожденія ихъ отъ совершаемыхъ надъ ними насилій: дать имъ свободу. Но вѣдь это только отговорка или предлогъ. Дѣятельность революціонеровъ не можетъ дать свободу людямъ потому, что подъ свободой революціонеры понимаютъ совершенно то же самое, что подъ этимъ словомъ разумѣютъ правительства, утверждающія, что они обезпечиваютъ свободу своихъ подданныхъ; и осуществить эту свободу революціонеры стремятся тѣми же способами. Свободу правительства, какъ и революціонеры, понимаютъ какъ нѣчто положительное, какъ совокупность правъ человѣка. *«Свобода каждаго должна быть такова, чтобы она не нарушала свободу другихъ»*. На эту тему съ различными комментаріями и разъясненіями написаны горы книгъ. Написано же объ этомъ такъ много именно потому, что основное опредѣленіе невѣрно. Свобода каждаго по отношенію къ другимъ лицамъ есть понятіе не положительное, а отрицательное. Свободенъ человѣкъ не тогда, когда такъ или иначе опредѣлены его права, а только тогда, когда никто не насилуетъ его. Опредѣленіе правъ людей включаетъ понятіе ограниченія дѣятельности людей, а ограниченіе можетъ быть достигнуто только насиліемъ или угрозой его.

И потому свободны люди не тогда, когда такъ или иначе опредѣлены ихъ права, а только тогда, когда они не совершаютъ насилій другъ надъ другомъ. Не совершать же насилій другъ надъ другомъ могутъ только люди, признающіе незаконность, преступность, бессмысленность насилія. Такъ что свобода людей достигается не опредѣленіемъ какихъ-либо правъ, а только признаніемъ всѣми людьми незаконности, преступности, ненужности насилія. Истинно свободны люди могутъ быть только въ обществѣ, гдѣ всѣ сознаютъ возможность и необходимость замѣны насилія разумнымъ убѣжденіемъ. А такъ какъ всѣ люди разумныя существа, то они не могутъ не видѣть того, что эта замѣна насилія разумнымъ убѣжденіемъ возможна и что къ осуществленію ея и должны стремиться люди. Дѣятельность же революціонеровъ не только не содѣйствуетъ этой замѣнѣ насилія убѣжденіемъ, а, напротивъ, предшествуетъ ей, призывая людей къ новымъ формамъ насилія для измѣненія прежнихъ.

Замѣна же насилія убѣжденіемъ можетъ произойти не вслѣдствіе измѣненія формъ общества, а только вслѣдствіе сознанія всѣми людьми незаконности, преступности, ненужности насилія и возможности устройства общественной жизни на основаніи разумнаго убѣжденія и согласія. И содѣйствовать такому

сознанію можетъ всякій человѣкъ прежде всего уясненіемъ своего собственнаго сознанія и потомъ своей доброй жизнью, на дѣлѣ доказывающей возможность замѣны насилія убѣжденіемъ.

Думай серьезно, пойми и опредѣли смыслъ своей жизни и свое назначеніе въ ней, — религія укажетъ тебѣ его, — старайся ясно, не стѣсняясь никакими соображеніями, осуществить жизнью то, что ты считаешь своимъ человѣческимъ назначеніемъ, а главное, живи, не участвуя въ томъ злѣ, которое ты сознаешь и осуждаешь, и этимъ самымъ ты будешь содѣйствовать уясненію сознанія людей и посредствомъ уясненія ихъ сознанія будешь самымъ дѣйствительнымъ средствомъ содѣйствовать улучшенію жизни людей и истинному освобожденію ихъ. Въ такой дѣятельности никто и ничто помѣшать не можетъ.

Только такой дѣятельностью можно служить человѣчеству, и только такой дѣятельностью подвигаются люди къ своему общему благу. Дѣятельность же, употребляющая насиліе для уничтоженія насилія, очевидно, не можетъ содѣйствовать этому движенію; не только не содѣйствуетъ, но задерживаетъ его. Такъ что движеніе впередъ человѣчества къ своему благу совершается не только не благодаря дѣятельности революціонеровъ, такъ же какъ и всѣхъ людей, призвающихъ законность насилія, а несмотря на такую дѣятельность.

Духовная дѣятельность есть величайшая, могущественнѣйшая сила, — она движетъ всѣмъ міромъ, — но для того чтобы она была движущей міромъ силой, нужно, чтобы люди вѣрили въ ея могущество и понимали, что могущество ея не въ томъ, чтобы механически передавать чужія мысли и суетить народъ и самому суетиться, а въ томъ, чтобы серьезно самому думать, прямо и безъ компромиссовъ говорить то, что думаешь, и жить согласно съ тѣмъ, что думаешь и говоришь.

«Но мнѣ не позволяютъ говорить то, что я думаю, и жить такъ, какъ я считаю нужнымъ».

Никто не можетъ заставить тебя говорить то, что ты не считаешь нужнымъ, и жить такъ, какъ ты не хочешь. Всѣ же усилія тѣхъ, которые будутъ насилловать тебя, только послужатъ усиленію воздѣйствія твоихъ словъ и поступковъ.

Я очень желалъ бы, чтобы статья ваша приобрѣла бы побольше читателей, въ особенности среди молодежи, съ тѣмъ чтобы хоть молодые люди, у которыхъ нѣтъ связывающаго и затемняющаго ихъ сознанія революціоннаго прошедшаго, поняли бы, что спортъ — одно дѣло, и если хочешь заниматься имъ, то можно избрать крикетъ, греблю, теннисъ, скачки, псовую охоту и т. п., содѣйствіе же улучшенію общественной жизни есть дѣло совсѣмъ другое и не достигается революціоннымъ спортомъ.

Вотъ тѣ мысли, которыя вызвала во мнѣ ваша статья. Если найдете нужнымъ, напечатайте это письмо въ видѣ предисловія.

Левъ Толстой.

20 Мая 1904 г.

* КАКЪ И ЗАЧѢМЪ ЖИТЬ?

Малыя дѣти не думаютъ о томъ, какъ жить и зачѣмъ жить, а до 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ лѣтъ живутъ какъ звѣрки: ѣдятъ, играютъ, разминаютъ члены, и только изрѣдка проявляется въ нихъ свѣтъ разума и любви. Есть люди, которые и до 12, 14, 20, иногда и до 40 лѣтъ живутъ, какъ неразумныя существа, отдаваясь своимъ страстямъ, отличаясь отъ животныхъ только разсужденіями ума о видимыхъ предметахъ, но не понимая смысла своей жизни и не думая о немъ.

Если и находятъ на такихъ людей минуты и часы просвѣтлѣнія, когда люди эти задумываются о смыслѣ жизни, оглядываются на себя, спрашиваютъ себя: что такое жизнь и зачѣмъ они живутъ такъ, то, не находя ясныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, минуты и часы проходятъ, не оставляя слѣдовъ, и люди живутъ дальше и дальше, и когда въ старости опять задаютъ себѣ тѣ же вопросы, уже такъ привыкли къ той жизни, которую провели и ведутъ, такъ привыкли къ тѣмъ оправданіямъ дурной жизни, которыя даетъ себѣ большинство людей, что не только продолжаютъ жить дурно, но и отгоняютъ отъ себя тѣ разумные, вѣчные отвѣты на вопросы о томъ, какъ жить и зачѣмъ жить, которые даетъ истинная, единая для всѣхъ людей религія.

Мало того, что такіе люди, живя дурно, сами лишаютъ себя истиннаго и неотъемлемаго у человѣка блага духовной, согласной съ высшимъ закономъ, жизни, эти люди, особенно въ возмужалости и старости, естественно по своему возрасту и положенію руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, все больше и больше утверждаютъ слѣдующія поколѣнія въ несвойственной разумному существу-человѣку неразумной, животной жизни.

Несвойственная же людямъ жизнь производитъ среди людей все большія и большія страданія.

Вотъ поэтому и особенно важно то, чтобы наирасумнѣйшее, а потому и наипонятнѣйшее объясненіе смысла жизни и вытекающаго изъ него направленія жизни человѣческой было бы извѣстно людямъ, распространено между ними и внушаемо и дѣтямъ и тому огромному большинству, которое, не рѣшая

вопросовъ, подчиняется наиболѣе распространенному объясненію смысла и вытекающему изъ него направленію жизни.

Въ чемъ же состоитъ это наилучшее объясненіе смысла и вытекающее изъ него направленіе жизни и откуда мы можемъ узнать его?

Объясненіе это дано въ религіозномъ пониманіи жизни, выраженномъ и въ древнихъ религіяхъ человѣчества и въ тѣхъ разъясненіяхъ (преимущественно очищеніяхъ) этихъ религій, которыя совершены и совершаются до самаго послѣдняго времени людьми религіозными, т. е. имѣющими способность видѣть и понимать смыслъ жизни не человѣчески, не по отношенію только къ данному мѣсту и времени, а во всемъ его вѣчномъ и всемірномъ значеніи.

Жизнь отдѣльнаго человѣка вѣдь не въ чемъ иномъ, какъ въ его приближеніи къ смерти, къ освобожденію отъ тѣла, его духовной сущности, въ все большемъ и большемъ освобожденіи его духовной природы. Въ смерти оно свершилось. Въ жизни оно совершается. И потому чѣмъ дальше идетъ жизнь отдѣльнаго человѣка, чѣмъ болѣе онъ старѣется, тѣмъ болѣе освобождается его духовная природа, тѣмъ яснѣе онъ понимаетъ сущность жизни.

То же самое совершается и въ жизни всего человѣчества.

Обыкновенно мудрость старчества приписываютъ древности, т. е. временамъ, отдаленнымъ отъ насъ въ прошедшемъ, и религіознымъ выраженіямъ древности. Но это несправедливо. Точно такъ же, какъ отдѣльный человѣкъ, подвигаясь въ жизни, все болѣе и болѣе освобождаясь отъ страстей, все болѣе и болѣе умудряется, такъ точно и человѣчество. Высшая мудрость человѣчества не за тысячи лѣтъ до насъ, а теперь, сейчасъ.

Въ смыслѣ религіозномъ, т. е. въ объясненіи смысла и указанія направленія жизни, мудрость эта не во временахъ апостольскихъ, а теперь, среди насъ. Она въ ученіяхъ Руссо, Канта, Чаннинга, въ ученіяхъ нео-буддистовъ, нео-браминовъ, бабистовъ и сотенъ и тысячъ людей, понимающихъ и уясняющихъ религіозныя ученія древности: Конфуція, Будды, Исаи, Эпиктета, Христа.

Вотъ эта-то очищенная мудрость древности и должна дать людямъ тѣ разумныя отвѣты на вопросы о значеніи жизни и на наилучшее направленіе ея, которое необходимо человѣчеству не только для того, чтобы оно могло пользоваться тѣмъ наибольшимъ благомъ, доступнымъ ему въ настоящій періодъ его жизни, но и для того, чтобы идти по тому пути, который ему предназначенъ.

Л. Толстой.

6 Октября 1905 г.

* ТРИ НЕПРАВДЫ.

[1-я редакция.]

Блаженны кроткіе, ибо они на-
слѣдуютъ землю.

Есть три великія неправды. Отъ нихъ страдаютъ всѣ народы. Страдаютъ и язычники, и христіанскіе народы, и нашъ русскій народъ.

Первая неправда въ томъ, что люди-богачи захватили силою, хитростью, наслѣдствомъ землю, сами не работаютъ ее и только за деньги позволяютъ рабочимъ людямъ сидѣть и кормиться на землѣ, которую они называютъ своею.

Другая неправда въ томъ, что правительства обкладываютъ податями всякіе нужные людямъ товары, и свои и чужестранные, накладываютъ налоги на всякія сдѣлки, напримѣръ, аренды, купли-продажи, па[с]порт[ные] билеты, на желѣзнодорожные билеты, такъ что рабочій людъ отдаетъ большую часть того, что онъ заработаетъ, на всякія общественныя дѣла, какія правительство считаетъ нужными. Самое же тяжелое въ податяхъ то, что такъ, какъ правительство теперь накладывается подати, нѣтъ имъ конца и предѣла. Нынче правительство наложило на вино, скажемъ, по рублю, или на сахаръ по полтинѣ или на желѣзо по 70 копеекъ, завтра понадобятся деньги, и оно можетъ наложить еще вдвое, можетъ придумать новые налоги на лошадей, на собакъ, на яблоки, на медъ, на кожи...

И потому сколько бы ни работалъ человекъ, правительство можетъ отобрать отъ него податями большую часть того, что онъ сработалъ, и даже чѣмъ больше онъ работаетъ и богатѣетъ, тѣмъ больше у него и отбирается податями. Въ этомъ вторая неправда.

Третья неправда въ томъ, что правительство, затѣявъ какіе-нибудь споры съ другими правительствами, захвативъ чужія земли и не отдавши тѣ, какія оно прежде захватило, или просто поссорившись съ правительственными лицами другого государства, можетъ во всякій часъ затѣять войну и потребовать людей въ войска и погнать ихъ на убіенія и убійства.

Мало того что правительство можетъ всякую минуту оторвать рабочихъ людей отъ ихъ семей и труда и послать ихъ за тысячи верстъ на убійство, — что всё правительство всегда и дѣлаютъ, — еще и до начала войны правительства отрываютъ людей отъ работы, собираютъ ихъ въ войска и годами держатъ ихъ въ праздной, развратной жизни, обучая ихъ убійству и тратя на эти приготовления большую часть тѣхъ денегъ, которыя собираютъ съ народа.

Неправда эта самая большая и жестокая и явно противная христіанскому закону. И пока будетъ эта неправда, не будутъ люди знать спокойной и доброй жизни.

Захватъ земли, подати и войны — вотъ три неправды, отъ которыхъ больше всего и горя и зла и грѣха людямъ.

Какъ же избавиться отъ этихъ трехъ неправдъ и бѣдствій?

Было время, когда люди не видѣли этихъ неправдъ и думали, что безъ нихъ нельзя быть; что богачамъ надо владѣть землями (прежде думали, что имъ надо владѣть и душами) что безъ подати и пошлинъ нельзя быть и нельзя быть безъ солдатства. Но пришло время, и люди стали понимать, что это не должно быть, что это грѣхъ для тѣхъ, кто дѣлаетъ это, и бесполезное мучительство для тѣхъ, кто терпитъ это. И люди стали искать средства избавленія отъ этихъ неправдъ и ищутъ ихъ, потому что чувствуютъ, что этого не должно быть, и что Богъ не хочетъ того, чтобы это такъ было, и что средства должны быть для этого. И я думаю, что средства эти есть, и очень просты и возможны, и что сколько бы мы не ошибались, сколько бы не ходили вокругъ да около, мы придемъ къ этимъ средствамъ, потому что средства эти легки, возможны и навѣрное избавляютъ насъ отъ той страшной неправды, отъ которой мы страдаемъ.

Первое — земля. Для того чтобы не было неправ[ильнаго] захвата земли богачами и отнятія[?] ея отъ рабочихъ, нужно сдѣлать такъ: оцѣнить всякую землю, и хорошую, и дурную, полевую и городскую. Доходъ съ этой земли наложить на того, кто владѣетъ ею. И доходъ этотъ собирать вмѣсто податей и употреблять на общественныя дѣла на пользу всѣхъ.

Доходъ этотъ съ земли надо понимать не такъ, чтобы кто владѣетъ землею, отдавалъ все, что онъ съ нея получаетъ, а такъ, что онъ отдаетъ что стоитъ голая земля сама по себѣ, не считая ни построекъ на ней, ни обработки. Если сдѣлать такъ, то платить подати будетъ только тотъ кто владѣетъ землею, и что больше владѣетъ, то больше платитъ. А кто не владѣетъ землею, тотъ ничего не платитъ, а пользуется даромъ всѣмъ тѣмъ, что за подати устроено на пользу всѣхъ.

Этимъ же самымъ способомъ освобождаются люди и отъ второй неправды, отъ податей. Земля будетъ платить всё подати и все будетъ вольное, и чай, и сахаръ, и соль, и желѣзо, и вино, и спички, и табакъ. И не будетъ таможенъ, и изъ-за границы всё товары будутъ приходиться безъ пошлины.

Для того же, чтобы не было солдатства, нужно только одно: не принуждать другіе народы жить подъ нашимъ русскимъ закономъ и властью, а оставить и поляковъ, и нѣмцевъ, и финляндцевъ, и грузинъ, и татаръ, и черкесовъ, и всѣхъ тѣхъ людей, которые теперь живутъ подъ русской властью, устраиваться жить каждому народу по своему.

Не будемъ мы заставлять чужихъ людей жить подъ нашей властью, а будемъ сами мирно жить доброй жизнью, намъ не нужно будетъ ни пушекъ, ни крѣпостей, ни солдатъ.

Тѣ, кто властвуютъ, говорятъ, что безъ войска мы всѣ пропадемъ и что всѣ мы живы только потому, что есть войско. Но вѣдь всѣ видятъ и знаютъ, особенно теперь послѣ японской войны, что это неправда. Намъ не было и нѣтъ никакой нужды лѣзть въ чужія дальнія земли, въ Китай, когда у насъ земли дѣвать некуда, и миллионы десятинъ лежатъ необработанными, и вся земля наша не устроена. А мы полѣзли куда насъ никто не спрашивалъ и погубили тысячи миллионовъ денегъ, и сотни тысячъ ни въ чемъ не повинныхъ людей убиты и изуродованы.

А если мы будемъ жить хорошо, никто насъ не тронетъ. А только къ намъ придутъ и съ насъ примѣръ брать будутъ.

Такъ что все, что нужно народу, все это можно бы было сдѣлать, но дѣлаемъ не это, а совсѣмъ другое.

Земля вся разобрана богачами, подати все тяжелѣе и тяжелѣе, и солдатъ собираютъ все больше и больше, и всякую минуту, завтра можетъ опять разгорѣться такая же война изъ-за того, что намъ ни на что не нужно.

Какъ же помочь этому горю?

Есть люди — ихъ много, — и они много шумятъ и многихъ людей обманываютъ, — которые говорятъ, что такъ какъ зло отъ правительства, отъ теперешняго русскаго правительства, то надо его уничтожить и сдѣлать другое. Другое правительство должно быть такое, что царь и министры не могли бы дѣлать, что имъ вздумается, а спрашивали бы согласія у Думы. А Дума чтобы была изъ людей выбранныхъ всѣмъ народомъ. Тогда, молъ, нельзя будетъ обижать народъ, и всѣмъ будетъ хорошо.

Вотъ эти люди и мучатъ теперь народъ и дѣлаютъ смертоубійства и всякое зло только для того, чтобы свергнуть теперешнее самодержавное правительство и поставить свое съ Думой, правительство конституціонное, т. е. чтобы было собраніе людей, которое рѣшало бы, какіе нужны законы и какъ управлять народомъ.

Люди эти хотятъ устроить въ Россіи такъ, какъ это устроено въ другихъ земляхъ: въ Англіи, Франціи, Америкѣ. Но люди эти или очень легкомысленны или обманщики; потому что они должны знать, что въ Европѣ и Америкѣ, и въ Англіи, и во Франціи все, что они хотятъ ввести, давно уже введено, а народу отъ этого не стало лучше. Въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи, въ Италіи миллионы людей безъ работы умираютъ съ голоду

не хуже нашего, а главное дѣло въ томъ, что всѣ три главныхъ бѣдствія рабочаго народа: захватъ земли богачами, подати и солдатство и войны такіе же, какъ у насъ, даже хуже, въ томъ, что тамъ уже почти весь народъ безъ земли, въ рабствѣ у фабрикантовъ. И потому русскому народу не надо поддаваться наэтотъ шумъ и всѣ эти злодѣйства, которыя теперь дѣлають эти обманщики.

Русскому рабочему народу нужно не это, а нужно избавиться 1) отъ малоземелья, сдѣлать такъ, чтобы земля была общая, 2) отъ податей и 3) отъ солдатства.

Избавить отъ всего этого могло бы правительство, но правительство не дѣлаетъ этого, не дѣлаетъ ни то, которое теперь есть, ни то, которое хотять устроить бунтовщики.

Что же дѣлать?

Избавиться отъ правительства.

Не отъ нынѣшняго правительства, съ замѣной его другимъ, а отъ всякаго правительства: перестать признавать за кѣмъ-нибудь власть распоряжаться людьми, ихъ достояніемъ и ихъ совѣстью.

Надо не свергать правительство, не бороться съ нимъ, не учреждать новое, а просто жить, какъ будто нѣтъ правительства, и не повиноваться ни тому, которое есть теперь, ни тому, какое будетъ послѣ, какое бы оно ни было.

Когда же рабочій народъ перестанетъ повиноваться правительству, то легко установить самъ для себя порядокъ и не будетъ ни захвата земли одними людьми въ ущербъ другимъ, ни податей, ни солдатства.

И потому, для того чтобы рабочему народу избавиться отъ того тройнаго зла, отъ котораго онъ страдаетъ, надо не поддаваться тѣмъ совѣтамъ, которые ему дають бунтовщики, знать, что они не освободить хотять народъ, а только перемѣнить на немъ эти цѣпи на другія.

Надо не поддаваться ни бунтовщикамъ, ни правительству. Они борются между собой за власть, и рабочему народу не за чѣмъ становиться въ этой борьбѣ на ту или другую сторону.

Рабочему народу надо помнить, что какъ только онъ приметъ ту или другую сторону, онъ опять попадетъ подъ власть той или другой стороны, той, которая побѣдитъ. Ему надо, главное, воздерживаться отъ всякаго насилія, а жить, какъ онъ всегда жилъ, только съ той разницей, чтобы, перенося насилія, не участвовать въ нихъ и не повиноваться никому, кромѣ своей совѣсти и Бога.

[2-я редакция.]

Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ.

Блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю

Есть три великія неправды. И отъ этихъ неправдъ всѣ страданія людей — и тѣлесныя и духовныя: солдатство, подати и отнятая у народа земля.

Первая неправда — солдатство. Неправда эта самая большая и самая вредная и для тѣлеснаго и для душевнаго блага людей.

Живеть человѣкъ, трудится, кормится съ семьей, и вдругъ правительство, про которое онъ ничего не знаетъ, затѣваетъ войну, и отъ человѣка этого отбирають деньги на ненужное ему военное дѣло, отрываютъ его самаго отъ дѣла и посылають на убійство — другихъ убивать или самому быть убитому и — хуже всего — часто доводятъ до того, что приходять тѣ, которымъ объявили войну, и разоряють его домъ и заставляютъ его еще платить себѣ за это. Такъ что пока есть солдатство, человѣкъ никогда не можетъ быть спокоенъ и увѣренъ, что всѣ труды его не пропадутъ даромъ и что самъ онъ не будетъ посланъ на убійство. Въ этомъ тѣлесное зло отъ солдатчины, но для души зло еще гораздо больше. Человѣкъ исповѣдуетъ христіанскій законъ братской любви къ людямъ и вдругъ ему объявляютъ, что его начальники христіане приказываютъ ему итти убивать своихъ ближнихъ. Такъ что человѣку приходится выбирать одно изъ двухъ: законъ божескій или человѣческій, и люди по слабости избирають законъ человѣческій и совѣмъ оставляють законъ божескій, евангельскій и любовь къ ближнему и живутъ безъ всякаго божескаго закона, по одному человѣческому, какой придумаютъ и напишутъ властители. Въ этомъ великое и главное зло солдатства.

Вторая неправда — это подати и прямые налоги по столько то съ души, пошлины на товары и на всякія сдѣлки и даже на переѣздъ съ мѣста на мѣсто, такъ что работающему человѣку шагу ступить, купить ничего нельзя безъ того, чтобы не отдавать часть своего заработка тѣмъ людямъ, которые собирають съ него эти дани и потребляютъ ихъ, какъ имъ хочется. И неправда эта также вредна и для тѣлеснаго и для душевнаго блага людей. Человѣкъ, съ котораго берутъ подати, сколько бы ни работалъ, никогда не можетъ знать, что у него есть и что останется, потому что власти всегда могутъ назначить новые подати, и чѣмъ онъ больше будетъ работать, тѣмъ больше и будутъ брать. Такъ они и дѣлають. Для души же эта неправда вредна тѣмъ, что люди, собирающіе и потребляющіе подати получая ихъ безъ труда, распоряжаются ими, какъ имъ вздумается, большей частью для своей корысти, своего честолюбія, тщеславія, развращаются оттого, что распоряжаются не заработаннымъ, чужимъ имуществомъ и развращають всѣхъ тѣхъ своихъ помощниковъ — чиновниковъ, которые дуромъ раздають эти чужія деньги. Народъ же, глядя на пользованіе этими шальными деньгами, или завидуетъ имъ, злобится или старается приладиться къ этимъ людямъ, чтобы тоже попользоваться незаработанными деньгами. Такъ что и отъ этой неправды великое разстройство въ народѣ.

Третья неправда — не меньше второй, и отъ нея также много зла и тѣлеснаго и духовнаго. Неправда эта въ томъ, что люди

захватили землю и стали ее, как всякія вещи, покупать, про-
давать, дарить, закладывать.

Неправда эта больше всѣхъ другихъ теперь въ глаза тычется. То, чего прежде не видно было, теперь, когда народа размно-
жилось, а богачи захватили лучшія земли, стало всѣмъ ясно. Стало всѣмъ ясно, что если богачи захотятъ скупить и скупятъ
всю землю, то жителямъ надо будетъ всѣмъ поступить къ нимъ
въ рабство за то, чтобы они позволили имъ жить и кормиться
на землѣ. Ясно стало особенно потому, что народъ все больше и
больше бѣдствуетъ, и тотъ, который остается на землѣ, и тотъ,
который сошелъ съ земли и живетъ по городамъ на заводахъ и въ
прислугахъ.

Неправда эта больше двухъ первыхъ вредна для тѣла и для
души людей. Тѣлесный вредъ тотъ, что безъ земли и при малой
землѣ люди живутъ или по деревнямъ въ нуждѣ, безъ хорошей
пищи, и вымираютъ и слабѣютъ или живутъ по городамъ, тоже
дурной, нездоровой жизнью и сами слабѣютъ и перестаютъ
размножаться. Душевное же зло отъ этой неправды то, что
люди, лишеныя земли, злятся на захватившихъ землю и на
богачей, ¹ а захватившіе землю люди чувствуютъ свою неправду,
боятся, выдумываютъ лживыя отговорки и также ненавидятъ
тѣхъ, противъ кого грѣшатъ. Народъ же безъ земли идетъ въ
города и, прислуживая богачамъ, все больше и больше отвы-
каетъ отъ доброй жизни и развращается.

Отъ этихъ трехъ неправдъ: отъ солдатства, отъ подати, отъ
захвата земли — все зло въ мірѣ. Какъ же избавиться отъ
нихъ?

Теперь идетъ бунтъ у насъ въ Россіи. И тѣ, кто бунтуютъ, го-
ворятъ, что всѣ бѣды исправятся, если уничтожить самодер-
жавіе, устроить республику, чтобы весь народъ выбиралъ себѣ
правительство, и что тогда самъ народъ, какъ научать его
этому ученые люди, устроить ² все общее — и фабрики, заводы, и
землю, и всѣ будутъ поровну работать и поровну дѣлить. Пра-
вда, всѣ эти люди не согласны между собой. Одни говорятъ,
что надо все оставить какъ было, другіе говорятъ, что надо оста-
вить царя, только чтобы онъ во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ
думой, другіе говорятъ, что не надо царя, но управлять будетъ
одна выборная дума съ президентомъ, третьи говорятъ, что на-
до, чтобы эта дума не только управляла сама всѣми обществен-
ными дѣлами, но чтобы она устроила и хозяйственную жизнь
общую, съ общими заводами, фабриками и общей землей. Люди
эти не согласны между собой, какъ устроить, но согласны только

¹ После слова: богачей идут не зачеркнутые, но не въясушіеся с кон-
текстом слова: и думаютъ стать и бунты. Очевидно, Толстой забыл их за-
черкнуть.

² В подлиннике: устроить

въ одномъ: то, что нужно, чтобы было правительство, власть, т. е. такіе люди, которые бы управляли другими, придумывали и писали законы, а другіе исполняли бы ихъ.

А между тѣмъ если бы устроилось то, что хотятъ эти люди, всѣ великія неправды, отъ которыхъ страдаютъ люди, не уничтожились бы. Не уничтожились бы потому, что всѣ онѣ происходятъ только оттого, что одни люди берутъ на себя смѣлость повелѣвать другими, устанавливать для всѣхъ законы, а другіе считаютъ нужнымъ во всемъ повиноваться этимъ человѣческимъ законамъ.

И выходитъ то, что люди повелѣвающіе заставляютъ повинующихся людей дѣлать дѣла нужныя для нихъ, для повелѣвающихъ людей, но вредныя другимъ людямъ. Отъ этого — солдатство, подати, отнятая земля. И такъ это вездѣ, гдѣ только есть люди властвующіе — правительство, издающее для всѣхъ законы и требующее того, чтобы всѣ ихъ исполняли. И то же вездѣ такъ же при одномъ самодержавномъ царѣ или султанѣ и при республиканскомъ правленіи, гдѣ управляетъ не одинъ, а многіе. Вездѣ солдатство по набору или по найму, и вездѣ ватѣваются ненужныя, вредныя войны и посылаютъ тѣхъ, которые повинуются, на войны. Такъ это было въ Россіи въ Японской войнѣ, такъ же это было и въ Англіи съ Бурской войной и такъ же въ Американской республикѣ съ Испаніей и съ Филиппинами. Какіе бы люди ни были во власти, они всегда думаютъ о своей выгодѣ, о своей славѣ, а не объ народѣ. Благо — онъ повинуется, можно съ нимъ что хочешь дѣлать. Отбираютъ подати, не глядя на нужды народныя, для своихъ цѣлей, и удерживая за богачами землю, потому что имъ важно не то, что нужно народу, а то, что нужно богатымъ къ ихъ поддержкѣ.

Такъ какъ же избавиться отъ этихъ трехъ неправдъ?

Избавленіе только въ одномъ: въ томъ, чтобы повиноваться Богу, а не повиноваться людямъ.

Стоитъ только людямъ повѣрить въ это, и всѣ три неправды исчезнутъ сами собой.

И для того чтобы неправды эти исчезли, людямъ всѣмъ и намъ, русскимъ, теперь, въ теперешнее смутное время, не надо ничего предпринимать, ничего не дѣлать, ни бунтовъ ни стачекъ, а только не дѣлать того, что насъ держитъ въ плѣну: повиноваться Богу, а не повиноваться людямъ, ни тѣмъ, которые теперь еще считаются правительствомъ, ни тѣмъ, которые хотятъ свергать его и завтра могутъ стать на его мѣсто.

Для того чтобы достигнуть нашей ближайшей цѣли, надо только не повиноваться никакой власти человѣческой, а жить такъ, какъ мы живемъ и вы живете — не каждый порознь, а въ мірѣ, въ общинѣ, работая каждый для себя, но сходясь для обсужденія общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ нашихъ въ сходки, и повиноваться только тому, въ чемъ мы добро-

вольны согласились, во всёхъ же дѣлахъ правительства, солдатства, податей, полицій, судахъ не участвовать.

Будемъ мы поступать такъ: не будемъ итти въ солдаты, не будемъ добровольно давать податей, и само собой уничтожится правительство, то самое, которое собираетъ войско, заводитъ войны, обираетъ труды народа податями и удерживаетъ захваченныя земли за владѣльцами. А уничтожится правительство, то народу въ каждой деревнѣ, въ каждомъ приходѣ легко будетъ устроиться такъ, чтобы не было ни солдатства, ни войнъ, ни податей, ни пошлинъ, ни земель, къ которымъ бы не было доступу всему народу.

Для того чтобы не было нужды въ солдатствѣ и войнахъ, нужно только устроить добрую, справедливую жизнь безъ податей и запретной земли, и тогда никто не придетъ воевать съ такимъ народомъ, а скорѣе придутъ учиться у такихъ людей жить свободно и безъ грѣха. Если же и нашлись бы такіе жестокіе люди, которые стали бы обижать такихъ людей, отнимать у нихъ ихъ имущество и землю, то всетаки много выгоднѣе бы было терпѣть всякую обиду, чѣмъ бороться, воевать съ такими людьми или, что еще хуже, повиноваться имъ. Терпѣть можно всякое зло (на то люди) отъ судьбы, отъ другихъ людей, но хуже всего дѣлать то, что теперь дѣлаютъ, — терпѣть отъ самихъ же себя оттого, что повинувешься той власти, которая тебя мучаетъ. Нужно терпѣть, переносить зло, не бороться съ нимъ зломъ, не повиноваться ему.

Такъ избавятся люди отъ первой неправды — солдатства, если бы перестали повиноваться людямъ; избавились бы тѣмъ, что установили бы у себя добрую, справедливую жизнь безъ податей и запретной земли. Для того же, чтобы устроить жизнь такъ, что[бы] земля была общая и не было бы податей, есть давнишнее средство, которое уже много разъ предлагали люди и во Франціи, и въ Англіи, и въ Америкѣ и которое и у насъ ведется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ земля общая. Средство это въ томъ, чтобы всё какія нужны деньги на общественныя дѣла, тѣ, что собираются податями и пошлинами, брать съ земли, такъ, чтобы доходъ съ общей всему народу земли шелъ бы и на общія всему народу нужды. Средство это давно предлагаютъ, но еще не было ясно, какъ его примѣнить. Въ послѣднее же время американскій писатель Джорджъ обдумалъ со всёхъ сторонъ это дѣло и такъ обработалъ его, что стоитъ только примѣнить его къ дѣлу, и сейчасъ же, какъ въ большомъ обществѣ, такъ и въ маломъ, можно сейчасъ же примѣнить его.

** ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА.

I.

Если бы человек после долгого сна, во время которого он забыл все, что было прежде, проснулся в новом незнакомом ему жилище, обитаемом такими же, как и он, существами, людьми и животными, суеяющимися, хлопочущими, что-то, не переставая, делающими, то первое, что сделал бы такой человек, — постарался бы понять, кто и зачем поместил его в это новое странное место и что ему делать в этом месте, как употребить те силы, ту потребность деятельности, которые он чувствует в себе. Ответ на эти вопросы и есть то, что называется религией. И без этих ответов нельзя хорошо жить на свете умному человеку.

Кто поместил меня в это странное место?

Не знаю и не могу знать, но наверное знаю, что этот кто-то есть и что он и поместил меня в этом мире. Знаю это наверное, потому что я не мог по своей воле явиться в этот мир, потому что я никогда не хотел этого, да и не мог хотеть, потому что меня до появления в этот мир как будто бы не было или, по крайней мере, я ничего не помню о том, чтобы я был когда-нибудь прежде. Если я спрошу, когда начался я, настоящий я, то я получу еще менее удовлетворительный ответ. Мне говорят, что я появился несколько лет тому назад из утробы моей матери. Но то, что появилось из утробы моей матери, есть мое тело, — то тело, которое очень много времени не знало и не знает о своем существовании и которое очень скоро, может быть, завтра, будет зарыто в землю и станет землей. То же, что я сознаю своим я, появилось не одновременно с моим телом. Это мое я началось не в утробе матери и не по выходе из нее, когда отрезали пуповину, и не тогда, когда отняли от груди, и не тогда, когда я начал говорить. Я знаю, что это я началось когда-то и вместе с тем я знаю, что это я всегда было. Так что я во времени не могу найти своего настоящего я, буду ли я искать его совсем близко или бесконечно далеко. Я как будто

никогда не появлялся, а всегда был и есть и только забыл свою прежнюю жизнь.

Так что я решительно не могу сказать, что я такое. Знаю только то, что я и мое тело не одно и то же.

Второй вопрос: что такое тот мир, в котором, входя в разум, застаю себя?

Мир этот — не моя семья и мой двор, Ермилиных или Толстых в Ясной Поляне, и не дом и двор Бауэров в Баварии, или Шмитов в Англии, или Робинзонов в Огайо, Америке, или Фенханги в китайской деревне или в Пекине, а это весь огромный мир всех людей, населяющих планету землю и в Сиаме, и в Исландии, и Мадагаскаре, и во всех местах, которые я знаю и о которых не знаю. И мир этот составляет не только те 1500 миллионов людей, которые, как я слышал, населяют теперь землю, но еще и все те миллиарды людей, которые жили до меня во времена известные мне и в продолжение еще многих тысяч лет, во времена неизвестные мне, а также и те люди, которые теперь рождаются, растут и будут жить еще бесконечное количество лет, когда от моих костей не останется никакого признака. Вот эти-то все люди, кроме того, еще бесконечное количество разнообразных пород животных, от микроскопической козявки до слона и бегемотов, и такое же бесконечное количество растений и безжизненных существ не только на планете земле, но и вне ее, на других планетах и на солнцах и миллионах звезд, на бесконечных расстояниях, окружающих землю и распространяющихся без конца во времени, — вот это-то составляет тот мир, в котором я появился и который я увидел, когда во мне пробудился разум.

В этом бесконечном со всех сторон и по времени и пространству мире я появился вчера или, по нашему счету, 10, 20, 30, 40, 50 лет тому назад, как я слышал от людей. Поводом моего появления был брак моего отца с моей матерью, и, как я знаю от других людей, я был сначала зародышем, потом младенцем, потом ребенком, юношей, мужчиной. Появился же я, тот я, которого я сознаю собою, я не могу сказать когда. Мне кажется, что я всегда был. Кончусь же — тоже не знаю когда. По наблюдению над людьми и по тому, что случается со всеми, я знаю, что умру, наверно, через 70, 80 лет, знаю, что каждый день, каждый час приближаюсь к смерти, знаю, что могу умереть всякую минуту. Но, несмотря на то, что знаю это, вижу это на всех людях, не верю этому, не верю тому, чтобы мое я могло кончиться.

Но если и так, то в этом-то мире я не всегда был. Зачем же я явился в этот мир? И что мне в нем делать?

Что мне со своим крошечным телом и крошечным определенным сроком жизни делать в этом бесконечном по пространству и времени мире?

Самый обыкновенный ответ на этот вопрос, представляющийся

человеку, жившему до пробуждения своего разума животной жизнью, в том, что живет он затем, чтобы есть, пить, спать, веселиться, затем вообще, чтобы наслаждаться всеми теми плотскими наслаждениями, которые дает жизнь. Но стоит человеку только оглянуться вокруг себя и подумать о том, что ожидает его, чтобы убедиться в том, что назначением жизни не может быть плотское счастье, потому что такого счастья не может быть для существа, обреченного на борьбу, всякого рода бедствия, болезни и неотвратимую смерть. Какое же может быть счастье при жизни, неизбежно ведущей к слабости, старости, смерти? И потому ни наслаждение, ни совершенствование своих способностей, ни совершение великого дела, ни даже содействие благу общества не может быть назначением жизни. Всё это могло бы быть, если бы не было бесконечного по времени и пространству мира и не было бы смерти. При той же ограниченности и краткости моей жизни среди бесконечного мира по времени и пространству нет и не может быть никакого смысла в делах человеческих. Для чего человеку трудиться ради улучшения жизни, когда вся его деятельность есть незаметная точка среди бесконечного мира и когда самая жизнь — только мгновение между двух вечностей? И зачем трудиться для улучшения жизни других людей, когда он наверное умрет и не увидит ни этой лучшей жизни, ни благодарности за то, что он сделал для людей? Да и те, для которых он делал благо, исчезнут так же бесследно.

Так что ответы на мои вопросы, если я серьезно буду спрашивать и серьезно будут отвечать на них, — такие:

1) На первый вопрос: что такое я ответ тот, что это что-то такое, как будто недавно начавшееся, временное, уничтожающееся и долженствующее совсем скоро уничтожиться, а между тем одно несомненно существующее, одно то, без чего ничего не существовало бы. И выходит, что я не знаю, что такое я, и вместе с тем это одно, что я несомненно и лучше всего знаю.

2) Ответ на второй вопрос: что такое тот мир, в котором застаю себя живущим? — что-то бессмысленное по своей бесконечности и во времени и в пространстве, что-то такое, что непременно по времени когда-нибудь да началось и когда-нибудь кончится, а между тем никогда не могло начаться и никогда не может кончиться и при этом по месту тоже непременно где-нибудь кончается, а вместе с тем нигде не может кончиться. Одним словом, что-то или бессмысленное или для меня недопустимое, т. е. я совершенно не знаю, что такое мир, а между тем окружен им, живу в нем и в нем должен действовать. Это на второй вопрос.

3) На третий вопрос, — что мне делать, — ответ тот, что всё, что мне хочется делать для блага того, начавшегося в этом мире и имеющего кончиться в нем существа, которое я считаю собою, — всё это напрасно и не имеет никакого смысла. Для того же существа, которое никогда не начиналось и всегда есть

и не одно и то же с моим телом, с которым оно связано, — для этого существа ничего не нужно. Так что жизнь моя для меня — для того, что я считаю своим я, не имеет и не может иметь никакого смысла; не может иметь смысла и для того мира, в котором я живу, и делать мне ни для себя ни для мира ничего не нужно и нельзя сделать ничего полезного.

Ведь если только забыть свое звание царя, работника, судьи, фабриканта, профессора, ученого, художника, члена семейства, а помнить одно — что я человек, недавно появившийся в этом непонятном мире и очень скоро долженствующий из него исчезнуть, то нет никакой разумной цели в этой жизни, и не стоит ничего делать. Всё ничтожно, всё ненужно. Всё, что будешь делать, всё будет бессмысленно, а между тем пока жив, необходимо нужно что-то делать. Вся жизнь есть деятельность человека в мире, как лошади на колесе. Лошади нельзя не идти, этим самым ходом не двигать колеса. И человеку нельзя не делать чего-нибудь и этой самой деятельностью не участвовать в движении всего мира. Так что, несмотря на то, что для меня, для человека, и для всего мира, как ни поверни, жизнь моя бессмысленна, мне всё-таки надо действовать. Какая-то сила поставила меня в такое положение, что я должен действовать не для себя и не для мира, а для чего-то мне непонятного. В этом сознании сущность всякой истинной религии.

Сознание это говорит то, что есть какая-то сила, пославшая меня в мир. В этом сущность истинной религии. И вот это-то признание той силы, которая послала меня в мир и которую называют Богом, и распутывает всё дело и дает смысл человеческой жизни. Жизнь моя сама по себе непонятна, также непонятна мне и жизнь всего мира. Но я живу и должен действовать по воле какой-то высшей силы. И если для меня жизнь моя непонятна и все цели, которые я могу ставить себе или миру, для меня бессмысленны, то жизнь моя и того мира, в котором я живу, не может и не должна быть бессмысленна для той высшей силы, которая послала непонятного себе меня в мир и руководит непонятной мне жизнью мира.

Стоит только признать эту высшую силу, и всё становится ясно: конечные цели моей жизни и жизни мира скрыты от меня, недоступны мне (они не могут быть доступны ограниченному существу). Я и весь мир суть только орудия достижения недоступных мне целей. И смысл моей жизни уже не в конечных, недоступных мне целях, а в исполнении той неизвестной мне цели, для которой я существую: в признании этой высшей силы и в служении ей, в признании Бога и в исполнении воли Его.

II.

В чем исполнение воли Бога? Учат, что Бог открылся людям или через Моисея или через Христа, через Будду. Это

неправда: иногда это заблуждение, иногда обман, но всегда неправда.

Бог нигде сразу не открывал Своей воли, Своего закона одному человеку или собранию людей. Бог открывается всегда всем людям, всем тем, которые ищут Его. Он открывается каждому человеку в его сердце. Всякий человек чувствует в себе Бога, то начало жизни, которое не есть тело, но живет в теле человека и которое не имеет ни веса, ни меры, ни цвета, ни вкуса, ни запаха и которое никогда не начиналось и никогда не кончится. Это начало жизни в человеке ограничено его телом и есть только часть всего. Но по этой части человек может знать всё. Всё это и есть Бог. Человек чувствует в себе часть этого Всего и потому знает Бога, не может не знать Его.

Ежели же знает Бога, то знает и закон Его. Закон Бога написан не в книге какой-нибудь, а в самой жизни, в судьбе человека; Людям кажется, что они не знают закона или ошибаются в знании закона Бога (одни считают одно, другие другое законом Бога), и только потому, что люди закрывают глаза на свое положение, не хотят видеть его или хотят видеть его не таким, какое оно есть. Если человек придет на станцию железной дороги и, увидав стоящий вагон, войдет в него и, вообразив, что это дом, станет устраивать его для удобного жилья, намереваясь провести в нем жизнь, то он, наверное, будет удивлен и огорчен, когда вагон тронется и доедет до следующей станции и ему велют выйти со всем его устройством и вещами. Человек мог видеть и знать, что вагон не дом, а только средство для переезда и что за переезд надо исполнять положенные условия: платить и вести себя соответственно правилам железной дороги. Большинство людей так же ложно или совсем не понимают своего положения в жизни. И всё дело в том, что люди не понимают своего положения.

В Евангелии есть притча о виноградарях, в которой рассказывается о том, что один хозяин насадил сад и огородил его, вырыл в нем колодец, построил башню, отдал сад виноградарям (садовникам) с тем, чтобы они давали ему плоды сада. Садовники же, владея садом, вообразили себе, что сад их собственность и они ни перед кем ничем не обязаны, и выгнали и даже убили тех послов, которых хозяин послал за плодами. Когда хозяин узнал об этом, он выгнал садовников, так что садовники погубили свою жизнь тем, что не поняли своего положения. То же и с людьми. Только не кто-либо другой, а они сами губят себя. Только ясное понимание своего положения в жизни открывает людям закон Бога. Человек может сказать, что он не знает Бога, но не может сказать, что он не знает закона Бога, потому что закон Бога управляет его жизнью, как жизнью всякого существа, и человек, если и может умом не знать этого закона, не может не чувствовать его.

III.

Всем людям хочется жить радостно, в любви и согласии, не болеть, не страдать, не умирать, и все живут в разделении, во вражде друг с другом, все болеют, все страдают и умирают. Отчего это? Зачем Бог сотворил людей так, что все они желают добра, а все мучатся? Отчего это?

Учение Христа отвечает на это: Христос говорил, что Ему жалко людей за то, что они изнурены и разъединены, как овцы без пастуха, и Он призывает их к себе и всем обещает благо. Он говорит: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня все, что Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим». Христос говорит людям, что все их бедствия оттого, что они не понимают своего положения, воображают себе не то, что есть, забывают, кто они такие, и что если бы они понимали свое положение и помнили его, то жизнь их была бы не мучение, а радость.

Это высказано в Евангелии много раз, это сказано особенно ясно в притче о виноградарях: хозяин насадил сад, всё устроил в нем (сад — это мир, хозяин — это Бог) и отдал сад виноградарям с тем, чтобы они, работая в саду, отдавали ему плоды. Но виноградары забыли то, что сад не их собственный и что они могут пользоваться плодами его только с тем, чтобы отдавать уговоренное хозяину. И когда хозяин потребовал плодов сада, виноградары не дали плодов, а выгнали послов. Тогда хозяин выгнал их. И они стали несчастны.

Так же несчастны становятся люди, когда они вообразят себе, что жизнь их собственность и каждый может делать с ней что хочет, не исполняя того, что от него хотел Бог, давший ему жизнь.

Таланты, так же как и жизнь, даны только затем, чтобы на них работать. Тот, кто не работает в жизни, лишается всего того, что хочет хозяин; тот же, кто работает для Бога, тот получает всё больше и больше.

То же сказано в притче об управляющем, которого хозяин оставил в своем доме. Управляющий, вместо того чтобы заботиться о доме хозяина, стал веселиться и тратить на себя хозяйское добро. И хозяин наказал и выгнал его.

В этих притчах сказано то, чем не должно понимать себя человеку; в притче же о рабе, вернувшемся с поля, показано, как и чем должен себя понимать всякий человек в мире.

«Кто из вас, — сказано в этой притче, — имея раба, папущего или пасущего, по возвращении его с поля скажет ему: Пойди скорее, садись за стол?

Напротив, не скажет ли ему: Приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам.

Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? — Не думаю.

Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: Мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали что должны были сделать» (Лука XVII, 7, 8, 9, 10).

Всё учение Христа в том, чтобы человек понимал свое положение.

Не понимает его человек, и что бы он ни делал, как бы ни старался устроить свое счастье, ему не может быть хорошо, так же как не может быть хорошо работнику, не исполняющему условий своего найма.

Только когда человек понимает свое положение, понимает, что он не хозяин своей жизни, а и раб и сын Божий и потому должен исполнять свои обязанности перед Богом, ему может быть хорошо и в жизни.

Это же самое сказано в словах Евангелия: «Ищите царствия Божия и правды Его (т. е. того, чего хочет Бог) и всё остальное приложится вам» (т. е. всё то, что нужно людям для блага их, всё получится ими).

Для того чтобы человек получил то благо, которое возможно для него, нужно, чтобы человек не обманывал сам себя и понимал бы свое положение.

В чем же истинное положение человека в мире и в чем тот обман, который делает человека несчастным?

Обман в том, что люди забывают о смерти, о том, что они в этом мире не живут, а проходят. В этом обмане находятся дети и очень часто взрослые люди. Очень часто взрослые люди даже до старости не думают о смерти, живут так, как будто нет смерти, как будто уверены, что будут жить вечно.

Такие люди только в минуту смерти понимают свое положение и с ужасом, но уже поздно, видят непоправимую ошибку всей своей жизни. Об этом обмане сказано в Евангелии Луки XII, 16, 17, 18, 19, 20:

«И сказал им притчу: У одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать, некуда мне собрать плодов моих, и сказал: вот это сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы, покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: Безумный, в сию ночь душу возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

Животные могут жить так, не думая о смерти, но человек имеет разум и не может жить так. Если он имеет разума настолько, чтобы предвидеть то, что ему придется кормиться, и для этого собирает хлеб и строит житницу, то он мог подумать и дальше и предвидеть то, что его наверное ожидает смерть в старости и, кроме старости, может постигнуть каждую минуту.

Человек, помнящий о смерти, не может уже жить для блага своего отдельного я.

Единственный смысл, который может придать жизни человек, не забывающий свою смертность, — тот, что он не самостоятельное существо, а только орудие воли Бога. По воле Его появился в этот мир с его бесконечностью во времени и пространстве и должен пробыть в нем некоторое время и навсегда исчезнуть. Если же это так, то очевидно, что жить для устройства своей жизни безумно, и имеет смысл только одно — исполнять волю Того, Кто послал в этот мир для целей этой воли. Какая же это цель? Конечной цели я знать не могу, так как она скрывается от меня в бесконечности, но средство достижения ее я могу знать. Средство достижения есть то самое стремление к благу, которое составляет сущность моей жизни, но благо не мое, а благо всего мира. Цель, доступная мне, есть благо всего мира, мое же стремление к благу есть только указание того, что я должен искать для мира.

Так что только ясное понимание положения человека в мире и открывает ему истинную веру в Бога и в закон Его. Из этого сознания своего положения само собою вытекает покорность воле Бога, признание равенства всех людей, любовь к ним и служение им и основные законы жизни: делание другим того, что хочешь чтобы тебе делали.

Весь закон Бога, вытекающий из сознания своего положения, — в покорности воле Божией и в любви к ближнему и служении ему. В этом основа всякой веры. Это не значит то, что не может быть других многих нужных религиозных правил, которые определяют приложение этого закона к разным случаям жизни. Такие правила есть в книгах Вед, и в буддизме, и в древне-еврейских, и в Евангелии, и в последующих нравственных учениях. Таковы заповеди и Моисея, не все, а заповеди: не убий, не прелюбодействуй; таковы заповеди Ману: не лги, не предавайся пьянству; таковы заповеди буддизма о сострадании к животным; таковы великие пять заповедей Христа, охватывающие всю жизнь людей: 1) не гневайся, 2) не предавайся похоти, 3) не клянись, 4) не делай насилия, 5) люби врагов.

Приложение заповедей, вытекающих из основного закона покорности воле Божьей и любви к ближнему, может быть большое, постоянно увеличивающееся по обстоятельствам количество. Тот, кто понял свое положение и усвоил основной закон, вытекающий из этого положения, владеет ключом к религиозно-нравственной истине и сам будет выводить из этого начала нужные ему для его жизни правила — заповеди.

Всё дело в том, чтобы не обманывать себя, а знать свое положение в мире. Если только знаешь, понимаешь это положение, знаешь, что нельзя жить для своего блага, а жизнь есть жизнь, только когда принимаешь ее как данную тебе от Бога для служения Ему, что ты слуга, раб, орудие Бога и вместе

с тем сын Его, то жизнь перестает быть бессмысленной, перестает быть страданием, а становится благом и для себя и для всего мира. Всё в этом признании своего положения. Из него и покорность воле Бога, и признание равенства, братства, и любви к ближним, и служение им, и взаимная помощь и радость.

Только бы поняли люди, что смысл их жизни — в служении Богу, и вместо ужаса и страданий теперешней жизни людей установилась бы радость и благо наступающего царства Божия. И всё только оттого, что люди перестали заблуждаться и поняли свое настоящее положение.

Братья и сестры, ради своей жизни (важнее ее ведь нет ничего) подумайте об этом. Остановитесь жить. Подумайте о том, что вы, где вы и что вас ожидает. Ведь жизнь, какую мы знаем, — одна. За что же, зачем же погубить ее? Поймите, что всё, что представляется нам важным: удовольствия, радости и богатства, отечество, приличие, привычки, слава, — всё это ничто в сравнении с главным, истинным назначением жизни, с исполнением воли Бога. Измените свою жизнь и не потому, что это велит кто-нибудь, а потому, что в этом благо ваше и всего мира.

И не верьте ни тем, которые будут говорить вам, что это невозможно, что люди неисправимы, потому что они пали, ни тем, еще худшим обманщикам, которые скажут, что это невозможно, что люди изменяются и улучшают свою жизнь по законам историческим, социологическим, которые они знают или изучают. Не верьте ни тем, ни другим, а живите во всю силу своей жизни и своего разума, а остальное предоставьте Богу.

Я жил дурно, безумно, так, как все; но потом, почти 30 лет тому назад, мне открылась истина, и с тех пор жизнь моя стала другой, спокойная, счастливая, радостная и что дальше, что ближе к смерти, то лучше.

И поверьте, что то же будет и с вами. Не может не быть, потому что жить трудно только противно закону жизни, закону Бога. Жизнь же, согласная с ним, есть непрерывающаяся радость до самой смерти и в самой смерти, как Он и хочет этого. Смерть страшна ведь только тому, кто не верит в Бога или верит в злого Бога, что то же самое. Для того же, кто верит в Бога, в благость Его, и живет в этой жизни по Его закону, кто испытал благость Его, для того смерть есть только переход из одного определенного Им состояния (оказавшегося благом) в другое, неизвестное состояние, но Им же определенное и потому долженствующее быть таким же благом.

* [ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАТЬИ «ЕДИНСТВЕННОЕ ВОЗМОЖНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА».]

Полное разрѣшеніе земельного вопроса возможно только установленіемъ одинаковаго равнаго права всѣхъ людей на всю землю.

Разрѣшеніе же этого вопроса для отдѣльнаго государства возможно только при установленіи такого порядка, при которомъ всѣ граждане извѣстнаго государства имѣли одинаковое, равное право на пользованіе всей землей государства.

Такое разрѣшеніе представляетъ проєктъ единаго налога (single tax) Генри Джорджа. Сущность этого проєкта слѣдующая:

1) Такъ какъ всѣ люди имѣютъ естественное, прирожденное, одинаковое право на пользованіе дарами природы, то не должно быть дозволено никому пользоваться исключительнымъ правомъ на эти дары природы, не вознаграждая за это пользованіе всѣхъ гражданъ государства.

2) Такъ какъ всякій человѣкъ имѣетъ полное и неотъемлемое право на всѣ произведенія своего труда, то всякое взиманіе податей или налоговъ косвенныхъ или прямыхъ есть нарушеніе этого права.

3) Такъ какъ цѣнность земли, кромѣ свойствъ, присущихъ самой землѣ, увеличивается еще вслѣдствіе роста, развитія того общества, которое живетъ на ней, то всякое такое увеличеніе цѣнности должно быть возвращено всему государству.

4) Для осуществленія этихъ положеній всѣ общественныя, государственныя, земскія, городскія доходы должны быть замѣнены единымъ налогомъ, взимаемымъ съ цѣнности земли, независимо отъ положеннаго на нее труда, всѣ другіе же виды податей и налоговъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, должны быть уничтожены. Такъ что правомъ своимъ на землю будетъ пользоваться не только тотъ, кто будетъ обрабатывать ее, но и тотъ, который живетъ въ городѣ вслѣдствіе перевода всѣхъ налоговъ на землю, будетъ безпошлинно получать всѣ предметы какъ внутренняго, такъ и внѣшняго производства.

Проектъ этотъ исполнимъ и не вызоветъ никакихъ пертурбацій, если перемѣщеніе налоговъ съ труда на землю будетъ сдѣлано постепенно. Проектъ этотъ удовлетворяетъ главному условію, нужному для правильнаго рѣшенія вопроса: давая одинаковое, равное всѣмъ людямъ одного государства право на землю, уничтожаетъ старинную неправду исключительной земельной собственности и вполне рѣшаетъ вопросъ земельный не въ виду мелкихъ частныхъ, одностороннихъ цѣлей, а въ виду вѣчной справедливости.

Можетъ быть, есть другое, лучшее рѣшеніе вопроса, хотя я не знаю и не могу себѣ представить другого, но во всякомъ случаѣ удовлетворительное рѣшеніе можетъ быть только такое, при которомъ будетъ установлено равное, одинаковое для всѣхъ людей государства право на землю, т. е. на выгоды и преимущества, даваемые ее пользованіемъ.

Таковъ проектъ единаго налога. Введеніе его теперь въ Россіи можетъ спасти ее отъ величайшихъ бѣдствій, вызываемыхъ неразумнымъ, легкомысленнымъ, партійнымъ обращеніемъ людей съ этимъ вопросомъ, имѣющимъ первостепенную важность не только въ Россіи, но и для всего міра.

Вѣроятныя послѣдствія осуществленія этого проекта опредѣляются приблизительно такъ сторонниками единаго налога въ Англіи, Америкѣ и Австраліи:

1) Единый налогъ не есть налогъ на землю, но на цѣнность земли, и потому ляжетъ не на всю землю, но только на цѣнную землю, и не въ той мѣрѣ, въ которой люди пользуются ей, а только въ той мѣрѣ, въ которой она приноситъ доходъ ея владѣльцу независимо отъ труда положеннаго на нее. Такъ что эта подать ляжетъ не на улучшенія, производимыя на землѣ, а только на собственность земли.

2) При введеніи единаго налога всѣ цѣнности, произведенныя трудомъ, будутъ изъяты изъ обложенія и будутъ подлежать налогу только голая земля по мѣрѣ ея болѣе или менѣе выгоднаго положенія. Такъ что земледѣлецъ, обрабатывающій землю, будетъ платить за свой участокъ столько же, сколько и владѣлецъ такого же участка, оставляющій его безъ обработки, и тотъ, кто построитъ на городскомъ участкѣ цѣнный домъ, не будетъ платить за него больше, чѣмъ владѣлецъ такого же незастроеннаго участка.

3) Единый налогъ поэтому сниметъ тяжесть налоговъ съ сельскихъ мѣстностей, гдѣ земля имѣетъ мало цѣнности, независимо отъ сдѣланныхъ на ней улучшеній и перенесетъ ее на города, гдѣ цѣна земли возрастаетъ до десятковъ тысячъ рублей за сажень.

4) Единый налогъ сдѣлаетъ излишнимъ разнообразныя подати и налоги, взимаемые съ труда, а также излишнимъ то огромное

количество сборщиковъ, которые теперь стоятъ такъ дорого государству.

5) Единый налогъ уничтожить обманы, подкупы и неравенство и несправедливость, неразрывные съ теперешнимъ способомъ собиранія податей.

6) Единый налогъ установить свободную торговлю со всѣмъ міромъ и дать возможность тому народу, въ которомъ онъ будетъ введенъ, пользоваться всѣми произведеніями природы, труда и искусства людей другихъ народовъ.

7) Единый налогъ уничтожить всѣ тѣ налоги, которые накладываются теперь на всякаго человѣка, увеличивающаго общественное богатство посредствомъ улучшенія ли своего хозяйства или другими средствами — постройкой дома, устройствомъ фабрики, изготовленія машины и т. п.

8) Кромѣ того, отбирая въ общую пользу цѣнность земли, увеличивающуюся вслѣдствіе общественнаго роста и процвѣтанія городовъ и мѣстечекъ, сдѣлаетъ владѣніе землей невыгоднымъ для собственниковъ и выгоднымъ только для работающихъ на ней.

Тогда спекуляторы и монополисты не будутъ уже имѣть возможности удерживать или невыгодно употреблять естественныя богатства края, такъ что приложеніе труда ко всему тому полю дѣятельности, которое земля предоставляетъ человѣку, сдѣлается доступнымъ всякому.

Единый налогъ такимъ образомъ разрѣшаетъ и рабочей вопрось.

Онъ уничтожаетъ невольную бѣдность, поднимаетъ заработную плату во всѣхъ промыслахъ до полной ея стоимости, дѣлаетъ невозможнымъ перепроизводство до тѣхъ поръ, пока всѣ человѣческія потребности не удовлетворены, дѣлаетъ всѣмъ облегчающія работу изобрѣтенія благомъ для всѣхъ, а не бѣдствіемъ, каковы они теперь.

[ВАРИАНТЫ К «ФАЛЬШИВОМУ КУПОНУ».]

* № 1.

〈Махинъ былъ прежній товарищъ; его выгнали изъ гимнази въ прошломъ году за кутежи и нехорошія дѣла. Тогда Митя былъ съ нимъ друженъ и теперь выдалъ его, несмотря на то, что родители запрещали ему съ нимъ видѣться. Теперь Митя рѣшилъ итти къ нему именно потому, что приказаній отца, который его считаетъ мошенникомъ, онъ не хотѣлъ соблюдать, и потому, что Махинъ знаетъ, какъ добыть денегъ и гдѣ заложить часы и, кромѣ того, Махинъ придумаетъ что-нибудь. Съ тѣмъ чтобы Махинъ что-нибудь придумалъ,〉 Митя досталъ изъ стола купонъ и мелочь и надѣлъ пальто и пошелъ къ Махину.

* № 2.

Все, что узналъ Петръ Николаичъ объ лошадахъ, было то, что была найдена шкура съ саврасаго мерина, которую Петръ Николаичъ призналъ за шкуру Красавчика, и это еще больше раздражило Петра Николаича. Онъ не могъ теперь безъ злобы видѣть мужиковъ и говорить про нихъ.

Не могъ Петръ Николаичъ и простить земскому начальнику того, что онъ не обвинилъ Прокофія. На судѣ онъ, какъ свидѣтель, настаивалъ, но земскій начальникъ не могъ обвинить Прокофія, и Петръ Николаичъ возненавидѣлъ и земскаго начальника и, встрѣтившись съ нимъ черезъ двѣ недѣли въ дворянскомъ собраніи, высказалъ ему свое неудовольствіе такъ грубо, что земскій начальникъ, человѣкъ очень вспыльчивый, съ своей стороны наговорилъ ему много неприятностей, въ томъ числѣ самое казавшееся обиднымъ Петру Николаичу слово, что его шляхетскій гоноръ напрасно такъ возмущается.

Вслѣдъ за этимъ на выборахъ Петръ Николаичъ положилъ земскому начальнику налѣво, а когда на земскомъ собраніи шло дѣло о передачѣ земскихъ школъ духовенству, Петръ Николаичъ неожиданно перешелъ на сторону консерваторовъ

и своимъ голосомъ рѣшилъ въ пользу приходскихъ школъ. Когда предводитель — либераль сталъ спрашивать его, зачѣмъ онъ поступилъ такъ, онъ объявилъ, что не намѣренъ быть на одной сторонѣ съ крамольникомъ, какъ земскій начальникъ.

— Какой же онъ крамольникъ? — спросилъ предводитель.

— Какъ же, когда они получаютъ запрещенные листки и раздають ихъ.

— Да это не онъ, а сынъ.

— Развѣ не все равно?..

Случилось вскорѣ послѣ этого, что у земскаго начальника, у котораго былъ сынъ студентъ, сдѣлали обыскъ и нашли революціонные листки. Студента арестовали и посадили въ тюрьму.

Семья земскаго начальника была убѣждена, что это все было по доносу этого мерзкаго полячишки, и ненависть между двумя семьями дошла до послѣдней степени.

Дочь земскаго начальника — курсистка рѣшила, что при теперешнемъ общественномъ строѣ нельзя жить, и вмѣстѣ съ пятью студентами и тремя товарками составили заговоръ измѣненія существующаго правленія, при чемъ допускали необходимость жертвъ. У нихъ были двѣ партіи: одни говорили, что можно и должно убивать, если нужно, а другіе говорили, что нельзя. Заговоръ открыли и несчастную чахоточную Людмилу посадили въ домъ предварительнаго заключенія.

* № 3.

Степана посадили въ острогъ съ ссыльными. Въ острогѣ онъ сошелся съ Николаевымъ. Николаевъ рассказывалъ ему, какъ можно пожить, только бы съ умомъ дѣлать. И Степанъ соблазнился рассказами Николаева и собирался работать съ нимъ вмѣстѣ, когда выйдетъ. Въ одномъ онъ не согласился съ Николаевымъ. Николаевъ говорилъ, что убивать нехорошо, на душѣ нехорошо бываетъ, а Степанъ говорилъ, что ничего, убивать все одно какъ теленка или курицу. Все равно помретъ.

Николаевъ открылъ ему, что онъ бѣжить, и просилъ его выplatать пробой той камеры, въ которой сидѣлъ. Вмѣстѣ бѣжать нельзя, и Николаевъ совѣтовалъ Степану бѣжать изъ Серпухова и рассказывалъ, какъ это сдѣлать.

И Степанъ, разспросивъ подробно, какъ надо дѣлать и гдѣ найти Николаева, ждалъ, когда ихъ прогонять въ Серпуховъ.

* № 4.

Степанъ исполнилъ все, какъ сказалъ Николаевъ, и бѣжалъ изъ Серпухова. Острогъ совѣтъ озлобилъ, озвѣрилъ его. Онъ бѣжалъ безъ денегъ, безъ одежды. Онъ попросился ночевать

къ лѣснику-сторожу. Ночью убилъ сторожа и жену, взялъ одежду и денегъ 2 р. 70 и билетъ. За ночь прошелъ 30 верстъ и очутился въ другомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ обѣщалъ сойтись съ Николаевымъ. Николаевъ, узнавъ про его дѣла, не захотѣлъ съ нимъ быть. Тогда Степанъ¹ ушелъ и сталъ ходить одинъ. Онъ загубилъ 12 душъ, когда попался.

Послѣднее убійство его было въ уѣздномъ городѣ. Онъ забрался ночью, убилъ старика, его сына, дѣвочку и, услыхавъ, что въ чуланѣ ворочаются, зашелъ туда. Тамъ лежала женщина. Она смотрѣла на Степана не испуганными, но кроткими глазами и крестилась.

— Жаль мнѣ тебя, — сказала она.

— Ну, разговаривать съ вами, — сказалъ Степанъ и полоснулъ ее ножомъ по горлу. Она не противилась и только прижала руку къ груди.

Обобравъ, что нужно было, Степанъ ушелъ и усталый легъ въ канаву.

* № 5.

Всѣ помѣщики были ему незнакомы. Сошелся онъ здѣсь неволью только съ семействомъ² одновладѣльца села Максима Петровича Иванова. Максимъ Петровичъ былъ человекъ мрачный, скучный и непріятный. (Женился на богатой помѣщицѣ, промоталъ ея состояніе, овдовѣлъ и жилъ съ свояченицей Маріей Семеновной, у которой оставалось еще состояніе и которая жалѣла племянниковъ и отдавала все, что имѣла, и весь свой трудъ этимъ племянникамъ. Это была старая, сморщенная 50-лѣтняя дѣвица, тихая, кроткая, всегда дѣятельная и спокойная. Она не только заботилась о племянникахъ, но и всѣ бѣдныя въ деревнѣ были ей какъ дѣти; она ухаживала за больными, отдавала все, что позволялъ ей отдавать ея зять, и народъ зналъ и любилъ ее. Съ ней сошелся и Петръ Николаичъ и его жена, полюбившая сосѣдку. Марія Семеновна, узнавъ, зачѣмъ пріѣхалъ Петръ Николаичъ, очень отговаривала его настаивать на требованіяхъ помѣщиковъ отъ крестьянъ: «они хороши, только упрямы, и не уступятъ».)

— Знаю, какіе они хорошіе, — отвѣчалъ Петръ Николаичъ и строго взялся за дѣло.)

Попрежнему крестьяне выпустили скотину на барскіе луга, Петръ Николаичъ велѣлъ ихъ загнать. Мужики собрались на сходку и рѣшили отнять силой скотину. Когда они пришли на барскій дворъ, Петръ Николаичъ вышелъ къ нимъ съ ружьемъ. Мужики стали кричать, наступать на него, онъ ударилъ одного. Толпа надвинулась, сдѣлалась свалка, ружье

¹ В рукописи Толстой по рассеянности написалъ: Ник[олаевъ]

² Зачеркнуто: отставного становаго

выстрѣлило. Убило одного старика. Всѣ набросились на Петра Николаича, смяли его и съ крикомъ начали бить его. <Марія Семеновна изъ своего дома услышала это и бросилась къ мужикамъ. Портной кроилъ у нея и, узнавъ, въ чемъ дѣло, удерживалъ ее, говоря, что теперь убьютъ ее мужики.

— Пускай убьютъ. Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете! — кричала она, пробиваясь сквозь толпу. Но ее отвели насильно.

— Тебѣ тутъ не мѣсто, Семениха, — сказалъ ей старикъ.

— Не пуцу, — кричала она и рвалась въ толпу.

Ее помяли, но Петра Николаича убили до смерти и стащили его тѣло въ оврагъ и тамъ бросили. Приѣхалъ судъ, забрали мужиковъ, стали допрашивать и главныхъ виновниковъ посадили въ острогъ.

Марію Семеновну допрашивали. Она отказалась показывать и только плакала, умоляя судей простить мужиковъ: «они, какъ когда скотина зыкается, они опалѣли, они не хотѣли. Ихъ нечистый попуталъ». Судьи не слушали ее, смѣялись надъ ней, но портной, котораго тоже допрашивали, который прожилъ 1½ мѣсяца у Маріи Семеновны, видя ея жизнь, сталъ задумываться.»

♦♦ [ВАРИАНТ К РАССКАЗУ «ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...»]

〈Чѣмъ больше она росла, тѣмъ больше онъ любовался ей: любовался ея граціей, ея ловкостью, ея милымъ, небольшимъ, вѣрнымъ голоскомъ,¹ когда она пѣла, и радовался на ея любовь къ себѣ и еще больше на то чувство нѣжности, которое онъ испытывалъ къ ней, такое, какое не испытывалъ ни къ одному изъ дѣтей.

Онъ старался не выказывать этого чувства, но по своей натурѣ, боящейся всякой сантиментальности, и еще потому, что видѣлъ какъ жена, странно сказать, ревновала его къ дочери и чѣмъ больше онъ любилъ, тѣмъ больше нападала на нее, онъ невольно скрывалъ свое чувство къ ней подъ ласково-шуточнымъ отношеніемъ, но она понимала и радовалась и гордилась этимъ.

Гимназія — она хорошо училась и была любима товарками. Были двѣ дѣвочки, съ которыми она особенно сдружилась. Гимназія² отдалила его отъ нея, но по мѣрѣ того, какъ она подрастала, къ прежнему чувству прибавилось особенное чувство осторожной нѣжности и страха, который онъ испытывалъ за нечистые на нее взгляды мужчинъ какъ на женщину. Онъ зналъ, что былъ пристрастенъ къ ней, но не могъ не видѣть, что она нравилась не ему одному, но что она привлекала къ себѣ уже мужчинъ. А хотя онъ самъ велъ довольно чистую жизнь до женитьбы, онъ зналъ развратные взгляды мужчинъ, и мысль о томъ, что грязные люди могутъ смотрѣть на его милую Лизу какъ на женщину, унизительно раздражала его.

Главное, что дорого было ему въ ней, ато то ея смѣлое, любовное, ласкающее отношеніе къ нему, которое онъ насмѣшкой отталкивалъ отъ всѣхъ другихъ и принималъ только отъ нея.

¹ *Зачеркнуто:* Видѣлъ, какъ она формировалась въ женщину и, самъ того не замѣчая, все больше и больше отдавался своей любви къ ней, такъ что эта любовь составляла одну изъ главныхъ радостей его жизни.

² *Зач.*: ослабила это чувство къ отцу, но онъ не переставалъ любоваться ею, слѣдить за нею. Когда ей минуло 15 лѣтъ, и она стала женщиной, (у него явилось къ ней) его чувство къ ней оставалось то же. Къ нему прибавилось только

Она побѣдила его холодность и страхъ передъ фальшью сантиментальности, и онъ былъ благодаренъ ей за это.

Въ первое время ея юности онъ спрашивалъ ее обо всемъ, и она безъ колебанія все, какъ умѣла сказать, рассказывала ему. Но съ годами, въ 17, 18, 19 лѣтъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она стала выѣзжать, связь эта все слабѣла. Она ѣздила на вечера, балы. Онъ любовался ею, когда она приходила къ нему проститься передъ отъѣздомъ на балъ въ туалетѣ, который хотѣла показать и ему, и съ грустью видѣлъ, какъ она все больше и больше отдалялась отъ него, какъ она все больше и больше увлекалась не кѣмъ-нибудь (онъ зналъ, что изъ всѣхъ ухаживающихъ за ней молодыхъ людей никто не нравился ей особенно), но увлекалась тѣмъ, что она нравилась.

Она все больше и больше жила жизнью не въ себѣ, а тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она производила на людей. И понемногу сдѣлалось то, что какъ только не было никого, кто бы восхищался ею, ей было скучно. Но стоило только почувствовать, что ею любятъ, и жизнь пробуждалась и была ключемъ.

Онъ замѣчалъ это, но думалъ, что это пройдетъ и даже радовался тому, что не выбираетъ никого изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ она встрѣчала и которые ѣздили въ домъ.

Онъ приглядывался къ женихамъ, и ни одинъ не удовлетворялъ его. Онъ по своему грустному опыту зналъ развратность молодыхъ людей, и его оскорбляла мысль о возможности ей, такой чистой, прекрасной, стать женой одного изъ нихъ, и часто, когда онъ замѣчалъ, что какой-нибудь молодой человѣкъ нравился ей, онъ насмѣшкой старался расхолодить ее. Но съ годами она все меньше и меньше стала рассказывать ему все. Онъ видѣлъ, что у нея свой особенный мѣръ, и уже не старался вступать въ него,¹ но не переставая слѣдилъ за ней.

Ей было уже лѣтъ 20, когда они жили на берегу моря и къ нимъ пріѣхалъ гостить 14-лѣтній кадетъ пажескаго корпуса, племянникъ жены Михаила Ивановича; кадетъ былъ милый, живой, восторженный мальчикъ, и Михаилъ Ивановичъ видѣлъ, какъ онъ отчаянно, робко, страстно влюбился въ Лизу. Онъ прожилъ у нихъ все лѣто. Отношенія Лизы съ этимъ милымъ, чистымъ мальчикомъ не пугали Михаила Ивановича. Онъ даже любовался этой любовью. Ему нравилось то, что Коко — кадетъ — оцѣнилъ, какъ должно оцѣнилъ Лизу, и ему нравилось отношеніе Лизы къ мальчику: она цѣнила его преданность и была польщена этой любовью, но смотрѣла на нее какъ на

¹ *Зачеркнуто:* Онъ ждалъ со страхомъ, ждалъ, кого она выберетъ. Но она никого не выбирала. Одинъ разъ увлеклась женатымъ человѣкомъ, который тоже увлекся ею, но это продолжалось недолго, потомъ отказала тремъ хорошимъ женихамъ и начала скучать. Отецъ видѣлъ это и страдалъ за нее и, хотя не было прежнего сближенія, все такъ же любилъ ее и гордился ею. И вдругъ свалилась ему на голову та ужасная глыба и раздавила его.

шутку. Но это была не шутка. Такъ подумалъ и Михайлъ Ивановичъ. Онъ вспоминалъ теперь, какъ въ день отъѣзда Коко, котораго онъ [1 неразобр.], увидалъ заплаканное лицо мальчика и серьезное, умиленное лицо Лизы. Какъ это было чисто! Какъ прекрасно! А теперь! Эта любовь оставила важный слѣдъ въ душѣ Лизы. Она на Коко (такъ его звали) поняла, какая можетъ быть любовь мужчины — чистая, самоотверженная и поэтическая, и потомъ искала, требовала такой любви и, разумѣется, не нашла ея. Потомъ была эта глупая свѣтская жизнь. И какъ-то почему-то она никого не полюбила. Двумъ она отказала и продолжала жить, какъ прежде жила, радуясь на свои успѣхи. Но года шли, всѣ привыкли къ ней, и она нравилась все меньше и меньше. И стала нѣсколько разъ она прикидывать мыслью холостыхъ людей, особенно изъ тѣхъ, которымъ она знала, что нравилась, могла ли бы она полюбить ихъ. И видѣла, что нѣтъ, что никто изъ нихъ не можетъ полюбить ее, какъ Коко, и она ожидала такого же Коко, но взрослого, который бы могъ быть ея мужемъ; но такого не было. Она все меньше и меньше находила удовольствія въ свѣтѣ и часто съ грустью смотрѣла на себя въ зеркало, любуясь собой, своей никому ненужной красотой. И она все больше и больше начинала скучать. Отецъ видѣлъ это, и ему жалко было ее, но онъ ничѣмъ не могъ помочь ей. Отношенія ихъ становились все холоднѣе и холоднѣе. Не только не было прежнего сближенія, но въ послѣднее время, когда ей было ужъ 25 лѣтъ и она стала увлекаться благотворительностью, къ которой онъ всегда относился насмѣшливо, между ними установилась даже больше чѣмъ холодность. Ему казалось, что она не любитъ его, и ему обидно было за то, что она такъ отвѣчала на его прежнюю любовь, и онъ допустилъ [?] враждебность къ ней. И вдругъ случилось то, чего онъ никогда не могъ вообразить себѣ. Она пропала изъ дому, потомъ написала, что у нея ребенокъ. Она не можетъ сказать, кто его отецъ, просить никого не винить и забыть ее.

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ОДУМАЙТЕСЬ!»]

* № 1.

Русскій царь, тотъ самый, который призывалъ всѣ народы къ миру, печатаетъ обращеніе къ народу, въ которомъ послѣ полустраницы подобнаго горячечному бреду перечисленія какихъ-то титуловъ царя и князя и наслѣдника какихъ-то несуществующихъ земель, Карталинскихъ, Обдорскихъ и т. п., объявляетъ, что онъ, посылая свои войска въ чужія земли, желалъ только мира, но что вѣроломный японецъ нарушилъ этотъ миръ и что поэтому онъ приглашаетъ свой народъ грабить и убивать японцевъ.

И въ отвѣтъ на это объявленіе его разные митрополиты и архіереи сочиняютъ молитвы о побѣдѣ русскихъ войскъ и пишутъ ему письма и говорятъ рѣчи непременно на славянскомъ языкѣ, изъ которыхъ ничего нельзя понять, кромѣ того что пастыри Христовой церкви одобряютъ убійство и поощряютъ къ нему своихъ пасомыхъ.

* № 2.

Жертвователи, добровольцы Краснаго креста, предводители, министры, царь и всѣ его помощники, всѣ они также чрезвычайно заняты и не имѣютъ времени разсуждать съ вами подробно. Они вообще согласны, что желательно было бы уничтожить войну, но это невозможно еще теперь, какъ это вполнѣ доказано гдѣ то, кѣмъ то, и потому они, какъ русскіе и какъ лица, занимающія извѣстное положеніе: царя, журналиста, офицера, дипломата, земца, врача, дѣятеля Краснаго креста, призваны дѣйствовать, а не разсуждать. И если вы станете возражать, они съ сердцемъ попросятъ васъ замолчать, а если вы не замолчите, силой заставятъ васъ. Они всѣ очень и торопятся, и всѣ они сердятся. У нихъ есть доводы за войну, которые такъ сложны, что трудно изложить ихъ.

Торопятся они оттого, что въ глубинѣ души они чувствуютъ, что если они перестанутъ торопиться, а остановятся подумать,

то должны будутъ понять не только ненужность, но преступность всей настоящей, какъ и предшествующей своей дѣятельности. Доводы ихъ сложны и трудно передаваемы потому, что это — соединеніе софизмовъ, годныхъ только для самообмана, не для разъясненія. Сердятся же они потому, что всякое напоминаніе о томъ христіанскомъ мировоззрѣніи, истину котораго они сознаютъ, но исполнять которое не имѣютъ силы, вызываетъ въ нихъ сознаніе того внутренняго противорѣчія, въ которомъ они живутъ, и это раздражаетъ ихъ.

* № 3.

Что же дѣлать?

Люди нашего времени, если они только будутъ искренни и серьезны, не могутъ не сознаться въ своемъ безсиліи разрѣшить этотъ вопросъ. Какъ учредить жизнь государства, общества, народа?

И потому естественно, казалось бы, людямъ, кромѣ отвѣта посредствомъ разсужденій объ общемъ устройствѣ міра, попытаться дать еще другой отвѣтъ на вопросъ: что мнѣ дѣлать?

И стоитъ только людямъ поставить себѣ этотъ вопросъ, какъ тотчасъ же, вмѣсто сомнительныхъ, неясныхъ, противорѣчивыхъ и, очевидно, не достигающихъ цѣли отвѣтовъ объ общемъ устройствѣ міра, является, если только человекъ серьезно и искренно поставитъ себѣ вопросъ, отвѣтъ несомнѣнный, ясный, вполне опредѣленный и, что удивительнѣе всего, вполне достигающій той цѣли о внѣшнемъ устройствѣ міра, которую и не ставилъ себѣ человекъ, отвѣчающій на вопросъ своей личной жизни:

Что мнѣ дѣлать?

* № 4.

⟨Люди, очевидная выгода которыхъ состоитъ въ дружной, общей работѣ, всѣ люди нашего времени и христіанскаго міра заняты только борьбой другъ съ другомъ. Борятся отдѣльные личности посредствомъ конкуренціи, насилія и всякаго рода обмана, борятся сословія капиталистовъ и рабочихъ. И борьба эта все болѣе и болѣе разгорается. И самая ужасная, безжалостная борьба — война, сначала скрытая посредствомъ обмановъ и вооруженій, не переставая ведется между государствами и народами и временами, какъ теперь, прорывается въ открытую войну между народами. И чѣмъ дальше продолжается это положеніе, тѣмъ оно становится хуже и тѣмъ невозможнѣе представляется какой-нибудь изъ него выходъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше злобы, ненависти, лжи, тѣмъ все больше и больше, несмотря на утонченность формъ жизни, озвѣреніе людей.

Все уже испробовано: и стачки, и союзы, и благотворительность, и синдикаты, и установление политическаго равновѣсія, и общества мира, и международные суды, и все оказывается не только бесполезнымъ, но всё эти мѣры представляются дѣтскими игрушками въ сравненіи съ возрастающей громадностью зла.

Что же делать?

А только одно: то самое, что сказала Христось 1900 лѣтъ тому назадъ, выходя на свою проповѣдь: «Одумайтесь». (Метавоіте).

* № 5.

Стоить только однимъ людямъ, обманутымъ церковностью, откинуть тѣ ложныя, привитыя имъ суевѣрія, скрывающія отъ нихъ эту истинную религію, а другимъ, обманутымъ научно-стью, полагающимъ, что религія есть остатокъ дикости, безъ которой могутъ жить люди, понять, что тѣ убѣжденія о братствѣ людей и о необходимости служенія имъ есть не плодъ разсужденій людскихъ, а есть неизбѣжный выводъ изъ отношеній людей къ міру, т. е. есть религія нашего времени, и всё люди нашего времени соединятся въ одномъ простомъ, всёмъ понятномъ религіозномъ ученіи, которое теперь уже безсознательно живетъ въ нихъ. А какъ скоро такое религіозное ученіе о братствѣ людей и назначеніи человѣка не губить жизни, но строить жизни всёхъ людей усвоится большинствомъ, такъ само собой уничтожатся тѣ ужасныя сцѣпленія интересовъ, называемыя государствами, которыя представляютъ изъ себя ничто иное, какъ шайки грабителей, которыя, завладѣвъ въ своемъ народѣ народными массами и властвуя надъ ними насиліемъ, корыстью и всякаго рода обманами и внушеніями, возбуждаютъ народы противъ народовъ и грабятъ имущество и земли одни у другихъ и все болѣе и болѣе развращаютъ народы, отдаляя ихъ отъ ихъ истиннаго блага.

* № 6.

(Люди безъ религіи, т. е. лишеныя той силы, которая одна можетъ и должна руководить ими, подобны бѣшенымъ животнымъ, лишенымъ инстинкта, который въ здоровомъ состояніи руководитъ ими. Такіе люди, руководимыя личными интересами и насиліемъ, не могутъ сложиться ни въ какія другія соединенія, какъ только въ тѣ скопища, которыя называются государствами и въ которыхъ, подчиняясь взаимному гипнозу, они, какъ бѣшенныя животныя, живутъ и поступаютъ противно своимъ свойствамъ и своей природѣ, готовыя всякую минуту разорвать другъ друга.)

* № 7.

И потому одно, что можетъ избавить людей отъ тѣхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, которыя, какъ несмышленныя дѣти, люди, не

переставая, наносить сами себѣ, — это религиозное сознание — вѣра. Но не та вѣра, каковы теперешнія католическая, православная или различныхъ наименованій протестантскія вѣроисповѣданія. Сущность всякой истинной религіи въ томъ, что она устанавливаетъ такое отношеніе человѣка къ Началу всего, къ Богу, изъ котораго вытекаютъ ясныя для каждаго, несомнѣнно опредѣленные и стоящіе выше всѣхъ другихъ обязанности. Стоять же для религиознаго человѣка выше всѣхъ другихъ эти обязанности потому, что всѣ другія положенія человѣка — царя, солдата, министра — установлены людьми и постоянно измѣняются внѣшними условіями и самимъ человѣкомъ, отношеніе же человѣка ко Всему, къ Богу, развѣ навсегда установлено и не можетъ быть измѣнено отъ рожденія и до смерти. И потому для религиознаго (строго говоря, для разумнаго человѣка, потому что установленіе своего отношенія къ міру или Богу есть необходимое условіе разумной жизни) и потому для религиознаго человѣка не можетъ быть даже вопроса о томъ, какъ разрѣшить встрѣчающіяся противорѣчія между его обязанностями какъ человѣка и обязанностями какъ солдата, царя, министра. Въ виду обязанностей передъ Богомъ не можетъ быть и рѣчи объ обязанностяхъ передъ людьми, если онъ не согласенъ.

Все горе наше и причина бѣдственнаго положенія, въ которомъ живутъ люди христіанскаго міра, въ томъ, что они считаютъ, что религія ихъ въ томъ (какъ вѣрно говоритъ Лактанцій, что горе людей не столько въ томъ, что они не знаютъ Бога, сколько то, что они считаютъ Богомъ то, что не есть Богъ), считаютъ, что религія ихъ въ томъ, чтобы поливаться водою, глотать кусочки хлѣба, святить день субботній и т. п., а что ихъ мысли о благодѣтельности человѣколюбія, равенства и братства людей есть только разсужденія, которымъ слѣдовать менѣе обязательно, чѣмъ различнымъ людскимъ требованіямъ, законамъ, человѣческимъ обычаямъ, приличіямъ.

* № 8.

Положимъ, что солдатъ, котораго посылаютъ на Дальній Востокъ противъ японцевъ, какъ Дрожжинъ, Ольховикъ, всѣ духоборы въ Россіи, назарены въ Австріи и Сербіи, Тервей въ Голландіи, Гутодьё во Франціи, и мн. др., откажется повиноваться. Что по всѣмъ вѣроятіямъ произойдетъ для него отъ этого? Его въ лучшемъ случаѣ посадятъ въ тюрьму, продержатъ въ ней 3 или 6—10 лѣтъ, сошлютъ, но подъ конецъ все-таки выпустятъ (убивать не убиваютъ и давно перестали это дѣлать именно потому, что все больше и больше людей стали отказываться), и онъ съ сознаниемъ исполненнаго передъ своей совѣстью и Богомъ долга вернется къ своей прежней дѣятельности.

Но что будетъ съ нимъ, если онъ не откажется и пойдетъ на войну? Будетъ то, что кромѣ признанія униженія рабства

нѣсколькихъ лѣтъ военной службы, онъ по всей вѣроятности или навѣки останется калѣкой, или будетъ убитъ непріятельскими снарядами, или одинъ среди чужихъ умретъ отъ тифа, дизентеріи. Изъ тюремъ и изгнанія возвращаются почти всѣ; изъ войны же рѣдко возвращается половина. Такъ что прямая выгода въ матеріальномъ смыслѣ, очевидно, на сторонѣ отказавшагося. Я не говорю о преимуществѣ человѣческаго достоинства, спокойствія совѣсти, сознанія исполненія воли Бога, осуществленія Его царства на землѣ. Такъ это для низшаго въ общественной лѣстницѣ члена. Какъ же это было для высшаго члена общества, стоящаго на противоположномъ концѣ? Что бы было, если бы русскій царь сейчасъ поступилъ такъ, какъ этого требуетъ отъ него Богъ? Сейчасъ, въ началѣ или срединѣ войны, рѣшилъ бы употребить всю свою власть на то, чтобы прекратить войну, согласился бы на всѣ требованія: отдать Манчжурію, Портъ-Артуръ, увести назадъ армію, флотъ, продать дорогу... Что бы было?

По всѣмъ вѣроятіямъ, если бы рѣшеніе было твердо и онъ безъ колебаній настаивалъ на немъ, было бы одно изъ двухъ: или онъ осуществилъ бы свое намѣреніе, и его сначала восхваляли бы только тѣ льстивые люди, которые восхваляютъ его теперь за войну, но потомъ оцѣнили бы его поступокъ всѣ мыслящіе люди міра, и онъ получилъ бы не только славу такую, какую онъ не получилъ бы послѣ самой успѣшной войны, а тѣмъ менѣе послѣ столь же вѣроятнаго, какъ и побѣда, пораженія, но вѣчную благодарность миллионновъ людей, которыхъ онъ спасъ бы этимъ отъ гибели, которымъ показалъ бы примѣръ разумной и благодѣтельной дѣятельности.

Или случилось бы то, что воинственная, патріотическая партія свергла бы его съ престола и онъ, оставаясь местнымъ человѣкомъ, сразу освободился бы отъ тѣхъ несвойственныхъ человѣку обязанностей, которыя наложили на него люди и онъ взялъ на себя, и былъ бы избавленъ отъ всѣхъ тѣхъ страданій, страха, сознанія своей непослѣдовательности, стыда, укоровъ совѣсти, которые онъ испытываетъ теперь и еще долго и въ худшей степени будетъ испытывать.

Такъ что если люди поступаютъ противно волѣ Бога, то совѣмъ не потому, что имъ выгодно поступать такъ, а только потому, что они подчиняются эпидемическому гипнозу, который скрываетъ отъ нихъ извѣстный имъ законъ Бога и заставляетъ поступать противно высшимъ и низшимъ требованіямъ ихъ природы.

Бороться же противъ эпидемическаго внушенія и противостоять ему могутъ только люди, понимающіе свое человѣческое назначеніе и потому несомнѣнно знающіе то, что согласно и несогласно съ нимъ.

Такъ что отвѣтъ на вопросъ о томъ, что дѣлать теперь, опять все тотъ же: *одуматься*.

* № 9.

«Но не заботясь о жизни міра, заниматься какой то таинственной волей Бога, ничего не дѣлать для общества, а заниматься только собою — это мистицизмъ, квіетизмъ, это слабость, это узко эгоистично и, главное, не достигать цѣли», говорятъ на это ученые люди и общественные дѣятели всѣхъ самыхъ разнобразныхъ лагерей. Такъ что, по мнѣнію этихъ людей, полагать свою жизнь въ исполненіи закона Бога, служеніи Богу, служеніи ближнему, воздерживаясь отъ всего того, что противно этому закону, и за это воздержаніе подвергаться униженіямъ, поруганіямъ, лишеніямъ свободы, побоямъ и даже смерти и, несмотря на всѣ угрозы, на весь гипнозъ торжественной власти, на неодобреніе интеллигентной толпы, одному оставаться до самой смерти твердымъ въ этомъ исполненіи всей своей жизнью представлять тотъ примѣръ истинной свободы, который, заражая другихъ людей, одинъ можетъ привести ихъ къ единственному средству спасенія, — такая дѣятельность есть мистицизмъ, квіетизмъ, эгоизмъ, слабость, вообще узкая, неразумная, неплодотворная дѣятельность. Заниматься же тѣмъ, чтобы придумывать и устраивать вооруженія, которыя точно также придумываютъ и устраиваютъ тѣ, противъ кого они замышляются, тратить на то двѣ трети богатства своего народа, и все это для того, чтобы убивать людей и быть убиваемыми ими и самому подъ вліяніемъ угрозы, гипноза и тщеславія идти на взаимныя убійства, или придумывать одни стѣсняющіе людей законы вмѣсто такихъ же другихъ, или учреждать одну форму правительства вмѣсто другой, не менѣе насильственной и несправедливой, или, подчиняясь существующимъ законамъ, которыхъ не признаешь, проповѣдывать не свои мысли, а рабски принятое съ чужихъ словъ людское ученіе о новомъ равномерномъ распредѣленіи богатствъ, продолжая при этомъ пользоваться неравномерно въ свою пользу распредѣленными богатствами, или обманывать и одурять народъ разными суевѣріями, или дѣлать изслѣдованія о свойствахъ тѣлъ, о химическомъ составѣ звѣздъ, млечнаго пути, о происхожденіи видовъ, о формахъ человѣческихъ череповъ и за это получать все большія и большія вознагражденія и почетъ, вообще, не зная зачѣмъ и для чего не переставая что-нибудь дѣлать и суетиться и суетить другихъ людей, — все это не мистицизмъ, не квіетизмъ, не слабость, а самая разумная, широкая, сильная, плодотворная дѣятельность.

Вотъ этимъ то людямъ, тѣмъ, которые думаютъ такъ, прежде всѣхъ другихъ надо одуматься и понять весь ужасъ того обмана, въ которомъ они находятся и въ который вовлекаютъ другихъ.

* № 10.

Царь, тотъ самый, который несомнѣнно главный, т. е. самый видный виновникъ преступленій, не только не кается, но

награждаетъ, возбуждаетъ, посыл[аетъ] на убійства. Генералы притворяются, что огорчены, но радуются повышеніямъ, открывающим[ся] исключеніемъ погибшихъ, и отвратительныя гадины — духовенство — шутятъ и кощунствуютъ, и журналы, собирая двугривенныя, сидя въ своихъ роскошныхъ кабинетахъ, возбуждаютъ народъ къ убійству. И нѣтъ суда ни на кого изъ нихъ. И никто изъ нихъ не упоминается. Упоминаются только тѣ, которые, какъ тѣ раненыя, изображенныя на итальянскомъ кораблѣ, обвязанныя бинтами и несомы[е] на рукахъ съ сосредоточенно-невидящими взглядами, чувствующіе только страданія и думающіе только о смерти. Эти упоминаются, но слишкомъ поводно. Остальные, прячась за патриотизмъ и другъ за друга, не только не стыдятся, не каются, но гордятся своими преступленіями и готовятся на все большія и большія.

* № 11.

Что это такое? Какъ это можетъ быть? По какому праву, вслѣдствіе какихъ соображеній могутъ имѣть право эти десятки, сотни распутныхъ, дрянныхъ людей заставлять другихъ дѣлать дѣла, противныя не только извѣстному всѣмъ закону Бога, но самому простому, непосредственному человѣческому чувству и, главное, какъ, почему могутъ они, эти дрянные люди, приговаривать къ смерти десятки тысячъ людей, изъ которыхъ каждый и мужественнѣе и нравственнѣе и лучше всѣхъ этихъ командующихъ ими ¹ людей, взятыхъ вмѣстѣ? [...]

Казалось бы, этого никакъ не могло, не можетъ быть. Зачѣмъ эти миллионы добрыхъ, трудолюбивыхъ, достойныхъ людей покоряются десяткамъ, сотнямъ праздныхъ, лживыхъ, ничтожныхъ людей? А между тѣмъ это дѣлается и дѣлается какъ со стороны обманщиковъ, такъ и со стороны обманутыхъ съ такой опредѣленностью и увѣренностью, что это такъ и должно быть и не можетъ быть иначе, что нельзя себѣ представить, какъ, какими способами можетъ разрушиться это ужасное, безумное положеніе человѣчества.

Какъ же это дѣлается? Какимъ образомъ люди доходятъ до такого, хуже звѣрскаго положенія? И вмѣстѣ съ тѣмъ такъ утвердились въ немъ, такъ увѣрились въ томъ, что это не только не дурно, но что это такъ нужно, что это вполнѣ хорошо, что очевидно нѣтъ никакой возможности исправленія, измѣненія этого положенія и что поэтому положеніе это чѣмъ дальше, тѣмъ должно становиться хуже и хуже. Какъ это сдѣлалось? И сдѣлалось гдѣ же? Среди какого народа? Среди народа, 1000 лѣтъ исповѣдующаго христіанскій законъ, не только противный всему тому, что совершается теперь, но противный всему тому

¹ Зачеркнуто: негодяевъ

устройству міра, который считается ненарушимымъ, священнымъ и даже христіанскимъ. Сдѣлалось это потому, что люди, отвергнушіе Бога и всякую религію, захвативъ власть, чтобы отречься отъ Христа, обличавшаго ихъ неправду, передѣлавъ это христіанство съ помощью худшихъ духовныхъ злодѣевъ — духовенства, такъ что оно не только оправдывало ихъ развратъ и злодѣйства, но и внушая смиреніе и покорность народу, давало имъ возможность властвовать надъ ними. Началось это съ давнихъ временъ и шло все усиливаясь и усиливаясь и дошло до того, до чего дошли теперь и такъ очевидно теперь во время войны въ Россіи. Съ одной стороны, властвующіе съ царемъ во главѣ, служба молебны и панихиды, открывая моцѣ новыхъ святыхъ, почитая безчисленныя иконы святыхъ, иные притворяются, иные воображаютъ, иные наивно вѣрятъ, что дѣла ихъ освящаются какимъ то страннымъ существомъ ихъ воображенія, котораго они называютъ Богомъ, и потому самоувѣренно, безъ укора совѣсти, совершаютъ свои ужасныя преступленія. Съ другой стороны, несчастный народъ, несмотря на свое прежде жившее въ немъ истинное христіанское чувство, все больше и больше охраняемый самыми жестокими насиліями отъ всякой возможности религіознаго просвѣщенія, все больше и больше одурается дикими суевѣрїями и доведенъ до того, что для него номинальный Богъ, которому надо ставить свѣчи, которому надо креститься, есть икона въ углу, а настоящій Богъ, законы котораго надо исполнять прежде всего, — есть земной Богъ, т. е. царь, велѣнія котораго должны безпрекословно исполняться, хотя бы они были противны смутно еще сознаваемому ими закону Бога. Они вѣрятъ во всѣ велѣнія царя. По велѣнію царя его одураютъ и извращаютъ его религію. И онъ еще больше вѣритъ въ церковныя суевѣрїя.

* № 12.

〈Происходитъ это оттого, что тѣ, которые посылаютъ другихъ на убійство, или вовсе не признаютъ Бога или притворяются, что вѣрятъ, что то воображаемое ими существо, которое они называютъ Богомъ, которому они служатъ въ таинствахъ почитанія иконъ и молебствїяхъ, разрѣшаетъ и даже освящаетъ тѣ преступленія, которыя они совершаютъ и заставляютъ совершать обманутыхъ ими людей; тѣ же, которые повинуются, такъ одурены продолжительными мѣрами, производимыми надъ одураемыми, такъ лишены всякой возможности религіознаго просвѣщенія, что искренно вѣрятъ, что Богъ есть икона въ углу или какая-то непонятная и ни на что ненужная фикція Троицы, настоящій же Богъ — это земной Богъ, т. е. царь, велѣнія котораго должны безпрекословно исполняться, хотя бы они были противны смутно еще сознаваемому ими закону Бога.

Людямъ властвующимъ нѣтъ съ мірской точки зрѣнія расчета отказаться отъ выгоды своей власти. Кромѣ того, отказавшись отъ власти, они рискуютъ подвергнуться возмездію тѣхъ, которыхъ они такъ долго и жестоко обманывали. Обманутымъ же, если бы нѣкоторые изъ нихъ и хотѣли разрушить обманъ, который совершается надъ ними, еще менѣе расчета съ мірской точки зрѣнія не повиноваться властвующимъ, тогда какъ когда имъ повинуются всѣ. До тѣхъ поръ, пока не повиноваться будутъ не всѣ сразу (а этого никогда не можетъ быть), всякій неповинующійся, подвергшись жестокому наказанію, погубить свою жизнь. Хотя онъ и обрѣтаетъ ее, съ мірской точки зрѣнія онъ погубить ее. Такъ что съ мірской точки зрѣнія выхода изъ того положенія, въ которомъ находятся теперь люди, нѣтъ и не можетъ быть никакого. Выходъ изъ этого положенія есть только одинъ — сознаніе человѣкомъ своего отношенія ко Всему, т. е. къ Богу, и признаніе этого отношенія руководствомъ своихъ поступковъ. Только такое сознаніе своего отношенія къ Богу можетъ заставить властвующихъ людей, отказавшись отъ выгодъ своего положенія, прекратить свою дѣятельность, и только оно же можетъ заставить людей, принуждаемыхъ къ насилію, отказаться отъ повиновенія, независимо отъ послѣдствій такого отказа.)

* № 13.

Одумайтесь вы, тѣ, которые, какъ царь, и министры, и генералы, и офицеры, распоряжаетесь, предписываете величайшія въ жизни преступленія: убійства людей.

Одумайтесь вы, церковные обманщики, одуряющіе милліоны людей, потворствующіе убійству и оправдывающіе его.

Одумайтесь вы, папущіе въ газетахъ и журналахъ и возбуждающіе вашими гадкими рѣчами людей къ враждѣ и всякаго рода злодѣйствамъ.

Одумайтесь, главное, вы, несчастные толпы молодыхъ людей военныхъ, необдуманно повинующихся людямъ, ведущихъ васъ на закланіе или на убійство братьевъ.

Вѣдь какъ васъ ни обманывали съ дѣтства, увѣряя, что царь — Богъ земной, что можно и должно убивать по его приказанію, въ глубинѣ души вашей есть голосъ, который говоритъ вамъ, что японецъ — человѣкъ, ближній и что мы должны любить ближнихъ, а не убивать ихъ. Голосъ этотъ тихій, безъ колокольнаго звона и барабаннаго боя, но голосъ этотъ Божій, вѣчный, необманный. И надо вѣрить и слѣдовать ему.

Одумайтесь всѣ, какъ говорилъ Христосъ. Не вѣкъ будете вы, цари, генералы, министры, здоровые и сильные, распоряжаться людьми и пользоваться ихъ почетомъ и лестью.

Не вѣкъ будете вы, митрополиты, архіереи, іереи въ золотыхъ ризахъ, съ ложнымъ пафосомъ повторять одни и тѣ же славян-

скія слова, кланяться, благословлять и увѣрять себя и другихъ, что дѣло, которое вы дѣлаете, кому то нужно.

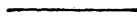
Не вѣкъ будете вы, журналисты, сидя въ своихъ кабинетахъ и редакціяхъ, получать рубли за ваши запутанныя, хитроумныя человѣконенавистническія измышленія.

Не вѣкъ будете съ знаменами, подъ музыку, съ криками «ура», пальбой и глупыми пѣснями шагать въ ногу передъ начальствомъ и увѣрять себя, что вы призваны не трудиться для общаго блага, а убивать себѣ подобныхъ.

Всѣ вы, отъ царя до послѣдняго солдата, будете лежать на одрѣ смерти, горя или задыхаясь и страдая тѣломъ и тревожась духомъ о томъ, что ожидаетъ васъ тамъ послѣ того, какъ тѣло отстрадается и жизнь эта кончится. А умирая, какъ бы вы ни понимали смерть — какъ переходъ въ ничто или въ другую жизнь — въ обоихъ случаяхъ, когда смерть будетъ передъ вами, вы съ ужасомъ оглянетесь на свою жизнь и ясно поймете, что не то вы дѣлали, что было должно, не то, чего хотѣлъ отъ васъ Тотъ, Который послалъ васъ въ жизнь. Такъ не лучше ли подумать объ этомъ теперь, пока есть время? «Μετανοείτε, ἀλλ' ἂν μὴ μετανοήτε, πάντες ὡσαύτως ἀπολείβετε».

«Одумайтесь. И если не одумаетесь, всѣ такъ же погибнете».

Лука XIII, 3.

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕ-
НИИ В РОССИИ».]

* № 1.

Правительства организуются и держатся не силою самих правительственных лицъ (ихъ мало, и они слабы), а обманами, одуреніемъ народа, жестокостью, казнями и убійствами и угрозами ихъ и, главное, корыстолюбіемъ, честолюбіемъ, завистью, злобою и отсутствіемъ религіознаго сознанія самаго народа. Вслѣдствіи этого выходитъ то, что самъ народъ, отъ высшихъ до низшихъ слоевъ, самъ устраиваетъ себѣ правительство, которое давитъ его и, чувствуя это давленіе, негодуетъ на правительство, не видитъ того, что онъ самъ дѣлаетъ зло — правительство, отъ котораго онъ страдаетъ, и что причиною его бѣдствій то, что есть вообще правительство, и въ своемъ вѣковомъ одуреніи воображаетъ себѣ, что положеніе его улучшится, если онъ вслѣдствіи [перемѣны] лицъ одного правительства или одного внутренняго устройства правительства установитъ другія лица или другой порядокъ. И, предаваясь этимъ иллюзіямъ, самозванные представители народа, большею частію самые безпринципные люди, начинаютъ суетиться и агитировать и требовать смѣщенія правительственныхъ лицъ, измѣненія порядковъ и этимъ только ухудшаютъ положеніе, потому что то, что они дѣлаютъ, вызывая борьбу, раздраженіе, злобу, прямо противоположно тому, что одно можетъ улучшить положеніе общества. Поступая такъ, агитирующие люди дѣлаютъ то самое, что дѣлаетъ человекъ, [который], вмѣсто того чтобы развязывать узелъ, затягиваетъ его, и чѣмъ больше затягиваетъ, тѣмъ больше сердится на то, что узелъ не развязывается.

Улучшеніе положенія людей, къ какому бы они не принадлежали обществу, можетъ произойти только отъ внутренняго религіозно-нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ лицъ. Чѣмъ выше въ религіозно-нравственномъ отношеніи будутъ люди, тѣмъ лучше будутъ тѣ общественныя формы, въ которыя они сложатся. Общество же людей жестокихъ, корыстныхъ,

лживыхъ, въ какую-бы внѣшнюю форму не были бы поставлены, неизбѣжно устроить себѣ жизнь тяжелую, мучительную, соотвѣтственно своему религіозно-нравственному состоянію. Это до такой степени очевидно, что совѣстно останавливаться на этомъ, доказывая это.

Иллюзія о томъ, что внѣшнія формы могутъ измѣнить внутреннее содержаніе, основаны на психологической склонности, желаніи избавиться отъ личнаго труда усилія, замѣнивъ его чѣмъ-нибудь внѣшнимъ. На этомъ основана вѣра въ гаданіе, на этомъ основана значительность, приписываемая внѣшней обстановкѣ, приличіямъ, учтивости и всѣ ложныя вѣры, обещающія улучшение безъ усилій, на этомъ же основана и вѣра въ улучшение общественной жизни отъ внѣшнихъ формъ.

Если же это такъ, и жизнь людей можетъ улучшиться только отъ внутренняго совершенствованія, то очевидно, что всѣ тѣ агитаціи, которымъ предаются сторонники внѣшнихъ измѣненій — либералы, революціонеры, отвлекаютъ ту душевную энергію, которая должна бы была быть употреблена на внутреннюю работу уясненія своего религіознаго сознанія, на борьбу съ страстями и соблазнами.

Нельзя дѣлать двѣ работы вмѣстѣ, и человѣкъ, отдающійся внѣшней дѣятельности, не можетъ работать надъ собой внутренне, а только внутреннее совершенствованіе достигаетъ той цѣли, къ которой стремится человѣкъ, отдающійся внѣшней дѣятельности. Въ этомъ одномъ причина нецѣлесообразной внѣшней агитаціонной дѣятельности; другая, и самая важная, въ томъ, что сама агитаціонная дѣятельность по существу своему противна, несовмѣстима съ дѣятельностью религіозно-нравственной.

Главная основа религіозно-нравственной дѣятельности есть сознаніе своего братства со всѣми людьми и потому стремленіе къ установленію между всѣми близкими любовнаго согласія. Дѣятельность же внѣшняя, политическая есть всегда борьба, желаніе разрушить, покорить и, очевидно, вызываетъ такія же желанія въ тѣхъ, съ кѣмъ они борются. Политическая дѣятельность, начинаясь петиціями, адресами, депутаціями, продолжается въ видѣ массовыхъ схватокъ, борьбой съ оружіемъ, казнями, убійствами, междуусобіями. И потому внѣшняя политическая дѣятельность не только несовмѣстима съ той внутренней дѣятельностью, которая одна можетъ исправить существующее зло, но прямо противоположна ей.

Такъ это вообще по отношенію ко всякой политической, внѣшней дѣятельности; въ той же теперешней политической агитаціи въ Россіи есть еще особенности, принадлежація именно русскому и современному движенію и явно показывающія, кромѣ его зловредности, еще и пустоту и легкомысленность, если не недобросовѣстность этого движенія.

Тамъ нѣтъ цензуры правительства, но есть власть богатыхъ и какъ пчелы, не въ силахъ убить, обмазываютъ клочья, чтобы они не вредили, такъ и большая пресса богачей не даетъ ходу социалистическимъ, анархическимъ, Генри-Джорджевскимъ періодическимъ изданіямъ. Они возникаютъ и держатся въ очень ограниченныхъ, маленькихъ предѣлахъ, а патриотическія, правительственныя расходятся въ миллионатахъ.

Такъ что тѣ врачи, адвокаты, газетчики и либеральствующіе помѣщики никакого права не имѣютъ считать себя представителями народа: они представляютъ только себя, и народъ для нихъ — недобросовѣстное знамя. И народъ никогда не признавалъ и не признаетъ ихъ программы. Мало того, онъ отрицаетъ одно изъ главныхъ положеній ихъ программы — ограниченіе самодержавія. Онъ дорожитъ самодержавіемъ и по поэтическимъ преданіямъ. Но это неважно. Онъ дорожитъ имъ, оно нужно ему, потому что только черезъ самодержавіе, онъ чувствуетъ, знаетъ, что можетъ достигнуть своего одного главнаго желанія — общности земли. Онъ знаетъ, что только самодержавный царь могъ разбить рабство крѣпостное, и ждетъ того же отъ царя и по отношенію къ землѣ, зная очень хорошо, что если во власти будетъ не царь, а господа, то ему, какъ ушей, не видать земли. Онъ знаетъ это, не справляясь о томъ, что это самое произошло и во всей Европе.

Такъ вотъ мое мнѣніе: правительство всякое, и русское, есть ужасный, безжалостный, безсовѣстный разбойникъ, отъ котораго надо всѣми силами стараться избавиться. Политическіе дѣятели нашего общества и времени, составляя очень легкомысленный, тщеславный и самоувѣренный классъ людей, пѣну общества, видятъ всѣ недостатки русскаго правительства и, вообразая, что все дѣло въ устройствѣ и составѣ русскаго правительства, мутятъ верхній слой общества, съ тѣмъ чтобы смѣнить и измѣнить правительство. Этой операціей, чѣмъ бы она ни кончилась, они только ухудшаютъ положеніе, вызывая все больній и больній раздоръ и ненависть между правительственными и антиправительственными людьми. Правительство, какъ разбойникъ, не можетъ уступить, потому что чѣмъ больше оно уступаетъ, тѣмъ больше открываются его преступленія, и борется и будетъ бороться тѣмъ единственнымъ средствомъ, которое есть у разбойника: убійствами, казнями. Убійства и казни вызываютъ еще большую ненависть въ политическихъ дѣятеляхъ. И зло будетъ расти и расти, вызывая съ обѣихъ сторонъ все больнія и больнія злодѣйства и готовность къ нимъ. И все больше и больше будетъ заслоняться отъ людей то единственное средство набавленія отъ всякаго зла, которое ясно всѣмъ людямъ, которое ничѣмъ не можетъ быть приостановлено и которое самымъ вѣрнымъ и быстрымъ путемъ достигается не только

осуществленія той программы, которую выставляют политическіе дѣятели, но и самаго высшаго блага и личности и общества, которое можетъ достигнуть человѣкъ.

Средство это состоитъ въ томъ, чтобы каждый человѣкъ понялъ, что онъ не хозяинъ жизни, не можетъ знать того, что для него хорошо, а тѣмъ менѣе можетъ знать, въ чемъ общее благо того общества, въ которомъ онъ живетъ, что онъ не хозяинъ, а слуга той воли, которая послала его въ жизнь, и что поэтому онъ обязанъ, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ, исполнить законъ этой воли. Законъ же этотъ состоитъ въ увеличеніи любви, согласія, единенія между людьми, а не въ борьбѣ съ ними, и что стоитъ только каждому человѣку исполнять этотъ законъ хотя бы въ самой слабой степени, хотя бы только въ той степени, чтобы не участвовать въ преступленіяхъ правительствъ, въ грабежахъ, мучительствахъ, убійствахъ, и то самое зло правительства всякаго, и русскаго, съ которымъ борются политическіе дѣятели, исчезнетъ само собой и никогда уже не возвратится.

«Но неужели намъ, полнымъ силы и энергіи людямъ, — говорятъ на это, — ограничиться тѣмъ, чтобы сложа руки сидѣть и совершенствоваться? Построить себѣ келью подъ елью и наслаждаться своимъ совершенствованіемъ, — съ сарказмомъ говорить кипящіе энергіей смѣлые, рѣшительные дѣятели. — Дѣятельность эта слишкомъ таше,¹ какъ говорятъ англичане».

Но что же дѣлать, если всѣ настоящія плодотворныя дѣятельности таковы? Что за дѣятельность копать грядки и сажать жолуди, старательно закрывая ихъ землею? То ли дѣло — пойти съ топоромъ въ лѣсъ, нарубить возъ зеленыхъ вѣтокъ и растыкать ихъ, какъ молодой садъ, вокругъ дома! Горе только въ томъ, что всѣ эти вѣтки, очень пріятныя, черезъ два дня васохнутъ и пойдутъ на поджожки, а изъ посаженныхъ жолудей вырастутъ дубы, которые переживутъ 10 поколѣній, составляя ихъ радость и гордость.

* № 3.

О представительствѣ же, требованія котораго съ такой увѣренностью выставляютъ либералы и революціонеры, народъ если и имѣетъ какое-либо мнѣніе, то совершенно противоположное тому, которое выражаютъ за него его самозванные представители. Народъ въ своей большой массѣ стоитъ за самодержавіе. Онъ стоитъ за него и по инерціи и по вѣрѣ въ то, что только черезъ самодержавіе онъ можетъ достигнуть своего одного, главнаго желанія — общности земли. Только тотъ самодержавный царь, который могъ разбить крѣпостное рабство, можетъ и отнять землю у господъ и отдать мужикамъ, думаетъ народъ, господа же сами не отдадутъ земли. Ошибается или не ошибается народъ, думая такъ, такова, несомнѣнно, его очень опредѣленная программа.

¹ [тихая, бесцветная.]

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ».]

* № 1.

Единственное средство.

Положеніе не только нашего христіанскаго міра, но всего человѣчества теперь такое: самая большая часть людей — бѣдные, рабочіе люди живутъ и умираютъ въ невѣжествѣ и нуждѣ, ненавидя тѣхъ, которые принуждаютъ ихъ жить такъ; малая часть, правящіе людьми прямо силой или деньгами черезъ силу, живутъ правдою, роскошно, но неспокойно, потому что знаютъ, что большинство людей ненавидитъ ихъ и готово убить ихъ всѣхъ, только бы освободиться отъ нихъ. Всѣ, кромѣ самыхъ легкомысленныхъ людей, видятъ это и или борются, чтобы освободиться, и ненавидятъ и страдаютъ, или борются, чтобы удержать свою власть, и тоже ненавидятъ и страдаютъ. И всѣмъ тяжело, и всѣ, вмѣсто жизни для блага своего и другихъ людей, проводятъ жизнь въ борьбѣ, ненависти и страданіяхъ.

Отчего это? И какъ поправить это?

Когда паръ остываетъ въ паровикѣ, онъ временами перестаетъ работать: то выкидываетъ струи пара, то останавливается, а главное, дѣлаетъ то, что весь паровикъ можетъ лопнуть и уничтожиться.

Тоже происходитъ въ наше время въ человѣчествѣ. Сила, двигающая, всегда двигавшая человѣчество, есть и была всегда вѣра, религія — то отношеніе, которое устанавливаетъ человѣкъ къ Богу или, кто не вѣритъ въ Бога, то къ міру, ко Всему безконечному по времени и пространству, окружающему человѣка.

То, что установленное человѣкомъ отношеніе его къ Богу руководить жизнью людей, не есть случайное явленіе, которое могло быть въ одномъ обществѣ людей и не быть въ другомъ, но есть необходимое условіе жизни человѣка, какъ разумнаго существа.

Поступки человѣка могутъ быть вызваны его потребностями, похотями, страстями, но надъ всѣми потребностями, похотями, страстями властвуетъ въ человѣкѣ, въ свободныя отъ страстей минуты, разумъ. И этотъ разумъ не только въ одномъ человѣкѣ, но во всемъ человѣчествѣ, переходя и совершенствуясь отъ поколѣнія, устанавливаетъ свои положенія о томъ, что свойственно человѣку, устанавливаетъ законы разума, рѣшаетъ, что *долженъ* дѣлать человѣкъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Это установленіе высшихъ законовъ разума, вытекающихъ изъ отношенія человѣка къ Богу, къ міру, ко Всему, и есть то, что люди называютъ вѣрой, религіей, въ противоположность тому, что называютъ наукой. Различіе вѣры, религіи отъ науки въ томъ, что наука выводитъ свои данныя изъ внѣшняго опыта и потому можетъ служить руководствомъ для улучшенія внѣшнихъ условій жизни человѣка: какъ ему лучше кормиться, лечиться, передвигаться, жениться, сходиться въ общества и т. п.; не давая внутренней оцѣнки различнымъ дѣятельностямъ; религія же выводитъ свои данныя изъ внутренняго опыта и руководитъ человѣкомъ въ оцѣнкѣ поступковъ, въ выборѣ между ними, въ достиженіи наибольшаго внутренняго блага. Такъ что для правильной жизни, даже для возможности жизни человѣка, какъ разумнаго существа, необходимы обѣ дѣятельности — и научная и религіозная. И одинаково нельзя допустить того, чтобы человѣкъ, какъ разумное существо, могъ жить, не обдумывая того, какъ ему наилучшимъ образомъ кормиться, лечиться, жениться, судиться и т. п., какъ и того, чтобы человѣкъ могъ жить, не разцѣпывая свои поступки, не считалъ бы нѣкоторыя дѣятельности прямо дурными и не старался избѣгать ихъ и изъ другихъ не предпочиталъ бы одну другой.

Разница между этими двумя руководящими силами человѣчества, и очень важная разница, въ томъ, что въ научной дѣятельности человѣкъ можетъ довольствоваться самыми первобытно низшими свѣдѣніями, по-немногу, по мѣрѣ жизни приобретаая все большія и большія свѣдѣнія; въ области же религіозной человѣкъ не можетъ довольствоваться неопредѣленными данными, не можетъ дожидаться возникновенія и уясненія ихъ. Въ области религіозной для оцѣнки поступковъ человѣку некогда дожидаться; ему сейчасъ надо жить, сейчасъ надо рѣшать, какой поступокъ дѣлать и отъ какого воздерживаться. Человѣкъ можетъ жить безъ знанія астрономіи, физики, не только безъ телефоновъ, но и желѣзныхъ дорогъ, можетъ жить даже безъ желѣза, безъ земледѣлія, можетъ жить кочевой жизнью, но человѣкъ никакой никакъ не можетъ жить безъ религіознаго ученія — такого, которое указывало бы ему, что онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать. Не можетъ потому, что всякая жизнь и вся жизнь разумнаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ, кромѣ рѣшенія, которое подсказываетъ ему потребность, похоть, страсть, онъ не можетъ не рѣшать, хорошо ли

или дурно ему подсказывает потребность, страсть, похоть и хорошо ли ему отдаться ей или бороться съ ней. Рѣшенія эти предстоятъ разумному человѣку всякую минуту, и потому ему нельзя жить безъ религіознаго руководства, безъ того, что называется религіей. Правда, что эти руководства прежнихъ временъ для людей позднѣйшихъ временъ часто представляются неразумными, потому что связаны съ неразумными представленіями, каковы различныя суевѣрія, но какія бы они ни были, они не только были нужны, но неизбѣжны, какъ дыханіе или, скорѣе, сердцебіеніе для животнаго организма, потому что безъ рѣшенія, что должно и что не должно дѣлать, не можетъ жить разумное существо — человѣкъ. И потому съ тѣхъ поръ, какъ жили люди, всегда было это руководство (религія) и всегда будетъ, пока люди будутъ люди.

* № 2.

Единственное средство.

Положеніе не только нашего христіанскаго міра, но всего человѣчества теперь такое: одна, малая часть людей владѣтъ ненужнымъ, часто огромнымъ богатствомъ и, пресытившись всѣми матеріальными благами міра, тоскуетъ, скучаетъ, отчаявается и проклинаетъ жизнь; другая, самая большая часть людей живетъ и умираетъ, не имѣя ни необходимыхъ жилищъ, ни одеждъ, ни пищи, въ невѣжествѣ и отчаяніи, и ненавидитъ тѣхъ, которые принуждаютъ ихъ жить такъ. Всѣ люди, и тѣ и другіе, завидуютъ другъ другу, боятся другъ друга и во взаимной борьбѣ насилуютъ, обманываютъ, грабятъ и убиваютъ другъ друга. Для поддержанія такого устройства жизни люди обманомъ приобрѣтаютъ власть надъ другими, силою оружія, угрозой смерти заставляютъ людей покоряться себѣ и мучаютъ и убиваютъ тѣхъ, которые властвуютъ надъ ними. Вслѣдствіи постоянной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ насиліемъ, обманомъ, хитростью жизнь всѣхъ людей лишена естественныхъ условій жизни: люди живутъ въ тѣсотѣ городовъ, безъ чистаго воздуха, безъ общенія съ природой, лишены всѣхъ естественныхъ радостей; люди, и богатые и бѣдные, предаются наслажденіямъ половой любви внѣ всякихъ сдерживающихъ условій, и среди всѣхъ сословій распространяется развратъ и мучительныя послѣдствія его. Дѣти перестаютъ родиться, а когда рождаются, то бросаются родителями и вообще такъ дурно ухаживаются, что вымираютъ въ огромныхъ количествахъ.

Успіія людей направлены не на производительность труда, а на борьбу другъ съ другомъ, и потому, несмотря на увеличеніе производствъ посредствомъ машинъ, тратятся непроизводительно страшныя силы, самыя нервныя потребности людей остаются неудовлетворенными, и богатства земли, и на повер-

ности и внутри ея, растрчиваются бесполезно и невознаградимо. Вслѣдствіи всего этого люди вырождаются и слабѣютъ. Но мало того, что всѣ частные люди въ борьбѣ между собой тратятъ лучшія силы и страдаютъ отъ этой борьбы: происходитъ еще страшная борьба народовъ противъ народовъ, государствъ противъ государствъ, и, кромѣ неперестающихъ безумныхъ тратъ на вооруженія, отъ времени до времени возникаютъ войны и убиваются десятки тысячъ людей въ самую цвѣтущую пору ихъ жизни. Ужаснѣе всего при этомъ то, что вся эта сложная и страдальческая жизнь не заставляетъ людей одуматься и стараться всеобщимъ просвѣщеніемъ освободиться отъ этой мучительной жизни. Люди — малая часть — занимаются изученіемъ самыхъ ненужныхъ, утонченныхъ предметовъ, большая же масса остается въ величайшемъ невѣжествѣ, и люди, имѣющіе власть, стараются, и съ успѣхомъ, не допускать среди рабочаго народа истиннаго просвѣщенія, а вмѣсто него поддерживать въ народѣ старыя и внушать новыя суевѣрія и предрасудки. Положеніе такъ ужасно, что наиболѣе чуткіе люди, какъ только опомнятся немного и поймутъ положеніе человѣчества, такъ не будутъ участвовать въ этой ужасной жизни, лишая себя ея пулей, ядомъ, петлею, угаромъ; тѣ же, которые мелькомъ видятъ ужасъ и бессмыслицу окружающей ихъ жизни и предчувствуютъ невозможность примириться съ существующимъ ужасомъ, стараются не видѣть, забыть, одурманиться, и для этого всѣ отравляютъ себя опиумомъ, табакомъ, виномъ, водкой, морфиномъ. Самое же ужасное во всемъ этомъ то, что совершилось, то, что сказано въ евангеліи, что будутъ глады, моры, землетрясенія, войны, и главное, худшее послѣднее: охладѣетъ любовь. И это послѣднее совершилось въ поразительной степени: не только охладѣла любовь въ людяхъ, но въ людяхъ возникла ненависть другъ къ другу, та ненависть, которая должна сопутствовать борьбѣ, и ненависть эта не только не признается въ нашемъ мірѣ чѣмъ либо нехорошимъ, но, напротивъ, желательнымъ и необходимымъ условіемъ борьбы.

Отчего это? И какъ поправить это? невольно спрашиваютъ себя люди, и мудрецы міра сего, ученые, философы отвѣчаютъ, что происходитъ это отъ того, что таковъ ходъ истиннаго прогресса и что мы находимся въ процессѣ этого прогресса, что все это такъ, какъ и должно быть, и что все это понемногу исправляется и что все это въ свое время совершенно исправится. И ученые и философы на всѣ эти бѣдствія представляютъ средства исправленія.

То, что одни люди живутъ въ избыткѣ богатства, а другіе въ нищетѣ и голодѣ, происходитъ отъ того, говорятъ одни ученые люди, что еще государственная власть не успѣла еще все устроить какъ надобно, но правительства заботятся объ этомъ и устроятъ со временемъ такъ, что бѣдные не будутъ страдать. Къ сожалѣнію, если бы кто и хотѣлъ повѣрить этимъ утвержде-

ніямъ однихъ ученыхъ людей, онъ не могъ бы этого сдѣлать, такъ какъ другіе ученые люди, социалисты, говорятъ, что это надо устроить совсѣмъ иначе и что правительства надо уничтожить, и тогда все сложится какъ должно. Къ сожалѣнію, споръ идетъ не только между правительствомъ и социалистами, но споръ идетъ и между разными правительственными партіями и разными социалистическими партіями. Одни — сторонники правительства — говорятъ, что надо ограничить власть правительства, другіе говорятъ, что надо не стѣснять эту власть. Одни социалисты хотятъ осуществленія своей цѣли мирнымъ путемъ, другіе революціоннымъ.

То же, что люди живутъ неестественной жизнью въ городахъ, то это, по мнѣнію однихъ ученыхъ людей, исправится тѣмъ, что города такъ будутъ устроены, что жизнь въ нихъ будетъ для всѣхъ пріятнѣе и здоровѣе, чѣмъ въ деревнѣ; другіе же ученые люди говорятъ, что надо децентрализовать города и предлагаютъ средства, какъ это сдѣлать. То, что люди живутъ развратно, одни ученые исправляютъ регламентаціей, другіе запрещеніемъ, третьи измѣненіемъ формы семьи. Одни требуютъ допущенія развода, другіе свободы любви. Смертность и нерожденіе и гибель дѣтей одни ученые думаютъ исправить пріютами для дѣтей, другіе обязательствомъ отцевъ кормить семьи, третьи строгими наказаніями.

То, что производительность направлена не на то, что нужно массамъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ исправится тѣмъ, что когда рабочіе овладѣютъ орудіями труда, то они направятъ трудъ на нужное имъ, другіе думаютъ, что посредствомъ машинъ человѣкъ до такой степени овладѣетъ силами природы, что всѣхъ предметовъ будетъ производиться достаточно для всѣхъ. Источеніе же силъ земли одни ученые считаютъ невозможнымъ, другіе считаютъ, что наука изобрѣтетъ такіа средства, при которыхъ природныя средства будутъ ненужны. Химически будутъ приготовляться и пища и все, что нужно. То, что люди слабѣютъ и вырождаются, по мнѣнію однихъ ученыхъ, происходитъ отъ несовершенства медицины и гигиены. Все это устроится, когда наука медицины изслѣдуетъ всѣ бациллы и устранитъ все ненормальное въ человѣкѣ. О томъ, какъ совершится это избавленіе отъ болѣзней и вырожденія, мнѣнія ученыхъ очень раздѣляются, и идутъ большіе споры.

То, что всѣ государства тратятъ большую долю богатствъ на вооруженіе и временами убиваютъ десятки тысячъ людей на войнахъ, происходитъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ, отъ излишней власти правителей, по мнѣнію другихъ, отъ неустановленности равновѣсія политическаго, по мнѣнію третьихъ, по недостаточному развитію международнаго права и мирныхъ судилищъ и конференцій.

То, что народъ невѣжественъ, происходитъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ, что мало университетовъ, по другимъ — мало народ-

ныхъ школъ и библіотекъ, по третьимъ — отъ невыработанной еще системы преподаванія. О себѣ же ученые люди вполне увѣрены, что они не только не невѣжественны, но находятся на высшей степени просвѣщенія. В этомъ всё сходится.

То, что люди стрѣляются и вѣшаются, происходитъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ, отъ неврастенія, по другимъ — отъ наслѣдственности и должно пройти при примѣненіи всѣхъ выше упомянутыхъ средствъ улучшенія жизни.

То, что люди одурманиваются, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, большинство которыхъ предается этому одурманиванію, есть вполне нормальное явленіе, по мнѣнію же другихъ, вредное явленіе, которое должно быть искоренено устройствомъ противодѣйствующихъ обществъ.

Тоже, что нѣтъ между людьми любви, по мнѣнію однихъ ученыхъ, есть послѣдствіе сложности жизни, при движеніи же впередъ со временемъ отношенія людей опять станутъ лучше. По мнѣнію же другихъ, любовь есть суевѣріе, глупость, рабское свойство, дающее возможность властвовать однимъ надъ другими, и потому охлажденіе любви есть только желательное явленіе.

Средствъ предлагается много, но я думаю, что стоитъ только серьезно вдуматься во всѣ эти средства, во все разнообразіе ихъ несогласій между собою, чтобы увидать, что каждое средство не только не исцѣляетъ, но отдаляетъ рѣшеніе, вносить новое зло въ міръ. Неужели же нѣтъ такого средства исцѣленія и то положеніе, въ которомъ находится теперь человѣчество, свойственно ему? И если есть это средство, то какое оно? Средство это есть и всегда было у человѣчества. Это тотъ камень, который отбросилъ строящій, а который становится во главу угла, т. е. въ замѣкъ свода, тотъ камень, безъ котораго ничто не держится.

Камень этотъ есть религія, т. е. то отношеніе, которое устанавливается человѣкомъ ко всему вѣчному и безконечному, окружающему его, къ тому, что обыкновенно называется Богомъ.

* № 3.

Средствъ предлагается много, на всякое зло есть свое средство, даже нѣсколько. Неудобно при этомъ только то, что каждое средство производитъ вытекающее изъ него зло, противъ котораго надо опять придумывать и придумывается средство, и такъ безъ конца. Такъ, напримѣръ, для того чтобы смягчить различіе богатства и бѣдности, нужно, по мнѣнію однихъ, отбирать у богатыхъ и давать бѣднымъ. Но для того чтобы сдѣлать это, нужно сдѣлать невозможнымъ злоупотребленіе этой властью. Если же цѣль достигается средствами, предлагаемыми социалистами, то является новое затрудненіе въ томъ, что нужно опредѣлить, какіе предметы, въ какомъ количествѣ

нужно производить и сколько и гдѣ каждому человѣку работать. Если допустить проституцію, нужна регламентація. А чѣмъ руководствоваться въ регламентаціи? Если не допустить проституцію, то какъ бороться противъ сифилиса? Если допустить свободу любви, то какъ обезпечить дѣтей? Если воспитательные дома, то какъ устроить ихъ? Какъ обезпечить дѣтей отъ злоупотребленій? Если устроить медицинскую помощь, борьбу съ заразными болѣзнями, то какъ заставить людей исполнять требованія гигиены и противодѣйствовать заразнымъ болѣзнямъ? Если дать власть извѣстнымъ людямъ примѣнять эти правила, то какъ обезпечить людей отъ злоупотребленій людей, которымъ дана будетъ власть? Если не держать войскъ, то сосѣдніе дикіе народы нападутъ. Если держать войска, то сколько? И какъ обезпечить людей отъ захвата власти военными? Если предоставить рѣшеніе вопросовъ международнымъ судилищамъ, то какъ сдѣлать, чтобы рѣшенія судилищъ были обязательны? Дать имъ войска? Чѣмъ обезпечить народъ отъ этихъ войскъ? Оставить злодѣевъ безъ наказанія или безъ удержу нельзя. Наказывать? Какъ? Если разрѣшить просвѣщеніе народа власти, то власть будетъ проповѣдовать не истину, а то, что ей нужно. Если предоставить полную свободу преподаванія, воспитанія, то будутъ проповѣдовать езуитизмъ и другія антигуманныя ученія. Запретите одуряющія вещества, народъ будетъ тайно пользоваться ими. Взять правительству на себя продажу ихъ — это поощреніе этого порока. Каждое дѣло, какъ только оно производится людьми, извнѣ неизбѣжно требуетъ власти, насилія. Какъ только у людей есть власть, они могутъ злоупотреблять, и потому противъ этой возможности злоупотребленія нужна опять власть. И опять власть людей, и потому опять надо учреждать новую власть.

Какъ ни очевидно, что это ни къ чему не поведетъ, а только усложнитъ жизнь, люди дѣлаютъ это, и положеніе людей не улучшается, но усложняется.

Какой же выходъ изъ этого положенія? Неужели люди поставлены въ такое положеніе, чтобы вѣчно вертѣться въ этомъ кругѣ?

Такъ это кажется тѣмъ болѣе разумнымъ людямъ нашего времени, которые не утѣшаются мыслью о томъ, что замѣна одного зла другимъ уменьшаетъ зло.

Кажется же это людямъ нашего времени потому, что люди нашего времени сдѣлали то, что сдѣлали строители, откинувъ тотъ камень, который долженъ стать во главу угла.

* № 4.

Вѣрить въ наше время тому, что Богъ 6000 лѣтъ тому назадъ сотворилъ міръ, живетъ на небѣ, послалъ своего сына спасти наказанный имъ родъ человѣческой, что библія произведеніе

святого духа, что есть мощи, святые, претвореніе хлѣба въ плоть, что вѣра въ искупительную кровь Христа спасаетъ отъ грѣховъ,¹ въ наше время не то что трудно, но совершенно невозможно, а между тѣмъ эта и только эта вѣра безъ измѣненій или съ самыми малыми измѣненіями проповѣдуется какъ единая истинная, исключаящая всѣ другія вѣры, и взрослымъ и дѣтямъ. Если въ древнемъ мірѣ² самые образованные люди, какъ Сенека, Цицеронъ, не могли уже вѣрить въ боговъ, Юпитеровъ и Венеръ, то какже требовать, чтобы образованные люди нашего времени могли вѣрить въ то, что преподается въ наше время какъ несомнѣнная божеская истина? Но мало того, въ то время только одни Плиніи, Петроніи, Сенеки видѣли нелѣпость и ложь греческой мифологіи, въ наше же время распространенія образованія и общенія народовъ большинство массъ рабочаго народа уже настолько образованы, что для нихъ также несомнѣстими съ ихъ знаніями данныя преподаваемой религіи, какъ для Сенеки поклоненіе богамъ. Такъ что причина того страннаго на первый взглядъ явленія, что христіанское человѣчество нашего времени живетъ почти лишенное главной основы разумной жизни людей — религіи, заключается въ томъ, что христіанство переживаетъ въ наше время то переходное состояніе, которое свойственно переживать всякой религіи, но которое особенно значительно и рѣзко проявляется, во первыхъ, потому, что ни въ какомъ періодѣ времени не было такъ распространено образованіе между массами и такъ облегчено общеніе между людьми, во вторыхъ, и главное, потому положеніе это представляется намъ особенно рѣзкимъ, что мы сами переживаемъ его и страдаемъ отъ его ужасныхъ послѣдствій.

* № 5.

Къ счастью, великія и благотворныя движенія въ человѣчествѣ совершаются не паразитами, питающимися народными соками, а людьми религиозными. Я говорю религиозными, разумѣя подъ этими словами простыхъ, неиспорченныхъ людей, какова наша интеллигенція, такъ какъ всякій неиспорченный человѣкъ по своимъ человѣческимъ свойствамъ всегда религиозенъ.

И, слава Богу, христіанское ученіе все еще живетъ въ русскомъ народѣ и движетъ имъ и выведетъ его изъ тѣхъ тупиковъ, въ которые заводятъ его руководители, на тотъ истинный путь, который предназначенъ ему его исторической судьбою.

* № 6.

Положеніе христіанскаго общества нашего времени совершенно подобно положенію бабочки, которая еще не въ силахъ

¹ Далее написано слово: надо, очевидно по рассеянности не зачеркнутое.

² Далее написано слово: только, очевидно по рассеянности не зачеркнутое.

разбить хризалиду, въ которой она вывелась. Люди нашего міра чувствуютъ, что старыя формы жизни отжили, не сходятся съ ихъ духовными требованіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуютъ себя не въ силахъ скинуть старую, отжившую форму. У бабочки отростаютъ крылья, она не можетъ уже умѣщаться въ своей куколкѣ, и наступаетъ время, когда она должна выдти изъ нея.

* № 7.

Про Николая же II я знаю — je suis payé pour le savoir,¹ какъ говорятъ французы, — знаю, что это жалкій, слабый, очень глупый человѣкъ, который никакъ не можетъ быть причиною такихъ большихъ событій, которыя теперь совершаются и которыя какъ будто совершаются по его волѣ [...]. Что можетъ сдѣлать онъ, жалкое, слабое, ничего не знающее существо, вѣрующее въ иконы, мощи? Развѣ можетъ онъ сдѣлать не только то, чтобы милліоны были собраны въ Россіи, брошены въ море, чтобы милліоны людей, страдая, озвѣрялись, чтобы всѣ разумные доводы были затуманены, чтобы религія Христа свелась къ грубымъ дьявольскимъ пожеланіямъ человѣкоубійства, чтобы развращались милліоны и милліоны взрослыхъ и дѣтей? Чтобы сдѣлать все это, нуженъ гений, богатырь, всевидящее, всемогущее существо. И кто же дѣлаетъ это? Глупый офицеръ, ничего не знающій и одураченный до полудиотства. Развѣ это можетъ быть?

* № 8.

Правительственная машина это такое учрежденіе, при которомъ нѣсколько людей или одинъ человѣкъ могутъ, ставъ во главѣ управленія, распоряжаться жизнью, имуществомъ и — что ужасно сказать — не только умственнымъ, но нравственнымъ состояніемъ всѣхъ людей того государства, во главѣ котораго они стали; они — нѣсколько людей или одинъ деспотъ, каковы были во Франціи сначала короли, потомъ Конвентъ, потомъ Наполеонъ, потомъ опять короли съ министрами и палатами, потомъ опять Наполеонъ, потомъ опять, но только уже безъ королей, министры съ палатами.

Такъ это и въ Англіи, и въ Германіи, такъ и въ Америкѣ, такъ это въ Турціи, въ Россіи, въ Японіи, вездѣ, гдѣ есть насилующее правительство.

Разница въ этихъ правительственныхъ машинахъ только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ: Франціи, Америкѣ, отчасти Англіи и Германіи управляютъ этими усложненными машинами большее, въ другихъ меньшее количество людей, въ нѣкоторыхъ же государствахъ съ старымъ простымъ механиз-

¹ [я заплатилъ за то, чтобы его знать.]

момъ машинами управляетъ одинъ человѣкъ. Такъ это въ Турціи, въ Россіи.

Назначеніе этихъ правительственныхъ машинъ и предѣлы, которыхъ они держатся, заключается въ томъ, что машины эти обезпечиваютъ спокойную жизнь людей, въ дѣйствительности же правительственныя учрежденія поддерживаются всегда для выгоды тѣхъ, которые находятся во главѣ ихъ, такъ какъ обладаніе этой властью даетъ правителямъ всѣ тѣ мірскія выгоды почести, славы, богатства, всякаго рода удовольствія, которыхъ только могутъ желать мірскіе люди. По этой же причинѣ и власть достается всегда тѣмъ, которые наиболѣе горячо желаютъ получить ее со всѣми сопутствующими ей выгодами и для достиженія и удержанія ея не брезгаютъ никакими средствами. Люди же, не брезгающіе никакими средствами для достиженія и удержанія власти, всегда самые дурные въ нравственномъ смыслѣ. Приобрѣтя же власть, люди эти, вслѣдствіи лести и поклоненія окружающихъ, еще болѣе развращаются и представляютъ изъ себя наиболѣе развращенныя и падшія существа, какія только есть въ мірѣ.

Нигдѣ это нельзя видѣть съ такою очевидностью, какъ въ большой французской революціи, которая тѣмъ особенно интересна, что во время ея Якобинцы разобрали, какъ разбираютъ часы, всю машину, и стало всѣмъ ясно, изъ чего она слагалась и какъ была сложена. У короля и его приближенныхъ отняли власть, и тотчасъ же которые приобрѣли власть, употребили ее также, какъ король, на возвеличеніе себя и, главное, на обогащеніе, на развратъ. Потомъ власть у нихъ отнялъ Наполеонъ, сложилъ назадъ машину, какъ разобранные часы, и употребилъ свою власть на то же, на что употребляли ее король и Якобинцы, на возвеличеніе себя и на грабежъ. То же сдѣлали Бурбоны, Орлеаны, Наполеонъ III, то же Панамисты, прошедшіе, настоящіе и будущіе.

Стоитъ только прослѣдить исторію имѣвшихъ власть среди европейскихъ народовъ, чтобы увидать неизмѣнное подтвержденіе этого закона: что власть приобретается для личныхъ, эгоистическихъ цѣлей и что имѣющіе власть самые дрянные люди. Какъ ни стараются участники преступленій этихъ людей въ описаніяхъ ихъ жизни скрыть ихъ развращенность и низость и выставить ихъ благодѣтелями своихъ народовъ, великими, благословенными, миротворцами и т. п., стоитъ просмотрѣть исторію отъ Карловъ V до Лудовиковъ не только IX, XI но и XIV, XV и до Петра, Екатеринъ «великихъ», Наполеоновъ, Николаевъ I и до Чемберленовъ, Рузевельтовъ, Вильгельмовъ и Николаевъ II, чтобы видѣть, что не только нравственная, но не вполнѣ безнравственная личность на престолѣ или вообще въ обладаніи властью надъ судьбами цѣлыхъ народовъ также невозможна, какъ цѣломудренная проститутка или воздержанный пьяница. Въ сущности стоитъ только вдуматься въ то, въ

чем состоитъ сущность власти, чтобы понять, что это не можетъ быть иначе.

Не говоря уже о томъ, что всякое лицо, находящееся во власти, беретъ на себя насильственное взиманіе податей, т. е. лишеніе трудящагося народа произведеній его труда для общихъ цѣлей, беретъ на себя отвѣтственность за налагаемыя наказанія, за поддержаніе несправедливо нажитыхъ богатствъ, собственности земли и за угнетеніе бѣдныхъ и многое другое, не говоря объ этомъ, всякое лицо, находящееся во власти, отъ Вильгельма до Рузвельта, или руководитъ смертью, убійствомъ или готовится къ нему. Развѣ можетъ исполняющій такія дѣла человѣкъ быть не до корня развращеннымъ человѣкомъ? Нельзя безгрѣшно властвовать. Самая власть надъ другимъ человѣкомъ и насиліе и угроза имъ не могутъ быть дѣломъ нравственнаго человѣка. И потому глубоко безнравственные люди были, есть и всегда будутъ всѣ люди, пользующіеся властью.

Таковы всѣ, но, мнѣ кажется, ни на какихъ людяхъ это такъ не замѣтно, какъ на людяхъ, властвовавшихъ въ Россіи.

Отъ того ли, что я русскій и я хорошо знаю внѣшнюю исторію Россіи, или отъ того, что въ Россіи этотъ законъ безнравственности и нивости лица, находящагося во власти, особенно ярко проявился, исторія Россіи со временъ Имперіи служить поразительнымъ подтвержденіемъ этого закона.

Послѣ изверга, пьянаго сифилитика, труса, какъ всѣ злодѣи, безбожника, восхвалсннаго Петра, распутная дѣвка Катька, потомъ любовница конюха и, наконецъ, мужеубійца, распутнѣйшая изъ распутныхъ нѣмка Екатерина «великая», потомъ признанный, потому что его убили, полубѣшеннымъ Павелъ, который также, какъ его отецъ, былъ несравненно лучше жены и матери, потомъ отцеубійца, лгунъ, ханжа Александръ, потомъ глупый, грубый и жестокій солдатъ Николай, потомъ Александръ по своей фантазіи и увлеченію уничтожающій рабство и потомъ по новой фантазіи и увлеченію отвергающій все начатое и возвращающійся къ грубому солдатству Николая, потомъ совсѣмъ глупый, жирный мѣшокъ Александръ III, тоже рѣшающій по своему усмотрѣнію судьбы 100 милліоновъ народа, и вотъ Николай II, съ своими женою, мощами, дочерьми и жалкимъ младенцемъ, благословляющій войны, устроившій безцѣльную, бессмысленную погибель милліардовъ рублей и сотенъ тысячъ людей на Дальнемъ Востокѣ.

И все — отъ Екатерининскихъ тѣхъ мерзостей, раздѣла Польши и раздариванія десятковъ тысячъ крестьянъ своимъ мальчикамъ любовникамъ, до теперешняго раззоренія и развращенія милліоновъ людей, — все это дѣла той машины, при которой можетъ третьяго дня править этими милліонами конюхъ, котораго полюбила толстая Анна, вчера пьяная дѣвка Елисавета съ своимъ любовникомъ или мерзкая, распутная старуха, подбирая себѣ мальчиковъ любовниковъ и для нихъ устраивая

то греческій, то индійскій проектъ, нынче гусарскій малоумный офицеръ, устроившій японскую войну, и т. д.

* № 9.

Въ книгахъ государственнаго права пишутъ всякій вздоръ о томъ, какъ и для чего возникаютъ государства и правительства, о патриархальномъ государствѣ, о договорахъ и т. п. выдумкахъ, основанныхъ на мнимо глубокомысленныхъ соображеніяхъ о происхожденіи государствъ въ доисторическія времена и о томъ, что замѣчается между дикими народами. Въ дѣйствительности же всякій знаетъ, что всё извѣстныя намъ въ историческія времена государства возникли не изъ патриархальной власти и не изъ договоровъ, а изъ завоеваній, какъ это намъ извѣстно по исторіи, какъ это происходило въ старину, какъ происходитъ и теперь.

Приходятъ войска, руководимыя государемъ или полководцемъ государя, захватываютъ землю съ живущимъ на ней народомъ и подчиняютъ его власти того правительства, которому принадлежатъ войска. Такъ подчиняютъ людей государственной власти. И захватываютъ и удерживаютъ власть правители совѣмъ не для того, какъ это пишутъ въ государственномъ правѣ, чтобы обезпечивать спокойствіе, собственность, безопасность жизни гражданъ, а для того, для чего захватывали власть у насъ въ Россіи Борисъ Годуновъ, самозванецъ, Биронъ, Меншиковъ и Екатерина, Биронъ съ Анной, Елисавета, Екатерина и для чего захватывали власть и подчиняли себѣ спѣрскіе народы и крымскихъ Татаръ, и запорожцевъ, и Поляковъ, и Грузинъ. Захватываютъ правители и удерживаютъ власть надъ народомъ не для народа, а для себя, для того чтобы удовлетворить своимъ страстямъ, славолюбію, властолюбію, гордости, сластолюбію, корысти.

IV.

Это такъ ясно и просто, что надо быть доведеннымъ до послѣдней степени научнаго одуренія или коварной и лъстивой лживости, для того чтобы отыскивать причину возникновенія государства и государственной власти въ какихъ то патриархатахъ, матриархатахъ, договорахъ и т. п., а не видѣть того простого, рѣжущаго глаза факта, что со временъ Кирова и Александрова до нашего времени государства съ своей властью возникали только отъ того, что болѣе злые, безсовѣстные, сильные, хитрые люди подчиняли своей власти менѣе злыхъ, болѣе совѣстливыхъ, менѣе сильныхъ и хитрыхъ людей и властвовали надъ ними.

Нельзя было бы достаточно изумляться тому¹ столь распространенному¹ и пользующемуся¹ такимъ уваженіемъ ученію вообще права и въ особенности государственнаго, представляющему¹ въ основѣ своей поразительную глупость, если бы эта глупость не объяснялась желаніемъ людей оправдать тѣ дурныя дѣла, въ которыхъ они участвуютъ. *И не шли къ свѣту, потому что дѣла ихъ были злы.* Вѣдь кажется несомнѣнно ясно, что всякое государство есть учрежденіе для совершенія постоянного насилія меньшинства надъ обманутымъ большинствомъ. Учрежденія бываютъ самыя разнообразныя, но сущность учреждений всегда одна и таже. Это такъ ясно и очевидно, что трудно понять, для чего понадобилось придумывать всѣ эти разсужденія о нормахъ, субъектахъ, объектахъ, договорахъ и т. п., которыми наполнены горы книгъ. А для того чтобы не назвать вещь по имени и оправдать дурное дѣло, въ которомъ мы участвуемъ. Оправданія эти дѣлаются часто не умышленно, а бессознательно: людямъ кажется, что дѣло столь обще-распространенное, въ которомъ они участвуютъ, не есть ихъ дѣло, а нѣчто стихійное, не зависящее отъ воли человѣка. Это заблужденіе людей, довольно обычное, повторяющееся въ разныхъ областяхъ человѣческой мысли, есть одно изъ самыхъ ужасныхъ заблужденій. Человѣкъ заблуждается. Это не важно. Человѣку свойственно заблуждаться. Жизнь, опытъ, мудрость лучшихъ людей укажутъ заблужденія, и человѣкъ исправитъ его. Но ужасно, когда заблужденіе возводится ложными разсужденіями въ законъ жизни. Когда это сдѣлано, становится страшно трудно разрушить заблужденіе. И вотъ это то самое возведеніе заблужденія въ законъ жизни и дѣлаетъ то зловерное ученіе, которое называетъ себя наукой въ области человѣческой дѣятельности. То же, что дѣлается по отношенію государства да по волѣ того, что они называютъ правительствомъ, подобно тому чему. Положимъ, что существуетъ учрежденіе ростовщическаго характера, разоряющаго семьи бѣдняковъ. Человѣкъ, не участвующій въ этомъ заведеніи, ясно видитъ, въ чемъ тутъ дѣло, и если у него спросить, что такое это учрежденіе, онъ безъ малѣйшаго сомнѣнія и размысленія скажетъ, что онъ видитъ, что собралось нѣсколько безсовѣстныхъ и безжалостныхъ людей, которые, вмѣсто того чтобы зарабатывать себѣ пропитаніе трудомъ, рѣшили воспользоваться нуждою бѣдныхъ и выдаютъ имъ за огромные % деньги подъ заклады. Бѣдняки же разоряются, отдавая свои труды этимъ ссудчикамъ. Такъ совершенно вѣрно и просто опредѣлить это учрежденіе всякій человѣкъ, свободный отъ участія въ немъ. Но не то будетъ съ участниками этого учрежденія, вся жизнь которыхъ, держится на этомъ учрежденіи. Такому человѣку непріятно признать дѣло какъ оно есть,

¹ В подлинникѣ описки: той, распространенной, пользующейся, представляющую.

и онъ очень радъ будетъ повѣрить разсужденіямъ о томъ, что кредитъ есть необходимое условіе промышленности и торговли, что деньги, какъ и всякій предметъ, подлежатъ закону требованія и предложенія, и что касса, въ которой онъ участвуетъ своими акціями, возникла по сложнымъ и неизмѣннымъ экономическимъ законамъ, и что такія кассы должны быть также неизмѣнно, какъ должны рѣки течь въ море, и т. п.

Только этимъ можно объяснить тѣ ужаснѣйшія нелѣпости, изложенныя какимъ то особеннымъ, непонятнымъ явкомъ, которыми полны горы книгъ о государственномъ правѣ. Только люди, которые челоуѣческое, очень простое, понятное и гадкое учрежденіе государства, т. е. учрежденіе порабощенія большинства меньшинствомъ, хотя бы представитъ чѣмъ то неизмѣннымъ, вѣчнымъ закономъ, могутъ à tort и à travers¹ разсуждать о происхожденіи и назначеніи государства.

Для всякаго же челоуѣка, который свободно посмотритъ на государственное устройство, будетъ всегда совершенно ясно, что всякая власть государственная, т. е. насильственная, всегда приобрѣтается завоеваніемъ вообще, силой оружія, убійствомъ или угрозою убійства и удерживается только этимъ же самымъ средствомъ и что поэтому люди, захватывающіе власть и удерживающіе ее, всегда были и не могутъ не быть людьми властолюбивыми, жестокими, лживыми, готовыми на всякія преступленія для достяженія своихъ цѣлей.

Какъ ни стараются участники преступленій людей, имѣвшихъ власть, составлять такія описанія жизни этихъ людей, при которыхъ не видна бы была ихъ развращенность и порочность, и выставитъ ихъ благодѣтелями своихъ народовъ, великими, благословенными, миротворцами и т. п., стоитъ просмотрѣть исторію отъ Карловъ, Ганибаловъ до Елизаветъ англійскихъ, Людовиковъ и до Петровъ, Екатерины «великихъ», Наполеоновъ, Николаевъ I, Чемберленовъ, Рузевельтовъ, Вильгельмовъ и Николаевъ II, чтобы видѣть постоянное подтвержденіе закона, не представляющаго исключенія.

* № 10.

Но вотъ являются прелюбодѣи мысли, которые берутъ на себя задачу оправдать неоправдваемое зло: насиліе, грабежъ, развращеніе. Сначала такими оправдателями были лжехристиане, церковники, потомъ часть своихъ обязанностей они передали лжеученымъ. И эти люди стали придумывать и придумали всѣ сложныя и хитроумныя глупости государственнаго права, которыя какъ будто что то объясняютъ и что то оправдываютъ для тѣхъ, кому нужно оправданіе. Простые же люди, угнетенные, забытые трудомъ, сначала одуренные церковнымъ

¹ [вкривъ и вкось]

обманомъ, освящавшимъ власть, потомъ внушаемъ того, что имъ было бы еще хуже, если бы не было власти, признаютъ власть, потому что не могутъ не повиноваться, и, зная, что ихъ убьютъ, если они не будутъ повиноваться, повинуются, утѣшаютъ себя мыслью, что то, что есть, почему то и должно быть.

* № 11.

Несмотря на все это, ученые люди вѣрятъ, что правительства происходятъ отъ таинственныхъ, отвлеченныхъ причинъ, а простые люди тому, что правительство также необходимо, какъ воздухъ для дыханія.

Ученые люди, т. е. господа, вѣрятъ въ это потому, что имъ выгодно существованіе государства или правительства, въ которомъ они прямо или косвенно принимаютъ участіе, простые же люди потому, что они повинуются правительствамъ, повинуются же они не потому, что правительства осуществляютъ нравственный законъ, — они хорошо знаютъ, что Елизаветы англійскія, Екатерины — самыя развратныя гадины, — и не потому, что правительства содѣйствуютъ ихъ благу: они не могутъ знать этого, такъ какъ никогда не жили безъ правительствъ и потому не могутъ знать, лучше или хуже имъ будетъ безъ правительствъ, а повинуются потому, что если не будутъ повиноваться, ихъ будутъ бить и даже убивать до смерти.

* № 12.

И люди этой науки стали выдумывать и придумали всѣ тѣ сложныя, хитроумныя глупости государственнаго права, которые для всякаго мыслящаго человѣка представляютъ пустую болтовню, не имѣющую никакого содержанія, но кажутся очень важными и убѣдительными для тѣхъ, кому нужно оправданіе.

Оправданіе же нужно для всѣхъ тѣхъ, которые пользуются выгодами государственныхъ преступленій, и таковы всѣ зажиточные классы. Среди этихъ зажиточныхъ классовъ и возникла и держится эта наука. Выводы же этой науки безъ всякихъ объектовъ и субъектовъ, а въ простомъ видѣ того, что государство и правительства необходимы и даже священны, какъ несомнѣнная и непререкаемая истина, внушаются большимъ массамъ народа, точно также какъ прежде внушались народу только послѣдніе выводы церковныхъ положеній безъ всѣхъ богословскихъ тонкостей и подробностей. И народъ, забитый трудомъ, не имѣющій время обсуждать то, что ему внушается, вѣритъ на слово, тѣмъ болѣе что каждый знаетъ, что его убьютъ, если онъ не будетъ повиноваться.

* № 13.

Стоитъ просмотрѣть исторію отъ Кировъ, Ганибаловъ, до Елизаветъ англійскихъ, Людовиковъ и до Петровъ, Екатерины

«великихъ», Наполеоновъ, Николаевъ I, для того чтобы понять, какими средствами достигается власть и удерживается, какая главная цѣль ея и каковы должны быть качества властвующаго. И этихъ то людей выставляетъ другая лживая наука — исторія, за малыми исключеніями, когда ужъ никакъ нельзя этого сдѣлать, какъ при Елизаветѣ англійской и Іоаннѣ IV и когда вступаетъ новая династія, образцами всякихъ добродѣтелей, какъ гадкая старуха Екатерина или Наполеонъ,¹ Николай,² Александръ III.

* № 14.

Что же такое это устройство и какъ происходитъ учрежденіе, называемое правительствомъ?

О цѣли, назначеніи, происхожденіи правительствъ написаны горы сложныхъ, несогласныхъ между собою трактатовъ, называемыхъ ученіемъ о государственномъ правѣ. Въ трактатахъ этихъ одни говорятъ, что причина возникновенія государствъ и власти въ патріархальномъ бытѣ, другіе говорятъ, что причина въ договорѣ между гражданами и властью, третьи — что причины возникновенія государствъ экономическія. Назначеніе же правительствъ, по мнѣнію однихъ, въ осуществленіи нравственнаго закона, по мнѣнію же другихъ, въ установленіи всеобщаго блага, по мнѣнію третьихъ, чего то очень неяснаго, называемаго идеей права.

Въ трактатахъ этихъ говорится о какой то волѣ государства, объ объектѣ и субъектѣ власти, объ юридической природѣ и личности государства и тому подобныхъ невразумительныхъ предметахъ, подробно разсказывается о томъ, какъ знаменитые Герберъ и Еллинекъ то отрицали юридическую личность, то признавали ее, и о томъ, что знаменитый Лоренцъ, Штейнъ и столь же знаменитый Лабандъ развили ученіе о государствѣ *какъ волеспособной личности*; но знаменитые Мауренбрехеръ и Максъ Зейдель отвергли это ученіе о государствѣ какъ о волеспособной личности. Съ ихъ точки зрѣнія государство не субъектъ власти, а объектъ, Мингъ же и Герцфельдеръ не признаютъ государство ни субъектомъ ни объектомъ власти. И эти ученые, по мнѣнію Коркунова, изъ книги котораго я черпаю эти свѣдѣнія, уже близки къ истинѣ, но еще ближе къ истинѣ Гирке и Прейсъ. А уже совсѣмъ близки Герингъ, Генель, Бирлингъ и въ особенности Бернатдикъ, пошедшій куда то дальше всѣхъ.

Всѣ эти удивительныя глупости, наполняющія миллионы книгъ, почти совершенно подобныя тѣмъ богословскимъ глупостямъ, которыя точно также наполняли горы книгъ, очевидно происходятъ изъ того же источника, изъ котораго исходили и

¹ Зачеркнуто: грубый солдатъ

² Зач.: тупоумный

богословскія хитроумныя разсужденія: изъ желанія скрыть сущность дурнаго дѣла обмана, лжи и оправдать ихъ.

Казалось бы, что можетъ быть проще и понятнѣе причинъ происхожденія и существованія правительственной власти. Она не только на глазахъ всѣхъ, но всѣ люди чувствуютъ ее и потому очень хорошо знаютъ, что сущность ея никакъ ни въ объектахъ и субъектахъ и не въ осуществленіи идеи права и т. п. вздорѣ.

Всѣ знаютъ и понимаютъ и по оправданіямъ и по совершаемому наблюденію, что возникаетъ правительственная власть не вслѣдствіи существованія государства, а государство возникаетъ отъ правительственной власти, какъ Австрія, Пруссія, Россія, Турція да и всѣ государства. Правительственная же власть возникаетъ всегда только отъ того, что болѣе сильныя, лучше вооруженные люди завоевываютъ, т. е. убійствами и всякаго рода насиліями подчиняютъ себѣ болѣе слабыхъ и хуже вооруженныхъ людей, обкладываютъ ихъ податями и вводятъ между ними свои законы, и что дѣятельность правительствъ состоитъ только въ томъ, чтобы всякаго рода насиліями, обманами, коварствами, развращеніемъ людей удерживать ихъ въ своей власти.

Такъ образовывались всѣ извѣстныя намъ правительства. Такъ образовывалось Русское государство съ своей Польшей, Финляндіей и неудавшейся Манчжуріей. Такъ образовалась Британская имперія съ своей Индіей, Египтомъ, Трансваалемъ, Франція съ своими Африканскими владѣніями, Америка съ Кубой и Филиппинами, Австрія съ своими итальянцами и славянами.

И такъ управляются всѣ государства.

Такъ что въ самомъ простомъ и понятномъ объясненіи и опредѣленіи правительство есть ничто иное, какъ рядъ дурныхъ поступковъ, совершаемыхъ одними людьми надъ другими съ тѣмъ только отличіемъ отъ другихъ дурныхъ поступковъ, что дурные поступки, совершаемые тѣми, которые называются разбойниками, мошенниками, ворами, считаются дурными, правительственныя же преступленія (также какъ рабство въ свое время), будучи общимъ преступленіемъ, не считаются таковыми, но оправдываются и даже возвеличиваются.

VI.

Въ прежнее время оправданіемъ государства и правительственной власти занималась лжехристіанская церковь. И церковь въ свое время съ успѣхомъ исполняла эту обязанность.

Когда же люди перестали вѣрить церкви, перестали вѣрить въ святое помазаніе властителей, эту обязанность обманывать народъ взяла на себя такъ называемая «наука» въ своихъ двухъ отрасляхъ: правовѣденія и исторіи. Правовѣденіе повывдумывало всѣ тѣ сложныя глупости государственнаго права, которыя для всякаго мыслящаго человѣка представляютъ только

пустую, туманную болтовню, не имѣющую никакого содержанія, но кажутся очень важными и убѣдительными для тѣхъ, кому нужно оправданіе.

Исторія же занимается или тѣмъ, что восхваляетъ всё преступленія злодѣевъ, бывшихъ во власти, или, какъ это началось въ послѣднее время, когда преступность этихъ людей стала слишкомъ очевидна, — тѣмъ, что доказываетъ независимость отъ духовныхъ силъ и воли человѣка всѣхъ поступковъ людей и потому ненужность бороться съ тѣми государственными преступленіями, которыя совершаются.

* № 15.

VII.

Правительство вмѣстѣ съ богатыми классами, имѣя власть и боясь потерять ее, старается скрыть отъ народа несоотвѣтствіе его положенія съ его сознаниемъ, одуряетъ его и достигаетъ этимъ цѣли, и одуренный народъ, не въ состояніи понять своей выгоды, продолжаетъ поддерживать тѣ правительства и высшіе классы, которые извращаютъ его жизнь и развращаютъ его.

Какъ же освободиться отъ этого ложнаго круга?

Людямъ говорятъ, внушаютъ всѣми средствами, что правительства, т. е. право одного или нѣсколькихъ лицъ силою заставлять другихъ людей исполнять ихъ волю (подчиняться установленному закону, платить извѣстныя подати, воевать) необходимо, т. е. менѣе вредно, чѣмъ отсутствіе правительственнаго насилія, и что поэтому правительства не только неизбежно необходимы, но и благодѣтельны и священны. Люди вѣрили и вѣрятъ въ это въ особенности потому, что тѣхъ, кто не вѣритъ въ это, судятъ, мучаютъ, наказываютъ, но все таки въ послѣднее время, вслѣдствіи, съ одной стороны, все большей и большей дерзости и преступности правительствъ, съ другой, вслѣдствіи большаго умственнаго развитія гражданъ и болѣе тѣснаго общенія гражданъ разныхъ государствъ, невольно возникаетъ вопросъ, что всё тѣ бѣдствія, которыя терпѣло и терпитъ человечество отъ правительствъ, всё тѣ казни, войны, раздробленія народовъ, ограбленія, развращенія, совершенныя и совершаемыя правительствами, выкупаются ли тѣми благами, которыя они даютъ намъ, или точнѣе: какія бѣдствія больше, тѣ ли, которые люди переносятъ отъ правительствъ, или тѣ, которыя испытали бы люди, если бы не было правительствъ?

Для мірскихъ людей вопросъ этотъ всегда рѣшается въ пользу правительствъ, во 1-хъ, потому, что неподчиненіе правительствамъ влечетъ за собою всякія и большія бѣдствія для личной жизни, и потому естественнѣе рѣшить вопросъ такъ, чтобы не подвергаться этимъ бѣдствіямъ, во 2-хъ, и главное, потому,

что нельзя доказать того, что бѣдствія, которыя могутъ произойти отъ отсутствія правительствъ, не будутъ больше, чѣмъ бѣдствія, какъ бы велики они ни были, производимыя правительствами, такъ какъ никто не можетъ знать, чтобы бы было, если бы чего нибудь не было. Такъ что хотя именно то, что воображаемыя бѣдствія, имѣющія произойти при отсутствіи правительствъ, противуполагаются реальнымъ, и то, что такіе же доводы всегда приводились передъ уничтоженіемъ привычныхъ, ненужныхъ и вредныхъ установленій тѣми, кому они были нужны, какъ, напримѣръ въ защиту пытокъ, сжиганія колдуновъ и вѣдьмъ, рабства и т. п., всетаки нѣтъ никакой возможности отвѣтить въ ту или другую сторону рѣшительнымъ отвѣтомъ на вопросъ, какъ онъ поставленъ.

И большинство людей удовлетворяется такимъ отвѣтомъ и будетъ удовлетворяться имъ всегда, до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ въ обществѣ истинное религиозное сознаніе, при которомъ вопросъ становится въ иной формѣ, а именно въ такой, при которой вопросъ относится не къ соображеніямъ общаго блага, а къ отдѣльной человѣческой личности.

Въ такой формѣ вопросъ выражается такъ: согласны ли тѣ требованія, которыя предъявляетъ къ тебѣ правительство, съ требованіями твоей совѣсти? Или тотъ же вопросъ еще въ другой формѣ: что для тебя важнѣе — подвергнуться всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя, какъ говорятъ тебѣ, постигнуть тебя при уничтоженіи правительства, или поступить противъ своей совѣсти, принимая участіе въ дѣлахъ правительства?

Вопросъ этотъ въ этой самой формѣ всегда стоялъ и теперь стоитъ передъ каждымъ человѣкомъ, но отвѣтить на него отрицательно, т. е. предпочесть всѣ возможныя тѣлесныя опасности отступленію отъ требованія совѣсти, можетъ только человѣкъ религиозный, т. е. ставящій законъ Бога выше всѣхъ законовъ человѣческихъ. И потому, какъ бы ни были велики преступленія правительствъ и требованія участія въ нихъ, какъ нынѣшнія, когда эти преступленія и требованія дошли до высшей степени, человѣкъ не религиозный не можетъ отказаться отъ исполненія ихъ.

* № 16.

Сначала ограбить, потомъ развратить и одурить человѣка: вотъ то, что дѣлаетъ всякое правительство надъ всѣми своими подданными. И вотъ эта то преступная, жестокая, грабительская, развратительная дѣятельность считается не только необходимой для жизни людей, какъ воздухъ для дыханія, но и похвальной и благодѣтельной, такой, въ которой долженъ стремиться участвовать каждый человѣкъ, желающій быть полезнымъ людямъ, такой дѣятельностью, въ вознагражденіе за которую главныхъ дѣятелей правительства, совершающихъ самыя ужас-

ныя государственныя преступления, восхваляютъ, называя «великими», отцами народа, благословенными, при жизни и и по смерти возвеличиваютъ, ставя имъ хвалебные памятники на площадяхъ и въ живыхъ книгахъ исторіи.

* № 17.

«Но если между людьми распространенъ и признается идеаль равенства, свободы и любви,¹ идеаль этотъ служить для людей мѣриломъ того, что они считаютъ добромъ и зломъ. Люди знаютъ, что осуществленіе этого идеала можетъ дать имъ благо, то какая же нужна еще религія для осуществленія идеала?»

Такъ думаютъ многіе, такъ учатъ людей думать тѣ ограниченныя книжники, которые называютъ себя людьми науки, и разсужденіе это самое распространенное, и ничто очевиднѣе этого разсужденія не показываетъ того легкомысленнаго, самоувѣреннаго невѣжества, въ которомъ находятся эти люди, какъ именно это разсужденіе.

Люди, разсуждающіе такъ, не знаютъ того высшаго свойства души, которое называется религіей, и думаютъ замѣнить ее ея послѣдствіемъ.

Явленіе это самое обыкновенное при всякой религіи. Оно состоитъ въ томъ, что люди не религіозныя послѣдствія, выводимыя изъ религіознаго міровоззрѣнія, принимаютъ и ставятъ на мѣсто религіи.

Религія, скажемъ, Браминовъ, т. е. извѣстное отношеніе къ Богу, имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ молитву, душевное общеніе съ Богомъ, и вотъ люди, не усвоившіе себѣ религіознаго міровоззрѣнія, начинаютъ молиться, произносить слова, крутить молитвенные валики, воображая, что они раздѣляютъ религіозное ученіе Браминовъ; или послѣдствіе христіанскаго міровоззрѣнія есть милосердіе, милостыня, и люди начинаютъ давать деньги, воображая, что они христіане. А между тѣмъ молитва, какъ и милостыня, есть только одно изъ безконечно многихъ проявленій въ жизни религіознаго браминскаго или христіанскаго религіознаго міровоззрѣнія. Точно также и тотъ распространенный въ нашемъ обществѣ идеаль равенства, свободы, любви есть только одно изъ проявленій религіознаго міровоззрѣнія нашего времени. Главное же то, что когда люди принимаютъ одно изъ проявленій религіознаго ученія, какъ молитва, милостыня, идеаль равенства, свободы, братства, не принявъ за руководство жизни всего ученія, они исполняютъ эти проявленія только тогда, когда это имъ удобно и не требуетъ отъ нихъ жертвы. Отъ этого и происходитъ то, что люди, усвоившіе себѣ извнѣ идеаль равенства, свободы, братства, прилагаютъ ихъ къ жизни только тогда, когда это

¹ В копии исправлено: братства

удобно имъ, не нужно жертвы, и только эти усвоенныя ими извнѣ [идеалы] прилагають къ жизни безъ всего другаго, вытекающаго изъ того же источника и сопутствующаго этимъ началамъ. Отъ этого и происходило и происходитъ то, что люди, вѣрящіе въ плодотворность, благость и приложимость идеаловъ равенства, свободы, братства думаютъ осуществить ихъ посредствомъ пріемовъ наспіля, прямо отрицаемыхъ тѣмъ самымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, изъ котораго вытекають сочувственные имъ идеалы.

Вотъ поэтому то исправить положеніе людей христіанскаго общества можетъ только усвоеніе не послѣдствій, вытекающихъ изъ религіознаго ученія, а усвоеніе самаго ученія, такого ученія, которое устанавливаетъ извѣстное отношеніе человѣка къ міру, къ Богу. Изъ этого отношенія выводится смыслъ жизни, назначеніе человѣка и все направленіе дѣятельности, въ которомъ идеалы равенства, свободы, братства составляютъ только одну малую частицу. Только для такого человѣка возможны поступки, представляющіеся жертвой для нерелигіознаго человѣка, для религіознаго же только естественнымъ и радостнымъ исполненіемъ своего назначенія.

И потому для обновленія человѣчества, для исправленія существующаго зла, для выхода изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ вертится человѣчество, нужно только одно: сдѣланіе на потребу, возстановленіе, установленіе такого религіознаго ученія, которое отвѣчало бы требованіямъ времени, знаніямъ, общенію людей и высшей потребности души человѣка — знаніе своего значенія и назначенія въ этомъ состояніи жизни между двумя безконечностями, въ которомъ сознаетъ себя всякій нормальный человѣкъ, не извращенный ложной наукой, какъ только входитъ въ обладаніе всѣхъ своихъ духовныхъ силъ.

* № 18.

Что же нужно? Прежде всего разрушеніе обмановъ, скрывающихъ истину: обмана церкви, занимающаго то святое мѣсто, которое въ душѣ человѣка должно быть занято истинной религіей, такой, которая требуетъ отъ человѣка не исполненія извѣстныхъ обрядовъ, а даетъ ему направленіе и руководство во всѣхъ дѣлахъ жизни, въ особенности же разрушеніе и другого обмана — науки, того ужаснаго суевѣрія, что случайныя знанія о самыхъ разнообразныхъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ предметахъ могутъ замѣнить познаніе своего человѣческаго отношенія къ Богу, своего назначенія и вытекающаго изъ него руководства въ поведеніи. И, какъ ни странно это можетъ показаться, стоитъ только уничтожить эти два обмана, и тотчасъ же ничѣмъ уже не затемняемый возникаетъ въ душѣ человѣка вопросъ о томъ: кто онъ? зачѣмъ онъ живетъ въ этомъ мірѣ? Чѣмъ ему и какъ мнѣ жить въ этой жизни до тѣхъ поръ, пока

онъ сознаеть въ себѣ свободу выбора поступковъ, и что меня ожидаетъ?

И стоить только возникнуть этимъ вопросамъ безъ тѣхъ живыхъ отвѣтовъ, которые даетъ на нихъ церковь и наука, и отвѣты эти всякій человѣкъ найдетъ въ основахъ всѣхъ истинныхъ религій: Браманизма, Буддизма, Таосизма, Конфуціанства, Еврейства, Христіанства и всѣхъ тѣхъ истинно религіозно-нравственныхъ ученій, которыя возникли на этихъ основахъ.

Основы эти очень просты, доступны всѣмъ людямъ и одни и тѣ же для людей всего міра, не могутъ быть не одни, потому что всѣ люди, рождающіеся и умирающіе и располагающіе своими силами среди міра другихъ существъ, находятся въ совершенно тождественномъ положеніи.

Основы эти во всѣхъ религіозныхъ вѣрученіяхъ однѣ и тѣ же; одни и тѣ же отвѣты на вопросы, которые неизбежно ставилъ себѣ всегда и ставить себѣ всякій живой человѣкъ, свободный отъ обмановъ.

Кто я? Существо на короткое время появившееся въ міръ для того, чтобы черезъ очень короткій срокъ, а можетъ черезъ часъ, перестать быть тѣмъ, чѣмъ я былъ, или совсѣмъ исчезнуть, или быть чѣмъ то для меня непостижимымъ.

Зачѣмъ я живу? Не знаю и не могу знать. Но явно живу не для своей личности, потому что она исчезнетъ скоро и можетъ исчезнуть всякую секунду. И потому живу явно для цѣлей мнѣ недоступныхъ, для цѣлей той силы, которая произвела меня.

Какъ же мнѣ жить?

Если я не могу жить для себя, то явно, что жить я долженъ такъ, какъ хочетъ отъ меня Тотъ или То, что произвело меня. Чего же онъ или оно хочетъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ преданіе всего человѣчества, практическое ученіе всѣхъ вѣровъ, всѣхъ мудрецовъ: жить такъ, чтобы увеличивать любовь въ людяхъ, поступать съ другими такъ, какъ хочешь чтобы поступали съ тобой.

И то, что такъ надо жить, подтверждаетъ мое внутреннее чувство, моя совѣсть, подтверждаетъ опытъ и моей и общей жизни. Чѣмъ больше я исполняю этотъ законъ любви, тѣмъ лучше, радостнѣе моя жизнь, тѣмъ лучше, радостнѣе жизнь вокругъ меня.

Что же меня ожидаетъ? Не знаю. Знаю только то, что чѣмъ больше я исполняю то, что считаю своимъ назначеніемъ, тѣмъ надежнѣе я смотрю на будущее и тѣмъ менѣе нужно мнѣ разрѣшеніе вопроса о томъ, что меня ожидаетъ.

Вотъ тѣ отвѣты, которые даетъ себѣ всякій живой неиспорченный человѣкъ, когда освободится отъ обмановъ церкви и науки.

Отвѣты эти на вопросы будутъ для всѣхъ приблизительно тѣ же, потому что разумъ всѣхъ людей и положеніе ихъ въ мірѣ одно и то же, и отвѣты эти въ самыхъ разнообразныхъ формахъ

были выражены и выражаются людьми. И отвѣты эти будутъ не слова, не пожеланія о томъ, чтобы люди руководствовались принципами равенства, свободы, братства, и будетъ религія, установленное отношеніе къ міру, изъ котораго само собою будетъ вытекать дѣятельность, устанавливающая не только равенство, свободу, братство, но и многое другое — и цѣломудріе, и любовь къ животнымъ, и воздержаніе, и терпѣніе, и прощеніе, и сознаніе человѣческаго достоинства, и, главное, любовь, включающую въ себя почти все.

* № 19.

Сельскій, земледѣльческій, здоровый трудъ среди природы, развивающій и физическія и духовныя силы, все больше и больше замѣняется трудомъ фабричнымъ, и сельская жизнь съ питаніемъ чистыми, своими руками произведенными плодами земли замѣняется городскими, нездоровыми помѣщеніями и покушной, поддѣланной, вредной пищей, наполненнымъ міазмами воздухомъ и всей тревожной, убійственной, полной соблазновъ жизнью города. Деревни пустѣютъ, города растутъ, и народъ слабѣетъ, рождаемость уменьшается, и порода портится. Всѣ видятъ, знаютъ это. И никто ничего не можетъ сдѣлать для того, чтобы остановить всѣ эти все увеличивающіяся и увеличивающіяся бѣдствія.

Всѣ тѣ блага семейной жизни, которыя вносила и можетъ вносить въ жизни людей женщина, замѣнились тѣмъ зломъ, которое можетъ вносить въ жизнь та же женщина, когда она поставлена въ несвойственныя ей условія. Въ рабочихъ классахъ женщина задавлена работой и нуждой, часто этой нуждой приводится къ разврату. Богатые женятся поздно или вовсе не женятся, замѣняя бракъ допускаемымъ и даже поощряемымъ существующимъ устройствомъ развратомъ. Проституція во всѣхъ видахъ допускается и даже учреждается правительствами. Всѣ видятъ и чувствуютъ пагубность такого положенія женщины и такого отношенія половъ, но при теперешнемъ устройствѣ общества не видятъ возможности измѣненія ни того, ни другого.

** № 20.

Машина эта давно извѣстна міру и давно извѣстны дѣла ея. Это та самая машина, посредствомъ которой въ Россіи властвовали, избивая и мучая людей, то Іоаннъ IV, то шальной, звѣрски жестокой, восхваленный Петръ съ своей пьяной кампаніей, то безграмотная, распутная дѣвка «Катя», то нѣмецъ Биронъ, любовникъ глупой¹ бабы, считавшейся императрицей, то² нѣмка Анна, любовница другого нѣмца, то распутная дѣвка Елиза-

¹ Зачеркнуто: толстой

² Зач.: другая

вета, потомъ распутная изъ распутныхъ нѣмка, мужеубійца Екатерина «великая» II, то полубѣшенный Павелъ, то отцеубійца, лгунъ, ханжа Александръ, то глухой, грубый, жестокій солдатъ Николай, то слабый, неумный и недобрый Александръ II, то совсѣмъ глухой, грубый невѣжественный Александръ III. И всѣ эти жалкіе люди, всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые убиты заступившими ихъ мѣсто, какъ несчастный Петръ III и Павелъ, всѣ они возводятся въ герои, гении благодѣтели чело- вѣчества. <И вотъ царствуетъ теперь невѣжественный, слабый и недобрый Николай II со своими иконами и мощами, устраиваетъ бездѣльную, бессмысленную погибель миллиардовъ рублей и сотенъ тысячъ людей на Дальнемъ Востоку и благословляетъ отсылаемыхъ на убійство сотни тысячъ людей. И если только онъ умретъ своей смертью и на его мѣсто вступятъ законные наслѣдники, найдутся такіе же хвалители, которые и въ этомъ жалкомъ существѣ найдутъ особенныя доблести и будутъ его называть благодѣтелемъ Россіи, какъ его предшественниковъ.>¹

<Все это — отъ Екатерининскихъ мерзостей, раздѣла Польши и раздариванія десятковъ тысячъ крестьянъ своимъ мальчишкамъ любовникамъ и до теперешняго истребленія и развращенія миллионновъ людей>² — Все это дѣла этой ужасной машины. Захватываетъ машину <конюхъ, котораго полюбила толстая Анна и управляетъ русскимъ народомъ. Прогоняютъ смѣлые люди нѣмка и сажаютъ на его мѣсто пьяную дѣвку>³ Елизавету, и она посылаетъ армію воевать противъ Пруссаковъ; умерла она, и выписанный ею нѣмецъ племянникъ, посаженный на ея мѣсто, велитъ войскамъ воевать за Пруссаковъ.

Убиваетъ распутная нѣмка шального нѣмка — своего мужа и начинается со своими любовниками управлять Россіей, раздариваетъ имъ десятки тысячъ русскихъ крестьянъ и устраиваетъ для нихъ то греческій, то индійскій проэктъ, ради которыхъ гибнутъ жизни миллионновъ. Попалъ нынче по наслѣдству малоумный гусарскій офицеръ, и онъ устраиваетъ со своими клеветами свой манжуро-корейскій проэктъ, стояцій миллиарды рублей и сотни тысячъ жизней.

Вѣдь это ужасно. Ужасно, главное, потому, что если и кончится эта безумная война, то завтра можетъ новая фантазія, съ помощью окружающихъ его негодаевъ, взбрести въ слабую голову⁴ властвующаго челоуѣка, и челоуѣкъ этотъ можетъ завтра устроить новый африканскій, американскій, индійскій проэктъ, и начнутъ опять вытягивать послѣднія силы изъ русскихъ людей и погонять ихъ убивать на другой край свѣта.

¹ Взятое в ломаные скобки обведено сбоку чертой с пометкой рукой Толстого: пр[опустить].

² Взятое в ломаные скобки зачеркнуто карандашом по строкам.

³ Взятое в ломаные скобки зачеркнуто карандашом по строкам. Следующее слово Елизавету исправлено на Елизавета

⁴ Зачеркнуто: ничтожнаго, безсовѣстнаго

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ВЕЛИКИЙ ГРЕХ».]

* № 1.

Теперь у насъ въ Россіи происходитъ волненіе народа, преимущественно въ паразитныхъ слояхъ народа, изъ которыхъ самый вліятельный — такъ называемая интеллигенція. Интеллигенція, т. е. люди подъ предлогомъ услугъ, которыя они оказываютъ народу, услугъ въ родѣ писаній статей, или выдаванія вредныхъ лѣкарствъ, или обученія народа ненужнымъ глупостямъ, или писаніемъ картинъ, сочиненіемъ сонатъ и произнесеніемъ за деньги рѣчей въ судѣ — все услуги, о которыхъ народъ ихъ не проситъ, живущіе грабежомъ, т. е. трудомъ народнымъ, которыхъ гораздо правильнѣе назвать паразитами, опредѣляя и по ихъ средствамъ жизни и по болѣе чѣмъ сомнительному развитію интеллекта.

* № 2.

1) Ученіе Генри Джорджа, невольно обратившее на себя вниманіе своею ясностью и силой наиболѣе въ Англіи и Америкѣ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, очень скоро, особенно послѣ смерти Джорджа, остановилось въ своемъ внѣшнемъ распространеніи, стало забываться, и проложенная въ пустынѣ дорога все засыпается и засыпается пескомъ пустыни, т. е. пустой газетной, журнальной и профессорской болтовней, потворствующей тѣмъ, которымъ выгодна частная земельная собственность.

* № 3.

Такъ это было съ ученіемъ Джорджа. Мнимая наука политической экономіи, лживыя положенія которой Джорджъ долженъ былъ разбить (что онъ и прекрасно сдѣлалъ) для того, чтобы высказать свои ясныя, понятныя и нужныя мысли, совершенно игнорируетъ Джорджа. Если же касается его положеній, то, подводя его подъ тѣ свои опредѣленія, которыя опровергнуты

Джорджемъ, легко разбиваетъ его, и все это глубокое, простое ясное и нужное ученіе для слѣпо вѣрующихъ въ науку (а ихъ легионъ, такихъ же, какихъ былъ легионъ вѣрующихъ въ церковь) представляется какой то неудачной теоріей, вполне опровергнутой «настоящей наукой».

* № 4.

И что же — русскіе ученые, образованные, досужіе люди ничего иного не могут придумать для народа, благомъ котораго они такъ озабочены, какъ только то, чтобы повторять безполезную и ни къ чему не ведущую болтовню европейскихъ социалистовъ, которая, продолжаясь уже давно, не привела рабочихъ людей ни къ какимъ результатамъ и, очевидно, ни къ какимъ привести не можетъ, что уже начинаютъ понимать многіе. Русскіе интеллигенты озабочены только тѣмъ, какъ бы имъ не пропустить того, что дѣлаютъ ихъ образцы.

* № 5.

И что же — русскіе люди, тѣ самые, которые хотятъ служить народу, не только не видятъ этого и вѣрятъ, какъ въ старину вѣрили Библии и всѣмъ догматамъ церкви; «вѣрятъ» тому, что провозглашали европейскіе мудрецы Марксы, Энгельсы, Каутскіе и др., и все не видятъ для русскаго народа никакого другого средства улучшенія его положенія, какъ то, чтобы лишиться земли и, сложившись въ социалистическій союзъ, какимъ то таинственнымъ способомъ овладѣть орудіями труда и сложиться въ воображаемое социалистическое государство, и не хотятъ знать того, что хочетъ знать весь русскій народъ, но озабочены только тѣмъ, какъ бы привести весь русскій народъ какъ можно скорѣе въ то положеніе, въ которомъ находятся европейскіе народы.

* № 6.

Только отъ этого люди нашего времени вообще и люди интеллигенцій въ особенности (едва ли не болѣе всѣхъ другихъ интеллигенцій совершенно лишеныя религіознаго сознанія) такъ превратно понимаютъ жизнь того народа, которому они хотятъ служить болѣе или менѣе искренно своей дѣятельностью, что требуютъ для него то, чего ему не нужно, и умалчиваютъ о томъ и даже считаютъ ненужнымъ то, что одно онъ считаетъ для себя самымъ нужнымъ.

Человѣкъ, не имеющій религіознаго пониманія жизни, не виновать въ томъ, что не понимаетъ смысла своей жизни, но такой человѣкъ долженъ понимать, что, не зная смысла своей жизни и жизни вообще, прямо заявляя об этомъ, какъ это

дѣлають русскіе интеллигенты, что такой человѣкъ никакъ не можетъ учить жизни тотъ самый народъ, который знаетъ смыслъ своей жизни, живетъ полной трудовой жизнью и кормитъ и содержитъ всю эту кишачую на немъ паразитную интеллигенцію, мнимо озабоченную его благомъ.

И потому улучшеніе положенія народа, которое не можетъ наступить безъ уничтоженія земельной собственности, никакъ не можетъ быть достигнуто агитаціями, бунтами, революціями, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ служить народу русская интеллигенція.

Поразительнымъ доказательствомъ неразумности разрѣшенія этого вопроса можетъ служить то, что сдѣлано было большой французской революціей по отношенію земельной собственности. Земля была признана принципиально общей и насильственно отобрана отъ большихъ собственниковъ. И послѣдствія были тѣ, что нигдѣ люди не держатся такъ жадно за земельную собственность, какъ именно во Франціи.

* № 7.

Не имѣя религіознаго сознанія, т. е. не понимая смысла жизни, они не могутъ опредѣлить того, что составляетъ истинное благо людей, что для жизни человѣческой наиболѣе, что менѣе важно: они видятъ разныя частныя причины бѣдствій народа, но не видятъ основнаго. «Хорошо образованіе народа, хороши техническія усовершенствованія, хороша вѣротерпимость, хороши производительныя и потребительныя товарищества, хорошо и представительство и многое другое. И они ищутъ всего этого безъ внутренней связи и, главное, безъ пониманія всего того, что всѣ эти мѣры, если бы и были осуществлены, онѣ бы не улучшили положенія народа, всего народа, богатыхъ и бѣдныхъ, и сильныхъ и слабыхъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена основная причина бѣдствій — несправедливость земельного захвата; точно также, какъ никакія усовершенствованія не могли улучшить положеніе народа, среди котораго было рабство, до тѣхъ поръ, пока оно не было уничтожено.

Заблужденіе нашихъ вступниковъ народа — заблужденіе невольное, такъ какъ человѣкъ, не имѣющій религіознаго пониманія жизни, не виноватъ въ томъ, что пониманіе его ограничено. Заблужденіе ихъ въ томъ, что для нихъ вопросъ земельной собственности (въ особенности вслѣдствіе напыщенной болтовни мнимой науки политической экономіи) представляется однимъ изъ частныхъ вопросовъ въ устройствѣ общественно-экономической жизни, наравнѣ съ вопросами капитала, рабочей платы, процента, дохода и т. п., тогда какъ вопросъ о земельной собственности есть прежде [всего] вопросъ нравственный, религіозный, такой же, какимъ былъ вопросъ личнаго равенства.

Земельная собственность есть прежде всего грѣхъ, ужасный грѣхъ въ христіанскомъ обществѣ, въ которомъ люди по своей вѣрѣ признають всѣхъ людей равными и братьями, грѣхъ такой, какимъ былъ грѣхъ личнаго рабства, и какъ личное рабство было губительно не только для рабовъ, но и для владѣльцевъ, такъ земельное рабство одинаково губительно и для рабовъ земельныхъ и для землевладѣльцевъ.

Вѣдь какъ только церковь своими злыми софизмами могла, успокаивая ихъ совѣсть, оправдывать землевладѣльцевъ, такъ только теперешняя наука могла своей искусной аргументаціей въ отвлеченныхъ понятіяхъ такъ запутать людей, что они совершенно не видятъ того ужаснаго грѣха, который они совершаютъ, удерживая для своихъ барышей, забавъ, удовольствованія похоти ту землю, которая нужна рабочимъ людямъ.

* № 8.

Народъ понимаетъ, что земельная собственность не есть учрежденіе въ родѣ школьнаго закона, новыхъ податей, земскихъ насильниковъ, солдатства, паспортовъ, но есть великій грѣхъ, такой же, какимъ былъ грѣхъ крѣпостнаго права и грѣхъ не прошедшій, а настоящій, и не временный, а постоянно совершаемый. И народъ чувствуетъ этотъ грѣхъ, не можетъ не чувствовать его, потому что постоянно страдаетъ отъ него. Тоже самое было съ крѣпостнымъ правомъ, пока оно было во всей своей силѣ. Были помѣщики, которые чувствовали грѣхъ владѣнія людьми, старались уничтожить это учрежденіе, но какъ бы чутки они не были, они не могли чувствовать его такъ, какъ чувствовали его крестьяне, несмотря на сознаніе неправды владѣнія крѣпостными, и продолжали владѣть крестьянами, и совѣсть ихъ была почти спокойна. Тѣ изъ насъ, которые еще владѣли крѣпостными, не мучаются совѣстью при этихъ воспоминаніяхъ, и наслѣдники тѣхъ дѣдовъ и отцовъ, которые владѣли крѣпостными, легко прощаютъ ихъ за это и даже вовсе не ставятъ въ вину имъ владѣніе людьми. Но народъ, который несъ всю ужасную тяжесть насилія, униженія, страданія, развращенія крѣпостнаго права, не забылъ этого времени и съ отвращеніемъ и ужасомъ вспоминаетъ всѣ послѣдствія того грѣха, который совершали надъ нимъ. Тоже самое и теперь съ земельной собственностью.

Большинство теперешнихъ землевладѣльцевъ не видятъ, не сознаетъ, хотя всякій смутно чувствуетъ, нельзя не чувствовать грѣха того зла, которое онъ дѣлаетъ. Есть такіе, которые чувствуютъ всю несправедливость этого владѣнія землей, но стараются успокоить и успокаиваются тѣмъ, что всѣ такъ, что нельзя иначе при теперешнемъ устройствѣ общества, или тѣмъ, что они приносятъ пользу своимъ культурнымъ хозяйствомъ, или тѣмъ, что даютъ работу народу. Такъ или иначе, всѣ болѣе

или менѣе успокаиваются настолько, что продолжаютъ владѣть землей... — Но народъ также, какъ это было въ крѣпостномъ правѣ, не можетъ не чувствовать въ тысячу разъ сильнѣе всю неправду этого неперестающаго, совершающагося грѣха. Точно также какъ при крѣпостномъ правѣ, онъ чувствуетъ то насиліе, которое совершалось надъ нимъ, когда его дѣтей отрывали отъ семьи, продавали, какъ товаръ, били, сѣкли, унижали, развращали его женщинъ. Точно также онъ чувствуетъ это и теперь, когда вынужденъ работать ненужную, вредную, чужую работу только чтобы прокормить семью, когда чувствуетъ себя въ полной власти тѣхъ, большей частью праздныхъ безнравственныхъ людей, которые захватили ту часть земли, которая по вѣчному закону должна принадлежать ему, когда видитъ неизбежное разращеніе его сыновей, женъ, дочерей, которыя отъ недостатка земли бѣгутъ въ городскіе вертепы разврата.

Совершающіе грѣхъ могутъ забыть про него, онъ отзовется на нихъ послѣ, но тотъ, надъ кѣмъ совершается грѣхъ, не можетъ не страдать отъ него.

* № 9.

Въ Россіи происходятъ теперь неперестающія волненія. Рабочіе городскіе, слесаря, ткачи, хлебопеки, портные, кучера, типографчики, желѣзнодорожныя, приказчики, всѣ люди, получающіе несравненно больше жалованія и лучшее содержаніе, чѣмъ сельскіе рабочіе, дѣлаютъ стачки, требуютъ увеличенія жалованія, уменьшенія часовъ работы, всякаго улучшенія. (Есть такіе желѣзнодорожныя служащіе, которые, работая шесть часовъ, требуютъ уменьшенія до пяти часовъ.)

Забастовываютъ ученики школъ, музыканты, живописцы, дѣвщцы въ институтахъ, не говоря уже про гимназистовъ и студентовъ. Всѣ они забастовываютъ, т. е. пугаютъ кого то тѣмъ, что если не исполнять ихъ требованій, то они перестанутъ приобрѣтать тѣ знанія и искусства, благодаря которымъ они устраиваются на шеѣ народа такъ, чтобы получать содержаніе въ десять и сто разъ больше, чѣмъ то, что получаетъ самый трудолюбивый крестьянинъ. Главныя же волненія про исходятъ среди адвокатовъ, журналистовъ, бойкихъ говоруновъ — дворянъ, профессоровъ, техниковъ, вообще всѣхъ тѣхъ людей, которые или ничего не дѣлаютъ или дѣлаютъ очень мало и получаютъ за это очень малое и часто ненужное и даже вредное дѣло очень большое вознагражденіе, сбрасываемое съ народа. Всѣ эти люди придумываютъ различныя, самыя многообразныя и совершенно несогласныя между собою средства осчастливленія народа: это и свобода печати, и свобода собраній, и патріаршество, и техническое обученіе, и пенсіи рабочимъ, и, главное, представительство.

Одни утверждаютъ, что для блага народа нуженъ земскій соборъ только какъ совѣщательное учрежденіе, другіе, что нужно

двѣ палаты, третьи, что нужна только одна. Одни хотятъ, чтобы выборы были такіе, другіе — иные. Разсужденіямъ нѣтъ конца. Одни говорятъ, что нужна республика, другіе — конституціонная монархія, третьи отстаиваютъ самодержавіе навсегда, другіе на нѣкоторое время. Одни говорятъ, что всего можно достигнуть мирнымъ путемъ, другіе утверждаютъ что нельзя пренебрегать и немирными средствами, т. е. убійствами, что, какъ говорилъ Каиаффа, лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ цѣлому народу. И удивительное дѣло, люди, которые большею частью не умѣютъ распорядиться съ своимъ имуществомъ, со своей семьей, съ самими собою, люди очень сомнительной нравственности и ума, твердо, непоколебимо увѣрены въ томъ, что они знаютъ, хотя каждый по своему, несомнѣнно знаютъ, что нужно для блага 140 миллионъ людей. Всѣ эти люди собираются отдѣльными кружками и совершенно серьезно разсуждаютъ, какъ наилучшимъ образомъ осчастливить тотъ народъ, съ котораго тѣмъ или инымъ путемъ отбирается часто его послѣднее достояніе для ихъ, во всякомъ случаѣ роскошной, въ сравненіи съ трудовой и суровой народной жизнью. Всѣ подраздѣлены на фракціи, секціи, подсекціи, группы и, совершенно какъ у настоящихъ, у нихъ есть свои «центры, правые, лѣвые, и крайніе лѣвые». Все какъ за границей. И говорятъ о томъ же, о чемъ говорятъ за границей.

Говорятъ въ умѣренныхъ кругахъ о конституціи, о всеобщей или невсеобщей подачѣ голосовъ, о министерствахъ, о подходящихъ налогахъ, объ отдѣленіи церкви отъ государства, [въ] болѣе передовыхъ — о пенсіи рабочимъ, объ обобществленіи орудій труда. Въ самыхъ красныхъ — о томъ, какимъ способомъ какъ можно скорѣе захватить власть, какъ распорядиться съ тѣми, которые удерживаютъ ее.

Разговоры всѣ эти очень мало интересны и содержательны, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни одной мысли, которая не была бы десятки лѣтъ бита и перебита на всѣхъ европейскихъ собраніяхъ, парламентахъ, съѣздахъ. Все это старо и комично въ Россіи, гдѣ всѣ эти разсужденія, споры и предположенія не имѣютъ никакой возможности осуществленія и были бы вполнѣ невинны, если бы они не вызывали того всеобщаго, повального раздраженія, озлобленія, озвѣренія, выражающагося, проявляющагося убійствами и казнями.

Что бы подумалъ человѣкъ изъ народа, изъ настоящаго, трудового 100 миллионнаго народа, благомъ котораго такъ озабочены эти люди, если бы онъ могъ ясно понять то, что дѣлается теперь подъ видомъ служенія его благу всѣми этими волнуемыми людьми? Что бы онъ подумалъ, если бы онъ услышалъ всѣ эти разсужденія о томъ, какія для его блага приняты рѣшенія на съѣздѣ журналистовъ и врачей, какъ для правильной церковной жизни народа нужно возстановленіе выборнаго начала и патріархата, какъ составила новая партія истинно

русскихъ людей, какъ извѣстный дѣятель А. сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, а другой, столь же знаменитый дѣятель, нѣсколько шаговъ влѣво, какъ «Московскія вѣдомости» идутъ рука объ руку съ социаль-демократами и какъ въ Горемыкинской комиссіи рѣшено, что для восстановления поколебленнаго крестьянскаго быта необходимо позаботиться о размежеваніи, — чтобы подумалъ и сказалъ бы настоящій, работающій человѣкъ изъ народа, который прочелъ бы все это?

«Что же имъ больше дѣлать, сказалъ бы такой человѣкъ, одно слово: господа», однимъ этимъ обычнымъ, многосодержательнымъ, снисходительнымъ, презрительнымъ словомъ опредѣливъ всю эту дѣтскую, но только не дѣтски-невинную, самоуверенную, овабоченную дѣятельность, вызываемую не нуждой, не серьезной мыслью, нравственными требованіями, а только избыткомъ тѣлеснаго удовлетворенія и праздности.

Такъ бы добродушно, насмѣшливо, я думаю, отнесся человѣкъ изъ народа къ людямъ, занимающимся такими разсужденіями. Но если бы онъ понялъ, что эти самыя разсужденія были причиной всѣхъ тѣхъ стачекъ, бунтовъ, разгромовъ, казней, стрѣльбы солдатъ по народу и всѣхъ тѣхъ непрерывающихся убійствъ, которыя совершаются теперь во всѣхъ концахъ Россіи, и, главное, того озвѣренія, которое охватило нѣкоторую часть русскаго населенія, онъ, вѣроятно, уже не снисходительно, не насмѣшливо отнесся бы къ этимъ господамъ, а съ омерзѣніемъ и ужасомъ отвернулся бы отъ нихъ и отрекся бы отъ всякой солидарности съ ними.

* № 10.

(И вотъ эти то самыя паразиты, оправдывающіеся всѣ, отъ царя до ветеринара, тѣмъ, что они служатъ народу, придумываютъ для народа всѣ возможныя блага, но только не говоря о томъ одномъ, что одно нужно русскому рабочему народу, о чемъ онъ не переставая говорить и думаетъ, отъ недостатка чего онъ постоянно страдаетъ, вырождается и вымираетъ (о томъ, что земля должна быть общей). Если и говорятъ объ этомъ, то въ томъ смыслѣ, что это не главное, второстепенное, даже очень несущественное дѣло и что надо многое другое сдѣлать, прежде чѣмъ, между прочимъ, заняться и этимъ дѣломъ. А если и заняться этимъ дѣломъ, то совсѣмъ не такъ, какъ хочетъ народъ, а такъ, чтобы не нарушилось теченіе той пріятной жизни, которую ведутъ всѣ эти люди, овабоченные благомъ невѣжественнаго и не понимающаго своихъ интересовъ народа.)

* № 11.

Русскій народъ не переставая просить одного: чтобы переставали позволять тѣмъ, кто не работаетъ на землѣ, отнимать ее у тѣхъ, кто кормится съ нея.

«Это онъ говоритъ отъ своей глупости и отъ своего необразованія, — отвѣчаетъ на это человѣкъ, живущій трудами народа и озабоченный его благомъ. — Народъ не понимаетъ того, что ему нужно. Ему нужна свобода печати, свобода вѣры. Ему нужно то, что мы называемъ наукой и образованіемъ. Ему нужно представительство. То, что онъ не читаетъ и не любитъ читать нашихъ книгъ, это не важно, важно, чтобы мы могли писать, а его мы приучимъ любить наши писанія. То, что онъ, несмотря на всякія гоненія, всегда удерживалъ свои вѣрованія и укрѣплялся въ нихъ, ничего не значить, мы желаемъ имѣть свободу проповѣдывать свои вѣры безпрепятственно. То, что онъ считаетъ ни на что не нужной глупостью, то, что мы называемъ наукой и образованіемъ, происходитъ отъ его невѣжества. Онъ будетъ любить все это, когда будетъ такимъ же, [какъ] мы. Болѣе же всего ему нужно представительство. То, что онъ не хочетъ участвовать въ грѣхахъ власти, происходитъ отъ его глупости, и мы образуемъ его. Мало того, мы устроимъ ему всеобщую фабрику, такъ что онъ будетъ жить въ городахъ и работать опредѣленные часы при электрическомъ свѣтѣ и даромъ будетъ, какъ въ богадѣльняхъ, получать всѣ необходимые и одинаковые для всѣхъ предметы», говорятъ самые передовые люди.

Да вѣдь русскій народъ весь земледѣльческій и хочетъ оставаться такимъ, зачѣмъ же ему все то, что вы предлагаете, и что можетъ быть нужно промышленнымъ народамъ?

«Это ничего не значить, — отвѣчаетъ вамъ русскій самый передовой социалистъ, — если русскій народъ еще не пролетарій, то это отъ того, что онъ отсталъ. Онъ долженъ *опролетариться*; самъ Маркъсъ сказалъ это».

Все это до такой степени глупо, что простой, неученый человѣкъ никогда не могъ бы сказать этого. Утверждать такія нелѣпости можетъ только человѣкъ, изучившій ту ужасную схоластику, которая въ наше время называется наукой. По этой наукѣ выходитъ, что жизнь человѣческая слагается не по духовнымъ свойствамъ людей, не по степени развитія ихъ разума и совѣсти, а по какимъ то законамъ, которые открылъ Гегель, Контъ, Спенсеръ, Маркъсъ, Энгельсъ, и т. п. По этой то наукѣ освобожденіе земли отъ большихъ собственниковъ теперь, сейчасъ не нужно, такъ какъ въ будущемъ это освобожденіе произойдетъ само собою вмѣстѣ съ уничтоженіемъ всякаго права собственности на орудія труда.

* № 12.

Понстинѣ удивительно скудоуміе русскихъ интеллигентовъ — паразитовъ, не имѣющихъ ни одной *своей* мысли, ни одного *своего* вывода изъ *своего* наблюденія и умѣющихъ только рабски повторять то, что говорятъ европейскіе интеллигенты —

паразиты. Удивительно это скудоуміе, но еще удивительнѣе сухость сердца, жестокость и лицемѣріе этихъ людей.

* № 13.

Только человѣкъ, который имѣетъ всегда право и возможность сказать: «щей горшокъ, да самъ большой», жить на землѣ, кормиться своими трудами, только такой человѣкъ можетъ быть истинно независимъ и быть избирателемъ, представителемъ и, главное, — выразителемъ воли народа. Пока же народъ будетъ въ томъ земельномъ рабствѣ, въ которомъ онъ находится теперь у насъ и во всей Европѣ, никакая конституція не обезпечитъ его правъ. Конституція обезпечитъ право достаточныхъ, праздныхъ, паразитныхъ сословій, но не права народа.¹

* № 14.

Точно также съ освобожденіемъ земли упраздняется и весь тотъ сложный рабочій вопросъ, который пытаются разрѣшить социалисты. Совершись только этотъ переворотъ и получи рабочіе люди возможность жить на землѣ и промѣнять фабричный зависимый, нездоровый трудъ на самый свободный, естественный и радостный трудъ, и не будетъ никакой надобности обществлять орудія труда и регулировать трудъ и вознагражденіе. Рабочіе или сами заведутъ свои орудія труда или поставятъ свои условія капиталистамъ.

* № 15.

Россія переживаетъ знаменательное время: не имѣющая никакого оправданія, губительная для богатства и для жизни русскихъ людей война съ сплошными, позорными пораженіями, безъ единой побѣды, всеобщія смуты, стачки, буйства, политическія убійства, братоубійственныя бойни, надвигающійся голодъ, всеобщее вырвавшееся наружу, долго подавленное недовольство всѣхъ сословій, даже чиновничества, невольное упорство правительства или скорѣе правительственныхъ лицъ, понимающихъ опасность своего положенія и, отстаивая существующее устройство, борящихся за свою жизнь, разнузданность поднимающихъ голову самыхъ жестокихъ, безнравственныхъ частей общества и всеобщее озлобленіе увлеченныхъ борьбой людей — все это явные, внѣшніе признаки переживаемого Россіей кризиса.

¹ Зачеркнуто: Не можетъ самостоятельно голосовать человѣкъ не независимый.

Кризисъ наступилъ въ Россіи, но я думаю, что причины его существуютъ и въ жизни всѣхъ христіанскихъ, цивилизованныхъ народовъ, только находятся тамъ еще въ скрытомъ (латентномъ) состояніи. Естественно, что въ Россіи люди достаточныхъ классовъ, свободные отъ необходимости труда для пропитанія себя и своихъ семей, особенно живо отзываются на происходящія теперь въ Россіи волненія. Люди эти, считая себя призванными заботиться о благѣ всего русскаго народа, придумываютъ и предлагаютъ различныя средства улучшенія его положенія. Людямъ этимъ естественно представляется главнымъ зломъ, подлежащимъ исправленію, то зло, которое они испытываютъ на себѣ и на болѣе замѣтномъ для нихъ сословіи городскихъ рабочихъ. Зло это они видятъ въ грубомъ самовластии правительства, въ особенности въ тѣхъ насиліяхъ, отъ которыхъ страдаютъ они, люди достаточныхъ классовъ, и близкіе къ нимъ люди — городскіе фабричныя рабочіе: въ стѣсненіяхъ печати, преподаванія, въ гоненіяхъ за вѣру, въ ограниченіи для Евреевъ черты осѣдлости, вообще въ необезпеченности личной свободы. Наилучшимъ средствомъ для исправленія этихъ золъ людямъ достаточныхъ классовъ естественно представляется примѣненіе въ Россіи тѣхъ самыхъ учрежденій, которыя въ Европейскихъ государствахъ, ограничивая власть правительства, обезпечиваютъ личную свободу людей достаточныхъ классовъ и городскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Такъ думаютъ либералы и умѣренные революціонеры. Также думаютъ и революціонеры — социаль-демократы, надѣющіеся черезъ народное представительство съ помощью государственной власти осуществить соотвѣтственное своей теоріи новое общественное устройство. Всѣ эти люди, хотя и несогласные между собою, имѣютъ одну общую черту. Всѣ они, обсуждая благо народа, имѣютъ въ виду только малую часть его: достаточные классы и городскихъ рабочихъ, а не огромную массу земледѣльческаго населенія, и потому направляютъ свои усилія противъ внѣшнихъ проявленій зла: на безконтрольность правительства, на гоненія за вѣру, за національность, за убѣжденія, на стѣсненія печати, запрещенія союзовъ и т. п., не вникая въ основныя причины зла. Поступая такъ, эти люди дѣлаютъ тоже, что дѣлалъ бы человѣкъ, снимая верхній слой загнивающаго тѣла, не заботясь объ измѣненіи условій, въ которыхъ находится самое тѣло.

Я думаю, что причины того бѣдственнаго положенія, до котораго доведена Россія, лежатъ не въ безконтрольности власти, не въ политическихъ и религіозныхъ гоненіяхъ и жестокостяхъ, не въ запрещеніи печати, союзовъ, и т. п., а гораздо глубже, — что всѣ эти явленія происходятъ отъ основнаго, главнаго зла, развращающаго и мучающаго всѣхъ людей русскаго народа, точно также какъ и большинство людей европейскихъ народовъ. Думаю, что если бы коренное зло было исправлено, исчезло бы само собою и все то зло, которое терпятъ теперь

достаточные классы и городские рабочие; исчезла бы, я думаю, и большая часть тѣхъ достаточныхъ, паразитныхъ классовъ и городскихъ рабочихъ, интересы которыхъ представляются теперь самымъ главнымъ.

И потому намъ, русскимъ, въ такую минуту, какъ теперешняя, когда чувствуется совершенная невозможность возвращенія къ старому и неизбежная необходимость измененія строя жизни, намъ, русскимъ, было бы непростительно грѣшно съ нашимъ особеннымъ отъ большинства европейскихъ народовъ матеріальнымъ и духовнымъ складомъ жизни ограничиться ничтожными паліативами въ видѣ введенія тѣхъ самыхъ формъ, которыя введены въ передовыхъ государствахъ Европы и уже явно показали свою несостоятельность, а не постараться, выкинувъ въ сущность дѣла, воспользоваться нашимъ положеніемъ и совершить тотъ коренной переворотъ въ строѣ жизни, необходимость котораго особенно рѣзко чувствуется въ наше время во всемъ мірѣ и вполне сознается и требуется огромнымъ большинствомъ всего 100 миллионнаго трудового земледѣльческаго русскаго народа.

Переворотъ этотъ есть прекращеніе непрерывающаго ограбленія земельными собственниками рабочихъ людей, лишенныхъ своего неотъемлемаго естественнаго права на землю, восстановление равнаго права всѣхъ людей на пользованіе землей.

Я думаю и высказывалъ нѣсколько разъ мысль о томъ, что жизнь народа слагается не вслѣдствіе внѣшнихъ формъ, которыя могутъ быть наложены на него внѣшними вліяніями, а внутренней дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, и что поэтому въ этой внутренней дѣятельности — главное дѣло каждаго человѣка. Я думаю такъ и теперь.

Вызвана же эта моя статья желаніемъ указать людямъ въ то особенное время, которое переживаетъ теперь Россія, которое очевидно должно привести къ новымъ формамъ жизни, — въ чемъ главное зло, отъ котораго страдаютъ теперь миллионы людей, и на что должна быть направлена дѣятельность людей, искренно желающихъ служить человѣчеству.

* № 16.

Россія, какъ я думаю, переживаетъ въ настоящую минуту тотъ кризисъ, причины котораго существуютъ въ скрытомъ (латентномъ) состояніи во всѣхъ христіанскихъ государствахъ и которыя рано или поздно, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень скоро должны вызвать тѣ же самыя явленія.

Россія, какъ я думаю, занимаетъ теперь, въ началѣ 20 вѣка, въ исторіи то самое мѣсто, которое занимала Франція въ концѣ 18 вѣка, въ началѣ великой революціи. Какъ французскій народъ того времени своими страданіями выработалъ тѣ новыя основы жизни, которыми потомъ жили и теперь живутъ христіан-

ске народы, также, я думаю, предстоитъ теперь и русскому народу своими страданіями освятить дальнѣйшій путь жизни христіанскаго человѣчества.

Въ этомъ, я полагаю, значеніе совершающихся въ настоящее время въ Россіи великихъ событій.

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «КОНЕЦ ВЕКА».]

* № 1.

Думаю, что ни такъ ярко проявившееся и угрожающее міру могущество Японіи, ни разгромъ Россіи, ни желтая опасность, ни тѣмъ менѣе внутреннее измѣненіе внутреннего устройства Россіи изъ деспотическаго, преобразующейся изъ самой деспотической страны, допустимъ, въ самую либерально-конституціонно, даже социалистически устроенную республику, думаю, что все это и всѣ тѣ измѣненія, которыя могутъ произойти во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, — пускай Россія сдѣлается федеральной республикой, пускай Японія станетъ завоевательной державой, присоединитъ къ себѣ Сибирь и отниметъ у Европейскихъ державъ всѣ Азіатскія колоніи, пускай образуется панафриканское государство и завоюетъ всѣ африканскія колоніи, пускай Соединенные Штаты отнимутъ Канаду у Англіи и завоюютъ южныя республики, — все это и всѣ тѣ измѣненія, которыя мы можемъ придумать въ предѣлахъ отношений государствъ между собою, все это, я думаю, также ничтожно передъ тѣмъ, что совершается теперь, какъ ничтожно было во время большой французской революціи рѣшеніе вопроса о томъ, кому должно принадлежать право на какой-нибудь нѣмецкій Липпе-Детмольдъ.

* № 2.

Думаю же я, что это совершилось и совершается теперь, во первыхъ, потому, что среди большихъ массъ рабочаго народа нѣтъ больше никакой религіи какъ двигающей силы, есть только обычай. Извѣстные обряды, потерявшіе двигательную руководящую силу, въ высшихъ же, образованныхъ сферахъ христіанскаго міра всякая религія, какъ таковая, считается излишнею, отжившимъ остаткомъ прежняго времени, и въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ уже никакой духовной руководящей силы, кромѣ случайно всетаки носящихся неясныхъ

христіанскихъ идеаловъ,¹ нѣтъ уже никакой духовной руководящей силы въ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ, въ высшихъ же сферахъ образованныхъ людей ужъ начинается проявляться формулированіе чего-то вродѣ религіи грубаго эгоизма. Это отсутствіе религіи, того свойства человѣческой души, безъ котораго никогда не жило человѣчество, которой болѣзненно чувствуется всѣми людьми нашего времени, есть одинъ ихъ признаковъ конца одного и начала новаго вѣка. Другой признакъ есть то явное банкротство, къ которому пришла наша цивилизація съ своимъ научнымъ развитіемъ и техническими усовершенствованіями. Наука, такъ называемая позитивная (т. е. узкая, ограниченная), шла впередъ, все впередъ съ своими удивительными (большей частью забавными) открытіями и усовершенствованіями, и научные люди если и видѣли, что вопросы религіозные и нравственные оставались неразрѣшенные и жизнь людей, большой массы людей, не измѣнилась ни матеріально, ни духовно, утѣшали себя и другихъ тѣмъ, что научный и умственный прогрессъ неизбежно приведетъ и къ нравственному и улучшить со временемъ жизнь людей, но время шло, и жизнь людей не улучшалась, и нравственное состояніе людей становилось хуже и хуже. И наконецъ христіанское человѣчество съ своими техническими изобрѣтеніями и научными открытіями пришло наконецъ къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, личности противъ личности, капиталовъ противъ капиталовъ, торговли противъ торговли, сословія противъ сословія, народа противъ народа, государства противъ государства, расы противъ расы, привело человѣчество къ такому тушику, изъ котораго очевидно для всякаго человѣка, свободнаго отъ увлеченія борьбы, что нѣтъ и не можетъ быть при продолженіи того же пути никакого выхода.

* № 3.

Главный признакъ всякой революціи есть движеніе, волненіе, безпокойство, недовольство своимъ положеніемъ и желаніе измѣненія его, охватывающее весь народъ, всѣ сословія. Таково теперь состояніе всего русскаго народа. Одни дѣйствуютъ, борются за удержаніе стараго, другіе стараются разрушить старое, установить новое, третьи, сами не зная, чего имъ нужно, рады случаю дать исходъ своей разрушительной энергіи, четвертые — преобладающее большинство — готовятся и выжидаютъ. Взрываютъ, рѣжутъ, убиваютъ, раскидываютъ прокламаціи революціонеры, разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, заточаютъ, ссылаютъ правительственные дѣятели, составляютъ проекты, съѣзжаются и сходятся на съѣзды, подаютъ петиціи, печатаютъ статьи и придумываютъ всякаго рода программы будущаго государственнаго устройства такъ называемые интеллигенты.

¹ В подлиннике отиска: носящимися неясными христіанскими идеалами.

Русскій рабочий же 100-милліонный народъ ничего не высказываетъ ни печатно, ни устно, не собирается на съезды и собранія, не дѣлаетъ никакихъ плановъ, проектовъ, а работаетъ, пашетъ, сѣетъ, рубитъ, копаетъ, по своему молится и молчать, но чувствуетъ, сознаетъ и желаетъ и ждетъ одного и того же — свободы, истинной свободы, отсутствія насилія и начинаетъ понимать средства достиженія этого. И вотъ этотъ то народъ произведетъ ту революцію, которая подниметъ человѣчество на новую, высшую ступень сознанія, ту самую, которая вызвана была христіанствомъ и къ которой два тысячелѣтія величайшими страданіями и муками готовилось человѣчество.

Люди, такъ называемые образованные, пишущіе, печатающіе, читающіе, какъ въ Европѣ, такъ и Америкѣ, такъ и въ особенности въ Россіи, думаютъ, что совершающаяся въ Россіи революція будетъ заключаться въ борьбахъ, въ стрѣльбахъ на улицахъ, въ баррикадахъ, захватахъ бастилій, въ собраніяхъ, въ jeu de roches, въ конвентахъ, рѣчахъ, установленіи новаго правительства и т. п.

Даже нѣчто подобное уже и совершается по этой программѣ. Но все это смѣшная игра въ сравненіи съ той революціей, которая готовится и отчасти совершается.

Это похоже на сужденіе человѣка, знающаго, что лихорадка начинается ознобомъ, который при наступившемъ сильномъ холодѣ объяснял бы свой ознобъ лихорадкой и готовился бы излѣчиться отъ холода хининомъ.¹

Мотивы, причины совершающейся въ Россіи революціи, цѣли ея, выраженіе ея, способъ дѣйствія совершенно иные, чѣмъ тѣ, которые проявлялись до сихъ поръ въ большой французской революціи и въ революціи 30-го и 48 годовъ. Въ сущности оно и не можетъ быть иначе. Исторія не повторяется. И

¹ Это сравненіе в дальнейших редакціяхъ последовательно подвергалось в пределах рукописи № 4 такимъ переработкамъ:

1) То, что говорятъ и дѣлаютъ революціонеры, либералы, правительственные лица, похоже на то, что бы дѣлалъ человѣкъ, который при наступающей зимѣ объяснилъ бы испытываемый имъ холодъ лихорадочнымъ ознобомъ и готовился бы излѣчиться отъ холода хининомъ.

2) То, что говорятъ и дѣлаютъ правительственные лица, либералы, революціонеры, подобно тому, что бы дѣлалъ человѣкъ, который при наступающей зимѣ думалъ бы избавиться отъ зимняго холода не теплымъ кровомъ и огнемъ, а тѣми легкими одеждами, которыми онъ защищается отъ свѣжаго воздуха лѣтомъ.

3) То, что говорятъ и дѣлаютъ правительственные лица, либералы, революціонеры, подобно тому, что бы дѣлалъ человѣкъ, который при наступающемъ наводненіи направлялъ бы потокъ на свое колесо той мукомольной мельницы, которая со всѣми домами и плотинами будетъ снесена этимъ потокомъ.

4) Все то, что говорятъ и дѣлаютъ правительственные лица, либералы, революціонеры, подобно тому что бы дѣлали люди, которые при приближающемся потокѣ, долженствующемъ снести всѣ ихъ постройки и приспособленія и измѣнить все лицо земли, приготовились бы принять воду этого потока на свои мельничные поставы.

смѣшно думать, что революція 1905—6 годовъ среди совершенно особеннаго отъ германскихъ и романскихъ народа можетъ и имѣть тѣже цѣли, какъ революція, бывшія 100 лѣтъ тому назадъ среди совершенно иного и духовнаго и матерьяльнаго склада народовъ.

Причины совершающейся въ Россіи революціи есть грубый деспотизмъ правительства, доведшій до нарушенія того самаго духовнаго блага народа, для котораго дана и терпима была народомъ власть правительства.

Для того чтобы ясно понять значеніе русской революціи, надо ясно понять основныя свойства большинства русскаго земледѣльческаго народа и особенности отношенія этого народа къ той власти, которую онъ предоставлялъ правительству.

* № 4.

Происходящая теперь въ Россіи революція не есть ни политическая, ни исключительно русская революція, а революція религіозно-жизненная, всемірная, гораздо болѣе всемірная, чѣмъ большая французская революція, внесшая новыя начала въ жизнь христіанскихъ народовъ и давшая имъ на много вѣковъ впередъ программу дѣятельности. Происходящая теперь въ Россіи революція дастъ человѣчеству еще гораздо болѣе широкую и далекую программу и захватитъ въ свое вліяніе еще гораздо большее количество народовъ.

Переворотъ, совершающійся теперь и получившій свое выраженіе въ русской революціи, есть очень простое, понятное и коротко и ясно опредѣляемое дѣло. Переворотъ этотъ есть переходъ отъ общенія людей посредствомъ насилія къ общенію посредствомъ взаимнаго согласія и убѣжденія. Переворотъ въ отрицаніи законности насилія.

* № 5.

Революція эта, я думаю, можетъ быть не исключительно русская революція, а революція всемірная, даже гораздо болѣе всемірная, чѣмъ большая французская революція, давшая на много вѣковъ впередъ христіанскимъ народамъ программу дѣятельности. Та революція, которая можетъ теперь произойти въ Россіи, когда она состоится, должна захватить, какъ я думаю, въ свое вліяніе еще гораздо большее количество народовъ и поставить передъ міромъ еще гораздо болѣе широкія и далекія задачи, такъ какъ смыслъ этой предстоящей міру и могущей совершиться теперь въ Россіи революціи есть тотъ возможный переворотъ, къ которому 2000 лѣтъ готовилось человѣчество: замѣна насилія свободнымъ разумнымъ согласіемъ.

* № 6.

Думаю, что начинающаяся теперь въ Россіи революція будетъ, также какъ большая французская революція, не только

русская революція, но революція всемірная, которая, также какъ большая французская революція, разрушитъ мѣшавшіе жить народамъ суевѣрія и идолы и поставитъ на долгое время передъ народами идеалы жизни, къ которымъ они могутъ съ довѣріемъ приближаться.

* № 7.

Народъ, то огромное большинство русскаго народа, которое превосходитъ въ сотни разъ городскія сословія, тотъ земледѣльческій народъ, на чьихъ рукахъ виждется жизнь всѣхъ остальныхъ сословій, не дѣлаетъ демонстрацій, не собирается въ союзы, не бунтуетъ, а дѣлаетъ свое серьезное, необходимое для жизни дѣло: пахнетъ, сѣетъ, копаетъ, рубитъ, строить, живетъ какъ будто по прежнему, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ ту великую революцію, которая должна сверху до основанія измѣнить весь существующій строй. Какъ набухшая рѣка, которая весной начинаетъ подымать заковысавшій ее ледъ, хотя еще не прошла, но уже не та, какой она была зимой, такъ и русскій земледѣльческій народъ, хотя еще не тронулся, но уже не тотъ, какимъ былъ два года назадъ, и изрѣдка поступками, не имѣющими ничего общаго съ революціонной дѣятельностью городскихъ сословій, проявляетъ уже свою могучую дѣятельность.

* № 8.

Стариннаго христіанскаго духа русскій человѣкъ всегда и предпочитаетъ и предпочтетъ подчиняться даже самому ничтожному, влому, несправедливому человѣку, чѣмъ самому участивать во власти, предпочитаетъ перенести несправедливость, чѣмъ совершить ее. Съ христіанской точки зрѣнія оно и не можетъ быть иначе. Этимъ объясняются инныя необъяснимыя событія русской исторіи. Русскій человѣкъ готовъ былъ нести скорѣе всякія страданія, чѣмъ стать распорядителемъ дѣлъ зла, насилія, братоубійственной дѣятельности. Отъ этого то совершенно отличная въ русскихъ людяхъ отъ европейцевъ черта если не презрѣнія къ власти, то равнодушіе къ ней, нежеланіе участвовать въ ней.¹ Само собой разумѣется, что и въ русскихъ людяхъ были люди не христіанскаго духа, тщеславные, честолюбивые, которые увлекались просто властью, но это были исключенія; большинство истинно русскихъ людей, какъ прежде, такъ и теперь, предпочитаютъ лучше терпѣть все зло дурныхъ властителей, чѣмъ участвовать въ немъ. И взглядъ этотъ для всякаго христіанина не можетъ не быть справедливымъ. Можно не думать объ этомъ и отрицать христіанство, но для думающаго че-

¹ В копии исправлено: не только равнодушія къ власти, но отдаленія отъ нея, презрѣнія къ ней.

ловѣка и признающаго себя христіанномъ не можетъ не быть очевидно въ духовно-нравственномъ отношеніи преимущество всякаго русскаго отрицавшаго съ самаго начала жестокую бессмысленную Китайскую и Японскую войну и несущаго тяжесть послѣдствій войны, но не тяжесть укора совѣсти за участіе въ вызовѣ этой войны, передъ Англичаниномъ или Американцемъ, неизбѣжно участвовавшими въ затѣянной войнѣ съ Бурами, съ Испанцами, съ Тибетомъ.

Русскій человѣкъ считаетъ лучше подчиняться власти, которая не можетъ быть безъ грѣха, чѣмъ участвовать въ ней, но въ этомъ подчиненіи есть границы, границы очень ясно опредѣляемыя тѣми самыми мотивами, которые заставляютъ людей предпочитать подчиненіе властвованію. Границы эти преступаютъ тогда, когда власти принуждаютъ людей поступать противно тому христіанскому ученію, во имя котораго они подчинились власти.

* № 9.

Можно не думать о требованіяхъ христіанства или вовсе отрицать его, но для думающаго человѣка и признающаго христіанство въ его истинномъ значеніи не можетъ не быть очевиднымъ, что гораздо легче нести всякія страданія, чѣмъ стать распорядителемъ дѣла насилія, братоубійства съ стоящими во главѣ правительства нерусскими людьми — нѣмцами, которое не смотря на всю его жестокость, при Екатеринѣ, Павлѣ, Александрѣ, Николаѣ,¹ терпѣливо переноситъ русскій народъ. Какъ ни тяжело было матеріальное положеніе русскаго народа, онъ съ христіанской точки зрѣнія чувствовалъ себя чистымъ отъ всѣхъ грѣховъ насилій, войнъ, совершавшихся при деспотическомъ правленіи Павловъ, Александровъ, Николаевъ,² тогда какъ въ Англо-Китайской войнѣ за право продажи опиума китайцамъ, въ жестокостяхъ совершаемыхъ надъ индѣйцами, въ войнѣ съ Бурами, съ Тибетомъ, Американцевъ между Сѣверомъ и Югомъ, въ войнѣ съ Испанцами и во всѣхъ грѣховныхъ дѣлахъ, совершаемыхъ конституціонными державами, всякій Англичанинъ, Американецъ чувствуетъ себя участникомъ.

Русскій человѣкъ предоставляетъ власть правителямъ и не хочетъ участвовать въ ней, но подчиняется онъ власти не потому, что не можетъ не подчиняться, а потому, что самъ хочетъ этого для достиженія своихъ духовныхъ цѣлей. Когда же власть принуждаетъ людей поступать противно тому христіанскому ученію, во имя котораго они подчинились власти, люди перестаютъ подчиняться. И вотъ въ этомъ то и состоитъ начинающаяся теперь русская революція.

¹ В копии исправлено: при русскихъ самодержцахъ, начиная отъ Иоанна IV до Александра III. Впоследствии вместо Александра III написано: Николая II

² В копии исправлено: насилій, совершавшихся Иоаннами, Петрами,

Но если это такъ, то для чего же люди, считающіе власть зломъ, обрекли и обрекаютъ на зло своихъ братьевъ? — скажутъ на это. Отвѣтъ на это тотъ, что люди, руководящіеся въ жизни христіанскими требованіями, не нуждаются въ насильнической власти, не учреждаютъ ее, но терпятъ ее, когда она возникаетъ какъ насиліе воровъ и грабителей, такъ же какъ и насилія тѣхъ, которые совершаютъ насилія подъ предлогомъ прекращенія насилій воровъ и грабителей. Люди христіанскаго духа не имѣютъ никакихъ средствъ остановить насиліе, какое бы оно ни было, — насиліе воровъ, грабителей, завоевателей, правителей. Одно, что могутъ сдѣлать люди, желающіе не нарушать христіанской жизни, — это то, чтобы устраниваться отъ всякаго насилія, въ случаѣ же невозможности устраниенія — терпѣливо переносить его.

〈Такъ что истинный христіанинъ, какъ по отношенію къ частному человѣку-грабителю, не можетъ поступить иначе, какъ такъ, какъ поступилъ у Гюго вымышленный епископъ съ Жанъ Вальжаномъ и какъ поступилъ съ воровкой невымышленный Сютаевъ, прибавивъ еще теплую одежду къ той, которую она унесла у него, и какъ много разъ поступали съ ворами христіанскаго духа люди. Такъ и по отношенію насилія правительствъ, требующихъ податей или службы, христіанинъ не можетъ поступить иначе, какъ такъ, чтобы пройти двѣ версты съ тѣмъ, кто требуетъ отъ тебя пройти съ нимъ одну.〉

Люди христіанскаго духа не обрекаютъ другихъ на власть, а только предпочитаютъ перенесеніе насилія участію въ немъ. И такъ поступалъ всегда, поступаетъ и теперь русскій народъ. И не потому, чтобы не могъ принимать въ ней участіе, чему хотятъ научить его либералы, или не могъ свергнуть ее, чему хотятъ научить его революціонеры, а потому, что свободно всегда въ своемъ большинствѣ предпочитаетъ участію въ насиліи подчиненіе ему. Но такъ какъ подчинялся и подчиняется народъ насилію власти не по безсилію (сила вся въ немъ), а свободно, для достиженія цѣли свободной отъ грѣха власти жизни, то естественно, что можетъ онъ подчиняться только до тѣхъ поръ, пока подчиненіе это достигаетъ той цѣли, ради которой онъ подчиняется, — возможности христіанской жизни. Когда же дѣйствія власти принуждаютъ его къ поступкамъ противнымъ христіанской жизни или лишаютъ его возможности вести такую, то хотя онъ и можетъ еще нѣкоторое время по инерціи и производимому надъ нимъ внушенію продолжать подчиняться власти, хотя она и нарушаетъ его требованія христіанской жизни, но подчиненіе это неизбѣжно должно прекратиться, какъ только большинство народа пойметъ, что подчиненіе власти лишаетъ его того, во имя чего онъ подчинялся. И я думаю, что въ настоящую минуту отношеніе русскаго народа къ власти именно та-

ково, что русскому народу становится или уже стало вполне ясно, что ему не зачѣмъ подчиняться власти. Онъ отдавалъ власть правительству для того, чтобы оно не мѣшало ему жить христіанской жизнью, а теперь именно эта власть прямо съ двухъ сторонъ лишаетъ его этой возможности, и потому онъ вынужденъ, не можетъ не перестать повиноваться. Въ этомъ начинающаяся теперь великая русская революція.

* № 11.

Вслѣдствіи ли того, что большинство русскаго народа жило и живетъ земледѣльческой жизнью, въ которой легче осуществляется жизнь, согласная христіанскому ученію, или отъ того, что русскіе, начавъ читать Евангеліе на понятномъ языкѣ, на нѣсколько сотъ лѣтъ раньше другихъ народовъ и потому больше другихъ проникались его ученіемъ, среди русскаго народа, больше, чѣмъ среди какого-либо другого народа, было распространено не богословское христіанство, а христіанскій духъ братства, равенства, любви, смиренія, покорности волѣ Божьей. Какъ ни старалось правительство заслонить это христіанское мировоззрѣніе русскаго народа, православно-государственнымъ ученіемъ, христіанскій духъ живъ и продолжаетъ жить во всемъ сѣромъ русскомъ рабочемъ народѣ. въ огромномъ большинствѣ его. Поддержанію этого духа содѣйствовали и содѣйствуютъ подвижники-старцы въ монастыряхъ, странники строгой жизни, монахи и монашки православныхъ монастырей и въ особенности такъ называемые сектанты, почти всѣ горячо вѣрующіе въ христіанскую истину люди, несогласные съ существующимъ нехристіанскимъ устройствомъ жизни и отыскивающіе и устанавливающіе новые формы христіанской жизни.

* № 12.

Прежде бывшая насильственная власть правительства стала не только не нужна, но вредна для жизни общества. Какъ одновременно слабнетъ и распадается ненужная уже оболочка зерна и бухнетъ проростающее зерно, какъ при разросшейся живой изгороди становится ненужной, мѣшающей полусопрѣвшая, оберегавшая изгородь деревянная ограда, такъ и при той революціи, которая теперь должна совершиться въ Россіи, должны разрушиться государственныя насильственныя учрежденія не силою, а неповиновеніемъ имъ вслѣдствіи ихъ ненужности.

* № 13.

И потому все то, что дѣлаютъ теперь, думая содѣйствовать революціи, всѣ тѣ городскіе, не земледѣльческіе классы, которые, подражая европейской революціи, ходятъ съ знаменами по улицамъ, требуя разныхъ льготъ, собираются въ союзы, требуя правъ, учреждая и придумывая будущія формы правленія, не говоря уже о тѣхъ несчастныхъ, заблудшихъ людяхъ, которые

совершаютъ смертоубійства, думая этимъ служить освобожденію народа, — всѣ эти люди не только не содѣйствуютъ имѣющей совершиться и совершающейся великой русской революціи, но гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ правительство (они, сами не зная того, самые вѣрные помощники правительства), вредятъ ей, останавливаютъ ея ходъ, тормозятъ ее и дѣлаютъ все то, что должно погубить ее.

* № 14.

Всякій христіанинъ не могъ не знать и не чувствовать, что по исповѣдуемому имъ закону смиренія, кротости, прощенія, любви къ врагамъ онъ долженъ покоряться всякому насилию, но не могъ самъ совершать насилия и участвовать въ нихъ. Какимъ же образомъ большинство христіанъ было доведено до того, что совершили насилия, убійства христіанъ надъ христіанами, не считая такіа дѣла противными своему исповѣданію? Приведены къ этому христіане были цѣлой системой религіозныхъ и правительственныхъ обмановъ. Однимъ изъ обмановъ было приписываніе особеннаго, сверхъестественнаго религіознаго значенія лицамъ, облеченнымъ властью. Такъ это было у Римлянъ, такъ это завелось и у христіанъ. Другими самыми дѣйствительными и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми удивительными средствами обмана была присяга, т. е. клятва на томъ самомъ Евангелии, въ которомъ запрещена клятва, въ повиновеніи правительству во всемъ (съ убійствами включительно), что оно прикажетъ. Третьимъ обманомъ, включившимъ въ себя оба первыхъ и стчаси замѣнившихъ два первыхъ, было возведеніе понятія государства въ вѣчто стоящее выше всякаго другого и, слѣдовательно, божескаго закона. Когда первый обманъ помазанія царей, святость ихъ личности и обязательность рабскаго повиновенія ихъ священной особѣ стали ослабѣвать, народъ пересталъ вѣрить въ нее, власть держалась на обманѣ клятвы, присяги. Когда сталъ понемногу обличаться и этотъ обманъ, крѣпнувшій подъ защитой двухъ обмановъ, обманъ святости, величія государства, отечества, народности, замѣнилъ первый.

Правительство, пользуясь покорностью своихъ подданныхъ, захватывало подъ свою власть все большее и большее количество иногда совершенно чуждыхъ народовъ и, соединивъ своей властью во единое государство, внушало всѣмъ этимъ соединеннымъ людямъ выгоду и величіе этого соединенія. И люди, воспитанные съ дѣтства въ уваженіи и преданности къ искусственному соединенію государства, Россіи, Франціи, Британіи, Австріи, силой, удерживаемой въ этомъ соединеніи, гордились своей принадлежностью къ нему, считали служеніе этому соединенію и повиновеніе тѣмъ или тому, кто стоялъ во главѣ этого соединенія, высшимъ закономъ. Происходилъ ложный кругъ: слѣдствие было причиной и причина слѣдствіемъ. Понятіе отечества раз-

рушало истинное христіанство, отсутствіе христіанства усиливало вѣру въ отечество.

И люди европейскаго міра видятъ всѣ бѣдственность своего положенія, видятъ безвыходность того пути, по которому идутъ, но не могутъ рѣшиться остановиться и вернуться назадъ, чтобы начать идти по вѣрной дорогѣ съ того мѣста, съ котораго они сбились съ нея. Они видятъ бѣдственность своего положенія, но не хотятъ вернуться, признать, что почти все, что они надѣлали и чѣмъ такъ гордятся, ненужное и вредное. Имъ хочется, не сбрасывая съ себя той тяжести, которая загубила ихъ, выбраться изъ той трясины, въ которой они завязли.

И потому ищутъ они спасенія никакъ не въ сверженіи тѣхъ идоловъ, которымъ поклоняются, и не въ возобновленіи высшаго религіознаго человѣческаго закона, а одни въ колониальной пошлѣнѣ, другіе въ прибрѣтеніи рынковъ, то въ захватѣ чужихъ земель, третьи въ борьбѣ между собою и потому въ безумномъ милитаризмѣ, четвертые, какъ послѣднее спасительное средство въ еще болѣе безумномъ, чѣмъ милитаризмъ, социализмѣ, который, если бы когда-нибудь былъ осуществленъ, лишилъ бы ихъ послѣдняго остатка свободы. Главное же — всѣ ищутъ спасенія въ суетѣ, въ томъ зайцѣ, какъ говоритъ Паскаль, который не нуженъ охотникамъ, но ловля котораго необходима ему для того, чтобы забыть очевидную бѣдственность своего положенія.

Не видятъ же они того, что, казалось бы, такъ ясно должно бы представляться имъ, во 1-хъ, потому, что народы ихъ уже давно оторваны отъ земли и потому находятся въ полной зависимости отъ правительствъ, во вторыхъ, и главное, потому, что они, воображая устроить свою свободу, устроили себѣ такое правительство, въ которомъ они всѣ участвуютъ, т. е. несутъ всю отвѣтственность участія въ правительствѣ, не пользуясь выгодами, въ 3-хъ, такъ много, съ такимъ усердіемъ и трудомъ надѣлано дурного и вреднаго, скрывающаго отъ нихъ истину и несомнѣнимаго съ истиной то, что они называютъ истинной культурой, цивилизаціей, что имъ отказъ отъ всего того, что такъ долго составляло ихъ гордость, кажется имъ невозможнымъ самоубійствомъ, и, въ 4-хъ, главное, потому, что то единственное могущее спасти ихъ религіозное ученіе такъ извращено, затоптано, загажено ими, что поставить въ основу своей жизни это религіозное ученіе представляется имъ совершеннымъ безуміемъ. И вотъ потому они придумываютъ все возможное для избавленія себя отъ мучительнаго и угрожающаго еще худшими бѣдствіями положенія, но только не то одно, что можетъ спасти ихъ.

* № 15.

Вы говорите, цивилизація великое благо. Прекрасно, я готовъ согласиться съ вами. Все прекрасно — и динамитъ, и телефоны, и электрическіе двигатели, и Лондонъ, и Парижъ.

Но я говорю, что прежде чѣмъ мнѣ заботиться объ этихъ продуктахъ цивилизаціи, мнѣ надо позаботиться о своей жизни, и вотъ я устраиваюся на землѣ, борясь только съ природою, а не съ людьми, и живу. Если цивилизація при этой моей жизни не нарушаетъ моихъ нравственныхъ требованій, прибавитъ мнѣ благо, я очень радъ и беру ее, но если, для того чтобы мнѣ имѣть паровой плугъ, нужно, чтобы былъ Нью-Йоркъ съ милліонами изуродованныхъ людей, то я лучше останусь съ лопатой. Я и лопатой могу кормиться.

* № 16.

Революція, предстоящая русскому народу, должна состоять въ освобожденіи себя отъ повиновенія насилію. Русскій народъ считалъ и считаетъ болѣе нравственнымъ, болѣе свойственнымъ человѣческому достоинству подчиняться безъ борьбы насилію, терпѣть его, чѣмъ принимать участіе въ немъ. Но вслѣдствіи неопредѣленности границы между подчиненіемъ насилію, терпѣніемъ его и повиновеніемъ ему, участію въ немъ и вслѣдствіи сложныхъ ухищреній правительствъ (клятва, религіозное освященіе власти), старавшихся скрыть это различіе, русскій народъ перешолъ границу подчиненія насилію, терпѣнія его и сталъ повиноваться правительству, сталъ участникомъ его дѣлъ насилія. И зайдя въ этомъ повиновеніи такъ далеко, что нравственная жизнь стала для [него] невозможной, русскій народъ долженъ понять различіе между подчиненіемъ и перенесеніемъ насилія и повиновеніемъ ему, участіемъ въ немъ. И, понявъ это, долженъ, продолжая подчиняться насилію и безъ борьбы [и *неразобр.*], отказаться отъ повиновенія власти, приведшей его къ участію въ грѣхѣхъ насилія. Въ этомъ сущность предстоящей всемірной революціи, имѣющей совершиться теперь въ Россіи. Скажутъ: различіе между подчиненіемъ и повиновеніемъ неопредѣленны, и трудно разграничить ихъ. Это несправедливо: предѣлы очень ясны для всякаго свободнаго отъ предвзятыхъ идей, суевѣрій человѣка. Предѣлы эти весьма ясно опредѣляются сейчасъ, теперь, въ настоящемъ положеніи русскихъ людей: идетъ война съ Японіей, предвидится мпръ, который будетъ стоить русскимъ людямъ милліарды рублей на контрибуцію и на возобновленіе флота и арміи. Какъ должны отнестись къ этимъ явленіямъ люди, понимающіе различіе между подчиненіемъ и повиновеніемъ?

Вы требуете меня въ войско, я не повинуюсь, потому что считаю всякую войну, и эту въ особенности, грѣховнымъ дѣломъ, но вы силою берете меня, посылаете въ Харбинъ или еще куда. Я безъ борьбы подчиняюсь и терплю все, чѣмъ вы меня мучаете, но не повинуюсь ни до солдатства, ни будучи зачисленъ въ солдаты. Тоже и по отношенію податей: вы требуете съ меня денегъ на контрибуцію, на вооруженіе, я не повинуюсь и не даю ихъ,

но подчиняюсь безъ борьбы, когда вы обираете меня, отнимаете отъ меня плоды моихъ трудовъ. Тоже и во всѣхъ другихъ дѣлахъ.

* № 17.

«Но если у насъ не будетъ царя, правительства, придутъ чужіе народы и завоюютъ насъ».

Какіе же это народы придутъ завоевать васъ, когда они узнаютъ, что вы живете на общей всѣмъ землѣ, не даете солдатъ и не воюете ни съ кѣмъ и не платите никакихъ податей, кромѣ тѣхъ, какія сами на себя накладываете для общественныхъ дѣлъ? Если только вы станете жить такъ, чужіе народы не только не придутъ завоевывать васъ, но переймутъ ваше устройство и присоединятся къ вамъ.

* № 18.

Революція только тогда можетъ совершиться и только тогда благотворна, когда она разрываетъ тѣ узы, которыя связываютъ людей, заставляя ихъ страдать, и когда, уничтожая идоловъ, которымъ прежде поклонялось человечество, приближаетъ человечество къ тому благу, къ которому оно всегда стремится. Узы, связывающія теперь народы, это насиліе власти. Идолы, которымъ жертвуютъ теперь люди своимъ благомъ и свободой, — это идолы воображаемаго единаго государства — отечества. Благо, къ которому приближаетъ настоящая революція, — это благо истинной свободы и замѣна общенія людей одного государства, поддерживаемаго насиліемъ, общеніемъ всемірнымъ, основаннымъ на разумномъ согласіи.

* № 19.

Обыкновенно предполагаютъ, что общественный порядокъ и спокойствіе людей держится только на насиліи власти, но вѣдь это совершенно неправда. Утвержденіе это подобно тому, которое сдѣлалъ бы здоровый человѣкъ прежняго поколѣнія о томъ, что онъ чувствуетъ себя сильнымъ и здоровымъ только потому, что каждый годъ на молодую мѣсяцъ выпускаетъ изъ себя нѣсколько чашекъ крови. Онъ силенъ и здоровъ несмотря на то, что безъ надобности пускаетъ кровь. Такъ и люди живутъ въ кое какомъ очень сомнительномъ спокойствіи и порядкѣ не потому, что повинуются насилію, а несмотря на то, что терпятъ насиліе и повинуются ему.

* № 20.

Тоже, что при прекращеніи повиновенія и разрушенія существующаго порядка, основаннаго на насиліи, будутъ, могутъ

быть безпорядки, буйства, насилія, то это никакъ не доказываетъ того, что существующій порядокъ былъ хорошъ. Революція состоитъ въ замѣнѣ худшаго порядка лучшимъ. И замѣна эта не можетъ совершиться безъ внутренняго потрясенія, но потрясенія временнаго. Замѣна же дурного порядка лучшимъ есть неизбѣжный и благотворный шагъ впередъ человѣчества.

* № 21.

Но какъ, какже, какъ въ томъ обществѣ, гдѣ люди перестанутъ признавать законность насилія, какъ въ томъ обществѣ будутъ относиться къ людямъ, которые пришли въ семью грабить, развратничать, убивать?

Отвѣтитъ на этотъ вопросъ можно только тѣмъ, что люди, отказавшіеся отъ насилія и не повинующіеся насилію, какъ и всегда всѣ люди, будутъ находиться въ разныхъ степеняхъ признанія истины и будутъ различно относиться къ совершаемымъ надъ ними насиліямъ. Будутъ такіе, которые, несмотря на признаніе незаконности насилія, будутъ всетаки по слабости отдаваться старой привычкѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограждать себя насиліемъ, будутъ, отдаваясь непосредственному животному чувству, отвѣчать насиліемъ на насиліе, будутъ и такіе, которые только въ рѣдкихъ случаяхъ будутъ употреблять насиліе, для огражденія себя и своихъ близкихъ, наконецъ и такіе, которые всегда будутъ переносить насиліе, никогда не совершая его. Трудно, чтобы люди, воспитанные въ строжайшемъ поддерживаемомъ насиліемъ, незаконностью, неразумностью насилія, во всѣхъ случаяхъ воздерживались отъ насилія.

Но если только и тѣ, и другіе, и третьи, будутъ признавать незаконность, ненужность насилія и не будутъ повиноваться власти, требующей насилія, не будутъ признавать незаконной власти, то это одно признаніе въ корнѣ отъ основанія до вершины замѣнитъ весь строй теперешняго общества и, несомнѣнно, никакъ не увеличитъ, а навѣрное уменьшитъ зло тѣмъ, что будетъ называть зло зломъ, а не возвеличивать и обож[ествлять] его.

* № 22.

И люди христіане, продолжая жпть по прежнему, не только не признали разумность и законность подчиненія безъ борьбы и неразумность и незаконность повиновенія насилію, но какъ разъ обратно: признали неразумность и постыдность подчиненія безъ борьбы и разумность и законность повиновенія. И, живя такъ, христіанскіе народы продолжали дѣлать то, что дѣлали нехристіанскіе и все больше и больше запутывались въ противорѣчіяхъ христіанства и насилія. И дошли наконецъ до всѣхъ тѣхъ ужасовъ и нелѣпостей, которые переживало и переживаетъ человѣчество: до военной власти главы христіанскаго міра —

папы, до благословенія войны, до костровъ, висѣлицъ, электрической казни, до провозглашенія братства или смерти, до христіанскихъ милліардеровъ, не знающихъ, куда дѣвать свои деньги, и милліоновъ рабочихъ, не знающихъ, чѣмъ кормить свои семьи, до превращенія христіанскихъ народовъ въ вражескія войска, отдающіе всѣ свои силы на вооруженіе другъ противъ друга и готовыхъ всякую минуту растерзать другъ друга.

* № 23.

Мы такъ привыкли къ тому рабскому состоянію, въ которомъ находимся, что намъ кажется совершенно естественнымъ то, что должно бы повергнуть въ величайшее недоумѣніе и удивленіе всякаго истинно свободнаго человѣка. Кто то такой, не Богъ, а человѣкъ, люди, велѣли, чтобъ я платилъ кому то каждый годъ столько то денегъ, чтобы, покупая желѣзо, керосинъ, водку, сахаръ, я кому то за что то платилъ деньги, кто то велѣлъ, чтобы я на границѣ платилъ столько то денегъ за товаръ, который получу и который отвезу. Кто то велѣлъ, чтобы я сына своего отдалъ въ кѣмъ то устроенную школу и потомъ отдалъ бы его въ солдаты, и т. д. и т. д. Кто же этотъ кто то такой, котораго я долженъ слушаться? Въ однихъ мѣстахъ мнѣ говорятъ, что это царь и что поэтому я долженъ дѣлать все то, что отъ меня хочетъ этотъ царь, котораго я не знаю, а можетъ быть, и знаю и презираю. Развѣ это не самое постыдное рабство, если я повинуюсь, да еще въ такихъ дѣлахъ, которыя противны моей совѣсти?

Въ другихъ же мѣстахъ мнѣ говорятъ, что все это я долженъ дѣлать, потому что я самъ хочу этого.

Всего этого требуетъ человѣкъ, котораго выбралъ тотъ человѣкъ, котораго я выбиралъ. И тотъ, котораго я выбиралъ, и тотъ котораго тотъ выбиралъ, — всѣ они люди, человѣки, подверженные соблазнамъ, слабостямъ, и я долженъ только вѣрить, что я хочу всего того, что они мнѣ велятъ. Едва ли это не еще худшее рабство, худшее потому, что съ обманомъ.

Главное же — мнѣ нѣтъ никакой надобности повиноваться никому. Я могу согласиться съ товарищемъ, съ товарищами и исполнять то, что мы рѣшили. Если же я не согласенъ, я не буду исполнять. Они могутъ заставить меня, но я не хочу и не вижу нужды повиноваться кому бы то ни было. Не вижу нужды повиноваться кому бы то ни было, главное, потому, что если только я признаю, что я долженъ и буду всегда повиноваться не себѣ, а другому, я лишаюсь своего главнаго человѣческаго свойства, и я могу быть принужденъ дѣлать то, что противъ моей совѣсти, признаваемому мной высшему закону. Такъ что повиновеніе другому, повиновеніе власти есть всегда отреченіе отъ своего человѣческаго достоинства, есть отреченіе отъ высшаго закона, отъ Бога. Такъ что смыслъ революціи, пред-

стоящей теперь человечеству, есть восстановление утраченнаго людьми христіанскаго мира человѣческаго достоинства и признанія какого-либо единаго высшаго закона.

Отъ этого то я и думаю, что революція, которая предстоитъ намъ, есть самый великій переворотъ, который на нашей исторической памяти переживало человечество.

* № 24.

«Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить; пока — говоритъ Герценъ полстолѣтія тому назадъ — большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину, — и тогда она ихъ не тѣснитъ; но когда они однажды поняли, что ихъ истина вздоръ, дѣло кончено, тогда только силою можно заставить дѣлать то, что человѣкъ считаетъ нелѣпымъ». И большинство народа начинаетъ догадываться, что то, что такъ высоко цѣнится тѣми, кому оно выгодно, есть только привнакъ порабощенія большинства народа.

* № 25.

Подати, солдатство, ростъ городовъ, пролетаріатъ, вырожденіе людей не только тѣлесное, но душевное, нравственное, все только отъ этихъ ужасныхъ идоловъ государства, отечества, вѣру въ которые, т. е. ужасное суевѣріе необходимости и святости этихъ идоловъ всѣми силами поддерживаютъ правящіе классы, такъ какъ все ихъ благосостояніе, возможность рабощать народы, жизнь его трудами — основаны на этомъ ужасномъ суевѣрїи.

* № 26.

Какъ будутъ жить безъ государства и правительства? Да точно такъ, какъ живутъ люди теперь, только безъ всѣхъ тѣхъ волей, которые несутъ люди теперь отъ государственной власти. Говорятъ, люди передерутся безъ этой власти. Но это неправда: люди живутъ мирно не потому, что есть власть, а потому, что они всѣ знаютъ, что выгоднѣе такъ жить. И люди, особенно люди, живущіе земледѣльческой жизнью, живутъ поколѣніями безъ надобности въ какомъ бы то ни было начальствѣ. Если же среди нихъ являются разбойники, воры, то никакое правительство никогда не уничтожало разбойниковъ и воровъ. Они есть при всякомъ правительствѣ. И удерживаютъ людей — всѣ это знаютъ — не войска, жандармы и суды, а добрые нравы.

А ничто не развращаетъ такъ добрые нравы, какъ войско, жандармы и суды.

* № 27.

«Но люди не могутъ отказаться отъ тѣхъ благъ, которыя приобрѣтаются болѣе широкимъ общеніемъ, чѣмъ мірскія сходки, обслуживающія только вопросы деревни, — скажутъ на это. — Людямъ нужна заводская промышленность, и пути сообщенія, и почты и телеграфы, и учебныя заведенія, и библіотеки». Но почему же предполагать, что всѣ тѣ необходимыя для людей соединенія, какъ промышленныя заведенія, пути сообщенія, просвѣтительныя учрежденія, не могутъ иначе возникнуть, какъ только посредствомъ государственнаго насилія?

Люди могутъ и безъ правительственнаго насилія, какъ они это и теперь дѣлаютъ, вступать въ необходимыя для нихъ соединенія и безъ насилія, по добровольному соглашенію, устанавливать всѣ тѣ учрежденія, которыя нужны имъ, какъ торговыя, промышленныя, художественныя, научныя, международныя соединенія. И добровольно сложившіеся такія соединенія будутъ исполнять, какъ это и происходитъ во многихъ дѣлахъ и теперь, все то, даже и гораздо больше того, что исполняютъ правительственныя учрежденія, съ той только разницей, что соединенія насильническія, возникшія изъ сложной игры насилія,¹ держатся только до тѣхъ поръ, пока держится насиліе, и распадается, какъ только оно прекращается.

Соединенія же добровольныя, идущія отъ мелкихъ единицъ и слагаясь сообразно съ интересами торговыми, земледѣльческими, путей сообщенія, научными или другими, не нуждаются въ насиліи и держатся до тѣхъ поръ, пока они нужны и удовлетворяютъ желаніямъ соединившихся.

¹ *Зачеркнуто:* подобны деревяннымъ посудамъ, бочкамъ, сдерживаемымъ обручами.

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ЕДИНСТВЕННОЕ ВОЗМОЖНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА».]

* № 1.

Говоря о такомъ разрѣшеніи земельного вопроса, я становлюсь на точку зрѣнія правительства, полагающаго своей обязанностью вводить силою признаваемые имъ полезными преобразованія, какъ въ свое время было правительствомъ совершено освобожденіе крестьянъ. При теперешнемъ положеніи общества я не могу себѣ представить другого болѣе дѣйствительнаго средства успокоенія общества и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе необходимаго въ наше время прекращенія вопіющей и сознаваемой всѣмъ стомилліоннымъ русскимъ народомъ несправедливости частной земельной собственности. И потому не могу достаточно надивиться слѣпотѣ какъ правительственныхъ дѣятелей, такъ и думскихъ руководителей различныхъ партій, не могущихъ или не хотящихъ видѣть того, что земельный вопросъ по важности своей относится ко всѣмъ другимъ вопросамъ какъ девяносто девять къ одному и что одно разрѣшеніе этого вопроса, уничтоживъ много несправедливости, одно можетъ теперь успокоить русское общество».

* № 2.

Приведеніе въ исполненіе этого проэкта не должно вызвать никакихъ волненій въ обществѣ, такъ какъ если налогъ на землю и нарушитъ интересы малаго числа землевладѣльцевъ, то этотъ же налогъ возстановитъ вѣками нарушенную несправедливость лишенія всего народа его права на пользованіе землею и безпошлиннаго пользованія произведеніями своего труда. Кромѣ того, неизбѣжныя невыгоды, которыя потерпятъ землевладѣльцы, могутъ быть отягчены тѣмъ, что налогъ на землю, замѣняющій подати, будетъ вводиться постепенно и постепенно увеличиваться.

* № 3.

Введение теперь проекта единого налога в России может спасти ее от величайших бедствий, вызываемых партийным, неразумным обращением людей с этим вопросом, имѣющимъ первостепенную важность не только для России, но и для всего мира.

Дѣло не въ томъ, чтобы надѣлать землею крестьянъ, и не въ томъ, чтобы отнять или не отнять ее отъ удѣловъ, монастырей, помѣщиковъ, не въ томъ, чтобы начать социалистическое устройство или удержать монархическое или такое или иное конституционное правительство, а только въ томъ, чтобы развязать давнишній грѣхъ, старую несправедливую жестокость, сознаваемую всѣмъ народомъ.

Только въ такомъ уничтоженіи такихъ несправедливостей оправданіе существованія правительства. И потому явно, что правительство, пока оно существуетъ, уничтожить эту вопіющую несправедливость, такъ же какъ оно уничтожило крѣпостное право.

Но мало того что въ этомъ прямая обязанность правительства, пока оно существуетъ, въ этомъ одномъ спасеніе не только его, правительства, но всего народа отъ величайшихъ, уже начинающихся и допущенныхъ бедствий и, главное, правительственного развращенія.

Не частное, для одного сословія, временное, съ разными сложными мѣрами отчужденія, фондовъ, банковъ, выкуповъ, переселеній и т. п. разрѣшеніе земельного вопроса можетъ успокоить народъ, а только признаніе неправды, грѣха, исключительнаго владѣнія землей какъ милліонера, такъ и крестьянина, только такое разрѣшеніе, основное и нравственное, можетъ успокоить проснувшееся смутное сознаніе какой-то неправды, въ которой живетъ народъ и которую власти нехотятъ исправить.

* № 4.

Но мало того что разрѣшеніе земельного вопроса посредствомъ введенія Единого Налога есть самое справедливое рѣшеніе вопроса, введеніе Единого Налога есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая практичная мѣра, представляющая при своемъ введеніи наименьшія затрудненія и нарушенія интересовъ людей, если только мѣра эта будетъ вводиться постепенно. Нѣтъ надобности сразу обложить всѣ владѣльческія земли въ полномъ размѣрѣ ихъ стоимости. Замѣна податей и налоговъ Единымъ налогомъ можетъ быть совершена впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, такъ что владѣльцы земли будутъ имѣть возможность понемногу безъ большихъ потерь освободиться отъ своихъ излишковъ землевладѣнія.

При такомъ устройствѣ люди, владѣющіе землей, не представляющей никакихъ особенныхъ выгодъ, и на которую нѣтъ

охотниковъ, такъ же, какъ и люди не владѣющіе никакой землей, а занятые промышленностью или другими дѣлами, не платили бы податей и налоговъ, а платили бы только люди, владѣющіе землями, представляющими по своему качеству или положенію особенныя выгоды ихъ владѣльцамъ.

Такъ, черноземныя или лежащія при путяхъ сообщенія, представляя большія выгоды, чѣмъ песчаныя, глинистыя или удаленныя отъ городовъ земли, платили бы и большіе налоги; земли же, лежащія въ городахъ, пристаняхъ, столицахъ, содержащія цѣнныя руды, платили бы еще больше, доходя до тысячъ рублей за сажень.

Такъ что при такомъ устройствѣ какъ землевладѣльцы, такъ и неземлевладѣльцы, не принуждены бы были отдавать часть произведенія своего труда на подати и налоги, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользовались бы всѣми тѣми благами общественнаго устройства, на которое употребляютъ подати и налоги.

* № 5.

Если при этомъ владѣльцы и потерпятъ нѣкоторыя лишенія и несправедливости, думаетъ народъ, то всѣ такія лишенія и несправедливости ничто въ сравненіи съ тѣми лишеніями и несправедливостями, которыя онъ несетъ и несетъ въ продолженіи сотенъ лѣтъ. И потому отнятіе этихъ земель у ихъ владѣльцевъ представляется ему самымъ простымъ, естественнымъ и справедливымъ поступкомъ. И въ томъ, что отнятіе земли отъ владѣльцевъ и раздѣленіе ихъ между всѣми не было бы несправедливо, въ этомъ народъ совершенно правъ. Но не правъ въ томъ предположеніи, что такое отнятіе земли и раздѣленіе между всѣми не только легко, но даже возможно сдѣлать. Всѣ люди должны въ извѣстномъ государствѣ имѣть одинаковое, равное право на всѣ тѣ выгоды, которыя даетъ земля людямъ, работающимъ на ней, и никто не долженъ имѣть права отбирать отъ людей, работающихъ на землѣ, произведенія ихъ труда подъ предлогомъ права собственности на землю или какого либо другого права, но достигнуть этого нельзя захватомъ тѣхъ свободныхъ земель, которыя лежатъ подлѣ малоземельныхъ земледѣльческихъ обществъ.

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ
ЛЮДЯМ. К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ
И НАРОДУ».]

• № 1.

Да, мы теперь стоим на распутьи двухъ дорогъ: одной со всѣми ужасами анархическаго террора, съ концомъ военнаго диктаторства, и другой — мирной и благой, разрѣшающей давнишнюю неправду и ведущей къ новымъ, болѣе справедливымъ формамъ человѣческой жизни. И все это въ вашихъ рукахъ.

Подумайте объ этомъ. Вѣдь не говоря уже о томъ несравнимомъ преимуществѣ избранія пути добра и правды передъ путемъ робкихъ попытокъ насилія и постыдныхъ уступокъ и изворотовъ, — поймите то, что передъ вами только два выхода: съ одной стороны ужасы революціи 93 года, съ казнью Людовика XVI, или 48 годъ съ постыднымъ бѣгствомъ Людовика Филиппа, или ужасы коммуны 71 года; или, съ другой стороны, мирное осуществленіе вѣчнаго и справедливаго идеала народа, во главѣ котораго вы стоите, и указаніе всѣмъ христіанскимъ народамъ того возстановленія справедливости, котораго такъ долго тщетно ожидаютъ всѣ народы. Неужели же можно еще колебаться?

То, что я предлагаю теперь, можно было безпрепятственно сдѣлать три года тому назадъ, и тогда вмѣсто всѣхъ бѣдствій разраженія и позора японской войны уже теперь Россія пользовалась бы полнымъ благоденствіемъ и стояла бы въ дѣлѣ истиннаго прогресса впереди всего человѣчества. Теперь же осуществленіе этого великаго дѣла труднѣе, но пока еще возможно. Но возможно оно или нѣтъ, поймите, что это единственный выходъ изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ вы находитесь и въ которое вы поставили русскій народъ.

Спѣшите, пока еще не поздно.

Примѣчаніе. Въ отданномъ мною въ печать сочиненіи «Конецъ вѣка» я высказываю мысль о томъ, что значеніе совершающейся и предстоящей революціи есть освобожденіе людей

отъ всякой правительственной власти, замѣна насилія свободнымъ и разумнымъ соглашеніемъ. То, что я пишу въ этомъ обращеніи къ правительству, не исключаетъ мысли о томъ, что если бы правительство и избрало тотъ благой путь, который предстоитъ ему, конецъ революціи былъ бы все тотъ же: освобожденіе людей отъ всякой насильнической власти, но въ этомъ случаѣ та же цѣль была бы достигнута безъ тѣхъ злодѣяній и того развѣщанія людей, которыя неизбѣжны при продолженіи правительствомъ того пути самосохраненія и то мелкихъ и постыдныхъ уступокъ, то попытокъ подавить безпорядки военной силой.

* № 2.

Р е в о л ю ц і о н е р ы .

Такъ это для правительства. Что же дѣлаете вы, революціонеры, тѣ, которые боретесь съ правительствомъ? ¹ Вы говорите и многіе изъ васъ наивно думаютъ, что то, что они дѣлаютъ, они дѣлаютъ не для себя, но для какого то будущаго блага какого то народа. Но вѣдь если только вы серьезно оглянетесь на себя и спросите себя о своихъ душевныхъ, внутреннихъ мотивахъ, побуждающихъ васъ къ дѣятельности, вы не можете не увидеть, что мотивы эти или самые ничтожные, мелкіе, тщеславные, почти фیزیологическіе — праздная жизнь требуетъ проявленія дѣятельности — или самые низкіе, гадкіе: тщеславія, честолюбія, зависти даже корысти. И во имя этихъ то мотивовъ что же вы дѣлаете? ²

Разоряете миллионы людей, вызываете братоубійственную бойню, убиваете невинныхъ, добрыхъ людей, дѣтей, людей, исполняющихъ то, что они считаютъ своей обязанностью, главное — раздражаете, озвѣряете людей. И все это или ради тщеславныхъ, честолюбивыхъ цѣлей или смутнаго и лживаго представленія о какомъ то долженствующемъ послѣдовать за этимъ благомъ народа. Вѣдь хорошо поступать такъ людямъ, сознательно достигающимъ своихъ низкихъ цѣлей или малоумнымъ юношамъ и дѣвицамъ, рабски подчиняющимся гипнозу нынче моднаго пѣвца или пьяниста, завтра моднаго революціонера, но людямъ, способнымъ мыслить, стоитъ только на минуту остановиться и спросить себя: что они дѣлаютъ, къ чему можетъ привести ихъ и другихъ эта дѣятельность и по какому праву они берутъ на себя такую страшную отвѣтственность — убійство и озвѣреніе людей, — стоитъ только искренно спросить себя объ этомъ,

¹ Зачеркнуто: боретесь тѣми ужасными средствами: насилія, грабежа, убійства, разоренія, озвѣренія людей

² Зач.: Престительно истратить нѣкоторую часть чужихъ трудовъ, обмануть, присвоить чужую собственность ради тщеславія, правды, корысти, но вѣдь послѣдствія вашей дѣятельности такъ ужасны, что ужаснѣе ничего себя представить нельзя.

чтобы ужаснуться на тѣ нелѣпыя и жестокія поступки, которые безнравственнымъ и малоумнымъ людямъ представляются чѣмъ то высокимъ и самоотверженнымъ.

Среди васъ, революционеровъ, окончательно рѣшено, считается несомнѣнной истиной, что Николай II, его министры и преданный всеобщему позору Треповъ суть злодѣи внѣ закона, для которыхъ нѣтъ достаточно сильнаго наказанія. Люди же, теперь въ Москвѣ стрѣлявшіе изъ оконъ, бросавшіе бомбы въ роты солдатъ, даже тѣ, казалось бы, самые невинные участники революціи, которые съ заряженными револьверами ходили и ходятъ по улицамъ, готовые всякую минуту употребить эти револьверы въ дѣло, — всѣ эти люди не только не считаются преступными, но восхваляются и считаются самоотверженными подвижниками. Но какъ не могутъ быть дурны поступки Николая II и Трепова, для поступковъ этихъ есть если не оправданіе, то смягчающія вину обстоятельства: Николай II — сынъ, внукъ и правнукъ императоровъ, воспитанный въ императорскихъ преданіяхъ, точно также и Треповъ и другіе правительственные дѣятели. Они сыновья такихъ же министровъ и Треповыхъ, воспитанные въ тѣхъ же преданіяхъ и, кромѣ того, совершающіе свои жестокія и преступныя дѣла не единолично, а въ связи съ цѣлыми учрежденіями, въ которыхъ отвѣтственность разлагается на множество лицъ.¹ Но какое оправданіе, какія смягчающія вину обстоятельства можно привести въ пользу тѣхъ людей, которые, не имѣя никакого яснаго представленія о томъ, что выйдетъ изъ ихъ дѣятельности, поступающіе не въ связи съ цѣлыми учрежденіями, не подготовленные къ этому, какъ Николай II, Треповы, длиннымъ, одуряющимъ прошедшимъ, а прямо и дерзко берутъ всю отвѣтственность на себя,² производятъ еще худшія, чѣмъ Треповскія, жестокости и не только не стыдятся ихъ, но считаютъ себя героями? Люди эти смѣло берутъ на себя отвѣтственность за страданія, разореніе, убійства, казни даже, какъ они выражаются, людей, которыхъ они считаютъ для себя вредными.³ Мы называемъ преступникомъ полудикаго человѣка съ омраченнымъ прошедшимъ сознаниемъ, который ради ухарства, корысти совершаетъ убійство, какъ дѣлаютъ это обыкновенные разбойники.⁴ Но что сказать про толпы такъ называемыхъ

¹ *Зачеркнуто:* Поймите, что для этихъ людей есть очень сильное и важное оправданіе въ тѣхъ жестокостяхъ, въ которыхъ они участвуютъ.

² *Зач.:* и стачками, остановкой поѣздовъ производящія рядъ страданій людей ни въ чемъ не виноватыхъ или выходящія съ револьверами на улицу, готовя смертоубійство.

³ *Зач.:* Поймите же, что это не только не подвиги, не только не милые поступки увлеченной и будто бы горячей молодежи, а это есть мерзость, подлость, самое скверное преступленіе, которое можетъ совершить человѣкъ.

⁴ *Зач.:* Я могу понять этого человѣка и испытывать къ нему состраданіе и желаніе помочь ему.

интеллигентныхъ людей,¹ съ револьверами ходящихъ по улицамъ, готовыхъ убивать своихъ ближнихъ?² Имъ кажется, что они совершаютъ подвиги или достойные уваженія и похвалы поступки, свойственные благородному увлеченію милой молодежи. А во сколько тысячъ разъ эти милые люди развращеннѣе и преступнѣе того простого разбойника, который убилъ, чтобы ограбить.

Вы говорите, что дѣлаете это все для народа. Но вѣдь вы сами знаете, что это ложь, что вамъ дѣла нѣтъ до народа. Вы и не знаете и не любите его. Для какого народа? Знаете ли вы тотъ стомилліонный народъ, который живетъ своимъ земледѣльческимъ трудомъ по всей Россіи и не только кормилъ и кормитъ васъ, но вскормилъ предковъ вашихъ и не только не нуждается во всѣхъ тѣхъ мнимыхъ благахъ, которыхъ вы добиваетесь въ своей борьбѣ съ правительствомъ, но даже и не знаетъ, что такое всѣ эти ваши политическія и социалистическія программы. Только представьте себѣ ясно этотъ народъ, который составляетъ одинъ тѣло русскаго народа, и поймите, что вы только вредные паразиты этого тѣла, загнивающіе на немъ и передающіе ему свое гніеніе.³

Подумайте только, живо представьте себѣ жизнь того стомилліоннаго народа, который кормилъ, кормитъ, воспиталъ насъ, подумайте объ этихъ ста милліонахъ людей,⁴ терпѣливо работающихъ и кормящихъ насъ,⁵ и прикиньте къ этимъ людямъ всѣ тѣ реформы, которыхъ вы добиваетесь, и вы увидите, какъ чуждо, несоотвѣтственно жизни этого народа все то, что составляетъ ваши идеалы.

Но нѣтъ, вы не только не думаете этого, но вы вполнѣ увѣрены, что этотъ грубый народъ ничего не понимаетъ и совершенно погибъ бы безъ васъ, что вы его научите уму-разуму и благодѣтельствуете его.

Тотъ паразитный мохъ, который пристроился къ дубу, хочеть научить этотъ дубъ, какъ ему надо питаться и расти.

Вѣдь если не обманывать себя, а прямо взглянуть на то, что дѣлается и во имя чего дѣлается то, что дѣлается, то будетъ ясно для всякаго, что совершающаяся революція, какъ и всѣ революціи бывшія гдѣ бы то ни было, означаетъ только то, что одни люди, находящіеся внизу, хотятъ стать на мѣсто тѣхъ,

¹ Зачеркнуто: освободившихся отъ всякихъ нравственныхъ преградъ.

² Зач.: Я ужасаюсь и не вижу никакой возможности помочь этимъ людямъ. Зло это слишкомъ закоренѣлое, имѣющее слишкомъ далекіе корни.

³ Зач.: Вѣрю, что среди васъ есть добрые, честные, хотя и заблудшіе люди, и вотъ къ этимъ то людямъ и обращаюсь я.

⁴ Зач.: живущихъ вѣчно на краю нужды, голода, вымиранія и вмѣстѣ съ тѣмъ

⁵ Зач.: объ этихъ вымирающихъ дѣтяхъ, измученныхъ матеряхъ, непослнльно работающихъ мужчинахъ, вымирающихъ отъ нужды старикахъ,

которые находятся наверху. Въ этомъ истинная цѣль всякой революціи. Вы же, огромное большинство участвующихъ въ революціи для того, чтобы стать на мѣсто тѣхъ, которымъ нужна революціи для того, чтобы стать на мѣсто тѣхъ, которымъ она столкнутъ съ него. Такъ что если вы вдумаетесь въ то, кѣмъ дѣлается революціи и какія ея послѣдствія ¹ и какъ живетъ и чего хочетъ тотъ народъ, во имя котораго вы будто бы дѣлаете революціи, вы поймете, что то, что вы дѣлаете, не есть только ошибка, но есть глупое и гнусное преступленіе.

* № 2.

Н а р о д ъ .

Что же дѣлать народу, какъ относиться народу, не тѣмъ десяткамъ тысячъ рабочихъ, которые суетятся и мечутся по городамъ, а большому, настоящему, стомилліонному земледѣльческому народу, что дѣлать этому народу, какъ ему относиться къ совершающейся революціи?

Народу прежде всего надо понимать и твердо знать, что насильническая революціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ улучшить его положенія. Всякая власть, держащаяся насиліемъ, озабочена только тѣмъ, какъ въ удержаться въ силѣ, и народъ для нея всегда есть ничто иное, какъ орудіе, которое она употребляетъ для этой цѣли (подати, солдатство). Такъ что насильническое правительство, какое бы оно ни было, — самодержавное, конституціонное, республиканское, — какъ всегда угнетало народъ, такъ всегда и будетъ угнетать народъ. Во Франціи нѣсколько вѣковъ ѣздило на народѣ монархическое правительство со всѣми своими прислужниками, съ 1793 года ѣздитъ съ равными перерывами республиканское правительство, тоже съ своими, большею частью другими, тѣмъ прежде, прислужниками; тоже происходило и происходитъ вездѣ, гдѣ были революціи. ² Тоже самое и было и должно быть съ русскимъ правительствомъ. Пока будетъ правительство, будутъ войска, войны, ³ будутъ подати, будетъ земля не въ рукахъ рабочаго народа. ⁴ Въ республиканскихъ правительствахъ Франціи,

¹ Зачеркнуто: вы увидите, что большой массѣ народа не можетъ быть лучше отъ какой бы то ни было революціи. Понуда будетъ насильническое правительство, народъ будетъ только перемѣнять своихъ властителей и угнетателей, какъ это и происходитъ въ Европѣ и Америкѣ, но не освободится отъ нихъ.

И изъ-за этихъ ничтожныхъ, едва ли осуществимыхъ результатовъ губить жизни людей, свои жизни и совершать величайшіе преступленія! Жизнь — серьезное дѣло. Изъ-за пустыхъ увлеченій, изъ-за фантазій губить свою жизнь — грубая, непростительная ошибка.

² Зач.: Но народу жить не лучше и не можетъ быть лучше до тѣхъ поръ, пока онъ подчиняется правительству.

³ Зач.: какъ японская война,

⁴ Зач.: Народу пора понять это, пора понять ту простую истину, до которой онъ доведенъ горькимъ, многовѣковымъ опытомъ, что пона онъ

Америки, въ конституціонныхъ Англіи, Германіи, Италіи тѣ же вооруженія и войска, тѣ же подати, тѣ же земли въ рукахъ богатей, тѣ же войны, не Японская, такъ Бурская, не Бурская, такъ Филиппинская.

Теперь при всерешающей революціи народу надо не податься тому заблужденію, что перемѣна властителей и угнетателей можетъ улучшить его положеніе. Напротивъ, теперь, при этомъ случаѣ борьбы двухъ: одного стараго и другого новаго, нарождающагося правительства, ему надо понять, что ему не нужно ни то, ни другое.¹ Народу надо понять, что у него есть три великихъ нужды, отъ которыхъ онъ давно страдалъ и страдаетъ: нужда земельная, то, что земля признается собственностью людей, которымъ она не нужна для прокормленія, вторая — подати, т. е. то, что чѣмъ больше онъ зарабатываетъ и улучшаетъ свое положеніе, тѣмъ больше предъявляется ему требованій и отбирается отъ него часть его трудовъ, и третье — солдатство, т. е. то, что всѣ сыновья, которыхъ семья вскормить для своей поддержки, отбираются отъ нея для чуждыхъ ей цѣлей насилія и убійства. Народу надо понять, что теперь настало время и возможность освободиться отъ этихъ трехъ совершенныхъ надъ нимъ неправдъ, и освободиться самымъ простымъ и естественнымъ путемъ: прекращеніемъ повиновенія какому бы то ни было правительству. Народу, въ особенности земледѣльческому народу, надо понять это, понять и сдѣлать это, потому что именно ему, земледѣльческому народу, легче всего сдѣлать это. Онъ одинъ, земледѣльческій народъ, живущій въ мірскомъ устройствѣ, можетъ совершенно свободно отказаться отъ повиновенія правительству и продолжать жить спокойной, упорядоченной жизнью, не нуждаясь ни въ какихъ вышнихъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Понятно, что для этого народу не надо думать о томъ искусственномъ соединеніи, которое называется Россіей, государствомъ Россійскимъ, о томъ, кто будетъ завѣдывать Польшей, Финляндіей, Грузіей, будутъ ли всѣ эти народы считаться Россіей или не Россіей. Тѣмъ, которымъ нужно, чтобы было русское государство, пускай устраиваютъ это, какъ умѣютъ и могутъ, земледѣльческимъ же людямъ этого русскаго государства совсѣмъ не нужно, имъ нужно только жить своей доб-

повинуется власти, власть будетъ гнести его, отнимать отъ него плоды его трудовъ въ видѣ податей, отнимать отъ него сыновей для того, чтобы дѣлать изъ него солдатъ, отнимать у него землю, чтобы ею пользовались не работающіе на ней.

¹ *Зачеркнуто:* и не принимать участія въ борьбѣ, приставаая къ тому или другому, и сейчасъ не содѣйствовать революціонерамъ, не слушать ихъ переговоровъ, не признавать надъ собой власти этого новаго правительства съ ихъ комитетами, союзами и т. п., но точно также не признавать и стараго, борющагося съ ними правительства и не повиноваться ему ни въ борьбѣ противъ революціонеровъ (такъ называемая черная сотня), ни въ прежнихъ требованіяхъ правительства податей и солдатства.

рой, нравственной, трудолюбивой жизнью, пользуясь на равных правах всею землею, не давая никому насильно податей и не отдавая своих сыновей в солдаты. Для того же, чтобы можно было так жить, нужно только одно — не повиноваться никакому правительству.

Такое освобождение от насилья власти и главных золь — податей, солдатства, захвата земель — невозможно для людей городских, ¹ этимъ людямъ необходима власть. Пускай они и повинутся ей. Тѣ же, которые хотятъ жить доброй, свободной жизнью, будутъ жить земледѣльской жизнью и стараться, если они оторваны отъ нея, возвращаться къ ней. Такъ что предстоящая теперь дѣятельность русскаго народа состоитъ никакъ не въ томъ, чтобы участвовать въ революціонныхъ разгромахъ или въ антреволюціонныхъ дѣйствіяхъ вродѣ черной сотни, и никакъ не въ выборахъ и палатахъ и думахъ съ ихъ обманами, подкупами, убійствами, а въ самой простой, всегда возможной, ничѣмъ не удержимой отрицательной дѣятельности — въ неповиновеніи никакому правительству.

Такъ что народу при теперешнихъ обстоятельствахъ жестокой и злой борьбы революціонеровъ съ правительствомъ надо только одно: продолжая свою земледѣльческую жизнь и стараясь все болѣе и болѣе упорядочить ее, не принимать участія ни въ какой насильнической дѣятельности.

Только бы поступалъ бы такъ земледѣльскій народъ, и уничтожились бы сами собой всѣ тѣ бѣдствія, которыя угнетаютъ его, и очень скоро исчезли бы, частью вернувшись къ земледѣлію, тѣ оторванные отъ земли паразитные какъ правительственные, такъ и революціонные люди, и сложилась бы новая мирная жизнь людей, руководящихся не насильемъ власти, а внутреннимъ, свойственнымъ всѣмъ людямъ закономъ добра и правды.

* № 4.

Вѣдь если только вы перестанете обманывать себя, а прямо взглянете на то мѣсто, которое вы, революціонеры, занимаете въ русскомъ народѣ, и на то, что вы дѣлаете, то вамъ будетъ ясно, что ваша борьба съ правительствомъ есть борьба двухъ паразитовъ на здоровомъ тѣлѣ. Если есть какой-нибудь смыслъ въ вашей борьбѣ, то только тотъ, что вы хотите стать на то мѣсто, на которомъ до сихъ поръ было правительство. И потому говорите о своей борьбѣ, о своихъ интересахъ, а не о народѣ, не лгите говоря о немъ и оставьте его въ покоѣ. Ему нѣтъ дѣла до вашей борьбы, потому что онъ знаетъ, что кто бы не одержалъ верхъ, ему отъ этого не можетъ быть ни хуже, ни лучше.

¹ *Зачеркнуто:* и такъ называемой интеллигенціи, гордящейся своимъ оторваннымъ паразитнымъ положеніемъ,

Скорѣе хуже, потому что какъ ни безнравственны люди правительства, люди, не боящіеся на свою одну отвѣтственность брать всѣ ужасы революціи, еще безнравственнѣе. Не приписывайте себѣ значенія борцовъ за народъ. Это неправда. Боритесь съ правительствомъ, если вы не можете удержаться отъ этого, но знайте, что въ этой насильнической борьбѣ не только нѣтъ ничего благороднаго и хорошаго, но эта борьба насиліемъ есть глупое и жестокое и безнравственное дѣло.

* № 5.

Вамъ, крестьянскому, земледѣльческому народу, нужны три дѣла: чтобы земля не продавалась и не покупалась, а была общимъ достояніемъ всѣхъ, второе — чтобы правительство не отбирало отъ васъ ваши заработки податями и пошлинами, и третье еще — чтобы правительство не отнимало бы отъ васъ вашихъ сыновей работниковъ въ солдаты.

Какое же изъ двухъ правительствъ — старое или новое избавить васъ отъ этихъ трехъ неправдъ? На правительство мало надежды. Земельную неправду оно едва ли разрѣшитъ когда-нибудь. Теперь, когда всѣ уже говорятъ о земельной неправдѣ и идетъ жестокая борьба съ революціонерами, правительство сдѣлало только то, что простило половину выкупныхъ платежей и черезъ банки продаетъ земли богатымъ мужикамъ. Такъ что мало надежды на то, чтобы оно (въ особенности потому, что всѣ правительственные люди и самъ царь и его сотрудники — богатые помѣщики) освободило бы васъ отъ земельныхъ захватовъ. Отъ податей старое правительство уже никакъ не освободитъ васъ, потому что оно живетъ податями и на эти подати содержитъ своихъ чиновниковъ и войско. А войско нужно ему и для войнъ съ другими народами и для того, чтобы держать васъ въ покорности.

Такъ что нѣтъ надежды на то, чтобы старое правительство освободило васъ.

Что же обѣщаютъ революціонеры? Революціонеры обѣщаютъ вамъ устроить конституціонную монархію или республику, такую же, какъ въ Европѣ и Америкѣ, въ которой вы посредствомъ выборовъ будете сами писать для себя законы и назначать правителей.

О податяхъ, о томъ, чтобы перестать отбирать насильно заработки у рабочаго народа, революціонеры ничего не обѣщаютъ, а также, какъ и при старомъ правительствѣ, и также, какъ это дѣлается во всѣхъ республикахъ, считаютъ, что народъ долженъ отдавать тѣ подати, какія опредѣлитъ высшее правительство. Также и о войскѣ понимаютъ революціонеры. Они считаютъ, что во всякомъ государствѣ нужно сильное войско и вооруженіе и потому, точно также какъ при старомъ правительствѣ, считаютъ необходимымъ или обязательную службу

для всѣхъ мужчинъ, какъ это дѣлается во всѣхъ европейскихъ государствахъ, или собирать съ народа подати для вольнаго найма, какъ это дѣлается въ Англіи и Америкѣ. Что же касается до земельной неправды, хотя и революціонеры (и не всѣ, а только нѣкоторые изъ нихъ) и обѣщаютъ теперь, пока они не во власти, что земля будетъ отдана рабочему народу, едва ли при новомъ устройствѣ они будутъ въ состояніи исполнить это обѣщаніе. Вездѣ, гдѣ учреждено то самое выборное правительство, которое хотятъ ввести революціонеры: и во Франціи, и въ Швейцаріи, и въ Англіи, и въ Америкѣ земля все также, какъ и въ Россіи, отнята у рабочаго народа. Такъ что также мало надежды и на революціонеровъ, чтобы они могли освободить землю, когда будутъ во власти.)

* № 6.

⟨Люди, собирающіеся въ собранія и произносящіе тамъ рѣчи, имѣющія цѣлью измѣненіе существующаго правительства, часто говорятъ, что они враги насилія и желаютъ достигнуть замѣны существующаго порядка новымъ, мирнымъ путемъ. Тоже часто говорятъ и стачечники и забастовщики. Но говорить такъ могутъ только люди обманывающіе или обманывающіеся. Нельзя мирнымъ путемъ требовать отъ людей, находящихся во власти и считающихъ себя въ правѣ¹ пользоваться этой властью, чтобы они безъ насилія или угрозы его отказались отъ нея.

Такъ что люди, старающіеся замѣнить существующее правительство другимъ, всѣ, какого бы ни было направленія, всѣ всегда опираются на насиліе. И тѣ революціонеры, которые прямо прибѣгаютъ къ насилію, къ борьбѣ оружіемъ, къ убійству, только² дѣлаютъ то, что другіе подразумеваютъ.

Правительство само можетъ измѣнить свое устройство, но извнѣ измѣнить существующее правительство, считающее за собой право и обязанность быть правительствомъ, нельзя иначе, какъ силою. И это самое дѣлаютъ революціонеры — одни скрытно и нечестно, какъ это дѣлаютъ такъ называемые либералы, другіе прямо и открыто преступно, какъ это дѣлаютъ революціонеры — убійцы.)

* № 7.

Какъ бываетъ время, когда ребенокъ не ходитъ самъ и его водятъ на помочахъ, такъ и для народовъ бываютъ времена, когда они не могутъ быть безъ правительства, но какъ для дѣтей приходитъ время, когда они выучиваются стоять и

¹ Зачеркнуто: (и даже своей обязанностью)

² Зач.: правдивѣе

ходить одни, такъ и теперь для народовъ наступаетъ время сойти съ помочей правительствъ и начать стоять и ходить сами собою. Вы же, русскіе люди, самой судьбой приведены теперь къ этому. Вы приведены къ этому и тѣми преступленіями, которыя совершали и совершаютъ люди какъ стараго правительства, такъ и тѣ, которые хотятъ быть новымъ правительствомъ, а также и тѣмъ, что огромное большинство васъ живетъ, удовлетворяя сами себя земледѣльческой жизнью, и еще, и главное, тѣмъ, что въ васъ всегда было живо христіанское начало смиренія и кротости и потому предпочтеніе подчиненія насилію, чѣмъ участія въ немъ.

Вамъ, русскимъ людямъ, выпало на долю великое призваніе осуществить для себя и показать другимъ людямъ, что въ наше время народамъ уже не нужны насильническія правительства и что народы могутъ жить безъ нихъ и миролюбивѣе и безгрѣшнѣе и даже благоустроеннѣе, чѣмъ подъ ихъ властью.

* № 8.

Такъ могутъ поступать только люди вполне развращенные совнательно лучше для достиженія своихъ низшихъ цѣлей, или малоумные юноши, гимназисты, студенты, или истеричныя дѣвицы, рабски подчиняющіеся гипнозу нынче моднаго пѣвца или пьяниста, завтра моднаго революціонера. Но вы, руководители революціи, люди уже не молодые и способные мыслить, во имя чего вы дѣлаете то, что дѣлаете?

Вы говорите, что дѣлаете это для народа, что главная цѣль ваша — благо народа. Но вѣдь это неправда, и вы сами знаете, что это неправда. Все, что вы дѣлаете, вы дѣлаете не для народа, а для себя, по своимъ личнымъ мотивамъ: или изъ честолюбія, желанія занять видное и властвующее положеніе, или изъ тщеславія — хочется отличиться передъ своимъ кружкомъ, или по мотивамъ почти физиологическимъ: праздная, сытая жизнь, требующая проявленія дѣятельности, или желаніе новизны, или простая зависть къ положенію, которое самому хочется занять, или возникшее изъ смутнаго сознанія ложности, незаконности своего положенія желаніе измѣнить его, не измѣняя себя, или недоброе чувство мести правительству, или смутная надежда на то, что улучшится свое личное положеніе вмѣстѣ съ измѣненіемъ существующаго строя. Все, но только не благо народа. Правда, вамъ, лучшимъ изъ васъ, кажется, что мотивы ваши — благо народа, и съ помощью столь несвойственныхъ русскому народу обычныхъ теперь лицемѣрныхъ лживыхъ и пышныхъ фразъ о «любви беззавѣтной къ народу» вамъ легко увѣрить себя въ этомъ. Но серьезно, искренно спросите себя, зачѣмъ вы дѣлаете то, что дѣлаете, и вы увидите, что у васъ нѣтъ не только беззавѣтной, но никакой любви къ народу. Вы говорите, что вы озабочены благомъ народа, на шеѣ котораго

вы сидите и котораго вы знаете только настолько, насколько онъ нуженъ вамъ, чтобы кормить, одѣвать, обстраивать васъ, служить вамъ. Если вы точно озабочены благомъ народа, то первое, главное, что вы должны сдѣлать для его блага, это то, чтобы слѣзть съ него, перестать эксплуатировать и развращать его, оставить его въ покоѣ.

* № 9.

Я помню, какъ при уничтоженіи крѣпостного права не только тѣ, которые страдали отъ этого учрежденія, но и тѣ, которые пользовались выгодами отъ него, почти все съ увлеченіемъ взялись за осуществленіе этого дѣла. То же самое будетъ и съ земельнымъ вопросомъ. Разница только въ томъ, что въ разрѣшеніи вопроса рабства мы имѣли передъ собой образецъ другихъ народовъ; въ этомъ же дѣлѣ мы должны быть сами образцами для другихъ.

Поймите, что, продолжая бороться съ тѣми, съ кѣмъ вы боретесь, тѣми же средствами, которыми борются они съ вами, — обманамъ, лжамъ, насиліями, казнями, ужасными убійствами невинныхъ людей вмѣстѣ съ восставшими, вы не только не спасете себя, а только вѣриѣе губите, набирая на свою голову все новыя и новыя преступленія, которыя все зачтутся вамъ.

* № 10.

Подъ правительствомъ я разумѣю тѣхъ людей, которые; пользуясь установленной властью, могутъ измѣнять существующіе законы и приводить ихъ въ исполненіе. (Въ Россіи до сихъ поръ были и продолжаютъ быть такими людьми: царь и его министры и ближайшіе совѣтники.)

Провозглашаемое основаніе всякой правительственной власти есть только одно: служеніе благу того народа, надъ которымъ оно имѣетъ власть.

Что же дѣлаете теперь вы, правительственные люди Россіи?

* № 11.

Поставьте передъ людьми такой идеалъ, и не для того, чтобы спасти себя, а серьезно и искренно возьмитесь за осуществленіе его, и вы спасете не только себя, но спасете Россію отъ тѣхъ бѣдствій, которые уже наступили и еще угрожаютъ ей.

И такой идеалъ вамъ не надо выдумывать, это давнишній идеалъ всего русскаго народа, идеалъ этотъ есть возвращеніе всему народу — не однимъ крестьянамъ, а всему народу — его естественнаго и законнаго права на землю.

Людямъ, не привыкшимъ мыслить своимъ умомъ, идеалъ этотъ кажется неосуществимымъ, потому что это не есть повто-

реніе того, что осуществлено въ Европѣ и Америкѣ. Но именно потому, что идеаль этотъ нигдѣ еще не былъ осуществленъ, онъ и есть истинный идеаль нашего времени и, кромѣ того, идеаль ближайшій и могущій быть и долженствующій быть осуществленнымъ прежде, чѣмъ среди другихъ народовъ, именно теперь въ Россіи. Загладьте свой грѣхъ добрымъ дѣломъ, поспѣйте, пока вы еще у власти, уничтожить давнюю вопіющую, жестокою несправедливостью частной земельной собственности, которая такъ живо чувствуется всѣмъ земледѣльческимъ народомъ и отъ которой онъ такъ жестоко страдаетъ, — и на вашей сторонѣ будутъ всѣ лучшіе люди, такъ называемая интеллигенція. Съ вами будутъ всѣ искренніе конституціоналисты, которые не могутъ не понять, что прежде чѣмъ призывать весь народъ къ выборамъ представителей, нужно освободить этотъ народъ отъ того земельного рабства, въ которомъ онъ находится. Съ вами же должны будутъ признать себя и социалисты, такъ какъ тотъ идеаль, который они ставятъ себѣ — обобществленіе орудій труда, — достигается прежде всего обобществленіемъ главнаго орудія труда — земли. Съ вами же будутъ и революціонеры, потому что та революція, которую вы произведете освобожденіемъ земли отъ частной собственности, есть осуществленіе одного изъ главныхъ пунктовъ ихъ программы. Съ вами же будетъ, главное, весь тотъ стомилліонный земледѣльческій русскій народъ, который одинъ и представляетъ изъ себя настоящій русскій народъ.

* № 12.

«Но если мы, русскіе люди, сейчасъ же станемъ жить такъ, не повинуюсь правительству, то не будетъ Россіи», скажутъ люди, которымъ кажется, что въ томъ, что есть Россія, т. е. соединеніе многихъ разныхъ народовъ подъ одной властью, есть что-то важное, великое и полезное.

Но вѣдь это соединеніе многихъ разныхъ народовъ, называемое Россіей, не только не нужно вамъ, русскимъ рабочимъ людямъ, но именно въ этомъ соединеніи одна изъ главныхъ причинъ нашихъ бѣдствій.

Если облагаютъ податями и пошлинами васъ и облагали вашихъ предковъ, накопивъ огромные долги, которые вы должны выплачивать, если съ васъ берутъ солдатъ и разсылаютъ ихъ на разные концы свѣта воевать съ людьми, которымъ до васъ и вамъ до которыхъ нѣтъ никакого дѣла, то все это только изъ за того, чтобы удержать эту Россію, т. е. насильственное соединеніе Польши, Кавказа, Финляндіи, Средней Азіи, Манчжуріи и другихъ земель и народовъ подъ одной властью. Но мало того, что отъ этого соединенія, называемаго Россіей, всѣ ваши бѣдствія, — въ этомъ соединеніи и великій грѣхъ, въ которомъ вы невольно участвуете, когда повинуетесь правитель-

ству. Для того чтобы была Россія, та, какая есть, надо держать въ покорности поляковъ, финляндцевъ, латышей, грузинъ, татаръ, армянъ и другихъ. А для того чтобы держать ихъ въ покорности, надо запрещать имъ жить какъ они хотятъ и, если они не слушаются запрещеній, казнить, убивать ихъ. Зачѣмъ же вамъ участвовать въ этихъ дурныхъ дѣлахъ, когда отъ нихъ же ваши бѣдствія? Тѣ, кому нужно, чтобы была эта Россія и владѣла Польшей, Грузіей, Финляндіей и другими землями, пускай устраиваютъ это какъ умѣютъ и могутъ. Вамъ же, рабочимъ людямъ, это совсѣмъ не нужно, а нужно совсѣмъ другое. Вамъ нужно только, чтобы у васъ было достаточно земли, чтобы никто насильно не отбиралъ у васъ вашего имущества и не забиралъ бы вашихъ сыновей въ солдаты и, главное, не принуждалъ бы васъ дѣлать дурныя дѣла. И ничего этого не будетъ, если только вы не будете исполнять разоряющія и губящія ваши тѣла и души требованія правительства.

«Но какъ же устроятся безъ правительства всѣ большія общественныя дѣла, когда всѣ люди будутъ жить отдѣльными обществами? Какъ устроятся пути сообщенія, желѣзныя дороги, телеграфы, пароходы, почта, высшія учебныя заведенія, бібліотеки, торговля, когда не будетъ правительства?»

Люди такъ привыкли къ тому, что правительства завѣдуютъ всѣми общественными дѣлами, что имъ кажется, что и самыя дѣла эти устраиваются правительствами и что безъ правительства нельзя устроить ни высшія школы, ни пути сообщенія, ни почты, ни бібліотеки, ни торговныя сношенія. Но это неправда. Самыя большія общественныя дѣла не только въ одномъ народѣ, но среди разныхъ народовъ устраиваются безъ помощи правительствъ частными людьми. Такъ устроены всякаго рода международные, ученые, торговые, промышленные союзы. Правительства не только не помогаютъ такимъ, по добровольному согласію устраиваемымъ союзамъ, но, вступая въ такія дѣла, всегда мѣшаютъ имъ.

* № 13.

Но освобожденіе это для народовъ, большинство которыхъ оставило земледѣльческую жизнь и живетъ промышленной городской жизнью, пользуясь трудами другихъ народовъ, представляется особенно труднымъ. Такое освобожденіе вырабатывается среди нихъ посредствомъ социализма. Вамъ же, русскимъ рабочимъ, живущимъ преимущественно земледѣльческой жизнью и самимъ удовлетворяющимъ своимъ нуждамъ, освобожденіе это особенно легко. Правительство для васъ уже давно составляетъ не необходимость, даже не удобство, а великую, ничѣмъ не выкупаемую тяжесть и бѣдствіе.

Правительство, только правительство своей властью отнимаетъ у васъ землю, только правительство отбираетъ отъ васъ

податями и пошлинами большую часть того, что вы своимъ трудомъ приобретаєте, только оно лишаетъ васъ трудовъ вашихъ сыновей, забирая ихъ въ солдаты и посылая ихъ на убійства.

Правительство вѣдъ не есть такое же отъ Бога установленное необходимое условіе человѣческой жизни, какъ воздѣлываніе земли, бракъ, семья, общеніе людей, которыя всегда будутъ, пока будутъ люди. Правительство есть человѣческое учрежденіе, которое устанавливается, когда оно нужно, и уничтожается, когда перестаетъ быть нужнымъ, какъ и всякія человѣческія учрежденія.

Въ старину бывали учреждаемы человѣческія жертвы, подолуженія, гаданія, пытки, рабство и многое другое. И все это уничтожилось, когда народъ настолько просвѣщался, что учрежденія эти становились лишней тяжестью и бѣдствіемъ. То же и съ правительствами. Правительства учреждались тогда, когда народъ былъ дикій, жестокій и грубый. Такія же жестокія и грубыя устанавливались и правительства. Всѣ почти правительства законы свои взяли отъ язычниковъ римлянъ. И правительства до сихъ поръ остаются такими же грубыми учрежденіями съ насильническими поборами, солдатами, тюрьмами, казнями, какія были еще до христіанства. Но народъ, просвѣщаясь, все менѣе и менѣе нуждался въ такихъ правительствахъ, а въ наше время большинство христіанскихъ народовъ дошло до того, что правительства стали для нихъ только помѣхой.

Скорлупа нужна яйцу, пока не вывелся птенецъ. Но когда птенецъ готовъ, скорлупа только помѣха. То же и съ правительствами: большинство христіанскихъ народовъ сознаютъ это. Въ особенности живо чувствуетъ это теперь русскій земледѣльческій народъ.

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».]

* № 1.

«Народъ, какъ и человѣкъ, можетъ ставить главнымъ условіемъ своего блага матеріальное преуспѣяніе, и тогда благоустройство политическое для него дѣло первой важности, и для этого устройства онъ готовъ часто жертвовать своими духовными требованіями, и можетъ народъ, также какъ и человѣкъ, болѣе дорожить своей духовной жизнью, и тогда матеріальное преуспѣяніе и политическое благоустройство, если оно требуетъ отъ него нарушенія духовныхъ требованій, для него настолько не важно, что онъ готовъ нести многія матеріальныя неудобства и тягости, только бы не отступать отъ своихъ духовныхъ требованій, принимая участіе въ политическомъ устройствѣ. Западныя народы принадлежатъ къ первому типу, восточныя, и въ томъ числѣ русскій, ко второму».

Такова мысль Хомякова, выраженная въ его очень интересной и умной статьѣ: «Самодержавіе, опытъ схематическаго построения этого понятія». Мысль о томъ, что восточныя и западныя народы различно относятся къ власти и что восточныя народы, въ томъ числѣ и русскій, смотря на власть не какъ на право, а какъ на обязанность, переносятъ и переносятъ такія тяжести и злоупотребленія власти, при которой западныя народы возмущаются и свергаютъ власть, совершенно справедлива, но я не думаю, чтобы такое спокойное и болѣе терпѣливое перенесеніе злоупотребленія власти было исключительнымъ свойствомъ восточныхъ и русскаго народовъ и чтобы свойство это было постоянное. Я думаю, что не однимъ восточнымъ народамъ, но всѣмъ народамъ, разумѣя подъ народомъ преобладающее большинство его, состоящее всегда изъ земледѣльцевъ, тѣхъ людей, которые удовлетворяютъ естественнымъ потребностямъ всѣхъ остальныхъ людей, всегда свойственно предпочитать неудобства повинненія власти участію въ ней, но

что это повиновение можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ; пока выгоды повиновенія больше, чѣмъ невыгоды участія во власти.

* № 2.

⟨Внутреннее противорѣчіе насильнической власти, состоящее въ томъ, что насильническая власть, допущенная и терпимая народомъ для избавленія себя отъ грѣха насилія, требуетъ отъ людей совершенія грѣховъ насилія, и несогласіе повиновенія власти съ духовными требованіями народа дошло въ наше время для русскаго народа до послѣдней степени.

Русскій народъ могъ подчиняться самодержавной власти для защиты себя отъ Монголовъ, но совсѣмъ другое дѣло подчиняться власти для того, чтобы душить Финляндію, Польшу, Кавказскіе народы или захватывать Манджурію.

Если русскіе люди прежняго полуязыческаго христіанскаго міровозрѣнія могли съ спокойной совѣстью исполнять всѣ велѣнія власти, какъ разрушеніе Новгорода или казни стрѣльцовъ и т. п., то въ наше время совершавшагося въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ уясненія и очищенія основъ христіанства русскіе люди уже не могутъ съ спокойной совѣстью принимать участіе въ угнетеніи, насиліяхъ и убійствахъ своихъ ближнихъ, требуемыхъ отъ нихъ императорскимъ правительствомъ.

С одной стороны, власть, становясь все хуже и жесточе, все ухудшала и ухудшала положеніе народа и дошла наконецъ въ наше время до полного раззоренія народа, съ другой стороны, духовныя требованія народа, становясь чище, выше, все менѣе и менѣе согласовались съ требованіями власти. И потому отношеніе русскаго народа неизбѣжно должно было измѣниться и въ дѣйствительности совершенно измѣнилось и не можетъ продолжать быть тѣмъ же, чѣмъ было. Противорѣчіе между духовными требованіями русскаго народа и требованіями правительства дошло въ наше время до высшей степени. Въ наше время русскій народъ пришелъ къ тому самому кризису, къ которому давно уже пришли западные народы.

Но пришелъ русскій народъ къ этому кризису отчасти вслѣдствіи своей восточной терпѣливости, отчасти вслѣдствіи болѣе ранняго, чѣмъ западные народы, усвоенія христіанскаго духа, отчасти вслѣдствіи удерживавшагося для огромнаго большинства народа земледѣльческаго быта, пришелъ русскій народъ къ этому кризису при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ разрѣшился этотъ кризисъ среди западныхъ народовъ.⟩

* № 3.

Но мало того что народы, свергавшіе существующую власть, пришли къ тому самому, отъ чего они хотѣли избавиться, т. е.

къ необходимости самимъ; лишившись свободы отъ грѣха и досуга заниматься дѣлами управленія, они пришли къ этому въ гораздо болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они передали власть властвующимъ. Легко и возможно было разрѣшать насильнической властью вопросы управленія тогда, когда условія жизни одноплеменнаго, одновѣрнаго, географически объединеннаго народа были просты, когда расходы и подати были невелики, когда не было борьбы сословій, когда, главное, не было покоренныхъ и насильственно присоединенныхъ къ другимъ народовъ и, главное, было одно лицо или малое число лицъ, которое хорошо ли, дурно ли, но могло рѣшать возникающіе вопросы управленія.

Теперь же, когда вопросы общественной жизни дошли до величайшей запутанности и сложности, когда уже существуютъ установившіеся бюджеты государственныхъ расходовъ, требующіе все большаго и большаго обложенія податями, идетъ непрерывающаяся борьба между озлобленнымъ рабочимъ, бѣдствующимъ народомъ и богачами, захватившими земли и монополіи, когда политическія международныя условія требуютъ все большихъ и большихъ вооруженій, когда для народовъ-завоевателей являются вопросы поддержанія неестественныхъ соединеній чуждыхъ народностей подъ одной властью, какъ для Россіи Польша, Кавказъ, Финляндія и др., для Британіи безчисленное количество чуждыхъ и враждебныхъ народностей отъ Ирландіи до Индіи, а для покоренныхъ народовъ вопросы объ освобожденіи отъ порабощенія, когда всѣ вопросы эти и многіе другіе подлежатъ рѣшенію не одной власти, по своему положенію не заинтересованной въ томъ или иномъ рѣшеніи вопроса, а собранію частныхъ лицъ съ различными и противоположными личными интересами, теперь всѣ вопросы эти представляютъ не только огромныя трудности, но и совершенно неразрѣшимы, какъ мы это видимъ на вопросахъ колоній, тарифовъ, покоренныхъ народностей, негровъ въ Америкѣ, секуляризаціи во Франціи, еврейскаго, Ирландскаго, восточнаго вопросовъ и сотни другихъ, которые служатъ только темой парламентскаго краснорѣчія, но десятками лѣтъ ни на шагъ не подвигаются въ своемъ рѣшеніи.

Главная же трудность участія народа въ управленіи происходитъ отъ того, что люди нашего времени, съ измѣнившимся мировоззрѣніемъ, призваны къ разрѣшенію такихъ вопросовъ, которые поставлены людьми прежняго времени съ совершенно другими взглядами. Людямъ нашего времени, отрицающимъ войну, признающимъ равноправность людей и свободу народа, надо заботиться объ увеличеніи вооруженій, о законахъ, запрещающихъ доступъ дешевыхъ работниковъ въ свое государство, обдумывать средства удержанія въ покорности раздѣленной Польши, покоренныхъ Буровъ, Индусовъ и т. п.

* № 4.

При правительственномъ правленіи появляется вездѣ, гдѣ оно было введено, тотъ классъ людей, который называется буржуазіей, т. е. людей, которые подѣ покровительствомъ насилія власти самыми разнообразными средствами захватываютъ власть надъ народомъ. Средства эти самыя разнообразны: и прямое участіе въ правленіи, и землевладѣніе, и судъ, и преподаваніе наукъ, и исполненіе религиозныхъ обрядовъ, и торговля, и театры, и денежные операціи, и медицина, и моды, и адвокатство, и журналистика, и печать, и искусства, и многія другія профессіи служатъ средствомъ¹ освобожденія себя отъ тяжелаго труда выработыванія предметовъ первыхъ потребностей.

* № 5.

Вотъ тутъ то, въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ, и проявляется то совершенно вѣрно опредѣленное Хомяковымъ различіе между восточными и западными народами. Восточные народы: Китай, Индія, Персія, Турція, Россія, дорожа больше своимъ досугомъ и внутренней духовной жизнью, чѣмъ внѣшнимъ политическимъ благоустройствомъ, допускали и допускаютъ болѣшую степень злоупотребленій власти, не свергая ее. Народы же западные, дорожа преимущественно матерьяльными благами міра и потому своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ, были скорѣе склонны, при дошедшихъ до извѣстной степени злоупотребленій власти, свергать ее и устанавливать новую. Такъ это происходило и въ Римѣ и во всѣхъ наслѣдовавшихъ ему государствахъ.

* № 6.

Но и это мнимое участіе всего народа въ управленіи не измѣнило положенія трудящагося народа. Устройство выборовъ отъ всего народа, отъ трудящихся, далекихъ отъ политическихъ вопросовъ массъ, составляетъ такую трудность, что народное участіе въ этихъ государствахъ служить только средствомъ перехода такой же, какъ прежде, власти немногихъ надъ многими съ однихъ лицъ на другихъ. Такъ что въ дѣйствительности и въ этихъ государствахъ, во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, народъ, какъ и прежде, находится въ рабствѣ если не у прежнихъ Императоровъ, королей, лордовъ и князей, то у такихъ же немногихъ ловкихъ людей, захватывающихъ власть правительственную или денежную.

¹ Зачеркнуто: жить праздною, сладкою жизнью на шеѣ трудящихся.

* № 7.

Остается одно спасеніе отъ сознанія неизбежнаго приближенія къ гибели, едва ли не болѣе слѣпое, чѣмъ вѣрованія церковныя, въ социализмъ, въ то, что когда то, а можетъ быть очень скоро, какъ-то посредствомъ насилія, а можетъ быть и какъ то само собой установится жизнь, при которой всѣ люди будутъ какъ то, чѣмъ то принуждены отказаться отъ всего того, чѣмъ они живутъ теперь, и всѣ будутъ вмѣстѣ работать все, что имъ нужно, и всѣмъ равно пользоваться.

Но и это вѣрованіе уже начинаетъ разрушаться, и люди видятъ, что все это нужно только затѣмъ, чтобы отводить глаза людей отъ той пропасти, къ которой они неудержимо стремятся

* № 8.

Ноги, переходя въ туловище, становятся все тоньше и тоньше, туловище все тяжелѣе и тяжелѣе. Продолжаться такъ не можетъ. Предѣлъ этого перехода долженъ быть. Туловище должно завалиться, когда нечему будетъ держать его. И люди западнаго міра чувствуютъ его. Но инерція начатаго движенія такъ велика, что они не могутъ остановиться. До времени они практически спасаются отъ сознанія неизбежности гибели при продолженіи такой жизни тѣмъ, что, соперничая другъ съ другомъ, все дальше и дальше закидываютъ обманомъ и насиліемъ свои поработительныя сѣти на людей, живущихъ еще разумной, трудовой жизнью во всѣхъ частяхъ свѣта, торговлей, промышленностью, колоніями и теоретически спасаются отъ сознанія безумія своей дѣятельности ученіемъ социализма, обещающимъ въ неопредѣленномъ будущемъ великія блага, которыя будутъ достигнуты полнымъ порабощеніемъ человѣка какою то благодѣтельной силой, которая будетъ свободной отъ свойственныхъ всякой власти свойствъ.

Но несмотря на это, люди запада уже начинаютъ видѣть обманчивость этихъ обоихъ средствъ спасенія. Съ одной стороны, предѣлы захватовъ чужихъ земель уже виденъ. Кромѣ того, колоніи, т. е. рабы, начинаютъ или возмущаться или переходить на сторону туловища. Съ другой стороны, мыльный пузырь социализма, казавшійся столь величественнымъ среди духовной пустоты жизни, уже лопнулъ, и самые недалновидные люди усматриваютъ его источникъ и неисполнимость и въ случаѣ исполненія вытекающее изъ него ужасающее рабство, подобнаго котораго еще нигдѣ, ~~никогда~~ не испытывали люди.

* № 9.

Но рынки переполнены, предметовъ произведено столько, что ихъ дѣвать некуда, и, что хуже всего, сами потребители —

восточные народы Японіи, Китая, Индіи — начинают дѣлать тѣ же самые предметы, такъ что скоро некого будетъ развращать и обманывать, и приготовленія къ войнамъ подѣ влияніемъ угрозы сосѣдей, какъ это и не можетъ быть иначе, все увеличивается и увеличивается,¹ и увеличеніе это не можетъ остановиться у западныхъ народовъ, но народы эти такъ отстали отъ естественной, разумной формы жизни, кормленія себя своими трудами на своей землѣ, такъ привыкли къ безумной, бесполезной, вредной, расслабляющей роскоши, комфорту, что и имъ кажется, что жизнь не можетъ быть другою, какъ та, которую они ведутъ и которая состоитъ въ томъ, чтобы изуродовать ту часть земли, на которой они живутъ, превративъ ее въ адъ, какъ въ Англіи, Бельгіи и другихъ, и какъ можно больше, и какъ можно скорѣе, и какъ можно искуснѣе дѣлать ненужные и вредные предметы роскоши и развращать ими людей еще неиспорченныхъ и живущихъ своими трудами. Но не говоря уже о безнравственности¹ такой жизни,² самый этотъ способъ существованія становится очевидно недостаточнымъ: народы восточные, первая Японія, начинаютъ понимать, на чемъ основана эксплуатація ихъ сосѣдей, выучившись дѣлать машины и работать такъ, чтобы востокъ не нуждался болѣе въ товарахъ западныхъ народовъ, и очень скоро выучились строить пушки и корабли и управлять ими такъ, чтобы дать отпоръ силою тѣмъ, которые захотятъ поработить ихъ.

* № 10.

Русскому земледѣльческому народу не нужно ни рынковъ, ни подоходныхъ налоговъ, ни обобществленія труда и фабрикъ, ни захватовъ чужихъ земель, ни свободъ собраній, слова, прессы, нужно только одно — земля и свободный доступъ къ землѣ, то самое, чего не даетъ своимъ представителямъ ни одно представительное правительство.

* № 11.

Есть люди въ Россіи среди достаточнаго класса, которые полагаютъ, что въ этомъ самомъ состоитъ теперь призваніе Россіи и что лучшее, что могутъ теперь сдѣлать русскіе люди, это то, чтобы устроить у себя въ Россіи то самое правленіе, которое существуетъ теперь въ передовыхъ Европейскихъ государствахъ: сдѣлать сначала революцію съ клубами, рѣчами, убійствами, потомъ парламентъ съ интерпеляціями, адресами, бурными рѣчами и манифестаціями, и тогда будетъ то самое, что долженъ сдѣлать русскій народъ въ настоящую минуту.

¹ Зачеркнуто: и отвратительности

² Зач.: мошенническаго торгашества,

Это уже и начали дѣлать. И все это, и революція и парламентъ, — все издадека похоже на европейское, какъ натканная березка въ Троицынъ день похожа на лѣсъ, но все это безъ кореньевъ, и было бы смѣшно, если бы не было такъ ужасно легкомысленно и глупо въ такую важную минуту для русскаго народа.

* № 12.

Мы, русскіе, находимся совершенно въ другихъ условіяхъ; вся прошедшая исторія наша была другая, и намъ теперь слѣдовать тому, что дѣлается въ Европѣ, все равно, что людямъ, стоящимъ еще на сухомъ берегу, лѣзть въ то болото, въ которомъ по поясъ сидятъ тѣ, которые шли впереди насъ. Не говоря уже о томъ, что можетъ быть много путей помимо того, который ведетъ черезъ болото, и надо искать ихъ, казалось бы, нельзя не остановиться передъ тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находятся Европейскіе народы, и не подумать своими усиліями, а не подражая чужимъ, о томъ, что намъ, поставленнымъ въ такія особенныя условія, свойственно дѣлать. Имѣемъ ли право, видя все то, что дѣлается въ Европѣ, видя тѣ результаты, къ которымъ привела европейскіе народы ихъ дѣятельность, имѣемъ ли мы право въ такой важный моментъ для жизни русскаго народа избирать дѣятельность, послѣдствія которой уже совершенно очевидны намъ?

* № 13.

〈Что же дѣлать русскому народу?〉

Причина страданій русскаго народа: его обезземеленіе, тяжелыя подати, солдатчина и теперешнія смуты, причина всѣхъ этихъ страданій — власть. Кто удерживаетъ землю за большими собственниками, не работающими на ней? Власть, правительство. Кто отбираетъ людей отъ семей, развращая ихъ и научая убійству, и посылаетъ ихъ на бойню? Кто теперь сажаетъ въ тюрьмы, стрѣляетъ, бьетъ народъ, казнить людей? Все та же власть. Кто среди западныхъ народовъ накладываетъ подати на трудящихся, поддерживаетъ монополіи богачей, удерживаетъ за неработающими право на собственность земли, лишаетъ ея рабочій народъ, содержитъ войска и, развращая ихъ, посылаетъ на грабежи и убійства? Все та же, хотя и иначе организованная власть, чѣмъ у восточныхъ народовъ.〉

* № 14.

Попытки уничтоженія вреда власти посредствомъ распространенія ея можно сравнить съ попытками скрыть бѣлую нитку просторно навязанными на ней бусами: можно сдвинуть

всѣ бусы вмѣстѣ, и тогда будетъ видна бѣльшая часть нитки. Это деспотическая власть. Можно раздвинуть бусы по всей ниткѣ, оставляя промежутки нитки. Это будетъ разнаго рода ограниченная власть. Но какъ не передвигаи бусы, количество непокрытой бусами нитки будетъ всегда одно и то же. То же и съ властью.)

* № 15.

Мы такъ привыкли къ власти и къ повиновенію власти, что не можемъ представить себѣ жизни безъ власти. Говоря о власти, всегда подъ властью подразумѣвали власть насильническую, не дѣлая различія между властью свободно признаваемой, властью духовной, безъ которой никогда не жило и не можетъ жить человѣчество, и властью насильнической, которой люди подчиняются изъ страха страданій или смерти. Власть первая есть власть болѣе разумнаго существа надъ менѣ разумнымъ, признающимъ разумность перваго. Это власть родителей надъ малыми дѣтьми, Христа надъ учениками, всякаго добровольно признаннаго руководителя надъ людьми добровольно подчиняющимися ему. Вторая власть — это власть покорителя, угрожающаго казнями и убійствами за неповиновеніе.

Дѣйствія властвующаго духовно и дѣйствія властвующаго силою совершенно различны: одинъ дѣйствуетъ добротой, разумомъ, другой обратнымъ: жестокостью, насиліемъ, казнями. Отношеніе же повинующагося одно и то же какъ къ первому, такъ и къ второму, повинуются и тому и другому одинаково, исполняютъ то, что ему предписываютъ какъ тотъ, такъ и другой. И вотъ въ этомъ то смѣшеніи той и другой власти источникъ заблужденія о томъ, что люди не могутъ жить безъ насильнической власти. Люди не могутъ жить безъ власти духовной, такой, которой они добровольно подчиняются, но не только могутъ жить безъ власти насильнической, но подчиненіе насильнической власти есть причина не только великихъ бѣдствій, но и всякаго развращенія, которому подвергаются люди.

* № 16.

Но скажутъ: это общія мѣста, скажутъ: что же, по вашему мнѣнію, дѣлать теперь русскому народу?

Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, впередъ оговариваясь, что если мое предположеніе о томъ, что именно долженъ теперь дѣлать русскій народъ, можетъ быть не вѣрно, все таки остается несомнѣннымъ то, что русскій народъ переживаетъ теперь тотъ моментъ, когда ему неизбѣжно необходимо измѣнить свое отношеніе къ власти, и что это отношеніе можетъ быть

измѣнено только въ смыслѣ прекращенія повинности какой бы то ни было власти.

Отвѣчая на вопросъ о томъ, что именно дѣлать теперь русскому народу, я долженъ имѣть въ виду хотя и очень несоразмѣрные по численности, но имѣющія вліяніе на рѣшеніе народа части его.

Частей этихъ три: первое — правительство, въ которое я включаю всѣхъ тѣхъ людей, которые имѣли и имѣютъ еще власть и всѣхъ богатыхъ и чиновныхъ людей, стоящихъ на сторонѣ правительства, — это государь, высшіе чиновники, богатые дворяне, купцы, консерваторы, отстаивающіе прежнее положеніе.

Вторая часть — это всѣ тѣ богатые цивилизованные люди, борящіеся съ правительствомъ и желающіе замѣнить существующую власть иною, новою. Это всѣ либералы, революціонеры, социалдемократы, журналисты, педагоги, врачи, техники, рабочіе, развращенные крестьяне.

Третья, самая большая часть, — это земледѣльцы, крестьяне, народъ, огромное большинство; народъ тотъ, который кормитъ и содержитъ и первыхъ и вторыхъ и которому главнымъ образомъ предстоитъ рѣшеніе вопроса о пути, который долженъ быть избранъ.

Что дѣлать правительству?

Правительству слѣдуетъ понять, что такъ или иначе время его прошло, что не только въ томъ видѣ, въ которомъ оно теперь, но ни въ какомъ видѣ оно существовать больше не можетъ. И понявъ это, правительство прежде всего должно перестать бороться силою съ тѣми, кто хочетъ свергнуть его. Борьба эта силою теперь, при озлобленіи враговъ правительства и полной свободѣ печати и его привычекъ не только увеличивать, но выдумывать всѣ репрессіи, особенно внѣзаконныя, производить только все большее и большее озлобленіе и развращеніе народа. Переставъ бороться силою, правительство должно стараться употребить свою еще до времени существующую власть на то, чтобы исполнить хотя теперь то, что давно ждетъ и требуетъ отъ него весь земледѣльческій русскій народъ, уничтожить старинную несправедливость и грѣхъ земельной собственности и третью — постараться миролюбиво удалиться отъ власти, не давая отрывать ее отъ себя, а отдать ее, и отдать не другимъ, новымъ властителямъ, которые хотятъ захватить ее, а отказаться отъ власти, признавъ незаконность ее. Сдѣлаютъ или не сдѣлаютъ этого правительственные люди, они неизбежно придутъ къ этому же. Только съ той разницей, что, сдѣлавъ это, они придутъ къ тому же безъ борьбы, безъ жестокости убійствъ, неправды, безъ грѣха; не сдѣлавъ этого, придутъ къ тому черезъ великія преступленія и страданія.

Что дѣлать борющимся съ правительствомъ, всѣмъ — отъ членовъ думы до рабочихъ, собирающихся для обсужденія своихъ нуждъ?

Первое — понять, что предстоящая и совершающаяся революція не есть революція, переносящая власть съ однихъ людей на другихъ, а революція, имѣющая предметомъ уничтоженіе всякой насильнической власти. И потому всѣ тѣ изъ революціонеровъ, которые искренно заботятся о благѣ общемъ, а не руководимы тщеславіемъ, корыстью, завистью, злобой, должны бороться по западнымъ образцамъ съ правительствомъ не для того, чтобы образовать новое правительство, а для того, чтобы уничтожить всякую власть человѣка надъ человѣкомъ, должны не устанавливать новые законы, а уничтожать всѣ законы, кромѣ одного вѣчнаго нравственнаго, обязательнаго для всѣхъ людей закона. Это первое. Второе же, вытекающее изъ этого, что должны дѣлать революціонеры, это то, чтобы не возбуждать, какъ они это дѣлаютъ теперь, дурныя чувства народныхъ массъ, не только не убивать, не брани[ться], не лгать, но всѣ силы употреблять на умиротвореніе чувствъ народа. И третье и самое нужное — это то, чтобы, появивъ предстоящую необходимость устройства жизни народа безъ власти, содѣйствовать народу въ выработкѣ новыхъ формъ такой жизни. Только такая можетъ быть плодотворная, а не зловредная революціонная дѣятельность.

Что дѣлать народу?

Народу же, всему стомилліонному русскому народу для освобожденія себя отъ грѣха власти и всѣхъ бѣдствій, вытекающихъ изъ этого грѣха, можно и должно дѣлать только одно: не повиноваться власти правительства, не участвовать ни въ какихъ дѣлахъ правительства¹ и точно также не участвовать въ дѣлахъ людей, борющихся съ правительствомъ, кротко и покорно переносить всѣ насилія, которыя другіе будутъ совершать надъ нимъ, но самому не участвовать ни въ какихъ насиліяхъ ни революціонеровъ, ни правительства: не давать ни своихъ денегъ, ни трудовъ ни тѣмъ, ни другимъ, не повиноваться никакой насильнической власти, а жить тою жизнью, которой они жили и живутъ теперь.

И стоять русскому народу въ лицѣ его правительственныхъ лицъ, его революціонеровъ и его сельскаго народа поступить такъ, и онъ получаетъ не только наибольшее доступное его [sic!] благо общественнаго устройства, но и укажетъ тотъ путь, по которому должно и готово идти все человѣчество.

* № 17.

Отчего же русскій народъ не дѣлаетъ того, что такъ естественно должно вытекать изъ его положенія и что такъ свой-

¹ Зачеркнуто: не давать добровольно ни податей, ни солдатъ

Ственно ему, а, напротивъ, теперь, въ то рѣшительное время, которое онъ переживаетъ, не только не поступаетъ такъ, какъ ему свойственно и выгодно, а въ своихъ поверхностныхъ слояхъ, захваченныхъ фабричной, городской жизнью, прислушивается къ развращенному голосу такъ называемыхъ образованныхъ, въ дѣйствительности же развращенныхъ людей богатыхъ классовъ, изъ которыхъ одни призываютъ его къ поддержанію стараго правительства, а другіе къ сверженію и установленію новаго, такого же насильническаго, съ такими же податями, таможами, монополіями, земельной собственностью, наборами и войнами, и не только прислушивается, но начинаетъ уже совершать тѣ безмысленныя преступленія грабежей, убійствъ и даже междуусобныхъ войнъ, которыя не только ни въ какомъ случаѣ не могутъ освободить его, а навѣрное должны только увеличить его страданія? Отчего это? А оттого, что въ русскомъ народѣ не проявилось сознаніе своего грѣха, и онъ хочетъ, продолжая творить грѣхъ, освободиться отъ послѣдствій его.

Для того чтобы русскій народъ могъ освободиться отъ тѣхъ бѣдствій, производимыхъ властью, отъ которыхъ онъ страдаетъ, ему нужно не собирать думы или учредительныя собранія, не рубить лѣса, отнимать имущество, жечь, грабить, убивать, а нужно одно — нужно, чтобы то смутно живущее въ немъ религиозное христіанское сознаніе грѣховности власти и повиновенія ей стало яснымъ и несомнѣннымъ, чтобы онъ понялъ, что повиновеніе какой-бы то ни было человѣческой насильственной власти не есть безразличный поступокъ или даже добрый поступокъ, какъ это внушается ему извращеннымъ христіанскимъ ученіемъ, а есть грѣхъ, преступленіе основного закона Бога, требующаго отъ человѣка безусловнаго повиновенія одному Ему, и, понявъ свой грѣхъ, покаялся бы въ немъ и пересталъ творить его.

* № 18.

Для возможности же воздержанія народа отъ той, такъ и отъ другой дѣятельности нужно, главное, освободиться отъ истиннаго дьявольскаго навожденія, основанія всѣхъ золъ, испытываемыхъ и злыхъ дѣлъ, совершаемыхъ людьми, отъ навожденія государства, государственнаго единства, того понятія, во имя котораго совершались и совершаются и не могутъ не совершаться всѣ злоупотребленія какъ неограниченной, такъ и ограниченной монархической или республиканской, всякой *государственной* власти.

Стоитъ только русскимъ людямъ освободиться отъ этого дьявольскаго навожденія государства, Россіи, и начать жить такъ, какъ свойственно разумнымъ существамъ, не подчиняясь никакимъ государственнымъ требованіямъ, не рѣшая свои общественныя дѣла ни передачей ихъ высшему государственному правительству или участіемъ въ этомъ государственномъ

правительствѣ, а такъ, какъ они издревле рѣшались и рѣшаются въ Россіи мірской сходкой безъ участія насилія, по общему согласію, и неизбѣжно сложится тотъ новый строй жизни, до котораго въ наше время дожило человѣчество и который требуютъ своего осуществленія.

* № 19.

Мы такъ привыкли къ этому понятію, наука такъ много наговорила намъ о необходимости для жизни людей существованія государства, о томъ, какъ государство есть единственная форма, въ которой могутъ быть осуществлены право, высшая нравственность, высшее благо, какъ государство есть неизбѣжное явленіе въ жизни людей, и такъ давно уже существуетъ это учрежденіе, что и ученые и неученые люди, живущіе въ государствахъ, вполне увѣрены, что государство есть нѣчто стихійное и что безъ государства жить людямъ невозможно. А между тѣмъ государство есть ничто иное, какъ застарѣлая, утвердившаяся, кристаллизованная форма насилія. Завоеватели покоряютъ народъ. Завоеванные народы Атиллой или Чингисъ Ханомъ не составляютъ государства, но завоеванные Римомъ народы составляютъ государство только потому, что насиліе Атиллы и Чингисъ Хана непродолжительно, насиліе же Рима продолжительно. Всякое государство есть такое же насиліе, какъ и всякое другое; понятіе же государства, приписываемое некоторымъ продолжительнымъ насиліямъ однихъ людей надъ другими, есть только оправданіе насилія. Оправданіе это всегда само собой складывается при продолжительномъ насиліи и происходитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: люди насилующіе другихъ, особенно же люди окружающіе насильниковъ и пользующіеся отъ нихъ разными выгодами, желая оправдаться, совершая насилія, стараются увѣрить другихъ и себя самихъ, что совершаемое ими насиліе не есть злое, а доброе, полезное дѣло, необходимое для совокупности насилуемыхъ людей, что совокупность эта (которая въ сущности соединяется только насиліемъ) есть нѣчто самобытное и что они, насилующіе другихъ людей, только служатъ этой совокупности, которую они называютъ княжествомъ, царствомъ, королевствомъ, имперіей. Вотъ эта то странная вѣра внушается людьми властвующими и ихъ слугами, въ особенности учеными, и легко воспринимается подвластными, потому что имъ пріятнѣе думать, что они покоряются нѣкому отвлеченному, таинственному и всемогущему существу, называемому государствомъ, а не такимъ же людямъ, какъ они сами.

* № 20.

Разъ существуетъ одно и то же въ людяхъ пониманіе и одни и тѣ же желанія, то препятствіемъ къ осуществленію этихъ желаній могутъ быть только суевѣрія.

Ложныя суевѣрія, представленія, внушенія, теперь удержи-
вающія человѣчество отъ вступленія на новый путь жизни,
суть прежде всего ложное, суевѣрное церковное ученіе о жесто-
комъ, мстительномъ Богѣ, установившемъ и покровительствующемъ
власть, ложное представленіе о томъ, что соединеніе мно-
гихъ людей одной или разныхъ народностей подъ одной вла-
стью не есть простое, грубое и жестокое насиліе, а есть нѣчто
великое, необходимое для жизни людей учрежденіе, и третье —
внушеніе о томъ, что извѣстныя слова и мысли, записанныя
людьми, получаютъ особенно священное значеніе, потому что
они называются закономъ.

Стоить только людямъ освободиться отъ этихъ суевѣрій,
ложныхъ представленій и внушеній, и свойственная во всѣхъ
людяхъ одна и та же добрая и разумная природа, приведенная
къ сознанію христіанствомъ, проснется въ людяхъ и соеди-
нитъ ихъ всѣхъ во единую, согласную жизнь, безъ церкви, безъ
насилънической власти и государства.

* № 21.

Но что же станется съ государствомъ, скажутъ на это? Что
станется съ государственными учрежденіями, судебными, про-
свѣтительными, финансовыми, какимъ образомъ и какія устано-
вятся отношенія народовъ къ народамъ? Отвѣтъ на это возраже-
ніе въ томъ, что государство и есть та форма, въ которую преобра-
зилось грубое насиліе, которое есть ужасное суевѣріе, отъ кото-
раго всѣ бѣдствія народовъ и которое совершенно ненужно для
людей, признавшихъ грѣхъ власти и освободившихся отъ него.
Есть церковь, есть наука, есть право, есть государство и много
подобныхъ произведеній мысли человѣческой, но всѣ эти про-
изведенія мысли не реальны, а представляютъ изъ себя фик-
ціи, признаваемые извѣстными людьми въ извѣстное время,
но человѣкъ, живой человѣкъ, не есть фикція, а самое реальное
изъ реального, что мы можемъ только знать. И потому, когда
интересы фикціи государства сливаются съ интересами самаго
реального изъ реальныхъ существъ — человѣка, не можетъ быть
и вопроса о томъ, что должно уступить чему.

Вы говорите, что существуетъ въ вашемъ представленіи су-
щество нереальное: Россія, Великобританія, Франція, для
продвѣтанія, даже для существованія которыхъ необходимо,
чтобы человѣкъ отдалъ заготовленную имъ своими руками для
дѣтей пищу, отдалъ бы свою жизнь на войнѣ, что важнѣе всего —
пожертвовалъ бы своей вѣрой и совѣстью, совершая против-
ныя и вѣрѣ и совѣсти дѣла: участвовалъ бы въ поборахъ, каз-
няхъ, военныхъ убійствахъ, что это нужно для государства,
государство же есть необходимое условіе для людей.

Я же, живое существо, человѣкъ, говорю, что я знаю навѣр-
ное, что я явился въ міръ по волѣ Бога, по Его же волѣ.

долженъ скоро уйти изъ міра и по Его же волѣ, открытой мнѣ и въ высшемъ законѣ и въ моей совѣсти, долженъ прожить въ этомъ мірѣ короткій срокъ моей жизни. О государствѣ же я ничего не знаю, и все, что мнѣ говорить о немъ, не убѣждаетъ меня объ его необходимости и справедливости, и потому когда вы требуете отъ меня, чтобы я отдалъ в распоряженіе неизвѣстныхъ мнѣ людей и большей части плохихъ, какъ я знаю, ту пищу, которую я выработалъ своими руками изъ земли для своего и своихъ дѣтей пропитанія, то я говорю, что не дамъ добровольно вамъ этой пищи, считалъ бы себя преступникомъ, если бы далъ вамъ ее. Отнять вы можете, и я не стану насиліемъ бороться съ вами, т. е. дѣлать противъ васъ то, что вы противъ меня дѣлаете. Но добровольно я не дамъ. Точно также не пойду добровольно учиться убивать кого то и воевать съ кѣмъ то, не пойду судить, казнить, потому что все это мнѣ не нужно, а главное, противно божескому закону и моей совѣсти.

Что же касается до государства, то пускай устраиваютъ и поддерживаютъ его тѣ, кому оно нужно, а мнѣ оно не только не нужно, но вредно, предъявляя ко мнѣ жестокия требованія и на моихъ глазахъ развращая людей и земельной собственностью, которую оно поддерживаетъ, и казнями, и поборами, и солдатствомъ, и войной. И отвѣтить на это разсужденіе не могутъ никакіе мудрецы, а отвѣтъ этотъ тотъ именно, который въ наше время должны сдѣлать разумные люди.

* № 22.

Для того чтобы русскому народу достигнуть всѣхъ тѣхъ тѣлесныхъ благъ, которыхъ онъ теперь добивается, ему нужно не грабить, жечь, бунтовать, производить возстанія и не, продолжая повиноваться существующей власти, служить въ полиціи, въ солдатахъ и убійствомъ братьевъ подавлять возстанія, а нужно одно: жить своей обычной мирной, земледѣльческой жизнью, не исполняя волю ни старой, ни новой человѣческой власти, а только одну волю того высшаго начала — Бога, который послалъ всякаго человѣка въ міръ.

Но что станетъ съ Россіей, если русскіе люди дѣйствительно поступятъ такъ и перестанутъ повиноваться правительству? — скажутъ на это. Поступи такъ русскіе люди, уничтожится власть, уничтожится войско, и тотчасъ отдѣлятся всѣ части русскаго государства: Кавказъ, Польша, Финляндія, Ташкентъ и др. Россія перестанетъ существовать какъ великое государство, а переставъ быть великимъ и сильнымъ государствомъ, оно неизбежно подвергнется нападению сосѣднихъ государствъ, которые и для того, чтобы не имѣть такихъ вредныхъ сосѣдей, и для того, чтобы воспользоваться беззащитностью русскихъ, поработятъ ихъ. Уничтожится великое русское государство, и распадутся всѣ части его.

Но вѣдь государство и есть то самое ужасное суетвѣріе, во имя котораго совершаются тѣ злодѣянія, отъ которыхъ страдаютъ люди, и потому уничтоженіе государства и будетъ то самое, что нужно народу для избавленія его отъ давнишняго грѣха подчиненія власти и всѣхъ бѣдствій и развращенія, происшедшихъ отъ него.

* № 23.

Если всѣ покоренные Россіи народы освободятся и отдѣлятся отъ Россіи, то такое освобожденіе народовъ отъ порабощенія, отвѣчу я, можетъ быть только радостно для всякаго человѣка, свободнаго отъ вѣры въ государство: радостно и по сочувствію къ этимъ народамъ и потому, что освобожденіе ихъ снимаетъ съ каждаго русскаго долю отвѣтственности за ихъ порабощеніе.

Что же касается до порабощенія русскіхъ людей, если они не будутъ подчиняться власти, Нѣмцами, Турками, Шведами, то людей, не подчиняющихся власти, точно также могутъ постигнуть всякія бѣдствія, какъ и людей покорныхъ власти, какъ это постоянно происходитъ при всякихъ войнахъ — 12-й годъ — французовъ въ Россіи, 70-й годъ — прусаковъ во Франціи. На практикѣ для неподчиняющихся власти гораздо меньше поводовъ къ насилію и порабощенію, чѣмъ при порабощеніи власти. Опасность та же при повиновеніи и при неповиновеніи; разница только въ томъ, что при неповиновеніи власти труднѣе поработить народъ, чѣмъ при повиновеніи.

* № 24.

Христіанскіе народы думали удержать вѣру въ христіанство, извративъ его такъ, чтобы оно не противорѣчило государству, но для согласованія христіанства съ государствомъ нужно было полное извращеніе христіанства. Полное же извращеніе христіанства сдѣлало то, что на мѣсто религіознаго ученія, руководящаго жизнью, стали полуязыческіе обряды, и христіанскіе народы запада, оставшись безъ всякаго нравственно-религіознаго руководства, слѣдуютъ въ жизни только одному признаваемому ими выше всѣхъ другихъ закону государства, прямо противоположному христіанскому ученію. Такому же обману и извращенію подвергся и русскій народъ. И это то извращеніе христіанства и постановка на его мѣсто государственной вѣры и дѣлаетъ то, что русскій народъ въ предстоящемъ ему шагѣ колеблется, а не выбираетъ сразу то простое, естественное и благодѣтельное рѣшеніе, которое само собой представляется ему.

* № 25.

Есть поразительный эпизодъ исторіи павликіанской секты. Византійскій императоръ или императрица послалъ своего

военачальника (не помню Федора или Павла) противъ нарушающихъ единство церкви еретиковъ павликианцевъ. Военачальникъ прибылъ на мѣсто, распорядился, какъ это было свойственно людямъ того времени, умертвилъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые не успѣли разбѣжаться, и сжегъ и истребилъ жилища. Окончивъ порученное ему дѣло, онъ пожелалъ узнать, въ чемъ состояла та секта, сторонниковъ которой онъ истребилъ. Къ нему привели старика павликианца, и изъ разспросовъ начальникъ убѣдился, что люди, которыхъ онъ перебилъ, были люди самыхъ высокихъ христіанскихъ убѣжденій и жизни. Открытіе это такъ поразило его, что онъ оставилъ свое положеніе вельможи, поселился среди остатковъ павликианъ и вмѣсто преслѣдователя сталъ главнымъ проповѣдникомъ павликианства.

Тоже самое совершилось бы въ наше время со всѣми поработителями, но съ той разницей, что въ наше время, при смутномъ сознаніи бессмысленности и преступности насилія, это обращеніе поработителей совершилось бы не послѣ, а до истребленія поработаемыхъ.

* № 26.

Можетъ быть, люди нашего поколѣнія такъ привыкли къ борьбѣ, что имъ представляется невозможнымъ такой образъ дѣйствія, можетъ быть, при такомъ образѣ дѣйствій мы потеряемъ много удобствъ и пріятностей жизни, можетъ быть, если мы будемъ поступать такъ, насъ постигнуть еще новыя бѣдствія, все это можетъ быть, но несомнѣнно одно, что спасеніе отъ бѣдъ, которыя теперь терпятъ люди отъ насилія и которыя все увеличиваются и увеличиваются, только въ одномъ этомъ, въ томъ, чтобы, терпя насиліе, не совершать его. И потому чѣмъ дальше мы откладываемъ это средство, чѣмъ сильнѣе употребляемъ противное ему средство борьбы, тѣмъ все больше и больше мы отдаляемъ отъ себя наше единственное средство избавленія.

* № 27.

То, что совершается теперь не въ одномъ русскомъ народѣ, но во всѣхъ народахъ, то, что выражается и можетъ выразиться въ движеніи, охватившемъ русскихъ людей, не есть дѣло касающееся одного русскаго народа, не есть возстаніе народа противъ своего правительства, которое называется революціей. То, что предстоитъ теперь совершить русскому народу и что начинаетъ совершаться, есть начало перехода жизни всѣхъ народовъ отъ дѣтскаго состоянія въ возмужалое, есть измѣненіе всѣхъ основъ

жизни, есть замѣна насилія разумнымъ согласіемъ, есть первый шагъ, восхожденіе человѣчества на высшую ступень общественнаго сознанія и вытекающаго изъ него устройства.

Восхожденіе это можетъ быть отсрочено, можетъ быть совершенно не русскимъ, а другимъ народомъ, но оно должно быть, такъ какъ тѣ двѣ причины, которыя должны привести къ этому, — все большее и большее развращеніе власти и все большее и большее сознаніе преступности грѣха подчиненія человѣческой власти — не переставая дѣйствуютъ и должны привести къ этому, къ сознанію грѣха поклоненія государства, къ освобожденію отъ этого поклоненія и къ прекращенію насильнической власти и повиновенія ей.

Если же, какъ я думаю, дѣло это должно быть совершенно теперь и русскимъ народомъ, то измѣненіе этого отношенія къ власти, чтобы совершиться въ дѣлѣ, должно прежде всего совершиться въ сознаніи людей. Люди должны будутъ понять весь грѣхъ, всю преступность, все безуміе отреченія отъ своей воли и вѣчнаго закона Бога, для того чтобы повиноваться людямъ. И какимъ людямъ? большею частью людямъ по нравственнымъ качествамъ стоящимъ гораздо ниже средняго уровня, людямъ, готовымъ на всякія жестокости и несправедливости, которыя неразрывны со всякой насильнической властью.

Для того чтобы развязать грѣхъ, изъ котораго возникъ указаный идолъ государства, людямъ надо вызвать въ себѣ высшее сознаніе закона Бога, единенія и лучшія чувства любви къ людямъ.

Для того чтобы развязать грѣхъ, надо вызывать добрыя чувства въ людяхъ, помогать имъ, кротко увѣщевать заблуждающихся, прощать обижающихъ и, главное, не дѣлать того самаго, отъ чего людямъ надо избавиться, не дѣлать насилія.

И что же теперь вмѣсто этого начинаютъ дѣлать нѣкоторые русскіе люди?

Люди, русскіе люди, по счастью немногіе, еще ненавидятъ другъ друга, возбуждаютъ къ ненависти, лгутъ, клеветуютъ другъ на друга, возбуждаютъ къ злодѣяніямъ, грабятъ, убиваютъ, мучаютъ другъ друга: одни подъ предлогомъ того, что они отстаиваютъ спокойствіе и безопасность людей, другіе подъ предлогомъ устройства такого порядка, который дастъ наибольшее благо всѣмъ. Какое великое дѣло совершилъ бы русскій народъ, если бы онъ въ теперешнее огромной важности для него и для всего человѣчества время понялъ бы свое призваніе и вмѣсто нелѣпой, не только безцѣльной, но губительной борьбы и озлобленія воздержался бы именно теперь отъ всякаго насилія, напротивъ, отвѣчая добромъ на зло, и своей жизнью показалъ бы людямъ примѣръ возможности спокойной и радостной жизни безъ подчиненія насильнической власти. И русскій народъ можетъ и долженъ это сдѣлать.

Меня спросятъ: но что дѣлать, что именно дѣлать теперь русскому правительству, что дѣлать интеллигенціи и рабочимъ, борящимся съ правительствомъ, что дѣлать народу?

Правительству, если оно хочетъ и можетъ понять свое положеніе и положеніе русскаго народа, можно и должно дѣлать только одно: понявъ то, что оно было и есть одно изъ главныхъ причинъ, отъ которыхъ страдалъ и страдаетъ народъ, покаяться въ своемъ грѣхѣ, перестать бороться силою съ тѣми, кто хочетъ свергнуть его, а постараться миролюбиво удалиться отъ власти, не давая отрывать ее отъ себя и не отдавая ее тѣмъ новымъ властителямъ, которые хотятъ захватить ее. Сдѣлаютъ или не сдѣлаютъ это правительственные люди, они неизбѣжно придутъ къ этому же. Только съ той разницею, что, сдѣлавъ это, они придутъ къ тому же безъ борьбы, безъ жестокости, безъ междоусобія, безъ грѣха, не сдѣлавъ этого, придутъ къ тому же черезъ великія преступленія и страданія. Тоже почти должно сдѣлать и той интеллигенціи и рабочимъ, которые борятся съ правительствомъ.

* № 28.

Невозможно, что[бы] всѣ булочники, слесаря или рудокопы согласились ради своей выгоды устроить стачку и выдержали бы ее, невозможна и всемірная стачка, стачка рабочихъ, потому что выгоды всѣхъ людей безконечно разнообразны, переплетаются и не общи всѣмъ, но признаніе того, что лучше жить любя людей, чѣмъ ненавидя ихъ, лучше жить въ единеніи и согласіи, чѣмъ въ раздѣленіи и враждѣ, такое признаніе всегда обще всѣмъ людямъ, обще и ихъ разуму и ихъ сердцу. И потому такое единеніе людей въ единомъ желаніи, одномъ рѣшеніи не только возможно, но неизбѣжно необходимо.

Конечно, такого единенія и такого соглашенія никогда не будетъ, пока люди будутъ продолжать вѣрить, что все, что было и есть, то и должно быть, что все, что существуетъ, то разумно, а что поэтому, такъ какъ есть государство съ своей насильнической властью, что люди и должны подчиняться ему. Но къ счастью людей существуетъ религиозное пониманіе жизни людей, которое сразу разрушаетъ всѣ тѣ настроенныя надъ свободой людей искусственные зданія, которые должны поработить ихъ, и сразу освобождаетъ отъ нихъ людей. И такое религиозное пониманіе жизни, если оно есть въ русскомъ народѣ, и должно показать ему путь къ освобожденію и освободить его.

* № 29.

Казалось бы, какъ просто для русскаго земледѣльческаго народа освободиться отъ власти и всѣхъ сопряженныхъ съ ней бѣдствій тѣмъ, чтобы только перестать признавать ее. Стоить

только перестать признавать власть и участвовать въ ней, и сразу наступило бы для русскаго земледѣльческаго народа избавленіе отъ всѣхъ бѣдствій власти: отъ податей, лишенія права на землю, отъ военныхъ приготовленій, отъ солдата и войны; казалось бы, какъ легко и какія огромныя выгоды, а люди не дѣлаютъ этого, потому что сознаніе ихъ не стоитъ на той высотѣ, при которой люди могутъ не признавать человѣческую власть и не повиноваться ей.

Человѣческая власть такова, что всегда привлекаетъ людей повинующихся ей, для своей выгоды принимать большее или меньшее, прямое или посредствующее участіе въ ней. И потому среди людей, подчиняющихся власти, никогда не можетъ быть и не было и не будетъ всеобщаго, одинаковаго отношенія къ власти. Только власть Бога, законъ жизни таковъ, что никто не можетъ принимать участія въ немъ, и всѣ одинаково должны повиноваться ей, и требованія ея для всѣхъ одинаковы. Требованія ея: уваженіе всѣхъ людей ко всѣмъ людямъ, отношеніе къ каждому, какое желаешь чтобы было къ тебѣ, и любовь всѣхъ людей ко всѣмъ людямъ. Только такое признаніе надъ собой единой, общей всѣмъ власти Бога и Его закона можетъ и должно освободить людей отъ грѣха власти и всѣхъ ея ужасныхъ послѣдствій.

И потому предстоящее въ наше время измѣненіе жизни народовъ можетъ совершиться никакъ не черезъ установленіе такихъ или иныхъ правленій, не черезъ революціи, не черезъ стачки, интернаціоналы, не черезъ социалистическое, насиліемъ вводимое и впередъ опредѣленное устройство, не черезъ все большія и большія техническія усовершенствованія, а только черезъ измѣненіе сознанія людей, черезъ соединеніе наибольшаго числа людей въ одномъ общемъ всѣмъ людямъ пониманіи смысла жизни и признаніи высшей обязательности и вытекающихъ изъ него требованій. Только такое соединеніе людей въ одномъ общемъ вѣрованіи можетъ не только избавить людей отъ наносимыхъ имъ самимъ себѣ страданій и открыть передъ ними радостную работу осуществленія вѣснаго, соответственнаго времени устройства жизни.

* № 30.

Вопросъ, главное, не въ томъ, могутъ ли жить люди безъ насилія насильниковъ, но въ томъ, какимъ образомъ избавиться отъ насилія. Если бы всѣ люди, положимъ, теперь русскаго народа, всѣ вдругъ рѣшили бы не участвовать въ насиліяхъ правительства, не служить ни въ полиціи, ни въ солдатахъ, ни въ сборщикахъ податей, ни въ таможнякахъ и выдержали рѣшеніе, какъ это дѣлается въ успѣшныхъ стачкахъ, то ясно, что народъ избавился бы отъ насилія. Но трудность въ томъ, что не можетъ быть того, чтобы всѣ сразу рѣшили не

повиноваться власти и выдержали бы это рѣшеніе. Всегда среди народа найдутся люди, которые или не согласны съ этимъ рѣшеніемъ или такіе, которыхъ нужда заставить власти, но и принуждать къ этому другихъ. Вотъ это то соображеніе и заставило людей думать, что освобожденіе отъ власти людей невозможно.

Но люди, разсуждающіе такъ, забываютъ о томъ различіи, которое существуетъ между повиновеніемъ власти, потому что власть признается чѣмъ то необходимымъ, законнымъ, даже священнымъ, и случайнымъ повиновеніемъ, не только не признаваемымъ законнымъ, насилію, но признаваемымъ вреднымъ и незаконнымъ. Итти въ солдаты, судьи, полицейскіе, сборщики податей съ сознаниемъ постыднаго и дурнаго для себя и для другихъ дѣла, только потому что не можешь одолѣть соблазна, — одно дѣло и совсѣмъ другое — считать, что власть необходима и что, участвуя въ ней, я дѣлаю доброе дѣло.

Какъ жизнь отдѣльнаго человѣка, такъ и жизнь общества, измѣняется только тогда, когда совершается измѣненіе въ мысли. Когда же измѣненіе совершилось въ мысли, оно неизбѣжно рано или поздно въ той или иной формѣ совершится и въ жизни. И вотъ это измѣненіе въ мысли, измѣненіе мысли о томъ значеніи, которое имѣетъ власть. Хотя и всегда русскій народъ смотрѣлъ на власть какъ на нѣчто недоброе и грѣшное, теперь онъ ходомъ жизни приведенъ къ сознанію того, что власть есть зло не только не необходимое, но неизбѣжно долженствующее быть упразднено, такъ какъ отъ этого основного зла тѣ бѣдствія, до которыхъ дшпелъ русскій народъ.

* № 31.

Разсужденіе это наводитъ на очень важныя и новыя мысли о государствѣ вообще, о происхожденіи и значеніи государства.

«Государство», слово, понятіе государства есть одно изъ тѣхъ словъ и понятій, которыя устанавливаются (невольнo) людьми для оправданія своихъ (большей частью дурныхъ) поступковъ, кажущіяся чѣмъ то очень важнымъ, возвышеннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничего реальнаго не представляющихъ. Таковы слова: церковь, наука, искусство, право, и мн. др.

Церковь есть собраніе истинно вѣрующихъ. Таково опредѣленіе. Но въ сущности это есть собраніе считающихъ однихъ себя истинно вѣрующими. *Наука есть объективное, достойное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономерности или неизмѣннаго порядка.* Таково ученое опредѣленіе; въ сущности это тѣ знанія, которыя извѣстные люди считаютъ истинными и важными.

Искусство есть возвышающее насъ выраженіе идеи красоты.

(Я беру самое употребительное опредѣленіе искусства. Въ сущности то, что мы называемъ искусствомъ, есть такіе, доставляющія намъ удовольствіе и развлеченіе дѣйствія и произведенія людей, которыя считаются очень важными нѣкоторыми людьми.)

Право есть совокупность атрибутивныхъ и еще какія то нормъ. Въ сущности правомъ мы называемъ то, что по представленію нѣкоторыхъ людей можетъ быть приобретаемо, защищаемо и отстаиваемо насиліемъ, большей частью убійствомъ.

Таково и слово и понятіе «государство». Опредѣляется государство обыкновенно такъ: *Государство есть организациія осѣдлаго населенія, занимающаго опредѣленную территорію и подчиняющагося одной и той же власти.*

Въ сущности же то, что мы называемъ государствомъ, есть ничто иное, какъ насиліе, производимое одними людьми надъ другими.

Всѣ эти понятія — какъ церковь, наука, искусство, право и государство (то самое, о которомъ я говорю теперь), имѣютъ своимъ основаніемъ желаніе людей оправдать свои, несогласныя съ природой человѣка, дурныя поступки.

Происхожденіе этихъ понятій очень древнее и каждое изъ нихъ имѣетъ свою исторію. Такъ, понятіе государство появилось еще во времена Платона и Аристотеля.

* № 32.

Знаю я, что существуетъ среди умственно извращенныхъ людей нашего времени, называемыхъ учеными, самое грубое, ни на чемъ не основанное суевѣріе, что все, что теперь дѣлается въ промышленности, всѣ тѣ глупости и гадости, которые выросли изъ давленности насиліемъ массъ народовъ и изъ праздности меньшинства властвующихъ, что все это есть нѣчто прекрасное, какое и должно быть, что въ тѣхъ автомобиляхъ, телеграфахъ, открытіяхъ радіевъ, фотографіяхъ, тунеляхъ, грамофонахъ, миллиардовъ дестей печатной бумаги и т. п. глупостей и гадостей заключается будущность народовъ, что пзъ этого всего сдѣлается наконецъ то, что работать будутъ не люди, а водопады и солнце, и все нужное, даже пищу, будутъ дѣлать на большихъ заводахъ, и люди все будутъ размножаться и размножаться и, питаясь химической пищей, будутъ вполне счастливы. Пока же все это совершится, нѣсколько поколѣній людей пускай погибаютъ въ рудникахъ подъ землей и на землѣ въ такомъ воздухѣ и въ такихъ условіяхъ, которые хуже подземныхъ.

Знаю я и то обыкновенное въ подтвержденіе этихъ странныхъ и недобрыхъ мыслей приводимое разсужденіе о томъ, что всѣ эти выдумки, въ общемъ называемыя цивилизаціей, необходимы для того, чтобы спасти людей отъ гибели, къ которой

они неизбежно придутъ, все болѣе и болѣе размножаясь. Размноженіе же, по ученію этихъ людей, составляетъ идеаль челоуѣчества. Силогизмъ такой. Люди размножаются, и это хорошо и должно быть. Питаніе, добываемое земледѣліемъ, какъ бы оно не улучшилось, не достанетъ, и потому нужно добывать питаніе химически. Въ такомъ добываніи нѣтъ предѣловъ. Цивилизація ведетъ къ подготовленію средствъ для такого добыванія пищи, и потому цивилизація есть добро.

Но не говоря уже о томъ, что при безпрепятственной добычѣ питанія и непрерывномъ размноженіи придетъ время, когда людямъ не будетъ мѣста даже для того, чтобы стоять на земномъ шарѣ (Мечниковъ же придумаетъ еще средство, чтобы живущіе не умирали), не говоря объ этомъ, почему идеаль челоуѣчества въ размноженіи?

Таковъ можетъ быть идеаль животныхъ, кролика, рыбы, умѣряемыхъ борьбой, но кто же сказалъ, что въ этомъ идеаль челоуѣка?

Идеаль челоуѣка не идеаль кролика — размноженіе, а идеаль челоуѣка — совершенство. Будьте совершенны, какъ Отецъ Небесный. А совершенство включаетъ цѣломудріе. Источникъ размноженія есть животный эгоизмъ. Источникъ цѣломудрія есть разумъ и отреченіе. Но люди, вѣрующіе въ цивилизацію, не видятъ этого, потому что вѣрятъ не въ Бога, а во власть и выросшую на ней цивилизацію.

Все это я знаю и знаю, что едва ли это столь распространенное и считающееся научнымъ ужасное суевѣріе на много вреднѣе всѣхъ прежнихъ и что возвращеніе людей къ разумной земледѣльческой жизни нетолько уничтожить всѣ тѣ ненужныя, глупыя и вредныя производства, которыми занята теперь ужъ значительная часть челоуѣчества, но уничтожить и тѣхъ правдныхъ людей, которые придумываютъ всѣ эти ненужныя и вредныя изобрѣтенія и оправданія имъ.

Большинство людей, живущихъ сознательной земледѣльческой жизнью, естественно направятъ свои силы въ свободное отъ земледѣльческаго труда время не на прихоти нѣкоторыхъ и не фантазіи будущаго, а на производства нужныхъ предметовъ и для облегченія труда, и для увеличенія земледѣльческаго производства, и для улучшенія и украшенія своей жизни.

* № 33.

Такъ что все, что дѣлаютъ теперь закабаленные люди, вынужденные исполнять волю властителей, какъ то: пушки, крѣпости, храмы, алкогольные напитки, автомобили, телеграфы, фонографы, фотографіи, картины, музеи, тунели, грамофоны, горы печатной бумаги, съ напечатанными на нихъ гадостями, лжами и глупостями, разрывныя бомбы, обсерваторіи — все это, составляя часть цивилизаціи, несомнѣнно благодѣтельно и полезно.

Вотъ это то ужасное суевѣріе, распространенное не только среди богатыхъ, но среди страдающаго отъ него рабочаго народа, и дѣлаетъ то, что люди, живя самой жестокой жизнью, вставляя народные массы работать на себя и поддерживать свою праздную жизнь, не видятъ своего грѣха и вполне увѣрены, какъ всѣ ученые, художники, государственные люди, промышленники, торговцы, что ихъ дѣятельность не есть дѣятельность безнравственная и вредная, а, напротивъ, очень полезная, потому что она подчиняется закону цивилизаціи, посредствомъ которой какъ то само собой со временемъ сдѣлается то, что всѣми тѣми глупостями и гадостями, которыми теперь пользуются нѣкоторые, будутъ пользоваться всѣ люди.

* № 34.

Отъ этого то мнѣнїа знанїа людей того, каково должно быть устройство общества, въ которомъ они живутъ, и полна исторїа народовъ самыми ужасными злодѣянїями, отъ этого и совершились и продолжаютъ совершаться сейчасъ въ Кореѣ, Китаѣ, Тибетѣ, Египтѣ ужаснѣйшія преступленїа, одни для блага японскаго, другїя для блага китайскаго, третьи для блага англїйскаго народовъ, и люди, совершающїе и совершавшіе эти преступленїа, не только не стыдятся ихъ, но гордятся ими.

Отъ этого же и совершаютъ теперь для блага русскаго народа по всему пространству русскаго государства такъ называемые образованные люди тѣ ужасныя преступленїа, превосходящїя своей бессмысленностью и своей жестокостью все, что могутъ сдѣлать самые бѣшенныя люди или самые дикїе, кровавадыя звѣри. Одни совершаютъ эти преступленїа для того, чтобы русскїе люди были вполне счастливы, получивъ конституцію, другїе для того, чтобы они были счастливыми гражданами демократической республики, третьи для того, чтобы осуществилось соціалистическое устройство, четвертые для того, чтобы русскїе могли продолжать благоденствовать, оставаясь въ томъ же положенїи, въ которомъ были.

* № 35.

Часто люди хотятъ, чтобы будущая жизнь была такая же, какой была прошедшая, или чтобы она была такою, какою она была, и не дѣлается такою, какою одинъ человекъ или нѣсколько человекъ воображаютъ себѣ, а дѣлается такою, какою дѣлаютъ ее всѣ миллиарды до безконечности разнообразныхъ людей, которые жили прежде, и тѣ миллионы людей съ своими разнообразными взглядами и чувствами, которые живутъ теперь. Мы можемъ знать одно — что жизнь никогда не можетъ остановиться и что она въ будущемъ будетъ не такой, какою она была, а непременно будетъ другая. Какъ ребенокъ будетъ

совсѣмъ другое существо, когда будетъ мужемъ или старикомъ, такъ и общество людей. Но какъ мы не можемъ знать, какимъ мужемъ будетъ тотъ ребенокъ, котораго мы наблюдаемъ, такъ точно и тѣмъ болѣе мы не можемъ знать этого о цѣломъ обществѣ людей. И какъ главный вредъ воспитанія въ томъ, что мы хотимъ сдѣлать изъ ребенка такого человѣка, какого мы воображаемъ себѣ, такъ точно и главный вредъ общественныхъ дѣятелей и ихъ теорій въ томъ, что люди хотятъ сдѣлать общество такимъ, какимъ они себѣ воображаютъ его. Одно, что мы можемъ знать о живомъ человѣкѣ, такъ и о живомъ обществѣ, это то, чѣмъ не долженъ быть человѣкъ и чѣмъ не должно быть общество.

И это мы знаемъ относительно русскаго общества. Что оно не должно продолжать быть тѣмъ мертвымъ, развращающимся отъ деспотической власти обществомъ, какимъ оно было до сихъ поръ, и не должно сдѣлаться такимъ, какими стали общества западныхъ народовъ, это мы вѣрно знаемъ. Какимъ же оно будетъ, мы не знаемъ, не можемъ знать, потому что жизнь и ея благо состоитъ въ томъ, чтобы вступить изъ прежняго состоянія въ новое. ●

* № 36.

Какіе то люди требуютъ отъ меня, чтобы я не смѣлъ обмѣниваться съ сосѣдями своими произведеніями и отдавалъ имъ часть своего труда, требуютъ отъ меня, чтобы я участвовалъ въ какихъ то выборахъ, требуютъ, чтобы я признавалъ какую то власть надъ собой, признавалъ какіе то долги, которые кто-то для меня сдѣлалъ и которые я долженъ выплачивать, требуютъ самаго для меня невозможнаго — чтобы я принималъ участіе деньгами или личной службой въ какихъ то дракахъ, убійствахъ и приготовленіяхъ къ нимъ. Вѣдь если я только опомнился, то требованія эти могутъ показаться мнѣ только смѣшными, вродѣ того, какъ еслибы кто-нибудь велѣлъ мнѣ ходить на четверинкахъ или бить палкой по головѣ всѣхъ моихъ знакомыхъ. Требованія эти нелѣпы, такъ противны разуму и чело-вѣческой природѣ, что опомнившемуся человѣку нельзя серьезно говорить про нихъ. «Зачѣмъ я буду дѣлать все это? Дѣлайте тѣ, кому это нужно, а мнѣ все это не нужно, не могу дѣлать этого, — скажетъ всякій опомнившійся человѣкъ. — Вы говорите, что если я не буду дѣлать этого, вы посадите меня въ тюрьму или убьете. Но кто же будетъ сажать меня, если люди услышатъ и поймутъ то, почему я не могу исполнить вашихъ требованій? Вы не можете сажать въ тюрьмы и казнить всѣхъ людей, разсуждающихъ здраво, потому что здравый смыслъ свойство всѣхъ людей. И если вы можете, то дѣлайте что хотите надо мной, но самъ я себя и своихъ братьевъ не хочу и не могу развращать и мучать».

* № 37.

«Давайте подати», скажутъ вамъ. «Не могу, — скажете вы. — На общее дѣло, на плотину, на запасный хлѣбъ, на школу, на больницу, на дорогу я дамъ по соглашенію, но дать деньги людямъ, которые живутъ налогами на таможи, на тюрьмы, на оружіе, на солдатъ — не могу. Мнѣ Богъ не велитъ». «Иди въ солдатъ». «Не могу. Войско, война противна Богу, не могу нарушить законы». «Не смѣй пахать эту землю, а признавай ее царской или княжеской или купеческой». «Не могу. Богъ послалъ меня въ міръ и далъ всѣмъ намъ землю. Не могу признать закона, противнаго Богу». Такъ должны вы отвѣчать, если потребуютъ отъ васъ податей, пововутъ въ солдаты, не дадутъ земли. Если же за подати возьмутъ корову, отдать ее, если за то, что не пойдете въ солдаты, посадятъ въ тюрьму, терпѣть, если не дадутъ пахать земли — не спорить. Только поступайте такъ, и не будетъ податей, и не будетъ солдатчины, и земля будетъ вся общая.

Только поступайте такъ, русскіе земледѣльческіе люди, и вы получите все, что желаете, и исполните законъ Бога, и откроете себѣ и людямъ новый путь жизни.)

* № 38.

XVII.

«Все это общія разсужденія. Но дѣлать, что дѣлать теперь людямъ вообще? Что дѣлать теперь русскимъ людямъ?»

Что дѣлать людямъ? Что дѣлать разумнымъ существамъ послѣ вѣчности несуществованія или несознаваемаго существованія явившимся въ міръ и всякую минуту и во всякомъ случаѣ очень скоро долженствующимъ исчезнуть? Что дѣлать намъ, разумнымъ существамъ, живущимъ среди такихъ же существъ, спрашиваютъ люди, какъ будто мы только одни первые люди явились въ міръ и первые задаемъ себѣ вопросъ о томъ, что намъ дѣлать. Но вѣдь мы не только не первые, не только не одни, но мы изъ милльардовъ и милльардовъ прежде насъ жившихъ существъ и милльоновъ и милльоновъ живущихъ теперь съ нами въ одно время и задававшихъ и задающихъ себѣ тѣ же вопросы и отвѣчавшихъ и отвѣчающихъ на нихъ. И отвѣтъ этотъ давно открытъ и извѣстенъ людямъ. Отвѣтъ простой, короткій, ясный и несомнѣнный: исполнять тотъ законъ, который поставила намъ та сила, которая произвела насъ.

Законъ этотъ вездѣ, во всѣхъ выраженіяхъ мудрости людской, во всѣхъ вѣрахъ отъ Браминизма до Магометанства и во всѣхъ сердцахъ всѣхъ людей въ одномъ: законъ этотъ въ справедливости, въ добротѣ, въ любви или по крайней мѣрѣ въ недѣланіи другимъ того, чего не хочешь чтобы тебѣ дѣлали. Законъ этотъ общій всѣмъ народамъ: Японцамъ и Русскимъ,

Италянцамъ и Индусамъ, Норвежцамъ и Кафрамъ, общій и всѣмъ положеніямъ: и императору, и королю, и пастуху, и сапожнику. И исполненіе этого закона одинаково даетъ благо и Японцу, и Италянцу, и Англичанину, и Кафру, и царю, и сапожнику и даетъ благо не въ будущемъ, и гдѣ то, и можетъ быть, а сейчасъ, и здѣсь, и навѣрное. И нарушеніе закона не гдѣ нибудь и не когда нибудь, а тоже сейчасъ, здѣсь причиняетъ страданіе. Все это несомнѣнно, и мы всѣ знаемъ это.

Вотъ этотъ то законъ опредѣляетъ дѣятельность всѣхъ людей вездѣ и всегда, опредѣляетъ и дѣятельность русскихъ людей теперь въ Россіи, все равно къ какому бы они ни принадлежали кругу людей — къ правительственнымъ лицамъ, отъ царя до городского, къ революціонерамъ, отъ террориста до либерала, къ рабочимъ, отъ типографщика до земледѣльца.

Что дѣлаютъ правительственные люди и что имъ должно дѣлать? Во имя удержанія того устройства общества, которое было до сихъ поръ и которое очевидно пережито людьми, люди эти борются съ разрушителями этого устройства, борются съ ними тѣми же ужасными, противными закону Бога средствами, которыя они употребляютъ противъ нихъ: ловятъ людей, какъ звѣрей, запираютъ, казнятъ, убиваютъ и дѣлаютъ все это, зная, что люди эти такіе же, какъ они, только думающіе иначе, воспитанные, приведенные къ своимъ взглядамъ также неизбежно, какъ эти приведены къ своимъ. Все это сыновья, мужья, братья, друзья, отцы, и вы, не жалѣя ихъ, ссылаете, запираете, казните, а если и жалѣете, то говорите: «что же дѣлать, это одно средство образумить ихъ, спасти другихъ, спасти Россію». Но, во-первыхъ, вы сами знаете и на опытѣ видите, что всѣ ваши казни, убійства не усмиряютъ, не утишаютъ, а только все больше и больше озлобляютъ, заражаютъ вашихъ враговъ той же ¹ жестокостью, съ которой вы поступаете съ ними. Это одно.

Второе: вы говорите, что вы это дѣлаете для блага Россіи, для блага многихъ людей. Но кто же объявилъ вамъ, когда вы рожались, и росли, и палили, и грѣшили, какъ дѣти и юноши, кто сказалъ вамъ, что вы избраны руководителями народа, что вы призваны исправлять людей, спасти Россію? ² Вамъ говорили это люди, которымъ это выгодно, — льстецы, угодники, но въ глубинѣ души вы знаете, что никто не поручалъ и не могъ поручить вамъ дѣло Россіи, миллиононь людей. Вы знаете, если заглянете въ свою душу, что поручено вамъ только одно и не малое дѣло ³ — ваша душа.

¹ *Зачеркнуто:* злобой

² *Зач.:* Никто не говорилъ и не могъ сказать вамъ этого. Только ваше тщеславіе, ваша гордость, для нѣкоторыхъ даже корысть подсказали вамъ это, и вы повѣрили.

³ *Зач.:* не меньше, но гораздо больше того, какое вы самоувѣренно вняли на себя,

Она навѣрное поручена вамъ и ее только вамъ надо соблюсти, а ее то вы и губите, воображая, что призваны дѣлать дѣло, которое вамъ и не нужно и которое вы не можете дѣлать, а стараясь дѣлать которое, вы губите и дѣло, за которое беретесь, и свою душу.

Что же вамъ дѣлать? Прежде всего перестать дѣлать то злое дѣло, которое вы дѣлали и дѣлаете, силою борясь съ людьми и вызывая въ нихъ борьбу и злобу. Прежде всего отказаться отъ власти — причины всего зла, причины той борьбы, которая поднялась противъ васъ, отказаться отъ власти и всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыя связаны съ ней.

Знаю, что это вамъ кажется труднымъ и даже невозможнымъ.¹ Но положение теперь такое, что, какъ ни трудно это кажется, это всетаки и лучше и легче того, что, очень можетъ быть, ожидаетъ васъ² (вспомните Французскую революцію)³ и въ духовномъ отношеніи. Вспомните знаменательныя слова Бисмарка, сказанныя передъ смертью:

Вып[исать] Бисм[арка].

Такъ, мнѣ кажется, должны бы думать правительственные люди.

Что дѣлать вамъ, интеллигенціи, тѣмъ, которые боретесь теперь съ правительствомъ, думая каждый по своему устроить судьбу 140 милліоновъ русскаго народа? Что дѣлать вамъ — либераламъ, конституціоналистамъ, революціонерамъ всякихъ оттѣнковъ?

Прежде всего очнуться отъ того дурмана самолюбія, легкомыслія и внушенія, въ которомъ вы находитесь. Еще понятно, какъ полудѣти студенты, гимназисты, рабочіе, курсистки, не понимая значенія всего того, что они дѣлаютъ, въ увлеченіи спорта суеятся, печатаютъ, раскидываютъ прокламаціи, чинятъ и раскидываютъ бомбы и съ пѣснями и флагами ходятъ по улицамъ. Молодая энергія ищетъ выхода и, дурно направленная, дѣлаетъ дурныя дѣла, не понимая всего ихъ значенія. Молодежь эта жалка по тому заблужденію, въ которое она заведена почти съ дѣтства дурными книгами, примѣрами, жалка и по той бесполезной тратѣ силъ, которая происходитъ въ нихъ. Но вы, сѣдые либералы, конституціоналисты всѣхъ сортовъ, революціонеры, социалисты, — неужели, если вы искренно ищете блага народа, какъ вы говорите, вы не видите того, что вы не знаете, не можете знать того, что нужно народу, не имѣете никакого права утверждать, что вы знаете это, и тѣмъ болѣе права совершать преступленія, убійства или подстрекательства къ убійству и, главное, развращенія жалкой вѣрящей

¹ Зачеркнуто: царю, министру, полиціимейстеру, всю жизнь прожившему чужими трудами.

² Зач.: въ матеріальномъ отношеніи

³ Зач.: и гильотину

вамъ молодежи ради того, что вамъ кажется съ тѣми десятками заблудшихъ, оторванныхъ отъ жизни людей, которые составляютъ ваши партіи? Вѣдь вы знаете, что всѣ вы несогласны между собой, и всѣ, каждая партія по своему, выражаетъ минимья желанія народа. Главное же, если вы оглянетесь на себя, вы не можете не видѣть того, что вы живете трудомъ этого самаго народа, который вы хотите благодѣтельствовать, живете или землями, отнятыми у него, или жалованіями, собранными съ него же, или доходами съ фабрикъ, на которыхъ отбираются труды этого же народа. И потому самое первое, что вы должны и можете сдѣлать для народа, если вы точно желаете его блага, — это то, чтобы слѣзть съ него, стать рядомъ съ нимъ. Только этимъ вы можете доказать искренность своего желанія. Но вы говорите, что ваша жизнь на трудахъ народа только временная, что если вы пользуетесь большими удобствами жизни, чѣмъ онъ, то это только покамѣсть, но что вы сдѣлаете то, что доведете его до себя, сдѣлаете то, что онъ будетъ имѣть тоже, что и вы. Не проще ли вамъ опуститься до него и имѣть тоже, что онъ? Тогда вамъ удобнѣе будетъ говорить съ нимъ, онъ повѣритъ и пойметъ васъ. Вы говорите, что вы желаете просвѣтить его. Чѣмъ же вы, большинство изъ васъ, не признающихъ ни Бога, ни духовнаго міра, вѣрующіе въ матеріалистическіе законы животной борьбы за существованіе, можете просвѣтить его? Раздразнить, раздражить его, подвергнуть его не только карамъ правительства, тюрьмамъ, побоямъ, казнямъ, но духовному развращенію — это вы можете, но у васъ нѣтъ того свѣта, которымъ бы вы могли просвѣтить его.

Опомнитесь. То зло, которое вы производите теперь, и матеріальное и, главное, духовное, развращающее народъ, ужасно и не имѣетъ никакого оправданія, кромѣ вашего самолюбія и легкомыслія. Вы не имѣете достаточно жестокихъ словъ, чтобы обвинить правительственныхъ, борющихся съ вами людей, но вѣдь эти люди, хотя и ложно, отстаиваютъ то, что давно существуетъ и было признано всѣмъ народомъ и признается еще большей частью его. Вы же хотите измѣненій вамъ же самимъ неясныхъ, большей частью взятыхъ изъ примѣра европейскихкихъ государствъ и не примѣнимыхъ къ Россіи, и во имя ихъ дѣлаете междуусобія, убиваете, мутите, развращаете народъ.

Не учить вамъ народъ, не устраивать его судьбу, а ¹ сознать свое заблужденіе, смириться, покаяться и постараться выработать себѣ нравственныя основы жизни, безъ которыхъ не жило и не можетъ жить человѣчество. ²

¹ Зачеркнуто: самимъ опомнитесь,

² Зач.: Для того же, чтобы выработать въ себѣ эти основы, вамъ надо не учить народъ и не руководить его, а учиться у него его мудрости, терпѣнію, трудолюбію и той кротости, которая составляла до послѣдняго времени его силу.

Поймите, что не учить другихъ, не конспирировать и мучать себя и другихъ вамъ нужно, а нужно опомниться и перестать дѣлать то, что вы дѣлаете. Однимъ этимъ воздержаніемъ отъ вредной дѣятельности вы сдѣлаете все, что отъ васъ нужно народу, т. е. оставите его въ покоѣ въ ту важную минуту, которую онъ переживаетъ. Поймите, что зло борьбы, которое затѣяли вы и ваши руководители, не только не полезно народу, но оно то и мѣшаетъ болѣе всего тому единственному средству освобожденія отъ зла посредствомъ неучастія во власти, которое предстоитъ теперь всѣмъ народамъ и которое можетъ начаться въ русскомъ народѣ.

Если же вы, въ особенности молодые, искренніе, обманутые люди, точно хотите служить народу, то прежде всего бросьте исключительное, отличающееся отъ рабочаго народа положеніе и подите къ нему, соединитесь съ нимъ и, если ему это будетъ нужно и вы сѣумѣете это сдѣлать, помогите ему въ томъ, чтобы, не возбуждая его къ борьбѣ, разобраться въ вопросѣ распредѣленія земли, помогите ему, если можете, въ указаніяхъ наилучшей обработки этой земли, что вы можете сдѣлать, благодаря своему книжному обученію.¹

Таково положеніе людей, какъ правительственныхъ, такъ и не правительственныхъ, борющихся съ властью и старающихся измѣнить ее.

Людымъ этимъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, надо измѣнить все свое положеніе и всю свою дѣятельность. Но не то для народа, для огромнаго большинства русскаго земледѣльческаго народа, переживающаго теперь время великой важности и значенія. Людямъ 100 миллионнаго земледѣльческаго народа русскаго надо не только не измѣнять своего положенія и свою дѣятельность, а, напротивъ, ничего не измѣняя, продолжать жить такъ, какъ онъ и жилъ до сихъ поръ, — мирной земледѣльческой жизнью, ничего не предпринимая, только воздерживаясь отъ грѣха борьбы съ насильнической властью, а также и участія въ ней.

«Ищите Царствія Божія и правды Его, и остальное приложится вамъ».

Вы, земледѣльческій русскій народъ, сотни лѣтъ ради своего спокойствія и личныхъ выгодъ повиновались правительству и принимали участіе въ насильнической власти, и у васъ отняли землю, васъ задавили податями, поработили такъ, что вы лишились всего и стали рабами чуждыхъ и неизвѣстныхъ вамъ людей, называемыхъ правительствомъ, которые, когда вдумаютъ, забираютъ васъ и вашихъ сыновей въ солдаты и посылаютъ на ненужную погибель въ Турцію, Китай, Японію.

¹ *Зачеркнуто*: Помогите ему, главное, освободиться отъ суевѣрія государства и церкви.

Правительственные люди уговаривают вас продолжать повиноваться имъ, обѣщая вамъ улучшить ваше положеніе и угрожая тѣмъ, что прекращеніе повиновенія ввергнетъ васъ въ худшія бѣдствія.

Революціонеры приглашаютъ васъ къ борьбѣ съ старой насильнической властью и обѣщаютъ вамъ избавить васъ отъ всѣхъ вашихъ бѣдствій. Но вѣдь борьба съ старымъ правительствомъ значитъ участіе въ новомъ правительствѣ, значитъ участіе въ новомъ, еще болѣе сильномъ грѣхѣ, участіе въ дѣлахъ насилія новой власти: въ грабежахъ, убійствахъ, междуусобіяхъ. Участіе въ дѣлахъ старыхъ правительствъ привело васъ къ вашимъ бѣдствіямъ. Къ тому же приведетъ васъ и участіе въ еще худшихъ насиліяхъ, къ которымъ призываютъ васъ революціонеры. Отъ насилія ничего не можетъ быть кромѣ насилія. И потому всякое участіе въ старомъ ли, новомъ ли насиліи можетъ только всё больше и больше поработить васъ.

Что же дѣлать? Одно: забыть о человѣческомъ законѣ и вспомнить о законѣ Бога.

Только вспомни и признай, русскіе земледѣльческіе люди, въ теперешнее трудное время законъ Бога, запрещающій всякое насиліе и всякое участіе въ немъ, только воздержись, большинство русскихъ земледѣльческихъ людей, во имя этого закона отъ всякаго насилія и всякаго участія въ насиліи какъ стараго правительства, такъ и въ борьбѣ съ нимъ, и избавитесь отъ всѣхъ бѣдствій и получите еще и всё то, чего только можете желать для своего личнаго блага: получите и землю, которую некому будетъ отнимать отъ васъ, освободитесь отъ давящихъ васъ податей, освободитесь и отъ развращенія и отъ бѣдственности, потому что некому будетъ ни собирать подати, ни забирать людей въ солдаты.

Только не дѣлайте грѣха участія во власти, живите по прежнему мирной земледѣльческой жизнью, ничего не предпринимая, только исполняя законъ Бога, не борясь съ властью и не участвуя въ ней, — и вы не только получите все, чего желаете, но исполните свое назначеніе и откроете себѣ и другимъ людямъ новый, предназначенный всѣмъ людямъ Богомъ путь жизни.

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?»]

* № 1.

Написавъ, какъ умѣлъ, все то, что я думалъ и чувствовалъ о совершающемся теперь въ Россіи въ статьяхъ, которыя теперь печатаются, я думалъ, что я кончилъ думать и писать о современныхъ дѣлахъ и мнѣ можно будетъ до смерти, до которой уже такъ немного осталось, отдаться всѣми силами души тѣмъ вопросамъ все большаго и большаго уясненія и упрощенія вѣчныхъ вопросовъ жизни человѣческой, ея назначенія и смысла, но не могу: чувствую, что долженъ опять, какъ ни слабъ и не ничтоженъ мой голосъ (не изъ ложной скромности говорю это, истинно считаю его слабымъ и ничтожнымъ среди той ужасной бури, которая охватила насъ), чувствую, что все-таки долженъ передъ своей совѣстью, передъ Богомъ, котораго такъ забыли люди, сказать то, что думаю и чувствую. Вчера у меня была страшно поразившая меня вторая встрѣча съ крестьяниномъ революціонеромъ, но какъ не тяжела она была мнѣ, я думалъ, что я перенесу ее молча и буду въ состояніи продолжать заниматься моими душевными дѣлами, но нынче только, когда я вышелъ къ домашнимъ, я засталъ зятя, читающимъ вслухъ газету доктору (я не читаю газетъ).

— Что вы читаете?

— Нынче 22 казенныхъ (это было 6 Октября).

Я зналъ, что вчера было столько же, что всѣхъ за мѣсяцъ что то около 200.

Я ушелъ къ себѣ и хотѣлъ взяться за свою работу. Но мысль не работала, не могла оторваться отъ этого ужаса.

Вспомнился вчерашній крестьянинъ революціонеръ, вспомнились прежніе два, вспомнился этотъ ужасный Столыпинъ, сынъ моего стараго друга Аркадія Столыпина, душевно хорошаго человека, стараго Генерала, Генераль-Адъютанта, который сжегъ всѣ свои писанныя имъ воспоминанія о войнахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ (а онъ участвовалъ во многихъ и много зналъ и хорошо писалъ), сжегъ потому, что пришелъ

къ убѣжденію, что война зло и нехорошо ни участвовать въ ней, ни думать о ней. И вотъ сынъ, котораго я, слава Богу, не знаю, сталъ во главѣ того правительства, которое совершаетъ бессмысленно, глупо всѣ эти ненужные вредные ужасы. Вспомнилъ все это и рѣшилъ написать все, что думалъ и чувствовалъ и теперь думаю и чувствую.

Я давно уже не читаю газетъ, но, какъ и не можетъ быть иначе, по разговорамъ домашнихъ зналъ почти все, что дѣлалось. Было время, когда мнѣ думалось, что правительство еще можетъ, выставивъ разумную, либеральную, важную для народа мѣру — земельное освобожденіе, спасти не себя только, но весь народъ, думалъ, что революціонеры (разумѣя подъ революціонерами всѣхъ борющихся съ правительствомъ) могутъ еще опомниться и перестать мутить народъ, не имѣя никакой разумной цѣли, кромѣ глупого подражанія Европѣ; думалъ, что въ народѣ, въ большинствѣ его, еще живы религиозно нравственныя христіанскія начала, которыя всегда руководили его жизнью, и я написалъ обращеніе къ правительству, революціонерамъ и народу. Обращеніе это не появилось, да если бы оно и появилось, оно не могло имѣть никакого дѣйствія. Въ томъ, что это было такъ, я убѣдился вслѣдствіи, какъ ни странно это сказать, разговора съ двумя молодыми людьми, такъ называемыми босяками, которые нанялись въ нашей деревнѣ къ хозяину яблочнаго сада и потомъ, поссорившись съ нимъ, пришли ко мнѣ за книжками. Оба были въ новыхъ розовыхъ рубахахъ, одинъ въ картузѣ и лаптяхъ, другой, въ черной шляпѣ и сапогахъ. Я разговорился съ ними. Они рассказали, что пострадали за политическія убѣжденія, участвовали въ Московскомъ вооруженномъ возстаніи, были высланы, шли на югъ и по дорогѣ нанялись въ садъ. Хозяинъ расчелъ ихъ за то, что они подговаривали крестьянъ громить садъ (они улыбаясь отрицали это, но это была правда). Оба они, особенно румяный, черноглазый, миловидный, самоувѣренный, улыбающійся, белозубый молодой человекъ въ шляпѣ, были вполне начитаны въ революціонной литературѣ, осуждали правительство, считали, что надо добиваться... чего, они хорошенько не знали, но надо добиваться, что правительство душитъ народъ. На всѣ мои доводы о томъ, что едва ли такими бунтами чтонибудь устроится, что нехорошо убійства и грабежи, бѣлозубый только улыбался и только говорилъ: «а наше не такое убѣжденіе». Когда я заговорилъ о требованіяхъ совѣсти и религіи, они переглянулись, и миловидный съ бѣлыми зубами снисходительно улыбался.

Какъ бываетъ съ мгновеннымъ замерзаніемъ воды отъ толчка, такъ бываетъ и съ убѣжденіями, которыя вдругъ складываются твердо изъ цѣлаго ряда предшествующихъ впечатлѣній. Такъ было со мною вслѣдствіи бесѣды съ этими людьми.

Мнѣ стало несомнѣнно ясно, что съ такими людьми — а та-

нѣ люди не только большинство, но всѣ участники революціи (всѣ, которыхъ я видѣлъ, а я видѣлъ не мало, были такіе) ясно, что на такихъ людей не можетъ подѣйствовать ни убѣжденіе, ни страхъ. Убѣжденіе не можетъ подѣйствовать, потому что они въ гипнозѣ. Страхъ не можетъ дѣйствовать, потому что они не только ничего не боятся, но имъ, очевидно, пріятно становиться въ опасное, молодеческое, восхваляемое не только товарищами, но газетами (они знаютъ это) положеніе. Послѣ бесѣды съ этими людьми мнѣ стало несомнѣнно ясно, что путь репрессій, на который вступило правительство, можетъ ухудшить, но никакъ не улучшить положеніе. Есть степень пожара, при которой нельзя ужъ ломать, а лучше не трогать. Мнѣ стало ясно, что одно, что можетъ разумнаго и цѣлесообразнаго сдѣлать теперь правительство, это то, чтобы прекратить всѣ насилія, всѣ казни, выпустить всѣхъ политическихъ изъ тюремъ, изъ ссылки, прекратить всѣ запрещенія сходовъ, печатанія статей и удовлетворить всѣмъ требованіямъ, которыя будутъ заявлять люди, если только они не противоположны другимъ требованіямъ. Мнѣ казалось, что въ этомъ одномъ средстве спасенія не одного правительства, но всего народа. Правительству, по моему мнѣнію, надо было освободить себя отъ всякихъ упрековъ въ насилія и предоставить самимъ людямъ, разнымъ партіямъ устраивать порядокъ. Понятно, что не только порядка не было бы никакого, но произошелъ бы величайшій беспорядокъ, въ которомъ правительство не было бы виновато, а виноваты были бы тѣ, которые его производили. Они сами наказали бы себя, и наказаніе это привело бы ихъ къ выходу. Правда, было бы много бѣдъ и страданій, но едва ли больше, чѣмъ тѣ, которыя должно производить правительство, идя по избранному имъ пути. Главное же то, что бѣды, которыя сами себя нанесли бы всѣ эти партіи, вели бы къ выходу изъ этого положенія, тогда какъ всѣ репрессіи правительства, только будучи совершенно безцѣльны, только отдаляли бы этотъ выходъ.

Такъ я думалъ послѣ бесѣды съ этими людьми и хотѣлъ было писать объ этомъ, но сознаніе безцѣльности, нецѣлесообразности такого писанія остановило меня. И вотъ прошло около мѣсяца, и то мое предположеніе о вредѣ репрессій подтвердилось больше, чѣмъ можно было думать. Казней все больше и больше, убійствъ и грабежей все больше и больше. Я зналъ это по разсказамъ и по случайнымъ заглядываніямъ въ газеты, но все еще не чувствовалъ необходимости высказывать объ этомъ своего мнѣнія. Но вотъ вчера случилась встрѣча, которая такъ поразила меня, что я рѣшилъ высказать то, что думаю и чувствую.

По большой дорогѣ ѣхала телѣга съ двумя сѣдоками: старая женщина и молодой человекъ въ особенной революціонной синей въ родѣ студенческой фуражкѣ. Онъ какъ то особенно общительно поклонился мнѣ и задержалъ лошадь, какъ бы

въ нерѣшительности, потомъ соскочилъ и подошелъ ко мнѣ и попросилъ книжекъ.

Я спросилъ, откуда онъ. Онъ назвалъ мнѣ то село, изъ котораго нѣсколько человекъ сидѣли въ тюрьмѣ за сборища (которыя они называютъ митингами) и нѣсколько приходили ко мнѣ.

Я спросилъ его, читалъ ли онъ революціонныя брошюры. Онъ сказалъ, что читалъ, и у насъ начался длинный разговоръ, который особенно больно поразилъ меня. Онъ — крестьянинъ из деревни, которую я хорошо знаю, изъ которой въ старое время у меня были въ школѣ особенно даровитые ученики, въ которой вводилъ уставную грамоту и всегда любовался на прекрасный, самостоятельный, христіанско-общиннаго духа русскій народъ.

Собесѣдникъ мой былъ невысокій человекъ въ пиджакѣ, съ небольшими русыми усиками и не скажу умнымъ, но интеллигентнымъ лицомъ. — Ходъ разговора мой, какъ всегда, одинъ и тотъ же со всѣми революціонерами: чего вы хотите?

— Хотимъ свободы. Правительство душитъ насъ.¹ Нельзя же терпѣть.

— Да вѣдь революціонеры тоже дѣлаютъ.

— Чтоже они дѣлаютъ?

— Убиваютъ городскихъ, полицейскихъ.

— А то чтожъ?

Я попробовалъ заговорить о христіанскомъ требованіи участія въ насиліи.

— Да это когда же будетъ?

— А у васъ развѣ скорѣе будетъ?

— Надо организацію.

— Нельзя зло уничтожить зломъ. Развѣ вооруженное возстаніе хорошо?

— Что же дѣлать. Это печальная необходимость.

— Да вѣдь есть божій законъ.

Онъ улынулся.

— Богъ у каждаго свой, а нѣтъ никакого.

И вотъ такихъ людей правительство хочетъ усмирить казнями! Для нихъ Бога нѣтъ и нѣтъ Его закона. И точно также нѣтъ его для несчастнаго Николая и бѣднаго Столыпина.

Вѣдь въ этомъ то и весь ужасъ. Вѣдь произошло вотъ что.

Люди, захватившіе власть, — я говорю про то, что было еще вѣка тому назадъ, — извратили вѣру и держались этой извращенной вѣры и обучали ей народъ и мало того, что обу-

¹ *Зачеркнуто:* — Но какже вы достигнете свободы?

— Свергнемъ правительство.

— Какже вы свергнете?

— Надо организоваться.

— Но вѣдь мало организаціи.

— Разумѣется, мало. Вооруженное возстаніе.

чали, гнали тѣхъ, которые не принимали эту ложную вѣру. Но ложь была ясна, и люди религиозные, преимущественно изъ народа, обличали эту ложную вѣру и дѣлались тѣмъ, что называ[ютъ] сектантами, и ихъ гнали и преслѣдовали. Другіе люди, изъ господъ, тоже обличали эту ложную вѣру, ничего не ставя на ея мѣсто или ставя на ея мѣсто разсужденія о свойствахъ природы, которыя они называли наукой. Правительство гнало и этихъ у насъ,¹ но эти были хитрѣе и умѣли проводить свое отрицаніе вѣры правительственной такъ, что ихъ нельзя было уличить. И такъ это шло долгое время. У насъ особенно горячо взялись за это обличеніе религіи (люди эти были, большей частью, ограниченные и не видали ничего за той ложной религіей, которую они обличали) въ половинѣ прошлаго вѣка, Чернышевскій, Михайловскій и др. и, несмотря на всѣ гоненія, даже благодаря этимъ гоненіямъ, отрицаніе этой религіи, всякаго отношенія къ Безконечному, отрицаніе Бога дошло до крайней степени распространенія. Явилась мода, гипнозъ, и все молодое поколѣніе воспиталось въ этомъ отрицаніи. И чѣмъ низменнѣе образованіе, тѣмъ сильнѣе, полнѣе было это отрицаніе. Такъ, болѣе всего оно распространилось въ семинаріяхъ, вестеринарныхъ, фельдшерскихъ, учительскихъ институтахъ. И вотъ пришло время, это безбожіе захватило и молодое поколѣніе народа. Но что ужаснѣе всего — что теперь, когда это отрицаніе Бога выразилось въ дѣйствиіи, въ революціи, правительство, до сихъ поръ могшее еще соблюдать decorum, приличіе, подобіе религіи, было вынуждено на дѣлѣ самымъ явнымъ образомъ отрицать ее тѣми ужасами, казнями, которые оно считаетъ себя вынужденнымъ дѣлать. Бога нѣтъ у тѣхъ революціонеровъ, которые борются съ правительствомъ, нѣтъ его, и еще очевиднѣе, нѣтъ Его у правительства. Это два озлобленные, отвратительные звѣря, которые безжалостно грызутся, уничтожая въ себѣ и во всѣхъ участвующихъ и созерцающихъ эти ужасы послѣдніе остатки человѣчности.

Что же дѣлать?

Что дѣлать?

Одно: съ омерзеніемъ, съ ужасомъ, а если можно, съ состраданіемъ смотрѣть на этихъ потерявшихъ человѣчскій образъ людей, лгущихъ, кощунствующихъ, развращающихъ ближнихъ и убивающихъ, и сторониться отъ нихъ, не только не участвовать въ ихъ мерзкихъ дѣлахъ, какъ бы они ни назывались, ни въ комитетахъ, думахъ, министерствахъ, союзахъ, но, не чувствуя себя въ силахъ любовно и сострадательно отнестись къ нимъ, бояться ихъ и не входить съ ними въ общеніе.

Въ этой общей погибели надо спастись самому, кто можетъ, и только спасшись, самимъ подавать руку помощи погибающимъ.

¹ Зачеркнуто: Новиковы, Радичевы, Герцены,

Вѣдь все дѣло въ томъ, что для большинства людей, отъ Николая и Столыпина до тѣхъ ребятъ революціонеровъ, съ которыми я бесѣдовалъ, есть только вопросъ о томъ, кто побѣдитъ, а нѣтъ вопроса (о Богѣ и не можетъ быть, потому что Бога нѣтъ) о душѣ и смыслѣ жизни. И это несвойственно человѣку.

* № 2.

Я высказалъ ему свою мысль о томъ, что терпѣніемъ и неучастіемъ въ насиліяхъ скорѣе можно достигнуть хорошаго устройства. Онъ понялъ меня:

— Да это когда же будетъ? Это дожидаться, да и всё не могутъ этого сдѣлать. Въ народѣ тьма, нѣтъ развитія.

Я сказалъ ему, что напрасно онъ такъ презрительно думаетъ объ народѣ. Безграмотный крестьянинъ, если только онъ вѣритъ въ Бога, то у него есть большее развитіе, чѣмъ у студента, ни во что не вѣрующаго.

Онъ улыбнулся.

— Это бараны. Съ ними ничего не сдѣлаешь. Нужна организація, — повторилъ онъ.

Я попробовалъ указать ему на то, что въ Европѣ есть эта организація, была революція, а народъ точно также лишенъ земли и находится во власти капиталистовъ.

Онъ не согласился съ этимъ.

Я сказалъ, что русскій крестьянинъ-земледѣлецъ свободнѣе европейца, находящагося во власти хозяина.

— Да вѣдь нельзя же всѣмъ быть земледѣльцами, земли не достанетъ.

Я не выдержалъ и посмѣялся надъ нимъ.

— Вѣдь не сукнами же питаются.

— И сукна нужны, — сказалъ онъ.

— Да всетаки всё кормятся только съ земли. И коли земля всѣмъ будетъ доступна, то не будутъ дѣлать лишняго и землю будутъ лучше обрабатывать.

Онъ не сдавался: у него, очевидно, была знакомая социалистическая теорія, и вѣдь ея онъ не могъ разсуждать, а вѣрилъ, непоколебимо вѣрилъ въ то, что ему преподано.

Видно было, что онъ вѣрилъ, какъ вѣрятъ люди, одержимые гипнозомъ, и что никакіе доводы не могутъ коснуться его души. Я сказалъ ему это, сказалъ, что онъ также слѣбно вѣрить, какъ вѣритъ старуха въ Иверскую. Онъ, не понявъ меня, поспѣшилъ заявить мнѣ, что онъ ни во что не вѣритъ.

— Прощайте, — сказалъ я, — и съ досадой отъѣхалъ отъ него. Но отъѣхавъ на нѣсколько шаговъ, мнѣ стало совѣстно. Онъ юноша, я старикъ: надо по душѣ сказать ему, что я думаю. Можетъ, это смягчитъ, удержитъ его. Я вернулся къ нему.

— Я вамъ въ дѣды гожусь, и вотъ что главное хочется сказать: вѣдь все это — революція и нереволуція — это неважно,

а важно то, чтобы исполнить то, чего хочет Богъ.

Онъ улыбнулся.

— Богъ у cadaго свой.

— Ну, прощайте.

Но онъ остановилъ меня.

— А вотъ не можете ли вы мнѣ помочь на выписку газеты?

— Не нужно ли вамъ еще денегъ на браунингъ? — сказала я и уѣхалъ отъ него.

* № 3.

Страхъ же не можетъ дѣйствовать на нихъ, потому что имъ нечего терять, а то положеніе гонимыхъ и та опасность, которой они подвергаются, есть то самое, чего они желаютъ, такъ какъ руководить ими такое же молодечество, какое бываетъ на войнѣ, на охотѣ, и знаютъ, что какъ на войнѣ, все что они сдѣлаютъ: революціонные митинги, погромы, вооруженныя возстанія, даже убійства начальства и помѣщиковъ — все восхваляется не только товарищами, но и газетами, которыя они читаютъ и которымъ вѣрятъ, какъ Евангелію.

* № 4.

Они шли ко мнѣ съ полной увѣренностью, что я не только сочувствую имъ, но буду содѣйствовать имъ въ ихъ дѣятельности. И не встрѣтивъ этого сочувствія, ушли недовольные, но нисколько не поколебленные.

И такихъ людей, какъ я знаю это по разговорамъ съ знакомыми, съ встрѣчными, по письмамъ, по сужденіямъ близкихъ людей, — такихъ людей, одержимыхъ гипнозомъ желанія борьбы и разрушенія, не сотни, не тысячи, а миліоны, и количество ихъ, какъ при всякой заразѣ, неудержимо должно увеличиваться и увеличиваться по мѣрѣ усиленія карательныхъ дѣйствій правительства, дающихъ новую пищу ихъ раздраженію.

* № 5.

И опять мнѣ пришла та же мысль, какъ и тогда, послѣ бесѣды съ двумя рабочими изъ сада:

Перестать преслѣдовать, дать имъ все, чего они хотятъ, снять съ себя отвѣтственность. Пускай они сами разбираются въ той кашѣ, которую заварили.

Но развѣ мыслимо, чтобы не только послушались, но серьезно выслушали такой совѣтъ? И потому дѣлать нечего, надо молчать и дѣлать свое дѣло. Такъ я думалъ нѣсколько разъ, вспоминая объ этомъ вечеромъ и ночью.

* № 6.

Я сказалъ ему, что по моему мнѣнію нѣтъ никакой необходимости дѣлать зло, что зломъ нельзя побѣдить зло, что побѣдить зло можно только неучастіемъ въ злѣ.

— Что же, дать себя эксплуатировать? И такъ изъ насъ веревки вьютъ.

Я сказалъ ему, что если бы люди не участвовали въ насилиіи, никто бы не могъ ихъ угнетать.)

— Да это по Выборгскому воззванію, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не по Выборгскому воззванію, а по божескому закону, — сказалъ я. (По Выборгскому воззванію надо не давать податей и солдатъ теперешнему правительству, а когда будетъ новое правительство, то опять давать и подати и солдатъ, а по божескому закону надо никогда не дѣлать зла и не участвовать въ немъ.)

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ТРИ НЕПРАВДЫ».]

* № 1.

Отъ кого же все это? Кто дѣлаетъ то, что земледѣльцамъ-крестьянамъ доходить дѣло до того, что либо умирать съ голода, либо дѣтей не рожать, либо бросать поскорѣе землю и идти въ батраки, на фабрики и все потому, что земля захвачена богачами, а рабочій народъ размножился, и ему не даютъ земли, а если даютъ, такъ за такую цѣну, что вся его работа идетъ на то, чтобы заплатить аренду?

Кто же держитъ землю за богачами и посылаетъ солдатъ разгонять крестьянъ и стрѣлять въ нихъ, если они станутъ пахать землю тѣхъ богачей, которые сами не пахутъ, а владѣютъ тысячами, десятками тысячъ десятинъ, обирая за нее съ крестьянъ послѣднія ихъ крохи?

Кто дѣлаетъ это? Правительство. У насъ царь съ министрами и чиновниками.

Кто, кромѣ того, что отбираетъ землю, собираетъ съ рабочихъ подати и просто — по сколько съ души, и скрытно — накладывая пошлины на все, что нужно рабочему: и на желѣзо, и на соль, и на сахаръ, и на спички, и на табакъ, и на вино, и на сукно, и на ситецъ?

Такъ что, что бы ни купилъ рабочій, онъ на всемъ заплатитъ лишнее тому, кто накладываетъ подати и пошлины.

Кто же это такъ обираетъ народъ? Опять то же правительство — царь и чиновники. Они такъ въ Россіи собираютъ безъ малаго двѣ тысячи милліоновъ рублей и всё тратятъ, какъ они говорятъ, на нужныя для народа дѣла: на войско, на флотъ, на чиновниковъ и на другое.

Тратятъ они эти милліоны какъ имъ вздумается и, какъ всегда бываетъ, больше для своихъ выгодъ.

Кто дѣлаетъ и третье великое зло, отъ котораго страдаетъ рабочій народъ? Кто отнимаетъ молодыхъ людей отъ отцевъ, матерей, отъ женъ, дѣтей, отнимаетъ ихъ отъ хорошей жизни и обучаетъ ихъ всякимъ ненужнымъ глупостямъ: маршировкѣ,

гимнастикѣ, словесности; стрѣльбѣ и, научивъ ихъ этимъ дѣламъ, посылаетъ ихъ, какъ это было недавно, на убой въ чужія земли и дальнія страны? Правительство, царь и генералы говорятъ, что это нужно.

* № 2.

Для того чтобы добиться этого, надо прежде всего отказаться отъ того, что мы называемъ Россія, Матушка-Россія. Мы говоримъ Матушка-Россія, говоримъ, что за нее мы готовы жизнь положить, но вѣдь мы хорошенько и не знаемъ, что такое эта Россія. Что такое Россія? Гдѣ она начинается и гдѣ кончается? Польша, Грузія, Финляндія, Остзейскіе нѣмцы, Татары, Ташкентцы? Вѣдь все это особенные народы. И народы эти все не хотятъ быть Россіей. И намъ нѣтъ никакой выгоды отъ того, что они числятся Россіей. Выгодно это только правительству. Отъ этого оно и внушаетъ намъ, что Россія великое дѣло и надо защищать ее. А эта Россія намъ только во вредъ. Намъ нужно жить своимъ трудомъ, по-божьи, чтобы никто не отбиралъ у насъ нашихъ трудовъ, и больше ничего. И потому надо забыть про эту Россію и понять, что Россія — это обманъ, нужный правительству для того, чтобы держать насъ въ рабствѣ. И потому прежде всего надо оставить въ покоѣ Россію и попросить и правительство, какое бы то ни было, оставить и насъ въ покоѣ. Для того чтобы освободиться отъ тѣхъ трехъ воль, которые производитъ правительство, надо освободиться отъ правительства.

* [ВАРИАНТ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ СТАТЬИ «ЗЕЛЕНАЯ
ПАЛОЧКА».]

Жизнь наша дурная и несчастная. <Одни живут въ богатствѣ: и дома, и одежды, и лошади, и прислуга, и повара, и кучера, и кушанья, и питья всякія, и дѣлать ничего не нужно, только забавляться; и у каждой женщины наемныя няньки при дѣтяхъ, и учителя и учительницы учатъ дѣтей всѣмъ наукамъ, и если заболѣваютъ, то выписываютъ тысячныхъ докторовъ и ѣдутъ въ теплые края и на лечебныя воды. А другіе живутъ въ такой нуждѣ, что некуда голову преклонить, одежда, что на тѣлѣ, и то оборванная, грязная, нечѣмъ прикрыться отъ холода, негдѣ обсушиться, нечего ѣсть, а надо или черезъ силу работать, или побираться. Есть и такіе, что воруютъ, грабятъ и сидятъ по тюрьмамъ, а женщины бѣдняковъ рожаютъ на ходу, часто убиваютъ дѣтей нечаянно и нарочно и беременныя и съ дѣтьми работаютъ черезъ силу, моютъ зимой на прорубяхъ, таскаютъ воду, жнутъ, полять, косятъ, и дѣти ихъ растутъ безъ призора, часто мрутъ и или вовсе не учатся или учатся только грамотѣ, да и ту забываютъ. И такихъ больше всего. И богатые заставляютъ бѣдныхъ на себя работать, и бѣдные работаютъ, но ненавидятъ за это богатыхъ, а богатые боятся ихъ и защищаются отъ нихъ силою.

Кромѣ того, всѣ они, и богатые и бѣдные, воюютъ народъ съ народомъ, половину своего богатства отдаютъ на корабли съ пушками, на крѣпости, ружья, мундиры и сами идутъ сражаться и убиваютъ, калѣчатъ другъ друга. >¹

И богатые и бѣдные — всѣ мучаются.

<Бѣдные мучаются отъ нужды и труда, а богатые отъ разврата и роскоши: объѣдаются, опиваются, скучаютъ отъ нечего дѣлать и не меньше бѣдныхъ тяготятся своей жизнью особенно потому, что знаютъ, что живутъ дурно. И жизнь и богатыхъ

¹ Взятые в ломаные скобки вводим из оригинала копии, по которой здесь печатается данный вариант. В оригинале это место обведено Толстым чертой с пометкой: [пропустить].

и бѣдныхъ такая дурная и несчастная, что многие не хотятъ жить въ такой жизни и, не зная какъ изъ нея выпутаться, убиваютъ себя и даже своихъ дѣтей. Они думаютъ: зачѣмъ имъ мучаться также, какъ мы мучались. Лучше убить ихъ. Одни убиваютъ себя, а другіе, почти всѣ, чтобы не видѣть всего зла и несчастья въ мірѣ, одурманиваютъ себя и табакомъ, и спиртомъ, и виномъ, и другими разными ядами, только бы не видать всего зла и горя нашей жизни.)¹

А могла бы быть такая хорошая!

Для того же, чтобы она была хорошая, нужно очень мало: Нужно только жить такъ, какъ жили первые христіане. (Выписать изъ Дѣяній Апостольскихъ II, 44, 45, 46, 47, и IV, 32, 33, 34, 35).²

Стоить только не дѣлать всѣхъ тѣхъ дурныхъ и невужныхъ намъ самимъ вредныхъ дѣлъ, которыя мы теперь дѣлаемъ.

Вѣдь это не трудно.

Стоить только богатымъ перестать увеличивать свои богатства, удерживать ихъ и заботиться о нихъ, а отдать бѣднымъ свои богатства, а главное, землю. И вмѣсто того, чтобы собирать деньги съ бѣдныхъ, сойтись съ ними по душѣ и съ ними сообща работать всю нужную людямъ работу и помогать другъ другу: Вѣдь это не трудно. Работать въ полѣ и по какому нибудь ремеслу, не черезъ силу, а часа 4 въ день не только не трудно; а весело и веселѣе и пріятнѣе, чѣмъ ѣздить сломя голову на автомобилѣ или скакать на скаковой лошади, или лѣзть на горы, или перекидывать мячи черезъ сѣтку, или не жить, а сидѣть и читать книги о томъ, какъ другіе живутъ или могли бы жить.

Вѣдь перестать жить въ роскоши, а взяться за нужную людямъ работу — значитъ не убавить, а только прибавить себѣ и удовольствія и здоровья, и спокойствія.

Самая лучшая радость — это отдыхъ послѣ работы, а не работая, нельзя имѣть этой радости. Тоже и ѣда не можетъ

¹ Взятое в лопачные скобки обведено в рукописи сбоку чертой с пометкой Толстого: [пропустить].

² Соответствующие места «Дѣяній апостольскихъ» читаются так:

II, 44. Все же верующіе были вместе и имели все общее. 45. И продавали имѣнія и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. 46. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домамъ хлебъ, принимали пищу в веселии и простотѣ сердца. 47. Хвала Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагалъ спасаемыхъ к Церкви.

IV, 32. У множества же уверовавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. 33. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресеніи Господа Иисуса Христа, и великая благодать была на всехъ ихъ. 34. Не было между ними никого нуждающагося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая ихъ, приносили цену проданнаго. 35. И полагали к ногамъ Апостоловъ; и каждому давалось, в чемъ кто имелъ нужду.

быть никогда (какія бы ни были тонкія блюда) такой вкусной, какъ хлѣбъ, плоды, каша послѣ работы.

А сдѣлали бы это богатые, отдали бы свои имѣнія и не удерживали бы отъ людей землю, не былобы нужды у бѣдныхъ и скуки у богатыхъ, а главное, не было бы ненависти и страха людей другъ передъ другомъ. И вмѣсто того чтобы жить въ душныхъ городахъ на мостовыхъ, въ пятиэтажныхъ домахъ, жили бы люди въ садахъ, въ лѣсахъ, поляхъ, недалеко другъ отъ друга и кормились бы своими трудами, своими животными: курами, овцами, коровами, лошадьми, собаками. И вмѣсто того чтобы убивать животныхъ и ѣсть ихъ мясо, любя, ходили-бы люди за животными, пользовались ихъ трудами, молокомъ, яйцами, шерстью, а еще лучше и этимъ не пользовались бы, а жили бы плодами земли. И вмѣсто того чтобы щеголять другъ передъ другомъ домами, одеждами, экипажами, строили бы жилища на просторѣ, такія, чтобы было тепло и уютно, а одѣвались бы только такъ, чтобы было прохладно въ жаръ, тепло въ холодъ и ловко и удобно для движеній, и передвигались бы больше самымъ пріятнымъ способомъ: на своихъ ногахъ или животныхъ, а не паромъ и электричествомъ. И вмѣсто того, чтобы черезъ силу однимъ и тѣмъ же людямъ дѣлать дни работать на фабрикахъ и заводахъ, все то, что выдумали люди для своихъ потѣхъ, часто вредныхъ и дурныхъ, какъ всякаго рода роскошные уборы для комнатъ, одеждъ, экипажей, всякія зеркала, ковры, шторы, духи, напитки, конфекты, пушки, ружья и много другого ненужнаго и вреднаго, работали бы по очереди по нѣскольکو часовъ машинами только то, что для доброй жизни нужно людямъ: плуги, косы, косилки, насосы, молотилки, свѣчи, лампы, полотно, а также рельсы, вагоны для дорогъ, нужныхъ людямъ для добраго общенія, а не для барышей и войнъ. И вмѣсто теперешняго всеобщаго распутства и погибели большей половины женщинъ и убійства дѣтей и проституціи, сходились бы мужчины съ женщинами только въ бракѣ, одинъ мужчина съ одной женщиной на всю жизнь и всѣ женщины берегли бы своихъ дѣтей до рожденія и после рожденія. А дѣвушки, пока не вышли замужъ, помогали бы матерямъ, сестрамъ въ то время, когда трудно бываетъ рожающимъ и кормящимъ матерямъ. И вмѣсто того, чтобы однимъ учиться слишкомъ многому и не нужному, учиться бы всѣмъ въ однихъ и тѣхъ-же для всѣхъ школахъ. И вмѣсто того, чтобы дѣлать ружья, пушки, строить крѣпости, собирать войска и воевать народу съ народомъ, не дѣлать никакого различія между людьми разныхъ письменъ и языка, а всѣхъ одинаково — и татаръ и нѣмцевъ, и французъ и евреевъ, и китайцевъ и японцевъ считать братьями и дружить и помогать имъ, а не воевать съ ними. И вмѣсто того, чтобы судить и сажать въ тюрьмы или ссылать или убивать слабыхъ людей за то, что они поддали грѣху и сдѣлали дурное,

усовѣщевать ихъ и помогать имъ жить хорошей жизнью. (Хорошей жизнью всегда легче жить, такъ что они не по своей охотѣ стали жить дурно.) И вмѣсто того, чтобы роптать на жизнь и на Бога и убивать себя до смерти или отчасти убивать въ себѣ разумъ табакомъ, виномъ, спиртомъ, опиумомъ, стараться исправить свою жизнь и жизнь своихъ братьевъ такъ, чтобы жизнь казалась не мукой, а радостью, тѣмъ самымъ, чѣмъ она всегда была, и будетъ, и должна быть. Не можетъ не быть потому, что Богъ хотѣлъ и хочетъ, чтобы она была такою. Богъ не затѣмъ сотворилъ человѣка, чтобы онъ мучался, какъ теперь, а затѣмъ, чтобы онъ былъ счастливъ и радовался и благодарилъ Бога за ту жизнь, какую онъ далъ ему.

Зачѣмъ же люди, вмѣсто той благой жизни, которую хотѣлъ имъ дать Богъ, устроили себѣ этотъ адъ, въ которомъ они живутъ теперь? Зачѣмъ люди дѣлаютъ все то, что губитъ ихъ жизни?

А только отъ того, что люди не вѣрятъ въ Бога и законъ Его.

Спросите у богатыхъ, зачѣмъ они живутъ такъ, какъ живутъ теперь: зачѣмъ сохраняютъ и увеличиваютъ свое богатство, отъ котораго имъ нѣтъ ничего кромѣ горя, трудовъ и тяжелой жизни? Они скажутъ: таковъ законъ жизни; всегда были богатые и бѣдные. Они скажутъ, что въ богатствѣ нѣтъ ничего дурного.

Спросите бѣдныхъ, зачѣмъ они, не жалѣя другъ друга, ненавидя богатыхъ, идутъ работать на нихъ, поддерживая ихъ богатства? Они скажутъ, что имъ надо кормиться съ семьями и что въ томъ, что они стараются улучшить свое состояніе, нѣтъ ничего дурного и что всѣ живутъ такъ. Спросите мужчинъ, зачѣмъ они, не женатые, разводять развратъ. Они скажутъ — нельзя безъ этого жить. И всѣ такъ живутъ. Спросите у женщинъ: зачѣмъ онѣ отдаются разврату, — онѣ скажутъ: или что въ развратѣ нѣтъ ничего дурного или что это отъ нужды. И всѣ такъ живутъ. Спросите правителей народа: зачѣмъ они заставляютъ народъ повиноваться и бѣдныхъ оставаться бѣдными и подчиняться богатымъ? Зачѣмъ собираютъ подати, зачѣмъ держатъ войска и заставляютъ людей идти въ солдаты или заманиваютъ ихъ въ военную службу? Они скажутъ, что безъ этого все пропадетъ, что они обязаны поддерживать преданія, что всѣ другія государства также поступаютъ и что, исполняя эти дѣла, они дѣлаютъ не дурное, а доброе. Спросите ихъ, зачѣмъ они сажаютъ въ тюрьмы и казнятъ заблудшихъ людей, они скажутъ тоже самое: что это непремѣнно нужно и что всѣ такъ дѣлаютъ. Спросите людей изъ народа, зачѣмъ они идутъ въ солдаты и этимъ поддерживаютъ ту самую власть, которой тяготятся, когда она собираетъ съ нихъ подати и гонитъ ихъ солдатами на войну, они скажутъ, что тутъ нѣтъ ничего дурного, а если бы и были такіе, что могутъ отказаться, то будетъ хуже имъ и ихъ семьямъ. И всѣ такъ дѣлаютъ. Спросите.

зачѣмъ войны и вооруженія, и правители скажутъ: мы обязаны поддерживать силу и славу нашего отечества, и всѣ другія государства тоже дѣлаютъ. Спросите тѣхъ, которые убиваютъ себя и своихъ дѣтей для того, чтобы избавиться отъ бѣдствій этой жизни, зачѣмъ они, вмѣсто того чтобы убивать себя, не попытались исправить жизнь, не перестали дѣлать дурное и не попытались дѣлать хорошее, они скажутъ вамъ, что исправить жизнь — невозможно, что многіе пытались дѣлать это и ничего изъ этого не выходило. Спросите всѣхъ тѣхъ, которые одурманиваютъ себя — зачѣмъ они дѣлаютъ это? Они скажутъ, что я не могу безъ этого и что тутъ нѣтъ ничего дурного. Всѣ такъ дѣлаютъ. Отчего-же люди не перестаютъ дѣлать того, что ихъ мучаетъ; отчего не бросятъ дурную жизнь и не начнутъ жить хорошо? Отъ того, что у нихъ силы нѣтъ бороться съ самими собою, съ своими страстями и съ заведенными порядками. А силы у нихъ нѣтъ для этого потому, что у нихъ нѣтъ вѣры въ Бога и въ Его законъ, который бы былъ выше, важнѣе своихъ похотей и законовъ человѣческихъ.

Безъ вѣры въ Бога и законъ Его люди живутъ какъ животныя, — хуже животныхъ. Животныя, если и дерутся, иногда, самцы изъ за самокъ, то рѣдко убиваютъ другъ друга. Люди же дерутся тысячами другъ с другомъ и убиваютъ тысячи, и придумываютъ эти убійства, готовятся къ нимъ. Происходить это отъ того, что у людей есть разумъ, предназначенный на то, чтобы они могли понять свое положеніе, познать законъ, а они разумъ этотъ употребляютъ на то, чтобы удовлетворять своимъ похотямъ.

Такъ что бѣдствія людей происходятъ отъ того, что у нихъ нѣтъ вѣры въ Бога и Его законъ, такой общій всѣмъ людямъ — законъ жизни человѣческой.

«Если бы признавали люди такой законъ, то не было бы зла, не было бы праздности богатыхъ и нужды бѣдныхъ, не было бы разврата, не было бы мучительныхъ работъ, не было бы каторжной жизни въ городахъ, не было бы войны, не было бы ненависти людей другъ къ другу и страха людей другъ передъ другомъ, не было бы неравенства, не было бы борьбы, не было бы убійства, не было бы пьянства и одурманиванія себя, а жили бы всѣ люди служя другъ другу, и радовались бы на свою жизнь, и благодарили бы за нее Того, Кто далъ имъ ее.

А было бы это такъ потому, что если бы богатые вѣрили въ Бога, они бы знали, что законъ Бога о томъ, что надо любить ближняго какъ самого себя, важнѣе всѣхъ преданій отцовскихъ и всѣхъ привычекъ своихъ и своей семьи, и не отнимали бы у бѣдныхъ братьевъ ихъ труда и не удерживали бы отнятое.

Если бы вѣрили въ Бога, то считали бы болѣе важнымъ собластоу законъ Бога о томъ, чтобы считать мужчинамъ всѣхъ женщинъ, кромѣ жены, сестрами, а женщинамъ всѣхъ мужчинъ, кромѣ мужа, братьями, — важнѣе, чѣмъ всевозможныя

удовольствія похоти. Если бы вѣрили въ Бога и въ законъ Его, что всѣ люди равны, то никто не согласился бы быть начальникомъ, правителемъ или помощникомъ правителей. Если бы вѣрили въ Бога и законъ Его о томъ, чтобы не дѣлать насилія надъ ближнимъ, то никто не согласился бы служить солдатомъ, офицеромъ, генераломъ, никто бы не сталъ строить крѣпостей, пушки, ружья. Если бы вѣрили въ Бога и законъ Его, не отчаивались бы въ жизни, не винили бы Бога за дурную жизнь, и не убивали бы себя, и не одурманивали бы себя, чтобы забыться, а понимали бы, что сами виноваты въ своей дурной жизни и старались бы исправить ее. А перестали бы люди дѣлать все это, и жизнь человѣческая была бы радостью, а не мукой.)¹

¹ Взятое с ломаные скобки отчеркнуто сбоку чертой с пометкой Голстого: п[ропустить].

КОММЕНТАРИИ

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ — Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ — Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ — Государственный Толстовский музей, ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН».

Мы не можем сколько-нибудь точно определить время начала работы над «Фальшивым купоном». В редакторских примечаниях к Дневникам Толстого за 1895—1899 гг., изданных под редакцией В. Г. Черткова, сказано, что эта повесть начата в конце 1880-х годов. В этом утверждении очень много вероятия. Косвенно за вторую половину 1880-х годов говорит то, что срок начала действия купона в черновом автографе первой главы — 4 января 1885 г. (см. ниже). Бумага, на которой написан этот автограф, также отличается всеми признаками давности. Наконец, то, что первая копия этого автографа написана была рукой В. Г. Черткова (см. ниже), также ведет нас к 1880-м годам, так как именно в эти годы Чертков чаще всего переписывал произведения Толстого. Во всяком случае, «Фальшивый купон» был задуман не позднее, чем задуманы «Плоды просвещения», написанные в 1889 г. На клочке бумаги, хранящемся во Всесоюзной библиотеке им. Ленина (АТБ, папка XXIV) рукой Толстого записан ряд задуманных им тем. Под № 7 записано: «Комедия, Спириты», а под № 8 — «Передача купона, Убийца». «За что». На другом листочке, хранящемся в АЧ среди черновых рукописей и бумаг, переданных Толстым В. Г. Черткову, записано рукой Толстого десять задуманных им сюжетов и среди них на втором месте повесть «Миташа», на третьем — «Фальшивый купон», на четвертом — «Крейцера соната», на пятом — комедия «Исхитрилась!» и на последнем месте — «История улья», «Сказка о трех загадках» и «Записки сумашедшего». Точно определить время этой записи не представляется возможным. Приблизительно же она определяется следующими данными. «Крейцера соната» была окончена в 1889 г., комедия «Исхитрилась!», озаглавленная затем «Плоды просвещения», также была написана в 1889 г. и в начале 1890 г. лишь отделялась. Таким образом запись сделана не позднее 1889 г. Однако она сделана и не ранее 1887 г., судя по заглавию «Крейцера соната». Повесть, получившая это заглавие, была вчерне написана не ранее 1887 г. (см. комментарий к ней в 27 томе настоящего издания), но первая черновая редакция, в которой действующее лицо не музыкант, а художник, не включает в себе никаких упоминаний о музыке, в частности о сонате Бетховена, посвященной Крейцеру, и потому заглавие «Крейцера соната» относится уже к позднейшей стадии работы над повестью. Другие заглавия, приве-

денные в той записи, не дают материала для датировки записи, так как произведения с этими заглавиями, задуманные и частью начатые в 1880-х годах, или были только набросаны и оставлены или разрабатывались значительно позднее. Вероятно, правильное всего датировать запись концом 1888 г.¹

В таком случае запись на клочке бумаги, хранящемся в АТБ, относится к еще более раннему времени: задуманная комедия в ней называется не «Исхитрилась!», как называется она во всех первоначальных ее рукописях, а «Спиряты». Очевидно, что заглавие «Исхитрилась!» хронологически позднее заглавия «Спиряты».

Замысел же самой темы, легшей в основу «Фальшивого купона», относится к еще более раннему времени. В записи Толстого от 15 сентября 1886 г. дана программа предполагавшегося рассказа о богатом человеке Миташе,² помеченного и в приведенной выше записи сюжетов. В этой программе читаются между прочим следующие строки: «И попался ему купон поддельный, и увидел он сон. Светлый юноша показал ему всю историю поддельного купона: откуда он взялся и как разносилось зло и как пресеклось. И он увидал, что зло расходуется, но не поборает добра. А добро также расходуется и поборает зло».

29 мая 1889 г. Толстой записывает в Дневнике: «Как хороша могла бы быть история об убийце, раскаявшемся на незащищавшейся женщине». Из этой мысли, как известно, в повести развился эпизод убийства Степаном Пелагеюшкиным Марьи Семеновны и раскаяния убийцы. В записной книжке 1890 г. под 11 февраля среди задуманных и, видимо, обрабатываемых сюжетов помечен и «Купон». 31 июля 1891 г. в Дневнике записано: «Сюжет впечатления и история человека, бывшего в золотой роте и попавшего в сад караульщиком около господского дома, в котором он видит близко господскую жизнь и даже принимает в ней участие». Замысел этот, не получивший самостоятельной разработки, в дальнейшем нашел себе воплощение в «Фальшивом купоне» в образе дворника Василия, не бывшего однако в золотой роте.

Следующее упоминание о «Фальшивом купоне», принадлежащее Толстому, относится к марту 1895 г. 12 марта этого года он записывает в Дневник: «Нынче захотелось писать художественное. Вспомнил что да что у меня не кончено. Хорошо бы всё докончить». И далее в числе девяти произведений, которые хорошо бы было докончить, упоминается и «Купон». 14 ноября 1897 г. в Дневнике записано: «Думал в репандт и Хаджи Мурату написать другого русского разбойника, Григория Николаева, чтобы он видел всю незаконность жизни богатых, жил бы яблочным сторожем в богатой усадьбе с lawn-tennis'ом». В записи Дневника от 13 декабря 1897 года Толстой в числе сюжетов, которые он хочет записать и которые стоит и можно обработать, называет и «Фальшивый купон» и далее с пометкой «прекрасно» — «Разбойник убивающий беззащитных», т. е. тот же сюжет о Степане Пелагеюшкине, влившийся впоследствии в «Фальшивый купон», но до этого включенный в каче-

¹ Соображения в пользу такой датировки см. в комментариях к Дневнику и Записным книжкам 1888—1889 гг., т. 50 настоящего издания.

² См. т. 26 настоящего издания.

стве эпизода в четвертую редакцию «Воскресения», над которой Толстой работал в период с конца августа 1898 г. до середины января 1899 г. и где идет речь о каторжнике Федорове, убившем чиновника и его дочь-вдову.¹

Во всяком случае к середине 1898 г. часть повести была уже написана, что явствует из записи Дневника от 12 июня этого года: «Рассказ Купона очень хочется дописать». Но и в 1898 и в следующем году работа над повестью, очевидно, ушла очень недалеко. 20 декабря 1899 г. Толстой записывает в Дневник: «Думал нынче о *Купоне* хорошо. Может быть, напишу». После этого вплоть до 1902 г. у Толстого мы не встречаем никаких упоминаний о работе над «Фальшивым купоном». Лишь 6 октября 1902 г. он записывает в Дневник: «Вчера начал поправлять и продолжать «Фальшивый купон»». Работа над «Фальшивым купоном» далее отмечается в записях записной книжки от 8 и 9 октября 1902 г. Если полагаться на дату, проставленную М. Л. Оболенской на обложке рукописи, описанной под № 2 (см. ниже), то к ноябрю 1902 г. Толстым написано было первых семь глав повести. Следующее упоминание об этой работе — в записи записной книжки от 4 декабря 1902 г. и затем лишь 2 декабря 1903 г. Толстой записывает в Дневник, что он решил начать новую работу — или драму, или статью о религии, или взяться за окончание «Фальшивого купона». До этого в списке художественных сюжетов, сделанном около 4 июля 1903 г., — читаем на первом месте «Купон» и на восьмом — зачеркнутое «Разбойник кается» (см. т. 54, стр. 340). 19 декабря в Дневнике следующая запись: ««Фальшивый купон» обдумал, но не писал». Наконец, в записи Дневника от 25 декабря 1903 г. читаем: «Начал писать «Фальшивый купон». Пишу очень небрежно, но интересует меня тем, что выясняется новая форма, очень *sober*».² Очевидно, только с этого времени Толстой принялся вплотную за систематическую работу над повестью. 3 января 1904 г. он записывает в Дневнике: «Понемногу подвигаюсь в «Фальшивом купоне». Но очень уж беспорядочно». Далее — упоминания о работе над повестью в записях Дневника от 6, 18, 22, 28 января, 2 февраля и в письме к сыну Л. Л. Толстому от 19 января 1904 г.: «Я пишу «Фальшивый купон», если помнишь, я давно начал, и дополнение о религии» (ГТМ).

Часть черновых автографов и исправленных Толстым копий «Фальшивого купона» заключены в обложки, на которых рукой М. Л. Оболенской и А. М. Толстой обозначены даты работы Толстого над отдельными частями повести: 1903 г. декабря 15, 26, 28—31, 1904 г. января 3, 6, 14, 15, 23, 26, 27, 29, 31, февраля 1—4, всего 19 дат.

В начале февраля 1904 г. работа над «Фальшивым купоном», очевидно, оборвалась и к продолжению ее Толстой более не возвращался. Последняя дневниковая запись, относящаяся к повести, — «Работаю над Купоном» (2 февраля) — не свидетельствует о том, что Толстой считал свою работу близкой к завершению. В новом списке сюжетов, относящемся к декабрю 1904 г., упоминается одна из центральных тем «Фальшивого купона»: «Убийца, ужаснувшийся противопления. Весной — 1907 г.

¹ См. т. 33 настоящего издания, стр. 254—256, 375.

² [трезвая, умеренная]

для «Детского круга чтения» Толстой написал маленький рассказ о разбойнике Федотке, убившем старуху, раскаявшемся, признавшемся в убийстве и после каторги ставшем «другим человеком».

К «Фальшивому купону» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ИРЛИ (шифр 22.5.16) и в ГТМ (АЧ, папки 82 и 78) (все материалы, относящиеся к работе над повестью, — автографы и копии — до последнего кусочка сохранились).

1. Автограф ИРЛИ на 3 листах в 4°, из которых два первых исписаны с обеих сторон, а третий лишь в начале лицевой страницы. Заключает в себе текст первой главы и начинается прямо с изложения повести. Заглавия нет. *Начало*: «Какъ важны бываютъ люди, а все же есть и важнѣе ихъ». *Конец*: «надѣлъ пальто и пошелъ къ Махину».

2. Рукопись ГТМ на 10 листах. На первых пяти листах формата большого полулиста почтовой бумаги — копия автографа первой главы, написанная рукой В. Г. Черткова и исправленная рукой Толстого. Вслед за заглавием («Фальшивый купонъ») — *начало*: «Какъ ни важны бываютъ люди». На недописанной переписчиком части пятого листа, на лицевой его странице, идет начало автографа следующих глав повести, до седьмой включительно. Автограф продолжается на листе почтовой бумаги большого формата, исписанного с обеих сторон, и на трех четвертушках писчей бумаги, также исписанных с обеих сторон. Деление на главы в рукописи сначала отсутствует, и появляется оно лишь с VI главы. Автограф кончается словами: «и мертвецки пьяный приѣхалъ къ женѣ». Рукопись вложена в обложку с надписью рукой М. Л. Оболенской: «Фальшивый купон. Черновик полный. Ноябрь 1902 год». К слову «полный» неизвестной рукой карандашом приписана частица «не».

3. Рукопись ИРЛИ на 151 нумерованных рукой библиотекаря листах, считая листом любого формата и любого размера бумажную единицу в две страницы. Рукопись эта составила в результате подбора копий автографов, исправленных рукой Толстого и впоследствии целиком или частично вновь переписанных, и самих автографов, обычно продолжающих текст копий. Материал, относящийся к копиям, на полулистах писчей бумаги, согнутых пополам, на четвертушках и их долях равной величины — написан рукой М. Л. Оболенской, А. Л. Толстой и на пишущей машинке и исправлен рукой Толстого. Автографы написаны, кроме указанных форматов бумаги, еще и на полулистах почтовой бумаги большого и малого формата. Данная рукопись включает в себе решительно весь автографический материал повести. Ни одна строка из этого материала не утрачена.

4. Одиннадцать обрывков — автографов (ИРЛИ), в которых речь идет о чертях, по первоначальному замыслу фигурировавших в повести и символически истолковывавших отдельные ее моменты. Эти обрывки представляют собой приписки Толстого к копиям отдельных глав, вырванные из этих копий. Обрывки помещены в конверт, на котором рукой Ю. И. Игумновой написано: «Фальшивый купон».

5. Три четвертушки, хранящиеся в ГТМ и заключающие в себе исправленный рукой Толстого и затем вычеркнутый, переписанный на пишущей машинке текст, относящийся к XI и XIII главам первой части повести.

Неописанные лицевые и чистые оборотные страницы этих четвертушек использованы были впоследствии Толстым для черновиков статьи «Одумайтесь!»

6. Рукопись ИРЛИ на 140 нумерованных окончательно рукой А. Л. Толстой листах в 4°, написанная с одной стороны на пишущей машинке¹ и от руки — М. Л. Оболенской, А. Л. Толстой и Ю. И. Игумновой, с поправками в большей части глав рукой Толстого. Составилась эта рукопись из ранее сделанных и исправленных Толстым копий, причем страницы или части их, особенно сильно исправленные, были вновь переписаны, иногда вновь исправлены. В результате получился сплошной связный текст «Фальшивого купона», поделенный на главы. Однако деление это не всюду последовательное. Большая часть приписок рукой Толстого, в которых идет речь о чертах, вырезана и на место их вклеены копии, переписанные преимущественно рукой Ю. И. Игумновой. Почти все эти приписки обведены чертой, рядом с которой рукой Толстого написано «пр[опустить]». (Не сделал этой надписи Толстой лишь при приписках о чертах в X и XI главах второй части, очевидно по рассеянности. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой М. Л. Оболенской написано: «Фальшивый купон. Ноябрь 1902 год. Ясная поляна». Неизвестной рукой цифра 1902 зачеркнута и вместо нее карандашом проставлено 1904. Там же, на первой странице обложки, рукой Толстого карандашом написан в колонку следующий план:

- 1) Отецъ, 2) Сынъ, 3) Гимназ., 4) П. Ф., 5) Его жена, 6) Ив. Мир., 7) П. Н., 8) Прокофій, 9) Священ., 10) Дмитрій Ж., 11) Убійца П. Н., 12) ...²

Первый приступ к «Фальшивому купону» — автограф 1 главы³ — от последней редакцией этой главы отличается следующими особенностями. Начинается повесть сентенцией общего характера:

Накъ ни важны бывають люди, а все есть важнѣе ихъ, и достается и важнымъ отъ тѣхъ, кто повыше ихъ.

Это начало, как и несколько ближайших к началу фраз, свидетельствуют о том, что повесть задумана в стиле, близком к стилю народных рассказов! Такъ то было и съ Федоръ Михайловичемъ Смоковниковымъ. Случилась ему неприятность по службѣ: оконфузилъ его старшій начальникъ, и вернулся Федоръ Михайловичъ домой злой, презлой, и дома все ему было наперекоръ».

¹ Все рукописи, написанные на пишущей машинке, в огромном большинстве случаев написаны на одной стороне листа. В дальнейшем, когда нет особой оговорки, «написано на пишущей машинке» означает, что написано на одной стороне листа.

² К какому времени относится написание этого плана, трудно сказать с уверенностью, так как неизвестно, когда изготовлена была обложка для рукописи: она может датироваться и временем более ранним, чем 1904 год, время окончательного формирования данной рукописи. Возможно, что дата обложки — 1902 год, которым она первоначально помечена. В таком случае загадочные инициалы «П. Ф.» и название «Дмитрій Ж.», не находящие себе объяснения в известных нам черновых и исправленных текстах «Фальшивого купона», — сокращенное обозначение персонажей из не введенных в повесть или названных впоследствии иными именами.

³ В дальнейшем, когда это не оговорено, имеются в виду главы первой части повести.

Однако вслед за этим стиль заметно меняется, и повествование ведется в тоне обычном для большей части художественных произведений Толстого.

После обеда Митя у себя в комнате не один, как в последней редакции главы, а с пришедшим к нему готовить уроки товарищем, не названным по имени. Этот товарищ, не зная еще, что Митя нуждается в деньгах, рассматривая купон, на котором написано: «Предъявителю сего 4-го января 1885 года 2.50», предлагает поставить впереди цифры 2 — единицу. Митя на этот раз отказывается последовать совету товарища. В конце главы, после того как сказано о том, что Митя решил идти к Махину, чтобы тот научил его, как заложить часы, речь шла о Махине и об отношении к нему Мити. Но всё это тут же зачеркнуто (см. вариант № 1). Отличается автограф первой главы и некоторыми словарными и стилистическими особенностями, о которых ниже.

После того как автограф 1 главы был переписан В. Г. Чертковым, копия подверглась исправлению Толстого, и вслед за этим на оставшейся недописанной части последнего листа копии и на следующих листах Толстым были написаны следующие шесть глав повести.

Исправления носят преимущественно стилистический, отчасти словарный и смысловой характер. Отметим наиболее существенные. Так, первоначальное «Хлопнул чиновник дверь» исправлено на «Федорь Михайлович хлопнул дверь». Митя в ответ отцу на то, что он в годы сына получал 50 копеек, начинал свою реплику словами: «Да не ть времена были». Эти слова в копии зачеркнуты. Первоначальное «Сынъ озлобился и испугался, но испугался больше, чьмь озлобился» — исправлено: «Сынъ испугался и озлобился, но озлобился больше, чьмь испугался». Во фразе «и пошелъ къ обѣду» после «и» вставлено «насупившись». В первоначально написанной фразе «Сынъ тоже хмурился» «хмурился» зачеркнуто и исправлено на «не поднималъ глазъ отъ тарелки». Первоначально написанная фраза «Мать была добрая и баловница, но отъ этого то она и не могла помочь ему. Она ему уже все передавала» исправлена так, что всё, стоящее после запятой зачеркнуто и вместо этого написано: «и она, можетъ быть, помогла бы ему». Написанное в автографе «Нынче у нея былъ большой ребенокъ» заменено более конкретной фразой: «Но нынче она была встревожена болѣвнью меньшого двужлѣтняго Пети». Первоначальное «Онъ пошелъ отъ двери» исправлено на: «Онъ что то проворчалъ себѣ подъ носъ и пошелъ отъ двери». После слов «онъ научить, гдѣ часы заложить» добавлено: «подумалъ онъ, ощупывая часы въ карманѣ».

Кроме того, рассказ о приходе к Мите после обеда товарища зачеркнуто и вместо него написан новый текст, очень близкий к соответствующему месту главы в последней редакции.

Что касается автографа глав II—VII, то он, написанный с небольшим числом помарок, очень близок к последней редакции соответствующих глав. В нем лишь отсутствует разговор Евгения Михайловича с дворником (в главе VII) и окончание VII главы, начиная от слов «Жена была беременная».

С копии исправленной первой главы и автографа следующих шести глав М. Л. Оболенской и А. Л. Толстой снята была копия, исправленная и продолженная Толстым: им дописана была VII глава, кончая словами:

«долго кляла разбойника—барина, обманувшаго Ивана», и написана новая глава, обозначенная как восьмая и соответствующая IX главе и первому абзацу X главы в последней редакции. Несколько страниц, особенно радикально исправленных Толстым, были переписаны на пишущей машинке. В результате поправок текст первых семи глав был почти окончательно установлен. Главное, что его еще отличает от последней редакции, — это введение чертёй, символизирующих постепенное нарастание зла.

В I главе после слов «и тут же написал бойкий и колкий ответ», стр. 5, строка 12, приписано:

И хотя онъ не могъ видѣть этого, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ читалъ бумагу начальника губерніи, маленькій чертенокъ, сидѣвшій на бумагѣ, перескочилъ на плечо Федора Михайловича и, сидя на немъ, нѣсколько увеличился.

В той же главе, после слов «Вон! сечь их надо!», стр. 6, строка 6, приписано:

И въ ту минуту, какъ Федоръ Михайловичъ всталъ со стула и закричалъ, чертенокъ, сидѣвшій на его плечѣ, надулся, раздвоился, и тотъ, который былъ поближе, перескочилъ на плечо гимназисту.

В той же главе, после слов «и долго еще кричал, провозжая сына, бранные слова», стр. 6, строка 17, приписано:

Чертенокъ весело танцевалъ на его плечѣ, дѣлая странныя гримасы.

В той же главе, после слов «а потом снял мундир и надел куртку», стр. 6, строка 27, приписано:

Чертенокъ, въ то время какъ онъ переодѣвался, держась на воздухѣ, опустился ему на плечо только тогда, когда куртка была надѣта.

В той же главе, после слов «Не знаю все ли так, но я не люблю», стр. 6, строка 43, приписано:

Чертенокъ на плечѣ гимназиста сталъ величшною уже съ маленькаго мышенка.

В той же главе, после слов «Он что то проворчал себе под нос и пошел из двери», стр. 7, строка 14, приписано:

Чертенокъ на его плечѣ раздвоился и хотѣлъ вскочить на плечо матери, но въ то время, какъ онъ приближался къ ней, ей стало жалко сына.

Во II главе, после слов «Что же валить? — Вали!», стр. 8, строки 6—7, приписано:

Чертенокъ на плечѣ Мити перевернулся отъ радости черезъ голову.

К концу III главы приписано:

Между тѣмъ чертенокъ, сидѣвшій на плечѣ Мити, распухъ до порядочной величины, раздвоился и двойника своего оставилъ въ лавкѣ фотографическихъ принадлежностей.

В IV главе, после слов «И зачемъ брать купоны», стр. 9, строка 20, приписано:

Чертенокъ, оставшійся въ лавкѣ, сначала не зналъ, гдѣ пристроиться, но какъ только хозяинъ закричалъ, онъ уже сидѣлъ у него на плечѣ и радостно смѣялся.

В VI главе, после слов «порожнемъ погналъ к трактиру», стр. 11, строка 27, приписано:

Чертенокъ распухалъ на плечѣ Евгенія Михайловича, раздвоился, и двойникъ его побѣждалъ за Иваномъ Мироновымъ.

В той же главе, после слов «Давай деньги, какую ты имеешь полную праву?», стр. 12, строка 5, приписано:

Чертенокъ, взошедшій за Иваномъ Мироновымъ въ трактиръ, вдругъ раздвоился, и одинъ вскочилъ на плечо Ивана Миροнова, другой на плечо буфетчика.

В VII главе, после слов «В первый разъ его вижу», стр. 12, строка 30, приписано:

Чертенокъ, сидя на плечѣ Евгенія Михайловича, все раздувался и сталъ величиною уже въ большую крысу или маленькаго котенка.

Что касается автографа, следующего за текстом VII главы, то он очень близокъ к последней редакциИ IX главы.

На переписанной на машинкѣ последней страницѣ, заключавшей в себѣ окончание VII главы, Толстымъ приписана была к главѣ еще одна заключительная фраза, в которой сказано, что Иванъ Мироновъ решилъ идти к адвокату жаловаться на Евгенія Михайловича, и вслѣдъ за этимъ написана вся VIII глава, такъ же какъ и предыдущая, обозначенная цифрой VIII и соответствующая VIII главѣ последней редакциИ. От нее она отличается болѣе краткимъ концомъ и темъ, что после слов «но что было важнее всего того, что люди видели», стр. 14, строки 5—6, следовали строки о чертахъ:

Чертенокъ, оставшійся послѣ раздвоенія на плечѣ Евгенія Михайловича, не только самъ увеличился, но еще испустилъ изъ себя другого, гораздо большаго, чѣмъ онъ самъ, дьявола, который помѣстился на плечѣ бойкаго, красиваго, всегда веселаго Василія-дворника.

VIII и IX главы после этого были переписаны на пишущей машинкѣ, слегка исправлены, переставлены одна на место другой и присоединены к первымъ семи отредактированнымъ главамъ. Последний абзацъ IX главы сталъ начальнымъ абзацемъ главы X.

Вслед за этим Толстым написана была новая глава, не обозначенная никакой цифрой, но, очевидно, мыслившаяся им как десятая (автограф на двух согнутых пополам полулистах писчей бумаги, исписанных, кроме последней четвертушки, с обеих сторон). Рукопись по содержанию соответствует X главе последней редакции и заключает в себе также и материал, легший в основу XI и частью XIII глав. Про Прокофия здесь говорится большей частью то, что позднее связалось с именем Василия.

Часть автографа, соответствующая X главе, в дальнейшем не подверглась никаким поправкам. Лишь в конце Толстым сделана была следующая приписка:

Чертенокъ, жившій на его плечѣ, сталъ больше, особенно послѣ того, какъ онъ раздвоился и двойника своего оставилъ у Петра Николаевича.

Эта часть, будучи переписана на пишущей машинке, в качестве X главы присоединена была к ранее отредактированным первым девяти главам.

Вторая часть автографа в существенном совпадает с началом XI главы в ее последней редакции, кончая словами «Улик не было. И Прошку выпустили», стр. 17, строка 44. Далее сказано было следующее. Когда Прокофий вернулся домой, Парашу просватали за другого. Дома делать было нечего. С обиды Прокофий пошел в губернский город, где жил поденной работой, пропивая всё, что зарабатывал. Решив вернуться ко второму Спасу к себе домой, он по дороге зашел в деревню переночевать и тут узнал, что купец, снявший помещичий сад, ищет караульщика. К этому купцу и нанимается Прокофий за пять рублей в месяц. Далее о Прокофии сказано:

Обида Петра Николаевича жила въ Прокофѣѣ. Нѣтъ, нѣтъ, да вспомнить, какъ его обидѣли, какъ Параша измѣнила и отецъ избилъ. Не вѣрится, чтобы были на свѣтѣ добрые люди, а живутъ всѣ, только бы себѣ побольше забрать, а объ другихъ никто не думаетъ.

Получив у хозяина расчет, Прокофий отправился на постоянный двор, где, встретившись с двумя приятелями-поденщиками, подбил их ограбить вместе с ним лавку.

Рукопись кончается после этого так:

Денегъ вынули 800 рублей. 700 онъ оставилъ себѣ, а 100 роздалъ товарищамъ. Послѣ лавки онъ пошелъ къ богатому купцу и тамъ захватилъ всѣ капиталы. Сотенный билетъ подкинули назадъ, а 27 тысячъ денегъ Прокофій увезъ съ собой въ другой городъ. Въ другомъ городѣ попались всѣ трое въ кражѣ шубы.

Всѣхъ посадили въ острогъ, товарищей Прокофія въ общую камеру, а Прокофія отдѣльно.

Эта вторая часть автографа, будучи переписана на пишущей машинке, была вновь радикально переделана.

После того как сказано о том, что Парашу просватали за другого, добавлено:

И Прощка вернулся домой озлобленный противъ Петра Николаевича и всего міра. Чертенюкъ, жившій на плечѣ Петра Николаевича, отрядилъ своего двойника на плечо Прокофія.

После двукратныхъ исправлений работа над XI главой была почти закончена. Глава оканчивалась фразой, которая потом Толстым была отчеркнута и рядом с которой им было написано: «пр[опустить]».

Въ острогѣ онъ сталъ харкать кровью и совсѣмъ отчаялся, ненавидѣлъ людей, и себя, и Того, Кто послалъ его въ міръ.

Но, очевидно, вначале эта вторая часть автографа не была выделена в особую главу и мыслилась Толстым как вторая половина X главы, на что указывает проставленная им цифра X перед словами «Петръ Николаевичъ Свентицкій изъ всѣхъ силъ старался...»

То, что говорится дальше о Прокофье, было отрезано, и в дальнейшем исправленное и связанное с именем Василия образовало XIII главу.

В какой стадии работы над повестью была установлена последняя редакция этой главы, мы не можем сказать с уверенностью; во всяком случае, это было сделано после написания ряда последующих глав, так как в них всё еще вместо Василия фигурирует Прокофій Николаев. Глава дважды переписывалась на пишущей машинке и дважды исправлялась и дополнялась. В копиях она была помечена цифрой XVI. После того, как сказано о слугах, которые работали, чтобы кормить, поить и веселить господ, приписано:

Около всѣхъ этихъ господъ, и старыхъ и молодыхъ, вились въ большомъ количествѣ, какъ мошки въ жаркій день, маленькіе чертенята, и всякій разъ какъ Василій говорилъ себѣ: хорошо бы такъ пожить, чертенята эти раздваивались, перелѣзали къ нему на плечо и превращались въ одного увеличивающагося большого, пухлаго дьявола.

Продолжение работы над повестью — в автографе на 6 листах, пронумерованных рукой Толстого (1—6). Текст подделен на главы — XI — XVI, причем из XVI главы написана всего лишь одна строка: «Степанъ исполнилъ все, какъ сказала ему Николаевъ». В XI главе речь шла о ссоре Петра Николаевича с земским начальником, оправдавшим Прокофія, и о том, что сын земского начальника и его дочь Людмила, настроенные революционно, из-за Петра Николаевича попали в тюрьму (см. вариант № 2). После того как эта глава была переписана, она была зачеркнута Толстым, а эпизод с сыном земского начальника и его невестой, заменившей в фабуле сестру, разработан заново.

Текст XII главы автографа соответствует тексту XIV главы последней редакции и отличается от него лишь очень незначительными частностями, кроме конца главы, в котором вместо Степана фигурирует Коидратій. Он бьет Миронова по лицу, но о том, что он убийца, — не сказано: убивает вора толпа.

Текст XIII главы соответствует тексту XV главы последней редакции, но значительно кратче его. Здесь в числе убийц назван Степан Пелагеюшкин, но убивает он Миронова камнем не потому, что сводит с ним личные счеты, а потому, что мир порешил убить вора. О Степане сказано, что он «высокій, красивый малый». После слов «Нынче его, завтра меня» стр. 24, строка 7, идет вариант, в котором рассказывается о встрече Степана с Прокофием в остроге и о замысле их совершить побег. Этот вариант впоследствии был развит в III и VIII главах второй части повести, где Прокофий заменен был Василием. Печатаем его под № 3.

Текст XIV главы соответствует тексту XXII главы последней редакции, но он также кратче и схематичнее его. Женщина, стрелявшая в мнистра, не названа по имени. О ней сказано лишь, что она была невестой одного из заговорщиков, сидевших в тюрьме вместе с Людмилой.

Текст XV главы соответствует IX главе второй части повести в последней редакции. То, что там говорится о Василии, здесь сказано в применении к Прокофию Николаеву. Глава начинается следующими словами:

Въ ту ночь, когда Николаевъ рѣшилъ бѣжать, въ острогѣ умеръ отъ тифа арестантъ, содержащійся за сопротивление властямъ. Въ острогѣ былъ тифъ, и умирало по человѣку почти каждый день, а то и по два.

В дальнейшем изложение близко к тому, что говорится в IX главе второй части последней редакции; лишь отсутствуют некоторые детали, введенные Толстым в копию, при ее исправлении.

С автографа XI—XV глав снята была копия на пишущей машинке, исправлена, и на оставшихся чистых ее страницах Толстым написаны следующие главы повести.

В XI главе, после того как сказано, что земский начальник попрекнул Петра Николаевича шляхетским гонором, Толстым приписано:

Дьяволенокъ, сидѣвшій на плечѣ Петра Николаевича, еще раздвоился и послалъ своего двойника земскому начальнику.

Слова «и ненависть между двумя семьями дошла до послѣдней степени» (см. вариант № 2, стр. 420, строки 16—17) были зачеркнуты и вместо них написано:

И вся семья земскаго начальника возмездидѣла Петра Николаевича, и дьяволъ, перешедшій отъ Петра Николаевича къ земскому начальнику, утвердился въ этой семьѣ, гдѣ озлобленіе противъ Петра Николаевича скоро перешло на предводителя, губернатора, на всѣхъ жандармовъ.

Вслед за этим остальная часть первоначальной XI главы была радикально переработана и выделена в самостоятельную XII главу. В ней выступает уже Турчанинова — дочь казачьего офицера, заменяющая собой в фабуле повести сестру студента — Людмилу.

Здесь кратко рассказывается то, что позднее сказано в XXI главе последней редакции. Но причины ареста студента прежние — предполагаемый донос Петра Николаевича, а не те, о которых сказано в XXI главе. Заканчивается глава словами:

Дьяволъ, жившій въ семьѣ земскаго начальника, свить теперь гнѣздо на ея плечѣ и съ каждымъ днемъ становился все больше и больше.

После этого глава эта была еще дважды переработана в копиях, переписанных на пишущей машинке. В первой переработке названы имя и фамилия арестованного студента — Валентин Тюрин, сделано много поправок, приближающих текст главы к последней ее редакции, но причины ареста студента остаются всё те же. Вторая переработка представляет собой последнюю редакцию главы. Здесь многое по сравнению с первой переработкой было Толстым исправлено и дополнено. Арестовывают Тюрина за агитацию среди крестьян того села, в котором управляющим был Петр Николаевич. Глава попрежнему помечалась цифрой XII.

После такой мотивировки ареста Тюрина большая часть первоначальной XI главы, где речь шла о ссоре отца Тюрина — земскаго начальника с Петром Николаевичем и о том, что арест студента связывался с предполагавшимся доносом Петра Николаевича, сама собой устранилась, и она была зачеркнута. От главы остался лишь первый абзац, который был присоединен к концу предыдущей главы, ставшей теперь одиннадцатой.

В первоначальной XII главе исправлен лишь конец: исключено упоминание о Кондратии, а о Степане и об убийстве им Ивана Миронова сказано буквально то же, что говорится в XIV главе последней редакции. Лишь в конце сделана следующая приписка:

И дьяволъ, жившій на немъ, раздвоился, разстроился, расчленился, расчленился на десятокъ дьяволовъ и вошелъ во всѣхъ тѣхъ, кто билъ Ивана Миронова.

Цыфра XII стерта и заменена цыфрой XIV.

Первоначальная XIII глава была переписана и исправлена дважды. Трудно сказать, к какой стадии работы над повестью должны быть приурочены эти исправления. Во всяком случае, они были сделаны позже написания первоначальной XVIII главы (см. ниже). В первой копии Толстой колебался, какое убийство приписать Степану — Ивана Миронова или Петра Николаевича: всюду, где говорится об убийстве Миронова, его имя было зачеркнуто и сверху написано «П[етра] Н[иколаевича]», но потом второе имя было также зачеркнуто и восстановлено первое. Имя Прокофия, с которым в этой редакции главы Степан встречается в остроге, заменено именем Василия.

При вторичной правке глава была, с одной стороны, сокращена, с другой — значительно дополнена. Выброшен эпизод встречи Степана с Василием в остроге, нашедший себе затем место в более развитом виде в III и в VIII главах второй части повести, и добавлено всё, что говорится о Степане в последней редакции XV главы первой части.

В обоих копиях глава эта помечена цыфрой XX.

Первоначальная XIV глава исправлена и дополнена так, что она соответствует почти буквально тексту XXII главы в последней редакции. В ней лишь отсутствует еще часть текста, начинающаяся словами «Заговора, разумеется, никакого не было» и кончающаяся словами «таи»

vous savez — le devoir». стр. 31, строка 39 — стр. 32, строка 12. Эта часть текста добавлена была в следующей копии главы, которая, будучи слегка исправлена и дополнена, образовала последнюю редакцию главы. Кроме того, в конце главы было написано:

Дьяволъ, жившій въ ней, не уменьшался, но раздвоился въ тотъ самый моментъ, когда она стрѣляла въ министра, и, перескочивъ на министра, уже не оставлялъ его.

Цыфра XIV, обозначающая главу, исправлена на XIII.

Первоначальная XV глава была исправлена так, что текст ее совпал с текстом IX главы второй части повести в последней редакции. Исправление главы в описываемой копии, очевидно, происходило дважды (во второй раз тогда, когда пометки Прокофья приписаны были Василию). Цыфра XV заменена цыфрой XVI.

Все эти замены одних цыфр другими указывают на перестановку глав. Эта перестановка не была окончательной, и впоследствии установлен был иной порядок глав.

Волею за тем на оставшихся 3½ чистых страницах Толстым написано продолжение повести — две главы полностью и одна частично. Обозначены они цыфрами XVII, XVIII и XIX.

Глава XVII автографа соответствует по содержанию тексту XVII главы последней редакции, но кратче его. Весь рассказ ведется от имени автора, диалог отсутствует. О том, что два крестьянина были приговорены к повешению, еще не сказано.

Глава XVIII представляет собой первоначальный набросок текста, легшего позднее в основу второй половины XV главы и всей XXIII главы. Вместо Василия фигурирует пока еще Николаев. Кратко, чисто описательно и внешне перечисляются убийства, которые совершил Степан: он убил лесника — сторожа и его жену, взяв у них 2 рубля 70 копеек денег, билет и одежду, затем убил еще двенадцать человек. Эпизод убийства в уездном городе Марьи Семеновны рассказан кратко, без тех психологических подробностей, которые имеются в описании этого эпизода в его последней редакции, и самое имя убитой не названо (см. вариант № 4).

Глава XIX, лишь начатая в этом автографе, соответствует по содержанию началу I главы второй части. Тут речь идет о том, что Степан мучился последним убийством трое суток, а на четвертые пошел к ставновому.

Автограф переписан был на пишущей машинке (3 четвертушки, исписанные с одной стороны). Затем на полях, на оборотных страницах копии, на оставшейся недописанной части третьей четвертушки и на четырех полулистах почтовой бумаги, исписанных с обеих сторон, он был исправлен и сильно дополнен.

В главе XVII, после того как сказано, что крестьяне сожгли у Петра Николаевича ригу и гумно, приписано:

Сдѣлалъ это Прокофій. Всѣ знали это, но уличить его не могли.

Затем добавлен новый абзац, в котором идет речь о знакомстве Петра Ивановича в поволжской губернии с одноладельцем села Максимом Петровичем Ивановым и его свояченицей Марией Семеновной. Характеристика Марии Семеновны очень близка к характеристике той Марии Семеновны, которая фигурирует в XVI главе последней редакции и которую позже убивает Степан. Когда мужики убивают Петра Николаевича, она бросается в толпу, чтобы защитить его. На суде она просит простить убийц. Тут же упоминается о портном, который жил и работал у Марии Семеновны и который под влиянием примера ее жизни, стал задумываться (см. вариант № 5). Большая часть абзаца, в том числе всё то, что говорится о Марии Семеновне, зачеркнуто Толстым, и ее образ, как и имя, а также фигура портного были использованы им затем в другой обстановке и в другом окружении.

После этого глава эта, будучи дважды переписана на пишущей машинке, дважды была исправлена и дополнена Толстым.

Глава XVIII автографа исправлена и дополнена в направлении к тому, что говорится в главе XXIII последней редакции об убийстве Степаном семьи Марии Семеновны. Но самое имя это еще не названо, отсутствует и ряд подробностей, в роде того, что Степан не мог переносить голоса и взгляда убиваемой женщины, что после убийства он закурил папиросу и почистил свою одежду, и др. Но введена новая фраза, впоследствии вычеркнутая:

Тамъ лежала та самая женщина, про которую говорили Степану, что ее пожалѣть надо, что она всѣхъ бѣдныхъ призиреть, больныхъ лечить, заключенныхъ посѣщать.

В дальнейшем Толстой сильно переработал и расширил материал этой главы. Часть его вошла в состав XV главы последней редакции, другая часть образовала XXIII главу, и по связи с этой последней была написана XVI глава. XXIII глава редактировалась пять раз (т. е. пять раз переписывалась и исправлялась), XVI — три раза. Конец XVI главы от слов «Получила раз Мария Семеновна» и кончая словами «Человек, с которым она столкнулась, был Степан», стр. 32, строки 19—38, был сделан началом XXIII главы.

Обработка XXIII главы (по окончательному счету) шла в направлении психологической детализации и натуралистичности описаний. Так, сцена убийства жены извозчика и ее детей, прежде чем получить последнюю обработку, постепенно преодолевая голый схематизм стиля, последовательно прошла через следующие промежуточные стадии:

[1] Потомъ Степанъ одинъ зашелъ къ мѣщанину въ городъ, сказалъ, что дѣло есть, подождетъ хозяина. И когда жена пустила его, онъ убилъ ее и двухъ дѣтей.

[2] Изъ постоялаго двора, гдѣ Степанъ убилъ мѣщанина, онъ не пошелъ въ деревню, а вернулся въ городъ. Въ городѣ онъ зашелъ къ извозчику-легковому — изъ ихъ деревни. Извозчика дома не было. Онъ сказалъ, что подождетъ, и сидѣлъ, разговаривая съ бабой. Потомъ, когда она повернулась къ печи, онъ схватилъ ножъ и убилъ ее. Дѣти стали кричать, онъ убилъ и ихъ.

Следовавшая вслед за этим в ранней редакции фраза:

Потомъ онъ зашелъ въ караулку ночевать, убилъ топоромъ старуху и старика, взявъ поддевку и 40 копеекъ денегъ —

была зачеркнута, так как она разрослась в целый эпизод, приуроченный к концу XV главы, где идет речь об убийстве Степаном содержателя постоялого двора и его жены.

Работа над эпизодом убийства Степаном Марии Семеновны также прошла через ряд стадий. Помимо большого количества второстепенных, большей частью стилистических исправлений и дополнений, было добавлено, что Степан не мог больше переносить взгляда Марии Семеновны и потому ускорил убийство ее. Далее была добавлена такая подробность: после убийства Марии Семеновны «Степанъ закурилъ папироску, посидѣлъ, почистилъ свою одежду и вышелъ». Образ Марии Семеновны далеко не сразу определился в этом эпизоде. Лишь в процессе работы над эпизодом Марии Семеновны усвоены были и имя и — в общих чертах — самый облик той Марии Семеновны, свояченицы Максима Петровича Иванова, о которой Толстой первоначально говорил в главе, связанной со сценой убийства Петра Николаевича. Оттуда же и фигура портного, которая вместе с характеристикой Марии Семеновны нашла себе место в особой XVI главе (первоначально фигурировали два портных — один взрослый, другой малый — ученик).

Фигура портного организовала собой ряд эпизодов повести, вначале, видимо, не предусмотренных Толстым. Сама она, очевидно, понадобилась для мотивировки превращения крестьян-покупщиков земли в сектантов (глава XVIII). Дальнейшая судьба сектантов рассказана в главах XIX и XX. Но события, о которых говорится в двух последних главах, требовали предварительно написания XII главы, в которой сказано о повороте в судьбе священника Михаила Введенского, в главах XIX и XX фигурирующего в качестве архимандрита Мисаила. Мы имеем автографы главы XII (четвертушка писчего листа и полулист почтового листа) и глав XVII—XX (полулист писчей бумаги, согнутый пополам, и полулист почтовой бумаги). Качество бумаги обоих автографов, цвет чернил и детали почерка совершенно одинаковы — указание на то, что они писались почти одновременно, один вслед за другим.

Судьба текста XII главы, которая и в автографе и в копиях всюду помечена цифрой XII, такова.

В автографе вся глава значительно кратче, чем в последней редакции. Речь в ней ведется целиком от лица автора, диалоги отсутствуют. Ничего не говорится о размышлениях законоучителя по поводу увеличивающихся безнравственности и атеизма, нет и таких деталей, как указание на то, что законоучитель говорил, «поглаживая рукой гладкие бока наперсного креста», или «дрожа подбородком, так что тряслась его редкая борода». Ничего еще не сказано о причинах вражды между законоучителем и Смоковниковым, отсутствует и сцена их столкновения. Жена владельца магазина, прежде чем отправиться в гимназию, идет с жалобой на гимназиста к его отцу — Федору Михайловичу. Сын (по забывчивости Толстой всюду его называет здесь Ваней вместо Мити) сначала отрицается, потом признается. Отец бьет его и прогоняет. По

жалобе Федора Михайловича в Петербург законоучителя увольняют, и тогда законоучитель решается идти в монахи. Заканчивается глава словами:

Проповѣди его, въ которыхъ онъ громилъ невѣріе, а главное, крамолу, стали обращать на себя вниманіе, и въ то время, какъ совершили покушеніе на министра, онъ написалъ и прочелъ умилительную проповѣдь о добродѣтели министра и о вредѣ, ужасѣ, и безнравственности крамольниковъ, служителей дьявола.

Въ высшихъ кругахъ стали знать и цѣнить Михаила. Онъ былъ призванъ въ архимандриты и назначенъ викаріемъ въ одну изъ дальнихъ губерній.

Автографъ трижды былъ исправленъ и дополненъ в копияхъ, переписанных на пишущей машинке. Во всехъ этихъ копияхъ сынъ Федора Михайловича неизменно называется Ваней. Во второй копии впервые жена хозяина магазина фотографическихъ принадлежностей называется по имени и отчеству — Марией Васильевной. В определении дальнейшей судьбы законоучителя после ухода его изъ гимназии Толстой колебался. В автографе законоучитель после назначенія его ректоромъ семинарии получает санъ архимандрита и назначается викаріемъ в одну изъ дальнихъ губерній. Далее — онъ оказывается миссионеромъ в одной изъ южныхъ губерній, зараженныхъ штундизмомъ; в следующей редакціи речъ идетъ только о томъ, что законоучитель получилъ место ректора и былъ переведенъ в столицу. Наконецъ, в последней редакціи сказано о томъ, что законоучитель постригся в монахи под именемъ Мисаила и получилъ место ректора семинарии в поволжскомъ городе, т. е. в техъ местахъ, где произошло и убійство Петра Николаевича.

В копияхъ троекратно вводятся эпизоды с чертями.

В концѣ первого абзаца главы приписано:

Чертенюкъ, помѣстившійся на спинѣ ея мужа, раздвоился и не покидалъ теперь жену.

После словъ, с которыми законоучитель обращается къ Маріи Васильевне, добавлено:

Такъ говорилъ отецъ Михаилъ и не зналъ, что чертенюкъ, сидѣвшій на плечѣ Маріи Васильевны, распухъ, раздался и перескочилъ на плечо отца Михаила.

Наконецъ, в концѣ следующего абзаца, после словъ «имеетъ в виду только благо и спасеніе юноши», стр. 19, строки 17—18, также добавлено:

И въ то время, какъ онъ такимъ образомъ обманывалъ себя, чертенюкъ, вскочившій на его плечо, какъ гутаперчевая раздуваемая подушка, сталъ быстро распухать и увеличиваться.

В автографѣ главы XVIII—XX обозначены цифрами XXIII и XXIV, причемъ XXIII глава автографа соответствуетъ XVIII главѣ повести в последней редакціи, а глава XXIV была разбита на две, соответствующіе главамъ XIX и XX в последней редакціи.

XXIII глава автографа, будучи переписана однажды на пишущей машинке, слегка исправлена рукой Толстого. Еще в автографе Толстой колебался, куда отнести место действия этой главы. В начале оно происходило «въ глухомъ селѣ Киевской губерніи Васильновскаго уѣзда». Затем эти слова были зачеркнуты и вместо них написано: «Въ Землянскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи». В копии последние слова были зачеркнуты, вновь восстановлены, опять зачеркнуты и вместо них написано: «Въ селѣ, изъ котораго былъ портной». Ни Киевская, ни Воронежская губернии не подходили потому, что события, рассказанные в этой главе, необходимо было связать с местом служения архимандрита Мисаила, который действовал в одной из поволжских губерний.

По забывчивости в автографе всех трех глав Толстой называет архимандрита его мирским именем — Михаилом. В этой копии, как и в копиях следующих глав, Толстой слово «Михаил» всюду исправил на «Мисаил». Цыфра XXIII, обозначавшая главу, рукой Толстого исправлена на XIX, а затем рядом с ней посторонней рукой поставлена цыфра XVIII.

Первая часть первоначальной XXIV главы была переписана на пишущей машинке и исправлена рукой Толстого дважды. Она обозначена переписчиком цыфрой XIX.

В первой копии рукой Толстого в самом начале главы дописано:

Въ Воронежской епархіи появилась среди крестьянъ секта людей, не признающихъ иконъ и таинствъ. Люди эти бросили пить вино, курить табакъ, перестали ругаться и помогали другъ другу.

Толстой зачеркнул это вступление, так как о том же говорилось в предыдущей главе. Далее после слов «сказал отец Мисаил», стр. 28, строки 11—12, было добавлено всё продолжение от слов «Он был рад этому поручению» до конца абзаца.

Во второй копии после слов «сказал архиерей», стр. 28, строки 15—16, были зачеркнуты следующие слова, имевшиеся в автографе:

а это было совсѣмъ неправда, ему никакого дѣла не было до нихъ, только у него забота была, что жить роскошно, ѣсть, пить сладко и быть почитаемымъ.

Вместо этого сказано, как архиерей принимал пухлыми руками чашку чая, и добавлено его обращение к службе насчет второго варенья к чаю.

В третьем от конца главы абзаце «Но не забывая себя» исправлено на «Но, как человек небогатый». Затем приписаны два последние абзаца главы.

Вторая часть первоначальной XXIV главы в копии была исправлена Толстым однажды. Глава обозначена рукой Толстого неопределенно — цыфрой X с многоточиями. Исправлений довольно много, особенно в конце главы, но они большей частью не вносят существенных смысловых и стилистических вариантов по сравнению с автографом. Забыв, что Мисаил уже ранее был назван архимандритом, Толстой в копии к концу главы приписал: «Отцу же Мисаилу дали награду и сдѣлали архимандритомъ».

Между тем к переписанному началу первоначальной XIX главы автографа, о котором речь идет на стр. 569, присоединено продолжение, соот-

ветствующее вместе с этим началом начальным главам второй части последней редакции повести. Эти главы обозначены цифрами XIX, XX и XXI.

Глава XIX автографа отличается от соответствующей ей I главы второй части в последней редакции следующими существенными особенностями. После трехдневных мучений Степан сам идет к станковому и отдается в руки властей. Далее несколько раз подчеркивается покорность Степана, его смиренне и религиозное настроение, в результате чего получается образ резкого перехода от образа необычно жестокого разбойника к образу покаянному. Так, про Степана сказано, что он отвечает смотрителю «покорно». Когда смотритель его бьет кулаком в челюсть, он говорит: «благодарю васъ, такъ мнѣ и надо. Я того стою». Сидя в камере, Степан что-то шепчет, плачет или молится. На допросах следователя он не только правдив, но и тих. Далее — он «про себя рассказывалъ не только правдиво, но какъ будто нарочно усиливалъ свою и одну свою вину; товарищей же онъ, очевидно, выгораживалъ». В ответ на совет следователя говорить правду, потому что полное сознание облегчит его наказание, «Степанъ отвѣчалъ, что онъ стоитъ наказанія самаго тяжелаго». Когда его спрашивает прокурор, не имеет ли он жалоб и не нужно ли ему чего, «онъ отвѣчалъ, что онъ не стоитъ того, чтобы съ нимъ такъ хорошо обращались, а что просилъ бы объ одномъ, чтобы ему дали книгу — Евангеліе» (он оказывается здесь немного грамотным). Прокурор поражен «кроткимъ, спокойнымъ и достойнымъ видомъ Степана». Про Степана же смотритель тюрьмы говорит: «Батюшка его исповѣдывалъ, говоритъ тоже, что вполне раскаянный человѣкъ».

XX глава автографа соответствует II главе и части IV главы второй части последней редакции повести. Здесь нет еще эпизода попытки Степана к самоубийству, нет рассказа о сне Степана, в котором он видел убитую им Марию Семеновну. Степан вспоминает между прочим, как он добил Петра Николаевича; вспоминает и свои дела с Прокофием Николаевым. Евангелие он стал читать до встречи с сектантами. С ними он сталкивается впервые в общей камере, куда его переводят после того, как отдельная камера понадобилась для присланных политических. О сектантах, встрече с ними Степана и впечатлении, произведенном ими на него, сказано общо:

Въ общей камерѣ были судимые за распространеніе ложнаго ученія сектанты. Съ ними особенно сблизился Степанъ, и ученіе, которое передалъ ему сектантъ, объяснило для Степана то, что онъ смутно начиналъ понимать при чтеніи Евангелія. И съ тѣхъ поръ Степанъ понялъ, что жизнь его духовная, свободная и, не заботясь о себѣ, думалъ только о томъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы всѣ люди поняли это, и кончилось бы воровство, грабежи, убійства, развратъ, наказанія, и всѣ люди жили бы одной семьей, не враждуя другъ съ другомъ, а помогая другъ другу.

Начало XXI главы автографа соответствует началу VI главы второй части последней редакции повести.

Автограф переписан был на пишущей машинке (6 четвертушек, исписанных с одной стороны, и полудист, на котором исписано было лишь начало первой страницы). Переписанное было исправлено и дополнено

рукой Толстого на полях, на одной оборотной чистой странице и на оставшихся чистых страницах полулиста.

В результате исправлений XIX главы, после этого еще раз переписанной и слегка исправленной, установлена была последняя редакция текста, как она читается теперь в I главе второй части. Все черты кротости и покорности, приданные первоначально Толстым Степану, были устранены, и облик его стал сурово-замкнутым, сдержанным.

XX глава лишь в первом абзаце приблизилась к последней редакции II главы второй части повести. Здесь впервые выведена фигура сектанта Чужева, с которым сближается Степан:

Совѣтъ же его видѣнія прошли, когда онъ сошелся съ Чуевымъ, сидевшимъ въ одной тюрьмѣ съ нимъ. Чувевъ объяснилъ ему, что законъ церковный ложный, а что истинный законъ только въ Евангеліи, и читалъ ему Евангеліе. Но Чужева перевели въ другой острогъ. И тогда Степанъ захотѣлъ самъ читать Евангеліе.

Вслед за этим к этой главе приписано окончание, в котором речь идет о каторжнике-палаче Махоркине и которое почти буквально соответствует V главе второй части повести.

После этого глава эта, будучи несколько раз переписана на пишущей машинке, была обрабатываема, исправляема и дополняема не менее четырех раз. Одновременно отдельные абзацы ее были переставлены при помощи ножниц. В результате одна глава сначала была разбита на две — вторую и третью, а затем на четыре, и таким образом образовалась последняя редакция глав II, III, IV и V второй части повести. Существенных стилистических и смысловых вариантов эти переделки и дополнения не дают. Вероятно, одновременно с этим был написан автограф VIII главы второй части повести. Будучи переписан на пишущей машинке, этот автограф был исправлен и дополнен Толстым, так что текст его увеличился почти вдвое. В копии глава эта была обозначена цифрой IV, затем уже переделанной на IX.

В III и VIII главе второй части был развит эпизод, который, как указывалось выше, намечен был в первоначальной XIII главе первой части повести.

В связи с этим первоначальная XIV глава была исправлена так, что сказанное там о Прокофии Николаеве было применено к Василию и образовало IX главу второй части. Эта IX глава после переделки вначале помечена была цифрой V. Таким образом, очевидно, IV и V главы второй части повести стали VIII и IX после того, как первоначальная XX глава, ставши II главой второй части повести, была окончательно разбита на четыре главы.

Заметим попутно, что следующая натуралистическая деталь — «Василий вернулся в мертвецкую, снял с холодного, как лед, мертвеца полотенно (он коснулся его руки, когда снимал полотенно)» — вписана была Толстым лишь в последнюю редакцию главы.

Переписанная часть первоначальной XXI главы, слегка исправленная, была продолжена Толстым на оставшихся чистых страницах полулиста.

Там же вслед за ней написана остальная часть следующей главы, кончая словами «И теперь последнее взяло верх», стр. 42, строки 13—14. Эта глава обозначена была первоначально цифрой XXII. Будучи переписаны на пишущей машинке и исправлены, обе главы были обозначены цифрами VI и VII и вошли в состав второй части повести. При этом к VII главе был дописан конец. В нем убитая женщина, смутившая совесть Степана, названа Толстым ранее не фигурировавшей фамилией Мининой, и то, что тут Толстой говорит о ней, совершенно расходится с тем, что сказано было о Марии Семеновне:

Она до подробности узнала историю Мининой. Минина была удивительная женщина. Она была богата и сь молоду начала помогать бѣднымъ, но такъ широко, что дядя ея вступился въ ея дѣла, угрожая взять ее въ опеку, и уговорилъ переѣхать къ нимъ. Дядя отобралъ у нея всѣ деньги и давалъ ей 30 рублей въ мѣсяцъ, которые она раздавала бѣднымъ. Это отношеніе Мининой къ имуществу особенно поразило Лизу.

В копии первая фраза этого варианта была исправлена Толстым так: «Она до подробностей узнала историю Маріи Семеновны и была поражена всѣмъ тѣмъ, что узнала о ней». Затем всѣ продолжение варианта было зачеркнуто и вместо последней его фразы написано: «Лизѣ страшно захотѣлось быть такой Маріей Семеновной».

Вслед за этим Толстым написана была глава, обозначенная им вторично цифрой XXII и соответствующая главам X и XI второй части повести. В копии эта глава была разделена на две, причем часть текста, соответствующая главе X второй части, занумерована была Толстым цифрой VI, а часть текста, соответствующая XI главе, — цифрой VII. Переписчиком же обе главы обозначены цифрой IX, поставленной на месте стертой XXII, затем рядом с IX карандашом написано X. Копия автографа не включает в себе почти никаких поправок. Но в трех местах в ней сделаны добавления о чертях. В X главе после первого абзаца Толстым приписано:

Тотъ дьяволъ, который жилъ на шеѣ Петра Николаевича, перешелъ къ ней.

В XI главе, после слов «Наталья Ивановна вдруг покраснела, вспотела даже от мыслей», стр. 45, строки 34—35, добавлено:

И дьяволъ, сидѣвшій у нея на плечѣ, сталъ беспокоиться: подниматься и опускаться.

Затем в той же главе добавлено после слов «А я прощаю», стр. 45, строка 42:

И услыхавъ эти глупыя слова, дьяволъ соскочилъ съ ея плеча и не смѣлъ ужъ болѣе сѣсть на него.

На оставшихся чистыми страницах полулиста, на котором кончалась копия X—XI (первоначально XXII) главы, написана была следующая глава (соответствующая XII главе второй части в последней редакции) и затем на девяти отдельных листках — все остальные главы повести.

В первую очередь были написаны главы, соответствующие главам XIV, XV, XVIII и XX второй части повести в окончательной редакции и пронумерованные рукой Толстого цифрами от XXIV до XXVIII. Затем — три главы, соответствующие главам XIII, XVI и XVII второй части. Они точно не пронумерованы: каждая из них снабжена цифрой XX с последующим рядом палочек. Такая нумерация обозначала, что Толстой не определил еще этим главам их места среди других.

Всё окончание повести было переписано на пишущей машинке, и главы, видимо, по указанию Толстого, размещены в том порядке, в каком они печатаются во всех изданиях. Рукой Толстого исправления сделаны были лишь в главах XIII, XV, XVI и XVII, причем серьезному исправлению подвергся лишь последний абзац XV главы, который первоначально читался так:

И всё, знавшіе царя и прежде и послѣ, не могли не видѣть, какъ съ этого дня измѣнился царь и сталъ строже къ себѣ, внимательнѣе къ своему дѣлу и добрѣе и кротче рѣшалъ дѣла, подлежавшія его рѣшенію.

На этом работа Толстого над повестью остановилась. Из предшествующих копий были отобраны исправленные Толстым в последний раз, причем некоторые страницы, заключавшие в себе особенно много поправок, были вновь переписаны и частью подверглись новой легкой авторской правке. После этого получилась цельная рукопись текста «Фальшивого купона», описанная у нас под № 6 и представляющая собой последний этап в работе Толстого над этим произведением.

22 января 1904 г. Толстой записал в Дневник: «Нынче занимался Купоном и колеблюсь, оставить или уничтожить чертей». В конце концов чертей он решил уничтожить и всюду, за исключением трех мест (главы X и XI второй части), приписки с упоминанием чертей были им отчеркнуты с пометкой «пр[опустить]». Эта пометка, разумеется, относится и к обем упомянутым главам второй части и не поставлена там по рассеянности.

Повесть обрывается на начале XX главы второй части. Какая часть повести не дописана, сказать трудно. Во всяком случае, во многом в ней не сведены концы. Не рассказана до конца судьба Турчаниновой, Махина, Василия и некоторых других персонажей. Кроме того, в последней редакции не устранены некоторые противоречия, о которых ниже. Это указывает на то, что и написанное Толстым окончательно не отделано им.

Прототипом для Прокофья Толстому послужил его кучер Ларивон, о котором Толстой в своих «Записках христианина», написанных в 1881 году, говорит следующее.

«Не помню, как и через кого попал ко мне кучером только что вышедший в бессрочные артиллерист Ларивон, из деревни Тросны, за 8 верст от меня. Тогда я воображал, что освобождение крестьян есть очень важное дело, и я весь был поглощен им, и Ларивон, которого я подолгу во время наших переездов видал перед собой на козлах, мало занимал меня. Помню, молодцоватый высокий парень-щеголь. Он завел себе шляпу с павлиньими перьями, красную рубаху и безрукавку. И помню, едем мы рав, встречаем баб, и они что-то сказали. Ларивон обернулся ко мне

и улыбаясь говорят: «вишь, говорят, не на барина смотреть, а на кучера». Помню я его тщеславную добродушную улыбку, помню всегдашнюю расторопность, исправность, веселость и хоть и привычную нам, но в Ларивоне поражающую смелость. Была пристыжная кавказская, гнедая, влая лошадь. Завизжит, бывало, и бьет нарочно в человека, когда попадет постромка за ногу или вожжа под хвост. Ларивон подходил к ваду и как с телянком обращался с ней. Так он и отслужил у меня, пока я не уехал. И осталось у меня воспоминание славного, доброго, веселого и хорошего парня. Такой он и был.

В нынешнем году осенью пришла Тита Борискина (наш мужик) баба.... — Что скажешь? — Да об своей горькой вдове — Ларивоновой. Чоь она мне, за Ларивоном была, кучером жил у вас.

Я вспомнил с трудом Ларивона....

Я стал расспрашивать, и вот что мне рассказала старуха. Ларивон после меня женился на ее дочери, завелся хозяйством с братом и жил хорошо. Но, человек уже оторванный от своей прежней жизни, изломанный солдатством, он дома уже был не жилец, и его опять тянуло на должность, чисто ходить, сытней есть, чай пить. Брат отпустил его, и он поступил в кучера к очень хорошему человеку, мировому судье. Опять, как со мной, он стал ездить, пеголять в безрукавке. И мировой судья был им доволен. Случилось раз, отправил мировой судья лошадей домой и велел покормить дорогой на постоялом. Ларивон покормил, но на четверку овса показал, а не скормил и выпил на эти деньги. Узнал это мировой судья. Как поучить человека, чтоб он таких дел не делал? Прежде были ровги, теперь суд. Мировой судья подал товарищу прошение. Мировой судья надел цепь, вызвал свидетелей, привел к присяге кого следует, предоставил право защиты, встал и по указу его императорского величества приговорил к меньшей мере наказания, пожалел человека, на два месяца в острог в г. Крапивну....

Туда попал Ларивон и снял поддевку, красную рубаху, надел вшивую рубаху и халат и попал в рабство к смотрителю. Зная тщеславие, самолюбие Ларивона, я могу догадаться, что с ним ^исделалось. Теща его говорила, что он и прежде пивал, но с тех пор ослаб. Несмотря на то, что он ослаб, мировой судья внял его опять к себе, и он продолжал жить у него, но стал больше пить и меньше подавать домой брату. Случилось ему отпроситься на престольный праздник. Он напился. Подрались мужики и одного прибили больно. Опять пошло дело к мировому судье. Опять цепь, опять присяга, опять по указу его императорского величества. И Ларивона посадили на 1 [год] и 2 месяца. После этого он вышел, уже вовсе ослабел. Стал пить. Прежде и выпьет, разума не теряет, а теперь стакан выпьет и пьян, не стали его уже и держать в кучерах. От работы отбился. Работал с братом через пень колоду. И только и норовил, что бы где выпить.

Старуха рассказывала, как в последнее она видела его на воле: «Пришла я к дочери. У них свадьба была у соседа. Пришли со свадьбы, легли. Ларивон просил 20 копеек на выпивку, ему не дали. Лег он на лавке. — Старуха рассказывала: — только стал свет брезжить, слышу, Ларивон встал, заскрипели половицы, пошел в дверь. Я еще окликнула его: куда

мод. Голоса не отдал и ушел. Только мы лежали, поднялась я. Слышу на улице крик — вышла. Идет Ларивон и на спине борону несет, а вдова дьячиха за ним гонит, кричит караул, замок в клетки сломал, борону украл. А уж белый свет. Собрался народ, староста, взяли, связали, отравили в стан. Потом уж и дьячиха тужила, не знала, что будет за борону. Не взяла бы, говорит, греха на душу».

Повели Ларивона в острог. Суда дождался 6 месяцев, вшей кормил, потом опять присяга, свидетели, права, по указу его императорского величества посадили Ларивона в арестантские роты на 3 года. Там он не дожидя 3 лет, помер чахоткой» (ГТМ).

Эпизод убийства крестьянами управляющего именем Петра Николаевича Свентицкого, рассказанный в XVII главе I части «Фальшивого купона», почти точно воспроизводит случай убийства крестьянами 14 апреля 1887 г. А. В. Станиславского, управляющего именем Н. А. Тучковой-Огаревой Долгоруково. По этому делу, как и по делу Свентицкого, было повешено двое крестьян. Эта казнь очень взволновала Толстого, и еще в 1904 г. он говорил о ней в беседе с А. Б. Гольденвейвером. (Подробные обстоятельства убийства Станиславского см. в комментарии Н. Н. Гусева к статье Толстого «По поводу дела Скублянской», т. 27 наст. изд., стр. 741—743.)

Впервые «Фальшивый купон» был напечатан в первом томе «Посмертных художественных произведений Льва Николаевича Толстого» под редакцией В. Г. Черткова, в издании А. Л. Толстой, Москва, 1911, однако в цензурными урезками. В первой части исключено: в XII главе фраза «Наплевать мне на ваш сан», стр. 19, строка 45; в XV — от слов «Степан никогда не имел уважения к начальству», кончая «посылали в остроги вшей кормить», стр. 24, строки 11—21; в XVIII — фраза «И перестали ходить в церковь и снесли попу иконы», стр. 27, строка 44 — стр. 28, строка 1; в XX главе — большая ее часть, от слов «На вопрос о том, почему они отпали» и кончая «выскочили из избы и вернулись по домам», стр. 29, строки 6—40. Во второй части, в III главе, исключены слова: «что его ссылали за истинную веру Христову, за то, что обманщики-попы духа тех людей не могут слышать, которые живут по Евангелию и их обличают» и затем слова «что евангельский закон в том, чтобы не молиться рукотворным богам, а поклоняться в духе и истине», стр. 37, строки 4—6, 7—9, от XIV главы уцелел лишь последний абзац, глава XV исключена целиком.

Эти пропуски отсутствуют в тексте повести, напечатанном в первом томе вышедшего одновременно в Берлине в издании «Свободного слова», также под редакцией В. Г. Черткова, собрания посмертных произведений Толстого.

Что касается текстологической стороны, то оба эти издания выполнили ее в общем удовлетворительно, хотя и не избежали кое-каких ошибок, большей частью мелких; московское издание отредактировано тщательнее берлинского. Как то, так и другое, основывалась не только на последней хронологически рукописи — на исправленной копии, но привлекала,

хотя и не систематически, автографы.¹ Необходимость привлечений этих последних диктуется тем, что переписчики часто небрежно или неверно воспроизводили написанное Толстым; Толстой же не замечал сплошь и рядом этих промахов копий и не исправлял их.

Оба издания вводят также конъектуры, устраняющие противоречия текста, окончательно не отделанного и не проверенного Толстым, причем московское издание прибегает к конъектурам чаще, чем берлинское.

Большая часть этих конъектур оговорена в примечаниях к московскому изданию.

Вот они:

1) В XX главе первой части исключены заключительные слова главы, читающиеся в рукописях: «и сделали архимандритом», так как из главы XVIII видно, что Мисаил уже был архимандритом.

2) В XXI главе той же части в словах «где она виделась с Тюриным» стр. 31, строка 70, в целях синтаксической правильности «где» исправлено на «и».

3) В V главе второй части, стр. 40, строка 15, стоящее в рукописях слово «Пензу» исправлено на «Симбирск», так как в XXI главе первой части сказано, что имение Ливенцовых, в котором произошло убийство Петра Николаевича, было в Симбирской губернии. Пенза, как место казни двух крестьян, было указано Толстым в связи с тем, что действительный факт убийства крестьянами управляющего Станиславского имел место в Пензенской губернии, где было имение Тучковой-Огаревой.

4) В VII главе второй части в автографе было написано: «то, что он слышал от Ст. о последнем убийстве». Здесь «Ст.» обозначало «Степана», но переписчик написание «Ст.» расшифровал как «станового». Толстой не заметил ошибки переписчика и приписал к переписанной фразе: «и то, что рассказал сам Пелагеюшкин о том, как кротость» и т. д. В виду того что эта приписка вызвана была ошибкой в копии, редактор вполне основательно исключает ее, восстанавливая вместо ошибочного «станового» правильное «Степана», стр. 42, строки 5—6.

5) В той же главе в автографе и в копии было написано: «у Лизы между тѣмъ началась борьба съ ее матерью (имѣние было отцовское)». Но дальше, в XII главе, речь идет о борьбе Лизы с отцом, почему редактор вводит здесь перестановку, стр. 42, строки 24—25.

Кроме того, сделаны следующие неоговоренные конъектуры:

6) В IX главе первой части, стр. 15, строка 13, поставлена цифра 10 вместо стоящей в последней копии 15, во фразе «имение в 300 десятин через 15 лет стало образцовым». В автографе цифры 10 и 15 написаны одна на другой, так что нет возможности решить, что на что исправлено: 10 на 15 или наоборот. Но логически правильна лишь цифра 10, так как выше сказано, что имение Петром Николаевичем приобретено было 12 лет назад.

7) В XII главе той же части и в XIX главе второй части гимназист Смоковников называется «Митя» вместо стоящего в автографе и в копиях

¹ Так, рукопись ГТМ, описанная под № 2, не могла быть привлечена издателями: она принадлежала Н. Я. Оболенскому и поступила в ГТМ лишь в 1912 г., когда оба издания были уже напечатаны.

«Ваня». Конъектура эта сделана на том основании, что в первых трех главах гимназист всюду называется Митей.

8) В XIV и XVIII главах второй части стоящее в автографах и в копиях имя архимандрита «Михаил» исправлено редактором на «Мисаил», так как из предыдущего известно, что свое мирское имя Михаил законоучитель переименовал на имя Мисаил, когда поступил в монахи.

В берлинском издании из этих восьми конъектур приняты только первая, пятая, шестая, седьмая и восьмая.

Как в московском, так и в берлинском изданиях, особенно в последнем, в ряде мест текст оригинала, как сказано было выше, воспроизведен недостаточно точно; это происходило тогда, когда — в отдельных случаях — редактор вынужден был полагаться лишь на копии, не сверяя их с автографами. Так, например, в VI главе первой части в обоих изданиях после слов «и надеялся продать, но прововил», стр. 10, строки 40—41, пропущено стоящее в автографе «до вечера»; там же после слов «Иван Мионов готов был», стр. 11, строка 3, пропущено «даже»; там же после слов «Расказал, что», стр. 11, строка 32, напечатано отсутствующее в автографе «был»; там же после слов «Сидор! кликни ка», стр. 12, строка 6, вместо стоящего в автографе «полицейского» напечатано «помощника», и т. д.

В вышедшем в 1930 году XIV томе полного собрания художественных произведений Толстого (Государственное издательство, Москва — Ленинград, 1930, редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума) текст «Фальшивого купона», как заявлено редакцией, вновь был напечатан по автографам и копиям. В результате — ряд ошибочных чтений московского и берлинского изданий был устранен, но часть таких чтений, в том числе и все выписанные выше, и в этом издании были удержаны. Произошло это оттого, что редакция, видимо, не воспользовалась рукописью ГТМ, описанной под № 2. Все конъектуры московского издания, за исключением 2-й, приняты и в этом новейшем издании.

В настоящем издании печатаем «Фальшивый купон» по автографам и исправленным рукой Толстого копиям, каждый раз сверяя копии с автографами. Считая конъектуры московского издания логически правильными, в настоящее издание вводим однако лишь четвертую, шестую и седьмую, как бесспорные.

«АЛЕША ГОРШОК».

Рассказ «Алеша Горшок» Толстой написал, видимо, очень быстро и остался им недоволен. Единственное упоминание о нем в Дневнике от 28 февраля 1905 г.: «Писал Алешу, совсем плохо. Бросил». Предшествующая дневниковая запись — от 24 февраля. Таким образом «Алеша Горшок» написан был в промежуток между 24 и 28 февраля. Чем объяснить недовольство Толстого своим рассказом, сказать трудно.

Алеша Горшок — живое лицо. Это имя и прозвище носил бывший в 1860-х годах в Ясной поляне помощник повара и дворник. Т. А. Кузминская о нем пишет: «Помощником повара и дворником был полуидиот Алеша Горшок», которого почему-то опоэтизировали так, что, читая про него, я не узнала нашего юродивого и уродливого Алешу Горшка. Но, насколько я помню его, он был тихий, бевобидный и безропотно исполняющий всё, что ему приказывали». ¹ В свой дневник С. А. Толстая записывает 19 декабря 1863 г.: «Мне всё смешно и всё нипочем. Мне хочется конетничать, хоть с Алешей Горшком, и хочется злиться хоть на стул или что нибудь». ²

К «Алеше Горшку» относятся две рукописи — автограф и копия его, написанная рукой Ю. И. Игумновой и исправленная Толстым. Обе рукописи хранятся в ИРЛИ (АЧ), шифр 22.5.17.

1. Автограф на двух полулистах писчей бумаги, сложенных пополам и исписанных с обеих сторон. В первый полулист вложена вставка, написанная на лицевой странице полулиста почтовой бумаги. Вслед за вторым полулистом идет еще одна относящаяся к нему вставка, написанная на небольшой полосе бумаги, на лицевой ее странице (6 строк). Всего рукопись занимает 10 страниц, из которых 2 чистые. На внутренней стороне первого полулиста вдоль его, с левой стороны, посторонней рукой написан отрывок текста из статьи Толстого о Паскале, без авторских исправлений. Отрывок этот, занимающий приблизительно полстраницы, перечеркнут.

В рукописи ряд зачеркнутых и исправленных мест, приписок и вставок на полях и между строк. Отметим наиболее существенные исправления.

Первоначальное «Провали его горшкомъ за то, что онъ разбилъ горшокъ съ молокомъ» исправлено: «Провали его горшкомъ за то, что мать

¹ «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», часть вторая, М. 1926, стр. 53.

² Дневники Софьи Андреевны Толстой 1860—1891. М. 1:28, стр. 80.

послала его «нести горшокъ молока дьяковицѣ, а онъ споткнулся и разбилъ горшокъ». Во фразе «Мать побила его, а ребята <зубоскалы смѣялись надъ нимъ и> стали дразнить его горшкомъ» взятое в ломаные скобки зачеркнуто.

После слов «Силы не было, а ухватка была» стр. 54, строки 14—15, зачеркнуто:

А главное — безответный. И всё дѣла на него наваливали: и кормъ задать, и в лавочку сбѣгать, и лошадей напоить. И все онъ дѣлалъ. И какъ всегда бываетъ, чѣмъ больше дѣлалъ, тѣмъ больше на него наваливалось дѣлъ. Если онъ не успѣвалъ на всё дѣла, его ругали.

После слов «И Алеша стал жить у купца», стр. 54, строка 32, зачеркнуто:

Всѣ говорили у купца, что Алеша плохой, но чтожъ дѣлать? Старика не надо обижать. Потерпимъ и такого.

После слов: «Слышала? Рассерчал, не велит», стр. 57, строки 21—22, зачеркнуты ответные слова Устиньи:

— Кабы я на твоёмъ мѣстѣ, я бы его не послушала. И вместо этого написано:

«Она заплакала молча в фартук».

2. Рукопись на 15 листах в 4° (7 согнутых пополам полулистов писчей бумаги и одна четвертушка), исписанных рукой неизвестного с одной стороны. Копия, очень небрежно воспроизводящая автограф. Поправки, сделанные Толстым, очень немногочисленны. Видимо, они делались наспех, и потому Толстой не заметил ошибок, допущенных в копии.

Впервые рассказ напечатан в I томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» под редакцией В. Г. Черткова, Москва 1914. В основу издания положен автограф и приняты в расчет все поправки, сделанные Толстым в копии. Издан рассказ очень тщательно.

Печатаю рассказ вновь по автографу и по копии, устраняю в двух местах мелкие орфографические неточности, вкравшиеся в указанное издание.

«ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ СТАРЦА ФЕДОРА КУЗМИЧА».

Повесть о Федоре Кузмиче — Александре I Толстой замыслил задолго до того, как вялся за ее писание. Первое упоминание об этом замысле — в записи записной книжки под 11 февраля 1890 г., где в числе задуманных сюжетов помечен и сюжет об Александре I. Затем в записи Дневника 25 января 1891 г. читаем: «Стал думать, как бы хорошо писать теперь роман *de longue haleine*,¹ освещающая его теперешним взглядом на вещи. И подумал, что я бы мог соединить в нем свои мысли, о неисполнении которых я жалею, всё, за исключением Александра I и солдата». 10 июля 1891 г. А. А. Толстая, посылая Льву Николаевичу карточку старца Федора Кузмича, писала ему: «Посылаю дорогому Льву героя его будущей легенды. Он так хорошо ее рассказал, что я варанее предвкушаю наслаждение, которое ожидает нас, если он осуществит свое намерение» (АТБ). А. А. Толстая была перед этим в Ясной поляне с 1 по 7 июля 1891 г., и очевидно, в это время она услышала от Толстого рассказанный им первоначальный замысел легенды. В ответ на это письмо Толстой писал ей 16 июля 1891 г.: «Очень благодарен за карточку. Она очень поощряет к работе. Если бы Бог велел, хотелось бы попробовать написать». ² Однако в ближайшие годы к работе над легендой Толстой не приступал. Судя по свидетельству П. И. Бирюкова (Биография Толстого, т. III, М. 1922, стр. 229), в конце января 1894 г. Толстой вновь рассказывал легенду о Федоре Кузмиче, которую со слов Толстого Бирюков записал (эта запись нам неизвестна). Ближайшее упоминание после этого о повести на сюжет об Александре I — 12 марта 1895 г., когда в числе других произведений, которые «хорошо бы все докончить», навывается и «Александр I». 14 июля того же года Толстой вносит в записную книжку следующую заметку, относящуюся к сюжету повести: «Солдата убили вместо него, он тогда опомнился». Через полтора слишком года после этого, в дневниковой записи 13 декабря 1897 г., Толстой в числе других сюжетов, которые стóит и можно обработать как должно, навывает и сюжет об Александре I.

Через четыре года, 26 октября 1901 года, он беседовал в Гаспре с вел. кн. Николаем Михайловичем по поводу Александра I и старца Федора

¹ [длинный, большой.]

² «Толстовский Музей». Том. I. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857—1903. СПб. 1911, стр. 368.

Кувмича. Об этой беседе Николай Михайлович записал следующее: «На счет импер. Александра I толковали мы много, и гр. Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири в образе старца Федора Кувмича. Хотя пока еще легенда эта не подтверждается и, напротив того, много данных против нее, но Л. Н. интересуется душа Александра I, столь оригинальная, сложная, двуличная, и Толстой добавляет, что если только Александр I действительно кончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и соглашается с Н. К. Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская». ¹

На особом листке, датированном 1903 г., в числе тем, предположенных для писания, отмечен и «Александр I». ² В листках из записной книжки 1904 г. записаны сюжеты, предназначенные для недельных чтений «Круга чтения» и в числе их сюжет об Александре — Кувмиче.

К работе над легендой Толстой приступил лишь в конце 1905 г. Он занялся чтением литературы об Александре I и попутно о Павле, главным образом, трудов об обоих императорах историка Н. К. Шильдера. 6 октября этого года Толстой записывает в Дневник: «Кончил «Конец века» и читал с отметками Александра I. Уж очень слабое и путанное существо. Не знаю, возьмусь ли за работу о нем. В записной книжке 1905 г. Толстым записан подробный конспект сочинений об Александре I Н. К. Шильдера (всех четырех томов), а также записок Чарторыжского.

5 октября, в письме к А. Ф. Кони, он пишет: «Я теперь занят Александром I. Не знаете ли, есть ли в продаже мемуары Эд. Стурдзы?». ³ 12 октября в Дневник заносится такая запись: «Федор Кувмич всё больше и больше захватывает. Читал Павла. Какой предмет! Удивительный!» 15 октября Толстой пишет дочери Марье Львовне Оболенской: «Читал историю Александра I и делал планы писания» (ГТМ). Однако работа над повестью всё еще не была начата: время было занято поправками и дополнениями к «Концу века» и началом работы над «Обращением к правительству, революционерам и народу», и только 22 ноября Толстой отмечает в Дневнике, что «начал Александра I», но тут же добавляет, что отвлекся «Тремя неправдами», и продолжает: «очень хочется писать Александра I. Читал Павла и декабристов. Очень живо воображаю». В декабре работа над «Посмертными записками» шла лишь спорадически, прерываясь работами над «Божеским и человеческим», «Концом века», «Зеленой палочкой», «Обращением к правительству, революционерам и народу». За этот месяц в связи с «Посмертными записками» в Дневнике сделаны следующие записи. 9 декабря: «Вчера продолжал Александра I». 16 декабря: «Писал немного Александра I, но плохо». 18 декабря: «Нынче начал писать Александра I, но плохо, неохотно». Наконец, 27 декабря: «Еще удачнее пришла характеристика Александра I, если удастся довести хотя до половины. То, что он искренно, всей душой хочет быть добрым, нравственным и всей душой хочет царствовать во что бы то ни стало. Показывать свойственную всем людям двойственность иногда прямо противоположных направлений».

¹ «Красный архив», 1927, 2 (21), стр. 233.

² «Русские прощания». 2. Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. М. 1916, стр. 351.

³ Письма Л. Н. Толстого. Собр. и ред. П. А. Сергеенко. Т. II, М. 1911, стр. 224.

Это последняя дневниковая запись Толстого, относящаяся к «Посмертным запискам». Работа над повестью была прервана, видимо, задолго до ее окончания. Судя по тому чтению, каким занялся Толстой в процессе работы над нею, в ней должны были занять видное место и Павел I и декабристы. 2 сентября 1907 г., благодаря вел. кн. Николая Михайловича за присылку вышедшей в этом году его книги «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири, в образе старца Федора Козмича», в которой автор опроверг тожество Александра и легендарного старца, Толстой писал ему: «Пускай исторически доказана невозможность соединения личности Александра и Козмича, легенда остается во всей своей красоте и истинности. Я начал было писать на эту тему, но едва ли удосужусь продолжать. Некогда, надо укладываться к предстоящему переходу. А очень жалко. Прелестный образ».¹

К «Запискам Федора Кузмича» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ИРЛИ (шифр. 22. 5. 18).

1. Автограф на 11 полулистах большого почтового формата. Первые три полулиста и последний исписаны с одной стороны, остальные — с обеих. Вслед за заглавием «Посмертные записки старца Федора Кузмича» начало: «Еще при жизни старца Федора Кузмича». Конец: «глядить на подходящую шутиху Матрену Даниловну». В автографе сравнительно мало исправлений и зачеркнутых мест, и они не представляют собой сколько-нибудь важных разночтений. Целиком зачеркнут поперечной чертой лишь один абзац, следующий за словами «крестным отцом был император австрийский и король прусский», стр. 66, строки 18—19:

Сажу я на лавѣ передъ основнымъ столикомъ. На столѣ распятіе, евангеліе, псалтирь, моя тетрадь и баночка съ чернилами, перочинный ножъ — подарокъ игуменья — и гусиный перья. На стѣнѣ виситъ лосиный халатъ. Окно замерзло. На дворѣ, должно быть, градусовъ 40. Я только что наколоть дровъ на завтра и согрѣл[ся]. Ноги теплыя въ валенкахъ, но руки трясутся отъ работы и не могутъ хорошенько очинить перо. Благодарю Бога, что близорукіе глаза до сихъ поръ хорошо видятъ вблизи. На дворѣ тихо, только шарѣдка отъ мороза трещать деревья.

2. Рукопись, состоящая из шести четвертушек, четырех полос — долей четвертушек и одного согнутого пополам полулиста писчей бумаги. Большая часть рукописи написана с одной стороны на пишущей машинке и заключает в себе много поправок рукой Толстого. Все это отдельные части копии автографа, которые, в виду того что они подверглись усиленной авторской правке, были затем переписаны еще раз. На отдельной четвертушке рукой Толстого, написана большая вставка, дополняющая автограф после слов «крестным отцом был император австрийский и король прусский». («Комната, в которую поместили меня... не помню и кормилицу) Вторая вставка, после слов «чтобы еще значительнее было свое величие», стр. 71, строка 26 («Какой то торжественный день... не верят в это»), сделана Толстым на оставшейся недописанной

¹ Новый сборник писем Л. Н. Толстого. Собрал П. А. Сергеевко. Под редакцией А. Е. Грузинского. М. 1912, стр. 320.

первой странице полулиста и на большей части чистой второй странице, и, наконец, третья вставка («16 декабря. Три дня не писал... надо спокойно ждать»), — стр. 72, строка 15 — стр. 73, строка 10, сделана в конце второй страницы, на третьей и на четвертой страницах того же полулиста.

После слов «бежать, скрыв от всех свое имя», стр. 64, строки 29—30, зачеркнут следующий абзац, переписанный с автографа и предварительно исправленный:

Съ 8 ноября начались мои обманы и приготовления. Въ этотъ день, въ два часа, стало такъ темно, что я зажегъ свѣчи. Анисимовъ, войдя въ комнату, поспѣшно задушилъ свѣчи. Когда я спросилъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ сказалъ, что это дурная примѣта, что если днемъ горять свѣчи, значитъ къ покойнику. Я воспользовался этимъ и много разъ и всѣмъ дѣлалъ намеки о томъ, что у меня есть предчувствіе скорой смерти.

Этот абзац был зачеркнут сначала поперечной чертой, затем проведенной по ней волнистой вновь восстановлен, затем окончательно зачеркнут по строкам продольными чертами.

После слов «которую испытывали мы, испытывал я», стр. 71, строки 25—26, зачеркнуты следующие слова, переписанные с автографа:

Гордость, сознание своего величія, снисходительное отношеніе къ людямъ съ дѣтства вкореняются въ душу.

И какъ не опалѣть, когда на тебя надѣваютъ ленту черезъ плечо, высшій знакъ награды, когда при твоёмъ проѣздѣ всѣ снимаютъ шапки, а солдаты отдають честь, когда ты видишь, что старые люди счастливы, если ты скажешь имъ ласковое слово.

Что касается исправлений, сделанных Толстым, то они приближают текст копии к последней редакции «Посмертных записок».

3. Рукопись, написанная с одной стороны на пишущей машинке на согнутых пополам полулистах и четвертушках, часть которых склеена из двух полос (всего 37 четвертушек) с поправками рукой Толстого. Копия, не всегда исправная, автографа и рукописи, описанной под № 2. Последняя по времени редакция незаконченной повести. Текст сплошной. К третьему абзацу вступления добавлен конец, не находящий себе соответствия ни в автографе, ни в какой-либо сохранившейся вставке («в пятых, то, что, несмотря на всю набожность... удивилась бы земля»). Важнейшие исправления сводятся к следующему. После слов «гнусный развратник», стр. 61, строка 2, зачеркнуто:

другъ Аракчеева, грубаго льстеца и величайшаго злодѣя и вместо этого написано «злодѣй».

После слов: «я достал лорнет», стр. 62, строка 20, зачеркнуто:

Взглянулъ и чуть не упалъ отъ охватившаго меня ужаса и вместо этого написано: «и мы рассмотрѣли все, что дѣлалось». После слов: «и страшно выпяченные и то закрывающиеся, то открывающиеся», стр. 62, строки 28—29, фразы:

Когда я немного опомнился и успокоился, я узналъ этого человѣка и понялъ, что это такое

исправлена так: «Когда я взглянул въ лицо этого человѣка, я узналъ его».

После слов: «никаных интриг, зависти, ссор», стр. 67, строка 14, зачеркнуто:

Вспоминаю теперь все, что она пережила со мной въ эти 11 мѣсяцевъ. Она отдала мнѣ лучшія свои силы, а мы дали ей кокошники, сарафаны, деньги и считали себя расквитавшимися.

После слов «ни маменька, ни бабушка, даже сама бабушка», стр. 67, строки 30—31, зачеркнуто:

Бабушка казалась мнѣ верхом совершенства. Одно мое желаніе было быть такимъ же, какъ она. Меня огорчало то, что я не былъ женщиной.

После слов «но не отталкивающее впечатлѣніе», стр. 70, строка 18, зачеркнуто:

Ее окружало такое поклоненіе, обожаніе, что

В трехтомное издание посмертных художественных произведений Толстого, вышедших в России в 1911—1912 гг. под редакцией В. Г. Чертова, «Посмертные записки Федора Кузмича» по цензурным соображениям не вошли. Полностью они напечатаны, но с ошибками, в III томе заграничного издания («Свободного слова») посмертных произведений в 1912 г.¹ В том же году, в февральской книжке «Русского богатства», они напечатаны со следующими купюрами. После слов «оставив вместо своего трупа труп замученного», стр. 60, строки 35—36, исключено «мною». После слов «Я величайший преступник», стр. 60, строка 39—стр. 61, строка 3, исключено «убийца отца, убийца сотен тысяч людей на войнах, которых я был причиной, гнусный развратник, злодей». После слов «что они были участниками», стр. 61, строка 30, исключены слова «моего преступления». После слов «Я приписывал это выражение глаз», стр. 70, строки 18—19, исключено: «(о котором вспоминаю теперь с омерзением)». Наконец, после слов «не того Салтыкова, который, по всем вероятностям, был», стр. 71, строки 16—17, исключены слова «нашим дедом».

Но книжка с произведением Толстого была задержана цензурой. Судебная палата утвердила арест и разрешила выпустить книгу лишь после исключения следующего абзаца: «Людам, не имевшим несчастья родиться в царской семье... чтобы еще значительнее было свое величье», стр. 71, строки 23—36. Редактор «Русского богатства» В. Г. Короленко был предан суду судебной палаты с участием сословных представителей по обвинению «в дерзостном неуважении к верховной власти». 27 ноября 1912 г. состоялся суд, которым Короленко был оправдан, и арест с книжки «Русского богатства» с повестью Толстого снят. Но не дождавшись решения

¹ *Всюду напечатано Кузмича вместо Кузмича; после слов шел по улице стр. 62, строка 23, пропущено сквозь строй; вместо Витт, стр. 63, строка 42, напечатано Витте, вместо донесений, стр. 66, строка 42, — донесение; вместо Виллие, стр. 64, строка 42, — «Вимле»; вместо «моей ужасной жизни», стр. 65, строка — 15, своей старой жизни; вместо Я не помню, стр. 66, строка 39, — Я не помнил; после слов с необыкновенно добрым, стр. 66, строки 47—48, пропущены слова «очень белым; вместо поселиться в его доме, стр. 72, строка 22, напечатано поселиться в его дом; вместо «Лудовик» в обоих случаях Лудовик; вместо Но пока эти исполнялись, стр. 72, строки 24—25, — Но пока исполнялись: вместо Я тут, стр. 74, строка 11. — И тут, и еще несколько более мелких погрешностей.*

суда, целый ряд издательств, в том числе и «Посредник», выпустили «Посмертные записки Федора Кузмича» с теми купюрами, которые сделаны были в «Русском богатстве», присоединив к ним абзац, исключенный по первоначальному постановлению судебной палаты. (Судебный процесс редактора «Русского богатства», речи прокурора, защитника О. О. Грузенберга и Короленко изложены в 12-й книжке «Русского богатства» за 1912 г. и перепечатаны вместе с повестью Толстого, статьей Короленко «Герой повести Л. Н. Толстого» и примечаниями В. Г. Черткова в отдельной брошюре, изданной в 1913 г. редакцией «Русского богатства».)

Впервые в России полностью «Посмертные записки Федора Кузмича» были напечатаны в 1918 г., в Москве, без указания года и издательства, в книжке «I. Хаджи Мурат. II. Посмертные записки старца Федора Кузмича. Полное, без пропусков, издание» (перепечатка издания «Свободного слова»).

В вышедшем в 1930 г. пятнадцатом томе «Полного собрания художественных произведений Толстого», издание Государственного издательства, текст заново проверен по рукописям, и значительная часть ошибок текста берлинского издания в нем устранена.

В настоящем издании «Посмертные записки Федора Кузмича» печатаются по исправленной Толстым копии и по автографам.

«ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...»

Сюжет рассказа «Что я видел во сне...», видимо, в основе своей связан с событием, имевшим место в семье старшего брата Льва Николаевича — Сергея Николаевича Толстого. В письмах Льва Николаевича 1901—1902 гг. к нему и его дочери, судьба которой во многом была сходна с судьбой героини рассказа — княгини Лизы Ш., а также в письмах Сергея Николаевича к Льву Николаевичу мы находим отражение сложной сердечной истории, пережитой и отцом и дочерью очень остро и болезненно (См. 70-й том настоящего издания). Нигде, в частности в Дневнике, Толстой не упоминает о сне, сходном по содержанию с сюжетом рассказа. Возможно, что такое заглавие было дано рассказу с тем, чтобы устранить у читателя всякое предположение о том, что рассказанный случай имел место в действительности.

Время написания рассказа определяется датой 13 ноября 1906 г., собственноручно поставленной Толстым в автографе. 17 ноября того же года он записал в Дневник: «Написал «Что видел во сне» (порядочно)».

Обдумывая рассказ, Толстой заносил в записную книжку отдельные образы, ситуации, выражения, к нему относящиеся. Так, в записной книжке 1906 г. читаем следующие записи, относящиеся к «Что я видел во сне...»: «Вы посмотрите хоть, как она живет». «И попал опять на старую колею ненависти». «Что, не кричал?» «Папа!!!» «Прости». — «Меня, и расхлюпался». «Ну, что?» — «Ничего». — «Видели?» — «Да, и опять заревел». «Да, стар и глуп стал». — «Нет, умный, умный». Затем идет ряд других, к рассказу не относящихся записей. После них возобновляются записи, опять относящиеся к «Что я видел во сне...». «Успех — потом всё меньше и меньше — скучно». «Прикидывала, за кого вытти. Все плохо. Ненужны никому прекрасные плечи». «Мать ревновала к отцу. Отъ этого не высказывала [?]» «Нужно кормить, хотела показать, поняла. Он ушел. Вглянула в его лицо: не сердитое, но страдальческое. Он очень правдивый и чуткий. Он сам не был развратным, у него был сын незаконный».

Мы располагаем всего лишь одной рукописью — автографом, относящейся к «Что я видел во сне...» и хранящейся в рукописном отделении ИРЛИ (шифр 22. 5.20). Рукопись, написанная большей частью на листах и полумлистах бумаги обыкновенного почтового формата, занимает 48 страниц, из которых одна чистая, и заключена в обложку, на которой рукой М. Л.

Толстой написано: «Что я видел во сне. Первый черновик. 13 ноябрь 1906 год». В рукописи довольно много поправок и зачеркнутых мест.

После слов «губернскому предводителю в центральном губернском городе», стр. 75, строки 11—12, зачеркнуто:

горячо любившему и преклонявшемуся передъ своимъ старшимъ братомъ.

После слов «поселилась в ребенком в этом самом городе», стр. 75, строки 15—16, зачеркнуто:

Петръ Ивановичъ черезъ жену узналъ объ этомъ и сообщилъ брату, и вотъ братъ приѣхалъ къ брату, чтобы такъ или иначе рѣшить дѣло съ дочерью.

После слов «поселилась в ребенком», стр. 75, строка 16, вначале было написано:

въ уѣздномъ городѣ той губерніи, гдѣ предводителемъ былъ Петръ Ивановичъ,¹

После слов «Семья его состояла изъ», стр. 75, строка 19, вначале было написано:

покорной, трепещущей передъ мужемъ жены.

Затем эти свойства усвоены были невестке Михайла Ивановича.

После слов «и только теперь нашла с ребенком», стр. 75, строка 25, вначале было написано:

въ захолустномъ уѣздномъ городѣ, жившая съ ребенкомъ неизвѣстно на какія средства.

После слов «Князь Петр Иванович», стр. 75, строка 27, зачеркнуто: зналъ, какой это былъ жестокий ударъ для брата, и жестоко страдалъ за него. Онъ

После слов «он, как всегда, был ядовито и остроумно насмешлив», стр. 75, строка 34 — стр. 76, строка 1, зачеркнуто:

Даже учитель революционеръ, сидѣвшій на концѣ стола, не могъ не смѣяться на тѣ бойкія насмѣшки надъ самимъ собою и тѣми идеями, которыя онъ превозносилъ. Такъ мѣтки и забавны были его злые шутки и такъ хорошо сказаны.

После слов «Вечером брат оставил ему партию в винт», стр. 76, строка 5, зачеркнуто:

Онъ, какъ всегда, игралъ серьезно и тонко и учтиво дѣлалъ упреки своимъ партнерамъ, а на другое утро онъ уѣхалъ. Надо было проѣхать 2 часа по желѣзной дорогѣ до того уѣзднаго городка, куда онъ направлялся (и еще отъ станціи 30 верстъ на ямщикѣ).

О томъ, чтобы простить дочь, признать ее съ ребенкомъ,

После слов «Он был враг всякой экспансивности, но эта экспансивность умиляла его», стр. 78, строки 15—16, зачеркнут большой вариант, который печатаем отдельно (стр. 423—425).

После слов «у них нет стыда», стр. 78, строка 30, зачеркнуто:

И еще болѣе злое чувство поднялось въ его душѣ.

¹ Таким образом, судя по этим зачеркнутым словам и по некоторым другим (см. ниже), Лиза по первоначальному замыслу поселилась не в губернском, а в уездном городе, где и должна была произойти ее встреча с отцом.

Впервые рассказ напечатан в первом томе посмертных художественных произведений Толстого под редакцией В. Г. Черткова (Москва 1911). В этом издании, точно так же как и в издании «Свободного слова», вышедшем за границей, воспроизводится (в заграничном менее точно, чем в русском) текст автографа, за исключением первого абзаца, который в автографе читается так:

— Она, какъ дочь, не существуетъ для меня, но не могу же я оставить ее на шеѣ чужих людей. Устрою такъ, чтобы она могла жить какъ она хочетъ, но знать, признавъ ее, я не могу. Этотъ позоръ... Никогда въ голову не могло придти. C'est une chose qui me passe, qui me passe complètement.¹

Очевидно, автограф был переписан, и в копии Толстым были сделаны исправления лишь в первом абзаце рассказа, все же остальное автором не было просмотрено и исправлено, и рассказ в целом остался стилистически, по крайней мере, не отделанным. Вероятно, под руками у редакции была эта копия с исправленным первым абзацем, но затем она затерялась. Косвенное указание на то, что, помимо автографа, была еще копия его с поправками рукой Толстого, — в надписи на обложке, в которую заключен автограф: «Что я видел во сне, первый черновик».

В московское и заграничное издания текста рассказа введены конъектуры — в московское две, в заграничное одна. В московском издании редактор усмотрел противоречие между тем, что в автографе во втором абзаце первой главы место службы князя Петра Ивановича приурочивается к центральному губернскому городу, а в предпоследнем абзаце второй главы об этом городе, в котором поселилась Лиза, говорится сперва как о «дальнем», потом как о «далеком». Поэтому редактор в первом случае слово «центральном» заменяет словом «дальнем». Но конъектура здесь вряд ли нужна: губернский город, хотя бы и центральный, мог быть легко назван дальним или далеким по отношению к Петербургу, где первоначально жила Лиза с отцом, так как понятия дальности и близости — относительные.

Вторая конъектура московского издания вызвана тем, что в автографе в том же втором абзаце сказано, что князь Петр Иванович был губернским предводителем в центральном губернском городе, а в предпоследнем абзаце второй главы сказано, что Лиза приехала в тот далекий губернский город, куда Петр Иванович был назначен губернатором. Поэтому редактор во втором случае исправляет слово «губернатором» на «предводителем» и слово «назначен» на «выбран»; последняя замена, очевидно, сделана потому, что предводители не назначались, а выбирались.

В заграничном издании редактор в этом случае поступил наоборот, заменив во втором абзаце первой главы слова «губернскому предводителю» словом «губернатору» и, кроме того, заменив почему-то последующие слова «в центральном губернском городе» словами «в центральной губернии». Это колебание, обнаружившееся у одного и того же редактора двух изданий — московского и заграничного — между «губернатором» и «предводителем» нагляднее всего показывает, что устранение противоречия

¹ [Это совершенно выбивает меня из колеи.]

путем логического согласования двух несогласованных частей текста здесь не может иметь места: мы, в конце концов, не знаем, какую должность окончательно усвоил бы Толстой князю Петру Ивановичу: губернатора или губернского предводителя дворянства.

В пятнадцатом томе «Полного собрания художественных произведений», Госуд. изд., 1930, текст «Что я видел во сне...» заново сверен с автографом, причем первый абзац первой главы напечатан в комбинированной редакции: взят текст посмертного печатного издания, но к нему после слов «но знать» введено из автографа слово «признав». В результате получилась искусственная редакция абзаца. Конъектуры, принятые в московском посмертном издании, приняты и в этом издании.

В виду того что издание посмертных художественных произведений Толстого, особенно вышедшее в России, сделано в общем тщательно, как в этом убеждает сверка с рукописями, и потому различие в чтении абзаца рассказа в автографе и печатном тексте трудно объяснить случайностью или произволом редактора, мы печатаем первый абзац рассказа по тексту посмертных произведений в издании А. Л. Толстой, весь же остальной текст — по единственно сохранившейся рукописи-автографу. Конъектур в текст не вводим.

«ОТЕЦ ВАСИЛИЙ».

Первое упоминание Толстого о работе над «Отцом Василием» относится к 30 сентября 1906 г. Под этим числом в Дневнике записано: «Начал было рассказ о священнике. Чудный сюжет, но начал слишком смело, подробно. Не готов еще, а очень хотелось бы написать». Непосредственно вслед за этим следует такая фраза: «Философский, метафи[зически]-религиозный вопрос нудит и требует выражения более ясного и кажется, что нынче если не нашел решения, то приблизился очень к нему». Однако вряд ли эта фраза связана с замыслом рассказа, как полагает В. И. Срезневский в примечании к нему, напечатанном, как и рассказ, в XV томе «Полного собрания художественных произведений» Л. Толстого, стр. 268. Судим так на основании записи 20 октября (см. ниже), где Толстой говорит о том, что ему хочется писать художественное и религиозно-метафизическое. 3—4 октября в Дневнике записано: «Сейчас утро. Хочу пописать Василия Можайского». Василием Можайским герой рассказа назван в первой исправленной Толстым копии.¹ Судя по этому, 3—4 октября первый автограф уже был написан, переписан и исправлен. В следующей, непосредственно примыкающей к этой записи от 10 октября Толстой говорит о том, что желания своего не исполнил, так как отвлекся писанием статьи, впоследствии озаглавленной «Что же делать?» 20 октября однако он вновь записывает, что ему «хочется писать художественное и религиозно-метафизическое». Под 23 октября в Дневнике записано: «Очень хочется писать Священника, но опять думаю о том, какое он произведет впечатление». В течение ближайшего месяца Толстой был занят писанием и переделкой статьи «Что же делать?» и рассказа «Что я видел во сне...». 17 ноября ся записывает в Дневник: «Начал нынче было писать «Отца Василия», но скучно, ничтожно». В дальнейшем упоминаний о рассказе не встречается. Видимо, после 17 ноября Толстой больше к нему не возвращался, и рассказ остался неоконченным.

К рассказу «Отец Василий» относятся три рукописи, хранящиеся в рукописном отделении ИРЛИ (АЧ) (шифр. 22. 5. 19).

1. Автограф на 5 листах формата малого почтового листа, исписанных, кроме первого и последнего, с обеих сторон. На обороте первого листа —

¹ Следует отметить, что имя и фамилия, усвоенные Толстым священнику, — Василий Можайский — принадлежали, как это видно из метрической записи, священнику из Кочановского прихода, в 1828 г. крестившему Толстого.

отрывок машинописного текста четырнадцатой главы статьи «О значении русской революции» с поправками рукой Толстого. Рассказ озаглавлен здесь «Иоанн Софоклов». Текст, поделенный на две главы, соответствует тексту первых трех глав последней редакции (первая глава автографа соответствует первой и второй главам последней редакции). Рукопись нумерована рукой Толстого. Второй лист, заключающий в себе текст между словами «Да ты чей будешь?» и «Воздремский мужик вошел в людскую избу» — утерян. В автографе мало исправлений и помарок.

2. Рукопись на трех полулистах писчей бумаги, согнутых пополам, и одном полулисте почтовой бумаги малого формата; заключена в обложку. Полулисты написаны на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Оставшаяся недописанной лицевая страница последнего полулиста, а также оборотная и полулист почтовой бумаги исписаны рукой Толстого и заключают в себе текст, соответствующий четвертой главе и обозначенный цифрой 4. Машинописный текст представляет собой копию, не вполне исправную, автографа. Заглавие «Иоанн Софоклов» на первой странице и на обложке исправлено на «Отец Василий» и в связи с этим Иоанн всюду заменен Василием, а в начале третьей главы вместо зачеркнутого «Ивана Дмитриевича Софоклова» написано «Василия Давыдовича Можайского». Машинописная цифра II, обозначавшая главу, исправлена на 3, цифра же 2 для обозначения главы отсутствует.

Наиболее существенные исправления в копии автографа следующие.

После слов «вышел мужик в кафтане», стр. 86, строка 6, добавлено: «съ поднятымъ воротникомъ и шапкѣ»; после слов: «—К батюшке», стр. 86, строка 10, слова «къ больной» зачеркнуты и вместо них написано: «—Чего надо? — Къ боли»; после слов «Да ты чей будешь?», стр. 86, строка 13, слова «—Абакумовъ, Хведоръ. Ховяйка помираеть» зачеркнуты и вместо них написано: «—Изъ Воздрема»; после слов «Из горницы в кацавейке и платке», стр. 86, строка 17, вписаны слова «и валенкахъ»; после слов «вышла матушна», стр. 86, строка 17, зачеркнуто: «худая, блѣдная, милотвидная женщина» и написано: «толстая, приземистая женщина, и заговорила сердитым, хриплым голосом». После этого зачеркнуты слова «—Кто тут?» и вместо них написано: «—Это еще кого нелегкая принесла?» И далее слова: «—Пуснай подождетъ. Чего же вы еще не ватапливаете?» исправлены так: «—Ладно. Подождетъ. А вы чего дрыхнете? И печь не ватапливали». После слов «Разве время?», стр. 86, строка 23, зачеркнуто: «Давно пора» и вместо этого написано: «—Я бы не говорила, коли не время». После этого фраза «Рыжий мужикъ изъ Воздрема сидѣлъ молча и неподвижно на лавкѣ, дожидаясь» исправлена так: «Воздремскій мужикъ ввелъ лошадь въ ворота, вошелъ въ людскую избу, перекрестился на иконы, поклонился матушкѣ и сѣлъ у двери на лавкѣ». Дальше в автографе и копии читалось так:

Жена его два дня мучалась въ родахъ, родила мертваго и прежде стонала и металась, а къ вечеру затихла, и мать послала его за батюшкой.

Было трое дѣтей, старшему 7 лѣтъ. Работникъ былъ онъ одинъ.

Онъ сидѣлъ теперь неподвижно, глядя на полъ, и не думалъ

ни о женѣ, ни о дѣтяхъ, ни о себѣ, что онъ будетъ дѣлать, а отдавался, не противясь, тому, что навалилось на него и то, что съ нимъ будетъ, также, какъ и то, когда войдетъ батюшка и поѣдетъ съ нимъ. Одно, что онъ не думалъ, а воѣмъ существомъ сознавалъ, было то, что было у него на умѣ и на языкѣ: Божья воля.

В этом отрывке существенные исправления сделаны, начиная от слов: «Онъ сидѣлъ теперь»:

Онъ сидѣлъ неподвижно у двери и думалъ о томъ, застанетъ ли батюшка жену живую и какъ онъ повезетъ его: прямо черезъ Косое, какъ онъ сюда ѣхалъ, или въ объѣздъ. Ужъ очень плохо подъ селомъ. Ручей замерзъ, а не держитъ. Насилу выбрался. Когда кто входилъ въ избу, онъ взглядывалъ, слѣдилъ глазами за тѣмъ, что дѣлали работникъ и работница, и былъ радъ, когда работникъ, сваливъ вязанку березовыхъ дровъ у печи, попросилъ его наколоть лучину. Онъ раздѣлся и сталъ работать. Радъ былъ, что не думается о домѣ.

После слов «было слышно: «Фарисеи, лицемеры», стр. 87, строка 10, вписано: «Слова фарисей, лицемѣры особенно обидѣли его именно потому, что онъ считалъ себя подверженнымъ всякимъ порокамъ, но только не лицемѣрью. И онъ былъ сердитъ на Дьякона». Далее фраза «расправилъ еще волосы» распространена так: «Расправилъ еще на обѣ стороны расчесанные бѣлокурые волосы». Вслед за этимъ слова «пріятное, бѣло-румяное, моложавое.. лицо» исправлены так: «простое, доброе, курносое... лицо». Далее между словами «носишь» и «вносила» вставлены слова «съ трудомъ». После слов «готовящийся уйти самоваръ», стр. 87, строки 24—25, добавлено: «—Чего же ты сама? А Фекла? — Что же сама? — передразнила его матушка. — А то кому жъ?» После слов: «надѣлъ шубу, шапку и вышелъ», стр. 87, строка 34, добавлено:

плавной, твердой походкой въ сѣнцы. Воздремскій мужикъ жалдъ его въ сѣняхъ. Отецъ Василій, поддерживая рукавъ, перекрестилъ его и далъ поцѣловать свою небольшую, твердую руку съ коротко обстриженными ногтями и пошелъ садиться.

В третьей главе фраза «дочь его Елена 16-ти лѣтъ жила дома и мучительно тяготилась своей жизнью» исправлена так: «дочь Леня 16-ти лѣтъ жила дома, плохо помогала матери и тяготилась своей жизнью». После слов «с которой было связано получение места», стр. 88, строки 22—23, слова «была миловидная и кроткая, но болѣзненная дѣвушка» исправлены так: «была миловидная и бойкая дѣвушка». После слов «увлечение Анны Тихоновны студентом, сыномъ прежнего дьякона», стр. 88, строки 29—30, в автографѣ читалось:

Отецъ Иванъ не только простилъ ее, но еще какъ-будто еще нѣжнѣе любилъ ее за увлечение ея, отъ котораго онъ страдалъ¹ первое время, но которое потомъ было для него поводомъ не только прощенія, но самоотреченія и забвенія себя и устремленія всего вниманія на ея жизнь и ея душевное состояніе.

¹ в копии ошибочно перепечатано: она страдала.

Это место в копии исправлено очень близко к последней редакции рассказа.

В автографе четвертой главы сравнительно немного исправлений и зачеркнутых мест. Из последних отметим лишь два. В начале главы зачеркнуты слова: «Изба Федора Абакумова была въ серединѣ деревни, въ проулкѣ», указывающие на то, что вначале Толстой не предполагал рассказывать эпизод переезда от дома священника в Воздрем. После слов «Он знал, что это пятак, и взял его», стр. 89, строки 34—35, также зачеркнуто.

Федоръ стоялъ молча у стола и глядѣлъ въ землю.

— И чѣмъ хоронить будешь. Хотя корову послѣднюю продавать.

Вслед за текстом четвертой главы ошибочно поставлена цифра IV, за которой никакого текста не следует.

3. Рукопись на 12 листах в 4° (6 согнутых пополам полулистов). На первых пяти листах — исправленная рукой Толстого копия предыдущей рукописи, написанная на пишущей машинке. На оставшейся чистой части предпоследней странички пятого листа, на последней странице того же листа и на первых трех страницах шестого — автограф вновь написанного конца четвертой главы и всей пятой. Рукопись заключена в обложку, на которой переписано на машинке заглавие «Отец Василий».

Наиболее существенные исправления, сделанные в машинописном тексте, таковы. После слов «сама помирала», стр. 86, строка 28, зачеркнуто: прежде стонала и металась, а къ вечеру затихла, и мать послала его за батюшкой. Было трое дѣтей, старшему семь лѣтъ. Работникъ былъ онъ одинъ. Следующий далее абзац, начинавшийся в рукописи № 2, после исправления ее, словами: «Онъ сидѣлъ неподвижно у двери и думалъ о томъ» исправлен так, как он читается в печатном тексте. После слова «Потом», стр. 87, строка 4, вписаны слова «спустивъ ноги». После слов «расчесал длинные волосы», стр. 87, строка 5, вписано и зачеркнуто: «раньше только на затыбонахъ». После слов «и остави нам долги наша», стр. 87, строка 7, зачеркнуто:

онъ остановился, замѣтивъ за собой, что произносить слова, не приписывая имъ значенія, и вновь повторилъ, стараясь понимать и чувствовать то, что говорилъ.

После слов «расправил на обе стороны», стр. 87, строка 19, вписано: «растущіе вокругъ уже большой лысины»; после слов «белокурые волосы», стр. 87, строка 20, вписано зачеркнутое потом: «росшіе кругомъ больше ладони»; после слов «заглянул на свое», стр. 87, строки 20—21, зачеркнуты слова «простое» и «курносое» и вписаны — «широкое» и «съ рѣдной бородной»; после слов «и вышел на крыльцо» стр. 87, строка 38, зачеркнуто следующее место, бывшее и в автографе и в первой копии:

Телѣга была запряжена утробистой, шаршавой, гнѣдой, попоухой кобылкой, на телѣгѣ было къ заду сидѣнье изъ сѣна, обернутаго дерюжкой. Абакумовъ съ тѣмъ же неподвижнымъ лицомъ стоялъ у телѣги, хотѣлъ посадить батюшку.

Вместо этого вписаны слова, читающиеся в печатном тексте. После слов «сел рядом, тронул», стр. 87, строки 42—43, вписано: «утробистую, попоухую»; после слов «всей его жизни», стр. 88, строка 14, вписаны две

фразы, читающиеся в печатном тексте («Чтобы не огорчать»... нелюбовью к науке). Слова «бойкая дѣвушка» исправлены на «некрасивая, но очень бойкая дѣвица», стр. 88, строка 23—24. После слов «и стал отцом Василием», стр. 88, строка 26, добавлено «сначала съ короткими, а потомъ съ длинными волосами»; после слов «с своей женой», стр. 88, строка 28, добавлено: «Анной Тихоновной»; послеслов «была такая», стр. 88, строка 39, слово «неровная» зачеркнуто и вместо него написано «колчеватая»; после слов «уклочившимися зелеными», стр. 89, строка 16, зачеркнуто:

Попъ похвалилъ зелена.

— Да, кто рано постѣялъ, — сказала Аббакумовъ.

Заговорили объ урожаѣ, о картофелѣ, о соломѣ.

и вместо этого написаны слова, читающиеся в печатном тексте. После слов «подшла к умирающей», стр. 89, строка 32, добавлено: «поглядѣла на нее, покачала головой»; после слов «Заревели в три голоса и дети на печке», стр. 89, строки 39—40, зачеркнуто первоначальное окончание четвертой главы:

— Что же ѣхать, что ль? — спросилъ Абакумовъ.

— Поѣдемъ.

Дорогой ни попъ, ни мужикъ ничего не говорили. Выгѣзая изъ телѣги, попъ велѣлъ подождать и, вызвавъ Абакумова въ сѣни, далъ ему рубль на похороны.

Вместо этого написано то, что читается в печатном тексте. Здесь после слов «и слушая себя», стр. 90, строка 6, зачеркнуто:

думала о томъ, что нынче ужъ мало, пускай попъ послушаетъ какъ у насъ въ Воздремѣ бабы голосятъ.

Имя и фамилия крестьянина — Федор Абакумов — всюду заменены словами «Митрій», «мужикъ», «хозяинъ»; именем Федор назван кум Митрия.

В автографе пятой главы исправлений очень мало. Отметим лишь в самом начале главы замену слов «Кумъ нового вдовца» на «Кум Митрия».

Впервые «Отец Василий» был напечатан в III томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» под редакцией В. Г. Черткова, издание А. Л. Толстой, М. 1911. Печатаем рассказ в настоящем издании, пользуясь всеми относящимися к нему рукописями. В рукописи, описанной под № 3, в соответствии со словами «Вошел работник», стр. 86, строка 31, написана явно несвязная фраза: «входившій Василій работникъ», причем слова «входившій» и «Василій» написаны рукой Толстого поверх зачеркнутых машинописных слов. Фразу эту, неотделанную, очевидно по рассеянности, исправляем в согласии с тем, как это сделано редактором посмертного издания. В той же рукописи, в конце четвертой главы, в словах «увлечение матушки студентомъ» слово «матушки» Толстым зачеркнуто и вместо него написано: «Анны Тихоновны съ». Получилась фраза: «увлечение Анны Тихоновны съ студентомъ». Так как союз «с» попал в эту фразу явно по рассеянности (очевидно, Толстой мысленно читал вместо «увлечение» слово «связь», «сближение» или какое-нибудь другое в этом роде), то, по примеру посмертного издания, и мы этот союз опускаем.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОЙ БИОГРАФИИ ГАРРИСОНА,

СОСТАВЛЕННОЙ В. Г. ЧЕРТКОВЫМ И Ф. ХОЛА.

17 октября 1903 г. В. Г. Чертков, посылая Толстому составленное по его указаниям мисс Ф. Хола краткое извлечение из четырехтомной биографии Гаррисона, которое он намерен был издать по-английски и по-русски, просил Толстого для обеспечения изданию успеха написать к нему маленькое предисловие — хотя бы несколько строк в письме. Толстой очень охотно откликнулся на эту просьбу и, видимо, в ноябре взялся за писание этого предисловия. 24 ноября он записывает в Дневник: «Всё копаюсь с предисловием и к Шекспиру и к Гаррисону. Почти кончил». 27 ноября Толстой пишет Черткову: «Биография сокращенная Гаррисона произвела на меня очень сильное впечатление, и я решил, что напишу предисловие. Теперь я и написал и кончил перерабатывать и пошлю вам дня через два, когда переписут». В том же письме он говорит о том, что работа над Предисловием была ему очень приятна, потому что он чувствовал, что делает настоящее дело (АЧ). Через три дня Толстой записывает в Дневник: «Кончил предисловие — недурно».

9 декабря н. с. Чертков известил письмом Толстого о получении им Предисловия и просил его разрешения внести в текст статьи две небольшие поправки (АЧ) (о них ниже). В письме к Черткову от 31 декабря Толстой согласился с его замечаниями и тут же указал на то, что ему хотелось бы сделать к Предисловию несколько недлинных, но — по его мнению — существенных прибавлений (АЧ).

11 января 1904 г. Толстой записывает в Дневник: «Вчера кончил прибавку к Гаррисону», а 15 января отправляет эту прибавку Черткову вместе с письмом, в котором пишет: «Посылаю вам, милый друг, прибавление к предисловию. Мне оно казалось имеющим некоторое значение. Как всегда, предоставляю вам редактировать, сокращать, изменять, как найдете нужным» (АЧ).

К Предисловию относятся следующие рукописи и корректура, хранящиеся в ГТМ (папка 73).

1. Автограф на одной четвертушке писчего листа и одном полудлисте почтовой бумаги, исписанных с одной стороны. *Начало*: «Очень благодарю

вась за присылку мнѣ сокращенной биографіи». *Конец: «и поняль, что это и не могло быть иначе».* По содержанию и по количеству текста соответствует началу статьи в окончательной редакции, приблизительно — первым трем ее абзацам.

2. Рукопись на 2 листах в 4°, написанная с одной стороны на пишущей машинке, — конец автографа с поправками и небольшим добавлением в конце рукой Толстого.

3. Рукопись на 6 листах в 4° (трех полулистах писчей бумаги, согнутых пополам). На первом полулисте — копия предыдущей рукописи, написанная на пишущей машинке; на двух лицевых страницах второго полулиста и на первой лицевой странице третьего — продолжение статьи, написанное, очевидно, под диктовку Толстого, рукой А. Л. Толстой. Написанное на пишущей машинке и рукой А. Л. Толстой сильно исправлено и дополнено между строк, на оборотных чистых, на лицевых недописанных страницах рукой Толстого и на отдельной вставке, относящейся ко второму полулисту. Поправки и дополнения приближают текст статьи к ее окончательной редакции.

4. Рукопись, занимающая один согнутый пополам полулист писчей бумаги, пять частью цельных, частью склеенных четвертушек и восемь полос бумаги — частей четвертушек. Всё, кроме одной вставки рукой Толстого, написано на пишущей машинке с одной стороны, и всюду поправки рукой Толстого. Отдельные части рукописи, подвергавшиеся усиленным исправлениям, переписывались и переделывались по несколько раз. В конце концов были отобраны пять четвертушек и две полосы бумаги, из которых одна представляет вставку, написанную рукой Толстого, и это составило цельный текст следующей редакции статьи. Зачеркнутое в этой рукописи не представляет существенных вариантов.

5. Рукопись на 8 нумерованных листах в 4°, написанная с одной стороны на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Цитата из Гаррисона на английском языке написана рукой П. А. Буланже. Той же рукой на 7-м листе сделан перевод этой цитаты. Поправки имеют исключительно стилистический характер. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой П. А. Буланже написано заглавие: «Предисловие к биографии Гаррисона».

6. Корректурa Предисловия на 4 гранках, набранных для издания «Свободного слова». В первых десяти абзацах, до слов «который полвека тому назад был провозглашен Гаррисоном» никаких авторских поправок нет. После этих слов на широких полях гранки и на оборотной ее стороне сделана большая вставка рукой Толстого, соответствующая следующим семи абзацам. В одиннадцатом и двенадцатом абзаце корректуры — поправки рукой Толстого.

7. Копия (на пишущей машинке, на 4 листах копировальной бумаги большого почтового формата) всей последней гранки вместе со вставкой, написанной рукой Толстого. В копии много поправок, сделанных рукой Толстого и отчасти рукой Ю. И. Игумновой. Два листа этой копии, на которые пришлось особенно много поправок, перепечатаны, и на них рукой Толстого сделаны новые поправки.

8. Второй экземпляр копии, отпечатанный одновременно с преды-

дущим. В него внесены рукой Ю. И. Игумновой поправки, сделанные рукой Толстого в первом экземпляре, и, кроме того, его же рукой здесь сделано еще несколько новых поправок. На первой странице рукой Д. Н. Маковского красными чернилами написано: «Вариант III и, вероятно, последний окончания предисловия к Гаррисону».

Зачеркнутое Толстым во всех копиях не дает сколько-нибудь существенных вариантов.

Предисловие Толстого к биографии Гаррисона впервые было напечатано В. Г. Чертковым в редактировавшемся им журнале «Свободное слово», 1904, № 9 (январь — февраль), под заглавием «Гаррисон и непротавление насилием». Редактором сделано было несколько отступлений от того окончательного, проредактированного Толстым текста статьи, который закреплен в рукописях, описанных нами под №№ 5 и 8, причем для двух таких отступлений В. Г. Чертков, как указано было выше, получил специальное разрешение Толстого. В письме от 9 декабря 1903 года н. с. В. Г. Чертков, касаясь восьмого абзаца («Аболиционисты старались доказать...») предлагал в стоявшей в рукописи фразе «но сторонники рабства столь же основательно доказывали несвоевременность, опасность и вредные последствия, могущие произойти от освобождения» заменить слова «столь же основательно» словами «в свою очередь», так как первое выражение придает фразе оттенок, противоречащий фактам, излагающимся в биографии Гаррисона. Затем в следующем абзаце Чертков предлагал для большей ясности заменить стоявшие в рукописи слова «непротавления насилию» словами «непротавления злу насилием» (АЧ).

Как сказано было, Толстой эти две поправки одобрил.

Но сверх этого мы имеем в тексте журнала «Свободное слово» еще следующие чисто стилистические отступления от последней, отредактированной Толстым рукописи, на что однако не имелось специальной санкции Толстого. В конце семнадцатого абзаца, стр. 99, строки 5—6, вместо стоящего в рукописи «силою принуждать ихъ къ этому» — напечатано: «употреблять насилие над рабочими». В следующем, восемнадцатом абзаце, стр. 99, строка 12, вместо «благоустройства» напечатано: «того устройства». В девятнадцатом, стр. 99, строка 26, вместо «Но принцип непротавления не есть принцип насилия» — «Но перемены бояться нечего: принцип непротавления» и т. д. В двадцатом, стр. 99, строка 26, вместо «хотять они этого» — «хотят этого люди».

Поэтому, печатая в настоящем издании текст Предисловия по исправленным Толстым копиям, сверенным с автографами, принимаем из текста журнала «Свободное слово» лишь те две поправки, на внесение которых В. Г. Чертковым было получено от Толстого специальное согласие.

Впервые в России Предисловие под заглавием «Гаррисон и непротавление насилием» напечатано в двенадцатом издании сочинений Толстого, часть девятнадцатая, М. 1911 (том по выходе в свет был конфискован). Затем под тем же заглавием предисловие было напечатано в брошюре «В. Л. Гаррисон. Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира». Издательство «Сеятель», Харьков, 1917.

Примечания.

Вильям-Ллойд Гаррисон (Garrison) (1805—1879) — американский писатель и публицист, борющийся за отмену рабства в Североамериканских Соединенных Штатах, проповедник учения о непротивлении злу насиліем. Свою пропаганду вел в издававшейся и редактировавшейся им газете «Liberator», существовавшей с 1831 по 1865 год, когда рабство в Америке было окончательно упразднено. В апреле 1886 г. сын В. Л. Гаррисона Вендель Филлипс Гаррисон обратился к Толстому с письмом, в котором писал о том, что, ознакомившись с книгой «В чем моя вера?», он нашел в ней очень много сходного с тем, что высказывалось его отцом, и прислал Толстому составленное в 1838 г. В. Л. Гаррисоном «Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира». Это «Провозглашение» было включено Толстым в первую главу его книги «Царство Божие внутри вас» (1891—1893) и во второй том «Круга чтения» (недельное чтение 15 декабря).

Книга В. Г. Черткова и Ф. П. Хола появилась в свет под заглавием «A short biography of William Lloyd Garrison by W. Tchertkoff and F. Holah with an introductory appreciation of his Life and Work by Leo Tolstoy». Christchurch, Nants, 1904. Она представляет собой краткое извлечение из биографии В. Л. Гаррисона, написанной его сыновьями (W. P. and F. I. Garrison. «William Lloyd Garrison». Нью-Йорк, 1885—1889).

Стр. 95, строка 22. Адин Баллу (Ballou 1803—1890) — английский писатель, публицист и филантроп, приверженец учения о непротивлении злу насиліем. Для того чтобы содействовать практическому осуществлению в жизни учения Христа, Баллу с несколькими друзьями в 1841 г. основал общину для совместной братской жизни на началах христианского учения. Община просуществовала до 1857 г. О Баллу, на ряду с Гаррисоном, очень сочувственно отзывался Толстой в своей книге «Царство Божие внутри вас». Отрывок из его «Катехизиса непривлечения» помещен Толстым в первом томе «Круга чтения» как недельное чтение 17 марта. В 1908 г. «Посредником» издано сочинение Баллу «Учение о христианском непривлечении злу» в переводе с английского с предисловием И. И. Горбунова-Посадова.

Стр. 96, строки 1—14. Цитата из статьи «Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира».

Стр. 96, строка 30. Аболиционистами в Соединенных Штатах назывались сторонники уничтожения рабства. Зарождение аболиционистских обществ относится к 1775 году, когда в Филадельфии под председательством Вениамина Франклина основано было первое такое общество. Деятельность аболиционистов достигла наибольшей интенсивности тогда, когда во главе движения стал Гаррисон.

Стр. 97, строки 31—37. Толстой имеет здесь в виду статью Н. К. Михайловского «Гр. Л. Толстой о ежемесячных журналах», напечатанную под рубрикой «Литература и жизнь» в № 11 «Русского богатства» за 1903 г. Михайловский писал: «Да вот, например, гр. Толстым было «выдумано» когда-то «толстовство» с непривлечением злу, неестественностью

естества, четырьмя упряжками и проч., и проч. И в свое время наши ежемесячники уделяли очень много внимания этой «выдумке» и только с недавнего сравнительно времени стали обходить почтительным молчанием эти грехи великого писателя» (стр. 86—87).

Стр. 97, строка 40. Вильям Дженнинг Брайан (Bryan) (р. 1860 г.)— американский политический деятель, сторонник демократических реформ, кандидат в 1896 и 1900 гг. на пост президента Северо-американских Соединенных Штатов. В 1913—1915 гг. был государственным секретарем САСШ. В декабре 1903 г. он посетил Толстого в Ясной поляне. Об этом см. статью П. Сергеевко «Толстой и Брайан» в книге «Толстой и его современники» М. 1911, стр. 243—251.

«ОДУМАЙТЕСЬ!»

Отсылая В. Г. Черткову прибавления и поправки к статье «Одумайтесь!», Толстой писал ему 28 апреля 1904 г.: «Статья эта вышла как-то круто заостренная, оттого что я писал статью о том, что все бедствия людские от отсутствия религии, и уже довольно подвинулся в этой статье, когда началась война, представлявшаяся мне иллюстрацией моей мысли. От этого я соединил две темы, и, пожалуй, ни одна не обработана достаточно» (АЧ).

Первая тема, о которой здесь говорится, разрабатывалась Толстым в статье о значении религии, начатой им, судя по записи в Дневнике, около 19 декабря 1903 г. В дальнейших записях Дневника эта статья озаглавливалась «Камень главы угла» или, кратко, «Камень» (она вошла в статью «Единое на потребу»).

28 января 1904 г. Толстой записывает в Дневник: «Хорошо думал о войне, которая началась. Хочется написать о том, что когда происходит такое страшное дело, как война, все делают сотни соображений о самых различных значениях и последствиях войны, но никто не делает рассуждения о себе: что ему, мне надо делать по отношению войны. Это самая верная иллюстрация того, как ничто не может исправить существующего зла, кроме религии. Не знаю, как удастся. До сих пор голова работает плохо».

Так у Толстого тема войны встретилась с темой религии. В дальнейшем работа над специальной статьей о религии на время была отложена, и Толстой всецело занялся статьей, которая с самого начала получила заглавие «Одумайтесь!» и которую сам Толстой в Дневнике и переписке называет «О войне». В Дневнике 1904 г. читаем следующие записи, относящиеся к работе над «Одумайтесь!». 2 февраля: «Пишу о войне и думаю хорошо»; 19 февраля: «Всё время пишу о войне. Не выходит еще»; 23 февраля: «Пишу о войне»; 25 февраля: «Всё кончаю о войне»; 27 февраля: «Всё поправлял о войне»; 7 марта: «Всё поправляю о войне. Кажется, кончил. Порядочно. Не хорошо, но порядочно»; 8 марта: «Пишу. Читал свою статью. Порядочно»; 9 марта: «Выписал эпитафии»; 12 марта: «Всё поправлял «О войне» и недоволен»; 13 марта: «Дополнял «О войне»; 15 марта: «Писал о войне. Всё не кончил»; 16 марта: «Писал о войне. Почти кончил»; 17 марта: «Всё пишу о войне. Кажется, кончил»;

18 марта: «Думаю, что кончил «О войне». Дал переписывать»; 20 марта: «Нынче поправлял и прибавлял «О войне»; 21 марта: «Плюхо поправлял «О войне»; 29 марта: „Всё поправлял «О войне»“.

К концу марта или началу апреля в основном статья была написана.

Точное определение по рукописям процесса писания ее представляется в высшей степени трудным. Трудность эта проистекает из самого характера работы Толстого над своими произведениями. В последние десятилетия своей жизни Толстой обычно работал так. Написав начало какого-нибудь произведения, он отдавал его в переписку. Переписанное исправлялось, дополнялось и вновь шло в переписку. Вновь переписанное подвергалось новым исправлениям, опять дополнялось и продолжалось, причем дополнения и продолжения писались на полях, между строк, на оборотных чистых страницах, на отдельных листках. В процессе работы происходила перетасовка переписанного материала, причем отдельные листки, подвергшиеся не очень значительной переработке, изымались из тех рукописей, в состав которых они входили, и переносились в другие; листки же особенно радикально исправленные переписывались вновь и затем отбрасывались. Абзацы перегруппировывались не только в пределах одной главы, но и в пределах разных, иногда даже не смежных глав, для чего четвертушки разрезывались на отдельные полосы, иногда очень мелкие. Нумерация в связи с этим менялась и исправлялась так, что разобраться в ней теперь нет никакой возможности. Такая исключительная сложность в работе над установлением окончательной редакции произведений увеличилась с тех пор, как в Ясной поляне на ряду с переписчиками от руки стала работать пишущая машинка, ускорявшая и облегчавшая процесс переписки и тем самым увеличившая количество копий.

Всё это относится и к рукописному материалу статьи «Одумайтесь!», хранящемуся в ГТМ (АЧ, папки 77 и 78) и дошедшему до нас в таком состоянии, что определить сполна во всех подробностях постепенный процесс написания статьи нет возможности, так как нет возможности распределить всю массу рукописного материала хронологически.

Первый приступ к работе над статьей — автограф на двух листах почтовой бумаги, исписанных с обеих сторон, озаглавленный «Одумайтесь (метафизите)». Он начинается словами: «Есть книга под заглавием «Guerre — Militarisme», въ которой собраны на 390 стр. мелкаго шрифта выписки изъ болѣе 200 древнихъ и новыхъ писателей — сужденія о войнѣ». Далее речь шла об общем впечатлении, производимом этой книгой. Всё это начало, растянувшееся на полторы страницы, затем было зачеркнуто и вместо него написано: «Когда читаешь всё то, что написано и пишется противъ войны...» Заканчивается рукопись словами: «отъ этого то отсутствія этого вопроса и вся бѣда». Рукопись заключена в обложку, на которой рукой А. Л. Толстой написано: «Черновики. 30 января 1904 г. Одумайтесь». Перед нами набросок начала статьи, в котором высказаны мысли близкие к тем, какие высказаны в первой главе окончательной редакции статьи «Одумайтесь!», но в иной стилистической форме.

Автограф был переписан на пишущей машинке, на четырех четвертушках, но затем большая часть текста копии Толстым была зачеркнута,

и четвертушки, из которых часть была разрезана пополам, вместе с тремя другими четвертушками, на которых были написаны исправленные и затем зачеркнутые концы отдельных мест «Фальшивого купона», были использованы для нового автографа начала статьи. Это начало сокращенно захватывает материал, распределенный впоследствии между первыми семью главами. Дальнейшая работа над первыми десятью главами статьи заключалась в расширении текста, в дополнениях и продолжениях его на полях, между строк, на оборотных чистых страницах копий и на отдельных листах, а также в тщательном исправлении написанного и переписанного. Почти каждая глава переделывалась от пяти до десяти раз. Проследить все этапы этой переделки нет возможности в виду указанных особенностей рукописного материала, относящегося к статье, а также потому, что отдельные части это, четвертушки и полосы, вырезанные из четвертушек, утеряны. Первые десять глав статьи, позже объединенные в одной рукописи (см. ниже), представляют соединение разрозненных полулистов, четвертушек, полос, вырезанных из четвертушек, переписанных на пишущей машинке и исправленных Толстым, а также вставок, дополнений, продолжений, написанных Толстым на отдельных листках, — всего 242 листа в 4°, частью склеенных из нескольких частей, 203 отрезка, написанных на пишущей машинке и исправленных и продолженных рукой Толстого, и 21 лист разного формата автографов — дополнений и вставок.

Судьбу рукописного текста до той его стадии, когда он принял внешне организованный вид, приходится рассматривать исходя из того деления статьи на главы, которое принято было в окончательной ее редакции.

В дальнейшем, извлекая варианты из рукописного текста, приводим их в их последней редакции.

Весь рукописный материал, относящийся к первой главе, не дает сколько-нибудь существенных вариантов. Во второй главе читаем вариант, относящийся в самому началу статьи (№ 1). Третья глава в большинстве редакций начинается так:

Точно какъ будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Канта, ни Свифта, ни Гюго, ни Альфреда де Виньи, ни Мопассана съ его удивительной статьей «*Sur l'eaux*», ни сотенъ другихъ трогательныхъ и заставляющихъ содрогаться описаній войны.

В четвертой главе находим вариант, относящийся к концу главы (№ 2). Пятая глава существенных вариантов не дает. Шестая глава в самом начале имеет вступление, впоследствии уничтоженное (вариант № 3). В конце той же главы читаем вариант (№ 4), впоследствии зачеркнутый. К середине седьмой главы относятся варианты №№ 5 и 6. Последний зачеркнут. В конце этой главы находим следующее разночтение:

Человѣку нѣтъ выбора: онъ долженъ быть рабомъ или наиболѣе безсовѣстнаго и наглаго, чѣмъ другіе рабы, каковы Наполеоны, Николай I, Плеве, Морганы, Вильгельмы, или Бога.

К середине восьмой главы относится вариант № 7. Девятая и десятая главы вначале составляли одну главу. К середине ее относятся варианты №№ 8 и 9. В различных редакциях конца IX—X главы сделана собствен-

норучная подпись Толстого и проставлены рукой автора следующие даты: «14 Февраля», «22 Февраля», «Пирогово, 28 Февраля 1904 г.», «Пирогово, 4 Марта», «Пирогово, 7 Марта».

Как видно из записей Дневника 17 и 18 марта, Толстому казалось, что он статью уже закончил. В конце марта или в начале апреля текст статьи, разбитый на десять глав, был собран в одно целое и в апреле отослан В. Г. Черткову в Англию. 9 апреля Толстой писал ему: «Посылаю вам «О войне». Если годится, печатайте. Кроме этих 10 глав, цсправляю еще небольшое заключение. Если удастся удовлетворительно кончить, пришлю отдельно и скоро» (АЧ). Оригинал статьи, копия с которого послана была Черткову, сохранился в ГТМ. Это рукопись на 107 пронумерованных частью рукой Толстого, частью посторонней рукой четвертушках, переписанных с одной стороны на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Некоторые четвертушки урезаны, другие составлены из нескольких урезанных. Последнее обстоятельство, а также то, что на многих четвертушках проставлена новая нумерация взамен прежде бывшей, свидетельствует о том, что мы имеем дело с такой рукописью, которая составила в результате комбинации ранее переписанных частей текста о вновь переписанными. Текст статьи сопровождается эпиграфами при каждой главе. Последняя глава оканчивается словом «Одумайтесь!», греческой цитатой текста Евангелия от Луки и ее русским переводом: «И если не одумаетесь, всё также погибнете». Далее следует дата: «Пирогово, 7 Марта 1904 г.». Распорядок глав в этой рукописи еще отличается от окончательного: на месте седьмой главы окончательного текста стояла девятая, на месте восьмой — седьмая, на месте девятой — восьмая. Что касается текста, то он, за исключением стилистических разночтений, почти во всем совпадает с окончательной печатной редакцией. Все приведенные выше варианты, за исключением варианта № 9 (в десятой главе), исключены.

Первый приступ к работе над одиннадцатой главой — автограф на двух листах почтовой бумаги большого формата, исписанных с обеих сторон. *Начало*: «Я только что кончил эту статью»... *Конец*: «и устроил бы свою жизнь соответственно ответу на этот вопрос». В углу каждого листа посторонней рукой проставлена красным карандашом дата — 6 апреля. Эта дата близка и к той, которая указана самим Толстым: в Дневнике от 7 апреля 1904 г. он записывает: „Начал писать заключение к «Войне»“. Часть текста перечеркнута поперек карандашной чертой. Судя по тому, что перечеркнутые места имеются в ремингтоновых копиях, перечеркнутое перечеркнуто не Толстым, а переписчиком для обозначения того, что рукопись отработана, т. е. переписана. Текст автографа представляет собой лишь часть главы. Распорядок абзацев в ней иной, чем в окончательной редакции главы. Беседа Вылежинского и Дибича изложена кратче, и на русском языке. Во второй половине автографа читаем вариант № 10, вскоре же исключенный.

Автограф, как обычно, будучи переписан на пишущей машинке, подвергся новым исправлениям и добавлениям; исправленное и добавленное вновь было переписано. Сохранившийся разрозненный материал копий этой главы, занимающей 41 бумажную единицу (четвертушки, полосы бумаги, вырезанные из четвертушек, — все на пишущей машинке с исправ-

лениями рукой Толстого, — одна четвертушка, написанная рукой А. Л. Толстой, также с исправлениями рукой Толстого, три вставки на полулистах почтовой бумаги, написанные рукой Толстого), свидетельствует о том, что статья перерабатывалась и дополнялась не менее трех раз.

В одной из наиболее ранних копий, вслед за передачей беседы Вылегинского с Дибичем, было написано:

И этотъ приговоръ къ смерти 10 000 русскихъ людей съ легкимъ сердцемъ произносить суетливый пьяный нѣмецъ, отличавшійся только ловкой лестью величайшему злодѣю Николаю I.

В той же копии, вслед за абзацем, в котором идет речь о пятидесяти тысячах живней, обреченных на смерть на Дальнем Востоке, читаем вариант № 11. В дальнейших переработках этот вариант был значительно смягчен и переделан, а затем совсем устранен (см. № 12). В первоначальных редакциях глава заканчивалась энергичным обращением одуматься — к царю, к духовенству, журналистам, военным (вариант № 13). Впоследствии и это обращение было выпущено. Но прежде чем выпустить всё обращение, Толстой смягчил обращение к журналистам, которое первоначально читалось так:

Одумайтесь вы, многорѣчивые и лживые писаки-журналисты. Если вамъ нужны рубли, которые вы добываете своею ложью и возбужденіемъ вражды между людьми, то лучше идите грабить на большую дорогу: вы, убивая богатыхъ и отнимая у нихъ деньги, будете менѣ преступны, чѣмъ теперь, сидя дома и возбуждая вашими гадкими рѣчами людей къ враждѣ и всякаго рода злодѣйствамъ.

Из четвертушек, ранее переписанных и исправленных и вновь переписанных на пишущей машинке, образовался цельный текст одиннадцатой главы на 9 исписанных на машинке с одной стороны четвертушках. Глава была снабжена эпиграфами и присоединена к прежним десяти главам.

Затем с первых десяти глав снята была новая копия в двух экземплярах, а с одиннадцатой — в трех. В ГТМ сохранились две рукописи, написанные одновременно на пишущей машинке на 56 полулистах тонкой копировальной бумаги формата большого почтового листа с одинаковыми поправками на обоих экземплярах рукой Толстого, Ю. И. Игумновой, Д. В. Никитина и Е. И. Попова. В конце одиннадцатой главы — собственноручная подпись Толстого и им же проставленная дата — 17 апреля 1904 г. Того же 7 апреля Толстой писал Черткову: «Поправки к статье «О войне» посылаю и прибавку. Жалею, что не мог соединить в статье отношения к Японии такого же, как и к России. Не мог одолеть этого» (АЧ). Отсылка Черткову одиннадцатой главы и поправок к прежним десяти главам поручена была Ю. И. Игумновой, которая вместе с новой главой отправила на отдельном, напечатанном на пишущей машинке листке список этих поправок по главам. Листок этот, а также сопроводительное письмо Игумновой от 18 апреля сохранились в АЧ. В своем письме Игумнова писала Черткову: «Уважаемый Владимир Григорьевич, посылаю вам поправки к «Одумайтесь» и заключительную главу. Всё, что подчеркнуто красным, означает прибавленное, всё, что синим, выпущенное» (АЧ).

Поправки вносятся, главным образом, к следующему. Окончательно установлен распорядок глав седьмой, восьмой и девятой, исключен вариант № 9 в десятой главе, сделаны кое-какие стилистические дополнения, некоторые эпиграфы выпущены, другие вновь введены, третьи переставлены из одной главы в другую.

Через несколько дней после окончания одиннадцатой главы Толстой принялся за двенадцатую. Первоначальный, сильно исчерканный черновой автограф ее занимает два полулиста почтовой бумаги большого формата и один полулист почтовой бумаги малого формата. *Начало*: „Только что отослать послѣдніе листы статьи «О войнѣ»“. *Конец*: «Вотъ это мнѣ хотѣлось добавить къ моей статьѣ», и затем дата, проставленная рукой Толстого, — 25 апреля 1904 г. Текст автографа значительно кратче текста окончательной редакции главы и почти полностью покрывается ею. В нем несколько резких слов, которые впоследствии были Толстым устранены. Так, вместо окончательного «патриотической, военной точки зрения», стр. 140, строка 22, в автографе написано было: «звѣрской военной точки зрѣнія», вместо «безжалостные цари», стр. 143, строка 15 — «проклятые цари». Несколькими строками ниже в автографе было написано:

«Идите вы, кто затѣялъ это дѣло: и Николаи, и Безобразовы, и Витте, и Суворины, и Меньшиковы».

Вслед за абзацем, в котором идет речь о наказаниях, которым рискуют подвергнуться те, кто откажется пойти на войну, стр. 145, строки 1—9, написан был следующий абзац:

Не пойдутъ и скажутъ тѣ естественныя и простыя слова: «ступайте вы, Николаи съ Куропаткиными, и Драгомировы, и Суворины, и Меньшиковы, ступайте убивать японцевъ, если вамъ это нравится, а мы не можемъ этого дѣлать», скажутъ эти простыя слова только тѣ, которые будутъ заботиться не о томъ, что ихъ накажутъ разные чиновники, царь, генералы, тѣ, которые будутъ заботиться о томъ, что скажетъ имъ ихъ Богъ, ихъ совѣсть. Такъ что не пойдутъ [тѣ], которые скажутъ: «мы не боимся за свое тѣло, а боимся за то, что можетъ погубить и тѣло и душу». Только такіе люди не пойдутъ.

С автографа рукой А. Л. Толстой была снята копия (рукопись на трех полулистах писчей бумаги, согнутых пополам, и на двух четвертушках; исписана на лицевых страницах). Толстой радикально переработал ее стилистически, зачеркнул фамилию Меньшикова, выпустил весь только что приведенный абзац, начинающийся словами «Не пойдутъ и скажутъ» и сделал дополнения.

В том месте, где перечисляются прямые и косвенные участники войны, добавлено:

Офицеры, полковники, генералы, воспитанные для убійства, проведеншіе десятки лѣтъ въ школѣ безчеловѣчности, грубости, праздности, радуются, несчастные, тому, что прибавляется содержаніе и убитые открываютъ вакансіи.

Далее введен разговор автора с запасным, отправляющимся на войну, и следующее замечание:

Ему, да и всѣмъ имъ — они такъ одурены — и въ голову

не приходит мысль о томъ, что онъ можетъ не пойти. Онъ какъ тотъ посаженный на бокъ пѣтухъ, которому отъ носа провели черту, которая, онъ думаетъ, держать его.

Далее Толстымъ введено первое из двух писем, полученных им от знакомого крестьянина, и текст расширен новыми вставками, соответствующими тексту окончательной редакции главы.

С этой исправленной копии была снята новая копия на пишущей машинке (рукопись на 9 четвертушках, исписанных с одной стороны, из которых две, отведенные под письмо крестьянина, утрачены). Копия была вновь исправлена и дополнена Толстым. Исправления здесь преимущественно стилистического характера. Добавлен конец второго абзаца, начинающийся словами:

То же, что онъ одинъ изъ этихъ ужасныхъ, большею частью пьяныхъ, безнравственныхъ, жестокихъ полузвѣрей, величайшихъ генералами и адмиралами,

Далее добавлено всё, что относится к высказыванию буддийского ученого Сойена Шаю о войне, и приведена выдержка из его статьи. Дополнения — на полях и на чистых страницах.

Со второй исправленной копии на пишущей машинке снята была третья копия главы, также исправленная и дополненная Толстым (рукопись на 4 согнутых пополам листах писчей бумаги, одной четвертушке и полулисте почтовой бумаги, на котором написана рукой Толстого вставка; один полулист, отведенный под письмо крестьянина, утрачен; нумерация по четвертушкам от 1 до 11). Исправления здесь большею частью стилистического характера. Кое-какие выражения смягчены: слово «звѣрской» зачеркнуто и заменено словом «патриотической», «полузвѣрей» исправлено на «людей». «Главный виновникъ царь» исправлено на: «Царь, главное ответственное лицо». Далее — к именам Николая, Бездорова, Витте, Суворина, добавлено: «и разные Антони и Серги и всё вы, кому нужна война». В абзаце, в котором речь идет о виновниках и участниках войны, добавлена речь о японцах от слов: «И то же происходит в Японии» до конца абзаца; наконец, введено и второе письмо крестьянина, знакомого Толстого (М. П. Новикова).

С третьей копии снята была, видимо в трех экземплярах, четвертая копия, также на пишущей машинке. Копия эта была исправлена и дополнена Толстым, и один экземпляр ее отослан в Англию В. Г. Черткову для напечатания. Два другие экземпляра хранятся в ГТМ. На одном из них поправки и дополнения, сделанные собственноручно Толстым, на другом эти поправки перенесены в текст копии рукой Ю. И. Игумновой. В исправленной Толстым копии стоит дата, проставленная его рукой, — 28 апреля 1904 г. и собственноручная подпись, на втором экземпляре копии — собственноручная подпись Толстого и дата — 30 апреля 1904 г., проставленная рукой Игумновой. В Дневнике под 29 апреля Толстой записал: «Всё это время писал еще прибавление к статье о войне. Нынче кончил и доволен ей».

Копию, датированную 28-м апреля, Толстой исправлял дважды — во второй раз после того, как им проставлена была дата, и после того, как второй экземпляр копии был отправлен для напечатания Черткову. Это

явствует прежде всего из следующего. 30 апреля Толстой писал Черткову: «Посылаю вам последнюю прибавку к статье «О войне». Мне кажется, что это заключение хорошо. Мне нужно было его написать для своей души» (АЧ). А на следующий день Ю. И. Игумнова в догонку послала Черткову еще две вставки в двенадцатую главу. На листе копировальной бумаги почерком Игумновой написано: «В прибавлении к статье «О войне», посланном вчера, сделаны две вставки», и далее указываются эти вставки: 1) «на газетном языке это самое выражается так: подъем патриотизма огромный» и 2) абзац — «Те же, которые остаются... А что народа побили и денег загубили», стр. 146, строки 19—33. Эти вставки внесены были собственноручно Толстым в копию, датированную 28-м апреля, и затем вписаны в другой экземпляр копии, датированный 30-м апреля.

В обоих экземплярах копии сделаны, кроме того, следующие существенные исправления.

Во фразе «Да идите вы, проклятые цари, минады, министры, генералы...» слово «проклятые» зачеркнуто и заменено словом: «безжалостные»,¹ а между словами «министры» и «генералы» вставлено «митрополиты, аббаты». Во фразе: «да идите вы, те, кто затѣялъ это дѣло, Николаи и Минады, и Бесобразовы, и Витте, и Суворины, и разные Антонии и Сергии» зачеркнуты все личные имена и слово «минады».

Из второго письма крестьянина, после слов «подъем патриотизма огромный», стр. 145, строка 29, зачеркнуты следующие слова:

Какъ долженъ быть жестокъ тотъ церковный Богъ, который ради какого-нибудь добраго старичка дѣлаетъ многія и многія чудеса, а ради умиротворенія и утѣшенія безъисходнаго, безнадежнаго страданія многихъ тысячъ, многихъ миллионувъ людей не хочетъ пошевелинуть и пальцемъ, тогда какъ Богъ-сынъ при видѣ плачущихъ по одному только покойникѣ и то до слезъ возмущался душами. А тутъ то что?

После того как Игумновой посланы были Черткову две указанные поправки к двенадцатой главе, Толстой продолжал делать вставки к написанной части этой главы. В копии, датированной 28-м апреля, вслед за собственноручной вставкой Толстого, начинающейся словами «Те же, которые остаются», поставлен знак сноски и с таким же знаком на четвертушке рукой Ю. И. Игумновой написана новая вставка: «Да, совсем иное отношение людей к войне теперь... всё больше и больше захватывает народ». Вставка эта исправлена Толстым, вновь переписана Игум-

¹ Последняя замена сделана была по совету В. Г. Черткова. В письме от 8 мая 1904 г. и. с. Чертков, всячески одобряя заключительную главу, писал: «Одно только слово я изменил бы: «проклятые». Указывая дальше на то, что это выражение не является с истинно-христианским направлением, он предлагал вместо этого сказать «безбожные» или «безумные» или просто «всякие» (АТБ). В ответ на это Толстой 13 мая писал Черткову: «замену слова «проклятые» словом «безбожные» очень одобряю» (АЧ). Вслед затем в копии, датированной 28-м апреля, слово «проклятые» было зачеркнуто и вместо него рукой Ю. И. Игумновой написано «безбожные», также зачеркнутое и исправленное рукой Толстого на «безжалостные». 19 мая Ю. И. Игумнова писала Черткову: «Лев Николаевич слово *проклятые* минадо и проч. сначала согласился заменить, как вы предлагали, словом *безбожные*, но теперь он решил поставить: *безжалостные*» (АЧ).

Около 10 июня Толстой писал Черткову: «Статья о войне, вероятно уже вышла, я получил 1-й лист. Но если бы не вышла, то включите и «безбожные»: «безжалостные и безбожные» (АЧ), но исполнить просьбу Толстого Чертков не мог, так как статья была уже отпечатана. Во втором и третьем издании статьи поправка Толстого введена была в текст.

новой, вновь исправлена Толстым, после чего переведена на копировальную бумагу и отослана Черткову. Одновременно на копировальной же бумаге отослана новая редакция разговора Вылежинского с Дибичем взамен прежней редакции: беседа на русском языке заменена была беседой на французском.

Одна вставка сделана была, видимо, по инициативе и по совету В. Г. Черткова. 10 мая он писал Толстому о желательности ввести в статью указание на то, что японцы повинны в грехе войны не менее, чем русские, и что автор об этом не говорит только потому, что условия японской жизни ему менее известны, чем русской. «Хорошо было бы — пишет далее Чертков — при этом указать, что напрасно японцы, гонясь за Западом, заимствуют у него самые скверные и гнилые его стремления и идеалы» (АТБ). И Толстой делает вставку, которая говорит о Японии в духе тех мыслей, которые высказаны были Чертковым («И то же происходит в Японии», до конца абзаца, стр. 141, строка 32 — стр. 142, строка 7).

Когда статья была отослана Черткову, Толстого стали смущать некоторые резкие ее выражения. Полагаясь всецело на суд Черткова, Толстой поручил ему по его собственному усмотрению исключить то, что он найдет в статье лишним или неуместным. В письме Толстого к Черткову от 30 апреля читаем: «Как всегда, даю вам *carte blanche* выключать, что найдете лишним и нехорошим. Я боюсь, что слишком резко, недобро о военных, а между [тем] хочется высказать то мнение, которое имеют и должны иметь о их деятельности вдовые люди» (АЧ). Вслед затем 4 мая ему же Толстой писал: «Сейчас думал о своей последней статье и вспоминал все грубые слова, которые есть в ней и которые могут оскорбить людей, сделать им больно и вызвать в них злое чувство; пожалуйста, выкиньте всё такое, наприм., слова «большой частью пьяные» в последнем прибавлении и мног. др. Пожалуйста, сделайте это, как вы умеете это делать, и не сетуйте на меня, что я всё утруждаю... Так, пожалуйста, сделайте это. Я нынче в таком духе, что особенно живо чувствую свое зло» (АЧ).

Между тем 8 мая Толстым получено было из Порт-Артура от матроса Ефима Савельевича Ивуса письмо, в котором он просил разрешить его сомнение о совместимости войны с христианской религией. В Дневнике того же числа Толстой записал: «Нынче получил письмо от матроса из Порт-Артура. Угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать». В тот же день Толстой написал дополнение к двенадцатой главе, в которое целиком включил письмо матроса, и в тот же день отослал его Черткову, предварив его таким обращением к адресату: «Присылаю вам еще прибавление к статье. Распорядитесь с ним как хотите. Напечатайте в статье или в отдельном письме или вовсе уничтожьте. Вот оно» (АЧ). Далее следует само прибавление (подлинник — на полустике формата почтовой бумаги большого размера и на листке из блокнота; письмо матроса переписано на машинке, остальное рукой Толстого).

После этого Толстым сделана была еще одна, последняя вставка, относящаяся к двенадцатой главе. На отдельном листке из блокнота, отнесенном при помощи условного значка к копии, датированной 28-м апреля, Толстым написан был абзац, начинающийся словами: «Прямо словами я не могу ответить». Вставка переписана была Ю. И. Игумновой

и отослана Черткову. Вставку эту, а следовательно и полное завершение работы над статьей, нужно датировать 20-м мая 1904 г., судя по следующей записи в Дневнике от этого числа: „Кое-что добавил к «Войне»“. В дальнейших записях Дневника уже не встречается упоминаний об этой статье.

Одновременно с работой над статьей шла работа и по отбору эпитафий для первых одиннадцати глав. Большинство эпитафий почерпнуто из книги: Jean Grave, «Guerre-Militarisme. Bibliothèque documentaire des temps nouveaux». Paris, 1902 (подробнее об источниках эпитафий см. в примечаниях к статье). Переводил их на русский язык часто сам Толстой, но в большей части — его сотрудники, после чего Толстой исправлял переведенное.

Эпитафии написаны на полулистах писчей бумаги на четвертушках, на полулистах почтовой бумаги большого и обычного формата, на отдельных полосках бумаги, составляющих часть четвертушки.

Этот материал — на 7 листах, исписанных сплошь рукой Толстого, и на 38 листах, написанных на пишущей машинке, рукой Д. В. Никитина, М. А. Шмидт и Х. Н. Абрикосова — с исправлениями рукой Толстого.

Часть заготовленных эпитафий, как указано было выше, по распоряжению Толстого была выпущена (из книги пророка Иеремии, из «Евангелия» от Матфея, от Луки и некоторые другие). Выпущен был и следующий эпитафия, собственноручно написанный Толстым, переписанный на пишущей машинке и исправленный автором:

— Если бы я был русский царь, я бы сейчас заключил мир на каких-бы то ни было условиях.

— Отказались бы от владения в Корее, от Манчжурии?.. Но от Сахалина, от Амура...

— Не только от Кореи, Манчжурии.

— Вас бы свергли с престола.

— Чтожъ, я бы спокойно и радостно дожилъ свою жизнь частнымъ человѣкомъ и вмѣсто сознанія внутреннего противорѣчія, укоровъ совѣсти, стыда, зналъ бы, что сдѣлалъ то, что мнѣ велитъ Богъ и совѣсть.

— Но, можетъ быть, для того, чтобы васъ свергнуть съ престола, пришлось бы убить васъ?..

— Чтожъ, смерть лучше, чѣмъ сознаніе преступной жизни: я думаю, что у каждаго настоящаго человѣка должны быть такія условія, при которыхъ онъ долженъ предпочесть смерть поступку, противному волѣ Бога. А это былъ бы такой случай.

Изъ разговора.

Готовясь печатать рукопись статьи, В. Г. Чертков обратился прежде всего к Толстому о предложением выделить эпитафии особо и напечатать их не в перемежку с главами статьи, а сразу, все под ряд, в первой части брошюры, сохранив однако приурочение их к отдельным главам. Такое же расположение эпитафий, какое сделано Толстым, по мнению Черткова, обрывает нить авторского рассуждения и препятствует читателю следовать

ва развитием мысли самой статьи (АЧ). Но Толстой предпочитал печатание эпиграфов при каждой главе. 27 апреля он писал Черткову: «Эпиграфы я думаю оставить так, как есть. Я, когда читаю статьи с длинными эпиграфами, пропускаю их, а потом читаю» (АЧ). 13-го мая ему же он снова писал по этому поводу: «На помещение эпиграфов отдельно я не согласен. Мне кажется, это совсем лишает эпиграфов их значения. Жалею, что не согласен с вами, но прибавляю, что если вы сделаете всё-таки по своему, то я не очень огорчусь» (АЧ).

В. Г. Чертков оставил в неприкосновенности сделанное Толстым расположение эпиграфов и первоначально решил печатать статью без всяких отступлений от текста, установленного Толстым. 25 мая н. с. он писал Толстому: «Согласно вашему желанию я внимательно перечел последнюю главу и, кроме указанных выше слов: «большую часть пьяных» и раньше мною вам отмеченного слова «проклятые», я решительно ничего не нашел сколько-нибудь предосудительного с той точки зрения, которая вас беспокоила, и ничего такого, что можно было бы без ущерба выкинуть. Разумеется, вся статья многих возмутит, как большая часть того, что вы теперь пишете. Но этому не поможешь, выпуская отдельные выражения... Так что я ограничился бы выпуском одних только упомянутых двух мест» (АТБ).

Однако при чтении последних корректур Чертков решил исключать кое-что из статьи, что не указано было Толстым. 25 июня н. с. он писал Толстому: «Держа последние корректуры, я нашел необходимым сделать маленькие изменения, и так как было уже слишком поздно списаться с вами, то решился воспользоваться вашим данным мне вообще «carte blanche» в этом отношении, тем более, что главные изменения заключались лишь в небольших выпусках, а не в замене чего либо» (АТБ). Далее указывается шесть мест, измененных сравнительно с оригиналом статьи со ссылками на приложенный к письму сверстаный корректурный оттиск брошюры, вышедший в издании «Свободного слова» и с указанием страниц и строк, подчеркнутых Чертковым карандашом. Экземпляра этого оттиска не сохранилось, но сличение печатного текста статьи с окончательным текстом рукописи, исправленной Толстым, и без того легко помогает установить, какие сокращения сделаны были Чертковым, тем более, что им всюду указываются страницы брошюры.

Отступления статьи от рукописного оригинала, указанные самим Чертковым, сводились к следующему:

1) Эпиграфы к IV главе по ошибке помещены были не в том порядке, какой установлен был Толстым. В рукописи авторы эпиграфов следовали в таком порядке: Рише, Паскаль, Фламмарин, Патрис Ларрок. Во втором и третьем изданиях статьи нарушенный порядок в распределении эпиграфов был восстановлен.

2) В главе VIII исключены следующие два эпиграфа из Оригена:

а) «Тем, которые, не понимая нашей веры, хотят, чтобы мы взяли в руки оружие и убивали людей ради общего дела, мы можем ответить: «ваши жрецы, приставленные к вашим идолам и вашим храмам, блюдут свои руки чистыми, для того чтобы жертвы, которые они приносят вашим богам, совершались бы руками чистыми, не осквер-

ненными кровью и убийством. Какая бы ни началась война, вы никогда не зачислите их в войско. Если этот обычай основан на разуме, то не гораздо ли еще разумнее то, чтобы христиане, когда другие воюют на поле сражения, вели бы войну как служители истинного бога, соблюдая свои руки чистыми от всякого осквернения, воюя своими молитвами за того, чье оружие законно и кто царствует по правде, с тем чтобы исчезло всё то, что противно правому делу».

б) «Когда мы нашими молитвами побеждаем дьяволов, возбуждающих к войне, поощряем народы к нарушению союзов и условий мира, мы гораздо полезнее властителям, чем их воины. Мы истинно участвуем в трудах, имеющих целью общественное благо, когда к нашим молитвам и увещаниям мы присоединяем еще размышления и упражнения, научающие людей освобождению от похотей. Да, мы более всех других воюем за благо императора. Правда, мы не служим под его знаменами и не будем служить, если бы он и заставлял нас, но мы сражаемся за него на поле добродетели».

Кроме того, в эпитафии из Оригена к X главе выпущено его начало:

«На вопрос нашего противника, что случится, если предположить, что римляне приняли бы христианскую веру и, презирая старые законы, которые определяют их обязанности к богам и людям, стали бы поклоняться всевышнему, мы отвечаем, что если двое из нас соединятся в одном желании, то что бы они ни просили у бога, дастся им отцом праведных, который на небесах, так как согласие желаний между существами, одаренными разумом, столь же приятно богу, сколь разногласие их ему ненавистно. Если же римляне, по предположению Цельзия, примут христианскую веру, то они своими молитвами восторжествуют над врагами; или скорее у них не будет врагов, потому что они будут под покровительством божественной власти».

Все эти исключения Чертков мотивировал тем, что изъятые им места, по своему суеверию, производят положительно отталкивающее или соблазнительное впечатление.

3) В V главе абзац «Мы разогнались к пропасти и не можем остановиться и летим в нее» в рукописи стоит на пятом месте, после слов абзаца, кончающегося словами «могущественные орудия истребления». Чертков перенес его ниже, на седьмое место, после абзаца, начинающегося словами: «Неучаствующая в драке собака». Такой перенос Чертков мотивировал логическими соображениями.

4) В XI главе выпущен конец восьмого абзаца:

Видят ли тѣ несчастные, обреченные на гибель тысячи тотъ обманъ, который совершается надъ ними? Еще менѣе. Эти вполне увѣрены, что то, что надъ ними совершается, не есть дѣло злыхъ или заблудшихъ людей, а проявленіе нѣкой стихійной силы, съ которой не можетъ бороться человѣкъ.

Исключение этого места Чертков мотивировал тем, что оно находится в противоречии со сказанным в главе XII, стр. 146, строки 12—18, где речь идет о том, что большинство идущих на войну понимает, что делает дурное дело, повинувшись властям, принуждающим к убийству. Полагая,

что сказанное в XII главе вернее и ближе самому Толстому, чем сказанное в XI, Чертков устранил смутившее его место.

5) В XII главе из второго письма крестьянина — знакомого Толстого (М. П. Новикова) исключено начало второго абзаца письма:

«Вокруг меня две тысячи людей, но у них меньше горя, так как у них есть животный покой, животная радость, не осуждаемая и не греховная для них, так как...»

и конец этого абзаца:

«Вокруг меня толпа людей, но я чувствую себя в ней каким то Каином, которому обычный шум этой толпы так чужд и далек, что я не могу забыть тоски глубокого одиночества, которое свойственно всякому, попавшему на необитаемый остров».

Чертков находил эти строки слишком субъективными, а ощущение одиночества, испытываемого пишущим, по его мнению, происходило от того, что обстоятельства мешали ему открывать овою душу окружающим его. Кроме того, по его взгляду, они находятся в противоречии с тем, что сказано самим Толстым в XII главе, в абзаце начинающемся словами: «Есть истинные герои», стр. 146, строка 6.

6) В той же XII главе, стр. 140, строка 31, слова «несколько тысяч» были заменены словом «множество». Такую замену Чертков мотивировал тем, что по сведениям, имевшимся за границей, потоплено было не несколько тысяч японцев, а несколько сот.

7) Наконец, в книжке в некоторых случаях текст окончательной редакции «Одумайтесь!», как и тексты эпиграфов, воспроизведены не достаточно точно, с ошибками и опечатками.

Свое письмо В. Г. Чертков заканчивает следующими словами: «Надеюсь, что этими изменениями я не превысил того, что должен был сделать. Поступил я очень обдуманно, только в интересах вашей же мысли и о крайнем нежеланием что-либо изменять. Хотелось бы узнать, одобряете ли вы меня?» (АТБ).

В ответ на это Толстой написал Черткову 4 июля: «Получил, дорогой друг, ваше письмо с изменениями в статье и все их одобрил» (АЧ).

Статья вышла в издании «Свободного слова», в Крайстчерче, в Англии, в 1904 г. Редакция к ее заглавию сделала подзаголовок: «Статья по поводу русско-японской войны». В том же году вышло второе популярное издание, предназначенное для народа и солдат, без эпиграфов, и третье, воспроизводящее первое, но устранившее кое-какие его ошибки.

В России «Одумайтесь!» вышло впервые в 1906 г. в издании «Обновление» отдельной брошюрой (конфискована). В 1911 г. статья напечатана в девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого (тоже конфискована).

Кладя в основу печатаемого текста «Одумайтесь!» выверенные и исправленные Толстым копии автографов, самые автографы и вставки и дополнения, послывавшиеся Толстым или от имени Толстого и Черткову в Англию, принимаем все те изменения в тексте статьи, которые сознательно были сделаны Чертковым, как такие, которые Толстым были одобрены.

Примечания.

Большинство эпитафов к статье «Одумайтесь!» в первых шести главах взято из книги * Jean Grave — «Guerre — Militarisme. Bibliothèque documentaire des temps nouveaux». Paris, 1902. ¹ В I главе оттуда взяты эпитаф из Молинали, извлеченный составителем из его книги: «Esquisse de l'organisation politique et économique de la société future» и эпитаф из Мопассана — из «Sur l'eau», во II главе — эпитаф из Вольтера («Micro-mégas»), Анатоля Франса («L'Orme du Mail»), Летурино («L'évolution politique dans les divers races humaines») и Свифта («Voyages de Gulliver»); в III главе — из Альфонса Карра («Sous les Tilleuls»), Клода Тилье («Mon oncle Benjamin»), Эрмана-Шатриана («Histoire d'un conscrit de 1813») и последний из «Questions sur l'Encyclopédie par des amateurs», в IV главе — из Шарля Рише («Les guerres et la paix»), Фламариона («Les terres du ciel»), Патриса Ларрока («De la guerre et des armées permanentes»); в V главе — из Э. Рода («Les sens de la vie») и Гастона Муха («L'Ère sans violence. Revision de traité de Francfort»), в VI главе — из Кетле («Du système social et des lois qui les régissent»), Альфреда де Виньи («Grandes et servitudes militaires»), Консидерана («Les Quatre crédits»), Фридриха II.

Первый эпитаф III главы взят из книги Чаннинга «Discourse of War», второй эпитаф IV главы — из книги* Паскаля «Pensées», Paris, 1850; второй эпитаф V главы — из статьи французского корреспондента Н. Harduin «Choses et Autres», напечатанной в газете «Matin» за 1904 г.; выдержка «из частного письма русской матери» извлечена из письма к Толстому кн. Е. В. Оболенской от 15 марта 1904 г. (хранится в АТБ); первый эпитаф VI главы взят из сочинений Ламена* «Les Evangiles», Paris 1846; второй эпитаф той же главы из книги И. Мадзини «Об обязанностях человека», М. 1902.

В VII главе первый эпитаф извлечен из книги* D. Savage «The passing and the permanent in religion». New York and London, 1901; второй и третий эпитафы из книги* Flugel Morice «The Zend-Avesta and eastern religions Comparative Legislations, doctrines and rites of parcism, brahmanism and buddhism bearing upon Bible, Talmud, Gospel, Koran, their Messiah-Ideals and social problems». Baltimore, 1888; четвертый — из книги Мадзини «Об обязанностях человека»; пятый и шестой — из сочинений Толстого «Что такое религия и в чем сущность ее?»; эпитафы из Канта в этой главе и в следующих — из сборника мыслей Канта, отредактированного Paul Richer и озаглавленного «Assprüche».

В VIII главе первые четыре эпитафа приведены из книжки, изданной «Посредником»: *«Размышления римского императора Марка Аврелия о том, что важно для самого себя» (1-е издание в 1888 г.); шестой эпитаф — из книги *«Из дневника Амиеля», перевод М. Л. Толстой, издание «Посредника», 1894; восьмой — из книги Г. Лихтенберга «Vermischte Schriften», Band. 1—4. Göttingen, 1800—1802.

В IX главе — «Письма крестьянина, отказавшегося от военной службы» — выдержки из * «Писем Петра Васильевича Ольховика,

¹ Книжки, отмеченные звездочкой, имеются в Яснополянской библиотеке.

«крестьянина Харьковской губернии, отказавшегося от воинской службы в 1895 году», изданных «Свободным словом» в Лондоне, в 1897 г. В этих выдержках Толстой сделал кое-какие стилистические исправления. В той же главе выдержка, касающаяся Дрожжина, извлечена Толстым из книги Е. И. Попова * «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина», изданной с послесловием Толстого «Свободным словом» в 1903 г.

В X главе первый эпиграф извлечен из книги * «Les pères de l'église. Origène contre Celse». Tome VIII, Paris, 1843; второй — из книги* Е. Crosby «Plain talk in Psalm and Parable», London, 1889; Эпиграфы из Эпиктета перенесены были сюда из книги* «Мысли мудрых людей на каждый день», М. 1903 (7 июля).

В XI главе эпиграф из Лао-Тзе заимствован из книги* «Lao Tze. Leo-Te-King». Chinese-English. With introduction, translation and notes by Dr. Paul. Carus. Chicago, 1898; эпиграф из Лихтенберга — из книги* «Vermischte Schriften».

Стр. 101, строка 19. Русско-японская война, в связи с которой написана была статья «Одумайтесь!», началась 27 января 1904 г.

Стр. 102, строки 8—9. Толстой имеет в виду первую Гаагскую мирную конференцию, созванную по инициативе России и происходившую о 6/18 мая по 17/29 июля 1899 г.

Стр. 104, строки 28—35. По распоряжению Николая II министр иностранных дел обратился 12/24 августа 1898 г. к представителям держав, аккредитованным при русском правительстве, с нотой, в которой делалось предложение собрать конференцию, для того чтобы найти способы «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья». Толстой в этих строках передает сущность манифеста, объявлявшего о начале военных действий между Россией и Японией.

Стр. 104, строки 37—40. Николай Валерьянович Муравьев (1850—1908), в 1894—1905 г. министр юстиции, статс-секретарь. Федор Федорович Мартенс (1845—1909) — юрист, профессор международного права петербургского университета, автор в свое время популярного курса «Современное международное право цивилизованных народов» (несколько изданий), участник мирной Гаагской конференции 1899 г.

Закрывая заседание международного третейского суда в Гааге по Венецуальскому делу, Муравьев сказал: «Мы начинали наши работы среди всеобщего спокойствия, мы кончаем их при зловещих звуках орудий. Таков беспощадный закон истории или, скорее, таков удел несовершенства условий, в которых заключена человеческая природа, слишком часто задерживаемая препятствиями на своем многотрудном пути к добру и к свету.

Древнее изречение «если хочешь мира — готовься к войне» — еще далеко не потеряло, повидимому, своего сурового смысла и значения. Можно всеми силами стремиться к миру, работать для него ревностно и убежденно, и тем не менее ничто не предохранит от неприятельского вызова, от неожиданного нападения. Можно горячо и искренно желать мира — и быть вынужденным мужественно принять необходимую войну

во имя чести и достоинства отечества» («Новое время» 1904 г., № 10037 от 13 февраля).

В «Новом времени» от 3 марта 1904 г., № 10056, напечатано письмо Ф. Ф. Мартенса из Парижа от 8/21 февр. 1904 г. (одновременно опубликованное в «Figaro»). Письмо вызвано статьей в брюссельском журнале «Independence Belge», в котором одобрялось внезапное открытие Японией военных действий против России без официального объявления войны, как бы принципиально приемлемое всеми компетентными писателями по международному праву, в числе которых называлось и имя проф. Мартенса. Мартенс поясняет свою точку зрения на подобный способ начала военных действий, осуждая в данном случае действия Японии, так как при разрыве дипломатических отношений России и Японии не было никаких положительных фактов, которые бы убеждали в неизбежности враждебных действий.

Стр. 134, строки 15—20. Секта духоборов по мере своего развития и роста испытывала на себе всё большее и большее влияние религиозных и нравственных идей Толстого, в частности в отношении к правительственной власти, к податям и к военной службе, за что последователи ее подвергались многочисленным преследованиям, арестам и ссылкам. В 1898—1899 гг. часть духоборов (около 7¹/₂ тысяч человек), при содействии Толстого, его друзей, квакеров и других лиц, переселились в Канаду.

Назарены — христианская секта, возникшая в 1840-х годах в Венгрии, а затем распространившаяся в других странах, преимущественно в Австрии, Сербии и Болгарии. Будучи своей догматической стороной во многом близкими к христианству, назарены отрицают храмы, иконы, физический пост, праздники и всякую внешнюю обрядность. Отрицая также иерархию и святых, они единственным посредником между богом и человеком считают Христа, который, по учению большинства членов секты, считается богом, по мнению же более свободомыслящего меньшинства — человеком. Назарены — далее — отрицают суд, присягу и отказываются от употребления оружия на военной службе, подвергаясь за это большей частью тяжким репрессиям. О назаренах см. В. Ольховский (В. Д. Бонч-Бруевич). «Назарены в Венгрии и Сербии». К истории сектантства», изд. «Посредника» М. 1905, и И. М. Трегубов, «Назарены. Религиозное движение в Венгрии, Сербии и Болгарии (к истории отказов от военной службы)». Под редакцией и с предисловием К. С. Шохор-Троцкого, 1919.

Гутодьё — французский рабочий, который, будучи призван в 1895 г. на военную службу, отказался от ношения оружия, за что четыре года просидел в тюрьме. Сведения о нем — в редактировавшемся П. И. Бирюковым журнале «Свободная мысль», 1901, № 16, стр. 248—249, и в журнале В. Г. Черткова «Свободное слово», 1901, № 2, столб. 15—16.

Ян Тервей — голландец, христианский анархист, прослужив в 1902 г. четыре месяца солдатом в возрасте девятнадцати лет, когда его убеждения еще окончательно не сложились, он при вторичном призыве на военную службу в декабре 1903 г. отказался от несения ее, за что был посажен в тюрьму. В связи с этим отказом и преследованием Тервея в Голландии образовался комитет, ведший агитацию за освобождение Тервея и за

предоставление свободы совести в вопросе о несении военной службы всем, кто ей по нравственным или религиозным убеждениям противится. В защиту Тервея комитетом был выпущен манифест, а затем несколько брошюр различных авторов. По его делу в голландских газетах и журналах завялась переписка. Сведения о нем и его большое письмо к другу с мотивировкой отказа от военной службы см. в статье П. И. Бирюкова «Ян Тервей в Голландии». — «Свободное слово» 1904, № 11, столб. 4—8. Еще до появления этой статьи в печати о Тервее Толстой узнал, видимо, из писем П. И. Бирюкова или В. Г. Черткова.

Стр. 136, строки 7—24. 31 марта 1904 г. броненосец «Петропавловск» вышел в открытое море, наткнулся на мину и, вворававшись, пошел ко дну. На броненосце погибли адмирал Макаров, художник Верещагин и большая часть команды.

Стр. 136, строки 30—37. Разговор Вылежинского, состоявшего адъютантом Хлопицкого, главнокомандующего восставшими войсками, о фельдмаршале графом Дибичем-Забалканским, командовавшим русскими войсками, передан по воспоминаниям Вылежинского: «Thaddée Wylezinski. Mémoires. Episode de la Révolution de Pologne de 1830—1831, avec une préface de M. Constantin Woënsky» St. Pétersbourg, 1903 (книга эта с пометками Толстого имеется в Яснополянской библиотеке).

Стр. 138, строки 10—11. По словам Е. В. Оболенской (см. третий эпиграф в V главе), это сказано было в «Русских ведомостях». Но в этой газете мы не нашли приведенных слов.

Стр. 138, строки 35—38. «Новое время», 1904, № 1008 от 1 апреля.

Стр. 138, строка 39—стр. 139, строка 4. «Петербургские ведомости», 1904, № 87 от 1 апреля.

Стр. 139, строки 5—8. «Русь», 1904, № 108 от 1 апреля.

Стр. 139, строки 21—24. Евангелие от Луки, XII, 81.

Стр. 140, строки 2—18. Речь идет о поражении русских войск при переходе японцев через р. Ялу в бою 18 апреля 1904 г. В этом бою русские, по официальным данным, потеряли 63 офицера и 2718 солдат и оставили на поле сражения 21 орудие и 8 пулеметов.

Стр. 140, строки 29—33. 14 апреля 1904 г. контр-адмирал Иессен доносил Николаю II о том, что русские миноносцы 12 апреля вворавали три японских парохода, причем с двух пароходов все люди были приняты на русские суда; с третьего же военного транспорта — лишь часть; остальные же, отказавшиеся сдаться и оказавшие вооруженное сопротивление, были потоплены вместе с транспортом.

В связи с этим Толстой 13 мая писал Черткову: «Потоплено много японцев при Генване начальником Владивостокской эскадры адмиралом Иессеном. Да это было во всех газетах. В газетах не было, что он топил пассажирские пароходы. Тат. Андр. Кузминская писала об этом, что в Петербурге многие были возмущены, и что потоплено 16 000 человек, и что Николай II сказал, что это бесчеловечно» (АЧ).

Стр. 140, строка 35—стр. 141, строка 6. Это «воззвание» было напечатано первоначально в кронштадтской газете «Котлин» от 20 апреля 1904 г. и затем перепечатано другими газетами. Броненосец «Ретвизан» был подорван японскими минами в первый же день войны и вышел из строя.

Стр. 141, строка 32—стр. 145, строка 36. Толстой приводит в значительных выдержках письма своего друга и корреспондента, тульского крестьянина Михаила Петровича Новикова, от 27 и 28 апреля 1904 г. (хранятся в АТБ).

Стр. 147, строка 33—стр. 148, строка 12. Приводя письмо матроса Ефима Савельевича Ивуса, находившегося на крейсере «Паллада», Толстой воспроизводит, хотя и не вполне точно, орфографию подлинника. Письмо хранится в АТБ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ В. Г. ЧЕРТКОВА «О РЕВОЛЮЦИИ».

В конце 1902 г. В. Г. Чертков взялся за писание статьи «О революции», о чем сообщил Толстому.

11 января 1903 г. Толстой писал Черткову: «Интересуюсь прочесть вашу статью о революции. Я думал об этом. Совпали ли наши взгляды?» (АЧ). Вскоре Толстой сам задумал по совету Черткова написать обращение к революционерам, о чем он и писал Черткову в письме от 22 марта 1903 г. (АЧ) и что он выполнил частично в том же году, написав статью «К политическим деятелям». Через несколько дней после этого он получил чертковскую статью и в письме к автору от 29 марта 1903 г. предложил сделать в ней ряд поправок и сокращений. «Посвятил два дня, т. е. рабочее время, на чтение и обдумывание вашей статьи — писал Толстой. — Кое-что изменил, исключил, в одном месте поставил 5. Статья чрезвычайно важная по содержанию и заключающая много нужного, добра, и потому занимался ею с радостью, сознанием важности дела» (АЧ). Советы Толстого сводятся главным образом к тому, чтобы сжать, сократить отдельные главы, выбросив из них всё не идущее прямо к делу, а также к тому, чтобы смягчить все резкие выражения как против правительства, так и против революционеров, и в то же время смягчить похвалы революционерам за их самоотверженность. Письмо заканчивается обещанием написать к статье предисловие и следующей припиской: «Не сердитесь на меня за то, что я так смело поправил не только язык, но кое-где и мысли. Вы примите то, что годится, и отбросьте негодящее» (АЧ). (Точно установить характер и количество исправлений в статье, сделанных Толстым, нет возможности, так как рукопись статьи с этими поправками не сохранилась.)

Статья Черткова под заглавием «Насильственная революция или христианское освобождение?» первоначально была напечатана в журнале «Свободное слово», 1903, №№ 5, 6, 7, 8, и 1904 г., №№ 9, 10, со всеми теми поправками, какие сделаны были в ней Толстым. 14 мая н. с. Чертков писал Толстому, отправляя ему отписки своей статьи и сообщая о том, что он задерживает их брошюровку до получения окончательного согласия от него на писание предисловия: «Лично я потому был бы особенно счастлив вашему предисловию в этом случае, что статья эта для меня так

тесно с вами связана, благодаря вашим милым, столь внимательным поправкам и указаниям, которыми я всеми воспользовался при этой окончательной обработке» (АЧ).

Навстречу этому письму Толстым отправлено было письмо от 13 мая, в котором он обещал написать краткое предисловие к статье (АЧ).

За работу над Предисловием Толстой взялся во второй половине мая 1904 г. 20 мая он записывает в Дневнике: «Последние дни писал предисловие к статье Черткова», а на следующий день, 21 мая, там же отмечает: «Отослал предисловие».

Все рукописи, относящиеся к Предисловию, хранятся в ГТМ (АЧ, папка 79).

Автограф первой редакции предисловия на 3 листах почтовой бумаги большого формата, исписанных с обеих сторон и нумерованных рукой Толстого по страницам (1—6). *Начало*: «Il n'y a pas de pire sourds, que ceux, qui ne veulent pas entendre. *Конец*: «не содѣйствуетъ прогрессу общества, но задерживаетъ его». Текст его отличается от окончательного текста статьи в первой редакции, главным образом, стилистическими разночтениями и большей сжатостью. Из более или менее существенных вариантов нужно привести лишь следующий, относящийся к концу статьи:

И потому всякое такое дѣйствіе, при которомъ насиліе замѣняется убѣжденіемъ, какъ, напримѣръ, замѣна наемной работы артельной, признаніе земли общимъ достояніемъ, а не предметомъ частной собственности, разъясненіе вреда таможенъ и — главное — войскъ для защиты народовъ, развѣнчиваніе патріотизма и ложныхъ религіозныхъ вѣрованій и т. п., главное же — своя личная добрая жизнь — все это будетъ содѣйствовать истинному прогрессу человѣчества; дѣятельность же, подобная правительственной или революціонной, посредствомъ насилія замѣняющая одну форму общественной жизни, замѣняя ее другой, будетъ не только не содѣйствовать прогрессу, но удалять людей отъ достиженія той цѣли улучшенія общественной жизни, къ которой они всегда безсознательно стремятся.

С автографа снята была на пишущей машинке копия на 6 листах в 4°. В нее рукой Толстого было внесено много стилистических преимущественно поправок и дополнений, частью сокращений. На оборотной чистой странице и на полулисте почтовой бумаги рукой Толстого написана большая вставка, относящаяся к концу предисловия:

Революціонеры скажутъ: мы это самое и дѣлаемъ: мы боремся съ капитализмомъ, съ частной собственностью, съ таможенями, съ невѣжествомъ, съ милитаризмомъ, мы просвѣщаемъ народъ, распространяемъ среди него истины экономической науки, стараемся воспитать въ немъ солидарность и т. п.

Но тутъ большое недоразумѣніе: служить единенію людей можно только посредствомъ уясненія ихъ сознанія. Для уясненія же общаго сознанія нужно прежде всего уясненіе своего сознанія: опредѣленіе своего мѣста и назначенія въ жизни, для чего нужна только напряженная внутренняя работа надъ

собою и надъ вопросами общими и важными для всѣхъ людей. Сдѣйствуетъ уясненію сознанія людей только новая, болѣе ясная, чѣмъ была прежде, выраженная мысль, и поданный примѣръ жизни, а никакъ не печатаніе и механическое распространіе (вродѣ того, какъ члены библейскаго общества поступаютъ съ священнымъ писаніемъ) книжекъ, брошюръ или проивнесеніемъ рѣчей съ изложеніемъ давно всѣмъ извѣстныхъ истинъ.

Мысль, болѣе ясно выраженная, чѣмъ она была прежде, и мысль, нужная людямъ, найдетъ себѣ всегда путь и сообщится людямъ, еще сильнѣе и неустойчивѣе сообщится людямъ и воздѣйствуетъ на нихъ примѣръ доброй жизни, и никакія силы не удержатъ этаго воздѣйствія. Заботиться же о распространѣніи модныхъ чужихъ мыслей, которыя намъ кажутся очень важными и завтра забываются, совершенно излишне. Если въ нихъ есть нужное людямъ, они найдутъ ходъ къ нимъ и будутъ усвоены ими.

Такъ что заводить тайныя типографіи, печатать, распространять, перевозить съ опасностью жизни черезъ границу ящики съ брошюрами и воззваніями, не говорящими ничего новаго людямъ, есть занятіе самое праздное и могущее быть объяснено только спортомъ.

Вслед за этимъ шла работа надъ отделкой статьи и ее исправленіемъ. Материалъ, относящійся къ этой работѣ, — на трехъ полулистахъ почтовой бумаги, исписанныхъ с одной стороны рукой Толстого, на двухъ согнутыхъ пополамъ полулистахъ писчей бумаги, десяти четвертушкахъ и тринадцати полосахъ, вырезанныхъ изъ четвертушекъ. Всѣ, кроме полулистовъ почтовой бумаги, написано на пишущей машинкѣ и исправлено рукой Толстого. Исправленія болѣею частью преследовали цели уточненія мысли и смягченія в рядѣ случаевъ недоброжелательнаго тона в отношеніи революціонеровъ. Такъ, в словахъ «играли своею жизнью», относящихся къ Халтурину, Рысакову и Михайлову, слово «играли» было исправлено на «жертвовали». Далѣе зачеркнуты слѣдующіе слова, относящіеся къ этимъ же революціонерамъ, о которыхъ сказано, что имъ нельзя не сочувствовать:

Хотя сочувствіе это ослабляется и даже иногда совсѣмъ уничтожается тѣмъ, что люди эти губили крестьянъ и рабочихъ, подговаривая ихъ къ участію въ своей дѣятельности, другіе же прямо совершали убійства.

Зачеркнуто также слѣдующее место:

Какъ Жерара, такъ и революціонеровъ, руководило не стремленіе къ достиженію опредѣленной полезной дѣятельности, а спортъ.

Изъ всехъ переписанныхъ и исправленныхъ четвертушекъ и частей ихъ после этого были отобраны такіе, которые образовали связанный текстъ Предисловія и, будучи перенумерованы рукой Толстого цифрами отъ 1 до 14, образовали цельную рукопись, подписанную собственноручно Толстымъ и имъ же датированную 19-мъ мая 1904 г. (четвертушка или часть ее, которая в этой рукописи должна была быть помечена цифрой 11, утеряна).

После этого рукопись, до отсылки ее Черткову, будучи еще раз переписана (6 листов копировальной тонкой бумаги большого почтового формата, написанных на пишущей машинке), подверглась новому исправлению, преимущественно стилистическому. На ней дата 20 мая 1904 г. и собственноручная подпись Толстого. (Текст ее, представляющий собой первую, затем забракованную Толстым редакцию Предисловия, вместе с позднейшей вставкой, печатаем в вариантах.)

Ознакомившись с Предисловием, Чертков 9 июня н. с. написал Толстому письмо, в котором предлагал сделать в Предисловии несколько изменений, главным образом таких, которые устранили бы «элемент некоторой несправедливости или преувеличения» по отношению к революционерам. Изменения предлагались следующие.

1) В седьмом абзаце, после слов «Халтуринных, Рысаковых, Михайловых и других», стр. 394, строки 22—23, исключить следующую фразу, как производящую ненужно обидное впечатление: «но нельзя не видеть, что главный двигатель дѣятельности этихъ людей былъ тотъ же, какъ и тотъ, который руководилъ Жераромъ». 2) В том же абзаце, стр. 394, строка 30, слова «не могли и не могутъ не видетьъ» заменить словами «должны были бы видетьъ», так как многие революционеры, по словам Черткова, действительно верят, что мы накануне революции. 3) В том же абзаце, стр. 394, строка 32, слова «главный двигатель» заменить словами «одним из главных двигателей», так как у революционеров есть и другие двигатели, не уступающие по силе, например, ненависть. 4) В том же абзаце, стр. 439, строки 32—33, исключить слова «не достиженіе извѣстной цѣли, а», так как именно стремление достигнуть известныхъ внешнихъ изменений и составляет одну из главных ошибок революционеров, как и других общественных деятелей. 5) В девятом абзаце, стр. 394, строка 44, слова «революціонная дѣятельность есть спортъ» заменить словами: «в революціонной дѣятельности есть большая доля спорта», так как это ближе к истине. 6) В десятом абзаце, стр. 395, строки 12—13, исключить слова «это только отговорка или предлогъ», так как этими словами подчеркивается неблагоприятность побуждения, которая свойственна не всем революционерам. 7) Наконец, в предпоследнем абзаце исключить слова «и если хочешь заниматься имъ, то можно избрать крикетъ, греблю, теннисъ, скачки, псовую охоту и т. п.», стр. 396, строки 44—45, так как эти слова производят впечатление недоброй иронии или глумления.

Кроме того, Чертков предлагал сделать еще два чисто внешних изменения в тексте Предисловия (АЧ).

В ответ на эти предложения Толстой в письме к Черткову, написанном около 10 июня, писал о том, что с поправками второй, третьей, четвертой и шестой он согласен, первой и седьмой ему «жалко», с пятой — «не совсем согласен». Впрочем, он тут же добавил: «Но делайте как знаете, вполне поручаю вам. Вам виднее» (АЧ).

Между тем ревность тона, допущенная Толстым в отношении революционеров в некоторых местах Предисловия стала «муцать» его самого, особенно после того, как он получил несколько возмущенных писем по поводу статьи «Одумайтесь!» В письме к Черткову от 1 июля он пишет, что чувствует себя виноватым в том, что поддался в статье «Одумайтесь!» чувству

негодования и добавляет: «Чувствую себя также виноватым за предисловие к революционерам. Если вы еще не напечатали его, *не печатайте*. Слишком больно перед смертью вызывать злобу людей... Во всяком случае хотелось бы к предисловию добавить следующее... (следует два абзаца, начинающиеся словами: «Я не говорю о побудительных причинах революционной деятельности»; см. стр. 393, строки 22—31). Так вот или совсем уничтожьте мое предисловие, или включите это в надлежащее место» (АЧ). Через два дня, 3 июля, Толстой послал Черткову телеграмму (АЧ) с просьбой приостановить печатание Предисловия, которое ко времени получения телеграммы было уже набрано со всеми теми изменениями, которые были предложены Чертковым (гранки в ГТМ).

В тот же день Толстой писал Черткову: «Не брался еще за предисловие — ничего не могу сделать, но хочется написать не так скверно, как то, и надеюсь это сделать» (АЧ).

7 июля он записывает в Дневник: «Переделал предисловие»; 12 июля там же записано: «Передельвал предисловие. Кажется, порядочно о свободе»; 17 июля: «Кое что думаю и немного работаю предисловие»; 21 июля: «Всё понемногу поправлял предисловие, а нынче кончил»; и, наконец, 22 июля: «Кончил предисловие».

Материал, относящийся ко второй редакции предисловия, занимает 4 полулиста и одну четвертушку почтовой бумаги (автографы), 6 писчих полулистов, согнутых пополам, 40 четвертушек, цельных и склеенных, и 28 целос, вырезанных из четвертушек (копи на пишущей машинке, исправленные и дополненные рукой Толстого). Отдельные места статьи исправлялись и передельвались Толстым иногда до 6—7 раз. Во всем этом материале вариантов и разночтений, представляющих интерес, немного. Отметим наиболее существенные.

Первоначально в первом абзаце удержана была из первой редакции фраза:

(И прочтя вашу статью, я невольно подумалъ про нихъ и пожалѣлъ, что ихъ такъ много.

И далее следовало:

Пожалѣлъ въ особенности потому, что среди людей, занятыхъ той революціонной дѣятельностью, о которой вы пишете, есть прекрасныя, самоотверженныя натуры, не только даромъ растрачивающія свои силы и достигающія часто обратныхъ тѣмъ, къ которымъ стремятся, результатовъ, но и теряющія въ той ложной дѣятельности, которой они отдаются, тѣ высокія свойства души, которыя могли бы принести благіе результаты, если бы были хорошо направлены.

В четвертом абзаце первоначально было написано:

Средства эти самыя разнообразныя: и деньги, и пресса, и церковь, и воспитаніе, и всѣ орудія техники, и, главное, дисциплинированное войско. И твердость правительствъ и всегда была большая, теперь ужъ совершенно непобѣдима.

Абзац, в окончательной редакции начинающийся словами «Но не будет ли такой отказ от внешней деятельности», стр. 153, строка 22, первоначально читался так:

Существует распространяемое революционными руководителями мнѣніе, что такая дѣятельность только поощряетъ насиліе, увеличиваетъ его и не требуетъ отъ тѣхъ, которые избираютъ ее, той энергіи, тѣхъ жертвъ и того мужества, которыхъ требуетъ революціонная дѣятельность.

Следующій затемъ абзацъ кончался вначалѣ такими словами:

И революціонная дѣятельность покажется игрушкой и роскошной свободной жизнью въ сравненіи съ такою дѣятельностью.

Третій с конца абзацъ первоначально читался такъ:

Если бы только люди, желающіе служить народу, исполнили хотя согую часть этихъ требованій, но на исполненіе ихъ положили бы ту энергію, которую они клали и кладутъ на праздную и вредную революціонную дѣятельность, какъ незамѣтно, но навѣрно давно уже растаяли бы, какъ снѣгъ на солнцѣ, всѣ эти дикія силы, которыя теперь давятъ народъ и, только измѣняя внѣшнія формы, все больше и больше усиливаются благодаря революціонной дѣятельности.

Переработка предисловія шла у Толстого большей частью в направленіи смягченія отдельных резких и обидныхъ местъ и выраженій. С этой целью устранены были прежде всего те места, в которыхъ очень настойчиво революціонная дѣятельность сравнивалась со спортомъ и охотой на зверей. Очень явственно этотъ процессъ устраненія всего того, что носило резкій отавъ о революціонной дѣятельности, сказывается в томъ, какъ постепенно перерабатывался четвертый отъ конца абзацъ («Я очень желалъ бы, чтобы статья ваша приобрела...»). Сначала зачеркиваются строки, в которыхъ темъ, кто равнодушенъ къ спорту, рекомендуется заняться вместо революціонной дѣятельности крокетомъ, греблей и т. д., и вместо этихъ обидныхъ и ироническихъ строкъ пишутся другіе:

и поняли бы, что революціонная дѣятельность есть занятіе и праздное и безнравственное и что дѣль, къ которой они стремятся — тѣ, которые искренно стремятся къ общему благу, — достигается гораздо проще и вѣрнѣе менѣ шумнымъ, но болѣе нравственнымъ средствомъ — мужественной, безкомпромиссной нравственной жизнью.

В следующей переработке этого абзаца фраза «поняли бы, что революціонная дѣятельность есть занятіе праздное и безнравственное» заменяется фразой: «поняли бы, что революціонная дѣятельность не достигаетъ той дѣли, къ которой они стремятся», — и т. д., вплоть до установленія окончательной редакціи абзаца.

Изъ указаннаго матеріала второй редакціи предисловія были отобраны полулисты, четвертушки и части ихъ с наиболее поздними поправками рукой Толстого, и после того какъ части четвертушекъ были склеены, получился связанный текстъ предисловія второй редакціи на 15 нумерованныхъ четвертушкахъ, исписанныхъ с одной стороны на пишущей машинкѣ. В концѣ рукописи собственноручная подпись Толстого и имъ же проставленная дата — 22 іюля 1904 г.

С этой рукописи была снята копія на пишущей машинкѣ, на 9 листахъ тонкой копировальной бумаги большаго почтового формата, и, будучи

в двух местах слегка исправлена рукой Толстого, отправлена Черткову в Англию для напечатания. Подпись и дата на рукописи — «Лев Толстой. 22 июля 1904 г. Ясная Поляна» — на пишущей машинке.

Копия эта сделана небрежно. Помимо описок, в нее вкралась два пропуска, как и описки, незамеченные и неисправленные Толстым (в седьмом от начала абзаце, стр. 150, строка 21, пропущены слова «рискуя свободой и часто живнью», в шестом от конца, стр. 154, строка 6, — слова «самые отчаянные»).

Впервые Предисловие Толстого к статье Черткова появилось в отдельном издании этой статьи, озаглавленной «О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? (Обращение к верующим в бога русским людям)». Статья появилась сначала в виде приложения к № 12 «Свободного слова» за 1904 г., ватем самостоятельно в издании «Свободного слова», № 89, Christchurch, 1904.

В основу издания положена была упомянутая последняя копия, в которой издатель исправил явные опечатки, увеличил количество абзацев и в двух местах сделал поправки: в двенадцатом абзаце, вслед за словом «признается», стр. 150, строка 27, прибавил слова «за некоторыми людьми» и в шестом от конца, вслед за словами «чем самые», стр. 154, строка 6, слово «наилучшие» заменил словом «успешно».

20 сентября Толстой писал Черткову, имея в виду свое Предисловие: «Изменения ваши, как всегда, не только одобрил, но пожалел, что не сделал сам» (АЧ).

В 1907 г. статья В. Г. Черткова отдельной брошюрой была издана и в России под заглавием «Наша революция» и с прежним подзаголовком. Предисловие Толстого напечатано в ней без изменения, но в качестве послесловия.

Включая Предисловие впервые в собрание сочинений Толстого, печатаем его по последней, исправленной Толстым копии и по предшествующим копиям и автографам, принимая две указанные поправки Черткова, как одобренные Толстым.

«ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ».

В связи с возникшей с середины 1904 г. агитацией земств в пользу ограничения самодержавия и введения в России представительного образа правления, в ноябре 1904 г. Толстой получил от филаделфийской газеты «North American Newspaper» телеграмму следующего содержания: «Очень оценили бы подробный ответ на сто или более слов, объясняющий значение, цель и вероятные последствия земской агитации. Американцы глубоко заинтересованы. Северо-американская газета». 18 ноября Толстой ответил телеграммой на английском языке, текст которой в переводе автора приводится в самом начале статьи. Содержание этой телеграммы было приведено в № 331 «Московских ведомостей» от 30 ноября 1904 г. и по поводу нее было написано несколько полемических статей в русских газетах и ряд укоризненных писем, адресованных Толстому. Иностранные же газеты продолжали направлять ему запросы по поводу происходящих в России событий. В ответ на все эти статьи, письма и запросы Толстой и написал статью «Об общественном движении в России». В связи с ней в Дневнике читаем следующую запись от 20 января 1905 г.: «Долго не писал. Всё это время... только и делал, что написал записку о моей телеграмме о событиях. Всё это мало интересует меня». Автограф статьи датирован 13 января 1905 г. 22 января она была послана Черткову в Англию для напечатания, а 24 января было еще послано дополнение к ней. Таким образом работа над статьей происходила в промежутке между 13 и 24 января 1905 г.

К статье относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ. папка 79), и в АТБ (папка XXXIV, рукопись, описанная под № 13).

1* Автограф. 3 полулиста почтовой бумаги, один лист почтовой бумаги, четвертушка писчего листа, согнутая пополам, и две восьмушки писчего листа — всего 18 нумерованных рукой Толстого страниц, сплошь исписанных. Заглавия нет. *Начало:* «Каждый день получаю письма с упреками за мою телеграмму в Америку». *Конец:* «которые переживут 10 поколений, составляя их радость и гордость». И затем подпись и дата 13 января. Текст автографа значительно отличается от окончательной редакции статьи. Вслед за абзацем, начинающимся словами: «Не только русское, но всякое правительство», стр. 157, строка 12, следует вариант, который печатаем отдельно под № 1. Вслед за абзацем, кончающимся

словами: «отходит на задний план», стр. 159, строка 20, следует вариант, которым заканчивается статья в автографе и который печатаем также отдельно под № 2.

2. Рукопись на 11 четвертушках писчей бумаги, отрезанных от четвертушки, и на одном полулисте писчей бумаги, согнутом пополам, с отрезанной верхней половиной первой страницы. Первые 9 четвертушек написаны рукой П. А. Буланже, вторые 2 четвертушки, склеенные из нескольких частей, и 2 полосы бумаги — на пишущей машинке. Всё это представляет собой копию автографа, в которой одна четвертушка утрачена. Копия сильно исправлена Толстым. Целые страницы и ряды строк зачеркнуты, и вместо зачеркнутого написан новый текст. 2 полосы отрезаны от четвертушек и вместо них вклеены новые полосы с исправленным текстом. На полулисте рукой Толстого написано продолжение статьи («И потому первое и главное... т. е. человекъ религиозно-нравственный»). Всё написано с одной стороны. Все исправления и дополнения, сделанные Толстым в копии, большую часть приближают текст ее к тексту окончательной редакции статьи. Абзац, где речь идет о приверженности народа самодержавию, от которого он ждет благоприятного разрешения земельного вопроса, Толстым изменен так:

О представительствѣ, требованія котораго съ такой увѣренностью выставляють либералы и революціонеры, народъ если и имѣетъ какое либо мнѣніе, то совершенно противоположное тому, которое выражаютъ за него его самозванные представители. Народъ въ своей большой массѣ стоитъ за самодержавіе: Онъ стоитъ за него и потому, что онъ обмануть, и по инерціи, и по суевѣрному предвзвѣщенію о томъ, что только черезъ самодержавіе онъ можетъ достигнуть своего одного главнаго желанія — общности земли. По его понятіямъ только тотъ самодержавный царь, который могъ разбить крѣпостное рабство, можетъ и отнять землю у господъ и отдать мужикамъ. Очень можетъ быть, что онъ ошибается (я думаю, что онъ ошибается), но такова его очень опредѣленная программа.

3. Рукопись на 2 согнутых пополам полулистах писчей бумаги, 12 четвертушках, частью склеенных из нескольких частей, и 3 полосах бумаги, отрезанных от четвертушек. Всё написано на пишущей машинке с одной стороны и исправлено и дополнено рукой Толстого. Дополнения, кроме того, сделаны им на полулисте почтовой бумаги и на обложке рукописи. Данная рукопись представляет собой исправленную автором копию предыдущей рукописи. Отдельные четвертушки и части их переписаны и исправлены несколько раз. В рукописи недостает, по крайней мере, одной четвертушки. Многочисленные исправления, сделанные Толстым, так же как и перестановки абзацев, приближают еще более текст рукописи к окончательному тексту статьи. В самом конце приписан следующий абзац, затем исключенный:

И потому, что бы не происходило въ жизни людей: мир или война, спокойное теченіе жизни или смута, человеку разумному предстоитъ всегда одна высшая передъ всѣми другими обязанность: исполнять законъ, волю Бога, состоящій

въ уничтоженіи раздора и злобы и увеличеніи согласія и любви Производить же это можетъ человѣкъ только въ себѣ, и потому на себя и должны быть направлены все усилія каждаго человѣка. «Да вѣдь казнятъ, ссылають, запрещаютъ говорить, убиваютъ беззащитныхъ людей на улицахъ, гонятъ на бойню на Дальней востокъ всю молодую силу Россіи», говорятъ на это. «Ты видишь все зло Россіи, возмущаешься имъ, такъ тѣмъ болѣе тебѣ надо сдѣлать усилія надъ собою, чтобы не дѣлать того, что такъ возмущаетъ тебя. Чѣмъ больше зла вокругъ тебя, тѣмъ больше должно быть твое усиліе не дѣлать его. Только въ этомъ ты найдешь успокоеніе и только такую дѣятельностью ты достигнешь уничтоженія того, что возмущаетъ тебя.

Вслед за этимъ подпись и дата — 16 января 1905 г.

4. Рукопись на 4 согнутыхъ пополамъ полулистахъ писчей бумаги, 13 четвертушкахъ и 13 полосахъ бумаги, отрезанныхъ отъ четвертушекъ. Некоторые полулисты и четвертушки составились изъ отдельныхъ, слѣженныхъ другъ о другомъ частей. Все переписано на пишущей машинкѣ на одной сторонѣ листа и исправлено и дополнено рукой Толстого. Данная рукопись — исправленная авторомъ копія предыдущей, причемъ отдельные четвертушки и части ихъ переписывались и исправлялись несколько разъ. Исправления и дополнения, сделанные Толстымъ въ рукописи, — новый этапъ на пути къ окончательной редакціи статьи. Въ абзацѣ объ отношеніи народа къ самодержавію, приведенномъ при описаніи рукописи № 2, зачеркнуты слова «и потому что онъ обмануть», «по его понятіямъ» и «я думаю, что онъ ошибается»; вместо «по суевѣрному представленію о томъ» написано: «по вѣрѣ въ то». Къ статьѣ добавленъ текстъ неподписаннаго письма и заключеніе, после котораго — собственноручная подпись и дата — 20 января 1905 г.

5. Рукопись на 17 нумерованныхъ листахъ в 4°, исписанныхъ съ одной стороны на пишущей машинкѣ и исправленныхъ рукой Толстого. Копія предыдущей рукописи. Исправления сделаны въ направленіи къ тексту окончательной редакціи. Въ концѣ статьи на пишущей машинкѣ подпись и дата 20 января 1905 г.

6. Автографъ на 1 листѣ в 4°. На одной страницѣ, сильно исчернанной, — начало (первый абзацъ) вставки, о которой Толстой писалъ Черткову въ письмѣ отъ 24 января 1905 г. *Начало:* «Поверхностно судящіе, легкомысленные люди». *Конецъ:* «то не было бы того, что такъ возмущаетъ общество». На другой страницѣ отрывокъ текста, не попавшій въ статью. *Начало:* «И потому совершающіеся теперь въ Россіи событія». *Конецъ:* «губительно существованіе всякаго правительства и».

7. Автографъ на 2 листахъ почтовой бумаги большого формата и на четвертушкѣ писчего листа, исписанныхъ съ обеихъ сторонъ. Первая до конца написанная черновая редакція вставки, о которой Толстой писалъ Черткову въ письмѣ отъ 24 января. *Начало:* «Поверхностно судящіе легкомысленные люди». *Конецъ:* «а в томъ, чтобы избавиться отъ него, уничтожить его». Следующіе затѣмъ несколько строкъ зачеркнуты. Текстъ автографа соответствуетъ той части статьи, которая начинается теми же словами, что и автографъ, и оканчивается словами: «а в томъ, чтобы избавиться отъ

всякого правительства, уничтожить его», стр. 161, строка 18 — стр. 163, строка 22.

8. Рукопись на 7 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Нумерация — по листам. Первый лист из этой рукописи перенесен в следующую. Эта рукопись — исправленная автором копия автографа вставки, описанной под № 7.

9. Рукопись в 4° на 1 четвертушке и 5 согнутых пополам полулистах писчей бумаги, исписанных рукой Ю. И. Игумновой и исправленных Толстым. Нумерация по четвертушке и полулистам (1—6). За исключением четвертушки, перенесенной сюда из предшествующей рукописи, всё остальное — исправленная автором копия рукописи, описанной под № 8. Вверху первой страницы рукой переписчицы написано «К странице 8-й».

10. Рукопись на 1 листе тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, исписанного с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой с поправками рукой Толстого. Лист обозначен цифрой 3. *Начало*: «Бѣдствіе это ужасно». *Конец*: «въ данную минуту считаютъ закономъ». Копия листа предшествующей рукописи, также обозначенного цифрой 3 и сильно исправленного Толстым. Текст рукописи, описанной под № 9, вместе с текстом рукописи, описанной под № 10, заменившим собой часть рукописи № 9, соответствует части печатного текста от слов: «Поверхностно судящие, легкомысленные люди», стр. 161, строка 18, кончая словами: «избавиться от всякого правительства, уничтожить его», стр. 163, строка 22. В рукописном тексте лишь недостает абзаца, начинающегося словами «Отношение, положение и настроение русских людей», стр. 163, строка 12.

11. Автограф на 1 листе почтовой бумаги. Исписано лишь начало страницы:

Но мало того, что правительства, т. е. власть однихъ праздныхъ людей управлять всѣми рабочими людьми народа, располагая ихъ трудами и жизнями, губительна для народовъ; власть эта, когда то, можетъ быть, на что-нибудь нужная народу, теперь стала совершенно бесполезной.

Над этим текстом рукой Ю. И. Игумновой написано: «К странице 8-й». Очевидно, это та маленькая вставка, о которой Толстой в «post-scriptum'e» к письму к Черткову от 24 января пишет, что он решил ее выкинуть (см. ниже).

12. Рукопись на полосе тонкой копировальной бумаги, вырезанной из листа большого почтового формата, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. *Начало*: «Теперешнее насильническое правительство». *Конец*: «сложится такое же, столь же насильническое правительство». Текст соответствует одному абзацу статьи, стр. 158, строки 22—31) и представляет собой, видимо, уцелевшую незначительную часть копии с рукописи, описанной под № 5.

13. Рукопись на 14 листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанных с одной стороны на пишущей машинке, с поправками рукой Ю. И. Игумновой. В конце рукописи дата 20 января 1905 г. Очевидно, Игумнова в этот экземпляр копии внесла те поправки,

которые сделаны были Толстым в другом экземпляре той же копии, от которого сохранилась лишь одна полоса, описанная под № 12. Далее от 8-й страницы рукописи отрезана нижняя часть текста, начиная от слов «Так что мнение мое о совершающихся теперь в России событиях такое, и вслед за словами «либералы отдаются этому губительному заблуждению» идет текст — «Поверхностно судящие люди... избавиться от всякого правительства, уничтожить его». Страницы, содержащие этот текст, обозначены цифрами 9, 10 и 11. К 11-й странице приклеена отрезанная часть страницы 8-й, и нумерация дальнейших страниц переделана: цифры 9, 10, 11 исправлены на 12, 13, 14.

Таким образом после того как текст основных 11-ти страниц без вставки в идентичной рукописи был отправлен Черткову в Англию, была окончательно отредактирована вставка, один экземпляр которой был отправлен Черткову, а другой приложен к данной рукописи.

22 января, отвечая Черткову на его письмо и отзываясь о заметке, которая написана была Чертковым в дополнение к его статье «О революции» перед напечатанием ее в России, Толстой писал: «Нынче я думаю, что совсем окончил эту заметку, и завтра она переписется и отошлется вам. Хорошо, что, или скорее дурно, что я писал ее прежде получения вашей статьи, а то бы я и вовсе не писал ее, так как в ней сказано то самое, что в вашей статье.

Как всегда, делайте с этой заметкой что и как хотите. Я писал ее, имея в виду и личные (интервьюеров) и письменные и телеграфические запросы от английских, французских, американских газет.

Нехорошо в моей заметке то, что я не могу победить в себе недоброжелательства к тем либералам и революционерам, которые, руководимые ребяческим легкомысленным и тщеславным задором, губят и жизни и духовные силы людей, увлекая их в нелепые, бессмысленные затеи».

В приписке к этому письму Толстой написал: «Посылаю вам свою заметку и возвращаю вашу. С моей, как вам писал, делайте что хотите. Мне неприятно было ее писать, потому что в ней много недосказанного, того, что я начал писать в большой статье об этом предмете. И теперь, отправляя ее, мне кажется, что она слаба, и лучше вовсе не печатать ее. Если вы согласны с этим, так и делайте. Если же будете печатать, то печатайте как есть. Не возвращайте меня к ней. Времени мало, а так хотелось бы много еще сказать и, как мне кажется, более важное» (АЧ).

24 января Толстой писал Черткову: «Посылаю вам, дорогой друг, небольшое добавление к стр. 8-й и вставку в той же странице на 6-й линейке снизу. Маленькую вставку решил выкинуть» (АЧ). Вставка на 6-й линейке снизу — это, очевидно, абзац, начинающийся словами: «Отношение, положение и настроение русских людей» и кончающийся словами: «(фарисей и мытарь)», стр. 163, строка 16, напечатанный в издании Черткова, но не находящий себе соответствия ни в одной из рукописей. О «маленькой вставке» сказано было выше при описании рукописи № 11.

18 февраля Толстой писал Черткову: «Сейчас перечел свою заметку об американской телеграмме и думаю, что несколько линеек о представительстве, начинающиеся со слов: «О представительстве же...» и до слов:

«И потому либеральные и революционные...» лучше выпустить. Сделайте это, пожалуйста, если есть время» (АЧ).

Абзац этот, исключенный по желанию Толстого, в его окончательной редакции (по рукописи, описанной под № 13), печатаем в вариантах (№ 3).

Получив рукопись статьи и вслед затем вставки к ней, Чертков в письме к Толстому от 10 февраля н. с., сочувственно отзываясь о статье, советовал ему исключить слова «и народ для них недобросовестное знамя», стр. 159, строка 24, переделать абзац, который Толстой в письме от 18 февраля просил Черткова совершенно исключить, и затем внести несколько изменений частью стилистического характера, частью смыслового. Письмо заканчивается следующими словами: «Пожалуйста, ответьте бевотлагательно. Если не получу своевременно вашего ответа, то приму эти изменения на свой риск. Но меня очень успокоило бы ваше согласие» (АЧ).

Но Толстой ничего не ответил по поводу этих предложений Черткова. Была, следовательно, дана лишь санкция на изменение абзаца, который Толстой сам просил изменить в письме от 18 февраля.

Статья «Об общественном движении в России» вышла в 1905 г. в издании «Свободного слова», причем Чертков ввел в текст статьи все предложенные им поправки, исключив совершенно абзац, относительно которого Толстой писал в письме к нему от 18 февраля. Поправки Черткова сводятся к следующему. Вместо «и для этого употребляют», стр. 158, строка 3, напечатано: «и для исправления этого люди эти употребляют»; вместо «не говорят ни в парламентах ни в прессе», стр. 159, строки 18—19 — «не говорят в парламентах, почти что не говорят в прессе»; вместо «всё больше и больше отходит на задний план», стр. 159, строка 20, — «остаётся совершенно на заднем плане»; фраза «и народ для них недобросовестное знамя», стр. 159, строка 24, исключена; вместо «бессмысленная... война», стр. 161, строка 29, напечатано: «легкомысленная... война»; вместо «Там в один день убиваются и казнятся в сто раз большее число людей», стр. 161, строки 35—37, — «Там, на войне, убивается и казнятся в сотни раз большее число людей»; вместо «но общество равнодушно», стр. 161, строка 39, — «но большая часть общества равнодушна»; вместо «всегда происходят», стр. 162, строка 26, — «всегда происходят и будут происходить»; вместо «собрания людей», стр. 162, строка 38, — «собрания». Кроме того, в тексте издания оказалось несколько второстепенных опечаток.

Прежде чем появиться на русском языке в издании «Свободного слова», статья была напечатана в заграничных газетах на иностранных языках, причем, в виду позднего получения Чертковым письма Толстого от 18 февраля с предложением исключить из статьи абзац о представительстве и самодержавии, в некоторых газетах текст статьи был напечатан с этим абзацем. По этому поводу Чертков писал Толстому 18 апреля: «Ваше письмо, к сожалению, получилось только вечером накануне дня выхода статьи. Я тотчас же телеграфировал во все стороны. В Times'е успели выкинуть, но в Париже не успели: переводчик поехал ночью в редакцию, но всё уже было напечатано и равослано. В Берлин также телеграфировал, но не знаю, как там» (АТБ).

Все последующие публикации статьи являются перепечатками с издания «Свободного слова». Такой же перепечаткой с этого издания является и публикация статьи в двенадцатом издании сочинений Толстого, часть девятнадцатая, М. 1911 (том конфискован).

В виду того что от Толстого не была получена специальная санкция на те поправки, правда, в большинстве второстепенные, которые допущены были в издании «Свободного слова», мы печатаем статью по тексту рукописи, описанной под № 13, сверенному с автографами, исключая абзац, изъятый по распоряжению самого Толстого.

Примечания.

Стр. 156, строки 9—20. Подлинный текст телеграммы, отправленной Толстым, следующий.

«Philadelphia North American Newspaper

Nov. 18. 1904.

Scope Zemstvo agitation restriction of despotism and establishment of representative government. Probable results cannot be foreseen. Will the agitation's leader attain their aim or only continue stirring public in both cases sure results of whole matter will be delay of true social amelioration. True social amelioration can be attained only by religious moral perfectionment of all individuals. Political agitation putting before individuals pernicious illusion of social improvement by change of forms habitually stops the real progress as can be observed in constitutional countries France, England, America».

Стр. 156, строки 21—22. В № 331 «Московских ведомостей» от 30 ноября 1905 г. была напечатана следующая заметка, озаглавленная: «Л. Н. Толстой о конституции».

„Выходящая в Филадельфии газета North American печатает следующую полученную ею от графа Л. Н. Толстого телеграмму.

«Я полагаю, что результатом поднятой в земских сферах агитации будет лишь замедление процесса социального улучшения русского народа. Нынешнее движение приветствуется как заря новой эры свободы; в действительности же оно представляется преградой на пути истинного прогресса. Истинный духовный подъем, как общества, так и правительства, зависит исключительно от религиозного и нравственного перерождения отдельной личности. Конституционное правление же не может уврачевать человеческие страдания. Это подтверждается положением, господствующим ныне во Франции, Англии и Америке»“.

Стр. 156, строка 27. Под «петербургским владением» Толстой разумеет события 9 января 1905 г. — расстрел мирной демонстрации рабочих у Зимнего дворца.

Стр. 162, строки 14—16. Абиссинская война с Италией — за независимость Абиссинии — происходила в 1895—1896 гг. и кончилась поражением итальянских войск и освобождением Абиссинии от протектората Италии.

Англо-бурская война (1899—1902) после упорного сопротивления буров окончилась победой Англии и присоединением к английским владениям

двух дотеле независимых южно-африканских республик — Трансвааля и Оранжевой, населенных бурами и кафрами.

В 1895 г. вспыхнуло революционное восстание на острове Кубе, принадлежавшем Испании. Посланные для умирения восставших испанские войска действовали малоуспешно. Северо-американские Соединенные Штаты, вложившие значительные капиталы в различные предприятия Кубы, вмешались в дело и в апреле 1898 г. объявили войну Испании, сосредоточившуюся у Антильских и Филиппинских островов и окончившуюся поражением Испании. По Парижскому миру 10 декабря 1898 г. Испания отказалась от владения Кубой и Филиппинскими островами. Куба вскоре стала независимой республикой, а Филиппинские острова отошли к Соединенным Штатам.

За десять слишком лет до этого Китай постепенно становился объектом экономической эксплуатации различных сильных держав — Японии, Германии, России, Франции, Англии. В 1900 г. вспыхнуло в Китае так называемое боксерское восстание, направленное против василья иностранцев и сурово ими в 1901 г. подавленное при самом активном участии России.

Еще с начала XIX в. Англия в поисках внешних рынков начала свои посягательства на Тибет. В 1900 г. Тибет добивается своей дипломатической защиты со стороны России. Но в 1904 г. Англия, видя затруднительное военное положение России, отправила в Тибет, в пополнение к своим прежним военным отрядам, новые войска, занявшие в августе 1904 г. Лхасу; далай-лама бежал в Монголию. По договору, заключенному с тибетским правительством в сентябре того же года, прежнее влияние на Тибет Китая сведено было на-нет, и Тибет попал в полную экономическую зависимость от Англии.

Колониальные войны европейских государств с различными африканскими народами велись на протяжении почти всего XIX столетия и в начале XX.

«ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ».

Статья «Единое на потребу» представляет собой соединение двух работ, над которыми Толстой трудился с перерывами более полутора лет, — о религии и о государственной власти. В течение этого времени он работал над «Фальшивым купоном», написал статью «Одумайтесь!», Предисловие к книге В. Г. Черткова «О революции», «Об общественном движении в России», рассказ «Алеша Горшок», почти закончил «Великий грех» и задумал и отчасти начал несколько других более мелких работ.

К работе, из которой вылилось «Единое на потребу», Толстой приступил после того, как начерно закончена была его статья «О Шекспире и о драме», — в декабре 1903 г. 2 декабря этого года он записывает в Дневник: „Всё воюсь с Шекспиром и решил перестать писать его по утрам, а начать новое — или драму, или о религии, или кончить «Купон»“. В дневниковой записи 19 декабря читаем: «Кончил заниматься Шекспиром и начал о значении религии, но написал два начала, и оба нехороши». Речь идет, во-первых, о статье, озаглавленной «Единственное средство», автограф которой в так называемом «Синем альбоме» следует непосредственно вслед за автографом Предисловия к книге Кросби о Шекспире (см. ниже описание рукописей, относящихся к «Единое на потребу», № 1), во-вторых, о наброске «Тьма безверия», написанном в том же «Синем альбоме» (рукопись № 2), который предваряется словами: «Начну сначала о религии. Не знаю, как назвать». Слова «начну сначала» указывают на то, что мы имеем тут дело именно со вторым началом. Автограф, озаглавленный «Единственное средство», был уже написан до 16-го декабря, так как обложка, в которую включена была копия этого автографа, помечена рукой А. Л. Толстой 16-м декабря.

29 декабря Толстой записывает в Дневник: «Обдумываю о религии». Работу перебывает писание главным образом «Фальшивого купона», но под 16 января 1904 г. в Дневнике записано: «Вчера писал о религии», а 18 января — „Вчера немного добавил к Шекспиру и просмотрел «Купон» и «Камень»“. Под «Камнем» разумеется «Камень главы угла» — новое заглавие, данное первой редакцией статьи взамен прежнего — «Единственное средство»¹ (см. описание рукописей, № 5. Здесь впервые по-

На одной из обложек заглавие «Камень главы угла» написано на машинке, зачеркнуто и рукой Толстого написано новое: «Въ чемъ спасеніе». Но затем оно зачеркнуто, и волнистой чертой восстановлено первое, заимствованное из следующих слов «Евангелия» от Матфея, XXI, 42: «Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от господя, и есть дивно в очах наших.

является заглавие «Камень главы угла». Таким образом рукопись эта датируется не позднее, чем 18 января 1904 г.). На следующий день, 19 января, Толстой в Дневник записывает: „Ничего, ничего не делал, только чуть-чуть поправил «Камень»“. Но затем он вновь отвлекается работой над «Фальшивым купоном», над статьей «Одумайтесь!» и отчасти над рассказом «Божеское и человеческое». Ближайшее упоминание в Дневнике о «Камне главы угла» встречаем теперь лишь в записи от 1 апреля: «Начал было писать «Камень угла», но не мог продолжать». После этого около двух месяцев Толстой занят был главным образом писанием прибавлений к статье «Одумайтесь!» и предисловия к статье В. Г. Черткова «О революции», а работа над «Камнем главы угла», повидимому, на это время совсем была прекращена. Под 30-м мая в Дневнике читаем запись: „«Камень главы угла», т. е. о религии, я решил бросить то, что написано, и начать сначала. Вчера же думал об этом, но, к сожалению, не написал тотчас и потому потерял самое важное. Думал вот что. Все научные исследования ничтожны без религиозной основы. Разум человека действует плодотворно только тогда, когда он опирается на данные религии. Только религия, ставящая разумные цели, распределяет поступки людей по их значению. Самый прекрасный, благожелательный, умный поступок неуместен, безобразен, вреден, бессмыслен, не у места (Дурень ты, дурень...). Место же определяет только религия. Во имя чего надо отдать жизнь и во имя чего не пошевелить пальцем. Религия одна дает относительную оценку поступков, потому что она одна оценивает поступки по их внутреннему достоинству. (Не хорошо, потому что не хочется писать)“.

К этой записи примыкает следующая большая запись в Дневнике от 2 июня: «Для того чтобы знать, что надо и чего не надо делать, что прежде (т. е. что важнее) и что после надо делать, нужно знать свое назначение. Если человек знает, что его назначение земледелие, возделывание растений, то он прежде всего будет исполнять дела, требуемые его назначением: будет пахать, сеять, копать, убирать, всякие же другие дела будет делать только в той мере, в которой они не препятствуют его главному занятию. Кроме того, и в своем деле он в выборе занятий будет руководиться тем, что наиболее важно и нужно для успеха его дела: будет весной пахать, скородить, сеять, а не будет возить навоз или строить и т. п. Так что без знания своего назначения для человека невозможна никакая деятельность. Так это в тех различных деятельности, которые избирает человек в жизни. Точно то же и по отношению всей жизни человека: для того чтобы человек мог вести разумную жизнь и знать, что во всей жизни его наиболее важно, что он должен делать прежде, что после, что выбрать и как поступить (когда является одно другое исключющее требование) (а такими противуречивыми требованиями полна жизнь всякого человека), для этого человеку необходимо знать уже не свое частное призвание земледельца, столяра, писателя, ему нужно знать свое человеческое назначение. И вот знание этого назначения человека в мире и есть то, что известно людям под словами: вера, религия. (Кажется, этим можно начать)».

Мысли, высказанные в обеих этих записях, развиты в статье, озаглавленной сначала «Что важнее всего людям», затем «Бога забыли»,

Вторая редакция этой статьи дошла до нас в исправленной копии (автограф не сохранился), в которой оба заглавия зачеркнуты (см. описание рукописей, № 6). Статья эта затем неоднократно исправлялась Толстым в ряде копий, входящих в состав рукописного материала, описанного под № 9, и, в конце концов, в некоторой своей части растворилась в седьмой главе «Единого на потребу».

6 июня Толстой вновь записывает в Дневник: „Вчера немного писал «Камень»“, но затем в работе над статьей опять наступает длительный перерыв, заполненный, главным образом, отделкой предисловия к статье Черткова «О революции». Следующая дневниковая запись, относящаяся к «Камню главы угла», — 24 июля: «Нынче думаю всё-таки окончить «Камень». Чувствую, что должно. Прямо сознание обязанности сказать, чего не знают и в чем заблуждаются. Попытаюсь сделать это как можно кратче и проще». Но работа эта и в ближайшие дни не была кончена.

29 июля Толстой записывает в Дневник: «Почти не пишу. Работал немного «Камень». Но, кажется, хорошо, плодотворно думаю». Вслед за этим он решает заново писать статью о религии. 2 августа в Дневнике записано: «Всё не пишется. Решил вчера сначала, без поправок или почти без поправок, писать о значении религии. И хорошо обдумал это». Решение это Толстой осуществил через две недели, в Пирогове, куда он поехал навестить умиравшего брата. В дневниковой записи от 15 августа читаем: «Нынче неожиданно нашел начало статьи о религии и написал $1\frac{1}{2}$ главы. Вдруг стало ясно в голове, и я понял, что мое нездоровье готовилось. Оттого тупость. Заглавие надо дать: «Одна причина всего», или «Свет стал тьмою»,¹ или «Без Бога». Под «началом статьи о религии» разумеется тот набросок, о котором речь шла выше и который описан ниже под № 2. « $1\frac{1}{2}$ главы» — это второе начало статьи о религии, написанное, так же как и первое, в синем альбоме и на приложенных к нему вставках и озаглавленное там «Свет стал тьмою» (см. описание рукописей, относящихся к «Единому на потребу», № 7).

Однако вскоре Толстой охладел и к этой работе, тем более, что усиленно занялся собиранием материала и выписками для «Круга чтения». Работа над «Кругом чтения» попрежнему поглощала очень много времени, и в дневниковой записи от 5 ноября читаем: „Не писал с 22 октября. Всё занят «Кругом чтения»... Немного писал «Камень», но главное, что складывается: «Закон Божий»“, и далее записано начало этой новой статьи.

Под 24-м ноября в Дневнике записано: «В нерешительности и слабости, что писать. Нынче начал «Камень». Но плохо. Надо писать три вещи. Это самое необходимое: «Камень», 2) о государственной форме и 3) исповедание веры. Если будет время и силы по вечерам, то воспоминания без порядка, а как придется». «Начал, очевидно, нужно понимать в смысле «вновь приступил», «возобновил работу». Задуманная же статья «О государственной власти» — это те будущие главы «Единого на потребу», в которых идет речь о власти и о правительстве. В ближайших дневниковых записях — от 1, 7 и 11 декабря — говорится о работе над статьей «Кто я?», «Изложением веры» и переводом Паскаля. 22 декабря Толстой

¹ Перефразировка слов Евангелия от Матфея, VI, 23: «Итак, смотри, свет, который есть в тебе, не стал ли тьмою?»

записывает в Дневник: «Немного начал «Единое на потребу» и начал недурно, но не было охоты продолжать». Таким образом к этому времени был написан автограф первой главы и первая копия с него, в которой впервые рукой Толстого написано заглавие «Единое на потребу»¹ (см. ниже описание рукописей, №№ 16 и 17). В письме к дочери Т. Л. Сухожиной от 25 декабря Толстой сообщает о том, что пишет статью о власти (ГТМ). Но судя по тому, что на одной из многочисленных обложек, хранящихся среди рукописей «Единого на потребу», рукой Ю. И. Игумновой написано, «Единое на потребу». Черновые 14 декабря², рукопись № 17 — копия автографа первой главы, а значит, и самый автограф были написаны до 14 декабря. Судя по этим обложкам, с конца декабря Толстой работал над «Единое на потребу» интенсивнее, чем над «Камнем главы угла». На них рукой А. Л. Толстой и Ю. И. Игумновой поставлены следующие даты: 24, 25, 28, 29 декабря 1904 г., 4, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 января, 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 15, 16, 17, 20, 21 февраля, 9, 10, 11, 12, 13 марта 1905 г. На последней обложке написано: «Единое на потребу». 1905 года. Последние числа марта³.

Но работа эта не удовлетворяла Толстого. 31 декабря он записывает в Дневник: «Пытался писать «Единое на потребу» — только напутал, ничего не вышло». Затем большая часть января 1905 г. ушла написание статьи «Об общественном движении в России». Но 24 января Толстой в письме к дочери Александре Львовне сообщает: «Немного пишу «Единое на потребу» (ГТМ). Около этого времени он решает ввести в состав «Единого на потребу» то, что было написано под заглавием «Камень главы угла», объединив таким образом две темы — о религии и о государственной власти. 29 января он заносит в Дневник: «Пишу «Единое на потребу», и оттого ли, что я соединил два разные начала или просто не в духе пишу, но идет плохо». Следующая запись — 18 февраля — также свидетельствует о том, что Толстой не был удовлетворен своей работой: «Был слаб умственно всё это время... Всё писал «Единое на потребу». И всё плохо. Всё нет конца». 6-го и затем 19 февраля Толстой склонен был считать, что работа его над «Единое на потребу» закончена, как об этом свидетельствуют даты, проставленные в рукописях, описанных под № 37 (см. ниже). 11 февраля он писал дочери М. Л. Оболенской: «Как будто кончаю «Единое на потребу». Плохо, но всё-таки пошлю» (ГТМ).

Но, оторвавшись на короткое время для рассказа «Алеша Горшок», также не удовлетворившего его, он вновь обратился к старой работе. В Дневнике от 6 марта записано: «Просмотрел «Единое на потребу» и, кажется, больше не буду правиться. Однако 18 марта в Дневнике отмечается: «Поправил вчера «Единое на потребу» и запнулся перед концом. Надо сделать лучше, что не трудно, потому что очень плохо». Наконец, 22 марта в Дневнике записано: «Очень хорошо работал «Единое на потребу». И кажется, даже наверно, кончил. Но и 22 марта статья не была вполне закончена: в рукописи, описанной под № 40, дата окончания работы — 25 марта. Вероятно, и после этого в течение ближайших двух недель статья еще исправлялась и перерабатывалась. Д. П. Ма-

¹ Заимствовано из Евангелия от Луки, X, 41, 42: «Марфа, Марфа, печешься о множестве, единое на потребу».

ковицкий, довольно точно и подробно фиксировавший повседневные факты из жизни Толстого, в неопубликованной части своих «Яснополянских записок», хранящихся под 11 апреля, сообщает, что в этот день Толстым статья была окончена.

«Единое на потребу» в первую очередь предназначалось для напечатания в Англии. 26 апреля н. с. 1905 г. Чертков писал Толстому: «С нетерпением и предвкушением ожидаем вашей статьи о власти, которую Александра Львовна, как она пишет, переписывает для нас» (АТБ). Получив разрешение приехать на три недели в Россию в мае этого года, Чертков посылает Толстому телеграмму, а затем 12 мая н. с. — письмо, в котором просит ускорить высылку статьи, с тем чтобы отдать ее в печать до своего отъезда в Россию (АТБ). Чертков послан был экземпляр «Единого на потребу» в рукописи, описанной под № 40, и письмом от 17 мая н. с. он извещает Толстого, что статью получил.

Приехав в Россию, Чертков с 24 мая по 4 июня пробыл в Ясной поляне, куда он привез присланную ему рукопись «Единого на потребу» со своими пометками, в которых были отчеркнуты главным образом места, заключающие в себе слишком резкие и раздраженные характеристики русских царей (см. ниже, описание рукописей). По поводу этих мест у Черткова с Толстым, несомненно, был разговор, и Толстой, судя по его ответным пометкам на обложках рукописи и по некоторым исправлениям в самой рукописи, с большей частью замечаний Черткова согласился (см. ниже, описание рукописей, № 40), хотя незадолго до этого высказывался в том смысле, что он и теперь не жалеет о резкости своего тона. В беседе, переданной Д. П. Маковицким в записи от 18 мая, Толстой, по словам Маковицкого, говорил: «Беспокоили меня резкие выражения в «Едином на потребу». А теперь желаю только, чтобы их как можно больше читали. Нельзя достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Николай священная особа! А надо быть дураком, или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы делать то, что он делает. Конечно, не один он причина, но он то себя чувствует причиной в той мере, в какой и мы считаем его причиной. Ведь человеку в таком положении надо повеситься, или спиться, или с ума сойти».

6 июня Чертков писал Толстому из Москвы о том, что там накануне было собрание их единомышленников, в том числе трех крестьян; на собрании были прочитаны «Великий грех» и «Единое на потребу». Обе статьи всем понравились, но крестьян «неприятно поразила та резкая, бранливая, как им показалось, форма обличения бывших монархов», с которых начиналась статья. Далее Чертков продолжает: «Они сами скорее более враждебно, чем мы с вами, настроены против властей. А всё-таки им было жаль, что вы употребляете такие выражения, как «девка», «немка», «б...ь»¹ и т. п. «Кажется, — говорили они мне, — как будто Лев Николаевич хочет зло сорвать на них. Не понимаем, почему он так бранится». И это они говорили в тоне сочувственного к вам сожаления. Мне самому при каждом чтении кажется этот тон несоответствующим именно вам и тому «благочестному» отношению ко всем грешникам.

¹ Последнее выражение было употреблено Толстым в отношении к любовнице английского короля Генриха VIII.

которое люди от вас ожидают... Можно было бы это сказать спокойно, как вы несколько строк ниже говорите о ныне царствующем, т. е. не то что он дурак или глуп, а «ограниченного ума»; т. е. сказать не «девка» и не «б...ь», а «распутного поведения» и т. д. И это даже сильнее» (АГБ).

В ответ на это письмо Толстой писал Черткову 16 июня: «Описание царей в «Едином на потребу» я изменил по вашему совету». В том же письме, сообщая, что им написано вступление к «Великому греху», он добавляет: «Божь, что печатание этих статей материально стеснит вас. Если это так, то не печатайте. Я совершенно равнодушен к этому» (АЧ).

Характеристика русских царей была переделана Толстым дважды (см. описание рукописей, №№ 41 и 42). На этом работа над «Едином на потребу» была закончена. Д. П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» под 17 июня 1905 г. сообщает: „Лев Николаевич окончательно кончил «Единое на потребу»“.

К этой статье относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (переплетенная в кожу тетрадь («Синий альбом») из архива А. Л. Толстой и папки 78, 80, 81, АЧ).

1. Автограф в «Синем альбоме» на листах 24 об. — 27. Заглавие: «Единственное средство». *Начало*: «Положение не только нашего христианского мира». *Конец*: «и всегда будет, пока люди будут людьми». Ему предшествует автограф предисловия к книге Кросби о Шекспире и за ним следуют заметки, относящиеся к «Кругу чтения». Печатаем его полностью в вариантах (№ 1).

2. Автограф начала статьи в том же «Синем альбоме» на листах 47—48 и вставках к этим листам. На л. 47 написано: «Начну сначала о религии. Не знаю, как назвать». Далее следует эпиграф из Евангелия: «Однакожь знайте, что приблизилось к вам Царство Божие». Всё это зачеркнуто поперек красным карандашом и далее написано: «Тьма безвѣрія». После этого выписаны все три эпиграфа из Евангелия, поставленные и в начале текста «Единого на потребу» и идет небольшой текст на лл. 47 об. — 48. *Начало*: Человѣку свойственно опредѣлять свое отношеніе къ безконечному міру». *Конец*: «суть тѣ, которѣхъ признаютъ пророками».

3. Рукопись на 2 листах в 4° и одном обрезке, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Начало исправленной копии с автографа. Конец ее перенесен сначала в рукопись, описанную под № 4, а затем окончательно в рукопись, описанную под № 5. Заглавие и начало то же, что в автографе. *Конец*: «даже для возможности жизни».

4. Рукопись на двух согнутых пополам полулистах писчей бумаги. Наружный полулист написан по лицевым страницам на пишущей машинке. Машинописный текст, исключая заглавия, первых четырех строк и части пятой, зачеркнут по строкам и вместо него написан новый текст между машинописных строк (по две рукописных строки подряд) и частью на полях. Продолжение этого текста — на оборотной первой странице, на внутреннем полулисте, исписанном с обеих сторон, и на полях второй машинописной страницы. Текст, написанный на машинке, представляет собой начало копии предыдущей рукописи. Продолжение этой копии на части четвертушки и конец текста, перенесенный сюда из рукописи № 3,

перенесены в рукопись № 5. Новово написанный рукой Толстого текст печатаем в вариантах (№ 2).

5. Рукопись на 12 листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. На нижней части седьмого листа, на обороте его и на приложенном здесь полулисте почтовой бумаги, исписанном с обеих сторон, — сплошной текст рукой Толстого. Первоначальная нумерация исправлена на вторичную, после того как отдельные листы рукописи вступили в новую комбинацию. Вначале рукопись представляла собой на первых листах копию начала предыдущей, остальные же листы были извлечены из рукописей предыдущей и описанной под № 2. Заглавие «Единственное средство» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано: «Камень главы угла». Извлекаем из этой рукописи текст, вновь написанный рукой Толстого на седьмом листе и на примыкающем к нему полулисте почтовой бумаги и представляющий собой вариант конца варианта № 2 (вариант № 3).

6. Рукопись на 3 листах в 4° и 1 листе почтовой бумаги большого формата. На первых трех листах на пишущей машинке написан текст, исправленный рукой Толстого и озаглавленный сначала «Что важнее всего людямъ», а затем «Бога забыли». Оба заглавия, первое, написанное на пишущей машинке, и второе, рукой Толстого, зачеркнуты. На второй половине третьего листа, на его обороте и на обеих сторонах почтового листа рукой Толстого написано продолжение. Вслед за заглавием — эпиграф из Евангелия от Матфея, XXI, 42: «Иисусъ говорить имъ: неужели вы никогда не читали въ Писаніи: камень, который низвергли строители, тотъ самый сдѣлался главой угла; это отъ Господа и есть дивно въ очахъ нашихъ». Далее следует *начало*: «Человѣкъ дѣйствуетъ, совершаетъ поступки или воздерживается отъ дѣятельности». *Конецъ*: «и не можетъ не быть главной руководительницей жизни». Вслед за этим рукой Толстого написаны слова: «До сихъ поръ». Рукопись эта, трактующая о значении революции в жизни человека, в части, написанной на машинке, является копией с недошедшего до нас автографа.

7. Автографъ в «Синем альбоме» на листах 48—49 и на приложенной к нему вставке — полулисте писчей бумаги, согнутом пополам. Озаглавлен «Свѣтъ сталъ тьмою». Написан карандашом еслед за автографом недописанной статьи «Тьма безвѣрія», описанным под № 2. Текст вставки, также написанный карандашом, идет вслед за второй исправленной и затем зачеркнутой копией отрывка «Тьма безвѣрія». Текст поделен на две главы, причем вторая глава написана приблизительно лишь наполовину. *Начало*: «Съ нами, со всѣмъ человѣчествомъ». *Конецъ*: «людьми, которыхъ называютъ пророками».

8. Рукопись на 7 нумерованных листах в 4°, написанная с одной стороны рукой М. Л. Оболенской и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей. Заглавие: «Свѣтъ сталъ тьмой». *Начало*: «Одни люди часто говорятъ». *Конецъ*: «людьми, которыхъ называютъ пророками». В середине рукописи нумерация на двух листах исправлена — указание на то, что эти листы вошли потом в новую текстовую комбинацию. Текст поделен первоначально на две главы. Но вслед за окончанием текста первой главы рукой Толстого поставлена цифра V и далее его же

рукой написано семь строк — начало новой главы не имеющее продолжения.

9. Рукописный материал, заключающий в себе 197 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 103 обрезка. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и Х. Н. Абрикосова и в огромной своей части исправлен и дополнен рукой Толстого. Дополнения в нескольких случаях — на отдельных чистых листах. Материал этот представляет собой крайне неупорядоченное собрание многочисленных переработок и перепечаток на машинке текстов, описанных под №№ 5, 7 и 8 и относящихся к работе над статьей «Камень главы угла». Он лег в основу глав восьмой и седьмой в окончательной их редакции, причем к главе седьмой относится большее количество материала, чем к восьмой. Для обозначения глав употребляются цифры от I до X. На одном из листов рукой Толстого написан следующий план, относящийся к рассуждению о значении религии:

- 1) Все горе отъ отсутствія религіи.
- 2) Что же дѣлать по отношенію религіи?
- 3) Два дѣла: одни поддерживаютъ не имѣющую никакого смысла религію. Другіе доказываютъ, что никакой религіи не нужно.

4) Что же нужно? Разрушить старую форму и признать необходимость религии. И взять то, что есть, потому что прогресс не въ приобретѣніи новаго, а въ очищеніи стараго.

В двух местах рукой Толстого написано: «Здѣсь слѣдуетъ изъ «Что такое религія», стр. 20, 21, 22, 23» и «За этимъ слѣдуютъ изъ «Что такое религія», отчеркнуто, стр. 24». Выписки из статьи «Что такое религия и в чем сущность ее?» сделаны на 11 листах (на пишущей машинке). Текст на одном листе исправлен рукой Толстого. Часть выписок обведена карандашной чертой, рядом с которой рукой Толстого написано: «пр[о]пустить». Извлекаем из этого материала варианты, которые печатаем под №№ 4—6.

10. Автографъ на 5 нумерованных рукой Толстого листах (4 четвертушки писчего листа, исписанные с одной стороны (на оборотной стороне рукой Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской написаны материалы к «Кругу чтения») и лист почтовой бумаги, первая половина которого, исписанная с обеих сторон, урезана сверху). Текст первой главы (по окончательному счету). *Начало*: «На Дальнемъ Востокѣ», въ Манджуріи, идетъ война». *Конец*: «Что это за машина?» Извлекаем отсюда вариант, который печатаем под № 7.

11. Рукопись на 14 нумерованных (1—15) листах в 4°, написанная с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленная рукой Толстого. Копия автографа. Листы 3 и 5 вынуты и перенесены в рукопись № 38. Первый лист не нумерован и не заполнен текстом. На лицевой его странице рукой Ю. И. Игумновой написано: „«Единое на потребу. Черновые. 14 декабря“ (дата старой копии, а не рукописи). Впереди текста рукой Толстого проставлено заглавие «Единое на потребу» и вслед за ним для обозначения главы поставлена цифра 1. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции главы. Смягчена между прочим характеристика Николая II,

12. Рукописный материал, включающий в себе 7 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 3 обреза, написанных рукой Ю. И. Игумновой и на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Перепечатки отдельных листов предыдущей рукописи, промежуточные отрывки текста между рукописями, описанными под №№ 11 и 38.

13. Автограф, относящийся ко второй главе статьи, на 2 листах в 4°, исписанных с обеих сторон. Перед текстом для обозначения главы поставлена цифра II. *Начало*: «Машина эта, давно известная». *Конец*: «большой части всякого общества».

14. Рукопись на 4 нумерованных (20—24) листах в 4°, из которых одна чистая, исписанных рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копия предыдущей. Листы 22 и 23 перенесены в рукописи № 38. Цифра II, обозначающая главу, исправлена на III, затем окончательно на IV. *Начало*: «Что это за машина?» *Конец*: «и только отъ правительства».

15. Автограф, относящийся ко второй главе статьи, на 2 листах в 4°, исписанных с обеих сторон. К нему приложены на 2 листах две вставки. *Начало*: «Правительственная машина — это такое учреждение». *Конец*: „распутѣйшая изъ распутныхъ Екатерина «великая»“.

16. Рукопись на 6 листах в 4°, написанная на пишущей машинке, исправленная, значительно дополненная и продолженная рукой Толстого. Дополнение сделано на обороте первого листа и на лицевой стороне четвертушки, представляющей собой вставку ко второму листу. Продолжение написано на нижней части и на обороте последнего листа. *Начало* продолжения: «потомъ признанный, потому что его убили, поблбшеннымъ Павелъ». *Конец*: «офицеръ, устроившій Японскую войну и т. д.» Автограф, описанный под № 15, и его продолжение, находящееся в рукописи № 16, печатаем в вариантах (№ 8).

17. Рукописный материал, включающий в себе 142 частью склеенных из нескольких частей листа в 4°, 7 листов почтового формата (большого и малого) и 72 обреза. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен рукой Толстого. Представляет собой переработку и ряд перепечаток материала, находящегося в рукописях, описанных под №№ 13—16. Исправленные перепечатки чередуются с автографами-дополнениями, написанными или непосредственно вслед за машинным текстом или на отдельных листах. На некоторых листах поставлены для обозначения глав цифры III, IV, V, VI, XI, XII. Материал этот включает в себе текст, относящийся ко второй главе статьи, отчасти к пятой, а также тексты глав, примыкающих к ним по смыслу, но не вошедших в статью. Эти последние тексты печатаем в вариантах. Из данного материала извлекаем варианты №№ 9—15.

18. Автограф, написанный частью поверх текста, написанного рукой Ю. И. Игумновой, на 2 листах в 4°. *Начало*: «III. Вотъ что говорилъ про это французскій писатель 16 вѣка Этьенъ Лабюэти». Далее пометка «Выписать Лабюэти». *Конец*: «какъ Наполеонъ I и III». Текст почти буквально совпадает с окончательной редакцией замечаний к выписке из Лабюэти, помещенных в третьей главе.

19. Рукопись на 5 нумерованных по страницам (1—10) листах в 4°,

исписанных с обеих сторон рукой Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской, без поправок рукой Толстого. Озаглавлена „Добровольное рабство. Сочинение французского писателя Бюэти половины XVI века“. Начисто переписанный перевод выдержек из сочинений Лабюэти к третьей главе. Слева внизу первой страницы рукой С. Д. Николаева написано: «Считано 5.19.05» (т. е. 19 мая 1905 г.). Над заглавием его же рукой написано: „Из статьи Льва Николаевича «Единое на потребу»“. Та же пометка в конце текста рукой А. Л. Толстой.

20. Рукописный материал, заключающий в себе 9 листов в 4° и 3 обреза. Написан рукой Ю. И. Игумновой, на пишущей машинке и рукой Толстого. Написанное Игумновой и на машинке исправлено Толстым. Относится к четвертой главе статьи. Текст, принадлежащий самому Толстому, соответствует тому, что напечатано в пятой главе; текст же цитат из Маккиавелли сохранился лишь в меньшей своей части, и в нем сделаны поправки рукой Толстого. На двух листах для обозначения главы поставлена цифра IV.

21. Автограф, соответствующий по содержанию пятой главе и обозначенный цифрой VI, на 4 листах (2 четвертушки и 2 полулиста почтовой бумаги), исписанных с обеих сторон. Вслед за шестью исправленными рукой Толстого машинописными строками, относящимися к материалу, описанному под № 20, *начало*: «Такъ это представляется, когда разсматриваешь». *Конец*: «и требованьямъ ихъ совѣсти». В конце лицевой и на оборотной стороне последнего листа вслед за цифрой VII идет текст в дальнейшем исключенный и не вошедший в окончательную редакцию пятой главы; предшествующий же текст очень близок к этой редакции, хотя и кратче его.

22. Рукописный материал, заключающий в себе 14 листов в 4° и 17 обрывков. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен рукой Толстого. Остатки переписанных и исправленных копий предыдущей рукописи. Цифра VI, обозначающая главу, заменена цифрой IV. Часть листов и обрывков отсюда перенесена в состав рукописи, описанной под № 38. На одном из листов рукой Толстого сделано дополнение, текст которого, будучи ватем переработан, вошел в состав большей части первого абзаца пятой главы. Извлекаем отсюда вариант, который печатаем под № 16.

23. 1 лист и 2 обрывка, на которых рукой Толстого указано, какие выдержки нужно сделать из «Царства Божия внутри вас», «Патриотизма и правительства», «Рабства нашего времени» (шестая глава окончательной редакции). Тут же автограф заключительного абзаца шестой главы, перечеркнутый поперечной чертой и исправленный рукой Толстого абзац, вошедший ватем в качестве предпоследнего в десятую главу («Казалось бы люди, сознавая себя...»). Рукой Толстого поставлена, также для обозначения главы, цифра VIII.

24. Автограф, относящийся к девятой главе на 2 листах в 8° (3 исписанные страницы). Для обозначения главы поставлена цифра IX. *Начало*: «Учѣніе равенства, братства, любви людей». *Конец*: «Въ этомъ все».

25. Рукопись на 4 нумерованных (86—89) листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого.

Начало: Идеаль равенства, свободы и любви». **Конец:** «liberté, égalité, fraternité, ou la mort». Многочисленные поправки, сделанные поверх зачеркнутых строк, на оборотной стороне первого листа и в конце последнего, приближают рукопись к окончательной редакции девятой главы.

26. Рукопись на 12 нумерованных (90—96, 97—100) листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копия предыдущей. **Начало:** «А между тем идеал равенства, свободы и братства». **Конец:** «liberté, égalité, fraternité, ou la mort». Один лист, 99-й, перенесен отсюда в рукопись, описанную под № 38. В начале поставлены цифры IX, ватем X, но обе зачеркнуты. Исправления еще более приближают рукопись к окончательной редакции главы. Между прочим фраза «Тянь (въ своей прекрасной исторіи революціи) дѣлаетъ ту странную ошибку, что ради всѣхъ ужасовъ, которые совершила революція, осуждаетъ тѣ принципы, которые она провозгласила» — исправлена так:

Напрасно думаетъ Тянь (въ своей прекрасной исторіи революціи), что принципы эти и способы осуществленія ихъ были ложны и что отъ ложности принциповъ произошли всѣ тѣ ужасы, которые совершались во время террора и послѣ.

27. Рукописный материал, заключающий в себе 6 листов в 4° и 13 обрешков. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен рукой Толстого. Остатки переписанных и исправленных копий предыдущей рукописи. Часть листов и обрешков отсюда перенесена в рукопись, описанную под № 38.

28. Автограф, относящийся к десятой главе, на 4 листах (2 обрешка, исписанных с одной стороны, и 2 листа в 4°, исписанные с обеих сторон). Первый лист утрачен, остальные нумерованы рукой Толстого красным карандашом (2—5). **Начало:** «Всѣ же ихъ бѣдствія, скажутъ они». **Конец:** «Что это значить и отчего это?» Помимо текстуальных отличий, автограф кратко десятой главы в ее окончательной редакции.

29. Рукопись на 10 листах в 4° и 8 обрешках, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копия предыдущей. Обрешки получились в результате того, что отдельные листы, будучи разрезаны, вошли в новую текстовую комбинацию в пределах той же десятой главы. Поэтому и нумерация листов и обрешков подверглась исправлению. **Начало:** «Скажутъ, что всѣ наши бѣдствія». **Конец:** «центръ тяжести всегда будетъ одно и то же». Последний лист переписан дважды, и на втором его экземпляре рукой Толстого написано продолжение текста главы.

30. Рукописный материал, заключающий в себе 24 листа в 4°, 1 лист почтового формата и 23 обрешка. Написан рукой Ю. И. Игумновой, на пишущей машинке и рукой Толстого. Его же рукой исправлено написанное Игумновой и на машинке. Остатки переписанных, исправленных и дополненных копий предыдущей рукописи. Часть листов и обрешков перенесена отсюда в рукопись, описанную под № 38. Для обозначения главы проставлены цифры VIII, IX, X, XI.

31. Автограф на 3 листах, исписанных с обеих сторон (четвертушка писчего листа и лист почтовой бумаги), начинающийся вслед за четырьмя

вечернкнутыми строками, написанными рукой Ю. И. Игумновой. Текст поделен на главы — XI и XII. От двенадцатой главы сохранилось только начало (шесть строк). *Начало*: «Но если между людьми распространяется и признается идеалъ равенства». *Конец*: «нужна истинная религія». Текст одиннадцатой главы представляет собой первоначальную редакцію одиннадцатой главы и по окончательному счету. Печатаем его в вариантах целиком (№ 17).

32. Рукопись на 10 листах в 4°, исписанная с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленная рукой Толстого. *Начало*: «Но если между людьми распространяеть». *Конец*: «разумнымъ согласіемъ и свободнымъ убѣжденіемъ». Копія предыдущей рукописи, включая и всю двенадцатую главу. Рукопись нумерована (121—136), но листы 128 и 131—135 (большая часть из двенадцатой главы) утеряны. Вслед за концом копии двенадцатой главы — продолжение ее текста рукой Толстого на полустранице. Отдельные страницы рукописи, предварительно исправленные, зачеркнуты.

33. Автографъ на 1 листе почтовой бумаги, исписанном с обеих сторон (4 страницы). Текст написан на первой странице поверх машинописного письма (неподписанного), в котором Толстой обращается к издателю сочинений Тургенева с просьбой разрешить ему перепечатку с сокращениями «Живыхъ мощей» в «Круге чтения». Вначале для обозначения главы поставлена цифра XI. *Начало*: «Почему же люди не усваиваютъ эту истинную религію». *Конец*: «пережитыхъ и уже чуждыхъ ему формахъ». По содержанию текст рукописи близок к части текста одиннадцатой главы в окончательной ее редакціи.

34. Рукопись на 6 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Копія предыдущей. Нумерация в рукописи менялась несколько раз, так как отдельные ее листы входили затем в новые комбинаціи. Исправления — в направлении к окончательной редакціи одиннадцатой главы.

35. Рукописный материал, заключающий в себе 32 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 1 лист почтового формата. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и исправлен и частью дополнен рукой Толстого. Представляет собой дальнейшую переработку материала, находящегося в рукописях, описанных под №№ 31—34, и относится к одиннадцатой главе статьи.

36. Рукопись на 4 листах (3 четвертушки и 1 полулист почтовой бумаги), исписанных рукой Ю. И. Игумновой и Толстого. На первом листе конец копии первоначальной двенадцатой главы, написанной рукой Ю. И. Игумновой. Далее рукой Толстого проставлена цифра XIII, и идет *начало* главы: «Что же нужно? Прежде всего разрушеніе обмановъ». На лицевой странице второго листа и на части лицевой страницы третьего — копия начала главы. Она исправлена рукой Толстого (причем цифра XIII зачеркнута) и продолжена на обеих страницах третьего и четвертого листа. *Конец*: «любовь, включающую въ себя почти все». Печатаем целиком исправленное начало главы и ее продолжение (вариант № 18).

37. Рукописный материал, заключающий в себе 17 листов в 4° и 25 обрѣзков. Написан на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой и М. А.

Шмидт и исправлен, переработан и дополнен рукой Толстого. Среди этого материала — часть вторичной копии предыдущей рукописи, почти целиком зачеркнутая. Вместо зачеркнутого, большей частью на оборотных страницах, написан рукой Толстого новый текст, по содержанию близкий к тексту двенадцатой главы окончательной редакции. На одном из листов после слов «Марфа, Марфа, печешеся о мнозем, единое на потребу» рукой Толстого поставлена дата 7 февраля 1905 г., на другом после тех же слов — 19 февраля 1905 г.

38. Рукопись на 126 листах в 4°, часть которых склеена из нескольких частей, часть урезана. Написана на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. А. Шмидт и Е. В. Оболенской и исправлена рукой Толстого. (Кроме того, в нескольких местах сделаны мелкие стилистические поправки рукой А. Б. Гольденвейзера.) Целый текст «Единого на потребу», подобраный из одновременно переписанных и исправленных копий. Окончательная нумерация (1—126) частью рукой Толстого, частью рукой переписчиков. Некоторые цифры дублированы (напр., 35а, 36б и т. д.). Листы 36—41, на которые приходится выписка из Монтескле, отсутствуют. Отсутствуют также листы 104 и 110. Один лист занумерован двумя цифрами — 102, 103, и один тремя — 106, 107, 108. Выписок из Лабозти в третьей главе и всех выписок из прежних сочинений Толстого в шестой главе (в данной рукописи восьмой) нет, но нумерация в этих частях текста не прерывается. По сравнению с окончательной редакцией в тексте рукописи еще много отличий. Он поделен на двенадцать глав, но расположение их и состав не всегда соответствуют тому, что мы имеем в окончательной редакции статьи. Главы первая и вторая следуют в том же порядке, как в окончательной редакции; глава третья соответствует главам третьей и четвертой окончательной редакции; главы четвертая и пятая — пятой окончательной редакции; шестая — девятой, седьмая — десятой, но кончается словами «правительственного насилия»; следующий же затем абзац, который читается в десятой главе окончательной редакции, начинается собой восьмую главу, соответствующую шестой главе окончательной редакции; девятая глава соответствует седьмой, десятая — восьмой; материал глав одиннадцатой и двенадцатой в окончательной редакции подвергся перегруппировке, так что отдельные части текста одной главы перенесены были в другую и наоборот.

Важнейшие исправления в рукописи сводятся к следующему.

В первой главе после слов «гибнут как будто по его воле?», стр. 168, строка 32, зачеркнуто:

Можно было бы допустить это, если бы причиной такого дѣла былъ одаренный желѣзной волей геніальный злодѣй, но вѣдь мы знаемъ, что виновникъ всего не человекъ сильной воли, не геніальный и не злодѣй, а самый обыкновенный, просто глупый, можетъ быть, и не злой человекъ, который можетъ поддавать подѣ влияніе самыхъ ничтожныхъ людей, но самъ, по низменности своего умственнаго, образовательнаго гвардейскаго уровня, никакъ не можетъ самъ одинъ оказать на кого бы то ни было какого либо влиянія.

Во второй главе текст с характеристикой русских царей отчеркнут

«сбоку карандашом и рядом с чертой рукой Толстого первоначально напи-»
сано «пр[опустить]», но затем это обозначение зачеркнуто. В той же
главе после слов «на другой край света», стр. 170, строка 7, следующее
окончание абзаца отчеркнуто чернильной чертой с пометкой: «пр[опу-
стить]»:

Если даже и помретъ этотъ несчастный Николай II, то въдь
смерть его не исправитъ дѣла. Будетъ регентство или ¹какая
нибудь вторая Екатерина съ любовниками, и любовники будутъ
опять устраивать новые проекты, за которые платить будутъ,
вытягивая послѣднія жилы и отдавая послѣднюю кровь, рус-
скіе миллионы людей.

Во втором абзаце той же главы после слов «если и кончится эта»,
стр. 170, строки 1—2, зачеркнуты слова «дурацкая, подлая». В четвертом
абзаце той же главы отчеркнут Толстым с пометкой «пр[опустить]» ко-
нец абзаца:

Марія кровавая и ея царствованіе есть рядъ ужаснѣйшихъ
преступленій, костровъ и казней.

В шестом абзаце после слов «свергають, наконецъ, эту породу», иду-
щими вслед за словами «бессмысленные войны», стр. 170, строка 27,
зачеркнуто; «самодовольныхъ убійць, разорителей народа».

В десятой главе (в окончатальной редакци восьмой) после конечных
слов второго абзаца «ухудшение своего положения», стр. 193, строка 19,
следующий абзац отчеркнут сбоку чертой с пометкой «пр[опустить]».
Печатаем его в вариантах под № 19.

39. Рукописный материал, заключающий в себе 17 частью склеенных
из нескольких частей листов в 4° и 16 обрешков и восходящий непосред-
ственно к тексту предыдущей рукописи. Написан на пишущей машинке
и исправлен рукой Толстого. Цвет машинописной ленты здесь всюду оди-
наковый, тот же, что и в рукописи, описанной под № 39. Весь этот мате-
риал входил первоначально в состав этой рукописи и удален из нее, бу-
дучи радикально исправлен и заменен вновь переписанными листами или
частями их. К первой главе относится 1 обрешок, ко второй 1 лист и 3 об-
решка, к седьмой — 6 листов и 3 обрешка, к девятой — 5 листов и 2 обрешка,
к десятой 1 лист и 2 обрешка, к одиннадцатой — 4 листа и 2 обрешка, к дву-
надцатой — 2 обрешка. Исправления сделаны в направлении к оконча-
тельной редакци статьи.

40. Рукопись на 61 листе в 4° (листы частью склеены из нескольких
частей, частью урезаны), написанная на пишущей машинке и рукой Т. Л.
Сухотиной и исправленная рукой Толстого (рукой постороннего испра-
влены ошибки, вкравшиеся при переписке текста). Представляет собой
связный текст «Единого на потребу». Нумерована по листам красным ка-
рандашом рукой В. Г. Черткова (1—86); листы 136 — 18, 206 — 28 и
38—48, на которые приходится выписки из Лабюэти в третьей главе и из
Монтескье в четвертой, и целиком шестая глава — в рукописи отсутствуют.
Рядом с чертковской нумерацией в верхних углах листов идет другая,
непоследовательная, отражающая собой те прежние комбинации, в кото-

¹ Зачеркнуто: можетъ быть, Владимиръ,

рые входили отдельные листы рукописи. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой Ю. И. Игумновой написано „«Единое на потребу». Л. Толстой. 1905 года“ и рукой А. Л. Толстой — «Последняя редакция, привезенная В. Г. [Чертковым]. Июнь 1905 г.». Данная рукопись представляет собой исправленную копию рукописи, описанной под № 38, причем наиболее подвергшиеся исправлениям листы и части листов, как указано было выше, были вновь переписаны и частью вновь исправлены. Текст поделен на двенадцать глав, но расположение глав здесь иное, чем в рукописи № 38, то, которое мы знаем по печатному тексту.

Большинство исправлений, сделанных Толстым, — стилистического характера. Существенные исправления по существу сводятся к следующему.

В первой главе после слов: «Люди эти все», стр. 166, строка 20, зачеркнуто: «по приказанию ближайшаго начальства»; после слов «что это самый обыкновенный», стр. 166, строка 23, зачернуто: «скорѣе ничтожный». Во второй главе смягчена та часть текста, где речь идет о русских князях. Ряд мест здесь зачеркнут (см. вариант № 20); после слов «бессмысленные войны», стр. 170, строка 27, зачеркнуто: «Свергають, наконецъ, эту по роду». В четвертой главе после слов «мучить самих себя», стр. 177, строка 44, зачеркнуто: «потому что всякое дѣйствие власти законодательной, исполнительной имѣетъ одно средство принужденія, мучительства, убійства или угрозы того и другого». В пятой главе после слов «только самые безнравственные», стр. 179, строка 1, зачеркнуто «или вполне глупые»; после слов «стоят ниже среднего», стр. 179, строка 1, зачеркнуто: «умственного и». В одиннадцатой главе после слов «У них нет сил для этого», стр. 202, строка 22, зачеркнуто: «Если они и признають равенство, свободу, братство, то признають ихъ только въ той мѣрѣ, въ которой осуществленіе это представляется имъ выгоднымъ, желательнымъ и не нарушаетъ ихъ личной жизни». Вслед за последней главой собственноручная дата и подпись: «1905. 25 марта. Ясная Поляна. Левъ Толстой».

В рукописи некоторые слова, смущавшие Черткова, подчеркнуты им красным карандашом и сбоку их на полях поставлен вопросительный знак; в двух местах из стилистических соображений им сделаны перестановки слов. Номера листов, на которых находятся обратившие на себя внимание Черткова места, большей частью выписаны им на оборотной странице обложки. На 7-м листе, во второй главе, в словах «нѣмецъ Биронъ», «толстой бабы», «другая нѣмка Анна», «нѣмка мужеубійца Екатерина» (см. вариант № 20, стр. 462, строки 41—44) Чертковым подчеркнуты слова: «нѣмецъ», «толстой», «другая нѣмка», «нѣмка», а сбоку на полях поставлен вопросительный знак. На обложке против цифры 7 им написано: «Нельзя ли то же, да добрее, с жалостью? Против этих слов рукой Толстого написано: «Оставить». Однако слова «толстой» и «другая» Толстым все же зачеркнуты. На 10-м листе в абзаце второй главы, в котором идет речь о Генрихе VIII, в словах «женится на своей б.» буква «б» также подчеркнута и сбоку поставлен вопросительный знак. На обложке 10-й лист не отмечен. На 34-м листе, в пятой главе, после слов «Онъ покоряется», стр. 180, строка 2, Чертковым подчеркнуты слова «не можетъ не покориться». На обложке против цифры 34 Толстой поставил сначала вопросительный знак, затем зачеркнул его и написал: «Сог[ласенъ]». В рукописи эти слова

зачеркнуты Толстым. На 49-м листе, в сноске седьмой главы, слова «здравый смысл, нравственное чувство и, главное, историческая действительность» переставлены так: «здравый смысл, историческая действительность и, главное, нравственное чувство». На обложке против цифры 49 Толстой написал: «Сог[ласень]». На 69-м листе, в десятой главе, две рядом стоящие фразы от слов «Если не такъ смѣло грабятъ» и кончая словами «а отъ путей сообщенія» обведены сбоку чертой, рядом с которой поставлен вопросительный знак. На обложке против цифры 49 Толстой поставил вопросительный знак и написал слово «Ост[авить]», но ватем зачеркнул его и написал «Можно и исключить». Эти слова он также зачеркнул и сверху них написал: «переставить». В тексте же он сам сделал перестановку, поставив фразы, отчеркнутые Чертковым, впереди предшествовавшей им фразы «Если перестали сжигать вѣдьмъ...» Наконец, на 82-м листе, в двенадцатой главе, подчеркнуты еще три слова и сбоку поставлен вопросительный знак. На обложке против цифры 82 нет никакой ответной пометки Толстого. Строки, в которых находятся подчеркнутые слова «существо», «воли Бога», стр. 203, строки 22—23, исправлены Толстым, но так, что подчеркнутые слова остались нетронутыми. Неясно, когда эти строки были исправлены Толстым — до пометки Черткова или после нее.

41. Рукопись на 1 листе тонкой копировальной бумаги, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия начала второй главы, где речь идет о русских царях, с рукописи, описанной под № 39. *Начало*: «Машина эта давно известна миру». *Конец*: «она устраиваетъ со своими». Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции этой части главы, хотя характеристики царей еще более сгущены; зачеркнутые после слов «что немец Бирон», стр. 169, строки 12—13, слова «любовникъ глупой, толстой бабы» ватем вновь восстановлены.

42. Рукопись на 1 листе почтовой бумаги большого формата, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей. Окончательная редакция начала второй главы. Характеристики царей, по сравнению с предыдущей рукописью, смягчены. Так, слова «глупой, толстой бабы» зачеркнуты и заменены словами «совершенно чуждой Россіи и ничтожной женщины».

После слов «Потом захватывает машину», стр. 169, строка 20, зачеркнуты слова «распутная дѣвка» и заменены словами «незамужняя развратная дочь Петра». После слов «велит войскам воевать за пруссанов», стр. 169, строка 22, зачеркнуты слова «Убиваетъ блудница изъ блудницъ» и заменены словами «Нѣмца этого, своего мужа, убиваетъ самаго бевсовѣстно распутнаго поведенія».

В июле или августе 1905 г. «Единое на потребу» было напечатано в издании «Свободного слова» (№ 99). Корректур статьи Толстой не держал. 12 августа н. ст. Чертков писал ему о том, что редактор «Times» принимает «Единое на потребу», которое появится одновременно в разных странах 29 и 31 августа н. ст. (АТБ).

Издание «Свободного слова» печаталось по текстам рукописей, описанных под №№ 40 и 42 (по второй рукописи — начало второй главы). Вы-

писки из сочинения Лабозти «О добровольном рабстве» напечатана, видимо, по тексту рукописи, описанной под № 19, с которой эта выписка буквально совпадает; читата из книги Маккиавелли «Государь» напечатана с недошедшего до нас оригинала; шестая глава напечатана также с недошедшего до нас оригинала, в котором были, по указанию Толстого, сгруппированы выдержки из прежде опубликованных им сочинений, лишь слегка в нескольких местах перефразированные для увязки текстов.

В этом издании были допущены следующие отступления от текста рукописей. После слов «Немца этого, своего мужа, убивает», стр. 169, строки 22—23, вместо «самого бессовестно-распутного поведения немка Екатерина II» напечатано: «совершенно чужая немка Екатерина II»; после слов «и жениться на своей», стр. 170, строка 19, вместо стоящей в рукописи и ничем не замененной буквы «б.» напечатано «любовнице»; после слов «и творят еще», стр. 170, строка 29, вместо «ужаснейшие» — «большие»; после слов «как последние войны то французов», стр. 171, строки 5—6, пропущено «то англичан с Китаем»; между словами «то» и «России», стр. 171, строка 7, пропущено слово «теперь»; после слов «право одних людей», стр. 178, строки 32—33, вместо «владения» напечатано «на владение»; между словами «положение» и «отдельного», стр. 179, строка 16, пропущено слово «наждого»; после слов «он работает», стр. 179, строка 30, пропущены слова «изо всех сил»; между словами «т. е.» и «самое», стр. 180, строка 7, пропущен предлог «в»; после слов «И, что хуже всего», стр. 181, строка 12, вместо «что будут» напечатано «будучи»; после слов «переходя из одного возраста в другой», стр. 190, строки 24—25, выпущены слова «То, что совершается в жизни отдельного человека, совершается и в жизни целого общества», перенесенные в начало следующего абзаца, после слов «без всякого руководства», стр. 190, строка 33; после слов «из одного возраста в другой», стр. 190, строки 29—30, вместо «В сознании ребенка» напечатано «У ребенка»; после слов «в такие периоды», стр. 190, строка 33, пропущено слово «времени»; после слова «Одна», стр. 191, строка 6, вместо «большая» напечатано «значительная»; между словами «что» и «эти», стр. 193, строка 27, напечатано «все»; после слов «и озверением всех», стр. 193, строка 29, вместо «но, несмотря на него», напечатано «несмотря на то»; после слов «отдают свои жизни», стр. 193, строка 30, вместо «жизни» — «жизнь»; после слов «зачем они жили», стр. 194, строка 13, вместо «эту бессмысленную, мучительную жизнь» — «этой бессмысленной, мучительной жизнью»; после слов «революционеров, анархистов», стр. 195, строка 26, вместо «о будущем устройстве» — «и в будущем устройстве», между словами «то же» и «положение», стр. 147, строка 36, напечатано «и то же»; после слова «дисциплинарных», стр. 198, строка 7, вместо «рот» напечатано «батальонов»; после слова «Если», стр. 198, строка 16, вместо «не так смело теперь грабят» — «перестали грабить»; после слов «в городах, на улицах», стр. 198, строка 17, вместо «то произошло это» — «то тоже»; между словами «теперь» и «связывает» пропущено «еще»; после слов «Нет произвола», стр. 200, строка 8, вместо «главы» напечатано «нет главы»; после слов «и из рассуждения», стр. 200, строка 34, вместо «и опыта» напечатано «и из опыта»; после слов «Вот эти то», стр. 201, строка 11, вместо «особенно последние люди» — «люди, особенно последние»; после слов «С другой стороны», стр. 201,

строка 32, вместо «стараясь» — «они стараются»; после слов «с одного места на другое», стр. 202, строка 35, вместо «Но никогда» — «но никто»; между словами «это то» и «есть», стр. 203, строка 12, добавлен союз «и»; между словами «любовь» и «проявляется», стр. 203, строка 26, пропущен союз «же».

«Единое на потребу» Толстой намеревался напечатать и в России в издательстве «Посредник». В октябре 1905 г. он писал И. И. Горбунову: «С печатанием «Единого на потребу» делайте как найдете лучшим, я на всё согласен и только боюсь, чтобы вам не было неприятности» (ГТМ). В ноябре того же года Горбунов извещал Толстого, что вместе с «Концом века» сдано в набор и «Единое на потребу» без первых четырех глав (АТБ). Но, по всей вероятности, типография «Посредника» «Единое на потребу» даже не набрала, так как Горбунов опасался закрытия типографии за печатание толстовских статей. В неопубликованной части своих «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкий сообщает под 1 января 1906 г.: «Лев Николаевич говорил мне, что И. И. Горбунов не издает его статей «Единое на потребу» и «Конец века» потому, что правительство применяет теперь новую меру: закрывает ту типографию, в которой печатаются такие книги, которые кажутся ему опасными. Так было сделано в Петербурге».

В 1906 г. текст статьи по изданию «Свободного слова» был перепечатан в России в издательстве «Обновление» с пропуском в первой и во второй главе тех строк, в которых содержатся резкие суждения об Александре III и Николае II (издание конфисковано). С аналогичными пропусками был напечатан текст «Единого на потребу» и в девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого М. 1911 (том конфискован).

В настоящем издании печатаем текст «Единого на потребу» по рукописи, описанной под № 40, за исключением начала второй главы, которое печатаем целиком по рукописи, описанной под № 42. Выдержку из сочинения Лабозти печатаем по тексту «Свободного слова», сверив его с текстом рукописи, описанной под № 19; выдержку из сочинения Маккиавелли печатаем по изданию «Свободного слова». По тому же изданию печатаем и текст шестой главы, представляющий, за исключением последнего абзаца, как сказано, сплошь выдержки из прежде опубликованных сочинений Толстого.

Примечания.

Стр. 169, строка 15. «Другая Анна» — Анна Леопольдовна, племянница императрицы Анны Иоанновны, правительница России с 1740 по 1741 гг., фаворитом которой был саксонский посланник граф К. М. Линар.

Стр. 169, строки 22—24. Речь идет об императоре Петре III.

Стр. 169, строки 38—40. Речь идет о Николае II и его завоевательных планах в связи с русско-японской войной.

Стр. 170, строки 16—17. Речь идет о разводе Генриха VIII со своей женой Екатериной Арагонской и женитьбе его на своей фаворитке Анне Боллейн. Эта женитьба вызвала сопротивление римской курии, в результате которого Генрих VIII провозгласил независимость англиканской церкви от папской власти.

Стр. 171, строки 5—7. См. примечания к статье «Об общественном движении в России», стр. 635—636.

Стр. 171, строка 23 — стр. 173, строка 46. Выдержка из сочинения Лабюэти «О добровольном рабстве» («Sur la servitude volontaire». Bibliothèque nationale. Paris, 1901, стр. 36, 38, 40—45).

Стр. 174, строка 31 — стр. 177, строка 31. Цитаты из сочинения итальянского политического деятеля Николо Маккиавелли «Государь» («Il Principe»). В Яснополянской библиотеке Толстого имеется экземпляр этой книги в переводе с итальянского под редакцией Н. Курочкина: «Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия». Спб. 1869. С некоторыми стилистическими отступлениями цитаты из Маккиавелли в «Единое на потребу» заимствованы именно из этого экземпляра, в котором на многих страницах имеются собственноручные пометки Толстого.

Стр. 198, строки 2—3. Здесь Толстой имеет в виду свидетельство Библии, «Книга Бытия», XII, 48—57, XVIII, 13—26, где рассказывается о том, как Иосиф, продавая египтянам в голодные годы за деньги хлеб, собранный в плодородные годы, поработил египтян. Об этом Толстой подробно говорит в XX главе своего сочинения «Так что же нам делать?», приводя целиком все относящиеся к этой истории тексты из «Книги Бытия».

Стр. 203, строки 19—20. Сведенборгианизм — мистическое религиозное учение, основателем которого был скандинавский ученый и поэт Эммануил Сведенборг (1688—1772). Сента сведенборгиан существует преимущественно в Англии и Америке. О таосизме см. примечание к «Письму к китайцу», стр. 697.

Стр. 449, строка 31. Орлеаны, точнее орлеанисты — сторонники Орлеанской династии. Со времени Великой французской революции они выступали почти на протяжении всего XIX века. Панамисты — участники скандального предприятия — проекта соединения при помощи канала Атлантического и Тихого океана. Предприятие это, осуществлявшееся в 80-х гг. прошлого столетия и сопровождавшееся колоссальными вложениями, тратой огромных денежных сумм и вымиранием рабочих, ваяных на нем, не было осуществлено.

Стр. 452, строки 6—7. Перефразировка слов Евангелия от Иоанна, III, 19.

Стр. 455, строки 36—37. Книга профессора Н. М. Коркунова, на которую ссылается здесь Толстой и из которой он, по его словам, черпает сведения о том, как различные ученые определяют сущность государства, — «Сравнительный очерк государственного права иностранных держав», I, Спб., 1890.

«ВЕЛИКИЙ ГРЕХ»:

Статья «Великий грех» создавалась в результате скрепления двух замыслов. 16 апреля 1905 г. Толстой записывает в Дневник: «Всё это время болею сердцем... от этого и не мог работать. А очень хочется и изложение веры и о Генри Джордже, которого прочел по Николаеву и вновь восхищен». А 17 апреля он уже пишет Черткову о том, что им «пишется... о заступниках народа и о несправедности земельной собственности и Генри Джордже» (АЧ). 21 апреля Толстой вновь записывает в Дневник: «Начал писать «Народные заступники». Недурно. И Генри Джорджа». В дальнейшем обе статьи были объединены под заглавием «Великий грех». В части своих неопубликованных записок Д. П. Маковицкий под 28 апреля сообщает, что в этот день Толстой нескольким лицам читал «Великий грех». 4 мая в Дневнике Толстым отмечается, что им статья окончена. Однако 19 мая в Дневник заносится следующая запись: «Не писал больше двух недель... Поправляя всё это время «Великий грех» и всё еще не кончил». 24 мая там же записано: «Всё это время исправлял, дополнял «Великий грех». Кажется, кончил».

24 мая в Ясную поляну приехал из Англии Чертков, который предложил Толстому сделать в статье ряд сокращений. Толстой принял эти сокращения, как и некоторые немногочисленные поправки Черткова. 6 июня он записывает в Дневник: «Сократил «Великий грех», выбросил многое. Мне жалко». Наконец, под 18 июня в Дневнике записано: «Написал только вступление к «Великому греху» и несколько ничтожных писем». Под 1 июля Д. П. Маковицкий сообщает в своих записках, что Толстой дал переписать статью своей дочери Марье Львовне Оболенской и сам хочет свести ее на почту для отправки в «Русскую мысль».

К этому времени была закончена вторая редакция вступления, отменившая первую, уже набранную Чертковым для издания «Свободного слова» и присланную Толстому в корректурных гранках. 8 июля н. с. Чертков сообщает Толстому о получении им вступления и, посылая корректуру его, предлагает сделать в нем несколько изменений (АТБ). 2 июля Толстой в ответ на это письмо пишет Черткову: «Задержал два дня вашу корректуру... Всё не мог найти что нужно. Теперь посылаю и надеюсь, что не потребуются поправки. Очень занят другим» (АЧ).

В результате исправления корректуры получилась новая редакция вступления, на которой закончилась работа над статьей.

К «Великому греху» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 82) (все рукописи, за исключением описанной под № 7) и в АТБ (папка ХХХІІ) (рукопись, описанная под № 7).

1. Автограф, написанный в «Синем альбоме» (из архива А. Л. Толстой) на лл. 70—76, исписанных с обеих сторон. Заглавие — «Народные заступники». *Начало*: «Мф. ХХІІІ, 27, 28 (Выписать). Было время, когда». *Конец*: «и этимъ заперли его, поработили его». Текст соответствует последовательно главе шестой окончательной редакции, главе первой редакции, представленной рукописями №№ 4 и 5, затем исключенной, и главе первой окончательной редакции, в рукописях №№ 4 и 5 бывшей второй. В тексте, соответствующем первоначальной первой (исключенной) главе читается вариант, который печатаем отдельно под № 1.

Текст, соответствующий шестой главе окончательной редакции, довольно близок к ней, текст же, соответствующий первой главе той же редакции, значительно кратче ее.

2. Рукопись на 13 листах в 4° (два последние — почтового формата), исписанная большей частью с одной стороны рукой М. Л. Оболенской, Ю. И. Игумновой, на пишущей машинке (все — с поправками рукой Толстого) и рукой Толстого. На первых 11 листах копия автографа, описанного выше, со включением выдержки из письма крестьянина, относительно которой в автографе была сделана лишь пометка «выписать отчеркнутое»; на обороте одиннадцатого листа и на следующих двух — продолжение текста копии, написанное рукой Толстого. Заглавие «Народные заступники» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано новое — «Великій грѣхъ». *Начало*: «Мф. ХХІІІ, 27, 28. Горе вамъ, книжники и фарисеи». *Конец*: «нарушающее самое простое чувство справедливости жестокое злодѣйство». Текст автографа-продолжения по содержанию соответствует большей частью тексту четвертой и девятой глав окончательной редакции. В копии одна четвертушка пропала, две же извлечены из нее и перенесены в рукопись, описанную под № 4.

Исправления, сделанные в копии, многочисленны. Отметим лишь существенное.

Следующая после слов: «Но мы не правы», стр. 222, строка 27, (глава шестая окончательного текста) фраза:

Люди, творившіе эти дѣла, были и образованными (по тому времени) и умными и даже добрыми сердцемъ люди. Они не видѣли своего заблужденія и думали, что иначе нельзя. Развѣ не то же самое дѣлается среди насъ людьми также считающими себя образованными и умными и даже добрыми?
исправлена так:

Люди, творившіе эти дѣла, были интеллигенты того времени, и они были вполне увѣрены, что иначе нельзя. То же самое и съ нашей интеллигенціей.

В самом начале исключенной первой главы, после слов «рабочие всякого рода» зачеркнуто: «подъ влияніемъ мутящихъ ихъ паразитовъ» и далее также зачеркнуты аналогичные фразы с упоминанием «паразитов».

После слов: «Что бы подумал и сказал бы настоящий работающий человек?», стр. 470, строка 7, зачеркнуто:

Онъ подумалъ бы, что это или сумасшедшіе или лгуны. И такое его рѣшеніе было бы недалеко отъ правды для большинства паразитовъ, защитниковъ народа.

3. Рукописный материал, заключающий в себе 446 бумажных единиц различного формата и величины (полулисты, четвертушки писчей бумаги, пельные и склеенные из нескольких частей, полулисты и листы почтовой бумаги, отдельные полосы, вырезанные из четвертушек). Весь этот крайне спутанный материал, состоящий из разрозненных частей автографов и копий, переписанных рукой Ю. И. Игумновой, М. А. Шмидт, А. Л. Толстой, Д. П. Маковицкого и на машинке и исправленных рукой Толстого, не может быть распределен в последовательном хронологическом порядке. Многое здесь утрачено, кое-что вошло в состав рукописей, описанных под №№ 4 и 5. Между отдельными главами, к которым этот материал относится или примыкает, он приблизительно распределяется так. К исключенной первой главе относится 19 листов, к другой исключенной главе — 22 листа. К первой главе в ее окончательной редакции — 23 листа, ко второй 28, к третьей — 69, к четвертой — 54, к пятой — 47, к шестой — 7, к седьмой — 73, к восьмой — 30, к девятой — 70.

Выбираем из этого материала наиболее значительные разночтения и варианты.

В начале первой, затем исключенной главы читаем:

Волненія эти происходят преимущественно среди городских рабочихъ, составляющих ничтожный процентъ русскаго народа, и преимущественно среди того класса людей, которыхъ принято называть интеллигенціей, но которыхъ гораздо правильнѣе называть паразитами по несомнѣнному паразитическому способу ихъ существованія, чѣмъ интеллигенціей, въ виду очень сомнительнаго развитія ихъ интеллекта.

После слов «которые, работая шесть часов, требуют уменьшения до пяти часов», стр. 468, строки 26—27, в той же главе зачеркнуто:

Также требуютъ улучшенія своего положенія всѣ тѣ паразиты (такъ называемая интеллигенція), которые живутъ или готовятся жить трудами народа подъ предлогомъ оказыванія народу всякаго рода услугъ (въ родѣ обученія его всякаго рода вреднымъ глупостямъ, устройенію для него музеевъ, клиникъ, консерваторій и т. п.)

После слов «не говоря уже про гимназистов и студентов», стр. 468, строки 29—30, было написано:

тѣ самые люди, которые высасываютъ сокъ изъ народа или готовятся къ этому высасыванію. Всѣ они забастовываютъ, т. е. пугаютъ кого то тѣмъ, что если не исполнять ихъ требованій, то они перестанутъ высасывать народъ или готовиться къ этому, всѣ требуютъ измѣненія, улучшенія своего положенія. Кромѣ того,¹ въ разныхъ мѣстахъ происходятъ убійства правитель-

¹ В рукописи № 2 после этих слов зачеркнуто: подъ вліяніемъ паразитовъ.

ственных лиц¹ и убійства городскихъ и сельскихъ жителей правительственными войсками. Убиваютъ, вѣшаютъ, не работаютъ, голодаютъ, и² заступники народа радуются и придумываютъ различныя, совершенно не согласныя между собою средства осчастливленія народа.

После слов «и совершенно серьезно рассуждают, как», стр. 469, строки 15—16, зачеркнуто:

они, жалкіе паразиты народа, высасывающіе и разоряющіе его, наилучшимъ образомъ осчастливятъ этотъ народъ. И еще удивительнѣе то, что какъ только соберутся въ теперешнее время люди, будь они врачи или техники, они тотчасъ же, вместо того чтобы говорить о бактеріяхъ или двигателяхъ, начинаютъ рассуждать о той или иной формѣ правленія и тѣхъ или иныхъ мѣрахъ осчастливленія того народа, который они не переставая даютъ своимъ существованіемъ.

После слов «трудоого 100-миллионного народа», стр. 469, строка 41, зачеркнуто:

т. е. огромнаго большинства того народа, на которомъ растутъ и расползаются эти сосущіе его паразиты.

После слов «одно слово: господа», стр. 470, строка 10, зачеркнуто: Все это с жиру.

После слов «того озверения, которое охватило», стр. 470, строка 22 зачеркнуто:

большинство фабричнаго, городского населенія и въ особенности интеллигенцію» и заменено словами: «некоторую часть русскаго населенія.

Наконец, вычеркнута выдержка из письма крестьянина, в котором он жалуется на то, что при охватившем всех стремлении улучшить свое положение забыта лишь стомиллионная крестьянская масса.

Во второй главе — ряд цитат из Генри Джорджа, неиспользованных в окончательной редакци статьи.

К третьей и четвертой главам относятся варианты, которые печатаем отдельно под №№ 2 и 3.

К исключенной, первоначально шестой главе (см. окончательный текст ее в вариантах, напечатанных отдельно) относятся варианты, которые печатаем под №№ 4 и 5.

К седьмой главе относятся варианты, напечатанные под №№ 6, 7, 8, первые два — к началу главы, третий — к концу ее.

4. Рукопись на 78 нумерованных листах в 4°, из которых большинство склеено из нескольких полос; часть листов урезана. Написана на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. А. Шмидт, Д. П. Маковицкого и А. Л. Толстой, с поправками рукой Толстого. Полный текст «Великого греха», поделенный на двенадцать глав, причем в конце статьи расположение текста не соответствует его расположению в окончательной

¹ В рукописи № 2 после этих слов зачеркнуто: паразитами.

² Там же зачеркнуто: паразиты.

редакции. В некоторых местах рукой В. Г. Черткова сделаны поправки синим и красным карандашом. Видимо, его же рукой взят в квадратные скобки текст первой и шестой глав, а также два места из конца глав второй и седьмой. Поправки Черткова таковы. В четвертой главе (третьей в окончательной редакции) перед словами «необыкновенного человека», стр. 215, строки 21—22, вписано «этого самого»; в седьмой главе (пятой в окончательной редакции) перед словами «забавенные благом», стр. 221, строка 29, зачеркнуто слово «мнимо»; в той же главе слова «эти люди» исправлено на «многие из этих людей», стр. 221, строка 32; в восьмой главе (шестой в окончательной редакции) перед словами «служителей народа», стр. 223, строка 6, вписано слово «многих».

5. Рукопись на 60 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и в двух местах рукой М. А. Шмидт, с поправками рукой Толстого. Часть листов склеена из нескольких частей. На обороте одного листа написан рукой Толстого карандашом один абзац, переписанный на машинке и введенный в текст. Текст рукописи поделен на одиннадцать глав и восходит к тексту предыдущей рукописи, причем некоторые листы и части листов, будучи исправлены, были вновь переписаны и исправлены. Главы первая и шестая — по первоначальному счету — взяты в квадратные скобки и зачеркнуты поперек текста синим карандашом, видимо, рукой Черткова. Так же зачеркнут конец второй главы — всё то, что в рукописи, описанной под № 4, было взято в квадратные скобки. Конец первоначальной седьмой главы, также взятый в квадратные скобки, переделан Толстым и вновь переписан рукой М. А. Шмидт. В текст введены синим карандашом рукой Черткова те же поправки, какие введены были им и в текст рукописи, описанной под № 4. Сбоку эпиграфа из Евангелия, открывающего восьмую (в окончательной редакции шестую) главу написан рукой Черткова: «Это лучше не в виде эпиграфа, а просто в строку» и сбоку этого замечания поставлен вопросительный знак. После исключения двух глав статья оказалась поделенной на девять глав, причем в последних главах сделана перегруппировка текста сравнительно с рукописью № 4. Исправления, сделанные в рукописи рукой Толстого, сравнительно немногочисленные, — преимущественно стилистического характера. Всё исключенное по инициативе Черткова и с согласия Толстого (первая глава, конец второй, шестая и конец седьмой — по первоначальному счету) печатается в вариантах (№№ 9—12).

6. Рукопись на 32 нумерованных листах тонкой копировальной бумаги, написанная на пишущей машинке. Копия предыдущей рукописи, в которой отсутствуют вычеркнутые в ней главы и части глав и введены исправки, сделанные Чертковым, за исключением слова «самого» (в эпитете, прилагающемся в третьей главе к Генри Джорджу: «самого необыкновенного человека» стр. 215, строка 21). Слово это зачеркнуто самим Чертковым. Им же зачеркнуты после слов «сухость сердца, жестокость», стр. 222, строки 13—14, слова «и лицемѣрие». Кроме того, рукой А. Л. Толстой и Черткова исправлено несколько неточностей, вкравшихся при переписке. Поправки рукой Толстого нет. Данная рукопись включает в себя текст «Великого греха», переданный Черткову для напечатания. С копии этой рукописи, видимо, производился набор заграничного издания статьи. На

обороте последнего ее листа рукой А. Л. Толстой написано: «Последняя редакция, привезенная В. Г.¹ Июнь 1905».

7. Автограф на 3 листах большого почтового формата, исписанных с одной стороны. Вступление к статье. *Начало*: «Россия переживает тяжелое, знаменательное, богатое великими последствиями время». *Конец*: «и в такую минуту, как теперешняя». В дальнейшем текст автографа подвергся ряду исправлений.

8. Рукопись на 3 листах тонкой копировальной бумаги, написанная на пишущей машинке, с многочисленными исправлениями рукой Толстого. Исправленная Толстым копия автографа. Из вариантов следует отметить лишь один, относящийся к концу главы и в следующей копии зачеркнутый (№ 13).

9. Рукопись на 4 нумерованных листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с многочисленными поправками рукой Толстого. В двух местах, очевидно под диктовку автора, исправления сделаны рукой А. Л. Толстой. Его же рукой карандашом написано заглавие «Великий грех». Вновь исправленная копия предыдущей рукописи. В конце рукописи написан и затем зачеркнут вариант, который печатаем под № 14.

В самом начале статьи в словах «бесмысленная, не имеющая никакого оправдания, губительная для богатства, и для славы, и для жизни русских людей война» слова «бесмысленная» и «для славы» зачеркнуты.

10. Рукопись на 3 листах копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Исправленная копия предыдущей рукописи. Рукой В. Г. Чертова вслед за заглавием карандашом написано: «Вступление»; его же, видимо, рукой в словах «война сь сплошными, позорными поражениями» зачеркнуто слово «поворными» и сделана одна стилистическая перестановка. Вслед за машинописным текстом рукой Ю. И. Игумновой написано начало первой главы статьи. Текст вступления по этой рукописи послан был В. Г. Чертову в Англию для напечатания. Печатаем его в вариантах в том виде, как он был отредактирован Толстым (№ 15).

11. Корректурa вступления, набранная для газеты «Свободное слово» по тексту предыдущей рукописи, на двух гранках с широкими полями. Большинство набранного текста зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написан новый на полях, также частью зачеркнутый, и на отдельном полулисте почтового формата. Из поправок следует отметить две. В конце первого абзаца слова «переживаемого Россией кризиса» зачеркнуты и вместо них написано: «какого то надвигающегося и неустрашимого великого переворота»; затем на отдельном полулисте — вариант, относящийся к началу вступления и печатаемый нами под № 16.

12. Рукопись на 3 листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Кроме того, на четвертушке писчей бумаги вставка автографа. Исправленная копия рукописи, описанной под № 8. Поправки приближают текст рукописи к окончательной редакции вступления.

¹ В. Г. Чертовым.

13. Рукопись на 5 листах (4 — формата большого почтового листа и 1 — четвертушка писчего листа). На трех листах копия предыдущей рукописи, написанная с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой; в двух местах вклеены полюсы бумаги с машинописным текстом; недостающий первый лист перенесен в следующую рукопись. На четвертом листе, испisanном рукой Толстого с обеих сторон, и на четвертушке, испisanной его же рукой с одной стороны, — вставки к рукописи.

14. Рукопись на 6 листах большого почтового формата, испisanных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой, с поправками рукой Толстого. Кроме первого листа, перенесенного сюда из предыдущей рукописи, все остальное — исправленная копия рукописи, описанной под № 11. В результате многочисленных авторских исправлений текст вступления очень приблизился к его окончательной редакции.

15. Рукопись на 3 листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Текст вступления. Восходит к предшествующей рукописи, но не непосредственно. На оборотной стороне первого листа карандашом рукой Толстого написано дополнение, на следующем листе введенное в машинописный текст.

16. Рукопись на 2 листах копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Исправленная копия предыдущей рукописи. Окончательная редакция вступления. Рядом с заглавием рукой А. Л. Толстой написано «Вступление». В конце статьи ее же рукой написано: «Июль 1905» и на обороте второго листа — «Последний вариант».

В начале июля 1905 г. статья была отправлена через Н. В. Давыдова в «Русскую мысль». В своих записках от 11 июля Д. П. Маковицкий сообщает, что в этот день Толстому была доставлена корректура статьи. В июле же Толстой писал редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву о том, что отправляет ему корректуру без изменений, и просил взамен набранного предисловия, написанного первоначально, напечатать другое, которое 2 июля было послано Черткову и корректуру которого Чертков должен был выслать Гольцеву (ГТМ). Тут же Толстой просил Гольцева восстановить два места, пропущенные в корректуре, — какие именно, не знаем, так как корректура «Русской мысли» до нас не дошла.

Статья появилась в июльском номере «Русской мысли»¹ за 1905 г. с редакционным примечанием, оговаривающим расхождение редакции с автором по существенным и важным вопросам, и была перепечатана в том же году отдельной брошюрой издательством «Посредник», в июле же месяце она была напечатана в английском переводе в газете «Times». Через некоторое время, в том же 1905 г., статья появилась и в издании «Свободного слова» (№ 98) с заглавием «Великий грех» и с подзаголовком «О земельной собственности». К девятой главе редакцией сделано пояснение. В основу издания положен был текст рукописей, описанных под №№ 6 и 16.

Текст статьи, напечатанный в «Русской мысли», в некоторых местах отличается от текста рукописей, описанных под №№ 6 и 16, и от текста

¹ В записи Д. П. Маковицкого от 7 мая 1905 г. читаем: „Докачиваю «Великий грех», — сказал далее Лев Николаевич. — Хотелось, чтобы был напечатан в «Русской мысли» или «Вестнике Европы»“.

«Свободного слова». Отличие от текста обеих указанных рукописей, легших в основу издания «Свободного слова», может объясняться, во-первых, тем, что, как видно из записи Маковицкого, в «Русскую мысль» была послана несохранившаяся рукопись, переписанная рукой М. Л. Оболенской. В этой рукописи могли быть сделаны рукой Толстого кое-какие исправления (корректуры статьи, как видно из письма к Гольцеву, Толстой не правил и, следовательно, в ней не могли быть сделаны исправления). Во-вторых, при наборе и корректировании статьи в «Русской мысли» могли быть сделаны сознательные или бессознательные пропуски. К числу пропусков в тексте «Русской мысли» относится третий абзац вступления — «Так думают либералы...» и две фразы, относящиеся к третьей главе: «и, казалось, что истина... форму выражения», стр. 215, строки 37—38, и «так что среди большинства... только по имени», стр. 217, строки 9—11. Возможно, что эти две последние фразы и имел в виду Толстой, когда в письме к Гольцеву просил восстановить два места, пропущенные в корректуре и в тексте однако не восстановленные.¹

Далее — первый абзац первой главы в тексте «Русской мысли» читается несколько иначе, чем в рукописях, описанных под №№ 4, 5, 6 и в тексте «Свободного слова». Здесь, между прочим, прошедшее время всюду изменено настоящим. Вместо написанного в рукописях «На дняхъ я шель по большой дорогѣ въ Тулу. Это было въ вербную субботу. Народъ обовами ѣхаль на базаръ» — в тексте «Русской мысли» читаем: «Иду в вербную субботу по большой дороге в Тулу. Народ обовами едет на базар»; вместо «такъ они были худы» — «так они худы»; вместо «такую же худую облѣзшую корову» — «худую, облѣзшую корову». Во второй главе, стр. 213, строка 2, вместо «плодотворными» — «плодородными». В седьмой главе, стр. 225, строка 8, после слов «придумывать ничтожные» исключено слово «неважные». В девятой главе, стр. 228, строки 1—3, вместо «величайшимъ дѣломъ... это распространение» — «величайшее дело... бывает распространение». Все эти отличия текста «Русской мысли» от текста рукописей, в частности рукописи, описанной под № 6, относим на счет возможных исправлений, сделанных Толстым в копии, переписанной М. Л. Оболенской.

Что касается текста «Свободного слова», также не просмотренного в корректуре Толстым, то помимо нескольких незначительных стилистических и словарных исправлений, в нем читаются еще следующие поправки, сделанные Чертковым. В главе четвертой после слов «делают люди современного», стр. 217, строки 30—31, добавлено слово «христианского». В пятой главе после слова «жестокость», стр. 222, строка 41, исключено слово «лицемерие»; там же перед словами «из лицемеров и толпы», стр. 222, строки 37—38, вставлены слова «и также». Кроме того, Чертковым в девятой главе сделаны две правильные конъектуры к рукописной копии, отсутствующие в тексте «Русской мысли»: стр. 229, строка 26, «тогда» вместо «теперь», и стр. 229, строка 28, «с барщины на оброк» вместо «с оброка на барщину».

¹ В записи Д. П. Маковицкого от 29 ноября 1905 г. читаем: „В «Русской мысли» из «Великого греха» выпустили самые острые места о либералах. Горбунов не заметил и перепечатал текст из «Русской мысли»“.

Вслед за напечатанием «Великого греха» отдельной брошюрой, в № 17—18 газеты «Свободное слово» был напечатан первый — корректурный — вариант вступления к «Великому греху», озаглавленный «Необходимый переворот. Из нечаянных писаний Л. Н. Толстого». В основу издания был положен текст рукописи, описанный под № 10, однако с несколькими изменениями, которые Чертков предлагал Толстому в письме от 8 июля н. с.

Помимо того что были исключены слова «поворными», стр. 472, строка 27, и «Так же думают и революционеры — социаль-демократы», стр. 473, строки 25—26, фраза «всё эти явления происходят от основного, главного зла», стр. 473, строки 44—45, была исправлена так: «все эти явления связаны с основным, главным злом». Это исправление было мотивировано Чертковым в письме от 8 июля н. с. так: «Происходят» в этом случае слишком сильно сказано, так как само зло земельной собственности происходит от еще гораздо более основного зла: человеческого эгоизма. Если же сказать: «связанное с», то мысль сохраняется, а крайность утверждаемая устраняется» (АТБ). Что же касается абзаца, начинающегося словами: «Я думаю и высказывал несколько раз», стр. 474, строка 24, то он выделен из вступления и напечатан после него с редакторским пояснением. Необходимость исключения этого абзаца из корпуса статьи в том же письме мотивировалась Чертковым тем, что абзац этот, утверждающий независимость жизни народа от внешних форм, стоит в противоречии со всем предыдущим, где утверждается необходимость внешнего изменения форм пользования землей.

В августе 1905 г. Толстой писал Черткову о том, что С. А. Толстая хочет издать отдельным томом статью «О Шекспире и о драме» вместе с «Великим грехом» и новыми рассказами. «Это одно средство пропустить «Великий грех» в России» — добавляет он (АЧ). Но издание это не осуществилось. Впервые в собрании сочинений Толстого «Великий грех» по тексту «Русской мысли» (из «Посредника») был напечатан в 1911 г., в шестнадцатой части двенадцатого издания (конфискована).

Печатаая в настоящем издании «Великий грех» по тексту «Русской мысли», вводим в него из рукописи, описанной под № 16, сверенной с другими, пропущенный абзац во вступлении, а также две указанные выше фразы, пропущенные в третьей главе. Принимаем обе конъектуры, введенные Чертковым в текст девятой главы, и исправляем явные опечатки, вкравшиеся в текст статьи.

Примечания.

Стр. 211—214, 227—228, 230. Все остальные цитаты из Генри Джорджа, так же как и первая, оговоренная, взяты из его книги «Избранные речи и статьи» в переводе С. Д. Николаева, издание «Посредника», М. 1904, стр. 146, 147, 148, 149, 150, 151, 64, 43.

Стр. 216, строки 31—34. Цитата из биографии Генри Джорджа, составленной С. Д. Николаевым и напечатанной в книге «Избранные речи и статьи Генри Джорджа», стр. 12.

Стр. 225, строка 36 — стр. 226, строка 5. Речь идет о Д. П. Маковицком, читавшем на станции Туле не статью об аграрном съезде, а статью Толстого „О разрешении земельного вопроса по проекту «Генри Джорджа»“, помещенную в газете «Вечерняя почта», № 117, от 20 апреля 1905 г. и представляющую собой извлечение из статьи Толстого «К рабочему народу» (См. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Запись 25 апреля 1905 г.).

Стр. 226, строки 28—30. Перефразированная и сокращенная цитата, заимствованная из брошюры «Избранные мысли Иосифа Мадзини». Собрание Л. П. Никифоров. Издание «Посредника», М. 1905, стр. 5, мысль 4-я.

Стр. 169, строки 7—9. Евангелие от Иоанна, XVIII, 14.

«КОНЕЦ ВЕКА»:

«Конец века» задуман был Толстым еще до окончания работы над «Великим грехом». В неопубликованной части «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого под 19 мая 1905 г. передаются следующие слова Толстого: «Думаю, что «Великий грех» окончательно кончил... Опять буду писать о современном, хотя не хотел больше на современные события откликаться. Разгром флота — событие, которое будет иметь, вероятно, последствием усиление революционного движения, если правительство не заключит мира, и духовный подъем. В статье хочу сказать, во-первых, что в русском народе и сознательно и бессознательно был христианский дух, нежелание воевать, у японцев — наоборот: геройство, война — высший идеал. Второе (не могу вспомнить, что).¹ Третье то, что цивилизованные государства гордились тем, что военное искусство есть нечто добываемое тяжелым трудом, и только они могут его усвоить; японцы же доказали, что за 10 лет его можно усвоить. Значит, нам нужно показать миру не это, а более трудное: христианское устройство жизни».

В этих словах — программа первой и второй глав «Конца века».

Но работа над «Великим грехом» в мае еще не была кончена. Толстой принялся за сокращение статьи, а затем за писание вступления к ней. Эта работа продолжалась еще во второй половине июня. 12 июня Толстой записывает в Дневнике: «Хотел писать и «Силоамскую башню» и «Зеленую палочку» и ничего не могу». «Силоамская башня» — первоначально задуманное заглавие статьи, написанное в самом раннем автографе на первом листе. Под этим заглавием в этом же автографе написано и другое — «Конец века». 2 18 июня Толстой заносит в Дневник с пометкой «К Силоамской башне» мысль, развитую в первой главе «Конца века», — о том, что разгром русского флота и государства есть прежде всего разгром всей лжехристианской цивилизации. «Чувствую, сознаю и понимаю это — продолжает он — с величайшей ясностью. Как бы хорошо было суметь ясно и сильно выразить это». Далее высказывается мысль, развитая во второй главе, — о преимуществах нехристианских народов над христианскими

¹ В скобках — слова Маковицкого.

² Оба заглавия были подсказаны евангельским текстом. О Силоамской башне, обрушившейся в Иерусалиме и задавившей восемнадцать человек, говорится словами Христа в Евангелии от Луки, XIII, 4. О конце века и признаках этого конца идет речь в Евангелии от Матфея, XXIV.

в денежной борьбе, в научной и художественной деятельности, наконец, в военном деле.

Под 29 июня в Дневнике записано: „Почти ничего не делал. Только нынче немного пописал «Силоамскую купель»“.¹

Рядом с пометкой «К Силоамской башне» записываются следующие три мысли: 1) «Изменение государственного устройства может произойти только тогда, когда установится новая центральная власть или когда люди местами сложатся в такие соединения, при которых правительственная власть будет ненужна. А вне этих двух положений могут быть бунты, не перемена устройства». 2) «Тоqueville говорит, что большая революция произошла именно во Франции, а не в другом месте, именно потому, что везде положение народа было хуже, задавленное, чем во Франции... Это верно. И по той же причине новая, следующая революция — освобождение земли — должна произойти в России, так как везде положение народа по отношению к земле хуже, чем в России». 3) «Как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так и тому же призваны русские в 1905 г.»

6 июля Толстой пишет В. Г. Черткову: «Всё это время дурно работается, кажется, что много что имею, могу и хочу сказать, и ничего не выходит. А события нудят, требуют ответа на них. Может быть, заблуждаюсь, но так кажется» (АЧ).

Следующее упоминание в Дневнике о работе над «Концом века» относится лишь к 31 июля: „Мало подвинулся в «Конце века»“. Но 10 августа Толстой там же записывает: „Почти кончил «Конец века»“. На самом же деле до конца работы еще было далеко, и Толстой продолжал ее вплоть до декабря, почти не отвлекаясь никакой другой работой, всё более и более испытывая удовлетворение от написанного. 27 августа в Дневнике записано: „Писал всё время «Конец века», кажется, порядочно. Почти кончил. Всё еще «почти»“.⁴ 4 сентября Толстой пишет Черткову: «Всё кончаю статью, которую совместно писать (опять вам работа) и хочется многое многое еще сделать» (АЧ). 6 сентября он пишет о том же Г. А. Русанову: «Почти кончил статью «Конец века», которая мне самому очень нравится» (ГТМ), а 9 сентября он заносит в Дневник: «Всё время писал «Конец века» и редко бывал чем-нибудь так доволен. Кажется, что хорошо. Могло бы и должно бы быть много лучше, но и так ничего». Через десять дней, 19 сентября, в Дневнике записано: «Совсем кончил «Конец века» и редко был так доволен тем, что написал. Это поймут меньше, чем что-либо из того, что я писал, а между тем это оставит след в сознании людей».

Но последующие записи говорят о том, что, как это часто бывало у Толстого, то, что он считал уже конченным, в частности «Конец века», в действительности конечно не было, и работа всё еще продолжалась, вопреки неоднократным заявлениям в Дневнике и в письмах, что он «кончил», «совсем кончил» то или иное произведение. Под 20 сентября в Дневнике

¹ Явная опечатка: «Силоамская купель» вместо «Силоамская башня». О Силоамской купели, умывшись в которой прозрел слепой, говорится в Евангелии от Иоанна, IX, 7, 11. В то время как в заглавии «Силоамская башня» заключался определенный символический смысл, связанный с содержанием статьи (катастрофа, влекущая за собой гибель людей), в заглавии «Силоамская купель» никакой связи с содержанием статьи не было бы и потому не было бы никакого смысла.

читаем: «Утром писал «Конец века». Всё доволен». 23 сентября там же записано: „Кончил «Конец века»“, а 27-го — «совсем кончил «Конец века» и примериваюсь к новой работе». В письме к Черткову, написанном около этого времени (почтовый штемпель 27 сентября), Толстой однако еще не совсем уверенно говорит об окончании статьи: «Статью «Конец века», я, кажется, кончил и на днях пошло вам» (АЧ). 6 октября он вновь записывает в Дневник, что «кончил «Конец века» и читал с отметками «Александра I», т. е. книгу Н. К. Шильдера об Александре I, а 15 октября в письме к М. Л. Оболенской пишет: «Конец века» думал, что кончил, но стал поправлять и, кажется, выйдет» (ГТМ). Через три дня, 18 октября, Толстой пишет Бирюкову: «Я кончил «Конец века» и, хотя не следует говорить, очень доволен этой статьей» (АТБ) и в тот же день сообщает Черткову: «Конец века», как надеюсь, кончил... на днях пришло. Совестно говорить, но продолжаю думать, что это хорошо и нужно» (АЧ). Наконец, 23 октября, внося в Дневник, после одиннадцатидневного перерыва, очередную запись, он отмечает: «Не писал давно. Всё время поправлял, добавлял «Конец века». Продолжаю быть довольным. Кончил. Больше не буду».

Однако и после этого работа над статьей продолжалась. 3 ноября она отослана была для напечатания и Черткову в Англию, а на следующий день Толстой, обещая в скором времени выслать исправленное «Божеское и человеческое», писал ему: «Вероятно, вы тоже уже получили «Конец века», который Юлия Ивановна¹ послала вам вчера, 3 ноября. Нынче я вновь пересмотрел эту статью, сделал в ней поправки и прибавления и отослал вам одновременно с этим письмом или днем позднее» (АЧ). Речь, очевидно, идет о тех исправлениях и дополнениях, которые сделаны были Толстым вторично в главах двенадцатой и отчасти шестой и о которых идет речь ниже, при описании рукописи № 21. В письме от 24 ноября н. с. Чертков извещал Толстого о получении им «Конца века» и поправок к нему и сообщал, что сейчас же принимается за перевод ее на английский язык (АТБ). Около 10 ноября, собираясь послать Черткову исправленное «Божеское и человеческое», Толстой писал ему: «Послал вам также вариант к «Концу века» и посылаю еще прибавочку. Не сетуйте на меня, что так утруждаю вас. Желаю сделать попроще и всегда попадаюсь и доставляю лишний труд друзьям. Чем больше разгорается революция, тем сильнее хочется уйти в себя и не участвовать не только делом или словом, но и обсуждением этого злого дела» (АЧ). Под «вариантом» здесь, видимо, разумеются поправки и дополнения к VI и XII главам. О какой «прибавочке» идет здесь речь, неясно. При письме она не сохранилась. Черткову же Толстой пишет около 16 ноября: «Посылаю вам «Божеское и человеческое» и еще маленькую, хотя и пустую, прибавку к концу 8-й главы «Конца века», которую мне бы хотелось поместить» (АЧ). К письму приложена и самая прибавка, написанная рукой Ю. И. Игумновой: «Вообще же всему русскому народу... новые формы жизни». В письме, полученном Чертковым 19 декабря н. с., Толстой пишет ему: «Что «Конец века»? Получили ли его и как бы согласовать его печатание у вас и в России? Мы сделаем

¹ Ю. И. Игумнова, переписчица рукописей Толстого.

всё, что вам для вашего дела нужно», и затем делает следующую приписку: „Прилагаю еще прибавку к «Концу века»“ (АЧ).

Одновременно печатать «Конец века» в Англии и в России Толстой решил в ноябре. 11 ноября он писал И. И. Горбунову, стоявшему во главе издательства «Посредник»: «Мне приходит мысль: нельзя ли напечатать теперь в России «Конец века»? Я послал Черткову дня три тому назад, но у меня есть другой экземпляр. Не возьметесь ли вы напечатать? Если да, то я бы прислал вам, а вы списались бы, телеграфировались с ним, так чтобы выход у вас не помешал ему. Как вы думаете?» (ГТМ). И. И. Горбунов взялся за напечатание статьи, и 2 декабря им отправлена была через С. Д. Николаева вместе с письмом (АТБ) ее корректура (см. ниже описание рукописей, относящихся к «Концу века», № 24. Через несколько дней С. Д. Николаев на обратном пути из Харькова получил от Толстого исправленную корректуру и отвез ее Горбунову. В этой корректуре была значительно сокращена последняя — XII глава — «Заключение». Но после того, как корректура была отправлена, Толстой решил было, видимо, восстановить исключенные из «Заключения» места и написал собственноручно текст телеграммы на имя Горбунова: «Оставьте заключение по стар» (см. ниже описание рукописей, № 30). Но не дописав даже последнего слова и не подписав фамилии, Толстой передумал и, зачеркнув текст написанной им телеграммы, не послал ее, а чистую оборотную сторону листа, на котором был написан текст телеграммы, использовал для дополнений к своей статье «Свободы и свобода», которую решил включить в «Конец века». 9 декабря он записывает в дневник: „Писал «Свободы и свобода» как отдельную статью и нынче включил в «Конец века»“. Очевидно, решение не посылать Горбунову телеграммы было связано с решением заменить «Заключение» новой главой «Свободы и свобода» и наново составленным кратким заключением. Таким образом непосланную телеграмму следует датировать не позднее, чем 9 декабря. Она не могла быть написана и ранее 6—7 декабря, вероятно срока отправки Горбунову корректур.

9 декабря Толстой писал Горбунову: «Пишу вам не своей рукой, потому что устал. Устал же оттого, что прибавил и изменил конец статьи, из заключения сделав главу XII, заключение же осталось отдельно. Кроме того, написал вставку к концу главы VI после слов: «при усмирении, вовмущении и, главное, всё увеличивающихся и увеличивающихся отказов от присяги и солдатства». Эту вставку прилагаю. Как всегда, даю вам *carte blanche*¹ сокращать, что найдете нужным» (АЧ).

Новые XII глава и заключение вместе со вставкой к шестой главе Горбуновым были затем пересланы в Англию Черткову.

На этом работа Толстого над «Концом века» закончилась.

К «Концу века» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ), (папки 38, 83, 93, 94, 95 и переплетенная в кожу тетрадь («Синий альбом») из архива А. Л. Толстой).

1. Автограф начала статьи, обрывающейся на полуфразе, на 5 пронумерованных с обратной стороны посторонней рукой листах большого почтового

¹ полную свободу;

формата, исписанных с одной стороны. В начале первого листа написано заглавие «Пора» и затем идут пять строк, в которых говорится о бессмысленном и жестоком деле, о том, что «милліонъ отобранныхъ, сильныхъ молодыхъ людей русскаго, христіанскаго по своему исповѣданію миролюбиваго народа отдастъ послѣднія свои силы» (очевидно на дело войны). Эти строки и заглавие, очевидно, не относящиеся к данной статье (может быть, они относятся к «Единое на потребу») зачеркнуты. Затем следует заглавие «Силоамская башня» и под ним другое — «Конецъ вѣка», эпиграф из Евангелия от Иоанна и *начало* статьи: «Вѣкъ и конецъ и начало вѣка на евангельскомъ языкѣ». *Конецъ*: «Мало того...» По содержанию рукопись соответствует первой главе печатного текста, но в ней есть два варианта, не вошедшие в печатный текст. Первый относится к началу рукописи, второй к концу ее. Печатаем их под №№ 1 и 2.

2. Рукопись на 14 нумерованных листах в 4°, из которых один урван. На первых семи листах крайне несовершенная, переполненная ошибками копия автографа, исправления рукой Толстого, на остальных — автограф продолжения статьи, написанный частью с обеих сторон листа, частью с одной. Заглавие — «Конецъ вѣка». Вслед за эпиграфом *начало*: «Вѣкъ и конецъ и начало вѣка на евангельскомъ языкѣ». *Конецъ*: «въ жизни христіанскихъ народовъ». Исправления, сделанные в копии, большую часть стилистического характера; кроме того, переставлены отдельные абзацы и зачеркнуты варианты, приведенные из автографа, — первый целиком, второй частично. Автограф продолжения по содержанию соответствует второй главе печатного текста, но кратче ее.

3. Рукописный материал, заключающий в себе 9, частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 81 обрезок, написанных с одной стороны на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой, Д. П. Маковицкого, М. Л. Оболенской и Н. Л. Оболенского и исправленных рукой Толстого, и 2 вставки-автографа. Части копий рукописи, описанной под № 2. Всего одиннадцать копий. Текст разбит на четыре главы. Отдельные листы входили здесь в различные комбинации и переносились в другие рукописи; поэтому нумерация отдельных листов очень пестрая. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции первой и второй глав. Существенных вариантов нет.

4. Рукописный материал, заключающий в себе 9 листов разного формата автографов, исписанных большей частью с обеих сторон, 62 частью склеенных из нескольких частей листов в 4°, и 82 обрезка, написанных с одной стороны на пишущей машинке и рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского, Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Этот материал содержит в себе главы первую, шестую, седьмую и первые строки восьмой по первоначальному счету и соответствует главам третьей и первой половине шестой печатного текста. Написанное на машинке и рукой переписчиков представляет собой копии автографов. Таких копий сделано до восьми. И здесь, как и в предыдущей рукописи, отдельные листы входили в различные комбинации и переносились в другие рукописи; нумерация и тут пестрая. Исправления, сделанные в копиях, постепенно приближают их к окончательной редакции. Однако в тексте, соответствующем шестой главе печатного текста, нет еще материала,

соответствующего второй половине этой главы, начиная с того места, где речь идет об отношении сектантов к правительственному насилию. Автограф самой ранней редакции пятой главы (по первоначальному счету) печатаем в вариантах (№ 3). Вариант № 7 представляет собой последнюю редакцию того места в автографе ранней редакции, в которой говорится об отличии поведения народа от поведения городских сословий. Из следующего автографа той же пятой главы печатаем отрывок, заключающий в себе оценку русской революции (вариант № 4). Этот же отрывок приводим в одной из последних его редакций (вариант № 5) и в самой последней (вариант № 6). Варианты №№ 8—10 развивают тему об отношении русского народа к власти.

5. Рукописный материал, заключающий в себе 7 листов разного формата автографов, исписанных с обеих сторон, 50 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 19 обрешков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Содержит в себе главу восьмую по первоначальному счету, в последних копиях — шестую и затем четвертую и соответствует второй половине шестой главы печатного текста, трактующей об отношении сектантов к военной службе. Общее количество исправленных копий — 10. Та же пестрота нумерации, что и в рукописях, описанных под №№ 3 и 4, и по той же причине. В автографе и первоначальных копиях сильнее подчеркивается различие между русским народом и другими европейскими народами в их отношении к вольской повинности: в русском народе, лучше других усвоившем подлинное христианство, введение всеобщей воинской повинности встретило гораздо большее противодействие, чем у других народов; отказы от военной службы в России чаще, чем в других европейских странах. В ранних редакциях большая резкость тона, чем в редакциях позднейших: говорится, напр., об «обманах» и «лжетолкованиях» церкви: русско-японская война характеризуется как «ужасная, нелепая, подлая по своим низким, корыстным мотивам». Извлекаем отсюда вариант № 11.

6. Рукописный материал, заключающий в себе 4 листа разного формата автографов, исписанных с обеих сторон, и 9 частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 15 отрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, Н. Л. Оболенского и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Заключает в себе главу девятую по первоначальному счету, соответствующую главе седьмой печатного текста. Текст, переписанный на машинке и от руки, представляет собой остатки шести исправленных копий автографа.

7. Рукописный материал, заключающий в себе 13 листов разного формата автографов, исписанных большей частью с обеих сторон (две редакции) и 82 листа в 4°, часть которых склеена из нескольких частей, и 53 обрезка, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого. Первоначально главы, на которые поделен этот материал, были обозначены цифрами X и XI, затем две главы были слиты в одну, обозначенную последовательно цифрами VIII,

VI, VII. Материал этот соответствует пятой главе печатного текста и, за исключением листов с автографами, представляет собой остатки копий этих автографов. Таких копий, считая и перепечатки отдельных страниц текста, сделано было до двадцати. На некоторых копиях сохранились заглавия, изменявшиеся в такой последовательности: «Положение Европы и Америки по отношению къ предстоящей революціи», «Психологическія причины предстоящей революціи», «Неизбѣжный выводъ въ практикѣ изъ принятія закона согласія и любви во всеъ его значеніи», «Какими путями непринятіе заповѣди непротивленія привело христіанское чело-вѣчество к необходимости революціи?», «Послѣдствія непринятія заповѣди непротивленія». К этому материалу относятся варианты, напечатанные под №№ 12—14.

8. Автограф на 2 листах в 4°. Первые три страницы, написанные разгонистым почерком, заняты текстом двенадцатой главы по первоначальному счету, последняя — посторонними арифметическими выкладками, сделанными также рукой Толстого. *Начало*: «И потому опасность, угрожающая теперь русскому народу». *Конец*: «будутъ прилагать ихъ». Значительная часть текста перечеркнута. Вслед за текстом подпись «Л. Т.» и собственноручная дата — 5 августа. По содержанию рукопись соответствует равным местам текста последних глав статьи, главным образом, тексту десятой главы.

9. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов в 4° и 2 обреза. На 6 листах и 2 обрезках, написанных с одной стороны на пишущей машинке и рукой Н. Л. Оболенского, Ю. И. Игумновой и Д. П. Маковицкого и исправленных рукой Толстого, одна цельная копия предыдущей рукописи и четыре остатка копий. На оставшейся чистой части лицевой и на оборотной странице одного из остатков копии, на обеих страницах чистой четвертушки и на двух оборотных страницах цельной копии — автограф продолжения двенадцатой главы по первоначальному счету. Текст этого автографа по содержанию соответствует одиннадцатой главе печатного текста и трактует о судьбе цивилизации. *Начало* автографа: «Но это старое, это первобытное состояніе». *Конец*: «Въ этомъ предстоящая революція». Вслед затем — собственноручные подпись «Л. Т.» и дата — 15 августа. Извлекаем из автографа вариант, который печатаем под № 15.

10. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов равного формата разновременно написанных автографов, дополняющих главу о цивилизации, и 25 большей частью склеенных из нескольких частей листов в 4° и 60 обрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой и Д. П. Маковицкого, исправленных рукой Толстого и заключающих в себе остатки более чем шести копий автографов всей главы. Главы эти последовательно обозначались цифрами X и XI. Существенных вариантов в этом материале нет.

11. Рукописный материал, заключающий в себе 14 листов равного формата разновременно написанных автографов, 79, частью склеенных из нескольких частей, листов в 4° и 90 обрезков, написанных с одной стороны на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, Д. П. Маковицкого, М. Л. Оболенской, Н. Л. Оболенского и неизвестного, исправленных рукой Толстого и заключающих в себе остатки более чем десяти копий

автографов этой главы. На отдельных листах есть обозначения глав — VII, VIII, IX, X, XI, со следующими заглавиями: «Неразумность обезпечения жизни насильемъ. Причины этого заблужденія», «Каково будетъ положеніе людей, отказавшихся отъ повиновенія правительству?», «Внутреннее устройство, свойственное русскому народу», «Чѣмъ будетъ ограждено общежитіе людей, отрицающихъ насиліе?», «Каково будетъ положеніе людей, отказавшихся отъ повиновенія?», «Какова будетъ та форма, въ которую сложится жизнь людей при уничтоженіи власти?», «Какая дѣятельность людей будетъ содѣйствовать предстоящему перевороту?», «Въ чемъ должна состоять дѣятельность людей нашего времени?». Материалъ рукописи соответствуетъ главамъ восьмой, девятой и десятой печатного текста. Извлекаемъ изъ него варианты, которые печатаемъ подъ №№ 16—21.

12. Рукописный материал, заключающий в себѣ 8 листовъ в 4° равно- временно написанныхъ автографовъ, перемежающихся съ копиями, и 59 листовъ в 4°, частью склеенныхъ изъ несколькихъ частей, и 44 обрезка, написанныхъ на пишущей машинкѣ, исправленныхъ рукой Толстого и содержащихъ в себѣ остатки больше чемъ десяти копій автографовъ. Первый автографъ и первоначальные копии обозначены были цифрою XII и являлись последнею главою статьи, заканчивавшейся следующими словами:

И мы живемъ въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ, когда это новое благо, только предчувствуемое человѣчествомъ тысячелѣтіями, теперь, сейчасъ близко къ осуществленію, и мы имѣемъ счастье быть участниками, дѣятелями этаго осуществленія.

Будемъ же благодарны за это и сдѣлаемъ все, что можемъ, для того чтобы исполнить то дѣло, которое выпало на долю нашему поколѣнію.

Вслед за этимъ — полная собственноручная подпись Толстого и дата: «Ясн. П. 1905. 27 Авг.»

В ближайшей копии рукой Толстого написано «Конецъ» и проставлена новая дата — 28 августа 1905 г. В дальнейшемъ рядомъ съ цифрою XII является заглавіе «Постепенное уясненіе сознанія неразумности насилія». Затемъ глава, обозначенная цифрою XI, озаглавляется: «Значеніе религіи въ общественной жизни». Дальше эта же глава, обозначенная цифрою VI, получаетъ сначала заглавіе: «Основная причина противорѣчія, приведшаго къ предстоящей революціи» и, наконецъ, — «Основная причина предстоящаго переворота». Материалъ рукописи соответствуетъ главѣ четвертой печатного текста. Извлекаемъ изъ него вариантъ № 22.

13. Автографъ на 4 листахъ равного формата, исписанныхъ, кроме первого, съ обеихъ сторонъ. *Начало*: «Человѣчество жило по закону повиновенія власти». *Конецъ*: «на нашей исторической памяти переживало человѣчество». По содержанию текстъ рукописи соответствуетъ приблизительно первой половинѣ двенадцатой главы в ея первой печатной редакціи. Извлекаемъ отсюда вариантъ № 23, приходящийся на конецъ автографа.

14. Рукописный материал, заключающий в себѣ 24, частью склеенныхъ изъ несколькихъ частей, листа в 4° и 36 обрезковъ, написанныхъ съ одной стороны на пишущей машинкѣ и рукой Ю. И. Игумновой, исправленныхъ рукой Толстого и заключающихъ в себѣ остатки до пяти копій предыдущей рукописи. В копияхъ текстъ рукописи обозначен цифрою XII, вследъ за которой

написано «Заключение». На одном из листов копии рукой Толстого написано «Конец», на другом поставлена дата 14 сентября 1905 г.

15. Рукописный материал, заключающий в себе 78 обрезков, написанных большей частью на машинке, частью от руки различными переписчиками и в отдельных случаях рукой Толстого. Переписанное на машинке и посторонней рукой исправлено Толстым. Приурочению к отдельным главам эти обрезки не поддаются.

16. Рукопись на 93, часто склеенных из нескольких частей, листах в 4°, исписанных с одной стороны частично рукой Ю. И. Игумновой, М. Л. Оболенской, В. А. Лебена и одного неизвестного переписчика и исправленных рукой Толстого. На большей части листов — последовательная нумерация посторонней рукой. В некоторых случаях нумерация дублирована; часто окончательный номер листа поставлен вместо зачеркнутых прежних одного или двух номеров. Между листами 66 и 67 (по нумерации рукописи) вложены три относящиеся сюда вставки, написанные рукой Толстого. Лист с номером 72 отсутствует. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой Игумновой написано «Конец века» и ее же рукой карандашом, сверху обложки — «1-й экземпляр». Рукопись составилась из одновременно напечатанных и написанных листов (часть листов до конца недопечатана или недописана), собранных в одно целое и составивших сплошную, цельный текст статьи. Он поделен на двенадцать глав, распорядок которых отличается от того, какой имеется в первой печатной редакции. Так, глава четвертая соответствует шестой окончательного текста, пятая — седьмой, шестая — четвертой, седьмая — шестой, девятая — десятой и десятая — девятой. Глава третья озаглавлена «Значение волнений, происходящих в России», девятая — «Внутреннее устройство, свойственное человечеству». Текст рукописи по содержанию близок к печатному тексту первой редакции. Дальше всего от него стоят третья и двенадцатая главы. Первая распространеннее, последняя кратче соответствующих глав печатного текста.

17. Рукописный материал, заключающий в себе 23 листа в 4°, 24 обрезка и 1 вставку. Отдельные листы и обрезки исправленных рукой Толстого машинописных копий отдельных мест рукописи № 15, являющиеся переходным материалом между рукописями, описанными под №№ 17 и 20. К первой главе относится 1 лист и 3 обрезка, ко второй — 1 лист и 1 обрезок, к третьей — 15 листов и 6 обрезков (остатки четырех копий), к четвертой (здесь и всюду дальше счет по окончательной нумерации глав) — 2 обрезка, к пятой — 1 обрезок, к шестой — 3 обрезка, к восьмой — 5 листов и 4 обрезка, к девятой — 1 лист, 3 обрезка, и 1 вставка-автограф, к десятой — 5 листов и 1 обрезок.

18. Автограф добавления к двенадцатой главе на 4 листах (2 листа в 4°, исписанных с обеих сторон, и 2 листа почтового формата, исписанных с одной стороны). *Начало*: «Въѣдь стоитъ только на минуту». *Конец*: «должны сдѣлать и всѣ другіе народы».

19. Рукописный материал, заключающий в себе 17, частью склеенных из нескольких частей, листов в 4° и 11 обрезков, написанных на пишущей машинке, исправленных рукой Толстого и содержащих остатки двух копий предыдущей рукописи.

20. Рукопись на 90, частью склеенных из нескольких частей, листах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого и М. С. Сухотина. На большей части листов последовательная нумерация, сделанная несколькими посторонними лицами. На обложке рукописи рукой Ю. И. Игумновой написано «Конец века» и ее же рукой карандашом сверху обложки — «2-й экземпляр». Листы соединены так, что рукопись, представляя собой полный текст статьи, очень близкой к первой печатной редакции, является копией рукописи, описанной под № 16, со внесением всех тех поправок и дополнений, какие заключаются в рукописных материалах, описанных под №№ 17—19. Распорядок глав в этой рукописи соответствует тому, какой принят в печатном тексте первой редакции. Заглавия глав также сходны с заглавиями в печатной редакции, исключая десятой главы, попрежнему озаглавленной «Внутреннее устройство, свойственное человечеству». Поправки, сделанные рукой Толстого, приближают текст рукописи к печатной редакции. Многочисленные поправки, сделанные рукой М. С. Сухотина синим карандашом (за исключением одной — черным карандашом), представляют собой стилистическую переработку отдельных мест статьи. Так, например, в первой части слово «ошибками» исправлено на «промахами»; слова «много лучше христианских народов» на «много лучше, чем это было сделано народами христианскими»; слова «выросших из подчинения» на «переросших свое подчинение» и т. д. Очевидно, Толстой предоставил Сухотину самостоятельно стилистически исправить свою статью. Огромное большинство этих исправлений было принято Толстым; часть же была им отвергнута: написанное Сухотиным частью зачеркнуто, а зачеркнутое им частью восстановлено Толстым. В одиннадцатой главе после слов «не судьи и не свидетели, а сторона», стр. 265, строка 25, зачеркнуто продолжение абзаца, которое печатаем в вариантах под № 24.

21. Рукопись на 79 нумерованных (1—79) листах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого (в нескольких местах рукой А. Л. Толстой исправлены ошибки, вкравшиеся при переписке текста). На обложке рукописи на машинке написано «Конец века», а сверху рукой Ю. И. Игумновой карандашом — «3-й экземпляр». Кроме того, тут же рукой Толстого написано «35 стр[аница]». Данная рукопись представляет собой копию предыдущей.

Поправки, сделанные Толстым, многочисленнее во второй части статьи, чем в первой. Они несомненно делались дважды (а может быть и трижды); во второй раз после того, как была переписана и исправлена копия с этой рукописи (см. ниже). Судим так потому, что поправки и вставка, сделанные в шестой главе на 35-м листе, и большая часть поправок и все вставки, сделанные в двенадцатой главе, в копию данной рукописи не введены, не введен и второй эпиграф из Евангелия от Иоанна. Пометка Толстого на обложке «35 стр[аница]», очевидно, обозначает, что нужно обратить внимание на поправку и вставку, сделанные на листе, занумерованном цифрой 35 и на примыкающем к нему 34-м обратном.

22. Автограф добавления к девятой главе на полулисте почтовой бумаги, приложенном к письму к В. Г. Черткову, полученном им 19 декабря н. с. 1905 г. *Начало*: «Для того чтобы освободиться от всёх волъ». *Конец*:

не повиноваться власти». Рукой Ю. И. Игумновой сверху написано «Прибавление к «Концу века», конец IX главы». Рукой Толстого под текстом написано: «Вписать это надо послѣ того мѣста, гдѣ въ разрядку написано: не повиноваться власти».

23. Рукопись на 76 нумерованных (1—76) страницах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого и рукой И. И. Горбунова (в нескольких местах, кроме того, посторонней рукой исправлены ошибки, вкравшиеся при переписке текста). Считая тетрадь, листы которой исписаны с обеих сторон. На обложке написано на машинке заглавие «Конец века» и сверху страницы карандашом рукой Ю. И. Игумновой — «4-й экземпляр». Конец девятой главы на нижней части 53 страницы, переделанной в 53а, и верхней части 54-й зачеркнут и перед зачеркнутым текстом посторонней рукой написано: «Смотри приложенное 53 — б, в, г». Тут же приложены три четвертушки, написанные на машинке, исправленные рукой Толстого и обозначенные цифрами 53б, 53в, 53г. Текст этих четвертушек представляет собой копию, снятую с исправленной Толстым машинописной копии (на двух четвертушках) зачеркнутых частей 53-й и 54-й страницы и вставки-автографа (на согнутом пополам полулисте писчей бумаги, исписанном с одной стороны), отнесенной к словам 54-й страницы: «Люди должны понять, что». К концу 53г страницы приклеен согнутый пополам полулист писчей бумаги, на которой рукой Ю. И. Игумновой написано дополнение к главе, начинающееся словами «Для того чтобы освободиться отъ всѣхъ волъ». Вслед за тем ее же рукой сделана приписка «В самый конец IX главы». Это дополнение — копия автографа, описанного под № 22. Данная рукопись представляет собой исправленную копию рукописи, описанной под № 21, сделанную, как сказано выше, ранее того, как в шестой и двенадцатой главах рукописи № 21 сделаны были вторичные исправления. Отдельные места, в которых оказалось особенно много исправлений, перепечатаны вновь, и перепечатанное наклеено поверх исправленного. Будучи вновь переписан, текст этой рукописи лег в основу первого печатного издания статьи. Судя по тому, что в этой рукописи сделаны поправки рукой И. И. Горбунова, она была ему переслана для напечатания в издательстве «Посредник». Исправления, сделанные рукой И. И. Горбунова, исключительно стилистические. Так, в первой главе, стр. 233, строки 19—20, перед словами «Государство, держащееся на насилии» добавлено: «Таков учреждение, как»; в третьей главе, стр. 240, строка 26, слово «приобретения» исправлено на «присвоения»; в пятой главе, стр. 258, строка 14, перед словами «учение показывало» добавлено «христианское» и т. д. Таких исправлений довольно большое количество (подробнее см. в печатных вариантах «Конца века»). Кроме того, И. И. Горбуновым было увеличено количество абзацев.

24. Рукопись на 13 листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, частью урезанных. Здесь рукой Ю. И. Игумновой и отчасти на пишущей машинке переписаны все поправки и исправления, сделанные Толстым в предшествующей рукописи, с приурочением их к страницам и строкам этой рукописи. На листе 8 текст частично написан рукой Толстого. Рукопись эта была послана в Англию Черткову, и по ней

исправлен экземпляр статьи, отпечатанный на машинке одновременно с экземпляром, описанным под № 23, и ранее посланный Черткову. По тексту этого экземпляра (хранится в ГТМ) печатался текст в издании «Свободного слова».

25. Корректурa в гранках «Кюнца века», набранная по тексту рукописи, описанному под № 23 и исправленная рукой Толстого и С. Д. Николаева. 26 нумерованных гранок. 24, 25 и 26 гранки перенумерованы из 25, 26, 27; гранка же, первоначально занумерованная цифрой 24, отсутствует (она сознательно выброшена из текста). Вместо нее вложена вставка, переписанная с обеих сторон на двух полулистах писчей бумаги, на пишущей машинке и исправленная рукой И. И. Горбунова. Вставка эта представляет собой начало главы «Свободы и свобода», помеченной цифрой XII (*Начало*: «То, что люди нашего времени толкуют о свободѣ». *Конец*: «сумма несвободы, насилія та же, какъ и въ большихъ государствахъ»). Идущая вслед за тем 24 гранка озаглавлена рукой Толстого «Заключение». Сверху этого слова его же рукой опять поставлена цифра XII. Судя по этому, а также по тому, что во вставке текст частично буквально совпадает с текстом «Заключения» в гранках, вставка была отослана Горбунову после того, как ему была отправлена корректурa статьи. Верхняя часть текста на последней, 26 гранке загнута назад и вместо нее и нижней части текста булавкой прикреплена небольшая вставка, написанная рукой С. Д. Николаева и исправленная рукой Толстого. На первой гранке штемпель типографии: «Типографія торг. дом. А. П. Печковской, П. А. Буланже и К°. Москва. 2 дек. 1905». Исправления рукой Толстого многочисленны. В большинстве случаев они редко вносятся в текст смысловые изменения. Наиболее значительные смысловые поправки следующие. Во второй главе после слов «для кого богатство есть благословение божие», стр. 235, строка 38, зачеркнуто: «Отъ этого и вызывающій во всемъ мірѣ такую зависть успѣхъ въ денежныхъ дѣлахъ евреевъ». В третьей главе после слов «производящие теперь революцію в России, думают, что», стр. 240, строки 3—4, зачеркнуто: «продѣлавъ все то, что происходило въ европейскихъ революціяхъ, съ торжественными похоронными шествіями, разрушеніемъ тюремъ, блестящими рѣчами «Allez dire à votre maître»¹ и т. п., они». В шестой главе после слов «часто даже не русскимъ самодержцамъ» стр. 248, строки 1—2, зачеркнуто «начиная отъ Іоанна IV до Николая II». В восьмой главе после слов «Аракчеевы, Меттернихи и Талейраны», стр. 254, строка 19, зачеркнуто: «и Николай». В той же главе после слов «сколько японская, только что окончившаяся война», стр. 256, строки 16—17, приписано: «Но если въ средніе вѣка, во времена рыцарства, малыя государства не могли жить мирно, то въ наше время ужъ нѣтъ ни тѣхъ причинъ борьбы, ни той воинственности». Рядом с этой припиской рукой Толстого обозначено: «ad libitum». ² Такая же приписка сделана к трем последним абзацам девятой главы, перечеркнутым крест-на-крест. (Эти три абзаца напечатаны в дополнениях к первому изданию «Кюнца века» в издательстве «Свободное слово» и вошли во второе издание в качестве предпоследнего абзаца

¹ [Идите и скажите своему господину]

² [по желанию]

девятой главы (см. печатные варианты). В одиннадцатой главе после слов «стоящие египетских пирамид», стр. 266, строка 19, зачеркнут абзац, начинающийся словами «Защитники цивилизации говорят» и вошедший в оба издания «Свободного слова» (см. печатные варианты). Из двенадцатой главы («Заключения») исключено всё ее начало, заключавшееся в отброшенной гранке, первоначально занумерованной цифрой 24, кончая словами «увидят народы Европы и Америки», стр. 277, строки 15—16. В той же главе после слов «будет всё больше и больше усиливаться рабство рабочего народа», стр. 277, строка 18, загнута назад часть текста, начинающаяся словами «Ведь есть только одно основное» и кончающаяся словами «другому человеку или собранию людей» (см. печатные варианты).

26. Автограф второй редакции двенадцатой главы, позже озаглавленной «Свободы и свобода» — в так наз. «Синем альбоме», на листах 32 об. — 42. Листы исписаны с обеих сторон, за исключением оборотной стороны 42 листа и лицевой 43-го (чистые). *Начало*: «Цѣль совершающейся теперь въ Россіи». *Конец*: «и установление свободы людей». Извлекаем отсюда варианты, которые печатаем под №№ 25 и 26.

27. Рукопись на 11 нумерованных листах в 4°, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. *Начало*: «Въ Россіи идетъ теперь революція». *Конец*: «какъ частной, такъ и общественной жизни». Исправленная и дополненная копия предыдущей рукописи. Верхняя часть десятого листа отрезана и перенесена в следующую рукопись. К седьмому листу приложена вставка, написанная рукой Толстого на лицевой стороне почтового полулиста. Нижняя часть седьмого листа отрезана и вместе с двумя следующими листами перенесена в конец рукописи. Рукой Толстого перед текстом написано заглавие: «Въ чемъ сущность русской революціи?»

28. Рукопись на 10 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи. Нижняя часть первого листа, верхняя третьего, а также листы седьмой и восьмой перенесены в следующую рукопись, нижняя часть четвертого листа — в рукопись, описанную под № 29. К пятому листу приложена вставка, написанная рукой Толстого на лицевой стороне почтового полулиста. Прежнее заглавие зачеркнуто и рукой Толстого написано новое: «Свободы и свобода». То же заглавие вместо прежнего написано им и на обложке рукописи. *Начало*: «Люди, борящіеся съ правительствомъ». *Конец*: «нужно повиноваться Богу». Вслед за этим собственно-ручная дата и подпись: «29 Ноября 1905. Левъ Толстой». Извлекаем из этой рукописи вариант, который печатаем под № 27.

29. Рукопись на 11 нумерованных листах в 4° и 6 полосах бумаги, отрезанных от четвертушек, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи. *Начало*: «Существуютъ различныя свободы». *Конец*: «такъ и общественной жизни». Часть материала, как сказано выше, перенесена сюда из рукописи № 27, одна полоса переложена в рукопись № 29. Туда же переложены листы двенадцатый и тринадцатый: лист же седьмой переложен в рукопись № 30. Четырнадцатый лист переписан и исправлен дважды. Текст первого листа продолжен рукой Толстого на приложенном к нему полулисте

почтовой бумаги, исписанном с обеих сторон. К одиннадцатому листу приложена вставка, написанная Толстым на клочке бумаги.

30. Рукопись на 10 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Заключена в обложку, на которой на машинке написано «Свободы и свобода». *Начало*: «Существуют различные свободы». *Конец*: «нужна заводская промышленность». Копия предыдущей рукописи. 3-й лист переписан и исправлен дважды. Листы 7—11 и 15—17 перенесены отсюда в рукопись № 30.

31. Рукопись на 17 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. *Начало*: «То, что люди нашего времени». *Конец*: «перестать повиноваться людямъ и освободиться». К первому, девятому и семнадцатому листам приложены четыре вставки-автографы. На оборотной стороне листа последней вставки рукой Толстого написан следующий зачеркнутый текст телеграммы И. И. Горбунову: «Москва Трубецкой переулокъ, домъ Осипова. Горбунову. Оставьте заключение по стар.» Данная рукопись, за исключением листов, перенесенных в нее из предыдущей, — копия этой предыдущей рукописи. Над заглавием рукой Толстого поставлена цифра XII.

32. Рукопись на 29 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой М. Л. Оболенской, Е. В. Оболенской, Г. М. Беркенгейма и Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого в части, включающей в себе текст двенадцатой главы — «Свободы и свобода». Эта часть нумерована (1—23), на некоторых листах рукой Толстого. Вслед за этим идет текст «Заключения», целиком переписанный рукой Г. М. Беркенгейма, без поправок Толстого и без нумерации. Текст двенадцатой главы в этой рукописи восходит к недошедшему до нас оригиналу. Видимо, это была исправленная и значительно дополненная копия рукописи, описанной под № 30. Сюда включено большее количество выдержек из двенадцатой главы первой редакции, чем это имело место в предыдущих рукописях главы «Свободы и свобода». За исключением небольшого количества разночтений, текст двенадцатой главы совпадает полностью с текстом соответствующей главы второго издания статьи, выпущенного в издательстве «Свободное слово». Что касается текста «Заключения», то он является точной копией первых четырех листов заключительной двенадцатой главы, кончая словами «конецъ старого и начало новаго вѣка», по рукописи, описанной под № 21. Этот текст в качестве заключения был напечатан во втором издании статьи в издательстве «Свободное слово».

33. Рукопись на 2 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой, с пометками рукой М. Л. Оболенской. *Начало*: «(Конецъ VI главы) въ первый разъ сотенъ тысячъ». *Конец*: «Престижъ власти разрушенъ». Вверху первого листа переписчицей написано «К странице 35», т. е. к 35-й странице рукописи, описанной под № 23, которая была послана Горбунову и с которой набирался текст «Конецъ века» для издательства «Посредник». На этой странице конец шестой главы, и данная рукопись, включая в свой текст копию вставки, сделанной Толстым на обороте 34-го листа в рукописи, описанной под № 21 («Таковы совнательные... Престижъ невозможности неповиновения власти разрушенъ») является той самой вставкой к шестой главе, которая послана была

И. И. Горбунову и о которой Толстой говорит в письме к нему от 9 декабря (рукопись поступила в ГТМ из архива И. И. Горбунова). Пометками М. Л. Оболенской вставка выделена из примыкающего к ней текста. Явных исправлений рукой Толстого в рукописи нет. Быть может, его рукой в последнем предложении вставки «Престиж невозможности неповиновения власти разрушен» зачеркнуты слова «невозможности неповиновения».

14 декабря н. с. Чертков, посылая Толстому первые листы «Конца века», сообщил ему, что, в виду затруднительности письменных сообщений с Россией [в связи с революционным движением 1905 г.], чтобы не задерживать выход в свет «Конца века», он без предварительного согласия Толстого, сделал несколько изменений в статье. Далее перечисляются эти изменения с мотивировкой их. «Сделал еще некоторые изменения чисто грамматические или для ясности слога, не трогая мысли, о которых не стоит писать», добавляет Чертков (АТБ). Тут же сообщается, что «Конец века» появляется одновременно на всех языках в Европе и Америке 26 декабря 1905 г.

Основные изменения, сделанные Чертковым в статье, таковы. Вместо «в легкой, почти без борьбы одержанной японцами победе над Россией» — «в легко одержанной японцами победе над Россией», стр. 234, строки 21—22; вместо «Но это несправедливо» — «Но главное не в этом» стр. 234, строка 30; вместо «Причина успехов японцев не в дурном управлении Россией и не в дурном устройстве русских войск, а в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле» — «Причина успехов японцев не столько в дурном управлении Россией или в дурном управлении русских войск, сколько в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле», стр. 234, строки 32—33; вместо «нигде народ не был так мало забит рабством» — «нигде сознание народа не было так мало забито рабством», стр. 239, строки 6—7; вместо «делают стачки» — «делают принудительные стачки», стр. 258, строка 16; вместо «суетливая, глупая и недобрая деятельность» — «суетливая, неразумная и недобрая деятельность», стр. 260, строки 23—24.

20 декабря н. с. Чертков сообщил Толстому, что не успел включить в текст «Конца века» два присланных им добавления, так как статья уже отпечатана, но что добавления эти будут напечатаны на отдельном листе, который будет присоединен к статье при ее брошюровке (АТБ).

Таким образом первое издание «Конца века» в издании «Свободного слова» вышло в конце декабря н. с. 1905 г. На отдельном листе, приложенном к концу книги, были напечатаны две дополнительные вставки, относящиеся к восьмой и девятой главам. Поправки, сделанные Толстым в шестой главе и посланные Черткову вместе с письмом от 4 ноября, получены были, видимо, тогда, когда текст этой главы был уже отпечатан, и потому в первое издание статьи они не попали (см. печатные варианты «Конца века»). Вскоре же, также, видимо, в последних числах декабря того же года, появилось второе издание «Конца века», в котором шестая глава была напечатана с теми поправками, которые сообщены были Черткову Толстым в письме от 4 ноября, и с дополнением, пересланным Горбуно-

вым; в восьмую и девятую главу были введены вставки, напечатанные при первом издании на отдельном листе, и двенадцатая глава — «Заключение» — была заменена новой двенадцатой главой — «Свободы и свобода» с последующим «Заключением». И то и другое, так же как и вставка к шестой главе, были пересланы Черткову Горбуновым.

В оба издания внесено было небольшое количество грамматических и мелких стилистических поправок. В двенадцатую главу второго издания вошли три фразы, заканчивающие предложения и перенесенные сюда из двенадцатой главы первой редакции.

Второе издание «Свободного слова» было перепечатано в 1906 г. в России петербургским издательством «Обновление». Оно перепечатано и в двенадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого, М. 1911. (Издание «Обновления» и девятнадцатая часть конфискованы.)

Что же касается готовившегося издания «Посредника», то оно не осуществилось, из-за опасения Горбунова, как бы не была закрыта типография «Посредника». ¹ Помимо первых одиннадцати глав, были набраны глава XII и Заключение по тексту рукописи, описанной под № 32. Корректурa этой части статьи на 6 гранках, исправленных рукой, видимо, типографского корректора, хранится в ГТМ. На ней штампель типографии Печковской и Буланже с датой 9 января 1906 г. Однако дальше корректур в гранках дело, очевидно, не пошло, и статья не была даже сверстана.

В настоящем издании текст первых одиннадцати глав печатается по исправленной Толстым корректуре «Посредника», описанной под № 25. Так как в некоторых случаях набор был сделан неисправно и в нем сравнительно с рукописью № 23 были допущены ошибки и пропуски, незамеченные Толстым при правке корректуры, то в основу издания текста, помимо корректуры, кладется и рукопись, описанная под № 23. Главу XII «Свободы и свобода» печатаем по последней ее редакции, представленной рукописью, описанной под № 32. «Заключение» печатаем также по последней исправленной Толстым редакции, сохранившейся в рукописи, описанной под № 21. Объем «Заключения» определяется его точной копией, вошедшей в состав рукописи, описанной под № 31 (о копии этой однако нельзя сказать с уверенностью, что ее просматривал Толстой), и текстом сохранившейся корректуры.

Поправки, предложенные Чертковым, вводим в текст, так как они приняты Толстым. В письме к Черткову от 3 января 1906 г. он писал: «Со всеми вашими поправками согласен; замечу только, что стачки всегда принудительны; но прибавка этого слова ничего не изменяет» (АЧ).

Примечания.

Стр. 242, строки 3—9. Евангелие от Матфея, V, 38—42.

Стр. 245, строка 39. Дагомейский народ живет в нынешней французской колонии Дагомея, находящейся в западной Африке. Принадлежит к семье негритянских народов. До самого конца XIX столетия Дагомея

¹ В письме к Черткову от 3 января 1906 г. Толстой писал: «Посредник набрал «Конец века», но едва ли решится выпустить» (АЧ).

представляла собой государство с неограниченной монархической властью. В 1887 г. она вошла в сферу влияния Франции, а в 1900 г. была обращена во французскую колонию, подчиненную власти губернатора. Дагемейцы, несмотря на то что они достигли известного уровня цивилизации, широко практиковали торговлю рабами и человеческие жертвоприношения.

Стр. 249, строки 2—11. Сведения об отказах от военной службы в России и за границей систематически печатались в журналах «Свободная мысль» (выходил в Швейцарии под редакцией П. И. Бирюкова с 1899 по 1901 г.) и «Свободное слово» (выходил в Англии под редакцией В. Г. Черткова с 1901 по 1905 г.).

Стр. 249, строки 34—36. Речь идет о восстаниях матросов на броненосце «Потемкин» в Одессе 14 июня 1905 г. и на крейсере «Очаков» и том же «Потемкине» в Севастополе 14—15 ноября того же года, под командой лейтенанта Шмидта, о военных бунтах в Кронштадте 24—26 октября 1905 г. и в Киеве 18 ноября 1905 г.

Стр. 250, строка 29. См. примечание к статье «Единое на потребу», стр. 655.

Стр. 255, строки 24—30. Ницца окончательно перешла во владение Франции в 1860 г. Эльзас после франко-прусской войны был уступлен Францией Германии в 1871 г. Приморская область уступлена Китаю России в 1858 г. Южная часть Сахалина была уступлена Японии по Портсмутскому миру в 1905 г.

Стр. 261, строка 32—стр. 262, строка 7. В результате сильного обнищания, которое принесла крестьянству реформа 19 февраля 1861 г., а также в результате периодических неурожаяв и административных преследований отдельные группы крестьян, несмотря на административный запрет, переселялись на восток, где и образовывали самоуправляющиеся земельные общины, о которых здесь говорит Толстой. Известную роль в организации таких общин сыграла и секта бегунов, или странников. Частью переселенцы направлялись за пределы России. Таковы упоминаемые здесь Толстым некрасовцы—донские казаки-старообрядцы, после восстания сообщника Маведы Кондрата Булавина переселившиеся в 1708 году под предводительством атамана Игната Некраса сначала на Кубань, а затем в Турцию, преимущественно в Добруджу. С. А. Толстая в своем дневнике (запись 3 марта 1877 г.), сообщает, что, живя летом 1876 г. в Самарской губ., она с Толстым ездila за 20 верст к казакам и по дороге встретилась с воронежскими крестьянами, переселявшимися на Амур. Позднее, по ее словам, Толстому рассказывали о том, как сто или более тамбовских крестьян перешли китайскую границу и осели на брошенной китайцами-манчжурами земле, завоевав ее не кровопролитием, а земледельческой силой русского мужика. (Дневники С. А. Толстой 1860—1891, М. 1926, стр. 37—38.) В 1884—1886 гг. в Манчжурии, по рене Желтуге, существовало нечто в роде самостоятельного государства вольных промышленников, искателей золота, преимущественно русских переселенцев. Об этом см. статью А. Лебедева «Желтугинская республика в Китае». — «Русское богатство», 1896, № 9, стр. 143—171.

Стр. 264, строки 15—16. Здесь Толстой имеет в виду письмо Вольтера к Руссо, написанное им в связи с трактатом последнего «О причинах не-

равенства». Вольтер писал: «Читая ваше произведение, так и разбирает меня охота поползать на четвереньках». См. J. J. Rousseau. *Oeuvres complètes*, Hachette, Paris, 1905, т. X, стр. 100.

Стр. 482, строки 16—22. В романе В. Гюго «Несчастные» («Les misérables») рассказывается о том, как епископ Мириель приютил у себя на ночь, предварительно накормив ужином, только что отбывшего девятнадцатилетнюю каторгу Жана Вальжана. Ночью Жан Вальжан украл у епископа корзину с серебром. Когда вора задержали жандармы и с корзиной серебра привели к епископу, последний сказал жандармам, что серебро было подарено им Жану Вальжану вместе с двумя серебряными подсвечниками, которые он забыл взять. Дав Вальжану в придачу к серебру и подсвечники, епископ дружелюбно отпустил его. Этот эпизод из романа Гюго под заглавием «Епископ Мириель» был изложен Толстым в его «Круге чтения», где напечатан в качестве недельного чтения под 24 ноября.

Случай с В. К. Сютаяевым, известным сектантом, другом Толстого (ок. 1820—1892), вероятно, был известен Толстому по чьему-нибудь сообщению. В воспоминаниях П. Гастева рассказано о том, что когда у Сютаяева вывозили из незапертой житницы хлеб, он последний мешок наваливал сам. В тех же воспоминаниях приведен случай кражи цыганами у Сютаяева сбури, очень сходный с только что пересказанным эпизодом из романа В. Гюго (см. П. Гастев, «Воспоминания о Василии Кирилловиче Сютаяеве». — «Вегетарианское обозрение» 1912, № 2, стр. 70 — 71).

Стр. 484, строки 20—24. Здесь Толстой имеет в виду вторую мысль пятой статьи книги Паскаля «Мысли» («Pensées»). Паскаль пытается дать ответ на вопрос, почему люди постоянно ищут развлечений, суеты. Они делают это, по его словам, для того, чтобы отвлечься от мыслей о себе, о своих бедствиях, чтобы избавиться от состояния одиночества. «По той же причине, — говорит Паскаль, — мы ищем женского общества, идем на охоту, стремимся к высоким должностям; не потому, что в них действительно заключается счастье, и мы не воображаем себе, будто истинное благополучие в деньгах, которые можно выиграть в карты, или в вайце, которого гоним... Умничающие на эту тему и порицающие людей за то, что они по целым дням охотятся на вайца и не хотят попросту добыть его покупкою, плохо знают человеческую природу. Этот заяц не избавил бы нас от вида смерти и бедствий, но предохраняет от того охота» (Паскаль. «Мысли о религии». Перевод с французского С. Долгова. Издание 2-е, М. 1902, стр. 44).

Стр. 490, строки 8—17. Цитата из статьи Герцена «С того берега». Сочинения А. И. Герцена, V, Genève — Halle — Lyon, 1878, стр. 62. В экземпляре этого издания, бывшем в яснополянской библиотеке Толстого и хранящемся теперь в рукописном отделе ГТМ, эта цитата обведена карандашом рукой Толстого. Она введена и в «Круг чтения» под 9 июня.

ЗАМЕТКА К ВОЗВЪНИЮ И. М. ТРЕГУБОВА.

В № 23 газеты «Полтавщина» от 13 апреля 1906 г. было напечатано оставленное И. М. Трегубовым письмо в редакцию под заглавием «Воззвание в защиту современных христианских мучеников», датированное 12-м апреля 1906 г. и снабженное шестнадцатью подписями, в том числе И. М. Трегубова. Это воззвание И. М. Трегубовым было 15 апреля переслано Толстому с просьбой напечатать его отдельной брошюрой, снабдив своей заметкой (АТБ). 17 апреля Толстой записывает в Дневник: «Нынче получил от Трегубова о преследовании за отказ от военной службы, и надо послать и написать от себя». 20 апреля в своем ответе Трегубову Толстой одобрил воззвание, но находил, что помещенный в нем длинный разговор рабочего Иконникова со священником, хотя и интересный сам по себе, в воззвании неуместен. «Неуместны тоже, — писал далее Толстой, — и подписи десятка неизвестных для публики. Такие подписи не усиливают, а ослабляют впечатление. Нужно или миллион подписей или ни одной». «Мне очень хочется прибавить к этому от себя, — продолжал он, — несколько слов и поместить письмо одного замечательного человека из Пскова, тоже отказавшегося от военной службы» (ГТМ).

К Заметке относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 104).

1. Автограф на трех клочках бумаги, исписанных с обеих сторон и пронумерованных рукой Толстого. *Начало*: «Думаю, что было бы желательно напечатать». *Конец*: «совсѣмъ изчезнетъ изъ совнанія народа?» Тексты воззвания и письма (Сиксне) не переписаны, и лишь указано место, где они должны быть перепечатаны.

2. Рукопись на 9 листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Листы шестой и девятый разрезаны на две части. Исправленная копия автографа, в которую включены исправленные Толстым тексты воззвания и письма Сиксне. *Начало*: «Письмо в Редакцію. М. Г., Посылаю вамъ Воззваніе». *Конец*: «привести свою дѣятельность въ согласіе съ нею». В тексте воззвания не перепечатаны разговор Иконникова со священником и подписи; помимо нескольких стилистических поправок, Толстым сделаны следующие исправления. После слов «на это печальное явление», стр. 278, строка 22, зачеркнуто: «мы хотим поведать им недавно полученные нами сведения о заключенном в Новогеор-

гиевской крепости христианском мученике — Антоне Инокимов, бывшем рабочем на полтавском вокзале харьково-николаевской железной дороги и вместо этого после слов «своих врагов», стр. 278, строка 27, вписано: «бывший рабочий на Харьковско-Николаевской дороге Антонъ». После слов «и до сих пор томится», стр. 279, строка 4, вписано: «Такие случаи наложения на отказывающихся по религиознымъ убъждениямъ отъ военной службы самыхъ тяжелыхъ наказаній повторяются очень часто». После слов «и мучительное сидение по тюрьмамъ», стр. 27, строки 20—21, вписано: «или на жестокіе страданія по дисциплинарнымъ батальонамъ». Текст письма Сиксне несколько сокращен. В тексте, принадлежащем самому Толстому, сделан ряд исправлений, не дающих как и текст автографа, существенных смысловых вариантов.

3. Рукопись на 2 листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, о поправках рукой Толстого. Первый лист склеен из двух частей. Оба листа, обозначенные цифрами 4 и 6, — остатки цельной копии статьи, представлявшей собой копию о несохранившегося оригинала, видимо, с исправленной копии рукописи, описанной под № 2. На втором листе машинописная подпись и дата: «20 апреля 1906 г. Ясная поляна Л. Толстой». В тексте Толстого ряд преимущественно стилистических исправлений. В сохранившейся части текста письма Сиксне сделано одно стилистическое исправление и зачеркнута упоминавшаяся в письме фамилия адвоката Маклакова.

22 апреля статья была отослана Трегубову вместе с письмом, в котором Толстой писал: «Я по своей дурной привычке несколько раз проредактировал ваше воззвание и мои несколько слов, сопровождающие его. Остановился на прилагаемой при сем версии» (ГТМ).

24 апреля Трегубов известил Толстого о том, что он получил его письмо, предназначенное для напечатания в газете вместе с воззванием, и «кое-что в нем исправил» (АТБ). В ответ на это письмо Ю. И. Игумнова писала Трегубову 27 апреля: «Лев Николаевич просит вас передать, что он вполне согласен с вашими поправками. Посылаю это Воззвание вновь переписанное. Вам была послана одна версия, но письмо заповдало, и потому вы подумали, что была послана другая. Где будет напечатано это воззвание, неизвестно. Л. Н. поручил это своему зятю Мих. Серг. Сухотину, который поехал в Петербург и который член Думы» (ГТМ).

Трегубовым в текст статьи внесено было, видимо, лишь несколько стилистических поправок.

30 апреля в письме в Трегубову Толстой писал: „Ваше воззвание, то, какое я послал вам, отдано, как мне пишет зять, в Петербургское «Слово»“ (ГТМ).

Того же числа он написал в редакцию «Слова» следующее письмо: «Покорно прошу Редакцию в доставленную ей от меня статью с воззванием о христианских мучениках включить в перечисление лиц, отказавшихся от военной службы, еще Андрея Кудрина Самарской губернии, Бузулукского уезда» (ГТМ). Но письмо это отправлено не было.

Воззвание вместе с заметкой Толстого было напечатано в № 453 газеты «Слово» от 3 мая 1906 г.

21 мая Толстой писал Трегубову отчасти в связи с этим: «Я не читаю газет и всем советую, и вам, не читать их. И не желаю иметь с ними никакого дела. Сухотин отдал мое то письмо в какое-то «Слово», по его словам менее кровожадное и лживое, чем другие газеты. Письмо то можно отдать, потому что оно имеет прямую цель: облегчить положение страдающих. Дело Божье нельзя делать газетами, так же нельзя, как нельзя делать его пушками. Дело Божье совершается втайне и чистыми средствами, и только тогда оно могуче» (ГТМ).

Воззвание и заметка были перепечатаны (неточно) в «Новом сборнике писем Л. Н. Толстого» под редакцией А. Е. Грузинского, издание «Окто», М. 1912, стр. 256—260. В собрания сочинений Толстого до настоящего издания не включались.

В настоящем издании Заметку (и воззвание) печатаем по тексту газеты «Слово», исправляя ошибочно написанную фамилию Сокополи на действительную — Сокур.

«ЕДИНСТВЕННОЕ ВОЗМОЖНОЕ РЕШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА».

6 июня 1906 г. Толстой записал в Дневник: «был корреспондент, и я кое-что и о Генри Джордже написал». Корреспондент, о котором здесь упоминается, — Ю. Д. Беляев — журналист, беллетрист, театральный критик и драматург. В № 10808 «Нового времени» от 16 июня 1906 г. он напечатал фельетон «У гр. Л. Н. Толстого», в котором передал мысли Толстого о земельном вопросе, частью цитируя целиком рукопись самого Толстого, ему переданную, частью излагая его беседу на эту тему.

Толстой сам продержал корректуру фельетона и внес в него кое-какие изменения, как это видно из письма его к Беляеву от 12 июня: «Возвращаю вам, любезный Юрий Дмитриевич, корректуры вашего очень хорошо составленного фельетона. Извините, что я позволил себе некоторые изменения и исключения, и, так же как и вы мне, даю вам *carte blanche* изменять и восстанавливать исключенное». ¹ Вероятно, эти изменения и исключения сделаны были в той части фельетона, где излагались устные высказывания Толстого (см. рукопись № 1).

Судя по записи в Дневнике, нужно думать, что Толстой записал свои мысли специально в связи с приездом к нему корреспондента. По словам Беляева, Толстой в начале беседы по аграрному вопросу сказал ему: «Я записал сущность моего взгляда. Вот записка по этому поводу. Пожалуйста, прочтите ее вслух». Автограф записки до нас не дошел.

Мы располагаем следующими рукописями и корректурами, относящимися к статье и хранящимися в ГТМ.

1. Рукопись на 4 нумерованных листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Заглавия нет. Главы одна от другой отделены не цифрами, а чертами. Это первая редакция статьи. Печатаем ее полностью (стр. 416—418). Текст данной рукописи с поправками Толстого точно воспроизводится в фельетоне Беляева, за исключением одного слова: вместо «всякое», стр. 416, строка 23, в фельетоне напечатано «вечное».

2. Сверстанная корректура статьи издательства «Посредник», № 655, 1906 г., с многочисленными исправлениями и приписками рукой Толстого.

¹ Опубликовано с сопроводительной статьей Ю. Беляева в сборнике «Толстой и о Толстом», 4, М. 1928, стр. 14.

Она состоит из восьми страниц. Первая и вторая страницы — титульный лист. На первой странице заглавие: «Л. Н. Толстой. Разрешение земельного вопроса». В заглавии рукой Толстого приписан подзаголовок: «(по Генри Джорджу)». Там же штампель типографии с датой 10 августа 1906 г. Типографский набор воспроизводит текст статьи, поделенной здесь на четыре главы, в редакции «Нового времени», но с иным расположением, чем в «Новом времени», отдельных частей текста. Кроме того, в корректурный текст вошли не только те части статьи Беляева, которые, будучи взяты в кавычки, приводятся им по статье Толстого, но и те, в которых Беляев сам излагает мысли Толстого, выраженные им устно. Сюда относятся три последних заключительных абзаца четвертой главы. По сравнению с текстом «Нового времени» текст корректуры в нескольких местах слегка стилистически изменен. Что он извлечен и скомпонован издательством «Посредник» из фельетона Беляева в «Новом времени», явствует из того, что в нем повторена ошибка, вкрапшаяся в текст фельетона: «вечное» вместо «всякое».

Корректурa, как указано выше, радикально переработана Толстым. В первых трех главах исправления носят преимущественно стилистический характер; они сделаны для уточнения мысли. В четвертой же главе три заключительных ее абзаца, в которых Беляев передал устные высказывания Толстого, почти целиком зачеркнуты и заменены новым текстом, который приводится в вариантах (№ 1).

Вместо этого текста статья в корректуре заканчивалась следующей, несколько стилистически измененной и сокращенной выдержкой из фельетона Беляева, воспроизводящей устную беседу Толстого:

«Говоря о таком разрешении земельного вопроса, я не высказываю своего мировоззрения на общественное устройство, а становлюсь на точку зрения самого правительства, считая, что при существовании правительства лучшего разрешения земельного вопроса быть не может.

Не могу надвинуться ограниченности взглядов как правительственных деятелей, так и думских, как они не видят того, что разрешить земельный вопрос может только постановка вопроса о земле не в виду сословий и партий, а на основании вечной справедливости, т. е. решать вопрос так, чтобы было установлено одинаковое равное право всех людей на земле.

Такое решение вопроса умиротворило бы все партии, уничтожило бы многовековую несправедливость. И при теперешнем положении дел такое решение напрашивается само собой. Вместо того чтобы, как теперь, идти в хвосте западных народов, рабски подражая им, мы могли бы, ставши впереди них, им помочь в разрешении их вопросов. И удивительное дело: никто не пользуется этим!»

3. Рукопись на 8 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная, сокращенная и дополненная рукой Толстого. Заключена в обложку, на которой на пишущей машинке написано: «Л. Н. Толстой. Разрешение земельного вопроса (по Генри Джорджу)». Цифра 7 на седьмом листе исправлена на 12 и цифра IV, обозначающая номер главы, на V. На оборотной странице этого листа позднее написано было продолжение дополнения, сделанного в рукописи, описанной под № 7. Данная рукопись представляет собой копию исправленной Толстым кор-

ректурь статьи, набранной и сверстанной издательством «Посредник». Исправления и дополнения в копии сделаны на полях, между строк, на оборотной чистой странице и в конце статьи. Все они главным образом стилистического характера. Существенных смысловых вариантов нет.

4. Рукопись на 8 нумерованных листах в 4° , написанная на пишущей машинке и исправленная, сокращенная и дополненная рукой Толстого. Заключена в обложку с такой же надписью, как и первая рукопись. Второй экземпляр копии с корректуры, совершенно тождественный с первым. Исправления, дополнения и сокращения, сделанные в ней Толстым, совершенно независимы от тех, которые сделаны в первом экземпляре «копии». В данной рукописи целиком зачеркнута вторая глава, и текст ее заменен новым, который приводим в вариантах (№ 2). Почти целиком переделана и четвертая глава, текст которой, затем почти целиком вновь переделанный, приводим также в вариантах (№ 3).

5. Рукопись на 9 листах в 4° (4 согнутых пополам полулиста писчей бумаги и 1 четвертушка такой же бумаги). Первые 7 четвертушек, нумерованные цифрами 1—7, переписаны на пишущей машинке и исправлены рукой Толстого. *Начало*: «Полное разрѣшение земельного вопроса». *Конец*: «употребляють подати и наложи». На оставшейся чистой части 7-й четвертушки (с одной стороны) — текст, сплошь написанный рукой Толстого. На обложке рукописи рукой Н. Л. Оболенского написано заглавие: «Едиственное возможное решение земельного вопроса». Вслед за этим рукой Толстого — «По Генри Джорджу». Но затем этот подзаголовок зачеркнут. Данная рукопись представляет собою копию предыдущей, описанной под № 2. Текст подвергся радикальному исправлению. Заново написанная в предыдущей рукописи вторая глава зачеркнута целиком. Главы третья и четвертая, сильно переработанные, обращены во вторую и третью, четвертая же написана заново. Текст ее впоследствии целиком был переработан. Поэтому печатаем ее в вариантах (№ 4).

6. Рукопись на 20 листах в 4° (8 согнутых пополам полулистов писчей бумаги и 4 четвертушки), исписанных с одной стороны рукой А. Л. Толстой и исправленных рукой Толстого. Нумерована по четвертушкам. К третьему и шестому полулистам относятся вставки, написанные рукой Толстого на двух листах. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой переписчицы написано: «Разрешение земельного вопроса (по Генри Джорджу)». На первых четырех полулистах и четвертушке — первая глава в новой редакции. *Начало*: «Лишение людей, живущихъ на землѣ». *Конец*: «выгоды, представляемая землей». Текст ее представляет собою копию с автографа, написанного в этой же рукописи на чистых оборотных сторонах четвертушек 7-й и 8-й и поверх зачеркнутых строк и на полях четвертушки 9-й. Он почти целиком переделан Толстым, но как в первоначальном тексте, так и в его переделке, нет сколько-нибудь существенных смысловых вариантов по сравнению с первой главой окончательного текста. Остальная часть рукописи в основном слое, написанном переписчицей, представляет собой копию предыдущей, описанной под № 5, причем первая глава в старой редакции и вторая обозначены одной и той же цифрой II. Исправления, сделанные Толстым в этой части рукописи,

носят преимущественно стилистический характер. Третья глава **зачеркнута целиком**.

7. Рукопись на 14 нумерованных листах в 4° и двух полосах, вырезанных из четвертушек. Всё написано на пишущей машинке с одной стороны и исправлено рукой Толстого. Один лист и одна полоса, вырезанная из листа, перенесены отсюда в рукопись, описанную под № 8. *Начало*: «То, что есть люди». *Конец*: «виновникомъ величайшихъ бѣдствій». Данная рукопись представляет собой копию предыдущей. Отдельные листы и часть одного листа, будучи сильно исправлены Толстым, были вновь переписаны и вновь исправлены. На первой странице рукой Толстого написано заглавие: «Что нужнѣе всего теперь для русскаго народа?» На обложке, включающей в себе рукопись, это заглавие перепечатано на машинке, зачеркнуто Толстым и вновь восстановлено. Рядом с ним его же рукой написаны разные другие заглавия на выбор: «Единственное возможное рѣшеніе земельного вопроса», или «Рѣшеніе земельного вопроса», или «Земля общая, а трудъ свой», или «Земля ничья», или «Земля Божья» — *ad libitum*. Первые три главы подверглись преимущественно стилистической обработке; четвертая же глава исправлена радикально и сильно дополнена. Большое дополнение к ней сделано на оставшейся чистой части предпоследнего листа, на оборотной стороне его и на оборотной стороне предпоследнего седьмого листа рукописи, описанной под № 3. В главном и существенном, по ходу и содержанию мыслей, эта ранняя редакция четвертой главы не отличается от окончательной ее редакции. Вслед за текстом рукой Толстого написано: «Л. Т. 6 Сентября».

8. Рукопись на 12, большею частью нумерованных листах в 4°, частью склеенных из нескольких полос, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. *Начало*: «Право собственности на землю». *Конец*: «становится виновникомъ величайшихъ бѣдствій». Она, за исключением листа в одной полосе бумаги, перенесенных сюда из рукописи, описанной под № 7, представляет собой копию рукописи № 7. Особенно радикальной переделке в этой рукописи подверглась первая глава. Она частью сокращена, но больше дополнена. Дополнения в следующей рукописи были большей частью зачеркнуты (см. ниже).

9. Рукопись на 31 листе в 4° (9 согнутых пополам полулистов писчей бумаги и 13 четвертушек такой же бумаги), исписанных с одной стороны рукой Н. Л. Оболенского, с поправками рукой Толстого. Нумерована по четвертушкам. Копия предыдущей рукописи. Некоторые полулисты и четвертушки переписаны и исправлены дважды. При исправлении рукописи в первой главе зачеркнута, после того как была исправлена, часть текста, следующая за словами «теми выгодами и удобствами, которые дает земля», стр. 284, строки 28—29, и вместо нее написан новый абзац — «И народ совершенно прав...», стр. 284, строка 30. Зачеркнутое печатается в вариантах (№ 5). В остальном все исправления приближают текст рукописи к окончательной печатной редакции статьи, от которой она всё же еще в подробностях довольно далека. Отметим лишь наиболее существенные смысловые разночтения этой рукописи по сравнению с печатным текстом.

В первой главе, после слов «в особенности после роспуска государ-

ственной думы», стр. 284, строка 15, в рукописи написано: «готовой, по его мнѣнію, отдать ему всѣ земли».

В том же абзаце, после слов «всѣ более и более раздражается», написано: «и подѣ влияніемъ легкомысленныхъ и безнравственныхъ людей».

В третьем от конца абзаце той же главы, вместо печатного «заблуждающимися, легкомысленными людьми», стр. 284, строка 32, в рукописи — «эгоистами и безнравственными людьми».

В предпоследнем абзаце первой главы, вместо последней фразы, стр. 285, строки 6—8, в рукописи написано:

Но если есть правительство, то оно затѣмъ только и существуетъ, чтобы рѣшать вопросы съ общей для всѣхъ справедливой точки зрѣнія.

В последнем абзаце, после слов «с общей точки зрения», стр. 285, строка 9, в рукописи стоит «правительства».

Четвертая глава в рукописи значительно кратче, чем в окончательном печатном тексте. Она, кроме того, включает следующие два существенные разночтения. Третий абзац в рукописи начинается так:

Такое постепенное обложеніе земель налогами и сложеніе податей съ труда не можетъ и не должно произвести ни тревогъ ни волненій, такъ какъ такая постепенная замѣна налоговъ на трудъ налогомъ на землю дастъ возможность землевладѣльцамъ освободиться отъ земли, перепродавъ ее, до введенія обложенія ея полнымъ земельнымъ налогомъ, или удержать ее, улучшивъ на ней хозяйство.

К концу главы относится следующий вариант:

Всякое правительство, пока оно существуетъ, можетъ оправдать свое существованіе только поддержаніемъ справедливыхъ отношеній между управляемыми.

10. Рукопись на 3 листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Н. Л. Оболенского. Текст рукописи относится к концу четвертой главы и является копией с недошедшей до нас рукописи, в которой Толстым были сделаны существенные исправления и дополнения к концу последней главы. Три машинописные листа написаны взамен текста, написанного в предыдущей рукописи на последнем полулисте. Очевидно, этот полулист был переписан, исправлен и дополнен Толстым, затем вновь переписан, по крайней мере, в двух экземплярах. На одном из них были сделаны поправки рукой Толстого, перенесенные затем Н. Л. Оболенским на другой экземпляр копии. После этого машинописные четвертушки присоединены к предыдущей рукописи, из которой был удален последний полулист, и в результате получился связанный текст статьи. Текст машинописный, как и предшествующий рукописный, не вполне совпадает с окончательным печатным текстом.

В конце рукописи рукой А. Л. Толстой написано: «10 сентября, Ясная Поляна. Левъ Толстой». Эта дата повторена и в печатном тексте статьи. Это указывает на то, что до отсылки в типографию статья более не исправлялась Толстым. Видимо, рукопись, составленная из двух рукописей, описанных под №№ 9 и 10, была переписана начисто и отослана издательству

«Посредник». Различия в тексте, которые имеются между рукописью и печатным текстом, очевидно, нужно отнести на счет тех исправлений, которые были сделаны Толстым в корректуре, до нас не дошедшей. О том, что Толстой держал корректуру этой статьи, свидетельствует Д. П. Маковицкий в записи 13 октября 1906 г.

Впервые статья была напечатана в брошюре, изданной «Посредником» под № 652: „I. Единственное возможное решение земельного вопроса. II. Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа «Общественные задачи»“. М. 1907. В 1911 г. статья перепечатана в шестнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого (конфискована).

В настоящем издании статья печатается по тексту издания «Посредника».

Примечание.

Рекомендуемые Толстым сочинения Генри Джорджа были изданы в переводе С. Д. Николаева — «Прогресс и бедность» в 1896 г., 2-е издание в 1906 г. (оба издания — Л. Ф. Пантелеева); «Избранные речи и статьи» — в 1904 г., 2-е издание в 1905 г., 3-е в 1906 г.; «Общественные задачи», с предисловием Толстого, в 1907 г. (все — «Посредника»).

«ПИСЬМО К КИТАЙЦУ».

«Письмо к китайцу» написано в форме обращения к китайскому писателю Ку-Хун-Мину (Ku-Hung-Ming), приславшему Толстому свои книги «Et nunc, reges, intelligete. The moral causes of the Russo-Japanese War», Shanghai, 1906 («Ныне, цари, разумеите! Моральные причины русско-японской войны») и «Papers from a viceroys's Japan» («Бумаги вице-короля Иемен»). В этом письме Толстой высказывает мысли, сходные с теми, какие высказаны были им в только что оконченной статье «О значении русской революции». Этим поясняется запись в Дневнике от 15 сентября 1906 г.: «Кончил и статью, и о земле, и начал письмо китайцу, всё о том же».

К «Письму к китайцу» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 97).

1. Автограф на 12 листах в 4° (6 согнутых пополам полулистов писчей бумаги). На внутренних страницах одного полулиста рукой Толстого сделаны наброски к статье о Петре Хельчицком. Все остальные страницы, кроме последней, чистой, заняты «Письмом». Текст сплошной, не поделенный на главы. В конце рукописи собственноручная подпись и дата — 13 сентября. Текст автографа кратче текста окончательной редакции письма, расположение абзацев часто не совпадает с тем, что мы имеем в окончательной редакции. Автограф, кроме того, включает в себе несколько вариантов, в окончательную редакцию не вошедших. Важнейшие из них таковы.

В тексте, соответствующем началу III главы окончательной редакции, читаем:

То, что переживаетъ теперь русскій народъ, я думаю, что понимаю болѣе или менѣе вѣрно, и объ этомъ я написалъ и только что кончилъ книгу. Думается мнѣ, что нѣчто подобное должны переживать теперь и восточные народы и въ особенности Китай. И вотъ преимущественно для того, чтобы провѣрить это мое предположеніе, я и пишу это письмо. Очень былъ бы радъ, если бы вы и тѣ, кому покажутся мои мысли стоящими вниманія, отозвались на нихъ.

В тексте, соответствующем IV главе, в автографе было написано:

Въ китайскомъ народѣ, мнѣ думается, есть еще другая причина, заставляющая его искать другого устройства жизни.

Причина эта — захваты европейцами китайской земли и грабежи китайскаго имущества подъ видомъ миссіонерства или торговли. Вотъ эта то другая причина, я думаю, и вставляетъ мудрый и великій китайскій народъ прибѣгать къ тому губительному средству, которое называется реформами и состоитъ въ томъ, чтобы усвоить себѣ всѣ приемы и военнаго и государственнаго управленія тѣхъ народовъ, которые грабятъ и угнетаютъ Китай, и ихъ же средствами дать отпоръ этимъ народамъ.

Не знаю, до какой степени сильна и многочисленна эта партія реформъ; можетъ быть, это зло не такъ велико, какъ мнѣ кажется; но если, дѣйствительно, большинство руководителей китайскаго народа стоитъ за эти реформы и есть вѣроятіе, что онѣ могутъ быть проведены, то это было бы величайшее несчастье для китайскаго народа.

В тексте, относящемся къ VII главѣ, в автографѣ читаемъ:

Что же дѣлать?

Самое простое, не умное, глупое и потому прежде всего представляющееся рѣшеніе большинства, такъ какъ глупыхъ всегда больше, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать то самое, что сдѣлали западные народы. Это рѣшеніе особенно напрашивается для китайцевъ, такъ какъ, сдѣлавъ то, что сдѣлали западные народы, они приобрѣли ту силу, отъ которой страдаетъ теперь Китай. Это, къ сожалѣнію, сдѣлала руководимая своимъ мелкимъ, поверхностнымъ умомъ несчастная Японія, радующаяся и гордящаяся тѣми успѣшными шагами, которые она уже сдѣлала для своей гибели. Самое простое и — простите за выраженіе — очень глупое, совершенно не свойственное мудрому китайскому народу было бы то, чтобы завести такія же войска, такую же общую воинскую повинность, такую же конституцію, такую же промышленность, какъ у западныхъ народовъ, и дать (какъ Японія) отпоръ западнымъ народамъ и сдѣлаться великой военной державой, предписывающей законы всему востоку, а можетъ быть, и всему міру.

Заканчивается автографъ следующими словами:

Мы стоимъ еще на томъ распутьи, съ котораго европейскіе народы пошли по ложной, ведущей къ пропасти дорогѣ, и намъ стоитъ только не ходить за ними, что само собой разумѣется, т. е. наиболѣе разумные изъ нихъ уже возвращаются съ нея, и идти по одной прямой дорогѣ, открывающейся передъ нами.

Простите меня, если я предлагаю невѣрное рѣшеніе, и поправьте меня, въ чемъ я ошибся относительно великаго китайскаго народа, къ которому я съ давнихъ временъ питаю глубокое уваженіе и любовь.

Вашъ покорный слуга Л. Толстой.

13 Сентября.

2. Рукописный материал, заключающій въ себѣ 74 бумажныхъ единицы (согнутые пополамъ полулисты, четвертушки, целые и склеенные изъ несколькихъ частей, равной величины части четвертушекъ, одинъ полулист

шоттовой бумаги). Всё это, за исключением листа почтовой бумаги, написано на пишущей машинке, с поправками и дополнениями рукой Толстого. Два дополнения сделаны на особом полулисте почтовой бумаги. Весь этот рукописный материал образовался следующим образом. С автографа была снята копия, исправленная и дополненная Толстым. Затем, в целях перегруппировки частей текста, отдельные четвертушки были разрезаны на части и эти части переставлены в новом порядке. То, что подверглось особенно усиленной правке, было вновь переписано и вновь исправлено. Далее переписанное опять разрезывалось, перегруппировывалось, вновь переписывалось и исправлялось и т. д., до пяти-шести раз. Установить в этой работе над статьей какую-нибудь последовательность, благодаря запутанности нумерации и утраты некоторых частей материала, не представляется возможности. На последних страницах статьи поставлены следующие даты: 14 сентября 1906 г. — рукой переписчика и 17 сентября 1906 г. и 18 сентября 1906 г. — рукой Толстого.

Все исправления и дополнения, сделанные здесь, приближают текст статьи к окончательной редакции. Сколько-нибудь существенных вариантов, не вошедших в окончательный текст, нет. Можно лишь отметить два зачеркнутых места, относящиеся к VII главе. После слов «жить мирной земледельческой жизнью», стр. 297, строка 13, зачеркнуто:

И я думаю, что происходящая теперь въ Россіи революція имѣетъ своимъ основаніемъ сознаніе необходимости такой перемены.

После слов «под видом международных отношений», стр. 297, строка 36, также зачеркнуто:

Убили китайцы миссіонера или посланника. Очень дурно, что они сдѣлали это, но нѣтъ никакой связи между этимъ убійствомъ и захватомъ китайскихъ земель, если вы не считаете себя однимъ народомъ, повинующимся одному и тому же правительству, которое будто бы владѣетъ всѣмъ Китаемъ и должно отвѣчать за поступки каждаго китайца.

3. Рукопись на 20 нумерованных посторонней рукой листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками между строк и на полях рукой Толстого. Часть листов склеена из нескольких частей. Рукопись, заключенная в обложку, на которой на машинке написано: «Лев Толстой. Письмо китайцу», составилась в результате отбора окончательно исправленных Толстым листов и их частей, первоначально входивших в состав материала, описанного под № 2. Последняя редакция текста статьи. В конце ее ни подписи, ни даты нет.

3 октября, посылая Черткову через П. И. Бирюкова рукопись «Письма к китайцу», Толстой просил перевести его на иностранные языки, добавляя при этом: «Если же не стоит и некому перевести, то pošлю его через консула по-русски» (АЧ). В письме, полученном 16 октября, Чертков известил Толстого о получении им статьи и о том, что он приступает к ее переводу, а 25 октября н. с. сообщил об окончании перевода, который будет на-днях отправлен китайцу с предупреждением о напечатании его через несколько недель в Европе (АТБ).

Письмо впервые было напечатано по-немецки в «Neue Freie Presse»,

ноябрь, 1906, и по-французски в «*Comptier Euroréen*», ноябрь — декабрь, 1906.

В обратном переводе с французского на русский письмо напечатано в № 11026 «Нового времени» от 21 ноября 1906 г. Впервые на русском языке по русскому оригиналу, воспроизводящему текст рукописи, описанной под № 3, «Письмо к китайцу» напечатано в брошюре «I. Л. Н. Толстой. Письмо к китайцу (октябрь 1906 г.). II. Китайская мудрость. Мысли китайских мыслителей, собранные Л. Н. Толстым». Издание «Посредника», № 685. М. 1907. Текст напечатан с ошибками и с пропусками слов «апостола Павла», стр. 293, строки 34—35, очевидно, по цензурным соображениям. В собрании сочинений Толстого письмо под заглавием «К китайцу» было впервые напечатано в двенадцатом издании, часть двадцатая, М. 1911 (перепечатка текста «Посредника»).

В настоящем издании «Письмо к китайцу» печатается по исправленным копиям, сверенным с автографами. В некоторых случаях сплошной текст разбивается на абзацы.

Примечания.

Стр. 291, строка 7. Евангелие от Матфея, X, 22, XXIV, 13, и от Марка, XIII, 13.

Стр. 291, строки 2—18. Порт-Артур — в прошлом китайская гавань, завоеванная в 1894 г. Японией. В конце 1897 г. он был занят русской эскадрой; в марте 1898 г. в Пекине было подписано соглашение, по которому Порт-Артур был уступлен в пользование России сроком на 25 лет. 20 декабря 1904 г. крепость ваята была японцами. Киао-Чоу (или Цзяо-Чжоу), город и бухта в Шаньдунской провинции, был занят Германией в 1897 г. в возмещение за убийство двух германских миссионеров и уступлен ей Китаем в аренду. Вей-хай-Вэй — одна из лучших гаваней на побережье Желтого моря и крепость, также в Шаньдунской провинции, перешедшая в 1898 г., после занятия Германией Киао-чоу и Россией Порт-Артура, в аренду к Англии.

Стр. 292, строка 17. Евангелие от Иоанна, VIII, 32.

Стр. 294, строки 12—14. Толстой, очевидно, имеет в виду следующее место из герценовского «Письма к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)»: «Каждая степень образования, развития, даже силы государственной требует соответственный себе цикл государственных учреждений. С каждым шагом вперед ему нужно больше простора, больше воли, больше определенности в своих отношениях к власти; словом, больше независимой, самостоятельной и разумной жизни... Вступив в западное образование, Россия должна была идти тем же путем. Если б у нас весь прогресс совершался *только* в правительстве, мы дали бы миру еще небывалый пример самовластия, вооруженного всем, что дала наука. Это было бы нечто в роде Чингис-хана с телеграфами, пароходами, железными дорогами, с Карно и Монжем в штабе, с ружьями Минье и с конгревовыми ракетами под начальством Батыя». Письмо это впервые было напечатано в 4 листе «Колокола» (1 октября 1857) и затем перепечатано в книжке

«14-е декабря 1825 и император Николай», Лондон, 1858, и в сборнике «За пять лет», Лондон, 1860. Этих книг в яснополянской библиотеке нет. В женеvское издание сочинений Герцена, бывшее в яснополянской библиотеке и снабженное пометками Толстого, «Письмо к Александру II» не вошло. Не вошло оно и в павленковское издание. Откуда познакомился с ним Толстой, таким образом неизвестно. Цитируем по «Полному собранию сочинений и писем Герцена» под редакцией М. К. Лемке, т. IX, Пб., 1919, стр. 27. В издании «Письма к китайцу» «Посредника», а вслед за ним и во всех других изданиях весь текст после слов «Как верно скавал русский писатель Герцен» до конца абзаца взят в кавычки и таким образом ошибочно выдается за цитату из Герцена. В рукописях никаких кавычек нет.

Стр. 294, строка 27—стр. 295, строка 16. После подавления боксерского восстания в Китае возникло широкое движение в пользу реформ, которые должны были приблизить страну к формам европейской политической жизни. С этой целью в 1905 г. правительством была отправлена в Европу специальная комиссия для ознакомления с особенностями конституционного строя. После возвращения этой комиссии был издан специальный правительственный указ, обещавший введение в жизнь конституции вслед за осуществлением некоторых предварительных мер.

Стр. 297, строки 22—31. Тао — центральное понятие в учении китайского философа Лао-Тзе (VI в. до н. э.), развитое в его книге «Тао-те-кинг». В буквальном переводе означает «путь». Толстой так определяет сущность Тао: «По учению Лао-Тзе, единственный путь, посредством которого человек соединяется с Богом, есть Тао. Тао же достигается воздержанием от всего личного, телесного. То же и по учению, выраженному в первом послании Иоанна... И как под словом Тао, по учению Лао-Тзе, разумеется и путь соединения с Небом и самое Небо, так и по учению Иоанна под словом любовь разумеется и любовь и самый Бог (Бог есть любовь). Сущность и того и другого учения в том, что человек может сознать себя и отдельным и нераздельным, и телесным и духовным, и временным и вечным, и животным и божественным. Для достижения сознания себя духовным и божественным, по Лао-Тзе, есть только один путь, который он определяет словом Тао, включающим в себе понятие высшей добродетели». (Л. Толстой. Предисловие к книжке «Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым», М. 1910, стр. 6.)

Русский перевод «Тао-те-кинг», сделанный Д. Конисси, первоначально напечатанный в журнале «Вопросы философии и психологии», перепечатан в книжке «Лао-Си. Тао-те-Кинг, или писание о нравственности. Под редакцией Л. Н. Толстого. Перевел с китайского профессор университета в Киото Д. П. Конисси, примечаниями снабдил С. Н. Дурылин. М. 1913».

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КНИГИ ГЕНРИ ДЖОРДЖА «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ».

Время написания предисловия к переводу С. Д. Николаева книги Генри Джорджа «Общественные задачи» («Social Problems») определяется датой его автографа — 22 сентября 1906 г., повторенной и в исправленной копии. В Дневнике от 24 сентября того же года Толстой записал: «Кончил все начатые работы и написал предисловие к Генри Джорджу».

К предисловию относятся следующие две рукописи, хранящиеся в ГТМ.

1. Автограф, написанный в переплетенной в кожу тетради из архива А. Л. Толстой (т. н. «Синий альбом») на лл. 104 об. — 108. *Начало*: «Предисловие. Въ концѣ своей книги Г. Дж[ордж] говорить». *Конец*: «и по искреннему и глубокому чувству любви къ истинѣ, добру и людямъ, которымъ проникнуто все изложеніе. 22. Л. Т.» В автографе много помарок и исправлений.

2. Рукопись на 7 листах в 4°, написанная на пишущей машинке. Копия автографа с поправками рукой Толстого. Листы нумерованы постронней рукой (1—7). В начале рукописи заглавие — «Предисловие», в конце — дата — 22 сентября 1906 г. и подпись — и то и другое — на машинке. Рукопись заключена в обложку, на которой на машинке написано: «Л. Н. Толстой. Предисловие к «Общественным задачам» Генри Джорджа». В результате поправок, сделанных здесь Толстым, получилась редакция предисловия, очень близкая к окончательной.

Как явствует из записи Д. П. Маковицкого 13 октября 1906 г. (неопубликованная часть его записок), Толстой в этот день получил, в числе других, и корректуру предисловия к «Общественным задачам».

Впервые предисловие по копии рукописи, описанной под № 2, напечатано в книге «Генри Джордж. Общественные задачи. Перевод с английского С. Д. Николаева. С предисловием Л. Н. Толстого». Издание книгоиздательства «Посредник». М. 1907. Небольшие отличия печатного текста от рукописи объясняются теми исправлениями, которые были сделаны в корректуре. Перепечатано в семнадцатом томе двенадцатого издания сочинений Толстого, М. 1911.

В настоящем издании предисловие печатается по изданию «Посредника».

Стр. 300, строки 4—13. Цитата из XIX главы книги Генри Джорджа «Social Problems» («Общественные задачи») (1884). Перевод цитаты принадлежит Толстому.

Стр. 301, строки 34—35. Евангелие от Иоанна, I, 5.

Стр. 302, строки 23—40. Цитата из книги В. И. Орлова «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии», вошедшей в состав «Сборника статистических сведений по Московской губернии», т. IV, в. I. М. 1879, стр. 178. Цитату эту частично приводит и С. Д. Николаев в статье «Ученая критика Генри Джорджа», напечатанной с сопроводительным письмом Толстого в газете «Сын отечества» за 1905 г. и отдельно под заглавием «В защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа», М. 1906, стр. 20—21.

«ОБРАЩЕНИЕ К РУССКИМ ЛЮДЯМ.

К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ И НАРОДУ».

Работа над «Обращением к русским людям» была начата еще до окончания статьи «Конец века». Вначале, повидимому, Толстой задумал обращение лишь к народу, судя по записи в Дневнике от 3 ноября 1905 г.: «затеял обращение к народу. Нехорошо». Затем он отвлекся работой над «Посмертными записками Федора Кузмича», «Тремя неправдами», двенадцатой главой «Конца века» и окончанием «Божеского и человеческого».

Вплотную за «Обращение» Толстой взялся в двадцатых числах декабря. В Дневнике находим следующие записи, относящиеся к работе над статьей. 23 декабря: «Говорил о революции и увлекся писать всё тоже в краткой форме: «Правительство, революционеры, народ». Все эти дни писал это, и, кажется, годится». 27 декабря: «Все эти дни исправлял «Правительство, революционеры, народ». Кажется, кончил, но не знаю, куда девать». 31 декабря: «Всё это время добавлял «Правительство, революционеры и народ». Иногда кажется нужно, иногда слабо». 4 января 1906 г.: «Все эти дни всё поправлял и переделывал «Правительство, революционеры, народ» и всё не кончил. «Народ» плохо оттого, что хотел внести непохотящее: «Три неправды». Надеюсь, что выйдет. И это будет полезно». 6 января: «Всё поправляю «Правительство, революционеры и народ» и, кажется, кончил или близок к концу».

По свидетельству Д. П. Маковицкого (неопубликованная часть «Яснополянских записок»), 12 января Толстой читал уже статью в присутствии нескольких лиц.

К статье «Обращение к русским людям» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 96).

1. Рукопись на 6 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке с одной стороны, с многочисленными поправками и приписками рукой Толстого. В основном слое, написанном на машинке, — это копия с недошедшего до нас автографа. Три листа склеены из двух частей, что указывает на то, что части листов были вновь переписаны, после того как они были исправлены автором. *Начало*: «Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете, что вы дѣлаете?» На обороте последнего листа рукой Толстого написано: «Примѣчание». *Конец*: «подавить беспорядки военной силой». В начале

рукописи и на обложке — заглавие — «Царю и его помощникамъ». На обложке рукой Ю. И. Игумновой карандашом написано «Первая версия».

2. Рукопись на 6 листах в 4°, нумерованных по страницам (спятая тетрадь), написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Копия предыдущей рукописи. На обложке рукой Ю. И. Игумновой написано карандашом «Последняя версия». Текст этой рукописи напечатан в книжке «Лев Толстой и русские цари», под редакцией В. Г. Черткова, М. 1918, стр. 40—44. По сравнению с окончательной редакцией главы «К правительству», заменившей в «Обращении к русским людям» статью «Царю и его помощникамъ», в данной рукописи имеем следующие варианты.

Начинается статья так:

Что вы дѣлаете? Что вы дѣлаете? Что вы дѣлаете?

Вы боретесь за власть, которая уходитъ отъ васъ. Но не важно то, что вы удержитесь или не удержитесь во власти. Важно это. Важны тѣ тѣлесныя и духовныя страданія, то развращеніе, которымъ подвергается русскій народъ вслѣдствіи того, что вы не умѣли и продолжаете не умѣть или не хотѣть употребить свою власть на благо народа.

Соответственно тому, что читается в окончательной редакции на стр. 304, строке 24 — стр. 305, строке 4, в данной рукописи написано:

С вами же будетъ, главное, тотъ стомиліонный русскій народъ, который еще вѣрится въ царя и ждетъ только отъ него защиты и уничтоженія всякой несправедливости. Признавъ въ васъ ту силу, которая собирается осуществить его давнишнее и самое основное и всеобщее желаніе, онъ всѣ свои духовныя и тѣлесныя силы положитъ на то, чтобы поддержать васъ. А будутъ съ вами лучшіе люди интеллигенціи и будутъ съ вами весь русскій рабочій народъ, то какими ничтожными, безсильными и жалкими окажутся тѣ грубыя, безнравственныя, жестокия, развращенныя части населенія, которыя кажутся теперь столь грозными и, все болѣе и болѣе развращая людей, угрожаютъ всему народу величайшими бѣдствіями.

Вслед за словами «всеми силами души отдаться этому великому делу», стр. 305, строка 10, читаем:

торжественно объявить манифестомъ о томъ, что земля с того-то числа перестаетъ быть частной собственностью, а принадлежитъ всему населенію, и что для осуществленія этого положенія тотчасъ же назначаются по всѣмъ губерніямъ и областямъ выборные отъ всего народа комитеты, которымъ поручено обдумать и рѣшить, въ какой формѣ должно и можетъ быть осуществлено это освобожденіе земли отъ права частной на нее собственности.

Вслед за словами «тщеславия, честолюбія и, главное, невежества», стр. 305, строки 15—16, написано:

Сдѣлайте это и увидите, какъ то войско, которое теперь уже перестаетъ повиноваться вамъ, все безъ малѣйшаго колебанія станетъ на вашу сторону. Изъ ста солдатъ 90 крестьянъ.

Какъ ни серьезно то дѣло, о которомъ я пишу, не могу воздержаться отъ сообщенія содержанія одного забавнаго письма, полученнаго мною послѣ напечатанія моего письма къ Государю, въ которомъ я совѣтовалъ ему три года тому назадъ, что совѣтую теперь. Авторъ письма — женщина, подписавшаяся гражданкой, упрекаетъ меня за то, что я моимъ совѣтомъ, если бы ему послѣдовали, сдѣлалъ бы то, что народъ, крестьяне, стали бы богаты и независимы, правительство осталось бы въ силѣ, и спрашиваетъ, а что же бы дѣлала интеллигенція? Вопросъ этого *enfant terrible*¹ яснѣе всего показываетъ, что важно для тѣхъ, кого она называетъ интеллигенціей, — важно не благо 100-милліоннаго народа, а возможность проявленія себя, интеллигенціи, для которой главный исходъ — возможность ругать правительство.

Передъ абзацемъ, начинающимся в окончательной редакціи словами «Да, передъ вами, правительственными людьми, теперь только два выхода», стр. 305, строки 19—20, читаемъ:

Неужели же мы такіа дѣти и такъ слабоумны, что не можемъ думать своимъ умомъ, а должны рабски слѣдовать или избирательнымъ формамъ Европы, съ общей, равной, тайной и т. д., или нелепому ученію неосуществимаго социализма, или еще безформенности революціоннаго террора? Пора намъ думать своимъ умомъ. И велика будетъ ваша заслуга, если вы сдѣлаете что.

Заканчивается статья вариантомъ, который печатаемъ отдельно (№ 1).

3. Рукопись на 12 нумерованныхъ листахъ в 4°, изъ которыхъ одинъ чистый, написанная на пишущей машинкѣ, с поправками рукой Толст. го. Одинъ листъ разрезанъ на две части, одинъ склеенъ изъ двухъ частей. Текстъ состоитъ изъ двухъ главъ, в началѣ которыхъ рукой Толстого поставлены заглавья: «Революціонеры» и «Народъ». *Начало*: «Такъ это для правительства». *Конецъ*: «законамъ добра и правды». Обе главы представляютъ собой копию недошедшаго до насъ автографа. Эту наиболее раннюю изъ дошедшихъ до насъ редакцій обращенія къ революціонерамъ и народу печатаемъ целикомъ в вариантахъ (№№ 2 и 3).

4. Рукопись на 12 нумерованныхъ листахъ в 4°, изъ которыхъ некоторые склеены, другіе урезаны. Написана на пишущей машинкѣ, с поправками рукой Толстого. Копія предыдущей рукописи, за исключеніемъ одной четвертушки, которая была вынута изъ рукописи № 3 и переложена в рукопись № 4. *Начало*: «Такъ это для правительства». *Конецъ*: «которая свойственна разумнымъ существамъ — людямъ». В концѣ рукописи рукой Толстого поставлена дата — 22 декабря.

Поправки Толстого в существенномъ сводятся къ следующему.

Во фразѣ «Но ведь если вы только серьезно оглянетесь», стр. 496, строка 17, после слова «ведь» дописано:

вы сами знаете, что это вздоръ и что то, что вы дѣлаете, вы дѣлаете по своимъ личнымъ мотивамъ, не имѣющимъ ничего

¹ [Бедового ребенка].

общаго съ народомъ, благомъ народа, есть только красивое пустое слово, которымъ вы прикрываетесь.

Следующая затѣмъ фраза исправлена такъ:

Если только вы серьезно оглянетесь на себя и спросите себя о задушевныхъ, внутреннихъ мотивахъ вашей дѣятельности, вы не можете не видѣть, что мотивы эти или низкіе мотивы зависти, злобы и даже корысти, или честолюбивые — желаніе занять видное и властвующее положеніе, или мелкіе, тщеславные — хочется отличиться передъ своими кружками, или почти физиологическіе — праздная, сытая жизнь, требующая проявленія дѣятельности (съ жирю).

Затѣмъ зачеркнуто слово «добрыхъ», стр. 496, строка 26, и далее ряд слов от «людей исполняющихъ» до «за этимъ благомъ народа» включительно. Вместо этихъ последнихъ словъ написано:

наводите горе и отчаяніе на всю Россію и, главное, своими лживо оправдываемыми злодѣяніями производите неизчислимый нравственный вредъ развращенія и озвѣренія людей.

Последній абзацъ главы «Революционеры» зачеркнутъ и вместо него написанъ новый, который приводимъ въ вариантахъ (№ 4).

Что касается второй главы «Народъ», то она также подверглась многочисленнымъ исправлениямъ, но эти исправленія не вносятъ существенныхъ новыхъ смысловыхъ вариантовъ.

5. Рукопись на 12 непоследовательно нумерованныхъ листахъ в 4°, изъ которыхъ некоторые склеены. Въ большей своей части написана на пишущей машинкѣ, с поправками рукой Толстого. На первыхъ двухъ листахъ (на лицевыхъ страницахъ) вставка, относящаяся къ самому началу статьи и написанная сплошь рукой Толстого. Рукопись состоитъ изъ двухъ главъ, озаглавленныхъ «Революционеры» и «Народъ». *Начало*: «Подъ революціонерами я разумѣю». *Конецъ*: «не повиноваться никакому правительству». Копія предыдущей рукописи, за исключениемъ трехъ последнихъ листовъ, которые изъ рукописи № 4 были перенесены въ рукопись № 5. Исправлений и дополнений въ рукописи очень много. Существенные, не вошедшіе въ окончательный текстъ, сводятся къ следующему. Приписано начало, по содержанию близкое къ окончательной редакціи начала главы; *зачеркнуты слова*: «невинныхъ» и «детей», стр. 496, строка 26; слова «прямо безнравственные» зачеркнуты и заменены словами «вполнѣ развращенные», стр. 504, строка 18. Далее зачеркнутъ вписанный въ рукописи абзацъ:

Такъ что какъ ни ужасны совершающіеся теперь событія, возможность побѣды революціонеровъ представляется еще ужаснѣе: на мѣсто сверженнаго правительства установится не другое правительство, а борьба партій, которыя, также какъ они для борьбы съ правительствомъ пользовались всякими средствами насилій, будутъ такими же средствами казней и убійствъ пользоваться другъ противъ друга, какъ это было во всѣхъ революціяхъ.

Зачеркнуты слова: «Николай II, его министры и преданный всеобщему повору Треповъ», стр. 497, строки 5—6, и заменены словами «правительственные люди, борящіеся съ вами отъ царя и до жандарма», и далее

личные имена вовсе отсутствуют; зачеркнута фраза: «Люди же теперь в Москвѣ стрѣлявшіе... считаются самоотверженными подвижниками», стр. 497, строки 8—14; после слов «Но какое оправдание, какие смягчающіе вину обстоятельства можно привести в пользу тех людей, которые», стр. 497, строки 23—24, всё продолжение абзаца зачеркнуто и вместо него написано:'

по своей собственной охотѣ стрѣляютъ по войскамъ, взрываютъ бомбы, душатъ людей, приговариваютъ къ смерти и исполняютъ свои же приговоры. Только душевно-больные, потерявшіе человѣческой образъ люди или бѣшенные звѣри могли совершать тѣ ужасныя дѣла, которыя совершали вы и продолжаете совершать съ самаго начала этого ужаснаго безумія, называемаго революціей.

Перед словами «что вы его научите уму разуму», стр. 498, строка 30, дописано: «продолжая ѣздить на немъ и жить его трудами».

В главе «Народъ» также сделано много исправленій, но существенныхъ смысловыхъ вариантовъ в этой рукописи нет. Начиная от слов: «Во Франціи несколько вековъ ездило на народѣ монархическое правительство» до конца абзаца — зачеркнуто.

6. Рукопись на 7 нумерованныхъ (21—27) листахъ в 4°, безъ начала, написанная на пишущей машинкѣ и исправленная рукой Толстого. Связный текстъ главы «Народъ». *Начало*: «теперь къ вамъ, къ народу, обращаются». *Конецъ*: «это отказъ повиновенія какой бы то ни было насильственной власти». Вследъ за этимъ — собственноручные подпись и дата 25 декабря 1905 г. Существенныхъ вариантовъ нет.

7. Рукопись на 14 нумерованныхъ (непоследовательно) листахъ в 4° (один листъ почтового формата — вставка), написанная на пишущей машинкѣ и исправленная рукой Толстого. Полный текстъ главы «Народъ». *Начало*: «Подъ народомъ я разумѣю». *Конецъ*: «отказъ отъ повиновенія какой бы то ни было насильственной власти». Вследъ за этимъ написанная на машинкѣ дата — 25 декабря 1905 г. Некоторые листы обрѣзаны, другие склеены. Данная рукопись восходитъ къ предыдущей, но не непосредственно, а черезъ промежуточную копию. В ней читаемъ следующий зачеркнутый вариантъ, относящійся къ началу главы:

Вѣрится новому, зарождающемуся революціонному правительству тоже опасно. Опасно, во первыхъ, потому, что оно Богъ знаетъ изъ кого составлено, во вторыхъ, потому, что оно еще не установилось, въ третьихъ, потому, что оно борется тѣми же средствами, какъ то старое правительство, и едва ли будетъ лучше стараго. Если вы поддержите старое, вы этимъ утвердите все то зло, которое вы несете отъ него. Если же вы перейдете на сторону новаго, то вы, во первыхъ, не знаете, побѣдитъ ли оно и, приставъ къ нему, не наживете ли вы себѣ бѣды, а во вторыхъ, вы не знаете, исполнить ли это новое правительство то, что обѣщаетъ.

8. Рукопись на 5 нумерованныхъ (19—23) листахъ в 4°, изъ которыхъ 4 написаны на пишущей машинкѣ и исправлены рукой Толстого. Один листъ — почтового формата — вставка, исписанная съ обеихъ сторонъ рукой

Толстого. Часть листа, относящегося к главе «Народ», без конца. *Начало*: «Народъ. Подъ народомъ я разумѣю». *Конец*: «Вамъ будетъ лучше». Данная рукопись восходит к предыдущей, но не непосредственно, а через промежуточную копию. Большая часть текста этой рукописи, именно всё, что говорится о трех неправдах, тяготеющих над народом, частью отчеркнуто сбоку с пометкой «ир[опустить]», частью зачеркнуто. Печатаем эту часть текста в вариантах (№ 5).

9. Рукописный материал, включающий в себе 180 разрозненных бумажных единиц (полулисты, четвертушки писчей бумаги, полосы, вырезанные из четвертушек, и т. п.), относящихся ко всем трем главам статьи (к первой — 19, ко второй — 44 и к третьей — остальные). Всё это части копий, написанные на пишущей машинке, рукой М. Л. Оболенской, Ю. И. Игумновой, А. А. Гольденвейзер и исправленные Толстым, а затем в процессе формирования статьи отброшенные. На одном из листов представлена рукой Толстого дата — 2 января. Среди этого материала 6 вставок-автографов. К нему относятся лишь два варианта, имеющих значение в точки зрения смысловой и не вошедших в окончательный текст. Печатаем их отдельно под №№ 6 и 7. Первый из них относится к началу второй главы, второй и третий соответствуют абзацу «Скорлупа нужна яичу...», стр. 408, строки 28—32.

10. Рукопись на 44 листах (полулисты, четвертушки писчей бумаги и полосы, вырезанные из четвертушек). Написана на пишущей машинке, рукой М. Л. Толстой и Ю. И. Игумновой, с поправками рукой Толстого. В нее вошли одновременно переписанные и исправленные листы, относящиеся ко всей статье и отобранные так, что получился связный текст всех трех глав. Окончательная нумерация такая: 1—17 (чернилами) и затем 5—31 (красным карандашом). Недостающие листы — 18, 19 и 1—4 (конец второй главы и начало третьей) перенесены в следующую рукопись (№ 11). Туда же перенесена начальная часть 4-го листа (из первой главы). Текст рукописи является существенным этапом на пути к окончательной редакции статьи. В ней много исправлений и зачеркнутых мест. В первой главе зачеркнуто много из того, что входило в ее раннюю редакцию, озаглавленную «Царю и его помощникам» (см. описание рукописи № 2).

Во второй главе, после слов «освященному давностью и преданием порядку», стр. 306, строки 20—21, зачеркнуто:

и кромѣ того, дѣлаютъ не то, что имъ самимъ хочется дѣлать, а то

После слов «варываете, разоряете, убиваете, казните», стр. 306, строки 35—36, зачеркнуто:

Хуже всего при этомъ непоколебимое, сіяющее самодовольство этихъ людей. «Мы дѣлаемъ все это не для себя, а для блага народа».

Кроме того, во второй главе смягчен ряд резких выражений по адресу революционеров. Многочисленные исправления третьей главы не вносят новых смысловых вариантов по сравнению с окончательным текстом. В конце рукописи дата 10 января 1906 г., проставленная рукой Толстого.

11. Рукопись на 38 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей

машинке и рукой Ю. И. Игумновой, с поправками рукой Толстого. Исключая 6 листов и части четвертушки, перенесенной сюда из предыдущей рукописи (см. выше), данная рукопись представляет собой почти предыдущей. Некоторые четвертушки склеены из нескольких частей: части четвертушек, особенно подвергшиеся авторским исправлениям, были отрезаны, перепечатаны, вновь исправлены и приклеены к оставшимся частям четвертушек. Здесь мы имеем полный текст статьи. На последней странице дата 11 января 1906, написанная рукой Толстого. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой М. Л. Оболенской написано: «Правительство. Революционеры. Народ». Исправления, сделанные в рукописи, приближают ее к окончательной редакции статьи.

12. Рукопись на 21 пронумерованных листах тонкой копировальной бумаги большого формата, написанная на пишущей машинке. В главу «Народ» рукой Ю. И. Игумновой нанесены поправки, сделанные Толстым в недошедшей до нас рукописи этой главы и переписанные Игумновой в главах «Народа», вошедших в состав рукописей №№ 14 и 15, а также новые поправки, сделанные рукой Толстого в этих двух рукописях. Рукой С. Д. Николаева в рукописи сделано несколько стилистических исправлений, взяты в квадратные скобки (знак исключения) стоящие после слов «проявления деятельности», стр. 504, строка 32, слова «съ жиру», и слово «подлого», стоявшее после слов «не хождений по улицам с револьверами», исправлено на «нечестного». В конце рукописи собственноручная подпись Толстого и дата 12 января 1906 г.

13. Рукопись на 7 пронумерованных листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Содержит в себе текст главы «Революционеры» и представляет собой копию с недошедшей до нас исправленной Толстым копии этой главы, снятой с рукописи, описанной под № 12. В этой недошедшей копии сделаны были следующие исправления (отмечаем важнейшие). Место первоначального «если и совершаютъ въ борьбѣ съ вами жестокіе поступки, то поступки эти отчасти оправдываются тѣмъ» — «когда они въ борьбѣ съ вами совершаютъ жестокіе поступки, то поступки эти въ ихъ главахъ оправдываются тѣмъ» (о «правительственныхъ лицахъ»). После слов «которое самому хочется занять или», стр. 504, строки 33—34, зачеркнуты слова «выросшая изъ сознанія своего ничтожества и своей порочности злоба противъ всѣхъ людей». Слова: «Все, что вы дѣлаете, вы дѣлаете для народа. Какая дерзкая ложь!» заменены словами, которые читаются в варианте № 8, стр. 504, строки 27—28. После слов «возмущения крестьян», стр. 309, строка 33, добавлено: «съ освобожденіемъ себя отъ отвѣтственности, а открытаго». Исправления, сделанные вновь, сводятся, главным образом, к смягчению тона. Так, после слов «и держащих на своих плечах всю вашу», стр. 307, строка 21, слов «правдную, роскошную» зачеркнуты и заменены словами «нестественную, искусственную». После слов «в котором нет места» стр. 307, строка 38, зачеркнуто слово «празднымъ». После слов «трудиться полевымъ всемъ людямъ трудомъ» стр. 308, строки 6—7 зачеркнуто: «а нельзя будетъ называть трудомъ игру на флейтѣ или на биржѣ, или преподаваніе латинской грамматики, ¹

¹ После этих слов в рукописи № 11 зачеркнуто: «или писаніе стиховъ».

или рассматриваніе микроскопическихъ мозговыхъ клѣточекъ и получать за это вознагражденіе въ сто разъ большее, чѣмъ получаетъ дѣйствительно трудящійся». На первой страницѣ, сверху заглавляя, рукой Ю. И. Игумновой написано: „Къ статьѣ «Правительство. Революционеры. Народ»“.

14. Рукопись на 22 нумерованныхъ листахъ такой же бумаги, написанная на пишущей машинкѣ, с поправками рукой Толстого и Ю. И. Игумновой. Сшита и заключена в обложку, на которой рукой Ю. И. Игумновой написано «Правительство. Революционеры. Народ. 1906 г.» Полный текст статьи. Главы «Правительство» и «Народ» представляютъ собой второй экземпляръ копій соответствующихъ главъ рукописи, описанной под № 12. В главу «Народ» рукой Ю. И. Игумновой перенесены поправки, сделанные рукой Толстого в рукописи, описанной под № 15, и там его же рукой сделаны новые поправки, вместе с прежними переписанные рукой Игумновой в рукопись, описанную под № 12. Глава «Революционеры» — второй экземпляръ копии, описанной под № 13, куда рукой Игумновой нанесены поправки, сделанные в рукописи № 13 рукой Толстого.

15. Рукопись на 27 нумерованныхъ листахъ большого почтового формата, написанная с одной стороны вперемежку рукой О. К. Толстой и на пишущей машинкѣ. Полный текст статьи. Листы, написанные на машинкѣ (почти исключительно в главѣ «Народ»), извлечены из цельной рукописи, представляющей собою один из экземпляров¹ копии рукописи, описанной под № 11. На этихъ листахъ поправки, сделанные рукой Ю. И. Игумновой и Толстого. Поправки Игумновой нанесены были сюда, очевидно, с другого экземпляра той же копии, недошедшего до нас. На листах, исписанныхъ рукой О. К. Толстой, рукой В. Г. Черткова красными чернилами рядъ местъ въ статьѣ зачеркнутъ и некоторые (немногие) строки исправлены. Очевидно такимъ образомъ, что из машинописной копии статьи, совершенно совпадающей по тексту с рукописью, описанной под № 14, были переписаны наново листы, в которые Чертковъ намеренъ былъ внести поправки, и к этимъ вновь переписаннымъ и исправленнымъ листамъ, присоединены те листы машинописной копии, в которыхъ Чертковымъ не было сделано никакихъ поправокъ.

16. Рукопись на 36 нумерованныхъ листахъ большого почтового формата, исписанныхъ с одной стороны рукой Н. Н. Гусева. Главы «Правительство» и «Народ» здѣсь скопированы с рукописи, описанной под № 15, с воспроизведеніемъ рукой переписчика красными чернилами всехъ поправокъ и зачеркиваний, сделанныхъ в предыдущей рукописи рукой Черткова; глава «Революционеры» скопирована с рукописи, описанной под № 13, и здѣсь краснымъ и синимъ карандашомъ рукой Черткова зачеркнуты отдельные части текста и исправлено одно слово. Далѣе в рукописи сделаны новые исправленія рукой Толстого и его же рукой отмеченъ рядъ местъ, которые следуетъ выпустить. Кроме того, позднее рукой Черткова сделано еще несколько поправокъ. Места, исправленные Чертковымъ, были вновь исправлены Толстымъ, и потому мы ихъ не приводимъ; всё же, Чертковымъ зачеркнутое красными чернилами, Толстымъ было принято. Поэтому полностью выписываемъ все эти места.

¹ Другие экземпляры — рукописи №№ 12 и 14.

Рукой Черткова зачеркнуто следующее

После слов «и которой движется человечество», стр. 304, строки 7—8, целый абзац и начало следующего:

Тѣ, которые борются с вами теперь, имѣютъ очень низкіе идеалы, если можно называть идеалами то, во имя чего они борются. Идеалы ихъ или отрицательные: желаніе избавиться отъ деспотическаго и дурнаго правительства, или самые пошлые: подражаніе существующимъ въ Европѣ и Америкѣ государственнымъ учреждениямъ, конституціоннымъ монархіямъ, республикамъ съ парламентской борьбой за установленіе въ неопредѣленномъ будущемъ невозможнаго и лишающаго людей всякой свободы социалистическаго устройства.

Идеалы эти очень низкіе и даже глупые.

После слов «а серьезно и искренно» стр. 305, строка 9, — слова: «для того чтобы исполнить свой долгъ».

После слов «сделайте это и уничтожится», стр. 305, строка 14, — слова: «вся та правдная и часто злобная болтовня, которая теперь раздается въ собраніяхъ и газетахъ, и уничтожится и скроется».

После слов «а на то, чтобы», стр. 305, строка 30, — слова: «исполнить свою обязанность»

После слов «никем, кроме как самими собой не пригнанные и не признанные», стр. 306, строки 30—31, — слова: «ничѣмъ, кромѣ какъ своимъ легкомысліемъ и самоувѣренностью не побуждаемые».

После слов «И ради этого вы возбуждаете междусобную войну», стр. 307, строка 5, — весь конец абзаца и весь следующий абзац, за исключением его начальных слов: «Вы говорите, что вы делаете это для народа, что главная цель ваша — благо народа» (см. вариант № 8).

После слов «и не просит вас об этом и не нуждается», стр. 307, строка 8, — слова: «во всѣхъ тѣхъ глупостяхъ».

После слов «найти выход своим правдным силамъ», стр. 309, строка 19, — слова: «или желаніе улучшить свое личное положеніе».

Наконец, после слов «в котором вы живете», стр. 312, строки 16—17, — абзац: «Вѣдь двѣ борящіяся стороны: старое правительство и революціонеры борются, въ сущности, только за то кому изъ двухъ ѣхать на вась».

Рукой Толстого в рукописи зачеркнуто следующее.

После слов «которые изворотливѣе, хитрѣе или злѣе, и жесточе, а та», стр. 304, строки 6—7, — слова «успѣхъ который обѣщаетъ больше блага тому народу, ради котораго и среди котораго борются эти партіи», замененные теми, которые стоят в печатном тексте.

После слов «идеалы эти очень низкіе и даже глупые», стр. 703, строка 13, слова: «но это все-таки идеалы, а у васъ нѣтъ никакихъ».

После слов «в котором вы находитесь. И потому», стр. 304, строка 12, — слова: «Какъ ни низки идеалы тѣхъ, которые борются съ вами, какъ ни ничтожны сами люди эти¹

¹ В этихъ предложенияхъ Чертковымъ слово низки было исправлено на символически, слово: ничтожны на заблуждаются.

После слов «Всё это отжило», стр. 304, строка 16, — слова «не только не составляет блага для народа, а давно уже ненужную тяжесть. Идеалом не может быть прошедшее, а только будущее», замененные словами «не может быть восстановлено».

После слов «действительного народного блага», стр. 304, строка 26, — слова: «и всё лучшие люди примкнуть к вам, а всё худшие, все больше и больше захватывающие теперь власть, сразу потеряют всю свою силу и значение» замененные теми, которые стоят в печатном тексте.

После слов «не внешним образом и как средство спасения», стр. 305, строки 8—9, — слова:

въ неясныхъ выраженіяхъ обѣщать заняться земельнымъ вопросомъ посредствомъ прирѣзковъ и выкуповъ банками и т. п. паллятивныхъ мѣрами, а прямо и открыто признать землю общей собственностью всего народа. И, провозгласивъ эту истину, тотчасъ, безъ обращенія вниманія на неизбежное противодѣйствіе корыстныхъ и упрямыхъ землевладѣльцевъ, приступить къ приведенію въ исполненіе этого великаго дѣла. Исполненіе же дѣла и рѣшеніе вопросовъ о томъ, какъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и существующему прежнему распредѣленію земли, должно и можетъ быть осуществлено это дѣло, поручить по губерніямъ и областямъ выборнымъ людямъ изъ всего народа.

После слов «в которых вы виноваты», стр. 305, строки 17—18, два следующие абзаца, которые печатаем в вариантах (№ 9).

После слов «и жестоко страдают люди», стр. 305, строка 25, — конец абзаца:

Въ этомъ одномъ спасеніе не только ваше, правительственныхъ лицъ, но спасеніе всего народа, отъ величайшихъ бѣдствій и развращенія.

После слов «добра и правды, а не лжи и жестокости», стр. 305, строки 32—33, — следующий абзац:

Вѣдь вы всё, и царь и министры, кромѣ того общественнаго положенія, которое вы занимаете, вы еще просто люди, и у васъ есть обязанности передъ Богомъ и передъ своей совѣстью. Подумайте объ этомъ.

Кроме этих зачеркнутых мест, в рукописи ряд значительных по объему частей текста обведен сбоку чертой, рядом с которой написано: «пр[о]пустить». Части эти следующие: 1) самое начало статьи (вариант № 10), 2) конец абзаца и два следующие абзаца, идущие после слов «которые выставляют ваши противники», стр. 304, строки 22—23 (вариант № 11), 3) пять абзацев, следующие за словами «к естественной земледельческой жизни», стр. 312, строки 34—36 (вариант № 12) и 4) конец абзаца и четыре следующие абзаца, идущие после слов «цель которой освобождение от правительства», стр. 313, строки 10—11 (вариант № 13).

Сверх всего этого, рукой В. Г. Черткова карандашом зачеркнуты поправки, сделанные рукой Толстого в начале каждого обращения, и восстановлены прежде бывшие рубрики «К правительству», «К революционерам», «К народу» с последующими пояснениями, что автор понимает под тем, другим и третьим.

Под 16 января Толстой заносит в Дневник: „Отослал в Москву и Англию «Правительство, революционеры и народ»“.

Того же числа он пишет Черткову: «Еще посылаю вам статью «Обращение к правительству, революционерам и народу». Я попытаюсь напечатать ее здесь (очень сомневаюсь, чтобы удалось). Я посылаю ее в «Русскую Мысль». Статья мало интересная, так как составляет повторение неоднократно сказанного и в особенности в «Конце Века». И потому не важно, если она появится здесь прежде, чем у вас, или даже вовсе не появится у вас. Не стоит того — писал же я ее потому, что казалось, что... не только казалось, но думал, что попытаться сказать это теперь моя обязанность перед Богом» (АЧ).

В Москву статья была передана через Н. В. Давыдова и в большинстве не встретила сочувствия среди читавших ее. Под 22 января Толстой делает в Дневнике такую запись: „«Правительство, революционеры и народ» очень, как и должно было быть, не понравилась всем и немислимо напечатать“.

В ответ на письмо и присылку статьи Чертков 17 февраля н. с. послал Толстому подробные замечания по поводу статьи с предложением ряд резких мест, направленных против революционеров, исключить или изменить. Чертков находил, что в статье должно быть больше «сердечной задушевности», любви, жалости и сострадания к тем, против кого было направлено обличение (АТБ).

В ответ на это Толстой писал Черткову 13 февраля: «Статья эта для меня целая история моей внутренней жизни... Нынче я получил ваши замечания, прочел их и понял вполне и даже согласился, если статья на вашу и мою же, общую нашу точку зрения. Но я писал правительству, становясь на его точку зрения, также и революционерам, также и народу. Даже вся статья эта образовалась из написанного мною довольно горячего обращения к правительству, под которым я невольно представлял себе Витте. Статья эта начиналась словами: Что вы делаете? повторенными три раза. Потом, чтобы не стать в положение потакающего правительству, я написал и то, что думал по отношению других двух. Вообще в этой статье я, несмотря на свое удаление от центра борьбы, был захлещнут ее воллою¹ и написал под влиянием борьбы с одним желанием утишить, ослабить ее. В России никто не печатает, и я поставил *conditio sine qua* поп¹ печатать всю или ничего. А изменять, прибавлять к ней, если бы кто и решился напечатать, мне очень не хочется. Новое в ней ничего не сказано, практического влияния она едва ли может, даже наверное не может иметь, а потому надо поскорее забыть про нее. Мне же она была очень полезна, а потому всем вообще полезнее при своем уничтожении, чем при неуничтожении» (АЧ).

Однако Толстой всё же не отказывался от мысли напечатать статью без всяких изменений. Видимо по его поручению, Д. П. Маковицкий 20 февраля 1906 г. обратился с предложением напечатать статью к Н. Е. Фельтену, деятельному участнику издательства «Обновление», которое печатало запрещенные в России произведения Толстого. Маковицкий

¹ [неприменное условие]

писал: «Есть новейшая, до сих пор неизданная статья Льва Николаевича «Правительство. Революционеры. Народ», которую русские газеты без сокращения не берутся напечатать, а Чертков тоже желает некоторых изменений. Лев Николаевич же настаивает на полном тексте и без изменений... Не взялись ли бы вы напечатать ее? Прошу вас ответить мне или Льву Николаевичу. Четвертого дня я писал об этом Николаеву, чтобы он попробовал напечатать эту статью в Петербурге (так как в Москве из-за усиленной цензуры нельзя), и советовал ему съездить в Петербург и поговорить с вами. Тогда я еще не знал, что вы сами печатаете. Издать желательно возможно скорее».¹

Н. Е. Фельтен ответил согласием, и в начале марта статья Толстого была ему доставлена. Резкости, содержащиеся в ней по адресу революционеров, смуглили Фельтена. Об этом он написал Толстому и вслед за своим письмом сам поехал в Ясную поляну с намерением убедить Толстого смягчить тон своей статьи в части ее, относящейся к революционерам. 16 марта состоялось свидание Фельтена с Толстым. Толстой предложил Фельтену изменить статью по своему усмотрению, что он и сделал в несколько часов, оставшихся у него до отъезда из Ясной поляны. Большая часть исправлений, предложенных Фельтеном, была принята Толстым. Вычеркнута была лишь одна строка, написанная Фельтеном, и самим Толстым приписаны три новых строки. (Теперешнее местонахождение рукописи с поправками Фельтена и Толстого, бывшей в руках Фельтена, судя по его словам, в 1917 г., нам неизвестно.)

Однако через несколько дней после отъезда Фельтена из Ясной поляны он получил переписанную на пишущей машинке главу о революционерах с надписью, сделанной рукой Толстого: «Посылаю вам исправленную версию «Революционеры». Если будете печатать, то печатайте по ней».

В этой рукописи, также нам неизвестной, все смягчающие поправки Фельтена были уничтожены. Статья была сдана в набор, а через несколько дней Фельтен получил от Маковицкого письмо, в котором передавалась просьба Толстого приостановить печатание статьи, если это можно сделать без убытка для издательства.² Вероятно, незадолго до этого Толстой решил послать Фельтену письмо с предложением стилистических поправок в одном месте статьи. Письмо было начато, но не закончено и не отправлено, и большая часть его зачеркнута (хранится в ГТМ).

Статья всё же была напечатана, но не увидела света, будучи конфискована целиком еще в типографии.

Узнав о том, что печатание «Обращения к русским людям» предполагается в России, Чертков 24 марта н. с. послал Толстому вместе с письмом несколько страниц статьи с некоторыми своими поправками, преимущественно сокращениями, рекомендуя воспользоваться ими для русского издания. В случае согласия Толстого с предложенными поправками Чертков собирался немедленно напечатать статью за границей (АЧ). В ответ на это 24 марта Толстой в письме к О. К. Толстой, бывшей тогда

¹ Н. Фельтен, «Толстой о революции». — «Вестник культуры и политики», 1917, I, стр. 18.

² Подробности об этом — в указанной статье Н. Е. Фельтена, стр. 17—30.

в Англии, просил сообщить Черткову, что его письмо о поправках к статье он получил, но принять эти поправки он отказывается: «О статье я, в первый раз, кажется, не согласен с ним и изменять не буду. Лучше вовсе не печатать. Фельтен хотел напечатать, но и ему напишу, что если он не печатает, то лучше не надо» (АЧ).

Около 11 апреля Толстой по поводу статьи писал самому Черткову: «Получил ваше последнее письмо... То, в котором вы предлагаете свои поправки, я тоже получил и отвечал о нем Ола, ¹ отвечал то, что я истинно, с большим сожалением никак не могу согласиться с вашими поправками. Я не вижу им никакого основания, кроме того аме, ² которое внушают в наше время к себе все либералы, революционеры, которому вы поддалесь и которого я не испытываю. Подтверждает меня в этой мысли то, что люди, вовсе не христиански чувствующие, как вы, делали те же самые замечания, как и вы, мотивируя их отсутствием доброты. Другое то, что вы не делали замечания, которое скорее следовало сделать, при моих гораздо более грубых отъездах о царе и властвующих... Не сердитесь и не сгубите на меня, и не будем больше говорить об этом, так как я хотя в глубине души жалею об этом, не желаю печатать статьи, вполне уверенный в том, что всё обойдется, как должно быть, и без моего комариного писка» (АЧ).

В конце июля Чертков приехал в Россию и возобновил в Ясной поляне переговоры с Толстым о печатании «Обращения к русским людям» с теми сокращениями и поправками, какие были сделаны Чертковым. На этот раз Толстой согласился с его доводами. В Дневнике от 30 июля он записывает: „Здесь Чертков, и мне очень приятно. Решил отдать с изменениями «Правительство, революционеры, народ»“.

Толстому Чертковым была передана рукопись статьи, описанной под № 16, в которой Толстой, оставив в неприкосновенности всё зачеркнутое Чертковым, сделал, как указано выше, ряд новых исправлений, часть текста зачеркнул, часть обвел чертой с пометкой «пр[опустить]».

После этого статья была направлена в Петербург для печатания.

15 августа Толстой в приписке к письму В. Лебрена к Черткову написал между прочим следующее: «Меня не столько эти убийства, сколько разговор вчера с двумя босяками привел к несомненному убеждению, что раздражение неостановимо силой, но что правительство, т. е. люди правительственные, обязаны перед Богом, перед людьми, перед самими собой прекратить все насилия — сделать всё, чего от него требуют, снять с себя ответственность: и учредительное собрание, и выборы общие, равные, прямые, тайные, и амнистию, и всё...»

Я говорю и скавал бы тоже революционерам, чтобы они ничего не требовали, не раздражали народ, не убивали, да у них нет центрального органа, некому сказать» (АЧ).

По поводу этих слов Чертков написал Толстому 6 сентября н. с. письмо, прося его разрешить ввести в текст обращения к правительству всё то, что Толстой говорит о необходимости реформ; то же, что сказано по адресу революционеров, Чертков находил излишним вводить и в статью,

¹ О. К. Толстой.

² [благоговетия.]

так как сказанное по поводу них в письме сказано и в обращении к революционерам (АТБ).

В ответ на эту просьбу Толстой в приписке к письму к Черткову М. Л. Оболенской от 30 августа ст. статьи написал: «Мама совершенно верно вам написала. Это не в духе статьи и похоже на программу, чего я боюсь. Оставьте как есть» (АЧ).

В ответном письме от 29 октября н. с. Чертков, сообщая о получении корректур, просит разрешения сделать выноски и концы обращения к правительству, в которую уже от себя внести строки из письма Толстого от 15 августа (АТБ). Тут же была приложена и самая выноска.

24 октября Толстой по телеграфу согласился на напечатание этой выноски, а в письме к Черткову от 26 октября написал: «Выноска очень хороша».

В конце 1906 г. статья была напечатана отдельной брошюрой в издании «Свободного слова», в Петербурге, под № 1, открывая новую серию произведений Толстого, предназначенных к печатанию уже не за границей, а в России.

По сравнению с рукописью, описанной под № 16 и представляющей собой последний этап работы Толстого над статьей (корректур ее он не держал), в издании «Свободного слова» мы имеем ряд отступлений от рукописи. Здесь восстановлены все те части текста, которые в рукописи отчеркнуты чертой, рядом с которой поставлена пометка «пр[опустить]»; восстановлено деление статьи на главы с рубриками «К правительству», «К революционерам» и «К народу» с пояснениями в скобках, что автор вкладывает в каждое из этих понятий; в последней главе сделаны существенные перестановки отдельных абзацев; наконец в трех случаях Чертковым внесены поправки: после слов «загладить его, пока вы еще», стр. 304, строка 20, напечатано «в силах»; вместо стоящего в рукописи «во власти»; после слов: «фабриканты, заводчики и техники», стр. 307, строка 40—стр. 308, строка 1, исключено стоящее в рукописи слово: «учителя», написанное рукой Толстого; после слов: «не хождений по улицам с револьверами», стр. 309, строки 32—33, вместо стоящего в рукописи «не нечестного» напечатано «и часто нечестного». Сверх этого, в примечании к главе «К правительству» напечатана, с согласия автора, следующая «Заметка от издателей» с выдержкой из письма Толстого от 15 августа.

«По поводу замечания в этом обращении к правительственным лицам о том, что «спасение их не в думах с такими или иными выборами», позволив себе сделать маленькую оговорку в виду того, что отдельные выражения Толстого так часто истолковываются в превратном смысле. Словами этими он вовсе не желает советовать правительству не делать уступок общественным требованиям. Напротив того, в то самое время, когда настоящая брошюра готовилась к печати, мы получили от Л. Н. Толстого письмо, в котором он, между прочим, так высказался по этому поводу:

«...Раздражение неостановимо силой, но правительство, т. е. люди правительственные, обязаны перед Богом, перед людьми, перед самими собой прекратить все насилия — сделать всё, чего от них требуют, снять с себя ответственность: и учредительное собрание, и выборы общие, равные, прямые, тайные и амнистию, и всё...».

Так что в указанном месте своего обращения к правительству Толстой хочет выразить только то, что дело собственно не в думе, а в более коренном облегчении положения народа».

Отрывки из «Обращения» были напечатаны в «Новом времени» от 11-го января 1907 г., № 11075, под названием «Воззвание Л. Н. Толстого», в обратном переводе с французского перевода, напечатанного в журнале «Revue bleue». Выдержки были сделаны только из второй части — обращения к революционерам — и из третьей — обращения к народу.

С издания «Свободного слова» «Обращение к русским людям», за исключением «Заметки от издателей», было перепечатано в девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого, М. 1911 (том конфискован).

В № 1 «Вестника культуры и политики» за 1917 г. Н. Е. Фельтен напечатал обширные отрывки из двух глав статьи «К правительству» и «К революционерам». Текст этой публикации восходит к тексту рукописи, описанной под № 14.

В. Г. Чертков в книжке «Лев Толстой и русские цари», М., 1918, напечатал, как сказано выше, текст ранней редакции обращения к правительству — «Царю и его помощникам» (второе обращение) — по рукописи, описанной под № 2.

В № 9 журнала «Звезда» за 1928 г. Н. Е. Фельтен опубликовал текст «Обращения к русским людям», как «неопубликованную до сих пор статью Толстого». Публикация эта во всем совпадает с публикацией «Свободного слова», за исключением распорядка абзацев в последней главе, который соответствует у Фельтена тому порядку, какой находим в рукописях; кроме того, после слов «фабриканты, заводчики и техники», стр. 307, строка 40 — стр. 308, строка 1, введено слово «учителя», исключенное в издании «Свободного слова».

Видимо, оригиналом для публикации Фельтена была одна из копий рукописи, описанной под № 16, причем в этой копии, как и в издании «Свободного слова», не были приняты во внимание части текста, предназначенные Толстым к исключению, и удержано разделение статьи на главы с пояснениями в скобках, что автор разумеет под правительством, революционерами и народом.

Печатаю «Обращение к русским людям» в настоящем томе, в основу издания кладем рукопись, описанную под № 16, воспроизводя все поправки, сделанные в ней Толстым, и исключая из основного текста и переносы в варианты всё, что отчеркнуто Толстым и снабжено пометкой «пр[опустить]». Поступая так, мы руководствуемся тем, что эта рукопись отражает последний известный нам этап работы Толстого над статьей и что мы не располагаем никакими документальными свидетельствами о том, что Толстой восстановил деление статьи на главы, снабдил каждую главу пояснениями, вновь включил то, что он предназначал к исключению, и перегруппировал абзацы в конце статьи.

«О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Статья «О значении русской революции» вызвана была прочтением Толстым статьи Д. А. Хомякова «Самодержавие, опыт систематического построения этого понятия», напечатанной впервые в Риме в 1899 г. в качестве приложения к сочинениям А. С. Хомякова и переизданной в России в 1905 г. 6 февраля 1906 г. Толстой записывает в Дневник: «Читал вчера или третьего дня прекрасную брошюру Д. Хомякова. Всё хорошо. Горе в том, что он считает христианство и православие равнозначущими и к духовным требованиям жизни причисляет *быт*. Это уже совсем неверно и явный софизм. По этому случаю и надо записать». Далее излагается и критикуется точка зрения Хомякова на отношение западных и восточных народов к власти. В записи Дневника от 10 февраля Толстой излагает свои мысли о существе и природе власти.

В течение ближайшего месяца работа над статьей подвинулась вперед очень мало. 7-м марта датирована вторая исправленная копия дневниковых записей (см. рукопись, описанную под № 3). Наличие этой даты указывает на то, что 7 марта Толстой счел свою работу над статьей законченной. Следующая сохранившаяся дата — 16 марта (см. рукопись № 5) — также свидетельствует о том, что этого числа работа считалась приведенной к концу. 9 марта Толстой заносит в Дневник: „Только поправлял заметку о правительстве, о власти. Заглавие надо так: «Из дневника. О возникновении и самоуничтожении власти»“. В одной из ближайших копий название «Из дневника» Толстым зачеркнуто и вместо него статье дается новое — «Освобождение», которое вскоре, в свою очередь, заменяется заглавием «Две дороги». 17 апреля Толстой записывает в Дневник. «Всё вожусь с «Две дороги». Плохо подвигаюсь. Но важность предмета всё больше и больше выясняется и привлекает к себе внимание». В дальнейшем в связи с работой над «Двумя дорогами» в Дневнике читаем следующие записи. 30 апреля: «Немного работал над «Две дороги» и ясно вижу всё последующее, но не имею сил записать». 29 мая: „Всё копаюсь над «Двумя дорогами»“. 6 июня: «Как будто подвигаются две дороги». 3 июля: „Урывками работал «Две дороги»“. В письме к В. В. Стасову от 20 июня Толстой пишет: «Совершающиеся события очень интересны, но я, как старик, и по моим занятиям, вижу эту волну на очень большом пространстве, и потому она мне не кажется такой значительной, как она кажется тем, кто видит ее одну. Мне

кажется даже, что я вижу в ней кое-что такое, чего другие не видят в ней, и это очень занимает меня, и я пишу об этом». ¹ В письме к Г. А. Русанову от 23 июня он пишет: «Сосредоточиваю все силы на утреннюю работу... Работа же, которой я занят, очень, очень увлекает меня. Как всегда, кажется, что имею сказать кое-что новое и нужное». ² Об этой работе над «Двумя дорогами» и о том, что работа захватывает его, Толстой пишет и в письмах от 27 июня В. Г. Черткову (АЧ) и П. И. Бирюкову (АТБ). В обоих случаях разумеется работа над «Двумя дорогами». Дата 20 июля, которую находим среди материалов, описанных под № 5, указывает, что в этот день Толстой работу над статьей считал оконченной. Затем дата окончания статьи была переделана на 28 июля (см. рукопись, описанную под № 8). 30 июля в Дневник вносится такая запись: „Думаю, что кончил статью «Две дороги» и кажется, что недурно. Даже был очень доволен, как Фет «Двумя Липками»“. ³ Однако 15 августа Толстой пишет Черткову, имея в виду эту статью: «Статью всё переделываю, прибавляю. Очень уж интересно мне и кажется ново и важно» (АЧ). К 23 августа были закончены шестнадцать глав статьи, которая получила новое заглавие «Значение русской революции». Судя по тому, что вслед за шестнадцатой главой была проставлена дата и сделана собственноручная подпись (см. рукопись, описанную под № 6), на этой главе работа должна была закончиться. Но вскоре Толстой взялся за писание заключения к статье. Как видно из описания рукописи № 7, в это заключение Толстой намеревался ввести ранее написанную им статью «Обращение к русским людям — к правительству, революционерам и народу», вопрос о печатании которой в качестве самостоятельного произведения тогда еще не был окончательно решен. Еще раньше, как показывает знакомство с рукописным материалом, описанным под № 5, Толстой намеревался ввести это обращение в девятую главу. Но затем мысль о включении «Обращения» в статью «О значении русской революции» была Толстым оставлена, и им написано новое заключение, обозначенное им как глава семнадцатая (см. рукописи, описанные под №№ 8—10). Вслед затем семнадцатая глава была радикально переделана и соединена с ранее написанными шестнадцатью главами. В результате получился текст статьи, близкий к окончательной редакции и датированный 3 сентября (см. рукопись, описанную под № 13). В этом тексте сделаны были стилистические преимущественно поправки, предложенные Д. П. Маковицким, о чем Маковицкий говорит в неопубликованной части своих «Яснополянских записок» под 14 сентября 1906 г.: «Я предложил Льву Николаевичу 9 поправок в статью «О значении русской революции». Он согласился со всеми, внес их и поблагодарил меня».

15 сентября Толстой записывает в Дневник о том, что кончил статью «О значении русской революции». После того, как статья была закончена, Толстой взялся за писание нового заключения к ней, которое впослед-

¹ «Лев Толстой и В. В. Стасов». Переписка 1878—1906. Редакция и примечания Е. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Ленинград, 1929, стр. 404.

² «Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 19.

³ Поэма, посвященная Фетом Тургеневу и напечатанная в «Отечественных записках», 1857, № 1.

ствии было обозначено как восемнадцатая глава. Но это заключение, будучи радикально переработано и слившись с «Послесловием», написанным к статье в связи с разговором с двумя революционерами и крестьянином из соседнего села, образовало отдельную статью, напечатанную под заглавием «Что же делать?» (подробнее об этом см. в комментариях к статье «Что же делать?»).

К статье «О значении русской революции» относится очень большой рукописный материал, в большинстве не поддающийся строгой систематизации и хронологическому приурочению. Он хранится в ГТМ (АЧ, папки 98, 99, 100).

1. Две записи в Дневнике от 6 и 10 февраля 1906 г. Автограф на страницах 193—203 переплетенной в коленкор тетради, включающей в себе Дневник Толстого с 15 сентября 1904 г. по 3 июля 1906 г. *Начало первой записи:* «Читалъ вчера или третьяго дня прекрасную брошюру Д. Хомякова». *Конец:* «это самое совершается теперь». *Начало второй записи:* «Еще читалъ о власти и, кажется, пришелъ къ ясности». *Конец:* «общемъ всѣмъ людямъ религіозномъ пониманіи жизни».

2. Рукопись на 8 листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. От двух листов отрезаны их большие доли и переписаны в следующую рукопись. Копия автографа. Вверху первой страницы на машинке написано: «Из дневника».

3. Рукопись на 14 листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Верхняя часть первого листа отрезана и перенесена в рукопись № 4. Некоторые листы склеены из нескольких частей. Из предыдущей рукописи перенесены и вклеены сюда две части четвертушек. Копия предыдущей рукописи. Три последние листа рукописи представляют собой исправленную копию двух перед этим идущих листов, в текст которых внесено большое дополнение. На втором из этих двух листов проставленная рукой Толстого дата — 7 марта 1906 г.

4. Рукопись на 15 листах в 4°, частью склеенных из нескольких частей, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Копия предыдущей. Здесь зачеркнут следующий вариант:

Русскій народъ видитъ теперь, не только видитъ, но чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ весь ужасъ тѣхъ злоупотребленій, до которыхъ дошла та неограниченная власть, которой онъ подчинился. Видитъ, чувствуетъ, что злоупотребленія этой власти, вооруженной всѣмъ могуществомъ новѣйшей техники, втягиваютъ его въ участіе во все большихъ и большихъ злодѣяніяхъ власти.

Первый и два последних листа этой рукописи перенесены в следующую.

5. Рукописный материал, заключающий в себе исправленные рукой Толстого копии и автографы отдельных частей текста статьи, относящиеся к первым шестнадцати главам. Всего 115 листов различного формата автографов, 806 листов в 4° и 569 обрывков, написанных на пишущей машинке, рукой М. Л. Оболенской, Т. Л. Толстой, Д. П. Маковского, В. Г. Черткова и исправленных рукой Толстого. С большей или меньшей

точностью материал этот между отдельными главами статьи, применительно к окончательной ее редакции, распределяется так. К I главе относится 1 лист-автограф, 22 листа и 22 обрезка копий; ко II — 21 лист и 23 обрезка копий, к III — 4 листа автографов и 57 листов и 31 обрезок копий; к IV — 2 листа автографов и 32 листа и 30 обрезков копий; к V — 1 лист-автограф и 20 листов и 26 обрезков копий; к VI — 7 листов автографов и 42 листа и 31 обрезок копий; к VII — 3 листа автографов и 29 листов и 16 обрезков копий; к VIII — 13 листов автографов и 65 листов и 27 обрезков копий; к IX — 23 листа автографов и 119 листов и 94 обрезка копий; к X — 33 листа автографов и 141 лист и 109 обрезков копий; к XI — 3 листа автографов и 69 листов и 34 обрезка копий; к XII — 1 лист-автограф и 72 листа и 49 обрезков копий; к XIII — 9 листов автографов и 43 листа и 30 обрезков копий; к XIV — 6 листов автографов и 66 листов и 30 обрезков копий; к XV — 3 листа автографов и 5 листов и 8 обрезков копий; к XVI — 6 листов автографов и 3 листа и 9 обрезков копий. На одном из обрезков, относящемся к XI главе окончательной редакции, — собственноручная подпись Толстого и его же рукой проставленная дата — 16 марта 1906 г.; на одном из листов, относящихся к XIV главе, — также собственноручная подпись и дата 20 июня 1906 г.

Ко всему этому материалу относится ряд вариантов, которые печатаем отдельно частью по автографам, частью по исправленным копиям. К I главе относится вариант № 1, к III — №№ 2 и 3, к V — № 4, к VI — №№ 5 и 6, к VII — №№ 7 и 8, к VIII — №№ 9—12, к IX — №№ 13—16, к X — №№ 17—26, к XI — №№ 27—29, к XII — № 30, к XIII — №№ 31—33, к XIV — №№ 34 и 35, к XVI — № 36.

6. Рукопись на 99 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и отчасти рукой М. Л. Оболенской и А. Л. Толстой и исправленная рукой Толстого и в нескольких листах рукой А. Л. Толстой и рукой неизвестного. Очень много листов склеено из нескольких частей; несколько листов урезано. Рукопись образовалась из одновременно сделанных копий отдельных частей текста и представляет собой связный текст, заключающий в себе вступление и первые шестнадцать глав. Вступление сплошь написано на обеих сторонах четвертушки рукой Толстого. В конце XVI главы рукой Толстого проставлена дата 23 августа 1906 г., вслед за которой его же рукой подпись: «Я[сна] П[оляна]. Л. Т.» На первой странице написанное на машинке заглавие «Две дороги» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано другое — «Значение русской революции». Рукопись заключена в обложку, на которой рукой А. Л. Толстой написано «Две дороги». На первой странице обложки начало автографа XII главы в окончательной редакции. Первые девять глав довольно близки к окончательной редакции статьи, остальные же, обозначенные в рукописи спутанной нумерацией, еще значительно отступают от окончательного текста. Во всей рукописи нет сколько-нибудь существенно значительных и новых вариантов по сравнению с теми, которые были извлечены из материала, описанного под № 5.

7. Рукопись на одном полулисте почтовой бумаги, написанном с одной стороны. Автограф. Текст приводим целиком:

Это все общія разсужденія, скажутъ еще, прочтя эти мысли. Но всё онѣ не отвѣчаютъ на вопросъ, что дѣлать вообще людямъ и въ особенности въ теперешнее важное время русскимъ людямъ. Что дѣлать правительству, что дѣлать образованнымъ сословіямъ, что дѣлать рабочему народу? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить написанное мною нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ слѣдующее обращеніе къ этимъ тремъ, хотя и далеко не равнымъ ни по важности и ни по количеству людей составнымъ частямъ русскаго народа, изъ которыхъ каждая часть имѣетъ свою совершенно особенную и по своему положенію твердо опредѣленную дѣятельность.

Вслед за этим, по первоначальному замыслу Толстого, такимъ образомъ должно было итти «Обращеніе къ русскимъ людямъ — къ правительству, революционерамъ и народу».

8. Автографъ на 9 нумерованныхъ листахъ, изъ которыхъ два—четвертушки писчего листа, остальные — почтового формата. Все листы, кроме двухъ последнихъ, исписаны съ обеихъ сторонъ. Верхняя половина первой страницы занята исправленной Толстымъ машинописной копией шестнадцатой главы статьи, вследъ за которой идетъ собственноручная подпись и дата 28 июля 1906 г., причемъ цифра 28 написана рукой Толстого вместо зачеркнутой имъ машинописной цифры 11. Вследъ за этимъ — автографъ первоначальной редакціи семнадцатой главы, обозначенной цифрой XVII. *Начало:* «Все это общія разсужденія». *Конецъ:* «и откроетъ себѣ и людямъ новый путь жизни. 4 Августа 1906. Л. Т.»

9. Рукописный материалъ, заключающій въ себѣ 16 листовъ в 4° и 3 обреза, написанныхъ съ обеихъ сторонъ на пишущей машинкѣ, рукой В. Г. Черткова (2 листа) и рукой Толстого (1 лист). Разрозненный материалъ копій отдельныхъ частей текста рукописи, описанной подъ № 8, исправленныхъ и дополненныхъ рукой Толстого. На листѣ, написанномъ рукой Толстого, собственноручные дела и подпись: «9 Авг. 1906. Пирогово. Л. Т.». В этомъ материалѣ зачеркнутъ предварительно исправленный вариантъ, относящійся къ самому концу главы, печатаемый нами подъ № 37.

10. Рукопись на 18 нумерованныхъ¹ листахъ в 4°, написанная на пишущей машинкѣ, рукой Д. П. Маковицкаго и В. Г. Черткова и исправленная рукой Толстого чернилами и рукой Черткова карандашомъ. Окончательный полный текстъ первой редакціи семнадцатой главы, обозначенный цифрой XVII. Образовался въ результатѣ отбора и согласования исправленныхъ Толстымъ копій отдельныхъ частей текста автографа, описаннаго подъ № 8. Текстъ рукописи полностью печатаемъ въ вариантахъ (№ 38). Поправокъ Черткова не воспроизводимъ.

11. Рукописный материалъ, заключающій въ себѣ 8 листовъ в 4° и 9 обрѣзовъ копій, написанныхъ на пишущей машинкѣ и исправленныхъ рукой Толстого, и два листа автографовъ, относящихся къ окончательной редакціи

¹ Нумерация посторонней рукой — двойная: на лицевыхъ страницахъ — 89а — 105, на оборотныхъ 104—121.

семнадцатой главы. На двух листах собственноручно проставленные Толстым даты — 27 августа и 1 сентября 1906 г.

12. Рукопись на трех листах в 4°, написанная рукой В. Г. Чертова, с поправками рукой Толстого. Исправленная копия текста вступления к статье, открывающего собой рукопись, описанную под № 6.

13. Рукопись на 111 листах в 4°, из которых часть урезана, написанная на пишущей машинке и (на двух листах) рукой Д. П. Маковицкого, с поправками рукой Толстого и несколькими, преимущественно стилистическими поправками карандашом рукой неизвестного. Это, очевидно, те поправки, которые были предложены Маковицким и, судя по его словам, приняты Толстым. Нумерация, непоследовательная, частью имеется, частью отсутствует. Целый текст статьи, образовавшийся в результате подбора отдельных листов одновременно сделанных и исправленных копий. Он поделен на семнадцать глав, но деление это не вполне совпадает с окончательным. Во вступлении приведен лишь эпиграф из Чаннинга и рукой Толстого написано: «Выписать Мат[фея] IX, 36, 37, 38». В пятнадцатой главе цитаты из Дюма, Ламенна и Чаннинга не выписаны, а лишь указано, что их нужно выписать из «Круга чтения». В конце статьи собственноручная подпись Толстого и дата: «3 Сент. 1906. Я[сная] П[оляна]. Л. Т.» Рукопись озаглавлена «Значение русской революции». Рядом с заглавием рукой неизвестного написано: «Версия предпоследняя». Текст рукописи близок к окончательной редакции.

14. Рукопись (наборная) на 75 пронумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого, без начала: утрачены первые пятнадцать листов, относящиеся к первым трем главам и большей части четвертой. *Начало*: «чему люди обязаны жертвовать не только жизнью». Копия предыдущей рукописи, без подписи и даты. В пятнадцатую главу внесены цитаты из Дюма, Ламенна и Чаннинга. Цитата из Ламенна несколько длиннее, чем в печатном тексте. Сверх того, приведена цитата из Рёскина, в печатном тексте отсутствующая. Текст рукописи поделен на семнадцать глав, но в нумерации цифра XV пропущена и три последние главы занумерованы цифрами XVI, XVII, XVIII.

15. Корректурa издательства «Посредник» на 47 гранках, правленная рукой Толстого. Набор рукописи № 14. Все поправки Толстого преимущественно стилистического характера. Из смысловых поправок следует отметить следующие. Во второй главе после слов «Людвиги, Иоанны, Петры, Екатерины», стр. 319, строки 11—12, вчеркнуто слово «Николаи». Это же слово вписано в четырнадцатой главе после слов «Мараты, Наполеоны», стр. 354, строки 18—19. В седьмой главе после слов «И как у всякой веры была своя наука» стр. 330, строка 5, вчеркнуто слово «у вѣры въ Бога — богословіе».

Рукой И. И. Горбунова-Посадова карандашом в корректуре сделано несколько стилистических исправлений. В четвертой главе, стр. 323, строка 1, слова «Управление же большинства меньшинством» исправлены на «Власть же большинства над меньшинством», — в пятой главе, стр. 325 строка 14, слова «В Америке» исправлены на «В Соединенных штатах», в вось-

ной главе, стр. 332, строки 26—27, слова «все испытываемые народом бедствия происходят» — на «большинство испытываемых народом бедствий происходит» и в семнадцатой главе, стр. 361, строки 18—19, слово «магометанском» дополнено: «частью магометанском (бабизме)».

Статья была отправлена Толстым для напечатания в издательство «Посредник», видимо, в середине сентября. Д. П. Маковицкий в записи от 12 сентября сообщает, что Толстой просит свежки статью И. И. Горбунову.

В записи от 26 сентября Маковицкий отмечает, что приезжавший в Ясную поляну С. Д. Николаев привез с собою ее корректуру. К 3 октября корректура была исправлена и получена И. И. Горбуновым, судя по письму его к Толстому от этого числа (АТБ). В тот же день Маковицкий записывает, что Толстой хотел бы, чтобы издание этой статьи, а также двух других одновременно набравшихся — «Единственное возможное решение земельного вопроса» и предисловие к «Общественным задачам» Генри Джорджа — отдалилось и он мог бы еще поправлять их.

В записи от 13 октября Д. П. Маковицкий сообщает о том, что в Ясную поляну приехал Горбунов и привез, в числе других корректур, и вторую корректуру статьи «О значении русской революции».

Пока печаталась статья, Толстой писал к ней послесловие, которое в письмах к Горбунову от 23 и 25 октября предоставлял печатать по его усмотрению — в связи со статьей «О значении русской революции» или отдельно, или вовсе не печатать (ГТМ). 30 октября Горбунов ответил Толстому, что, пользуясь его разрешением, он решил не соединять послесловия с основной статьей, а печатать его отдельно (АТБ).

В ноябре 1906 г. «О значении русской революции» появилось в свет в издательстве «Посредник». Сравнительно с сохранившейся первой корректурой в текст издания внесено очень немного чисто стилистических поправок, сделанных, очевидно, Толстым, во второй корректуре. Цензурных изъятий нет. Исключено лишь одно слово — «Николаи» в четырнадцатой главе, стр. 354, строки 18—19. Это слово, вероятно, было исключено самим Толстым во второй корректуре по предложению Горбунова, опасавшегося, нужно думать, сугубых цензурных неприятностей из-за него. Поправки, сделанные Горбуновым в первой корректуре, вошли в окончательный печатный текст. По выходе в свет издание было конфисковано, а И. И. Горбунов привлечен к ответственности.

Параллельно с изданием статьи в «Посреднике» она должна была появиться и в издании «Свободного слова» в Англии. Но издание это на русском языке не осуществилось. В 1911 г. статья была перепечатана в конфискованной девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого.

В настоящем издании печатаем статью по изданию «Посредника», принимая поправки, сделанные в корректуре И. И. Горбуновым и сохраненные в окончательном тексте, очевидно, с согласия Толстого. В главе четырнадцатой вводим слово «Николаи», которое, если и исключено самим Толстым, то, как сказано выше, скорее всего, по цензурным соображениям.

Примечания.

Стр. 315 — 316: Эпиграфы из Чаннинга и Мадзини заимствованы из «Круга чтения», М. 1906, т. I, стр. 223, и т. II, стр. 212—213.

Стр. 320, строка 10. См. примечание к статье «Об общественном движении в России», стр. 635 — 636.

Стр. 323, строка 37. «Lettres de cachets» — в дореволюционной Франции — секретные приказы об аресте, снабженные подписью и печатью короля и министра. Влиятельные люди имели незаполненные бланки с нужной подписью и печатью; в них они проставляли имена лиц, которых им было желательно заключить в тюрьму или отправить в ссылку. Уничтожены декретом Национального собрания 23 июня 1789 г.

Стр. 337, строки 36 — 37. Самосожжение практиковалось в русском расколе преимущественно в XVII и XVIII вв. Говоря о «недавних случаях зарывания себя живыми в землю», Толстой имеет в виду четыре случая самопогребения в так наз. Терновских хуторах близ г. Тирасполя Херсонской губернии в декабре 1896 г. и в феврале 1897 г., где живо зарыло себя в землю несколько старообрядческих семейств из страха перед ожидавшимися ими преследованиями правительства. Внешним толчком к решению «закопаться» послужила перепись населения, которую обитатели Терновских хуторов считали признаком пришествия антихриста. Об этом событии, вскрывшемся уже в апреле 1897 г., много писалось в газетах. Подробнее об этом см. А. И. Сикорский, «Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тирасполя)». Киев, 1897 (эта книга имеется в Яснополянской библиотеке Толстого).

Стр. 345, строки 12 — 18. См. примечание к статье «Конец века», стр. 682.

Стр. 353, строки 28 — 29. Евангелие от Иоанна, XVIII, 14.

Стр. 356 — 358. Цитаты в XV главе из Дюма сына, Ламмена и Чаннинга заимствованы из «Круга чтения», М. 1906, т. I, стр. 314—315, и т. II, стр. 173—174 и 175.

Стр. 360, строка 38. Евангелие от Матфея, XVIII, 3.

Стр. 509, строки 17 — 19. Брошюра эта написана Д. А. Хомяковым, сыном А. С. Хомякова, писавшим всегда под инициалами Д. Х. Брошюру его Толстой читал в издании С. Шарапова, М. 1905. В Яснополянской библиотеке сохранился экземпляр этой книжки с пометками Толстого. Д. П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» (записи 3, 4, 7, 19 февраля) приводит отзывы Толстого о ней.

Стр. 635, строки 16 — 17. Здесь имеются в виду следующие слова Бисмарка, включенные Толстым в «Круг чтения» под 23 июля: «Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я счастливым: ни своих друзей, ни семьи, ни даже себя самого. Много, много надедал я зла... Я был виновником трех больших войн. Из-за меня погибло более 800 000 людей на полях сражений; их теперь оплакивают матери, братья, сестры, вдовы... И всё это стоит между мною и богом».

«ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?»

После того как статья «О значении русской революции» была отослана Толстым в середине сентября 1906 г. для печати, он взялся за ее продолжение: им было написано заключение к ней (см. рукопись № 1), которое в копии обозначено как восемнадцатая глава (рукопись № 2). Однако вскоре Толстой стал писать новую статью, пока еще никак не озаглавленную, под влиянием поразившего его разговора с крестьянином — революционером из соседнего села Ломинцево, происшедшего 5 октября,¹ и на другое утро — чтения газеты, в которой сообщалось о 22-х казнях. Записав в Дневнике под 3—4 октября о том, что ему хочется «пописать Василия Можайского», Толстой 10 октября там же записывает: «Желания своего не исполнил. Поразил разговор на большой дороге с Ламинцовским молодым крестьянином-революционером и на другое утро² чтение газет с 22 казненными,¹ и я начал писать об этом. И вышло очень плохо, но я три дня писал понемногу об этом и всё плохо. Хочется ответить на вопрос: что делать?» При этом Толстому припомнился его разговор 14 августа с двумя рабочими-революционерами, о котором он писал Черткову в письме от 15 августа (см. комментарий к статье «Обращение к русским людям», стр. 712), и этот разговор был также введен в статью (см. рукопись № 4 и след.). На следующий день 11 октября Толстой записывает в Дневнике: «Пишу о революции. Но плохо идет. И мне не жалко». 14 октября там же записано: «Еще три дня писал под впечатлением встречи на большой дороге, и мало и плохо, и нынче, кажется, решил бросить».

Первоначально задумав эту статью как отдельное произведение, Толстой решил затем сделать ее послесловием к статье «О значении русской революции», о чем он и писал Черткову в письме от 26 октября: «К статье я написал еще Послесловие. Я начал было отдельную статью, а потом решил из нее сделать Послесловие» (АЧ). В связи с этим в нее были включены отдельные места из ранее написанного, но окончательно не отделанного «Заключения» (XVIII главы статьи «О значении русской революции»).

¹ См. запись Д. П. Маковицкого 5 октября 1906 г. в неопубликованной части его «Яснополянских записок».

² В тексте «Что же делать?» точно указано, что чтение газеты происходило 6 октября.

К «Послесловию» относятся следующие дальнейшие записи в Дневнике, 20 октября: «Всё это время возился с заключительной главой. И так плохо, что бросил». 23 октября: «Всё это время возился с Послесловием, и всё кажется то плохо, то порядочно, и не могу решить. И в этом деле только отрешись от всякого соображения о мнениях и чувствах людей, и решение просто». 24 октября: «Кажется, что кончил Послесловие». 25 октября: «Поправил окончательно Послесловие». 26 октября: «Окончил все дела. Послесловие плохо, но послал».¹

К статье «Что же делать?» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 101).

1. Автограф на 2 согнутых пополам полулистах писчей бумаги и на четырех полулистах почтовой бумаги, из которых последний урезан; все 16 страниц исписаны. Нумерация по полулистам от 1 до 6-ти рукой Толстого. *Начало*: «Заклучение. Но это все рассуждения, может быть, справедливыя». *Конец*: «дѣль, не противныхъ этой единственной обязанности человека».

2. Рукопись на 9 листах в 4°, из которых последний урезан. Копия автографа, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Первоначальная нумерация по листам карандашом от 1 до 9-ти (рукой постороннего). Над словом «Заклучение» рукой Толстого проставлена цифра XVIII. В рукописи многое зачеркнуто, исправлено и вписано, зачеркнуто в самом начале, между прочим, и такая фраза:

Что же дѣлать? говорятъ разные несчастные Столыпины и ихъ сотрудники, лишаящие сотни людей жизни и сотни тысячъ свободы.

3. Рукопись на 14 листах в 4°, из которых часть урезана, часть склеена из нескольких частей. Копия большей части предыдущей рукописи, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Нумерация беспорядочная. *Начало*: «Нельзя покорно терпеть всё

¹ В неопубликованных записях Д. П. Маковицкого читаем следующие подробности, относящиеся к истории писания «Что же делать?» 21 октября: «Сегодня утром Александра Львовна сказала Льву Николаевичу, что ей жалко, что он бросил свою статью (послесловие и «О значении русской революции»), она ей так нравилась. От И. И. Горбунова Лев Николаевич также получил письмо, что бы не бросал. Днем Лев Николаевич сказал Александру Львовне, что был в ударе и продолжал статью. А мне вечером сказал: «В эти дни нездоровилось, плохо работал. Хорошие мысли замарал и слова вставил. Сегодня порядочно привел в порядок, до понедельника кончу». 23 октября: «Сегодня Лев Николаевич с 8 до 10 утра сидел в халате и поправлял «Послесловие», а Александра Львовна переписывала на ремингтоне. Лев Николаевич два раза брал статью у нее и перемарывал и приписывал много нового». 25 октября: «Утром Александра Львовна с 8 часов переписывала на ремингтоне «Послесловие». Лев Николаевич в халате поправлял его до 10 часов. Два раза перемарал и многое прибавил. Вечер ст 7 до 10 — также. Александра Львовна зареподала. В половине 9-го Лев Николаевич пришел к Оболенским и позвал их прослушать статью и сделать свои замечания. Александра Львовна переписала статью пачисто в 3 экземплярах. Лев Николаевич просмотрел и вновь начал исправлять. Вид у него такой, как будто он извинялся, что принижает работу Александра Львовне. Несмотря на то, что Лев Николаевич даже сегодня переделывал статью 4—5 раз, он всё-таки остался недоволен ею... Лев Николаевич спешил со статьей потому, что сегодня ночью Александра Львовна должна была поехать в Москву».

Бумажные ужасы. *Конец:* «и заключается главное значение совершающейся революции».

4. Автограф на трех согнутых пополам полулистах плотной писчей бумаги, на листе и полулисте почтовой бумаги. Все 18 страниц исписаны. Внутренние страницы первого полулиста частично заняты письмом к Толстому псковского народного учителя М. Брадиса от 21 сентября 1905 г. Здесь впервые передан разговор с двумя рабочими и крестьянином — революционерами. *Начало:* «Написать, какъ умѣлъ все то, что я думалъ». *Конец:* «И это несвойственно человѣку». Печатаем рукопись целиком в отделе вариантов (№ 1).

5. Рукопись на 13 листах в 4°, из которых два урезаны. Копия автографа, описанного под № 4, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Исправления — в направлении к окончательной редакции — очень многочисленны. Между прочим вместо зачеркнутых здесь имен Чернышевского и Михайловского написано: «ученые эволюционисты, дарвинисты, критики, эстетики». Говоря о двух революционерах-рабочих, Толстой вписал: «и съ большой легкостью и правильно употребляли иностранные слова: диктатура, пролетариатъ, эксплуатация и т. п.» Вслед за словами «Что же делать? это печальная необходимость», стр. 542, строка 32, вписан вариант, который печатаем под № 2.

6. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов разного формата автографов и 35 листов в 4° и 32 обрезка, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Весь этот материал, промежуточный между рукописями, описанными под №№ 5-м и 7-м, включает в себе одновременно написанные и исправленные копии отдельных частей текста статьи, не поддающиеся классификации и упорядочению. Из исправлений и дополнений, сделанных здесь Толстым и не вошедших в окончательный текст, отметим следующие. К разговору с двумя революционерами-рабочими относится следующее начало фразы:

На всѣ мои доводы о томъ, что дѣйствія правительства, хотя бы жестокия и несправедливыя, вызваны насиліями революціонеровъ, убійствами, грабежами.

На другом листе, находящемся среди этих материалов, эти слова зачеркнуты. К этому же разговору относятся варианты, которые печатаем под №№ 3, 4, 5. К разговору о крестьянине-революционере относится вариант № 6, на одном из листов отчеркнутый чертой, сбоку которой написано: «пр[опустить]». К тому же разговору относятся следующие фразы:

[1] Я спросить, чѣмъ же оно ¹ такъ душитъ народъ? [2] На мое замѣчаніе о томъ, что не всѣ же невинныхъ сажаютъ въ тюрьмы, онъ сталъ мнѣ приводить примѣры невинно пострадавшихъ.

В том же разговоре перед фразой: «Не нужно ли вам еще денег на браунинг?», стр. 545, строка 7, вписано:

Я не выдержалъ и, къ стыду своему, не сумѣлъ ответить ему спокойно, а сказалъ:

На другом листе слова «не выдержалъ и къ стыду своему» зачеркнуты. Там же крестьянин говорит: «Что же, и браунингъ можетъ понадобиться». В связи с газетной заметкой о 22-х казенныхъ после слов «Нынче опять 22 казенныхъ», стр. 367, строка 25, дописано:

«И опять убиты начальники, помѣщики ограблены»

И далее зачеркнута фраза:

Это два озлобленные, отвратительные звѣря, которые безжалостно грызутся, уничтожая въ себѣ и во всѣхъ участвующихъ и созерцающихъ эти ужасы послѣдніе остатки человѣчности».

«Къ концу статьи относятся следующие варианты.

Задавая вопросъ, что делать, Толстой пишет:

[1] Два мѣсяца тому назадъ я, отвѣчая на этотъ вопросъ, началъ обращеніе къ правительству, революціонерамъ и народу, и статья эта, ¹ чему я очень радъ, не появилась въ печати, потому что вопросъ не въ этомъ. И все возможные отвѣты на вопросъ, что дѣлать, не разрѣшаютъ вопроса.

[2] Я понялъ это и рѣшилъ написать все, что я думаю объ этомъ, не только предпологая, но вполне увѣренный, что сказать это нужно людямъ, что это поможетъ имъ, что я обязанъ сдѣлать это: сказать, какъ я сумѣю, то, что я такъ ясно понимаю и сильно чувствую и что даетъ такое спокойствіе и радость моей жизни.

7. Рукопись на 22 листахъ в 4°, из которыхъ часть урезана, часть склеена изъ нескольких частей. Написана на пишущей машинке и исправлена рукой Толстого. Целый текст статьи, образовавшийся изъ систематически подобранныхъ листовъ, извлеченныхъ изъ материала, описанного подъ № 6, представляетъ собой соединеніе двухъ редакцій, первоначально представленныхъ автографами, описанными подъ №№ 1 и 4. *Начало*: «На дняхъ выходя изъ дома». *Конецъ*: «повиновенія власти человѣческой, а не божеской». Несколько листовъ перенесены изъ этой рукописи въ следующую. В концѣ статьи собственноручно проставленные Толстымъ инициалы «Л. Т.» и дата — 21 октября 1906 г. Расположеніе материала соответствуетъ тому, какой мы имеемъ въ окончательной редакціи статьи. Исправленія, сделанные здѣсь Толстымъ, приближаютъ текстъ рукописи къ окончательной редакціи и, кроме того, смягчаютъ некоторые резкіе выраженія по адресу революціонеровъ. Такъ, после словъ: «жить стало невозможно», стр. 364, строка 6, зачеркнуты слова: «сказалъ онъ съ той же исключашей всякое сомнѣніе увѣренностью, какъ та, которую я встрѣчалъ въ послѣднее время у всѣхъ людей, сочувствующихъ революціи». Далее зачеркнуты следующие слова:

О томъ, что надо революціонерамъ прекратить свою дѣятельность, я писалъ много разъ. Но не говоря о томъ, что совѣты

¹ В предыдущей редакціи после этихъ словъ зачеркнуто: «была вся ложно направлена».

такіе не могутъ быть услышаны, какъ не могутъ быть услышаны совѣты прекращенія драки сдѣпившихся пьяныхъ враговъ, злодѣевъ, — отвѣтъ на вопросы, что дѣлать, неправильно поставленъ.

Зачеркнутъ абзацъ, в котором Толстой утверждаетъ, что в случае предоставления революционерамъ полной свободы, произошелъ бы «величайшій беспорядокъ». С другой стороны, зачеркнуты строки, в которых Толстой высказываетъ сомнение в том, что правительство преследуетъ исключительно невиновныхъ.

8. Рукопись на 17 последовательно нумерованныхъ рукой постороннего листахъ в 4°, из которых часть урезана, часть склеена из нескольких частей. Копія предыдущей, написанная на пишущей машинкѣ и исправленная рукой Толстого. *Начало*: «Съ мѣсяцъ тому назадъ ко мнѣ пришли». *Конецъ*: «и всегда однѣ и тѣ же обязанности человѣка». Исправленія приближаютъ рукопись къ окончательной редакціи. Рядъ местъ в рукописи вычеркнутъ. Отметимъ наиболее существенныя изъ нихъ. Такъ, в самомъ началѣ рукописи зачеркнуто:

То, что правительство безъ всякой надобности совершаетъ ужаснѣйшія злодѣйства противъ народа, незаконно распустило Думу, ссылаетъ, запираетъ въ тюрьмы, казнитьъ невинныхъ, велитъ казакамъ и стражникамъ бить всѣхъ безъ разбора — это были для нихъ такія несомнѣнныя истины, которыя не нужно было доказывать и въ которыхъ нельзя было сомнѣваться. Далее зачеркнуто следующее место:

Устраненіе правительства отъ соблюденія порядка заставляло бы самихъ революціонеровъ противодействовать насиліямъ, совершаемымъ ихъ представителями, при чемъ всѣ партіи, сдѣпившись другъ съ другомъ и уничтожая другъ друга, должны бы были признать влѣвредность своей разрушительной дѣятельности и необходимость прекращенія ея.

После словъ «Я зналъ это и по разговорамъ и по случайнымъ заглядываніямъ въ газеты», стр. 365, строки 34—35, зачеркнуто:

и страдалъ отъ этого, какъ мы всѣ теперь страдаемъ въ Россіи, но чувствовалъ себя не въ силахъ помочь общему горю и старался только о томъ, чтобы, не думая о немъ, заниматься своимъ дѣломъ.

9. Рукопись на 17 последовательно нумерованныхъ краснымъ карандашомъ, видимо, рукой Черткова, листахъ в 4°, из которыхъ часть склеена из нескольких частей. Копія предыдущей, написанная на пишущей машинкѣ и исправленная рукой Толстого, А. Л. Толстой и рукой неизвестнаго. (Последніе исправленія представляютъ копию собственно-ручныхъ исправленій, сделанныхъ Толстымъ в рукописи № 10.) *Начало*: «Съ мѣсяцъ тому назадъ ко мнѣ пришли». *Конецъ*: «обязанности человѣка передъ Богомъ или передъ своей совѣстью». На обложкѣ, в которую включена рукопись, на машинкѣ написано «Послесловіе». Исправленія,

сделанные в рукописи, еще более приближают текст ее к окончательной редакции.

10. Рукопись на 12 нумерованных рукой постороннего листах копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого (рукой М. Л. Оболенской в нескольких местах сделаны технические исправления). *Начало*: «Съ мѣсяцъ тому назадъ». *Конецъ*: «передъ Богомъ и Его закономъ». На первой странице, в верхнем углу, синим карандашом написано: Rcc'd $\frac{31 \text{ Oct.}}{13 \text{ Nov.}}$ 1906. (т. е.

«received», «получено» 31 октября — 13 ноября 1906 г.). Эта отметка говорит о том, что данный экземпляр непосредственно был направлен Черткову в Англию. В тексте сбоку красным карандашом отмечены исправления, которые потом были переписаны в рукопись № 9. Фраза «Я сказал, что установление равного права всех на землю» отчеркнута сбоку синим карандашом. В последнем абзаце рукой Черткова после слов «члена палаты» вставлено «члена конспиративной организации». В огромной своей части рукопись представляет собой исправленную копию предыдущей. Лишь текст одного листа (4-го) восходит к другому, не сохранившемуся оригиналу.

11. Рукопись на 12 нумерованных посторонней рукой листах такой же бумаги. Второй экземпляр машинописной копии, в которой М. Л. Оболенской и Н. Л. Оболенским нанесены исправления, сделанные Толстым в предыдущей рукописи; в нем, кроме того, рукой Толстого карандашом сделаны новые исправления. *Начало*: «Съ мѣсяцъ тому назадъ». *Конецъ*: «человѣкъ, не лишенный разума и совѣсти». На первой странице вверху рукой Толстого написано заглавие «Что же дѣлать?» Исправления, сделанные в обеих последних рукописях, делают их (в особенности вторую) очень близкими к окончательной редакции статьи.

12. Рукопись на 11 нумерованных листах такой же бумаги. Машинописная копия предыдущей рукописи, в которой рукой Толстого сделано одно исправление. Кроме того, рукой А. Л. Толстой сделаны исправления ошибок, вкравшихся при переписке оригинала, и в конце рукописи рукой неизвестного дописан конец, переписанный с недошедшего до нас автографа. *Начало*: «Съ мѣсяцъ тому назадъ». *Конецъ*: «больше было бы порядка и общаго благополучія».

25 октября статья Александрой Львовной Толстой была отвезена для напечатания в Москву И. И. Горбунову-Посадову, а на следующий день (см. ниже) она отправлена была и в Англию Черткову. Так как Черткову была послана рукопись № 10, то и Горбунову был отправлен, очевидно, текст в редакции той же рукописи.

За два дня до этого, 23 октября, в ответ на письмо И. И. Горбунова, который запрашивал, как печатать статью «О значении русской революции» — вместе с послесловием или без него, Толстой писал ему: «Делайте, как вам удобно. Мне совершенно всё равно. Если послесловие не поспеет, то можно выпустить отдельно. Я почти уверен, что через два дня будет готово и так, что не нужно будет присылать корректур» (ГТМ). 25 октября

ему же Толстой писал: «Посылаю вам послесловие, или XVIII-ю главу. Иногда мне кажется, что она может быть полезна, а иногда, как сейчас, она мне кажется плоха, особенно начало, и кажется излишней. Пожалуйста, решайте сами вы — не в виду того, задержит или не задержит это прибавление выход статьи, а по существу. Во всяком случае буду согласен и рад. Кажется, более рад, если не одобрите статьи и не запечатаете» (ГТМ).

Одновременно с этим рукопись статьи была отправлена и В. Г. Черткову в Англию с сопроводительным письмом от 26 октября, в котором Толстой о статье писал: «Мне она понравилась. Вы, пожалуйста, раскритикуйте ее. Это мне полезно. Вы не можете представить себе, какой вред делают похвалы при моем тщеславии. Это пьянство» (АЧ).

В письме к Толстому от 30 октября И. И. Горбунов известил его, что, пользуясь его разрешением, он решил не помещать «Послесловие» в конце статьи «О значении русской революции». Свое решение он мотивировал тем, что «Послесловие» специальное, уже, чем глубокий, широкий по идее конец, имеющий «всенародный характер» (АГБ).

В записи от 3 ноября Маковицкий сообщает, что в этот день приехал С. Д. Николаев, привезший с собой корректуру «Послесловия». Тут же Маковицкий добавляет, что Толстой озаглавил его «Что же делать?» и что оно выйдет отдельной брошюрой. Заглавие «Что же делать?» собственноручно написано Толстым, как указано было, на рукописи № 11. Следовательно, сама рукопись эта датируется не ранее, как 3-м ноября.

В письме от 16 ноября н. с. Чертков известил Толстого о получении статьи и, так же как и Горбунов, советовал печатать ее отдельно от статьи «О значении русской революции». Кроме того, он предложил сделать в статье две поправки: 1) к тому месту в разговоре с крестьянином-революционером, где Толстой говорит о том, что «установление равного права всех на землю не может быть достигнуто каким бы то ни было отчуждением земли», Чертков, для того чтобы Толстого не заподозрили в отрицании необходимости земельных реформ, рекомендовал прибавить приблизительно следующее: «а может быть достигнуто только тем, чтобы земля вообще перестала быть чьей бы то ни было собственностью»; 2) в предпоследнем абзаце, где речь шла о том, что человеку необходимо признать своими высшими обязанностями его обязанности перед богом и его законом, а не выдуманные обязанности царя, члена палаты, министра, солдата, — Чертков рекомендовал вставить между словами «члена палаты» и «министра» слова «члена конспиративной организации». «Это необходимо — писал он — чтобы избежать однобокости, тем более что в самой статье вы всё время имеете в виду обе стороны» (АГБ).

Так как приведенные Чертковым слова Толстого имелись лишь в рукописи, описанной под № 10, и уже отсутствуют в рукописях, описанных под №№ 11 и 12, то ясно, что завершение работы над рукописями №№ 11 и 12 относится к более позднему времени: в исправлениях, сделанных в них, видно влияние замечаний Черткова, сделанных в письме от 16 ноября н. с. Вероятно, большая часть исправлений из рукописи № 12 перенесены были позднее в корректуру. В записи от 15 ноября Маковицкий сообщает: „Лев Николаевич перемарал корректуру послесловия к статье «О значении русской революции»“. В той же записи сообщается: «После

обеда Марья Львовна принесла поправки В. Г. Черткова к послесловию к статье «О значении русской революции». Лев Николаевич взял их и ушел с ними к себе в кабинет».

В ответ на письмо Черткова Толстой писал ему 13 ноября: «На вопросы вашего письма отвечаю тем, что статью «Что же делать?», если хотите, то печатайте отдельно, так же как и Ив. Ив.¹ На ваше замечание, как всегда, согласен и за него благодарен» (АЧ). Как явствует из печатного текста статьи, оба замечания Черткова были приняты во внимание Толстым, причем в первом случае Толстой буквально заимствовал фразу Черткова, во втором же сделал исправление в том духе, какой Чертков ему рекомендовал.

В рукописи и в исправленной корректуре статья заканчивалась словами:

тѣмъ меньше бы было зла и тѣмъ больше бы было порядка и общаго благополучія.

В письме от 24 ноября И. И. Горбунов просил Толстого изменить последние слова «порядка и общего благополучия», особенно «порядка», звучащего, по его мнению, «буржуазно» (АТБ). В ответ на это Толстой 27 ноября написал Горбунову: «Спасибо вам за замечание. Я воспользовался им и заменил так: «...таких людей, тем всё меньше и меньше становилось бы зла на свете, и всё больше и больше осуществлялось бы то царство божие на земле, к которому неудержимо стремятся все сердца человеческие» (ГТМ).

Корректурa статьи до нас не дошла. Но из сличения текста рукописи № 10, бывшего в наборе, с печатным текстом, оказывается, что исправлений в корректуре было сделано много. Большинство из них — стилистического характера, но в ряде случаев и смыслового. Помимо исправлений, сделанных по совету Черткова и Горбунова, к последнего рода исправлениям относятся следующие.

Фраза, начинающаяся словами «Я был твердо убежден, что лучшее из всего того», стр. 365, строка 22, в рукописи читается так:

Мнѣ совершенно ясно стало, что единственное средство избавленія от совершающихся ужасовъ и развращенія людей въ одномъ: въ отреченіи правительства отъ своей власти.

После слов «крестьянин-земледелец, живущий в деревне», стр. 367, строки 20—21, исключены слова, бывшие в рукописи, «и такихъ крестьянъ теперь не сотни, не тысячи, а миллионы. И зараза такого настроенія всё больше и больше распространяется». Фраза, начинающаяся словами «Почему ты знаешь, что то, что ты хочешь изменить», стр. 368, строки 21—22, пополнена словами: «или удержать в том виде, в каком было» и «или должно быть удержано таким, каким было». Фраза, начинающаяся словами: «Ответ в том, что делать тебе надо не то», стр. 369, строка 2, в рукописи читается так: «Отвѣтъ въ томъ, что дѣлать тебѣ надо не то, что требуетъ отъ тебя царь, губернаторъ, становой, Дума или политическія партіи, а то, что свойственно тебѣ какъ человѣку, то, чего

¹ Горбунов.

требуетъ отъ тебя та сила, которая послала тебя въ міръ». После слов: «Но вотъ являются люди, которые», стр. 369, строки 26—27, добавлено заключенное между словами «раздаютъ другъ другу... действительное положеніе». Вместо словъ «уверовавшихъ в действительность взятыхъ ими на себя ролей», стр. 370, строки 17—18, и далее — «потерявшихъ ясное сознаніе своего человеческого достоинства и призванія», стр. 370, строки 29—30, в рукописи в обоихъ случаяхъ читается: «подпавшихъ душевной болѣзни политиканства». После словъ «страдающихъ отъ всехъ ужасовъ и преступленій», стр. 370, строки 31—32, в рукописи читается: «производимыхъ людьми, захваченными этой болѣзнью». Наконецъ, в самомъ концѣ статьи исключены слова: «Сущность совершающейся революціи не въ измѣненіи образа правленія въ Россіи, ни въ тѣхъ или иныхъ формахъ политическаго или экономическаго устройства въ Россіи и въ другихъ странахъ».

Кроме того, в корректуре былъ вписанъ эпиграфъ изъ Лао-Тзе.

Впервые статья «Что же делать?» напечатана в 1907 г. в изданіи книгоиздательствъ «Посредникъ» и «Обновленіе». Изданіе это перепечатано в конфискованной девятнадцатой части двенадцатаго изданія сочиненій Толстого (М. 1911). В Англіи Чертковымъ статья не была издана.

В настоящемъ изданіи перепечатывается текстъ издательствъ «Посредникъ» и «Обновленіе».

Примечанія.

Стр. 363. Эпиграфъ взятъ изъ книги «Мысли мудрыхъ людей на каждый день», составленной Толстымъ. Издательство «Посредникъ», М. 1903, стр. 323.

Стр. 367, строка 25. О двадцати двухъ казенныхъ сообщалось в № 2077 газеты «Око» (бывш. «Русь») отъ 4 октября 1906 г. Эту газету Толстой, вероятно, и имеетъ здѣсь в виду.

«КАК И ЗАЧЕМ ЖИТЬ?»

Время написания этой статьи определяется датой 6 октября 1905 г., проставленной Толстым в автографа.

Две рукописи, к ней относящиеся, хранятся в ГТМ (АЧ, папка 91).

1. Автограф, написанный последовательно: на полулисте почтовой бумаги обыкновенного формата, на четвертушке листа писчей бумаги, на полулисте и листе обыкновенной почтовой бумаги — всего 10 страниц, из которых исписаны первые 9, последняя чистая. На лицевых страницах нумерация карандашом рукой Толстого от 1 до 5. Тексту предшествует заглавие: «Какъ и зачѣмъ жить?» В конце текста проставлена дата: «6 октября 1905 г.».

В самом тексте — поправки и приписки, сравнительно немногочисленные, рукой Толстого. В трех местах поперечной чертой, карандашом, зачеркнуты более или менее значительные по объему куски текста. Из них смысловой интерес представляет собой лишь последний кусок:

И потому, какъ это всегда было, какъ это и должно быть, старцы должны дать отвѣты на вопросы жизни.

И вотъ эти то религиозные отвѣты старцевъ на вопросы о смыслѣ и направленіи жизни и должны быть извѣстны, распространены въ человѣческомъ обществѣ и внушены тому огромному большинству, которое всегда подчиняется готовому рѣшенію, признанному общественнымъ мнѣніемъ. Но въ чемъ же должны состоять эти рѣшенія старцевъ? Не могутъ они быть предоставлены произволу или голосованію. Отвѣты старцевъ должны и могутъ состоять только въ уясненіи, очищеніи, объясненіи смысла жизни и направленіи ея, даннаго мудростью всего человѣчества.

2. Копия автографа, написанная рукой Ю. И. Игумновой с поправками, дополнениями и сокращениями, сделанными рукой Толстого. Стоит из семи четвертушек с полями обыкновенной писчей бумаги, исписанных с одной стороны. Четвертушки пронумерованы рукой Толстого цифрами от 1 до 7. Исправления, внесенные сюда Толстым, носят большей частью стилистический характер или сделаны для уточнения мысли. Отметим лишь исправления, сделанные в предпоследнем

абзаце. Первоначально, в автографе читалось: «она въ ученіяхъ Руссе, Канта, Чанинга, Эмерсона, Паркера».

В копии два последних имени вычеркнуты и заменены словами: «въ ученіяхъ необуддистовъ, необраиновъ, бабистовъ».

По содержанию статья «Как и зачем жить?» близка к «Зеленой палочке» и могла бы рассматриваться как один из ее вариантов, если бы не самостоятельное заглавие, на ней проставленное Толстым, и им же написанная дата в конце статьи. Внутренней близостью обеих статей объясняется то, что черновые рукописи их были вложены в одну обложку, на которой рукой М. Л. Оболенской написано: „Черновые «Зеленая палочка», или «Как и зачем жить?»“.

Статью печатаем по этой исправленной Толстым копии, сверив ее с автографом.

Примечанія.

Стр. 398, строка 34. Бабисты — последователи религиозного учения, возникшего в Персии, известного под именем бабизма и связанного с именем Али-Мохаммеда (1820—1850), называвшего себя вратами («баб») божественного откровения людям. Возникнув из идеи о периодическом воплощении божества и грядущем мессии, который обновит религию, извращенную духовенством, бабизм стремился сочетать религиозную веру с практикой жизни, проникнутой социальным гуманизмом. Он проповедывал братство и равенство народов и всех классов общества, равноправие мужчин и женщин. В Персии бабисты подверглись со стороны власти и духовенства ожесточенному гонению. Очень многие из них были казнены, в том числе и сам Али-Мохаммед. Дальнейшее свое развитие бабизм получил в религиозном учении бехаизма — от имени его основателя Беха-Уллы (1817—1892).

«ТРИ НЕПРАВДЫ»:

Статья «Три неправды» писалась Толстым в октябре—ноябре 1905 г. На обложке второй копии автографа первой редакции этой статьи, исправленной Толстым, рукой Ю. И. Игумновой поставлена дата — 31 октября 1905 г., а в Дневнике Толстого под 22 ноября того же года сделана запись: «Начал Александра I. Отвлёкся «Тремя неправдами». Не вышло».

В этой статье Толстой замыслил дать популярное изложение учения Генри Джорджа о едином налоге. 11 ноября 1905 г. он писал И. И. Горбунову: «Очень хочется написать популярное изложение «Единого налога», да ничего не вышло. Попытаюсь еще» (ГТМ). Ему же в том же месяце Толстой сообщает: «Мой замысел написать о Генри Джордже разросся в статью о трех неправдах: земли, подати, солдатства, и до сих пор ничего из этого не вышло» (ГТМ).

К этой статье относятся четыре рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 79, и так наз. «Синий альбом» из архива А. Л. Толстой).

1. Автограф, написанный последовательно: на четвертушке листа писчей бумаги, на двух полулистах почтовой бумаги большого формата, на части (приблизительно, 2/3) четвертушки писчего листа, на полулисте почтовой бумаги малого формата — всего 10 нумерованных страниц с полями, исписанных с обеих сторон. Статья озаглавлена: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», и далее текст начинается словами: «Что нужно рабочему народу?» Поправок и помарок в рукописи сравнительно очень мало. По сравнению с окончательной редакцией статьи в автографе находим ряд вариантов, в которых Толстой резко выступает против правительства и царя. Так, в самом начале, сказав о трех бедствиях, от которых страдает рабочий народ (захват земли богачами, подати и солдатская служба), Толстой говорит о правительстве и царе как о виновниках этих бедствий (см. вариант № 1). Сказав далее о тысячах и миллионах денег и сотнях тысяч людей, погубленных войной, Толстой пишет:

И впередь ожидайте того же. Кто все это дѣлаетъ? Опять то же правительство. Опять царь съ своими министрами, чиновниками.

Такъ что всѣ три бѣдствія: нѣтъ земли, душать податями, отбираютъ солдатъ и заводятъ войско — всѣ три отъ прави-

тельства. И правительство властвует и держитъ весь народъ въ своей власти.

Говоря о том, что от всех трех бедствий люди спасутся только отказавшись повиноваться какому бы то ни было правительству, Толстой советует прежде всего отказаться от преклонения перед Россией как перед государством (см. вариант № 2).

2. Рукопись без конца, написанная рукой Ю. И. Игумновой и представляющая собой копию автографа, с многочисленными поправками, дополнениями и сокращениями, сделанными рукой Толстого. Состоит из семи полулистов писчей бумаги, согнутых пополам, и одной четвертушки писчей бумаги, исписанных с одной стороны. Нумерация от 1 до 9 по полулистам, рукой переписчицы. В рукописи недостает четвертушки от пятого полулиста, всего шестого полулиста и одного полулиста заключительного, 10-го. Всё это перенесено из данной рукописи в следующую, описанную под № 3 (см. ниже). Рукопись заключена в обложку из согнутого полулиста писчей бумаги, на которой написано переписчицей заглавие: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Сверху заглавия тут рукой Толстого написано: «Отчего нужна?» В копии зачеркнуто первоначальное заглавие, взамен которого нет никакого другого, а затем местами целые страницы текста. Зачеркнуты и приведенные нами варианты, и таким образом общий тон статьи смягчен. Взамен зачеркнутого или ничего не написано или написано рукой Толстого новый текст между строк, на полях и — в четырех случаях — на оборотных, первоначально чистых страницах. вновь написанное сводится лишь к уточнению высказанных мыслей, к стилистической переработке и с точки зрения содержания не вносит ничего нового.

3. Рукопись, написанная рукой Ю. И. Игумновой. Копия предыдущей с поправками, приписками и дополнениями рукой Толстого. Состоит из шести полулистов писчей бумаги, согнутых пополам, двух четвертушек писчей бумаги и одного полулиста почтовой бумаги, согнутого пополам, исписанного целиком на первой и второй странице рукой Толстого и вложенного в первый полулист писчей бумаги. Переписчицей исписаны лишь лицевые страницы. Первая страница рукописи зачеркнута по строкам целиком, и между строк и на полях рукой Толстого написан новый текст, продолжение которого заняло всю оборотную первоначально чистую страницу. На первой странице новое заглавие статьи, написанное рукой Толстого: «Три неправды»; первоначальное же заглавие приведено в качестве эпиграфа. Полулисты писчей бумаги и четвертушки нумерованы рукой Толстого цифрами от 1 до 8; четвертушка 5-я и полулисты 6-й и 8-й (первоначально 10-й) перенесены в эту рукопись из предыдущей, без нарушения последовательности текста. Заново самим Толстым написано в этой рукописи всё начало статьи, кончая словами: «нужно сдѣлать такъ» (абзац 10-й). Вслед за этим приписка его рукой: «вернуться назадъ на первую страницу замаранную». Тут разумеется текст, написанный Толстым на 1-й и отчасти на 2-й странице рукописи, описанной под № 2 и являющийся органически связанным с указанным началом статьи, вписанным Толстым в рукопись № 3.

Рукопись эта заключена в бумажную обложку, на которой рукой Ю. И. Игумновой написано: „Черновая «Блаженны кроткие, ибо они

наследуют земле" и ее же рукою? проставлена дата: «31 октября 1905 г.».

4. Автограф, находящийся в т. н. «Синем альбоме». Заглавие — «Три неправды». Новал редакция статьи, которая занимает листы 85—93 и помещена между автографами рассказов «Молитва» и «Непоправимо» (в окончательной редакции «За что?»). Статья нумерована рукой Толстого по страницам, которые она занимает, но не по всем: занумерованы лишь страницы 1—9 и 15 (всего же 16 страниц). В автографе сравнительно немного поправок. Наиболее существенная — перенесение части текста, занимающего конец 1-й страницы, всю 2-ю и начало 3-й, — к концу страницы 11-й. Стилистически статья во второй редакции не отделана и не закончена. Видимо, Толстой не собирался делать ни того, ни другого, так как вслед за написанной частью статьи проведена поперечная черта через всю страницу и сейчас же следует автограф рассказа «Непоправимо».

Что рукопись, описанная под № 4, написана позднее предыдущих, явствует из того, что она начинается словами: «Есть три великия неправды». Эти слова написаны Толстым и в рукописи, описанной под № 3, взамен зачеркнутой им первой строчки. Решение Толстого написать вторую редакцию статьи, быть может, вызвано было желанием смягчить и частью устранить отрицательную характеристику деятельности революционеров, имеющую место в первой редакции статьи.

Печатаем обе редакции статьи. Первую редакцию — по последней исправленной Толстым копии, описанной у нас под № 3, дополняя недостающую в ней часть текста по первой копии автографа (рукопись № 2), к которой отсылает сам Толстой; вторую же редакцию — по единственной рукописи автографа, описанному под № 4.

Примечание.

Стр. 399, строки 3—4 и стр. 402, строки 44—45. Евангелие от Матфея, XXVI, 52 и V, 5.

«ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА»:

Статья «Зеленая палочка» возникла у Толстого в результате скрепления двух замыслов, которые занимали его с 1903—1904 года. Толстой, во-первых, задумал описать самого себя со всеми своими отрицательными и положительными чертами, во-вторых, он хотел дать популярное изложение христианской религии в его понимании. В записи Дневника от 9 июня 1903 г. Толстой среди трех задуманных им тем помечает и следующую: «Кто я такой — описать себя сейчас со всеми слабостями и хорошим». Первый замысел он стал приводить в исполнение однако приблизительно лишь через полтора года, второй же, нашедший себе некоторое осуществление и в «Зеленой палочке», более полно был развит в статье «Единое на потребу».

1 декабря 1904 г. Толстой записывает в Дневник: «Начал *Кто я*». Этот первый приступ к статье — в автографе, озаглавленном «Кто я?» (рукопись на двух полулистах писчей бумаги, согнутых пополам и исписанных с обеих сторон. Вслед за заглавием следует:

Гдѣ я? Зачѣмъ я? Кто я? Où suis-je? Pourquoi suis-je? que suis-je?).¹

Автограф представляет собой концептивный набросок будущей первой главы «Зеленой палочки».

С автографа была снята копия на пишущей машинке (один полулист, согнутый пополам и три четвертушки). Она была значительно исправлена и дополнена. Все рукописи, относящиеся к «Зеленой палочке», хранятся в ГТМ (АЧ, папка 79, и переплетенная в кожу тетрадь — «Синий альбом» из архива А. Л. Толстой). Систематическое и последовательное описание этих рукописей невозможно, так как в большинстве случаев строго отграниченных одна от другой рукописей «Зеленой палочки» нет: отдельные полулисты, четвертушки рукописей и части их переходили из одной рукописи в другую, вступая в новые комбинации. Толстым дополнения сделаны на полях, на трех чистых оборотных страницах и на одной стороне полулиста почтовой бумаги, вложенного в полулист, на котором написана копия. Заглавие — «Кто я?». Первая строка — «Где я? Зачѣмъ я? Кто я?..» вычеркнута, и текст начинается со слов «Если бы человекъ послѣ долгаго

¹ [Где я? Зачем я? Кто я?]

сна». На оборотной стороне одной из четвертушек рукой А. М. Толстой написано: «Черновое «Кто я?» 8 марта 1905 г.». В параллель к этой дате — запись Толстого в Дневнике от 9 марта 1905 г.: «Писал «Кто я?» Ни хорошо, ни дурно».

По содержанию рукопись после исправлений и добавлений, сделанных Толстым, представляет собой дальнейшее приближение к окончательному тексту 1 главы «Зеленой палочки».

Через несколько дней Толстым закончена была статья, первоначально озаглавленная им «Вѣра» (автограф — в «Синем альбоме», на листах 53 об.—64; на листах 61 и 61 об. сделаны две сноски, означающие, что к соответствующим местам текста на отдельных листках написаны две вставки, до нас не дошедшие). Это было новое произведение, текстуально никак не связанное со статьей «Кто я?» Рядом с заглавием «Вѣра», очевидно позже, написано рукой Толстого другое заглавие — «Зеленая палочка». Статья датирована Толстым 12 марта 1905 г. Видимо, она начата была еще в декабре прошлого, 1904 года, и, вероятно, к ней относятся записи Дневника от 7 декабря «Начал изложение веры» и от 11 декабря — «Остановился в изложении веры».¹

С этого последнего автографа сделана была копия на пишущей машинке на трех полулистах писчей бумаги, согнутых пополам, и десяти четвертушках, исписанных с одной стороны (всего 18 исписанных с одной стороны листов с поправками и вставками между строк и на полях и на оборотных чистых страницах рукой Толстого. Рукопись нумерована по четвертушкам частью рукой Толстого, частью посторонней рукой. Две вставки на отдельных листках, о которых сказано было выше, не перепечатаны (очевидно, они не были под рукой у переписчика), и для них оставлено на страницах чистое место. Часть текста от слов «Одни живутъ въ богатствѣ» и кончая словами «калѣчатъ другъ друга» обведена сбоку карандашной чертой, около которой рукой Толстого написано «пр[опустить]». Переписчиком написано заглавие «Вѣра», рядом с которым рукой Толстого написано «Зеленая палочка».

С первых шести листов этой копии, кончая словами «И что всё живутъ такъ», снята была рукой М. Л. Оболенской новая, не вполне исправная копия на четырех согнутых пополам полулистах и одной четвертушке, исписанных с одной стороны (всего 9 исписанных страниц). К этим страницам была присоединена вторая часть копии, написанная на машинке, начинающая со страницы седьмой, причем цифра 7 была исправлена на 10. На первом и втором листе второй рукописной копии Толстым отчеркнута часть текста, от слов «Бѣдныя мучаются отъ нужды» и кончая словами «не видать всего вла и горя нашей жизни» и рядом с чертой поставлена буква «п», означающая «пропустить». Кроме того, на втором и третьем листе несколько зачеркнутых Толстым мест и одна написанная его рукой вставка на полях. Первые четырнадцать страниц этой рукописи до слов

¹ О ней, видимо, Толстой говорит и в письме к В. Г. Черткову от 17 апреля 1905 г.: «Другая работа — это изложение веры простое, ясное, народное, детское. Работаю над этим и очень приятно и полезно для себя, но до сих пор без результата. Думаю иногда, что эта работа мне не по силам. Буду стараться, а не сделаю, то сделает кто-нибудь другой. А нужно, нужно, нужно» (АЧ).

«Въ чемъ исполненіе воли Бога?» представляют собой первую законченную редакцию первой главы «Зеленой палочки» (печатаем ее в вариантах), затем целиком отвергнутую Толстым и замененную новой редакцией, в основу которой положена была ранее написанная статья «Кто я?»

Сомнения, колебания и недовольство собой в связи с работой над «Зеленой палочкой» сказываются в записях Дневника. Так, 6 апреля 1905 г. Толстой записывает: «Вчера попробовал «Зеленую палочку». Не пошло. Всё не то. Не могу соединить: всю истину, как я ее понимаю, с простотой изложения». В записи от 12 июня опять замечание о том, что «Зеленая палочка» не пишется.

В дальнейшем работа над статьей пошла следующим образом. Были взяты различные части ранее перепечатанных на машинке, исправленных и частью разрезанных ножницами на отдельные полосы копий статьи «Кто я?», к ним присоединены переписанные рукой Х. Н. Абрикосова копии ватерявшейся вставки-автографа, всё это вновь значительно исправлено и дополнено рукой Толстого, и далее сюда присоединен текст статьи, озаглавленной сначала «Вѣра», а затем «Зеленая палочка», начиная со слов «Въ чемъ же исполненіе воли Бога?» и кончая словами «не можетъ не чувствовать его». Этот присоединенный текст соответствует второй главе окончательной редакции «Зеленой палочки». Однако заглавие этой рукописи, получившееся в результате комбинации ранее написанных и затем вновь исправленных текстов, — не «Зеленая палочка», а «Кто я?» (оно не зачеркнуто и не исправлено).

Видимо, вслед за этим Толстым написан был текст, соответствующий началу третьей главы «Зеленой палочки» в ее окончательной редакции. Автограф на двух полулистах и четвертушке почтовой бумаги, исписанных с обеих сторон. *Начало:* «Всѣмъ людямъ хочется жить радостно». *Конец:* «Въ этомъ сущность истинной вѣры Христовой».

Этот автограф был переписан на пишущей машинке (три четвертушки, исписанные с одной стороны), сильно исправлен и дополнен, и к нему присоединено окончание статьи, озаглавленной вначале «Вѣра», затем «Зеленая палочка». Это окончание (пять последних четвертушек) извлечено из копии автографа этой статьи, описанной выше.

Затем копия автографа (три четвертушки) была вновь переписана на пишущей машинке (полулист писчей бумаги, согнутый пополам, и четвертушка), вновь исправлена и дополнена, и переписанное заменило собой первую копию автографа. В начале рукописи для обозначения главы поставлена цифра III.

Далее с последней копии начала статьи «Кто я?» снята была новая копия, частью написанная на машинке, частью рукой М. Л. Оболенской. В копию эту было вставлено несколько четвертушек из предшествовавших копий, в которых количество поправок было невелико. Заглавие «Кто я?» зачеркнуто и не заменено другим. От этого заглавия Толстому тем естественнее было отказать, что оно в процессе работы над статьей перестало соответствовать ее содержанию, и сама статья уже не осуществляла того замысла, о котором говорится в записи дневника от 9 июня 1903 г.

Первые двенадцать строк начала последней копии переписаны были вслед за этим рукой М. А. Шмидт на четвертушке писчего листа. В большей

своей части они зачеркнуты Толстым и вместо них написаны новые поверх зачеркнутых и дальше на оставшейся недописанной части страницы и частью на обороте ее.

Следующий этап в оформлении статьи таков. Рукой М. Л. Оболенской, А. А. Гольденвейзер (?) и М. А. Шмидт была переписана большая часть до сих пор выправленного Толстым в копиях текста статьи. Не слишком сильно испещренные поправками полулисты, четвертушки или части их были присоединены к тому, что было переписано указанными переписчиками. В результате получился связный текст статьи. Рукопись занимает 13 полулистов, согнутых пополам, и 6 четвертушек. Она поделена на три главы и нумерована (неточно) частью рукой Толстого, частью рукой переписчиц. Вятый из предшествовавших рукописей материал пронумерован заново. На вновь переписанных страницах поправок рукой Толстого не имеется. Рукопись вложена в обложку, на которой рукой М. Л. Оболенской написано: „Черновые «Зеленая палочка», или «Как и зачем жить?»“

Наконец, с рукописи, только-что описанной, была снята копия, написанная рукой А. П. Иванова на 18-ти полулистах почтовой бумаги большого формата, исписанных с одной стороны. В этой копии сделаны поправки рукой Толстого. Статья здесь озаглавлена «Зеленая палочка». Здесь мы имеем дело с последней ее редакцией. Копия А. П. Иванова очень исправная, но с большим пропуском, происшедшим не по вине переписчика: у него не было под рукой целой четвертушки из той копии, которую он переписывал. После слов: «как будто увёрены, что будут жить вечно», стр. 413, строка 29, Иванов написал следующие на той же четвертушке конечные слова: «Такие люди только» и, не найдя следующей четвертушки, в которой эта фраза продолжалась, поставил вслед за переписанными словами многоточие. Эта начатая фраза с многоточием осталась в копии Иванова неприкосновенной, и Толстой не зачеркнул ее и не дописал. (При работе над редактированием статьи запропастившаяся четвертушка найдена нами среди рукописей другого произведения Толстого.)

Вслед за конечной фразой текста рукой Толстого написано: «Выставить годъ и число. Если нѣтъ указаній, то вѣроятно, лѣтъ 17». На листе, приложенном к рукописи, рукой А. П. Сергеенко сделана следующая запись: «Эта статья «Зеленая палочка» была просмотрена Львом Николаевичем в июле 1907 г. Написана она была, по его словам, лет 17 тому назад (см. в конце статьи) — следовательно в 1890 году, но он ошибся, так как черновики от этой статьи от 1905 г. Алексей Сергеенко. Март, 1909 г.»

Действительно, нужно думать, что основная работа Толстого над «Зеленой палочкой» закончена была в декабре 1905 г. По крайней мере, в последний раз она упоминается им в записи Дневника от 9 декабря этого года: „Третьего дня писал «Зеленую палочку»“.

Происхождение окончательного заглавия статьи кроется в воспоминаниях раннего детства Толстого. Вспоминая своего старшего брата Николеньку, который был «удивительный мальчик и потом удивительный человек», Толстой рассказывает о том, как Николенька объявил своим братьям о том, что у него есть тайна, посредством которой, если ее открыть, можно всех людей сделать счастливыми, и все сделаются *муравьиными*

братьями». «Вероятно, — добавляет Толстой, — это были моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья». Эта тайна, по словам Николеньки, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, где Толстой — в память брата — просил похоронить его и где он был — во исполнение его воли — действительно похоронен.

Свое воспоминание о зеленой палочке Толстой заканчивает такими словами: «Идеал муравейных братьев, льнувших любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».¹

И решив обратиться к людям — незадолго до смерти — со статьей, в которой говорилось о том, как устроить жизнь так, чтобы она была радостной и счастливой, Толстой озаглавил ее тем символическим именем, с которым у него сочетались детские воспоминания о тайне человеческого счастья.

Впервые «Зеленая палочка» по копии А. П. Иванова, исправленной рукой Толстого, была напечатана в газете «Русское слово», 1911, № 1, и в том же году в издательстве «Посредник» (№ 915). В обоих случаях текст напечатан исправно, но в нем допущено два пропуска. Во-первых, в самом начале II главы, после слов «или через Моисея или через Христа, через Будду» стр. 410, строка 46, пропущена, очевидно, из цензурных соображений, следующая фраза, замененная рядом точек: «Это неправда: иногда это заблуждение, иногда обман, но всегда неправда». Во-вторых, в III главе после слов «как будто уверены, что будут жить вечно» пропущены — целых четыре абзаца (стр. 413, строка 30 — стр. 414, строка 2), написанные на четвертушке, которой не было мод рукой у переписчика последней копии А. П. Иванова и которая нашлась лишь теперь, при новой разборке рукописей Толстого. С этими же пропусками статья напечатана в XVIII томе полного собрания сочинений Толстого под редакцией П. И. Бирюкова, 1913 г.

Печатаю «Зеленую палочку» в настоящем издании по исправленной Толстым копии А. П. Иванова, которую сверяем с автографами, восстанавливаем оба пропуска.

Примечания.

Стр. 411, строки 33—42 и стр. 412 строки 18—27. Евангелие от Матфея, XXI, 33—40. Толстой дважды пересказывает эту притчу — в главах II и III — признак того, что статья автором окончательно не отредактирована.

Стр. 412, строки 10—13. Евангелие от Матфея, XII, 28.

Стр. 412, строки 36—39. Евангелие от Луки, XII, 42—46.

Стр. 413, строки 16—18. Евангелие от Луки, XII, 31.

¹ «Воспоминания детства». Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого под редакцией П. И. Бирюкова, т. I, М. 1912, стр. 358—360.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

В настоящий указатель введены имена личные и географические, названия исторических событий (войн, революций и т. п.), учреждений, издательства, заглавия книг, названия статей, журналов, газет, произведений слова, скульптуры, музыки, имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда они упоминаются не в тех произведениях, где они выведены, а также, когда они приведены в комментариях. Знак § означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого.

А б и с с и н и я — горная страна в восточной Африке, у Красного моря — 170, 171, 197, § 635.

А б и с с и н с к а я война — в 1895—1896 гг. — 162, § 635.

А б р и к о с о в Хрисанф Николаевич (р. 1877 г.) — единомышленник Толстого — § 613, 644, 739.

А в е л ь — библейская личность, второй сын Адама, убит братом Каином — 318.

А в с т р а л и я — 220, 255, 272, 301, 329, 360, 417.

А в с т р и я — 134, 170, 255, 256, 270, 271, 272, 327, 384, 429, 456, 484, § 619.

А д а м — библейский «прародитель» — 212.

А в и я — 132, 190, 198, 236, 237, 262, 316, 327, 388.

А л е к с а н д р I (1777—1825) — 59, 256, 450, 463, 481, § 584, 585, 586, 734.

А л е к с а н д р II (1818—1881) — 62, 150, 169, 228, 450, 463.

А л е к с а н д р III (1845—1894) — 59, 150, 169, 182, 450, 455, 463, 481, § 654.

А л е к с а н д р Македонский (Великий) (356—323 до н. э.) — 66, 256, 451.

А л е к с а н д р Невский (1220—1263) — князь Новгородский. — 66.

А л е к с е й Николаевич

(1904—1918) — сын Николая II — 450.

А л е ш а Горшок — прозвище бывшего в 1860 гг. в Ясной поляне помощника повара и дворника — § 582.

А л ж и р — французская колония на севере Африки, простирающаяся вдоль берегов Средиземного моря — 272, 352, 360.

А л и - М о х а м е д (1820—1850) — основатель религиозного учения, возникшего в Иране под именем бабизма — § 733.

А м е р и к а — 156, 159, 163, 171, 197, 207, 212, 217, 218, 230, 252, 259, 260, 269, 273, 322, 323, 401, 406, 408, 417, 448, 456, 464, 478, 499, 500, 502, 503, 506, 511, § 602, 629, 635, 655, 661, 672, 678, 680, 708 720.

А м е р и к а н с к а я война между севером и югом — междуусобная война в 1861—1865 гг., окончившаяся поражением южных штатов — 481.

А м и е л ь Анри Фредерик (1821—1881) — профессор философии и эстетики Женевского университета, автор высоко ценившейся Толстым книги «Journal intime» (Дневник), из которой заимствованы все приводимые в настоящей книге мысли Амиеля — 124.

А м у р — река — 128, 133, 255, 613, § 682.

Анастасия Николаевна (1901—1918), — дочь Николая II — 450.

Англия — 110, 156, 159, 163, 170, 171, 197, 215, 216, 217, 269, 279, 291, 301, 325, 328, 329, 401, 405, 406, 408, 417, 448, 464, 476, 500, 503, 514, || 607, 610, 629, 633, 635, 636, 641, 655, 656, 668, 669, 676, 682, 696, 710, 712, 721, 728, 729, 731.

Англо-бурская война — в 1899—1902 гг. — 162, 320, 405, 481, 500, || 635.

Англо-китайская война — в 1857—1860 гг. — 162, 481.

Андерсоны — 74.

Анна Болейн (1507—1536) — придворная фрейлина английской королевы Екатерины, фаворитка Генриха VIII, а с 1532 г. его жена и королева — 170, || 641, 654.

Анна Иоанновна (1693—1740) — русская императрица — 169, 450, 451, 462, 463, || 651.

Анна Леопольдовна (1718—1746) — правительница Российской империи, дочь герцога Карла-Леопольда, воспитанница императрицы Анны Иоанновны. Свергнута Елизаветой Петровной в 1741 г. — 169, 462, || 654.

Аниам — государство на восточном берегу Индо-Китая, под французским протекторатом — 272.

Анибалы (Ганнибалы) — имя нескольких карфагенских полководцев — 453, 454.

Антильские острова — группа горячих островов между Северной и Южной Америкой — || 636.

Антоний — || 610.

Аракчеев гр. Алексей Андреевич (1768—1836) — всемогущий временщик при Александре I; оставил по себе печальную память своей беспощадной жестокостью при устройстве военных поселений и усмирении военных бунтов. Время его владения воется Аракчеевщиной — 61, 169, 254, || 587, 677.

Аристотель (384—322 до н. э.) — греческий философ и естествоиспытатель — 529.

Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина (АТБ) — || 556, 557, 558, 584, 611, 614, 616,

621, 629, 634, 641, 652, 654, 656, 657, 664, 668, 669, 680, 684, 685, 693, 695, 710, 713, 716, 721, 729, 730.

Архив В. Г. Черткова в Москве (АЧ) — || 556, 557, 560, 599, 604, 605, 607, 611, 612, 614, 616, 620, 622, 623, 626, 629, 633, 634, 656, 657, 664, 667, 668, 669, 684, 695, 700, 710, 712, 713, 716, 717, 723.

Атлантический океан — || 655.

Атила (ум. 453 г.) — король гуннов (живших в Венгрии), завоеватель, основавший с 433 г. огромное государство из покоренных ему народов (германцев, галлов и др.). Имя его стало нарицательным для обозначения знаменитых завоевателей — 520.

Африка — 162, 198, 220, 236, 237, 316, 327, 394, || 681.

Бавария — 408.

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — 347.

Баллу Адин (1803—1890) — английский писатель, публицист и филантроп, приверженец учения о непротавлении злу насиллем — 95, || 602.

— «Катехизис непротавления» — || 602.

— «Учение о христианском непротавлении злу», изд. «Посредник». М. 1908 — || 602.

Батый (ум. 1255 г.) — монгольский полководец и хан, покоритель России (в 1240 г.), внук Чингис-хана — || 696.

Безобразов Александр Михайлович — статс-секретарь при дворе Николая II, один из вдохновителей политики грубых захватов на Дальнем Востоке, приведшей к Русско-японской войне — 609, || 610, 611.

Беллами Эдуард (1850—1898) — американский писатель — 352.

Бельгия — 325, 514.

Беляев Юрий Дмитриевич (1876—1917) — журналист, беллетрист, театральный критик и драматург — || 687, 688.

— «Угр. Л. Н. Толстого» — || 687.

Бенкендорф Софья Ивановна, рожд. Левенштерн — вдова ревельского коменданта генерала

Ивана Ивановича Бенкендорфа — старшая няня Александра I в первые годы его жизни — 67, 68, 70, 71, 73.

Беркенгейм Григорий Моисеевич (1872—1919) — московский врач-педиатр, близкий знакомый Толстого — || 679.

Берлин — 270, || 634.

Бернатик — 455.

Бетховен Людвиг (1770—1827) — || 557.

— «Крейцера соната» — || 557.

Беха-Улла (1817—1892) — глава религиозного учения, известного под именем бехаизма — || 733.

Библия — || 655.

Бирлинг Эрнст (р. 1841 г.) — немецкий ученый-юрист — 455.

Бирон Эрнст Иоанн (1690—1727) — фаворит и неограниченный правитель России в царствование Анны Иоанновны — 169, 346, 450, 451, 462, 463, || 651, 652.

Бирюков Павел Иванович (1860—1931) — друг, единомышленник и биограф Толстого — || 584, 619, 620, 682, 695.

— «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. III, М. 1922 — || 584.

— «Ян Тервей в Голландии» — || 620.

Бисмарк кн. Отто-Эдуард-Леопольд (1815—1898) — германский государственный деятель, консерватор — 309, 354, 535, || 722.

Бобринков Николай Иванович (1839—1904) — с 1898 г. финляндский генерал-губернатор. Убит 3 июня финном Шауманом — 150.

Богемия — или Чехия, до 1918 г. являвшаяся частью Австро-Венгерской империи — 255, 273.

Боголепов в Николай Павлович (1847—1901) — профессор, с 1898 г. министр народного просвещения; крайний реакционер, заявивший себя введением полицейского режима в университетах. Убит 14 февраля студентом П. В. Карповичем — 150.

Боксерское восстание («Китайская война») — возникшее в Китае в 1900 г., крестьянское восстание, направленное против иностранцев, как эксплуататоров и поработителей страны. Восстанием руководили общества

«Большого кулака», «Кулака имени справедливости» и др. — за что участники восстания были прозваны боксерами (англ. boxers — кулачные бойцы). Восстание в том же году было подавлено европейскими державами — 320, 481, || 636, 697.

Болгария — || 619.

Большая французская революция. См. Великая французская революция.

Бонапарт. См. Наполеон I.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (р. 1873 г.) — литератор, исследователь русского сектантства (псевд. Ольховский) — || 619.

— «Наварены в Венгрии и Сербии. К истории сектантства», — || 619.

Борис Федорович Годунов (ок. 1551—1605) — в 1584—1598 гг. опекун царя Федора Ивановича, в 1598—1605 гг. царь и великий князь Руси — 182, 451.

Брадис М. — народный учитель в Пскове — || 725.

Брайан Вильям Дженнингс (Вуан, р. 1860 г.) — 97, || 603.

Британия — 255, 256, 269, 270, 271, 272, 273, 373, 375, 456, 484, 511.

Брюнетьер Фердинанд (1849—1906) — французский критик и историк литературы — 114.

Будда (род. ок. 560, ум. ок. 480 до н. э.) — священное имя Сиддарты Гаутамы, считающегося основателем буддийской религии — 121, 142, 358, 398, 410, || 741.

Бузулукский уезд Самарской губернии — || 685.

Булави́н Кондрат (ум. 1708 г.) — атаман донских казаков, глава восстания казаков 1707 г., известного под названием «булавинского бунта». Покончил с собой 7 июня 1708 г. в Чернассах, окруженный царскими войсками — || 682.

Буланже Павел Александрович (1864—1925) — близкий знакомый Толстого — || 600, 630, 677.

Бурбоны — старинный французский род, представители которого долгое время занимали французский престол — 182, 321, 322, 449.

Бургундия — восточная область Франции в бассейнах рек Сены, Луары и Роны; ранее самостоятельное королевство и герцогство, затем французская провинция — 256.

«Бытие» — книга Библии — || 655.

Вакх. См. Bacchus.

Вальжан Жан. См. Гюго В., «Несчастные».

«Варяг» — русский крейсер, потопленный 27 января 1904 г. в гавани Чемульпо в бою с японцами — 113.

Васильковский уезд Киевской губернии — || 573.

Вей-хай-Вей — 291, || 696.

Великая французская революция (Большая французская революция) — в 1789—1804 гг. — 195, 535, || 655.

Великобритания — 521.

Венгрия — 255, || 619.

Венера — в римской мифологии богиня весны, садов, расцвета; позднее богиня любви и красоты — 447.

Венецуэльское дело — восстание в Венецуэле (республика в Южной Америке), приведшее в 1902 г. к вмешательству Англии и Германии и к открытию военных действий со стороны последних. Венецуэльские войска были разбиты и 13 февраля 1903 г. в Вашингтоне был подписан протокол, по которому Венецуэла обязалась удовлетворить требования Англии и Германии и назначила гарантии причитающихся в пользу заинтересованных лиц платежей — || 618.

Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — художник — || 620.

«Вестник Европы» — журнал — || 662, 716.

«Вестник культуры и политики» — журнал — || 714.

«Вечерняя почта» — газета — || 665.

Виллис Яков Васильевич (1765—1854) — врач, лейб-хирург, президент медико-хирургической академии в Петербурге — 64, || 588.

Вильгельм II (р. 1859 г.) —

германский император и прусский король — 178, 449, 453, 606.

Виньи Альфред де (1799—1863) — французский поэт — 118, 606.

— «Grandeur et servitude militaires» — || 617.

Витт Иван Осипович (1781—1840) — генерал, начальник военных поселений и тайной полиции на юге России — 63.

Витте гр. Сергей Юльевич (1849—1915) — русский государственный деятель; в 1892 г. министр путей сообщения, в 1892—1903 гг. министр финансов; в 1905 (октябрь) — 1907 (апрель) — председатель Совета министров — 609, || 610, 611, 710.

«В. Л. Гаррисон. Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира» — || 601.

Вогюэ Эжен Мельхиор (1848—1910) — французский писатель и критик, с 1888 г. академик — 114.

Война с Кубой — восстание, вспыхнувшее на острове Куба в 1895 г., приведшее к войне Испании с Северной Америкой. См. Испанская война.

Волконский кн. Петр Михайлович (1776—1852) — генерал-фельдмаршал, министр императорского двора, ближайшее лицо к Александру I — 63.

Вологодская губерния — 334.

Вольтер Франсуа-Мари (1694—1778) — французский писатель, историк и философ — 103, 408, 264, 606, || 682.

— «Micromégas» (Микромегас) — 103, || 617.

«Вопросы философии и психологии» — журнал — || 697.

Воронежская губерния — || 573.

Воронежская тюрьма — 128.

Воронежский дисциплинарный батальон — 129.

Всероссийское общество красного креста (Красный крест), имевшее своей

целью помочь больным и раненым на войне — 108, 112, 426.

В ы б о р г с к о е в о з в а н и е — составленное от имени 200 депутатов Государственной думы, собравшихся после разгона думы в Выборге 9—10 (ст. ст.) июля 1906 г. В воззвании предлагалось народу в качестве ответной меры на разгон думы отказаться от уплаты налогов и поставки рекрутов. Однако практических результатов это воззвание не дало, и позднее подписавшие его были привлечены к уголовной ответственности — 546.

В ы л е ж и н с к и й (Wylezinski Thaddée) — адъютант главнокомандующего восставшими польскими войсками Хлопицкого — 136, || 607, 612, 620.

— «Mémoires. Episode de la Révolution de Pologne de 1830—1831, avec une préface de M. Constantin Woënsky». St. Pétersbourg. 1903 — || 620.

Г а а г а — город в южной Голландии — 102, || 618.

Г а а г с к а я м и р н а я ц о н ф е р е н ц и я — созванная по инициативе России конференция в Гааге, происходившая с 6/18 мая по 17/29 июля 1899 г. — 102, 116, || 618.

Г а г а р и н кн. Григорий Иванович (1782—1837) — посланник в Риме и Мюнхене — 61.

Г а л и ц и я — 255.

Г а н и б а л ы. См. Аннибалы.

Г а р р и с о н Вендель Филиппс — сын В. Л. Гаррисона — || 602.

Г а р р и с о н Вильям Ллойд (Gar-rison) (1805—1879) — 95—99, 331, || 599, 600, 601, 602.

Г а с п р а — татарская деревня на южном берегу Крыма, близ почтовой станции Мисхор — || 584.

Г а с т е в Петр Николаевич (р. 1866 г.) — сочувствующий ваглядам Толстого, участник многих толстовских земледельческих общин — || 683.

— «Воспоминания о Василии Кирилловиче Суслаеве» — || 683.

Г е г е л ь Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831) — 471.

Г е н е л ь Альберт (1833—1918) — немецкий юрист и государственный деятель, профессор — 455.

Г е н з а н — порт в Корею, на восточном берегу Корейского полуострова, в Броутоновом заливе — || 620.

Г е н р и х — имя многих римско-германских императоров, французских и английских королей — 319, 323.

Г е н р и х VIII (1491—1547) — английский король (с 1509 г.) из династии Тюдоров — 170, 178, 254, 321, || 641, 654.

Г е р б е р Карл-Фридрих-Вильгельм (1823—1891) — немецкий писатель-юрист, основатель так называемого юридического учения о государстве — 455.

Г е р к у л е с — римское название героя греческой мифологии Геранла — олицетворение мужской силы — 171.

Г е р м а н и я — 163, 170, 217, 255, 257, 269, 270, 273, 291, 301, 327, 329, 373, 448, 500, || 636, 682, 696.

Г е р ц е н Александр Иванович (1812—1870) — 294, 331, 543, || 683, 696, 697.

— «Письмо к Александру II (по поводу книги барона Корфа)» — 294, || 696.

— «Полное собрание сочинений и писем», издание Ф. Ф. Павленкова, 7 тт. 1905 — || 697.

— «Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена» под редакцией М. К. Лемке, т. IX, Пгр. 1919 — || 697.

— «Собрание сочинений» т. V, Genève Halle-Lyon. 1878 — || 683, 697.

— «С того берега» — || 683.

— «14-е декабря 1825 и император Николай» Лондон. 1858 — || 697.

Г е р ц ф е л ь д е р (р. 1853 г. ум. ?) — немецкий юрист — 455.

Г е р ш у н и Григорий Андреевич (1850—1908) — один из основателей партии социалистов революционеров, террорист — 393.

Г е с с л е р Прасковья Ивановна — англичанка, жена первого камердинера Александра I Ивана Федоровича Гесслер, няня Александра I — 67, 71.

Г и л л е л ь (кон. I в. до н. э.) — иудейский законоучитель — 121.

Г и р к е Отто фон (1841—1921) —

немецкий историк права, публицист и государствовед, профессор—455.

Гладстон Вильям (1809—1898) — английский политический деятель, вождь либеральной партии — 182, 216.

Глазов Владимир Гаврилович (1848—1916) — генерал, с 10 апреля 1904 г. по 22 октября 1905 г. министр народного просвещения — 150.

Голицыны кня. Александр Николаевич (Голицын Сама) (1773—1844) — государственный деятель эпохи Александра I, его близкий друг с детских лет — 72.

Голландия—134, 429, || 619.

Гольденвейвер Александр Борисович (р. 1875 г.) — пианист, близкий знакомый Толстого — || 579, 649.

Гольденвейвер Анна Алексеевна, рожд. Софиано (1881—1929) — жена А. Б. Гольденвейвера — || 705, 740.

Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — публицист, один из редакторов «Русской мысли» — || 662, 663.

Гончаренко Евтихий Егорович (1883—1923) — баптист, в 1904 г. отказавшийся от военной службы — 280.

Горбунов-Посадов (Горбунов) Иван Иванович (р. 1864 г.) — поэт, один из руководителей изд. «Посредник», единомышленник Толстого — || 376, 379, 380, 381, 382, 383, 388, 389, 390, 602, 654, 663, 669, 676, 677, 679, 680, 681, 720, 721, 724, 728, 729, 730.

Горемыкинская комиссия — так называлось «Особое совещание по укреплению крестьянского землевладения», созданное в начале 1905 г. по инициативе и под председательством Ивана Логгиновича Горемыкина (1839—1917) — 470.

Государственная дума — высшее (наряду с Государственным Советом) — законодательное учреждение в дореволюционной России, образованное 6 августа 1905 г. — 278, 279, 280, 284, 364, 401, 727, || 685, 730.

Государственный Толстовский музей — в Москве (ГТМ) — || 556, 559, 560, 579,

580, 581, 585, 599, 605, 607, 608, 610, 623, 626, 629, 640, 642, 654, 657, 662, 668, 669, 677, 680, 681, 683, 684, 685, 686, 687, 693, 698, 700, 717, 724, 728, 729, 730, 732, 734, 737.

Гроций Гуго (1583—1645) — голландский юрист и государственный деятель, основатель дисциплины «международного права» — 317.

Грузенберг Семен Осипович (р. 1876 г.) — в дореволюционной России присяжный поверенный, ныне профессор философ-психолог — || 589.

Грувия — 255, 500, 507, 548.

Гусев Николай Николаевич (р. 1882 г.) — литератор, единомышленник Толстого, в 1908—1909 г. его секретарь — || 707.

Гутодье — 134, 429, || 619.

Гюго Виктор (1802—1885) — 482, 606.

— «Несчастные» («Les misérables») (Мириель, Жан Вальжан) — 482, || 683.

Давыдов Николай Васильевич (1848—1920) — юрист, близкий знакомый семьи Толстых — || 662, 710.

Дагомея — французская колония в западной Африке — || 681.

Дальний Восток — 137, 143, 144, 166, 168, 429, 450, 463, || 608, 644.

Дантон Жорж-Жак (1759—1794) — один из крупнейших деятелей Буржуазной французской революции, представитель правого крыла монтаньяров, энергичный оратор — 309.

12-й год — война 1812 года («Отечественная война») — 523.

9-е января («Петербургское злодеяние») — расстрел на улицах Петербурга безоружных масс рабочих, шедших к Зимнему дворцу с петицией к царю 9 (22) января 1905 г., руководимых священником Георгием Гапоном (1873—1906) провокатором, агентом департамента полиции — 156, 161, || 635.

Де-Местр. См. Мэстр, Ж.

Дефо Даниэль ([1659?]) 1660—1731) — английский писатель-романист, журналист, экономист и политический деятель (Робинзон Крузо) — 212.

«Деяния апостолов» — каноническая книга нового завета,

излагающая предания о жизни первых христианских общин со смерти Иисуса Христа до смерти апостола Павла. Написание ее приписывается евангелисту Луке — 550.

Джордж Генри (1839—1897) — американский экономист и политический деятель; пропагандист освобождения земли от частной собственности и введения единого земельного налога («Прогресс и бедность», — «Речи и статьи» — «Общественные задачи») — 210, 215, 216, 217, 227, 230, 285, 287, 300, 301, 302, 303, 347, 406, 416, 438, 464, || 656, 659, 660, 664, 688, 689, 698, 721.

— «Избранные речи и статьи». Перевод С. Д. Николаева. 2 изд. 1905, 3 изд. 1906 — 210, 287, || 664, 692.

— «Прогресс и бедность». Перевод С. Д. Николаева — 287, || 692.

— «Общественные задачи». С предисловием Л. Н. Толстого. Перевод С. Д. Николаева. — 287, 300, || 692, 698, 699.

Дибич-Забалканский гр. Иван Иванович (1785—1831) — фельдмаршал, участник нескольких кампаний, командующий войсками, действующими против восставших поляков в 1830—1831 гг.; участник раскрытия заговора декабристов в 1825 г. — 63, 136, 137, || 607, 612, 620.

Директория — название установленной во время французской революции (в 1795 г.) высшей правительственной коллегии из пяти лиц. Директория свергнута Бонапартом 9 ноября 1799 г. — 322.

Добруджа — часть Румынии, между правым берегом Нижнего Дуная и Черным морем. До 1878 г. принадлежала Турции. Место поселения русских выходцев: раскольников и казаков — || 682.

Долгоруково, Пензенской губ. — || 580.

Дом предварительного заключения — тюрьма в Петербурге — 31, 32.

Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905) — генерал-адъютант, профессор академии генерального штаба, военный писатель — 609.

Дрезден — столица Саксонии, на обоих берегах Эльбы. 26—

27 августа 1813 г. под Дрезденом Наполеон I разбил армию союзников, заставив отступить в Богемию — 73.

Дрожин Евдоким Никитич (1866—1894) — сельский учитель Курской губернии, в августе 1891 г. отказавшийся от военной службы, за что был заключен в тюрьму, где и умер от воспаления легких — 128, 129, 134, 429, || 618.

Дюма Александр (1824—1895) — французский писатель-драматург, сын романиста А. Дюма (1803—1870) — 356, || 720, 722.

— Письмо А. Дюма к редактору «Gaulois» — от 1 июня 1893 г. — 356 (цит.).

Евангелие — 13, 27, 37, 39, 40, 45, 46, 52, 72, 108, 118, 126, 127, 231, 233, 280, 337, 411, 414, 483, 545, || 574, 575, 579, 642, 660.

Евангелие от Иоанна — 135 (цит.), 166 (цит.), 231 (цит.), 292 (цит.), || 655, 665, 670, 675, 696, 699, 722.

Евангелие от Луки — 38 (цит.), 100 (цит.), 118, 147 (цит.), 163, 166 (цит.), 413 (цит.), 435 (цит.), || 607, 613, 620, 640, 666, 741.

Евангелие от Марка — 118, 291 (цит.), || 696.

Евангелие от Матфея — 27, 37 (цит.), 128, 166 (цит.), 222 (цит.), 244 (цит.), 279, 291 (цит.), 316 (цит.), || 613, 637, 639, 643, 657, 666, 681, 696, 720, 722, 736, 741.

Европа — 61, 64, 72, 100, 132, 141, 170, 184, 207, 215, 217, 218, 230, 252, 258, 259, 260, 273, 291, 295, 323, 328, 337, 438, 472, 478, 499, 503, 506, 515, 540, 544, 672, 678, 697, 702, 708.

Египет — 170, 255, 272, 289, 360, 456, 531.

Екатерина I Алексеевна (1684—1727) — дочь литовского крестьянина, любовница гр. Меншикова; с 1705 г. — любовница Петра I с 1712 г. его жена. После смерти мужа — русская императрица — 169, 178, 450, 451, 462.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — 66, 67, 68, 70, 73, 169, 174, 178, 182, 319, 449, 450, 451, 453, 454, 455, 463, 481, 650, || 651, 653.

Екатерина Арагонская (1485—1536) — жена Генриха VIII, короля английского, разведшегося с ней в 1534 г. — 170, || 654.

Елизавета Алексеевна (1789—1826) — жена Александра I — 61, 63.

Елизавета Петровна (1709—1761) — русская императрица — 169, 450, 451, 462, 463, || 652.

Елизавета (1533—1603) — королева английская, дочь Генриха VIII и Анны Болейн — 178, 453, 454, 455.

Еллинек. См. **Иеллинек Г.**

Желтое море — || 696.

Желтуга — река в Манчжурии — || 682.

Жерар Сесиль-Жан-Базиль (1817—1864) — французский офицер, большую часть прослуживший в Алжире. Приобрел известность как охотник на львов — 394, || 624, 625.

Закав — название леса вблизи Ясной поляны, тянущегося вдоль полотна железной дороги — || 741.

«За пять лет», Лондон. 1860 — сборник — || 697.

«Звезда» — журнал — || 714.

Зейдель Макс (1846 — ум.?) — немецкий публицист, профессор государственного права — 455.

Земля войска донского. См. Область войска донского.

«Земля и воля» — орган социалистов-революционеров — 364.

Землянский уезд Воронежской губернии — || 573.

Зимний дворец — в Петербурге — || 635.

«Значение русской революции». См. Толстой Л. Н.

«О значении русской революции».

Золя Эмиль (1840—1902) — 356.

Зороастр (VIII в. до н. э.) — основатель религии парсызма — 121.

Иаков — 174.

Иванов Александр Петрович (1836—1911) — переписчик — || 740, 741.

Ивус Ефим Савельевич — матрос крейсера «Памлада», участник Русско-японской войны — 147, 148, || 612, 621.

Игуменова Юлия Ивановна — художница, подруга Т. Л. Сухотиной (Толстой) — || 560, 561, 582, 601, 608, 610, 611, 612, 632, 640, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 651, 657, 658, 659, 662, 668, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 679, 685, 701, 705, 706, 707, 732, 734, 735.

Иеллинек Георг (Иллинек) (р. 1851 г.) — немецкий юрист, профессор, представитель «формально-логической» школы публичного права — 455.

Иеремия — библейский пророк. Его пророчества изложены в «Книге пророка Иеремии» — 135 (цит.), || 613.

Иеринг Рудольф (1818—1893) — немецкий юрист, профессор — 455.

Иерусалим — 358, || 666.

Иессен — контр-адмирал, в 1904—1905 г. начальник Владивостокской эскадры — || 620.

«Избранные мысли Иосифа Мадзини». Собрал Л. П. Никифоров — || 665.

«Из дневника Амеля», перевод М. Л. Толстой, — || 617.

«Изречения китайского мудреца Лао-тзе», избранные Л. Н. Толстым. М. || 697.

Иисус Христос — 27, 37, 38, 47, 90, 101, 108, 117, 118, 119, 120, 121, 124, 127, 128, 139, 146, 147, 148, 160, 216, 242, 244, 246, 255, 278, 279, 280, 292, 357, 358, 398, 410, 412, 414, 426, 428, 433, 434, 447, 448, 516, 550, || 579, 619, 637, 643, 666, 739, 741.

Иконников Антон Иванович (р. 1883 г.) — отказавшийся в 1904 г. от военной службы — 278, 279, || 684, 685.

Индия — 220, 270, 272, 292, 296, 320, 339, 352, 360, 374, 456, 511, 512, 514.

Иоанн VI Антонович (1740—1764) — русский царь. Наследовал престол трех месяцев от роду. В 1741 г. при провозглашении императрицей Елизаветы Петровны, был выслан из Петербурга; в 1756 г. заключен в Шлиссельбург-

скую крепость, где и был убит по инструкции Екатерины II при попытке его освобождения поручиком крепостного гарнизона Мировичем — 169.

И о а н н **Б о г о с л о в** — по преданию, любимый ученик Иисуса Христа. Считается автором четвертого Евангелия, трех «Посланий» и Апокалипсиса. Однако исторические свидетельства в пользу написания им этих книг библейской критикой признаются недостаточными — || 697.

— «Послания» — || 697.

И о а н н **IV** **Г р о з н ы й** (1530—1584) — 169, 178, 254, 319, 323, 346, 381, 455, || 677.

И о а н н **К р е с т и т е л ь** (Иоанн предтеча) — библейский пророк — 118.

И о с и ф **П р е к р а с н ы й** — библейская личность, один из двенадцати сыновей Иакова, проданный братьями в рабство в Египет, где сделался первым сановником и наместником фараона — 250, || 655.

И р л а н д и я — один из двух островов (западный), составляющих Великобританию — 215, 255, 352, 511.

И с а и я — библейский еврейский пророк («Книга пророка Исайя») — 100 (цит.), 241, 398.

И с л а н д и я — 408.

И с п а н и я — 197, || 636.

И с п а н с к а я **в о й н а** — война с Северо-Американскими соединенными штатами в 1895—1898 гг., окончившаяся уступкой Испанией островов: Кубы и Филиппинских — 162, 320, 405, 481, 500.

И т а л и я — 170, 171, 255, 327, 384, 401, 500, || 635.

К а в к а з — 255, 270, 311, 506, 511, 522.

К а в а н ь — 48.

К а и а ф а — прозвище иудейского первосвященника, имя которого было Иосиф. Каиафа выступал противником Иисуса Христа и первый подал совет пожертвовать одним «галилейским учителем», чтобы «не погиб весь народ», т. е. чтобы под влиянием проповедей Иисуса не произошло возмущения, повлекшего жестокую расправу со стороны римлян — 353, 469.

К а и н — библейская личность, старший сын Адама, убийца брата Авеля — 318, || 616.

К а н а д а — автономная часть Британского королевства в северной части Северной Америки — 255, 260, 270, 272, 273, 301, 374, 476, || 619.

К а н з а с — один из штатов Северной Америки, в северо-западной ее части — 260, 270, 273.

К а н т **И м м а н у и л** (1724—1804) — немецкий философ — 108, 122, 124, 125, 132, 398, 606, || 733.

К а р л — имя многих римских императоров, французских, испанских, английских, пиведских и др. королей — 170, 319, 323, 453.

К а р л **В е л и к и й** (742—814) — французский король — 116, 321.

К а р л **I** (1600—1649) **С т ю а р т** — король Англии. Казнен (обезглавлен) 30 января 1649 г. в Вайтхалле, как изменник и враг отечества (по настоянию О. Кромвеля) — 170.

К а р л **V** (1500—1558) — римский император и испанский король (Карл I) — 321, 449.

К а р л **IX** (1550—1574) — французский король — 178.

К а р л е й л ь **Т о м а с** (1795—1831) — английский писатель, историк и философ — 331.

К а р н о **Л а в а р ь** (1753—1823) — французский государственный деятель и ученый — || 696.

К а р п е н т е р **Э д у а р д** (р. 1844 г.) — английский писатель — 331.

К а р р **А ль ф о н с** (1808—1890) — французский писатель — 107.

— «Sous les Tilleuls» — || 617.

К а р о — областной город и крепость, на правом берегу Карс-чая — 280.

К е т л э **Л ам б е р-А д о л ь ф-Ж а н** (1796—1874) — бельгийский математик и статистик — 118.

— «Du système social et des lois qui le régissent» — || 617.

К и е в — 249, 311, || 682.

К и е в с к а я **г у б е р н и я** — || 573.

К и о ч о у (Цзяо-чжоу) — 291, || 696.

К и р **С т а р ш и й** (VI в. до н. э.) — основатель древнеперсидского царства — 451, 454.

К и т а й — 137, 170, 197, 255, 262, 290, 292, 293, 294, 295, 296,

299, 320, 336, 360, 374, 384, 388, 404, 512, 514, 531, 537, || 636, 653, 693, 694, 695, 696, 697.

Китайская война. См. Боксерское восстание в Китае.

«Книга пророка Иеремии» — книга Библии («Ветхий завет»), приписываемая пророку Иеремии. См. Иеремия.

«Книга Пророка Исаии» — книга Библии («Ветхий завет»), приписываемая пророку Исаие. См. Исайя.

«Колокол» — газета А. И. Герцена, издававшаяся в 1857—1869 гг. До 1865 г. выходила в Лондоне, затем в Женеве. В 1867 г. издание ее было приостановлено. С 1868 г. выходила на французском языке, давая особые русские «прибавления» — || 696.

Конииси Даниил Павлович — профессор университета в Киото (Япония) — || 697.

Консидеран Виктор (1808—1894) — французский писатель-социалист, последователь Фурье — 118.

— «Les Quatre crédits» — || 617.

Константи Павлович (1779—1831) — второй сын императора Павла I — 68, 70, 71, 73, 74.

Константинополь — 70, 108.

Конт Огюст (1798—1857) — французский философ, основатель позитивизма — 203, 471.

Конфуций (Кун-фу-цзы) (551—479 до н. э.) — китайский мудрец, основатель государственной религии Китая — 241, 290, 358, 398.

Корея — полуостров между Желтым и Японским морями (в Восточной Азии) — 137, 531, 613.

Коркунов Николай Михайлович (1853—1904) — писатель-юрист, профессор государственного права — 455, || 655.

— «Сравнительный очерк государственного права иностранных держав», I — 455, || 655.

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — || 588, 589.

— «Герой повести Л. Н. Толстого» — || 589.

Корф гр. Модест Андреевич (1800—1872) — государственный деятель и писатель — || 696.

«Котликов» — газета, выходившая в Кронштадте — || 620.

Крайстчерч — город вблизи Лондона — || 616.

Крапивна, Тульской губ. — || 578.

Красноречинск — 60, 65.

«Красный архив» — журнал — || 585.

Красный крест. См. Всероссийское общество красного креста.

Криденер бар. Варвара-Юлия, рожд. Фитингоф (1764—1825) (Крюденер) — проповедница мистического учения, известного под именем иллюминатства, писательница — 61.

Кромвель Оливер (1599—1659) — английский государственный деятель, протектор английской республики — 170.

Кронштадт — военный и коммерческий порт и крепость вблизи Петербурга — 249, || 682.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — революционер-анархист, публицист и естествоиспытатель — 347.

Кросби Эрнест (1856—1907) — писатель и общественный деятель, единомышленник Толстого (см. еще Crosby) — 132, || 637, 642.

Крым — 74.

Крюденер бар. В.-Ю.

Куба — самый большой из Антильских островов в Мексиканском заливе — 162, 456, || 636.

Кубань — река на Кавказе, впадающая одним рукавом в Азовское море, другим в Черное — || 682.

Кудрин Андрей Иванович (1884—1917) — крестьянин Самарской губернии, молоканин, в 1905 г. отказавшийся от военной службы. Киевским военно-окружным судом был приговорен к пяти годам исправительных арестантских рот. Наказание отбывал в Киеве — || 685.

Кузминская Татьяна Андреевна, рожд. Верс (1846—1925) — свояченица Толстого — || 582, 620.

— «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», часть вторая. || 582.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1924) — генерал-адъютант, с 13 февраля 1904 г. командующий сухопутными си-

лами в войне с Японией, а в 12 октября 1904 г. по 2 марта 1905 г. главнокомандующий всех сухопутных и морских сил — 137, 609.

Курская губерния — 128.

К у - Х у н - М и н (Ku-Hung-Ming) — китайский писатель — 290, || 693.

— «Ex nunc, reges, intelligete. The moral causes of the Russo-Japanese War» [Ныне цари разумейте. Моральные причины русско-японской войны], Shanghai, 1906 — || 693.

— «Papers from a viceroys Japan» [Писания вице-короля Иемен] — 290, || 693.

Л а б а н д Пауль (1838—ум.?) — немецкий юрист-писатель, профессор государственного права — 455.

Л а б о э т и Этьенн (1330—1363) — французский писатель моралист — 171, 174, || 645, 646, 649, 650, 653.

— «Sur la servitude volontaire», Bibliothèque nationale. Paris. 1901 — || 653, 655.

Л а б у ш е р Генри (1831—19??) — английский политический деятель, издатель (с 1877 г.) газеты «Truth» — 216.

Л а м е н и з Фелисите-Роберт де (1782—1854) — французский богослов, философ и писатель; сначала ревностный поборник папства и католицизма, затем борец против церкви во имя христианства — 117, 331, 357, || 720, 722.

— «Les Evangiles» — || 617.

Л а н с к о й гр. Александр Дмитриевич (1754—1784) — генерал-адъютант, фаворит Екатерины II — 70, 74.

Л а о - С и . Т а о - т е - К и н г или писание о нравственности. Под редакцией Л. Н. Толстого. Перевел с китайского профессор университета в Киото Д. П. Кописси, примечаниями снабдил С. Н. Дурьлин. || 697.

Л а о - Т с е (Лаотце) (VI в. до н. э.) — китайский философ, основатель религии таосизма — 135, 241, 290, 358, 363, || 697, 731.

— «Тао-те-кин» (Путь к добродетели) — || 697.

Л а о т ц е . См. Лао-тсе.

Л а р р о к Патрис, «De la

guerre et des armées permanentes — 111, || 614, 617.

Л а т ы ш е в Иван Григорьевич — крестьянин Томской губернии — 60.

Л е б е д е в А., «Желтугинская республика в Китае» — || 682.

Л е б р е н Виктор Анатольевич (р. 1882 г.) — француз, одно время помогавший Толстому в качестве секретаря — || 674, 712.

Л е в Т о л с т о й В. В. С т а с о в . Переписка 1878—1906 — || 716.

Л е в Т о л с т о й и русские цари. Письма Л. Н. Толстого 1862—1905. Под редакцией В. Г. Черткова — || 701, 714.

Л е т у р н о Шарль (1831—ум.?) — французский социолог-этнограф, профессор — 104.

— «L'évolution politique dans les diverses races humaines» — || 617.

Л ж е - Д м и т р и й I (ум. 1606) — в 1605—1606 гг. русский царь. Его происхождение неизвестно. Борис Годунов называл его беглым монахом Григорием Отрепьевым, выдававшим себя за царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. Захватил престол при поддержке поляков — 132, 451.

Л и в и я — древнее название Африки, особенно северной ее части — 132.

Л и в о г у б Дмитрий Андреевич (1850—1879) — богатый помещик, революционер, отдавший все свое состояние на дело революции. Повешен в Одессе 10 августа — 151.

Л и н а р Карл-Мориц — саксонский посланник, фаворит Анны Леопольдовны — || 654.

Л и п п е - Д е т м о л ь д — княжество, входившее в состав Германской империи; граничило с Пруссией и княжеством Вальдек — 476.

Л и х т е н б е р г Георг (1742—1799) — германский физик, философ и историк — 125, 136.

— «Vermichte Schriften nach dessen Tode aus den hinterlassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von L. Chr. Lichtenberg und Fr. Kries». Band. 1—4. Bey J. Chr. Dieterichs. Göttingen. 1800—1802 — || 617.

Л . Н . Т о л с т о й о и н е с т и -

т у ц и я — заметка в газ. «Московские ведомости» — || 635.

Л о м и н ц е в о — село Крапивенского уезда Тульской губ. — || 723.

Л о н д о н — 211, 264, 270, 485.

Л ю д о в и к XVIII. См. Людо-вик XVIII.

Л х а с с а — главный город Тибета, местопребывание Далай-ламы — || 636.

Л ю д о в и к имя многих римско-германских императоров, французских, немецких и др. королей — 170, 178, 319, 321, 323, 453, 454.

Л ю д о в и к IX Святой (1215—1270) — французский король — 449.

Л ю д о в и к XI (1461—1483) — французский король — 174, 449.

Л ю д о в и к XIV (1638—1715) — французский король — 449.

Л ю д о в и к XV (1710—1774) — французский король — 449.

Л ю д о в и к XVI (1754—1793) — французский король — 495.

Л ю д о в и к XVIII (Лудовик XVIII) (Станислав-Ксаверий) (1755—1824) — французский король — 69.

Л ю д о в и к Ф и л и п п (1773—1850) — французский король. В 1848 г. по провозглашении республики бежал в Англию — 322, 495.

М а г о м е т (Мохаммед. 571—632) — основатель религии Ислама — 121.

М а д а г а с к а р — 408.

М а д в и н и Д ж у з е п п е (Мадзини Иосиф) (1805—1872) — итальянский философ, революционер, борец за освобождение Италии — 118, 122, 226, 316, || 722.

— «Об обязанностях человека», М. 1902 — || 617.

М а з е п а И ван Степанович (ум. 1709 г.) — украинский гетман. В 1708 г. заключил союз с Карлом XII, шведским королем, изменив Петру I. После Полтавского сражения бежал в Бендеры — || 682.

М а к а р о в Степан Осипович (1848—1904) — в русско-японскую войну командующий флотом. Погиб 31 мая на «Петропавловске» — 136, 138, || 620.

М а к к и а в е л л и Николо

(1469—1527) — итальянский политический деятель — 174, 177, || 653. — «Il Principe» [«Государь»] — || 653, 655.

— «Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия», ред. Н. Курочкин, — || 655.

М а к л а к о в Василий Алексеевич (р. 1869 г.) — московский адвокат, член Государственной думы, белоэмигрант — || 685.

М а к о в и ц к и й Душан Петрович (1866—1921) — врач, единомышленник и друг Толстого, по национальности словак — || 601, 640—641, 642, 654, 656, 658, 659, 662, 663, 665, 670, 671, 672, 692, 698, 700, 710, 717, 719, 720, 721.

— «Яснополянские записки» (неопубликованные) — || 641, 642, 654, 656, 662, 663, 665, 666, 692, 698, 700, 716, 721, 722, 723, 724, 729.

М а л о р о с с и я — официальное наименование южной части Европейской России в дореволюционную эпоху — 273.

М а н ч ж у р и я — 137, 146, 167, 168, 430, 456, 506, 510, 613, || 644, 682.

М а н у — в индийской мифологии имя прародителей человеческого рода. Законы Ману — сборник древне-индусских законодательных памятников — 121, 414.

М а р а т Жан-Поль (1744—1793) — французский революционер, член конвента. Убит в июле 1793 г. Шарлоттой Кордэ — 170, 254, 309, 319, 354.

М а р и я Н и к о л а е в н а (1899—1918) — дочь Николая II — 450.

М а р и я I К р о в а в а я (1516—1558) — английская королева — 650.

М а р и я Ф е д о р о в н а (1759—1828) — жена Павла I, мать Александра I — 65, 67.

М а р ь я С т е п а н о в н а — горничная Екатерины II — 74.

М а р к А в р е л и й А н т о н и н (Авний-Вер) (121—180) — философ-стоик, римский император — 124.

М а р к с К а р л (1818—1883) — 471.

М а р о к к о — 171.

М а р т е н с Федор Федорович (1845—1909) — 104, 116, || 618.

— «Современное международное

право цивилизованных народов — || 618.

Матрена Даниловна — шутиха Екатерины II — 74, || 586.

Мауренбрехер Вильгельм (1838—1892) — немецкий историк, профессор — 455.

Ментце. См. Мен-цзы.

Мен-цзы (Менцпе) (372—289 до н. э.) — китайский философ и моралист — 290.

Меншиков Александр Данилович (1673? — 1729) — фаворит Петра I и Екатерины I — 451.

Меньшиков Михаил Осипович (1859—1919) — публицист — 609.

Меттерних кн. Клеменс (1773—1859) — австрийский политический деятель, глава европейской реакции — 254, 383, || 677.

Мечников Илья Ильич (1845—1916) — зоолог и патолог, один из основателей научной эмбриологии, профессор — 530.

Микромегас. См. Вольтер, «*Mikromégas*» —

Мими — левретка Екатерины II — 74.

Минг — 455.

Минкина Анастасия (ум. 1825 г.) — любовница А. А. Аракчеева — 61, 62.

Минье Клод-Этьенн (1814—1879) — французский военный деятель, генерал, изобретатель системы ружей, названной его именем — || 696.

Мирриель. См. Гюго В., «*Несчастные*».

Михаил Павлович (1798—1848) — четвертый сын Павла I — 63.

Михайлов Тимофей Михайлович (18.. — 1881) — народо-ловец, участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. — 150, 394, || 624, 625.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — критик, публицист и социолог — 543, || 602, 725.

— «Гр. Л. Толстой о ежемесячных журналах» — || 602.

Можайский Василий — священник с. Кочаки, крестивший Толстого — || 594.

Моисей (ок. 1500 л. до н. э.) — библейский пророк, считающийся основателем иудейской

религии — 29, 121, 408, 414, || 741.

Молилари Гюстав (1819—1912) — бельгийский экономист — 100, || 617.

— «*Esquisse de l'organisation politique et économique de la société future*» — || 617.

Мольтке Гельмут гр. (1800—1891) — германский фельдмаршал, консерватор, писатель по военным вопросам — 100, 102.

Монголия — || 636.

Монж Гаспар (1746—1818) — французский геометр, академик, с 1792 г. военный министр — || 696.

Монтескье Шарль-Луи (1689—1755) — французский политический писатель — || 649, 650.

Монтань Мишель (1533—1592) — французский философ — 108.

Мопассан Гюи де (1850—1893) — французский писатель — 101, 606.

— «*Sur l'eau*» [«На воде»] — 606, || 617.

Морган — 606.

Моррис Вильям (1834—1896) — английский художник и поэт — 352.

Москва — 45, 74, 130, 311, 363, || 641, 710, 724, 728.

«Московские ведомости» — газета — 156, 470, || 629, 635.

Мох Гастон, «*L'Ere sans violence. Revision de traité de Francfort*» — 115, || 617.

Муравьев Николай Валерьянович (1850—1908) — 104, 116, || 618.

Мэстр де Жозеф (Де-Местр) (1754—1821) — французский политический писатель, представитель реакционной философии — 102, 114.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 72, 116, 169, 170, 174, 254, 256, 309, 322, 354, 448, 449, 453, 455, 606, || 645.

Наполеон III Шарль-Людвик (1808—1873) — 110, 174, 322, 449, || 645.

Нарышкина Мария Антоновна, рожд. кн. Святополк-Четвертинская (1779 — 1854) — жена Д. Л. Нарышкина, любовница Александра I — 61.

Национальное собра-

ние во Франции. См. Национальный конвент.

Национальный конвент — собрание народных представителей во Франции, созванное 21 сентября 1792 г. и декретировавшее в первом же своем заседании отмену королевской власти и провозглашение республики. Про существовал до 26 октября 1795 г. — 322, 448, || 722.

Невский проспект в Петербурге — 71.

Некрасов Игнат — атаман донских казаков, один из главных участников Булавинского восстания казаков (1707—1708). После подавления восстания со своим отрядом переселился в Турцию — в Добруджу; в 1828 г. — в Малую Азию — || 682.

Нерон (37—68) — римский император, жестокий и развратный тиран — 319.

Никитин Дмитрий Васильевич (р. 1874 г.) — московский врач, знаменитый Толстого — || 608, 613.

Николаев Григорий — русский разбойник — || 558.

Николаев Сергей Дмитриевич (1861—1920) — единомышленник Толстого, переводчик на русский язык Г. Джорджа — || 646, 656, 669, 677, 692, 698, 699, 706, 721, 729.

— «В защиту проекта земельной реформы Генри Джорджа», — || 699.

— «Ученая критика Генри Джорджа» — || 699.

Николай Михайлович великий князь (1859—1918) — || 584, 585, 586.

— «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири, в образе старца Федора Козьмича» — || 586.

— «Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым 26, 31/X и 3/XI» — || 585.

Николай I Павлович (1796—1855) — 61, 68, 137, 149, 169, 182, 354, 449, 450, 453, 455, 606, 608.

Николай II (Николай Романов) (1868—1918) — 137, 168, 169, 178, 381, 448, 449, 450, 453, 463, 497, 542, 544, 609, 650, || 610, 611, 618, 620, 641, 644, 654, 677, 703.

Николинька. См. Толстой Николай Николаевич.

Ницца — курорт на юге Франции — 255, 272, || 682.

Новая Зеландия — группа островов в южной части Тихого океана к юго-востоку от Австралии — 217.

Новиков Николай Иванович (1744—1818) — прогрессивный общественный деятель в области народного просвещения, писатель, издатель нескольких журналов. В 1792—1796 гг. содержался в Шлиссельбургской крепости — 226, 543.

Новиков Михаил Петрович (р. 1871 г.) — крестьянин деревни Боровновка Крапивненского уезда Тульской губ., единомышленник Толстого — 144, 145, || 610, 616, 620.

Ново-Георгиевская крепость — Варшавской губернии и уезда на реке Висле — 278, || 684 — 685.

«Новое время» — газета — 138, || 618, 620, 688, 696, 714.

«Новый сборник писем Л. Н. Толстого». Собрал П. А. Сергеев. Под редакцией А. Е. Грузинского. Издание «Окто», — || 586, 686.

Нормандия — северо-западная часть Франции с главным городом Руаном, ранее французская провинция — 256, 270, 273.

Нью-Йорк — 211, 264, 270, 389, 486.

Область войска донского (Земля войска донского) — 29.

«Обновление» — издательство — || 616, 654, 710, 731.

«Об обязанностях человека» — сочинение Д. Мадзини. См. Мадзини Д.

Оболенская Елизавета Валерьяновна, рожд. Толстая (р. 1852 г.) — дочь сестры Толстого Марии Николаевны и Валерьяна Петровича Толстого — || 617, 620, 649, 679.

Оболенская Марья Львовна, рожд. Толстая (1871—1906) — вторая дочь Толстого — || 559, 560, 561, 562, 591, 644, 646, 656, 657, 663, 670, 671, 672, 674, 679, 705,

706, 713, 717, 718, 728, 733, 738, 739, 740.

Оболенский кн. Иван Михайлович — в 1904—1905 гг. финляндский генерал-губернатор, сменивший Н. И. Бобринкова — 150.

Оболенский Николай Леонидович (1872—1934) — муж М. Л. Толстой — || 580, 670, 671, 672, 690, 691, 728.

Общественные задачи — перевод статьи Г. Джорджа «Social problems» (1884). См. Джордж Г.

Огайо — один из штатов Северной Америки — 408.

Одесса — 311, || 682.

Окс — газета — || 731.

Оксфорд — город в средней Англии на реке Темзе и Оксфордском канале — 216.

Ольга Николаевна (1895—1918) — дочь Николая II — 450.

Ольховик Петр Васильевич (р. 1875 г.) — крестьянин Сумского уезда, Харьковской губ., в 1895 г. отказавшийся от военной службы. Был сослан на 15 лет в Якутскую область. Освобожден по амнистии 1905 г. — 128, 134, 429, || 617.

— «Письма Петра Васильевича Ольховика, крестьянина Харьковской губернии, отказавшегося от военной службы в 1895 г.» (цит.), || 617.

Ольховский В. См. Бонч-Бруевич В. Д.

Омск — 280.

Оранжевая — с 1902 г. британская колония в южной Африке; ранее республика, основанная в 1842 г. бурами — || 636.

Ориген (185—255) — богослов и философ, ученик Климента Александрийского — 132, || 615.

Орлеаны — название нескольких ветвей французского королевского дома по имени города Орлеана, отдававшегося в герцогство боковым ветвям королевских домов Валуа и Бурбон — 182, 449, || 655.

Орлов Василий Иванович (1846—1885) — земский статистик, писатель по вопросам сельского хозяйства и землевладения — 302, || 699.

— «Формы крестьянского земле-

владения в Московской губернии» — 302 (цит.), || 699.

Орлов-Чесменский гр. Алексей Григорьевич (1737—1808) — генерал-аншеф, с 1774 г. в отставке; жил в Москве, занимаясь коневодством — 73, 74.

Осинский Валерьян Андреевич (1753—1879) — революционер-террорист, земледелец. Повешен 14 мая 1879 г. — 151.

Осипова дом — в Москве — || 679.

Остзейский край — или Прибалтийский край, обнимавший в дореволюционной России губернии: Эстляндскую, Курляндскую и Лифляндскую — 255, 270, 548.

Отечественная война. См. 1812 г.

Отрепьев Григорий. См. Лжедмитрий I.

«Очаков» — крейсер Черноморского флота, восставший 13 ноября 1905 г., против правительства. Во главе восстания был лейтенант П. П. Шмидт. Потоплен при канонаде правительственными войсками — || 682.

Павел — 524.

Павел апостол (ум. 65 г.) — виднейший идеолог церковного христианства. Ему приписывается четырнадцать «Посланий» — 121, 293, || 696.

— «Послание к эфесянам» — 129 (цит.).

Павел I (1754—1801) — 61, 68, 69, 169, 182, 450, 463, || 585, 586, 645.

Паллада — крейсер — || 621.

Париж — 211, 485, || 619, 634.

Парижская коммуна — провозглашенная 18 марта 1871 г. и просуществовавшая по 28 мая 1871 г. — 495.

Паркер Теодор (1810—1860) — американский религиозный писатель, проповедник унитарной общины — || 733.

Парнелль Чарльз-Стюарт (1846—1891) — ирландский политический деятель; с 1875 г. член палаты общин; вождь ирландских националистов — 216.

Паррот Георг Фридрих (1767—1852) — физик, профессор и ректор Дерптского университета, академик; был в дружеских отношениях с Александром I — 61.

П а с к а л ь Блез (1623—1662)— французский математик, физик и философ — 108, 110, 606, || 614, 639, 683.

— «Pensées», Paris. 1850 — || 617, 683.

— «Мысли о религии». Перевод с французского С. Долгова. — || 683.

Пе ки н — главный город бывшей Китайской империи в северной части Китая в провинция Чжили, резиденция императора — 408, || 696.

Пе н за — 40, || 580.

1-е марта 1881 г. — день убийства Александра II по приговору исполнительного комитета партии «Народной воли» — 394

Пе ров ская Софья Львовна (1854—1881) — народоволка. участница покушения на Александра II 1 марта 1881 г. — 151.

Пе р с и я — 292, 294, 296, 320, 512, || 733.

Пе тер б у р г — 29, 30, 31, 65, 66, 82, 130, 136, 149, 161, 162, 270, 393, || 572, 592, 620, 654, 685, 711, 712.

«Пе тер б у р г с к и е в е д о м о с т и». См. «С. Петербургские ведомости».

Пе тер б у р г с к о е з л о д е я н и е. См. 9 января.

Пе тр I (1672—1725) — 169, 178, 319, 346, 450, 453, 454, || 652.

Пе тр III Федорович (Петр Ульрих) (1728—1762) — 23 июня 1862 г. низложен с русского престола его женой Екатериной II, по приказу которой и был убит 7 июля того же года — 169, 178, 463, || 654.

Пе тр о в а Авдотья — кормилица Александра I — 66, 67.

Пе тр о н и й (по прозвищу Arbiter) (ум. 66 г.) — римский писатель, автор романа «Satiricon» — 447.

«Пе тр о п а в л о в с к» — русский броненосец, наткнувшийся на мину и потонувший 31 марта 1904 г. — || 620.

Пе ч к о в с к о й А. П. и Бу л а н ж е П. А. т и п о г р а ф и я — в Москве — || 677, 681.

Пи ро г о в о, Крапивенского уезда Тульской губернии, имение С. Н. Толстого — || 607, 639, 719.

«Пи с ь м о А. Д ю м а, о б р а щ е н н о е к З о л я» — очевидная ошибка Толстого. Нужно иметь в виду письмо А. Дюма к редактору «Gaulois», в котором автор письма лишь упоминает о Золя. См. Дюма А.

П л а т о н (427—347 до н. э.) — 529.

П л е в е Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел, реакционер, вдохновитель еврейских погромов. Убит 15 июля Е. С. Сазоновым — 150, 606.

П л и н и й Старший (Гай-Плиний-Секунд) (23—79) — римский писатель и ученый — 447.

П о з н а н ь — главный город одноименной прусской провинции; ныне входит в состав Польши — 270.

П о л т а в а — 280.

П о л т а в с к а я г у б е р н и я — 279, 280.

«П о л т а в щ и н а» — газета — 280, || 684.

П о л ь с к о - р у с с к а я в о й н а — восстание поляков в 1830—1831 гг. — 136.

П о л ь ш а — 136, 255, 352, 450, 456, 463, 506, 507, 510, 511, 522, 548.

П о п о в Евгений Иванович (р. 1864 г.) — литератор, переводчик и педагог, единомышленник Толстого — || 608.

— «Ж и з н ь и с м е р т ь Е в д о к и м а Н и к и т и ч а Д р о ж ж и н а. 1 8 6 6 — 1 8 9 4». С предисловием Л. Н. Толстого — 129, || 618.

П о р т - А р т у р — 130, 136, 148, 290, 430, || 612, 696.

П о р т с м у т с к и й м и р — мирный договор между Россией и Японией, заключенный 23 августа 1905 г. в Портсмуте (Северная Америка, штат Нью-Гемпшир) — || 682.

П о р т у г а л и я — 217, 271.

«П о с р е д н и к» — издательство — || 376, 384, 386, 389, 539, 602, 654, 662, 664, 669, 679, 681, 687, 689, 692, 721, 731, 741.

«П о т е м к и н». См. «Светлейший князь Потемкин».

П о т е м к и н кн. Григорий Александрович (1739—1791) — государственный деятель, генерал-

фельдмаршал, фаворит Екатерины II — 70, 74.

Прейс Гуго (1860—1925) — немецкий государствовед, представитель, так называемой, органической школы в праве — 455.

Приморская область — восточное побережье Сибири от Северного Ледовитого океана до Кореи — 255, || 682.

«Прогресс и бедность» — перевод статьи Г. Джорджа «Progress and Poverty» (1879). См. Джордж Г.

Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский мыслитель и экономист, один из основателей теоретического анархизма — 347.

Пруссия — 170, 255, 270.

Псалтирь — библейская книга Ветхого завета — 37.

Псков — 280.

Пугачев Емельян Иванович (1726—1775) — вождь крестьянского революционного движения 1773 г., казненный правительством Екатерины II — 182, 346.

Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — 228, 543.

Разиц Степан Тимофеевич (Стенька Разин) — вождь крестьянско-казацкого восстания на юге и востоке России во второй половине XVII в., казненный в 1671 г. — 346.

«Равмышления римского императора Марка Аврелия о том, что важно для самого себя», — || 617.

Революция 1848 г. во Франции. См. Февральская революция во Франции.

Реклю Элизе (1830—1905) — французский географ и теоретик анархизма — 347.

Рёскин Джон (1819—1900) — английский историк искусства, моралист и общественный деятель — 331, || 720.

«Ретвизав» — броненосец Тихоокеанской эскадры, получивший пробойну в результате минной атаки японцев 27 января 1904 г. и выведенный из строя — 140, || 620.

«Речи и статьи» — Г. Джорджа. См. Джордж Г.

Рига — 311.

Рим — 116, 320, 512, 520, || 715.

Римская империя — 256, 320.

Рише Шарль (р. 1850 г.) — французский физиолог и писатель, редактор журнала «Revue Scientifique» — 110, || 614.

— «Les guerres et la paix» — || 617.

Робеспьер Максимилиан Мари-Исидор (1758—1794) — деятель буржуазной французской революции, вождь партии монтаньяров и президент комитета безопасности. Широко пользовался диктаторской властью, применял террор, за который, по постановлению конвента, был гильотинирован 28 июня 1794 г. — 170.

Робинзон Крузо — герой одноименной повести (1719) Д. Дефо. См. Дефо Д.

Род Эдуард (род. в 1857 г.) — французский писатель — 113.

— «Les sens de la vie» — 617.

Родс Сесиль (1853—1902) — английский политический деятель, сторонник Великобританского империализма — 182.

Рокфеллер Джон (род. в 1839 г.) — американский миллиардер, глава крупнейшего в мире нефтяного промышленного синдиката — 198, 270, 374.

Романов Николай. См. Николай II.

Россия — 106, 110, 112, 114, 129, 134, 136, 138, 143, 144, 146, 156, 157, 162, 163, 166, 169, 170, 171, 184, 197, 205, 206, 207, 209, 212, 214, 219, 220, 224, 226, 232, 233, 234, 236, 238, 239, 240, 247, 249, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 269, 270, 271, 272, 273, 276, 277, 278, 284, 287, 289, 291, 292, 294, 296, 302, 303, 305, 308, 309, 310, 316, 329, 336, 343, 344, 355, 360, 362, 364, 367, 379, 384, 401, 405, 417, 429, 433, 437, 448, 449, 450, 451, 456, 462, 463, 464, 469, 472, 473, 474, 475, 476, 478, 479, 483, 484, 486, 493, 495, 498, 500, 503, 505, 506, 507, 511, 512, 514, 519, 521, 522, 523, 534, 536, 547, 548, 593, 631, 695, 727, || 603, 616, 618, 629, 631, 633, 636, 641, 653, 654, 661, 667, 668, 669, 677, 678, 680, 681, 682, 696, 703, 710, 713, 731, 735.

Ротшильд — род известных банкиров, основателем конторы

которых являлся Мейер-Ансельм Ротшильд (1743—1812) — 198.

Рувельт Теодор (1858—1919) — американский политический деятель, в 1901—1908 гг. президент Соединенных штатов Америки; в 1905 г. был посредником при заключении Портсмутского мира между Россией и Японией — 178, 449, 450, 453.

Русанов Гавриил Андреевич (1844—1907) — друг и единомышленник Толстого — || 667, 716.

«Русская мысль» — журнал — || 656, 662, 663, 664, 710.

Русская революция 1905 г. — 540.

Русские ведомости газета — 114, || 620.

«Русские пропилеи». Том 2. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. — || 585.

«Русское богатство» — журнал — || 588, 589.

«Русское слово» — газета — || 741.

Русско-японская война 1904—1905 гг. — 256, 405, 481, 500, || 645.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель — 264, 317, 331, 398, || 682, 733.

— «О причинах неравенства» — || 682—683.

«Русь» — газета — 139, || 620, 731.

Рысаков Николай Иванович (1862—1881) — народоволец, активный участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. — 150, 394, || 624, 625.

Саведж Д., «The passing and the permanent in religion», — 121, || 617.

Савонов Егор Сергеевич (1879—1910) — социалист-революционер, убивший вместе с Синорским министра внутренних дел Плеве. Покончил самоубийством на каторге в Горном Зеренге — 150.

Салтыков в кн. Николай Иванович (1736—1816) — генерал-фельдмаршал, с 1812 г. председатель Государственного совета и комитета министров; воспитатель императора Александра I и его брата Константина Павловича — 71, 72, 73, 74, || 588.

Самарская губерния — || 682.

Самсон — легендарный герой еврейской мифологии, отличающийся необычайной физической силой. История его изложена в 13—16 гл. «Книги Судей» (Библия) — 171.

Саратовская губерния — 334.

Сахалин — остров близ восточных берегов Сибири; омывается Охотским морем, Татарским и Лаперузовым проливами — 255, 613, || 682.

«Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. IV, в. I, М. 1879 — || 699.

Сведенборг Эммануил (1688—1772) — скандинавский ученый, основатель мистического учения, известного под именем сведенборгионизма — || 655.

«Светлейший князь Потемкин» — броненосец Черноморской эскадры, поднявший 14—25 июня 1905 г. восстание, окончившееся неудачей. «Потемкин» ушел в Румынию, откуда позднее был возвращен в Россию. Из состава команды, оставшейся в Румынии, несколько лиц с вожаком восстания матросом Матюшенко в 1907 г. вернулись в Россию и были казнены — || 682.

Светлогуб Анатолий. См. Толстой Л. Н., «Божеское и человеческое».

Свифт Джонатан (1667—1745) — английский писатель-сатирик — 104, 108, 606.

— «Voyages de Gulliver» — || 617.

«Свободная мысль» — русский журнал, выходивший в Швейцарии в 1899—1901 гг. под ред. П. И. Бирюкова — || 619, 682.

«Свободное слово» — газета, издававшаяся В. Г. Чертковым в Англии — || 601, 661, 664.

«Свободное слово» — издательство В. Г. Черткова в Англии — 372, 376, || 600, 619, 635, 652, 654, 656, 663, 677, 713, 721.

Севастополь — 311, || 682.

Северо-Американские Соединенные Штаты — 97, 170, 180, 217, 256, 270, 272, 300, 301, 325, 326, 327, 328, 375, 384, 476, 512, || 602, 603, 636, 720.

Семеновский лейб-гвардейский полк — сформирован в 1687 г. из потешных

войск Петра I (с 1700 г. — лейб-гвардейский). В декабре 1905 г. участвовал в подавлении революции в Москве и совершил ряд карательных экспедиций: на ст. Голутвино, Перово и др. — 62.

Сенат. См. Правительствующий сенат. —

Сенека Луций Анней (4—65 до н. э.) — римский философ-стоик — 447.

Сербия — 429, || 619.

Сергеевко Алексей Петрович (р. 1886 г.) — близкий знакомый Толстого — || 740.

Сергеевко П. А., «Толстой и Брайан». См. Сергеевко П. А., «Толстой и его современники». — «Толстой и его современники», изд. В. И. Саблина. («Толстой и Брайан») — || 603.

Середа Кирилл — 128.

Серпухов — уездный город Московской губернии — 420.

Сиам — 408.

Сибирская тайга — 65.

Сибирь — 59, 65, 476, || 585, 586.

Сикорский А. И., «Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тирасполя)». — || 722.

Сиксне Карл (1884—1908) — крестьянин Псковской губ., латыш, в 1905 г. отказавшийся от военной службы; умер в Томской тюрьме от чахотки — 280, || 684, 685.

Силоамская башня — на берегу источника Силоама (в Иерусалиме). По свидетельству евангелиста Луки (Ев. XIII, 4) башня разрушившись погубила восемнадцать человек — || 666, 667.

Силоамская купель — купальня у Силоамского источника, на юго-восточной стороне Иерусалима, при подходе Сиона и Мории — || 667.

Сибирск — || 580.

Сибирская губерния — 30, || 580.

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — с 1899 г. министр внутренних дел; реакционер; убит 2 апреля 1902 г. С. В. Балашевым — 150.

«Словос» — петербургская газета — 278, || 684, 685, 686.

Сойен Шакю — буддийский ученый — 142.

Сократ (469—399 до н. э.) — 121.

Сокур Прокофий Никифорович (р. 1884 г.) — крестьянин Подтавской губ., в 1905 г. под влиянием чтения произведений Толстого отказавшийся от военной службы — 280 || 686.

Сольсбери маркиз Роберт Сесиль (1830—1903) — английский политический деятель, вождь консервативной партии в палате лордов — 182.

«Социальная статика» («Статика») — сочинение (1850) Г. Спенсера. См. Спенсер Г.

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский социолог и философ — 216, 317, 471.

— «Социальная статика» — 216.

— «Principles of Sociology» — 317.

«С. Петербургские ведомости» — газета — 139, || 620.

Спиноза Барух (1632—1677) — 108.

«Сравнительный очерк государственного «права иностранных держав» — сочинение Н. М. Коркунова. См. Коркунов Н. М.

Сражение под Дрезденом. См. Дрезден.

Средняя Азия — 506.

Срезневский Всеволод Измайлович — || 594.

Сталь Анна-Луиза-Жермена (Staël-Holstein) (1766—1817) — французская писательница — 61.

Станиславский А. В. — || 579.

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — художественный и музыкальный критик — || 715.

«Статива» Г. Спенсера. См. «Социальная статика»

Стенька Разин. См. Разин С.

«С того берега» — книга (1850—1851) А. И. Герцена. См. Герцен А. И.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822—1899) — генерал, писатель — 539.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — государственный деятель, с 1906 г. министр внутренних дел и председатель совета министров; крайний ре-

акционер — 539, 540, 542, 544, || 724.

Струменский (ум. 1825 г.) — унтер-офицер 3 роты Семеновского полка, прогнанный сквозь строй и умерший вскоре после экзекуции — 62, 63, 64, 65.

Стурдза Александр (1791—1854) — из румынских бояр, русский дипломат: по поручению Александра I написал для Аахенского конгресса «Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne» (1818) — || 585.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — драматург, журналист и издатель (газ. «Новое время», жур. «Исторический вестник» и др.) — 609, || 610, 611.

Суздальская тюрьма. См. Суздальский монастырь.

Суздальский монастырь — монастырь (Суздальская тюрьма) — Спасо-Евфимовский монастырь в г. Суздале, основанный в 1352 г.: служил местом заключения обвиненных в преступлении против православной веры — 49, 52.

Сухотина Татьяна Львовна, рожд. Толстая (р. 1854 г.) — старшая дочь Толстого — || 640, 717.

Сухотин Михаил Сергеевич (1850—1914) — муж Т. Л. Толстой, тульский помещик — 675, 685, 686.

«Сын отечества» — газета — || 699.

Сютаев Василий Кириллович (1820—1892) — крестьянин дер. Шевелино, Новоторжского уезда, Тверской губ., самобытный народный религиозный мыслитель: был знаком с Толстым — 482, || 683.

Таганрог — город и порт на Азовском море — 59, 60.

Талейран-Перигорнн. Шарль-Морис (1754—1838) — французский дипломат — 254, 309, 383. || 677.

Татьяна Николаевна (1897—1918) — дочь Николая II — 450.

Ташкент — 522.

Тервей Ян (р. 1881 г.) — 134, 429, || 619, 620.

Терновские хутора — в Херсонской губернии — || 722.

Тибет — вассальное Китаю

государство в Центральной Азии. В 1903—1904 гг. в Тибет была послана британская военная экспедиция, добившаяся выгодного для англичан соглашения — 162, 171, 481, 531, || 636.

Тиллье Клод (1801—1844) — французский литератор — 107.

— «Mon oncle Benjamin» — || 617.

Тирасполь — город Херсонской губернии — || 722.

Тихий Океан — || 655.

Тойнби Арнольд (1852 — 1883) — английский экономист и деятель в области народного просвещения — 216.

Токвиль Алексис. См. Tocqueville —

Толстая гр. Александра Андреевна (1817—1904) — придворная дама, двоюродная тетка Толстого — || 584.

Толстая Александра Львовна (р. 1884 г.) — младшая дочь Толстого — || 559, 560, 561, 562, 600, 605, 608, 609, 637, 640, 642, 646, 651, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 669, 689, 691, 698, 718, 724, 727, 734, 737, 738.

Толстая Ольга Константиновна, рожд. Дитерихс (р. 1872 г.) — первая жена А. Л. Толстого (Оля) — || 707, 712.

Толстая Софья Андреевна, рожд. Берс (1844—1919) — жена Толстого — || 582, 664, 682.

— «Дневники Софьи Андреевны Толстой 1860—1891» — || 582, 682.

«Толстовский музей. Том I. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857—1903». (ТII) — || 584.

«Толстой о Толстом» 4, М. 1928 — || 687.

Толстой Лев Львович (р. 1869 г.) — третий сын Толстого — || 559.

Толстой Лев Николаевич: — «Божеское и человеческое» (Светлогуб Анатолий) — || 585, 638, 668, 700.

— «Великий грех. О земельной собственности», изд. «Свободного слова», под ред. В. Черткова, № 98. А. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1905 — || 662.

— «Воскресение» — || 559.

— «Воспоминания детства» — || 741.

— «В чем моя вера?» — || 602.

— «Гаррисон и непротавление насиллем» — || 601.

— «Детский круг чтения» — || 560.

— Дневники и записные книжки — || 557, 558, 559, 577, 582, 584, 585, 590, 594, 599, 604, 605, 607, 610, 612, 613, 623, 626, 629, 637, 638, 639, 640, 656, 666, 667, 668, 684, 687, 693, 698, 700, 710, 712, 715, 716, 723, 724, 734, 737, 738, 739, 740.

— «Дневник Льва Николаевича Толстого. 1895—1899», под редакцией В. Г. Черткова. М. 1916 — 557.

— I. Единственное возможное решение земельного вопроса. II. Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа «Общественные задачи», изд. «Посредник», М. 1907 — || 692.

— «Единственное средство» — || 637.

— «Епископ Мирнель. По Виктору Гюго». См. Толстой Л. Н., «Круг чтения».

— «Записки сумасшедшего» — || 557.

— «Записки христианина» — || 577.

— «Зеленая палочка», || 741.

— «История улья слубочной крышккой» — || 557.

— «Исхитрилась». См. «Плоды просвещения».

— «Камень главы угла» — || 604, 637, 638, 639, 640.

— «Конец века» — 495. || 585, 654.

— «К рабочему народу» («О разрешении земельного вопроса по проекту Генри Джорджа») — || 665.

— «Крейцера соната» — || 557.

— «Круг чтения» («Епископ Мирнель») — || 585, 602, 639, 642, 648, 683, 720, 722.

— «Круг чтения» 1906 — || 722.

— «Купон». См. «Фальшивый купон».

— «Миташа» — || 557, 558.
— «Мысли мудрых людей на каждый день», М. 1903 — || 618, 731.

— «О войне». См. «Одумайтесь».

— «Одумайтесь! Статья по поводу русско-японской войны», — || 616.

— «О значении русской революции» — 298, || || 595.

— «О разрешении земельного вопроса по проекту Генри Джорджа». См. «К рабочему народу».

— «О Шекспире и о драме» («Предисловие к Шекспиру») — || 637, 664.

— «Патриотизм и правительство» — 182, || 646.

Письма Толстого: Беляеву Ю. Д. — || 687.

Бирюкову П. И. — || 668, 716.

Гольцеву В. А. — || 663.

Горбунову-Посадову И. И. — || 669, 679, 729.

Кони А. Ф. — || 585.

Оболенской М. Л. — || 585, 640, 668.

Редакции газеты «Слово» — || 685.

Русанову Г. А. — || 667, 716.

Стасову В. В. — || 715.

Сухоиной Т. Л. — || 640.

Толстой гр. А. А. — || 584.

Толстой А. А. — || 640.

Толстой О. К. — || 711.

Толстому Л. Л. — || 559.

Трегубову И. М. — || 684, 685, 686.

Черткову В. Г. — || 599, 604, 608, 611, 612, 614, 620, 622, 625, 626, 631, 632, 633, 634, 642, 656, 667, 668, 675, 681, 710, 716, 723, 730, 738.

«North American Newspaper» — 156 (цит.)

Письма к Толстому: Гаррисона В. Ф. — || 602.

Ивуса Е. С. — 147—148 (цит.).

Неизвестного — 164—165 (цит.).

Новикова М. П. — 144 (цит.), 145 (цит.), || 610, 616, 621.

Оболенской кн. Е. В. — 617.

Толстой гр. А. А. — || 584.

Черткова В. Г. — || 599, 611, 612, 614, 622, 625, 634, 641, 668, 712.

«North American Newspaper» — 156.

— «1. Письмо к китайцу (октябрь 1906 г.). II. Китайская муд-

рость. Мысли китайских мыслителей, собранные Л. Н. Толстым», изд. «Посредины», № 685, М. 1907— || 696.

— «Плоды просвещения» («Искрилась», «Спириты») — 557.

— «Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого». Тт. I—XX. Под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова. Издание Т-ва И. Д. Сытина, М. 1912—1913 — || 741.

— «Полное собрание художественных произведений». Редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Примечания В. Срезневского. Государственное издательство. М.—Л. 1930 — || 581, 589, 593, 594.

— «Посмертные художественные произведения». Под редакцией В. Г. Черткова. Авторизованное издание. Тт. I—III. Издание «Свободного слова» В. и А. Чертковых. Berlin, J. Ladyschnikow Verlag S. m. b. H. 1912 — || 579, 588, 592.

— «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого», под редакцией В. Г. Черткова. Изд. А. Л. Толстой, тт. I—III, М. 1911—1912 — || 579, 583, 588, 592, 593, 598.

— «Предисловие к Шекспиру». См. «О Шекспире и о драме».

— «Рабство нашего времени» — 182, 187, || 646.

— «Сказка о трех загадках» — || 557.

— «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть девятнадцатая. Статьи». Издание двенадцатое. Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерова и К^о. М. 1911 — || 601, 635, 696, 714, 731.

— «Сочинения Графа Л. Н. Толстого». Часть шестнадцатая. Издание двенадцатое. Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерова и К^о, М. 1911 — || 664.

— «Спириты». См. Толстой, «Плоды просвещения» —

— «Три неправды» — 585, 700.

— «Так что же вам делать?» — || 655.

— «И. Хаджи Мурат. II. Посмертные записки старца Федора Кузмича. Полное без пропусков издание». М. 1918 — || 589.

— «Царство божие внутри вас» — 182, 189, || 602, 646.

— «Что такое религия и в чем сущность ее?» — || 617, 644.

Толстой гр. Николай Николаевич (Николинька) (1823—1860) — старший брат Толстого — || 740, 741.

Толстой гр. Сергей Николаевич (1826—1904) — второй из братьев Толстых — || 590, 639.

Томск — 59.

Трансвааль — британская колония (с 1902 г.) в Южной Африке; ранее независимая республика — 456, || 636.

Трегубов Иван Михайлович (1856—1931) — деятель по сектантскому вопросу, близкий знакомый Толстого — || 278, 684, 685.

— «Воззвание в защиту современных христианских мучеников» — 278, || 684, 686.

— «Назарены. Религиозное движение в Венгрии, Сербии и Болгарии (к истории отказов от военной службы)» — || 619.

Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) — генерал, с 1896 г. московский обер-полицеймейстер; после 9 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел и командующий отдельным корпусом жандармов; один из главных руководителей беспощадной борьбы с революционным движением — 497.

Трубецкой переулочек — в Москве — || 679.

Тула — 146, 207, || 663, 665.

Тульская губерния — 270, 334.

Тулчин — Подольской губернии, центр деятельности «Южного общества» декабристов — 149, 393.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — || 648, 716.

— «Живые мощи» — || 648.

Турция — 170, 197, 262, 292, 294, 296, 320, 388, 448, 449, 512, 537, || 682.

Тэн Ипполит (1828—1893) — французский историк, философ и критик — || 646.

Учение двенадцати апостолов — древнейший памятник христианской письменности, относимый исследователями к 96—112 гг. и составленный в Сирии или Египте христианином из евреев. Был найден около 1875 г.

ниномидийским митрополитом Филофеем Вриенним в библиотеке Иерусалимского монастыря в Константинополе. Толстой свободно и сокращенно перевел его с греческого языка (1885) — 133.

Февральская революция во Франции — в 1848—1852 гг. («вторая республика») — 495.

Федор — 524.

Фельтен Николай Евгеньевич (р. 1834 г.) — в 1905—1906 гг. один из участников издательства «Обновление», неоднократно привлекавшийся за издание и распространение нелегальной Толстовской литературы — || 710, 711, 714.

— «Толстой о революции» — || 711.

Ферганская область — в Туркестане, на границе с Кашгарией и Памиром; образована из бывшего Кокандского ханства, присоединенного к России в 1876 г. — 255.

Фет Афанасий Афанасьевич (Шеншин) (1820—1892) — || 716.

— «Две липки» — || 716.

Филадельфия — город в Северной Америке в штате Пенсильвания, на реке Делавэр — || 602.

Филипп — 174, 321.

Филиппинская война — восстание на Филиппинских островах в 1895—1898 гг., приведшее к войне Испании с Северной Америкой. См. Испанская война.

Филиппинские острова (Филиппины) — группа островов Индийского Архипелага — 162, 270, 405, || 636.

Филиппины. См. Филиппинские острова.

Финляндия — 80, 352, 500, 506, 507, 510, 511, 522, 548.

Фламарион Камилл (1842—1925) — астроном-популяризатор и романист — 111, || 614.

— «Les terres du ciel» — || 617.

Фландрия — раньше Нидерландское графство; обнимало часть нынешней Бельгии, Франции и Голландии — 256.

Флюгель Морис, «The Zend-Avesta & castery religions. Comparative Legislations, doctrines & rites

of parsisme, brahmanisme & buddhisme bearing upon Bible, Talmud, Gospel, Koran, their Messiah-Ideals & social problems». Baltimore. 1888 — 121, || 617.

Фотий — (1792—1838) — архимандрит, настоятель Юрьевского монастыря, обличитель масонства — 61.

Франклин Вениамин (1706—1790) — американский ученый, писатель и политический деятель, один из основателей независимости Соединенных штатов Америки — || 602.

Франко-прусская война 1870—1871 гг. — 523.

Франс Анатолий (1845—1925), — 104, 352.

— «L'orme du Mail» — || 617.

Франция — 110, 134, 156, 159, 163, 170, 171, 197, 217, 239, 255, 256, 257, 269, 272, 273, 321, 322, 325, 327, 329, 373, 375, 384, 401, 406, 429, 448, 456, 466, 474, 476, 635, 499, 503, 511, 512, 521, 523, 484, 636, 667, 682, 704.

Французская революция 1793 г. См. Великая Французская революция.

Фридрих — имя многих римско-германских императоров, датских и прусских королей — 178.

Фридрих II Великий (1712—1786) — король прусский. Был крестным отцом Александра I — 118, || 617.

Халтурин Степан Николаевич (1856—1882) — революционер, организатор «Северного союза русских рабочих» в 1878 г. После разгрома «Союза» принимал участие в «Народной воле». 5 февраля 1880 г. организовал взрыв в Зимнем дворце в Петербурге. В 1882 г. казнен за покушение на военного прокурора Стрельникова в Одессе — 150, 394, || 624, 625.

Харбин — 486.

Харьков — 129, || 669.

Харьковская губерния — 334.

Харьково-Николаевская железная дорога, соединяющая Харьков с Николаевым, Elizavetgradом и др. Построена в 1869—1872 гг. — 278, || 685.

Хельчицкий Петр (1390—1460) — чешский религиозный писатель — || 693.

Хлопицкий Григорий-Иосиф (1771—1854) — польский генерал, командовавший восставшими польскими войсками в 1830—1831 гг. — 136, || 620.

Хола Флоренса — литературный сотрудник В. Г. Черткова, автор биографического очерка о В. Л. Гаррисоне, написанного совместно с В. Г. Чертковым — || 95, 599.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель, один из наиболее видных вождей славянофильства — || 715, 722.

Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841—1919) — сын славянофила А. С. Хомякова, писатель (псевд. Д. Х.) — 509, 512, || 715, 722.

— «Самодержавие, опыт систематического построения этого понятия» — 509, || 715.

Христос. См. Иисус Христос.

Хромов — томский купец — 59.

Царское село — 66, 70.

Цельз (Цельзий) (II в.) — римский философ-электик — 132.

Цельзий. См. Цельз.

Цицерон Марк-Туллий (106—43 до н. э.) — 447.

Чаннинг Вильям-Эллери (1780—1842) — пастор в Бостоне, проповедник на нравственные и общественные темы — 107, 231, 315, 331, 358, 398, || 720, 722, 733.

— «Discourse of War» — || 617.

Чарторижский. См. Чарторыйский А. П.

Чарторыйский Адам-Георг (Чарторижский) (1770—1861) — польский политический деятель, близкий друг и советник Александра I. В 1830—1831 гг. глава временного правительства Польши — 66, || 585.

— «Mémoires du prince A. Czartoryski» Париж. 1865 (в второе изд. Париж 1887) — || 585

Чемберлен Джозеф (1836—19...) — английский политический деятель, представитель империалистической политики. В 1895—1903

гг. министр колоний. В 1899 г. вызвал войну с Трансваалем — 178, 180, 182, 449, 453.

Черное море — 249.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 543, || 725.

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — писатель, друг, единомышленник и издатель сочинений Толстого — || 95, 149, 557, 560, 562, 599, 601, 607, 608, 612, 613, 614, 615, 616, 620, 622, 623, 625, 629, 634, 641, 650, 651, 656, 660, 664, 668, 676, 677, 680, 681, 682, 695, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 717, 719, 720, 727, 728, 729, 730, 731.

— «О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? (Обращение к верующим в бога русским людям)» — 149, 393, || 622, 628, 637, 638, 639.

— «Наша революция. Насильственное восстание или христианское освобождение? С послесловием Л. Н. Толстого.» — || 628.

Чингис-Хан (1155—1227) — монгольский завоеватель — 198, 294, 520, || 696.

Шань-дун — китайская провинция на побережье Желтого моря и Чжэлийского залива — || 696.

Шатриан Александр. См. Эркман-Шатриан.

Шауман Евгений (ум. 1904 г.) — финн, убивший финляндского генерал-губернатора Бобрикова. Покончил самоубийством — 150.

Швейцария — 271, 322, 503.

Швеция — 271.

Шекспир Вильям (1564—1616) — || 599, 637, 642.

Шервуд. См. Шервуд-Верный И. В.

Шервуд-Верный Иван Васильевич (1798—1867) — первый доноситель по делу декабристов и сотрудник гр. И. И. Дибича в раскрытии их заговора. В 1825 г. — унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка. Прибавка к его фамилии «Верный» была дана ему 1 июня 1826 г. в ознаменование его «подвига» — 63.

Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — историк, — 59 || 585.

— «Император Александр I, его жизнь и царствование» (4 тт. — || 585, 668.

Шмидт Мария Александровна (1843—1914) — близкий друг и единомышленница Толстого — || 613, 649, 658, 659, 660, 739, 740.

Шмидт Петр Петрович (1867—1906) — лейтенант, один из руководителей восстания на крейсере «Очаков» 13 ноября 1905 г. Расстрелян 6 марта 1906 г. — || 682.

Шотландия — 217.

Штейн Лоренц фон (1815—1890) — немецкий юрист, государствовед и экономист, профессор — 455.

Штирнер Макс (1806—1856) — псевдоним немецкого писателя Иоганна-Каспара Шмидта, одного из теоретиков идейного анархизма — 347.

Эльзас — область между Рейном и восточным склоном Вогезских гор — 255, || 682.

Эмерсон Ральф (1803—1882) — американский писатель, философ и поэт — 331.

Энгельс Фридрих (1820—1895) — 471.

Эпиктет (конец I в. — начало II в.) — греческий философ-стоик — 133, 393, || 618.

Эркман-Шатриан — общее имя двух французских романистов, писавших совместно. Эмиль Эркман (1822—1899) и Александр Шатриан (1826—1890) — 108.

— «Histoire d'un conscrit de 1813» — || 617.

Юнампо — город в Манчжурии — 130, 144.

Юпитер — в римской мифологии — верховный бог, охранитель римского государства; отождествляется с греческим Зевсом — 447.

Яков. См. Иаков.

Якутская область — 128, 144, 146, 280.

Ялу — река, служившая границей между Китаем и Кореей; впадает в Корейский залив Желтого моря — 140, || 620.

Япония — 141, 168, 171, 234, 237, 255, 291, 292, 448, 476, 486,

514, 537, || 608, 610, 612, 618, 636, 682, 694, 696.

Ясная поляна — 155, 281, 371, 408, || 561, 582, 584, 628, 651, 673, 685, 691, 711, 718, 720, 721.

Яснополянская библиотека — || 617, 620.

«Aussprüche» — сборник мыслей Канта под ред. Paul Kischer — || 617.

«A short biography of William Lloyd Garrison» by W. Tchertkoff and F. Hollah with an introductory appreciation of his Life and Work by Leo Tolstoy. Christchurch, Hants, 1904 — || 602.

Вакх (Вакх) — в греческой и римской мифологии — бог плодородия и вина — 70.

«Buddhist Views of War». The Right Rev. Soyen Shaky — 142.

«Choses et Autres» [«О том и о другом»] — статья (1904) Н. Harduin. См. Harduin.

«Courrier Européen» — французская газета — || 696.

Crosby E. «Plain Talk in Psalm and Parable». London, 1889 — || 618.

«De la guerre et des armées permanentes». [«Война и постоянные армии»] (цит.) — сочинение Ларрока Патриса. См. Ларрок Патрис.

«Discourse of War» [«Рассуждение о войне»] — сочинение В. Чаннинга. См. Чаннинг В.

«Du système social et des lois qui le régissent» [«Социальная система и законы ею управляющие»] — сочинение (1848) Л. Кетле. См. Кетле Л.

«Esquisse de l'organisation politique et économique de la société future» [«Очерки политического и экономического устройства будущего общества»] — сочинение Густава Молилари. См. Молилари Г.

«Figaro» — французская газета — || 619.

Flugel Morice. См. Флюгель.
Морио.

Garrison W. P. and F. J.
«William Lloyd Garrison». New-
York. 1885—1889 — || 602.

«Grandeur et servi-
tude militaires» [«Ра-
бство и величие военной жизни»] —
сочинение (1835) А. де-Виньи. См.
Виньи А.

Grave Jean. «Guerre-Milita-
risme». Bibliothèque documentaire.
Les temps nouveaux, Paris. 1902 —
|| 613, 617. .

Harduin H. — французский
корреспондент — 114.

— «Choses et Autres» — || 617.

«Histoire d'un cons-
crit de 1813».

[«История рекрута 1813 года»] —
сочинение Эркман-Шатриан. См.
Эркман-Шатриан.

«Indépendance Belge» — бель-
гийский журнал — || 619.

Jeu de Raumes — издание
для игры в мяч, в котором в
1789 г. собрались французские
депутаты третьего сословия для вы-
работки конституции.

— Ku-Hung-Ming. См. Ку-Хун-
Мин.

«La o-The. Tao-te-king. Chi-
nese-English. With introduction,
translation and notes by Dr. Paul
Carus. Chicago. 1898 — || 618.

«Les guerres et la paix»
[«Войны и мир»] — сочинение Ш.
Рише. См. Рише Ш.

«Les Evangiles» [«Еван-
гелия»] — сочинение Ф. Ламеннэ.
См. Ламеннэ Ф.

«L'évolution politi-
que dans les diverses
races humaines» [«Полити-
ческая эволюция рас»] — сочине-
ние) Ш. Летурно. См. Летурно Ш.

«Les pères del'église.
Origène contre Celse», tome VIII,
Paris. 1843 — || 618.

«Lesens de la vie» [«Смысл
жизни»] — роман Эд. Род. См. Род
Эд.

«Les terres du ciel» сочи-
нение К. Фламариона. См. Флам-
арион К.

«Les quatre crédits» [«Че-
тыре кредита»] — сочинение В. Кон-
сидерана. См. Консидеран В.

«Liberator» — американ-
ская газета, издававшаяся В. Л.
Гаррисоном в 1831—1865 гг. —
|| 602.

«L'orme du Mail» роман
А. Франса. См. Франс Ан.

«Matin» — французская га-
зета — || 617.

«Micro mégas» [«Микроме-
гас»] — повесть Ф. Вольтера. См.
Вольтер Фр.

«Mon oncle Benjamin»
[«Мой дядя Вениамин»] — сочине-
ние К. Тиллье. См. Тиллье. К.

«Neue Freie Presse» — не-
мецкая газета — || 695.

«Papers from a Vice-
roy's Jamie» [«Писания вице-
короля Йемей»] — книга китай-
ского писателя Ку-Хун-Мина. См.
Ку-Хун-Мин.

«Pensées» [«Мысли»] — сочи-
нение (отрывки религиозно-филосо-
фского содержания) Б. Паскаля,
изданные впервые после его смер-
ти в 1669 г. См. Паскаль Б.

«Philadelphia North
American Newspaper» —
американская газета — 156, || 629,
635.

«Principles of Sociolo-
gy» [«Основания социологии»] —
сочинение (1876—1896) Г. Спен-
сера. См. Спенсер Г.

«Questions sur l'Ency-
clopédie pour les ama-
teurs» — 108.

«Revue bleue» — француз-
ский журнал — || 714.

Rousseau J. J. «Oeuvres
complètes», Hachette, Paris, 1905 —
|| 683.

Savage D. «The passing and
the permanent in religion», New-
York & London. 1901. См. Саведж
Д.

«Sous les tilleuls»
[«Под липами»] — роман (1832)
А. Карра. См. Карр А.

Staël m-me. См. Сталь А.-Л.-
Ж.

«Sur la Servitude volontaire». Par E. de La Boétie. Bibliothèque Nationale. Paris. 1901. См. Лабэоти Э.

«The Open Court» — английский журнал — 142.

«The passing and the permanent in religion» [«Преходящее и вечное в религии»] — сочинение Д. Саведжа. См. Саведж Д.

«The Zend-Avesta & eastern religions. Comparative Legislations, doctrines & rites of parsisme, brahmanisme & bud-

dhisme bearing upon Bible, Talmud, Gospel, Koran, their Messiah-Ideals social problems» — сочинение М. Флюгеля. См. Флюгель Морис «Times» — английская газета — || 634, 652, 662.

Toqueville (Toqueville) (Алексис Токвиль) (1805—1859) — французский историк — || 667.

Toqueville. См. Токевилле.

«Voyages de Gulliver» [«Путешествие Гулливера»] — произведение (1727) Джонатана Свифта. См. Свифт Дж.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие к тридцать шестому тому	VII
Редакционные пояснения	VIII

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1904—1906 ГГ. (ПРИ ЖИЗНИ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ, НЕОТДЕЛАННЫЕ И НЕОКОНЧЕННЫЕ).

**Фальшивый купон (конец 1880—1904)	5
**Алеша Горшок (1905)	54
**Посмертные записки старца Федора Кузмича (1905)	55
**Что я видел во сне (1906)	75
**Отец Василий (1906)	86

СТАТЬИ.

Предисловие к английской биографии Гаррисона, составленной В. Г. Чертковым и Ф. Хола (1904)	95
Одумайтесь! (1904)	100
Предисловие к статье В. Г. Черткова «О революции» (1904)	149
Об общественном движении в России (1905)	156
Единое на потребу (1905)	166
Великий грех (1905)	206
*Конец века (1905)	231
*[Заметка к воззванию И. М. Трегубова (1906)]	278
Единственное возможное решение земельного вопроса (1906)	283
Письмо к китайцу (1906)	290
Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа «Общественные задачи»	300
Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу (1906)	304
О значении русской революции (1906)	315
Что же делать? (1906)	363
Печатные варианты статьи «Конец века»	372

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ.

*Первая редакция предисловия к статье В. Г. Черткова «О революции» (1904)	393
*Как и зачем жить? (1905)	397
**Три неправды (1905)	399
*Зеленая палочка (1905)	407
*Первая редакция статьи «Единственное возможное разрешение земельного вопроса»	416

	Стр.
*Варианты к повести «Фальшивый купон»	419
*Вариант к рассказу «Что я видел во сне»	423
*Варианты к статье «Одумайтесь!»	426
*Варианты к статье «Об общественном движении в России»	436
*Варианты к статье «Единое на потребу»	440
*Варианты к статье «Великий грех»	464
*Варианты к статье «Конец века»	476
*Варианты к статье «Едиственное возможное разрешение земельного вопроса»	492
*Варианты к статье «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу»	495
*Варианты к статье «О значении русской революции»	509
*Варианты к статье «Что же делать?»	539
*Варианты к статье «Три неправды»	547
*Вариант первой главы статьи «Зеленая палочка»	549

КОММЕНТАРИИ.

Н. К. Гудзий

«Фальшивый купон»	557
«Алеша Горшок»	582
«Посмертные записки старца Федора Кузмича»	584
«Что я видел во сне»	590
«Отец Василий»	594
Предисловие к английской биографии Гаррисона, составленной В. Г. Чертковым и Ф. Хола	599
«Одумайтесь!»	604
Предисловие к статье В. Г. Черткова «О революции»	622
«Об общественном движении в России»	629
«Единое на потребу»	637
«Великий грех»	656
«Конец века»	666
Заметка к воззванию И. М. Трегубова	684
«Едиственное возможное решение земельного вопроса»	687
«Письмо к китайцу»	693
Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа «Общественные задачи»	698
«Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу»	700
«О значении русской революции»	715
«Что же делать?»	723
«Как и зачем жить?»	732
«Три неправды»	734
«Зеленая палочка»	737
Указатель собственных имен	742

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Фототипия портрета Толстого 1905 г. — между XII и 1 стр. стр.
 Автотипия с автографа начала «Фальшивого купона» — между 16 и 17 стр. стр.
 Автотипия с автографа первой страницы рассказа «Алеша горшок» — между 54 и 55 стр. стр.
 Автотипия с начала автографа «Что я видел во сне» — между 74 и 75 стр. стр.
 Автотипия с автографа черновой рукописи (№ 8) статьи «О значении русской революции» — между 532 и 533 стр. стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г. и 8 августа 1934 г.

Отпечатана в типографии им.
Володарского, Ленинград, Фонтанка,
57. Гослитиздат № 996.
Т. 58. Тир. 10 000. Уполномоч.
Главлита № Б-11662. Формат
бумаги 68×100_{1/2}. 49 печ. л.
Сдано в набор 31 X 1935 г. Под-
писано в печать 13/XII 1936 г.
Зак. № 3120.
Корректор М. А. Перфильева.

★

Техническая редакция
Н. И. Гарвея.